

ЗАДАЧИ РУССКОЙ АРМІИ.

Томъ I-й.

Задачи арміи по объединенію русскаго племени и выходу
къ морямъ: Каспійскому, Балтійскому и Черному.

А. Н. Куропаткина.

Складъ В. А. Березовскаго,
КОМИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.

1910.

РОССІЯ для РУССКИХЪ

ЗАДАЧИ РУССКОЙ АРМІИ.

Томъ I-й.

Задачи арміи по объединенію русскаго племени и выходу
къ морямъ: Каспійскому, Балтійскому и Черному.

А. Н. Куропаткина.

Складъ В. А. Березовскаго,
КОМИССІОНЕРА ВОЕННО УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.

1910.

Типографія В. Безобразовъ и Ко. В. О., Большой пр., 61.

Оглавление перваго тома.

ГЛАВА I.

Кіевскій періодъ.

Первые обитатели Европейской Россіи.—Скифы.—Финны.—Литва.—Славяне.—Раздѣленіе славянъ на племена.—Быть славянь.—Славяне, какъ воины.—Нашествіе гупповъ.—Призваніе варяжскихъ князей.—Олеги.—Свято-славъ и его дружина.—Походы въ Болгарію.—Владиміръ.—Особенность его дѣятельности.—Задачи, которыя ставились русскому воинству въ первый періодъ нашей исторіи до XI столѣтія

СТРАН.

1

ГЛАВА II.

Удѣльный періодъ.

Завѣщаніе Ярослава I.—Борьба за удѣлы.—Перенесеніе старшаго княжескаго стола во Владиміръ.—Исканіе столицы для русской земли.—Ослабленіе Руси въ удѣльный періодъ.—Основаіе Нижняго-Новгорода.—Нашествіе монголовъ въ 1220 году.—Битва на р. Калкѣ.—Монгольское иго.—Александръ Невскій.—Его побѣды надъ шведами и ливонцами.—Возвышеніе Литвы.—Расширеніе ея предѣловъ на востокъ и юго-востокъ за счетъ русскихъ удѣловъ.—Борьба Литвы съ Тевтонскимъ Орденомъ.—Возвышеніе Москвы.—Иванъ Калита.—Собираніе Руси.—Дмитрій Дюпеккой.—Борьба съ татарами.—Пораженіе на р. Пьяной.—Побѣда на Куликовомъ полѣ.—Результаты этой побѣды.—Новое нашествіе татаръ и взятіе ими Москвы.—Образованіе царства Казанскаго.—Задачи, которыя ставились русскому воинству въ XI—XIV столѣтіяхъ

34

ГЛАВА III.

Московская Русь.

Возвышеніе власти московскаго князя.—Задачи, поставленныя русскому воинству въ XV и XVI столѣтіяхъ.—Важность для московской Руси выходовъ къ морямъ: Каспійскому, Балтійскому и Черному.—Русскія вооруженныя силы въ XV и XVI столѣтіяхъ.—Причины, по которымъ московскіе государи съ недостаточными военными силами достигали большихъ результатовъ.—Задачи, поставленныя русскому воинству въ XVII столѣтіи

СТРАН.

68

ГЛАВА IV.

Выполнение русской арміею задачи по выходу къ Каспійскому морю.

СТРАН.

Окончательное освобождение отъ татарскаго ига.—Краткій очеркъ дѣйствій по завоеванію царствъ Казанскаго и Астраханскаго: походы на Казань великихъ князей Ивана III и Василия III; походы на Казань царя Ивана IV, взятіе Казани; покореніе Астраханскаго царства. — Покореніе Сибири.—Смутное время.—Заключеніе объ использованіи русскими племенемъ достигнутаго пмъ выхода къ Каспійскому морю 110

ГЛАВА V.

Задача русской арміи по выходу къ Балтійскому морю и объединенію русскаго племени.

А. Борьба съ Литвою и Польшею.

Краткія свѣдѣнія о литовскомъ государствѣ съ XIII до половины XVII столѣтія.—Борьба съ Литвою съ XII и до середины XV вѣка (оборона).— Войны съ Литвою великаго князя Ивана III.—Задачи, поставленныя Ивановъ III русской вооруженной силѣ въ XVI столѣтіи (переходъ въ наступленіе).—Побѣда подъ Дорогобужемъ.—Перемиріе 1503 года.—Войны съ Литвою въ княженіе Василия III.—Взятіе Смоленска.—Пораженіе на р. Дви́нрѣ.—Войны съ Литвою и Польшею царя Ивана IV Грознаго.—Взятіе Полоцка.—Дѣйствія Стефана Баторія противъ Полоцка и Пскова.—Геройская оборона Пскова и оборона Смоленска въ смутное время.—Пораженіе при д. Клушино.—Войны съ Литвою и Польшею царя Михаила Ѳеодоровича.—Штурмъ Москвы польскими войсками.—Деулинское перемиріе.—Осада Смоленска.—Пораженіе войскъ Шейна.—Войны съ Литвою и Польшею царя Алексея Михайловича.—Взятіе Смоленска.—Занятіе Вильны, Ковны и Гродны.—Потеря Вильны.—Геройская оборона кн. Мышецкимъ цитадели г. Вильны.—Пораженіе русскихъ войскъ у оз. Глубокаго.—Андрусовское перемиріе 1667 года 151

ГЛАВА VI.

Задача русской арміи по выходу къ Балтійскому морю (продолженіе).

Б. Борьба съ Ливоніею.

Превосходство ливонскихъ (нѣмецкихъ) войскъ надъ русскими.—Общій характеръ военныхъ дѣйствій московскихъ войскъ—набѣги, но не завоеванія.—Военныя дѣйствія въ княженіе Ивана III.—Ничтожность достигнутыхъ результатовъ.—Военныя дѣйствія въ Ливоніи при Иванѣ IV.—Взятіе Нарвы и Дерпта.—Распаденіе Ливоніи. 205

В. Борьба со Швеціею.

Краткія свѣдѣнія о шведскихъ войскахъ.—Война со Швеціею при царѣ Иванѣ IV.—Все побережье Финскаго залива, составляющее цѣль нашихъ дѣйствій, остается за Швеціею.—Война со Швеціею при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.—Планы шведовъ при Густавѣ-Адольфѣ.—Неудачная осада Густавомъ-Адольфомъ Пекова.—Оступленіе Густава-Адольфа и заключеніе имъ выгоднаго мира въ Столбовѣ въ 1617 году.—Война со Швеціею при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.—Неудачи подъ Ригю.—Миръ 1658 года.—Россія отодвинута отъ Финскаго залива и Балтійскаго побережья . . .

214

ГЛАВА VII.

Задача русской арміи по выходу къ Черному морю и объединенію русскаго племени.

Попытка выйти къ Черному морю при царѣ Иванѣ IV.—Войны съ Польшею изъ-за Малороссіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.—Побѣда подъ Кіевомъ.—Дѣйствія войскъ подъ начальствомъ князя Трубецкаго.—Осада Конотопа.—Пораженіе русской конницы.—Отступленіе отъ Конотопа.—Война съ Польшею при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.—Три похода подъ Чигиринъ.—Дѣйствія противъ турокъ и крымцевъ.—Первая побѣда русскихъ надъ турками подъ Чигиринномъ.—Отступленіе отъ Чигирина.—Пораженіе русскихъ войскъ у Кодня.—Бахчисарайскій договоръ съ Турціею въ 1681 году.—Два похода русскихъ войскъ въ Крымъ подъ начальствомъ князя Голлицына въ правленіе царевны Софіи.—Неудача этихъ походовъ . . .

226

ГЛАВА VIII.

Положеніе Россіи въ концѣ XVII столѣтія.

Состояніе вооруженныхъ силъ Россіи въ XVII столѣтіи; ихъ отсталость и неготовность; мѣры къ улучшенію: стрѣльцы, пноземные отряды, полки иноземнаго строя.—Иноземное вліяніе въ Московской Руси въ XVII столѣтіи.—Мысли серба Крижанчича о значеніи этого вліянія.—Задачи русскаго воинства, перешедшія на XVIII столѣтіе . . .

246

ГЛАВА IX.

Внутреннее состояніе въ царствованіе Россіи Петра Великаго.

Перечень главнѣйшихъ реформъ Петра Великаго и отношеніе къ нимъ населенія.—Оппозиція реформамъ Петра Великаго.—Причины недовольства реформамъ различныхъ сословій.—Бунты . . .

271

Г Л А В А X.

Задача русской армии по выходу къ Балтійскому морю (продолженіе).

СТРАН.

Петръ Великій.—Сформированіе постоянной арміи.—*Война со Швеціею съ 1700 по 1721 годъ.*—Состояніе шведской арміи.—Общее политическое положеніе въ Европѣ.—Военныя дѣйствія въ 1700 году: пораженіе подъ Нарвою.—Военныя дѣйствія въ 1701—1703 годахъ: первый побѣды русскихъ войскъ у Эрестфера и Гуммельсгофа; завоеваніе Ингерманландіи; взятіе штурмомъ Шлиссельбурга; выходъ къ морю у устья Невы; заложеніе Петербурга.—Военныя дѣйствія въ 1704 году: овладѣніе Дерптомъ и Нарвою.—Военныя дѣйствія въ 1705—1707 годахъ: блокада русской арміи въ Гроднѣ; отступленіе ея на Волинь.—Военныя дѣйствія въ 1708 году: пораженіе русскихъ войскъ у с. Головчино; побѣда при д. Лѣсной.—Военныя дѣйствія въ 1709 году: Полтавское сраженіе и уничтоженіе шведской арміи.—Военныя дѣйствія съ 1710 по 1721 годъ: а) въ Лифляндіи—осада и взятіе Риги, взятіе Динамунде и Ревеля; б) въ Финляндіи—осада и взятіе Выборга, взятіе Кекегольма, занятіе столицы Або, побѣда при Таммерфорсѣ, разбитіе шведскаго флота у м. Гангута.—Мирныя переговоры и заключеніе Ништадтскаго мира 1721 года.—Значеніе Сѣверной войны

305

Г Л А В А XI.

Задача русской армии по выходу къ Балтійскому морю при преемникахъ Петра Великаго.

Война со Швеціею въ 1741—1743 годахъ.—Миръ въ Або.—Война со Швеціею въ 1788—1790 годахъ.—Морская побѣда въ Выборгскомъ заливѣ.—Пораженіе нашего флота въ Роченсальмскомъ заливѣ.—Верецкій миръ.—Война со Швеціею въ 1808—1809 годахъ.—Дѣйствія въ 1808 году: быстрое занятіе русскими войсками Финляндіи; переходъ шведовъ въ наступленіе; народная война; отступленіе передовыхъ русскихъ войскъ; сдача русскимъ войскамъ Свеаборга.—Дѣйствія въ 1809 году: рѣшительный переходъ русскихъ войскъ въ наступленіе; занятіе всей Финляндіи; походъ въ Швецію по льду и въ обходъ Ботническаго залива; занятіе Аландскихъ острововъ; бой на шведской территоріи; Фридрихсгамскій договоръ и четвертый пунктъ его.—Справка о присоединеніи къ Россіи Курляндіи.—Заключеніе объ использованіи русскимъ племенемъ достигнутаго имъ выхода къ Балтійскому морю

369

Г Л А В А XII.

Задача русской армии по выходу къ Черному морю (продолженіе).

Первый Азовскій походъ 1695 года.—Два неудачныхъ штурма Азова.—Второй Азовскій походъ 1696 года.—Взятіе кр. Азова.—Основаніе Таганрога.—Заключеніе мира съ турками.—Прутскій походъ 1711 года. Сосредо-

точеніе арміи на Дністръ и движеніе на Яссы.—Неоправдавшіяся надежды на возстаніе христіанскихъ народностей Турціи.—Движеніе арміи внизъ по р. Прутъ.—Бой авангарда 7 іюля и отступленіе арміи Петра I къ урочищу Станелпце.—Атака турками русскихъ войскъ 9 іюля.—Взятіе отрядомъ Ренне Браглова.—Открытіе переговоровъ.—Мирный договоръ 12 іюля.—Отходъ нашей арміи въ русскіе предѣлы.—Причины неудачи Прутскаго похода . . . 402

Г Л А В А XIII.

Задача русской арміи по выходу къ Черному морю (продолженіе).

I. Характеристика общаго состоянія Россіи и русской арміи въ царствованіи Екатерины I, Петра II и Анны Іоанновны.—II. Война съ турками и татарами въ 1735—1739 годахъ: 1) Кампанія 1735—1736 г.г.—Взятіе Азова.—Неудачный походъ въ Крымъ. 2) Кампанія 1737 года.—Взятіе Очакова.—Неудачный походъ въ Крымъ. 3) Походъ въ Крымъ въ 1738 году. 4) Кампанія 1739 года.—Побѣда при Ставучанахъ.—Бѣлградскій миръ.—Заключеніе . . . 431

Г Л А В А XIV.

Задача русской арміи по выходу къ Черному морю (окончаніе).

Войны съ Турціею при Екатеринѣ II Великой.—Русско-турецкая война 1769—1774 годовъ.—Численность русской и турецкой арміи.—Планъ дѣйствій.—Побѣды Румянцова при Ларгѣ и Кагулѣ.—Дѣйствія флота.—Завоеваніе Крыма.—Побѣды Суворова.—Побѣда Вейсмана при с. Кучукъ-Кайнарджіи.—Планъ Панина относительно Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи.—Побѣда Суворова при с. Козлуджѣ.—Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.—Присоединеніе къ Россіи Крыма.—Русско-турецкая война 1787—1791 годовъ.—Дѣятельность нашихъ дипломатическихъ представителей въ княжествахъ; вмѣшательство ихъ во внутреннія дѣла княжествъ.—Неудачное движеніе нашего флота къ Варнѣ.—Побѣда Суворова подъ Клибурномъ.—Взятіе Потемкинымъ Очакова.—Кампанія 1789 года.—Побѣды русско-австрійскихъ войскъ подъ Фокшанами и на р. Рымникъ.—Штурмъ Суворовымъ Измаила.—Ясскій миръ.—Выводы изъ войнъ съ Турціею въ вѣкъ Екатерины II.—Оцѣнка русской арміи историками и современниками.—Недочеты нашей арміи.—Причины побѣдъ.—Самостоятельность и инициатива частныхъ начальниковъ.—Заключеніе объ использовании русскимъ племенемъ достигнутаго имъ выхода къ Черному морю . . . 447

Г Л А В А XV.

Внѣшняя политика Екатерины II.

Отношенія различныхъ европейскихъ державъ къ Россіи и Турціи во второй половинѣ XVIII столѣтія.—Посредничество въ 1772 году Пруссіи при заключеніи мира между Россіею и Турціею.—Связь перваго раздѣла Польши съ условіями Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.—Роль Австрій и ея интересы на Балканскомъ полуостровѣ.—Выводы . . . 494

ГЛАВА XVI.

Окончательное объединение русского племени.

СТРАН.

I. Краткій очеркъ выполненія задачъ объединенія русскаго племени въ XV—XVII столѣтияхъ.—Раздѣленіе въ XIV и XV столѣтияхъ русскаго племени между московскимъ и польско-литовскимъ государствами.—Задачи московскихъ великихъ князей и первыхъ царей по объединенію русскаго племени.—Достигнутые въ XVI и XVII столѣтияхъ результаты.—Новые противники московской Руси—шведы и турки.—II. Приостановка задачи по объединенію русскаго племени въ XVIII столѣтіи.—Новые противники московской Руси—шведы и турки.—Внутреннее состояніе Россіи къ началу царствованія Екатерины II; недостаточность мѣръ къ его улучшенію.—III. Завершеніе задачи по объединенію русскаго племени въ царствованіе Екатерины II.—Состояніе Польши въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Тяжелое положеніе въ Польшѣ православнаго населенія и выступленіе Россіи на защиту его. Избраніе въ польскіе короли Станислава Понятовскаго. Борьба за возвращеніе правъ православнымъ (диссидентамъ) въ Польшѣ. Барская конфедерація. Гайдамацкій бунтъ. Дѣйствія нашихъ войскъ противъ конфедератовъ въ 1771—1772 г.—Побѣды Суворова. Первый раздѣлъ Польши. Мѣры Екатерины II по устройству мѣстностей, перешедшихъ къ Россіи по первому раздѣлу Польши. Волненія въ Польшѣ.—Дѣйствія русскихъ войскъ въ 1792 г. Второй раздѣлъ Польши. Возстаніе въ Польшѣ и Литвѣ. Дѣйствія нашихъ войскъ въ 1794 г.—Побѣды Суворова и Ферзена. — Штурмъ Праги. Третій раздѣлъ Польши.—IV. Современный составъ населенія въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Россіи по тремъ раздѣламъ Польши 522

Картографическія приложенія къ I тому.

- Схема № 1. Главныхъ направленій вои́нъ Россіи отъ основанія ея до XIII столѣтія (Къ I главѣ).
- Схема № 2. Наступленія Дмитрія Донскаго въ 1380 г. (Къ II главѣ).
- Схема № 3. Къ Куликовской битвѣ, 8 сент. 1380 г. (Къ II главѣ).
- Схема № 4. Дѣйствій Ивана III въ 1480 г. (Къ IV главѣ).
- Схема № 5. Наступленія Ивана IV къ Казани въ 1552 г. (Къ IV главѣ).
- Схема № 6. Наступленія царя Алексѣя Михайловича въ Польскую войну 1642 г. (Къ главѣ V).
- Схема № 7. Походовъ Кн. Голицына въ 1687 и 1689 г.г. (Къ главѣ VII).
- Карт. прил. № 8. Карта владѣній Россіи съ границами 1700, 1800 и 1900 годовъ. (Къ главѣ IX).
- Карт. прил. № 9. Общая карта театра сѣверной войны. (Къ главѣ X).
- Картог. прил. № 10. Планъ сраженія при Полтавѣ. (Къ главѣ X).
- Схема № 11. Война съ Швеціей 1741—43 и 1788—90 г.г. (Къ главѣ XI).
- Схема № 12. Сраженія на р. Прутѣ 1711 г. (Къ главѣ XII).
- Схема № 13. Карта театра войны въ 1769—91 годахъ. (Къ главѣ XIV).
- Схема № 14. Походъ въ Польшу въ 1792 г. (Къ главѣ XVI).
- Схема № 15. Къ штурму Праги, 24 октября 1794 г. (Къ главѣ XVI).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Представляемый вниманию читателей труд мой: „Задачи русской армии“ состоитъ изъ трехъ томовъ.

Въ первомъ томѣ изложены задачи русской армии въ XV—XVIII столѣтіяхъ, выполненныя ею въ цѣляхъ объединенія русскаго племени и расширенія предѣловъ Россіи до естественныхъ рубежей: морей Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго; океановъ: Ледовитаго и Восточнаго.

Во второмъ томѣ изложено выполненіе нашею арміею задачъ, не связанныхъ съ русскою національною политикою. Сюда вошли главнымъ образомъ войны въ началѣ XIX столѣтія съ Наполеономъ I и войны освободительнаго характера на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ третьемъ томѣ ¹⁾ сдѣланъ очеркъ положенія Россіи къ концу XIX вѣка и намѣчены главныя задачи Россіи и русской армии, перешедшія на XX вѣкъ.

Историческій путь, проходимый каждымъ великимъ народомъ, неразрывно связанъ съ дѣятельностью вооруженной силы этого народа, съ дѣятельностью его арміи.

Въ первомъ томѣ изложено, какія потребовались отъ русскаго народа усилія, чтобы выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ татарами, литовцами, поляками, ливонцами, шведами, турками и создать могущественное русское государство.

Природныя силы и способности русскаго племени велики, но и онѣ могли оказаться недостаточными, особенно въ борьбѣ съ болѣе культурными сосѣдями, если бы на Руси

¹⁾ Который скоро будетъ законченъ печатаніемъ.

не создалась сильная самодержавная власть, объединившая усилия цѣлаго народа къ достиженію ясно поставленныхъ и важныхъ національныхъ цѣлей.

Основными двигателями къ подвигу при всѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ русскому народу приходилось жить и дѣйствовать, были во всѣ вѣка: глубокая вѣра, преданность Царю и любовь къ родинѣ.

Во второмъ томѣ изложено, подъ какими вліяніями слѣдованіе русской національной политикѣ было, въ началѣ XIX вѣка, приостановлено и главное вниманіе правительственной власти Россіи обращено на устройство европейскихъ дѣлъ, въ томъ числѣ на созданіе на Балканскомъ полуостровѣ независимыхъ государствъ.

Огромныя усилія и жертвы, которыя пришлось принести русскому племени для устройства этихъ европейскихъ дѣлъ, пошли въ ущербъ русскому племени и способствовали отсталости Россіи въ матеріальномъ и духовномъ отношеніяхъ отъ европейскихъ государствъ.

Западныя вліянія съ особою силою проявились въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. Русскіе западники, убѣжденные въ полезности скорѣйшей европеизации Россіи, проникнувъ въ высшій правительственный слой, вмѣстѣ съ инородцами и иноземцами ослабили къ концу XIX вѣка русское національное самосознаніе и въ то же время, примѣняя къ Россіи западную школу и западныя экономическія системы, привели русское племя не къ усиленію, а къ ослабленію, какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ.

Проникшія въ Россію, тоже съ запада, различныя ученія отрицательнаго характера въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ прошлаго столѣтія подкапывались подъ тѣ устои, на которыхъ создавалась русская земля: православную вѣру, преданность Царю и любовь къ родинѣ.

Пользуясь временнымъ ослабленіемъ русскаго племени, инородцы и иноземцы перешли въ XIX вѣкѣ въ наступленіе на русское племя и нынѣ тѣснятъ его во всѣхъ видахъ дѣятельности. Богатства Россіи уходятъ изъ русскихъ рукъ.

Въ третьемъ томѣ моего труда, носящемъ заглавіе „Задачи Россіи и русской арміи въ XX столѣтіи“, сдѣланъ очеркъ: внутренняго, внѣшняго и военнаго положенія Россіи въ концѣ XIX вѣка и высказанъ взглядъ на тѣ задачи, которыя на Россію могутъ выпасть въ XX столѣтіи. Для того, чтобы эти задачи оказались выполнимыми, признается необходимымъ возвращеніе къ русской національной политикѣ. Въ послѣднихъ главахъ третьяго тома изложены тѣ ближайшія задачи XX столѣтія, выполненіе которыхъ должно усилить внутреннее, внѣшнее и военное положеніе Россіи.

Особенное вниманіе обращено на тѣ мѣры, *которыя должны усилить русское племя. Успѣхъ этихъ мѣръ тѣсно связанъ съ неуклоннымъ слѣдованіемъ по пути, указанному державною волею Императора Александра III: Россія должна принадлежать русскимъ.* Основной девизъ „Россія для русскихъ“ помѣщенъ и въ заголовкѣ cadaго изъ томовъ моего труда.

Начавшійся нынѣ въ Россіи подъемъ національнаго чувства указываетъ на необходимость предоставить въ распоряженіе читающей русской публики всѣ данныя, которыя могли бы развить и закрѣпить русское національное самосознаніе и сдѣлать его болѣе плодотворнымъ въ разныхъ видахъ дѣятельности. Желая скорѣе удовлетворить этой потребности, я спѣшилъ изданіемъ настоящаго труда, сознавая неизбежность при этомъ многихъ его недостатковъ. Но я утѣшаю себя мыслью, что вслѣдъ за этимъ трудомъ, подъ тѣмъ же общимъ заголовкомъ „Россія для русскихъ“, появятся труды другихъ авторовъ: задачи русскаго флота, задачи русской школы, задачи русскаго земледѣлія, задачи русской обрабатывающей промышленности, задачи русской торговли, задачи русской дипломатіи и т. д.

Эти труды помогутъ русскимъ людямъ разобраться въ сложныхъ явленіяхъ современной жизни, спутавшихъ простой укладъ жизни еще недавняго прошлаго, и сознательнѣе послужить на укрѣпленіе во всѣхъ отношеніяхъ „Россіи для русскихъ“.

Авторъ.

Г Л А В А I.

Кіевскій періодъ.

Первые обитатели Европейской Россіи. Скифы. Финны. Лптва. Славяне. Раздѣленіе славянъ на племена. Бытъ славянъ. Славяне, какъ воины. Нашествіе гунновъ. Призваніе варяжскихъ князей. Олегъ. Святославъ и его дружина. Походы въ Болгарію. Владиміръ. Особенность его дѣятельности. Задачи, которыя ставились русскому воинству въ первый періодъ нашей исторіи до одиннадцатаго столѣтія. (*Схема № 1*).

Восточная часть Европейскаго материка, носящая нынѣ названіе Европейской Россіи, представляетъ въ общемъ равнинный характеръ и не имѣетъ на всемъ протяженіи отъ нашей западной границы до Уральскаго хребта, на протяженіи отъ востока къ западу двухъ тысячъ верстъ и отъ сѣвера къ югу тоже двухъ тысячъ верстъ, сколько-нибудь значительныхъ горныхъ возвышенностей. На юго-востокѣ эта огромная площадь съ незапамятныхъ временъ носила степной, открытый характеръ. На сѣверѣ и сѣверо-западѣ огромные лѣса, болота и озера дѣлали мѣстность пересѣченной, закрытой. Мощныя рѣчныя системы прорѣзываютъ весь материкъ Европейской Россіи и несутъ воды къ морямъ: Бѣлому, Балтійскому, Черному и Каспійскому. Эти рѣки долгое время опредѣляли и главные пути сообщенія, а съ появленіемъ осѣдлаго населенія долины рѣкъ опредѣляли и первые районы поселеній. На юго-востокѣ между южною частью Уральскаго хребта и Каспійскимъ моремъ образуются широкія ворота, шириною въ 300 верстъ, черезъ которыя степи юго-восточной Россіи соединяются съ необозримыми степями Азіатскаго материка. Черезъ эти ворота до 15 столѣтія нашего лѣтосчисленія разнообразныя орды азіатовъ вторгались въ Европу, осѣдали въ Европейской Россіи, а частью проходили далѣе почти по всему европейскому материку. Неизвѣстно, когда осѣли въ сѣверной части Европейской Россіи народы финскаго племени. Но позднѣйшія нашествія азіатскихъ ордъ держались при своемъ движеніи съ востока къ западу болѣе южной части Европейской Россіи, какъ болѣе открытой и болѣе способной питать многочисленныя табуны лошадей, слѣдовавшихъ съ ордами.

Геродотъ, жившій въ V вѣкѣ до Р. Х., посѣтилъ греческія колоніи въ устьяхъ Днѣпра и Буга и составилъ подробное описаніе Южной Россіи. Онъ первый опредѣлилъ важное значеніе рѣкъ русской равнины, господство кочевниковъ надъ осѣдлымъ населеніемъ и смѣну однихъ кочевниковъ другими.

О первыхъ событіяхъ въ Европейской Россіи въ Исторіи Россіи Соловьева ¹⁾ имѣются, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія. Ионическія колоніи грековъ возникли на берегу Чернаго моря еще за 750 лѣтъ до Р. Х. По Геродоту, греки, селясь на берегахъ Чернаго моря, уже нашли въ южной части Россіи скифовъ. Этотъ народъ считалъ себя аборигенами страны. Большинство скифовъ были кочевники, по наружности они представлялись бѣлокожими, краснолицыми, голубоглазыми, съ рыжими волосами. Скифы были похожи другъ на друга, толсты, мясисты. По характеру они были страстны, вспыльчивы, лѣнны. При перекочевкахъ употреблялись повозки, запряженные волами. Мужчины ѣхали верхомъ. Пища—лошадиное молоко и мясо. Скифы были склонны къ пьянству. На войнѣ отличались храбростью и жестокостью. Сражались конные и пѣшіе. Скифскіе стрѣлки славились въ древности. Стрѣлы намазывались ядомъ. Война считалась почетнѣйшимъ занятіемъ. Купцовъ уважали меньше, чѣмъ воиновъ и земледѣльцевъ ²⁾.

Земледѣліемъ занимались скифы, жившіе по нижнему Днѣпру; кочевники-скифы занимали всю площадь къ западу до Днѣпра; къ востоку до р. Дона. За Дономъ жили кочевники еще болѣе свирѣпые, чѣмъ скифы.

Были между скифами и люди царскаго происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ ѣздили въ Грецію учиться, строили въ греческихъ колоніяхъ на берегу Чернаго моря великолѣпные мраморные дворцы, были прельщены греческою культурою и красотой греческихъ женщинъ, но гибли отъ рукъ своихъ единовѣрцевъ, какъ отступники отъ отеческаго обычая.

Городовъ скифы не строили. Въ высокой степени интересны преданія о борьбѣ скифовъ противъ полчищъ Дарія Гистаспа за 513 лѣтъ до Р. Х. Скифы не сопротивлялись персидскимъ полчищамъ, но удалялись вглубь страны, засыпая на пути колодцы, источники и истребляя всѣ продовольственныя средства.

Утомленный безплодною погоней за ними, Дарій Гистаспъ не достигъ цѣли и отступилъ. Черезъ 2300 лѣтъ въ 1812 году мы дѣйствовали по тому же плану противъ полчищъ Наполеона.

Господство скифовъ было смѣнено господствомъ сарматовъ. Никакихъ памятниковъ, кромѣ могилъ, скифы не оставили.

¹⁾ Соловьевъ, гл. 2, т. 1-й.

²⁾ Имѣетъ ся указаніе, что скифы отличались простотою нравовъ и честностью. Кн. Голицынъ. Русская военная исторія, ч. I, стр. 8.

Также безслѣдно прошло и господство сарматовъ. Сарматы были высокорослы, крѣпки и сильны тѣломъ; красивы, съ бѣлокурыми волосами, голубыми глазами.

Не задолго до Р. X. въ Европейской Россіи являются Аланы ¹⁾, пришедшіе, какъ предполагаютъ, изъ странъ прикавказскихъ. Часть ихъ дошла до Испаніи и даже передвинулась въ Африку, но большая часть осѣла въ южныхъ степяхъ Россіи, гдѣ и оставалась до конца четвертаго вѣка, когда Аланы были побѣждены гуннами и смѣшались съ ними.

Кто обиталъ въ древности въ сѣверныхъ и центральныхъ частяхъ Россіи, имѣются только легендарнаго характера преданія, по которымъ къ сѣверу отъ скифовъ жили исседоны, далѣе къ сѣверу ариманы, одноглазые люди, далѣе за ними жили блаженные гипперборей. Есть преданіе, что эти блаженные гипперборей принадлежали къ финскому племени.

Такимъ образомъ на югѣ Россіи главными обитателями съ древнихъ временъ считаются скифы, затѣмъ сарматы и аланы и, наконецъ, гунны.—Всѣ они, тѣсня другъ друга, оставляли всю занятую ими страну въ пустынномъ видѣ. По словамъ историка Соловьева, только, когда началось противоположное движеніе народовъ съ запада на востокъ, то явились и племена, которыя прочно осѣли и создали Россію. Это и было движеніе славянскихъ племенъ.

По мнѣнію другихъ изслѣдователей, сарматы, венды и большая часть народовъ, обитавшихъ въ западной, средней и южной части восточной Европы въ теченіе первыхъ пяти вѣковъ по Р. X., получили позднѣе наименованіе Славянъ ²⁾. Относительно дальнѣйшей судьбы аборигеновъ Европейской Россіи существуетъ предположеніе, что сарматы, жившіе на р. Донѣ, соединившись съ гуннами образовали могущественную державу Хозарскую или Козарскую ³⁾.

На сѣверѣ Европейской Россіи, ранѣе прихода туда славянскихъ народовъ, уже обитало финское племя. Въ нашихъ лѣтописяхъ упоминаются слѣдующіе финскіе народы: чудь, мерь, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора. Еще сѣвернѣе финновъ обитали ихъ соплеменники лапландцы. Всѣ финскіе народы составляли одно племя. Славяне называли ихъ чудь; нѣмцы—финнами, что означаетъ жителей болотной, влажной низменности. Народное названіе финскихъ племенъ—суомалайнъ.

Финны имѣли распространеніе до р. Москвы, до нынѣшней Пензенской губерніи, а на востокъ—до Уральскаго хребта.

Рѣдкое финское населеніе, жившее на огромныхъ простран-

1) Нѣкоторые писатели считаютъ алановъ родственными сарматамъ. В. Ключевскій. „Лекціи по русской исторіи“ (какъ рукопись), ч. I, стр. 9.

2) Кн. Голяцынъ. Русская военная исторія, ч. I, стр. 4.

3) Тамъ-же, стр. 13.

ствахъ, бѣдное, не воинственное,—мало сопротивлялось поселенію въ занятыхъ имъ районахъ другихъ племенъ. Лѣтописцы рисуютъ быть финскихъ племенъ ко времени прихода славянъ въ Европейскую Россію въ жалкомъ видѣ. Физически и духовно они были слабы, забиты. Ихъ опорой въ жизни служила малая чувствительность къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. „Безопасные отъ людей, безопасные отъ боговъ, они достигли самаго труднаго отсутствія желаній“¹⁾. Характеръ финновъ угрюмый, не общительный. Пѣсни и пляски у нѣкоторыхъ финскихъ народовъ были почти неизвѣстны.

Иначе наши лѣтописцы характеризуютъ представителей литовскаго племени. Прежде всего отмѣчается, что литовское племя обитало съ незапамятныхъ временъ въ занятыхъ имъ районахъ, не передвигаясь то къ западу, то къ востоку, какъ то происходило съ племенами германскимъ и славянскимъ. Это объясняется тѣмъ, что литовское племя обитало въ странѣ мало доступной и бѣдной, мало привлекательной для другихъ народовъ. Къ литовскому племени принадлежали древніе пруссы, голяды, судены, корсь и нынѣшніе литовцы и латыши²⁾.

Живя въ уединеніи, литовцы развили свою религіозную систему и строго подчинили ей свой бытъ. Жили осѣдло. Управлялись князьями. вмѣстѣ съ князьями у нихъ имѣли огромное вліяніе верховные жрецы, которые вѣдали не только религіозными, но и судебными дѣлами. Приверженность къ религіи не смягчала однако жестокихъ нравовъ населенія. Такъ, религія освящала обычай, дававший право отцамъ убивать своихъ больныхъ и увѣчныхъ дѣтей, а дѣтямъ — убивать своихъ престарѣлыхъ или больныхъ родителей. Верховные жрецы большей частью кончали свою жизнь добровольнымъ сожженіемъ себя. Во время общественныхъ бѣдствій литовскіе князья приносились въ жертву для умилостивленія боговъ. Положеніе женщинъ у литовскаго племени было тяжелое, униженное. Судя по дальнѣйшимъ сказаніямъ, литовское племя отличалось, при крайне суровыхъ нравахъ, мужественностью.

Весьма интересно мнѣніе историка Соловьева,³⁾ что славяне и литовцы изъ всѣхъ индо-европейскихъ племенъ наиболѣе близки другъ къ другу и что обычай литовцевъ сходны были съ обычаями племенъ славянскаго и германскаго, но болѣе проникнуты религіозными началами. Нѣкоторые изслѣдователи признаютъ литовское племя даже родственнымъ славянскому.

Наконецъ, съ появленіемъ славянскаго племени въ Европейской Россіи оно столкнулось съ загадочнымъ по нашимъ лѣтописямъ народомъ ятвягами, жившимъ между прочимъ въ Подлѣсьи

1) Соловьевъ. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Т. I стр. 86.

2) Тамъ же, стр. 87.

3) Соловьевъ, т. I, стр. 87.

и между рѣками Наревомъ и Бугомъ. Одни писатели относятъ ятвяговъ по происхожденію къ литовскому племени, другіе считаютъ ихъ потомками сарматовъ. Въ исторіи народъ этотъ упоминается какъ дикій, разбойничій, долгое время сохранявшій язычество. Вѣря въ переселеніе душъ, ятвяги въ битвахъ не обращались въ бѣгство и не давались въ плѣнь, но погибали вмѣстѣ съ женами.

Сколько-нибудь точныхъ указаній, когда явились изъ Азіи въ Среднюю Европу племена, получившія общее наименованіе славянскихъ, не имѣется. Извѣстно только, что эти племена расселились главною массою по среднему Дунаю, къ югу и сѣверу отъ него, въ земляхъ Болгарскихъ и Венгерскихъ ¹⁾.

Совершавшееся огромное переселеніе народовъ изъ Азіи въ Европу было подобно волнамъ океана во время прилива. Вслѣдъ за одною волною набѣгала другая, продвигавшаяся далѣе первыхъ.

Но въ этомъ движеніи были и періоды, знаменующіе грандіозное явленіе отлива. Такъ и народности, далеко вдвинутыя приливною волною къ западу, во многихъ случаяхъ черезъ нѣкоторое время уходили обратно къ востоку. Такое обратное движеніе выпало и на долю первыхъ славянскихъ племенъ. Сильныхъ враговъ у славянъ и въ первый періодъ ихъ жизни было много: съ запада кельты, съ сѣвера германцы, съ юга римляне, съ востока азіатскія орды.

Наиболѣе безопаснымъ осталось направленіе на сѣверо-востокъ, куда и двинулась часть славянскихъ племенъ.

По сказаніямъ русскаго лѣтописца:

„Спустя много времени послѣ Вавилонскаго столпотворенія сѣли Славяне по Дунаю, гдѣ теперь „Земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись по землѣ племена и прозвались своими именами, гдѣ которое сѣло, на какомъ мѣстѣ: одни пришли и сѣли на рѣкѣ именемъ Морава и прозвались Моравами, другія назвались Чехами, а вотъ тоже Славяне-Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутани. Когда Волхи нашли на Славянъ Дунайскихъ, поселились среди нихъ и начали насильничать, то тѣ Славяне (т. е. Моравы и Чехи) двинулись, сѣли на Вислѣ рѣкѣ и прозвались Ляхами, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвались Поляне (Поляки), къ племени же Ляховъ принадлежатъ: Лутичи, Мозовшане и Поморяне. Также и эти Славяне (т. е. Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутани) двинулись и сѣли по Днѣпру“ ²⁾.

Когда именно произошло это переселеніе,—неизвѣстно, но уже

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I, гл. 3-я. Есть указанія, что до переселенія въ Россію, всѣ славянскіе народы носили названіе сербовъ. Гончевичъ, „Старая Сербія и Македонія, 1899 г., стр. 263. Византійскіе писатели упоминаютъ о прикарпатскихъ славянахъ съ конца V столѣтія. (Ключевскій, ч. I, стр. 29).

²⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 48.

съ перваго вѣка нашего лѣтосчисленія упоминають о славянахъ подъ именемъ ведетовъ, жившихъ около Вислы между племенами германскими и финскими ¹⁾.

Одинъ изъ иностранныхъ историковъ въ половинѣ 6-го вѣка указываетъ, что многочисленное племя ведетовъ раздѣлялось на два народа: славянъ, жившихъ отъ верховья Вислы до Днѣпра, и на антовъ, которые были сильнѣе первыхъ и жили въ южной части Европейской Россіи ²⁾ отъ Днѣпра до Днѣстра.

По изслѣдованіямъ другихъ историковъ славяне подъ именемъ вендовъ ослѣли съ незапамятныхъ временъ и на Балтійскомъ побережьѣ ³⁾.

Нашъ лѣтописецъ первоначально перечисляетъ только пять главныхъ племенъ славянскихъ: полянъ, древлянъ, дреговичей, славянъ новгородскихъ и полочанъ.

Порядокъ перечисленія указанъ такъ:

„Восточная отрасль славянъ, т. е. хорваты бѣлые, сербы и хорутане, будучи потѣснены врагомъ, двинулись на сѣверо-востокъ и одни сѣли по Днѣпру и прозвались полянами, а другіе—древлянами, потому что сѣли между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, нѣкоторыя сѣли въ лѣсахъ, далѣе сѣли на Двинѣ и назвались полочанами, отъ имени рѣки Полоты, впадающей въ Двину. Часть славянъ сѣла также около озера Ильмень и прозвались своимъ именемъ—славянами, эти славяне построили городъ и назвали его Новгородомъ“ ⁴⁾.

Повидимому, движеніе славянскихъ племенъ изъ нынѣшней Болгаріи, Галиціи и Венгріи шло на востокъ и на сѣверо-востокъ двумя, а не однимъ направленіемъ.

Во время этого переселенія рѣки были болѣе, чѣмъ нынѣ, обильны водою, и мѣстность Полѣсья еще болѣе была непроходимою. Вѣроятно, площадь Полѣсья и опредѣляла два главныхъ направленія: къ югу отъ Полѣсья, на лѣвомъ берегу Днѣпра поляне и въ лѣсахъ праваго берега Днѣпра древляне. Сѣвернѣе Полѣсья ослѣли между Сѣверною Двиною и Припятью Дреговичи и еще болѣе къ сѣверу по Двинѣ—полочане. Племя, ослѣвшее наиболѣе къ сѣверу, именно около озера Ильмень, только одно и получило названіе славянъ. Отъ этихъ основныхъ племенъ, а также отъ ляховъ отдѣлились еще болѣе на сѣверъ и востокъ группы, получившія особая названія. Отъ полочанъ отдѣлились кривичи, ослѣшіе по верховь-

¹⁾ Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ, что славяне искони обитали тамъ, гдѣ застаютъ ихъ лѣтописцы, и появились тамъ, быть можетъ, за долго до Р. X. Въ VI вѣкѣ восточные славяне уже образовали военный союзъ. (Ключевскій, т. I, стр. 28 п 32).

²⁾ Въ странѣ Припонтійской.

³⁾ Марченко. „Петръ Великій“, стр. 3 — со ссылками на Забѣллина и другихъ историковъ.

⁴⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 44—45.

ямъ Волги, Двины и Днѣпра. Отъ нихъ отдѣлились на югъ по восточному берегу Днѣпра и его притокамъ Деснѣ, Семи и Сулѣ—сѣверяне. Наконецъ, отъ сѣверянъ отдѣлились бужане, поселившіеся по Западному Бугу, назвавшіеся впослѣдствіи волянынами. Отъ ляховъ (поляковъ) отдѣлились родимичи и вятичи, осѣвшіе на р. Сожи и Окѣ.

Наиболѣе южными славянскими племенами лѣтописецъ считаетъ угличей и тиверцевъ, посѣлившихся по Днѣстру до моря и Дуная.

Переселеніе славянъ въ Европейскую Россію и ихъ расселеніе въ указанномъ выше районѣ происходило продолжительное время и, по словамъ историка, совершалось не въ дружинной, а въ родовой формѣ. Это не было нашествіе въ родѣ нашествій гунновъ или монголовъ, кои внушали ужасъ современникамъ. Повидимому, это было скорѣе переселеніе въ пустующія земли; колонизація ихъ, а не завоеваніе ¹⁾. Вѣроятно, и ко времени прихода славянъ, аборигены скифскаго и сарматскаго происхожденія были очень слабы и уступали даже занятыя ими мѣста безъ боя или, послѣ небольшого сопротивленія укрывались въ восточныя области Россіи. Расселеніе славянъ, попавшихъ въ районъ озера Ильменя, и распространеніе отъ Ильменя во всѣ стороны приводило къ столкновенію съ финскими племенами. И тутъ, повидимому, не было большого сопротивленія: славяне расселились даже среди финскаго населенія. Новыя земли занимались по праву сильнаго, поэтому, конечно, безъ насилія не обходилось, но нигдѣ у нашихъ историковъ не встрѣчается указаній, чтобы славянскія племена съ бою взяли занятыя ими въ Европейской Россіи мѣста. Тѣмъ не менѣе историкъ Соловьевъ свидѣтельствуетъ ²⁾, что и въ первое время послѣ поселенія въ Европейской Россіи славянскія племена жили въ постоянной борьбѣ съ своими и чужими, при постоянной готовности покинуть свое мѣсто-пробываніе и спастись отъ врага.

Первоначальное расселеніе славянъ шло по рѣкамъ. Водныя системы верхняго и средняго Днѣпра, Днѣстра, Вислы, Западной Двины, верхней Волги и бассейна Ильменя съ рѣками Ловатю и Волховымъ служили первоначальными районами расселенія славянскихъ племенъ. Пути сообщенія шли по рѣчнымъ системамъ и по волокамъ, раздѣлявшимъ эти системы. Особенную важность имѣлъ такъ называемый „*Путь изъ Варяги въ Греки*“, т. е. путь изъ Швеціи, отъ Финскаго залива черезъ озеро Ильмень, рѣки: Ловать, Серезу, Торопу, Западную Двину, далѣе притоками Днѣпра до устья р. Каспли (гдѣ г. Суражъ) и волокомъ въ 30 верстъ въ Порѣцкомъ уѣздѣ въ притокъ Днѣпра и по Черному морю и къ Царьграду. На этомъ пути имѣли особое значеніе волокни между системою озера Ильменя и си-

¹⁾ В. Ключевскій, ч. I. Введеніе.

²⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 61.

стемою Западной Двины (между рѣчками Торопа и Сережа) и между системами Западной Двины и Днѣпра.

Осѣвши въ указанныхъ выше районахъ, славяне продолжали расселение во всѣхъ направленіяхъ, гдѣ не находили сопротивленія, или таковое было незначительно. И на этотъ разъ направленіе на сѣверо-востокъ оказалось легчайшимъ, и новгородскіе славяне рано появляются въ бассейнѣ Сѣверной Двины, а восточные славяне—въ долинахъ притоковъ Волги, Оки, Вятки. Продвигались они и въ западномъ направленіи къ Финскому заливу, но долгое время не могли утвердиться не только на берегахъ Финскаго залива, но даже на берегахъ Ладожскаго озера, встрѣтивъ отпоръ финскихъ племенъ.

Славяне жили осѣдло. Во главѣ племенъ стояли родоначальники-князья. Занявши страну, различныя славянскія племена основывали города и укрѣпленные опорные пункты ¹⁾.

¹⁾ Н. Рожковъ въ своемъ трудѣ: „Обзоръ русской исторіи съ социологической точки зрѣнія“ (часть I-я, Киевская Русь) такъ описываетъ расселение славянъ „Прочно установлено, что славяне жили въ прикарпатскомъ краѣ въ VI вѣкѣ и въ это VI столѣтіе началось ими заселение Россіи. Славяне Ильменскіе въ первое время заняли южную часть Петербургской губ., западную Новгородской и сѣверную Псковской. Къ нимъ непосредственно примыкали кривичи, жившіе по верхнему Днѣпру и верховьямъ Западной Двины и Волги (нынѣшняя Смоленская, Витебская и сѣверо-восточная половина Могилевской губерніи). Къ кривичамъ примыкали родимичи (бассейнъ р. Сожи). Далѣе по Окѣ—вятичи, за этою второю, широкою, среднею полосою шла третья еще болѣе южная: воляныне (дулебы и бужане), древляне, поляне и сѣверяне. Наконецъ, на крайнемъ юго-западѣ жили въ Подоліи и Бессарабіи угличи и тиверцы.

Всего къ концу IX вѣка славянскія племена захватили главнымъ образомъ западную половину восточно-европейской равнины, пространство, занятое теперь приблизительно 20-ью неполными русскими губерніями.

Въ X, XI и XII столѣтіяхъ славяне приняли названіе Руси и стали все болѣе и болѣе проникать во владѣнія своихъ сосѣдей.

Въ X, XI и XII вѣкахъ воляныне и дреговичи заселили область ятвяговъ и всѣ эти племена слѣлись вмѣстѣ.

Въ XI вѣкѣ между Волгою и Дономъ жили угры или венгры; между Волгою и Ураломъ жили хозары, сѣверяне и печенѣги; восточнѣе печенѣговъ жили тюрки. Славяне развивали успѣнно колониз. дѣятельность на востокъ и юго-востокъ. Основали при Керченскомъ проливѣ Тмутаракань.—Этотъ коло пз. потокъ былъ задержанъ движеніемъ печенѣговъ, которые отобрали у славянъ нижнее теченіе Днѣпра.

Колониз. движеніе на сѣверо-востокъ встрѣтило два народа на пути: Фивновъ на сѣверѣ въ центрѣ равнины и болгаръ, жившихъ при впаденіи Камы въ Волгу. Заселение производилось тремя способами: 1) мирное поселеніе отдѣльных лицъ, 2) княжеское завоеваніе и постройки укрѣпленій и 3) основаніе монастырей въ незаселенныхъ еще мѣстахъ.

Равнинность поверхности благоприятствовала колонизаціи (не было естественныхъ препятствій), равномерность климата облегчало приспособленіе. Но уже тогда съ южныхъ мѣстъ лучшаго климата и почвы славяне тянулись на сѣверо-востокъ въ худшія, но болѣе привольныя условія.

Славяне расселились отдѣльными рѣдкими поселками по берегамъ рѣкъ; изъ первоначальныхъ поселеній выдѣлялись позднѣйшія и образовывались верви; коли-

Въ первый періодъ нашей исторіи наибольшее значеніе имѣли города Новгородъ, основанный славянами, поселившимися на озерѣ Ильмень, и Кіевъ, основанный полянами. Кіевъ до XII вѣка признавался главнымъ городомъ Русской земли. Развитіе южной Руси въ бассейнѣ Днѣпра съ центромъ въ Кіевѣ находилось подъ вліяніемъ цивилизаціи государствъ Средиземнаго моря. Развитіе сѣверной Руси съ центромъ въ Новгородѣ совершалось подъ вліяніемъ странъ, прилегавшихъ къ Балтійскому морю ¹⁾.

У кривичей были основаны города Изборскъ ²⁾, Полоцкъ, Смоленскъ, позднѣе Торопецъ.

Природа Европейской Россіи вліяла на характеръ дѣятельности населенія. Земледѣліе, особенно въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, туго развивалось.

Въ Кіевскій періодъ исторіи Россіи главнымъ видомъ дѣятельности населенія была добывающая промышленность. Важнѣйшимъ изъ видовъ этой промышленности была охота или звѣроловство; второе мѣсто занимало пчеловодство, затѣмъ шло рыболовство. Главныя богатства Россіи указываются въ мѣхахъ, медѣ и воскѣ. Скотоводство получило тоже развитіе. Земледѣліе хотя и не было развито, но населеніе не нуждалось въ привозномъ хлѣбѣ.

До X вѣка, а по мнѣнію другихъ изслѣдователей до XI вѣка, на Руси существовало вольное землепользованіе. Каждое селеніе,

чество вервей увеличивалось размноженіемъ и приливомъ позднѣйшихъ приходцевъ. Родственныя между собою верви сомкнулись въ племена, во главѣ съ вѣчемъ, княземъ и выборными старшинами, находившимся въ городѣ митрополіи. Племенное княжество явилось для защиты отъ внѣшнихъ опасностей и предотвращения внутреннихъ раздоровъ. Но важнымъ опасностямъ отдѣльныя племена не въ состояніи были противостоять: сѣверныя племена были покорены варягамъ; южныя—хозарамъ. Въ такомъ состояніи находилась русская земля въ началѣ IX вѣка.

Государства даже самаго примитивнаго не существовало. Пришел Рюрикъ и братья. Власть варяжскихъ князей вытекала изъ завоеваній.

Первой политической силой въ варяжскомъ княжествѣ, какъ и въ княжествахъ племенныхъ, было вѣче. Вѣдомство вѣча отличалось большою неопредѣленностью. Чаще всего вѣче участвовало въ избраніи и въ изгнаніи князя. Но оно рѣшало вопросы о замѣщеніи княжескихъ столовъ, о войнѣ и мирѣ.

Вѣче не имѣло ни постоянного состава, ни постоянного мѣста сбора. При Владимірѣ Мономахѣ вече почти не собиралось.

Второю политической силой былъ князь. Князь имѣлъ законодательную и судебную власть, но административная дѣятельность была ничтожна.

Главной отраслью правительственной дѣятельности князя былъ сборъ налоговъ. Внѣшняя дѣятельность многихъ князей была велика.

При князѣ была боярская дума изъ старшихъ дружинниковъ.

Основной административной единицей былъ городъ съ его волостью или землею къ нему тянувшей. Кромѣ того были торги, погосты. Посадникъ составлялъ главный органъ города. Посадники выбирались княземъ изъ старшихъ дружинниковъ.

¹⁾ Элизе Реклю, т. V, Европ. Рос. Изд. 1883 г., стр. 226.

²⁾ Нынѣ ничтожное селеніе. Городъ Изборскъ былъ взятъ и разрушенъ Меченосцами.

обрабатывая известный участокъ земли, обладало и правомъ пользованія имъ. Пока земли было много, эта форма землевладѣнія удовлетворяла населеніе. Затѣмъ появляются земли княжескія, боярскія и монастырскія ¹⁾.

Народное хозяйство было по-преимуществу натуральнымъ. Внутренняя торговля не была развита. Но торговля внѣшняя очень рано получила большое развитіе. Главными центрами, откуда направлялась по воднымъ путямъ эта торговля, были Новгородъ и Кіевъ. Характеръ торговли былъ по преимуществу мѣновой. Предметами вывоза служили мѣха, медь, воскъ, рыбы. Предметами ввоза—оружіе, металлическія издѣлія, шелковыя матеріи, вино, плоды, украшенія и монета ²⁾.

Если масса населенія была расположена къ мирной дѣятельности, то въ каждомъ племени, особенно у новгородцевъ и кіевлянъ, наиболѣе смѣлые и энергичные люди искали съ оружіемъ въ рукахъ новыхъ мѣстъ и совершали смѣлыя движенія вглубь еще неизвѣстныхъ мѣстъ, часто гибли, но часто и утверждались на этихъ новыхъ мѣстахъ. Жители лѣсовъ—древляне считались болѣе дикими и болѣе безпокойными, чѣмъ жители открытыхъ мѣстъ—поляне.

Въ первый періодъ существованія Россіи хорошо организованной военной силы славянскія племена, повидимому, не имѣли; не только купецъ, но и пахарь должны были по нуждѣ часто становиться и воинами.

Славяне жили подъ самыми простыми формами быта, быта родового; ихъ хозяйственныя отправленія были не трудны и не сложны; въ одеждѣ, жилищахъ отсутствовала всякая роскошь. Хотя основанные города имѣли большое значеніе, и сельчане считали себя младшими относительно горожанъ, тѣмъ не менѣе славяне не любили городской жизни, а предпочитали жить разсѣянно по родамъ. Поэтому первоначально городовъ было очень мало. Олегъ на всемъ пути отъ Новгорода до Кіева нашелъ только два города: Смоленскъ и Любечъ. Родовой бытъ устанавливалъ общую нераздѣльную собственность, которая и служила крѣпкою связью для членовъ рода. Родовое начало поддерживалось простотою быта славянъ, малочисленностью ихъ нуждъ, кои легко удовлетворялись общими первоначальными занятіями родичей.

Во главѣ рода стоялъ родоначальникъ, носившій разныя наименованія: князя, старца, владыки, жупана. По смерти главы рода выбирался замѣститель его, не всегда старшій въ родѣ. Роды управлялись общими сходами, совѣтами, вѣчами. Нравы и обычаи языческихъ славянъ были просты и, по свидѣтельству современниковъ—

1) Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи. Ч. I, гл. 2.

2) В. Ключевскій придаетъ внѣшней торговлѣ Новгорода и Кіева даже въ ранній періодъ ихъ существованія огромное значеніе (Ч. I, стр. 11 и др.).

чужеземцевъ, эти нравы были чище, чѣмъ у образованныхъ и полубразованныхъ народовъ того времени. Характеръ славянъ былъ добрый, что, однако, не исключало во многихъ случаяхъ проявленія въ борьбѣ свирѣпости и крайней жестокости. Современники отмѣчаютъ, что у славянъ не существовало жестокаго обычая германцевъ и литовцевъ убивать своихъ дѣтей, убивать своихъ престарѣлыхъ родителей. Но все же нѣкоторые писатели считали славянъ вѣроломными.

Хотя у славянъ и было многоженство, но положеніе женщинъ не было тяжелое. Дѣвушки, какъ и нынѣ, пользовались большою свободою. Онѣ могли сходиться съ молодыми людьми даже чужихъ родовъ и при возникновеніи склонности уславливаться для бѣгства. Положеніе замужней было болѣе тяжелое, тѣмъ не менѣе иностранные писатели удивляются привязанности славянскихъ женщинъ къ мужьямъ, за которыми онѣ иногда слѣдовали даже въ могилу ¹⁾.

Но славянская женщина не вліяла достаточно, чтобы сдѣлать жизнь болѣе сносною въ матеріальномъ отношеніи. Славяне жили весьма неопратно, въ дрянныхъ избахъ. Жилища находились въ далекомъ разстояніи одно отъ другого, и хозяева ихъ часто мѣняли мѣста жительства.

Частая переменна жилья не располагала устраивать его прочно и удобно. Эта потребность въ переменнахъ являлась слѣдствіемъ непрерывной вражды между собою различныхъ родовъ и нападений чужихъ племенъ; поэтому жилища устраивались въ возможно недоступныхъ мѣстахъ—въ лѣсахъ, при рѣкахъ и озерахъ; въ домахъ устраивали многіе выходы на случай опасности; вещи зарывали въ землю.

Привычка довольствоваться малымъ и быть готовымъ покинуть жилище поддерживала въ славянахъ отвращеніе къ чужому игу.

Всѣ писатели свидѣтельствуютъ объ особомъ гостепримствѣ славянъ: „Славянинъ считалъ дозволеннымъ украсть для угощенія странника“.

До принятія христіанства славяне поклонялись Верховному Божеству — молніи; поклонялись солнцу и огню. Главное божество ихъ былъ Перунъ.

Религіозные праздники языческихъ славянъ совпадаютъ съ христіанскими. Коляда, главный зимній праздникъ, совпадаетъ съ Рождественскими праздниками. Въ колядѣ ходили славить божество, рядились, собирали подаеніе. Весенній праздникъ совпадалъ съ празднованіемъ Св. Пасхи. Донинѣ сохранился собственно языческій праздникъ—масляница. Весну встрѣчали хороводами. Весеннее время избиралось преимущественно для заключенія браковъ. Лѣтній праздникъ 23 іюня, Ивана Купала (Ивановъ день) празднуется и нынѣ славянскими, финскими и другими племенами; въ характерѣ празднованія этого дня проявляется поклоненіе солнцу, водѣ и

¹⁾ Позже шли за сосланными мужьями въ Сибирь.

огню—(собираніе травъ, купаніе, зажиганіе костровъ, прыганіе черезъ костры).

Касты жрецовъ у славянъ не было. Храмовъ также не было. Старшій въ родѣ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецомъ: онъ приносилъ жертвы, онъ гадалъ о будущемъ.

По отзыву современниковъ, языческіе славяне были похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны. Кожа у нихъ была бѣлая, волосы длинные, темно-русые. Живя въ простотѣ, они физически были здоровы, крѣпки, легко переносили холодъ и жаръ, недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ.

Эти основныя качества, къ счастью, въ значительной мѣрѣ сохранились въ славянскомъ населеніи и понынѣ. Физическая сила и выносливость, соединенныя съ религіозностью и мужествомъ, и понынѣ даютъ чудный матеріалъ при обращеніи нашего простолюдина въ воина. Славяне въ старину, какъ и нынѣ, особою воинственностью не отличались. Есть, однако, свидѣтельства, что нѣкоторыя племена были воинственны. Къ числу таковыхъ относятъ и славянъ, обитавшихъ въ Помераніи. Въ трудѣ кн. Голицына есть указанія, что всѣ славяне были свободны и такъ любили свободу, что готовы были умереть за нее ¹⁾.

Относительно образа веденія войны у славянъ Соловьевъ даетъ такую характеристику:

„Родовой бытъ, условливавшій разъединеніе, вражду и слѣдовательно слабость между славянами, условливалъ необходимо и образъ веденія войны. Не имѣя одного общаго начальника и враждуя другъ съ другомъ, славяне уклонялись отъ сколько-нибудь правильныхъ сраженій, гдѣ бы должны были биться соединенными силами на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ. Они любили сражаться съ врагами въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ; если нападали, то нападали набѣгомъ внезапно, хитростью, любили сражаться въ лѣсахъ, куда заманивали непріятеля бѣгствомъ, и потомъ, возвратившись, наносили ему пораженія. Особенно отличались славяне искусствомъ плавать и скрываться въ рѣкахъ. Вооруженіе славянъ состояло въ двухъ малыхъ копьяхъ, нѣкоторые имѣли и щиты, твердые и очень тяжелые; употребляли также деревянные луки и маленькія стрѣлы, намазанныя ядомъ, очень дѣйствительнымъ, если искусный врачъ не подастъ скорой помощи раненому. Славяне, вступая въ битву не надѣвали латы, на нѣкоторыхъ не бывало ни плаща, ни рубашки, одни только порты“.

У автора Русской военной исторіи Кн. Голицына кромѣ того, имѣются слѣдующія интересныя указанія:

„У древнихъ славянъ вопросы войны и мира рѣшалось вѣче. Они всѣ были воинами. Оно опредѣляло число потребныхъ для каждаго

¹⁾ Кн. Голицынъ. Ч. I, стр. 17.

предпріятія воиновъ и въ случаяхъ особенныхъ указывало поголовное ополченіе. Первые славяне скорѣе были миролюбивый, чѣмъ воинственный народъ. Если они и воевали, то или между собою, или въ защиту свободы противъ готовъ, гунновъ, аваровъ или абровъ. Характеръ военныхъ дѣйствій, веденныхъ славянами, *былъ чаще оборонительный, чѣмъ наступательный*. Сражаясь пѣшими, будучи окружены непріятелемъ, ограждали себя повозками, изъ-за которыхъ защищались съ необыкновеннымъ упорствомъ. Часто укрѣпляли свои жилища и поселенія. Сарматы и скифы сражались почти исключительно на коняхъ. Славяне же, напротивъ, пѣшими¹⁾.

Это указаніе весьма важно. Позже мы пробовали главнымъ родомъ славянскаго войска сдѣлать конницу, взявъ примѣръ съ татаръ. Но это было неудачно, и пока въ нашей арміи пѣхота не составила главнаго рода оружія, наша борьба на западъ со шведами и позже съ другими западными сосѣдями, а на юго-западъ съ турками,—прочнаго успѣха не имѣла. До нашествія монголъ главнымъ родомъ войска у насъ была пѣхота²⁾.

Въ капитальномъ трудѣ А. Пузыревскаго „Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка (V—XVI стол.)“ приведены между прочимъ слѣдующія свѣдѣнія о славянахъ:

Славянскія войска раздѣлялись сообразно родственнымъ отношеніямъ семьи и рода. Начальники родовъ предводительствовали своими контингентами. Такое раздѣленіе войскъ содѣйствовало развитію среди нихъ чувства товарищества и боевой выручки. Экономическое, общественное и военное устройство славянъ должно было повлечь къ развитію преимущественно оборонительной системы войны.

А. Пузыревскій оспариваетъ мнѣніе о слишкомъ исключительномъ миролюбіи и склонности къ спокойной жизни славянъ. Онъ указываетъ, съ основаніемъ, что при многочисленности и разрозненности славянскихъ родовъ между ними происходили частыя междоусобія, поддерживавшія воинственный духъ населенія, и приводитъ слѣдующее мнѣніе одного арабскаго писателя³⁾.

„Славяне народъ столь могущественный и страшный, что если бы они не были раздѣлены на множество поколѣній и родовъ, никто въ мірѣ не могъ бы имъ противостоятъ“.

Борьба съ западными сосѣдями, стремившимся систематически къ подчиненію себѣ славянъ, выработала въ нѣкоторыхъ племенахъ воинскія доблести и стремленія.

Иностранцы удивлялись храбрости и ловкости славянъ и старались привлечь ихъ въ свои войска.

¹⁾ Кн. Голицынъ. Военная исторія Россіи. Ч. I, стр. 19.

²⁾ Кн. Голицынъ. Ч. I, стр. 34.

³⁾ А. Пузыревскій. Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка. Стр. 55.

Славяне были склонны къ укрѣпленіямъ, которыхъ было въ ихъ земляхъ значительное количество.

Славяне предпочитали сражаться пѣшкомъ и первоначально были весьма мало искусны въ конной службѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., русскіе, даже въ концѣ X столѣтія были плохими кавалеристами.

Особымъ уваженіемъ у славянъ, какъ оружіе, пользовались мечъ, сѣкира и молотъ, что подтверждаетъ любовь славянъ къ рукопашному бою.

У поляковъ военная служба прежде другихъ видоизмѣнилась и изъ общеобязательной переходитъ въ руки наемныхъ войскъ для охраны городовъ. Для сбора ополченія князь собиралъ вѣче, объявлялъ ему о походѣ, и тогда рѣшался вопросъ о сборѣ ратниковъ. „Если князь забывалъ о своихъ обязанностяхъ, то горожане сами собирались на вѣче и рѣшали походъ“. Кроме того, русскіе князья прибѣгали къ наемнымъ войскамъ: варягамъ, туркамъ, печенѣгамъ и пр.

Ополченія дѣлились по областямъ и составляли отряды, называемые полками.

До татарскаго нашествія русскія войска состояли, главнымъ образомъ, изъ пѣхоты.

Лучники подготовляли бой. Затѣмъ весь боевой порядокъ двигался въ атаку на непріятеля и вступалъ въ рукопашный бой, который часто былъ ожесточенъ и кровопролитенъ. Обыкновенно примѣръ мужества подавалъ князь, который бросался въ бой во главѣ своей дружины ¹⁾.

Въ общемъ военное дѣло въ древней Руси заключало въ себѣ всѣ задатки для правильнаго и всесторонняго развитія. Но въ послѣдующее время „русское военное искусство не только приняло одностороннее направленіе, но въ иныхъ отношеніяхъ стояло значительно ниже, чѣмъ въ Западной Европѣ“.

Главною причиною тому служили междоусобія Удѣльнаго періода. Частая борьба съ южными кочевниками содѣйствовала превеличенному развитію конницы въ ущербъ пѣхотѣ. „Слабость государства, расшатаннаго междоусобіями, ссорами князей, набѣгами кочевниковъ и т. п., приводитъ къ тому, что Русь не можетъ сопротивляться татарскому нашествію и должна подчиниться этимъ варварамъ. Съ тѣхъ поръ наше искусство значительно падаетъ. Конница начинаетъ играть рѣшительно преобладающую роль“ ²⁾.

Дѣйствительно, и по свидѣтельству другихъ изслѣдователей, наиболѣе слабою стороною быта славянъ были ихъ непрерывныя взаимныя распри.

¹⁾ Полк. Гейсманъ. Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка. Изд. 1893 г. стр. 126.

²⁾ А. Пузыревскій. Ч. I, стр. 73.

„Между славянами господствовали постоянно различныя мнѣнія, ни въ чемъ они не были между собою согласны, если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшенія, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такое поведеніе пронстекало естественно изъ разрозненности, особенности быта по родамъ, изъ отсутствія сознанія объ общемъ интересѣ внѣ родового“¹⁾.

Эти взаимныя распри, ослабляя славянъ, не давали имъ возможности, объединивъ свои силы, успѣшно бороться съ внѣшнимъ врагомъ. Эти же распри и повели къ тому, что славянскія племена призвали къ себѣ княжить варяговъ.

Въ третьемъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова славяне пришли въ столкновеніе съ готами. Скандинавскія, германскія дружины, подъ именемъ готовъ, двинулись, отъ береговъ Балтійскаго моря къ берегамъ Чернаго моря.

Вождь готовъ Германарихъ, явившись въ Русь съ немногочисленною дружиною, постепенно увеличивалъ ее покореніемъ племенъ, въ числѣ которыхъ были чудь, весь, мерь, мордва, вены, эсты. Всего онъ покорилъ 13 народовъ и соединилъ подъ своею властью обширныя владѣнія. Но со смертью Германариха на 110 году жизни основанное имъ государство быстро распалось подъ ударами гунновъ. Они явились съ береговъ Дона. По преданіямъ гунны были безобразны лицомъ, питались кореньями и полусырымъ мясомъ звѣрей, согрѣвши его только немного подъ сѣдломъ. Дома считали могилами. Съ молодости привыкали переносить непогоду, голодь и жажду; разъ надѣвши платье, не снимали его до тѣхъ поръ, пока оно само не свалится лохмотьями; безобразная обувь мѣшала имъ ходить. Они вѣчно сидѣли на своихъ маленькихъ, но крѣпкихъ лошадяхъ; на сѣдлахъ отправляли всѣ дѣла, ѣли, пили, спали, торговали, разсуждали. Не было у нихъ ничего постояннаго: ни жилища, ни закона, ни обычая. Ихъ жизненные интересы не сдерживались религіею.

Жены жили въ телѣгахъ, гдѣ ткали холстъ, родили и воспитывали дѣтей. Въ битвахъ женщины принимали участіе вмѣстѣ съ мужчинами.

Гунны ударили на готовъ, побѣдили ихъ и разлились кровавымъ потокомъ по значительной части Европы.

Нѣтъ точныхъ указаній, противились ли славяне гуннамъ. По видимому, славяне оказали даже вліяніе на нравы гунновъ, поселившихся во время Аттилы среди нихъ въ Панніи (Венгрія)²⁾ и принявшихъ нѣкоторые ихъ обычаи. Нашимъ историкамъ представляется лишь несомнѣннымъ, что славяне платили дань гуннамъ,

¹⁾ Соловьевъ. Т. I, стр. 60.

²⁾ Соловьевъ. Т. I, стр. 91.

какъ ранѣе платили готамъ, а позже гунновъ аварамъ, казарамъ, половцамъ и монголамъ. Вѣроятно также предположеніе, что наиболѣе пострадали отъ нашествія гунновъ самыя южныя части Россіи. Эта часть Россіи даже называлась нѣкоторое время у современниковъ Гуннія. Поэтому и смѣшеніе въ этомъ районѣ гунскаго племени съ славянами было значительно, ибо сосѣдніе народы стали и славянъ называть гуннами ¹⁾.

Послѣ смерти Атиллы (454 г.) подчиненные гуннамъ народы стали освобождаться изъ-подъ ихъ ига, но черезъ сто лѣтъ послѣ нашествія гунновъ Азіатскія степи выслали новыя толпы варваровъ одинаковаго происхожденія съ гуннами; то были авары. Они жили первоначально на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ. Во второй половинѣ VI вѣка они перешли Донъ и стали нападать на славянъ. По описанію лѣтописца, авары были тѣломъ велики и умомъ горды, и въ то же время считались народомъ наиболѣе лживымъ и коварнымъ. Авары тоже продвинулись до средней Европы, крѣпко тѣснили западныхъ славянъ, чеховъ. Въ концѣ восьмого столѣтія авары были побѣждены Карломъ Великомъ, а во второй половинѣ 9-го столѣтія они были почти истреблены болгарами. Остатки ихъ приняли христіанство и исчезли въ Венгріи и Болгаріи.

Послѣ аваровъ славяне средней и южной части Европейской Россіи подпали подъ власть казарамъ. Этотъ загадочный народъ упоминается въ лѣтописяхъ еще со 2-го вѣка. Въ 7-мъ вѣкѣ византійцы считали его народомъ турецкаго происхожденія. По образу жизни это были кочевники. Единственный ихъ городъ Итилъ основанъ ими у устья р. Волги. Большинство населенія жило въ этомъ городѣ въ войлочныхъ кибиткахъ, немногіе богатые люди имѣли глиняныя мазанки, и только правитель народа, каганъ, жилъ въ кирпичныхъ хоромахъ.

Вмѣстѣ съ казарами въ Европейской Россіи являются представители магометанской религіи. Но часть казаръ сохранила языческую религію, часть приняла христіанство; наконецъ, были казары, приверженцы еврейской религіи. Даже верховный правитель казаръ—каганъ исповѣдывалъ еврейскую религію. Такая религіозная терпимость въ народѣ, находившемся на низкой степени развитія, представляется рѣдкою.

Было ли проявлено славянами сопротивленіе казарамъ, неизвѣстно; но есть указаніе, что поляне, сѣверяне, родимичи и вятичи платили дань казарамъ.

Орды гунновъ, аваровъ, казаровъ въ своемъ движеніи не захватывали далеко сѣвернаго района расселенія славянскихъ племенъ. Поэтому ихъ вліяніе главнымъ образомъ отразилось на сла-

¹⁾ Существуетъ даже мнѣніе, что Гунны были славянскаго происхожденія.

вянахъ, поселившихся въ бассейнахъ Днѣпра и Днѣстра, а также на западныхъ, жившихъ за предѣлами Европейской Россіи.

Что касается сѣверныхъ славянскихъ племенъ, съ центромъ ихъ въ Новгородѣ, то на нихъ распространилось вліяніе двухъ расъ: финской и германской (варяги). Финскія племена, среди которыхъ частью расселились славяне, хотя и приходили мало по малу въ подчиненное славянамъ положеніе, но въ то же время смѣшались съ ними, частью даже поглощались славянами, что не могло не отразиться и на самомъ типѣ сѣверныхъ славянъ. Дѣйствительно, нѣкоторые жители Псковской и Новгородской губерній сохраняютъ и понынѣ общія съ финнами черты наружности.

Несомнѣнно также вліяніе на славянъ жителей Балтійскаго побережья—варяговъ. Много было споровъ о происхожденіи варяговъ. Названіе варяговъ присваивалось различнымъ народностямъ, обитавшимъ на побережьи Балтійскаго моря и берегахъ Швеціи и Норвегіи ¹⁾. Это населеніе было воинственно, образовывало дружины и посылало ихъ во многія страны. Такъ, варягами въ Византіи назывались дружины изъ пришлецовъ съ далекаго сѣвера, и самое слово варягъ означало дружинника. Нашъ лѣтописецъ указываетъ, что тѣ варяги, къ которымъ обратились славяне, прося о присылкѣ князя, назывались Русь, а другіе варяги назывались шведами, иные норвежцами, англичанами, готами. Возможно, что призванные варяги—Русь были славянскаго происхожденія; такое мнѣніе не отвергается и Соловьевымъ, но онъ полагаетъ болѣе правильнымъ признавать ихъ скандинавское происхожденіе.

Несомнѣнно однако, что, ранѣе прихода къ намъ княжить, варяги уже пришли въ соприкосновеніе какъ съ финскими, такъ и съ славянскими племенами, обитавшими вблизи побережья Балтійскаго моря, бились съ ними, покоряли себѣ различныя племена и облагали ихъ данью. Еще въ половинѣ IX вѣка „славянскія племена, жившія на юго-востокѣ, находились въ подчиненіи отъ азіатскаго племени, стоявшаго лагеремъ на Дону и Волгѣ; племена, жившія на сѣверо-западѣ, должны были подчиниться знаменитымъ морскимъ королямъ, предводителямъ европейскихъ дружинъ, вышедшихъ съ береговъ Скандинавіи ²⁾).

Въ 862 году племена, платившія дань варягамъ, возстали на нихъ, изгнали ихъ за море, перестали платить дань и начали жить самостоятельно, но, по словамъ лѣтописца, какъ только сѣверныя племена (въ томъ числѣ и финское) начали владѣть сами собою, у нихъ не стало правды, явились раздоры, родъ возставалъ на родъ,

¹⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 95—96 примѣчаніе.

²⁾ Лѣтописецъ указываетъ эту подчиненность такъ: „Брала дань варяги пѣзъ-за моря на чудп, славянахъ новгородскихъ, мерп, весп, на кривичахъ, на казары, брали на полянахъ, сѣверянахъ, радимичахъ и вятичахъ“. (Соловьевъ, т. I, стр. 98—99).

начались усобицы. Въ такихъ обстоятельствахъ племена собрались и сказали: „Понщемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву“. Порѣшивши такъ, пошли они за море къ варягамъ, къ Руси и сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами“. Собрались три брата съ родичами своими, взяли съ собой всю Русь и пришли ¹⁾).

Схема № 1.

Это произошло во второй половинѣ IX вѣка. По объясненію Соловьева, князь призывался для установленія порядка внутренняго, какъ миротворецъ. По объясненію Погодина, новгородцы преслѣдовали и другую цѣль: имъ надо было найти защитниковъ отъ варяговъ же, которые постоянно грозили ихъ землѣ. Иначе они не согласились бы принять на свое содержаніе не только князя, но и пришедшее съ нимъ войско.

Въ важномъ въ исторіи Россіи актѣ призванія варяжскихъ князей заслуживаютъ особаго вниманія дружныя дѣйствія финскихъ племенъ вмѣстѣ съ славянскимъ: славянское племя вмѣстѣ съ финскимъ изгоняетъ варяговъ и вмѣстѣ съ ними же призываетъ князя. Ранѣе нашъ историкъ, при объясненіи причинъ призванія князя чужой національности, указываетъ, что у нашихъ предковъ не было національной нетерпимости, что новгородцы и псковитяне охотно принимали къ себѣ на столы князей литовскихъ; что нѣмецъ, ляхъ, татаринъ, бурятъ становились полноправными членами общества, если только принимали христіанство по ученію православной церкви. Прибавимъ, что любой славянинъ не православной церкви былъ дальше отъ нашихъ предковъ, чѣмъ представители не славянскихъ народовъ, но православные. Эти послѣдніе со временемъ совершенно сливались съ кореннымъ славянскимъ населеніемъ путемъ браковъ со славянками. Полякъ-католикъ былъ дальше отъ другихъ православныхъ славянъ, чѣмъ финнъ, латышъ и татаринъ православной вѣры.

Заслуживаетъ также глубокаго вниманія объясненіе Соловьева ²⁾, почему новгородскіе славяне 1000 лѣтъ тому назадъ могли искать себѣ въ правители даже князей изъ другой народности. Онъ считаетъ, что племена германскія и славянскія въ давнія времена, чѣмъ были ближе къ языческой древности, тѣмъ болѣе сходились въ понятіяхъ религіозныхъ, нравахъ и обычаяхъ.

Тогда ихъ національности еще не выработались, а потому не могло быть и сильныхъ національныхъ отвращеній.

Призванные изъ-за моря князья расселились: Рюрикъ у славянъ ильменскихъ, Синеусъ между Чудью и весью на Бѣлоозерѣ и Труворъ у кривичей въ Изборскѣ. Такимъ образомъ, первоначально три князя избрали главными городами пункты, удаленные одинъ

¹⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 99.

²⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 95.

отъ другого отъ запада къ востоку лишь немного свѣше 500 верстъ и всѣ три находились въ настоящихъ предѣлахъ Новгородской и Псковской губерній.

Несмотря на такую относительную ограниченность района, получившаго новый укладъ жизни, фактъ призванія князей, послужившій къ соединенію разрозненныхъ племень и подчиненію ихъ сосредоточивающему началу—власти, признается нашими историками столь значительнымъ, что съ нимъ связывается *начало исторіи Русской земли*.

Дѣйствительно, явившійся относительный порядокъ въ управленіи и относительная безопасность внутренняя и внѣшняя послужили толчкомъ къ распространенію районовъ, подчиненныхъ Рюриковичамъ, во всѣхъ направленіяхъ. Понемногу и другія племена начали признавать ихъ власть, чѣмъ началось собираніе и объединеніе русской земли въ болѣе опредѣленные районы. Но лишь послѣ долгой удѣльной борьбы началось собираніе удѣловъ къ одному центру—Москвѣ, подготовившее выступленіе Россіи и въ ея роли великой державы.

Въ то время, когда въ Россіи начало слагаться русское государство, въ Европѣ въ IX вѣкѣ образовались изъ распадавшейся монархіи Карла Великаго государства, существующія до сихъ поръ.

Историкъ Соловьевъ принимаетъ, что исторія Польши тоже начинается одновременно съ исторіею Россіи. Онъ относитъ начало польской исторіи къ 860 году, когда сынъ крестьянина Пяста сталъ правителемъ Польши.

Наконецъ, въ половинѣ IX вѣка произошли и въ сосѣдней съ нами болгарской землѣ событія, однородныя съ событіями въ Россіи: въ 864 году болгарскій князь Борисъ принялъ православіе ¹⁾. Его крестилъ славянскій апостоль Мееодій и далъ ему христіанское имя—Михаилъ.

Пока Рюрикъ и его братья княжили въ сѣверныхъ районахъ Россіи, ихъ дружинники продвигались и къ югу. Варяги Аскольдъ и Диръ съ дружиною осѣдаютъ на Днѣпрѣ и основываютъ Кіевъ. Они подчиняютъ себѣ полянъ и борются съ сосѣдними племенами. Укрѣпившись, эти вожди отваживаются произвести на 200 лодкахъ первый набѣгъ на Константинополь, который оканчивается неудачею.

Послѣ смерти Рюрика, за малолѣтствомъ сына его Игоря, всѣ сѣверныя земли, собранныя Рюрикомъ, подчиняются родственнику его Олегу. Укрѣпивши свою власть на сѣверѣ, Олегъ предпринимаетъ походъ на югъ. Но на этотъ разъ это не былъ набѣгъ съ дружиною, а завоевательное движеніе отъ Новгорода къ Кіеву, привед-

¹⁾ Гоцевичъ. Старая Сербія и Македонія. Изд. 1899 г., стр. 267.

шее къ объединенію въ однѣхъ рукахъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ мѣстностей Россіи.

Собранное Олегомъ многочисленное войско состояло, кромѣ варяговъ, изъ славянъ ильменскихъ и кривичей и изъ финскихъ племенъ: мери, веси, чуди. По пути къ Кіеву Олегъ подчиняетъ себѣ кривичей, беретъ ихъ главный городъ Смоленскъ, далѣе присоединяетъ къ себѣ сѣверянъ, тоже беретъ ихъ городъ Любечъ, ставитъ въ этихъ земляхъ своихъ людей и наконецъ достигаетъ Кіева. Аскольдъ и Диръ убиты, дружина ихъ присоединяется къ Олегу. Поляне, повидимому, не сопротивляются, и Олегъ твердо сядетъ въ Кіевѣ, сдѣлавъ его стольнымъ городомъ и признавъ матерью городамъ русскимъ.

Первоначально дѣятельность Олега носить созидательный характеръ. Онъ основываетъ города и осторожно устанавливаетъ порядокъ подчиненности другихъ мѣстностей, опредѣляетъ подати и размѣръ дани; онъ преобразовываетъ и вооруженную силу. Ранѣе наемная дружина изъ варяговъ составляла главную военную силу. Съ увеличеніемъ размѣра дружинъ, въ нихъ стали принимать вольныхъ людей (не варяговъ) и дали этимъ воинамъ общее названіе гридней.

Дружина распадалась на двѣ части: высшую, къ которой относились княжіе мужи, въ послѣдствіи бояре, и низшую, рядовую, гдѣ находились: дѣтскіе или отроки. Ранѣе этотъ классъ назывался гриднями.

По мѣрѣ размноженія княжескаго рода увеличивался численно и дружинный классъ. Старшіе князья выводили въ поле дружины по 2—3 тыс. человекъ. Въ составъ дружины входили кромѣ русскихъ и варяговъ разныя народности: турки, половцы, хозаре, угры, ляхи, литва, чудь. Дружинники принимали участіе въ торговыхъ оборотахъ и до XII вѣка не имѣли земельной собственности. Обычнымъ окладомъ боярскаго жалованья въ годъ было 200 гривенъ, Единство княжескаго рода позволяло дружинникамъ переходить отъ князя къ князю, не дѣлаясь измѣнникомъ. Въ лѣтописи бояринъ дружины называется „переднимъ мужемъ всей русской земли“.

По мнѣнію В. Ключевскаго, многочисленный дружинный классъ вмѣстѣ съ духовенствомъ, былъ подвижнымъ носителемъ мысли русской земли о земскомъ единствѣ ¹⁾.

Окончивъ съ главнѣйшими дѣлами внутренняго устройства, Олегъ начинаетъ походы съ цѣлями завоевательными: онъ покоряетъ и обкладываетъ данью древлянъ, сѣверянъ, родимичей; платившіе ранѣе дань казарамъ, они стали платить ее Олегу; затѣмъ были покорены дублеты, хорваты, тиверцы, но угличей покорить не уда-

¹⁾ В. Ключевскій, ч. I, стр. 61.

лось. Эти завоеванія потребовали 20 лѣтъ времени. Когда они были закончены, Олегъ собрался въ походъ на грековъ.

Въ 907 году, оставивъ Игоря въ Кіевѣ, Олегъ двинулся на 2000 судахъ, имѣя на каждомъ по 40 человекъ, по Днѣпру и Черному морю къ Константинополю. Часть войска шла на коняхъ черезъ Болгарію. Въ походѣ приняла участіе, кромѣ дружины, воины изъ славянъ (новгородскихъ), чуды, кривичей, меря, полянъ, сѣверянъ, древлянъ, родимичей, хорватовъ, дулебовъ и тиверцевъ. Такимъ образомъ, походъ предпринимается соединенными силами всѣхъ племенъ, составлявшихъ Россію той эпохи. Греки замкнули гавань, заперли городъ, но Олегъ безпрепятственно высадился въ окрестностяхъ города, а суда были вытянуты на берегъ. Многочисленныя партіи русскихъ окружили Царьградъ, разоряли окрестности, избивали населеніе. Олегъ готовился къ осадѣ города. Греки испугались и просили мира, обязывались уплатить какую угодно дань. Пытались и отравить Олега, но это имъ не удалось. Дань была заплачена и по первому, заключенному русскимъ княземъ, договору были выговорены особыя льготы для русскихъ торговыхъ людей: ихъ не только допускали къ беспошлинной торговлѣ, но и обязывались продовольствовать. Этими льготами, данными 1000 лѣтъ тому назадъ и повторенными нѣсколько разъ послѣ подвиговъ нашихъ войскъ, русское купечество не воспользовалось: наши торговыя связи съ Константинополемъ ничтожны и понынѣ.

Интересно, что въ числѣ льготъ, которыхъ требовалъ Олегъ, было право русскимъ гостямъ Царьграда мыться въ баняхъ „сколько хотять“. Это было въ 907 году. Олегъ возвратился съ богатою добычею домой, а въ 912 году умеръ.

Олегъ въ нашей исторіи является первымъ собирателемъ славянскихъ племенъ.

Преемникъ Олега Игорь правилъ 33 года.

Онъ тоже, послѣ приведенія въ покорность древлянъ, произвелъ два похода къ Царьграду. Въ первый походъ Игорь двинулся на судахъ съ малою дружиною. Греки выслали противъ русскихъ опытнаго начальника, сожгли часть нашихъ судовъ „греческимъ огнемъ“ и заставили Игоря отступить. Этотъ походъ интересенъ тѣмъ, что уже тогда сказалась отсталость нашей вооруженной силы въ техническомъ отношеніи (греческій огонь, машины).

Черезъ нѣсколько лѣтъ Игорь, по примѣру Олега, двинулся къ Царьграду съ многочисленнымъ войскомъ. Изъ разныхъ племенъ были приглашены къ участію за плату и печенѣги; шли на судахъ и сухимъ путемъ черезъ землю Болгарскую. Греки и на этотъ разъ откупились богатою данью. Игорь возвратился домой, но печенѣговъ оставилъ „воевать Болгарскую землю“. Въ 945 году былъ заключенъ второй договоръ съ греками, нѣсколько менѣе выгодный, чѣмъ первый.

Весьма интересно также сказаніе о походѣ во времена Игоря, въ 914 году, его дружины къ Каспійскому побережью. Отправились на 500 судахъ по Дону, перетасили ихъ волокомъ въ Волгу, откупили у казаръ право прохода Волгою въ Каспійское море, обѣщавъ половину добычи. Достигли юго-западныхъ береговъ Каспійскаго моря, доходили до провинціи Азербейджанской, набрали много добычи, плѣнныхъ, но на обратномъ пути, послѣ трехъ-дневной битвы, были разбиты казарами, а остатки ихъ добибли болгаре.

Въ 944 году русскіе произвели еще походъ къ берегамъ Кавказа, поднялись вверхъ по р. Куръ и неожиданно явились передъ г. Аррана, главнымъ городомъ Карабага. Походъ окончился неудачно.

Послѣдній походъ предпринять былъ Игоремъ противъ древлянъ въ 946 году, когда онъ и погибъ.

Послѣ Игоря Кіевомъ долгое время правила Ольга. Прежде всего она жестоко и коварно отплатила древлянамъ за смерть мужа своего Игоря.

Въ 957 году Ольга отправилась въ Константинополь и приняла тамъ крещеніе.

Сынъ Ольги—Святославъ выросалъ прирожденнымъ воиномъ: сильный, выносливый, отважный, онъ любилъ войну ради войны. Ходилъ въ походы налегкѣ, воевъ съ собою не возилъ, котловъ не бралъ, мяса не варилъ, но, изрѣзавъ тонкими ломтями конину или звѣрину, пекъ на угольяхъ. Шатра у него не было, спалъ онъ на конскомъ потникѣ, положивъ голову на сѣдло. Такъ вели себя и всѣ его воины. Онъ тщательно подбиралъ свою дружину, и къ нему, прослышавъ о немъ, какъ о храбромъ вождѣ, стекались съ разныхъ сторонъ удалцы за славою и добычею. Желая идти на кого-либо, онъ посылалъ гонцовъ съ объявленіемъ „хочу на васъ идти“.

Дружина была небольшая, но отборная. Дѣйствуя безъ обозовъ, эта дружина была способна дѣлать быстрые, длинные переходы. Первые удары Святослава обратились на казаровъ, а затѣмъ на яссовъ и косошовъ, жителей Прикавказья.

Въ 968 году онъ предпринялъ походъ на волжскихъ болгаръ, разграбилъ ихъ главный городъ Болгары, спустился внизъ по Волгѣ и овладѣлъ нѣсколькими городами, въ томъ числѣ Итилемъ, главнымъ городомъ казаръ, и Семендеромъ (на зап. берегу Кавказа).—Тогда же онъ подчинилъ себѣ Тмутаракань (на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей).

Но послѣ этихъ побѣдъ, имѣвшихъ значеніе для укрѣпленія Россіи, Святославъ увлекается своею воинственностью и становится орудіемъ въ рукахъ грековъ въ ихъ борьбѣ съ болгарами.

Вотъ какъ говоритъ историкъ о наймѣ греками русскаго князя съ дружиною воевать противъ болгаръ.

„Греческій Императоръ Никифоръ, угрожаемый войною съ

двухъ сторонъ, рѣшился, по обычаю, вооружить противъ варваровъ другихъ варваровъ: послалъ патриція Калокира къ русскому князю нанять его за 14 кентинарій золота и привести воевать Болгарію ¹⁾. Святославъ, поддавшись на обѣщаніе несмѣтныхъ богатствъ, въ 967 году отправился съ своей дружиной въ Болгарію. Войско его плыло частью на судахъ по Днѣпру, Черному морю и поднялось по Дунаю. Болгарія въ это время заканчивала первый блестящій періодъ своего независимаго существованія. Святославъ разбиваетъ болгарское войско и овладѣваетъ Доростоломъ (Силистрію) и Переяславцемъ. По однимъ показаніямъ, Переяславецъ лежалъ на Дунаѣ, по другимъ—на Балканахъ; наконецъ, есть показаніе, что Переяславецъ—это нынѣшніе Проводы ²⁾.

Такой походъ совершенно не отвѣчалъ интересамъ слагавшейся тогда Русской земли. Кругомъ центра этой земли—Кіева еще сидѣли сильные враги, готовые погубить начало русской государственности. Въ Кіевѣ правила престарѣлая Ольга съ малолѣтнимъ внукомъ Игоремъ. Пользуясь отсутствіемъ Святослава и его дружины, безчисленныя полчища печенѣговъ обступили городъ. Кіевъ былъ отрѣзанъ; тѣмъ не менѣе кіевляне—посланцы къ Святославу нашли способъ прорваться черезъ линію кочевниковъ и достигли Святослава. По преданію, они передали князю знаменитыя слова: „*Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдеши ее, отъ своей же отрѣкся*“.

Святославъ быстро двинулся въ обратный путь къ Кіеву, разогналъ печенѣговъ и освободилъ Кіевъ; но Святославу, по преданію, скоро наскучило жить въ Кіевѣ, и онъ сказалъ матери своей и боярамъ: „Не люблю мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславицѣ на Дунаѣ: *тамъ середина земли моей*: туда со всѣхъ сторонъ свозятъ все доброе: отъ грековъ золото, ткани, вина, овощи разныя, отъ чеховъ и венгровъ серебро и коней, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и рабовъ“.

Историкъ Соловьевъ даетъ слѣдующее объясненіе этимъ словамъ: Святославъ не считалъ Русскую землю своею, а владѣніемъ общимъ, родовымъ. Своею землею онъ считалъ Болгарію, завоеванную имъ силою оружія. Въ эту завоеванную имъ землю онъ и стремился возвратиться, покончивъ княженіе на Руси.

Дѣйствительно, онъ посадилъ старшаго сына своего Святополка въ Кіевѣ, другого—Олега—въ землѣ древлянской, Владиміра—въ Новгородѣ. Такимъ образомъ, Святославъ, по этому объясненію, не имѣлъ намѣренія распространять русскія владѣнія еще присоединеніемъ къ нимъ земель на Балканскомъ полуостровѣ, а намѣревался создать рядомъ съ Русью отдѣльное, независимое отъ Руси, владѣніе.

¹⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 142. 15 кентинарій золота составляли 132,000 червонцевъ.

²⁾ Голцынъ, ч. I, стр. 78. По мнѣнію А. Пузыревскаго — Переяславецъ, это—нынѣшняя Эски-Джума (Исторія военнаго искусства, ч. I, стр. 78).

Покончивъ съ княженіемъ на Руси, Святославъ отправился въ Болгарію съ цѣлью остаться тамъ на всегда. Но онъ дѣлалъ свои расчеты безъ спроса болгарскаго населенія, надѣясь лишь на свою дружину. Встрѣченный враждебно болгарами, поддержанными на этотъ разъ греческимъ императоромъ, Святославъ долженъ былъ завоевать Болгарію вторично. Переяславецъ былъ взятъ имъ послѣ упорнаго боя. Смиривъ болгаръ, Святославъ начинаетъ войну съ греками. Усиливъ свою дружину болгарами и венграми, онъ двигается въ глубь страны и угрожаетъ Царьграду. Но силы были слишкомъ не равны: несмотря на отчаянную храбрость, Святославъ въ 970 году былъ отгѣсненъ греческимъ императоромъ Цимисхіемъ къ Дунаю и вынужденъ былъ заключить миръ ¹⁾.

На обратномъ пути, на Днѣпровскихъ порогахъ, на его уже малую дружину напали печенѣги, и въ битвѣ съ ними Святославъ былъ убитъ.

Болгарія, время Святослава, уже имѣла свою исторію. Она не задолго до вторженія Святослава пережила свой золотой вѣкъ— правленіе Симеона Великаго. Болгарскія войска видѣли много побѣдъ; ихъ владѣнія при Симеонѣ захватывали почти весь Балканскій полуостровъ. При этихъ условіяхъ появленіе суроваго Святослава съ его дружиною и притомъ какъ наемника греческаго Императора Никифора, съ цѣлью помочь ему въ борьбѣ съ болгарами, не могло быть принято болгарами иначе, какъ враждебно. Но болгары скоро горько раскаялись въ своей враждебности къ русскому богатырю.

Побѣда Цимисхія надъ Святославомъ при содѣйствіи болгаръ дорого стоила имъ: въ 971 году Цимисхій, дойдя до Дуная, прекращаетъ самостоятельное существованіе болгарскаго царства. Побѣда надъ русскими въ Болгаріи была такимъ образомъ гибелью для болгаръ.

У военныхъ изслѣдователей похода въ Болгарію Святослава мы находимъ мнѣніе, что, завоевывая Болгарію, Святославъ создавалъ въ ней образцовую промежуточную базу „для развитія дальнѣйшей борьбы за обладаніе выходомъ въ Средиземное море“ ²⁾.

Указывается при этомъ постепенность передвиженія главнаго центра средоточія власти русскаго князя къ югу:—Новгородъ, Кіевъ, Болгарія.

Событія показали всю непрочность этой промежуточной базы. Святополку пришлось быстро вернуться домой къ Кіеву, чтобы освободить его отъ удара варваровъ. Можно сомнѣваться также, чтобы Святославъ и его дружинники думали о выходѣ въ Средиземное море, хотя о походѣ къ Царьграду думали, но предприняли

¹⁾ По мнѣнію А. Пузыревскаго, одною изъ причинъ неудачи борьбы съ Цимисхіемъ была разброска силъ, допущенная Святославомъ, и его дѣтская доверчивость (стр. 84).

²⁾ Обзоръ войнъ, т. 4-й.

этотъ походъ съ такими слабыми средствами, что даже при успѣхѣ это былъ бы набѣгъ, а не завоеваніе.

Нашъ историкъ говоритъ, что подвиги Святослава были славны для него, но бесполезны для родной земли.

Это слишкомъ мягкое выраженіе.

Правильнѣе признать, что походъ въ Болгарію былъ вреденъ для Руси. Залѣзть въ чужую землю, когда своя была совершенно еще не устроена и не защищена отъ массы враговъ, расходовать на это лучшихъ воиновъ, расходовать такого выдающагося вождя, какимъ былъ Святославъ,—это все были жертвы Руси ненужныя, невыгодныя и потому вредныя для нашей родины.

Нельзя признать тоже, что и походы Олега и Игоря были полезны Россіи. Эти походы не имѣли опредѣленной цѣли закрѣпленія нашего на берегахъ Чернаго моря и обращенія этого моря во внутреннее, русское. Нашихъ вождей тянуло къ Царьграду не государственный разумъ, а погоня за добычею. Хотя и предпринимаемыя съ большими средствами, это были не завоеванія, а набѣги. Въ крови первыхъ вождей еще много было крови варяговъ, для которыхъ походы на грековъ прежде всего были соблазнительны въ смыслѣ богатой добычи. Несвоевременность и безцѣльность этихъ походовъ лучше всего видна изъ того, что путь движенія нашихъ дружинъ отъ Кіева по Днѣпру до Чернаго моря еще много столѣтій послѣ этихъ походовъ все еще находился не въ русскихъ рукахъ.

Возможно ли было при существовавшихъ при первыхъ кievскихъ князьяхъ условіяхъ серьезно надѣяться на завоеваніе Россіею Византіи и овладѣніе Царьградомъ и проливами? Очевидно, что если бы даже тотъ или другой набѣгъ удался, то закрѣпить этотъ успѣхъ въ ту эпоху не хватило бы силъ въ русской землѣ.

Но если бы Русь пошла на Балканскій полуостровъ съ силами достаточными, чтобы прочно осѣсть тамъ, то этимъ такъ ослабила бы себя, что самое основаніе русской земли, заложенное въ теченіе десяти вѣковъ въ Европейской Россіи, могло быть разрушено подъ напоромъ враговъ со всѣхъ сторонъ.

Примѣръ похода Святослава въ Болгарію служить тому лучшимъ доказательствомъ.

Что касается оцѣнки походовъ Святослава въ военномъ отношеніи, то они весьма поучительны и даютъ высокій образецъ военной доблести, какъ вождя, такъ и его дружины.

Эта дружина была немногочисленная, но отборная, закаленная въ предыдущихъ десятилѣтнихъ походахъ; она была способна одерживать успѣхи надъ многочисленными врагами. Вождь ея Святославъ былъ высокій образецъ русскаго вонна; онъ твердо вѣрилъ въ свою личную мощь, вѣрилъ въ своихъ дружинниковъ и не боялся къ своей невыгодѣ предупреждать враговъ о томъ, что идетъ на нихъ. Суровый, сильный, выносливый, смѣлый, воинствен-

ный лично, онъ тѣ же достоинства создалъ и воспиталъ въ дружинѣ. Только смѣлые и сильные люди шли къ нему.

Въ послѣдній періодъ борьбы въ Болгаріи, окруженный со всѣхъ сторонъ въ Силистріи, Святославъ дѣлаетъ вылазку и, въ виду огромнаго превосходства въ силахъ противника, обращается къ своимъ боевымъ товарищамъ съ знаменательными съ тѣхъ поръ словами: „*Не посрамимъ же земли русской и ляжемъ костью:—мертвые бо сраму не имутъ*“. Онъ говорилъ далѣе: „Станемъ же крѣпко, я пойду передъ вами, и если голова моя ляжетъ, тогда промышляйте о себѣ“. Дружина дружно отвѣчала: „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и свои сложимъ“ ¹⁾).

Послѣ ушибы между старшими сыновьями Святослава, властью овладѣлъ младшій сынъ его Владиміръ, въ народныхъ сказаніяхъ „Красное Солнышко“.

Вотъ какъ очерчиваетъ этого выдающагося правителя Руси историкъ:

Дѣятельность Владиміра отличается отъ дѣятельности его предшественниковъ. Онъ часто ведетъ войну, но въ цѣляхъ подчинить Руси тѣ племена, которыя отпали отъ нея, пользуясь отсутствіемъ изъ Руси отца его и междоусобицами между братьями. Главная черта дѣятельности Владиміра состоитъ въ защитѣ Русской земли, въ постоянной борьбѣ съ степными варварами. *Онъ отказывается отъ завоеванія народовъ далекихъ, сильныхъ своею гражданственностью*. Отецъ его Святославъ заслужилъ упрекъ, что для чужой земли покинулъ свою, которою въ его отсутствіе едва было не овладѣли варвары. Владиміръ, наоборотъ, стоялъ всегда самъ на стражѣ противъ этихъ варваровъ и устроилъ сторожевую линію изъ ряда городовъ и укрѣпленій по близкимъ къ степи рѣкамъ.

Владиміръ лично не былъ воинственнымъ, не отличался удалью подобно отцу своему, въ крайности рѣшался на бѣгство передъ врагомъ, но онъ имѣлъ широкую душу, былъ крайне заботливъ о народѣ, пользовался совѣтами стариковъ, любилъ дружину, любилъ и пировать съ нею, приближалъ и награждалъ богатырей земли русской. Всѣ эти черты, смягченныя еще христіанскою вѣрою, создали Владиміру народную любовь, дали ему рѣдкій титулъ „Красное Солнышко“.

Владиміръ воевалъ и съ греками, но онъ не пускался по варяжски съ легкимъ флотомъ опустошать берегъ Византійской Имперіи, а двигается къ берегамъ Чернаго моря съ цѣлью овладѣть опорнымъ пунктомъ грековъ на Черномъ морѣ городомъ Корсунъ Херсонесъ близъ Севастополя). Владиміръ умеръ въ 1015 году.

Характеръ дѣятельности Владиміра, способность возбудить къ себѣ любовь, способность выбирать помощниковъ и, главное, созна-

¹⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 147.

тельный отказъ отъ завоеванія народовъ далекихъ и слѣдованіе чисто русской политикѣ, послѣ Владиміра всего полнѣе черезъ 700 лѣтъ повторился въ царствованіе Екатерины Великой. Ей пришлось и довершить дѣло утвержденія Руси на Черномъ морѣ, начатое Владиміромъ.

Снова послѣ смерти Владиміра начались усобицы между 12 его сыновьями, пока не сѣлъ на отцовское мѣсто Ярославъ, послѣ княженія на сѣверѣ въ Новгородѣ 28 лѣтъ.

При Ярославлѣ торговыя связи Россіи съ Византією были довольно оживленны и важны. Когда русскій купецъ въ Царьградѣ былъ убитъ, Ярославъ счелъ это достаточнымъ предлогомъ, чтобы пойти на грековъ войною. Въ 1043 году онъ отправилъ многочисленное войско на судахъ съ сыномъ своимъ Владиміромъ, но буря разметала суда, и походъ окончился полною неудачею.

Во многихъ отношеніяхъ въ своей дѣятельности Ярославъ слѣдовалъ примѣру своего отца. Ему пришлось много воевать съ братьями, но для охраны цѣлости Россіи онъ обращалъ свое оружіе и противъ чуди, литвы, ятвяговъ. Онъ населялъ пустынные пространства, строилъ города. Онъ оградилъ острожками южную границу Россіи. Ярославъ былъ первый грамотный князь. При немъ изданъ и первый писанный уставъ гражданскій, такъ называемая „Русская Правда“.

Относительно взгляда на внѣшнія предпріятія историкъ пишетъ: „Ярославъ слѣдовалъ совѣтамъ Добрыни, что народы, ходящіе въ сапогахъ, не будутъ охотно платить дани, и потому не любилъ войны съ ними“.

Ко времени начала распри между сыновьями Ярослава, Русская земля со времени поселенія на ней славянскихъ племенъ закончила первое тысячелѣтіе своей исторіи.

Извѣстный изслѣдователь русской исторіи В. Ключевскій даетъ слѣдующую общую картину состоянія Руси за этотъ періодъ. Въ періодъ до призванія первыхъ князей на Руси, въ особенности въ Кіевѣ и Новгородѣ, наиболѣе видное мѣсто въ дѣятельности населенія занимала внѣшняя торговля.

Рѣка Днѣпръ служила главною торговою дорогою. Притоки Днѣпра составляли подъѣздные пути.

Обширные лѣса, примыкавшіе къ правому берегу Днѣпра, были богаты пушнымъ звѣремъ, лѣснымъ пчеловодствомъ. Отсюда мѣха, воскъ и медъ стали главными статьями русскаго вывоза.

Разселеніе славянъ совпало съ утвержденіемъ въ южно-русскихъ степяхъ одной изъ азіатскихъ ордъ—хозарь. Этотъ народъ рано началъ заниматься мирными промыслами. Хотя они и наложили дань на днѣпровскихъ славянъ, но не препятствовали имъ вести торговлю черезъ ихъ земли. Уже въ началѣ X вѣка, до призванія варяговъ, русскіе купцы возили свои товары по Черному

морю, въ греческіе города, плавали по Волгѣ, спускались до низовьевъ ея къ хозарской столицѣ Итилю и даже провозили товары свои на верблюдахъ до Богдада. Начало торговыхъ сношеній съ хозарами относится еще къ VIII вѣку.

Съ начала IX вѣка стало падать могущество хозаръ подѣ натискомъ печенѣговъ. Придвинувшись къ Кіеву, они отрѣзали его населеніе отъ черноморскихъ и каспійскихъ рынковъ. Съ этого времени наши города стали вооружаться, вводить военную организацію. Понадобились военные люди, которые и начали приливать изъ-за моря (варяги).

Первые кіевскіе князья главнымъ образомъ были заняты сборомъ дани и разныхъ пошлинъ съ подвластныхъ племенъ.

Князья съ своею дружиною проводили всю зиму въ объѣздѣ для сбора дани съ съверянъ, древлянъ и другихъ данниковъ. Дань эта собиралась натурою. Изъ Кіева большая часть этой дани въ мѣхахъ, медь, воскъ, а также рабы сплавлялись въ Византію. Къ каравану кіевскому примыкали и новгородскіе купцы.

Княжеская дружина въ этотъ періодъ нашей исторіи становится во главѣ торговаго класса большихъ городовъ и вмѣстѣ съ нимъ ведетъ внѣшнюю торговлю.

Бояре, входившіе въ составъ дружины, дѣлились на „думающихъ“ и „храбрствующихъ“. Въ награду за услуги бояре получали доли въ княжескихъ доходахъ и вели торговлю черезъ княжескихъ пословъ. Политическихъ правъ чины дружины не имѣли, но нѣкоторыя гражданскія права уже были опредѣлены. Такъ въ XII вѣкѣ за убійство боярина или княжескаго мужа — „вира“ — (цѣна за кровь, у мусульманъ—купъ) назначалось 80 гривенъ, а за убійство смерда только 40 гривенъ.

Вліяніе пришельцевъ варяговъ было незначительное. Они сливались съ русскими.

Вся Русская земля до конца XII столѣтія считалась какъ бы въ общемъ владѣніи рода Рюриковичей.

Старшій въ родѣ сидѣлъ на старшемъ столѣ, другіе по степени старшинства занимали другіе столы. Когда умиралъ старшій или великій князь, то достоинство его вмѣстѣ съ старшимъ столомъ переходило не къ старшему сыну его, а къ старшему въ родѣ. При такой перемѣнѣ перемѣшались съ своими дружинами и другіе родичи въ зависимости отъ степени старшинства ¹⁾.

¹⁾ По В. Ключевскому, русскіе князья XI вѣка остались тѣмъ, чѣмъ были ихъ предки IX вѣка, рѣчными вкпнгамп—вптязями и впдѣли въ себѣ не столько владѣтелей и правителей русской территоріи, сколько руководителей и охранителей русскаго торговаго и военныхъ сторожей русскихъ границъ. Какъ вожди военно-промышленныхъ варяжескихъ предпріятій, они соперничали другъ съ другомъ за богатство города. (Часть I, стр. 70).

Но такой порядокъ на дѣль часто нарушался междуособіями. Велась кровавая борьба, и власть не всегда доставалась старшему.

Владиміръ Святой, имѣя 12 сыновей, раздаетъ удѣлы своимъ сыновьямъ. Въ числѣ отдѣльныхъ княжескихъ столовъ упоминаются: Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ, Туровская волость, Ростовъ, Владиміръ, Волыньскъ, Земля Древлянская, Смоленскъ, Муромъ, Суздаль, Тмутаракань. Не упомянуты Черниговъ, Переяславъ.

Братья по смерти Владиміра начали кровавую между собою борьбу. Святополкъ убиваетъ трехъ братьевъ, въ томъ числѣ Бориса и Глѣба, и долго воюетъ съ переменнымъ успѣхомъ съ Ярославомъ. Разбитый, оправившись вновь, возвращается къ Киеву то съ поляками, то съ печенѣгами. Позже, явись изъ Тмутаракани съ дружиною изъ казаръ и косоговъ, разбиваетъ войско Ярослава. Воюетъ съ этимъ послѣднимъ и племянникъ его Брячиславъ.—Междоусобныя битвы отличаются особымъ ожесточеніемъ. Когда напр. новгородцы, пришедшіе съ Ярославомъ, напали на рать Святополка, стоявшую на другомъ берегу Днѣпра, то, переправившись на вражескій берегъ, они оттолкнули лодки, чтобы не явилось желанія отступить. Битва была ночная. Новгородскіе воины, чтобы узнавать другъ друга, повязали головы бѣлыми платками.

Въ разсматриваемый періодъ на Русской землѣ не было власти, которая распространила бы свое дѣйствіе на всю Русь.

Это была федерація, но части ея были связаны не политическими, а племенными, экономическими и религіозными отношеніями.

Въ X и XI вѣкахъ на Руси уже было заложено начало раздѣленія населенія на группы или классы. Самымъ важнымъ классомъ, какъ изложено выше, была дружина. За нею шелъ въ городахъ Кіевѣ и особенно Новгородѣ торговый классъ. Вся масса свободнаго населенія носила названіе смердовъ. Но, кромѣ свободныхъ людей, существовали несвободные—холопы и полусвободные—закупы.

Въ холопство поступали: 1) продавшіеся въ рабство, 2) женившіеся на рабѣ безъ договора, 3) поступившіе въ тѣпы (приказчики) безъ договора, 4) родившіеся отъ холоповъ и 5) плѣнные.

Заложившійся за деньги смердъ становился до выплаты долга закупомъ. За бѣгство онъ обращался въ холопы.

Господствующимъ фактомъ экономической жизни была внѣшняя торговля съ вызванными ею лѣсными промыслами (мѣха, воскъ). Это—Русь Дѣвировская, городова, торговая (В. Ключевскій, ч. I. Введеніе, стр. VII-я).

Относительно характера дѣятельности дружины В. Ключевскій пишетъ: „Иностранцамъ X вѣка оба класса — княжеская дружина и городское купечество, представлялись однимъ общественнымъ слоемъ, который носилъ названіе Руси, занимался исключительно торговлею, не имѣлъ ни деревень, ни пашень, т.-е. не принялся еще за земледѣліе. Землевладѣніе появляется поздѣе и проводитъ впервые замѣтную грань между княжеской дружиной и городовымъ купечествомъ. (В. Ключевскій, ч. I, стр. 62-я).

„Въ Кіевскій періодъ исторіи первоначально смерды были господствующимъ классомъ населенія; они свободно занимались добывающею промышленностью, скотоводствомъ и вольнымъ землепользованіемъ. Хозяйственныя блага въ этотъ періодъ были довольно равномерно распределены между отдѣльными семьями.

Скопленіе въ результатѣ внѣшней торговли денегъ въ рукахъ торговаго населенія и дружинниковъ повело къ зарожденію землевладѣнія на правѣ собственности и увеличенію числа закуповъ и холоповъ. Торговавшее меньшинство начало сосредоточивать въ своихъ рукахъ капиталы.

Это меньшинство вмѣстѣ съ дружиною раздѣляло власть съ княземъ и ограничивало эту власть въ большей или меньшей степени. Но были и исключенія. Напр., въ Кіевѣ при Владимірѣ Мономахѣ власть почти не ограничивалась, и даже вѣче почти не собиралось, а въ Новгородѣ часто власть князя была только внѣшнею.

Очередной порядокъ княженія поддерживалъ и усиливалъ значеніе Кіева. Населеніе даже самыхъ отдаленныхъ русскихъ областей пріучилось смотрѣть на Кіевъ, какъ на старшій изъ всѣхъ городовъ, гдѣ сосредоточивались важнѣйшія святыни Русской земли.

Этотъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія содѣйствовалъ также развитію общественной жизни по самымъ отдаленнымъ волостямъ Руси. По мѣрѣ увеличиванія князей, даже малыя волости постепенно выдѣлялись въ особыя княжества, въ каждомъ изъ нихъ возникалъ „стольный“ городъ, гдѣ жилъ князь съ своею дружиною, обстраивая и украшая городъ. „Такимъ образомъ въ разные углы Руси вносились обстановка и формы жизни, одинаковыя съ центральными областями. Средоточіемъ и руководителемъ этой жизни служилъ Кіевъ, источникъ права, богатства, знанія и искусства для тогдашней Руси. Благодаря распространенію князей по Русской землѣ, совершилось извѣстное общеніе житейскихъ отношеній во всѣхъ частяхъ ея — установились одинаковыя бытовыя формы и понятія“.

Итакъ, подводя общіе итоги описанныхъ въ настоящей главѣ событій, мы видимъ, что, несмотря на тысячелѣтній періодъ, протекшій со времени поселенія славянъ на восточно-европейской равнинѣ, достигнутые ими результаты еще не были значительны, и самое дальнѣйшее существованіе Руси еще не было обезпечено. Но правленіе въ теченіе болѣе ста лѣтъ Рюрикомъ и его преемниками въ лицѣ Ольги, Владиміра и Ярослава способствовало успѣшному приступу къ устроенію Русской земли. Къ XI столѣтію опредѣлились два главныхъ центра Русской земли: на сѣверѣ Новгородъ, на югѣ Кіевъ. Опредѣлились и другіе главные пункты различныхъ славянскихъ племенъ, но общая связь между различными племенами была еще совершенно недостаточна и часто прерывалась, сознанія родственнаго происхожденія не было, ибо различныя славянскія

племена легко вступали въ междоусобную борьбу, приглашая къ себѣ въ союзники дикія орды. Такая слабость связи различныхъ славянскихъ племенъ была особенно опасна, потому что въ XI вѣкѣ зарождающуюся Россію окружали со всѣхъ сторонъ враги: Литва, Польша, дикія орды печенѣговъ, хазары и другіе.

Въ очерченный періодъ, со времени появленія на Русской землѣ славянскихъ племенъ до смерти Ярослава I, русской вооруженной силѣ были предъявлены задачи, частью выполненныя ею, но частью и непосильныя.

До призванія варяжскихъ дружинъ каждое поселившееся на Руси славянское племя защищалось отъ враговъ и нападало на нихъ и на сосѣдей, повидимому, безъ организованной военной силы. Купецъ былъ въ то же время и воиномъ. Земледѣлецъ былъ всегда готовъ защищать свой кровъ или при неравенствѣ силъ переносить его на другое болѣе укрытое или болѣе безопасное мѣсто. Во многихъ случаяхъ славянскія племена, не вступая въ вооруженную борьбу или не имѣя успѣха въ этой борьбѣ, платили дань болѣе сильнымъ сосѣдямъ или ордамъ кочевниковъ, дѣлавшихъ на нихъ набѣги.

Дружины варяговъ, повидимому, положили основаніе организованной вооруженной силѣ. Хотя эти дружины и пополнялись новыми пришлецами съ сѣвера и съ сѣверо-запада, но быстро сливались съ населеніемъ, и дружины скоро перестали быть иноземнымъ войскомъ. Составляя первое время вооруженную силу при отдѣльныхъ князьяхъ, эти дружины задачею своею имѣли не службу Россіи, а службу тому или другому изъ князей, отстаивая его интересы, расширяя его владѣнія, борясь для сего съ другими князьями и ихъ дружинами. При отставаніи отъ нападений того или другого удѣла, дружинѣ помогало и населеніе. Когда дѣятельность отдѣльныхъ князей расширилась, то силы дружинъ быстро оказались недостаточными для выполненія новыхъ задачъ. Тогда князья стали, кромѣ дружинъ, усиливать свои вооруженныя силы различными ополченіями. Уже Олегъ при движеніи къ Кіеву, кромѣ дружины, ведетъ съ собою ополченіе изъ различныхъ племенъ, подчинившихся ему. При этомъ, кромѣ ополченій отъ славянскихъ племенъ, берутся и ополченія отъ племенъ финскихъ и другихъ. Точно также весьма скоро въ составъ дружинъ стали, кромѣ варяговъ, брать и русскихъ людей, и черезъ нѣкоторое время дружины совершенно теряютъ варяжскій характеръ.

Позже, когда пачались усобицы между князьями, задачи русской вооруженной силы стали весьма сложны. Приходилось, одновременно съ междоусобною войною, отстаивать русскія области отъ многихъ враговъ: Литвы, Польши, Венгрии и, главное, отъ многочисленныхъ, все освѣжавшихся движеніемъ съ востока, дикихъ ордъ кочевниковъ.

Положеніе затруднялось тѣмъ, что при усобицахъ князья не

были разборчивы въ средствахъ для образованія нужной для нихъ вооруженной силы. Думая только о своихъ личныхъ интересахъ, они приглашали или нанимали для усиленія своей дружины венгровъ, печенѣговъ, казаръ, половцевъ и пр.

Наконецъ, въ этотъ періодъ русской вооруженной силѣ, не достаточной даже для отстаиванія русскихъ областей отъ различныхъ азіатскихъ ордъ, были предъявлены задачи и по нападенію на Византію. Съ изумительною отвагою, на небольшихъ лодкахъ наши князья: Олегъ, Игорь, Святославъ перевозили довольно многочисленныя рати на Балканскій полуостровъ и вступали въ бой съ греками и болгарами. Мы имѣли блестящіе отдѣльные успѣхи, но въ общемъ эта задача оказалась совершенно непосильною для юной Россіи. Еще менѣе по силамъ оказалась задача завоеванія части Балканскаго полуострова для образованія тамъ русской области.

Мы отставали отъ враговъ нашихъ на югѣ и юго-западѣ не только численно, но и въ техническихъ силахъ и средствахъ (греческій огонь, метательныя машины и пр.).

Отличныя боевыя качества русскихъ войскъ сказывались и въ то время. Боевая годность дружинъ разнилась отъ боевой годности ополченій. Поэтому въ особо выгодномъ свѣтѣ лѣтописецъ рисуетъ боевую дѣятельность именно дружинъ. Нѣсколько князей, воиновъ по призванію, выдающихся своею энергіею, силою и предприимчивостію, сообщаютъ дѣйствіямъ дружины своеобразныя черты, напоминающія рыцарскія. Къ числу таковыхъ относится предупрежденіе врага о томъ, что на него идутъ войною, обычай поединковъ и др.

Наиболѣе высокій образецъ боевыхъ достоинствъ представляетъ дружина Святослава, съ которою онъ воевалъ въ Болгаріи.

Наиболѣе воинственной эпохой древней Руси былъ безспорно періодъ первыхъ русскихъ князей. Въ этотъ періодъ духъ военнаго и высшаго сословія былъ воинственный, славолюбивый. Военное званіе считалось почетнѣйшимъ ¹⁾.

Несмотря на всѣ трудности, русская вооруженная сила IX, X и XI столѣтій помогла русскимъ князьямъ положить прочное основаніе нѣсколькимъ центрамъ Русской земли, въ особенности Новгороду и Кіеву, и давала возможность такимъ выдающимся дѣятелямъ, какъ Владиміръ-Красное Солнышко и Ярославъ I, опираясь на эти центры, объединить власть уже на довольно большой территоріи. Кромѣ расширенія къ востоку и сѣверо-востоку, русская вооруженная сила при Владимірѣ начала задачу по продвиганію Россіи къ Черному морю ²⁾. Водные пути указывали воннамъ на-

¹⁾ Кн. Голіцынъ, ч. I, стр. 34.

²⁾ Походъ 988 года на Крымскій полуостровъ къ Корсуню (Херсонесу). Въ трудѣ г. Ппрогова: „Русская военная сила“, т. I, стр. 31, указано, что до княженія Владиміра и во время его княженія русскіе совершили за 120 лѣтъ 8 походовъ въ Черное море.

правленія, по которымъ должна была раздвигаться Русская земля, но силы были еще недостаточны, а враги сильны, чтобы это стремленіе къ распространенію внизъ по воднымъ путямъ—Волгѣ, Дону, Днѣпру, Западной Двинѣ, водному пути къ Финскому заливу—могло получить достаточную силу и крѣпость.

Сидя на рѣкахъ: Западной Двинѣ, Днѣпрѣ, Днѣстрѣ, Донѣ и Волгѣ, мы владѣли только средними частями этихъ рѣкъ и не имѣли силъ овладѣть устьемъ хотя бы одной изъ нихъ. Эта задача русской вооруженной силѣ оказалась посильною для нея лишь въ періодъ отъ XV до XIX столѣтій.

ГЛАВА II.

Удѣльный періодъ.

Завѣщаніе Ярослава I.—Борьба за удѣлы.—Перенесеніе старшаго княжескаго стола изъ Кіева во Владиміръ.—Исканіе столицы для Русской земли.—Ослабленіе Руси въ удѣльный періодъ.—Основаніе Нижняго Новгорода.—Нашествіе монголовъ въ 1220 году.—Битва на р. Калкѣ.—Монгольское иго.—Александръ Невскій.—Его побѣды надъ Шведами и Ливонцами.—Возвышеніе Литвы.—Расширеніе ея предѣловъ на востокъ и юго-востокъ за счетъ русскихъ удѣловъ.—Борьба Литвы съ Тевтонскимъ Орденомъ.—Возвышеніе Москвы.—Иванъ Калита.—Собораніе Русси.—Дмитрій Донской.—Борьба съ татарами.—Пораженіе на р. Пьяной.—Побѣда на Куликовомъ полѣ.—Результаты этой побѣды.—Новое нашествіе татаръ и взятіе ими Москвы.—Образованіе Царства Казанскаго.—Задачи, которыя ставились русскому воиству въ XI—XIV столѣтіяхъ. (Схемы №№ 2 и 3).

Ярославъ I умеръ въ 1054 году, оставивъ послѣ себя пять сыновей и внука отъ старшаго сына Владиміра. Умирая, Ярославъ I собралъ своихъ дѣтей и между прочимъ далъ имъ завѣтъ ¹⁾: „Любите другъ друга.... живите мирно, слушаясь другъ друга. Свой столъ — Кіевъ поручаю старшему сыну Изяславу, слушайте его, какъ меня слушались, пусть онъ будетъ вмѣсто меня“.

Изяславу было прибавлено: „Если кто захочетъ обидѣть брата, то ты помогай обиженному“.

Историкъ Соловьевъ отмѣчаетъ, что въ этомъ наставленіи не сказано ни слова о правахъ младшихъ братьевъ и объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго брата, какъ государя всей страны. Выставлялись обязанности родственныя, но о государственной связи, о государственной подчиненности не говорилось. Наслѣдники Ярослава должны были любить другъ друга и не ссориться, по мнѣнію Ярослава, потому, что они были дѣти одного отца и одной матери. Но съ размноженіемъ потомковъ, когда родственная связь въ третьемъ, четвертомъ колѣнѣ уже исчезла, предполагалось, что она замѣнится связью родоюю.

Но не только эта связь, но и связь близкаго родства оказалась совершенно не достаточною, чтобы сдерживать личные инте-

¹⁾ Соловьевъ, т. II, стр. 276.

ресы отдѣльных князей и регулировать весьма сложныя между ними отношенія. Эта сложность вытекала изъ самаго понятія о томъ, что Русскою землею править весь родъ Рюриковичей и что старшій столъ занимаетъ старшій въ родѣ, причемъ дядя имѣлъ болѣе правъ на старшій столъ, чѣмъ племянникъ старшій сынъ князя. Такъ какъ смѣна старшаго стола вела за собою и смѣну второстепенныхъ, то при нарушеніи кѣмъ либо очереди получалось много недовольныхъ и происходила вооруженная борьба съ цѣлью добыть себѣ столъ по праву. Въ то же время наиболѣе смѣлые и энергичные наследники, не стѣняясь своимъ старшинствомъ, занимали или старшій столъ, или другіе столы выше своего старшинства. Наконецъ, при быстромъ увеличеніи семьи Рюриковичей стало не хватать на всѣхъ „волостей“. Явились князья—изгон. Недовольные обдѣленіемъ ихъ, эти князья совершенно не стѣнялись въ средствахъ, чтобы захватить на свою долю тотъ или другой кусокъ бѣдной Русской земли съ цѣлью основать тамъ свой удѣлъ. Большею частью изгон, не имѣвшіе своей дружины, обращались за помощью въ степь къ кочевникамъ и приводили ихъ орды, которыя и пользовались взаимными раздорами князей для грабежа.

Населеніе городовъ при частыхъ перемѣщеніяхъ князей принимало мало участія въ отстаиваніи правъ тѣхъ или другихъ князей. Это время въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ очерчено такъ: „Начались тѣ времена, когда по землѣ сѣялись и росли усобицы и въ княжнхъ крамолахъ сокращался вѣкъ людской; когда въ русской землѣ рѣдко слышались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля себѣ трупы“.

Во второй половинѣ XII вѣка происходитъ событіе, имѣвшее важныя послѣдствія въ исторіи Россіи.

Выше было указано, что старшій въ родѣ Рюриковичей сядился на старшій столъ—Кіевскій. Когда таковымъ старшимъ оказался Андрей Боголюбскій, то онъ, хотя и занялъ Кіевъ, но отказался жить тамъ и посадилъ въ Кіевѣ своего младшаго брата, а самъ остался во Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ былъ посаженъ отцемъ своимъ, правившимъ въ Суздалѣ. Это былъ тяжелый ударъ значенію Кіева, и позже Кіевъ уже не поднимается выше всѣхъ другихъ русскихъ городовъ.

Причины, побудившія Андрея остаться во Владимірѣ, объясняются историкомъ Соловьевымъ привычкою къ сѣверу, гдѣ Андрей Боголюбскій родился (въ Суздалѣ) и прожилъ безъ посѣщеній юга 30 лѣтъ. Кромѣ того, Кіевъ той эпохи не удовлетворялъ требованіямъ центра русской земли, а также требованіямъ безопасности для резиденціи старшаго изъ русскихъ князей.

Со всѣхъ сторонъ Кіевъ былъ окруженъ населеніемъ неспокойнымъ, а на югѣ и частью на западѣ (черные клобуки)—разбойничьимъ.—Лучшіе изъ кіевскихъ людей той эпохи свидѣтельствовали,

что „земля ихъ оскудѣла отъ рати и отъ продажъ“ ¹⁾. Разсчитывать на особую преданность населенія города и окрестностей къ себѣ, чужому для нихъ князю, Андрей тоже не могъ. Братъ Андрея— Всеволодъ III Суздальскій, ставшій послѣ смерти Андрея старшимъ княземъ, тоже не переходитъ въ Кіевъ, а остается въ Суздаль.

Эти два князя за время своего княженія, богатаго событіями, поднимаютъ значеніе сѣвера и ставятъ южную Русь въ подчиненное къ нему положеніе. Усиленіе этихъ даровитыхъ, энергичныхъ и съ государственнымъ умомъ князей, чуждыхъ страсти къ боевымъ приключеніямъ, помогаетъ уничтоженію родовыхъ отношеній, уничтоженію общаго родового владѣнія и кладетъ начало будущему объединенію Россіи.

По изслѣдованію историка В. Ключевского, причины паденія Кіевской Руси и возвышенія района верхней Волги были болѣе сложныя. Во второмъ періодѣ нашей исторіи—Удѣльномъ увеличивается власть князя съ пониженіемъ значенія торговыхъ городовъ, и князь является руководителемъ и устроителемъ своего удѣла. Въ первый періодъ главная масса населенія размѣщалась въ области Днѣпра; въ Удѣльный—главная масса оказывается на верхней Волгѣ. Сообразно съ этими перемѣнами верхне-волжская Русь дѣлится не на городовыя области, а на княжескіе удѣлы. Съ перемѣною территоріи, главнымъ двигателемъ народнаго хозяйства, вмѣсто внѣшней торговли, становится обработка земли съ помощью вольнаго труда.

Въ Кіевской Руси внѣшняя торговля придавала жизни населенія много движенія, приносила на Русь большія богатства, содѣйствовала украшенію житейской обстановки. Скопленіе богатствъ отразилось на успѣхахъ искусствъ и на успѣхѣ книжнаго образованія.

Но низшіе классы общества этими благами не пользовались, а благосостояніе высшихъ было основано на *рабовладѣніи*.

Рабы составляли главную статью вывоза въ Кіевскій періодъ исторіи. Особенно усилилось рабовладѣніе въ половинѣ XII вѣка. Кіевляне торговали рабами на Волгѣ и въ Царьградѣ.

„Экономическое благосостояніе и успѣхи общежитія на верху кіевского общества куплены были цѣною порабоженія низшихъ классовъ“.

Приниженное юридическое и экономическое положеніе рабочихъ классовъ было однимъ изъ условій, подкапывавшихъ общественный порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси.

„Очередной порядокъ княжескаго владѣнія былъ одною изъ самыхъ важныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ развитію рабовладѣнія.

Земли были мало населены. Въ постоянныхъ усобицахъ другъ

¹⁾ Соловьевъ, т. II, стр. 310.

съ другомъ, князья старались набрать въ областяхъ соперниковъ какъ можно болѣе плѣнныхъ.

Плѣнники по тогдашнему русскому праву обращались въ рабство и селились на частныхъ земляхъ князя и его дружины, съ которой князь дѣлился своею добычею.

Превратившись въ хищническую борьбу за рабочія руки, сопровождавшуюся разореніемъ селъ и городовъ и уменьшеніемъ свободнаго населенія, княжескія усобицы еще болѣе увеличивали тяжесть положенія низшихъ классовъ въ Кіевской Руси¹⁾.

Слѣдующею важною причиною обѣдненія Кіевского района были набѣги кочевниковъ.

Послѣ печенѣговъ въ особенности много горя южной Руси причинили половцы. Наиболѣе при этомъ страдало сельское населеніе, не огражденное стѣнами подобно городскому.

Населеніе частью избивалось, частью уводилось въ полонъ. Оставшіеся, не дождавшись защиты отъ князя и его дружины, уходили искать болѣе спокойной, обеспеченной и вольной жизни. Уходили отъ половцевъ, уходили и отъ кабалы боярской.

Съ половины XII вѣка отливъ населенія изъ Днѣпровской Руси шелъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: на западъ и сѣверо-западъ и на сѣверо-востокъ. Въ первомъ направленіи населеніе съ Днѣпра перемѣщалось на склоны Карпатовъ (въ Галицію), на западный Бугъ и даже въ Польшу; благодаря приливу населенія начали быстро богатѣть княжества Волынское и Галицкое.

Другая колонизаціонная струя направилась съ Днѣпра и его притоковъ на сѣверо-востокъ въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Съ притокомъ въ Суздальскую землю населенія стали прокладываться и пути по лѣсамъ изъ бассейна Днѣпра въ бассейнъ Волги. Этотъ же приливъ населенія позволяетъ развить въ Суздальской землѣ строительство городовъ.

Такимъ образомъ, Андрей Боголюбскій покидалъ Кіевъ вслѣдствіе уже ясно обозначившагося упадка этого города и обѣдненія его²⁾.

Колонизація бассейна верхней Волги послужила къ образованію великорусскаго племени. При этомъ племена финскія, обитавшія ранѣе въ томъ же районѣ—мурома, мерь и весь, встрѣтили новыихъ пришельцевъ безъ упорной борьбы и въ значительной степени слились съ ними.

Особенности мѣстности повліяли на хозяйственный бытъ Великороссіи.

¹⁾ В. Ключевскій т. I, стр. 125—127.

²⁾ Караванные пути, по которымъ шла вишняя торговля, попали въ руки половцевъ. (Ключевскій ч. I, стр. 130).

Въ Кіевской Руси было значительное количество городовъ, имѣвшихъ главенствующее положеніе надъ сельскимъ населеніемъ.

Это населеніе въ южной Руси по характеру мѣстности,—безводію и постоянной опасности отъ набѣговъ,—размѣщалось въ большихъ селеніяхъ, что сохранилось и понынѣ. На сѣверѣ иная природа заставляла поселенца бороться среди лѣсовъ, болотъ, чтобы поставить избу, выжечь лѣсъ, образовать поле. Когда почва истощалась, крестьянинъ переносилъ свой дворъ на другое мѣсто. Вотъ почему „деревня въ одинъ или два крестьянскихъ двора является господствующею формою расселенія въ сѣверной Руси до самаго конца XVII столѣтія“¹⁾.

Природа страны, обильной лѣсами и болотами, создавала для поселенцевъ много мелкихъ опасностей и затрудненій, борьба съ конми развивала въ великороссѣ находчивость, изворотливость, наблюдательность и смѣлость. Короткое лѣто вызывало потребность въ крайнемъ напряженіи труда въ лѣтнее время, приучало работать быстро, вырабатывало чрезвычайную выносливость. Жизнь въ тяжелыхъ условіяхъ въ свою очередь способствовала приученію великоросса къ простой пищѣ, простому, суровому укладу всей жизни. Въ общемъ всѣ эти данныя создавали изъ великоросса исключительно благодарный матеріалъ для военного дѣла²⁾.

Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго въ Суздальской землѣ началась борьба между многочисленнымъ низшимъ классомъ населенія и правящими верхами. Побѣда осталась за низами и политическое значеніе княжеской дружины и высшаго городского купечества упало.

Поучителенъ медленный процессъ исканія центра государственной жизни Россіи—столицы ея. Первоначально главнымъ городомъ Руси является Новгородъ. Но изолированное его положеніе отъ болѣе одаренныхъ природою мѣстностей Европейской Россіи, уже занятыхъ славянскими племенами—полянами, древлянами и другими, а также близость Новгорода къ чуждымъ народностямъ сѣвера и сѣверо-запада заставляютъ искать центра въ другомъ районѣ.

Олеги сразу переносятъ центръ изъ Новгорода въ Кіевъ, т. е. на 900 верстъ къ югу. Долгое время Кіевъ остается главнымъ городомъ Руси и переживаетъ цвѣтущее время при Владимірѣ и Ярославѣ.

¹⁾ В. Ключевскій ч. I, стр. 152.

²⁾ В. Ключевскій (ч. I, стр. 165) принимаетъ, что великороссъ отлично работаетъ одинъ, когда на него никто не смотритъ, и съ трудомъ привыкаетъ къ дружному дѣйствию общими силами, что онъ работаетъ лучше самъ съ собою, чѣмъ на людяхъ, и хуже въ концѣ, когда уже добился нѣкотораго успѣха и что вообще великороссъ лучше великорусскаго общества. Съ этими выводами согласиться нельзя. Работа русскихъ людей сообща, работа артелями отличается производительностью.

Но уже Святославъ не довольствовался Кіевомъ и искалъ „середину своей земли“ въ Болгаріи ¹⁾.

Событія, однако, скоро самымъ нагляднымъ образомъ доказали, что Болгарія не можетъ быть не только центромъ земли Русской, но даже и вообще русской провинціей.

Менѣе чѣмъ черезъ двѣсти лѣтъ послѣ неудачной попытки передвиганія центра Россіи изъ Кіева въ Болгарію, даже Кіевъ оказался слишкомъ беспокойнымъ городомъ, чтобы онъ могъ явиться центромъ, вокругъ котораго собралась бы Русская земля.

Тогда были сдѣланы новыя попытки найти центръ сѣвернѣе Кіева, по южнѣе Новгорода. Явился временно стольный для старшихъ князей городъ: Владиміръ на Клязьмѣ. Но и онъ не удовлетворялъ въ должной мѣрѣ центральности. Только избраніе Москвы удачно разрѣшило въ XIV столѣтіи вопросъ о центрѣ Русской земли, отвѣчающемъ государственнымъ интересамъ: политическимъ, военнымъ, административнымъ и экономическимъ. Казалось бы, найденный послѣ такихъ тяжелыхъ поисковъ центръ, оправдавшій къ тому же себя въ теченіе четырехъ столѣтій, уже не долженъ былъ подлежать новому пересмотру. Но явился на Руси Царь-гигантъ, для котораго обычныя рамки дѣятеля, вѣрнаго прежде всего эпохѣ, въ которой онъ живетъ, и уважающаго вѣрованія народа, изъ котораго онъ вышелъ, не существовали. Его міровоззрѣніе было внѣ предѣловъ эпохи, переживаемой Россіею, планы дѣйствій не составляли естественнаго, связаннаго съ прошлымъ, шага впередъ. Это были скачки съ болѣзненнымъ разрывомъ съ прошлымъ, причемъ наносились и тяжелые удары самобытной, уже сложившейся національной культурѣ, національнымъ вѣрованіямъ. Русское замѣнялось иноземнымъ. Великій западникъ, сотворивъ чудеса на Русской землѣ, создалъ, однако, миллионы послѣдователей не великихъ, а маленькихъ западниковъ, которые продолжаютъ еще и нынѣ насаживать въ Россіи не всегда зрѣлые плоды западной культуры, въ ущербъ развитію творческихъ, самобытныхъ русскихъ силъ въ національномъ направленіи.

Великій Петръ и въ вопросѣ о центрѣ Россіи, о столицѣ ея, тоже сказалъ великое и горькое по результатамъ слово: онъ повелѣлъ болото при устьи р. Невы, только что завоеванное цѣною огромныхъ усилій, лежащее на краю русской земли, доступное съ моря и съ сухого пути многочисленнымъ врагамъ,—превратить въ столицу Имперіи—Петербургъ. Воля Царя была исполнена. Петербургъ два столѣтія, какъ и Кіевъ, служитъ столицею земли русской. Но представляется вѣроятнымъ, что вопросъ о столицѣ будетъ еще разъ перерѣшенъ съ цѣлью отодвинуться отъ запада къ есте-

¹⁾ Святославъ говорилъ: „Не любо мнѣ жить въ Кіевѣ. Хочу жить въ Переславцѣ на Дунаѣ, тамъ *середи́на* земли моей.“ (Соловьевъ, т. I, стр. 144).

ственному центру Россіи и дать столицу „*Rossii для русских*“. Стоит взглянуть на карту, чтобы увидѣть, что Москва для такого сухопутнаго государства, какъ Россія, составляетъ естественную ея столицу въ отличіе отъ Петербурга, — столицы искусственно созданной.

Непрерывная междоусобная борьба между князьями ослабляла Россію въ удѣльный періодъ ея существованія. Этимъ пользовались ея сосѣди, захватывая области, уже ставшія русскими. Такъ была потеряна Галиційская Русь, такъ часть Полоцкаго княжества отошла къ Литвѣ. Въ то же время ливонцы дошли до Юрьева. Тѣснили насъ и шведы со стороны Ладожскаго озера. На сѣверо-востокѣ усилившіеся волжскіе болгаре въ 1088 году берутъ Муромъ. Тѣснили насъ и съ востока и юга разныя дикія орды.

Потеря Галицкой Руси явилась послѣдствіемъ свосволия бояръ и ихъ крамолы. Принимая то одну, то другую сторону, бояре довели дѣло до того, что венгры ко второй половинѣ XII вѣка овладѣли Галицкою землею. Послѣ побѣды венгровъ надъ Рюриковичами, галицкіе бояре выпросили у венгровъ попавшихъ въ плѣнъ князей Рюриковичей и повѣсили ихъ.

Въ концѣ XII вѣка Галицкая Русь была подѣлена между венграми и поляками. Такимъ образомъ, на юго-западѣ мы потеряли русское достояніе. Но и на сѣверо-западѣ дѣла Руси не шли гладко.

Въ Швеціи, со вступленіемъ на престолъ Эриха Святого, населеніе приняло въ 1150 году христіанство. Вскорѣ шведы появляются на западной окраинѣ нашихъ новгородскихъ владѣній и нападаютъ на Ладугу. При помощи новгородцевъ шведы были разбиты, и временно ихъ движеніе на Русь пріостановилось. Но явились другіе враги Русской земли.

Древнія русскія владѣнія въ Прибалтійскихъ областяхъ дѣлились на двѣ части ¹⁾: сѣверную, зависѣвшую болѣе или менѣе отъ Новгорода, и южную, зависѣвшую отъ Полоцка. Къ берегамъ этой послѣдней, къ устью р. Двины въ 1158 году былъ прибитъ бурей корабль бременскихъ купцовъ. Послѣ схватки съ ливами, нѣмцы побѣдили. Ливы смирились и допустили ихъ открыть торговлю. Бременцы расширили свои дѣла и скоро завели первые два укрѣпленныхъ поселенія: Уксуль и Даленъ. Вслѣдъ за купцами съ благословенія папы явились миссіонеры, Первымъ епископомъ былъ Мейнгардъ. Увидѣвъ, что мирными средствами дѣло обращенія въ христіанство, — даже при полученномъ Мейнгардомъ разрѣшеніи Полоцкаго князя, подвигается медленно, онъ отправилъ посла къ папѣ, который и велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ ливонскихъ язычниковъ. Ранѣе прибытія крестоносцевъ въ Лифляндію

¹⁾ Соловьевъ, т. II, стр. 608.

дію, къ Эстляндскому берегу въ 1196 году присталъ на судахъ датскій король Кануть VI, принудилъ туземцевъ силою принять христіанство и утвердился тамъ. Преемникъ Мейнгарда Альбертъ прибылъ къ устью Двины въ сопровожденіи крестоваго отряда, помѣщавшагося на 23 корабляхъ. Туземцы вступили съ пришлецами въ вооруженную борьбу, но были побиты искусными въ боевомъ дѣлѣ нѣмцами.

Въ 1200 году при устьи Двины основанъ городъ Рига и Альбертъ ѣздилъ въ Германію набирать колоннистовъ-нѣмцевъ для населенія этого города. Въ 1202 году былъ основанъ орденъ меченосцевъ и нѣмцы стали твердою ногою въ устьяхъ Двины.

Полоцкіе князья пробовали противиться. Въ 1202 году полоцкій князь внезапно сдѣлалъ набѣгъ, явился передъ Уксулемъ и осадилъ его. Жители откупились данью, но подъ другимъ городомъ—Гольмомъ русскіе не имѣли успѣха и отступили. Затѣмъ нѣсколько разъ ливы пытались сбросить ненавистное имъ иго, нѣсколько разъ полоцкій князь пробовалъ взять Гольмъ, но безуспѣшно; при осадѣ наши войска много терпѣли отъ камнестрѣльныхъ машинъ. Одинъ изъ князей Вячеславъ предложилъ ордену меченосцевъ половину своей земли (княжество Кукейносское), чтобы нѣмцы помогли ему въ борьбѣ съ Литвою. Скоро все это княжество попало въ руки рыцарей, а за нимъ и другое—Герсика, которымъ владѣлъ Рюриковичъ Всеволодъ. Успѣхи нѣмцевъ повели къ тому, что часть населенія начала принимать христіанство.

Князю Полоцкому рыцари платили нѣкоторое время дань. Ливы просили помощи новгородцевъ противъ нѣмцевъ, но не получили. Въ то время, когда нѣмцы утверждались въ Лифляндской землѣ, новгородцамъ и псковичамъ приходилось вести тяжелую борьбу съ чудью, затѣмъ съ нѣмцами и, наконецъ, съ Литвою.

Въ 1171 году чудь захватила земли почти до Искова, но была отбита. Вслѣдствіе неладовъ новгородцевъ съ своими князьями ¹⁾ они не могли, однако, прочно утвердиться въ Эстоніи и бороться успѣшно съ нѣмцами. Пока у власти стоялъ Мстиславъ Храбрый, онъ дѣлалъ нѣсколько походовъ на чудь, доходилъ до самаго моря, дважды вновь овладѣвалъ Юрьевомъ, но съ уходомъ его на югъ дѣла ухудшились. Тѣмъ не менѣе въ 1219 году новгородцы, вторгнувшись въ Ливонію, имѣли успѣхъ въ битвѣ противъ нѣмцевъ, но не могли овладѣть Венденомъ. Въ слѣдующіе годы они безуспѣшно пытались взять Ревель. А нѣмцы все подвигались впередъ. Въ 1224 году, когда Русь на западѣ понесла тяжкое пораженіе отъ татаръ на р. Калкѣ, нѣмцы, послѣ упорнаго боя, штурмомъ взяли главный оплотъ русскихъ въ Чудской землѣ—укрѣпленный Юрьевъ или Дерптъ. При осадѣ нѣмцами было употреблено много осадныхъ ма-

¹⁾ За 5 лѣтъ (1218 и 1224) въ Новгородѣ смѣнилось пять князей.

шинъ, дѣлались подкопы. Литва тоже не давала покоя Русской землѣ, пользуясь усобицами русскихъ князей. Съ одной стороны литовцы врывались на Волынъ, съ другой—доходили до р. Ловати и г. Торопца, но все это были лишь временные набѣги ¹⁾.

Въ то время, какъ на западѣ и сѣверо-западѣ мы встрѣчаемся съ врагами, болѣе насъ культурными, терпимъ неудачи и ущербъ Русской землѣ,—на востокѣ, въ направленіи наименьшаго для Руси сопротивленія, даже въ скорбную эпоху XI, XII и начала XIII столѣтій наши дѣйствія вѣщаются нѣкоторыми успѣхами.

Болгаре, сидѣвшіе на Волгѣ, крѣпко тревожили съ востока русскія земли. Въ особенности страдала отъ нихъ Суздальская земля.

„Суздальскіе князья, повинуваясь природнымъ указаніямъ, распространяли владѣнія внизъ по Волгѣ, причемъ постоянно должны были бороться съ болгарами, мордвою и другими инородцами“.

Начиная съ Андрея Боголюбскаго, борьба эта принимаетъ болѣе энергичный характеръ.

Князья со своими дружинами спускаются по рѣкамъ Окѣ и Волгѣ, доходятъ до болгарскихъ поселеній, атакуютъ ихъ и берутъ приступомъ. Болгаре по тревогѣ спѣшатъ дать помощь своимъ передовымъ поселкамъ. Происходятъ бои, послѣ которыхъ русскія дружины, даже одержавшія побѣду, не утверждаютъ во взятыхъ ими мѣстахъ, а возвращаются съ добычею обратно, но каждый разъ гдѣ либо ниже ранѣе занятаго нами пункта на рѣкахъ *закладываютъ новый острожекъ*.

Когда въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка усобицы отвлекли вниманіе князей отъ болгаръ, послѣдніе сами перешли въ наступленіе и въ 1217 году взяли Устюгъ.

Опасность стала тогда слишкомъ очевидною. Нѣсколько князей временно прекратили распри и выслали свои дружины подъ общимъ начальствомъ Святослава, сына великаго князя Юрія Всеволодовича. Полки собрались на верхней Волгѣ, откуда поплыли на лодкахъ и высадились противъ города Отела. Первоначально русскіе были встрѣчены болгарскою конницею. Отгнавъ ее, Святославъ атаковалъ городъ, укрѣпленный дубовымъ тыномъ, валомъ и другими укрѣпленіями. Подошедши къ стѣнѣ, Святославъ послалъ сперва людей съ огнемъ и топорами, за ними стрѣльцовъ и копейниковъ. Русскіе разрубили тынъ, разорили два укрѣпленія, сожгли ихъ, но взять городъ не могли и отступили. Послѣ отдыха князь поджегъ городъ со всѣхъ сторонъ, повторилъ штурмъ и послѣ же-

¹⁾ Въ 1200 году Литва опустошила берега Ловати. Въ 1210 сдѣлала набѣгъ на новгородскую землю. Въ 1213 году литовцы пожгли Псковскую землю. Въ 1217 году бились на р. Шелони, въ 1221 около г. Торопца. Въ 1225 году литовцы въ числѣ 7,000 чоловѣкъ страшно опустошили села около г. Торжка. Князь Ярославъ Всеволодовичъ нагналъ ихъ близъ Усвята и разбилъ.

стокаго боя овладѣлъ городомъ. Много болгаръ сгорѣло въ городѣ; иные сами убивали женъ и дѣтей своихъ, а потомъ и сами себя лишали жизни.

Въ виду прибывавшихъ къ болгарамъ подкрѣпленій Свято-славъ отступилъ съ добычею къ устью р. Камы, гдѣ соединился съ ростовцами и устюжцами, въ то же время воевавшими внизъ по р. Камѣ. Зимою болгарскіе послы пришли просить мира.

Главнымъ слѣдствіемъ этого похода было основаніе въ 1221 г. города Нижній-Новгородъ, на землѣ мордвы.

Такимъ образомъ, ко времени нашествія монголовъ (1224 г.) положеніе русскихъ земель было въ общемъ не обезпеченное. Внутренняя усобица ослабила Русь, истощила ее. Венгры и поляки потѣснили Русь, занявъ Галицкое княжество, Литва на большемъ протяженіи тревожила наши владѣнія. Нѣмцы утвердились въ Юрьевѣ. Съ половцами наши счеты были далеко еще не окончены. Только внизъ по Волгѣ даже въ это тяжелое время мы продвинулись до впаденія Оки въ Волгу.

Предварительно описанія нашествія на Русь монголовъ ниже приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія о монголо-татарахъ при Чингизъ-ханѣ, заимствованныя изъ капитальнаго труда М. Иванна ¹⁾.

Чингизъ-ханъ, ставши ханомъ, имѣлъ въ своемъ подчиненіи только 13,000 кибитокъ (семей), а къ концу его жизни ему подчинились 720 народовъ. Внуки его повелѣвали землями нынѣшняго Китая и частью Индіи, Кореею, всею среднею Азіею, почти всею нынѣшнею Россіею и южною Азіею отъ Инда до Евфрата. Всѣ эти завоеванія произведены въ 70 лѣтъ.

Монголы, составлявшіе коренной улусъ Чингизъ-хана, кочевали въ сѣверной Маньчжуріи въ горахъ Хинганскаго хребта и прилегающихъ къ нему долинахъ. Суровый климатъ и кочевой родъ жизни способствовали укрѣпленію здоровья и дѣлали людей способными къ перенесенію тягостей войны. Чингизъ-ханъ называлъ охоту школою войны и во время обширныхъ, организованныхъ имъ охотъ пріучалъ своихъ воиновъ пользоваться мѣстностью, пріучалъ къ порядку, послушанію, мѣткой стрѣльбѣ и управленію конемъ на всякой мѣстности.

Онъ началъ съ покоренія мелкихъ сосѣднихъ кочевыхъ племенъ, подчинялъ ихъ дисциплинѣ и давалъ военное устройство. Свои походы онъ началъ съ войскомъ въ 13,000 человекъ. Въ первыхъ годахъ XIII столѣтія онъ уже нападаетъ на сильное племя татаръ (70,000 семей) и присоединяетъ его къ своимъ кочевникамъ.

Затѣмъ начинаются походы на тунгузовъ, на унгуровъ и, наконецъ, на китайцевъ. Побѣда, хотя и покупаемая иногда цѣною страшнаго кровопролитія, всюду сопровождаетъ войска Чингиза.

¹⁾ М. И. Иваннъ. О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и среднеазиатскихъ народовъ при Чингизъ-ханѣ и Тамерланѣ. Изд. 1875 года.

Одновременно съ завоеваніями Чингизъ-ханъ принимаетъ энергичныя мѣры къ искорененію многихъ пороковъ, которые были свойственны въ ту эпоху не только китайскому осѣдлому населенію, но и кочевникамъ. Онъ боролся противъ воровства, грабежей, распутства, неповиновенія родителямъ, пьянства. Онъ добивался обезпеченія личности и имущества, покровительствовалъ торговлѣ. Мечталъ добиться, чтобы въ его обширномъ государствѣ можно было „носить золото на головѣ, какъ обыкновенные сосуды, не подвергаясь ни грабежу, ни притѣсненіямъ“.

Монголы были пристрастны къ крѣпкимъ напиткамъ. Чингизъ-ханъ училъ, что: „надо стараться пить въ мѣсяць не болѣе трехъ разъ, а еще лучше одинъ разъ, а совсѣмъ не пить и того лучше; но такого человѣка найти невозможно“. Послѣ него пьянство усилилось. Изъ дѣтей его Тулуй и Октай умерли отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ.

Много замѣчательныхъ законовъ было издано за время царствованія Чингизъ-хана для улучшенія нравственности его подданныхъ. Доставивъ населенію безопасность имущественную и личную, Чингизъ-ханъ привязалъ къ себѣ населеніе. Конечно, въ тѣ времена не стѣснялись въ средствахъ при достиженіи такой важной цѣли, какъ поднятіе нравственности населенія. Потребовались для сего очень жестокія мѣры. Такъ, за воровство верблюда или лошади, составлявшихъ иногда главное средство къ существованію семьи, назначалась смертная казнь. За меньшее воровство—наказаніе плетью отъ 7 до 700 ударовъ. Позднѣйшія, въ томъ числѣ и русское законодательство, не придали должнаго значенія кражѣ, напр., единственной лошади у крестьянина-пахаря. Если послѣ долгой судейской волокиты въ рѣдкомъ случаѣ воръ и ловился, онъ отдѣлывался незначительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Но нашъ крестьянинъ на практикѣ и понынѣ держится Чингизъ-ханскихъ взглядовъ на кражу лошади: изловленнаго конокрада крестьяне избиваютъ зачастую до смерти.

Историкъ свидѣтельствуетъ, что, достигнувъ обезпеченія спокойствія въ степи, Чингизъ-ханъ пріобрѣлъ нравственное вліяніе на людей, послѣ чего могъ смѣлѣе производить свои преобразования.

Ниже приводимыя выдержки изъ труда М. Иванина въ сжатой формѣ даютъ достаточно полную картину организаціи, подготовки и основаній дисциплины въ войскахъ Чингизъ-хана.

„Каждому племени опредѣлено было пространство земли, на которомъ оно должно было кочевать. Въ каждомъ племени юрты или кибитки были соединены въ десятки, сотни, тысячи и управляемы десятскими, сотскими и тысячниками. Въ случаѣ набора войскъ, дѣлали нарядъ по одному, по два и т. д. съ десятка, который долженъ былъ снабжать воиновъ назначеннымъ продовольствіемъ и потребностями къ походу.“

Въ войскахъ было тоже подраздѣленіе; въ каждомъ отдѣленіи выбиралн одного десятника для начальствованія десятью воннами, девять десятковъ были подчинены сотнику, имѣвшему сверхъ того и свой десятокъ; на этомъ же основаніи были и тысячники и десяти-тысячники (называемые нашими лѣтописцами темниками), а подчиненные имъ десяти-тысячные отряды—тумэнями. Повелѣнія хана отдавались состоявшими при немъ чиновниками (въ родѣ адъютантовъ) непосредственно темникамъ и начальникамъ племенъ. Никто не имѣлъ права ослушаться своего начальника; въ случаѣ неповиновенія, виновный подвергался строгому наказанію. Всякій начальникъ, поставленный на назначенномъ мѣстѣ, не могъ сойти съ него безъ разрѣшенія, даже для поданія помощи другому, и никто не долженъ былъ принимать отъ него помощи. За нарушеніе этого закона назначена была смертная казнь. Въ мирное время оружіе вонновъ сохранялось въ особыхъ арсеналахъ. Передъ походомъ или для охоты они получали оружіе и должны были содержать его въ исправности, а по минованіи въ немъ надобности—возвращать его по принадлежности. Чингизъ-ханъ требовалъ, чтобы войска всегда были содержимы въ исправности и по первому требованію могли выступить въ походъ.

Передъ походомъ или приготовленіемъ къ сраженію дѣлали смотръ войскамъ, осматривали оружіе и требуемыя въ походъ вещи; неисправныхъ наказывали; хорошимъ воннамъ, въ случаѣ недостаточности ихъ, давали пособіе.

Оружіе ихъ состояло изъ лука, стрѣль, сѣкиръ, пикъ, къ которымъ придѣлывали крючья для стаскиванія непріятельскихъ всадниковъ съ сѣдла; другіе имѣли желѣзныя палицы. Конница имѣла заводныхъ лошадей и была раздѣлена на легкую и тяжелую; легкая употреблялась для аванпостной службы, для начатія сраженія, должна была метаніемъ стрѣль въ лошадей и непріятельскихъ всадниковъ разстраивать ихъ и облегчать дѣйствія тяжелой конницы и служила также для преслѣдованія непріятели.

Монголы были отличные стрѣлки, пріучаясь къ стрѣльбѣ изъ лука съ трехъ-лѣтняго возраста: малымъ дѣтямъ давали малые луки и стрѣлы и потомъ постепенно увеличивали величину луковъ и стрѣль. Оборонительное оружіе состояло изъ крѣпкой и толстой кожи буйволовъ и другихъ толстокожихъ животныхъ. Къ ѣздѣ верхомъ тоже пріучались съ малолѣтства.

Отправляясь въ походъ, монголы должны были брать съ собою, кромѣ оружія, небольшія палатки; каждый бралъ два турсука (кожаные мѣшки), одинъ для воды, другой для крута (сушеный кислый сыръ), и этимъ крутомъ прибавляя къ нему воду они питались при быстрыхъ передвиженіяхъ. Но гдѣ было возможно, они варили мясо въ своихъ малыхъ котелкахъ, которые тоже брали съ собой; за немѣніемъ круту или другого продовольствія, они пускали кровь

лошадямъ и пили ихъ кровь. Монголы осаждали крѣпости по тѣмъ же правиламъ, какъ греки и римляне... Монголы и подвластные имъ кочевыя племена составляли военное сословіе; всякій способный носить оружіе былъ воиномъ; поэтому запрещалось всѣмъ подданнымъ хана имѣть въ услуженіи монголовъ. Содержаніе войскъ Чингизъ-хана ничего не стоило. Войска не только не получали жалованья, но платили ежегодно подать лошадьми, скотомъ (со 100 скотинъ по одной), войлоками и проч.

Женщины, слѣдовавшія за войскомъ, должны были, въ отсутствіе мужчинъ во время сраженія, исполнять всѣ тяжелыя работы. Во избѣжаніе праздности войска въ мирное время посылались на общественныя работы и употреблялись одинъ день въ недѣлю на службу хану. Чингизъ-ханъ требовалъ, чтобы воины въ мирное время были кротки и смиренны въ обращеніи съ жителями и никого не обижали, чтобы начальники были внимательны къ нуждамъ подчиненныхъ, чтобы переходы были умѣренны и чтобы силы людей и лошадей берегались. Разбирая однажды достоинства своихъ военачальниковъ, онъ сказалъ: „Я не знаю никого храбрѣ Исатая и никто не имѣеть рѣдкихъ его качествъ; но самыя трудныя переходы не утомляютъ его, онъ не чувствуетъ ни голода, ни жажды и воображаетъ, что и воины его могутъ перенести то же, что и онъ, а потому онъ и не можетъ быть главноначальствующимъ“.

„Такъ какъ въ степяхъ часто случается недостатокъ въ продовольствіи, то Чингизъ-ханъ приказалъ употреблять въ пищу внутренности животныхъ, кровь ихъ и запретилъ называть какую-либо вещь нечистою, говоря, что всѣ вещи чисты“.

Чингизъ-ханъ и монголы были не очень религіозны и равнодушно относились къ разнымъ религіямъ. Зная вліяніе духовенства на умы, онъ покровительствовалъ духовенству покоренныхъ имъ народовъ. Особою заботою Чингизъ-хана было развить въ своихъ войскахъ воинственность и страсть къ завоеваніямъ, что онъ и достигъ. При выборѣ средствъ для достиженія успѣха Чингизъ-ханъ считалъ все дозволеннымъ: обманъ, хитрость, вѣроломство.

Система войны, принятая Чингизъ-ханомъ, заключалась въ истребленіи войскъ непріятели и плѣненіи части его жителей. Для достиженія этихъ цѣлей ему надо было побѣдить и уничтожить войско, разрушить крѣпости, уменьшить населеніе, отнять богатство, ослабить, истощить государство и, наведя ужасъ, управлять имъ посредствомъ поставленныхъ имъ властей. Такого же образа дѣйствій держался внукъ Чингаза—Батый—при вторженіи въ Россію.

Чингизъ-ханъ, распредѣляя удѣлы своимъ дѣтямъ и родственникамъ, назначилъ сыну своему Джучи земли, лежащія по сѣверную сторону Аральскаго и Каспійскаго морей и далѣе на западъ,

по выраженію его, до тѣхъ мѣстъ, до которыхъ дойдутъ монгольскіе кони. ¹⁾

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Чингизъ-хана, сынъ его Октай собралъ въ 1235 году совѣтъ (Курилты), на которомъ были одновременно рѣшены походы: въ южный Китай, Корею, Индію и въ Европу. Для похода въ Европу былъ назначенъ Батый, сынъ уже умершаго Джучи, а въ помощь ему былъ данъ опытный и искусный полководецъ Субутай. Субутай, 11 лѣтъ ранѣе, при преслѣдованіи Хоразмскаго султана Мухомеда, обойдя съ юга Каспійское море, вторгнулся черезъ Кавказскій перешеекъ въ землю половцевъ и разбилъ въ 1224 году русскихъ князей на р. Калкѣ. Этотъ первый походъ монголовъ составлялъ какъ бы обширную рекогносцировку. Отъ многочисленныхъ плѣнныхъ монголы узнали о мѣстностяхъ Россіи и Европы, о путяхъ, войскахъ, способахъ веденія войны, средствахъ странъ, кои хотѣли завоевать, нравахъ жителей.

На основаніи этихъ свѣдѣній и былъ начертанъ еще Чингизъ-ханомъ общій планъ войны. По этому плану предполагалось окончить завоеваніе Европы въ 18 лѣтъ.

По мнѣнію М. Иванова, походъ въ Россію Батя не слѣдуетъ принимать „за одно вторженіе толпы дикарей, и побѣды монголо-татаръ въ ихъ движеніи отъ Иртыша до Дуная были плодомъ не столько дикой храбрости, сколько хорошаго устройства войскъ, обученія ихъ дѣйствовать оружіемъ, производить тактическія движенія, а также искусныхъ соображеній, основанныхъ на вѣрныхъ свѣдѣніяхъ о странахъ, въ которыя монголы вносили войну“ ²⁾.

Въ войскахъ Батя, вторгнувшись въ предѣлы Россіи, монголовъ было лишь незначительное число, а остальные состояли изъ кочевыхъ тюрко-татарскихъ племенъ, ранѣе покоренныхъ. Среди нихъ было большое число татаръ, почему и всѣ полчища Батя получили общее названіе татарскихъ.

Для боя монголы строились въ нѣсколько линій съ резервомъ, имѣя въ переднихъ линіяхъ союзниковъ и войска покоренныхъ народовъ, въ резервъ свои войска. Бой начинали стрѣльбою изъ луковъ, а по сближеніи съ противникомъ стремительно атаквали его съ холоднымъ оружіемъ, стараясь охватить фланги. При отпорѣ притворно отступали, отстрѣливаясь, и при первой возможности снова переходили въ наступленіе съ трехъ сторонъ. При отступленіи, пересѣвъ на свѣжихъ, заводныхъ лошадей, внезапно бросались впередъ. Обманывали противника разными хитростями. При побѣдѣ преслѣдовали съ цѣлью истребленія всѣхъ войскъ противника.

Различныя части войскъ употребляли въ бою сигналы знаме-

¹⁾ М. Ивановъ, стр. 104.

²⁾ М. Ивановъ, стр. 106.

нами, трубами и производили боевые передвижения легко и быстро. Начальники войск, стоя назади, управляли боем посредством особых посыльных или сигналовъ. *Воины отдѣльно бѣжавшіе, съ поля сраженія или самовольно бросавшіеся на добычу, тутъ же на мѣстѣ убивались.*

При осадѣ города опустошали окрестности, пытались вызвать гарнизонъ въ поле. Если это не удавалось, окружали осажденный городъ изгородями или валами. Осадныя работы производились окрестными туземными жителями и военнопленными. На приступъ тоже шли впередъ военнопленные и союзники. Повернувшихъ тылъ убивали.

Осадныя метательныя орудія были у нихъ въ большемъ совершенствѣ. Въ 1221 году при осадѣ города Нишабура въ Персін сынъ Чингизъ-хана Тулуй изготовилъ на мѣстѣ 3,000 боллиствъ, 300 катапультъ, 700 орудій для метанія горшковъ съ зажженною нефтью и 4,000 штурмовыхъ лѣстницъ. ¹⁾

Во взятыхъ городахъ гарнизоновъ не оставляли, а самые города разрушали, жителей же, исключая купцовъ, художниковъ и ремесленниковъ, истребляли.

Широкія рѣки переплывались монголами вплавъ, сплавливая оружіе и одежду на особыхъ легкихъ плоткахъ, привязанныхъ къ лошадымъ.

Походы свои Чингизъ-ханъ обыкновенно начиналъ осенью, когда лошади и верблюды его были въ хорошемъ тѣлѣ.

Послѣ Чингизъ-хана до половины XV столѣтія монголы-татары сохранили въ общемъ то военное устройство, которое было установлено еще Чингизъ-ханомъ.

Относительно великаго послѣдователя Чингизъ-хана Тамерлана у князя Голицына сдѣлана, на основаніи труда М. Иванина, слѣдующая характеристика: „Для завоеванія государствъ Тамерланъ составилъ и завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ особенныя военно-политическія правила. На основаніи ихъ, не слѣдовало дѣйствовать силою оружія, когда и гдѣ можно было достигнуть цѣли политикой. Заблаговременно до начатія войны должно было изучить способы края, узнать пути, удобные для наступленія и отступленія, изыскать средства для дѣйствія на нравственную силу войскъ. Когда чужое государство раздиралось внутренними раздорами, враждебными одна другой сектами или было добычей деспотизма и насилія, слѣдовало принимать сторону которой-нибудь изъ сектъ или партій, являться защитниками слабыхъ и угнетенныхъ, покровителями духовныхъ лицъ, ученыхъ и т. п., и тѣмъ облегчать средства къ завоеванію страны.

Для приобрѣтенія свѣдѣній о состояніи государствъ, на кото-

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. I, стр. 70.

рыя Тамерланъ имѣлъ виды, онъ отправлялъ въ нихъ посольства или торговые караваны, либо посылалъ на верблюдахъ и лошадахъ легкіе отряды, которые, вторгаясь внутрь страны, захватывали путешественниковъ и жителей и отбирали отъ нихъ пужныя свѣдѣнія.

Для возбужденія духа и мужества въ войскахъ, при арміяхъ Тамерлана состояли духовныя лица и предсказатели успѣховъ оружія.

Этотъ краткій очеркъ военныхъ учрежденій Тамерлана свидѣтельствуемъ: во 1-хъ, что они во многомъ и особенно по духу были весьма сходны съ военными учрежденіями Чингизъ-хана и отличались отъ нихъ только тѣмъ, что были искусно примѣнены ко времени, обстоятельствамъ и исповѣданію монголами магометанской религіи; во 2-хъ, что, подобно военнымъ учрежденіямъ Чингизъ-хана, и они также изблнчаютъ въ Тамерланѣ столь же необыкновеннаго, великаго человѣка, правителя и полководца, одержавшаго такіе же военные успѣхи и совершившаго такіа же обширныя завоеванія превосходствомъ не однѣхъ только численныхъ и матеріальныхъ силъ, но и преимущественно нравственныхъ—ума и воли, искусства—и счастья, того счастья, которое всѣ великіе полководцы умѣли подчинять себѣ и употреблять въ свою пользу,—и, наконецъ, въ 3-хъ, что правильно устроенныя, отлично дисциплинированныя, сильно одушевленныя и превосходно управляемыя такимъ полководцемъ, какъ Тамерланъ, арміи его, составленныя изъ средне-азіатскихъ кочевыхъ народовъ, значительно превосходили жалкія передъ ними *феодално-рыцарскія, вербованныя и наемныя ополченія* западной Европы и въ томъ числѣ Польши, равно и западной и восточной Руси, изъ которыхъ послѣдняя дѣйствительно только чудомъ спаслась отъ нашествія грознаго завоевателя Азіи“.

Въ трудахъ нашихъ историковъ монгольское иго часто называется татарскимъ. По этому вопросу въ трудѣ кн. Голицына приведено мнѣніе, что до конца XIV вѣка, когда родъ Чингизъ-хана угасъ и царство его распалось, завоевателей восточной Руси вѣрнѣе называть монголами, съ начала же XV вѣка—татарами, потому что полчища Чингизъ-хана и его преемниковъ состояли преимущественно изъ татарскихъ племенъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ воинствъ Чингизъ-хана и его вождей съ самаго начала вторженія ихъ въ Россію называютъ татарами.

Монголо-татары въ 1220 году, подъ начальствомъ двухъ вождей Чингизъ-хана: Джебе и Суботая, прошли обычнымъ путемъ изъ Азіи между Уральскимъ хребетомъ и Каспійскимъ моремъ, плѣнили, какъ говорятъ лѣтописи, ясовъ, обезовъ и вторглись въ Половецкую землю. Половцы вышли къ нимъ на встрѣчу, но потерпѣли поражение и побѣжали къ русскимъ границамъ—къ Днѣпру. Половецкій ханъ Котянъ, тесть Мстислава Галицкаго, просилъ зятя своего и другихъ князей „о помощи, давалъ имъ дары коней, верблюдовъ, буйволицъ,

невольницъ“. Онъ справедливо указывалъ на общность опасности Князья сознавали эту опасность и съѣзжались въ Кіевъ. Въ свою очередь монголы (татары) присылали своихъ пословъ, чтобы русскіе не мѣшались въ дѣла татаръ съ половцами, говорили, что они русскихъ не трогаютъ.

Все-же было рѣшено собрать рати и двинуться съ ними навстрѣчу новымъ врагамъ. Собралось многочисленное войско, нѣсколько князей стали въ головѣ своихъ дружинъ. Половцы на этотъ разъ должны были дѣйствовать за одно съ нашими войсками. Но, повидимому, общаго начальника назначено не было, и каждый князь думалъ и дѣйствовалъ по своему. Сѣверные князья въ походѣ не участвовали. Въ апрѣлѣ 1223 года русская рать, силою до 100,000 чел., спустилась внизъ по Днѣпру,—пѣхота водою, конница сухимъ путемъ.

Передовыя монгольскія войска были отѣснены. Этотъ легкій успѣхъ послужилъ къ тому, что къ врагу не отнеслись съ достаточнымъ вниманіемъ. Монголы, отступая, завлекали русскихъ въ глубь половецкихъ степей, а сами имѣли отъ шпионовъ и перебѣжчиковъ свѣдѣнія о противникѣ и о несогласіяхъ между князьями. На 17-й день движенія русскіе подошли къ р. Калкъ—притоку р. Калміуса, за которымъ монголы заняли позицію. Несмотря на близость противника, рознь въ русскомъ станѣ не прекращалась. Въ то время, когда часть войска—дружины волынскія и галицкія—вмѣстѣ съ половцами уже атаквали непріятеля, другія рати оставались въ оборонительномъ положеніи въ укрѣпленномъ лагерѣ, а войска черниговскія не были даже извѣщены о началѣ боя. Монголы эту раздѣльность увеличили ложнымъ отступленіемъ и затѣмъ обрушились всѣми силами на зарвавшійся впередъ отрядъ Мстислава Удалого. Успѣхъ боя колебался то въ ту, то въ другую сторону. Преждевременное бѣгство половцевъ дало татарамъ побѣду. Несмотря на геройство Данила Романовича Волынскаго, несмотря на подвиги русскихъ багатырей, русскіе были разбиты. Въ своемъ бѣгствѣ половцы смяли войска Мстислава Черниговскаго.

Татары, преслѣдуя половцевъ и русскихъ, на плечахъ бѣглецовъ ворвались въ отрядъ Мстислава Черниговскаго, еще не готовившагося къ бою ¹⁾. Въ это время Мстиславъ Кіевскій укрѣплялъ свой лагерь, и войска его оставались зрителями боя. Три дня длилась осада этаго лагеря, русскіе сопротивлялись упорно, татары обѣщали имъ свободное отступленіе изъ лагеря, но, когда наши вышли изъ лагеря, напали на нихъ и уничтожили почти всѣ защищавшія лагерь войска.

По изслѣдованію профессора Н. Н. Сухотина, наши силы дохо-

¹⁾ По Соловьеву Мстиславъ Удалой не далъ знать о началѣ боя Мстиславу Черниговскому изъ зависти.

дили до ¹⁾ 100,000 чел., а у монголовъ было всего 40,000. Главную причинною пораженья Н. Н. Сухотинъ справедливо считаетъ неурядицы и несогласія на Руси, созданныя удѣльною борьбою князей.

Это пораженье имѣло огромное нравственное вліяніе на русскихъ: явилось представленіе о непобѣдимости монголовъ. Несмотря на то, что монголы послѣ побѣды на р. Калкѣ ушли въ степь и Русь не была тревожима ими въ теченіе 14 лѣтъ, ничего не готовлялось, чтобы дать отпоръ монголамъ при ихъ вторичномъ появленіи.

Въ 1237 году монголо-татары съ Батыемъ во главѣ въ числѣ 600,000 чел., цѣлымъ кочевымъ населеніемъ, съ женами и дѣтьми, стадами вторгнулись въ предѣлы Россіи. Передъ кочевою ордою шли многочисленныя отряды хорошо организованной и обученной татарской конницы. Первоначально монголы обрушились на землю камскихъ болгаръ, а зимою 1237 г. вступили въ предѣлы Рязанскаго княжества. Князья знали заблаговременно о начавшемся нашествіи, но снова не проявили согласія. Каждый дѣйствовалъ порознь. Сопротивленіе оказывалось, особенно въ южныхъ областяхъ, ничтожное. Дружины и ополченія порознь разбивались, населеніе истреблялось и частью уводилось въ плѣнъ. Во второе нашествіе покоряются послѣдовательно: Рязань, Коломна, Москва, Суздаль, Владиміръ, Тверь, окрестности Новгорода, Смоленскъ.

Первый ударъ приняли на себя рязанцы. Напрасно князь ихъ просилъ помощи у другихъ князей. Черниговскіе князья отказали въ помощи, потому что рязанцы не были съ ними на р. Калкѣ, а Владимірскій и Рязанскій князья были въ ссорѣ между собою.

Рязанцы сразились храбро. Князь ихъ палъ въ бою. Напрасно одинъ изъ богатырей Коловратъ оказывалъ подвиги; безъ поддержки рязанцы были смяты. Княгиня Евпраксія, узнавъ о смерти мужа своего Рязанскаго князя, бросилась съ высокаго терема на землю и убилась. Послѣ рязанцевъ настала очередь суздальцевъ. Послѣдовала также одиночная и непродолжительная борьба. Городъ Владиміръ пытался защищаться, но былъ взятъ и сожженъ. Суздальскій великій князь Юрій встрѣтилъ Батю на берегу р. Сити (впадающей въ Мологу), но войска его были легко разбиты, и самъ онъ убитъ. 14 городовъ на Суздальской землѣ было разрушено.

Татары пошли затѣмъ къ Новгороду, дошли до р. Ловати, но ихъ остановили не наши войска, а дремучіе лѣса и непроходимыя болота. Орда повернула къ юго-востоку въ приволжскія степи. На этомъ обратномъ пути небольшой городъ Козельскъ геройски защищался нѣсколько недѣль, но былъ взятъ, разоренъ и сожженъ.

Отдохнувъ въ степяхъ, Батый вторично двинулся на русскія княжества, но уже другимъ путемъ.

¹⁾ Н. Сухотинъ. Обзоръ войны, т. IV, стр. 13.

Княжества: Кіевское, Черниговское, Галицкое и Волынское были опустошены. Кіевъ былъ обложенъ огромными силами, и послѣ непродолжительнаго сопротивленія татары ворвались внутрь города, перебили жителей и обратили богатый городъ въ груды развалинъ.

Не довольствуясь достигнутыми успѣхами, Батый двинулся въ Венгрію и въ Польшу. Въ Моравіи въ первый разъ татары получили сильный отпоръ и возвратились въ степи, обложивъ всѣ завоеванныя княжества данью. Орды Батыя расселились въ южной и юго-восточной частяхъ Европейской Россіи на пространствахъ отъ Урала до низовьевъ Дуная, съ центромъ на берегахъ р. Волги, и образовали Золотую Орду съ главнымъ городомъ на Волгѣ—Сарай.

По приказу Батыя, всѣ русскіе князья, пожелавшіе сохранить свои надѣлы, являлись въ Сарай на поклонъ къ Батыю. Послѣ ряда униженій они были утверждены въ своихъ волостяхъ ханскими грамотами (ярлыками) и обложены данью. Михаилъ Черниговскій, не пожелавшій кланяться языческимъ идоламъ, былъ замученъ вмѣстѣ со своимъ бояриномъ Феодоромъ.

Князья обязывались по первому призыву являться со своими дружинами на помощь войскамъ хана.

Дань первоначально была отдана на откупъ чужеземнымъ восточнымъ купцамъ и собиралась съ большою жестокостью подъ покровительствомъ ханскихъ чиновниковъ (баскаковъ), охраняемыхъ сильными татарскими отрядами.

Но уже въ XIV столѣтіи князья сами стали собирать дань и отвозить въ Орду. Впослѣдствіи Московскій князь Иванъ Калита получилъ право собирать дань съ нѣсколькихъ удѣловъ и этимъ отчасти помогъ объединенію Руси.

Конечно, во время монгольскаго ига Россія переживала тяжелое время, и несомнѣнно это иго отразилось на характерѣ народа (смѣшеніе крови, раболѣпство, необходимость таить свои чувства, забитость), но коренной переменѣны въ основахъ быта русскаго народа татарское иго не произвело. Татары прежде всего были вѣротерпимы. Русское духовенство, напр., было освобождено отъ подати: татары не вмѣшивались и во внутреннія отношенія населенія. Порядокъ управленія, народныя обычаи, дружины, народное войско—все было сохранено подъ условіемъ уплаты дани и раболѣпнаго подчиненія русскихъ князей ханамъ.

Вскорѣ татары приняли мусульманство. Можно думать, что кочевники-язычники одинаково легко могли принять и христіанство, что на много облегчило бы, какъ въ то время, такъ и теперь, сліяніе всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, въ одну мощную и дружную русскую семью.

Подчиненность русскихъ княжествъ татарамъ не прекратила борьбы между ними. Ханскіе ярлыки обезпечивали то или другое княжество отъ нашествія татаръ, но въ борьбѣ между собою князья

не обращали вниманія на эти ярлыки. Каждый изъ нихъ, одолѣвъ своихъ враговъ, зналъ, что, привезя въ Орду побольше денегъ, онъ получитъ не только ярлыкъ, но и татарское войско на помощь. Такимъ образомъ, во время татарскаго ига въ междоусобной борьбѣ на ряду съ русскими дружинами сражались и татарскія. Въ этой борьбѣ татары являлись для нашихъ князей только орудіемъ.

Начатое еще до нашествія татаръ ослабленіе родового начала продолжалось. Нарушая эти родовыя права, сильнѣйшіе изъ князей подчиняли себѣ слабѣйшихъ.

Къ счастью, въ числѣ князей явилось нѣсколько выдающихся личностей, которыя, не взирая на подчиненность Ордѣ, настойчиво, мудро и энергично начали и продолжали дѣло объединенія русскихъ волостей въ одно государство и этимъ подготовляли, какъ сверженіе монгольскаго ига, такъ и выполненіе другихъ историческихъ задачъ, выпавшихъ на долю русскаго племени и имъ выполненныхъ.

Особую важность для дальнѣйшей исторіи Россіи имѣло то, что междоусобная борьба отдѣльных князей на сѣверѣ окончилась побѣдою Московскихъ князей и обращеніемъ Москвы въ центръ Руси. Московскіе князья, особенно Даніилъ Александровичъ и его потомки, пользуясь разными средствами, начинаютъ собирать Русскую землю. Они сначала подчиняютъ, а потомъ присоединяютъ отдѣльныя княжества къ своимъ владѣніямъ, удѣльные князья одинъ за другимъ теряютъ свои права и, наконецъ, при Иванѣ III кончается удѣльный періодъ Россіи. Удѣльный князь становится подданнымъ великаго князя, принявшаго титулъ Царя.

Этотъ новый порядокъ отражается и на военныхъ средствахъ отдѣльныхъ областей, которыя объединяются и создаютъ силу, которая, сдерживая натискъ нашихъ враговъ на западѣ, могла побѣдить татаръ и широко раздвинуть предѣлы Россіи къ востоку и юго-востоку.

Не такъ благопріятно, какъ на сѣверѣ и въ центрѣ Руси, складываются дѣла въ южныхъ и юго-западныхъ русскихъ областяхъ.

Южныя волости Россіи при ослабленіи родового начала и перенесеніи главнаго княжескаго стола изъ Кіева послѣдовательно во Владимірѣ и Москву стали все болѣе утрачивать свое первоначальное значеніе. Въ этихъ южныхъ волостяхъ, не исключая и Кіевской, не создалось столь прочныхъ основъ къ созиданію государственнаго строя жизни, какъ въ сѣверныхъ. Нашествіе татаръ нанесло тяжелый ударъ южнымъ мѣстностямъ также и въ матеріальномъ отношеніи. Въ то же время связь ихъ съ сѣверными областями еще ослабилась. Всѣми этими обстоятельствами воспользовались энергичные литовскіе правители и присоединили къ себѣ южныя и юго-западная русскія области. Такимъ образомъ, въ этихъ областяхъ татарское иго замѣнилось подчиненностью Литвѣ. Такая подчиненность первое время не была опасна для народности этихъ областей, ибо нѣкоторые литовскіе

князя - завоеватели приняли русскую вѣру и русскій языкъ. Опасность явилась съ тѣхъ поръ, какъ литовскій князь Ягелло принялъ со своимъ народомъ католичество и Литва соединилась съ Польшею.

На крайнемъ западѣ Галицкая Русь тоже не удержалась въ составѣ русскихъ областей и подчинилась Польшѣ. На сѣверо-западѣ меченосцы наносили своими набѣгами вредъ нашимъ сосѣднимъ областямъ, пока не были побѣждены Литвою. Ихъ на сѣверо-западѣ смѣнили шведы, которые, пользуясь смутю на Руси, одно время распространили свою власть до Новгорода включительно.

Прибавимъ, что при преемникахъ Батяя въ Ордѣ начались раздоры и междоусобія, которыя ослабили значеніе татарской силы, и ко времени освобожденія Руси отъ татарскаго ига, на мѣстѣ сильной Золотой Орды уже находились на востокѣ царства: Казанское и Астраханское, на югѣ—ханство Крымское.

Въ результатъ существованія удѣльной Руси, въ первой половинѣ XIII столѣтія, бывшіе предѣлы Руси сократились болѣе, чѣмъ на половину. Отмѣтимъ ниже возможно кратко нѣкоторые эпизоды изъ нашей исторіи отъ нашествія татаръ до побѣды надъ ними, опредѣлившіе задачи для русской вооруженной силы той эпохи.

Въ XIII столѣтіи въ военномъ отношеніи видное мѣсто занимаетъ князь сѣверной Руси Александръ Невскій. Онъ уже княжилъ въ Новгородѣ въ то время, когда Батый опустошалъ сѣверную Русь. Сознавая невозможность борьбы съ Ордою, Александръ Невскій полною покорностью и богатыми дарами приобрѣлъ расположеніе Батяя и его преемниковъ. Ставъ великимъ княземъ, онъ старался внушить русскому народу терпѣніе и покорность.

Обезопасивъ себя со стороны татаръ, Александръ Невскій энергично продолжалъ дѣло Новгородскихъ князей по расширенію предѣловъ Россіи къ западу и сѣверо-западу и придвинулся даже на сѣверъ отъ Финскаго залива. Тамъ онъ столкнулся со шведами, пытавшимися тамъ утвердиться и обращавшими населеніе въ католическую вѣру. Первую побѣду надъ шведами Александръ Невскій одержалъ на берегахъ Невы. Стремясь овладѣть Балтійскимъ моремъ, шведы на судахъ вошли въ Неву и далѣе къ Ижорѣ. Для шведовъ это былъ какъ бы крестовый походъ, предпринятый съ благословенія папы. Александръ Невскій съ дружиною и ополченіемъ напалъ на нихъ и разбилъ.

Почти одновременно со шведами, съ побережья Рижскаго залива продвигались къ востоку Ливонскіе рыцари. Уже Псковъ, Луга, Капорье достались въ ихъ руки. Александръ Невскій рѣшительно напалъ на нихъ въ 1242 году и на льду Чудскаго озера нанесъ имъ тяжкое пораженіе.

Черезъ три года Александру приходится бороться съ литовцами, и онъ три раза разбиваетъ ихъ.

Эти побѣды въ самое тяжелое для Россіи время спасли сѣвер-

ную Русь отъ порабощенія ея шведами, ливонцами, татарами и облегчили дальнѣйшую задачу по освобожденію отъ татарскаго ига.

Въ XIII вѣкѣ главными врагами литовцевъ были ливонцы (орденъ Меченосцевъ), занявшіе устье Западной Двины, и затѣмъ другой рыцарскій орденъ Тевтоновъ, утвердившійся въ XIII столѣтіи на нижней Вислѣ. Сидѣвшія по сосѣдству съ этими рыцарскими общинами литовскія племена попали въ зависимость отъ этихъ общинъ и были насильственно обращены въ христіанство. Но литовцы, обитавшіе по Нѣману и его притокамъ, сохранили независимость и на набѣги рыцарей отвѣчали набѣгами же.

Литовцы были суровымъ, бѣднымъ, но воинственнымъ племенемъ. Насколько литовцы представляли отличный боевой элементъ, особенно для обороны, видно изъ слѣдующаго факта. Въ половинѣ XIV столѣтія, въ отвѣтъ на набѣгъ литовцевъ, магистръ Тевтонскаго ордена съ нѣмецкими подкрѣпленіями вторгнулся въ Литву и осадилъ одинъ изъ передовыхъ литовскихъ острожковъ, Пунэ. Въ немъ укрылось до 4,000 окрестнаго населенія съ женами, дѣтьми и имуществомъ. Рыцари осаждали городокъ по всеѣмъ правиламъ того времени—съ машинами и скоро надѣялись пробить брешь и взять острожекъ. Осажденные, одушевленные ихъ начальникомъ Мергеромъ, рѣшились погибнуть, но не сдаваться. Когда крѣпость была близка къ паденію,—часть стѣнъ раскачена таранами, подъ другую подведены подкопы,—литовцы перебили женъ и дѣтей, поклали трупы ихъ на огромный костеръ, сложенный среди крѣпости, зажгли его и затѣмъ стали умерщвлять другъ друга. Нѣмцы безпрепятственно вступили въ городъ; оставшіеся въ живыхъ литовцы защищались отчаянно. Мергеръ послѣ геройскаго сопротивленія самъ закололъ себя ¹⁾.

Въ XIII вѣкѣ литовцы начали объединяться. Ихъ выдающіеся князья-правители—Миндовгъ, Гедиминъ и Ольгердъ не только положили предѣлъ дальнѣйшимъ успѣхамъ рыцарей, но широко раздвинули предѣлы литовскихъ владѣній, подчинивъ своей власти земли: Гродненскую, Витебскую, Волинскую. Жители русскихъ областей, признавая владычество Литвы, въ то время освобождались отъ татарскаго ига. Уже Гедиминъ принялъ титулъ великаго князя литовскаго и русскаго и выбралъ своею столицею Вильну, имъ и построенную. Ольгердъ во второй половинѣ XIV столѣтія отнялъ у татаръ земли: Кіевскую, Черниговскую, Сѣверскую и Подолію и началъ тѣснить сѣверо-восточную Русь. Наслѣдовавшій ему сынъ Ягелло (1377—1434) крестилъ литовскій народъ по католическому обряду и соединилъ въ своихъ рукахъ владѣніе Литвою и Польшею.

Племянникъ Ягелло Витовтъ послѣ борьбы добился временнаго отдѣленія Литвы отъ Польши и, продолжая дѣло своихъ предшественниковъ, захватилъ Смоленское княжество. Разсчитывая на

¹⁾ Соловьевъ, т. III, стр. 943.

свои силы, онъ выступилъ въ походъ противъ Золотой Орды, но въ 1399 году на берегахъ р. Ворсклы потерпѣлъ полное пораженіе. Оправившись, онъ обратилъ свои силы на ослабленіе рыцарскаго Тевтонскаго ордена. Въ союзѣ съ Ягелло, онъ выставилъ въ 1410 г. для борьбы 163,000 воиновъ польскихъ и литовскихъ съ многочисленными полками русскими, среди которыхъ были полки смоленскій, полоцкій, кievскій, пинскій и др. ¹⁾.

Рыцари собрали 63,000 чел. Витовтъ встрѣтилъ рыцарское войско подъ Грюнвальдомъ. Первоначально успѣхъ былъ на сторонѣ рыцарей, но благодаря, главнымъ образомъ, чрезвычайному мужеству смоленскихъ полковъ, рыцари потерпѣли пораженіе: до 40,000 чел. изъ ихъ войска было убито, а 15,000 взято въ плѣнъ.

Литовцы, поляки, бѣлоруссы, малороссы и великороссы одержали побѣду надъ нѣмецкими рыцарями и навсегда положили предѣлъ ихъ распространенію на востокъ. Несомнѣнно, что обученіе и вооруженіе было на сторонѣ рыцарей. Противники ихъ взяли верхъ при почти тройномъ превосходствѣ въ силахъ, замѣняя недостатокъ обученія и вооруженія непоколебимымъ мужествомъ.

Ни Кіевская Русь, ни Русь съ центромъ во Владимірѣ не были въ силахъ бороться противъ татаръ съ одной стороны и Литвы съ другой. Задача эта оказалась по силамъ только Московской Руси, объединившейся около города Москвы.

Москва возникла въ XII столѣтіи, въ періодъ возвышенія Суздальской земли, на рубежѣ между днѣпровскимъ югомъ и верхневолжскимъ сѣверомъ. Въ продолженіе XIII вѣка Москва оставалась незначительнымъ пунктомъ и только въ концѣ этого вѣка образуетъ особый удѣлъ, который достается младшему сыну Александра Невскаго, Даніилу.

По объясненію историка В. Ключевскаго, быстрому развитію московскаго удѣла помогло благоприятное центральное географическое положеніе, которое способствовало въ раннее время относительно густому заселенію этой мѣстности.

Сюда попадали колонисты въ своемъ передвиженіи съ юга на сѣверо-востокъ, и многіе изъ нихъ тутъ и осаживались.

„Въ Москву, какъ въ центральный водоемъ, со всѣхъ сторонъ стекались народныя силы, благодаря географическому положенію края.

Благодаря своему центральному положенію, Москва была со всѣхъ сторонъ прикрыта отъ внѣшнихъ враговъ. Это сравнительно болѣе безопасное положеніе края дѣлало его убѣжищемъ для окраиннаго населенія, всюду страдавшаго отъ внѣшнихъ нападений;

¹⁾ Въ томъ числѣ: 60,000 поляковъ, 20,000 чешскихъ, венгерскихъ и сплезскихъ наемниковъ, 42,000 русскихъ и литовцевъ и 40,000 татаръ (Соловьевъ, т. IV, стр. 1044).

а это скопление населенія въ краѣ обогащало мѣстнаго князя, увеличивая количество его плательщиковъ“¹⁾.

Во время перваго роста московскаго края Москва-рѣка служила важнымъ путемъ для торговыхъ судовъ, связывая новгородскій сѣверо-западъ съ воляжскимъ юго-востокомъ.

Торговое, транзитное движеніе на рѣкѣ Москвѣ доставляло князю значительныя денежныя средства въ видѣ торговыхъ пошлинъ.

Первые московскіе князья превращаются въ мирныхъ хозяевъ-промышленниковъ и заботливо приводятъ народное хозяйство въ нѣкоторый порядокъ. Они зазываютъ поселенцевъ со стороны, покупаютъ много русскихъ плѣнниковъ въ Ордѣ, сажаютъ ихъ на свои пустыри, заводятъ поселки, слободы и все увеличиваютъ ихъ число. Сѣверное русское населеніе привыкаетъ считать московское княжество образцовымъ удѣломъ, московскаго князя—образцовымъ хозяиномъ.

Въ особенности оставилъ по себѣ твердую память князь Иванъ Калита. Осторожный и расчетливый, раболѣпный передъ татарами и не стѣснявшійся въ выборѣ средствъ, онъ значительно расширилъ доставшееся ему наслѣдство, водворилъ въ своей землѣ порядокъ и, какъ говорить историкъ, „вывелъ изъ нея воровъ“.

Благодаря своимъ средствамъ и образу дѣйствій, московскіе князья постепенно увеличивали свои владѣнія.

Тяжелыя условія земледѣлія въ ту эпоху облегчали скупку земельныхъ участковъ московскими князьями по весьма дешевой цѣнѣ у князей, бояръ, частныхъ лицъ, монастырей, митрополита. Покупались земли, села и деревни не только въ своемъ удѣлѣ, но и въ другихъ. Уже Иванъ Калита купилъ три удѣльныхъ города съ округами: Бѣлозерскъ, Галичъ и Угличъ. Преемники Калиты пріобрѣтали села и деревни десятками. Не довольствуясь полюбовными сдѣлками, московскіе князья перешли къ захватамъ. Уплативъ хану деньги за какое-либо не принадлежащее ему княжество, московскій князь при помощи татаръ выгонялъ владѣльца изъ его вотчины. Такъ, вел. кн. Василій купилъ въ ордѣ Таруссу, Муромъ и Нижегородское княжество и выгналъ владѣльца.

Въ результатъ дѣятельности московскихъ князей, ихъ владѣнія, составлявшія при смерти Ивана Калиты всего 500 кв. миль (менѣе одной Московской губерніи), по духовному завѣщанію Василя Темнаго въ 1462 году составляли 15,000 кв. миль²⁾.

Усиленно поддерживая добрыя отношенія съ Ордою, московскіе князья выполняютъ различныя порученія хановъ. Такъ, наказаніе тверичей за возстаніе ханъ поручаетъ московскому князю

1) В. Ключевскій, ч. I, стр. 187, 188, 189.

2) В. Ключевскій, ч. I, стр. 194.

Ивану Калитѣ и за точное выполненіе этого порученія награждаетъ его великокняжескимъ титуломъ. Ему же ханъ поручаетъ сборъ съ удѣльныхъ князей дани и доставленіе ея въ Орду.

Ставъ великими князьями ¹⁾, московскіе князья первые задаются цѣлью объединить сѣверную Русь изъ раздробленныхъ удѣловъ. Вокругъ Ивана Калиты впервые образуется княжескій союзъ, дѣйствующій подъ его руководствомъ... Позже великій князь московскій получаетъ отъ хана судебную власть надъ многими удѣльными князьями.

Значеніе московскихъ князей увеличилось присвоеніемъ Москвѣ, со времени перенесенія митрополіи изъ Владиміра въ Москву, значенія главнаго города Руси въ церковномъ отношеніи.

Наконецъ, въ княженіе Дмитрія Донскаго союзъ князей, руководимый имъ, получаетъ національное значеніе, а московскій князь получаетъ значеніе національнаго вождя сѣверной Руси въ ея борьбѣ съ вѣшними врагами ²⁾.

Высшая церковная власть усердно и властно помогала политическимъ успѣхамъ московскихъ князей.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ расширеніемъ территоріи московскіе князья расширяли власть свою и надъ другими князьями.

Планы московскихъ князей по объединенію сѣверной Руси среди вѣшнихъ опасностей отвѣчали и желаніямъ населенія. Это населеніе уже представляло однородную массу великорусскаго племени, чувствовало свое родство и не могло не тяготиться какъ распрями удѣльныхъ князей, такъ и позорною зависимостью отъ Орды. Эта потребность въ объединеніи, существовавшая въ самомъ населеніи, сильно помогла московскимъ князьямъ.

Ко второй половинѣ XIV вѣка Московское княжество уже достигло такой силы, что могло начать борьбу съ Ордою.

Собіраніе Руси въ этотъ первый періодъ закончилось постановкою первой великой задачи—освобожденія Руси отъ татарскаго ига. Требовалось найти вождя для выполненія этой задачи. Таковымъ вождемъ и явился Дмитрій Донской—внукъ Ивана Калиты (1363—1389 г.).

Онъ умѣло и широко воспользовался силами и средствами, скопленными дѣдомъ и отцомъ, и смѣло вступилъ въ борьбу съ Тверью, Рязанью, Литвою и Ордою. Но главная его заслуга несомнѣнно заключается въ томъ, что онъ побѣдою на Куликовскомъ полѣ положилъ прочное начало освобожденію Руси отъ монгольскаго ига.

Кровавыя распри происходили и въ Золотой Ордѣ. Послѣ смерти хана Узбека Орда начинала видимо ослабѣвать.

¹⁾ Московское великое княжество началось съ 1248 г. В. Череванскій. Хронологія событій въ ходъ борьбы Россіи съ монголо-татарами, стр. 6, пзд. 1898 г.

²⁾ В. Ключевскій, стр. 197.

Дмитрій Донской не покинулъ своего плана свергнуть ненавистное иго и тогда, когда во главѣ всей Орды сталъ Мамай. Узнавъ о замыслѣ князя, Мамай выслалъ противъ него многочисленное войско. Дмитрій собралъ тоже войско и пошелъ на помощь къ тестю своему—князю нижегородскому. Не встрѣтивъ татаръ, онъ возвратился въ Москву, довѣривъ воеводамъ войско. Тутъ были полки: владимірскій, переяславскій, юрьевскій, муромскій, ярославскій и нижегородскій. Эта рать собралась на р. Пьяной. Не провѣривъ мѣста нахождения противника, самоувѣренные бояре и воеводы „доспѣхи свои поклали на телѣги и въ сумы, рогатины и копья не были приготовлены, инья не были еще насажены, также не были приготовлены еще щиты и шлемы“...

Ратники развѣзжали, растрепавшись, точно въ банѣ, если случилось гдѣ найти пиво и медъ, напивались до пьяна и хвастались, что одинъ выѣдетъ на сто татаръ. Князя, бояре и воеводы также забыли всякую осторожность, ѣздили на охоту, пировали, строили козни другъ противъ друга ¹⁾, а врагъ уже былъ близко. Мордовскіе князья подвели тайно татаръ къ русскому стану. Пять татарскиххъ отрядовъ ударили со всѣхъ сторонъ неожиданно на русскую рать. Всѣ почти безъ сопротивления побѣжали. Множество было перебито или утонуло въ р. Пьяной. Утонулъ и нижегородскій князь. Татары двинулись впередъ, взяли Нижній-Новгородъ, сожгли Рязань.

На другой годъ татары вновь сдѣлали нашествіе на Русскую землю. Казалось бы, послѣ пораженія на р. Пьяной трудно будетъ Дмитрію сплотить вновь войско, сдѣлать его способнымъ къ побѣдѣ. Но высокія духовныя силы русскаго человѣка безмѣрно велики. Послѣ самаго тяжкаго пораженія онъ, быстро оправившись, можетъ вновь начинать тяжкую борьбу. Такъ было во всѣ времена, такъ случилось и въ эти важные для будущности Россіи дни. Дмитрій быстро собралъ рать и, не дожидаясь врага, двинулся къ нему на встрѣчу. Второе столкновение произошло въ Рязанской области въ 1378 г. и окончилось на этотъ разъ въ пользу русскихъ. Эта первая побѣда сильно подняла духъ русскихъ и подвинула князей на болѣе единодушную и смѣлую помощь Дмитрію. Мамай съ своей стороны рѣшился собрать рать, подобную Батыевой. Ягелло Литовскій обѣщалъ ему содѣйствіе.

Огромную нравственную поддержку въ предстоящей борьбѣ оказало Дмитрію и его воинамъ духовенство въ лицѣ Сергія, игумена Троицкой лавры.

При торжественной обстановкѣ Дмитрій Донской совершилъ шествіе въ монастырь Св. Троицы за благословеніемъ Сергія Радонежскаго.

Мамай съ полумилліонною арміею лѣтомъ 1380 г. двинулся про-

¹⁾ Соловьевъ, т. III, стр. 975.

тивъ Дмитрія. Союзниками его были литовскій князь Ягелло и князь рязанскій. „Предполагалось, что, по соединеніи съ союзниками, Мамай двинется къ Москвѣ. Съ необыкновенною рѣшимостью Дмитрій двинулся изъ Коломны навстрѣчу главному врагу—Мамай, чтобы не допустить его до соединенія съ Ягелло. По мѣрѣ движенія впередъ къ нему присоединялись подкрѣпленія. Это была первая русская рать, въ которой всѣ князья были подчинены Дмитрію, а не были ему равными, какъ то было напр. между князьями на р. Калкѣ. Къ 7 сен. на берегахъ р. Дона, близъ впаденія въ него р. Непрядвы, сосредоточилось около 180.000 русскаго войска“ ¹⁾.

Мамай наступалъ медленно, ожидая соединенія съ Ягелло, которое было обѣщано на 1 октября. Тогда Дмитрій наводитъ три моста черезъ Донъ, переводитъ войско на лѣвый берегъ и оказывается расположеннымъ всего въ 8 верстахъ отъ передовыхъ войскъ Мамай, имѣя въ тылу рѣку. Расположеніе войскъ на позиціи на Куликовскомъ полѣ было въ высокой степени цѣлесообразное: фланги позицій были прикрыты оврагами. Сильный резервъ изъ отборной конницы былъ поставленъ скрытно за лѣвымъ флангомъ, за которымъ отходили пути отступленія къ мосту на р. Донъ. Благодаря двумъ овражистымъ рѣчкамъ съ фланговъ, армія стояла какъ бы въ дефиле, что не позволяло татарамъ развернуть всѣ свои силы.

Стратегически Дмитрій принялъ наступательный образъ дѣйствій, но тактически предпочелъ обороняться, ибо и тогда русскіе были сильнѣе въ оборонѣ, чѣмъ въ наступленіи.

Счастье намъ благоприятствовало. Мамай не оцѣнилъ ошибки, сдѣланной Дмитріемъ Донскимъ, переведшимъ свои войска на лѣвый берегъ р. Дона. Имѣя съ фронта огромную армію Мамай а, въ тылу литовцевъ, Дмитрій въ случаѣ неудачи, независимо трудности переправы черезъ р. Донъ и р. Непрядву, еще былъ угрожаемъ съ тыла войсками Ягелло ²⁾ и князя рязанскаго. Въместо того, чтобы, пользуясь огромнымъ превосходствомъ силъ, демонстрируя съ фронта, перекинуть большую часть силъ на правый берегъ р. Дона ³⁾ выйти на флангъ сообщенія Дмитрія и этимъ заставить его принять бой въ крайне невыгодныхъ условіяхъ, Мамай, надѣясь на превосходство силъ, не дождавшись соединенія съ Ягелло, атаковалъ наши войска первоначально съ фронта. Упорная атака татаръ была отбита. Тогда они повторили атаку, направивъ ее на лѣвый флангъ. Послѣ ожесточеннаго боя значительная масса татаръ

¹⁾ Сухотинъ. Обзоръ войнъ, т. IV, стр. 16.

²⁾ Передовыя войска Ягелло находились въ день Куликовской битвы всего въ 30—40 верстахъ въ тылу у Дмитрія Донскаго (Ки. Голицынъ. Планъ Куликовской битвы, стр. 191).

³⁾ Или обойти правый флангъ Дмитрія для соединенія съ Ягелло.

прорвалась вглубь нашего боевого порядка къ сторонѣ переправъ. Еще нѣсколько усилій и они могли добраться до мостовъ. Въ эту рѣшительную минуту, сохраненный до конца боя резервъ—запасный полкъ устремился впередъ. Увидя подкрѣпленіе, и другіе русскіе полки пошли рѣшительно впередъ. Татары были разбиты. Преслѣдованіе продолжалось на протяженіи 40 верстъ... Но и наши потери были громадны¹⁾: на каждахъ четверыхъ бойцовъ мы потеряли троихъ.

Изъ 150,000 бойцовъ осталось менѣе 50,000²⁾.

Въ нравственномъ отношеніи значеніе этой побѣды было громадное.

Русь увидѣла просвѣтъ въ своей тяжелой жизни, убѣдилась въ возможности побѣдить превосходныя силы татаръ.

На Калкѣ 40,000 татаръ бьютъ 100,000 русскихъ, дѣйствовавшихъ наступательно. На Куликовскомъ полѣ 150,000 русскихъ, дѣйствовавшихъ стратегически наступательно, а тактически оборонительно, бьютъ армию татаръ въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ.

Но тяжкая потеря лучшихъ ратныхъ людей въ Куликовской битвѣ отразилась тѣмъ, что ударъ, нанесенный татарамъ, не былъ рѣшительнымъ и, когда татары повторили нападеніе, то снова настѣ побѣдили.

Послѣ Куликовской побѣды лѣтописецъ говоритъ: „Была на Руси радость великая, но была и печаль большая по убитымъ на Дону. Оскудѣла совершенно вся земля русская воеводами и слугами, и всякимъ воинствомъ и отъ этого былъ страхъ большой по всей землѣ Русской“. Мамай съ остатками своихъ войскъ возвратился въ Орду и началъ собирать новыя полчища для повторенія похода на Москву. Но въ это время въ восточной части Европейской Россіи начинается вліяніе новаго великаго завоевателя—Тамерлана. При движеніи полчищъ Тамерлана съ востока на

¹⁾ Въ обзорѣ войнъ, т. V, число потерь печпелается въ 150,000 чел. изъ 180,000 арм. У Соловьева, т. III, стр. 981, показано, что изъ 400,000 бойцовъ осталось только 40,000 по раиѣ у того же есть указаніе, что собранное Дмитріемъ войско составляло всего 150,000.

²⁾ Я принимаю согласно съ показаніемъ Соловьева (т. III, стр. 978), что подъ Коломны выступило 150,000 чел. Если по пути и присоединилось подкрѣпленіе, то потребовался и расходъ для наблюденій за флангами, особенно къ сторонѣ наступавшихъ войскъ Ягелло, такъ что на полѣ сраженія—на Куликовскомъ полѣ—врядъ ли могло быть болѣе 150,000 бойцовъ. Затѣмъ, по преданію, когда послѣ боя сосчитали, сколько въ живыхъ, то, по счету боярина Михаила Александровича, осталось таковыхъ 40,000 (Сол., т. III, стр. 981). Необходимо прибавить нѣкоторое число оказавшихся въ живыхъ, но сосчитанныхъ въ числѣ убитыхъ, какъ то бываетъ послѣ каждаго горячаго боя. Принимая такихъ до 10,000, получимъ потери до 100,000 чел., т. е. двѣ трети сражавшихся. Такое упорство въ бою проявлялось нашими войсками и въ другихъ случаяхъ. Нельзя также доверять, что у Мамаи было 500,000 воиновъ. Вѣроятно значительно менѣе. По указанію проф. Гейсмана силы Мамаи были „не менѣе русской рати“. (Исторія воен. иску., ч. I, стр. 133).

западъ, однимъ изъ вождей былъ Тохтамышъ, потомокъ сына Чингизъ-хана Джучи, которому отецъ назначилъ владѣніе Прикаспійскими землями. Тамерланъ и направилъ Тохтамыша добывать наслѣдіе его предковъ и назначилъ его ханомъ Золотой Орды. Мамай рѣшилъ отстаивать свою власть. Интересно совпаденіе: противники встрѣтились на берегахъ той самой рѣки Калки, на которой 150 съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ побѣдою надъ русскими было положено начало татарскаго ига. Мамай былъ разбитъ, бѣжалъ въ Крымъ въ Кафу, гдѣ и былъ убитъ генуэзцами.

Тохтамышъ, воцарясь въ Сараѣ, отправилъ пословъ къ Дмитрію Донскому съ требованіемъ, чтобы Дмитрій и другіе русскіе князья явились къ нему съ покорностью и данью. Послы были приняты съ почетомъ, получили для Тохтамыша подарки, но князья въ Орду не поѣхали.

Тохтамышъ въ 1382 году рѣшилъ загладить впечатлѣніе побѣды русскихъ на Куликовомъ полѣ и, собравъ большое войско, быстро двинулся въ московскіе предѣлы, поставивъ цѣлью похода овладѣніе Москвою.

Два попутныхъ княжества—Рязанское и Нижегородское—были спасены отъ разоренія покорностью ихъ князей. Серпуховъ былъ взятъ, и татары стали подвигаться къ Москвѣ. Дмитрій, не подготовленный къ новой борьбѣ, уѣхалъ изъ Москвы.

Москва, оставленная безъ вождя, заволновалась. Часть населенія хотѣла бѣжать, другая требовала обороны. Дѣло доходило до явнаго мятежа, убійствъ, грабежа. Только съ появленіемъ воеводы Остея, литовца, былъ водворенъ порядокъ, организована оборона и данъ отпоръ Тохтамышу. На этотъ разъ русскіе имѣли большое преимущество въ боевыхъ средствахъ.

По описанію очевидцевъ, на татаръ, пытавшихся взять Кремль штурмомъ по лѣстницамъ, осажденные лили горячую воду, бросали большіе каменья, *стрѣляли изъ пищалъ и тюфяковъ (орудій)* ¹⁾. У историковъ въ первый разъ упоминается употребленіе русскими въ этомъ бою огнестрѣльнаго оружія. У татаръ ни ружей, ни орудій еще не было. Не было также и стѣнобитныхъ средствъ. Приходилось штурмовать неразрушенную стѣну по лѣстницамъ. Всѣ штурмы были отбиты. Тогда Тохтамышъ употребилъ хитрость: онъ послалъ татарскихъ князей и съ ними двухъ сыновей Нижегородскаго князя уговорить москвичей сдать городъ съ обѣщаніемъ никому не сдѣлать зла, такъ какъ онъ воевалъ только противъ Дмитрія, а не противъ нихъ. Москвичи повѣрили и вышли къ нимъ навстрѣчу съ Остеемъ, крестами и дарами. Татары, плѣнивъ и убивъ Остея, ворвались въ Кремль, совершенно разграбили его, а жителей частью перебили, частью увели въ плѣнъ.

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. I, стр. 193.

Вслѣдъ за Москвой татары овладѣли Владиміромъ, Переяславлемъ, Юрьевомъ, Звенигородомъ, Можайскомъ, Боровскомъ и др. городами. Князь Дмитрій скрылся въ Костромѣ, гдѣ собиралъ войско. Братъ его Владиміръ тоже собиралъ большую рать у Волока. По словамъ историка, впечатлѣніе Куликовской битвы и па татаръ было настолько сильно, что Тохтамышъ, узнавъ о сборѣ этихъ войскъ, повернулъ назадъ, взявъ попути Коломну и разграбивъ землю своего союзника—Рязанскаго князя. Дмитрій вернулся въ Москву, гдѣ похоронилъ 24,000 убитыхъ, и долженъ былъ снова признать себя татарскимъ данникомъ.

Новый и тяжелый ударъ татарамъ Золотой Орды былъ нанесенъ не русскими, а Тамерланомъ. Его ставленникъ Тохтамышъ, надѣясь на свою силу, объявилъ себя независимымъ. Тамерланъ явился въ Европейскую Россію съ цѣлью смирить и наказать Тохтамыша. Въ окрестностяхъ нынѣшняго города Самары войска Тохтамыша были разбиты.

Черезъ три года онъ собираетъ новое многочисленное войско, но снова и окончательно разбитъ Тамерланомъ. Преслѣдуя его, Тамерланъ направился вверхъ по Волгѣ; перешелъ затѣмъ въ долину Дона, дошелъ до г. Ельца, взялъ его, но послѣ отдыха для лошадей повернулъ обратно черезъ Азовъ и къ Астрахани, предавая все разгрому и грабежу. Золотая Орда была къ великой пользѣ для Россіи очень ослаблена. Авторъ русской военной исторіи кн. Голицынъ считаетъ, что Русь только чудомъ спаслась отъ нашествія грознаго завоевателя Азіи Тамерлана. По его мнѣнію: „Правильно устроенная, отлично дисциплинированная и превосходно управляемая такимъ полководцемъ, какъ Тамерланъ, армія, составленная изъ средне-азіатскихъ народовъ, значительно превосходила жалкія передъ ними феодально-рыцарскія вербованныя ополченія Западной Европы и въ томъ числѣ Польши, равно и западной и восточной Руси“¹⁾.

Попытка Василія воспользоваться наступившими послѣ смерти Тамерлана смутами въ Золотой Ордѣ, чтобы перестать платить дань, не удалась. Старый Эдигей, побѣдившій передъ тѣмъ Витовта Литовскаго (на берегу Ворсклы), внезапно въ 1408 году явился въ Московскую землю, разорилъ ее и взялъ выкупъ съ Москвы. Василій смирился и въ 1412 году ѣздилъ въ Орду на поклонъ съ дарами.

Витовтъ съ своей стороны крѣпко въ это время тѣснилъ Русь. Онъ овладѣлъ Смоленскимъ удѣломъ и угрожалъ Москвѣ.

Не было спокойно на сѣверѣ. Между Новгородомъ и Псковомъ велась борьба, которая окончилась временнымъ признаніемъ Пскова

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. I, стр. 136.

младшимъ братомъ, но ни тотъ, ни другой не присоединились къ Московскому ядру и даже съ вольницею своею ходили на Волгу, грабили Кострому и Нижній-Новгородъ. Изъ колоній Новгорода, Вятка и Сѣверо-Двинская земля тоже искали независимости.

При Василии Темномъ (1425—1426) произошло распаденіе Кипчакскаго царства: отъ него отдѣлились Казань и Крымъ, образовавшіе большія независимыя отъ Золотой Орды владѣнія.

Россіи скоро пришлось столкнуться съ этими новыми силами.

Наконецъ, при Василии Темномъ въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается о казакахъ (рязанскихъ). Такъ назывались легко вооруженные воины, несшіе пограничную службу и наблюдавшіе за движеніемъ татаръ. Впереди ихъ постовъ, еще ближе къ врагу, образовались самостоятельные виды казачества изъ вольныхъ людей, любившихъ боевую жизнь, не мирившихся съ положеніемъ холоповъ. Они образовывали независимыя военныя общины, сами выбирали своихъ атамановъ, всѣ дѣла рѣшали на вѣчѣ или кругомъ. Садились на рѣкахъ, при вольныхъ мѣстахъ, ловили рыбу и отчаянно бились съ татарами. Казаки нападали также на русскія, польскія и литовскія мѣстности. Чудная повѣсть Гоголя „Тарасъ Бульба“ въ поэтической формѣ передаетъ бытъ запорожскихъ казаковъ и одинъ изъ эпизодовъ борьбы ихъ съ Польшею.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Удѣльный періодъ не послужилъ и къ укрѣпленію русской вооруженной силы. Князья боролись при содѣйствіи своихъ дружинъ, усиливаемыхъ народнымъ ополченіемъ и наемными войсками. Князья - изгонъ большею частью дѣйствовали съ наемными дружинами изъ половцевъ, венгровъ, черныхъ клобуковъ и др. По мѣрѣ ослабленія княжеской власти и увеличенія усобицы на Русской землѣ понижается дисциплина даже въ дружинахъ (въ ополченіяхъ дисциплина всегда была недостаточною). Раздача князьями дружинникамъ помѣстій и земель, съ цѣлью прикрѣпить ихъ къ себѣ, повела къ умаленію ихъ первоначальныхъ боевыхъ достоинствъ. Они прикрѣплялись все ближе къ своей землѣ, стали тяжелѣе на подъемъ и не такъ были расположены слѣдовать за своимъ княземъ хоть на край свѣта, какъ, напр., дружинники Святослава.

Князья, стоявшіе во главѣ раздробленныхъ русскихъ вооруженныхъ силъ, не были склонны дѣйствовать сообща даже противъ общаго врага. Выступленіе въ военный походъ не прекращало раздоровъ. Собирались не дружно. Опаздывали. Каждый старался поступить по своему. И при такихъ тяжелыхъ внутреннихъ условіяхъ русской вооруженной силѣ XI—XIII столѣтій были предъявлены тяжелыя задачи, которыя эта сила могла выполнить только отчасти. Особенныхъ усилій потребовала борьба съ половцами, которые во второй половинѣ XI столѣтія явились съ востока на Русскую землю

и широко разлились по ней, оттѣсняя и смѣняя печенѣговъ 1). На западѣ половцы доходили до Чернигова. Въ борьбѣ съ половцами особенно прославился Владиміръ Мономахъ, одержавшій, по народнымъ сказаніямъ, 12 побѣдъ надъ ними. Эти побѣды одерживались не одною дружиною Мономаха, но и наемниками,—другими варварами.

Особенно замѣчательнъ былъ походъ 1103 года, когда Мономаху удалось на время прекратить усобицы, объединить нѣсколько князей и вмѣстѣ съ ними ударить на половцевъ. Эта побѣда была одержана на нижнемъ Днѣпрѣ.

Черезъ 6 лѣтъ Мономахъ бьетъ половцевъ на нижнемъ Дону.

Но намъ еще не удастся закрѣпиться на этихъ рѣкахъ въ мѣстахъ одержанныхъ побѣдъ. Побѣдивъ, мы уходимъ назадъ. На сѣверѣ шла борьба съ финскимъ племенемъ. Наша рать ходила на чудь и отбивалась отъ Литвы.

Въ борьбѣ съ волжскими болгарами наши войска имѣли успѣхъ и продвинули московскія земли до впаденія Оки въ Волгу, гдѣ былъ заложенъ Нижній-Новгородъ.

Но наши рати не дали достаточной защиты южнымъ границамъ Русской земли, не могли осилить половцевъ и не могли помочь Кіеву удержаться на достигнутой имъ высотѣ. Не находя защиты въ русскомъ войскѣ, масса населенія изъ Кіевской Руси переселилась или на сѣверо-востокъ—въ московско-суздальскій районъ, или на западъ—на Волинь и въ Галицію. Такимъ образомъ, уже начатая княземъ Владиміромъ задача по выходу Руси къ Черному морю была на долго задержана.

Не могли русскія рати отстоять Русь и отъ монгольскаго ига. Въ битвѣ на р. Калкѣ сказались главные недочеты русской вооруженной силы того времени: раздробленность силъ между разными князьями и отсутствіе сильной во главѣ князей власти, отсутствіе общаго, полномочнаго вождя надъ всѣми войсками. Но и въ самое тяжелое въ нашей исторіи время, вскорѣ послѣ подчиненія Руси татарскому игу, Александръ Невскій одерживаетъ славныя побѣды надъ шведами и Литвою.

Съ объединеніемъ многихъ удѣловъ московскими князьями и появленіемъ твердой, единой власти въ рукахъ Дмитрія Донскаго черезъ 156 лѣтъ послѣ понесеннаго нами пораженія на р. Калкѣ, явилась возможность разбить татарскія полчища на Куликовомъ полѣ въ 1380 году.

Битва эта представляетъ высокій примѣръ прирожденныхъ достоинствъ русской вооруженной силы и указываетъ, какихъ, по-

1) Печенѣги были оттѣснены къ Дунаю и за Дунай. Въ XIII столѣтіи они были окончательно вытѣснены монголами и поселились во Фракіи и Македоніи, воевали съ греками и, наконецъ, слялись съ болгарами и румынами. (Кн. Голыцынъ, ч. I, стр. 60).

видимому, маловѣроятныхъ результатовъ эта сила можетъ достигать при благопріятной къ тому обстановкѣ.

Такая обстановка и создавалась въ начатой Дмитріемъ Донскимъ борьбѣ съ татарами. Прежде всего Дмитрій Донской уже не являлся только старшимъ между равными князьями, а начальникомъ большинства этихъ князей. Рать, имъ выставленная, въ противность рати, выставленной на р. Калкѣ, объединена его общимъ командованіемъ, повинуется одной его волѣ. Благословляемая на подвигъ духовенствомъ, благословляемая на подвигъ всѣмъ населеніемъ, рать эта настроена въ высокой степени патриотично. Каждый воинъ сознаетъ важность выпавшей ему задачи. Такое настроеніе служитъ причиной, что войска выказываютъ *огромное упорство* и даютъ примѣръ поучительный для всѣхъ временъ, что можетъ дать русскій воинъ, религіозно настроенный, при защитѣ родной земли.

Побѣда достигается, *несмотря на потерю отъ двухъ третей до трехъ четвертей состава русской арміи...*

Высоко поучителенъ и другой фактъ.

За годъ времени до побѣды на Куликовомъ полѣ русская рать понесла отъ татаръ тяжелое пораженіе на р. Пьяной. Но и на этотъ разъ проявилось особо важное качество русской вооруженной силы—способность быстро оправляться отъ понесеннаго пораженія; неудача на р. Пьяной не отразилась пониженіемъ мужества войскъ на Куликовомъ полѣ.

Подчиненіе Литвою многочисленныхъ русскихъ удѣловъ сообщило этому государству въ значительной степени славянскій характеръ, что отразилось и на составѣ литовскихъ войскъ.

Начало XV столѣтія знаменуется огромной важности борьбою Литовско-Польскаго государства съ Тевтонскимъ орденомъ. Это была въ сущности борьба славяно-литовскихъ племенъ съ надвигавшимся на востокъ германизмомъ. Подъ Грюнвальдомъ въ 1410 г. произошла знаменитая битва, въ которой рыцари были разбиты на голову; палъ самъ магистръ ордена и множество рыцарей.

Въ этой битвѣ участвовали ополченія полоцкія, смоленскія и кievскія, но въ особенности помогли побѣдѣ смоленскіе полки. Вслѣдствіе значительнаго превосходства рыцарскаго войска въ обученіи, вооруженіи и боевой опытности эта побѣда могла быть одержана русско-литовскими войсками только при тройномъ превосходствѣ въ силахъ.

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, вооруженная сила Московской Руси къ концу XIV столѣтія выполняетъ огромной важности задачу: кладетъ на всегда предѣлъ владычеству въ Европѣ азіатскихъ ордъ, поразивъ въ битвѣ на Куликовомъ полѣ полчища Мамаю.

Этою побѣдою обезпечивается Славянская Русь съ востока отъ монголо-татарь.

30 лѣтъ спустя польско-русско-литовская вооруженная сила выполняетъ другую, тоже огромной важности, задачу. Въ борьбѣ съ германскою расою разъединенные польскіе и поморскіе славяне, разбросанные между Эльбою, Одеромъ и Вислою, оказываются безсильными и постепенно подчиняются германцамъ. Не довольствуясь достигнутыми успѣхами, германцы переносятъ свою завоевательную дѣятельность на востокъ за Вислу и кромѣ того прочно утверждаются въ прибалтійскомъ краѣ на Западной Двинѣ. Полякамъ, литовцамъ и бѣлоруссамъ грозитъ отъ нихъ серьезная опасность. Послѣ борьбы съ переменнымъ успѣхомъ, въ 1410 году въ битвѣ подъ Грюнвальдомъ польско-русско-литовскія войска одерживаютъ рѣшительную побѣду надъ рыцарями Тевтонскаго ордена и на всегда сокрушаютъ могущество этого ордена.

Послѣ побѣды подъ Грюнвальдомъ движеніе германцевъ на востокъ останавливается на 500 лѣтъ подобно тому, какъ побѣдой на Куликовомъ полѣ тоже на 500 лѣтъ было остановлено господство азіатскихъ ордъ надъ восточной частью Европейскаго материка.

Такимъ образомъ, въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтій славянскія вооруженныя силы восточной Европы выполняютъ трудную и важную задачу: отражаютъ грозную опасность какъ съ востока отъ монголо-татарь, такъ и съ запада отъ германцевъ.

ГЛАВА III.

Московская Русь.

Возвышеніе власти московскаго князя. Задачи, поставленныя русскому воинству въ XV и XVI столѣтіяхъ. Важность для Московской Руси выходовъ къ морямъ: Каспійскому, Балтійскому и Черному. Русскія вооруженныя силы въ XV и XVI столѣтіяхъ. Причины, по которымъ московскіе государи съ недостаточными военными силами достигали большихъ результатовъ. Задачи, поставленныя русскому воинству въ XVII столѣтіи.

Московскій періодъ нашей исторіи начинается съ половины XV вѣка, со вступленія на московскій великокняжескій столъ Ивана III и продолжается до начала XVII столѣтія, когда въ 1613 году на московскомъ престолѣ воцарилась династія дома Романовыхъ.

Историкъ В. Ключевскій отмѣчаетъ нижеслѣдующія главныя явленія въ этомъ періодѣ ¹⁾.

Объединенною сѣвѣрною Русью править московскій государь при содѣйствіи новаго образовавшагося вокругъ него класса—бояръ. Основой народнаго хозяйства остается по прежнему земледѣльческій трудъ вольнаго крестьянина, работающаго на государственной или частной землѣ, но государственная земля все болѣе переходитъ въ руки новаго военнаго класса, создаваемаго государствомъ. Свобода крестьянскаго труда все болѣе стѣсняется, замѣняясь личною зависимостью крестьянина отъ служилаго землевладѣльца.

До Ивана III земельныя пріобрѣтенія носили характеръ захватовъ или денежныхъ сдѣлокъ.

При Иванѣ III въ вольныхъ городахъ низшіе классы становятся на сторону Москвы въ борьбѣ съ мѣстной аристократіею. Это помогаетъ присоединенію Новгорода и Пскова.

Но въ другихъ великихъ княжествахъ сѣвѣрной Руси, оставшихся еще независимыми, напротивъ того, верхніе слои общества—бояре и служилые люди—тяготѣютъ къ Москвѣ, соблазняясь выго-

¹⁾ В. Ключевскій. ч. I, третій періодъ, стр. 263.

дами московской службы. Такъ, когда Иванъ III собирался походомъ на Тверь, многіе тверскіе бояре и дѣти боярскія покинули своего князя и ушли служить въ Москву.

Въ русскихъ княжествахъ, подчиненныхъ Литвѣ, верхи русскаго общества, вмѣстѣ съ князьями, возстаютъ противъ католической пропаганды.

Князья одинъ за другимъ, главнымъ образомъ по религіознымъ побужденіямъ, переходятъ со своими вотчинами на службу къ Московскому Государю, отказываясь отъ своей самостоятельности.

Когда сами мѣстные общества стали тяготѣть къ Москвѣ, „собираніе Руси Москвою теряетъ характеръ мелкихъ вотчинныхъ промысловъ и становится движеніемъ національно-религіознымъ“¹⁾.

При Иванѣ III и Иванѣ IV присоединились къ Москвѣ княжества Ярославское, Пермь, Тверь, Вятка, Вязьма, много князей черниговскихъ, Смоленское княжество, Рязанское, Новгородъ-Сѣверское, Стародубское, Новгородъ, Псковъ. Съ 15,000 кв. миль при началѣ княженія Ивана III московская территория въ царствованіе Ивана IV достигла 40,000 кв. миль.

Въ трудѣ П. Милюкова „Очерки изъ исторіи русской культуры“ (ч. 3-я) начало послѣдовательной русской политики въ XV столѣтіи изложено такъ:

„Только всемогущее государство могло успѣшно бороться съ набѣгами крымскихъ, нагайскихъ и казанскихъ татаръ, окружавшихъ Россію въ XIV вѣкѣ, а также съ надвигавшеюся съ запада Литвою. Исторія и удовлетворила этой потребности.

Для защиты существованія Россіи *создалось всемогущее государство на самой скудной матерьяльной основѣ*. Вслѣдствіе этой скудости верховная власть должна была сдѣлаться всемогущею, чтобы имѣть возможность напрягать всѣ силы населенія къ достиженію поставленныхъ цѣлей.

Эти цѣли опредѣлились уже во второй половинѣ XV вѣка, когда, съ измѣненіемъ состава государства и усиленіемъ верховной власти, измѣнились и отношенія къ сосѣднимъ владѣніямъ и опредѣлились основныя задачи внѣшней политики.

Вмѣсто нѣсколькихъ мелкихъ удѣловъ явилась нераздѣльная масса обширныхъ московскихъ владѣній. „Вмѣсто прежняго великаго князя, лишь старшаго между равными, явился Государь всея Руси.

Онъ теперь самъ Царь и самодержецъ.

Его дипломаты хотятъ во что бы то ни стало быть на равной ногѣ и съ венеціанской республикой, съ самимъ Цезаремъ римскимъ. Московскій Государь, пользуясь собранными его предками средствами, вырабатываетъ широкую программу политики, которой со-

¹⁾ Ключевскій, ч. 1, стр. 267.

знательно и твердо придерживается его правительство и его потомки. Эта программа становится достояніемъ народнаго сознанія.

Еще сынъ Калиты Симеонъ Гордый кончаетъ свое завѣщаніе въ 1353 году требованіемъ, чтобы: „не перестала память родителей нашихъ и свѣча бы не угасла“. Эта свѣча, зажженная Калитою, не гасла, а разгоралась яркимъ пламенемъ при его сыновьяхъ, внукахъ, правнукахъ и праправнукахъ.

Первый русскій самодержецъ стоялъ на плечахъ пяти поколѣній и потому видѣлъ такъ далеко и широко¹⁾.

Московское великое княжество стало великорусскимъ государствомъ, граничащимъ уже не съ удѣльными русскими владѣніями а съ независимыми государствами.

Начинаются дипломатическія сложныя сношенія со шведами, Литвою, татарами и на Руси возрождается забытое понятіе о земскомъ единствѣ. Уже Иванъ III въ сношеніяхъ съ Литвою указываетъ, что „вся русская земля Божіею волею наша отчина“.

Въ 1503 г., когда литовскій государь жаловался Ивану, что тотъ не отдаетъ ему захваченныхъ у Литвы земель, Иванъ возражаетъ: „А мнѣ развѣ не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой,—Кіева, Смоленска и другихъ городовъ?“ Тутъ уже видно политическое притязаніе, которое и заявляется какъ несомнѣнное право.

Ставится такимъ образомъ на очередь вопросъ *объ объединеніи всей Русской земли*. Послѣдующіе два вѣка и идетъ борьба между Русью и Литовско-Польскимъ государствомъ за объединеніе Московскаго государства.

Ниже будутъ изложены тѣ задачи, которыя московскіе государи признали возможнымъ поставить Московской Руси въ XV и XVI столѣтіяхъ.

Задачи, поставленныя русскому воинству въ XV и XVI столѣтіяхъ.

Задачи эти не были случайными.

Онѣ вытекали изъ тогдашняго положенія Руси, были въ значительной степени преемственны отъ прошлыхъ вѣковъ и необходимость ихъ опредѣлялась весьма серьезными причинами географическими, историческими и экономическими.

Мы видѣли выше, что уже первые славянскія племена, переселившись въ Европ. Россію, размѣстились по рѣкамъ—верхнему и среднему Днѣпру, Днѣстру, Вислѣ, Западной Двинѣ, верхней Волгѣ, оз. Ильменѣ съ р. Ловатю и Волховомъ. Рѣки эти текли въ моря Черное, Каспійское, Балтійское.

¹⁾ П. Миллюковъ, ч. III, стр. 29.

Первые пути сообщенія шли по рѣкамъ. Главный путь сообщенія и главный торговый путь „изъ варяги въ греки“ тоже шелъ по рѣкамъ и волокамъ и соединялъ моря Балтійское и Черное.

Увеличеніе славянскаго населенія стѣсняло первоначальные виды занятій населенія охотою, рыболовствомъ, пчеловодствомъ, заставляло искать новыхъ земель, что вело къ переселенію внизъ по занятымъ рѣкамъ и къ занятію новыхъ районовъ.

Если переходъ къ земледѣльческой дѣятельности и прикрѣпилъ нѣсколько населеніе къ землѣ, все же при существовавшей первое время переложной системѣ земледѣлія, особенно на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, требовались обширныя земельныя пространства для относительно незначительнаго по численности населенія.

Торговая дѣятельность, рано развившаяся еще въ Кіевскій періодъ исторіи, шла первоначально по теченію занятыхъ рѣкъ, но, не довольствуясь только рѣками, смѣло переносила свою дѣятельность и на моря Балтійское, Черное, Каспійское и Бѣлое, служившія водоемами, куда стекались рѣки Европейской Россіи. Знакома населеніе съ видѣнными мѣстами и странами, торговое населеніе, нераздѣльное въ первое время отъ военнаго сословія, находило охотниковъ, которые отважно отдѣлялись отъ своихъ племенъ и шли съ торговыми или разбойничьими цѣлями въ мѣстности, которыя слабо или вовсе не защищались.

По свойству мѣстности вся Европ. Россія не представляла *мьстныхъ преградъ* дальнѣйшему распространенію славянскихъ племенъ внизъ по теченію рѣкъ, на которыхъ они осѣли, до впаденія ихъ въ моря.

Если бы славянскія племена не встрѣчали никакихъ препятствій къ расселенію, то уже въ первый періодъ ихъ исторіи они продвинулись бы внизъ по рѣкамъ, ими занятымъ, до морей Балтійскаго, Чернаго, Каспійскаго и Бѣлаго.

Въ дѣйствительности препятствія такому передвиженію были встрѣчены прежде всего въ населеніи финскомъ, литовскомъ и ордахъ кочевниковъ (хозарь, болгарь, печенѣговъ), уже ранѣе славянъ занявшихъ нижнія теченія нѣкоторыхъ рѣкъ и побережья морей, а затѣмъ препятствіе было встрѣчено и въ пришлыхъ населеніяхъ: 1) скандинавскомъ и нѣмецкомъ, оспаривавшихъ у славянъ выходъ къ Балтійскому морю, и 2) во вновь пришлыхъ позже славянъ дикихъ ордахъ гунновъ, половцевъ и, наконецъ, монголовъ.

Въ зависимости отъ силы сопротивленія, встрѣченнаго на пути естественнаго распространенія славянъ внизъ по рѣчнымъ системамъ, это распространеніе совершалось быстрѣе всего въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленіяхъ, значительно медленнѣе по направленію къ Черному морю и всего медленнѣе по направленію къ Балтійскому морю. Съ наименьшими трудностями были заняты долины Сѣверной Двины и притоковъ Волги, Оки и Вятки. Выходъ къ

Бѣлому морю совершился безъ участія значительной вооруженной силы.

Придвиженію къ Черному морю долгое время препятствовали печенѣги, но, вмѣсто покоренія ихъ, наши первые князья Кіевской Руси увлекались смѣлыми предпріятіями по походамъ къ Царьграду, расходовали на это небольшія еще свои вооруженныя силы и средства въ ущербъ прочному закрѣпленію за Кіевской Русью занятыхъ ею мѣстностей.

Путь къ Каспійскому морю, съ первыхъ временъ поселенія славянскихъ племенъ въ Европ. Россіи уже находился въ рукахъ болгаръ и хозаръ. Наши торговцы и сопровождавшіе ихъ воины попадали въ Каспійское море только уплачивая дань хозарамъ.

Въ Балтійское море наши предки попадали двумя путями: по великому пути „изъ варяги въ греки“ и по Западной Двинѣ. Вѣроятно, первоначально повгородцы имѣли свободный доступъ въ Финскій заливъ. Князья полоцкіе считали себя хозяевами устьевъ Западной Двины, ибо Литовскія племена, отдѣлявшія славянъ, осѣвшихъ на Западной Двинѣ, отъ моря, были подчинены полочанамъ и платили имъ дань.

Такимъ образомъ, еще въ начальное время нашей исторіи уже обозначались естественныя направленія для дальнѣйшаго роста Русской земли. Эти направленія вели къ морямъ: Балтійскому, Черному, Каспійскому и Бѣлому. Событія, пережитыя Россіею въ періодъ съ 900 по 1500 годъ, т. е. въ теченіе 6 столѣтій, не способствовали быстрому росту Россіи. Еще удивительно, какъ Русская земля, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, не только не погибла, но къ XVI столѣтію уже настолько окрѣпла, что могла задаваться выполненіемъ задачъ завоевательнаго характера. Дѣйствительно, уже борьба съ половцами оказалась не по силамъ Кіевской Руси. Борьба съ татарами окончилась татарскимъ и смѣлѣе впрочномъ отдѣленіемъ Россіи отъ моря Каспійскаго. Выступленіе на историческую арену Литвы и Польши ознаменовалось присоединеніемъ къ Литвѣ многихъ коренныхъ русскихъ удѣловъ и отдѣленіемъ Россіи отъ моря Чернаго. Появленіе въ Европейской Россіи ливонцевъ и шведовъ прочно отгораживало Россію отъ моря Балтійскаго.

Послѣ подчиненія власти татаръ, казалось, Русской землѣ не оправиться болѣе. Южные и западные русскіе удѣлы опустѣли, обѣднѣли и охотно переходили подъ власть Литвы. Сѣверные удѣлы тѣснились шведами. Московское княжество было прочно отдѣлено ордою, Литвою, Ливоніею и Швеціею отъ морей Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго. Но въ XIV столѣтіи, несмотря на всѣ трудности положенія, несмотря на сильныхъ враговъ со всѣхъ сторонъ, объединенная Московская Русь, съ общимъ вождемъ Дмитріемъ Донскимъ, наноситъ тяжелый ударъ на Куликовомъ полѣ татарамъ. Хотя эта побѣда и не привела къ окончательному освобожденію

Руси отъ монгольскаго ига, но послужила яснымъ доказательствомъ жизненности Московскаго государства и обилія въ немъ силъ не только матерьяльныхъ, но и духовныхъ.

Эта побѣда ускорила сборъ вокругъ Москвы прежнихъ удѣловъ.

Населеніе сознательно поняло, что только *въ единеніи сила* и добровольно, начиная съ князей, поступало подъ высокую руку московскаго великаго князя. Во второй половинѣ XV столѣтія Московское государство уже достигаетъ такого размѣра и такой силы, а ея глава такой власти, что Иванъ III уже могъ объявить себя „Государемъ всея Руси“.

Очевидно, сознавая свою силу Московская Русь съ конца XV столѣтія не могла спокойно выносить обязательства платить дань татарамъ, не могла спокойно относиться къ тому, что древніе русскіе удѣлы попали въ руки Литвы. Борьба съ татарами приводила къ задачѣ по овладѣнію выходами къ морямъ Каспійскому и Черному. Борьба съ Литвою и Ливоніею приводила къ объединенію племенъ великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго и давала выходъ къ морю Балтійскому. Борьба со шведами, перешедшими въ XVI столѣтіи въ наступленіе, въ случаѣ успѣха тоже приводила къ выходу въ Балтійское море.

Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе важность для Россіи каждой изъ этихъ задачъ.

Важность для Россіи выхода къ Каспійскому морю.

Географически между русскими поселеніями по Волгѣ и поселеніями татарскими до самаго устья Волги не было никакихъ преградъ.

По картинному выраженію посла Ивана III, „господаря отчина съ Ахматомъ на одномъ полѣ“¹⁾, т. е. Московская Русь и Золотая Орда составляли одно поле, лежавшее въ одной равнинѣ. Естественное распространеніе русскихъ поселеній задерживалось, какъ указано выше, болгарами, хозарами и, наконецъ, татарами.

Исторически, съ начала поселенія славянскихъ племенъ въ Европейской Россіи, уже существовало движеніе славянъ въ бассейнъ Волги. Съ появленіемъ, въ періодъ развитія Суздальской Руси, многочисленнаго русскаго населенія на верхней Волгѣ, потребность въ занятіи новыхъ земель сильно увеличилась. Въ то же время участились столкновенія съ болгарами, нападавшими на пограничное населеніе.

Завязалась упорная борьба съ ними, въ результатъ которой русскіе заняли устье Оки и заложили тамъ Нижній-Новгородъ.

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1433.

Не появивсь монголы, это былъ бы передовой этапъ для дальнейшей борьбы съ болгарами.

Когда появился Мамай со своими полчищами, русское население занимало не только верхній бассейнъ Волги до впаденія Оки, но и бассейнъ лѣвыхъ притоковъ Волги до Вятки включительно.

Но и послѣ нашествія татаръ не прекратилась колонизаціонная дѣятельность русскаго населенія въ бассейнѣ р. Волги.

Предприимчивые и смѣлые русскіе люди проникали далеко на востокъ, вели на свой страхъ и рискъ борьбу съ финскими племенами и осаживались по притокамъ Волги. Въ XV столѣтіи русское население находилось не только въ долинѣ Вятки, но и въ долинѣ Камы.

На юго-востокъ отъ Москвы русское население съ бассейна р. Оки перебиралось на р. Суру. На югѣ русскіе люди осаживались на верхнемъ Донѣ и его притокахъ, гдѣ уже начали складываться казачьи поселенія.

Такимъ образомъ, ко времени начала походовъ на Казань русское, хотя и рѣдкое, население уже охватывало земли Казанскаго царства съ сѣверо-востока и запада.

Дѣйствія русскихъ ратей, двинутыхъ волею московскихъ великихъ князей въ направленіи на востокъ къ Казани, были подготовлены и облегчены работою самого русскаго населенія. Эта подготовительная работа, произведенная инициативою самого населенія, указывала на сознаніе въ самомъ населеніи жизненной важности волжскаго бассейна.

Съ монгольскимъ игомъ надолго прекратилась возможность для Руси продвинуться къ устьямъ Волги, но не прекратилась работа по сбору силъ для этой задачи. На глазахъ татаръ и даже при ихъ помощи выросла Московская Русь и, наконецъ, побѣдою на Куликовомъ полѣ возвратила себѣ свободу дѣйствій.

Хищническіе набѣги татаръ и другихъ инородцевъ на наши пограничныя мѣстности разоряли население, разгоняли его и вынуждали для защиты его строить „острожки“. Эти укрѣпленные пункты продвигались постепенно все ниже по р. Волгѣ и ея притокамъ. Но въ своихъ набѣгахъ ордынцы легко обходили эти острожки. Требовалось принятіе болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Такою мѣрою могло быть только *завоеваніе Казани*.

По мѣрѣ того, какъ усиливалась Русь, слабѣла отъ разныхъ причинъ Орда. Въ половинѣ XV столѣтія отъ Золотой Орды отдѣлились два большихъ владѣнія: Казань и Крымъ. Союзникъ Ивана III Крымскій ханъ Менгли-Гирей наноситъ окончательный ударъ Золотой Ордѣ. Тогда является благоприятная обстановка для борьбы съ Царствомъ Казанскимъ, загораживавшимъ Россіи доступъ къ Каспійскому морю.

Никакіе походы къ Казани съ цѣлью наказанія за набѣги въ

наши предѣлы не могли имѣть прочнаго результата. Съ уходомъ нашихъ войскъ набѣги возобновлялись, и пограничное населеніе разорялось, должно было жить къ вѣчной тревогѣ и не могло спокойно пользоваться занятыми имъ землями. Только покореніе Казанскаго Царства могло прочно обезпечить центральныя русскія владѣнія съ востока и дать запасъ свободныхъ земель для колонизаціи ихъ избыткомъ населенія.

Съ занятіемъ Казани всѣ владѣнія, ранѣе занятыя, съ нижегородскою землею включительно, дѣлались внутренними, успокаивались и становились доходными.

Продвиганіе наше къ Каспійскому морю вызывалось и нуждами торговли. Еще въ Кіевскій періодъ нашей исторіи русскіе люди ознакомились съ путемъ не только по Волгѣ, но переѣзжали и Каспійское море. Есть указанія, что торговцы наши еще въ IX вѣкѣ доходили съ своими товарами до Багдада ¹⁾. Въ 914 году князь Игорь, откупившись у хозарь, доходилъ до Каспійскаго моря и персидскихъ береговъ.

Въ XIII—XVI вѣкахъ, съ возвышеніемъ Москвы, стало развиваться торговое движеніе по Москвѣ-рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ, захватывая районъ до средней Волги ²⁾. Въ этой торговлѣ дѣятельное участіе принимали и новгородскіе купцы. Внутренняя торговля съ Ордою достигала значительнаго размѣра, но требовала большого обереженія торговцевъ и ихъ товаровъ. Есть, напр., указаніе, что во время заключенія мира княземъ Иваномъ III съ ханомъ Золотой Орды Ахметомъ, въ Москву прибыло 3,200 татарскихъ купцовъ, приведшихъ на продажу болѣе 40,000 лошадей.

Во время монгольскаго ига торговое движеніе къ устью Волги не прекращалось. Купцы сопровождали нашихъ князей при ихъ поѣздкахъ въ Сарай и тоже вынуждаемы были откупаться подарками, а самая торговля, вѣроятно, носила случайный характеръ.

Прочный выходъ къ Каспійскому морю не только увеличивалъ внутренній рынокъ, но открывалъ и внѣшній, въ которомъ наша торговля нуждалась, особенно со времени почти полнаго закрытія для насъ пути въ Черное море половцами, а потомъ—крымскими татарами.

Призывали Московскую Русь къ борьбѣ съ татарами и причины духовнаго характера. Прежде всего необходимо припомнить, что съ начала нашей лѣтописной исторіи, съ призванія варяговъ, Русь въ теченіе многихъ столѣтій тяжко страдала отъ различныхъ, смѣнявшихся одна другою, ордъ кочевниковъ.

Борьба часто была не по силамъ разъединеннымъ силамъ князей и населенію Кіевской и Удѣльной Руси. Весьма часто приходилось откупаться данью.

¹⁾ В. Ключевскій, ч. I, стр. 39.

²⁾ В. Ключевскій, ч. I, стр. 189.

Но и уплата дани не защищала пограничное населеніе отъ набѣговъ, убійствъ, грабежей, уводовъ въ плѣнъ не только пограничнаго населенія, но и населенія ближняго къ главнымъ русскимъ городамъ, не исключая и Москвы.

Русскіе плѣнные уводились въ очень большомъ числѣ и служили предметомъ торговли и по Волгѣ, и по берегамъ морей Каспійскаго, Чернаго и Средиземнаго. Положить конецъ такому унижительному положенію становилось завѣтною мечтою лучшихъ русскихъ людей тѣхъ временъ. Во главѣ этихъ лучшихъ людей должны были находиться князья удѣльные и затѣмъ Московскіе. Если масса населенія во многихъ случаяхъ не чувствовала особаго гнета отъ татарскаго ига (даже иногда рѣдко видя и татаръ), то именно князья, вынужденные ѣздить на поклонъ въ Орду, сопряженный съ выполненіемъ унижительныхъ обрядовъ, глубоко чувствовали униженіе и, чѣмъ выше былъ князь, чѣмъ болѣе былъ онъ гордъ и властенъ у себя дома, тѣмъ тяжелѣе были ему эти поѣздки. Ѣздили и унижались такіе князья, какъ Александръ Невскій. За время пребыванія въ Ордѣ 12 князей были убиты, а двое великихъ князей, въ томъ числѣ Александръ Невскій, умерли, возвращаясь изъ Орды ⁴⁾. Всѣ эти униженія прочно отлагались въ сердцахъ, таились до поры до времени и, когда эта пора наступала, припоминались со всею силою ненависти къ оскорбителямъ достоинствъ и челоуѣка и князя Русской земли.

Наконецъ, даже при значительной религіозной терпимости татаръ, все же во многихъ случаяхъ не могло не оскорбляться наше религіозное чувство. Уже смерть князя черниговскаго и его вѣрнаго боярина Θεодора, замученныхъ въ Ордѣ за отказъ поклониться въ ставкѣ хана идоламъ, давала поводъ къ религіозной ненависти нашего духовенства и части населенія къ язычникамъ, а потомъ—къ мусульманамъ. Наши войска, выступавшія противъ татаръ, благословлялись духовенствомъ, какъ идущія на подвигъ, на борьбу за православную вѣру съ невѣрными.

Необычайное упорство нашихъ войскъ въ бою на Куликовомъ полѣ объясняется именно ненавистью къ притѣснителямъ и религіознымъ противъ нихъ возбужденіемъ.

⁴⁾ За время монгольскаго ига были замучены въ Ордѣ: въ 1246 году—князь Михайль Черниговскій, въ 1270 году—князь Романъ Ольговичъ Рязанскій; въ 1238 году князь—Васплій Константиновичъ; въ 1308 году—князь Васплій Рязанскій, въ 1319 г.—князь Михайль Тверской и сынъ его Константинъ, въ 1326 г.—князь Дмитрій Михайловичъ Тверской, въ 1327 г.—князь Пвагъ Ярославичъ Рязанскій, въ 1330 г.—князь Θεодоръ Стародубскій, въ 1339—князь Александръ Тверской и сынъ его Θεодоръ; въ 1370 г.—князь Олегъ. Кромѣ того, двое великихъ князей умерли, возвращаясь изъ Орды: въ 1263 году—вел. кн. Александръ Невскій и въ 1272 г.—вел. к. Ярославъ Ярославовичъ. (Изъ Череванскій, Хронологія событій въ ходѣ борьбы Россіи съ татаро-монголами, изд. 1898 года, стр. 6—15).

Такимъ образомъ, въ общемъ задача, поставленная московскими князьями по борьбѣ съ татарами, была поставлена своевременно, была понятна населенію и отвѣчала его стремленіямъ и нуждамъ.

Уже и тогда съ основаніемъ можно было сказать, что наши войска, идя на казанскихъ татаръ, шли сражаться: „*За вѣру, Царя и отечество*“.

Послѣдующія событія доказали важность поставленной цѣли, въ виду достигнутыхъ Россіею по направленію къ Каспійскому морю результатовъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ направленій къ морямъ быстро заселились и стали русскими именно мѣстности по Волгѣ въ направленіи къ Каспійскому морю.

Важность для Россіи выхода къ Черному морю.

Арабскій писатель Хордадбе, жившій во второй половинѣ IX вѣка, указываетъ, что русскіе купцы возили товары изъ отдаленныхъ мѣстъ своей страны къ Черному морю, въ греческіе города гдѣ Византійскій императоръ бралъ съ нихъ десятину.

Историкъ В. Ключевскій пишетъ:

„Въ первой половинѣ X вѣка арабскій писатель, хорошо знакомый съ восточнымъ угломъ нашей равнины, Масуди свидѣтельствуесть, что на Черномъ морѣ, которое называется „Русскимъ“ живетъ Русь, и эта Русь *одна по немъ плаваесть*. Итакъ, въ началѣ X вѣка на сѣверномъ берегу Чернаго моря заведены уже были русскія колоніи“¹⁾.

По тѣмъ монетамъ, которыя были находимы по Днѣпру и его притокамъ, можно заключить, что торговля Приднѣпровья съ хозарами, арабами и, вѣроятно, съ Византіею началась съ VIII вѣка. Къ Черному морю свозились товары изъ Кіева, Чернигова, Любеча, Смоленска и Новгорода.

Кіевская Русь тяготѣла въ духовномъ отношеніи не къ западу, а къ Византіи, откуда пришло на Русь и христіанство; оттуда же пришли грамотность, книги, искусство.

При первыхъ кіевскихъ князьяхъ торговля сношенія по Черному морю были весьма оживленны. По мнѣнію В. Ключевского: „Дань, шедшая кіевскому князю, какъ властителю, служила для него вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ и для внѣшней торговли. Тотъ же самый правительственный и торговый классъ, который называется у Константина²⁾ Русью, дѣйствуетъ какъ главный рычагъ въ томъ и другомъ оборотѣ, политическомъ и экономическомъ. Зимой онъ править, т. е. побирается по людямъ (для сбора податей натурою), а лѣтомъ торгуетъ тѣмъ, что собралъ зимою“³⁾.

¹⁾ В. Ключевскій, ч. I, стр. 39—40.

²⁾ Византійскаго императора Константина Богрянароднаго.

³⁾ В. Ключевскій, ч. I, стр. 56.

Уже Олегъ успленно заботился объ утверженіи на Черномъ морѣ въ торговыхъ видахъ.

Кіевскіе князья въ основу своей дѣятельности кладутъ пріобрѣтеніе и поддержаніе заморскихъ рынковъ и расчистку и охрану торговыхъ путей, ведущихъ къ этимъ рынкамъ. По пути къ Черному морю приходилось вести постоянную борьбу съ печенѣгами.

До конца XI вѣка кіевскіе князья производятъ 6 походовъ къ Царьграду. По мнѣнію В. Ключевского, „все эти походы предпринимаются для возстановленія торговли съ Византією“¹⁾.

Владиміръ Великій въ своей устроительной дѣятельности принималъ мѣры къ утверженію на Черномъ морѣ. Такъ, онъ предпринялъ походъ съ цѣлью овладѣть Корсунью (Херсонесомъ близъ Севастополя).

Наконецъ, еще въ кіевскій періодъ славяне утверждаютъ на берегахъ Азовскаго моря и основываютъ Тмутараканское владѣніе. Но уже съ конца IX вѣка въ степяхъ между Кіевомъ и Чернымъ моремъ осѣли печенѣги, побѣдившіе хозаровъ. Успѣшное движеніе по Днѣпру затруднилось необходимостью сильной охраны или уплаты выкупа. Особенно опасна была часть Днѣпра у пороговъ, гдѣ приходилось перетаскивать суда волокомъ.

Затѣмъ печенѣговъ смѣнили еще болѣе сильные враги—половцы. Выше мы видѣли, какую тяжелую борьбу приходилось вести съ ними кіевскимъ князьямъ. И все же половцы не были побѣждены. Напротивъ, они все ближе и ближе подступали къ Кіеву, опустошая и разоряя русскія земли, уводя плѣнныхъ.

Кіевскія дружины, занятія торговыми дѣлами, а потомъ втянутыя въ удѣльную междоусобную войну, оказываются не въ силахъ не только обезпечить связь Кіева съ Чернымъ моремъ, но даже дать необходимую защиту пограничному населенію. Населеніе отвѣчаетъ на безсиліе власти и войска массовымъ переселеніемъ въ западные и сѣверо-восточные районы Россіи; прекрасныя плодородныя мѣста бросаются, чтобы смѣнить ихъ на суровыя, лѣсистыя часто болотистыя мѣстности. Установившаяся еще въ VII и VIII столѣтіяхъ связь русскихъ поселеній по Днѣпру съ Чернымъ моремъ прерывается на многіе годы. Опустѣлый, обѣднѣвшій Кіевскій край легко достается татарамъ, которые окончательно разоряютъ Кіевъ.

Переходъ массы населенія на сѣверо-востокъ и перенесеніе великокняжескаго стола во Владиміръ отодвигаютъ задачу по выходу

1) Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Вѣрнѣе предположить, что обиды русскимъ купцамъ въ Царьградѣ были только поводомъ для этихъ походовъ, а главная цѣль заключалась въ надеждѣ взять добычу. Но несомнѣнно, что князья, получая богатый откупъ, въ то же время заботились о заключеніи съ Византією торговыхъ договоровъ.

къ Черному морю назадъ, а на первый планъ выдвигается задача по выходу къ морю Каспійскому.

Усилившаяся Литва пользуется ослабленіемъ юго-западной Руси. Въ XIV столѣтіи земли Кіевскія, Черниговскія, Сѣверскія и Подолье переходятъ подъ власть Литвы.

До XIII вѣка колонизаціонное движеніе шло въ Литву изъ юго-западной Руси. Съ XIII вѣка замѣчается обратное движеніе: прежде всего въ опустѣвшую Черниговско-Сѣверскую область двинулись „волны людей“. Съ ними появились и паны ¹⁾.

Между тѣмъ Кіевскую Русь ожидало новое испытаніе: въ 1482 году крымскій ханъ Менгли-Гирей жестоко опустошилъ эту многострадальную мѣстность.

Съ половины XV вѣка въ Кіевскую землю пачинается приливъ вольнаго населенія съ Волини, Полѣсья, Сѣверщины и Бѣлорусси. Заселеніе идетъ по Днѣпру и Бугу. Ищутъ болѣе плодородныхъ земель. Начинаетъ складываться малороссійское казачество, которое и беретъ на себя охрану отъ набѣговъ крымцевъ.

Въ XVI столѣтіи, особенно во 2-й его половинѣ, съ запада и юго-запада Россіи массы населенія быстро заселяютъ Кіевскую землю.

Послѣ соединенія Литвы съ Польшею начинается усиленная работа по водворенію въ древнихъ русскихъ юго-западныхъ удѣлахъ польскаго вліянія и католической вѣры. Развивается обширное польское землевладѣніе, создается многочисленный классъ польскихъ магнатовъ. Управление польскими имѣніями попадаетъ въ еврейскія руки. Кіевъ тяготеетъ уже не къ русскимъ областямъ, а къ Польшѣ. Низшій классъ населенія угнетается.

Это угнетеніе и религіозная рознь вызываютъ въ православномъ населеніи южной Руси, главнымъ образомъ въ многочисленномъ казачествѣ, энергичный отпоръ. Начинаются возстанія, сопровождавшіяся большими жестокостями съ обѣихъ сторонъ; борьба ведется съ перемѣннымъ успѣхомъ, но организованныя польскія войска въ большинствѣ возстаній берутъ верхъ. Эта борьба вызываетъ въ населеніи юго-западной Руси стремленіе къ соединенію вновь съ сѣверо-восточною Россіею. Московскіе князья, пачиная съ Ивана III, неуклонно включаютъ Кіевъ, Черниговъ и другіе города въ составъ своей вотчины.

Въ 1503 году, когда литовскій князь Александръ жаловался Ивану III, что онъ не отдаетъ ему захваченныхъ у Литвы земель, Иванъ III возражаетъ: „А мнѣ развѣ не жаль *своей вотчины, Русской*“

¹⁾ Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ социалетической точки зрѣнія. Ч. II, вып. 2, стр. 7.

земли, которая за Литвой: Кіева, Смоленска и другихъ городовъ“. Многие изъ бояръ и служилого сословія, перешедшіе на службу къ московскимъ великимъ князьямъ изъ южной Руси, поддерживали связь съ южною Русью и укрѣпляли рѣшимость московскихъ государей добиваться присоединенія юго-западныхъ русскихъ вотчинъ, особенно Черниговской и Кіевской.

Одно происхожденіе, одинъ языкъ, одна вѣра и долгое время одна исторія давали неотразимыя права московскимъ государямъ добиваться присоединенія къ Руси бывшихъ русскихъ удѣловъ. Эти права были понятны всему русскому населенію, и оно готово было нести жертвы, чтобы отпавшіе къ Литвѣ и Польшѣ древніе русскіе удѣлы присоединить къ прочимъ, объединеннымъ уже въ Московское Государство. Ивану Ш не пришлось выдвигать въ первую очередь задачи по присоединенію Кіевского удѣла. Въ борьбѣ съ Литвою за присоединеніе бывшихъ русскихъ удѣловъ въ первую очередь имъ были поставлены западные удѣлы:—Смоленскій, Полоцкій; при союзѣ съ Менгли-Гиреемъ московскія владѣнія прикрывались надежно съ юга, а направленіе западное было болѣе опасное; поэтому-то дѣйствія въ этомъ направленіи и были поставлены въ первую очередь.

Забота по присоединенію Малороссіи къ Московскому Государству выпала на долю уже царя Алексѣя Михайловича. Весьма знаменательно сознательное отношеніе къ этой задачѣ русскаго общества: когда Богданъ Хмѣльницкій просилъ Царя Алексѣя Михайловича принять Малороссію въ подданство Россіи, царь собралъ въ 1653 году земскую думу для обсужденія этого вопроса; представители русской земли дружно посовѣтовали Царю: „Малороссію подѣ высокую руку Царя принять и польскому королю войну объявить“.

Кромѣ причинъ историческаго характера, представители Московской Руси признавали борьбу съ Польшею изъ-за Кіевской Руси необходимою и по причинамъ религіознымъ.

Насилія католиковъ надъ православными на Украинѣ, отступничество многихъ мѣстныхъ княжескихъ и боярскихъ родовъ, принявшихъ съ польскими обычаями и польскую вѣру, возмущали русское религіозное чувство.

Уже съ начала XI вѣка окончательно порвана была связь между церквами греческой и латинской. При византійскомъ императорѣ Константинѣ Мономахѣ послы папы Льва IX въ 1054 году положили въ Софійскомъ храмѣ въ Царьградѣ папскую буллу съ проклятіемъ на греческую церковь. Греческое духовенство отвѣтило проклятіемъ латынянъ.

Это событіе, которое не можетъ разсматриваться иначе, какъ съ глубокимъ негодованіемъ на представителей церкви, поправшихъ истинные завѣты христіанскаго ученія, имѣло глубокія послѣдствія для исторіи Россіи, разъединивъ на два враждебныхъ

лагеря родственныя славянскія племена: поляковъ—католиковъ и великороссовъ, малороссовъ и бѣлороссовъ — православныхъ. Даже и пять столѣтій спустя послѣ этихъ проклятій одной церковью другою шла въ коренной Кіевской Руси кровавая борьба между православными и католиками. Московскіе не только верхи, но и народъ, посылавшій въ казачество своихъ передовыхъ бойцовъ, принимали близко къ сердцу эту борьбу, и потому представители Московской Руси съ такимъ единодушіемъ въ 1653 году на великомъ земскомъ соборѣ постановили, чтобы Государь Алексѣй Михайловичъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго и все войско запорожское съ городами ихъ и землями изволилъ принять подъ свою высокую руку „для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей“ ¹⁾.

Что касается задачи по выходу къ Черному морю, то въ умахъ передовыхъ русскихъ людей необходимость такого выхода жила неослабно. Но трудности, представлявшіяся при преслѣдованіи этой цѣли, были столь очевидны, а выгоды въ то же время условны, что эта задача откладывалась на второй планъ передъ такими задачами, какъ сверженіе татарскаго ига, выходъ къ Каспійскому морю и борьба за присоединеніе къ Россіи бывшихъ русскихъ удѣловъ, попавшихъ въ руки Литвы и Польши.

Тѣмъ не менѣе задача по выходу къ Черному морю имѣла большую жизненность, она была только отложена въ виду встрѣченыхъ по пути трудно одолимыхъ препятствій.

Первоначально печенѣги, затѣмъ половцы отгораживаютъ южную Русь отъ Чернаго моря. Съ нашествіемъ татаръ положеніе ухудшается. Послѣ татаръ Молороссія подпадаетъ подъ власть Литвы и Польши. Такимъ образомъ, чтобы овладѣть выходами къ Черному морю, Московской Россіи надо было первоначально побѣдить литовско-польское государство, а затѣмъ крымскихъ татаръ.

Положеніе еще усложнилось, когда въ Европу вторгнулись турки. Овладѣвъ Балканскимъ полуостровомъ, турки подчиняютъ себѣ какъ Крымскій полуостровъ, такъ и часть южной Россіи. Ихъ владѣнія еще въ 1700 году доходятъ въ Европейской Россіи по долинѣ Днѣпра почти до Кременчуга ²⁾. Ранѣе турки южною частью долины р. Дона входили въ связь и съ Азовомъ. Крымскіе ханы становятся вассалами Турціи.

При этихъ условіяхъ борьба за выходъ къ Черному морю сводилась и къ борьбѣ съ могущественными въ XV—XVII столѣтіяхъ турками.

Такая борьба была не по силамъ ни Московскому, ни Польско-Ли-

¹⁾ Соловьевъ, т. X, стр. 1631—32.

²⁾ Сѣверная граница турецкихъ владѣній въ южной части Европейской Россіи, въ долинахъ Днѣстра, Буга, Днѣпра идетъ примѣрно по линіи Балта, Торговцы, южнѣе Кременчуга и западнѣе Изюма и Бахмута (И. Стрѣльбицкій. Владѣнія турокъ на материкѣ Европы съ 1700 по 1879 годъ).

товскому государству. Но запорожское казачество, не считаясь съ силами турокъ, производило набѣги къ Крыму и Черному морю и на своихъ легкихъ ладьяхъ поддерживало былую славу дружинъ кievскихъ князей. Турецкое правительство не разъ обращалось съ угрозами къ польскому, требуя усмирить казаковъ. Поляки строили даже крѣпостцы у пороговъ, чтобы не пропускать казаковъ въ низовья Днѣпра. Казаки отвѣчали борьбою и противъ татаръ, и противъ поляковъ. Слава о подвигахъ казацкихъ атамановъ привлекала подъ ихъ начальство смѣлыхъ людей и изъ Московскаго царства, и этимъ сохранилась связь Московской земли съ югомъ Россіи.

Но среди высшихъ московскихъ классовъ сохранялась связь съ Чернымъ моремъ и бывшимъ византійскимъ владѣніемъ; несмотря на всѣ очевидныя трудности для Московской Руси начать борьбу за выходъ къ Черному морю, находились энергичные люди, которые признавали эту задачу по силамъ Россіи еще въ XVI столѣтіи. Такъ, Адашевъ совѣтовалъ Ивану IV „обратить Черное море въ русское“. Царь поддался этой заманчивой идеѣ и сдѣлалъ попытку продвинуться долиной Дона къ Перекопу, но успѣха она не имѣла.

Позже, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ казаки, послѣ ряда смѣлыхъ набѣговъ на Крымъ, овладѣли турецкою крѣпостью Азовомъ и просили царя Алексѣя Михайловича принять Азовъ въ подданство Россіи. Царь собралъ въ 1642 году великую земскую думу для разсмотрѣнія этого предложенія. Представители южныхъ пограничныхъ городовъ и тогда уже высказались за принятіе Азова, но остальные, въ разныхъ формахъ, уклонялись отъ этой задачи, ссылаясь на бѣдность, внутреннее неустройство и истощеніе Россіи частыми войнами съ Литвою и шведами.

Тѣмъ не менѣе идея о необходимости и неизбѣжности борьбы съ турками росла въ верхахъ московскаго общества, особенно съ появленіемъ при московскомъ дворѣ выходцевъ изъ угнетенныхъ турками южно-славянскихъ земель (Крижаничъ). Ко второй половинѣ XVII столѣтія турки сами перешли въ наступленіе и сильно опустошили земли къ западу отъ Днѣпра. Для защиты, присоединенной къ Россіи, Малороссіи противъ турокъ, овладѣвшихъ столицей Богдана Хмѣльницкаго—Чигириномъ, русскія войска двинулись на югъ и въ соединеніи съ казаками заставили турокъ очистить Чигиринъ. Пути къ Черному морю такимъ образомъ снова перешли въ руки Россіи.

Съ конца XVII столѣтія при царевнѣ Софіи мы предпринимаемъ два похода съ большими силами къ Черному морю (въ 1687 и 1688 годахъ), но оба эти похода оканчиваются неудачею.

Такимъ образомъ, въ дѣятельности русскихъ людей по выходу къ Черному морю надо различать двѣ задачи: первая—по воссоединенію съ Кіевскою Русью и уже вторая—по завоеванію южныхъ пре-

дѣловъ Европейской Россіи—Крыма и выходу къ Черному морю, Мы видѣли выше, что въ XV и XVI столѣтіяхъ объ эти задачи были еще не по силамъ Россіи. Но и въ первой половинѣ XVII столѣтія представители Россіи признали наиболѣе важною изъ этихъ задачъ первую, а выполнение второй задачи признали еще не по силамъ Россіи.

Важность для Россіи выхода къ Балтійскому морю.

Капитанъ Марченко, авторъ весьма интереснаго труда „Петръ Великій. Мысли Государя о созданіи военнаго порта на Балтійскомъ берегу“, пишетъ:

„Мысль прочнаго славянскаго обоснованія на Балтійскихъ берегахъ—мысль доисторическая, воспринятая, какъ нѣчто неизбежное, отъ первыхъ временъ нашей лѣтописи.

Земли, прилегавшія къ Балтійскому морю (Литва, Бѣлоруссія и т. д.), задолго до Птолемея назывались Скиѳіей, затѣмъ эта же страна стала называться Сарматіей. Такъ называется ее и Птоломей, а Шаффарикъ признаетъ ее старобытной родиной племени Виндскаго или Венедскаго. Почти всѣ ученые согласны, что венды, венеды или винды были славяне, а Забѣлинъ говоритъ, что славяне подъ именемъ вендовъ, какъ и Литва, сидѣли на Балтійскомъ побережьи съ незапамятныхъ доисторическихъ временъ.

Понятно послѣ этого, почему начитаннѣйшій и образованнѣйшій москвичъ XVI вѣка, царь Иванъ IV, считалъ „Прибалтійскую Вишлендію одной изъ своихъ отчинъ“.

Излагая приведенную мысль, авторъ дѣлаетъ и ссылки на труды историковъ Шаффарика, Забѣлина, Макса Мюллера и другихъ.

Изъ славянскихъ племенъ, поселившихся въ Европейской Россіи, ближе другихъ къ Балтійскому морю, кромѣ вендовъ, жили новгородцы и полочане. Первые были отдѣлены отъ моря финскими племенами, вторые литовскими и финскими. Новгородскіе славяне, отличаясь предприимчивостью, распространили свою власть до береговъ Финскаго залива, Чудскаго озера, верховьевъ Волги и до Бѣлаго моря. Такъ называемая Вотская пятина начиналась „у Новгорода, а ея дальніе погосты разсѣяны были по Невѣ и финскому заливу“¹⁾. Новгородцы были искусны въ пользованіи рѣками; ихъ отважныя партіи—*ушкуйники*, двигаясь рѣками и волоками, доходили до Финскаго залива, Бѣлаго моря, спускались по Волгѣ и дѣйствовали на притокахъ великой рѣки.

Есть указанія, что новгородцы проходили съ своими легкими судами и весь путь „изъ варягъ въ греки“ и принимали участіе въ походахъ кіевскихъ царей къ Царьграду. Несмотря на развитіе виш-

¹⁾ В. Соловьевъ, часть I, стр. 225.

ней торговли, новгородцы не утвердились прочно на берегахъ Финскаго залива заложениемъ сильныхъ опорныхъ пунктовъ ¹⁾; тѣмъ не менѣе къ XIII столѣтію южный берегъ Финскаго залива уже находился въ подчиненіи новгородцамъ.

Князь Александръ Невскій въ сороковыхъ годахъ XIII столѣтія предпринялъ походъ для дальнѣйшаго распространенія новгородскаго господства къ сѣверу отъ Финскаго залива, въ нынѣшнюю Финляндію, что и положило начало борьбы Россіи со Швеціею за выходъ къ Балтійскому морю.

Одновременно съ Александромъ Невскимъ, шведы подвигались навстрѣчу русскимъ, имѣя задачею распространеніе среди финновъ католической религіи. Новгородцы поддерживали туземцевъ-финновъ противъ утѣснителей-шведовъ. Многіе финны стали возвращаться къ язычеству. Папа принялъ участіе въ этой распрѣ и приказалъ проповѣдывать крестовый походъ противъ русскихъ и финновъ.

Начало борьбы за выходъ къ Балтійскому морю было для насъ успѣшно.

Высадившись на берегахъ Невы, сильное крестоносное шведское воинство было въ 1240 году разбито на голову Александромъ Невскимъ съ новгородскими войсками и финнами.

Позже, при другихъ князьяхъ, вниманіе новгородцевъ было отвлечено отъ Финскаго залива въ другую сторону. Они вступили въ борьбу съ Московскимъ княжествомъ, вели раздоръ съ Псковомъ и даже съ Вяткою, ими основанною, и ослабляли себя внутренними неурядицами (частая смѣна князей).

Власть находилась въ сущности въ рукахъ толпы (вѣче), хотя и руководилась торговымъ классомъ, и потому не могла быть сильною и дѣйствовать долгое время упорно въ одномъ и томъ же направленіи. Въ результатъ явилось ослабленіе Новгорода и присоединеніе его и Пскова къ московскимъ владѣніямъ. Шведы воспользовались этимъ ослабленіемъ и заняли Финское побережье. Въ смутное время они владѣли даже Новгородомъ.

Прибалтійскія мѣстности, прилегающія къ заливамъ Финскому и Рижскому, населенныя народами финскаго и литовскаго племенъ, до конца XII столѣтія находились въ подчиненіи: сѣверная половина Новгороду и южная—полоцкому князю. Въ послѣдніе годы XII столѣтія нѣмецкіе купцы, рыцари и миссіонеры заняли устье Западной Двины и основали въ 1200 году г. Ригу. Быстро распространяясь по побережью, они скоро утвердились почти до Финскаго залива.

Новгородцы вынуждены были первоначально вести тяжелую борьбу за свои владѣнія въ Прибалтійскомъ краѣ съ чудью, а затѣмъ и съ ливонцами.

¹⁾ Есть указаніе, что въ XII столѣтіи шведы нападали на г. Ладогу, но были отбиты.

Новгородцы въ 1219 году осаждаютъ Ревель, Виндаву, но безуспѣшно. Часть новгородскихъ владѣній такимъ образомъ была потеряна и перешла къ шведамъ и нѣмцамъ.

Полоцкое удѣльное княжество отдѣлялось отъ моря народами литовскаго и финскаго племенъ. Продвигаясь по Западной Двинѣ, полочане подчинили себѣ литовскія племена, заставивъ ихъ платить дань, и считали себя хозяевами устья Западной Двины.

До XII столѣтія включительно, славяне даже колонизовали земли, занятыя не только финскимъ, но и литовскимъ племенемъ. Когда нѣмцы начали быстро распространять свои владѣнія, полоцкіе князья пробовали имъ противиться. Мѣстное населеніе, принуждаемое силою къ принятію христіанства, было на сторонѣ полочанъ. Нѣмцы, малочисленные, но значительно болѣе опытные въ ратномъ дѣлѣ хотя и отбивали нападенія русскихъ и туземцевъ, но нѣкоторое время вынуждены были платить дань полоцкому князю.

Но въ то время Полоцкому княжеству угрожала опасность и со стороны Литвы. Одинъ изъ Рюриковичей, князь Кукейнаскаго княжества, уступкою части своихъ владѣній добился союза съ нѣмцами противъ Литвы. Въ результатъ скоро два удѣльныхъ небольшихъ княжества, основанныя въ прибалтійской мѣстности,—Кукейнасское и Герсика, которыми владѣли Рюриковичи, перешли во власть рыцарей.

Нѣмцы пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы распространять свои владѣнія. Когда Русь понесла тяжкое пораженіе отъ татаръ на р. Калкѣ, они, какъ и литовцы, перешли въ наступленіе въ глубь страны и, послѣ упорнаго боя, въ 1224 году овладѣли главнымъ русскимъ оплотомъ въ прибалтійскихъ мѣстностяхъ—Юрьевомъ (Дерптомъ). Такимъ образомъ, значительныя владѣнія, составлявшія долгое время части удѣловъ Новгородскаго и Полоцкаго, попали въ цѣпкія руки шведовъ и нѣмцевъ. Пока Русь была слаба и раздираема удѣльною борьбою, и пока центры Руси въ Кіевѣ и Владимірѣ были отдалены отъ прибалтійскаго края, трудно было надѣяться возвратить потеряныя мѣстности подъ власть Россіи, но даже въ это тяжелое время нѣкоторые изъ нашихъ князей, особенно Александръ Невскій, какъ мы видѣли выше, одерживали блестящіе успѣхи надъ войсками шведовъ и литовцевъ.

Когда же Россія собралась вокругъ Москвы, и власть стала державною, очевидно, подъ понятіе московскихъ князей „*наша вотчина*“ должны были подойти и отторгнутыя у Новгорода и Полоцка части ихъ удѣловъ на Балтійскомъ побережьи. Имѣя право на возвращеніе захваченныхъ ливонцами и шведами прибалтійскихъ мѣстностей по причинамъ историческаго характера, Московская Русь пууждалась въ нихъ для выхода къ Балтійскому морю и по причинамъ экономическимъ и культурнымъ. Новгородское населеніе издавна отличалось предпріимчивымъ, торговымъ характеромъ и вело

торговлю не только внутреннюю, но и внѣшнюю, особенно съ прибрежными европейскими пунктами.

Многіе новгородцы бывали за границую и заимствовали европейскую культуру, по преимуществу отъ нѣмцевъ, въ то время, когда южная Русь заимствовала ее отъ грековъ.

Новгородскія земли нуждались въ привозномъ изъ Московской Руси хлѣбѣ, въ обмѣнъ за который платили нужными русскимъ людямъ заграничными товарами: сукномъ, металлами, оружіемъ, винами и пр. Главнымъ предметомъ вывоза служили мѣха, затѣмъ медь и воскъ. Въ особенности оживленная торговля шла между Новгородомъ и Ганзейскими городами. Ганза учредила въ самомъ Новгородѣ одну изъ своихъ главныхъ конторъ. Въ XIII столѣтіи торговля съ Ганзой достигла наибольшаго развитія.

В. Ключевскій указываетъ, что Новгородъ имѣлъ „*тѣсныя торговыя и культурныя связи съ нѣмецкимъ западомъ*“ ¹⁾. Такимъ образомъ, въ Московскую Русь черезъ Новгородъ проникали нѣмецкіе товары и нѣмецкіе купцы, но съ другой стороны Новгородъ находился въ экономической зависимости отъ прилегавшихъ къ нему болѣе южныхъ русскихъ мѣстностей, откуда получался хлѣбъ.

Экономическое значеніе прибалтійскихъ мѣстностей, прилегавшихъ къ Полоцкому княжеству, для Московской Руси тоже было значительное. Въ особенности большое торговое значеніе пріобрѣтаетъ путь по Западной Двинѣ, а Рига становится важнымъ торговымъ пунктомъ для внѣшней торговли. Въ XVI столѣтіи черезъ Ригу идутъ за границу большія партіи хлѣба, затѣмъ идетъ лѣсъ; изъ-за границы черезъ Ригу получаютъ товары, въ которыхъ очень нуждалась Московская Русь ²⁾.

Пользуясь ослабленіемъ Руси во время нашествія татаръ, литовскіе князья соединили въ XIII—XV столѣтіяхъ подъ своею властью такое значительное количество бывшихъ русскихъ удѣловъ, что по справедливости Литовское государство можно было разсматривать, какъ Литовско-Русское государство. Въ составѣ Литвы въ XV столѣтіи находились удѣлы: Полоцкій, Черниговскій, Смоленскій, Вольшынь, Кіевскія земли, побережье Чернаго моря и Галиція ³⁾. Племена малорусское и бѣлорусское входили почти полностью въ составъ Литвы.

Завладѣвъ Кіевскимъ райономъ, Литва отрѣзала Московское государство отъ Чернаго моря. Съ запада Литва захватила Смоленскъ и угрожала самой Москвѣ. На сѣверо-западъ борьба Литвы съ Новгородомъ и Псковомъ ведется еще съ XII столѣтія. Литовцы, опустошая новгородскія и псковскія земли, доходили до р. Ловати и г. Торонца.

¹⁾ В. Ключевскій, ч. I, стр. 259.

²⁾ Н. Рожковъ, ч. II, стр. 28.

³⁾ Н. Рожковъ, ч. II, стр. 2.

Литва, загородивъ намъ путь къ Черному морю, загораживала путь и къ Балтійскому. При такихъ условіяхъ въ XV и XVI столѣтіяхъ главнымъ врагомъ на западѣ, наиболѣе опаснымъ, являлась именно Литва. Начинать, однако, съ нею борьбу, не обезопасивъ себя со стороны татаръ, было еще не по силамъ Московской Руси. Тѣмъ не менѣе, какъ изложено выше, это не препятствуетъ московскимъ государямъ, начиная съ Ивана III, гласно и опредѣленно заявлять свои права на старые русскіе удѣлы, какъ на „свою вотчину“; *Кіевъ Смоленскъ и другіе города* входили въ составъ этой вотчины, и возвращеніе ихъ ставится цѣлью дѣйствій цѣлаго ряда государей. Историческія права на эти земли были такъ велики, что верхи московскаго общества вполне сочувствовали программѣ своихъ государей и дружно имъ помогали.

Наши историки свидѣтельствуютъ, что удѣльная Русь выработала общность понятій, общность бытовыхъ формъ во всемъ населеніи русскихъ удѣловъ и это населеніе различныхъ удѣловъ, даже не связанное политически, было связано между собою экономическими, племенными и религіозными отношеніями.

Въ экономическомъ отношеніи Московская Русь тяготѣла на западъ къ Литвѣ и Балтійскому морю и на югъ къ Кіевской землѣ и далѣе къ Черному морю.

Литва, которая раньше была менѣе культурна, чѣмъ многія княжества удѣльной Россіи, подъ болѣе близкимъ вліяніемъ Запада, сдѣлала большіе успѣхи въ земледѣліи и обрабатывающей промышленности. Большія партіи хлѣба съ начала XVI столѣтія начали направляться къ Балтійскимъ портамъ: Данцигу, Кенигсбергу и Ригѣ. Важной статьей вывоза изъ „поднѣпровья“ и „подвинья“ служили продукты лѣсного хозяйства: клепки, мачты, доски, смола, деготь.

Кромѣ хлѣба и лѣсныхъ матеріаловъ предметами вывоза служили: „сермяжное сукно, скоть, ленъ кожи, мѣха, воскъ, а изъ-за границы сюда ввозились: соль, сукно, вина, пряности, шелкъ, золото, серебро, желѣзо, мѣдь, оружіе“¹⁾.

Изъ этого перечня видно, что и бывшіе русскіе удѣлы (поднѣпровье и подвинье) участвовали во внѣшней торговлѣ.

Разнообразіе вывозившихся Литвою товаровъ свидѣтельствуетъ о серьезномъ успѣхѣ, особенно сравнительно съ перечнемъ предметовъ вывоза Кіевской Руси (мѣха, медь, воскъ, рыба).

Торговья связи Москвы съ Литвою были значительны, и Московская Русь сильно нуждалась въ перечисленныхъ выше привозныхъ товарахъ. Кратчайшій путь того времени для полученія этихъ товаровъ былъ изъ Риги по Западной Двинѣ черезъ древне-русскій Полоцкій удѣлъ.

¹⁾ Н. Рожковъ, ч. II, стр. 28.

Въ религіозномъ отношеніи борьба съ Литвою имѣла тоже исполнѣ опредѣленный характеръ.

Московская Русь вступала въ борьбу съ Литвою за воссоединеніе съ удѣлами Кіевской Руси, попавшими въ руки Литвы, не только въ территоріальномъ, но и въ религіозномъ отношеніи, ибо присоединенныя къ Литвѣ территоріи были населены малорусскимъ и бѣлорусскимъ племенами—православнаго вѣроисповѣданія, и духовенство этихъ территорій въ религіозномъ отношеніи признавало главенство Москвы.

Признавалось кромѣ того необходимымъ и спѣшить съ этимъ соединеніемъ, ибо православной вѣрѣ въ Малороссіи и Бѣлороссіи угрожала опасность отъ католичества и уніатства. Католическое духовенство во многихъ случаяхъ не останавливалось въ выборѣ средствъ для увеличенія числа католиковъ. Многіе представители старыхъ русскихъ фамилій въ подчиненныхъ Литвѣ бывшихъ русскихъ удѣлахъ приняли католичество, другіе унію. Простой народъ тверже держался православной вѣры, готовъ былъ страдать за вѣру и дѣйствительно страдалъ сильно, особенно въ Украинѣ, а иногда вставалъ на защиту своей вѣры. Такъ, въ Полоцкѣ одного изъ епископовъ, Кунцевича, слишкомъ крутого въ распространеніи уніатской вѣры, народъ убилъ и трупъ его бросилъ въ Западную Двину.

Но можно однако предполагать по имѣющимся свѣдѣніямъ, что московскіе великіе князья, въ томъ числѣ и Иванъ III, пользовались религіознымъ родствомъ съ населеніемъ Литвы лишь какъ средствомъ къ достиженію своихъ цѣлей и лично религіознымъ одушевленіемъ не отличались.

Всѣ вышеуказанныя соображенія дѣлали борьбу Московской Руси съ Литвою неизбѣжною.

Если бы Литва отличалась большею жизненностью, то она несомнѣнно продолжала бы дальнѣйшее распространеніе своихъ владѣній. Смоленскъ былъ уже въ рукахъ Литвы. Торопецъ тоже былъ нѣкоторое время литовскимъ. Припомнимъ также, что въ смутное время польско-литовскія претензіи доросли до желанія владѣть Москвою и это желаніе было достигнуто: поляки, хотя и короткое время, владѣли ею въ дѣйствительности. Все это указываетъ, что если бы Московская Русь не двинулась навстрѣчу Литвѣ, то сама Литва перешла бы въ наступленіе.

Хотя борьба съ Литвою уже въ XVI столѣтіи стала неизбѣжною, но для Московской Руси не могла обѣщать быстрыхъ успѣховъ. Болѣе культурная во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ Московская Русь, Литва располагала и военною силою, на которой уже отразилось вліяніе Запада и которая поэтому стояла въ военномъ отношеніи значительно выше нестройныхъ, необученныхъ и мало дисциплинированныхъ московскихъ ратей.

Но и эта весьма важная данная не остановила московскихъ князей начать борьбу съ Литвою.

Литва грозила самому существованію Руси, и поэтому русскіе государи твердо ставили въ числѣ главныхъ задачъ для своей вооруженной силы XVI и XVII столѣтій и борьбу съ Литвою, твердо переносили частыя неудачи, пользовались благопріятными обстоятельствами, ослаблявшими Литву, и путемъ многолѣтнихъ усилій достигли поставленной цѣли! Литва была побѣждена, старые удѣлы присоединились къ Руси и черезъ нихъ открылись для Россіи доступы къ морямъ Балтійскому и Черному.

Задача по выходу къ Каспійскому морю представляла борьбу съ татарами, менѣе насъ культурными. Борьба за выходы къ морямъ Черному и Балтійскому приводила насъ къ борьбѣ съ государствами, болѣе насъ культурными: Литвою, Польшею, Швеціею, Ливоніею.

Начиная эту борьбу, московскимъ князьямъ приходилось отступать отъ завѣтовъ своихъ предковъ: Владиміра, который отказывался „отъ завоеванія народовъ далекихъ, сильныхъ своею гражданственностью“, и Ярослава Мудраго, который, слѣдуя совѣтамъ Добрыни, признавалъ, что народы „*хѣдѣціе въ сапогахъ, не будутъ охотно платитъ дани*“ и потому не любилъ войны съ ними.

Намъ пришлось воевать съ этими „*народами, ходящими въ сапогахъ*“ и путемъ геройскихъ усилій русскаго племени побѣдить ихъ. Но предсказаніе богатыря Добрыни сбылось: такъ какъ мы и нынѣ отстаемъ отъ этихъ народовъ въ культурѣ, то дани они намъ не платятъ, а эту дань въ разныхъ видахъ платимъ имъ и по нынѣ мы сами.

Необходимо поставить отдѣльно вопросъ о Галицкой Руси. Это также былъ старинный удѣлъ Кіевской Руси. Но ни одинъ изъ Московскихъ Государей въ перечисленіи мѣстностей, которыя считалъ своею вотчиною, не упоминалъ объ этой землѣ. Отчасти это происходило вслѣдствіе отдаленности этой территоріи отъ Москвы, подчиненности ея то Польшѣ, то венграмъ, но вѣроятно и потому, что Галицкая Русь со времени Монгольскаго ига жила настолько обособленно отъ другихъ русскихъ мѣстностей жизнью, что духовная и матерьяльная связь ея съ центральными русскими мѣстностями была въ значительной степени порвана.

Благодаря большому числу переселенцевъ изъ Кіевской Руси въ XIII и XIV столѣтіяхъ, Галицкая Русь сначала быстро развивается экономически. Близость западной культуры сильно вліяла на весь складъ жизни населенія Галицкой Руси.

Образованность, хотя и на католической почвѣ, была развита въ Галицкой Руси несравненно болѣе, чѣмъ въ остальныхъ русскихъ земляхъ. Близость Галиціи къ Европѣ заставляла галичанъ ближе интересоваться тѣмъ, что происходило въ Европѣ, дѣлало ихъ по образованію и по развитію выше москвичей.

Въ бібліотекахъ западно-русскихъ дворянъ встрѣчались не только религіозныя сочиненія, но и научно-литературныя, въ особенности латинскія, а также труды по философіи, медицинѣ и естествознанію ¹⁾.

Подводя итоги сказанному въ настоящей главѣ, мы видимъ, что главнѣйшими очередными задачами для русской вооруженной силы въ Московской Руси XVI столѣтія, начиная съ Ивана III до воцаренія дома Романовыхъ, являлись: 1) освобожденіе отъ монгольскаго ига и выходъ къ Каспійскому морю, 2) борьба съ Литвою за присоединеніе старыхъ русскихъ областей, главнымъ образомъ Кіевской и Смоленской, и 3) борьба со шведами и съ Ливоніей за выходъ къ Балтійскому морю.

Ниже мы увидимъ, что военныя средства, коими располагала Московская Русь, были достаточны лишь для побѣды надъ татарами, но были недостаточны для борьбы съ Литвою, Швеціей и Ливонією. И тѣмъ не менѣе великіе князья московскіе съ принятіемъ царскаго титула не только не уменьшили этихъ задачъ, но сдѣлали первые шаги ко включенію въ число очередныхъ для Россіи задачъ *охрану интересовъ христіанскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ*. Послѣдствія нашего вмѣшательства въ дѣла Балканскаго полуострова настолько важны, наши отношенія къ народностямъ, нынѣ населяющимъ Балканскій полуостровъ, еще и нынѣ такъ сложны и неясны, что представляетъ большой интересъ самое возникновеніе этихъ отношеній.

Въ 1472 году Иванъ III женился на племянницѣ послѣдняго Византійскаго императора Софіи Палеологъ, именовавшей себя царевною Царьградскою. Такой титулъ она продолжала считать за собою даже послѣ 26 лѣтъ супружества. Вліяніе Софіи Палеологъ на Ивана III было весьма значительное. По ея настоянію были выписаны изъ Италіи мастера, построившіе въ Кремлѣ каменный дворецъ вмѣсто деревянныхъ хоромъ и Успенскій соборъ. Подъ ея же вліяніемъ при дворѣ былъ заведенъ сложный и строгій церемоніаль.

Во второй половинѣ XV столѣтія южныя европейскія государства съ опасеніемъ взирали на быстрое развитіе турецкаго могущества. Весь Балканскій полуостровъ уже былъ въ рукахъ турокъ. Дойдя до Дуная, турки угрожали венграмъ, румынамъ, австрійскимъ славянамъ и нѣмцамъ. Даже въ Италіи опасались вторженія турокъ. Папы усиленно работали, чтобы организовать крестовые походы въ защиту христіанства противъ ислама.

Бракъ Ивана III съ Софією Палеологъ, вволившій Ивана III въ семью европейскихъ государей, служилъ отличнѣйшимъ поводомъ, чтобы привлечь мало извѣстную тогда, но по рассказамъ сильную Московію къ борьбѣ съ турками. Въ интересахъ Европы было заста-

¹⁾ Н. Рожковъ, ч. II, стр. 136.

вить эти двѣ силы столкнуться и ослабиться къ большому спокойствію Европы. Начались подсаказыванія Ивану III о византійскомъ наслѣдствѣ, чтобы вызвать его вмѣшательство въ турецкія дѣла. Можно, однако, думать, что если бы русскіе повѣрили тогда Европѣ и пошли на Балканскій полуостровъ проливать кровь въ интересахъ Европы, побѣдили турокъ и взяли Царьградъ,—Европа не дала бы намъ тамъ утвердиться, какъ и 300 лѣтъ спустя. По предложенія были заманчивыя и менѣе твердымъ людямъ, менѣе послѣдовательнымъ въ чисто русскомъ направленіи, чѣмъ были Иванъ III и Иванъ IV, эти предложенія могли бы вскружить голову.

Самыя соблазнительныя предложенія не затемнили разума государей Руси XVI и XVII столѣтій. Рѣзко отдѣляя духовное наслѣдіе отъ матеріальнаго, наши государи не отказывались принять на себя духовное наслѣдіе, но твердо, въ теченіе двухъ вѣковъ уклонялись отъ военнаго вмѣшательства въ дѣла Балканскаго полуострова.

Государи той эпохи посылали православнымъ церквамъ на Балканскомъ полуостровѣ пособія, принимали званія ктиторовъ и кормителей церквей и монастырей. Но какъ только требовалось употребленіе противъ турокъ русской вооруженной силы, получались отказы. Такъ, Иванъ III, несмотря на бракъ съ Софіею Палеологъ, отклонилъ за дальностью разстоянія предложеніе польскаго короля Казимира совмѣстно дѣйствовать противъ турокъ. Напротивъ того, въ 1492 г. онъ положилъ начало дружескимъ сношеніямъ съ султаномъ: въ 1494 году московскій посланникъ появляется на берегахъ Босфора.

П. Милюковъ пишетъ, что въ смыслѣ защитниковъ христіанъ отъ невѣрныхъ русскіе государи той эпохи разочаровали Европу. Иванъ III не скрывалъ эгоистической подкладки своей политики.

Надо вспомнить, что какъ ни тягостно было для Россіи татарское иго, но татары въ религіозномъ отношеніи отличались значительной терпимостью. Это въ свою очередь отразилось и на нашихъ отношеніяхъ къ татарамъ. Когда мы стали ихъ осиливать, мудрый Иванъ III, чуждый религіозной нетерпимости, завязалъ и твердо поддерживалъ самыя дружескія отношенія съ вассаломъ Турціи, Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, и эта дружба принесла Россіи огромную пользу, облегчивъ освобожденіе Россіи отъ зависимости отъ Золотой Орды и борьбу съ Литвою.

Твердо и неуклонно сосредоточивая свои помыслы на ближайшихъ задачахъ,—покореніи Казанскаго царства, присоединеніи русскихъ удѣловъ, отошедшихъ къ Литвѣ,—Иванъ III и его потомки могли достигнуть, даже при бѣдности Россіи и слабости ея средствъ, огромныхъ результатовъ.

Если бы, увлекаясь перспективами величія, русскіе государи въ XV—XVII столѣтіяхъ протянули руки за византійскимъ наслѣ-

діємъ и двинули русскія рати на Балканскій полуостровъ, то они рисковали бы самымъ существованіемъ независимой Руси.

Даже спустя 250 лѣтъ, въ XIX столѣтіи, вмѣшательство Россіи въ дѣла Ближняго Востока и при томъ не съ цѣлями наслѣдованія, а лишь съ великодушными цѣлями освобожденія христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, вооружило противъ нея Европу и ослабило Россію, ибо способствовало оскудѣнію основныхъ для русскаго народа мѣстностей бывшей Московской Руси.

Разсмотримъ ниже, какими же силами и средствами располагали русскіе государи въ XVI и XVII столѣтіяхъ для выполнения задачъ: 1) для освобожденія отъ татарскаго ига и выхода къ Каспійскому морю, 2) для борьбы съ Литвою за русскіе удѣлы, присоединенные къ Литвѣ, и 3) для борьбы со Швеціею и Ливоніею для выхода къ Балтійскому морю.

Русская вооруженная сила въ XV и XVI столѣтіяхъ.

Съ уничтоженіемъ удѣловъ прекратили существованіе и княжескія дружины. Значительная часть дружинниковъ перешла на службу къ московскимъ великимъ князьямъ. Но продолжать прежній порядокъ содержанія дружины уплатою ей жалованья и предоставленіемъ участія въ торговлѣ не представлялось возможнымъ. Тогда совершился переходъ къ такъ называемой помѣстной системѣ. Съ половины XV столѣтія устанавливается правило, что всѣ землевладѣльцы должны нести по землѣ воинскую повинность. Съ половины XV вѣка при московскомъ дворѣ служилый, обязанный военною службою, классъ состоялъ: 1) изъ бояръ, боярскихъ дѣтей и низшихъ служилыхъ людей стараго московскаго удѣльнаго двора; въ составѣ этого московскаго боярства насчитывалось до 40 знатныхъ (фамилій); 2) изъ князей удѣльныхъ, лишившихся своихъ столовъ; 3) изъ бояръ этнхъ князей, перешедшихъ на московскую службу, и 4) изъ низшихъ служилыхъ людей, явившихся въ Москву вмѣстѣ съ бывшими своими господами.

Съ увеличеніемъ потребности въ вооруженной силѣ, московскіе князья стали зачислять въ служилый классъ безъ особаго разбора дворовыхъ людей, слугъ, мастеровъ, ремесленниковъ, писарей, конюховъ, служившихъ для хозяйственныхъ надобностей московскихъ и удѣльныхъ князей. Тяглые люди и даже духовенство зачислялись въ служилое сословіе, надѣлялись земельными участками и обязывались военною службою.

При завоеваніи вольныхъ городовъ—Новгорода, Пскова, Вятки московское правительство выселило оттуда землевладѣльцевъ-горожанъ на московскія низовыя земли и обратило ихъ въ воиновъ. Дьяки и подьячіе получали за свою службу въ награду или приоб-

рѣтали сами вотчины и помѣстья и съ нихъ отбывали ратную повинность. Дѣти ихъ уже становились дворянами.

Начиная съ XV столѣтія, въ Москву начался приливъ ратныхъ людей изъ-за границы—Польши, Литвы, Германіи и изъ разныхъ татарскихъ ордъ. Особенно многочисленъ былъ приливъ татаръ.

Но всѣ эти источники еще не были достаточны. Поэтому московское правительство въ военное время, при выставленіи многочисленныхъ ратей, вынуждено было служилыхъ людей пополнять вербовкою на время похода изъ тяглыхъ классовъ, сельскихъ и городскихнхъ, и даже изъ холоповъ¹⁾.

Въ новыхъ границахъ Московская Русь въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ жила въ постоянной тревогѣ, постоянныхъ войнахъ: на западѣ борьба съ Литвою, Ливонією и шведами прерывалась короткими перемиріями; на югѣ и юго-востокѣ набѣги татаръ казанскихъ, крымскихъ, черемисовъ и другихъ инородцевъ приходили ежегодно или по нѣсколько разъ въ годъ; главная цѣль этихъ набѣговъ—захватъ плѣнныхъ, особенно мальчиковъ и дѣвушекъ, которыхъ продавали въ Турцію и другія страны. Въ XVI вѣкѣ по берегамъ Чернаго и Средиземнаго морей можно было вездѣ встрѣтить русскихъ рабовъ и рабынь.

В. Ключевскій слѣдующимъ картиннымъ образомъ описываетъ, какъ московскія власти боролись противъ этихъ набѣговъ.

„Разрядныя книги XVI в. живо рисуютъ тревожную жизнь на опасныхъ московскихъ границахъ. Ранней весной въ Разрядномъ Приказѣ (военномъ министерствѣ) закипала работа. Въ разные южные пограничные и ближайшіе къ нимъ центральные уѣзды посылали повѣстки съ приказомъ мобилизовать дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ назначались сборные пункты. Служилые люди поднимались „конны, людны и оружны“ и собирались числомъ до 60,000 и болѣе ратниковъ въ указанныхъ пунктахъ, гдѣ ихъ осматривали, соединяя въ полки (корпуса), а полки въ цѣлыя арміи, изъ которыхъ одну ставили по Окѣ, подъ Коломною или выше, другую на Клязьмѣ у Владиміра или подъ Нижнимъ, третью на рѣкѣ Угрѣ или въ другомъ мѣстѣ по границѣ съ Литвой. Оградившись такимъ

¹⁾ В. Ключевскій пишетъ: „Довольно трудно опредѣлить количественное отношеніе между столь различными элементами, вошедшими въ составъ служилаго класса, который въ XVIII в. сложился въ цѣльное сословіе, подъ пменемъ дворянства. Въ концѣ XVII в. по родословной книгѣ значилось 915 фамилій, которая, впрочемъ, не захватывали собою всего тогдашняго служилаго люда. Разбирая эти фамиліи по ихъ національному происхожденію, можно такъ приблизительно опредѣлить ихъ численное отношеніе другъ къ другу: фамилій русскаго, происхожденія 33%, польско-литовскаго, т. е. въ большинствѣ тоже русскаго 24%, западно-европейскаго 25%, татарскаго и вообще восточнаго 17%, а 1% остается неизвѣстнымъ“. (Лекціи по рус. исторіи, ч. I, стр. 331). Поражаетъ малый процентъ фамилій русскаго происхожденія.

образомъ съ опасныхъ сторонъ, въ Москвѣ ждали извѣстія о движеніи враговъ, и иногда полки стояли до глубокой осени, пока распутица или морозъ не являлись имъ на смѣну сторожить московское государство отъ внѣшнихъ враговъ. Огромныя массы вооруженнаго люда ежегодно поднимались на ноги для этой сторожевой службы. Эти непрерывныя опасности заставляли московское правительство съ половины XV в. усиленно вербовать ратныхъ людей. Къ концу XVI в. составилаь многочисленная вооруженная сила изъ конныхъ ратниковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, числомъ около 100,000, и изъ пѣшихъ полковъ стрѣлецкихъ, казачьихъ и наемныхъ иноземцевъ—числомъ не менѣе 25,000¹⁾.

Хотя эти силы и были значительны, но часто онѣ оказывались недостаточными для защиты пограничнаго населенія отъ мелкихъ партій, быстро налетавшихъ, опустошавшихъ все встрѣчное на пути и увозившихъ плѣнныхъ въ особо приспособленныхъ корзинахъ.

Сильные отряды, о которыхъ значитса въ трудѣ В. Ключевскаго, прикрывали доступы къ Москвѣ, прикрывали центральныя къ Москвѣ мѣстности, но давали плохую защиту пограничному населенію. Другимъ средствомъ борьбы противъ набѣговъ татаръ оказались вольныя казачьи поселенія, жившія непрерывною боевою жизнью и защищавшія доступы въ русскія мѣстности не только отраженіемъ вторгнувшихся партій татаръ, но, главнымъ образомъ, вторженіемъ въ татарскія степи, тоже съ цѣлью разоренія и добычи.

Уже при Иванѣ III Русь могла выставить 150—180,000 войска!

Служилый классъ сталъ многочисленнымъ и для обезпеченія содержанія этого класса послужили обширныя земли, пустыя или населенныя крестьянами, находившіяся въ распоряженіи московскаго правительства. Въ 1500 году Иванъ III роздалъ младшимъ чинамъ своего двора—дѣтямъ боярскимъ помѣстья; затѣмъ помѣстья выдавались разнымъ лицамъ, зачислявшимся въ служилое сословіе. Создалась, какъ выше указано, такъ называемая *помѣстная система*. Въ основаніи этой системы лежало *помѣстье*, т. е. участки земли, данный государемъ въ личное владѣніе служилому человѣку, какъ средство для службы и какъ награда за службу. Это было владѣніе временнаго характера и отличалось отъ *вотчины*, составлявшей полную и наслѣдственную собственность.

Размѣры отводимыхъ помѣстій были различны и зависѣли отъ чина или разряда ратныхъ людей. Въ 1550 году было, напримѣръ, роздано помѣстій одновременно свыше одной тысячѣ служилыхъ людей. Бояре и окольничіе получили по 3,000 десятинъ пахатной земли; дѣти боярскія по 200 и по 100 десятинъ пахатной земли. Луга и лѣсъ не входили въ это число. Если служилый человѣкъ

¹⁾ В. Ключевскій. Лекціи по рус. исторіи, ч. I, стр. 334.

умиралъ, то помѣстье его поступало въ казну за выдѣленіемъ небольшой части „на прожитокъ“ вдовѣ и дочерямъ. Если служилый челоуѣкъ былъ убитъ въ походѣ, то эта часть удваивалась.

Съ проведеніемъ въ жизнь основнаго принципа, что каждое земельное владѣніе обязывало военною службою, со второй половины XVI вѣка было значительно стѣснено вотчинное владѣніе.

Князьямъ и боярамъ было запрещено продавать, мѣнять и какимъ-либо образомъ отчуждать свои старинныя вотчины. Было запрещено также завѣщать вотчины въ монастыри. Женамъ завѣщались только части вотчины и то лишь въ пожизненное владѣніе.

Такимъ образомъ, русскую рать разсматриваемой эпохи составляло *народное ополченіе*, которое въ боевомъ отношеніи было много ниже прежнихъ княжескихъ дружинъ, состоявшихъ изъ воиновъ по ремеслу и призванію. Въ эту новую „помѣстную“ русскую рать собиравлись люди разныхъ состояній и возрастовъ, оторванные на время войны отъ мирныхъ занятій, большею частью конные, вооруженные весьма разнообразно и въ большинствѣ не умѣвшіе владѣть оружіемъ.

Длхая подготовка этого ополченія, отсутствіе воинственности вызывали приглашеніе иноземцевъ, въ надеждѣ улучшить при ихъ помощи боевыя достоинства русскаго войска. Уже при Иванѣ III было положено начало наемнымъ иностраннымъ дружинамъ въ русскомъ войскѣ. Можно признать, что многіе изъ иностранцевъ въ отдѣльности принесли, особенно въ техническомъ отношеніи, много пользы русскому ратному дѣлу, но иностранныя дружины принесли только вредъ, измѣняя въ самыя тяжелья минуты русскимъ и переходя въ лагерь нашихъ враговъ.

Иванъ III значительно увеличилъ артиллерию (нарядъ) и ввелъ ее въ составъ полевыхъ войскъ. Онъ же, принявъ на службу иностранныхъ инженеровъ („размысловъ“), далъ толчокъ къ развитію военно-инженернаго дѣла.

Наконецъ, при Иванѣ III послѣдовало подраздѣленіе войскъ на полки (большіе корпуса) и разряды (рописание полковъ по мѣстностямъ).

Изъ преемниковъ Ивана III особенно много было сдѣлано въ военномъ отношеніи Иваномъ IV. Онъ значительно увеличилъ служилый классъ раздачею, особенно въ 1550 году, земельныхъ участковъ, улучшилъ техническую часть войскъ и снова увеличилъ значеніе пѣхоты сформированіемъ *стрѣльцовъ*.

Изъ родовъ оружія конница была самымъ многочисленнымъ и наиболѣе надежнымъ родомъ оружія. Историкъ указываетъ, что мы заимствовали отъ кочевниковъ ихъ лошадей и сѣдла, но не могли заимствовать ихъ необычайнаго искусства ѣздить верхомъ: наши всадники „сидѣли очень не твердо и легко сбивались съ лошадей“¹⁾.

¹⁾ В. Трофимовъ. „Походъ подъ Казань“, стр. 17.

Вооруженіе конницы состояло изъ предохранительнаго, холоднаго и метательнаго оружія, причемъ метательное заключалось еще въ XVI столѣтіи въ лукахъ со стрѣлами. Вообще вооруженіе конницы было крайне разнообразно, тяжело, сложно; тяжелые доспѣхи и оружіе во время похода иногда складывались на повозки или даже на суда и слѣдовали не при войскахъ.

Пѣшее войско состояло изъ бѣднѣйшихъ служилыхъ людей, плохо и разнообразно вооруженныхъ и совершенно не организованныхъ. Лучшую часть пѣхоты составляли „*лицальники*“, выставлявшіеся въ небольшомъ числѣ городами Новгородомъ и Псковомъ, и иноземцы.

Съ XV столѣтія одновременно съ ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ вводятся въ составъ нашихъ вооруженныхъ силъ артиллерійскія орудія, число которыхъ постепенно увеличивается. Въ XVI столѣтіи при Иванѣ Грозномъ число орудій при нашей арміи, бравшей Казань, уже дошло до 150. Орудія изготовлялись по произволу мастеровъ литейнаго дѣла, — различныхъ калибровъ, вѣса, длины и пр. Чуть не для каждаго орудія приходилось имѣть свои снаряды. Введеніе огнестрѣльнаго оружія дало намъ временный перевѣсъ надъ восточными народами, еще не принявшими этого оружія.

Кромѣ различныхъ категорій войскъ, выставляемыхъ служилымъ сословіемъ, наши вооруженныя силы еще пополнялись даточными людьми, которыхъ брали на время похода по одному конному или пѣшему человѣку съ трехъ, пяти, десяти или большаго числа дворовъ.

Городовые казаки набирались изъ вольныхъ людей, жившихъ въ пограничныхъ городахъ. Они входили конными и пѣшими въ составъ городовыхъ ополченій, подчиненныхъ городovýmъ воеводамъ ¹⁾.

Дисциплина въ русскомъ войскѣ была слабая. Въ общемъ войско правильно организовано еще не было. Выставленіе бойцовъ при помѣстной системѣ имѣло много невыгодныхъ сторонъ. Въ техническомъ отношеніи мы и тогда отставали отъ западныхъ сосѣдей. Продовольствіе войскъ не было обезпечено ²⁾. Тѣмъ не менѣе уничтоженіе родового начала и прекращеніе или, вѣрнѣе, ослабленіе борьбы за удѣлы благоприятно отразились въ военномъ отношеніи: получилось единство въ командованіи.

Основныя качества русскаго воина — мужество, выносливость, терпѣніе и простота жизни сохранились и въ неустроенныхъ ратахъ Московской Руси. Особенное упорство русская рать проявляла при оборонѣ за оградою; въ открытомъ полѣ дѣйствовала слабѣе, но и

¹⁾ Трофимовъ. Осада Казани, стр. 16.

²⁾ Напр. въ 1477 году Иванъ III, находясь подъ Новгородомъ, велѣлъ воеводамъ отпустить половину войска „за кормами“ съ тѣмъ, чтобы черезъ 10 дней всѣ опять были въ сборѣ; при этомъ грабежи были неизбѣжными (Русская военная сила, т. I, стр. 137).

туть всегда являлись храбрецы, богатыри, которые увлекали другихъ впередъ.

Много проявлялось воинскихъ достоинствъ и въ быстро развившемся казачествѣ, но недостатокъ связи его съ русскою государственностью и разбойничьи инстинкты часто ставили казаковъ въ ряды враговъ Русской земли.

Татарское иго отразилось неблагоприятно на нашей вооруженной силѣ ¹⁾.

Прежде всего на Руси былъ утраченъ прежній воинственный характеръ высшаго и военнаго сословія. Военное званіе перестало быть почетнымъ. Князья хитростью и раболѣпствомъ передъ монголами стали достигать того, что прежде пріобрѣтали силою оружія.

До монголовъ главнымъ родомъ нашихъ войскъ была пѣхота. Но затѣмъ, подражая монголамъ, мы ошибочно сдѣлали конницу главнымъ родомъ оружія. Вооруженіе приняли азіатское; со времени монгольскаго ига образъ дѣйствій русскихъ войскъ пріобрѣлъ тоже азіатскій характеръ. Войска сражались уже почти исключительно конными, стрѣляли изъ луковъ въ строѣ разомкнутомъ или разсыпномъ, то наступая, то отступая, либо дѣйствуя рукопашнымъ оружіемъ въ сомкнутомъ, глубокомъ строѣ, стараясь побѣдить численнымъ превосходствомъ силъ, военными хитростями, скрытностью, внезапностью болѣе, нежели искусствомъ, держась по близости городовъ болѣе, чѣмъ въ открытомъ полѣ, и чаще прежняго прибѣгая къ усилению расположенія и дѣйствій своихъ мѣстностью и искусственными препятствіями.

Въ случаѣ неуспѣха, рати, состоявшія болышею частью изъ конницы, быстро отступали. Пѣхота не поспѣвала за конницей и, хуже ея обученная и устроенная, или защищалась за обозами, или же терпѣла большой уронъ и пораженіе отъ конницы противника. Когда рать укрывалась въ городѣ, главное участіе въ оборонѣ принадлежало пѣхотѣ. Въ бояхъ въ открытомъ полѣ войска не были достаточно устойчивы, а при неуспѣхѣ нападенія часто обращались въ бѣгство, предавались грабежу ²⁾.

При вступленіи на престолъ Ивана IV, наши вооруженныя силы состояли изъ помѣстной конницы (прежняя дружина), собиравшейся по мѣрѣ надобности. Съ вооруженными слугами, сила этой конницы доходила до 300,000. Даточные люди, пѣшие и конные, составляли ополченія, сила которыхъ при Иванѣ IV доходила до 80,000.

При Иванѣ IV наши вооруженныя силы получили новое устройство, составлявшее переходъ къ регулярной арміи. Въ составъ войскъ

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. I, стр. 38.

²⁾ Кн. Голицынъ, ч. I, стр. 38—114.

Авторъ труда „Русская военная сила“ не согласенъ съ кн. Голицынымъ, что татарское иго имѣло такое вредное вліяніе на русское военное дѣло (Шировъ, Русская военная сила, т. I, стр. 146—147).

были включены: 1) стрѣльцы, имѣвшіе сотенную и полковую организацію и получавшіе за свою службу земельныя угодья, жалованье, право мелочной торговли и огнестрѣльное и холодное оружіе; 2) городовые казаки—въ зачаточномъ видѣ регулярная конница (основанія ихъ устройства тѣ же, что и у стрѣльцовъ; 3) пушкарн, воротники, плотники, зачинщики, артиллерійская прислуга и инженерныя войска.

Въ составѣ вооруженныхъ силъ начинаютъ являться и вольные казаки—донскіе, терскіе, гребенскіе, яицкіе, днѣпровскіе.

Несомнѣнно, что для выполненія задачъ, кои ставились въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ русской вооруженной силѣ, эта сила была недостаточна, не организована и находилась на низшемъ уровнѣ, чѣмъ войска Литвы, Польши, Ливоніи, Швеціи. Кромѣ того, экономическое положеніе Руси было тяжелое и поэтому обезпеченіе арміи въ матеріальномъ отношеніи было недостаточное, что также вліяло на наши неудачи. И тѣмъ не менѣе, задачи, поставленныя русской арміи, хотя и съ огромными жертвами, хотя и съ частыми неудачами,—все же выполнялись. Русь крѣпла, росла въ ширь и побѣждала, а такія государства, какъ Литва, Польша, съ лучше организованною военною силою, съ болѣе воинственнымъ, чѣмъ на Руси, служилымъ классомъ, болѣе развитыя въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ, побѣждались и, наконецъ, переставали существовать.

Прежде всего для объясненія этого факта надлежитъ отмѣтить образованіе на Руси *сильной самодержавной власти*, которая въ лицѣ такихъ государей, какъ Иванъ III и Иванъ IV, могла твердо *напрягать все силы и средства* государства къ достиженію поставленной цѣли.

Второю причиною надо поставить *умѣлую вышнюю политику* нашихъ государей XV и XVI столѣтій, которою не только устранялось объединеніе нашихъ враговъ, но даже среди нихъ находились союзники. Наконецъ, третьей причиною надо считать *содѣйствіе* правительству въ достиженіи поставленныхъ имъ цѣлей *со стороны духовенства и бояръ*.

Затѣмъ надлежитъ отмѣтить, что поставленныя русскому народу и русской рати въ XV и XVI столѣтіяхъ задачи были *понятны населенію*, и въ особенности по отношенію къ борьбѣ съ татарами, затрагивали самые дорогіе интересы населенія: свободу отъ иноземнаго ига, безопасность отъ набѣговъ. По отношенію къ этимъ задачамъ политика государей была вполне національною. Наконецъ, одною изъ главныхъ причинъ успѣха въ достиженіи Россіею въ XV, XVI столѣтіяхъ, а также въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, поставленныхъ ея вооруженной силѣ задачъ надлежитъ признать *необыкновенное упорство*, съ которымъ русскіе государи преемственно добивались достиженія разъ поставленныхъ широкихъ цѣлей.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на разсмотрѣніи этихъ основныхъ причинъ.

Въ періодъ существованія удѣльной Руси великій князь былъ только старшій между равными. Выше мы видѣли, какъ съ возвышеніемъ Московской Руси возвышалась и расширялась и власть Московскаго великаго князя. Объединенная Московская Русь уже имѣетъ во главѣ сильнаго князя, которому все прочіе бывшіе удѣльные князья вполнѣ подчинены.

Московскій великій князь при Иванѣ III уже обращается въ Государя всея Руси и, наконецъ, въ самодержавнаго Царя всей Руси и притомъ не по избранію своихъ подданныхъ, а „Божіею милостію“.—Въ 1498 году московскій митрополитъ именуетъ Ивана III „Преславнымъ Царемъ Самодержцемъ“¹⁾. Царь Василій III, послѣ совершенія торжественнаго вѣнчанія на царство, первый изъ русскихъ Царей называется „помазанникомъ Божиимъ“.—Въ 1547 году Иванъ IV Грозный вѣнчается на царство и официально принимаетъ титулъ Царя.

Уже съ половины XVI вѣка московскіе государи окружены ореоломъ, рѣзко отдѣляющимъ ихъ не только отъ простыхъ людей, но и отъ самыхъ близкихъ родственниковъ, тоже царской крови. Австрійскій посолъ Герберштейнъ отмѣчаетъ, что Василій III „своею властью надъ подданными превосходитъ всѣхъ монарховъ на свѣтѣ“²⁾. По его наблюденію, въ Москвѣ говорили про великаго князя: „Воля государева—Божья воля; государь—исполнитель воли Божьей“... Тогда же родился и извѣстный, съ дѣтства выученный, отвѣтъ москвичей: „Мы того не знаемъ; знаетъ то Богъ, да великій Государь“.

Высокое мнѣніе нашихъ московскихъ государей о происхожденіи своей власти, освященной „Божіею милостію“, отражается на взглядахъ нашихъ государей на значеніе и происхожденіе власти современныхъ съ ними правителей другихъ странъ. Иванъ III гордо отвѣчалъ германскому императору, предложившему ему королевскій титулъ, что его Ивана III власть выше королевской. Иванъ IV идетъ еще далѣе. Онъ затрудняется сослаться на равной погѣ съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, какъ съ человекомъ „не отъ государскаго происхожденія, а отъ рыцарскаго чина“; шведскаго короля Иванъ IV считаетъ „мужичьяго рода“. На письмо „индійской земли государя“, Иванъ затрудняется отвѣчать и рѣшается не упоминать о братствѣ, ибо неизвѣстно: „государь ли онъ или просто урядникъ“.

По объясненію П. Милюкова, такое сопоставленіе на языкѣ московской политической теоріи означало: „неограниченный онъ государь или конституціонный“.

¹⁾ В. Ключевскій, ч. I, стр. 278.

²⁾ В. Ключевскій, ч. I, стр. 284.

Къ „убогой“ власти польскаго короля, ограниченной шляхтою, московскіе государи относились презрительно. Англійской королевѣ Иванъ Грозный посылаетъ грубое письмо: „Мы думали, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь, а у тебя люди владѣютъ,—и не токмо люди, а мужики торговые... а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чинѣ, какъ есть пошлая дѣвица“ ¹⁾. Московскіе бояре писали польскому королю Сигизмунду Августу, что власть его идетъ отъ пановъ и что онъ не воленъ въ своемъ государствѣ.

Первоначально въ Руси кіевскаго періода власть князя раздѣлялась съ дружиной; старшіе дружинники—бояре—участвовали вмѣстѣ съ княземъ въ управленіи, вмѣстѣ съ нимъ вели торговыя дѣла и дѣлились барышами. Князь часто находился въ рукахъ своей дружины.

Съ образованіемъ московскаго государства, какъ указано выше, туда начался приливъ бояръ и князей съ разныхъ сторонъ на службу. Выгоды службы росли съ успѣхами московскаго государя. Поэтому московскіе бояре XIV столѣтія дружно помогали своему государю въ его внѣшнихъ дѣлахъ и усердно служили и помогали и по внутреннему управленію. Тѣсная связь и симпатіи связываютъ великаго князя съ его боярами. Симеонъ Гордый въ своей духовной пишетъ младшимъ братьямъ: „Слушали бы вы во всемъ отца нашего владыку Алексѣя, да старыхъ бояръ, которые отцамъ нашимъ и намъ добра хотѣли“ ²⁾.

Участіе бояръ и другихъ сословій въ управленіи государствомъ въ XV и XVI столѣтіяхъ въ краткихъ чертахъ изложено въ трудѣ П. Милюкова „Очерки русской культуры“ слѣдующимъ образомъ ³⁾:

„Князья московскіе имѣли въ XV и XVI столѣтіяхъ отъ своихъ прародителей завѣтъ слушаться старыхъ бояръ, и кругъ дѣятельности этихъ бояръ все расширялся. Боярскій совѣтъ сдѣлался необходимымъ учрежденіемъ въ государствѣ, а кучка правительственныхъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ совѣтѣ въ удѣльную эпоху по служебнымъ обязанностямъ, обратилась въ общественный классъ, смотрѣвшій на свою роль совѣтниковъ государя, какъ на свое политическое право.

Первоначально Московскіе великіе князья не противились этому порядку. Иванъ III тоже относился съ довѣріемъ къ боярской думѣ. Но мнѣнію Курбскаго, Иванъ III потому такъ далеко границы свои расширилъ, великаго царя ордынскаго изгналъ и юртъ его разорилъ, что „много совѣтовался съ мудрыми совѣтниками и ничего не начиналъ безъ глубочайшаго и многого совѣта“.

Бояре съ своей стороны твердо отстаивали занятую ими пози-

¹⁾ П. Милюковъ, ч. III, стр. 74.

²⁾ В. Ключевскій, ч. I, стр. 298.

³⁾ П. Милюковъ, ч. III, стр. 57.

цію, какъ бы штатныхъ совѣтниковъ. Но уже, когда прибыла въ Москву царьградская Царевна, по мнѣнію бояръ, „все труднѣе и рискованнѣе стало говорить навстрѣчу державному“.

Боярамъ казалось также обиднымъ, когда великій князь сталъ „зѣло вѣрять писарямъ и избирать совѣтниковъ не изъ шляхетскаго рода, а изъ поповичей или простого народа“.

Послѣ смерти Василя III наступило за малолѣтствомъ наследника Ивана IV десятилѣтнее самовластіе бояръ, не принесшее Россіи ничего, кромѣ взаимныхъ интригъ, жестокости и угнетенія народа случайными правителями. Во главѣ боярскаго думы стоялъ Василій Шуйскій. Онъ самъ и его родственники мало заботились о безопасности Россіи, расхищали казну, позволяли грабить и притѣснять народъ. Съ молодымъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ бояре обходились грубо, оскорбляли его и озлобляли. Они же поощряли въ немъ развитіе жестокости: допускали, напр., его съ толпою сверстниковъ скакать по улицамъ Москвы и давить народъ.

Въ 1647 году Иванъ IV, семнадцати лѣтъ отъ роду, взялъ управленіе въ свои руки.

Изъ переписки Ивана IV съ Курбскимъ видно различіе ихъ взглядовъ на роль бояръ въ управленіи государствомъ.

Съ Ивана III боярская дума получаетъ значеніе только совѣщательное. Иванъ IV считалъ, что, какъ государь и самодержецъ, онъ самъ долженъ былъ „и строить“, что земля правится не судьями и воеводами, не шпатами и стратигами, а Божьимъ милосердіемъ, святыхъ молитвами, родителей княжескихъ благословленіемъ *и государями своими*: иностранныя царства потому и погибли, что были послушны епархамъ и синклитамъ.

Напротивъ того, политическимъ идеаломъ Курбскаго было двоевластіе: царя и избранной рады. Царь долженъ быть головой, а его совѣтники членами одного тѣла... Царь долженъ былъ искать совѣта не только въ дворянствѣ, но и во всемъ народѣ.

Но и въ самомъ московскомъ обществѣ той эпохи уже имѣлись оппозиціонные боярскаго власти элементы. Такъ, при царѣ Иванѣ IV сторонниками царскаго единовластія проводились взгляды, что „царь долженъ быть грозенъ и самоупрямливъ, безъ воспраниванья“. Высказывались и взгляды, что всѣ бѣдствія на Руси идутъ отъ того, что бояре научили царя творить ихъ волю и этимъ напускали лишнюю войну на царство.

Иванъ IV начинаетъ борьбу съ боярами, придерживаясь монархическо-демократической программы. Но Иванъ IV руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ указаніями даровитыхъ и энергичныхъ лицъ—Адашева, Сильвестра, а въ ратномъ дѣлѣ слѣдовалъ совѣтамъ опытныхъ военачальниковъ Борьба, какъ извѣстно, окончилась истребленіемъ массы бояръ.

Съ наступленіемъ смутнаго времени, бояре снова подняли го-

лову, но они еще были слабы. Тѣмъ не менѣе при выборѣ на царство Михаила Феодоровича, главнымъ образомъ стараніями бояръ, власть перваго государя изъ дома Романовыхъ была ограничена соглашеніемъ его съ представителями выбравшаго его земскаго собора. По этому соглашенію царь Михаилъ Феодоровичъ, между прочимъ, не могъ принимать безъ собора даже малыхъ рѣшеній въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ. Это соглашеніе, по которому царь долженъ былъ раздѣлять власть уже не съ боярскою думою, а съ соборомъ, въ которомъ были представители и другихъ сословіи, дѣйствовало только 6 лѣтъ. Когда въ 1622 году окончилась полномочія депутатовъ третьей очереди, ихъ перестали собирать. Война съ Польшею начата была не только безъ согласія земскаго собора, но и безъ совѣщанія съ нимъ. Но когда война затянулась и потребовались на военные расходы новые налоги, земскіе соборы снова собирались. Въ 1633 году былъ собранъ также соборъ и для обсужденія вопроса: принимать ли въ подданство Россіи Азовъ, взятый казаками.

Попытки ограничить самодержавную власть были сдѣланы затѣмъ при малолѣтствѣ Петра, но и эти попытки окончились казною заговорщиковъ. Такимъ образомъ, государи Московской Руси по вопросамъ внѣшней политики *выслушивали совѣты бояръ, выслушивали мнѣнія земскихъ соборовъ, придавали имъ большое значеніе, но въ своихъ рѣшеніяхъ были вполне самодержавны, за исключеніемъ лишь первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Феодоровича.*

Въ своемъ завѣщаніи Симеонъ Гордый указываетъ, что надо слушаться совѣтовъ представителей духовенства и старыхъ бояръ. Это завѣщаніе и исполняется всѣми государями до Петра Великаго.

Дѣйствительно, кромѣ совѣтовъ, получаемыхъ московскими государями отъ бояръ, они широко пользовались въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ совѣтами и указаніями представителей духовенства и въ этомъ отношеніи обнаруживали большую терпимость даже въ томъ случаѣ, если совѣты эти давались въ формѣ рѣзкой, обидной. Достаточно вспомнить совѣты Ростовскаго владыки Ивану Ш по вопросу: гдѣ находится государю въ виду вторженія хана Золотой Орды Ахмата въ московскіе предѣлы — въ Москвѣ или при войскѣ?

Заслуживаетъ также вниманія, что, начиная съ Ивана Калиты, не встрѣчается указаній, чтобы кто-либо изъ ближайшихъ родственниковъ Московскихъ великихъ князей имѣлъ особое вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Въ этомъ отношеніи исключеніе составляетъ царствованіе Михаила Феодоровича, отецъ котораго патріархъ Филаретъ игралъ главную руководящую роль въ управленіи государствомъ.

Относительно значенія этой роли и послѣдствій дѣятельности Филарета, П. Милоковъ говоритъ:

„Естественно, что реорганизація управленія была первой мѣ-

рой, которую долженъ принять государевъ отецъ, начавши „вновь строить государство“. Онъ принялся за выполненіе этой задачи со свойственной ему энергіей и умѣніемъ. Результатомъ его усилій былъ тотъ строго бюрократическій строй, который, безъ сомнѣнія, приводилъ въ порядокъ государственныя дѣла, но въ то же время избавлялъ власть отъ необходимости справляться при всякомъ важномъ случаѣ съ настроеніемъ „всѣхъ чиновъ“. Вновь налаженный порядокъ управления отдавалъ государство *въ руки всемоущей бюрократии*, надъ злоупотребленіями которой никакой дѣйствительный контроль былъ невозможенъ“.

Какъ же относилось само населеніе къ тѣмъ завоевательнымъ планамъ, которыми задавались и которые осуществлялись московскими государями?

Можно признать, что высшій классъ сочувствовалъ этимъ планамъ и поддерживалъ ихъ, такъ какъ эти планы были ясны и представлялись необходимыми для Россіи. Кроме того, завоевательная политика удовлетворяла лицъ честолюбивыхъ, а вновь присоединенныя области открывали много мѣстъ для кормленія.

Въ служиломъ сословіи, въ войскѣ тоже нѣкоторая часть старшихъ чиновъ и молодежи охотно несли боевую службу, но масса служилого сословія, привязанная помѣстной системою къ землѣ тяготилась частыми и продолжительными походами и старалась уклоняться отъ нихъ. Вообще воинственностью русское служилое сословіе не отличалось.

Торговое населеніе было обложено тяжелыми налогами не только на военныя надобности, но и на другіе расходы по государственному управленію, и поэтому нельзя было ожидать сочувствія въ этомъ сословіи къ вышнимъ предпріятіямъ. Надежды на использование новыхъ рынковъ, при незначительности въ разсматриваемую эпоху вышней торговли и невѣжествѣ нашего торговаго класса, тоже большой не было. Еще послѣднюю представлялась задача по распространенію русской торговли по великому волжскому водному пути. Наше купечество и воспользовалось этимъ путемъ послѣ завоеванія Казанскаго и Астраханскаго царствъ. Но борьба за рынки, конми владѣла Литва, Ливонія и Швеція, была непосильна нашему купечеству. Напротивъ того, торговое сословіе въ царствованіе Алексѣя Михайловича жалуется (на земскомъ соборѣ) что иноземцы въ самой Москвѣ стали захватывать въ свои руки даже внутреннюю торговлю. Съ развитіемъ помѣстной системы служилый классъ явился конкурентомъ торговаго класса городовъ, развивая промыслы и въ помѣстьяхъ и вотчинахъ.

Наконецъ, низшій классъ государства Московскаго былъ настолько бѣденъ, обремененъ денежными и натуральными повинностями въ пользу казны, обремененъ незаконными поборами правящихъ классовъ и невѣжественъ, что желалъ только одного—*уметь-*

шенія этихъ налоговъ, поборовъ и повинностей. При почти непрерывныхъ войнахъ, налоги, выставленіе воинновъ и разныя натуральныя повинности достигали такихъ размѣровъ, что населеніе, не будучи въ силахъ выносить ихъ, разбѣгалось во все стороны, и цѣлыя мѣстности становились пустующими.

Историкъ Соловьевъ относительно внутренняго управленія Россіею въ ту эпоху даетъ тяжелую картину:

„Намѣстники и волостели, управляющіе различными мѣстностями, продолжали смотрѣть на отправленіе своихъ должностей и отправленіе правосудія, какъ на средство кормиться и быть сыту... Поборы всякаго рода взимались открыто; неуваженіе къ чужой собственности проявлялось во всехъ слояхъ общества. Положеніе женщины было принижено“¹⁾.

Главнымъ кормильцемъ русской земли и въ ту эпоху (XV и XVI столѣтія) былъ крестьянинъ. На него падали главныя натуральныя и денежныя повинности разныхъ видовъ. Въ XVI столѣтіи крестьянинъ былъ вольный, но безземельный. Онъ долженъ былъ нанимать землю у служилаго класса, съ сохраненіемъ права выхода; между тѣмъ это право въ дѣйствительности въ большинствѣ случаевъ утрачивалось, вслѣдствіе задолженности владѣльцу помѣстья. Дѣло въ томъ, что, садясь на землю, крестьянинъ нуждался въ ссудѣ для покупки инвентаря и заведенія хозяйства. Ссуда была различная. Или крестьянинъ получалъ готовый дворъ, или лѣсъ для его постройки, получалъ хлѣбъ на прокормленіе до слѣдующаго урожая, но получалъ иногда скотъ и деньги. Наконецъ, такому крестьянину отсрочивалась на извѣстное число лѣтъ уплата вотчинныхъ оброковъ и повинностей и даже государственныхъ податей.

Въ результатъ, проживъ нѣсколько лѣтъ на землѣ владѣльца помѣстья, крестьянинъ, хотя юридически и продолжалъ считать себя вольнымъ, но фактически не могъ покинуть взятый имъ участокъ земли, ибо не могъ расплатиться съ землевладѣльцемъ²⁾. Когда положеніе такихъ крестьянъ ухудшилось, то они самовольно стали покидать своихъ хозяевъ безъ расплаты съ ними и этимъ въ свою очередь ставили служилый классъ въ невозможность отправлять службу, ибо имѣнія ихъ пустѣли и не было силъ выходить на войну, выводить съ собою извѣстное число вооруженныхъ людей и всѣхъ ихъ содержать доходами съ опустѣвшихъ имѣній. Принимались самыя строгія мѣры въ защиту служилаго класса, но всѣ мѣры оказались не дѣйствительными. Тогда при Борисѣ Годуновѣ и состоялось *прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ*. Этимъ актомъ крестьяне, фактически уже прикрѣпленные къ землѣ, были прикрѣплены и юридически.

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1575.

²⁾ П. Милуковъ, ч. I, стр. 360.

Когда, за малолѣтствомъ Ивана IV, власть очутилась въ рукахъ Сильвестра и Адашева, представителей демократическихъ началъ, имъ были приняты въ 1541 г. первыя мѣры по земскому самоуправленію, имѣвшія цѣлью облегчить положеніе крестьянъ. Особыми грамотами было разрѣшено „лихихъ людей обыскивать самими крестьянамъ межъ себя... неводя къ намѣстникамъ... и была крестьянамъ радость и льгота великая отъ лихихъ людей и отъ намѣстниковъ“¹⁾.

Позднѣе самъ Иванъ Грозный ввелъ „губную и земскія реформы“, передавшія населенію права выбора нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и губныхъ старостъ.

Но все же главныя заботы Ивана IV клонились не къ защитѣ и устройству низшихъ классовъ населенія, а къ огражденію помѣстнаго воинства отъ тяготѣнія надъ нимъ вельможъ и отъ боярской конкуренціи съ помѣщиками²⁾.

Особую роль въ русскомъ населеніи съ XV столѣтія начинаютъ играть казаки.

Они во многомъ облегчали борьбу съ татарами, но, при выполненіи исторической задачи Россіи по присоединенію Малороссіи и въ борьбѣ съ Литвою, частью были на сторонѣ нашихъ враговъ до Полтавскаго боя включительно.

Духовенство въ теченіе всей исторіи Московской Руси поддерживало государей въ ихъ дѣятельности по борьбѣ съ татарами, Литвою и Польшею. Выше было указано, какую значительную роль сыграли представители духовной власти, поддержавшіе Ивана Калиту и затѣмъ Дмитрія Донскаго въ его борьбѣ съ татарами. Позже такую же поддержку духовенство оказало Ивану III, Василию III и Ивану IV въ трудахъ по собиранію Руси и въ ихъ борьбѣ съ Казанью и Литвою.

Историкъ В. Ключевскій пишетъ: „Подъ вліяніемъ дружнаго содѣйствія высшей церковной власти, политическіе успѣхи московскихъ князей, пріобрѣтенные не всегда чистыми средствами, освящались въ народномъ представленіи благословеніемъ высшаго пастыря русской церкви. Церковное общество стало сочувственно смотрѣть на князя, жившаго въ такомъ ладу со святымъ владыкой. Это сочувствіе со стороны церковнаго общества, можетъ быть, всего болѣе содѣйствовало росту политическаго и національнаго значенія московскаго князя“.

Въ смутное время Россія своимъ спасеніемъ во многомъ тоже обязана духовенству. Многія духовныя лица своею жизнью служили примѣромъ для правящихъ классовъ и не боялись говорить правду даже Ивану Грозному. Среди духовенства наиболѣе сохранилась и

¹⁾ П. Миллюковъ, ч. I, стр. 63.

²⁾ П. Миллюковъ, ч. I, стр. 69.

любовь къ русской старинѣ, къ русской исторіи. Къ сожалѣнію, расколъ отвлекъ наиболѣе энергичныя силы духовенства для борьбы съ нимъ и эта борьба, какъ и въ другихъ странахъ, велась страстно и жестоко.

Историкъ Соловьевъ въ весьма мрачныхъ краскахъ очерчиваетъ состояніе Руси въ XVI столѣтіи въ духовномъ отношеніи, но и онъ дѣлаетъ слѣдующее исключеніе: „Но общество, несмотря на неблагоприятныя обстоятельства для нравственности, оставалось обществомъ христіанскимъ, и потому послѣ извѣстій, свидѣтельствующихъ о неудовлетворительномъ нравственномъ состояніи общества, находимъ извѣстія о подвигахъ лицъ, которыя словомъ и дѣломъ противоборствовали нравственной порчѣ, находимъ извѣстія объ обычаяхъ, коренившихся на религіозномъ чувствѣ, христіанскомъ милосердіи.

Нравственные недуги вызвали въ свѣжемъ и крѣпкомъ тѣлѣ древней Россіи сильное противодѣйствіе въ рядѣ христіанскихъ подвижниковъ, иноковъ, которыхъ дивная строгая, жизнь служила благодѣтельнымъ примѣромъ для другихъ“¹⁾.

Особенно строгія правила жизни поддерживались въ Боровскомъ монастырѣ близъ Москвы. Однимъ изъ высокихъ подвижниковъ былъ Иванъ Саннинъ, явившійся въ монастырь для поступленія въ иноки. Придя въ монастырь, онъ нашелъ братію за тяжелой работой: они носили и обтесывали бревна и потомъ безъ отдыха шли на вечернюю службу. Иванъ Саннинъ сдѣлался со временемъ игуменомъ монастыря (подъ пменемъ Іосифа) и позже игралъ большую роль въ борьбѣ съ ересью и всею своею жизнью служилъ образцомъ горячей вѣры и воздержанія. Онъ запретилъ между прочимъ входъ въ монастырь и всякое общеніе братіи съ женщинами и себѣ не позволялъ видѣться даже съ престарѣлою матерью. Примѣръ жизни Ивана Саннина находилъ многихъ подражателей.

Несмотря на тяжелое матеріальное положеніе населенія, многіе города украшались богатыми храмами.

Значеніе духовенства особенно увеличивается послѣ провозглашенія, въ 1589 году, полной независимости русской церкви отъ греческой подъ управленіемъ своего патріарха. Пользуясь высокимъ внѣшнимъ почетомъ, наши патріархи, въ зависимости отъ личныхъ качествъ, могли играть огромную роль въ жизни государства. Борьба съ востокомъ и юго-востокомъ освящалась ими и поддерживалась, какъ борьба противъ невѣрныхъ. Борьба съ Литвою поддерживалась, какъ борьба за обратное подчиненіе патріаршему престолу православнаго населенія, малороссійскаго и бѣлорусскаго, жившаго въ прежнихъ русскихъ удѣлахъ, и какъ борьба съ латинизмомъ. Поддержка при этихъ условіяхъ представителей духовенства была искренняя и существенная.

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1575.

Въ политическомъ отношеніи московскіе князья проявляютъ удивительную выдержку въ своихъ сношеніяхъ съ Золотою Ордою, жертвуютъ для пользы своихъ владѣній и для расширенія ихъ своимъ самолюбіемъ; въ періодъ рѣшительной борьбы за выходъ къ Каспійскому морю умѣло пользуются внутренними раздорами среди представителей ханствъ, на которые распалась Золотая Орда. Начиная борьбу съ Литвою, они крымскихъ татаръ имѣютъ союзниками.

Уже Александръ Невскій, ранѣе, чѣмъ начать борьбу со шведами, обезпечиваетъ свой тылъ отъ татаръ, сѣздивъ въ Орду на поклонъ и изъявивъ полную внѣшнюю покорность.

Иванъ Калита все время очень искусно пользуется татарами при сборѣ Русской земли вокругъ Москвы.

Иванъ III, въ особенности, являетъ огромный государственный умъ въ пониманіи исторической обстановки той эпохи. Соблазняемый Европейскими государями къ наслѣдованію Византійской Имперіи, онъ не только не слѣдуетъ совѣтамъ начать борьбу съ Турціею, но принимаетъ мѣры, чтобы, напротивъ того, завязать дружественныя съ нею сношенія. Въ 1492 году Иванъ III, первый изъ русскихъ государей, обращается письменно къ Баязету; въ 1497 г. отправляетъ перваго русскаго посла—Плещеева—въ Стамбуль. Въ то же время онъ заботится и о соблюденіи достоинства Россіи. Плещеевъ получаетъ приказаніе править поклонъ султану стоя, а не на колѣняхъ, не уступать мѣста никакому другому послу и сказать посольскія рѣчи только султану, а не панамъ ¹⁾).

Мирныя сношенія съ султаномъ для Ивана III въ особенности были необходимы, чтобы изъ вассала Турціи, крымскаго хана Менгли-Гирея, сдѣлать союзника Россіи. Дѣйствительно, этотъ ханъ проникся чувствомъ искренней дружбы къ Ивану III и, искусно направляемый имъ, могущественнымъ образомъ содѣйствовалъ планамъ Ивана III окончательно освободиться отъ монгольскаго ига, а въ борьбѣ съ Литвою войска крымскаго хана дѣйствовали въ союзъ съ русскими войсками.

Иванъ IV тоже сумѣлъ, начиная рѣшительную борьбу съ Казанью, обезопасить себя какъ со стороны Крыма, такъ и со стороны Литвы.

Изъ приведеннаго выше очерка видно, что военныя силы, съ которыми московскимъ государямъ приходилось начинать великія задачи по выходу къ Каспійскому морю, по борьбѣ съ Литвою, Ливоніею и Швеціею, были недостаточныя, ибо представляли изъ себя ополченія, не организованныя, не обученныя, разнообразно вооруженныя и не воинственныя.

При бѣдности Россіи средства страны тоже не соответствовали

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1439.

широкимъ планамъ московскихъ государей. Масса населенія, невѣжественная и обремененная податями и повинностями, относилась къ военной службѣ, какъ къ наиболѣе тяжелой изъ всѣхъ повинностей, и желала не новыхъ завоеваній, а улучшенія своего положенія въ экономическомъ отношеніи.

Содѣйствіе духовенства облегчало и поддерживало въ это время нашихъ государей въ рѣшимости добиваться поставленныхъ задачъ.

Весьма искусная и мудрая политика московскихъ государей восполняла недостатокъ силъ и средствъ отвлеченіемъ силъ нашихъ естественныхъ противниковъ на борьбу между собою и даже умѣло пользовалась ими для усиленія русскихъ ратей.

Но и содѣйствіе духовенства, и умѣлая политика не привели бы къ успѣшнымъ результатамъ безъ сосредоточенной, *единой сильной власти въ рукахъ Московскихъ государей* и безъ *крайне упорнаго, настойчиваго и терпѣливаго преслѣдованія Московскими государями разъ поставленныхъ цѣлей. Въ этомъ упорствѣ и желѣзной настойчивости сильныхъ властью и духомъ государей и заключался залогъ успѣха.*

Задача по выходу къ Каспійскому морю являлась только поспѣднымъ звеномъ въ борьбѣ за освобожденіе отъ монгольскаго ига. Только обезопасивъ себя съ востока и юго-востока, правители Московской Руси могли надѣяться съ успѣхомъ продолжать великое дѣло своихъ предковъ по собиранію Руси.

Глубокимъ убѣжденіемъ въ правахъ Московскихъ государей на старыя русскіе удѣлы проникнуты дипломатическіе акты XV, XVI и XVII столѣтій. Понятіе „наша вотчина“ постепенно расширяется и захватываетъ всѣ мѣстности, гдѣ только живетъ русское населеніе. Въ этихъ актахъ значилось: „Да и не то наши вотчины, что нынѣ за нами: и вся русская земля Божьей волею изъ старины отъ нашихъ прародителей наша вотчина“.

Въ 1505 году Иванъ III за годъ до смерти признаетъ: „вся Русская земля—Кіевъ и Смоленскъ и иные города—отъ нашихъ прародителей наша вотчина“. Особенно знаменательна эта глухая ссылка на иные города, дающая возможность постоянно расширять наши требованія.

Въ 1517 году, при Василіи III, „иные города“ уже принимаютъ опредѣленную форму. Повторяя формулу своего отца о московской вотчинѣ, Василій III видоизмѣнилъ ее такъ: „*Кіевъ, Полоцкъ, Витебскъ и иные города*“.

Иванъ IV уже считалъ своею вотчиною Ливонію и Курляндію.

Разсматривая эту послѣдовательность требованій, П. Милюковъ заключаетъ такъ:

„На самаго хладнокровнаго читателя сухихъ посольскихъ донесеній, этотъ тяжелый, размѣренный шагъ московскаго „каменнаго

гостя“ способенъ произвести впечатлѣніе какого то давящаго кошмара“¹⁾).

Все отнятое войною или мирнымъ захватомъ становится подь понятіе: „наша вотчина“.

Задачи, поставленныя русскому воинству въ XVII столѣтіи.

Разсмотрѣнныя выше задачи, выполнявшіяся русской вооруженной силой въ теченіе XV и XVI столѣтій, преименно перешли и на XVII столѣтіе.

Относительно этихъ задачъ историкъ В. Ключевскій высказывается такъ²⁾:

„Правительство новой династіи³⁾ ясно сознало и поставило себѣ цѣлый рядъ задачъ во внѣшнихъ отношеніяхъ. Эти задачи все направлены были къ обезпеченію внѣшней безопасности государства. Одна изъ этихъ задачъ состояла въ завершеніи политическаго объединенія русскаго народа, значительная часть котораго еще оставалась за предѣлами государства. Второй задачей было исправленіе южныхъ и западныхъ границъ государства, которыя были слишкомъ открыты для внѣшнихъ нападений, не доходивших до естественныхъ географическихъ предѣловъ страны.

Вотъ двѣ основныя задачи внѣшней политики, поставленныя въ XVII столѣтіи. Одна изъ нихъ была національная, другая — территориальная“.

Первая задача состояла въ окончательномъ объединеніи племень бѣлорусскаго и малороссійскаго съ великорусскимъ. Вторая задача составляла борьбу съ сосѣдями за выходы къ морямъ Балтійскому и Черному.

Разрѣшеніе первой задачи вызвало нѣсколько войнъ съ Литвою и Польшею. Для разрѣшенія второй задачи приходилось бороться съ Крымомъ, Турціею, Ливоніею и Швеціею.

Силы Россіи были слишкомъ недостаточны, чтобы можно было бороться одновременно на три фронта. Стремленіе нашихъ государей вести борьбу порознь съ каждымъ изъ противниковъ приводило къ видимымъ колебаніямъ во внѣшней политикѣ. Со второй половины XVII столѣтія, послѣ Андрусовскаго перемирія, задача по объединенію русскаго народа отходитъ на второй планъ. Съ Польшею заключается „вѣчный миръ“, дабы облегчить борьбу со Швеціею и Турціею въ цѣляхъ выхода Россіи къ Балтійскому и Черному морямъ.

1) Н. Мплюковъ, ч. I, стр. 37.

2) В. Ключевскій „Лекціи по рус. исторіи“, ч. II, стр. 181.

3) Дома Романовыхъ.

ГЛАВА IV.

Выполненіе русской арміей задачи по выходу къ Каспійскому морю.

Окончательное освобожденіе отъ татарскаго ига. Краткій очеркъ дѣйствій по завоеванію царствъ: Казанскаго и Астраханскаго; походы на Казань великихъ князей Ивана III и Василія III; походы на Казань Царя Ивана IV, взятіе Казани, покореніе Астраханскаго царства. Покореніе Сибири. Смутное время. Заключение объ использовании русскимъ племенемъ достигнутаго пмъ выхода къ Каспійскому морю. (Схемы №№ 4 и 5).

Въ 1462 году на Московскій великокняжескій престолъ вступилъ Иванъ III, правившій Русью до 1505 года. Этотъ государь оставилъ глубокой слѣдъ въ исторіи Руси неуклоннымъ служеніемъ одному началу: собранію Руси въ одно большое государство. Достигнутые имъ успѣхи велики и явились не слѣдствіемъ побѣдъ, а результатомъ мудраго пользованія благоприятными обстоятельствами. По опредѣленію историка Соловьева, „Иванъ III явился истымъ потомкомъ Всеволода III и Калиты, истымъ княземъ сѣверной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращеніе отъ мѣръ рѣшительныхъ, которыми можно было много выиграть, но и потерять, и при этомъ *стойкость въ доведеніи до конца разъ начатаго*, хладнокровіе, вотъ отличительныя черты дѣятельности Ивана III“¹⁾.

Положеніе Руси, хотя и собранной частью около Москвы, было въ среднѣ XV столѣтія весьма тяжелое. Съ востока находились еще сильныя татарскія владѣнія, которымъ Московской Руси приходилось платить дань. На сѣверѣ независимые Новгородъ и Псковъ временами тяготѣли не къ Москвѣ, а къ Литвѣ.

На западѣ Литва захватила даже Смоленское княжество и владѣла вмѣстѣ съ Польшею всѣми русскими землями по Днѣпру съ Кіевомъ. На югѣ крѣпло новое ханство—крымское. Наконецъ, даже въ средѣ московскихъ владѣній находились Тверь и Рязань, не признававшія власти Московскаго князя.—Главною цѣлью своей дѣятельности Иванъ III первоначально ставилъ *сверженіе татарскаго ига*.

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1357.

Трудность задачи увеличивалась необезпеченностью Московско́й земли отъ другихъ враговъ въ случаѣ преждевременнаго движенія на Орду. Тѣмъ не менѣе, пользуясь раздорами между татарскими правителями и отдѣленіемъ отъ Золотой Орды Казанскаго царства, Иванъ III предпринимаетъ пять походовъ на Казань, хотя и не имѣвшихъ полного успѣха, но все же ослабившихъ казанскихъ татаръ.

Охрана границъ Московскаго государства противъ татаръ съ XV по XVII столѣтіе лежала въ значительной части на казакахъ: городскихъ и вольныхъ.

Приводимыя ниже свѣдѣнія объ организаціи обороны государства съ юга и юго-востока при помощи городскихъ казаковъ почерпнуты изъ обширнаго труда „Столѣтіе военнаго министерства“, 1802—1902 гг.“, т. XI, исполненнаго подъ редакціей Г. Л. Скалона ¹⁾.

Уже въ XIV столѣтіи на службѣ у удѣльныхъ великихъ князей появляются мещерскіе (татарскіе) казаки, которые были поселены въ Муромской землѣ по притокамъ р. Оки. Затѣмъ казаками стали называть и русскихъ служилыхъ людей, которые распоряженіемъ властей селились по окраинамъ для несенія сторожевой службы. При Дмитріи Донскомъ, съ цѣлью своевременнаго полученія свѣдѣній о татарскихъ набѣгахъ, по рѣкамъ Хопру, Дону, Быстрой и Тихой Соснѣ и другихъ, на путяхъ движенія татарскихъ партій, были устроены сторожевые посты. Первоначально это были лишь временныя стоянки постовыхъ казаковъ, но затѣмъ, съ увеличеніемъ служилаго казачьяго населенія, по всей юго-восточной границѣ возникла цѣлая линія укрѣпленныхъ городковъ, населеніе которыхъ и получило названіе *городовыхъ казаковъ*.

Въ казаки эти набирались охотники изъ всѣхъ сословій. За службу они получали приписанныя къ городкамъ земли, освобожденныя отъ податей и въ случаяхъ особыхъ заслугъ вознаграждались жалованьемъ. Вооруженіе и лошадей обязаны были имѣть своихъ.

Служба казаковъ заключалась въ наблюденіи за татарами, въ предупрежденіи объ ихъ движеніи къ нашимъ предѣламъ и затѣмъ защитѣ пограничныхъ городковъ. Для выполненія этихъ задачъ городовые казаки должны были далеко заѣзжать въ степь, наблюдать слѣды въ степи, захватывать плѣнныхъ (языковъ) и доносить воеводамъ.

Первоначально городовые казаки появились въ Рязанскомъ княжествѣ и въ 1444 году они уже участвовали въ битвѣ съ татарскими полчищами. Но, не довольствуясь охраной границы, рязанскіе

¹⁾ Томъ XI, по главному управленію казачьихъ войскъ составили: А. Никольскій, Н. Чернощековъ, В. Пислатовъ и Ѳ. Абрамовъ.

казаки часто уходили въ степь, въ „молодечество“, и промышляли тамъ разбоями и грабежами. При дружественныхъ отношеніяхъ Ивана III къ крымскому хану Менгли-Гирею такія дѣйствія городовыхъ казаковъ были не въ интересахъ московскаго правительства. Поэтому, напр., въ 1502 году, Иванъ III требовалъ уклонившихся отъ службы казаковъ казнить.

При Иванѣ IV Грозномъ городовые казаки получили устройство; имъ составили списки, передали въ вѣдѣніе стрѣleckаго приказа и они вмѣстѣ со стрѣльцами вошли въ составъ нашихъ вооруженныхъ силъ. По роду службы городовые казаки подраздѣлялись на городовыхъ или полковыхъ и сторожевыхъ или станичныхъ.

При Иванѣ IV наша пограничная укрѣпленная линія проходила по слѣдующимъ городкамъ: Алатырь, Темниковъ, Рязскъ, Данковъ, Новосиль, Мценскъ, Рыльскъ, Новградъ-Сѣверскъ. Отъ этихъ пунктовъ далеко въ степь высылались разѣзды. За первую линію городковъ тянулась вторая, внутренняя линія укрѣпленныхъ городовъ: Нижній-Новгородъ, Муромъ, Рязань, Тула, Серпуховъ и другіе. Передовая линія постепенно подвигалась впередъ, и къ концу царствованія Ивана IV наши разѣзды доходили до Азова.

По мѣрѣ продвиженія впередъ сторожевыхъ постовъ, города въ тылу занимались гарнизонами изъ другихъ войсковыхъ частей, а городовые казаки продвигались впередъ.

Число городовыхъ казаковъ не было значительно и, будучи полезны для сторожевой службы, эти казаки особой роли въ военныхъ дѣйствіяхъ той эпохи не играли. Ихъ постепенно или включали въ составъ другихъ казачьихъ войскъ—Астраханскаго, Волгскаго и Оренбургскаго, или обращали на сформированіе регулярной конницы.

Значительно большую роль въ исторіи Россіи въ XV—XVIII столѣтіяхъ играли *вольные казаки*. На образованіе вольнаго казачества пошло много и городовыхъ казаковъ, пожелавшихъ совершенно скинуть какую-либо зависимость отъ правительства. О дѣятельности этихъ казаковъ, особенно Малороссійскаго и Запорожскаго, будетъ изложено попутно съ очеркомъ дѣйствій прочихъ вооруженныхъ силъ Московской Руси.

Въ XV столѣтіи началось быстрое ослабленіе могущества Золотой Орды. Послѣдній ханъ ея Улу-Махметъ былъ еще настолько могущественъ, что рѣшалъ дѣла княженія въ Московскомъ государствѣ и присудилъ великое княженіе въ Москвѣ Василию Темному. Но, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, онъ былъ вынужденъ покинуть Сарай, столицу Золотой Орды (Кипчакскаго царства). Одновременно отъ Золотой Орды отдѣляется и Крымъ. Первоначально Улу-Махметъ искалъ убѣжища въ Москвѣ, но, не принятый Василиемъ Темнымъ, удалился на берега Волги въ древнюю Болгарію и въ раззоренной набѣгами мѣстности возстановилъ въ 1438 году Казань, разрушенную русскими еще въ 1399 году. Построенный имъ на новомъ мѣстѣ городъ былъ укрѣпленъ.

Сосѣдніе мордва, черемисы, камскіе болгаре подчинились татарамъ. Въ Казань стали стекаться съ низовьевъ Волги, Дона и изъ Крыма искавшіе добычи татары, усиливая новое, основанное Улу-Махметомъ, царство. Съ перваго года существованія этого царства начались безпрестанные набѣги и вторженія татаръ и покоренныхъ ими инородцевъ въ русскія пограничныя мѣстности, сопровождаемые убійствами, грабежами и уводомъ многочисленныхъ плѣнныхъ.

Тотчасъ послѣ заложения Казани Улу-Махметъ въ 1439 году сдѣлалъ набѣгъ, дошелъ до Москвы, стоялъ подъ ея стѣнами 10 дней, но не могъ ее взять. На обратномъ пути онъ сжегъ Коломну и погубилъ много народа. Черезъ 5 лѣтъ Мустафа повторилъ набѣгъ съ многочисленнымъ войскомъ, разорилъ рязанскія земли, взялъ много плѣнныхъ и остановился въ степи для продажи плѣнниковъ, которыхъ выкупали рязанцы ¹⁾. Быстрое разореніе и опустѣніе сосѣднихъ съ Казанскимъ царствомъ мѣстностей явилось слѣдствіемъ этихъ набѣговъ.

Къ счастью, непрерывныя внутреннія усобицы не позволяли Казанскому царству усилиться въ значительной степени. За 115 лѣтъ самостоятельнаго существованія Казанскаго царства было 20 различныхъ царствованій. Смерть каждаго царя влекла кровавые раздоры между казанскими вельможами, присвоившими себѣ право возводить и свергать царей по собственному усмотрѣнію. Эти раздоры давали возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла казанцевъ правителямъ сосѣднихъ владѣній: московскихъ, ногайскихъ ²⁾ и крымскихъ, сообразно чему въ Казани образовывались различныя партіи, въ томъ числѣ и московская. Эта борьба отвлекала казанцевъ отъ серьезныхъ внѣшнихъ предпріятій противъ Россіи.

На набѣги казанскихъ татаръ Московская Русь долгое время отвѣчала лишь набѣгами же; но когда Русь усплилась, Иванъ III произвелъ нѣсколько серьезныхъ походовъ подъ Казань, доходилъ и до Казани; однажды даже овладѣлъ ею, но все еще считалъ себя недостаточно сильнымъ, чтобы добиваться завоеванія Казанскаго царства и присоединенія его территоріи къ Московскому государству. Такъ, въ 1487 г., овладѣвъ Казанью, Иванъ возводитъ на Казанскій престолъ Мегмета-Али и обязываетъ его подчиненностью Москвѣ. Но скоро въ Казани московское вліяніе смѣняется крымскимъ и Казань отлагается отъ Москвы.

Преимникъ Ивана III, Василій III, вынужденъ предпринимать тоже нѣсколько походовъ и, хотя, какъ и его отецъ, не рѣшается поставить цѣлью своихъ дѣйствій присоединеніе Казани, но заложениемъ Васильсурска вблизи Казани облегчаетъ своему преимнику,

¹⁾ Соловьевъ, т. IV, стр. 1063.

²⁾ Астраханскихъ.

Ивану IV задачу по овладѣнію и присоединенію къ русскимъ предѣламъ царства Казанскаго ¹⁾.

Ранѣе, чѣмъ прослѣдить дѣятельность этихъ князей по разрушенію царства Казанскаго, приведемъ ниже краткія свѣдѣнія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ Московская Русь освободилась окончательно отъ татарскаго ига.

При Иванѣ III, въ первую половину его царствованія, татары, хотя и ослабленные разгромомъ ихъ въ 1391—95 годахъ Тамерланомъ за измѣну ему Тохтамыша, а также и внутренними раздорами, не отказывались, однако, отъ притязаній брать дань съ Московской земли.

Ханъ Золотой Орды Ахматъ былъ послѣднимъ изъ хановъ передъ ея окончательнымъ распаденіемъ, который боролся за поддержаніе подчиненнаго Ордѣ положенія Московскаго государства.

Король Казиміръ Литовскій вступилъ съ нимъ въ союзъ и условился объ одновременномъ нападеніи на Московскаго князя Ивана III, надѣясь этимъ отвлечь его отъ похода на Новгородъ, который Казиміръ взялъ подъ свое покровительство. Но Ахматъ пришелъ къ границамъ Московской земли только лѣтомъ 1472 г., когда новгородскій походъ былъ уже оконченъ.

Сборъ войскъ противъ Ахмата производился не дружно и не

¹⁾ Черезъ 400 лѣтъ мы тоже почти въ теченіе ста лѣтъ пытались водворить спокойствіе въ среднеазиатскихъ степныхъ мѣстностяхъ безъ присоединенія ихъ къ русскимъ предѣламъ. На набѣги киргизовъ, хивинцевъ, туркменъ, калмыковъ мы отвѣчали первоначально тоже набѣгами. Пользы это не приносило. Какъ и въ борьбѣ за присоединеніе волжскаго бассейна, мы стали затѣмъ закладывать въ степи небольшіе опорные пункты со стороны Западной Сибири и со стороны Оренбурга и Уральска. Это облегчало наблюденіе за спокойствіемъ въ степи, но прочное спокойствіе было водворено въ степи только, когда вся она вошла въ составъ русской территоріи, вмѣстѣ съ Хивою, Бухарою и Кокандскимъ ханствомъ.

Наши дѣйствія на Кавказѣ, пока мы ограничивались экспедиціями съ возвращеніемъ войскъ обратно, не могли дать умпротворенія Кавказу. Закладывались и *линіи* укрѣпленій, но только завоеваніе Кавказа прекратило набѣги горцевъ и разореніе ими населенія русскихъ земель.

По отношенію къ Алжирѣ наблюдается то же явленіе. Завоевавъ въ 1830 году городъ Алжиръ, французы первое время не хотѣли распространять своихъ владѣній. Затѣмъ заняли всю прибрежную полосу между Тунисомъ и Марокко (Литораль). На набѣги кабилловъ и арабовъ долгое время французы отвѣчали тоже набѣгами и карательными экспедиціями. Подвиговъ совершено было много, но толку отъ этихъ экспедицій было мало. Рѣшили двинуться въ горы Атласа и заняли тамъ нѣсколько пунктовъ. Эта мѣра тоже не дала спокойствія. Потребовалось кромѣ входовъ въ горы занять перевалы, а затѣмъ и выходы изъ горъ. Занявъ эти выходы, французы вышли на плато, такъ называемой Малой Сахары и все же вынуждены были производить экспедиціи для обузданія арабскихъ племенъ, кочевавшихъ въ Малой Сахарѣ. Только полное подчиненіе и присоединеніе къ Франціи не только прибрежной полосы, но полосы горъ Атласа и всей полосы Малой Сахары и выходы границамъ въ пустыни большой Сахары дали французамъ достаточное спокойствіе и послужили къ быстрому развитію занятаго края.

быстро. Ахмать успѣлъ съечь (со всѣми жителями) долго сопротивлявшійся ему городъ Алексинъ на рѣкѣ Окѣ. У лѣтописца значится, что князь Юрій Васильевичъ и воеводы московскіе съ московской ратью стояли на противоположномъ берегу „и плакали, но помочь храбрымъ защитникамъ Алексина не могли по глубинѣ рѣки Оки въ этомъ мѣстѣ“, но этимъ и ограничились подвиги Ахмата. Узнавъ, что противъ него собирается большая рать, ханъ отступилъ ¹⁾. Русскія войска, разбросанныя на протяженіи 150 верстъ, въ числѣ до 180 тыс. человекъ, тоже не стремились навстрѣчу татарамъ.

Вскорѣ былъ заключенъ миръ между Ахматомъ и Иваномъ III, а въ 1476 году пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Ахмата звать великаго князя Ивана въ Орду на поклонъ. Иванъ не согласился на эту поѣздку, чѣмъ разгнѣвалъ Ахмата, снова примкнувшаго къ Казимиру.

Въ 1480 году Ахмать, союзникъ Казимира, подговариваемый имъ, вновь съ большимъ войскомъ выступилъ на Москву. Иванъ, по видимому, сталъ колебаться. Онъ выслалъ навстрѣчу къ татарамъ своихъ воеводъ, но самъ остался въ Москвѣ и сталъ готовиться къ оборонѣ ея. Великая княгиня Софія поддерживала ослабѣвшее мужество Ивана III: „Развѣ у тебя мало войскъ,—говорила она,—зачѣмъ слушаешься рабовъ своихъ и не хочешь стоять за честь свою и за вѣру святую“. Но особо могущественную нравственную поддержку Ивану въ эти дни оказали представители духовенства, въ особенности Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій. Нѣкоторые приближенные, ссылаясь на примѣръ великаго князя Василія Васильевича, взятаго въ плѣнъ татарами у Суздаля, совѣтовали великому князю оставаться въ Москвѣ, но Вассіанъ рѣзко и гнѣвно противился такому совѣту и указывалъ великому князю на необходимость лично ѣхать въ армію.

Населеніе Москвы тоже не было настроено воинственно. Когда Иванъ III вѣзжалъ въ Кремль, народъ подумалъ, что все кончено и что по пятамъ великаго князя идутъ и татары. Въ толпахъ народа слышались упреки Ивану III за то, что онъ разгнѣвалъ татарскаго царя, не платя ему данн.

Въ Кремлѣ встрѣтилъ Ивана Ростовскій владыка, назвалъ его бѣгуномъ и высказалъ ему: „Вся кровь христіанская падеть на тебя за то, что, выдавши христіанство, бѣжишь прочь, боя съ татарами не поставивши и не бившись съ ними; зачѣмъ боишься смерти? Не безсмертный ты человекъ, а смертный“; и далъ: „Дай мнѣ старикъ войско въ руки, увидишь, уклоню ли я лицо свое передъ татарами“. Черезъ нѣсколько дней владыка писалъ Ивану III о томъ же; онъ освобождалъ его отъ клятвы, данной хану—платить ему дань,

¹⁾ По другимъ свѣдѣніямъ, отступилъ потому, что у него въ войскѣ появилась моровая язва.

„лучше, писалъ онъ,—солгавши получить жизнь, чѣмъ, соблюдая клятву, погибнуть, т. е. пустить татаръ въ Русскую землю на разрушеніе и истребленіе христіанства, и уподобишься окаянному Ироду, который погибъ, не желая преступить клятвы“. Иванъ уступилъ и отправился къ войску.

Однако, ни Ахматъ, ни Иванъ не отважились битвою рѣшить свой споръ. Многочисленныя рати, русскія и татарскія, производили близъ р. Угры разныя передвиженія, но опасались боя. Наконецъ, Иванъ отступилъ къ г. Боровску, обѣщая тамъ дать битву татарамъ. Но Ахматъ не только не послѣдовалъ за русскою ратью, но самъ отступилъ назадъ черезъ Литовскія владѣнія, опустошая ихъ за неисполненіе обѣщанія Казиміра напасть совместно съ татарами на Москву. И на этотъ разъ Казиміръ былъ отвлеченъ внутренними дѣлами и борьбою съ союзникомъ Ивана III — Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, вторгнувшимся въ Подолію. Отступление Ахмата объясняется и наступленіемъ зимняго времени, когда стало нечѣмъ кормить татарскихъ коней.

Съ Ахматомъ вскорѣ покончили не московскія войска, а сами татары. Возвращаясь съ большою добычею, онъ шелъ безъ мѣръ предосторожности, распустивъ своихъ воиновъ. Добыча Ахмата прельстила хана Тюменской Орды. Соединившись съ ногайцами, онъ внезапно напалъ на Ахмата, ставшаго на зимовку въ устьяхъ р. Дона, убилъ его и отправилъ съ этою вѣстью пословъ къ Ивану III. Такимъ образомъ, потомки Чингизъ-хана помогали Руси освободиться отъ татарскаго ига.

Но и послѣдній ударъ Золотой Орды былъ панесенъ тоже не московскими войсками, а союзникомъ Ивана III — Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ. Руководимый ненавистью къ Ахмату и его дѣтямъ, наслѣдовавшимъ владѣнія Золотой Орды, онъ напалъ на нихъ и нанесъ тяжелое пораженіе, послѣ котораго Золотая Орда перестала существовать; осталось лишь слабое Астраханское царство.

Такъ окончилось монгольское иго.

Главный врагъ Московскаго государства былъ побѣжденъ, но положеніе русскихъ земель было тяжелое: враги окружали начавшее складываться государство со всѣхъ сторонъ.

Внутреннее состояніе государства тоже не было ни спокойнымъ, ни матеріально обеспеченнымъ. Долгое общеніе съ варварскимъ народомъ отразилось еще большимъ, чѣмъ было ранѣе, огрубѣніемъ нравовъ, многіе татарскіе обычаи перешли къ намъ; низшіе классы населенія были угнетены, высшіе классы оставались невѣжественными и предавались многимъ порокамъ, въ томъ числѣ и пьянству; пьянствовали и простые люди ¹⁾; нравственность населенія вообще понизилась.

¹⁾ По свидѣтельству лѣтописцевъ, напр. жители Кіева проводили утро обык-

Для людей всѣхъ сословій существовали казни, сожженіе, отрѣзаніе языка, кнутъ; сохраненіе многихъ языческихъ обычаевъ поддѣрживало суевѣрія; напр., кудесники и бабы-чаровницы имѣли доступъ и ко двору ¹⁾).

Заслуживаетъ глубокаго вниманія и удивленія искусство неученаго Ивана III достигнуть поставленныхъ имъ цѣлей при помощи своихъ союзниковъ, умѣнье загребать, по русской пословицѣ, жаръ чужими руками. Въ борьбѣ съ татарами онъ умудрился заставить татаръ бить татаръ же; въ борьбѣ съ Новгородомъ онъ привлекъ псковичей на свою сторону. Въ борьбѣ съ Литвою онъ пользуется отдѣлившимся отъ Литвы князьями. Въ борьбѣ со шведами Иванъ III вступаетъ въ союзъ съ датскимъ королемъ, искавшимъ шведскаго престола.

Крымская Орда образовалась изъ черноморскихъ татарскихъ улусовъ и первымъ крымскимъ ханомъ былъ Едигей. Сыновья Едигея погибли въ усобицахъ. Власть перешла къ Ази-Гирею, который и сталъ родоначальникомъ всѣхъ Гиреевъ, управлявшихъ долгое время крымскими татарами. Ази-Гирей держался всю свою жизнь дружбы съ Литвою, но сынъ его Менгли-Гирей, для успѣха въ борьбѣ съ ненавистными ему ханами Золотой Орды, предпочелъ сближеніе съ московскимъ великимъ княземъ Иваномъ III и оба они такъ хорошо цѣнили выгоды взаимнаго соглашенія, что даютъ рѣдкій примѣръ не прерывавшихся ни разу дружественныхъ отношеній въ теченіе многихъ лѣтъ.

Нашъ историкъ Соловьевъ указываетъ, что Иванъ III весьма дорожилъ этою дружбою и въ своихъ посольскихъ сношеніяхъ съ Менгли-Гиреемъ принималъ даже тонъ младшаго, подчиненнаго. Такъ, Иванъ приказалъ въ 1474 году послу своему Беклемишеву, которому поручено было заключить союзный договоръ, говорить хану отъ имени своего государя: „князь великій Иванъ челомъ бьетъ: посоль твой Ази-Баба говорилъ мнѣ, что хочешь меня жаловать, въ братствѣ, дружбѣ и любви держать“...

Въ то же время Иванъ требовалъ, чтобы посоль его добивался невключенія слова „пожаловалъ“ въ отвѣтную грамоту Менгли-Гирея, но прибавляетъ разрѣшеніе включить въ крайности и это слово.

Разсчитывая на союзъ съ Менгли-Гиреемъ для борьбы прежде всего съ Ахматомъ, Иванъ III въ то же время не хочетъ преждевре-

новенно до трехъ часовъ въ занятіяхъ, а потомъ отправлялись въ шинки, гдѣ оставались вплоть до самой ночи и нерѣдко напивались до пьяна и дрались.

¹⁾ Въ концѣ XV вѣка игумень Панфилъ въ своемъ посланіи Псковскимъ властямъ указывалъ, что въ праздникъ Рожд. Христова, въ эту святую ночь, „мало не весь городъ вьзмется и вьзбѣется, стучать бубны, голосають сопѣли, гудять струны, жены и дѣвы пляшуть и поють скверныя пѣсни, тутъ мужамъ п юношамъ великое прельщеніе и паденіе, женамъ оскверненіе“ и пр. (Соловьевъ, т. V, стр. 1573).

менно открывать свои карты Ахмату и добивается включенія глухого условія: *быть на всѣхъ недруговъ за одно*. На требованіе Менгли-Гирея прекратить всѣ сношенія съ Золотой Ордой московскій посолъ тоже не долженъ былъ соглашаться, ибо: „послы между Москвою и Ордою не могутъ не ходить, потому что государя отчина съ Ахматомъ на одномъ полѣ“ ¹⁾.

Лишь только состоялся договоръ Менгли-Гирея съ Иваномъ, какъ турки быстро завоевали Крымъ. Но это не измѣнило положенія дѣлъ, ибо Менгли-Гирей былъ оставленъ Крымскимъ ханомъ въ качествѣ вассала султана. Напротивъ того, Иванъ III воспользовался и этимъ обстоятельствомъ, чтобы завязать сношенія съ султаномъ. Отвѣтъ султана былъ таковъ: „если государь московскій тебѣ—Менгли-Гирею—братъ, то будетъ и мнѣ братъ“ ²⁾.

Положеніе Менгли-Гирея было часто тоже тяжелое и въ борьбѣ съ ханомъ Золотой Орды Ахматомъ, а потомъ съ его сыновьями, не всегда удача была на его сторонѣ. Такъ, въ 1476 году Менгли-Гирей былъ изгнанъ Ахматомъ изъ Крыма, но скоро снова овладѣлъ властью.

Въ 1485 году сыновья Ахмата еще разъ нанесли поражение Менгли-Гирею и заставили его бѣжать. Великій князь Иванъ III послалъ въ набѣгъ на улусы Ахматовыхъ сыновей свои войска, которыя успѣли освободить много крымскихъ плѣнныхъ. Наконецъ, въ 1502 году счастье рѣшительно повернулось въ сторону Менгли-Гирея. Онъ двинулся походомъ на Золотую Орду, нанесъ рѣшительное поражение Шихъ-Ахмету,—сыну Ахмата, и прекратилъ, какъ указано выше, существованіе Золотой Орды.

Завоеваніе царства Казанскаго.

Мы видѣли выше, какія серьезныя причины вызывали необходимость въ XV столѣтіи вести вооруженную борьбу съ казанскими татарами. Въ этой борьбѣ, вѣденной Иваномъ III, сказывается его осторожный, нерѣшительный, но въ то же время крайне настойчивый характеръ.

Походы къ Казани были начаты еще отцомъ Ивана III Василиемъ Темнымъ. Первымъ дѣломъ по вступленіи на великокняжескій престолъ его сына тоже былъ походъ на Казань въ 1467 году.

Съ цѣлью поставить на Казанскомъ престолѣ царевича Касима, находившагося на московской службѣ, Иванъ III послалъ сильную рать на Казань подъ начальствомъ князя Оболенскаго-Стриги. Походъ этотъ не удался. Различныя лишенія заставили московскія

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1432—1433.

²⁾ Тамъ же, стр. 1438.

войска отступить, при чемъ было побросано по дорогѣ много доспѣховъ. Казанцы отвѣчали нападеніемъ на пограничныя мѣстности.

Въ слѣдующемъ году былъ произведенъ набѣгъ на казанскія земли, при чемъ захвачено было много добычи; казанцы отвѣтили тоже набѣгомъ и вынудили русское населеніе Вятки подчиниться Казанскому хану Ибрагиму.

Въ 1469 году Иванъ III замыслилъ второй походъ на Казань въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Сборъ войскъ былъ назначенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Двигались на судахъ: войска изъ Москвы шли Москвою-рѣкою и Окою; коломнич и муромцы—Окою; владимірцы и суздальцы—Клязьмою; населеніе верхней Волги—Волгою. Но когда рать уже собралась у Нижняго, Иванъ III началъ колебаться и приказалъ войскамъ стоять въ Нижнемъ, въ Казанскія же земли отпустить только охотниковъ. Вмѣсто задуманнаго ранѣе похода на Казань, онъ предположилъ ограничиться лишь набѣгомъ. Когда это приказаніе было сообщено войскамъ, рать отвѣчала: „Все хотимъ идти на окайныхъ татаръ за святыя церкви, за своего государя—великаго князя Ивана и за православное христіанство“ ¹⁾. Таковъ былъ подъемъ духа и сознаніе массы въ необходимости одолѣть татаръ. Назначенный Иваномъ III начальникомъ надъ боярскими дѣтьми всѣхъ городовъ воевода Беззубцевъ одинъ рѣшилъ оставаться въ Нижнемъ, выполняя буквально волю Ивана III.

Рать, оставшись безъ начальника, „долго думавши, выбрала себѣ по своей волѣ Ивана Руна“. Отплывъ изъ Нижняго, приплыли на третью сутки къ Казани, ворвались въ посадъ, рубили сонныхъ татаръ, освобождали плѣнниковъ. Татары запирались въ мечети и тамъ сгорали съ женами и дѣтьми. Но воинственность сборнаго войска скоро прошла: до штурма крѣпости не дошло, и походъ подъ Казань обратился въ набѣгъ на окрестности Казани. Историкъ пишетъ: „Когда посады погорѣли, русская рать, истомившись, отступила отъ города, сѣла на суда, остановилась на островѣ Коровинѣ, гдѣ стояла 7 дней. Татары перешли въ наступленіе и подъ ихъ напоромъ, тоже не особенно энергичнымъ, наши войска возвратились въ Нижній“.

Въ неудачѣ похода этого существуетъ обвиненіе противъ Ивана Руна, будто бы сговорившагося съ татарами, но историкъ Соловьевъ неудачу какъ этого, такъ и перваго походовъ справедливо объясняетъ недостаткомъ единства въ движеніяхъ, недостаткомъ подчиненности: одинъ воевода не могъ дождаться другого; приказъ великокняжескій не былъ исполненъ; Руно пошелъ, когда приказано было не ходить; молодые не слушались старшихъ. Предпринятое одновременно движеніе другого отряда черезъ Вятку тоже не имѣло успѣха.

Въ томъ же 1469 году Иванъ предпринимаетъ новый походъ на Ка

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1413.

зань. На этотъ разъ во главѣ войска опъ ставить братьевъ своихъ Юрія и Андрея Большого. Войско состояло изъ „всей силы Московской и Устюжской, конной и судовой“. 1 сентября войска подошли къ Казани, оттѣснили татаръ въ городъ, укрѣпились острогомъ и отвели воду отъ жителей. Тогда ханъ Ибрагимъ сталъ просить о мирѣ, который и былъ заключенъ. Условія неизвѣстны. Извѣстно одно, что были выданы всѣ плѣнные. По предположенію историка Соловьева, Иванъ III, озабоченный дѣлами Новгорода и сборами противъ Москвы Казимира Литовскаго и хана Золотой Орды Ахмата, долженъ былъ спѣшить окончаніемъ военныхъ дѣвствій подъ Казанью и, быть можетъ, удовольствовался только выдачею плѣнныхъ.

Восемь лѣтъ Иванъ III, занятый другими дѣлами, не предпринималъ новыхъ движеній къ Казани. Но Ибрагимъ-ханъ снова первый нарушилъ миръ и напалъ на Вятскую землю. Населеніе города Вятки храбро встрѣтило татаръ и отбило ихъ нападеніе, но плѣнныхъ татарами было взято много. Съ цѣлью наказать за нарушеніе мира Иванъ предпринимаетъ *четвертый* походъ на Казань. Наши войска, опять двигаясь водою, „опустошили волости и подплыли къ городу; но сильная буря и дождь помѣшали приступу, заставили московское войско отступить; съ другой стороны, вятчане и устюжане вошли Камою въ Казанскія владѣнія и также опустошили ихъ“¹⁾.

Смерть хана Ибрагима и внутреннія смуты дали возможность Ивану вмѣшаться во внутреннія дѣла казанцевъ по ихъ же просьбѣ. Послѣ Ибрагима осталось два сына отъ разныхъ женъ—Али-ханъ старшій и Мегмедъ-аминь—младшій. При помощи ногаевъ Али-ханъ утвердился въ Казани. Младшій Мегмедъ-аминь, имѣвшій свою партію, явился въ Москву и просилъ помощи. Союзникъ Ивана III крымскій ханъ Менгли-Гирей, взявшій себѣ въ жены мать Мегмедъ-аминя, тоже просилъ за него. Иванъ въ 1487 году произвелъ *пятый* походъ на Казань, пославъ большое войско подъ начальствомъ нѣсколькихъ князей. Вслѣдъ за войскомъ отправился и Мегмедъ-аминь. Войска плыли на судахъ, лошадей гнали берегомъ.

Али-ханъ выступилъ противъ русскихъ со всею своею силою, но послѣ небольшого сопротивленія убѣждалъ въ городъ и заперся въ немъ. Казань была осаждена, обведена острогомъ. Осада длилась три недѣли и каждый день татары дѣлали вылазки. Оставшееся внѣ города конное казанское войско, подъ начальствомъ Алгызая, тоже причиняло много вреда русскому войску. Когда Алгызай былъ прогнанъ за Каму, Али-ханъ сдался русскимъ и пріѣхалъ въ ихъ станъ. Неизвѣстно, вступали ли наши войска въ крѣпость; кажется, нѣтъ, но Мегмедъ-аминь былъ водворенъ въ Казани ханомъ и жестоко расправился со своими врагами. Во всякомъ случаѣ Казань не была подчинена Москвѣ полностью и въ послѣдующее

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1418.

время Иванъ III и Мегмедъ-аминъ сносятся между собою на равной ногѣ.

Скоро, однако, новый ханъ вооружилъ противъ себя населеніе, былъ изгнанъ, жилъ нѣкоторое время въ московскихъ владѣніяхъ, но потомъ снова добился власти въ Казани. Забывъ поддержку, оказанную ему нѣсколько разъ московскимъ княземъ, онъ сбросилъ съ себя всякую зависимость отъ Москвы, оскорбилъ русскаго посла и перебилъ русскихъ купцовъ.

Послѣ 44-лѣтняго княженія Иванъ III въ 1505 г. умеръ, и нѣкоторое время дѣйствія Мегмедъ-аминя оставались безнаказанными.

Походы подъ Казань великаго князя Василія III.

Принявши правленіе осенью 1505 года, Василій III началъ готовиться къ первому походу на Казань, чтобы наказать Мегмедъ-аминя.

Весною 1506 года войска выступили въ походъ и на этотъ разъ двигались раздѣльно: пѣхота въ апрѣлѣ поплыла на судахъ подъ начальствомъ брата государя князя Дмитрія Ивановича и воеводы князя Бѣльскаго, а конница пошла сухимъ путемъ подъ начальствомъ князя Ростовскаго. Двигались на судахъ весьма медленно и только къ 22 мая приплыли въ окрестности Казани. Татары, имѣя полную возможность слѣдить за всѣми передвиженіями, не оказывали сопротивленія и отходили къ Казани. Не дождавшись соединенія съ конницею, князь Дмитрій выступилъ съ пѣхотою къ городу. Мѣрь охраны принято не было. День былъ знойный и движеніе, вѣроятно, совершалось беспорядочно. Татары распорядились весьма искусно. Демонстративно занявъ вниманіе пѣхоты съ фронта, они обошли русскихъ, отрѣзали отъ судовъ и ударили съ тыла. Русскіе были разбиты, потеряли много убитыми, утонувшими въ Поганомъ озерѣ и плѣнными и только части ихъ удалось пробиться къ судамъ.

Великій князь Василій, узнавъ объ этой неудачѣ, выслалъ изъ Москвы сильныя подкрѣпленія подъ начальствомъ князя Холмскаго и приказалъ брату Дмитрію до соединенія съ Холмскимъ не переходить вторично въ наступленіе. Это приказаніе не было исполнено. Какъ только къ пѣхотѣ подошла конная рать кн. Ростовскаго, князь Дмитрій, надѣясь загладить неудачу, не сталъ дожидаться прибытія Холмскаго и двинулся вновь къ Казани. Послѣ перваго незначительнаго успѣха русскія войска снова были разбиты на голову и обратились въ бѣгство, бросивъ пушки и осадныя машины ¹⁾.

Когда на слѣдующій годъ Мегмедъ-аминъ прислалъ пословъ просить мира и обѣщалъ выдать плѣнныхъ, „Василій, поговоря съ братьями и боярами, согласился на этотъ миръ, для избавленія хри-

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1581.

стіанскихъ душъ, попавшихъ въ бусурманскія руки, и для христіанскаго устроенія“¹⁾).

Главною причиною, побудившею Василя III къ заключенію мира, была опасность, угрожавшая ему со стороны Литвы и Ливоніи. Надѣясь, что со смертію Ивана III въ Московскомъ государствѣ произойдутъ безпорядки, Литовскій князь Александръ подговаривалъ магистра Ливонскаго ордена напасть вмѣстѣ на Василя, — *„непріятеля вѣры христіанской“*.

Съ 1506 года въ теченіе 12 лѣтъ казанскія дѣла не тревожили князя Василя III. Но въ 1518 году умеръ Мегмедъ-аминъ и возникъ вопросъ о его преемникѣ.

Преемникъ Менгли-Гирея, въ крымскомъ ханствѣ, сынъ его Махметъ-Гирей сталъ добиваться, соединенія въ своихъ рукахъ всѣхъ татарскихъ владѣній — Крыма, Казани и Астрахани. Для успѣха этого предпріятія онъ намѣревался посадить въ Казани ханомъ своего брата, а для успѣха дѣйствій противъ царства Астраханскаго предлагалъ Василю III союзъ противъ Литвы, съ тѣмъ, чтобы Василій былъ съ нимъ за одно противъ сыновей Ахмата, правившихъ въ Астрахани. Но Василій, сознавая всю опасность новаго объединенія татаръ, назначилъ по просьбѣ казанцевъ къ нимъ въ ханы Шигъ-Алея, внука Ахмата, смертельнаго врага Гиреевъ.

Шигъ-Алей, поддержанный посланнымъ съ нимъ московскимъ воеводою, вступилъ въ правленіе Казанскимъ царствомъ, но скоро возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе слишкомъ явною защитою московскихъ интересовъ. Образовалась сильная партія недовольныхъ, сносившаяся съ крымскимъ ханомъ. Поэтому, когда въ 1521 году братъ крымскаго хана Саибъ явился съ крымскимъ войскомъ подъ Казань, городъ ему сдался безъ сопротивленія. Удивительна, однако, выдержка азіатовъ того времени. Не желая явнаго разрыва съ Москвою, казанцы и крымцы выпустили свободно изъ Казани какъ Шигъ-Алея, такъ и московскаго воеводу; но московскіе купцы были задержаны и ограблены.

Для поддержанія своего брата и отвлеченія силъ московскихъ отъ Казани, крымскій ханъ съ большою силою выступилъ къ Москвѣ. Одновременно перешелъ въ наступленіе и новый Казанскій царь Саибъ, братъ крымскаго хана.

Казанскіе татары напали и опустошили области Нижегородскую и Владимірскую и соединились съ татарами крымскими. Выступившія противъ крымскихъ татаръ московскія войска подъ начальствомъ брата князя Василя Дмитрія были опрокинуты превосходными силами татаръ. Вся страна до Москвы оказалась не защищеною и открытою нападению татаръ. Послѣдніе разбились на сильныя партіи, разлились по всей прилегавшей къ Москвѣ мѣстности и под-

¹⁾ Соловьевъ, т. V. стр. 1581.

ходили къ самой Москвѣ. Всюду шли грабежъ, разореніе, плѣненіе русскихъ людей. Уцѣлѣвшіе въ ужасѣ спасались въ Кремль, давили въ воротахъ другъ друга. Отъ скопленія людей заразился воздухъ, и ожидалась большая смертность.

Уже отвыкнуши отъ татарской опасности, москвичи не были приготовлены къ оборонѣ города. Князь Василій уѣхалъ въ эти трудныя минуты изъ Москвы на сѣверъ собирать полки. По замѣчанію историка Соловьева, такъ же поступали и великіе князья—Дмитрій Донской при нападеніи Тохтамыша и Василій Дмитриевичъ при нападеніи на Москву Едигея. Въ Москвѣ остался начальствовать крещеный татарскій царевичъ Петръ. Онъ и бояре рѣшили вступить въ переговоры съ ханомъ, который и не думалъ брать Москвы приступомъ, не имѣя для этого ни средствъ, ни охоты, и собирался бѣжать при первомъ извѣстіи о приближеніи войскъ великокняжескихъ ¹⁾.

Ханъ далъ обѣщаніе отступить, если ему пришлютъ письменное обязательство, что великій князь будетъ платить ему дань. *Это обязательство дано было* и ханъ отступилъ къ Рязани.

Вмѣстѣ съ татарами Русскую землю пришли грабить и днѣпровскіе казаки подъ начальствомъ Дашковича. При приближеніи татаръ и казаковъ къ Рязани, они замыслили взять этотъ городъ хитростью и пробовали заманить въ татарскій станъ воеводу Хобара, начальствовавшего въ городѣ, указывая ему, что великій князь обязался быть данникомъ хана. Хобаръ потребовалъ доказательствъ. Тогда ему послали полученную отъ москвичей грамоту. Въ это же время татары и казаки тѣсно обкладывали городъ и приблизились къ стѣнамъ города. Распоряжавшійся городскою артиллеріею нѣмецъ Іоганъ Іорданъ, понявъ опасность, приказалъ дать залпъ по татарамъ изъ орудій. Татары и казаки отхлынули назадъ. Ханъ не рѣшался предпринять осаду. Онъ потребовалъ, однако, выдачи Іордана, но, получивъ отъ Хобара отказъ, отступилъ изъ русскихъ предѣловъ, узнавъ, что противъ него двигаются астраханскіе татары.

Грамота, по которой великій князь обязывался платить дань, осталась въ рукахъ мужественнаго Хобара. Въ результатъ этого новаго нашествія огромное число плѣнныхъ было вывезено и продавалось въ Астрахани и въ Кафѣ (на Черномъ морѣ).

Махметъ-Гирей, послѣ подвиговъ подъ Москвою, двинулся на Астрахань, и ему удалось овладѣть ею, въ соединеніи съ погайскими татарами. Но счастье и на этотъ разъ благопріятствовало Россіи: ея враги и на этотъ разъ поразили другъ друга. Ногайскіе татары, усмотрѣвъ опасность отъ усиленія въ бассейнѣ Нижней Волги Гиреевъ, измѣнили своимъ союзникамъ, неожиданно напали на станъ

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1631.

крымскихъ татаръ, убили хана Махметъ-Гирея, избивли множество крымцевъ и, преслѣдуя бѣгущихъ, вторгнулись въ Крымъ. Другой союзникъ крымцевъ Дашковичъ съ днѣпровскими казаками тоже измѣнилъ имъ и напалъ съ другой стороны.

Такимъ образомъ, и на этотъ разъ Московскую Русь выручили отъ татаръ татары же. На этотъ разъ кромѣ татаръ помогали и казаки. Последнимъ въ дальнѣйшей исторіи Россіи, до Петра I включительно, приходилось играть большую роль. Во многихъ случаяхъ они явились очень цѣннымъ боевымъ элементомъ среди опустившагося въ XVI и XVII столѣтіяхъ военнаго сословія въ Россіи. Много совершено ими подвиговъ, въ особенности въ борьбѣ съ Польшею. Они несомнѣнно сдерживали татаръ крымскихъ и потомъ турокъ, обезпечивая, цѣною непрерывной удалой борьбы съ ними, нѣкоторое спокойствіе на нашихъ границахъ. Но нельзя отвергать, что духовная связь казаковъ съ Московскою Русью была слабою. Они съ большою легкостью, ради добычи, забывали свое русское происхожденіе и нападали на русскія мѣстности вмѣстѣ съ татарами или поляками. Въ смутное время казаки, вмѣстѣ съ врагами Россіи—поляками и шведами, поставили Московскую Русь на край гибели. Во всякомъ случаѣ уже въ началѣ XV столѣтія казачество составило такую силу, съ которою необходимо было очень считаться. Въ борьбѣ Россіи по выходу къ морямъ Каспійскому и Балтійскому казачество большой роли не играло. Но, какъ увидимъ ниже, въ борьбѣ за выходъ къ Черному морю эта роль была весьма значительна и не всегда для Россіи полезна.

Смерть Махметъ-Гирея Крымскаго не улучшила нашего положенія въ Казани. Братъ его Саибъ-Гирей продолжалъ править Казанью. При полученіи извѣстія о побѣдѣ брата своего въ Астрахани, Саибъ, надѣясь на его поддержку, приказалъ убить находившихся въ Казани въ качествѣ плѣнниковъ московскаго посла и купцовъ.

Василій III, пользуясь благопріятно сложившеюся для него, безъ участія русской рати, обстановкою, отказался отъ какихъ либо обязательствъ къ Крыму и сталъ готовиться къ новому походу на Казань. Въ Крыму вмѣсто убитаго Махметъ-Гирея сталъ ханомъ братъ его, Сайдатъ-Гирей. Онъ немедленно потребовалъ, чтобы Василій III заплатилъ дань въ размѣрѣ 60,000 алтынъ и не трогалъ его брата Саиба въ Казани. При соблюденіи этихъ двухъ условій, онъ соглашался быть союзникомъ Москвы. Въ отвѣтъ, посланномъ Сайдату, отвергались оба эти требованія. Относительно казанскихъ дѣлъ въ этомъ отвѣтъ между прочимъ значилось: „Помириться съ Саибомъ нельзя во-первыхъ потому, что Саибъ сталъ царемъ безъ вѣдома великаго князя, и во-вторыхъ потому, что посла московскаго и торговыхъ людей велѣлъ убить“ ¹⁾.

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1635.

Лѣтомъ, въ 1523 году, Василій собрался произвести второй походъ на Казань. На этотъ разъ въ отдѣльныхъ приказаніяхъ воеводамъ уже сказывается намѣреніе прочно покончить съ этимъ дѣломъ. Воеводамъ приказано „*плѣнить Казанскія мѣста*“. Но воеводы этого приказа не исполнили. вмѣсто завоеванія Казани они произвели набѣгъ, привели много плѣнныхъ черемисовъ и, какъ говоритъ историкъ, „*возвратились благополучно*“. Но была и польза отъ этого движенія: въ устьѣ р. Суры, на Волгѣ, въ землѣ Казанской, было заложено укрѣпленіе Васильсурскъ, которое облегчило дальнѣйшія дѣйствія противъ Казани.

Эти дѣйствія и начались уже въ слѣдующемъ году. Василій собралъ большую рать, исчисляемую въ 150,000 человекъ, и поручилъ её опять кн. Бѣльскому. Войска двинулись въ трехъ отдѣльныхъ группахъ. Пѣхота плыла на судахъ подъ личнымъ начальствомъ Бѣльскаго; конница подъ начальствомъ Хобара Симскаго шла сухимъ путемъ; артиллерійскій нарядъ для осады и съѣстные припасы должны были слѣдовать на судахъ за пѣхотою; начальствовалъ этою колонною кн. Палецкій. Движеніе войскъ не было согласовано: Бѣльскій съ пѣхотою прибылъ къ Казани 7-го іюля, расположился у Гостинаго острова и 20 дней дожидался конницы. Опоздалъ и Палецкій. Явилась нужда въ съѣстныхъ припасахъ.

„Въ это время, когда рать Бѣльскаго начала падать духомъ отъ голода, разнесся слухъ, что конное войско потерпѣло пораженіе отъ татаръ; ужасъ напалъ на воеводъ; стали думать объ отступленіи“ ¹⁾. Слухъ этотъ оказался ложнымъ, и конница, наконецъ, присоединилась къ пѣхотѣ. Но артиллерійскій нарядъ и припасы продолжали не прибывать. Оказалось, что на пути слѣдованія этого транспорта судовъ черемисы устроили въ узкихъ мѣстахъ рѣки, между островами, загражденія изъ камней и бревенъ, а съ береговъ поражали русскихъ стрѣлами и спускали на ихъ суда бревна. Прикрытіе судовъ, вѣроятно, было недостаточно. Много судовъ погибло, и только небольшая часть ихъ успѣла пробиться до главной рати.

Бѣльскій, дождавшись конницы и уцѣлѣвшей части наряда, двинулся къ Казани и обложилъ ее. Осадныя машины были придвинуты къ стѣнѣ. Но какъ только казанцы, видя эти приготовленія, попросили мира ²⁾, „*Бѣльскій обрадовался и снялъ осаду, потому что войско голодало*“.

Не такихъ результатовъ ожидали Василій и москвичи отъ дѣйствій такой многочисленной рати. На Бѣльскаго посыпались справедливыя и несправедливыя нареканія. Обвиняли его въ робости и даже въ измѣнѣ.

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1636.

²⁾ Характерно упоминаніе у нашего историка Соловьева, что „казанцевъ заставила просить мира смерть ихъ „душечнаго мастера“, который одинъ только и былъ въ городѣ“.

Но покорность казанцевъ не была продолжительною. Черезъ 4 года потребовался новый третій при Василии III походъ на Казань, въ наказаніе за тяжелое оскорбленіе, нанесенное русскому послу въ Казани. Опять собрали въ 1530 году большую рать и опять повелъ ее подъ Казань тотъ же кн. Иванъ Бѣльскій. На этотъ разъ конницею командовалъ кн. Глинскій, не достаточно опредѣленно подчиненный кн. Бѣльскому. Бѣльскій и Глинскій были литовскіе выходцы. Нѣсколько атакъ татарской конницы было отражено. Въ особенности сильный бой разыгрался 10 іюля и окончился въ нашу пользу. Затѣмъ былъ взятъ „Острогъ“, и приступлено къ осадѣ крѣпости. Въ лѣтописяхъ указывается, что взятіе Острога такъ повліяло на казанцевъ, что они покинули стѣны города, оставили ворота открытыми и выбѣжали изъ города. Мы не воспользовались этимъ успѣхомъ, ибо Глинскій и Бѣльскій завели споръ: кому первому вѣхатъ въ городъ. Во всякомъ случаѣ и на этотъ разъ успѣха достигнуто не было. Стоило казанцамъ попросить мира и снятія осады и дать обѣщаніе исполнить волю князя, какъ наши воеводы признали возложенную на нихъ задачу „плѣнить Казанскую землю“ исполненною. „Воеводы, взявши со всѣхъ казанцевъ присягу не измѣнять великому князю, не брать себѣ царя иначе, какъ изъ его руки, отступили отъ города и вмѣстѣ съ послами казанскими возвратились въ Москву“.

Но какъ только дошло дѣло до исполненія данныхъ обѣщаній по выдачѣ плѣнныхъ и оружія, повторилось то же самое, что и въ прежніе походы. Сафа-Гирей отказался отъ присяги и выдачи плѣнныхъ, требуя, чтобы изъ Москвы тоже выдали плѣнныхъ казанцевъ и возвратили взятая ранѣе пушки и пищали. На этотъ разъ Василию III удалось уладить дѣло путемъ мирныхъ переговоровъ и привлеченіемъ на свою сторону части казанцевъ. Въ результатъ его стараній казанцы изгнали Сафа-Гирея и приняли ханомъ Еналея ¹⁾, проживавшаго въ русскихъ предѣлахъ и указаннаго самими казанцами. Еналей настолько слушался московскаго великаго князя, что даже испрашивалъ разрѣшенія взять себѣ въ жены дочь одного изъ мурзь, проживавшихъ въ Казани. Спрашивалъ совѣтовъ и по внутреннимъ дѣламъ. Въ виду его покорности, требованіе о выдачѣ оружія было отмѣнено, а это оружіе помогло казанцамъ сопротивляться Ивану IV. Такимъ образомъ, не столько военною силою, сколько мирнымъ путемъ, Казань была временно усмирена.

Со смертью Василия III, въ 1533 году, и до коронованія Ивана IV, въ 1547 году, Россія переживала тяжелое время пятилѣтняго правленія Елены, матери государя, и десятилѣтняго самовластія боярѣ, причинившаго только горе Россіи. Казанскія дѣла, съ переходомъ

¹⁾ Брата бывшаго хана Шигъ-Алея, ставленика Василия III.

ханской власти въ Крыму къ Саибъ-Гирею, начали снова грозить затрудненіями. Преданный Москвѣ Еналей былъ свергнутъ и убитъ крымской партіею. Царемъ былъ провозглашенъ Сафа-Гирей, братъ Саибъ-Гирея, крымскаго хана. Саибъ-Гирей, въ виду враждебныхъ отношеній Литвы съ Москвою, предлагалъ свой союзъ тому изъ правительствъ, которое согласится на большую сумму дани, но онъ требовалъ *ежегодной* дани, а не единовременнаго приношенія (поминокъ).

Отправляясь съ извѣстіемъ въ Крымъ о смерти Василя III и вступленіи на московскій престолъ Ивана IV, русскій посолъ Челнщевъ долженъ былъ „бить челомъ Саибъ-Гирею, чтобы пожаловалъ новаго великаго князя, учинилъ его себѣ въ прокъ братомъ и другомъ, какъ великій князь Василій былъ съ Менгли-Гиреемъ“. Посолъ долженъ былъ обѣщать хорошіе подарки (поминки), но не соглашаться на ежегодную дань. Но Саибъ держался другого мнѣнія и требовалъ ежегодной дани, иначе грозилъ нашествіемъ и не только съ крымскими татарами, но и со стотысячною конницею турецкою ¹⁾. Онъ писалъ московскому правительству на имя Ивана IV: „Я не такъ буду, какъ Махметъ-Гирей, съ голой ратью, не думай—побольше его силы идетъ со мною. *Казанская земля мой юртъ* и Сафа-Гирей царь—братъ мнѣ; такъ ты-бъ съ этого дня на Казанскую землю войною больше не ходилъ; а пойдешь на нее войною, то меня на Москву смотри“ ²⁾.

Но московское правительство, даже въ безначальное время правленія Бѣльскихъ, Шуйскихъ и другихъ, не признало возможнымъ согласиться съ требованіями Саибъ-Гирея и настойчиво продолжало смотрѣть на Казань, какъ на будущее достояніе Московской Руси, какъ на московскую вотчину, завоеванную силою оружія и лишь оставленную въ рукахъ правителей, поставленныхъ отъ Москвы.

Въ отвѣтъ Саибъ-Гирею московское правительство, между прочимъ, отвѣчаетъ: А что ты писалъ къ намъ, что Казанская земля—юртъ твой, то посмотри въ старые твои лѣтописцы, не того ли земля будетъ, кто ее взялъ? Ты помнишь, какъ цари, потерявши свои ордынскіе юрты, приходили на Казанскій юртъ и брали его войнами, неправда ли; а какъ дѣдъ нашъ, милостію Божіею, Казань взялъ и царя свелъ—того ты не помнишь! Такъ ты бы, братъ нашъ, помня свою старину, и нашей не забывалъ“.

Очевидно, въ этомъ письмѣ напоминаетъ походъ Ивана III на Казань, по счету пятый, произведенный въ 1487 году. Въ результатъ военныхъ дѣйствій этого похода подъ Казань ханъ казанскій

¹⁾ Соловьевъ, т. VI, стр. 22.

²⁾ Соловьевъ, т. VI, стр. 23.

Али-ханъ сдася русскимъ и ханомъ былъ поставленъ Махметъ-аминъ, родственникъ Менгли-Гирея крымскаго.

Подобная переписка не улучшала положенія дѣла, и враждебныя дѣйствія съ казанцами начались обычнымъ порядкомъ вторженіемъ въ наши предѣлы казанскихъ многочисленныхъ шаекъ. Московскіе воеводы получили приказъ двинуться къ Казани, но наступательно дѣйствовали неудачно. Села, даже около Нижняго, были сожжены татарами. Противъ казанцевъ, вторгнувшихся въ костромскія волости, выступилъ князь Засѣкинъ, но былъ разбитъ и убитъ.

Все же угрозы Саибъ-Гирея произвели впечатлѣніе, и москвичи готовы были мириться съ Сафа-Гиреемъ, лишь бы онъ сохранилъ прежнія подчиненныя къ Москвѣ отношенія. Чтобы склонить на такое подчиненіе Казани и крымскаго хана, ему были посланы „хорошія“ поминки.

Пока происходили эти переговоры, казанцы продолжали опустошать московскія земли. Въ 1539 году они подходили къ Мурому и Костромѣ. Въ 1540 году Сафа-Гирей съ казанцами, крымцами и ногаями снова подступилъ къ Мурому, но, узнавъ о приближеніи московскихъ воеводъ, отступилъ. Наше вмѣшательство въ казанскія дѣла ускорилось вслѣдствіе общаго недовольства среди казанцевъ правленіемъ Сафа-Гирея. Онъ окружилъ себя крымцами, только имъ и довѣрялъ, только ихъ и обогащалъ; копилъ казну и отправлялъ въ Крымъ. Казань ему продолжала быть чужою; Крымъ—роднымъ. Возникла сильная московская партія, которая и послала просить великаго князя простить казанцевъ и прислать подъ Казань воеводъ своихъ.

Отъ имени Ивана IV казанцамъ было отвѣчено, что онъ прощаетъ ихъ и шлетъ къ нимъ своихъ воеводъ. Принятіе этого рѣшенія вызывало необходимость готовиться противъ вторженія Саибъ-Гирея съ крымцами. И дѣйствительно, только что былъ выставленъ заслонъ противъ крымцевъ у Коломны, какъ стали поступать извѣстія, что Саибъ-ханъ ведетъ съ собою на Русь всю орду, оставивъ въ Крыму только стараго да малаго. Съ нимъ вмѣстѣ шелъ измѣнникъ князь Семенъ Бѣльскій, а также и турецкія подкрѣпленія съ пушками и пищалями. Съ крымцами заодно шли ногаи, астраханцы, азовцы. Можно было съ основаніемъ опасаться, что наше новое вмѣшательство въ казанскія дѣла обойдется Россіи очень дорого. Но Саибъ-Гирей и его воинство уже мало напоминали закаленные, обученныя и послушныя желѣзной волѣ вожди войска—Чингизъ-хана и Тамерлана. Даже незначительное сопротивление русской рати было достаточно, чтобы отворотить отъ Москвы опасность. Татарскіе воины были страшны въ набѣгахъ на беззащитныя селенія, были упорны въ оборонѣ, но въ бою въ открытомъ полѣ не имѣли стойкости и быстро давали тылъ. Осаждать они тоже не умѣли и средствами осадными не обладали. Наконецъ, крымскіе татары въ своихъ

набѣгахъ не имѣли съ собою артиллеріи или имѣли мало; поэтому наши пушки производили своимъ дѣйствіемъ большое моральное впечатлѣніе на нестройныя конныя массы ордынцевъ.

Когда пришли вѣсти, что Саибъ-Гирей приблизился къ Окѣ-рѣкѣ, Иванъ IV писалъ воеводамъ, чтобы между ними розни не было, чтобы, когда татары переправятся черезъ рѣку, сражались храбро, „чтобы за святыя церкви и за православное христіанство крѣпко пострадали“. Когда воеводы прочли войскамъ приказъ великокняжескій, войска отвѣчали: „Рады государю служить и за христіанство головы положить; хотимъ съ татарами смертную чашу пить“¹⁾.

30 іюля 1540 года татары подошли къ рѣкѣ Окѣ, заняли позицію и приготовились къ переправѣ. На другомъ берегу собиралась русская рать. Передовой полкъ князя Турунтай-Пронскаго приблизился къ рѣкѣ съ цѣлью препятствовать переправѣ. Татары выдвинули артиллерію, разсыпали на берегу пищальниковъ (стрѣлковъ) и открыли огонь. Полкъ Пронскаго дрогнулъ, но къ нему начали быстро прибывать подкрѣпленія, и скоро на противоположномъ отъ татаръ берегу выстроилась многочисленная русская рать; пришли и пушки. Форсировать при этихъ условіяхъ рѣку, непроходимую въ бродъ, являлось задачей трудною, да и татары, готовые къ грабежу, не были, повидимому, расположены къ рѣшительному бою съ русскими.

Саибъ-ханъ сердился и считалъ себя обманутымъ своими советниками: „Вы мнѣ говорили, что великаго князя люди въ Казань пошли, что мнѣ и встрѣчи не будетъ, а я столько нарядныхъ людей въ одномъ мѣстѣ и не видалъ“.

Раздумье его кончилось приказаніемъ отступить. Русскіе воеводы преслѣдовали татаръ, били отсталыхъ и забирали плѣнныхъ.

На обратномъ пути Саибъ-ханъ, чтобы чѣмъ-либо прикрыть свою неудачу, рѣшилъ взять и уничтожить городъ Пронскъ, но онъ встрѣтилъ тамъ твердый отпоръ. На предложеніе сдать городъ воевода Жулябинъ отвѣчалъ: „Божіимъ велѣніемъ городъ ставится, а безъ Божія велѣнія кто его можетъ взять?“ Онъ дѣятельно началъ готовиться къ оборонѣ. Работали всѣ горожане, не исключая и женщинъ. У Саибъ-Гирея тоже готовились къ осадѣ, заготавливали туры, стѣнобитныя машины. Но съ приближеніемъ къ Пронску передовыхъ русскихъ полковъ Саибъ приказалъ сжечь туры и продолжать отступление.

На другой годъ крымцы весною вторгнулись въ трехъ направленіяхъ, но только въ одномъ направленіи имѣли успѣхъ, ибо трое воеводъ—князья Щенятевъ, Шкурлятевъ и Воротынскій разсорились за мѣста и не пошли противъ крымцевъ.

¹⁾ Соловьевъ, т. VI, стр. 55.

Въ общемъ неуспѣхъ дѣйствій Саибъ-Гирей имѣлъ весьма важное значеніе. Въ Москвѣ, увидѣвъ слабость крымцевъ, вздохнули свободнѣе и стали задаваться болѣе рѣшительными цѣлями по отношенію къ казанцамъ, сильно притихшимъ послѣ неудачи крымцевъ.

Въ 1545 году былъ объявленъ новый походъ на Казань, но вмѣсто похода былъ произведенъ лишь набѣгъ. Шли тремя направленіями: Волгою—главныя силы, съ Вятки и изъ Перми—вспомогательныя отряды. Силы, двинутыя изъ Вятки, соединились съ главными силами, разорили и пожгли окрестности, побили много татаръ и возвратились въ Москву послѣ этихъ легкихъ лавровъ, не дождавшись соединенія съ отрядомъ, который велъ князь Львовъ изъ Перми. Кончилось катастрофою: отрядъ Львова былъ окруженъ, разбитъ и самъ Львовъ убитъ. Но и казанцы, несмотря на этотъ успѣхъ, сознавали трудность борьбы съ Москвою безъ помощи крымскаго хана.

Въ Казани снова усилилась русская партія, и Сафа-Гирей былъ изгнанъ изъ Казани послѣ междоусобной рѣзни. Казанцы были въ 1546 году челомъ государю, чтобы простилъ ихъ и далъ имъ въ ханы Шигъ-Алея, продолжавшаго все время жить въ русскихъ предѣлахъ. Ихъ желаніе было исполнено, и Шигъ-Алей явился въ Казань и вступилъ въ управленіе. Но противная партія опять взяла временно верхъ; Шигъ-Алей бѣжалъ, и Сафа-Гирей снова овладѣлъ властью. Очевидно, такъ продолжаться дѣла не могли. Развязку ускорило возстаніе среди черемисовъ, подчиненныхъ татарамъ, и ихъ заявленіе, что они хотятъ служенія московскому государю и будутъ дѣйствовать съ его воеводами.

Въ это время произошла важная перемѣна въ управленіи русскими дѣлами: въ 1547 году Иванъ IV Грозный торжественно короновался и принялъ титулъ царя. Начало его царствованія было для Россіи благодѣтельное. Онъ смирилъ своеволіе бояръ и созвалъ земскій соборъ, въ которомъ выборные отъ разныхъ сословій государства обсуждали дѣла государственнаго характера.

Съ Лобнаго мѣста царь держалъ рѣчь народу, обѣщалъ правосудіе и защиту отъ притѣснителей. При немъ былъ составленъ новый судебникъ. Для духовныхъ дѣлъ былъ созданъ духовный соборъ, задачей котораго было поставлено улучшеніе духовнаго сословія и исправленіе народной нравственности. Чтобы обуздать корыстолюбіе и своеволіе намѣстниковъ и волостелей, Иванъ IV установилъ, чтобы городская и сельская общины сами выбирали себѣ правителей и судей (губныя старосты, излюбленные головы, земскіе судьи). Онъ же ограничилъ мѣстничество. Главными совѣтниками его были даровитые, твердые люди, Сильвестръ и Адашевъ.

Первымъ дѣломъ молодого царя, первыми его помыслами было продолженіе задачи, начатой дѣдомъ и продолженной отцомъ, по

борьбѣ съ Казанью. Въ годъ вступленія во власть 17-лѣтній царь уже рѣшается лично выступить въ походъ противъ Казани.

Зимою 1547 года дѣлались всѣ приготовленія. Въ февраль 1547 года Иванъ IV выступилъ изъ Нижняго въ походъ по зимнему пути. Время для похода было выбрано неудачное. Когда войска достигли острова Роботки, наступила сильная оттепель, ледъ провалился, много пушекъ и людей утопуло.

Царь Иванъ IV послалъ воеводъ впередъ, а самъ возвратился въ Москву. Воеводы дошли до Казани, постояли 7 дней подъ ея стѣнами, опустошая окрестности, и безъ другого успѣха возвратились обратно. Казанцы слѣдомъ напали на русскія мѣстности, но были отбиты.

Въ 1549 году умеръ въ Казани царь Сафа-Гирей. Начался опять смуты. Овлаждѣвшая властью партія стала искать союза съ Крымомъ, а въ Москву пословъ не присылали. Иванъ IV въ томъ же году лично двинулся съ войсками въ походъ на Казань. Снова время для похода было выбрано неудачно. Выступили въ ноябрѣ, прибыли подъ Казань въ февраль. Заслуживаетъ вниманія, что по указанію царя митрополитъ Макарій ѣздилъ во Владимірѣ, гдѣ собирались войска и увѣщевалъ воеводъ прекратить на время похода мѣстническіе счеты.

Прибыли подъ Казань въ неблагоприятное время года, когда подвозъ былъ довольно затрудненъ, ибо рѣка еще не вскрылась, и повидимому, не располагая сколько-нибудь достаточными осадными средствами. Безъ должной подготовки, молодой царь приказалъ штурмовать городъ. Сопротивленіе было отчаянное и штурмъ татары отбили. Потери съ обѣихъ сторонъ были большія. Но наступила оттепель, пошли дожди, вскрылись малыя рѣчки. Соещеніе съ тыломъ почти прекратилось. Терпя недостатокъ въ продовольствіи, войска простояли 11 дней подъ Казанью и затѣмъ отступили. Но вполне безрезультатнымъ этотъ неудачный походъ названъ быть не можетъ. По примѣру отца своего, Иванъ, отступая, заложилъ, по близости къ Казани, при впаденіи р. Свіяги въ Волгу, укрѣпленный городокъ Свіяжскъ. Въ то же время между Свіяжскомъ, Васильсурскомъ и Нижнимъ были выставлены казачьи отряды для поддержанія сообщенія нашихъ передовыхъ пунктовъ съ Москвою и борьбы съ мелкими татарскими партіями.

При слѣдующемъ, третьемъ и послѣднемъ, рѣшительномъ походѣ на Казань, Свіяжскъ принесъ большую пользу, какъ опорный пунктъ, куда заблаговременно могли быть отправлены разные запасы и войска. Скоро сказалась и другая выгода отъ заложения этого пункта. Горные черемисы, на землѣ которыхъ и былъ заложень Свіяжскъ, начали пріѣзжать къ Шигъ-Алею, поселенному въ этомъ пунктѣ, съ просьбами о подданствѣ Россіи. Просьба эта была уважена государемъ, и отпаденіе черемисовъ отъ Казани, вмѣстѣ

съ построєніемъ Свіязска, усилило въ Казани московскую партію. Послѣ новой распри крымцы были изгнаны изъ Казани, и татарскіе послы еще разъ явились просить ханомъ въ Казань все того же Шигъ-Алея. Государь согласился и послалъ Адашева въ Свіязскъ съ объявленіемъ Шигъ-Алею, что государь жалуєтъ ему Казанское царство съ Луговою и Арскою сторонами, но сторона Горная должна была отойти къ Свіязску, „потому что государь взялъ ее саблею до челобитья казанцевъ“.

Уже въ августѣ 1549 года Шигъ-Алей былъ посаженъ въ Казани и тогда же освободилъ, согласно съ выговореннымъ условіемъ, 60,000 русскихъ плѣнныхъ.

Жестокою распрavoю съ своими противниками Шигъ-Алей очень скоро опять вооружилъ противъ себя всѣ партіи ¹⁾. Насколько тяжело было его правленіе, видно изъ того, что московская партія готова была даже принять подданство Москвѣ, только бы избавиться отъ Шигъ-Алея. Пришлось въ самой Казани создавать ему охрану, введя въ городъ 500 московскихъ стрѣльцовъ. Сознвая непрочность своего положенія, Шигъ-Алей, подъ предлогомъ рыбной ловли, вывелъ изъ Казани стрѣльцовъ и знатныхъ людей и прибылъ съ ними въ Свіязскъ, гдѣ потребовалъ присяги отъ казанцевъ, безъ чего не хотѣлъ вернуться къ нимъ. Нѣкоторые исполнили это требованіе, но противники московской стороны взяли верхъ, затворили ворота, обратились за помощью къ астраханскимъ ногаямъ и стали готовиться защищать свою независимость силою оружія.

Прибывшій къ нимъ астраханскій царевичъ Едигеръ оказался очень энергичнымъ человѣкомъ и быстро повелъ дѣло подготовки обороны города противъ неизбежнаго, какъ сознавалось всѣмъ, смертнаго боя съ московскими войсками. На этотъ разъ Иванъ IV, согласно съ мнѣніями своихъ совѣтниковъ, рѣшилъ покончить съ Казанью и началъ основательно готовить для сего значительныя силы и средства. Походъ на Казань былъ назначенъ на 1552 годъ.

Взятіе Казани.

Ранѣе выступленія на Казань, Иванъ IV долженъ былъ отбить нападеніе крымцевъ, доходившихъ до Тулы и неуспѣшно штурмовавшихъ этотъ городъ. Узнавъ о движеніи противъ нихъ главныхъ силъ Ивана IV, крымцы отступили, но, наступившіе нашими войсками, понесли поражение на р. Шиворони.

Обезопасивъ себя со стороны крымцевъ, въ случаѣ повторенія ими набѣга, выставленіемъ отрядовъ въ Коломнѣ и Рязани, Иванъ IV,

¹⁾ Онъ, напр., пригласилъ къ себѣ на ширъ враждебныхъ ему татаръ и 70 человекъ гостей своихъ умертвилъ.

лѣтомъ 1552 года, двинулъ 150,000 армію къ Казани. Маршъ отъ Москвы до Казани составлялъ до 700 верстъ, въ томъ числѣ до Нижняго 400 верстъ и отъ Нижняго до Казани 300 верстъ. Бокoвымъ отрядамъ приходилось дѣлать до 900 верстъ. Благодаря занятію Свіязска, передовыя войска находились отъ Казани лишь въ нѣсколькихъ переходахъ. Движеніе арміи происходило, какъ значитъ на прилагаемой схемѣ, тремя путями.

Главныя тяжести передвигались Волгою. Войска Мстиславскаго прикрывали движеніе съ юга. 21 августа армія въ 150,000 чел. съ 150 орудіями ¹⁾ и осадными средствами въ порядкѣ перешла по шести мостамъ черезъ Казанку и заняла заранѣе намѣченныя мѣста.

Схема № 5.

Въ 20-хъ числахъ августа мѣсяца въ русскій станъ прибылъ казанскій вельможа Камай-мурза, передавшійся на сторону русскихъ. Онъ сообщилъ Ивану IV, что казанцы, возбуждаемые ихъ царемъ Едигеромъ, рѣшили лучше погибнуть, чѣмъ покориться, что гарнизонъ Казани состоитъ изъ 30,000 казанцевъ и около 3,000 ногаевъ. Кромѣ этого войска, всѣ жители и даже духовныя лица вооружились. Продовольственные и боевые запасы въ изобиліи. Деревянныя и земляныя укрѣпленія по современному масштабу признавались весьма сильными. Наконецъ, Камай-мурза сообщилъ важное свѣдѣніе, что значительный отрядъ конницы, подъ начальствомъ князя Япанчи, расположился въ окрестностяхъ города, въ Арской засѣкѣ, съ цѣлью нападать на тылъ русскихъ войскъ ²⁾. Всѣ эти свѣдѣнія подтвердились и принесли нашимъ войскамъ большую пользу.

Дѣйствительно гарнизонъ Казани состоялъ изъ 30,000 отборныхъ воиновъ, фанатично настроенныхъ и вооруженныхъ въ общемъ такъ же, какъ и русскія войска. Въ военныхъ трудахъ нашихъ изслѣдователей уже имѣются довольно подробныя описанія дѣйствій нашихъ войскъ подъ Казанью. Здѣсь мы лишь укажемъ, что осадныя работы начались одновременно съ нѣсколькихъ сторонъ. Кромѣ обстрѣливанія артиллеріею стѣнъ съ цѣлью разрушенія ихъ, велись минныя работы. Эти работы между прочимъ велись и съ цѣлью лишить жителей питьевой воды. Черезъ пять недѣль осады войска наши придвинулись вплотъ ко рвамъ и воротамъ. Особая осадная башня ³⁾ съ 60 орудіями и пищалями, высотой превышавшая городскія стѣны, была подведена къ городской стѣнѣ и позволила начать обстрѣливаніе внутренности крѣпости. При веденіи осадныхъ работъ принесли большую пользу нѣсколько иностранцевъ, служившихъ въ нашихъ войскахъ.

30 сентября войска послѣ взрыва овладѣли Арской башнею и ворвались въ городъ, но Иванъ IV отказался воспользоваться этимъ частнымъ успѣхомъ и произвести общій штурмъ. Только заполнивъ

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 137.

²⁾ Трофимовъ. Походъ подъ Казань. Стр. 51.

³⁾ Башня имѣла 6 саж. высоты, ее выстроилъ дьякъ Иванъ Вродковъ.

рвы деревомъ и землю, наведя мосты и усиленно подготовивъ штурмъ огнемъ ¹⁾, Иванъ IV приказалъ 2 октября штурмовать городъ. Въ 2 часа ночи послѣ взрыва минъ подъ стѣнами штурмующіе бросились впередъ, вошли на проломъ и на стѣну и стали тѣснить казанцевъ. Но когда наши войска, ворвавшись въ городъ, понесли большія потери, разстроили порядокъ, частью разбрелись для грабежа,—казанцы сдѣлали отчаянное успліе и заставили нашихъ отступить. Своевременно введенный резервъ ²⁾ рѣшилъ этотъ кровопролитный бой въ нашу пользу. Гарнизонъ почти весь погибъ.

Заслуживаетъ вниманія указаніе, что передъ штурмомъ во всѣхъ полкахъ велѣно было ратнымъ людямъ исповѣдываться и пріобщаться. Русскія войска врывались на стѣны съ крикомъ: „съ нами Богъ“. Казанцы отвѣчали криками: „Магометъ“, „всѣ помремъ за юртъ“.

Въ этомъ походѣ, по свидѣтельству историка: „особенно удивлялись небывалому порядку; бились только тѣ, которымъ было приказано, изъ другихъ полковъ никто не смѣлъ двинуться“.

При каждомъ конномъ полку имѣлось по 1000 стрѣльцовъ съ пищалями и по 700—800 казаковъ съ луками и рогатинами. Для пѣшихъ были устроены щиты изъ досокъ на каткахъ и колесахъ ³⁾.

Несомнѣнно, что это былъ первый военный подвигъ, въ которомъ русская вооруженная сила уже не составляла ополченія, а могла быть признана опредѣленно организованною арміею. По мнѣнію кн. Голицына, автора русской военной исторіи, честь побѣды слѣдуетъ приписать не юному 22-лѣтнему Ивану IV, а его опытнымъ воеводамъ—Адашеву, Воротынскому, Метиславскому и другимъ ⁴⁾.

Во время дѣйствій подъ Казанью Васильсурскъ и Свѣяжскъ служили промежуточными базами.

Послѣ взятія Казани потребовалось еще пять лѣтъ опустошительной войны, чтобы покорить всѣ народности, зависѣвшія отъ Казанскаго царства. Ногайцы на этотъ разъ являются тоже нашими врагами.

Огромное значеніе не только завоеванія, но присоединенія къ Москвѣ Казанскаго царства очевидно. Коренныя русскія владѣнія въ центрѣ Руси получили безопасность съ юго-востока. Открывался широкій путь русской предпримчивости на востокъ.

Великая р. Волга начинала становиться русскою. Но въ низовьяхъ ея еще гнѣздились остатки Золотой Орды, еще существовало Астраханское царство.

Овладѣніе этимъ царствомъ не представляло уже такихъ трудностей, какъ овладѣніе Казанскимъ царствомъ. Пользуясь внутрен-

¹⁾ У Соловьева (т. VI, стр. 79) есть указаніе, что стрѣляли изъ пушекъ непрерывно и сбили до основанія городскую стѣну.

²⁾ Сибѣнская конница, кн. Голицынъ, ч. II, стр. 143.

³⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 143.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 147.

ними раздорами ногайскихъ хановъ, Иванъ IV двинулъ въ Астрахань 30,000 отборнаго войска, и Астрахань была завоевана, но мы попробовали (какъ то дѣлали и въ Казани), поставивъ тамъ хана, обязавъ его платить дань, уйти. Ханъ этотъ измѣнилъ Ивану IV и пришлось дѣлать вторичный походъ, послѣ котораго въ 1556 году Астраханское царство было окончательно присоединено къ Москвѣ. Городъ былъ укрѣпленъ, а у переволоки (гдѣ теперь Царицынъ) и на р. Иргизѣ построены укрѣпленные городки.

Такимъ образомъ, одна изъ крупныхъ задачъ русской арміи—овладѣніе бассейномъ Волги и выходъ къ Каспійскому морю во второй половинѣ XVI столѣтія была разрѣшена вполне успешно. Занявъ нижнюю Волгу, Россія стала на великомъ пути монгольскихъ ордъ съ востока на западъ, но въ это время уже началось обратное движеніе народовъ. Польша, Литва, шведы давили на Русь съ запада. Такимъ образомъ, Россіи, передвигаясь на востокъ, приходилось отбиваться и на западѣ.

Послѣ покоренія царствъ Казанскаго и Астраханскаго первыми переселенцами на берегахъ рѣки Волги явились донскіе казаки и различные выходцы изъ Московскаго государства, получившіе общее названіе волжскихъ казаковъ. Эти казаки, не признававшіе никакой власти, жили главнымъ образомъ грабежомъ и препятствовали развитію торговаго движенія по р. Волгѣ. Въ 1577 году пришлось посылать противъ нихъ царскія войска подъ начальствомъ стольника Мурашкина, которые разгромили волжскихъ казаковъ и заставили часть ихъ передвинуться къ югу, къ устьямъ р. Волги.

По преданію, въ 1579 году три атамана волжскихъ казаковъ совѣщались на низовьяхъ Волги, куда имъ бѣжать отъ царскаго гнѣва, старшій—Ермакъ Тимофѣевъ ушелъ къ Строгановымъ и покорилъ царство Сибирское. Другой—Нечай съ частью казаковъ направился по Каспійскому морю къ устью р. Урала и основалъ Уральское казачье войско. Наконецъ, третій съ остальными казаками направился къ устью р. Терека и основалъ Терское казачье войско¹⁾.

Въ 1580 году казаки, овладѣвшіе съ атаманомъ Нечаемъ устьями р. Урала, поднялись вверхъ по рѣкѣ, овладѣли и разорили расположенный въ 60 верстахъ отъ моря на р. Уралѣ г. Сарайчикъ, бывшую столицу хановъ. Ногайцы, владѣвшіе мѣстностями по р. Уралу, должны были уступить ихъ казакамъ. Поднявшіе еще выше, казаки основали Яицкій городокъ въ 40 верстахъ выше нынѣшняго г. Уральска.

Въ 1591 году яицкіе казаки, вмѣстѣ съ волжскими казаками ходили подъ начальствомъ астраханскихъ воеводъ князя Сицкаго и Пушкина въ походъ противъ Шамхала Тарковскаго, владѣвшаго землями по западному берегу Каспійскаго моря. Распространеніе

¹⁾ Столѣтіе военнаго министерства. Главное управленіе казачьихъ войскъ, стр. 67.

русской власти по западному берегу Каспійскаго моря находилось въ связи съ дѣйствіями по овладѣнію Кавказомъ.

Вслѣдъ за покореніемъ Казани и Астрахани, Россія вошла въ соприкосновеніе съ сѣвѣрною частью Кавказскаго края. Поводомъ къ вмѣшательству Россіи въ дѣла кавказскаго населенія было намѣреніе оказать покровительство христіанскому населенію Кавказа: грузиннамъ и частью кабардинцамъ ¹⁾ противъ мусульманъ, крымцевъ и дагестанцевъ. Но еще ранѣе, чѣмъ русское правительство начало заниматься кавказскими дѣлами, на р. Сунжѣ, вмѣстѣ съ кабардинцами уже осѣли казаки, получившіе названіе Гребенскихъ ²⁾. Въ 1555 году кабардинскіе князья одновременно съ атаманами гребенскихъ казаковъ явились въ Москву и просили Ивана IV о принятіи ихъ въ подданство. Царь милостиво принялъ депутатовъ и пожаловалъ казаковъ вольной рѣкой Терекомъ-Горынычемъ.

Кабардинскіе князья тоже были приняты подъ покровительство Россіи и въ 1559 году на Кавказъ впервые явились русскія войска въ помощь этимъ князьямъ въ борьбѣ ихъ съ Шамхаломъ Тарковскимъ, владѣвшимъ мѣстностями Дагестана до морскаго побережья.

Терское казачье войско ведетъ свое старшинство съ 1577 года, а въ 1588 году на западномъ берегу Каспійскаго моря основываетъ въ устьяхъ Терека г. Терекъ. Такимъ образомъ, въ послѣднихъ годахъ XVI столѣтія все побережье Каспійскаго моря къ востоку отъ устья Волги до р. Урала и къ западу до р. Терека уже находилось во власти Россіи.

Въ наступившее смутное время и при первыхъ царяхъ дома Романовыхъ распространеніе русской власти по берегамъ Каспійскаго моря пріостановилось. Но кавказскія дѣла продолжали занимать наше правительство, и въ серединѣ XVII столѣтія русское вліяніе передвинулось и на южную часть Кавказскаго хребта принятіемъ, тоже по религіознымъ причинамъ, въ русское подданство Имеретин.

Съ воцареніемъ Петра I Великаго мы вели первую войну съ Персією. Причиною войны послужили обиды и разоренія русскихъ купцовъ въ Шемахѣ.

Подъ личнымъ начальствомъ Петра, русскія войска въ 1722 г. спустились рѣками Окою и Волгою въ Каспійское море и овладѣли западнымъ Каспійскимъ побережьемъ съ укрѣпленіемъ Торки и Дербентъ. Эти два пункта были заняты русскими войсками.

Въ слѣдующемъ году шахъ, за обѣщанную помощь противъ мятежниковъ, уступилъ Россіи три провинціи, примыкавшія къ южному берегу Каспійскаго моря: Гилянскую, Мазандеранскую и Астрабад-

¹⁾ По пмѣющимся свѣдѣніямъ, это были выходцы изъ Рязанскаго княжества, не пожелавшіе присоединиться къ Москвѣ и переселившіеся на Кавказъ въ 1520 году. (Столѣтіе воен. мин. Главное упр. каз. войскъ, стр. 90).

²⁾ Такъ называемымъ „пятгорскимъ“.

скую. Города Дербентъ, Баку и Астрабадъ были уступлены Россіи. Провинціи эти и городъ Баку были заняты русскими войсками, но при Аниѣ Ивановѣ снова возвращены персамъ.

Заслуживаютъ вниманія слѣдующія приказанія, отданныя Петромъ Великимъ въ 1724 году для укрѣпленія положенія Россіи на Каспійскомъ морѣ: 1) крѣпость Св. Креста близъ устья р. Сулакъ (южнѣе устья р. Терека) окончить постройкою; 2) въ Дербентѣ построить цитадель и гавань; 3) послѣ овладѣнія провинціею Гилянъ овладѣть провинціею Мазандеранъ и укрѣпить ее; 4) если нужно, то укрѣпить Астрабадскую пристань; 5) укрѣпить Баку ¹⁾.

Послѣ войны съ Персіею въ 1628 году, по Туркманчайскому договору, вмѣстѣ съ переходомъ подъ власть Россіи Эриванскаго и Нахичеванскаго ханствъ, Россія получила и нынѣ существующую границу. Весь западный берегъ Каспійскаго моря до впаденія р. Астары сталъ русскимъ.

Первый разъ на восточный берегъ Каспійскаго моря русскія войска высадились въ 1716 году подъ начальствомъ Бековича-Черкаскаго для похода въ Хиву. Для обезпеченія тыла отряда на берегу Каспійскаго моря было заложено два укрѣпленія, разрушенныя нами въ 1717 году послѣ полной неудачи экспедиціи Бековича-Черкаскаго.

Восточный берегъ Каспійскаго моря перешель къ Россіи въ періодъ съ 1803 по 1881 годъ. Въ 1803 году были приняты въ подданство Россіи мангышлакскіе туркмены, владѣвшіе восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря до залива Кара-Бугазъ, и на восточномъ берегу въ 1834 году было основано первое русское укрѣпленіе—фортъ Александровскій, служащее и нынѣ уѣзднымъ центромъ Мангышлакскаго уѣзда.

Въ 1869 году нашъ отрядъ изъ 1000 чел. съ 6 орудіями подъ начальствомъ полковн. Столѣтова высадился въ Муравьевской бухтѣ и заложилъ Красноводскъ ²⁾.

Но окончательно граница Россіи по восточному берегу Каспійскаго моря опредѣлилась по договору съ Персіею послѣ завоеванія Туркменіи въ 1881 году. По этому договору граница дошла на восточномъ берегу Каспійскаго моря до устья р. Атрека.

Покореніе Сибири.

Распространеніе новгородскихъ и московскихъ владѣній на востокъ встрѣчало мало сопротивленія и потому происходило весьма быстро. Такъ, Пермская земля была подчинена Москвѣ еще въ первый періодъ собиранія Московской Руси. Уже съ княженія Дмитрія

¹⁾ Соловьевъ, т. XVIII, стр. 683.

²⁾ А. Куропаткинъ. Завоеваніе Туркменіи. Изд. 1899 г., стр. 96.

Донского зыряне, населявшіе Пермскую землю, были обращены въ христіанство. Въ 1505 году Иванъ III ставитъ въ Пермь перваго своего намѣстника. Нѣсколько позже занимается устье Печоры.

Еще въ концѣ XV столѣтія, а именно въ 1483 году, великій князь московскій Иванъ III послалъ своихъ воеводъ въ Сибирскую землю. Они сдѣлали первый походъ въ Сибирь, шли мимо Тюмени по Иртышу, Оби въ Югорскую землю. Дорогою воевали, захватили много добычи, плѣнныхъ и возвратились въ Устюгъ. Но это былъ набѣгъ, а не покореніе.

Возникшее къ востоку въ XVI столѣтіи Сибирское татарское царство съ столицею Искеромъ (въ 16 вер. отъ Тобольска) первоначально не только не беспокоило русскіе предѣлы, но въ 1555 году даже добровольно вступило въ подданство Ивана IV. Но затѣмъ ханъ сибирскій Кучумъ измѣнилъ этому подданству и сталъ нападать на Пермскій край.

Иванъ IV, по просьбѣ богатыхъ деньгами и энергіею Строгановыхъ, поручилъ имъ защиту Пермскаго края, что они и выполнили, дѣйствуя съ наемными дружинами.

Затѣмъ, тоже съ разрѣшенія Ивана IV, дѣйствія наши были перенесены за Уралъ. Донской казакъ, прославившійся разбоемъ на Волгѣ, Ермакъ Тимофѣевичъ, съ дружиною въ 540 донскихъ казаковъ и 300 ратниковъ, вторгнулся въ сибирскую страну, разбивъ отряды Кучума, не имѣвшіе еще огнестрѣльнаго оружія, и въ 1571 году овладѣлъ столицею Кучума. Черезъ 11 лѣтъ татарскіе города по Иртышу и Оби были завоеваны, а въ 1582 году Ермакъ поклонился царю Сибирскимъ краемъ.

Присоединеніе Сибири прочно обезпечило положеніе Россіи на востокъ и дало новый выходъ русской предпримчивости и русскому молодечеству. Проф. Н. Сухотинъ въ своемъ обзорѣ войнъ Россіи XVI—XVIII столѣтій справедливо отмѣчаетъ, что этотъ успѣхъ горсти русскихъ людей въ концѣ царствованія Ивана IV, въ періодъ нашей исторіи, полный неудачъ въ борьбѣ на западѣ и отмѣченный кровавою неурядицею внутри государства, является свѣтлымъ эпизодомъ.

Дальнѣйшее присоединеніе всей Сибири до Великаго океана производилось очень быстро.

Черезъ 50 лѣтъ послѣ завоеванія Ермакомъ Сибирскаго края казачьи партіи уже вышли къ Сѣверному океану и Охотскому морю ¹⁾. Въ Сѣверный океанъ по р. Ленѣ вышелъ первымъ казакъ Елисей Буза въ 1636 году; въ Охотское море по р. Амуру первымъ вышелъ въ 1643 году старшина Поярковъ.

Черезъ четыре года казакъ Дежневъ открылъ Беринговъ проливъ. Въ 1647 году русскіе на берегахъ Охотскаго моря заложили

¹⁾ Вл. Череванскій. Хронологія событій въ ходъ борьбы Россіи съ монголо-тарами, стр. 28—30.

островъ Охотскій. Въ 1686 году, манчжурскія войска осаждаютъ Албазинъ на р. Амурѣ, защищаемый русскимъ гарнизономъ подъ начальствомъ Толбузина. Въ 1696 году къ русскимъ владѣніямъ, подвигами казака Атласова, присоединена Камчатка.

Несмотря на тяжкія заботы въ борьбѣ со шведами, Петръ Великій удѣляетъ вниманіе и Сибири. Въ 1715 году русскіе появляются въ Алтайскомъ краѣ. Въ 1716 году плѣнные шведы строятъ суда на Охотскомъ морѣ, которыя удачно плаваютъ до Камчатки. Въ 1728 году посланный Петромъ I датскій морякъ Берингъ открываетъ проливъ между Азіею и Америкою.

Основаніе главнѣйшихъ городовъ въ Сибири происходило въ слѣдующей постепенности: Тобольска въ 1587 году, Томска въ 1604 году, Енисейска въ 1619 году, Красноярска въ 1628 году, Якутска въ 1633 году и Иркутска въ 1652 году ¹⁾.

Мѣры по усиленію нашего военнаго положенія въ Сибири были особенно обширны въ 1717 году при Петрѣ I. Въ этотъ годъ въ защиту отъ нападений киргизъ начаты постройки крѣпости: Омская, Семипалатинская, Желѣзинская, Усть-Каме и Ямышевская и устроена такъ называемая Иртышская линія мелкихъ укрѣпленій.

Сущестующая нынѣ граница въ Азіи между Россіею и другими государствами была устанавливаема въ теченіе послѣднихъ 220 лѣтъ. Ранѣе другихъ установленъ участокъ границы съ Китаемъ по рѣкѣ Аргунн протяженіемъ 688 верстъ по договору 1689 года. Въ 1727 году опредѣлена нынѣшняя граница Иркутскаго края на протяженіи 2,500 верстъ ²⁾. Такимъ образомъ, мы почти 200 лѣтъ граничимъ съ Китаемъ на протяженіи 3,000 верстъ безъ какой либо перемѣны граничной линіи. Случай исключительно рѣдкій, указывающій признаніе какъ Россіею, такъ и Китаемъ особыхъ выгодъ жить въ мирѣ.

50 лѣтъ назадъ была установлена граница по Амуру и по Уссурійскому краю до устья р. Тумень-Улы, протяженіемъ около 2,600 верстъ.

Эта граница тоже не нарушалась нами до присоединенія Квантунскаго полуострова.

Смутное время.

Со смертію Ивана IV въ 1584 году и до избранія въ 1613 году на царство Михаила Феодоровича изъ дома Романовыхъ наступило смутное время. Мы относимъ къ смутному времени какъ царствованіе безвольнаго, больного Феодора Ивановича, такъ и царствованіе Годунова.

¹⁾ Столѣтіе военнаго министерства. Главное управленіе казачьихъ войскъ, стр. 102.

²⁾ Отъ перевала Шабинъ-Добага до р. Аргунн.

Результаты всей предшествовавшей, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, работы по собиранію и укрѣпленію Руси готовы были разрушиться. Швеція, Польша, татары, казачья вольница пользуются беззащитностью Россіи, чтобы напасть на нее.

Шайки самозванцевъ овладѣваютъ Москвою. Поляки остановлены на пути кр. Смоленскомъ и осадили ее. Съ гибелью самозванцевъ для Россіи возникаетъ другая опасность: нѣсколько малодушныхъ бояръ приглашаютъ на русское царство Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда.

Молодой и даровитый вождь Скопинь-Шуйскій, освободившій отъ самозванца Москву и готовый къ борьбѣ съ поляками, внезапно умираетъ, по слухамъ—отравленный,

Двинутая на выручку Смоленска русская рать, силою около 40,000 человекъ, подъ начальствомъ Шуйскаго, разбита польскими войсками. Эта рать, наскоро сформированная, была плохо обучена и плохо предводима. Одною изъ главныхъ причинъ неудачи считаютъ измѣну 8,000 наемныхъ шведовъ, входившихъ въ составъ нашихъ войскъ.

Осада Смоленска, тянувшаяся 1½ года, окончилась взятіемъ этого пункта поляками съ бою ¹⁾.

Весною 1610 года, съ согласія боярской думы, польскія войска вступили въ Москву и заняли Кремль. Сигизмундъ предъявилъ права на всю Русь и двинулъ войска для занятія русскихъ городовъ.

Съ занятіемъ Москвы поляками обнаружилось, что связь Москвы съ городами, служившими центрами удѣльныхъ княжествъ или составлявшими вѣчевыя общины, не была еще достаточно прочна. Волненія проявились въ Новгородѣ, Псковѣ, Владимірѣ, Рязани, Вяткѣ. Всюду открылись шумныя вѣча; собирались въ городъ крестьяне, говорилось объ опасностяхъ, но единодушія не было. Отразилась старинная вражда нѣкоторыхъ мѣстностей между собой и вражда низшихъ классовъ къ богатымъ, особенно къ московскому боярству. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, послѣдовавшее при Годуновѣ, ухудшило отношенія крестьянъ къ боярамъ и помѣстнымъ дворянамъ. Недавно еще покоренные народы: татары, черемисы, мордва,—возставали, убивали въ своихъ краяхъ русскихъ людей, грабили сосѣднія земли. Возсталъ и Кучумъ въ бывшемъ Сибирскомъ царствѣ. Храбрый Ермакъ былъ убитъ. Власть на Руси растерялась. Ратные люди разбрелись. Никто не зналъ, что дѣлать, куда идти, за кого стоять.

Гибель Руси и раздѣлъ ея между Польшею, Литвою, шведами были возможны и не затруднительны.

¹⁾ Перебѣжчикъ указалъ полякамъ часть наиболее слабую въ стѣнѣ.

Но въ эти тяжкіе дни великую службу Россіи сослужили монастыри и православное духовенство. Главное между ними мѣсто заняла Троицкая Лавра, славная геройскою обороною противъ осаждавшихъ ее враговъ Россіи. Патріархъ Гермогенъ, келарь Авраамій Палицынъ и архимандритъ Троицкой Лавры Діонисій начали рассылать всюду грамоты съ призывомъ ратныхъ людей на защиту *православной вѣры и отечества*.

Этотъ призывъ нашелъ откликъ прежде всего въ Нижнемъ-Новгородѣ. Земскій староста Кузьма Мининъ, мясной торговецъ, первый началъ уговаривать народъ вступить за вѣру и помочь родинѣ. „Не пожалѣемъ ничего,—говорилъ онъ,—продадимъ, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ и соберемъ казну на жалованье ратнымъ людямъ“.

Рѣчи эти проникли въ сердца простыхъ русскихъ людей и будили въ нихъ лучшія чувства. Въ эти тяжелыя минуты въ нашемъ народѣ оказались такія нравственныя силы, которыя давали ему право на дальнѣйшее самостоятельное существованіе. Это былъ великій экзаменъ, предъявленный русскому народу при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, и экзаменъ былъ выдержанъ. Когда начался сборъ военной силы, то нашли и достойнаго вождя—князя Пожарскаго, который лечился въ своемъ помѣстьи Суздальскаго уѣзда отъ ранъ, полученныхъ въ битвахъ съ поляками. Въ Нижнемъ-Новгородѣ со всѣхъ сторонъ начали сходить служилые люди, т.-е. дворяне и дѣти боярскіе; города присылали ратниковъ и деньги. Ополченіе росло, и Пожарскій двинулся къ Москвѣ.

Русскіе измѣнники въ Москвѣ потребовали отъ Гермогена, чтобы онъ приказалъ войску возвратиться, но онъ проклялъ измѣнниковъ и благословилъ подвигъ Минина и Пожарскаго. Старецъ былъ за это замученъ.

Казакъ съ запорожцами пытались силою не допустить Пожарскаго къ Москвѣ, но не имѣли успѣха. Въ августѣ польскія подкрѣпленія, шедшія на выручку полякамъ, занимавшимъ Кремль и обложеннымъ съ марта ополченіемъ, сошли съ ратью Пожарскаго.

Бой былъ упорный и Пожарскій уже былъ потѣсненъ назадъ. Этотъ важный бой для Россіи рѣшили въ пользу Россіи казаки, уговоренные Палицынымъ принять участіе въ сраженіи, а также атака въ тылъ полякамъ, произведенная Миннымъ.

Поляки отступали, а находившіеся въ Кремлѣ, томимые голодомъ, вскорѣ сдались. Москва была освобождена и Россія спасена.

Для этого спасенія болѣе всего потрудились сѣверо-восточное населеніе нашей родины. Главнымъ двигателемъ массъ было религіозное возбужденіе.

Н. Сухотинъ (обзоръ войнъ, ч. IV) дѣлаетъ по смутному времени такой выводъ: „Много неудачъ постигло русское оружіе въ тяжелое смутное время, вслѣдствіе неумѣнія и неискусства руково-

дителей, вслѣдствіе разногласія между ними и несовершенства орудія войны—наскоро набранныхъ ополченій. Но и въ эту тяжелую смуту Россія смогла выдвинуть и искусныхъ вождей, каковы были Скопинъ-Шуйскій и Пожарскій, и дружины героевъ—какъ гарнизоны *Св. Троицкой Лавры и Смоленска*, и гражданъ-героевъ, каковы были *Авраамій Палицынъ* и Мининъ, и, наконецъ, Россія была спасена единодушнымъ рѣшеніемъ народной массы, поставившей на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Недаромъ власть, собиравшая Россію, съ давнихъ поръ перемѣщалась къ СВ. Здѣсь, вдали отъ запада, вдали отъ разныхъ враговъ ея—Швеціи, Польши и Литвы—власть крѣпла, и отсюда, въ минуту тяжкихъ бѣдствій смутнаго времени, она получила толчекъ, импульсъ къ своему возрожденію; верхнее Поволяжье дало и вождя, здѣсь зародилось первое ядро, у котораго сплотились русскія рати, пошедшія на освобожденіе Москвы и Россіи—отъ поляковъ, отъ шведовъ, отъ своихъ воровъ и, наконецъ, отъ безвластья“.

Назначеніе воеводъ не по способностямъ, а по родовитости было огромнымъ зломъ (мѣстничество).

Наши воеводы были невѣжественны за рѣдкими исключеніями, сравнительно съ воеводами польскими, литовскими, особенно шведскими. Нравственное состояніе въ смутное время русскихъ ратей и ихъ предводителей было безотрадное.

Авторъ русской военной исторіи такъ характеризуетъ печальное состояніе нашей арміи въ смутное время:

„Въ эти времена всеобщаго разслабленія нравовъ и нравственной заразы, самозванства, легковѣрія, предательства и измѣны, и въ войскѣ, какъ и въ народѣ, и въ начальствуемыхъ, и въ самихъ начальствовавшихъ духъ своеволія, неповиновенія, малодушія не только колебалъ, но и разрушалъ въ основаніи военный порядокъ и благоустройство войскъ и ратей и уничтожалъ всякое значеніе многочисленности ихъ и успѣховъ дѣйствій ихъ и должныхъ, и возможныхъ. Мужественно, храбро, упорно и долго обороняясь нерѣдко въ своихъ крѣпостяхъ (какъ въ Троицкомъ монастырѣ и Смоленскѣ), 100-тысячныя рати долго, неискусно и безуспѣшно осаждали непріятельскіе города, даже небольшіе, а въ полѣ, при первой малѣйшей неудачѣ, малодушно и постыдно обращали тылъ и бѣжали (воеводы — первые) въ свои города и помѣстья, бросая и оружіе, и орудія, и знамена, и запасы, и обозы. Военныя дѣйствія въ полѣ вообще были болѣе или менѣе медленны, вялы, нерѣшительны, боязливы, производились большею частью по близости укрѣпленныхъ городовъ (въ которыхъ рати и ихъ воеводы искали опоры и защиты).

Образъ и характеръ веденія войны вообще былъ самый неправильный, безпорядочный, неосновательный, неизобличающій никакого искусства или, по крайней мѣрѣ, очень мало и рѣдко. Притомъ,

по грубости и жестокости нравовъ времени, онъ былъ соединенъ съ истинно-варварскими грабежемъ и разореніемъ края, его городовъ и селеній, избіеніемъ и плѣненіемъ его жителей, сожженіемъ городовъ и ихъ предмѣстій и посадовъ; исключеній было мало и тѣмъ рѣзче, ярче и отраднѣе выдѣляются они изъ большинства остальныхъ военныхъ дѣйствій этой войны. Таковы были: оборона Троицкой Сергіевой Лавры и Смоленска и военныя движенія и дѣйствія Скопина и Пожарскаго—двухъ отличныхъ русскихъ воеводъ, стоявшихъ выше всѣхъ другихъ“¹⁾.

Вскорѣ въ Москву собрались выборные отъ разныхъ сословій всего государства на Великую Земскую Думу и, послѣ неизбежной борьбы партій, 21 февраля 1610 года единодушно выбрали русскимъ царемъ 16-лѣтняго Михаила Феодоровича Романова.

Насколько великъ въ это время былъ душевный подъемъ у многихъ простыхъ русскихъ людей, свидѣтельствуется подвигъ Ивана Сусанина.

При наличности такихъ духовныхъ силъ молодой царь, вѣнчанный на царство въ 1613 году, приступилъ къ очищенію государства отъ непріятелей. А непріятели тѣснили Русь со всѣхъ сторонъ. Поляки занимали Смоленскъ, Новгородская область съ Новгородомъ находилась въ рукахъ шведовъ, въ Псковской землѣ хозяйничалъ со своею шайкою Лисовскій, юго-востокъ былъ во власти казаковъ Заруцкаго. Казачьи шайки бороздили и грабили всю Россію. Имъ помогали татары, черемисы и др.

Польша предъявляла требованіе на московскій престолъ для Сигизмунда II; шведскій король Густавъ-Адольфъ стремился присоединить къ Швеціи Новгородскія и Псковскія земли. Подъ его личнымъ начальствомъ шведы осадили Псковъ, но опять псковичи геройски отбили штурмъ. По миру въ Столбовѣ въ 1617 году Россія должна была уступить шведамъ Ингерманландію и Карелію.

Въ дѣйствіяхъ противъ поляковъ мы вернули Дорогобужь, Вязьму, но не могли взять Смоленска. Съ прибытіемъ Владислава съ подкрѣпленіемъ мы снова потеряли взятые города. Тѣсня передъ собою наши войска, поляки, въ соединеніи съ 20,000 казаковъ гетмана Сагайдашнаго, обложили Москву и штурмовали ее. Они проникли до второй линіи оборонительныхъ построекъ, но были отбиты. Въ декабрѣ 1617 года было заключено Деулинское перемиріе на 14 лѣтъ. Поляки отказались отъ притязаній на московскій престолъ, но Смоленская, Черниговская и Сѣверская области остались во власти Польши.

Усмиреніе юго-восточныхъ областей шло легче. Заруцкіи, захватившіе съ Мариною Миншекъ и ея сыномъ въ Астрахань, были взяты въ плѣнъ, при содѣйствіи Терскихъ казаковъ.

¹⁾ Кн. Голицынь, ч. II, стр. 390—392.

З А К Л Ю Ч Е Н І Е.

Въ главѣ третьей настоящаго труда изложены общія причины, по которымъ окончательное освобожденіе отъ татарскаго ига, завоеваніе Казани и выходъ къ Каспійскому морю представлялись для Россіи необходимыми.

Въ настоящей четвертой главѣ сдѣланъ былъ краткій очеркъ порядка достиженія этой важной цѣли. Обращаютъ на себя вниманіе при этомъ слѣдующіе факты:

1) Чрезвычайно умѣлая внѣшняя политика нашихъ государей, особенно Ивана III. Татары помогаютъ сбросить намъ татарское иго. Татары же въ лицѣ Менгли-Гирея наносятъ послѣдній ударъ Золотой Ордѣ. Татары помогаютъ намъ сдерживать Литву въ то время, когда наши силы были отвлечены на востокъ. Ради достиженія важныхъ для Россіи цѣлей Московскіе великіе князья не разъ жертвовали своимъ самолюбіемъ.

Въ сношеніяхъ съ крымскими ханами наши государи еще допускаютъ выраженія: великій князь *бьетъ челою*; онъ соглашается, чтобы ханы его *жаловали*. Но отношенія къ татарамъ уже измѣнились. Такъ, ставленникъ московскаго государя на Казанское царство Шигъ-Алей, явившись въ Москву, кланяется въ ноги Ивану III, подобно тому, какъ кланялись въ ноги наши великіе князья, вѣдвшіе на поклонъ въ Орду.

2) Постепенное въ борьбѣ съ Казанью расширеніе нашихъ задачъ. Первоначально наши дѣйствія къ Казани носятъ характеръ набѣговъ, имѣвшихъ цѣлью наказаніе татаръ за ихъ набѣги въ наши предѣлы. Недостаточность этой мѣры вызываетъ постепенное выдвиганіе впередъ отъ Нижняго-Новгорода къ Казани. Василій III основываетъ Васильсурскъ, Иванъ IV—Свияжскъ, составившіе важные этапы на пути къ окончательному завоеванію Казани.

Какъ только Ивану III удастся въ результатъ пятаго похода на Казань, если не взять этотъ пунктъ, то поставитъ царемъ въ немъ Магметъ-аминя, просившаго помощи у московскаго царя—Иванъ III включаетъ и Казанское царство въ число *вогчинъ* московскаго государства.

Долгое время мы добивались только вассальнаго подчиненія Казани, помогая образовавшейся въ Казани московской партіи ставить въ Казани царемъ лицъ, угодныхъ Москвѣ. Но большая часть этихъ лицъ, добившись власти, начинала относиться къ Москвѣ враждебно. Когда съ основаніемъ Свияжска горные черемисы были приняты въ подданство, московское правительство, поставивъ въ 1549 году Шигъ-Алея вторично царемъ въ Казани, присоединяетъ часть Казанскаго царства, такъ называемую Горную сторону, къ московскимъ владѣніямъ и приписываетъ ее къ Свияжску.

Наконецъ, Иванъ IV послѣ полной побѣды надъ казанцами

присоединяетъ все царство Казанское къ Московскому государству.

По отношенію къ Астраханскому царству мы пробуемъ удовольствоваться первоначально тоже вассальнымъ подчиненіемъ, но вскорѣ приходится и это царство окончательно присоединить къ Москвѣ.

Какъ ни ослабѣли татарскія владѣнія ко времени походовъ на Казань, но эти походы при той обстановкѣ, при которой совершались, а именно при разоренности Россіи и необходимости одновременно съ этими походами заканчивать собираніе Руси (Новгородъ, Псковъ, Вятка, Рязань) и бороться противъ Литвы, ливонцевъ и шведовъ, очень тяжело ложились на населеніе. Тѣмъ не менѣе, въ сознаніи всего населенія цѣль этихъ походовъ была ясна, ибо населеніе тяжело страдало отъ набѣговъ татаръ, и въ ближнихъ совѣтникахъ, а также въ духовенствѣ наши государи по дѣламъ татарскимъ находили полную поддержку. Особенно заслуживаетъ вниманія твердая помощь, оказанная Ивану III и его внуку представителями духовенства въ тяжелые дни, когда духъ даже такихъ сильныхъ людей, какъ Иванъ III, умалаялся, и у него являлось сомнѣніе въ успѣхѣхъ.

Несомнѣнно, что не только въ духовенствѣ, но и во всемъ населеніи, начиная съ войска, борьба съ татарами была, кромѣ причинъ экономическихъ (не давали работать на землѣ), близка къ сердцу каждаго православнаго по причинамъ религіознымъ. Религіозное возбужденіе являлось могущественнымъ двигателемъ, помогавшимъ забывать жертвы и тягости борьбы, помогавшимъ окончательной побѣдѣ креста надъ полумѣсяцемъ.

Какъ выполнила русская военная сила задачу по выходу Россіи къ Каспійскому морю,—изложено выше. Несомнѣнно, что наши рати той эпохи были только *ополченія*, дурно обученныя и часто дурно предводимыя. Обычными причинами неудачъ нашихъ походовъ на Казань было назначеніе недостаточныхъ силъ и въ особенности ихъ разрозненныя дѣйствія. Много вредило успѣху дѣла соперничество начальствующихъ лицъ и малое упорство ихъ въ достиженіи поставленныхъ имъ цѣлей. Достаточно было изъявленія покорности того или другого правителя Казани, чтобы наши рати отступили съ тѣмъ, чтобы скоро снова двигаться по тому же пути впередъ. Выборъ времени для похода тоже былъ не удаченъ, особенно въ первыя дѣйствія противъ Казани молодого Ивана IV. Подступали къ Казани въ распутицу, когда связь съ Нижнимъ прерывалась и по рѣкѣ и по грунтовымъ дорогамъ, и войска терпѣли недостатокъ въ продовольствіи и не могли получить нужныхъ имъ осадныхъ средствъ.

Нельзя также не признать, что послѣ заложенія даже Васильсурска движеніе пѣхоты водою на небольшихъ судахъ, при чемъ

конница шла особо, не вызывалось обстановкою. Увлечение движением водою было такъ велико, что двигались на судахъ отъ самой Москвы. Это было слѣпое увлечение стариною, за которое приходилось расплачиваться. Пѣхота, двигаясь по теченію на судахъ днемъ и ночью, настолько иногда опережала конницу, что ей приходилось одной вступать въ бой или ожидать подъ Казанью 20 дней присоединенія конницы. Это движеніе было опасно и потому, что при болѣе энергичныхъ дѣйствіяхъ татаръ они могли отдѣльно нападать на пѣхоту и отдѣльно на конницу. Другое дѣло—передвиженіе осадныхъ средствъ и продовольствія. Тутъ пользованіе воднымъ путемъ по Волгѣ было вполне цѣлесообразно и достигало цѣли. Но и тутъ не принималось достаточныхъ мѣръ къ охранѣ транспортовъ, какъ то видно было во время второго похода подъ Казань Василия III, въ 1523 году, когда большая часть осадныхъ средствъ и транспортовъ погибла подъ ударами черемисовъ.

Татарскія войска, какъ указано выше, далеко не представляли тѣхъ грозныхъ полчищъ, съ которыми Чингизъ-ханъ, Тамерланъ и ихъ вожди покорили Азію и большую часть Европы. Послѣ сраженія на Куликовомъ полѣ татары избѣгали встрѣчи съ русскими ратями въ полѣ. Значительныя силы хана Золотой Орды Ахмата въ 1480 году и Саибъ-Гирея, хана крымскаго, въ 1540 году вторгались въ наши предѣлы, разоряли проходимыя мѣстности, плѣняли массу народа, подходили къ окрестностямъ Москвы, но, какъ только встрѣчались съ русскою ратью, не рѣшались ее атаковать. Московскіе государи и ихъ воеводы тоже не имѣли этой рѣшимости. Производились тою и другою сторонами различныя передвиженія, и затѣмъ противники расходились въ разныя стороны безъ боя. Но за стѣнами, при защитѣ Казани, татары проявляли большое упорство. Особенно отчаянное сопротивленіе они оказали въ послѣдній рѣшительный походъ Ивана IV, когда сражались одинъ противъ пяти русскихъ.

Преобладаніе въ составѣ нашихъ войскъ конницы, при томъ мало обученной и плохо вооруженной, затрудняло такую операцію, какъ дѣйствія противъ Казани, требовавшія осадныхъ работъ и штурма.

Иванъ IV много сдѣлалъ, какъ изложено выше, для улучшенія нашей арміи. Онъ завелъ постоянную пѣхоту—стрѣльцовъ и придалъ русскому войску болѣе прочную организацію и болѣе твердый внутренній порядокъ. Современники дѣйствій войскъ Ивана IV наивно удивлялись, что шли впередъ только тѣ полки, которымъ это приказывалось, а остальные стояли на мѣстѣ. Усилены были артиллерійскія средства. Среди инструкторовъ артиллерійскаго и сапернаго дѣла являются иностранцы. Но и въ арміи Ивана IV конница была слишкомъ многочисленна по сравненію съ пѣхотою. Даже общій резервъ, введенный въ бой въ рѣшительную минуту штурма Казани, состоялъ изъ спѣшенной конницы.

Хотя въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противъ Казани въ теченіе 10 походовъ, въ періодъ 85 лѣтъ ¹⁾, а также въ дѣйствіяхъ за то же время противъ Золотой Орды наши войска имѣли тяжелыя неудачи, теряли свою артиллерію и обозы, не обнаруживали во многихъ случаяхъ ни умѣнья, ни достаточнаго упорства; но и въ это время, когда дѣйствовали въ сущности не войска, а наскоро собранныя милиціи, во многихъ случаяхъ были проявлены всегда присущіе русской рати высокіе подвиги. Оборона Алексина, взятаго и сожженаго татарами, была отчаянная. Рязань, слабо укрѣпленная, мужественно приготовилась обороняться противъ скопищъ крымскаго хана Саибъ-Гирея. Было совершено много отдѣльныхъ подвиговъ и въ бояхъ подъ Казанью. Но, несомнѣнно, главный подвигъ русской рати за весь этотъ періодъ составляетъ штурмъ Казани въ 1552 году.

Настроеніе войскъ во многихъ случаяхъ было приподнятое. Воодушевленіе черпалось изъ религіознаго источника. Во второй походъ Ивана III, при вызовѣ охотниковъ, все войско пошло въ охотники. При нашествіи Саибъ-Гирея войско заявило, что оно хочетъ „пить смертную чашу“ съ татарами.

Черезъ 200 слишкомъ лѣтъ великій Суворовъ порадовалъ Россію побѣдою подъ Измаиломъ, но очевидно побѣда подъ Казанью имѣла въ то время большее значеніе, чѣмъ удачный штурмъ Измаила для Россіи XVIII вѣка.

Въ общемъ за весь девяностолѣтній ²⁾ періодъ нашихъ дѣйствій по выходу къ Каспійскому морю нельзя не признать, что силы и военныя средства Россіи, при угрозѣ съ запада со стороны Литвы, ливонцевъ и шведовъ, были недостаточныя. И тѣмъ не менѣе успѣхъ увѣнчалъ усилія трехъ государей и прочно вывелъ Московскую Русь къ Каспію, далъ въ обладаніе всей Руси великую, нынѣ русскую, Волгу-рѣку.

Главною причиною такого успѣха съ полнымъ основаніемъ надо признать чрезвычайно *тѣпильное и упорное преслѣдованіе нашими государями поставленной ими цѣли*: освободиться отъ татарскаго ига и побѣдить Казань.

Дѣйствительно, Иванъ III производитъ пять походовъ на Казань, Василій III—три похода и Иванъ IV—два похода. Каждый изъ этихъ правителей Руси, вступая во власть, первымъ своимъ дѣломъ ставитъ борьбу съ татарами и, несмотря на всѣ огромныя трудности, умѣло пользуясь всѣми благопріятными обстоятельствами, жертвуя даже своимъ самолюбіемъ, работаетъ для достиженія ясно поставленной важной для Россіи и ясной для каждаго русскаго цѣли, и въ результатъ упорныхъ, въ продолженіе 90 лѣтъ, усилій цѣль эта достигается вполне прочнымъ образомъ.

¹⁾ Съ 1467 по 1552 годъ.

²⁾ Считаая и дѣйствія противъ Астрахани.

Достаточно взглянуть нынѣ на этнографическую карту Россіи, чтобы увидѣть, какъ русское населеніе воспользовалось этою побѣдою въ теченіе послѣдующихъ 350 лѣтъ. Многія обширныя пространства, пустынные въ XVI столѣтіи или рѣдко заселенныя татарами и инородцами, стали русскими губерніями съ многочисленнымъ, почти исключительно великорусскимъ, населеніемъ. Это населеніе протянулось по берегамъ р. Волги и далеко перекинулось къ востоку не только за великую русскую рѣку, но и за Уральскій хребетъ. Въ мѣстахъ героической борьбы горсти храбрыхъ людей, предводимыхъ Ермакомъ, уже возникли съ многочисленнымъ русскимъ населеніемъ такія губерніи, какъ Тобольская и Томская.

Инородческое и частью татарское населеніе значительною частью слилось съ побѣдителями.

Оставшіеся на мѣстахъ Казанскаго царства и Золотой Орды татары, калмыки, киргизы составляютъ нынѣ вѣрноподданныхъ русскаго царя, несутъ воинскую повинность и въ тяжелые годы послѣдней смуты на Руси причиняли менѣ хлопотъ русскому правительству, чѣмъ другія окраинныя мѣстности и даже нѣкоторыя коренныя русскія губерніи.

Относительно современнаго состава населенія мѣстностей Казанскаго и Астраханскаго царствъ, вотъ какія интересныя данныя находятся въ трудѣ Д. Менделѣева „Къ познанію Россіи“, подтверждающія сдѣланные выводы ¹⁾.

Нижеприводимыя цифры будутъ приведены для губерній: Казанской, Вятской, Пермской, Уфимской, Оренбургской, Астраханской, Саратовской, Самарской и Симбирской.

Во всѣхъ этихъ губерніяхъ въ 1897 году было:

Великороссовъ	13.000,000	душъ.
Финскаго, татарскаго и монгольскаго пл.	5.800,000	„
Малороссовъ	450,000	„
Бѣлороссовъ.	9,000	„
Литовцевъ.	7,000	„
Поляковъ	14,000	„
Народовъ романскаго происхожденія. .	1,600	„
Армянъ.	8,000	„
Евреевъ.	14,000	„
Нѣмцевъ и народовъ вообще германскаго происхожденія.	406,000	„
По религій:		
Православныхъ	15.600,000	„
Магометанъ и язычниковъ	3.300,000	„

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что бывшее Казанское и

¹⁾ Д. Менделѣевъ. Къ познанію Россіи, изд. 1907 г., стр. 38 и 39.

Астраханское царства могутъ нынѣ быть признаны краемъ великорусскимъ и православнымъ. Бывшее мусульманское и языческое населеніе не только нынѣ менѣ одной третьей части одного великорусскаго населенія, но и по отношенію къ православнымъ магометане и язычники нынѣ составляютъ *только одну пятую часть*.

Завоеваніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ произведено успліями великорусскаго племени, и оно болѣе всего и воспользовалось завоеванными мѣстностями. Малорусское населеніе тоже становится довольно значительнымъ въ указанныхъ выше губерніяхъ, особенно въ Астраханской, Саратовской и Самарской. Но эти кровные братья великороссовъ, гдѣ бы они ни находились, должны составлять одну семью съ ними. Бѣлоруссы, поляки и литовцы почти не воспользовались завоеваннымъ еще въ XVI столѣтіи краемъ. Но кто широко воспользовался тяжелою работою великороссовъ,—это нѣмцы. Они, съ поощренія нашего правительства, прочно осѣли, въ количествѣ свыше 400,000 чел., особенно въ губерніяхъ Саратовской и Самарской, заняли лучшія мѣста близъ Волги и много поработали къ поднятію культуры въ бассейнѣ р. Волги. Ихъ селенія во многомъ могутъ и понынѣ служить образцомъ для сосѣднихъ русскихъ селеній, но до сихъ поръ составляютъ лишь механически вкрапленныя въ русское тѣло, рѣзко обособленныя гнѣзда.

Населеніе Сибири по переписи 1622 года составляло всего 70,000. Двѣсти лѣтъ тому назадъ въ 1709 году населеніе Сибири составляло 229,000 душъ ¹⁾. Нынѣ въ Сибири только губерніи Тобольская, Томская и Енисейская даютъ (по переписи 1897 года) 3,400,000 чел. великорусскаго племени, 160,000 малороссовъ, 18,000 поляковъ, 8,000 латышей, 4,000 нѣмцевъ, 5,000 армянъ, 15,000 евреевъ, 60,000 финскихъ племенъ и 252,000 турецко-татарскихъ и монгольскихъ племенъ. Православныхъ 3,740,000, магометанъ и язычниковъ всего 159,000. Такимъ образомъ, и Западно-Сибирскій край по всей справедливости можетъ быть названъ въ настоящее время великорусскимъ и православнымъ.

Завоеванія въ XVI столѣтіи царствъ Казанскаго, Астраханскаго и западной части Сибири были расширены въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ присоединеніемъ всей Сибири до Великаго океана и обширныхъ средне-азіатскихъ областей.

Территорія областей центральной и восточной Сибири и средне-азіатскихъ областей огромна. Природныя богатства еще не изучены, но и по имѣющимся уже свѣдѣніямъ весьма значительны. Русское населеніе проникало и въ эти районы, но общее число русскихъ (великороссовъ, малороссовъ и бѣлороссовъ) въ 13 обширныхъ обла-

¹⁾ Н. Ядрищевъ. Сибирь какъ колонія. Изд. 1882 г., стр. 128.

стяхъ и одной губерніи (Иркутской) составляло по переписи 1897 года всего 1.700,000 чел.

Въ томъ числѣ въ Амурской и Приморской областяхъ, граничащихъ съ Китаемъ на протяженіи 3,700 вёрстъ, русское населеніе въ 1897 году составляло (кромѣ войскъ) всего 157,000 душъ.

Очевидно, что колонизація этихъ областей находится только въ первомъ періодѣ, и этотъ огромный районъ еще составляетъ резервъ для дѣятельности русскаго населенія въ XX и послѣдующихъ столѣтіяхъ.

ГЛАВА V.

Задача русской армии по выходу къ Балтійскому морю и объединенію русскаго племени.

А) Борьба съ Литвою и Польшею.

Краткія свѣдѣнія о Литовскомъ государствѣ съ XIII до половины XVII столѣтія.— Борьба съ Литвою съ XII и до середины XV вѣка (оборона).—Войны съ Литвою великаго князя Ивана III.—Задачи, поставленныя Иваномъ III русской вооруженной силѣ въ XVI столѣтіи (переходъ въ наступленіе).—Побѣда подъ Дорогобужемъ.—Перемиріе 1503 года.—Войны съ Литвою въ княженіе Василя III.—Взятіе Смоленска.—Пораженіе на р. Днѣпрѣ.—Войны съ Литвою и Польшею царя Ивана Грознаго.—Взятіе Полоцка.—Дѣйствія Стефана Баторія противъ Полоцка и Пскова.—Геройская оборона Пскова и оборона Смоленска въ смутное время.—Пораженіе при д. Клушино.—Войны съ Литвою и Польшею царя Михаила Феодоровича.—Штурмъ Москвы польскими войсками.—Деулинское перемиріе.—Осада Смоленска.—Пораженіе войскъ Шепна.—Войны съ Литвою и Польшею царя Алексѣя Михайловича.—Взятіе Смоленска.—Занятіе Вильны, Ковны и Гродны.—Потери Вильны.—Геройская оборона кн. Мышецкимъ цитадели г. Вильны.—Пораженіе русскихъ войскъ у о. Глубокое.—Андрусовское перемиріе 1667 года. (*Схема № 6*).

Для полнаго выясненія условій начинавшейся борьбы между Московскою Русью и Литвою надлежало бы сравнить силы и средства обоихъ государствъ въ матеріальномъ и духовномъ отношеніяхъ. Но для такой оцѣнки не имѣется достаточныхъ матеріаловъ. Такъ, напр., хотя и извѣстны территоріи, занятыя во время борьбы государствами Московскимъ и Литовскимъ, но даже приблизительно нельзя опредѣлить численности населенія этихъ владѣній.

Поэтому относительно Московской Руси я ограничусь тѣми свѣдѣніями, которыя приведены въ предыдущихъ главахъ, а по отношенію Литвы укажу ниже повѣщія изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи свѣдѣній изъ труда Н. Рожкова: „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія, ч. II“.

Пространство, заселенное литовскимъ и русскими племенами, входившими когда либо въ составъ великаго княжества Литовскаго, очерчивается слѣдующими границами: Литва начиналась на сѣверо-

востокъ въ Псковской губ., захватывая Торопецъ, затѣмъ захватывала губерніи Смоленскую, Витебскую и Курляндскую. На сѣверо-западѣ граница шла отъ устья Западной Двины по берегу Балтійскаго моря до впаденія р. Вислы. По Вислѣ граница шла до Торна, затѣмъ, оставляя къ западу Царство Польское, шла по юго-западной границѣ нынѣшней Гродненской губерніи, захватывала большую часть Люблинской губерніи, почти всю нынѣшнюю Галицію, шла по Карпатскимъ горамъ до верховьевъ р. Прута, далѣе по Днѣстру до береговъ Чернаго моря. Наконецъ, юго-восточная граница захватывала западныя части Екатеринославской и Харьковской губерній, почти всю Курскую, южную окраину Тульской и оканчивалась у Калуги. Только одинъ перечень этихъ границъ указываетъ, какъ стѣснена была Московская Русь. Если затѣмъ принять во вниманіе, что въ очерченныхъ границахъ главную массу населенія составляли русскіе (малороссы и бѣлоруссы) православнаго вѣроисповѣданія, тѣсно связанные всею исторіею съ Московскою Русью, то ясна станетъ неизбѣжность нашей борьбы съ Литвою.

Въ очерченныхъ предѣлахъ эта территорія раздѣлялась на три части: собственно Литву, западную Русь и юго-западную Русь. Въ составъ Литвы входили: побережье Балтійскаго моря и нынѣшнія губерніи Виленская, Ковенская и сѣверная половина Гродненской. Литовскія племена—латыши жили и на правомъ берегу Двины; кромѣ нихъ въ составъ населенія входили: зимиголы и корсы; между устьями Нѣмана и Вислы жили пруссы и къ западному Бугу—ятвяги.

Въ составъ юго-западной Руси входили: *Галиція, Подолія, Волынь, Кіевская земля* и побережье *Чернаго моря*. Населеніе этой области образовало Малорусскую народность.

Въ составъ западной Руси входила остальная территорія, главнымъ образомъ губерніи *Смоленская, Витебская, Черниговская и Сѣверскія земли*. Въ этихъ двухъ послѣднихъ земляхъ жили бѣлоруссы въ смѣшеніи съ малороссами, а въ земляхъ Полоцкой, Смоленской и Витебской малороссы жили совмѣстно съ великороссами.

До XVII столѣтія населеніе Литвы было рѣдкое. Литва жила своею замкнутою жизнью, мирно съ своими сосѣдями и даже не основывала городовъ. Даже такіе города, какъ Гродно, Брестъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ, Новгородъ-Литовскій, были основаны волинскими князьями.

Въ это время шло движеніе въ Литву съ двухъ сторонъ: колонизаціонное изъ юго-западной Руси и завоевательное съ береговъ Балтійскаго моря, гдѣ утвердились съ самаго начала XIII столѣтія нѣмцы.

Бѣдствіе, постигшее Россію—татарское иго—послужило къ возвышенію Литвы.

Пользуясь опустошеніемъ русскихъ мѣстностей, литовцы начи-

нають нападать на русскія земли и утверждать въ нихъ свою власть. Одновременно идетъ заселеніе этихъ мѣстностей, принявшее особенно большіе размѣры во второй половинѣ XVI столѣтія. Къ концу удѣльнаго періода уже опредѣлились районы бѣлорусскаго племени, образовавшагося отъ смѣшенія русскихъ съ литовцами, и малорусскаго отъ смѣшенія русскаго племени съ польскими и другими народностями (половцами, печенѣгами, татарами) ¹⁾.

Города Ковна, Троки, Вильна, Тельши, Лида основываются уже самими литовцами.

До XII вѣка главнымъ источникомъ средствъ для существованія населенія была добывающая промышленность: охота, рыболовство, пчеловодство и скотоводство. Въ концѣ XIII вѣка земледѣліе уже получило значительное развитіе, а съ XIV вѣка земледѣліе въ Литвѣ и Бѣлоруссіи сдѣлалось главною отраслью народнаго труда. Въ Подоліи и на Волыни къ земледѣлію перешли еще ранѣе.

Въ Литвѣ и въ западной Руси до XVI столѣтія запашки боярскаго господствующаго класса были не велики и барщина не тяжела; она заключалась главнымъ образомъ въ косьбѣ сѣна. Съ конца XV вѣка начался переходъ отъ переложной къ трехпольной системѣ и увеличиваются подати. Отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ валового количества урожая земледѣльцы обязаны были выплачивать государству и землевладѣльцамъ вмѣстѣ. Начало усиливаться дворянское землевладѣніе за счетъ обезземеливанія крестьянъ. Какъ и на Руси, раздача дворянамъ земельныхъ участковъ производилась въ видахъ увеличенія военнаго сословія (служилаго). Особенно большое развитіе получаетъ мелкое *шляхетское* землевладѣніе. Съ увеличеніемъ у дворянъ запашекъ усиливается и барщина (или панщина). Въ XVI столѣтіи она достигаетъ отъ 2 и до 5 дней въ недѣлю. Крестьянство бѣднѣетъ. Землевладѣльцы обращаются въ помѣщиковъ, но, подъ вліяніемъ запада, по образованію становятся выше нашихъ помѣщиковъ той же эпохи. Такъ, литовскіе помѣщики уже въ то время слѣдили и за сельско-хозяйственною литературою ²⁾. Хозяйство свое паны вели хорошо и богатѣли, но массы населенія бѣднѣли. Налоги и подати все увеличивались.

Важнѣйшею обязанностью бояръ и шляхты было несеніе военной службы, взамѣнъ чего княжескія, панскія и шляхетскія имѣнія были освобождены отъ государственныхъ податей и повинностей, кромѣ военной повинности и поставки подводъ.

Городское населеніе (мѣщане), какъ и на Руси, становится тяглымъ сословіемъ, обязаннымъ не военною службой, а податями и повинностями.

Литовскіе крестьяне дѣлились, какъ и на Руси, на нѣсколько

¹⁾ Н. Рожковъ, ч. II, стр. 9.

²⁾ Н. Рожковъ, ч. II, стр. 39.

группъ: 1) *челядь*—это были несвободные люди, соотвѣтствовавшіе русскимъ холопамъ. Они въ свою очередь дѣлились на *дворовыхъ*, жившихъ *мирянною* (выдачею запасовъ натурою) и *паробковъ*, имѣвшихъ свои земельные участки и движимость; эта вторая группа составляла переходъ къ свободнымъ крестьянамъ. 2) *Тяглые*—крестьяне земледѣльцы, обязанные работать на барской пашнѣ или давать оброкъ. 3) *Слуги путные и панцирные бояре* составляли высшій слой крестьянскаго населенія, отбывали барщину, но въ то же время несли и военную службу.

Всѣ крестьяне были свободны и могли переходить отъ одного владѣльца къ другому.

Затѣмъ на Литвѣ происходитъ понемногу закрѣпощеніе крестьянъ помѣщикамъ, по тѣмъ же причинамъ, что и на Руси. Съ развитіемъ денежнаго хозяйства и увеличеніемъ запасекъ у помѣщиковъ, крестьяне, получавшіе участки для воздѣлыванія, нуждались въ ссудѣ, получали ее и создали задолженность. Помѣщики способствовали этой задолженности, съ цѣлью обезпечить себѣ постоянный контингентъ рабочихъ.

„Задолженность на многіе годы, на всю жизнь и даже на нѣсколько поколѣній связывала землевладѣльца съ извѣстными крестьянами. Давность этой связи и послужила юридическимъ основаніемъ для первыхъ элементовъ крѣпостнаго права“¹⁾.

Въ 1568 году всѣ проживавшіе за извѣстнымъ землевладѣльцемъ 10 лѣтъ, по третьему литовскому статуту, попали въ крѣпостные. Они попали въ полное распоряженіе помѣщиковъ. Даже имущество крестьянъ перестало быть ихъ собственностью, а народный судъ потерялъ свое значеніе²⁾.

Открытаго возстанія со стороны лишеннаго свободы крестьянства не было, но протестъ выразился въ другой формѣ—въ развитіи *казачества*. Наболѣе энергичные изъ недовольныхъ прикрѣпленіемъ къ землѣ, наболѣе любившіе свободу, не боявшіеся опасностей, двинулись на вольныя земли на юго-восточную окраину литовскихъ владѣній той эпохи. Въ концѣ XV столѣтія казачьи ватаги появились на нижнемъ теченіи Днѣпра, а въ серединѣ XVI столѣтія уже возникло много казачьихъ поселеній и въ степи.

Н. Рожковъ даетъ такую характеристику казачьему населенію: Первоначально казаки занимались добывающею промышленностью. У нихъ не было классовъ и сословій. Всѣ считались равными. Управление и судъ находились въ рукахъ атамановъ, выбиравшихся казацкою радюю. Запорожскій кошъ и казацкое войско дѣлились на курепи и полки.

¹⁾ Рожковъ, ч. II, стр. 50.

²⁾ Въ Россіи прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ произошло на 29 лѣтъ позже, въ 1597 г., во время правленія Бориса Годунова.

Въ сѣверную часть занятой казаками территоріи уже съ XVI вѣка проникло денежное хозяйство. „Лучшіе казаки прочно осѣли на своихъ участкахъ и стали захватывать земли въ свои руки. Казаки черные вынуждены были сократить кочевой образъ жизни. Соціальное равенство рушилось. Въ XVII вѣкѣ казачество, подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ, распадается на городскихъ, реестровыхъ казаковъ, сближавшихся съ польской и литовской шляхтой, и казаковъ запорожскихъ, оставшихся въ прежнихъ демократическихъ условіяхъ. Отсюда вышли Наливайко, Тарасъ, Павлюкъ, Острица и Богданъ Хмельницкій—вожди возстаній для соціальной борьбы, прикрываемой національными и религіозными интересами“.

Политическій строй Литвы и западной Руси первоначально, какъ и въ Московской Руси, носилъ отдѣльный характеръ.

Постепенно происходило собираніе удѣловъ, и удѣльные князья уравнивались съ панами. До конца XV столѣтія великій князь Литовскій пользовался *неограниченною властью*. При немъ такъ же, какъ и на Руси, была боярская дума, носившая названіе *рады*, но она имѣла лишь совѣщательное значеніе. Въ составъ рады входили и представители всѣхъ органовъ центрального управленія.

Но уже съ XV столѣтія власть начинаетъ переходить отъ великаго князя къ сейму. Съ 1401 года сеймъ забралъ въ свои руки право избранія государя и внѣшнія дѣла: объявленіе войны, договоры. Затѣмъ вѣдѣнію сеймовъ стали подлежать и важнѣйшія законодательныя мѣропріятія. Въ 1492 году, при великомъ князѣ Александрѣ, сеймъ добился еще большаго ограниченія княжеской власти. Въ составѣ сеймовъ начала играть главную роль шляхта, подавивъ своимъ вліяніемъ аристократическую власть (князей) и монархическую власть (великаго князя).

„Въ повѣтовыхъ сеймикахъ и въ главномъ сеймѣ шляхта повелительно диктовала всѣмъ органамъ власти свою волю и заставляла ихъ безпрекословно себѣ повиноваться; въ результатъ получилась *шляхетская республика*“.

Чтобы удержать господствующее положеніе, шляхта постаралась прежде всего обезпечить свободу своей личности и свои права.

„Благо народа шляхетскаго въ XVI и XVII вѣкахъ составляло главную заботу шляхты. Она постаралась главную массу податныхъ тягостей взвалить на земли мѣщанъ и духовенства, облегчивъ населеніе своихъ имѣній“ ¹⁾.

Духовное развитіе Литвы стало выше, чѣмъ въ тотъ же періодъ на Руси. Близость запада оказывала свое вліяніе. Образование находилось по преимуществу въ рукахъ духовенства, особенно іезуитовъ. Въ 1620 году количество учащихся только въ іезуитскихъ учебныхъ заведеніяхъ дошло до 10,000 чел. Среди высшаго класса развилась литература—ораторская и стихотворная.

¹⁾ Н. Рожковъ, ч. II, стр. 97.

Краткія свѣдѣнія о войскахъ литовскихъ и польскихъ.

ВОЙСКА ЛИТОВСКІЯ.

Литовское племя въ первые періоды исторіи до завоеванія Литвы Россіей признается историками болѣе воинственнымъ, чѣмъ славянское. Кн. Голпцынъ въ своемъ трудѣ „Русская военная исторія“ пишетъ, что „литовцы первоначально не любили войны, но потомъ, по нуждѣ, освоясь съ нею, занятіе ею стали считать самымъ благороднымъ дѣломъ и, наконецъ, сдѣлались народомъ-завоевателемъ“¹⁾.

Воины ставились отъ всего населенія. Они раздѣлялись по хоругвямъ на конныхъ и пѣшихъ. Предъ выступленіемъ въ походъ производили военныя упражненія. *Пѣхоты было болѣе*, чѣмъ конницы. Страну укрѣпляли городками и замками. Съ XIII вѣка ввели въ употребленіе металлическое, кованное вооруженіе. Употребляли отравленныя стрѣлы до XVI вѣка.

„При Гедиминѣ литовское войско было уже правильно и хорошо устроено, и какъ военное устройство Литвы, такъ и военное искусство, находились уже въ хорошемъ состояніи“²⁾.

Относительно устройства войскъ въ позднѣйшее время, до присоединенія Литвы къ Россіи, у кн. Голицына имѣются слѣдующія краткія свѣдѣнія:

„Что касается Литвы, то, по завоеваніи литовцами областей западной и юго-западной Руси, древне-русское военное устройство послѣднихъ осталось въ нихъ господствующимъ такъ же, какъ и православная вѣра и русскіе языкъ, законы, права, обычаи. Преемники Гедимины, особенно Ольгердъ и Витовтъ, развили и усовершенствовали военное устройство великаго княжества Литовскаго, но на тѣхъ же самыхъ началахъ и въ томъ же самомъ духѣ. Въ XV же и XVI вѣкахъ, со времени вступленія Ягелло на престолъ Польши до Сигизмунда III, въ періодъ сильнаго противодѣйствія литовскаго народа еще сильнѣйшему вліянію Польши и въ особенности римскаго духовенства и могущественнаго польскаго дворянства, военное устройство великаго княжества Литовскаго въ главныхъ основаніяхъ своихъ хотя и сохранило древній, коренной русскій характеръ, но уже постепенно съ большимъ подчиненіемъ вліянію учреждений и обычаевъ польскихъ. Наконецъ, со временъ Сигизмунда III, когда совершилось окончательное сліяніе великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ въ одну державу, военное устройство перваго получило уже характеръ преимущественно польскій, который и удержало до самаго воссоединенія литовско-русскихъ областей съ Россіей“³⁾.

¹⁾ Кн. Голпцынъ, ч. I, стр. 48.

²⁾ То же, ч. I, стр. 49.

³⁾ То же, ч. II, стр. 39—40.

„Устройство, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій войскъ великаго княжества Литовскаго до начала XV вѣка имѣли въ главныхъ основаніяхъ и чертахъ близкое сходство съ современнымъ устройствомъ, вооруженіемъ, строемъ и образомъ дѣйствій русскихъ войскъ. Съ начала же XV вѣка они стали мало-по-малу заимствовать польскій характеръ, а съ половины и особенно съ конца XVI вѣка сдѣлались совершенно подобными польскимъ. Тогда литовское войско состояло частью изъ пѣхоты на жалованьи (жолнеровъ) и преимущественно изъ дворянской конницы: гусаровъ съ ихъ пахолками и панцерниковъ,—раздѣлялось на полки и хоругви, а предводительствовалъ имъ великій гетманъ литовскій, независимый отъ польскаго или коронаго“¹⁾.

ВОЙСКА ПОЛЬСКІЯ.

Военное устройство Польши первоначально было то же, что и въ другихъ славянскихъ племенахъ, поселившихся въ Россіи, и основано на общихъ древне-славянскихъ обычаяхъ и учрежденіяхъ. Военная организація имѣла по преимуществу характеръ оборонительный. Но все усиливавшееся вліяніе Европы на поляковъ (и вообще на западныхъ славянъ) отразилось и на военномъ укладѣ страны. Это вліяніе начинается уже со временъ войнъ Карла Великаго, т. е. съ IX столѣтія. Съ запада Польша заимствовала и рыцарство, а вмѣстѣ съ нимъ преобладаніе высшихъ, богатѣйшихъ родовъ. Главная и лучшая часть войска составила изъ конныхъ рыцарей. Городское и сельское сословія выставляли войска городскихъ и сельскихъ общинъ и обще-народныя ополченія.

Шляхта или дворянство было обязано служить на коняхъ, внутри государства—на собственномъ иждивеніи, а внѣ его получало жалованіе отъ короля.

До X вѣка у поляковъ главнымъ оружіемъ были луки и стрѣлы. Съ X вѣка военное дѣло у поляковъ постепенно принимаетъ западный характеръ. Рыцарская конница начинаетъ составлять главную и лучшую часть арміи. Пѣхота была плохо вооружена и служба въ пѣхотѣ почетомъ не пользовалась.

Преобладаніе въ войскахъ конницы, вооруженіе, строй, военное искусство съ XI столѣтія вообще близко схожи съ европейскими той эпохи. Съ XIV столѣтія въ Польшѣ начала усиливаться власть дворянства и ослабляться королевская власть въ то время, какъ въ Западной Европѣ монархическая власть, при содѣйствіи средняго сословія, усиливалась, а феодализмъ падалъ²⁾.

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 42—43.

²⁾ Въ трудѣ князя Голицына (ч. II, стр. 37) значится, что въ Польшѣ среднее сословіе состояло большею частью изъ нѣмецкихъ переселенцевъ и евреевъ и было чуждо народу и государству. Поэтому королевская власть и не могла опереться на это сословіе.

Съ половины XIV столѣтія внутреннее положеніе Польши, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и умаленія королевской власти, становится въ военномъ отношеніи непрочнымъ.

„Между всѣми властями и сословіями неродными не только не было согласія, но напротивъ—величайшее разногласіе. Короли спорили съ папами, съ императорами за королевскій титулъ, съ родственниками—за краковскій престолъ; удѣльные князья между собою—за удѣлы, съ королями—за свою независимость отъ нихъ, съ духовенствомъ—за десятину, съ вельможами (магнатами) за право суда, съ среднимъ городскимъ сословіемъ—за пошлины и оброки“¹⁾.

Казиміръ III Великій (1333—1370), царствуя 37 лѣтъ, внесъ успокоеніе, но и онъ сознавалъ непрочное положеніе государства и искалъ опоры. Эта опора, по его мнѣнію, могла явиться лишь при соединеніи Польши съ Литвою.

Такое соединеніе и состоялось. Вмѣстѣ съ рукою королевской дочери Ядвиги Ягелло соединилъ престолы литовскій и польскій подъ своею властью. Соединеніе это должно было обойтись Литвѣ дорого: потерей самобытности и греческой вѣры, такъ какъ Ягелло, подъ давленіемъ польскихъ магнатовъ, далъ обязательство принять самъ и ввести въ Литвѣ римскую вѣру и соблюдать польскіе законы. Но послѣ Ягелло нѣсколько его преемниковъ упорно, съ оружіемъ въ рукахъ, отстаивали независимость Литвы до конца XV столѣтія, когда Казиміръ IV, тоже русско-литовскій князь, вновь согласился соединить въ своихъ рукахъ обѣ короны.

Въ періодъ времени со второй половины XIX до середины XV столѣтія военное устройство Польши приходило все въ большій упадокъ, вслѣдствіе могущества, своеволія и все возрастающихъ притязаній польскаго дворянства. Король не могъ принимать какихъ-либо важныхъ рѣшеній безъ согласія дворянства. Въ особенности большую силу забрала шляхта. Въ этотъ періодъ часто нечѣмъ было уплачивать жалованье войску. Крѣпости пришли въ запустѣніе, дисциплина въ войскѣ пришла въ упадокъ; внутри страны было неспокойно—шайки разбойниковъ грабили и разоряли Польшу.

При сынѣ и преемникѣ Ягелло (Владиславѣ III) венгерская корона соединилась съ Польскою, и впервые западные славяне столкнулись съ турками. Въ сраженіи въ 1444 году подъ Варною Владиславъ III, предводительствуя венгерско-польскимъ войскомъ, подкрѣпленнымъ рыцарями другихъ странъ, былъ разбитъ турками и убитъ.

Съ XV вѣка военное устройство въ Польшѣ, сохранившееся въ общемъ до конца самостоятельнаго ея существованія, заключалось въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ²⁾.

Каждый, кто владѣлъ землею, обязанъ былъ оборонять госу-

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 161.

²⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 37.

дарство. Поэтому вооруженныя силы государства состояли *изъ земскаго ополченія*.

Земельная собственность преимущественно находилась въ рукахъ королевскихъ, духовныхъ и дворянскихъ. Всѣ эти земли и выставляли воиновъ. Съ усиленіемъ дворянскаго землевладѣнія и увеличеніемъ политическихъ правъ дворянства главную силу земскаго ополченія составили высшее дворянство и шляхта (нижнее дворянство).

Всѣ совершеннолѣтніе дворяне и городскіе жители, владѣвшіе землями, обязаны были по требованію короля и государственнаго сейма являться на службу съ вооруженіемъ и запасами. Въ зависимости отъ владѣнія землею опредѣлялось и число ратныхъ людей, которое обязывался приводить съ собою каждый изъ землевладѣльцевъ.

Кромѣ земскаго ополченія въ составъ польскихъ войскъ въ XVI столѣтіи входили: 1) королевскія войска или тѣлохранители, служившіе на жалованьи и содержаніи королей; 2) дворовыя дружины и хоругви; это были войска магнатовъ, иногда очень многочисленныя и получавшія содержаніе отъ лицъ, коимъ служили; 3) малороссійскіе казаки, которые за розданныя имъ земли на территоріи бывшей Кіевской Руси и денежныя оклады должны были выставить опредѣленное число бойцовъ, и 4) иностранныя наемныя дружины, преимущественно пѣшія.

До присоединенія Литвы Польша уже могла выставять до 150,000 человекъ войска, а послѣ присоединенія вдвое болѣе.

Войско внутри государства служило безъ жалованья, а при походахъ получало денежную помощь въ случайномъ размѣрѣ.

По указанію историка кн. Голицына, первые слѣды правильнаго содержанія на жалованьи войскъ относятся къ 1562 году, когда сеймъ постановилъ *четвертую* часть съ королевскихъ имѣній и староствъ обратить на содержаніе войскъ.

Войска, получавшія жалованье, назывались *жолнерами*. Общее число жолнеровъ составляло въ XVI столѣтіи не свыше 60,000, и эти войска могли считаться постоянными.

Своеволіе шляхты, упадокъ королевской власти создавали отсутствіе единства управленія, отсутствіе верховной власти въ управленіи войскомъ и потому не могли не отражаться самымъ вреднымъ образомъ на дисциплинѣ войскъ.

По этому важному вопросу въ трудѣ кн. Голицына имѣются слѣдующія строки ¹⁾:

„Военные законы и постановленія польскія предписывали соблюденіе строгихъ воинскихъ: подчиненности, порядка и благоустройства, и всякое нарушеніе ихъ, неповиновеніе, своеволіе, сборъ съ

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 39.

края продовольствія и фуража, сопряженный съ насильствомъ и грабежомъ, и тому подобные беспорядки были наказываемы, по этимъ законамъ, тюремнымъ заключеніемъ или денежными пенями. Тѣмъ не менѣе, польскія войска никогда не отличались воинскимъ порядкомъ, весьма часто обнаруживали духъ неповиновенія, своеволия, буйства, а на войнѣ знаменовали себя большими беспорядками, грабежомъ и разореніемъ края и жителей. Это было весьма естественнымъ слѣдствіемъ государственнаго устройства и образа правленія Польши, не заключавшихъ въ себѣ тѣхъ способовъ и средствъ, которые необходимы для внушенія должнаго уваженія къ законамъ и для приведенія послѣднихъ въ точное исполненіе“.

Какъ уже выше указано, наиболѣе многочисленною и лучшею частью польскаго войска была конница. Кромѣ польской и казачьей конницы, правительство, въ случаѣ нужды, нанимало конныя дружины венгровъ, пѣмцевъ, чеховъ и даже шотландцевъ.

„Пѣхота въ польскомъ войскѣ до Стефана - Баторія состояла изъ временно собираемой, дурно вооруженной и неустроенной черни въ незначительномъ числѣ, либо изъ иностранныхъ наемниковъ— еще въ меньшемъ; Стефанъ-Баторій первый оцѣнилъ важное значеніе пѣхоты и „установилъ, чтобы съ каждаго 20 дворовъ въ цѣломъ государствѣ было выставлено по одному способному къ военной службѣ пѣшему ратнику, вооруженному ружьемъ, мечомъ и топоромъ и по одному десятнику, вооруженному бердышемъ“.

Замойскій принялъ мѣры къ правильному устройству и обученію пѣхоты и поднялъ ее на такую высоту, что многіе, даже богатые, дворяне поступили въ пѣшія войска. Эти войска состояли изъ поляковъ, подраздѣленныхъ на пятидесяти и десяти.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ этой вновь сформированной пѣхотѣ пришлось участвовать, она отличалась храбростью и стойкостью.

Слабой стороной польскаго войска служили многочисленные обозы. Изъ повозокъ устраивались правильной формы вагенбургн, иногда сильно обороняемые пѣхотой съ артиллеріею. Они представляли подобіе подвижныхъ крѣпостей и въ войнѣ съ турками принесли полякамъ большую пользу. Число обозной прислуги было несоразмѣрно велико. Указывается, что иногда при 10,000 войскѣ находилось до 50,000 обозной челяди.

Образъ дѣйствій польскихъ войскъ сходствовалъ съ современнымъ западно-европейскимъ и не уступалъ ему ¹⁾.

Съ половины XVI столѣтія польскія войска значительно превосходили московскія рати въ организаціи, обученіи и вообще въ боевой подготовкѣ.

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 42.

Кн. Голицынъ однако въ трудѣ своемъ (ч. I, стр. 42) прибавляетъ, что лучшую часть пѣхоты послѣ Баторія составляли пѣмцы.

В О Й Н Ы С Ъ Л И Т В О Ю .

Славянскія племена, поселившіяся рядомъ съ литовскими, не жили съ ними въ мирѣ. Литовцы были болѣе дики, грубы, бѣдны и воинственны, чѣмъ славяне и, судя по имѣющимся извѣстіямъ, составляли нападающую сторону.

Первоначально цѣлью нападеній былъ исключительно грабежъ и уводъ плѣнныхъ. Русскіе князья на набѣги литовцевъ отвѣчали только набѣгами, часто побѣждали литовцевъ, вынуждали ихъ платить дань, но, какъ только княжескія дружины возвращались,—литовцы возобновляли свои набѣги. Подчиненность русскимъ князьямъ была такимъ образомъ очень слабая, а уплата дани литовцами производилась въ первое время звѣриными шкурами и даже лыками и вѣшниками.

При нападеніяхъ на нихъ литовцы защищались очень упорно и наносили иногда пораженія нашимъ дружинамъ; такъ, наши историки упоминаютъ о тяжкомъ пораженіи литовцами дружинъ князя Мстислава I Храбраго въ 1132 году.

Съ половины XII вѣка набѣги литовцевъ принимаютъ обширные размѣры. Отъ этихъ набѣговъ, тоже съ цѣлью грабежа, начинаютъ страдать не только пограничныя, но и внутреннія мѣстности. Въ особенности сильно страдали отъ этихъ набѣговъ Полоцкая, Псковская и Новгородская области.

Въ 1224 году литовцы проникаютъ до Старой Руссы, а въ 1239 г. атакуютъ Смоленскъ.

Съ нашествіемъ на Русь татаръ, литовцы задаются противъ ослабленныхъ русскихъ областей болѣе серьезными цѣлями. Набѣги превращаются въ военные походы и не съ цѣлью грабежа, а съ цѣлью завоеванія. Цѣлью этихъ завоеваній ставится присоединеніе къ Литвѣ всѣхъ западныхъ и юго-западныхъ русскихъ областей: Кіевской, Черниговской, Полоцкой, Новгородской, Псковской, Волынской, Подольской и Галицкой.

Во время униженія и ослабленія удѣльной Руси Литва, напротивъ того, начала съ XIII столѣтія объединяться и въ XIV столѣтіи образовала могущественное, независимое отъ татаръ, великое княжество. Во главѣ этого княжества стояло нѣсколько воинственныхъ энергичныхъ правителей—великихъ князей.

Одновременно съ нашествіемъ татаръ съ востока, одинъ изъ литовскихъ вел. князей, Виндовгъ, нападаетъ на русскія земли съ запада. Русскія владѣнія—городенскія или гродненскія—захватываются литовцами, захватившими ранѣе и часть земель полоцкихъ. Не довольствуясь первыми успѣхами, Виндовгъ вторгается въ земли полоцкія, новгородскія и псковскія и овладѣваетъ г. Торькомъ. Александръ Невскій восемь разъ ходилъ съ своими дружинами противъ

литовцевъ и сдержалъ ихъ напоръ. Данилъ Романовичъ Галицкій удерживалъ напоръ литовцевъ на юго-западъ.

Относительно вліянія на литовцевъ населенія завоеванныхъ ими русскихъ областей въ трудѣ кн. Голицына есть указанія, что литовцы, „завоевая русскія княжества, охотно крестились въ христіанскую вѣру восточной церкви, роднились съ русскими князьями, легко и скоро усваивали себѣ языкъ, нравы и обычаи русскіе и сливались съ руссами въ одинъ народъ русский“ ¹⁾.

Внутренніе раздоры между литовскими князьями послѣ смерти Миндовга принесли временное облегченіе западной Руси. Но съ переходомъ власти въ руки Гедимина (1315—1341) г.г. Литва, независимая отъ татаръ, начала быстро усиливаться за счетъ русскихъ земель. Породнившись браками сыновей своихъ съ западно-русскими князьями, Гедиминъ получалъ предлогъ для вмѣшательства въ русскія дѣла и, пользуясь ослабленіемъ и опустошеніемъ русскихъ земель, началъ борьбу съ цѣлью присоединенія юго-западныхъ русскихъ удѣловъ къ Литвѣ. Онъ первоначально присоединилъ къ себѣ Пинское и Витебское княжества, а затѣмъ напалъ на западно-русскихъ князей. Послѣ нѣсколькихъ побѣдъ (въ 1320 г.) Гедиминъ присоединилъ къ Литвѣ всю правую сторону Днѣпра ²⁾.

Гедиминъ, послѣ присоединенія къ себѣ русскихъ областей, принялъ титулъ великаго князя литовскаго и русскаго.

Успѣхи Гедимина облегчались тѣмъ, что населеніе плохо помогало своимъ князьямъ въ борьбѣ съ Литвою, и даже имѣются указанія, что жители нѣкоторыхъ русскихъ мѣстностей охотно признавали надъ собой владычество Литвы, чтобы этимъ путемъ освободиться отъ татарскаго ига.

♣ Столицею Гедимина стала Вильна.

Гедиминъ умѣло управлялъ присоединенными областями, не нарушалъ внутренняго устройства русскихъ земель, охранялъ права православнаго духовенства. Онъ позволялъ даже своимъ сыновьямъ принимать крещеніе по греческому обряду и строить храмы, но самъ умеръ язычникомъ.

Относительно дѣятельности Гедимина кн. Голицынъ въ своемъ трудѣ дѣлаетъ такое заключеніе: „Гедиминъ утверждалъ въ Литвѣ единовластіе, превратилъ литовцевъ изъ грабителей въ завоевателей, а неустроенныя толпы ихъ — въ правильно устроенныя дружины“ ³⁾.

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. I, стр. 126.

²⁾ Одинъ изъ галицкихъ князей былъ убитъ въ битвѣ съ литовцами подъ Владиміромъ Волинскимъ. Другой галицкій князь, соединившійся съ сѣверскими князьями, былъ разбитъ въ 1320 году на берегахъ р. Ирпени въ Киевскомъ княжествѣ (Кн. Голицынъ, ч. I, стр. 127).

³⁾ Кн. Голицынъ, ч. I, стр. 129.

Присоединеніе къ Литвѣ Воыни, Кіева и Чернигова совершилось въ періодъ съ 1315 по 1321 годъ. Гедиминъ умеръ въ 1340 году.

Одинъ изъ семи сыновей Гедимина Ольгердъ (1345—1377 г.г.) захватилъ власть въ свои руки и продолжалъ дѣло отца своего. Онъ закончилъ отторженіе отъ татаръ земель по правую сторону Днѣпра, присоединилъ къ Литвѣ Подолію и, покончивъ съ западными областями, перешелъ въ наступленіе противъ сѣверо-восточныхъ и центральныхъ русскихъ областей.

Союзникомъ литовцевъ въ этотъ періодъ оказался тверской князь Михаилъ, обратившійся, въ борьбѣ своей за великокняжескій столъ съ Дмитріемъ Донскимъ, за помощію къ литовцамъ. Изъ поѣздки въ Литву онъ возвратился съ литовскими войсками, вторгнулся съ ними въ Московское княжество, но, дойдя до Кашина, заключилъ миръ съ Дмитріемъ. Второй походъ литовцевъ, произведенный въ 1363 году подъ начальствомъ самого Ольгерда, былъ грознымъ для Московской Руси. Съ Ольгердомъ шли сыновья его, другіе литовскіе князья и русскіе князья:—Смоленскій съ своими войсками и Михаилъ Тверской.

Цѣлью похода было овладѣніе Москвою. Всѣ приготовленія къ походу исполнены съ большою скрытностью.

Высланныя юнымъ княземъ Дмитріемъ войска были разбиты воеводы, бояре и князья Стародубскіе и Оболенскіе погибли. Не приготовившись къ отпору, Дмитрій Донской заперся въ новомъ московскомъ кремлѣ. Подступившія къ Москвѣ литовскія войска сильно опустошили всѣ окрестности, но взять Москвы не могли. Полученныя изъ Литвы неблагоприятныя вѣсти выручили Дмитрія и москвичей: литовцы, пользуясь отсутствіемъ Ольгерда, напали на его владѣнія. Простоявъ подъ Москвою всего три дня, Ольгердъ быстро двинулся обратно, захвативъ съ собою много плѣнныхъ и скота.

Въ 1370 году русскія войска воевали съ литовцами въ Смоленской области и тоже возвратились съ большою добычею изъ плѣнныхъ, скота и пр.

Въ томъ же году зимою Ольгердъ двинулся во второй походъ на Москву и въ декабрѣ подступилъ къ ней. Дмитрій опять не успѣлъ собрать войска и снова заперся въ кремлѣ. На этотъ разъ Ольгердъ простоялъ подъ Москвою 8 дней, разорилъ снова окрестности, сжегъ посады, но, опасаясь собираемыхъ въ тылу его русскихъ ратей, а также по полученіи опять тревожныхъ свѣдѣній изъ Литвы, заключилъ съ Дмитріемъ перемиріе и возвратился въ Литву.

Весною слѣдующаго года литовцы вновь вторгаются въ наши предѣлы и берутъ г. Торжокъ. Лѣтомъ явился въ московскихъ предѣлахъ и самъ Ольгердъ. Какъ и въ предыдущіе походы, союзникомъ его былъ Тверской князь Михаилъ. Но на этотъ разъ Дмитрій успѣлъ собрать сильное войско, двинулся съ нимъ навстрѣчу литовцамъ и разбилъ ихъ сторожевой полкъ. Затѣмъ оба войска въ сере-

динѣ іюня встрѣтились, но вмѣсто рѣшительнаго боя вожди заключили миръ и миръ странный,—всего на нѣсколько мѣсяцевъ (до Дмитріева дня—26 октября).

Всѣ эти походы Ольгердъ дѣлалъ, поддерживая Михаила Тверскаго въ его борьбѣ съ Дмитріемъ Донскимъ.

Когда въ 1377 году Ольгердъ умеръ, и въ Литвѣ временно наступила смута, Дмитрій воспользовался ею и послалъ въ литовскіе предѣлы своихъ воеводъ, гдѣ они взяли Трубчевскъ и Стародубъ и воротились съ богатою добычею.

Смута въ Литвѣ и борьба ея съ ливонцами позволили Дмитрію сосредоточить усилія Московскаго государства на борьбѣ съ татарами. Въ 1380 году въ знаменитой битвѣ на Куликовомъ полѣ татары были разбиты, что положило прочное основаніе освобожденію Руси отъ татарскаго ига.

Сынъ Дмитрія—Василій I, въ цѣляхъ упроченія мирныхъ отношеній съ Литвою, женился на дочери великаго князя литовскаго—Витовта, правившаго Литвою съ 1392 по 1430 г. Но эта родственная связь не уменьшила стремленія Витовта къ созданію огромнаго государства, въ составъ котораго должны были входить Литва, все Русское государство и даже Золотая Орда ¹⁾.

Витовтъ приходился двоюроднымъ братомъ Ягелло, соединившему въ своихъ рукахъ польскую и литовскую короны. Крещеніе Литвы по католическому обряду, предпочтеніе Ягелло къ полякамъ и выборъ Кракова королевскою резиденціею вызвали въ Литвѣ большее недовольство, которымъ и воспользовался Витовтъ. Соединившись съ тевтонскими рыцарями, Витовтъ началъ борьбу противъ Ягелло, которая окончилась отдѣленіемъ Литвы отъ Польши и признаніемъ Витовта великимъ княземъ литовскимъ.

Для выполненія грандіознаго, составленнаго Витовтомъ, плана соединенія всей Руси, Литвы и Золотой Орды, Витовтъ рѣшилъ прежде всего сокрушить могущество Золотой Орды. Онъ нашелъ себѣ союзника въ изгнанномъ Тохтамышѣ. Витовтъ обѣщалъ возвратить Тохтамышу Кипчакское царство, взамятъ чего Тохтамышъ обязывался помочь Витовту овладѣть Москвою.

Въ 1399 году Витовтъ выступилъ въ походъ противъ одного изъ потомковъ Батыя—Темиръ-Кутлука, захватившаго послѣ изгнанія Тохтамыша власть въ Золотой Ордѣ. Съ Витовтомъ шло до 50 князей, начальствовавшихъ литовскими, русскими и татарскими войсками. Кромѣ того въ походъ принимали участіе польскія, волошскія и даже нѣмецкія войска. Темиръ-Кутлукъ выступилъ навстрѣчу. На берегахъ Ворсклы (въ Полтавской губерніи), послѣ очень упорнаго боя, Витовтъ былъ разбитъ и едва спасся съ небольшою дру-

¹⁾ Н. Соловьевъ, т. IV, стр. 1041.

²⁾ Кн. Голицынъ, ч. I, стр. 198.

жиною. Первымъ далъ тылъ Тохтамышъ. Побѣда татаръ, ослабивъ Витовта, помогла Василию I рѣшиться не уступать требованіямъ Литвы.

Съ этого времени въ дѣлахъ съ Литвою русскіе князья отъ обороны пытаются перейти въ наступленіе. Уже въ 1401 году русскія войска съ Олегомъ, княземъ рязанскимъ, вторгаются въ литовскія владѣнія и овладѣваютъ Смоленскомъ. Олегъ ставитъ княземъ въ Смоленскѣ своего зятя Юрія, бывшаго и ранѣе тамъ княземъ, Витовтъ въ томъ же году тщетно добивался овладѣть имъ обратно. Въ слѣдующемъ году рязанскія войска дѣлаютъ попытку овладѣть Брестъ-Литовскомъ, но терпятъ тяжелое пораженіе. Въ отплату въ 1403 году литовцы вторгаются въ московскія земли, берутъ Вязму, но Смоленска даже послѣ 3-хъ мѣсячной осады Витовтъ не могъ взять и отступилъ, разоривъ окрестности. Когда умеръ князь рязанскій Олегъ, партія Витовта въ Смоленскѣ взяла верхъ, Юрій былъ изгнанъ ¹⁾ и Смоленскъ перешелъ опять въ руки литовцевъ.

Затѣмъ Витовтъ началъ войну съ Новгородомъ, быстро двинулся въ Псковскую область, разграбилъ ее и отступилъ. Новгородцы въ свою очередь напали на литовскія владѣнія и подступали къ Полоцку.

Василій I, державшійся въ сторонѣ въ борьбѣ съ литовцами Новгорода и князя рязанскаго Олега, наконецъ, рѣшился прервать миръ съ Литвою. Союзниками Василія въ этой борьбѣ было довольно большое число русскихъ и литовцевъ, недовольныхъ Витовтомъ и искавшихъ защиты въ Москвѣ. Въ числѣ ихъ было и нѣсколько князей. Василій I дважды съ большими силами двигался на литовцевъ, но оба раза онъ былъ встрѣченъ Витовтомъ на границѣ литовскихъ владѣній. До сраженія дѣло не доходило, и враги заключили миръ, выгодный для Литвы, ибо Смоленскъ, Вязма и другіе города оставались за Литвою.

Очевидно, разрозненныя усилія князей восточной Руси были недостаточны, чтобы вернуть отъ Литвы русскія области.

Послѣ смерти Василія I великимъ княземъ московскимъ, по завѣщанію своего отца, сталъ 10-лѣтній Василій II. Пользуясь малолѣтствомъ его, на Руси началась междуусобная борьба между удѣльными князьями и великимъ княземъ московскимъ за московскій столъ. Борьба эта приняла ожесточенный характеръ и сопровождалась разореніемъ русскихъ мѣстностей русскими по тому же образцу, какъ то продѣлывали и татары. Разбитый въ одномъ изъ походовъ, въ которомъ на противной сторонѣ принимали участіе и татары, Василій II былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ, имѣя 31 годъ отъ роду. Послѣ этого онъ княжилъ слѣпымъ еще 16 лѣтъ и оставилъ добрый слѣдъ твердымъ и справедливымъ управленіемъ и не-

¹⁾ Онъ бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ новгородцы дали въ его управленіе 13 городовъ.

уклоннымъ слѣдованіемъ завѣтамъ предковъ относительно собиранія Руси. При немъ владѣнія Москвы значительно расширились присоединеніемъ нѣсколькихъ удѣловъ.

Къ счастью для Руси, въ эти 20 лѣтъ взаимныхъ распрій Орда и Литва тоже были поглощены внутренними неурядицами и смутами и потому не могли воспользоваться ослабленіемъ Руси.

Изъ приведеннаго выше краткаго очерка борьбы съ Литвою до второй половины XV столѣтія и вступленія на московскій великокняжескій престолъ Ивана III можно сдѣлать слѣдующіе выводы.

Эта борьба представляетъ три періода. Съ начала исторіи Кіевской Руси и до половины XII вѣка литовцы тревожили русскія пограничныя мѣстности съ цѣлями грабежа и увода плѣнныхъ. Они были нападающею стороною. Въ возмездіе наши удѣльные князья вторгались въ литовскіе предѣлы, даже облагали литовцевъ данью, но какъ только уходили обратно—возобновлялись и нападенія. Съ половины XII вѣка и до начала татарскаго ига (первая половина XIII столѣтія) набѣги литовцевъ не ограничиваются пограничными мѣстностями. Значительные отряды литовцевъ проникаютъ вглубь владѣній нашихъ удѣльныхъ княжествъ (напр. до Старой Русы).— Это первый періодъ.

Второй періодъ начинается съ ослабленія Руси татарскимъ игомъ, съ середины XIII до середины XIV столѣтія. Въ этотъ періодъ, протяженіемъ около 100 лѣтъ, литовцы, сильные объединеніемъ власти въ рукахъ энергичныхъ литовскихъ князей, пользуясь ослабленіемъ Руси отъ татарскаго ига и распрями удѣльнаго періода, переходятъ въ рѣшительное наступленіе на востокъ и уже не съ цѣлями грабежа, а въ цѣляхъ присоединенія къ Литвѣ древнихъ русскихъ областей. Владѣнія Гродненскія, Полоцкія, Витебскія, Пинскія, Кіевскія, Черниговскія, Волынскія и Подольскія переходятъ подъ власть Литвы. Изъ-за Смоленска происходитъ упорная борьба: онъ переходитъ изъ рукъ въ руки.

Съ середины XIV столѣтія наступаетъ третій и послѣдній періодъ поступательнаго движенія Литвы на Русь. Не довольствуясь присоединеніемъ всѣхъ пограничныхъ западныхъ княжествъ и всей юго-западной Руси (кромѣ Галиціи), Литовскіе князья Ольгердъ и въ особенности Витовтъ задаются цѣлями не только отторженія отъ Россіи сѣверо-восточныхъ областей, но и овладѣнія Москвою и присоединенія Московскаго государства къ Литвѣ. Ольгердъ предпринимаетъ два похода къ Москвѣ. Витовтъ, задавшись цѣлью разрушить Московское государство, ставитъ первоначальною задачею своихъ дѣйствій—разрушить Золотую Орду и уже потомъ вмѣстѣ съ нею обрушиться на Москву. Какъ это ни странно звучитъ, но въ дѣйствительности побѣдою татаръ на р. Ворсклѣ надъ Ольгердомъ кончается наступательный періодъ дѣйствій Литвы, и отъ наступленія Литва переходитъ къ оборонѣ.

Несомнѣнно, что ослабленіе Литвы послѣ пораженія ея войска татарами имѣло значеніе для русскихъ князей и подвинуло ихъ на отпоръ притязаніямъ Литвы. Но главную причину поворота въ отношеніяхъ между Литвою и восточною Русью надо искать болѣе глубоко. Въ періодъ XII—XIV столѣтій Русь была слаба разрозненностью своею, отсутствіемъ твердой власти, объединяющей усилія всѣхъ къ достиженію поставленныхъ цѣлей. Въ XIII и XIV столѣтіяхъ въ Литвѣ, напротивъ того, власть была сильная и объединенная въ рукахъ великаго князя литовскаго. Въ XV столѣтіи роли мѣняются. Въ Литвѣ, соединенной временами съ Польшею, центральная власть ослабляется шляхтою, въ Московскомъ же государствѣ собраніе Руси почти заканчивается, и сильная власть сосредоточивается въ рукахъ московскихъ великихъ князей. При этой новой обстановкѣ у нашихъ великихъ князей, а затѣмъ и царей, складывается твердая и неуклонная политика по отношенію къ Литвѣ. Въ первомъ періодѣ *целью этой политики ставится отторженіе отъ Литвы древне-русскихъ областей.*

Начало наступательнаго движенія на Литву относится къ самымъ первымъ годамъ XV столѣтія. Это движеніе начинаютъ войска не московскія, а еще независимыя отъ Москвы рязанскія и новгородскія. Уже вслѣдъ за ними начинаетъ дѣйствовать и Василій Темный. Первые шаги московскаго князя не рѣшительны. Онъ дважды съ большими силами доходитъ до Литовской границы, но не отваживается вступать въ бой съ собраннымъ противъ него литовскимъ войскомъ и довольствуется заключеніемъ мира, выгоднаго болѣе литовцамъ, чѣмъ Москвѣ.

Со вступленіемъ на велико-княжескій престолъ Ивана III наши дѣйствія противъ Литвы становятся болѣе серьезными. Иванъ III не довольствуется отраженіемъ литовцевъ отъ Московскихъ предѣловъ и ставитъ своимъ воеводамъ опредѣленные цѣли *завоеванія* отъ Литвы *первоначально западно-русскихъ областей и Смоленска.*

Прослѣдимъ ниже, какія мѣры были приняты Иваномъ III и его противниками—литовскими князьями Казиміромъ и Александромъ для обезпеченія успѣха въ ихъ дѣйствіяхъ.

Уже предшественники Ивана III, постепенно объединяя Русь, въ то же время усиливали свою великокняжескую власть. Такъ, Дмитрій Донской, начальствуя войсками, выставленными отъ многихъ княжествъ, не только былъ старшій между равными, какъ то было въ удѣльной Руси, а начальствующій надъ всѣми князьями. Василій II къ концу своего княженія твердыми и разумными мѣрами прочно утвердилъ высокое положеніе Московскаго великаго князя. Иванъ III съ перваго года княженія, какъ было изложено выше, не только высоко поставилъ свою власть, но рѣзко и опредѣленно отдѣлилъ себя, какъ великаго князя, отъ прочихъ князей. Онъ *совѣщался* съ боярскою думою, но рѣшалъ направленіе го-

сударственныхъ дѣлъ единолично. Всѣ силы и средства объединенныхъ къ Москвѣ мѣстностей находились въ его непосредственномъ распоряженіи. Высоко почитая завѣты своихъ предковъ, напр. Симеона Гордаго, *слушаться старыхъ бояръ* и митрополита, онъ видоизмѣнилъ редакцію этого совѣта, замѣнивъ — *слушаться* словомъ „*выслушивать*“ мѣтніе. Онъ же былъ и верховнымъ вождемъ всѣхъ русскихъ вооруженныхъ силъ.

Задачи, которыя Иванъ III поставилъ русской военной силѣ для выполненія, преемственно были связаны съ задачами, которыя ставились и предками его: объединеніе Руси, освобожденіе отъ татарскаго ига. Но его предки довольствовались объединеніемъ къ Москвѣ другихъ самостоятельно жившихъ удѣльныхъ княжествъ, а Иванъ III, не довольствуясь этимъ, подъ понятіе „объединеніе Руси“ подводитъ и тѣ русскіе удѣлы или части ихъ, которые отошли къ Литвѣ, Польшѣ, Ливоніи и Швеціи. Онъ только не раскрываетъ сразу своихъ картъ и лишь по мѣрѣ успѣха въ перечисъ городовъ которые признавались Иваномъ III его вотчиною, прибавлялись новые города, ранѣе не упоминавшіеся.

Въ вопросѣ объ освобожденіи отъ монгольскаго ига, Иванъ III тоже идетъ много дальше своихъ предшественниковъ. Тѣ добивались не платить дани татарамъ и оградить пограничныя области отъ татарскихъ набѣговъ; Иванъ III постепенно задается цѣлью не только освободиться отъ татарскаго ига, но и подчинить своей власти часть Золотой Орды—Казанское царство.

Начиная борьбу за присоединеніе къ Москвѣ отошедшихъ къ Литвѣ русскихъ удѣловъ, Иванъ III находилъ прежде всего опору въ многочисленныхъ князьяхъ и боярахъ, бѣжавшихъ изъ этихъ удѣловъ подъ защиту Московскаго великаго князя. Сочувствовало планамъ Ивана III относительно Литвы и все населеніе пограничныхъ мѣстностей, таяко страдавшихъ отъ вторженій литовцевъ. О томъ общемъ сочувствіи во всемъ населеніи къ планамъ Ивана III относительно Орды и Казани уже было изложено въ предыдущей главѣ. Духовенство, какъ и въ борьбѣ съ татарами, поддерживало Ивана въ борьбѣ съ Литвою по религіознымъ побужденіямъ, ибо борьба съ Литвою и Польшею была борьбою не только за освобожденіе коренныхъ русскихъ удѣловъ изъ-подъ власти Литвы, но и за воссоединеніе православнаго населенія этихъ удѣловъ, угрожаемыхъ латинствомъ и униєю, съ московскою православною Русью.

По отношенію къ единству власти противники Ивана III въ Литвѣ и Польшѣ находились въ худшихъ условіяхъ. Въ 1470 году Казиміръ, король польскій и великій князь литовскій, подъ давленіемъ польскихъ дворянъ подписалъ грамоту, подтверждавшую всѣ права ихъ, ранѣе ими отвоеванныя у польскихъ королей. Этимъ Казиміръ ставилъ себя въ полную зависимость отъ сеймовъ. Безъ нихъ онъ не могъ ни начинать войны, ни получать для войны нуж-

ныя средства. Нашъ историкъ Н. Соловьевъ пишетъ про Казимира: „Могъ ли король, зависѣвшій во всемъ отъ сеймовъ, успѣшно бороться съ великимъ княземъ московскимъ, который по произволу располагалъ силами своего государства“¹⁾.

Положеніе Московской Руси при Иванѣ III, какъ мы видѣли выше, было трудное: враги окружали Русь со всѣхъ сторонъ. Главнымъ изъ нихъ были татары, и на нихъ Иванъ III и обратилъ свои первые удары. Только произведя на Казань 6 походовъ, ослабивъ Казань, Иванъ III признаетъ возможнымъ начатъ первую войну съ Литвою (въ 1492 году).

Но Казимиръ не могъ съ выгодною для себя воспользоваться отвлеченіемъ силъ московскихъ на востокъ, хотя и дѣлалъ попытки пользоваться каждымъ затруднительнымъ положеніемъ своего противника. Причиною тому было отвлеченіе силъ и заботъ Казимира на западъ.

Съ 1471 года на чешскій престолъ былъ избранъ Владиславъ, сынъ Казимира. Но это избраніе произошло при такихъ условіяхъ, что требовалась поддержка военныхъ силъ Казимира, чтобы утвердить сына своего на чешскомъ престолѣ. Характернымъ для славянскаго государства было разногласіе представителей чешскаго народа относительно избранія короля послѣ смерти Юрія Подебрада. На избирательномъ сеймѣ проводили одновременно пять кандидатовъ, и хотя одолѣла партія, дававшая голоса за Владислава, но у него главнымъ противникомъ былъ король венгерскій Матвѣй, не покидавшій своихъ притязаній и послѣ рѣшенія сейма. Кромѣ того, чешскія владѣнія опустошались въ это время одинъ изъ нѣмецкихъ маркграфовъ. При этихъ условіяхъ Владиславу приходилось ѣхать въ Прагу во главѣ значительнаго отряда польскихъ войскъ.

Затѣмъ въ Венгріи вспыхнуло возстаніе противъ короля Матвѣя Корвина, и возставшая партія просила Казимира дать другого его сына въ короли венгерскіе. Интересно, что эта партія угрожала Казимиру, что если онъ не исполнитъ ихъ просьбы, то они передадутся туркамъ. Значительное войско польско-литовское было двинуто въ Венгрію во главѣ съ другимъ сыномъ Казимира, и хотя походъ былъ неудаченъ, но силы Польши были отвлечены отъ московскихъ дѣлъ. Эти затрудненія, какъ мы видѣли выше, помѣшали Казимиру подать помощь Новгороду, который за помощь польскаго короля противъ Москвы готовъ былъ подчиниться Казимиру. Затрудненія съ венграми продолжались и позже. Кромѣ того, Казимиръ долженъ былъ готовиться къ походу въ Пруссію.

Такимъ образомъ, если Иванъ III былъ отвлеченъ дѣлами на востокъ, то Казимиръ отвлеченъ дѣлами на западъ. Казимиръ имѣлъ союзникомъ противъ Ивана III хана Золотой Орды Ахмата, Иванъ III

¹⁾ Н. Соловьевъ, т. V, стр. 144.

имѣлъ тоже союзника, и притомъ испытаннаго,—Менгли-Гирея. Не довольствуясь этимъ, Иванъ III вступилъ въ дружественныя сношенія съ врагомъ Казимира венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвинымъ, искалъ союза съ германскимъ императоромъ Максимилианомъ и заключилъ родственный союзъ съ молдавскимъ господаремъ Стефаномъ Великимъ.

✓ Въ самой Литвѣ Иванъ III искалъ приверженцевъ и находилъ ихъ.

Въ отношеніи умѣнія пользоваться союзниками и благопріятною обстановкою Иванъ III былъ выше своихъ противниковъ.

Относительно вооруженныхъ силъ обѣихъ сторонъ можно указать, что по численности польско-литовскія войска были многочисленнѣе московскихъ и заключали въ себѣ конныя части по образцу рыцарскихъ съ отличною боевою репутаціею, но пѣхота до Стефана Баторія была слаба, и вообще въ періодъ Казимира и Александра польско-литовскія войска были въ упадкѣ. Не могла и московская Русь выставить въ поле что либо кромѣ ополченій, часто храбрыхъ, но почти не обученныхъ и хуже польско-литовскихъ войскъ организованныхъ и подготовленныхъ. Но походы подъ Казань и непрерывная боевая пограничная служба должны были выработать много начальствующихъ лицъ съ обширнымъ боевымъ опытомъ.

Какъ будетъ изложено ниже, боевыя столкновения русскихъ войскъ съ польско-литовскими велись съ перемѣннымъ успѣхомъ.

При очерченныхъ выше условіяхъ понятнымъ становится то странное положеніе, которое въ теченіе многихъ лѣтъ занимали одинъ противъ другого московскій великій князь и польскій король. Неизбѣжность вооруженной борьбы при сложившейся политической обстановкѣ признавалась каждымъ изъ нихъ; поводовъ къ разрыву было очень много, и тѣмъ не менѣе правители Московіи и польско-литовскаго королевства, въ опасеніи другъ друга, испытывали разныя средства, чтобы только избѣжать открытаго вооруженнаго столкновения. Однимъ изъ этихъ средствъ было выпусканіе на Москву Ахмата, а на Литву Менгли-Гирея. Ивану III и Казимиру удалось оттянуть открытый разрывъ на 20 слишкомъ лѣтъ, пока Иванъ III, со смертію Казимира, не призналъ, что настала благопріятная мицута для нападенія на Литву.

Ранѣе очерка борьбы Московскаго государства съ Литвою необходимо привести краткую справку о присоединеніи къ Москвѣ Новгорода, ибо борьба съ Литвою при Иванѣ III и начинается изъ за вопроса: владѣть Новгородомъ Литвѣ или Москвѣ?

Во все продолженіе исторіи вольнаго города Новгорода руководство мѣстною политическою жизнью принадлежало боярамъ, представителямъ нѣсколькихъ знатныхъ торговыхъ домовъ, сильныхъ своимъ богатствомъ. Изъ нихъ вѣче выбирало тысяцкихъ и изъ нихъ выбирались члены новгородскаго правительственнаго совѣта, который давалъ направленіе политической жизни.

Распри между новгородскими князьями прикрывали въ сущности борьбу между собою новгородскихъ торговыхъ домовъ ¹⁾. ↵

Съ XIV вѣка прекращается частая смѣна князей и внутреннія усобицы приобрѣтають другой характеръ, а именно характеръ борьбы поработенныхъ низшихъ классовъ съ высшими. Борьба торговыхъ фирмъ превращается въ борьбу общественныхъ классовъ. Въ этой борьбѣ во главѣ низшихъ классовъ тоже стояло нѣсколько бояръ.

Отсутствіе единства и слабая военная организація облегчили Ивану III завоеваніе Новгорода.

Поводомъ къ начинавшейся вооруженной борьбѣ между Московскою Русью и Литвою послужили притязанія Литвы на Новгородскій удѣлъ.

Ко времени вступленія на московскій престолъ Ивана III отношеніе Новгорода къ Московскому и Литовскому государствамъ было слѣдующее:

Въ Новгородѣ сознавали, что, находясь между двумя сильными государствами—Московскимъ и Литовскимъ, Новгороду не удержать своей независимости; поэтому новгородцамъ приходилось выбирать между Литвою и Москвою. Въ то время и литовскій князь назывался русскимъ. Къ нему обращались за защитою князья изъ сѣверо-восточной Руси, недовольные, лишенные отчины, угрожаемые князьями московскими. ↵

Литовскіе князья не разъ предлагали свое покровительство и Новгороду, но ихъ предложенія были отвергаемы. Главными причинами тому было иновѣрство литовцевъ. Да и опасность отъ Москвы еще не была велика. Но, послѣ похода на Новгородъ Василя Темнаго и въ Новгородѣ явилась партія, стоявшая за подчиненіе Литвѣ. Эта партія особенно усилилась, когда со вступленіемъ на московское княженіе Ивана III онъ открыто сталъ признавать Новгородъ „своею отчиною“ ↵

Во главѣ литовской партіи стали Борецкіе, дѣти умершаго посадника Исака Борецкаго. Вдова покойнаго Исака Марфа забрала управленіе дѣлами въ свои руки. Начались обиды московскимъ посламъ. Московскихъ людей судили не по договору, заключенному съ княземъ Василюмъ. Наконецъ, на сосѣднія московскія волости стали производиться нападенія пограничныхъ новгородскихъ людей.

Иванъ III, занятый борьбою съ татарами, долгое время старался окончить дѣло миромъ безъ похода на Новгородъ. Въ обращеніи къ новгородцамъ однако Иванъ III не дѣлалъ уступки и, отвергая ихъ вольность, твердо считалъ Новгородъ своею отчиною. Онъ имъ приказывалъ такъ: „Исправьтесь, *отчина моя*, сознайтесь, въ земли и воды мои не вступайтесь, имя мое держите честно и грозно по старинѣ, ко мнѣ посылайте бить челомъ по докончанію, а я васъ, свою отчину, жаловать хочу и въ старинѣ держу“.

¹⁾ В. Ключевскій, ч. I, стр. 254.

Въ концѣ 1470 года пріѣхалъ въ Новгородъ выпрошенный литовскою партіею литовскій князь Олельковичъ съ большою свитою и былъ принятъ съ честью. Его пріѣздъ вызвалъ горячую борьбу двухъ партій—литовской и московской. Въ литовской партіи было больше именитыхъ и богатыхъ людей. Подкупомъ толпы эта партія добилась на вѣчь побѣды литовской партіи. Вѣчники начали звонить въ колокола и кричать: „хотимъ за короля“ и бросать камнями въ тѣхъ, которые хотѣли остаться за московскимъ княземъ. Отправленные къ королю Казимиру послы заключили съ нимъ договоръ. По этому договору, съ признаніемъ подчиненности Новгорода литовскому королю, выговорена была помощь Казимира литовскимъ войскомъ противъ московскаго князя, если бы онъ пошелъ на Новгородъ и, что обращаетъ особое вниманіе, признаніе новгородцевъ попрежнему „вольными людьми“.

На такой договоръ Иванъ III могъ отвѣтить только походомъ къ Новгороду. Созванная имъ дума не только сочувственно отнеслась къ рѣшенію Ивана идти походомъ на Новгородъ, но торопила этимъ походомъ. Многіе князья были очень озлоблены противъ новгородцевъ, въ особенности по побужденіямъ религіознаго характера. Лѣтописецъ при описаніи похода 1471 года пишетъ: „Невѣрные изначала не знаютъ Бога; а эти новгородцы столько лѣтъ были въ христіанствѣ и подконецъ начали отступать къ латинству; великій князь пошелъ на нихъ не какъ на христіанъ, но какъ на иноязычниковъ и на отступниковъ отъ православія“¹⁾.

Московскому князю приходила помощь со всѣхъ сторонъ. Умѣлыми дѣйствіями Иванъ III привлекъ на свою сторону и псковичей: Новгороду помощи ни откуда не было. Казимиръ, занятый своими дѣлами, договора не выполнялъ и помощи не давалъ.

Новгородцы выставили противъ московскихъ отрядовъ, двинутыхъ къ Новгороду и весьма немногочисленныхъ, случайное войско, не обученное, плохо вооруженное и не дисциплинированное. Приверженцы Литвы силою выгнали въ походъ плотниковъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ, которые отроду и на лошадь не саживались; кто не хотѣлъ идти,—тѣхъ грабили, били, бросали въ Волховъ. Собрали такимъ образомъ до 40,000 чел. Начальствовалъ этою ратью Борецкій.

Въ передовомъ отрядѣ Ивана III было только 4,000 чел. Иванъ приказалъ этому отряду отступить на соединеніе съ псковичами. Но московскіе воеводы, съ княземъ Холмскимъ во главѣ, рѣшили отступить отъ приказанія Ивана III, переправились черезъ рѣку Шелонь²⁾, напали на новгородцевъ и нанесли имъ полное пораженіе. Новгородцы потеряли только убитыми 12,000 человекъ.

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1361.

²⁾ Вблизи устья р. Иловени, впадающей въ р. Шелонь.

Новгородъ долженъ былъ подчиниться Москвѣ, но сохранить еще большую самостоятельность.

Казиміръ Литовскій не могъ оказать помощи Новгороду потому, что былъ поглощенъ борьбою на западѣ: онъ долженъ былъ посылать помощь сыну своему Владиславу Чешскому противъ венгровъ и готовиться въ походъ въ Пруссію ¹⁾).

Новгородцы смирились, но когда ханъ Золотой Орды Ахматъ, въ соединеніи съ Казиміромъ Литовскимъ, грозилъ нашествіемъ на Москву, литовская партія подняла снова голову и начала тайныя сношенія съ Казиміромъ и ливонскими рыцарями. Неразборчивость въ средствахъ дошла до того, что представители литовской партіи просили у папы денежной помощи. Папа назначилъ на военныя издержки сборъ со всѣхъ церковей польскихъ и литовскихъ. Такимъ образомъ, православной церкви въ Новгородѣ угрожала опасность.

Чтобы предупредить Казиміра, Иванъ III двинулся въ 1477 г. къ Новгороду и, благодаря значительной московской партіи, послѣ небольшого обстрѣливанія города, легко овладѣлъ имъ. 100 главныхъ заговорщиковъ были подвергнуты смертной казни и 100 семей боярскихъ высланы въ низовые города.

Великій Новгородъ потерялъ на всегда свою самостоятельность.

Вслѣдъ за Новгородомъ были присоединены къ Москвѣ подчиненные Новгороду Вятка и Псковъ. ²⁾

Но и кромѣ борьбы изъ-за Новгорода поводовъ къ столкновенію между Москвою и Литвою было много. Укажемъ въ числѣ ихъ на слѣдующіе: мелкіе пограничные князья, особенно потомки черниговскихъ князей, находились въ зависимости одни отъ Москвы, другіе отъ Литвы. Они безпрестанно ссорились, нападали другъ на друга и побѣжденные жаловались то въ Москву, то въ Литву и переходили изъ литовскаго въ московское подданство и обратно. Въ числѣ пограничныхъ князей упоминаются: Одоевскіе, Глинскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе и другіе. Напримѣръ, Казиміръ черезъ особаго посла просилъ возвратить къ нему въ подданство князей Воротынскаго и Бѣлевскаго, которые отдались съ своими вотчинами Москвѣ. Иванъ III отвѣчалъ: „Вѣдомо королю самому, что нашимъ предкамъ великимъ князьямъ, да и литовскимъ великимъ князьямъ, князья Одоевскіе и Воротынскіе на обѣ стороны служили съ отчинами, а теперь эти наши слуги старые къ намъ пріѣхали служить съ своими отчинами,—такъ они наши слуги“ ²⁾).

Предметомъ сношеній между Москвою и Литвою при Иванѣ III были также жалобы съ обѣихъ сторонъ на пограничные разбои, разореніе, даже захватъ волостей одними князьями у другихъ; гра-

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1445.

²⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1447.

били и разбойники, грабили владѣнія своихъ противниковъ и князья.

Такъ, Казиміръ жаловался, что Воротынской, передавшись въ подданство Москвѣ, захватилъ городъ Серенскъ и три другія литовскія волости. Онъ же просилъ, чтобы Иванъ III не вступался за городъ Козельскъ, на который есть особая грамота. Иванъ III отвѣчалъ, что Козельскъ во всѣхъ грамотахъ записанъ за Москвой. „Король жаловался на опустошеніе русскими Торонецкихъ, Дмитровскихъ и другихъ волостей, ему отвѣчали жалобами на опустошеніе литовскими людьми Калужскихъ, Мединскихъ и Новгородскихъ волостей“.

Насколько пограничныя мѣстности были поставлены въ тяжелое положеніе неопредѣленностью отношеній къ сильнымъ сосѣдямъ, видно изъ того, что напримѣръ Великія Луки платили дань въ Литву и Новгороду, а съ нѣкоторыхъ ржевскихъ волостей дань шла въ Новгородъ, въ Литву и Москву¹⁾.

Съ подчиненіемъ Новгорода Ивану III намѣстники московскіе выгнали изъ Ржева чиновниковъ Казиміровыхъ. Король, лишившись доходовъ, жаловался Ивану, на что Иванъ III отвѣчалъ: „Луки Великія и Ржева—вотчина наша, Новгородская земля, и мы того не вѣдаемъ, какимъ обычаемъ король наши волости, вотчину нашу зоветъ своими волостями; король въ наши волости, въ Луки Великія и Ржеву, и въ нныя мѣста новгородскія, въ нашу отчину, не вступался бы“²⁾.

Иванъ III въ свою очередь жаловался на притѣсненія въ литовскихъ областяхъ московскихъ купцовъ. Казиміръ отвѣчалъ жалобами, что недалеко отъ Москвы были побиты и ограблены купцы смоленскіе.

Очевидно, что при существовавшихъ отношеніяхъ между Москвою и Литвою, каждый изъ вышеприведенныхъ случаевъ накапливалъ взаимное неудовольствіе и могъ послужить поводомъ къ разрыву.

Не смотря на многочисленность поводовъ къ разрыву, Иванъ III въ теченіе тридцати лѣтъ своего княженія—съ 1462 по 1492 годъ, занятый борьбою съ Казанью и внутренними дѣлами по объединенію Руси, не объявлялъ войны Литвѣ. Не желалъ открытаго разрыва и Казиміръ. Но, оставаясь во 2-й линіи, оба они пускали впередъ своихъ союзниковъ: Казиміръ—Ахмата Золотой Орды, Иванъ III—Менгли-Гирея Крымскаго.

Выше въ IV-й главѣ изложено, сколько бѣдъ надѣлали внутреннимъ русскимъ областямъ и даже окрестностямъ Москвы вторженія въ 1476 и затѣмъ 1480 г. Ахмата. Войска двухъ сторонъ только

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1447.

²⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1447.

стояли другъ противъ друга, а страдало мирное населеніе. При борьбѣ въ такой странной формѣ мы потеряли изъ мирнаго населенія столько убитыми и уведенными въ плѣнъ, что самые рѣшительные бои постоянного типа арміи дали бы въ результатъ меньшія потери.

Въ 1480 году въ то время, какъ Ахматъ, подговариваемый Казиміромъ, шелъ къ Москвѣ,—Менгли-Гирей, подговариваемый Иваномъ III, вторгнулся въ Подолію.

Московскіе послы, убѣждая Менгли-Гирей дѣйствовать противъ Литвы, каждый разъ обѣщали, что это будутъ *совмѣстныя* дѣйствія съ Иваномъ III, но въ дѣйствительности до 1492 года Иванъ и не имѣлъ намѣренія открыто разрывать съ Литвою. Въ объясненіяхъ Менгли-Гирею, почему Иванъ не пошелъ съ войскомъ лично, находились уважительныя причины, напримѣръ неготовность „наряда“ (осаднаго парка).

Такъ и въ 1482 году Менгли-Гирей снова вторгнулся въ литовскіе предѣлы безъ одновременнаго открытія военныхъ дѣйствій со стороны Москвы. На этотъ разъ Иванъ III черезъ своего посла Кутузова предлагалъ Менгли-Гирею на выборъ: вторженіе въ Подолію или въ Кіевскую землю. Послу было приказано: „Если Менгли-Гирей спроситъ: „Я иду на короля; великій князь идетъ ли?“—то отвѣчать: „Захочешъ свое дѣло дѣлать, пойдешъ на короля, сдѣлаешъ доброе дѣло; когда дашь объ этомъ знать господарю моему, то онъ съ тобой одинъ человекъ на короля; и твое дѣло и свое дѣлаетъ, какъ ему Богъ поможетъ“. Изъ этого уклончиваго отвѣта видно, что Иванъ, возбуждая хана на Казиміра, самъ не хотѣлъ вступать съ послѣднимъ въ открытую войну, не хотѣлъ первый начинать ея“¹⁾.

Менгли-Гирей послушался и выбралъ ударъ на кіевскую землю. Вотъ какъ историкъ отзывается объ этомъ походѣ: „Менгли-Гирей послушался, овладѣлъ Кіевомъ, увелъ въ плѣнъ жителей, другіе захопнулись въ пещерахъ, Печерскую церковь и монастырь разграбилъ и изъ добычи прислалъ въ Москву великому князю золотой дискосъ и потиръ изъ Софійскаго собора“²⁾.

Иванъ III въ походъ не тронулся. Такимъ образомъ, союзники, какъ Москвы, такъ и Литвы, въ сущности опустошали русскія земли. Казиміръ, желая отвлечь вниманіе и силы Ивана III отъ Литвы, посылалъ на него Ахмата. Иванъ III, желая отвлечь вниманіе и силы Казиміра отъ московскихъ дѣлъ, посылалъ на Литву Менгли-Гирея. Но въ обоихъ случаяхъ войска московскія и литовскія защищали вполне недостаточно мѣстности, въ которыя вторгались татары Ахмата и Менгли-Гирея и поэтому только мирное населеніе

¹⁾ Соловьевъ т. V, стр. 1443—1444.

²⁾ Тоже, стр. 1443.

тяжко расплачивалось за выжидательную политику правителей Литвы и Москвы.

Выступая защитникомъ православія въ Литвѣ, Иванъ III въ то же время посылалъ на православныхъ Подолін и Кіева татарскія орды. Онъ признавалъ, повидимому, въ порядкѣ вещей добиваться постройки домовой православной церкви для своей дочери въ Вильнѣ и въ то же время переносить спокойно разоренія въ признаваемой имъ своей *Кіевской „вогчинь“* такой святыни, какъ Кіево-Печерская церковь и монастырь.

И все это вынесло на своихъ плечахъ многострадальное русское племя ранѣе, чѣмъ объединилось въ XVIII столѣтіи въ могучее Россійское государство.

ПЕРВАЯ ВОЙНА СЪ ЛИТВОЮ.

Въ 1492 году умеръ король Казиміръ и Польша снова раздѣлилась съ Литвою. Литва досталась сыну Казиміра—Александру.

Иванъ призналъ, что наступила благопріятная минута напасть на Литву и послалъ союзнику своему Менгли-Гирею новую просьбу напасть на Кіевъ. Въ то же время московскіе воеводы открыли въ пограничныхъ мѣстностяхъ военныя дѣйствія противъ литовцевъ. Началась первая война съ Литвою.

Города Мценскъ и Любутскъ были взяты и сожжены, а намѣстники литовскіе, бояре и много народу уведены въ плѣнъ. Другой отрядъ взялъ города Хлѣпень и Рогачевъ. Литовцы защищались слабо. Не приготовившись къ войнѣ одновременно противъ Москвы и крымскаго хана, Александръ путемъ брака съ дочерью Ивана III надѣялся добиться мира. Переговоры начались, но москвичи твердо стояли на томъ, что, ранѣе заключенія мира, свадьбъ не бывать.

Военныя дѣйствія поэтому не прерывались. Городъ Серѣнскъ былъ взятъ съ бою, разграбленъ и сожженъ; сожженъ также городъ Опаковъ. Другіе воеводы, въ томъ числѣ Данило Щеня, взяли Вязьму.

Между тѣмъ въ самой Москвѣ были открыты слѣды заговора на жизнь Ивана III лицами литовской партіи. Историкъ пишетъ: „скоро потомъ гнѣздо литовскихъ недоброжелателей было окончательно истреблено въ Москвѣ: въ январѣ 1493 года на Москвѣ-рѣкѣ въ клѣткѣ были сожжены князь Иванъ Лукомскій да Матвѣй Полякъ, толмачъ латинскій; послалъ князя Лукомскаго въ Москву еще король Казиміръ, взявши съ него клятву, что или убьетъ великаго князя Ивана III, или ядомъ окормитъ, и ядъ свой къ нему прислалъ, который былъ вынутъ и послужилъ уликой“¹⁾.

Въ 1494 году въ Москву прибыло отъ Александра большое но-

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1452.

сольство и былъ заключенъ договоръ, выгодный для Москвы. Но достигнутый успѣхъ не былъ сколько-нибудь рѣшительнымъ. Только по окончаніи войны Иванъ III согласился на обрученіе своей дочери съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Александръ не принуждалъ жены своей перемѣнить вѣру, въ чемъ была дана грамота. Но этого обѣщанія великій князь литовскій не сдержалъ. Православные въ Литвѣ притѣснялись и даже Еленѣ дѣлались препятствія въ исповѣданіи православной вѣры, напр., не разрѣшалось построить домовую церковь. Все это вызывало недовольство православнаго населенія Литвы (въ бывшихъ русскихъ областяхъ). Отъ Александра начали отлагаться одинъ за другимъ города Черниговъ, Рыльскъ, Стародубъ, Новоградъ-Волынскъ и другіе.

На границахъ снова начались мелкія боевыя столкновенія между подданными двухъ государствъ. И снова начались частыя сношенія между Иваномъ III и Александромъ съ взаимными упреками. Между прочимъ Иванъ III упрекалъ Александра, что тотъ возбуждаетъ противъ него сыновей Ахмата (Золотую Орду) и Швецію. Александръ отвѣчалъ упрекомъ, что Иванъ III поддерживаетъ его враговъ—Менгли-Гирея Крымскаго и Стефана Молдавскаго. Однако, когда Иванъ III приказалъ дать знать Александру, что Стефанъ Молдавскій и Менгли-Гирей Крымскій не прочь отъ мира съ Литвою, тотъ отвѣчалъ, что тестъ все говоритъ только о своихъ дѣлахъ, а молчитъ о томъ, какія обиды литовскіе люди терпятъ отъ московскихъ; что если тестъ хочетъ, чтобъ онъ былъ въ мирѣ съ Крымомъ и Молдавіею, то пусть Стефанъ и Менгли-Гирей вознаградятъ его за всѣ прежнія обиды ¹⁾.

Но посредничество въ этомъ дѣлѣ Ивана было не искреннее. Посоль къ Менгли-Гирею ѣхалъ съ наказомъ: „Беречь накрѣпко, чтобы Менгли-Гирей съ великимъ княземъ не мирился“.

Ближайшимъ поводомъ къ новому разрыву съ Литвою послужили жалобы православныхъ подданныхъ Литвы, все по причинѣ гоненія за вѣру. Иванъ III послалъ Александру Литовскому „*складную грамоту*“, т. е. объявленіе войны. Началась *вторая* война съ Литвою.

Въ 1499 году одновременно войска Ивана III съ востока и отряды Менгли-Гирея съ юга вторглись въ литовскія земли. Литовцы защищались слабо, русскіе овладѣли нѣсколькими городами. Успѣхъ тѣмъ не менѣе не былъ сколько-нибудь рѣшительнъ и война возобновилась черезъ пять лѣтъ. На этотъ разъ война велась одновременно противъ Литвы и Ливонскаго ордена, явившагося союзникомъ Литвы. Русскіе двинулись въ трехъ направленіяхъ: 1) отъ Мценска на Брянскъ-Путивль и далѣе во владѣніе Сѣверскихъ князей, 2) на Дорогобужь, 3) съ сѣвера Новгородская и Псковская рати на Торонецъ.

Крымскіе татары вторглись въ Подолію и Волынь. Мы овладѣли

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1461.

Дорогобужемъ, Торопцомъ. Сѣверскіе князья присягнули Ивану III, но московскія войска Смоленска взять не могли.

Изъ военныхъ событій этой войны заслуживаютъ особаго вниманія дѣйствія тверской рати, силою около 40,000 чел. Эта рать, подъ начальствомъ князя Данила Щени, двинулась къ Дорогобужу, гдѣ и встрѣтилась съ литовскимъ войскомъ силою тоже около 40,000, подъ начальствомъ князя Острожскаго. Болотистая рѣчка въ окрестностяхъ города Дорогобужа раздѣляла войска двухъ сторонъ. Князь Щеня на манеръ татарскихъ вождей произвелъ ложное отступленіе. Литовцы перешли мостъ и вступили въ бой съ отступавшими войсками. Бой велся упорный. Участъ боя рѣшилъ засадный полкъ, который ударилъ въ тылъ литовцамъ, разрушивъ мостъ; литовцы обратились въ бѣгство, потеряли до 8,000 убитыми и утонувшими и массу плѣнныхъ. Въ числѣ ихъ находился и кн. Острожскій. Артиллерія и обозъ тоже достались побѣдителямъ.

Кн. Острожскій принялъ присягу на русское подданство, но 14 лѣтъ спустя измѣнилъ и оплатилъ русскимъ пораженіемъ ихъ на берегахъ р. Днѣпра ¹⁾.

Заслуживаетъ также вниманія, что главнымъ воеводою собственно въ московскомъ войскѣ, двинутомъ на Мценскъ, былъ татаринъ ханъ Магметъ-аминъ.

Новгородскія войска въ концѣ 1501 года подъ Мстиславомъ тоже одержали побѣду надъ литовскими войсками, потерявшими только убитыми 7,000 человекъ.

Подъ Смоленскъ ходилъ съ ратью сынъ Ивана III Дмитрій, но успѣлъ овладѣть только г. Оршею и разорить литовскія земли.

Сыновья Менгли-Гирея съ коннымъ войскомъ въ 15,000 въ августѣ 1499 г. вторгнулись въ Подолію и Волинь, сожгли нѣсколько городовъ, взяли много плѣнныхъ и большую добычу.

Въ январѣ 1501 года въ Москву пріѣхалъ посолье Владислава, короля венгерскаго и чешскаго, съ ходатайствомъ своимъ и брата своего Яна-Альберта, короля польскаго, за Александра Литовскаго. Ивана III убѣждали, что всѣ христіанскіе государи Европы должны соединиться противъ общихъ враговъ—турокъ. Папа Александръ VI тоже писалъ Ивану III, что родъ турецкій не перестаетъ наступать на христіанство и вводитъ его въ крайнюю пагубу, и что въ такихъ обстоятельствахъ всѣмъ христіанскимъ правителямъ надобно быть въ согласныхъ мысляхъ ²⁾.

Дочь Ивана III Елена, великая княгиня литовская, тоже усердно хлопотала о мирѣ и убѣждала отца прекратить войну. Противно упрекамъ Ивана III Александру на религіозныя утѣшенія его дочери, Елена писала, что она свободно держитъ вѣру

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 89.

²⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1472.

христіанскую греческаго обычая и прибавляла: „Государь мой король, его мать, братья короля, зятя и сестры и паны радные и вся земля,—всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а теперь видать всѣ, что со мною одно лихо къ нимъ вышло: война, рать, взятіе и сожженіе городовъ и волостей, разлитіе крови христіанской, жены вдовами, дѣти сиротами, полонъ, крикъ, плачь, вопль! Таково жалованіе и любовь твоя ко мнѣ! По всему свѣту поганство радуется, а христіанскіе государи не могутъ надивиться и тяжко жалуются: отъ вѣка, говорятъ, не слыхано, чтобы отецъ своимъ дѣтямъ бѣды причинялъ. Если, государь батюшка, Богъ тебѣ не положилъ на сердце меня, дочь свою, жаловать, то зачѣмъ меня изъ земли своей выпустилъ и за такого брата своего выдавалъ? Тогда и люди бы пзъ-за меня не гибли и кровь христіанская не лилась. Лучше бы мнѣ подъ ногами твоими въ твоей землѣ умереть, нежели такую славу о себѣ слышать; всѣ одно только и говорятъ: для того онъ отдалъ дочь свою въ Литву, чтобъ тѣмъ удобнѣе землю и людей высмотрѣть. Смилуйся, возьми по старому любовь и дружбу съ братомъ и зятемъ своимъ! Если же надо мною не смилуешься и прочною дружбою съ моимъ государемъ не свяжешься, тогда уже сама уразумѣю, что удержишь гнѣвъ не на него, а на меня, не хочешь, чтобъ я была въ любви у мужа, въ чести у братьевъ его, въ милости у свекрови, и чтобъ подданные наши мнѣ служили“¹⁾.

Въ главѣ III мы видѣли, что Иванъ III остался глухъ къ призыву папы и королей венгерскаго и польскаго идти на турокъ въ защиту вѣры христіанской и, напротивъ того, черезъ Менгли-Гирея завязалъ дружественныя сношенія съ султаномъ; но Иванъ III очень искусно воспользовался уговорами, шедшими къ нему со всѣхъ сторонъ, заключить миръ и, послѣ долгихъ переговоровъ, въ 1503 году было заключено перемиріе на шесть лѣтъ, выгодное для московскаго государства: *19 городовъ и 70 волостей отъ Литвы отошли къ Москвѣ*. Въ числѣ городовъ къ Москвѣ отошли Черниговъ, Путивль, Новгородъ-Сѣверскій, Гомель, Мценскъ, Дорогобужъ, Торопецъ.

Война тянулася около трехъ лѣтъ.

ВОЙНЫ СЪ ЛИТВОЮ ПРИ ВАСИЛІИ III.

Василій III продолжалъ,—въ теченіе 28 лѣтняго своего княженія (съ 1505 по 1533 г.), политику своего отца Ивана III. Онъ дѣлалъ походы къ Казани и велъ борьбу съ Литвою.

Послѣ смерти князя литовскаго Александра Василій III сдѣ-

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1473—1474.

лалъ попытку мирнымъ путемъ добиться соединенія Московской Руси съ Литвою при посредствѣ вдовы Александра, своей сестры Елены, и сообщилъ объ этомъ планѣ литовскому правительству. Но этотъ планъ не удался. На литовскомъ сеймѣ въ 1506 году былъ избранъ Сигизмундъ, братъ Александра, а въ слѣдующемъ году польскій сеймъ выбралъ Сигизмунда и польскимъ королемъ. Такимъ образомъ, противъ Василия III могли быть направлены объединенныя не только литовскія, но и польскія военныя силы и средства.

Обстановка и въ другихъ отношеніяхъ слагалась неблагопріятно для Василия: престарѣлый Менгли-Гирей, бывшій вѣрнымъ союзникомъ Ивана III, при Василии III началъ склоняться на сторону Литвы. Походъ Василия III противъ Казани окончился неудачею.

При такихъ обстоятельствахъ Сигизмундъ надѣялся на уступчивость со стороны Василия и отправилъ къ нему пословъ. Но, несмотря на опасность отъ враговъ съ трехъ сторонъ, Василий III не только не согласился на возвращеніе областей, присоединенныхъ къ Московскому государству въ 1503 году, въ княженіе его отца, но рѣшилъ добиваться продолженія завѣщанной ему отцомъ задачи: отторженія отъ Литвы Кіевской земли и Волыни. Мирнаго соглашенія при такихъ условіяхъ достигнуто быть не могло, и споръ по этому пришлось рѣшать оружіемъ.

Вопросъ о войнѣ или о мирѣ со стороны Литвы былъ рѣшенъ на Виленскомъ сеймѣ 2 февраля 1507 года. Одобривъ войну съ Москвою, сеймъ постановилъ собрать для сего войска къ Св. Пасхѣ, чтобы Василий III не предупредилъ вторженіемъ въ Литву.

Благопріятнымъ обстоятельствомъ для Василия III при началѣ борьбы была передача на русскую сторону литовскаго князя Михаила Глинскаго, самаго вліятельнаго изъ литовскихъ вельможъ, управлявшаго при князѣ Александрѣ всѣми литовскими дѣлами и имѣвшаго свою многочисленную въ Литвѣ партію.

Борьба велась съ обѣихъ сторонъ нерѣшительно, хотя силы для борьбы собирались значительныя.

Нельзя опредѣленно указать окончаніе одной изъ войнъ и начало слѣдующей. Историкъ кн. Голицынъ считаетъ, что это была одна война, тянувшаяся съ перерывами въ теченіе 25 лѣтъ (съ 1507 по 1532 г.) Послѣ смерти Ивана III и Александръ Литовскій признавалъ время удобнымъ, чтобы начать войну. Колебанія приглашенныхъ для совмѣстнаго нападенія ливонцевъ, а затѣмъ вскорѣ и смерть Александра, помѣшали началу войны по почину Литвы.

Въ свою очередь смерть Александра представилась Василию III благопріятнымъ обстоятельствомъ для нападенія на Литву и въ 1507 г. московскіе воеводы начали движеніе къ литовскимъ предѣламъ и овладѣли Туровомъ и Мозыремъ. Въ то же время летучіе отряды были посланы внутрь Литвы, чтобы мѣшать сбору литов-

скихъ войскъ; эти отряды доходили до Вильны и Слонима. Литовскіе воеводы съ своей стороны овладѣли временно Торопцемъ и Дорогобужемъ. Но обѣ стороны избѣгали рѣшительныхъ дѣйствій. Какъ только главныя силы московскія и литовскія сходились, онѣ оставались въ бездѣйствіи, стояли въ боевой готовности, но потомъ расходились въ разныя стороны безъ рѣшительнаго боя.

При сомнительномъ успѣхѣ съ двухъ сторонъ, осенью 1508 года былъ заключенъ „*вѣчный* миръ по всей волѣ Василия“, т.-е. за нимъ были утверждены всея пріобрѣтенія Ивана III.

Относительно характера веденія этой войны кн. Голицынъ пишетъ: „Такимъ образомъ война, съ обѣихъ сторонъ пачатая съ большимъ напряженіемъ силъ, съ цѣлью и надеждой нанести обоюдно рѣшительный ударъ, ведена была съ уклоненіемъ отъ рѣшительнаго боя, съ отступленіемъ главныхъ силъ однихъ отъ другихъ, съ обычнымъ лишь варварскимъ образомъ веденія ея—разореніемъ края огнемъ и мечемъ, сожиганіемъ городовъ, убіеніемъ безвинныхъ жителей, изгнаніемъ русскими и литовскими войсками однихъ другими изъ собственныхъ предѣловъ и кончилась обычнымъ же заключеніемъ вѣчнаго мира лишь на короткое время, съ тѣмъ, чтобы снова пачать опять то же самое. Такова уже была война въ это время, ничѣмъ не лучше татарской или вообще азіатской. Впрочемъ, въ выгодѣ остался все-таки Василій, а не Сигизмундъ“¹⁾.

Вѣчный миръ длился однако только четыре года. Какъ и ранѣе, послѣ заключенія мира между Литвою и Москвою снова начали возникать изъ пограничныхъ и иныхъ дѣлъ непрерывные споры очень остраго характера. Присутствіе въ Москвѣ Михаила Глинскаго, потерявшаго свои владѣнія и непрерывно подбивавшаго Василия III къ войнѣ съ Литвою, тоже ухудшало взаимныя отношенія. Съ сестрою великаго князя Василя литовскою княгинею Еленою въ одномъ случаѣ обошлись грубо.

Подготовлялся къ войнѣ Василій III и въ отношеніи союзовъ. Такъ, онъ заключилъ соглашеніе съ магистромъ Тевтонскаго ордена, готовившимся напасть на Польшу изъ-за земель Поморской и Прусской. Кроме того, при содѣйствіи Глинскаго, онъ началъ переговоры съ Австріею о заключеніи союзнаго договора съ императоромъ Максимилианомъ Австрійскимъ противъ Сигизмунда „для доставанія своихъ отчинъ“: Максимилиану — Венгерской, а Василю — Русской земли. Неблагопріятнымъ для Московской Руси обстоятельствомъ былъ окончательный разрывъ Крымскаго хана съ Василиемъ III. Въ маѣ 1512 г. сыновья Менгли-Гирея съ многочисленными войсками напали на Украйну и взяли много плѣнныхъ. Русскіе воеводы дѣйствовали слабо и не преслѣдовали обремененныхъ добычею татаръ. Въ іюнѣ набѣгъ повторился по направленію

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр.101—102.

къ Рязани. Осенью стало достовѣрно, что набѣги татаръ были слѣдствіемъ договора, заключеннаго Менгли-Гиреемъ съ Сигизмундомъ. Это дало послѣдній поводъ къ разрыву. Въ *складной грамотѣ* (объявленіе войны), посланной въ 1512 году Сигизмунду, указано было на оскорбленіе Елены и возбужденіе Крымскихъ татаръ противъ Москвы ¹⁾.

Первоначальною цѣлью нашихъ дѣйствій было поставлено овладѣніе Смоленскомъ.

Многочисленная рать, подъ предводительствомъ Василя III, двинулась къ Смоленску въ январѣ 1513 г. и осадила его. Послѣ 6-ти мѣсячной осады былъ произведенъ штурмъ, который, несмотря на упорство боя, кончился неудачею для нашихъ войскъ. Есть указанія, что одною изъ причинъ неудачи было то, что часть войскъ шла на штурмъ пьяными ²⁾.

Василій отступилъ, но въ іюнѣ того же года возобновилъ походъ на Смоленскъ. Смоленскій гарнизонъ, подъ начальствомъ литовскаго воеводы Сологуба, вышелъ на встрѣчу русскимъ войскамъ, но былъ разбитъ и укрылся въ городѣ.

Только къ сентябрю собрались всѣ войска. „Началась осада, безуспѣшная по причинѣ силы мѣстности и укрѣпленій Смоленска, неискускаго огнестрѣльнаго дѣйствія русскаго наряда и мужественной, дѣятельной и искусной обороны Сологуба. То, что русскіе разрушали днемъ, осажденные исправляли ночью“ ³⁾.

Наступили холода, распутица, и въ ноябрѣ, снявъ осаду, Василій возвратился въ Москву.

Въ началѣ 1514 года начатые еще въ 1512 году переговоры съ Императоромъ Максимилианомъ были закончены и заключенъ союзный договоръ, по которому Максимилианъ далъ обѣщаніе напасть на Польшу. Былъ заключенъ также договоръ съ Ганзою и даже съ турецкимъ султаномъ Селимомъ I.

Лѣтомъ 1514 года Василій III въ третій разъ выступилъ противъ Смоленска. На этотъ разъ осада велась съ большимъ искусствомъ и энергіею. Часть стѣнъ была разрушена. Гарнизонъ, не дождавшись штурма, сдался. Жители приведены къ присягѣ на вѣрность, и Смоленскъ, бывший въ чужихъ рукахъ 110 лѣтъ, вошелъ въ составъ московскихъ владѣній. Начальникъ гарнизона Сологубъ, получивъ свободу, возвратился въ Вильну, но былъ тамъ казненъ, какъ изменникъ.

Въ концѣ августа 1514 года польско-литовскія войска, подъ

¹⁾ Соловьевъ, т. V, стр. 1607.

²⁾ Соловьевъ (т. V стр. 1608) пишетъ, что, когда назначили штурмъ, Василій III выдалъ нековскимъ пичальникамъ три бочки меду и три бочки пива, они напились и въ полночь ударили на крѣпость. Поддержанные другими войсками, они бились всю ночь и весь слѣдующій день, но взятъ города не могли.

³⁾ Кн. Голлицынъ, ч. II, стр. 103.

начальствомъ князя Острожскаго, числительностью отъ 35 до 40,000, встрѣтились близъ Орши съ русскими войсками силою до 80,000 съ воеводами Голица и Челядинымъ. Обѣ арміи расположились на противоположныхъ берегахъ Днѣпра. Русскіе воеводы производили различныя передвиженія, чтобы выказать больше силъ, чѣмъ у нихъ было въ дѣйствительности. Кн. Острожскій, напротивъ того, принималъ мѣры къ скрытію своихъ силъ, даже завязалъ переговоры о мирѣ, но тайно готовился къ переправѣ. Ночью на 8 сент. 1514 года конница противника переправилась вплавъ, а пѣхота перешла по наскоро устроеннымъ мостамъ. Челядинъ получилъ своевременно донесеніе о начинавшейся переправѣ литовцевъ, но, не придавая значенія силамъ противника, высказалъ мнѣніе, что подождетъ, когда всѣ литовцы переправятся, чтобы напасть на нихъ, разбить и отрѣзать отъ переправъ. Литовцы совершили переправу безпрепятственно.

Боевой порядокъ русскихъ въ три линіи оказался слишкомъ растянутымъ. А главныя силы были ослаблены направленіемъ отрядовъ въ тылъ, ибо о полезной дѣятельности этихъ отрядовъ указаній не имѣется.

Завязался упорный бой первоначально состязаніемъ конницы. Затѣмъ вступила въ бой и пѣхота. Сраженіе длилось цѣлый день, было очень кровопролитно и окончилось полнымъ пораженіемъ русскихъ. Потери исчислялись въ 30,000 убитыми и плѣнными. Вся артиллерія и обозъ достались въ руки побѣдителямъ. Въ особенности тяжело пострадало лѣвое крыло русскихъ, прижатое при отступленіи къ болотистой рѣчкѣ Крапивнѣ и Днѣпру и почти все истребленное. По современнымъ извѣстіямъ въ русскомъ войскѣ не было единоначалія. Челядинъ и Голица дѣйствовали разрозненно и изъ-за соперничества не помогали другъ другу. Остатки русскаго войска бѣжали къ Смоленску.

Князь Голицынъ о причинахъ этой тяжелой неудачи пишетъ такъ: „Въ многочисленномъ русскомъ войскѣ не было ни единоначалія, ни единства, ни согласія въ дѣйствіяхъ, въ слабѣйшемъ же литовскомъ—напротивъ“¹⁾.

Послѣ этой битвы война, разорительная для обѣихъ сторонъ, но нерѣшительная по результатамъ, тянулась еще 6 лѣтъ.

„Послѣ взятія Смоленска и Оршинской битвы никакихъ важныхъ военныхъ дѣйствій не происходило, а между тѣмъ необходимо было постоянно имѣть сильныя рати для охраненія московскихъ границъ. Наступательныя же дѣйствія этихъ ратей противъ Литвы были не иное что, какъ отдѣльныя, частныя набѣги и вторженія, безъ всякой цѣли, связи, единства и согласія, а только для разо-

¹⁾ Кн. Голыцынъ, ч. II, стр. 106.

ренія края, истребленія и плѣненія жителей и пріобрѣтенія добычи, совершенно подобно тому, какъ дѣйствовали татары“¹⁾.

Но и за этотъ періодъ достойна памяти мужественная оборона маленькаго города Опочки, осажденнаго побѣдителемъ русскихъ на р. Днѣпрѣ, княземъ Острожскимъ. Въ войскѣ Острожскаго находилось и значительное число наемной нѣмецкой и чешской пѣхоты. Произведенный послѣ двухъ-недѣльной осады штурмъ отбитъ жителями подъ начальствомъ намѣстника Салтыкова и воеводы Морозова, защищавшихся съ огромнымъ упорствомъ и мужествомъ.

Осада нашими войсками Полоцка успѣха не имѣла. Набѣги нашихъ войскъ доходили до Вильны.

Содержаніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ многочисленныхъ ратей нелегко было Московскому государству, но при чрезвычайно умѣлой политикѣ Василя III онъ былъ не одинокъ. Хотя преемникъ Максимилиана, Карль V, озабоченный религіозными распрями внутри государства, пересталъ заниматься дѣлами Москвы, Литвы и Польши, но Василій III нашелъ другихъ союзниковъ. Такъ, союзъ былъ заключенъ съ датскимъ королемъ Христіаномъ противъ Швеціи и Польши и съ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ противъ Польши и Литвы. Но что было особенно важно, — Василій III возобновилъ союзъ съ Крымомъ.

Сигизмундъ былъ одинокъ, и положеніе его сдѣлалось очень тяжелымъ. Внутри государства, обезсиленнаго долгими войнами и своеволіемъ шляхты, появилась тяжелая зараза. Состояніе арміи было неудовлетворительное. Дисциплина отсутствовала. Лучшая часть арміи — чешскіе и нѣмецкіе наемники, послѣ неудачи подъ Опочкой, ушли къ себѣ домой. Энергичный союзникъ Василя Альбрехтъ Бранденбургскій помогалъ Василю съ запада. Опасность угрожала полякамъ съ двухъ фронтовъ.

Но и положеніе русскихъ ратей было совершенно неудовлетворительное; поэтому Василій III не могъ воспользоваться ослабленіемъ Сигизмунда и заключилъ съ нимъ въ 1522 году миръ на 11 лѣтъ. Границы Московскаго государства были опредѣлены по рѣкамъ Днѣпру, Иваку и Мерю. *Смоленскъ остался за Москвою.*

ВОЙНЫ ПРОТИВЪ ЛИТВЫ ЦАРЯ ИВАНА IV ГРОЗНАГО.

Малолѣтство Ивана IV вызвало въ Польшѣ и Литвѣ надежды отторгнуть прежде всего смоленскія земли, но московское правительство въ свою очередь твердо стояло не только за сохраненіе Смоленска, но и за присоединеніе къ Москвѣ Волыни, Кіева, Витебска, Полоцка и другихъ городовъ.

Польскому королю доносили, что въ Москвѣ идутъ сильныя

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 110.

раздоры между боярами, и нѣсколько разъ дѣло едва не доходило между ними до ножей, что въ Псковѣ нѣтъ войска, что тамъ идетъ народное возстаніе. Бѣглецы изъ Москвы въ Литву, Бѣльскій и Ляцкій, давали надежду, что многіе знатные люди въ Москвѣ готовы послѣдовать ихъ примѣру. Король далъ вѣру всеѣмъ этимъ слухамъ, не принималъ мѣръ къ продленію перемирія и готовился возобновить войну.

Дѣйствительно, лѣтомъ 1534 года, какъ только истекъ срокъ перемирія, король, согласно съ мнѣніемъ рады, далъ приказъ возобновить военныя дѣйствія.

Эти дѣйствія, начатыя на второй годъ княженія малолѣтняго Ивана IV, первоначально велись въ двухъ направленіяхъ: изъ Кіева въ сѣверскія земли и изъ Вильны къ Смоленску. Въ полѣ польско-литовскія войска сопротивленія со стороны русскіхъ войскъ не встрѣчали, но при попыткахъ овладѣть городами потерпѣли неудачи подъ Смоленскомъ и Стародубомъ.

Внутреннія распри въ Москвѣ между боярами во время боярскаго самовластія при Еленѣ, правившей государствомъ за малолѣтствомъ сына Ивана IV, отразились и на военныхъ дѣлахъ. Сборъ войскъ происходилъ очень медленно. Только въ октябрѣ можно было выступить въ походъ. Теперь въ свою очередь, вторгнувшись въ Литву, московскія войска не встрѣтили литовскіхъ и безнаказанно опустошили литовскія земли, не дойдя до Вильны 40—50 верстъ ¹⁾.

На другой годъ литовскія войска снова вторгнулись въ русскіе предѣлы и овладѣли Гомелемъ и Стародубомъ.

„Въ началѣ 1536 года литовскія войска осадили вновь построенный Себежъ, но пушки литовцевъ дѣйствовали плохо, вреда городу не наносили, а блии своихъ. Сдѣлавъ вылазку, осажденные побѣдили литовцевъ, подъ которыми провалился ледъ“ ²⁾.

Послѣ этого успѣха московскіе воеводы ходили воевать Литовскую землю подъ Любечъ, сожгли посадъ Витебска, много волостей и селъ повоевали, много людей въ плѣнъ побрали, много богатства и литовскіхъ людей взяли и пришли домой все цѣлы и здоровы ³⁾.

Не такого результата ожидали литовцы и поляки, надѣясь на смуту въ Москвѣ. Опять явились послы въ Москву и опять съ тѣмъ же предложеніемъ: заключить вѣчный миръ, но для сего возвратитъ Литвѣ Смоленскъ.

Встрѣтивъ отпоръ, просили уступить другой городъ, равный Смоленску. Иванъ отвѣтилъ посламъ: „Отецъ нашъ ту свою отчину съ Божьею волею досталъ и благословилъ ею насъ, мы ее держимъ за собою и королю никакъ не уступимъ; а другой городъ за нее

¹⁾ Соловьевъ, т. VI, стр. 13.

²⁾ Соловьевъ, т. VI, стр. 14.

³⁾ Соловьевъ, т. VI, стр. 14.

для чего намъ давать? Смоленскъ наша отчина изначала, отъ предковъ, и если наши предки случайно ее потеряли, то намъ опять даль ее Богъ, и мы ея не уступимъ“¹⁾.

Послѣ долгихъ переговоровъ, въ 1537 г. было заключено перемиріе на пять лѣтъ. Затѣмъ перемиріе было продолжено еще на 7 лѣтъ. Ивану IV, тяжело занятому борьбою съ Казанью, надо было поддерживать мирныя отношенія съ Литвою. Послѣ татарскихъ дѣлъ Иванъ считалъ необходимымъ главное вниманіе обратить на борьбу съ Швеціею и Ливоніею, и потому Иванъ IV не желалъ продолженія войны съ Литвою, но обстоятельства вынудили его возобновить военныя дѣйствія.

Съ 1548 года королемъ польскимъ и литовскимъ былъ Сигизмундъ II Августъ (сынъ Сигизмунда I). Начатые Иваномъ IV мирныя переговоры разбивались, какъ и ранѣе, невыполнимостью требованій съ двухъ сторонъ. Опять удовольствовались перемиріемъ и затѣмъ продолжили его до 1562 года. Но дальнѣйшія предложенія литовцевъ продлить перемиріе еще долѣе были Иваномъ IV отвергнуты безъ всякихъ основаній, ибо это перемиріе настоятельно требовалось для успѣшнаго веденія войны съ Ливоніею. Тогда Сигизмундъ заключилъ союзъ съ Ливоніею, а въ 1561 году орденъ распался и львиная часть орденскихъ владѣній отошла къ Польшѣ.

Новая война съ Литвою была начата въ 1561 году нападеніемъ литовскихъ войскъ на русскія войска, дѣйствовавшія въ то время въ Ливоніи, но русскіе успѣли отразить литовцевъ. Затѣмъ до 1563 года военныя дѣйствія снова ограничились обоюдными разорительными набѣгами. Въ 1563 году многочисленное московское войско подъ личнымъ предводительствомъ Ивана IV, выступило въ походъ по направленію къ Полоцку, овладѣніе которымъ и ставилось цѣлю похода. Послѣ 15 дней осады, когда до 300 сажень деревянной стѣны было сожжено, городъ сдался.

Королевская казна, много золота и серебра отобрано было въ царскую казну; „жиды потоплены въ Двинѣ; но наемныя воины королевскіе одарены шубами, отпущены числомъ 500 человекъ, дана имъ воля“²⁾.

Довольствуясь взятіемъ Полоцка, Иванъ IV торжественно возвратился въ Москву.

Сигизмундъ-Августъ сдѣлалъ еще одну попытку заключить миръ и соглашался на уступку Полоцка и земель въ Ливоніи, занятыхъ русскими войсками, но Иванъ IV требовалъ, кромѣ того, уступки Риги и другихъ городовъ. Согласія не послѣдовало, и Сигизмундъ въ 1567 году объявилъ новую войну.

Въ началѣ 1568 года литовскій гетманъ Ходкевичъ осадилъ мо-

¹⁾ Соловьевъ, т. VI, стр. 17.

²⁾ Соловьевъ, т. VI, стр. 191.

сковскую крѣпость Улу, „но былъ принужденъ снять осаду, потому что, какъ онъ донесъ королю, простые ратники его оказали необыкновенную трусость“ ¹⁾).

Иванъ IV, не ведя рѣшительныхъ дѣйствій, опять возобновилъ переговоры о перемирии.

Дѣятельность Ивана IV въ войнѣ съ Литвою со взятія Полоцка, т. е. съ 1563 года, и до заключенія мира съ Польшею въ 1582 году, т. е. въ теченіе почти 20 лѣтъ, очерчена кн. Голицынымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Такъ продолжалось и въ слѣдующихъ годахъ—и переговоры съ Литвою о перемирии, уступкѣ городовъ и земель, и частныя, неважныя, нерѣшительныя военныя дѣйствія и стычки съ литовцами, ливонцами и шведами, а пользы отъ того не было никакой. То было—ни миръ, ни война, а потому, что въ это время Иванъ, въ своемъ умопомраченіи, уже пересталъ заботиться о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ государства, не принималъ мѣръ противъ крымскаго хана, упустилъ изъ виду запорожцевъ, прежде готовыхъ уже присягнуть ему, съ трудомъ удерживалъ въ покорности донскихъ казаковъ, видѣлъ безпрестанныя смуты въ Казанской области, думалъ даже отказаться отъ Астрахани. Возсоединить Литву и Ливонію съ русскимъ царствомъ подъ своею властью стало господствующею мыслью, вполнѣ овладѣвшею имъ, но ни политическія, ни военныя дѣйствія его нисколько не соответствовали ей. Военныя дѣйствія велись безъ всякой общей, опредѣленной цѣли, безъ единства, согласія, силы, рѣшительности и искусства, производя только напрасныя кровопролитіе и разореніе края. Русскія войска сражались съ своимъ обычнымъ мужествомъ и храбростью, но для предводительствованія ими уже не было прежнихъ знаменитыхъ воеводъ временъ Адашева: Шереметевъ, Щенятевъ, Горбатый, Шуйскій и многіе другіе погибли жертвами подозрительности Ивана“ ²⁾.

Между тѣмъ, съ присоединеніемъ большей части Ливоніи къ Польшѣ, противъ Московскаго государства, угрожаемаго, кромѣ того, шведами и крымскими татарами, стояли объединенныя силы Польши, Литвы и Ливоніи. Но что еще болѣе важно,—эти силы объединились въ рукахъ опытнаго, энергичнаго полководца Стефана Баторія, вѣнчаннаго на польско-литовскій престолъ въ 1576 году. Ни Баторій, ни Иванъ IV, занятые каждый своими дѣлами, не желали разрыва и сдѣлали попытку продолжить перемиріе, которое оканчивалось въ 1578 году, еще на три года. Но опять, особенно со стороны Ивана IV, явились требованія, которыя не могли быть приняты Баторіемъ. Такъ, Иванъ IV требовалъ, чтобы Баторій „не распряжался и не воевалъ въ *отчину Ивана—Ливоніи и Курляндіи*“.

¹⁾ Соловьевъ, т. VI, стр. 201.

²⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 175.

Въ очеркѣ военныхъ силъ Польши и Литвы было изложено, какія улучшенія ввелъ въ своей арміи Стефанъ-Баторій, но ко времени его перваго похода въ московскіе предѣлы эти мѣры еще не могли оказать своего полезнаго вліянія, и потому Стефанъ-Баторій, въ виду нежеланія поляковъ посылать свои ополченныя войска въ Московію, больше всего возлагалъ надежды на искусную и закаленную въ бояхъ венгерскую и нѣмецкую наемную пѣхоту, которую учредилъ въ своемъ войскѣ, на хорошую артиллерію и на быстрыя наступательныя дѣйствія.

Такимъ образомъ, съ распаденіемъ Ливоніи, путь къ Балтійскому морю преградила Россіи не слабая Ливонія, а Литовско-Польское государство.

Иванъ IV тоже собралъ войско, но увѣренный, что театромъ военныхъ дѣйствій будетъ Ливонія, направилъ туда и войска. Между тѣмъ Стефанъ-Баторій быстро двинулся къ Полоцку и осадилъ его неожиданно для Ивана IV. Наши воеводы—князья Телятевскій, Щербатый и Волинскій три недѣли защищались мужественно. Все населеніе—старики, женщины и дѣти тушили непрерывные пожары деревянныхъ стѣнъ крѣпости, спускались на веревкахъ со стѣнъ крѣпости въ рѣку Двину за водою; многіе погибали, но на мѣсто ихъ являлись новые охотники. Когда продовольственныя средства истощились, стрѣльцы и кн. Волконскій, противно съ мнѣніемъ другихъ воеводъ и епископа Кипріяна, вступили въ переговоры. Войска Стефана попробовали дважды взять городъ штурмомъ, но были отбиты. Тогда Баторій согласился на предложенныя ему условія свободнаго выхода гарнизона и занялъ Полоцкъ. Московскіе воеводы помощи осажденнымъ не подали.

Для новаго похода Баторію, при польскихъ порядкахъ, гдѣ все зависѣло отъ сейма, потребовался годъ времени. Въ 1580 году Баторій выступилъ съ сильнымъ войскомъ и цѣлью дѣйствій поставилъ овладѣніе Псковомъ и Новгородомъ. Силы его доходили до 50,000 чел., въ томъ числѣ 20,000 пѣхоты. Первоначально были взяты зажженные калеными ядрами Великіе Луки, Велижъ и Усвяты. Во время осады Великихъ Лукъ въ лагерь Баторія прибыли послы отъ Ивана IV съ мирными предложеніями. Иванъ IV шелъ на большія уступки и готовъ былъ отдать Баторію Полоцкъ, Курляндію и 24 города въ Ливоніи. Но Баторій требовалъ присоединенія къ своимъ владѣніямъ всей Ливоніи, Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова и Новгорода. Военныя дѣйствія, хотя весьма вяло, продолжались и зимою былъ взятъ Холмъ (Псков. губ.), сожжена Старая Русса.

Для третьяго похода опять потребовалась для Баторія борьба съ сеймомъ. Онъ доказывалъ,—что „ежегодно отрываться ему отъ войска для того, чтобы выпрашивать у сейма денегъ, весьма вредно, что это ослабляло собственное войско и давало непріятелю время усиливаться свое и признавалъ необходимымъ опредѣлить денежный

сборъ сразу на два года“¹⁾. Сеймъ согласился, но просилъ, чтобы этимъ третьимъ походомъ тяжелая война была окончена.

Новые переговоры о мирѣ къ соглашенію не привели. Иванъ IV, видя ихъ неудачу, снова принялъ гордый тонъ и писалъ Баторію рѣзко. Въ свою очередь и Баторій не остался въ долгу, упрекая Ивана IV. „Переговоры кончились, Баторій выступилъ въ походъ, а къ Ивану послалъ грамоту, наполненную ругательствами, называлъ его: Фараономъ московскимъ,—волкомъ, вторгнувшимся къ овцамъ, человѣкомъ, исполненнымъ яда, ничтожнымъ, грубымъ. „Для чего ты къ намъ не пріѣхалъ съ своими войсками“, пишетъ между прочимъ Баторій: для чего своихъ подданныхъ не оборонялъ? И бѣдная курица передъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты, орелъ двухглавый (ибо такова твоя печать), прячешься!“ Наконецъ, Баторій вызываетъ Ивана на поединокъ“²⁾.

Въ августъ 1581 года Баторій съ 100,000 арміею уже осадилъ Псковъ. Псковъ считался самою сильною крѣпостію въ Московскомъ государствѣ. Укрѣпленія его возводились постепенно, въ теченіе четырехъ вѣковъ. Они состояли изъ внѣшней каменной стѣны съ башнями, окружавшей весь городъ. Эта внѣшняя стѣна имѣла 9½ верстъ длины, 37 башенъ и 48 воротъ. Внутри крѣпости нѣсколько каменныхъ стѣнъ разграничивали различныя части: Кремль, Довмонтову крѣпость средней и большой городъ. Каменные стѣны имѣли 3 саж. высоты и 2 саж. толщины. Кремль возвышался на 8 сажень.

Гарнизонъ Пскова состоялъ, по однимъ свѣдѣніямъ, изъ 30,000, чел., а по другимъ изъ 50 т. пѣхоты и 7,000 конницы. Запасы были собраны большіе. Начальствовали четыре воеводы, изъ которыхъ старшимъ былъ князь Шуйскій.

Уже 7 сентября войска Баторія, разрушивъ часть стѣны, пошли на приступъ; послѣ отчаяннаго боя двѣ башни уже попали въ руки поляковъ: осажденные стали ослабѣвать, но ихъ подкрѣпили просьбами и угрозами кн. Шуйскій и игумень Тихонъ, вышедшій къ войскамъ съ духовенствомъ, иконами и мощами; бой возобновился съ новою силою и продолжался до вечера, когда приступъ былъ окончательно отбитъ. Осаждающіе потеряли свыше 5,000 людьми убитыми.

Эта удача высоко подняла духъ осажденныхъ. Работы по устройству внутренней деревянной стѣны быстро подвигались впередъ, успѣшно отражались всѣ приступы. Между тѣмъ въ войскахъ Баторія не все было благополучно. Оказался недостатокъ пороха, продовольствія. Лишенія эти вызывали въ войскахъ неудовольствіе.

Пришлось вести осаду въ зимніе мѣсяцы; строили землянки съ печами. Продолжая осадныя работы, Баторій надѣялся на успѣхъ

¹⁾ Кн. Голлицынъ, ч. II, стр. 188.

²⁾ Соловьевъ, т. VI, стр. 280—281.

начатыхъ имъ 9 подкоповъ. Особенно былъ замѣчательнъ бой венгерской пѣхоты 28 октября. Наскучивъ осадою, венгры бросились штурмовать стѣну, прикрываясь щитами. Разрушили кирками стѣну и лѣзли въ проломы. Осажденные лили на нихъ кипѣвшую смолу, бросали кувшины съ порохомъ, бревна, камни, кололи пиками; потери венгровъ были огромныя. 2 ноября Баторій повторилъ еще одинъ штурмъ. Но и этотъ штурмъ, по счету 31-й, былъ отбитъ. Сначала войска двинулись бодро, но, встрѣченныя сильнымъ огнемъ изъ орудій и ружей, смѣшались и обратились въ бѣгство.

Баторій, отчаявшись въ успѣхѣ штурмовъ, перешелъ къ блокадѣ. Но наступили тяжкіе холода. Часовые замерзали. Средства продовольствія стали добываться все труднѣе и труднѣе. Лошади падали. Войскамъ не выдавали жалованья.

Положеніе Баторія становилось критическимъ, но русскія рати, собранныя въ разныхъ мѣстахъ, бездѣйствовали, и вмѣсто пораженія Баторію удалось, 6 января 1582 года, заключить невыгодный и не почетный для Россіи миръ, по которому Иваномъ IV были приняты условія: отказаться отъ Полоцка, Велижа и Ливоніи ¹⁾.

Геройская оборона Пскова тянулась свыше 4½ мѣсяцевъ и составила свѣтлую страницу въ русской военной исторіи XVI столѣтія. Во время этой осады расположенные въ другихъ мѣстахъ русскіе отряды бездѣйствовали, хотя мы располагали весьма значительными силами. Наши войска были расположены: въ Псковѣ 30—35,000 чел. подъ начальствомъ Шуйскихъ, въ Новгородѣ 40 т., въ Ржевѣ 15 т., у Волоколамска стояли главныя силы до 50,000 чел. Кромѣ того отдѣльные отряды занимали Смоленскъ, часть Эстляндіи и были выставлены къ сторонѣ Крыма. Бездѣйствіе этихъ войскъ объясняется измѣненіемъ характера Ивана IV. Подъ конецъ царствованія, нервно больной, скорѣе душевно больной бредомъ преслѣдованія, ставшій извергомъ,—это уже не былъ прежній царь Иванъ Васильевичъ, энергичный и упорный побѣдитель царствъ Казанскаго и Астраханскаго.

ВОЙНЫ СЪ ЛИТВОЮ И ПОЛЬШЕЮ ВЪ СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

Въ смутное время образовалась въ Москвѣ польская партія, которая открыла сношенія съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III и позорно предложила ему московскій престолъ. Легкомысленный Сигизмундъ повѣрилъ своимъ посламъ, возвратившимся изъ Москвы, что русскіе бояре признавали, что одно только воцареніе въ ней Владислава могло спасти Московское государство отъ конечнаго разоренія и гибели. Его увѣряли также, что не трудно будетъ склонить къ сдачѣ Смоленскъ, гдѣ начальствовалъ Шеннъ.

¹⁾ Осада Пскова изложена на основаніи труда кн. Голицына, ч. II, стр.188—201.

Увѣренный въ успѣхъ, Сигизмундъ рѣшилъ объявить войну Россіи и сталъ готовиться къ ней. Ближайшіе совѣтники отговаривали короля отъ этой войны, указывая на внутреннія затрудненія и недостаточность средствъ для веденія войны. Дѣйствительно, приготовления къ войнѣ потребовали около года времени, и къ границамъ литовскимъ, къ сентябрю 1610 года, собралось, вмѣсто назначенныхъ въ походъ 30,000 чел., всего 12,000 съ малымъ количествомъ пѣхоты и осадной артиллеріи.

Въ началѣ сентября Сигизмундъ III прибылъ лично къ войскамъ и двинулся съ ними къ Смоленску, куда и прибылъ 21 сентября. Съ пути къ Смоленску имъ была послана „разрывная грамота“ къ царю Василию Шуйскому.

Съ Сигизмундомъ первоначально было только 12,000 человекъ, но тѣмъ не менѣе онъ, получивъ отказъ Шенна сдать Смоленскъ, приказалъ взять его.

Смоленскъ той эпохи, послѣ Пскова, представлялъ одну изъ наиболѣе сильныхъ крѣпостей. Онъ былъ окруженъ каменной стѣной отъ 6 до 7 сажень вышины и $2\frac{1}{2}$ толщины, до 5 верстъ въ окружности, имѣвшей около 9 башенъ и 9 воротъ. Рва не было. Доступъ въ ворота не былъ затрудненъ. Шеннъ успѣлъ устроить только деревянные срубы.

Гарнизонъ Смоленска составлялъ всего 4,000 чел. Населеніе города выразило готовность защищаться до крайности, но только $\frac{1}{4}$ часть была годна къ оборонѣ. Шеннъ потребовалъ присылки даточныхъ людей отъ Смоленскихъ волостей для увеличенія своихъ силъ, но крестьяне уже поддались на обѣщанія вольности, переданныя имъ отъ имени Сигизмунда, и не послушались Шенна. Орудій было до 300 и снарядовъ достаточно. Шеннъ раздѣлилъ свои войска на двѣ части: одну половину оставилъ въ резервѣ, а другую раздѣлилъ на 38 отрядовъ по 50 чел. и каждому поручилъ особый участокъ стѣны.

Послѣ весьма недостаточной подготовки огнемъ, польскія войска сдѣлали попытку овладѣть Смоленскомъ открытою силою, но были отбиты на всѣхъ пунктахъ. Тогда приступили къ подкопамъ и бомбардированію. 27 сентября подъ Смоленскъ въ помощь польскимъ войскамъ прибыло нѣсколько тысячъ запорожцевъ съ своимъ атаманомъ Олевченко, что дозволило обложить Смоленскъ со всѣхъ сторонъ.

Въ это время самозванецъ Лжедмитрій II утвердился въ окрестностяхъ Москвы, сталъ лагеремъ въ Тушинѣ, а одинъ изъ отрядовъ его осаждалъ Троицкую Лавру, геройски обороняемую горстью защитниковъ-монаховъ. Русское ополченіе собиралось въ Твери съ цѣлью идти на выручку Москвы. Начальствовалъ имъ даровитый молодой Скопинъ-Шуйскій.

Къ войскамъ Скопина-Шуйскаго, силою 18,000 чел., присоеди-

нилось и 12,200 наемныхъ шведовъ подъ начальствомъ Делагарди Въ мартѣ 1610 года Скопинъ вступилъ въ освобожденную имъ Москву. Дальнѣйшій планъ дѣйствій заключался въ томъ, чтобы окончательно разбить скопища Лжедмитрія II и затѣмъ двинуться къ Смоленску и освободить его. Но въ приготовленіяхъ къ походу Скопинъ-Шуйскій умираетъ.

Военныя дѣйствія подъ Смоленскомъ шли очень вяло. Къ веснѣ, въ опасеніи разлива, осадныя батареи были сняты, осада прекратилась и была возобновлена только 11 июня. Ждали прибытія, изъ Риги, Двиною осадныхъ орудій и подкрѣпленія въ 15,000 запорожцевъ.

Попытка освободить Смоленскъ отъ осады не удалась: московскія войска подъ начальствомъ Шуйскаго были разбиты на голову польскими войсками. Поэтому гарнизону Смоленска надо было рассчитывать только на свои силы. Положеніе гарнизона и населенія съ каждымъ днемъ все становилось тяжелѣй. Продовольственныхъ запасовъ и особенно соли не хватило. Открылась цынга, унесившая тысячи жертвъ. Къ концу осады, длившейся 1½ года, изъ населенія города въ 80,000 человекъ осталось здоровыхъ лишь одна десятая часть. Гарнизонъ Шеина тоже быстро таялъ отъ боевъ, лишеній и утомленія, но духъ гарнизона и населенія все время былъ приподнятый. Поляки предпринимали много разъ штурмы, но всѣ они были отбиваемы. Подготовки штурма должной не дѣлалось. Пытались, напримѣръ, выбить ворота бревнами, врываться въ нихъ или разрушать на небольшомъ протяженіи стѣну и, не сбивъ оборону съ прилегавшихъ къ бреши участковъ, штурмовать. При такомъ способѣ дѣйствій даже незначительныхъ силъ было достаточно, чтобы отражать нападавшихъ.

Впереди штурмующихъ обыкновенно посылались наемныя войска—венгерская пѣхота и затѣмъ казаки. Нѣсколько разъ пѣхота врывалась въ башни, врывалась въ проломы, но, не поддержанная, была выбиваема. Обширныя подкопныя работы не имѣли успѣха. Всюду, гдѣ подкопы велись, они встрѣчали контръ-минныя работы противника. Эти послѣднія работы велись такъ энергично и умѣло, что была взорвана даже часть апрѣшей противника. Осажденные вылазокъ не производили изъ опасенія еще болѣе уменьшить и безъ того малую силу гарнизона.

Потери отъ боя не были особо значительны. Такъ, имѣется указаніе, что при отбитіи наиболѣе упорно веденнаго четвертаго штурма поляки потеряли 172 чел. убитыми и 645 ранеными.

Начальствовалъ польскими войсками Потоцкій.

Пассивная оборона Шеина заключалась въ томъ, что онъ энергично исправлялъ всѣ поврежденія, употребляя для сего главнымъ образомъ бревна, усиливалъ существовавшія укрѣпленія, устраивалъ за атакованными участками стѣны ретраншаменты изъ срубовъ, на-

сыпанныхъ землею, умѣло руководилъ артиллерійскою обороною и окопными работами и, главное, мужественно, подавая лично примѣръ, встрѣчалъ врага грудью, не взирая на превосходство его въ силахъ.

Мужество осажденныхъ поддерживалось не только мѣстнымъ духовенствомъ, но и московскимъ. Такъ, патріархъ Гермогенъ успѣлъ прислать защитникамъ Смоленска воззваніе, въ которомъ благословлялъ ихъ на смертный бой.

Въ польскомъ лагерѣ твердаго управленія и руководства войсками не было. Разношерстное войско было мало дисциплинировано. Наемныя войска были требовательны къ уплатѣ жалованья и причиняли много хлопотъ. Польскія войска тоже не отличались дисциплиною. Когда Потоцкій, собравъ 9 августа всѣхъ ротмистровъ польскаго коннаго войска, доказалъ необходимость повторенія штурма, „почти всѣ ротмистры, за *исключеніемъ немногихъ*, письменно обязались вести свои роты на приступъ“. Но когда 10 августа получено было приказаніе спѣшиться и идти въ окопы для штурма, „товарищи 11 ротъ отказались спѣшиться, объявляя, „что безъ предварительнаго согласія ихъ нельзя было употреблять ихъ на дѣйствія, необязательныя для конницы“¹⁾. Командующему войсками Потоцкому пришлось лично, именемъ короля, умолять своевольныхъ солдатъ не посрамить чести польскаго оружія. Что касается запорожцевъ, то они вели себя безъ стѣсненій. Такъ, когда имъ наскучило бездѣйствіе подъ Смоленскомъ, большая партія ихъ вышла изъ лагеря, двинулась противъ украинскихъ городовъ, овладѣла Козельскомъ, сожгла его, перебивъ 7,000 жителей, ограбила на обратномъ пути Мещовскъ и 16 сентября съ богатою добычею возвратилась подъ Смоленскъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1610 года одинъ перебѣжчикъ изъ Смоленска указалъ осаждавшимъ самое слабое мѣсто въ крѣпостной оградѣ. Это былъ участокъ городской ограды, построенный наскоро осенью и потому не прочный. Осаждающіе выставили противъ этого участка батареи, разбили стѣну, повели ночью 3 іюня штурмъ и ворвались въ городъ. На этотъ разъ послѣ осады, длившейся одинъ годъ восемь мѣсяцевъ, поляки овладѣли Смоленскомъ. Шеннъ, оборонявшій проломъ, сдался Потоцкому.

„Оставшіеся смоляне заперлись въ соборѣ и, зажегши находившіяся въ погребахъ подъ нимъ порохъ, взорвали себя на воздухъ“²⁾. Можно только сожалѣть, что и Шеннъ для вѣчнаго примѣра всему русскому воинству не раздѣлилъ ихъ участи. Томаясь въ Литвѣ въ тѣсномъ заключеніи, онъ вѣроятно и самъ постоянно сожалѣлъ объ этомъ. Этотъ самый Шеннъ за неудачныя дѣйствія подъ Смоленскомъ уже въ роли атакующаго былъ казненъ въ Москвѣ въ 1634 году.

¹⁾ Кн. Голыцынъ, ч. II, стр. 355.

²⁾ Кн. Голыцынъ, ч. II, стр. 369.

Не такъ геройски дѣйствовали наши войска въ полѣ даже при встрѣчѣ сравнительно малочисленнаго противника.

Послѣ смерти Скопина-Шуйскаго наступательныя дѣйствія противъ поляковъ замедлились. Сборъ войскъ происходилъ въ Можайскѣ. Делая гарни съ иноземными войсками остановился на поль-пути къ Можайску и не двигался впередъ въ ожиданіи денегъ, обѣщанныхъ ему царемъ Василиемъ Шуйскимъ. Главнымъ воеводою былъ назначенъ Дмитрій Шуйскій, неспособный и нелюбимый войсками. Общественное мнѣніе вишило его и въ смерти Скопина-Шуйскаго. Предводитель польскихъ войскъ Жолкѣвскій былъ, напротивъ того, опытный и энергичный начальникъ.

Въ составѣ войскъ Шуйскаго по обученію и боевому опыту самыми надежными войсками были наемные иноземцы. Но они были склонны служить тому, кто имъ болѣе заплатитъ. Этимъ воспользовался Жолкѣвскій и подослалъ своихъ агентовъ подговаривать иноземцевъ, среди которыхъ были люди разныхъ національностей,—шведы, нѣмцы, французы, англичане,—перейти на службу къ Владиславу, какъ къ будущему московскому государю. 80 англичанъ и перешли на службу къ полякамъ; остальные, хотя и колебались, но остались въ составѣ русскихъ войскъ.

Но и въ лагерь Жолкѣвскаго тоже не все было благополучно. Часть поляковъ тоже отказалась идти съ нимъ на русскихъ, пока они не получатъ обѣщанныхъ королемъ 100,000 рублей. Собравъ всего вмѣстѣ съ казаками до 9,500 чел., Жолкѣвскій двинулся съ ними противъ московскихъ войскъ силою въ 38,000 человекъ, кромѣ отряда иноземцевъ. Дѣйствія происходили въ окрестностяхъ города Царево-Займище. Желая напасть врасплохъ на войска Шуйскаго, Жолкѣвскій, оставивъ противъ передовыхъ войскъ русскихъ охрану, выступилъ вечеромъ съ 4,700 чел. польской конницы, 400 казаками, 200 чел. польской пѣхоты и 2-мя полевыми орудіями противъ главныхъ силъ Шуйскаго силою свыше 30,000, расположенныхъ при д. Клушино.

Бой начался неудачно для русскихъ, наскоро занявшихъ позицію при неожиданномъ на нихъ нападеніи. Но скоро войска нѣсколько оправились и приготовились дать твердый отпоръ въ укрѣпленной деревнѣ. Но въ это время измѣнили иноземныя войска и стали передаваться полякамъ. Шуйскій малодушно обратился въ бѣгство. По польскимъ свѣдѣніямъ, Жолкѣвскій потерялъ всего 220 человекъ, а потери русскихъ и иноземцевъ исчислялись въ нѣсколько тысячъ человекъ. Побѣда была полная: лагерь, вся артиллерія (11 орудій), нѣсколько десятковъ знаменъ достались Жолкѣвскому.

Въ Москву Шуйскій прибылъ лишь съ самымъ незначительнымъ числомъ ратниковъ; прочіе разошлись по своимъ городамъ и помѣстьямъ. Путь къ Москвѣ былъ открытъ полякамъ. Послѣ по-

бѣды войска Жолкѣвскаго начали быстро усиливаться, и къ Москвѣ онѣ выступилъ уже съ 23,000 чел.

Выше изложено, что въ смутное время всѣ замыслы враговъ Россіи были разрушены самоотверженнымъ патріотическимъ починомъ патріарха Гермогена, Кузьмы Минина, князя Пожарскаго. Русскіе люди поднялись, разбили враговъ, освободили Москву, изгнали поляковъ и заключили смутное время избраніемъ Великою земскою думою на царство 21 феврала 1613 года *Михаила Ѳеодоровича Романова*.

войны съ Литвою и Польшею въ царствованіе михаила Ѳеодоровича.

1-я война съ Польшею и Литвою (1617—1618 г.г.). Польскій король Сигизмундъ III и съ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича на царство не переставалъ надѣяться на полученіе московскаго престола для сына своего Владислава, но внутреннія дѣла Польши были таковы, что ему потребовалось четыре года для приготовленія къ войнѣ и все же собранныя имъ силы были не достаточны для борьбы съ Россіею. Михаилъ Ѳеодоровичъ тоже не считалъ возможнымъ примириться съ потерями Россіи на западѣ во время смутнаго времени, особенно съ потерей Смоленска. Поэтому война между Московскимъ и Польско-Литовскимъ государствами была неизбѣжна.

Характерно для оцѣнки внутренняго состоянія Польши въ началѣ XVII столѣтія, что сеймы упорно отказывали своему королю въ средствахъ для веденія войны, упрекали короля въ бесполезныхъ расходахъ и убыткахъ. Войска, бывшія уже въ походѣ на Москву, требовали неполученныхъ ими денегъ, а шляхта требовала уплаты ей денегъ впередъ, иначе отказывалась идти въ походъ.

Характерно для того времени и рѣшеніе вопроса о командованіи собираемыми войсками. Главное начальство надъ польскими войсками было ввѣрено Владиславу и цѣлью войны поставлено возведеніе Владислава на московскій престолъ силою. Распоряженіе же всѣми военными дѣйствіями поручалось литовскому гетману Ходкевичу, но онѣ былъ поставленъ подъ *наблюденіе и руководство восьми особыхъ комиссаровъ*.

Первоначально войскъ, которыя выступили съ Владиславомъ въ апрѣлѣ 1617 года изъ Варшавы, было всего 11,000. Къ нимъ должны были примкнуть другіе отряды, въ томъ числѣ и донскіе казаки.

Но и Русь была еще такъ потрясена, что оказалась неготовою отразить даже ничтожныя силы Владислава.

Подъ Дорогобужемъ Владиславъ соединился съ литовцами подъ начальствомъ Ходкевича и, титулуя себя московскимъ царемъ, потребовалъ отъ воеводы Ададунова сдачи Дорогобужа. Ададуровъ постыдно исполнилъ это требованіе. Примѣръ этотъ нашелъ подражателей: князя Бѣлосельскій и Гагаринъ, не защищая Вязьмы, тоже

бѣжали въ Москву. Казаки Владиславова войска предались грабежу. Въ октябрѣ 1617 года Владиславъ торжественно вступилъ, какъ московскій царь, въ Вязьму. Къ счастью, вспыхнувшій въ польскомъ войскѣ, вслѣдствіе неуплаты жалованья, бунтъ задержалъ временно дальнѣйшее движеніе его. Затѣмъ, около 8 мѣсяцевъ, дѣйствія съ обѣихъ сторонъ носили ничтожный характеръ. Но лѣтомъ положеніе измѣнилось въ пользу Владислава. На помощь къ нему изъ Малороссіи шелъ гетманъ Сагайдачный съ 20,000 казаковъ.

Въ сентябрѣ войска Владислава сосредоточились къ Москвѣ, а 1 октября былъ произведенъ штурмъ Москвы. Этотъ штурмъ велся неумѣло и мало энергично. Между прочимъ, штурмовыя лѣстницы оказались слишкомъ короткими. Потери съ двухъ сторонъ были незначительны. Неудачны были также дѣйствія поляковъ противъ Троицкаго монастыря и городовъ Калуги и Серпухова.

Между тѣмъ наступила зима. Обстоятельства были весьма благопріятны, чтобы, затянувъ войну, уничтожить силы Владислава или, по крайней мѣрѣ, вынудить его къ отступленію, которое могло оказаться для него гибельнымъ, но твердыхъ совѣтниковъ около молодого царя Михаила Ѳеодоровича не оказалось, и онъ заключилъ съ поляками въ Деулинѣ перемиріе на 14 лѣтъ на тяжелыхъ для Россіи условіяхъ. Владиславъ долженъ былъ отказаться отъ званія московскаго царя, а Михаилъ Ѳеодоровичъ отъ званія царя Ливонскаго, Черниговскаго и Смоленскаго и уступить полякамъ Смоленскую, Черниговскую и Сѣверскую области.

2-я война съ Литвою и Польшею (1632—1634). Черезъ три года послѣ Деулинскаго перемирія стало обнаруживаться неисполненіе Сигизмундомъ договорныхъ статей. Въ числѣ нарушеній указывались: именованіе Сигизмундомъ себя московскимъ царемъ и пограничныя захваты литовскими пограничными правителями русскихъ земель.

Польша въ это время воевала одновременно съ Швеціею, Турціею и Крымомъ и находилась въ тяжеломъ положеніи. Лучшій польскій вождь Жолкѣвскій былъ разбитъ турками на р. Прутѣ и убитъ. Шведскій король Густавъ-Адольфъ взялъ Ригу, Митаву и завладѣлъ всею Ливоніею.

Но мы пропустили благопріятное время для начала военныхъ дѣйствій. Сигизмундъ заключилъ миръ съ турками и перемиріе со шведами. Въ 1632 году Сигизмундъ умеръ и послѣ 6 мѣсяцевъ смуты Владиславъ былъ избранъ въ польскіе короли съ прибавкою двухъ титуловъ: „московскаго царя и шведскаго короля“.

11 лѣтъ длилось перемиріе Россіи съ Польшею. За это время, по приказанію Михаила Ѳеодоровича, были наняты въ Англій, Голландіи, Даніи и Швеціи наемныя войска, учреждены полки иноземнаго строя и началось обученіе этому строю нѣсколькихъ русскихъ полковъ. Закуплены орудія, оружіе, порохъ.

Въ концѣ сентября 1632 года изъ Москвы, подѣ начальствомъ Шенна, бывшаго защитника Смоленска, выступили подѣ Смоленскѣ 32,000 чел. съ 158 орудіями. Къ этимъ главнымъ силамъ ожидались подкрѣпленія съ другихъ сторонѣ. Противники не были готовы къ войнѣ, и 21 городѣ въ полосѣ между Днѣпромъ и г. Вязмою были взяты безъ сопротивленія или послѣ ничтожнаго боя.

Шеннъ обложилъ Смоленскѣ и началъ осаду его. Начальникъ польскаго гарнизона Воеводскій оборонялся упорно и умѣло. Осада затянулась на 8 мѣсяцевъ. Запасы истощились, въ городѣ начали голодать и уже готовились къ сдачѣ, какъ вдругъ неожиданно подѣ начальствомъ Владислава прибыло 23,000 польскаго войска. Одновременно казаки и крымскіе татары начали разорять мѣстности русской Украйны. Услышавъ объ этомъ, многіе изъ войска Шенна, уроженцы тѣхъ мѣстностей, самовольно ушли домой.

Владиславъ дѣйствовалъ искусно. Первоначально онъ овладѣлъ важной позиціей Шенна на Поклонной горѣ съ сильными укрѣпленіями. Бой былъ горячій. Когда ночью наши войска начали отступать съ Поклонной горы къ главнымъ силамъ, часть иноземцевъ перешла къ полякамъ. Затѣмъ Владиславъ, располагая меньшими силами, чѣмъ Шеннъ, смѣло произвелъ движеніе въ тылъ Шенна, отрѣзалъ его отъ путей сообщенія съ Москвою и сжегъ его запасы въ Дорогобужѣ. Оставаясь пассивнымъ, Шеннъ изъ осаждающаго обратился въ осажденнаго съ двухъ сторонѣ: Воеводскимъ и Владиславомъ. Положеніе ухудшилось тѣмъ, что начальники русскіе и иноземные начали принимать, помимо Шенна, грамоты отъ Владислава съ предложеніями прибѣгнуть къ его милости. Голодъ, холодъ, разныя лишенія, сильная болѣзненность,—все это подрывало духъ войскъ и подготовляло катастрофу. Послѣ долгихъ переговоровъ, не рѣшаясь сдѣлать попытку пробиться силою, Шеннъ подписалъ постыдное соглашеніе, по которому вся артиллерія (146 орудій, кромѣ 12 полковыхъ пушекъ) была передана полякамъ; хотя войска и сохранили право выступить къ Москвѣ съ оружіемъ, но ихъ вышло всего 8000 чел., считая въ томъ числѣ и больныхъ; въ Москву, вмѣсто отправленныхъ съ Шеннымъ 32,000 чел., прибыло ничтожное число. Большая часть иноземцевъ передалась полякамъ. Можно признать, что рать Шенна растаяла. Шеннъ былъ судимъ и казненъ за измѣну.

По этому поводу историкъ кн. Голицынъ пишетъ, что „никакой измѣны со стороны Шенна и пострадавшихъ съ нимъ не было, а все это объясняется тѣмъ, что стала явною несостоятельность русскіхъ войскъ въ войнахъ съ поляками и особенно со шведами“ ¹⁾.

Въ результатѣ успѣшныхъ дѣйствій Владислава въ 1634 году

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 545.

былъ заключенъ Поляновскій миръ, большею частью на основаніи Деулинскаго договора.

ВОЙНЫ СЪ ПОЛЬШЕЮ И ЛИТВОЮ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА (1654—1655 И 1658—1666 гг.).

Добровольное присоединеніе къ Россіи Малороссіи послужило поводомъ къ новой войнѣ съ Польшею черезъ 20 лѣтъ послѣ Поляновскаго мира.

Условія для войны были, съ присоединеніемъ Малороссіи, благопріятны. Не только Московская Русь прикрывалась со стороны Крыма, но въ составѣ нашихъ войскъ должны были дѣйствовать и казаки гетмана Богдана Хмѣльницкаго.

Положеніе Польши въ серединѣ XVII столѣтія было очень тяжелое. Шляхта, управляя всѣми дѣлами государства, создавала анархію. Король Янъ-Казиміръ былъ беспленъ получить денежныя средства для содержанія необходимыхъ войскъ для охраны огромной территоріи государства. Въ 1652 году, за два года до войны съ Россіею, на сеймѣ былъ проведенъ законъ „свободнаго голоса“, по которому каждый шляхтичъ-участникъ сейма могъ сорвать сеймъ знаменитымъ „не позволяемъ“.

Янъ-Казиміръ, не сознавая слабости управляемой имъ страны, заявилъ свои претензіи на шведскій престолъ, что повело къ войнѣ со Швеціею. Войскъ было мало и они надежностью не отличались. Добровольное присоединеніе къ Россіи Малороссіи ослабило Польшу 17-ю полками малороссійскаго войска, усиливъ ими русскаго царя. На нашихъ границахъ съ Литвою къ 1654 году стоялъ Радзивиллъ, защищавшій линію Днѣпра отъ Смоленска до Орши, всего съ 12,000 чел. Гарнизонъ Смоленска былъ незначителенъ и недостаточно снабженъ всѣмъ необходимымъ для продолжительнаго сопротивленія.

На югѣ противъ Хмѣльницкаго стоялъ Потоцкій съ 10—15,000 войска.

Между тѣмъ на этотъ разъ царь Алексѣй Михайловичъ готовилъ для борьбы съ Польшею сравнительно очень большія силы, общею численностью свыше 200,000 чел. Несмотря на печальный опытъ съ иноземными войсками, въ составѣ этихъ войскъ находились и иноземцы ¹⁾.

Историкъ пишетъ, что „Польша, въ томъ ужасномъ состояніи, въ которомъ она находилась въ 1654 г., рѣшительно не въ состояніи была бороться даже и съ одною державой—Россіей, тѣмъ менѣе съ двумя—съ нею и Швеціей. Финансы ея были совершенно разстроены, денегъ въ казнѣ не было, а безъ денегъ нельзя было ни

¹⁾ У кн. Голицына (ч. II, стр. 596) имѣется указаніе, что въ Вязьмѣ къ царскому войску присоединилось 2,500 иноземной конницы съ тремя генералами.

набрать достаточно войскъ, ни содержать ихъ, всегда своевольныхъ и мятежныхъ, въ должномъ порядкѣ и повиновеніи“¹⁾.

Къ выгодѣ положенія русскихъ надлежитъ прибавить, что, кромѣ сбора значительныхъ силъ, на этотъ разъ силамъ этимъ ставились широкія задачи. Готовился не набѣгъ, а завоеваніе Литвы. Царь Алексѣй Михайловичъ стоялъ во главѣ войска, внося единство дѣйствій и дисциплинируя отдѣльныхъ начальниковъ. Полезные результаты оказало требованіе Алексѣя Михайловича, чтобы война велась безъ разоренія населенія; хотя и не всюду выполняемая, все же эта мѣра принесла огромную пользу, располагая населеніе Бѣлоруссін и Литвы въ пользу Россіи.

При такихъ условіяхъ Польша, подвергнувшись ударамъ съ двухъ сторонъ, почти безъ сопротивленія была занята: Литва—русскими войсками, Великая Польша—шведскими... Наконецъ, Выговскій съ казаками и русскими воеводами наступали на Малую Польшу. Король шведскій, опираясь на образовавшуюся въ Польшѣ шведскую партію, сталъ польскимъ королемъ. Янъ-Казиміръ вынужденъ былъ бѣжать. Все казалось шло такъ, чтобы окончательно рѣшить споръ Польши съ Россіею изъ-за Литвы. Но мы развивали, несмотря на огромное превосходство въ силахъ, слишкомъ медленно свои дѣйствія, а тѣмъ временемъ, по почину нѣсколькихъ искреннихъ польскихъ патриотовъ, возникла партія, противная шведамъ, оказавшая поддержку Яну-Казиміру.

Въ Польшѣ явилось одновременно два короля. Шведскій король вступилъ въ сношеніе съ Радзивилломъ и литовскими магнатами и за признаніе ими подданства Швеціи обѣщалъ возвратить имъ Литву. Радзивиллъ согласился и сталъ именоваться „великимъ гетманомъ короля и великаго княжества Литовскаго“.

Такое положеніе дѣлъ въ Литвѣ побудило Алексѣя Михайловича начать переговоры съ Яномъ-Казиміромъ, имѣвшие цѣлью общую борьбу противъ шведовъ. Съ Яномъ-Казиміромъ, какъ съ польскимъ королемъ (хотя и безъ большей части его владѣній), было заключено соглашеніе, по которому Литва была признана присоединенною къ Россіи.

Изъ событій, сопровождавшихъ эту войну, заслуживаютъ упоминанія слѣдующія:

Готовясь къ войнѣ съ Польшею, царь Алексѣй Михайловичъ еще лѣтомъ 1653 г. отмѣнилъ мѣстничество. Объявляя объ этой мѣрѣ, царь указывалъ, что, „посоветовавшись съ отцомъ своимъ, съ *великимъ государемъ*, святѣйшимъ Никономъ патриархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ вами, боярами, окольничьими и думными людьми, приговорили и изволили идти на недруга своего,

¹⁾ Кн. Голлицыиъ, ч. II, стр. 605.

польскаго короля; воеводамъ и всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ быть на нынѣшней службѣ безъ мѣстъ“¹⁾.

Заслуживаютъ глубокаго вниманія и всѣ принятія мѣры, чтобы вызвать религіозное возбужденіе войска. Благословеніе въ походъ царя, воеводъ и войска происходитъ при торжественной обстановкѣ, сопровождается церковными службами, кропленіемъ святою водою самимъ патріархомъ Никономъ, отправкою съ войскомъ святыхъ мощей и пр. Царь угощаетъ будущихъ своихъ боевыхъ сподвижниковъ и въ трогательной формѣ даетъ имъ наставленія. Не довольствуясь наставленіемъ начальствующимъ лицамъ, царь обращается съ рѣчью къ простымъ воинамъ, обѣдавшимъ у него. Въ этой рѣчи онъ указываетъ на неправды польскихъ королей:—„Вы слышали это отъ своихъ выборныхъ; такъ вамъ бы за злое гоненіе на православную вѣру и за всякую обиду къ Московскому государству стоять, а мы идемъ сами вскорѣ и *за всѣхъ православныхъ христіанъ начнемъ стоять*“. Государь далѣе обѣщаль раздѣлить съ войскомъ всѣ труды и даже кровь пролить за такое святое дѣло. Возбужденные воины отвѣчали криками: „За православныхъ христіанъ хочешь кровію обагриться! Нечего намъ уже послѣ того говорить: готовы за вѣру православную, за васъ, государей нашихъ, за всѣхъ православныхъ христіанъ безъ всякой пощады головы свои положить“²⁾.

Растроганный царь Алексѣй Михайловичъ заканчиваетъ сквозь слезы свое обращеніе къ воинамъ выраженіемъ надежды, что Господь Богъ за ихъ доброе хотѣніе даруетъ имъ животь, а онъ, царь, будетъ за службу всякою милостью жаловать.

Историкъ пишетъ: „Алексѣй Михайловичъ, увѣренный въ правотѣ своего дѣла, одушевленный религіознымъ чувствомъ, смѣло выступилъ въ походъ. Эти чувства раздѣлялись и его воинами“³⁾.

Принятія государемъ мѣры, чтобы война велась безъ разоренія жителей, приносили хорошіе результаты. Населеніе охотно подчинялось Москвѣ. Поляки и инопземцы, служившіе въ польскихъ войскахъ, писали: „мужики очень намъ враждебны; вездѣ на царское имя сдаются и дѣлають больше вреда, чѣмъ сама Москва“.

Но, конечно, добрыя пожеланія государя во многихъ случаяхъ оставались только пожеланіями и, особенно со стороны казаковъ, населенію приходилось терпѣть по прежнему разореніе и насиліе. Особенно не церемонились съ евреями. Ранѣе въ походѣ Ивана IV Грознаго, историкъ, описывая взятіе Полоцка, лаконично прибавляетъ: „жиды потоплены въ Двинѣ“. Черезъ девяносто лѣтъ, при описаніи взятія московскими войсками Могилева, прибавлено: „жиды были побиты въ Могилевѣ“.

1) Соловьевъ т. X, стр. 1659.

2) Соловьевъ т. X, стр. 1662.

3) Тоже, стр. 1664.

Прибавимъ, что совмѣстныя дѣйствія съ московскими войсками казачьихъ, подъ начальствомъ Золоторенко, приносили на этотъ разъ, пожалуй, болѣе вреда, чѣмъ пользы. Приходилось защищать мирное населеніе отъ казаковъ ¹⁾. Запасы, собираемые для войска, казаки грабили, а охранявшихъ эти запасы стрѣльцовъ разгоняли.

Надо прибавить, что, начиная съ Богдана Хмѣльницкаго, у казаковъ въ ихъ планахъ проглядывала двойственность: при болѣе выгодныхъ предложеніяхъ часть ихъ всегда готова была покинуть московскую сторону и перейти на польскую. Одинъ изъ казацкихъ начальниковъ, подбивая ихъ на измѣну Москвѣ и переходъ въ эту войну къ Польшѣ, писалъ: „Съ Москвою намъ не вѣки жить... Москва едва годится на то, чтобы намъ служить, а не то, чтобы мы ей служили; на Украинѣ большая часть полковниковъ отъ нихъ отлучались, а намъ и подавно отлучиться должно“.

Общій ходъ военныхъ дѣйствій въ первую войну царя Алексѣя Михайловича былъ слѣдующій:

Поддержанный представителями народа, Алексѣй Михайловичъ приготовилъ ударъ на Польшу въ большихъ размѣрахъ. Численность всѣхъ войскъ, которыя должны были вторгнуться въ польскія владѣнія, доходила до 200,000 чел. ²⁾. Планъ былъ принять наступательный. Присоединеніе Малороссіи позволяло направить ударъ въ двухъ направленіяхъ. Эти направленія были выбраны такъ: первое—Москва-Смоленскъ-Вильна и второе—Кіевъ-Львовъ. Главное направленіе, по которому шли главныя силы, было Смоленскъ-Вильна. По этому направленію шелъ съ войсками и самъ царь Алексѣй Михайловичъ. На направленіи Кіевъ-Львовъ шелъ Богданъ Хмѣльницкій съ казаками, усиленный отрядомъ Бутурлина. Для связи войскъ двухъ главныхъ группъ двигался на Гомель и далѣе по Деснѣ казачій отрядъ Золоторенки. Со стороны Крыма выставленъ отрядъ у Бѣлгорода.

Успѣхъ дѣйствій нашихъ войскъ облегчился неготовностью къ войнѣ Польши, недостаточностью силъ, которыми она располагала въ Литвѣ, и, наконецъ, начавшеюся войною Польши со шведами. Дабы привлечь на нашу сторону мѣстное населеніе, приказано было избѣгать разоренія страны.

Дѣйствія открылись наступленіемъ къ Смоленску. Подойдя къ Смоленску 2 іюля 1654 года, войска наши приступили къ осадѣ и 16 августа произвели общій штурмъ. Несмотря на храбрость, проявленную нашими войсками, гарнизонъ Смоленска отбилъ штурмъ, но 26 сентября, не дождавшись поддержки, сдался. Тѣмъ не менѣе дальнѣйшія дѣйствія развивались медленно и зимою прекратились.

Поляки, оправившись, перешли въ наступленіе и осадили Мо-

¹⁾ Соловьевъ, т. X, стр. 1671.

²⁾ Кн. Голцынъ, ч. II, стр. 596.

гилевъ. Только въ маѣ слѣдующаго 1655 года Алексѣй Михайловичъ двинулся отъ Смоленска въ направленіи на Вильну, тѣсня польскіе отряды, и въ концѣ іюля овладѣлъ столицею Литвы — городомъ Вильна, а затѣмъ были взяты Ковна и Гродна. Литовскій гетманъ Сапѣга былъ разбитъ подъ Брестомъ.

Такимъ образомъ, сѣверо-западный край безъ побережья, съ лѣніею Нѣмана на фронтѣ и Полѣсьемъ на югѣ, впервые послѣ удѣльнаго періода былъ присоединенъ къ Россіи.

Дѣятельность Хмѣльницкаго на южномъ направленіи была нерѣшительна и мало результатна. Хмѣльницкій больше занимался политикою, разстраивая союзъ крымцевъ съ Польшею, чѣмъ войною. Подталкиваемый Алексѣемъ Михайловичемъ, онъ все же дошелъ до Львова и осадилъ этотъ городъ, но затѣмъ, взявъ выкупъ, отступилъ въ Украйну. Отрядъ, занявшій Люблинъ, тоже отступилъ.

Въ то время, когда мы тѣснили Польшу съ востока, въ 1655 году шведскій король Карлъ X вторгнулся въ Польшу черезъ Померанію съ запада. Польша была занята шведскими войсками, и, казалось, ея самостоятельности пришелъ конецъ. Но въ томъ же году послѣдовали перемѣны, которыя дали возможность Польшѣ оправиться.

Замѣчательныхъ въ военномъ отношеніи военныхъ дѣйствій въ войну 1654 года не было. Военныя дѣйствія велись безъ напряженія и русскія войска часто встрѣчали совершенно ничтожное сопротивление. Такъ, напримѣръ, весь походъ воеводы Волконскаго изъ Кіева къ Пинску, совершенный по старинному на судахъ, стоилъ ему за мѣсяцъ времени только трехъ человѣкъ ранеными ¹⁾. Между тѣмъ историки упоминаютъ, что онъ „послѣ сильнаго боя“ вступилъ въ Пинскъ.

Даже атака и оборона Смоленска не велась поляками упорно. Когда на второй мѣсяцъ осады наши войска произвели штурмъ, то были отбиты, потерявъ всего 300 чел. убитыми и около 1000 чел. ранеными, и не повторили штурма. Поляки сдались, не истощивъ всѣхъ средствъ обороны, но на невыгодныхъ для насъ условіяхъ: гарнизонъ съ оружіемъ и знаменами былъ отпущенъ.

Съ 1655 года дѣла начинаютъ принимать неблагоприятный для Россіи оборотъ. Сильная моровая язва въ Москвѣ отвлекаетъ вниманіе царя отъ военныхъ дѣйствій. Въ присоединенной добровольно Малороссіи зрѣетъ измѣна. Волненія начинаются и въ Бѣлороссіи. Литовскіе вожди, присоединенные на бумагѣ къ Россіи, начинаютъ тѣснить русскихъ воеводъ.

2-я ВОЙНА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА СЪ ПОЛШЕЮ (1658—1666 гг.).

Въ эту войну главныя операціи велись въ Малороссіи, а въ Литвѣ мы перешли къ оборонѣ.

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 607.

Въ 1660 году обстоятельства складываются благоприятно для Польши. Карлъ - Густавъ умеръ. Польша, при посредствѣ Франціи, заключила со Швеціею миръ; войска польскія соединяются съ литовскими и одерживаютъ рядъ успѣховъ, какъ въ Литвѣ, такъ и въ Малороссіи. Около 40,000 татаръ примыкаютъ къ полякамъ. Всего у Сапѣги собирается 80,000 чел. Гродна, Минскъ, Могилевъ очищены; только Вильна упорно защищается небольшимъ гарнизономъ съ героемъ кн. Мышецкимъ.

Русскій вождь Долгорукій у с. Глубокаго терпитъ тяжелую неудачу; остатки войскъ въ безпорядкѣ отступили къ Полоцку. Осада Полоцка снята.

Послѣдствія неудачи у с. Глубокаго были очень велики. Поляки распространились по всей Бѣлоруссіи и начали разорять окрестности Витебска, Полоцка и даже Великихъ Лукъ... Вильна послѣ геройскаго сопротивленія Мышецкаго пала.

При такихъ условіяхъ начались переговоры, которые и закончились 30 января 1667 года въ с. Андрусовѣ заключеніемъ перемирія на 13½ лѣтъ. Задача по выходу къ Балтійскому морю и присоединенію западныхъ удѣловъ совершенно не удалась. За Россіею на западѣ остались только Смоленскія земли.

На югѣ результаты были достигнуты большіе: мы получили обратно Сѣверскія земли, Малороссію и на два года городъ Кіевъ; эти два года тянутся и до сихъ поръ.

Наиболѣе отраднымъ эпизодомъ въ этой 8-лѣтней войнѣ надлежитъ считать оборону съ ничтожнымъ гарнизономъ княземъ Мышецкимъ цитадели въ Вильнѣ. Онъ отбилъ 5 приступовъ и, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, приготовилъ 10 бочекъ пороху, чтобы взорваться въ случаѣ удачи поляковъ. Измѣна прокралась среди оставшихся въ живыхъ защитниковъ цитадели. Измѣнники связали Мышецкаго и выдали полякамъ. Враги не пощадили героя и неблагоприятно казнили его.

Относительно войнъ съ Польшею, веденныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, кн. Голицынъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе:

„Въ военномъ отношеніи 1-я и 2-я войны Россіи съ Польшею при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ представляютъ полное несоответствіе, во 1-хъ, начала ихъ съ необыкновенно важными политическими цѣлями, съ огромными военными силами и съ личнымъ, мудрымъ руководствомъ ихъ самимъ царемъ, во 2-хъ, продолженію ихъ все съ меньшими и меньшими силами и особенно меньшимъ искусствомъ, но съ большими и большими пожертвованіями и неудачами, и противъ кого же?—противъ безсильной Польши, которая сама едва держалась, и, въ 3-хъ, концу этихъ войнъ—съ недостиженіемъ и половины предвзятой цѣли, къ явной невыгодѣ Россіи и выгодѣ той же самой Польши. А главною виною этого было то, о чемъ уже столько разъ говорено было,—полная несостоятельность всей военной системы

Россіи, во всѣхъ отношеніяхъ, совершенно отжившей уже свое время въ виду современныхъ военныхъ усовершенствованій западной Европы, несмотря на всѣ старанія Михаила Θεодоровича и особенно Алексѣя Михайловича привить къ старому дереву нѣсколько молодыхъ вѣтвей, плохо питаемыхъ жизненными соками своего ствола. Послѣдующая четверть вѣка представитъ еще не мало свидѣтельствъ того же самаго явленія, доколѣ великій сынъ Алексѣя Михайловича не произвелъ коренного переворота въ военной системѣ Россіи“ ¹⁾.

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 651.

ГЛАВА VI.

Задача русской армии по выходу къ Балтійскому морю. (Продолженіе).

Б) *Борьба съ Ливонією.* Превосходство ливонскихъ (нѣмецкихъ) войскъ надъ русскими.—Общій характеръ военныхъ дѣйствій московскихъ войскъ—пабѣги, но не завоеванія.—Военныя дѣйствія въ княженіе Ивана III.—Ничтожность достигнутыхъ результатовъ.—Военныя дѣйствія въ Ливоніи при Иванѣ IV.—Взятіе Нарвы и Дерпта.—Распаденіе Ливоніи.

В) *Борьба со Швецією.* Краткія свѣдѣнія о шведскихъ войскахъ.—Война со Швецією при царѣ Иванѣ IV.—Все побережье Финскаго залива, составлявшее цѣль нашихъ дѣйствій, остается за Швецією.—Война со Швецією при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ.—Планы шведовъ при Густавѣ-Адольфѣ.—Неудачная осада Густавомъ-Адольфомъ Пскова.—Отступленіе Густава-Адольфа и заключеніе пмъ выгоднаго мира въ Столбовѣ въ 1617 году.—Война со Швецією при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.—Неудача подъ Рнгою.—Миръ 1658 года.—Россія отодвинута отъ Финскаго залива и Балтійскаго побережья.

Войны съ Ливонією.

Въ предыдущихъ главахъ были кратко изложены возникновеніе Ливонскаго ордена и его дѣятельность по утверженію на берегахъ Балтійскаго моря и расширенію предѣловъ господства ордена къ юго-востоку по направленію рѣки Западной Двины въ сторону Полоцкаго княжества и къ сѣверо-востоку въ направленіи владѣній новгородскихъ.

Военныя силы ордена при малочисленности нѣмецкаго населенія состояли только въ незначительной части изъ нѣмцевъ, но эта часть была наилучшею, не только въ конницѣ, но и въ пѣхотѣ. Главная же масса ливонскихъ войскъ собиралась изъ покоренныхъ народностей и тоже носила характеръ ополченій, часто совершенно неудовлетворительныхъ.

Въ бояхъ въ открытомъ полѣ ливонскія войска превосходили русскія и часто наносили имъ пораженія, но при оборонѣ населенныхъ пунктовъ ливонцы встрѣчали огромное сопротивленіе даже отъ мѣстныхъ жителей, наскоро организованныхъ для обороны того или другого изъ русскихъ населенныхъ пунктовъ.

Съ началомъ объединенія Московской Руси, борьба съ нею съ цѣлью расширенія владѣній оказалась непосильною для ордена. Поэтому до раздѣла земель Ливонскаго ордена борьба его съ Московскою Русью носила главнымъ образомъ характеръ набѣговъ, очень разорительныхъ для населенія (грабежи, пожары, уводъ плѣнныхъ). При этихъ набѣгахъ дѣлались и попытки къ овладѣнiю тѣмъ или другимъ изъ новгородскихъ городовъ, не исключая и Новгорода, но попытки эти не имѣли успѣха. Псковичи и новгородцы, до присоединенія ихъ къ Москвѣ, первоначально на свой страхъ и рискъ вели борьбу съ Ливонскимъ орденомъ тоже безъ завоевательныхъ цѣлей, а съ цѣлью отмести: на набѣги ливонцевъ отвѣчали набѣгами же.

Съ присоединенiемъ Новгорода и Пскова къ Москвѣ московскiе великiе князья замѣняютъ новгородцевъ въ борьбѣ съ Ливонiею и уже задаются опредѣленными планами утвержденiя въ Ливонiи съ цѣлью выхода къ Балтiйскому морю. Но въ этой задачѣ они встрѣчаютъ противодѣйствiе съ одной стороны въ Литвѣ, которая часто являлась союзницею ордена (или вѣрнѣе обратно) и со Швециею, которая сама стремилась овладѣть Финскимъ и Балтiйскимъ побережьями.

Россiя такъ и не добилась побѣды надъ Ливонiею, вслѣдствiе раздѣла ея между Польшею, Швециею и Данiею. Поэтому продолженiе неоконченной борьбы съ Ливонiею за выходъ къ Балтiйскому морю Россiя вынуждена была перенести съ слабой Ливонiи на болѣе сильныя—Польшу и Швецию.

Изъ наиболѣе характерныхъ эпизодовъ долгой борьбы Московской Руси съ Ливонiею мы остановимся лишь на слѣдующихъ.

Самый выдающийся подвигъ русскихъ войскъ въ борьбѣ съ Ливонiею относится еще къ XIII столѣтiю. Въ серединѣ этого столѣтiя ливонцы быстро продвигались съ береговъ Рижскаго залива и овладѣли Псковомъ, Лугой, Копорьемъ и угрожали Новгороду. Александръ Невскiй въ 1245 году перешелъ въ наступленiе и на льду Чудскаго озера разбилъ ливонцевъ, усиленныхъ нѣмецкими дружинами, на-голову. Въ послѣдующiй годъ ему же удалось еще три раза разбить ливонцевъ.

Борьба съ перерывами продолжалась въ XIV и XV столѣтiяхъ, сохраняя характеръ набѣговъ съ обѣихъ сторонъ. Въ 1460 году Василiй II заключилъ на 5 лѣтъ перемирие между орденомъ и Москвою. Но прежнiя распри возобновились еще до истеченiя этого срока.

Зимою 1463 года, уже при Иванѣ III, ливонскiя войска напали на Псковскую землю и обстрѣливали самый Псковъ, но были прогнаны. Въ свою очередь псковичи, подкрѣпленные московскими войсками, вторгнулись въ Ливонiю и осадили Новый Городокъ (Ней-

гаузь). „Черезъ четыре дня осады разорвало большую пушку и они отступили“ ¹⁾).

Но отдѣльныя партіи, двигаясь на судахъ, продолжали нападенія. Въ 1472 году было заключено перемиріе на 9 лѣтъ, по которому дерптскій епископъ обязался „платить московскому великому князю дань по старинѣ“. Послѣ нѣсколькихъ набѣговъ, еще до истеченія срока этого перемирія, въ 1473 году былъ заключенъ миръ на 30 лѣтъ.

Но этотъ миръ соблюдался лишь 6 лѣтъ и опять первые нарушили его ливонцы, напавъ на наши пограничныя пункты, взяли Вышгородокъ, сожгли его, а жителей перебили. Съ помощью московскихъ войскъ псковичи вторгнулись въ отплату въ ливонскіе предѣлы, осаждали Дерптъ, но взять не могли, набрали много плѣнныхъ изъ мѣстныхъ жителей—чуди и съ большою добычею возвратились. Въ слѣдующемъ 1480 году пришла очередь ливонцевъ. Они опять напали на псковскія земли, взяли и сожгли нѣсколько пограничныхъ городковъ. Въ одномъ изъ нихъ, Кобыльемъ, сгорѣло до 4,000 жителей. Въ томъ же году, въ августѣ, магистръ ордена, набравъ сильное ополченіе изъ худо вооруженныхъ и неустроенныхъ крестьянъ, двинулся къ Пскову, осадилъ его, но вынужденъ былъ отступить. Опять въ отмщеніе московскіе воеводы въ концѣ февраля 1481 года съ войскомъ въ 20,000 чел. вторгаются въ Ливонію, четыре недѣли разоряютъ ее, берутъ Феллинъ и Торвостъ, нигдѣ не встрѣчаютъ противника и съ множествомъ плѣнныхъ (чуди) возвращаются въ русскіе предѣлы.

Въ 1493 году заключается перемиріе на 10 лѣтъ. Но опять ранѣе истеченія перемирія начинаются военныя дѣйствія. На этотъ разъ магистръ ордена Плеттенбергъ заключаетъ противъ Ивана III союзъ съ Александромъ Литовскимъ и съ небольшимъ, но хорошо устроеннымъ войскомъ ²⁾ вторгается въ русскіе предѣлы. Встрѣтивъ въ открытомъ полѣ московскія войска, превосходившія ливонцевъ въ нѣсколько разъ численностью, Плеттенбергъ разбиваетъ ихъ. Въ этомъ бою ясно обнаружилось превосходство ливонскихъ войскъ, особенно въ артиллеріи. Островъ и Изборскъ были взяты, при чемъ въ Островѣ сгорѣло до 4,000 жителей. Открывшійся въ ливонскомъ войскѣ кровавый поносъ и болѣзнь самого Плеттенберга заставили его отступить.

Иванъ III поздною осенью того же года приказалъ русскимъ войскамъ вторгнуться въ Ливонію. Въ окрестностяхъ Дерпта происходили главныя военныя дѣйствія. По словамъ историка, въ этомъ походѣ Ливонія лишилась до 40,000 чел. убитыми или взятыми въ плѣнъ.

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 92.

²⁾ Конницы было 4,000, пѣхоты и крестьянъ нѣсколько тысячъ (кн Голицынъ, ч. II, стр. 94).

Плеттенбергъ отвѣтилъ на этотъ набѣгъ вторженіемъ въ 1501 году съ 15,000 войска къ Изборску и Пскову. Недалеко отъ Пскова московскія рати Данила Щени и Василя Шуйскаго, обойдя съ тыла ливонцевъ, напали на нихъ. Русскіе превосходили ливонцевъ числомъ; ливонцы—устройствомъ. По словамъ историка, первая атака русскихъ была отбита сильнымъ огнемъ артиллеріи. „Ливонцы, особенно пѣхота ихъ, сражались стройно, упорно, съ отчаянною храбростью; одинъ изъ рыцарей перешелъ на сторону русскихъ и указалъ имъ слабую сторону ливонцевъ, но это не помогло, ливонцы устояли на мѣстѣ, а русскіе отступили въ безпорядкѣ и съ урономъ. Эта битва была одною изъ самыхъ жестокихъ и кровопролитныхъ“ ¹⁾. Но даже и послѣ этой побѣды Плеттенбергъ вынужденъ былъ отступить въ свои предѣлы. Въ 1503 году, за два года до смерти, Иванъ III заключилъ перемиріе съ орденомъ (одновременно и съ Литвою) на 6 лѣтъ.

Невозможность успѣшной борьбы съ Москвою, даже въ союзѣ съ Литвою, обозначилась для ливонцевъ вполне ясно. Но и московскія войска были еще слишкомъ слабы и не устроены, чтобы одновременно съ борьбою на юго-востокѣ съ татарами, на западѣ съ Литвою и Польшею, имѣть возможность прочно утвердиться въ Ливоніи. Задача русской арміи дойти до Балтійскаго моря въ этотъ періодъ очевидно еще не была ей по силамъ. Московскихъ военныхъ силъ хватало только на то, чтобы на набѣги отвѣчать набѣгами и геройски отстаиваться въ укрѣпленныхъ пунктахъ; въ откритомъ же полѣ онѣ часто терпѣли неудачи. Много разъ возникшія въ теченіе 43-лѣтняго княженія Ивана III войны съ Ливоніею окончились ничтожнымъ результатомъ: дерпскій епископъ снова обязался платить дань Москвѣ.

Какъ ни мало такой результатъ могъ удовлетворить государственной потребности Россіи имѣть свободный выходъ въ Балтійское море, но борьба съ Казанью и Литвою не позволила Россіи сколько нибудь энергично продолжать вооруженную борьбу съ Ливоніею. Съ другой стороны и постепенно ослабѣвавшій Ливонскій орденъ старался не вызывать вооруженной борьбы съ Россіею.

Вотъ почему за все княженіе Василя III и первыя 20 лѣтъ царствованія Ивана IV Грознаго, т. е. въ теченіе почти 50 лѣтъ, Московское государство не вело войны съ Ливоніею. Только когда Иванъ IV успѣшно покончилъ задачу по выходу къ Каспійскому морю, завоевавъ царства Казанское и Астраханское, онъ переноситъ свое вниманіе на направленіе къ Балтійскому морю и задается цѣлью возвратитъ отторгнутыя отъ Россіи ранѣе подчиненныя ей мѣстности. Эти отторгнутыя отъ Московской Руси мѣстности находились во владѣніи Польши, Литвы, Ливоніи и Швеціи. Относительное зна-

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 95.

ченіе различныхъ операціонныхъ направленій, на которыхъ приходилось бы остановиться, выбирая того или другого изъ противниковъ, рельефно очерчено въ слѣдующихъ строкахъ „Обзора войнъ“¹⁾:

„Для борьбы на западѣ опредѣлялись три главныхъ направленія—одно изъ Сѣверской земли (долина Десны и Сейма) къ Кіеву (отъ Москвы до Кіева—напрямикъ 700 вер.);—другое отъ Смоленска въ Литву—къ Вильнѣ (Москва—Вильна 750 вер.) и третье отъ Пскова—Новгорода къ Балто-Финскому побережью (Москва—Ревель 850 вер.). Первое—къ Кіеву—вело къ занятію древняго центра въ политической жизни Руси, къ приобрѣтенію сильной линіи Днѣпра и богатаго края въ долину его и его притоковъ, выводило на старыи путь къ Черному морю. Но это направленіе неминуемо приводило къ борьбѣ съ сильной тогда Польшею-Литвою, при условіи пребыванія на флангѣ и близко назойливаго врага—Крыма, а черезъ него ставило въ опасное положеніе со стороны Турціи. Второе направленіе, ведшее къ возвращенію областей по Нѣману и Двинѣ, приводя къ борьбѣ съ Польшею-Литвою, ставило операціонную линію въ опасное положеніе со стороны Ливоніи и проходило по бѣдной странѣ. Третье—къ Финскому побережью—приводило къ единоборству съ слабой Ливоніей, отрѣзанной отъ своей опоры—Швеціи—моремъ. Удары въ этомъ направленіи могли быть быстры (Псковъ—Ревель 400 вер.); успѣшныя дѣйствія приводили къ приобрѣтенію доступовъ къ Балтійскому морю, къ занятію линіи Двины, надежнаго рубежа для нашей границы съ Литвой; наконецъ, для будущей борьбы съ Литвой и Польшей овладѣніе Ливоніей съ одной стороны освобождало нашу операціонную линію отъ давленія съ праваго фланга, а съ другой—создавало охватывающее направленіе базы для той же борьбы съ Литвою—Польшею“.

Иванъ IV выбираетъ для нанесенія первыхъ ударовъ Ливонію. Почему Россіи было необходимо выйти къ Балтійскому морю,—разсмотрѣно въ третьей главѣ. Тутъ мы прибавимъ, что возвышеніе Россіи, ея побѣды надъ татарами, самостоятельность политики—все это заставляло современныя государства противиться проникновенію въ Россію иностранныхъ знаній, дабы не усилить Россіи въ еще большей степени. Но недостаточность этихъ знаній, особенно по военной части, въ связи съ необходимостью провоза въ Россію всѣхъ важныхъ для нея предметовъ, вызывала потребность имѣть свободный доступъ какъ русскимъ за границу, такъ и людямъ и товарамъ изъ за-границы. Между тѣмъ, именно Ливонія, подъ вліяніемъ иностранныхъ государствъ, особенно затрудняла намъ этотъ доступъ. Ливонія служила барьеромъ, устроеннымъ германскою народностью между Россією и Европою. Опрокинуть этотъ барьеръ представлялось для Россіи необходимымъ. Уже заключая миръ со

1) Н. Сухотинъ. Обзоръ войнъ, ч. IV, стр. 45—46.

Швецією въ 1554 году, Иванъ IV выговорилъ свободу торговли и свободу проѣзда въ другія государства.

Поводомъ къ войнѣ съ Ливонією послужила неуплата Дерптомъ данн по договорнымъ грамотамъ XIV и XV столѣтій. Если бы эта претензія была удовлетворена, нашлась бы другая. Государство, которое считаетъ своевременнымъ начинать войну и чувствуетъ себя сильнѣйшею и болѣе готовою къ войнѣ стороною, обыкновенно не стѣсняется въ выборѣ поводовъ для войны.

Въ 1558 году русская рать, силою до 45,000 чел., въ составъ которой входили между прочимъ татары, черемисы, мордва, пятигорскіе черкесы, вторглась въ Ливонію. Въ числѣ главныхъ воеводъ былъ и татарскій князь Шигъ-Алей. Ливонцы не были готовы къ отраженію этого нападенія. Небольшіе встрѣченные отряды были разбиты. Вторженіе простиралось на 200 верстъ и сопровождалось разореніемъ проходимыхъ мѣстностей. Но и на этотъ разъ это не былъ походъ съ цѣлью завоеванія, а тоже набѣгъ, окончившійся захватомъ большой добычи. Былъ сдѣланъ однако и полезный для Россіи шагъ. Послѣ приказа Ивана IV прекратить, по просьбѣ магистра ордена, войну, жители Нарвы не прекратили военныхъ дѣйствій и перестрѣливались съ лежавшимъ на другомъ берегу р. Наровы Иванъ-Городомъ, основаннымъ еще Иваномъ III. Нашъ гарнизонъ въ Иванъ-Городѣ, воспользовавшись сильнымъ пожаромъ, вспыхнувшимъ въ Нарвѣ, штурмовалъ ее, послѣ упорнаго боя овладѣлъ большею частью города и осадилъ цитадель—Вышгородъ. Гарнизонъ сдался съ правомъ выхода. Съ гарнизономъ ушла изъ Нарвы и часть населенія. Остальные присягнули на вѣрность Ивану IV.

Извѣстіе о взятіи Нарвы послужило поводомъ къ прекращенію переговоровъ, и война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ.

Другой важный успѣхъ, одержанный нами, заключался въ овладѣніи послѣ осады Дерптомъ.

Вслѣдъ за Дерптомъ на очередь сталъ Ревель. Населенію этого важнаго пункта было предложено покориться на тѣхъ же условіяхъ, что и въ Дерптѣ. Ревельцы отказались. Но другіе города, счетомъ до 20, покорились. Въ нихъ были оставлены небольшіе гарнизоны, а воеводы съ главными силами, какъ то практиковалось и раньше, на зиму ушли въ русскіе предѣлы. Какъ только уходили наши войска, ливонцы переходили обыкновенно въ наступленіе. Такъ и въ 1558 г., когда наши войска ушли на зиму въ предѣлы Россіи, энергичный магистръ ордена Кетлеръ, собравъ до 10,000 войска, напалъ на слабые русскіе гарнизоны, обратилъ ихъ въ бѣгство и вторгнулся въ псковскіе предѣлы. Въ январѣ слѣдующаго года многочисленное русское войско разбило ливонцевъ при Тирзенѣ и цѣлый мѣсяцъ безъ сопротивленія разоряло Ливонію до моря и границъ прусскихъ и литовскихъ.

Рядъ опустошительныхъ набѣговъ повторялся съ обѣихъ сторонъ

и въ послѣдующіе годы. Кромѣ Дерпта, Нарвы, Феллина и Везенберга, взятыхъ русскими войсками, производилась съ переменнымъ успѣхомъ осада многочисленныхъ рыцарскихъ замковъ. Въ общемъ война тянулась медленно, безъ рѣшительнаго успѣха, безъ опредѣленнаго плана. Наши войска проходили Ливонію, разоряли ее, но не утверждались въ ней. Какъ и въ борьбѣ по выходу къ Каспійскому морю, походы, имѣвшіе цѣлью устрашеніе и наказаніе за набѣги, цѣли не достигали, вызывая только взаимное озлобленіе. Какъ по пути къ Каспійскому морю только завоеваніе Казани и Астрахани дало спокойствіе Россіи съ юго-востока, такъ и въ борьбѣ по выходу къ Балтійскому морю только *завоеваніе Ливоніи* могло удовлетворить Россію. Занятіе нами Нарвы было первымъ и важнымъ шагомъ къ прочному овладѣнію Ливоніей. Создавалась сильная линія: Нарва, р. Нарова, Чудское озеро и рѣка Великая съ Псковомъ и Себежомъ. Эта линія, при движеніи къ Ревелю и къ главному предмету дѣйствій въ Ливоніи—Ригѣ, могла служить отличною базой.

Вѣроятно, русскіе, какъ и при дѣйствіяхъ противъ Казани, хотя и поздно, но все же отъ набѣговъ перешли бы и къ завоеванію Ливоніи, если бы она сама не распалась на пять частей и этимъ не поставила Россію въ необходимость для выхода къ Балтійскому морю выдержать тяжелую борьбу съ Польшею, Литвою и главнымъ образомъ Швеціею. Распаденіе Ливоніи произошло въ общемъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Ливонское правительство, видя себя не въ силахъ бороться противъ Московскаго государства, обратилось за помощью къ Швеціи съ просьбою прислать войско и дать денегъ на продолженіе войны, подъ залогъ части владѣній Ливоніи. Густавъ-Ваза отказалъ въ этомъ, опасаясь своимъ вмѣшательствомъ въ ливонскія дѣла поссориться съ Иваномъ IV и съ королями польскимъ, датскимъ и даже вызвать неудовольствіе германскаго императора Фердинанда I. Столько въ то время было претендентовъ на ливонское наслѣдіе! Желаніе поддерживать миръ съ Россіею у Густава - Вазы было настолько сильно, что онъ послалъ въ Финскій заливъ шведскія военныя суда для защиты русскихъ купеческихъ судовъ ¹⁾.

Въ то же время Густавъ-Ваза просилъ Ивана IV за Ливонію, указывая, что онъ это дѣлаетъ въ интересахъ императора германскаго. Иванъ IV отвѣчалъ ему, чтобы онъ „въ такомъ случаѣ не хлопоталъ о ливонцахъ“.

Тогда ливонцы просили заступничества датскаго короля Христіана; ревелъцы соглашались даже перейти въ его подданство, но и тутъ получили отказъ. Король Христіанъ тоже просилъ Ивана IV за Ливонію.

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 167.

Въ видахъ исполненія этой просьбы было заключено перемиріе, и Иванъ ждалъ присылки пословъ для заключенія вѣчнаго мира. Но Кетлеръ сдѣлалъ еще третью попытку найти защитника—обратился къ польскому королю Сигизмунду и на этотъ разъ успѣшно. Между Польшею и Ливоніей былъ заключенъ договоръ, по которому Сигизмундъ обязался защищать Ливонію цѣною уступки ему девяти ливонскихъ волостей. Это было началомъ раздѣла Ливоніи.

Сигизмундъ отправилъ въ Москву посольство съ требованіемъ „не вступаться въ дѣла Ливоніи, отдавшейся подъ его покровительство“. Такое требованіе, очевидно, можно было предъявить Россіи, только побѣдивъ ее силою оружія.

Въ слѣдующемъ 1561 году эзельскій епископъ продалъ, безъ вѣдома и согласія орденскихъ властей, владѣнія свои Эзель и Пильтенъ датскому королю. Въ томъ же году ревельцы отдали себя совсею Эстоніею подъ покровительство шведскаго короля Эрика XIV, сына и преемника Густава-Вазы. Наконецъ, въ концѣ того же года Кетлеръ передалъ остальную Ливонію Польшѣ, сохранивъ себѣ наслѣдственные права въ Курляндіи и Семигаліи. Наконецъ, Россія сохранила за собою по праву завоеванія восточныя области Ливоніи.

Приведемъ ниже отзывы нашихъ историковъ относительно результатовъ и способа веденія четырехъ-лѣтней войны съ Ливоніею при Иванѣ IV.

„Въ концѣ концовъ, несмотря на выставленныя большія силы для этой борьбы съ слабой Ливоніей, война окончилась полною неудачею для *Іоанна*. Ливонія, правда, перестала существовать, распавшись на нѣсколько частей, отошедшихъ къ *Швеціи, Даніи, Польшѣ и Литвѣ*, но это распаденіе Ливоніи поставило Россію лицомъ къ лицу съ новыми врагами, далеко болѣе сильными, чѣмъ она—съ Литвой, Польшей и Швеціей“¹⁾.

Князь Голицынъ въ своемъ трудѣ „Русская военная исторія“ даетъ объ этой войнѣ слѣдующій хотя и рѣзкій, но справедливый отзывъ:

„Ливонскій орденъ рушился, и владѣнія его распались на пять частей: восточная, на русскихъ предѣлахъ, была занята русскими войсками и покорилась Іоанну, сѣверная—Эрику шведскому, Эзель—Магнусу датскому, а Курляндія и Семигалія образовали ленное Польшѣ герцогство Кетлера. Такой раздѣлъ Ливоніи не только не былъ утвержденъ согласіемъ участвовавшихъ въ немъ сторонъ, но и повелъ къ продолжительному соперничеству ихъ и особенно Руси и Польши. Іоаннъ и Сигизмундъ-Августъ одинаково хотѣли владѣть всею Ливоніею нераздѣльно, а короли шведскій и датскій были врагами ихъ и не намѣрены были уступать имъ своихъ владѣній въ

¹⁾ Н. Сухотинъ. Обзоръ войнъ, ч. IV, стр. 47.

Ливоніи. Слѣдствіемъ того была 20-ти-лѣтняя кровопролитная война между Русью, съ одной стороны, и Польшей съ Швеціею—съ другой.

А между тѣмъ, какой благопріятный случай представлялся Іоанну завоевать всю Ливонію еще во время войны 1558—60 г.г., — если бы только образъ веденія ея былъ иной. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь значительнымъ превосходствомъ военныхъ силъ своихъ вообще и артиллеріи въ частности, предводимыхъ опытными и искусными полководцами, упадкомъ и безсиліемъ ордена и невмѣшательствомъ еще Польши, Швеціи и Даніи въ ливонскія дѣла, вести правильную войну, постепенно подвигаясь съ востока и юга впередъ и прочно утверждаясь въ Ливоніи, покореніемъ всѣхъ и особенно главныхъ городовъ, крѣпостей и замковъ ея,—воеводы Іоанна, повинаясь волѣ его, уже не знавшей границъ, и подъ страхомъ права его, становившагося все болѣе и болѣе жестокимъ, вели войну совершенно иного рода. То была война—нашествная, разорительная, истребительная, варварская, азіатско-татарская, но въ которой не было даже искусныхъ соображеній и дѣйствій Чингизъ-хана и Тамерлана. Разорять и грабить Ливонію и истреблять ея поселенія и жителей для того, чтобы принудить орденъ покориться,—могло быть прилично азіатскимъ завоевателямъ, но долженствовало быть чуждымъ государю страны, уже сто лѣтъ свергнувшей съ себя татарское иго, и искавшему сближенія и связей съ западною Европою. Такого рода образъ веденія войны явно противорѣчилъ какъ этой цѣли, такъ и другой, главной—завоеванію Ливоніи для воссоединенія ея съ Русью, древнимъ достояніемъ которой признавалъ ее самъ Іоаннъ, какъ и его отецъ, дѣдъ и предки“.

Такимъ образомъ, въ этой войнѣ мы хотя и расцѣтали по всѣмъ швамъ Ливонію и она распалась, но этимъ распадомъ воспользовалась не Россія, а другія государства.

Распаденіе Ливоніи не могло конечно удовлетворить Ивана IV. Онъ сдѣлалъ въ 1570 году попытку обратить владѣтеля острова Эзеля, датскаго принца Магнуса, въ своего вассала съ титуломъ короля Ливонскаго, но неудачно.

Въ 1577 году, послѣ всѣхъ исполненныхъ Иваномъ IV походовъ, русскія войска занимали большую часть Ливоніи кромѣ Риги.

Съ 1578 года въ Ливоніи поляки, соединившись со шведами, напали на русскихъ, осаждавшихъ Венденъ. Русскихъ было 18,000 чел. Первою дала тылъ татарская конница, входившая въ составъ русскаго войска. Ночью ускакала изъ русскаго стана и русская конница вмѣстѣ съ малодушно покинувшими своихъ подчиненныхъ князьями Голицынымъ, Палицкимъ и Шереметевымъ. Русскія войска были разбиты и потеряли свыше 6,000 человѣкъ. Но и въ этомъ неудачномъ бою есть отрадный для русскаго сердца фактъ:

„Когда непріятель прорвался въ русскій станъ, *русскіе пушкарѣ* геройски предпочли плѣну смерть и сами повѣсились на своихъ орудіяхъ“¹⁾.

Въ 1579 году Иванъ IV готовится предпринять новый и на этотъ разъ рѣшительный походъ въ Ливонію, по вторженіе Стефана-Баторія въ русскіе предѣлы, осада и взятіе имъ Полоцка и осада Пскова вызываютъ у Ивана IV чрезмѣрныя опасенія и, несмотря на геройское сопротивленіе псковичей, несмотря на явную неудачу похода Баторія, несмотря на то, что большія русскія рати были собраны и бездѣйствовали, Стефану Баторію, давившему нравственно на своихъ болѣе слабыхъ противниковъ, удается заключить выгодный для Польши и позорный для Россіи миръ.

Въ 1582 году былъ подъ стѣнами Пскова подписанъ мирный договоръ, по которому Россія отказалась не только отъ Ливоніи, но и отъ Полоцка и Велижа.

Историкъ кн. Голицынъ относительно Ивана IV пишетъ: „24 года воевавъ непрерывно, чтобы завоевать Ливонію, берега и гавани моря, и уже почти достигнувъ этой цѣли, съ большими пожертвованіями, онъ вдругъ, имѣя многочисленное войско, пожертвовалъ всѣмъ приобрѣтеннымъ Баторію, имѣвшему сравнительно слабѣйшія, изнуренныя и разстроенныя военныя силы. Въ первый разъ еще Русь заключила съ Польшей и Литвой такой невыгодный и не почетный миръ и если не уступила еще болѣе и удержалась въ своихъ древнихъ предѣлахъ, то вся честь того принадлежала Пскову и доблестнымъ защитникамъ его, которые по-истинѣ спасли Русь отъ большей опасности и отъ еще большихъ жертвованій и утратъ“.

Эстонія, Нарва, Ямъ и Копорье остались во власти шведовъ.

Войны за выходъ къ Балтійскому морю со Швеціею.

ШВЕДСКІЯ ВОЙСКА²⁾.

До конца XV вѣка военная служба въ Швеціи лежала преимущественно на дворянствѣ и отбывалась имъ неудовлетворительно. Съ конца XV столѣтія, со времени войнъ съ Даніею за независимость, главною частью шведскихъ войскъ сдѣлались крестьянскія ополченія. Особенно упрочилъ эту демократизацію войскъ Густавъ Ваза. Но уже при немъ въ составъ шведскихъ войскъ появляются нѣмецкіе наемники.

Въ серединѣ XVI столѣтія вооруженныя силы Швеціи состояли изъ 12,000 пѣхоты, 1,400 конницы и около 800 конныхъ и пѣшихъ

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 180.

²⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 33—36.

нѣмецкихъ наемниковъ. Часть этихъ войскъ содержалась на жалованьи, часть была поселена на квартирахъ.

Съ середины XVI до начала XVII столѣтія шведскія войска пришли въ упадокъ. Дисциплина исчезла, происходили побѣги и мятежи.

Въ лицѣ Карла IX (1599—1611) войска опять получили заботливаго вождя. Онъ подвинулъ дворянство дать матеріальныя средства на содержаніе войска. Для увеличенія конницы, несправно комплектуемой дворянами, онъ далъ дворянскія льготы тѣмъ не дворянамъ, которые соглашались служить на конѣ или пѣшкомъ съ собственнымъ вооруженіемъ. Въ 1595 году военное сословіе въ Швеціи было обращено въ государственное, призваніемъ участвовать въ государственномъ сеймѣ уполномоченныхъ отъ войска.

Вооруженіе пѣхоты состояло изъ мушкетовъ съ фитильными и частью кремневыми замками, но сохранялись еще части, вооруженныя луками. Пѣхота носила латы.

Карлъ IX особенно заботился объ увеличеніи артиллеріи. Къ концу XVI столѣтія въ Швеціи уже считалось 1,432 орудія мѣдныхъ и 2,027 желѣзныхъ.

Для дѣйствій на сѣверѣ существовалъ особый родъ войскъ, дѣйствовавшій на лыжахъ (лыжники).

Въ царствованіе Карла IX, кромѣ нѣмецкихъ наемниковъ, содержался и одинъ полкъ французской конницы.

Шведское войско въ общемъ представляло отличный матеріалъ, изъ котораго мастеръ военнаго дѣла могъ образовать грозное войско. Такимъ мастеромъ оказался сынъ Карла IX—знаменитый Густавъ-Адольфъ.

При немъ шведскія войска достигли высокаго, неизвѣстнаго еще въ Европѣ, уровня. Они безпрекословно повиновались своему королю-полководцу и неограниченно довѣряли ему. Солдаты отличались необыкновеннымъ трудолюбіемъ: „Каждый солдатъ былъ ловкимъ землекопомъ; послѣ тяжкаго деннаго похода, шведы скоро и охотно къ ночи сооружали укрѣпленія для прикрытія своего расположенія. Самъ король раздѣлялъ всѣ ихъ труды и пріучалъ своихъ воиновъ къ терпѣнію и твердости духа, заботливо внушая кротость въ обращеніи съ жителями“¹⁾.

Въ предыдущихъ главахъ уже изложено, какъ давно начались столкновенія изъ-за Финскаго побережья населенія новгородскихъ владѣній со шведами. Еще въ XIII столѣтіи, когда Русь была ослаблена нашествіемъ татаръ, шведы, подъ предлогомъ распространенія католической религіи, задались цѣлью овладѣть побережьемъ Балтійскаго моря и весною 1240 года вошли на судахъ въ р. Неву и

¹⁾ Изъ труда П. Бобровскаго: „Къ характеристикѣ военнаго искусства и дисциплины въ войскахъ XVII и начала XVIII столѣтія“. Изд. 1891 г.

поднялись вверхъ по рѣкѣ до Ижоры. Новгородскій князь Александръ Невскій собралъ небольшую рать, быстро двинулся къ берегамъ Невы, неожиданно напалъ на шведовъ и разбилъ ихъ.

Въ теченіе четырехъ послѣдующихъ столѣтій Московская Русь, занятая борьбою съ татарами и внутреннею борьбою за объединеніе, не могла удѣлять достаточно силъ и вниманія вопросу о подчиненіи Россіи Финскаго и Балтійскаго побережій. Только послѣ окончательнаго рѣшенія вопроса о выходѣ къ Каспійскому морю Иваномъ IV выдвигается слѣдующій очередной для Россіи вопросъ: выходъ къ Балтійскому морю.

Выполненіе этой новой задачи для русской военной силы, какъ мы видѣли выше, первоначально обусловливалось лишь борьбой съ Ливоніею, а ужъ затѣмъ, съ распаденіемъ Ливоніи, вызвало продолжительную, закончившуюся лишь при Петрѣ Великомъ полтавскою побѣдою, борьбу со Швеціею.

Въ серединѣ XVI столѣтія шведы уже завоевали Финляндію и укрѣпились на берегахъ Финскаго залива. Выборгъ былъ ими укрѣпленъ, и Финляндія управлялась сыномъ шведскаго короля Густава-Вазы—герцогомъ Іоанномъ.

Первая война Московской Руси со Швеціею возникла изъ-за граничныхъ споровъ въ 1554 году. Одною изъ причинъ войны было недовольство шведскаго короля Густава-Вазы на порядокъ сношенія съ нимъ московскаго князя не непосредственно, а черезъ новгородскаго намѣстника. Война была непродолжительная и безрезультатная. Московскія войска подступили къ Выборгу, но безуспѣшно осаждали его. Престарѣлый Густавъ - Ваза самъ искалъ мира. Миръ и былъ заключенъ въ томъ же 1554 году на условіяхъ сохраненія существовавшихъ до начала войны границъ и свободныхъ взаимной торговли и проѣзда въ другія государства и страны.

Дальнѣйшая борьба Ивана IV, послѣ распаденія Ливоніи, составляетъ уже борьбу съ Литвою, Польшею и Швеціею. По желанію жителей шведы заняли Ревель. Попытка отнять его у шведовъ не удалась. Не удалась и попытка получить отъ шведовъ безъ войны Эстляндію. Въ концѣ 1572 года Иванъ IV вступаетъ въ Эстляндію съ 80,000 войскомъ, беретъ три укрѣпленныхъ пункта, но въ открытомъ полѣ шведы даже въ меньшемъ числѣ побѣждаютъ русскихъ. Съ отъѣздомъ Ивана IV изъ арміи русскія войска были разбиты малочисленнымъ отрядомъ шведовъ.

Въ 1575 году заключается между Швеціею и Московскимъ государствомъ оригинальное перемиріе на два года, но оно должно было касаться только прекращенія военныхъ дѣйствій въ Финляндіи и Новгородской землѣ; въ Эстляндіи же военныя дѣйствія должны были продолжаться. Успѣхъ нѣкоторое время сопровождаетъ дѣйствія русскихъ войскъ. Перновъ былъ взятъ послѣ горячаго боя приступомъ. Нѣсколько городовъ сдались вслѣдъ за симъ. Въ ян-

варъ 1577 года 50,000 русскихъ осадили Ревель. Осада длилась полтора мѣсяца и окончилась отступленіемъ нашихъ войскъ.

Въ 1579 году Иванъ IV собирается предпринять новый походъ на Ревель, но въ это время у Россіи появился опасный врагъ въ лицѣ вступившаго на польскій и литовскій престолы даровитаго энергичнаго короля-полководца Стефана - Баторія. Пришлось всѣ силы направлять противъ новаго грознаго противника. Этимъ воспользовались шведы. Они первоначально напали на Нарву, а затѣмъ, подъ начальствомъ Делагарди, вторгнулись въ Карелію, взяли Кегсгольмъ; затѣмъ шведскія войска явились въ Эстонию и Ливонию, гдѣ овладѣли нѣсколькими пунктами, защищавшимися русскими гарнизонами.

Война со шведами окончилась неудачно для русскихъ. Вся Эстонія съ Ревелемъ, а также Нарва, Иванъ-Городъ, Копорье и Кегсгольмъ, остались въ рукахъ шведовъ и были признаны за ними Иваномъ IV.

ВОЙНА СО ШВЕЦІЕЮ ВЪ 1590—1593 ГОДАХЪ.

Смерть Стефана-Баторія развязала руки Россіи по отношенію къ дѣламъ Швеціи. Управлявшій дѣлами государственными при слабости царя Феодоръ Ивановичъ Борисъ Годуновъ воспользовался благопріятно сложившеюся обстановкою, и война Швеціи была объявлена.

Въ январѣ 1590 года многочисленное русское войско двинулось къ шведскимъ границамъ съ цѣлью возврата отнятыхъ шведами городовъ. Успѣхъ на этотъ разъ сопровождалъ дѣйствія нашихъ войскъ. Взятъ былъ городъ Ямы (Ямбургъ), но особенно важной представлялась побѣда въ открытомъ полѣ надъ 20,000 шведскимъ корпусомъ близъ Нарвы. Русскими войсками командовалъ Хворостининъ. Поощряемая успѣхомъ, русскія войска штурмовали Нарву, но были отбиты съ большими потерями. Тѣмъ не менѣе шведы заключили перемиріе на одинъ годъ и уступили Ямы, Иванъ-Городъ и Копорье.

Въ концѣ 1591 года шведы сами возобновили военныя дѣйствія. Высланный на подкрѣпленіе нашимъ гарнизонамъ въ Ямахъ и Копорьѣ передовой полкъ, подъ начальствомъ князя Долгорукаго, былъ разбитъ и самъ воевода взятъ въ плѣнъ. Одновременно шведы напали на побережье Бѣлаго моря, но здѣсь не имѣли успѣха.

Въ 1595 году между Швеціею и Россіею былъ заключенъ „вѣчный миръ“. Однимъ изъ главныхъ условій его было условіе о свободной торговлѣ: „черезъ шведскія владѣнія быть свободному пути русскимъ и иностраннымъ посламъ и купцамъ изъ Москвы въ Западную Европу и изъ нея въ Москву и обратно, врачамъ и всякимъ служилымъ людямъ и мастерамъ“.

Этому условію придавалъ особое значеніе просвѣщенный, знакомый съ западною культурою Борисъ Годуновъ, вполне сознававшій, что безъ этихъ „врачей и мастеровъ“ Россіи нельзя было съ успѣхомъ бороться противъ ея западныхъ противниковъ и занять подобающее ей мѣсто среди европейскихъ государствъ.

ВОЙНА СО ШВЕЦІЕЮ ПРИ МИХАИЛѢ ТЕОДОРОВИЧѢ (1614—1617).

Наступившее въ Россіи „смутное время“ вызвало въ шведскомъ правительствѣ намѣреніе воспользоваться слабостью Россіи и воспользоваться за ея счетъ.

Въ Швеціи въ началѣ XVII столѣтія правилъ одинъ изъ величайшихъ полководцевъ той эпохи Густавъ - Адольфъ. Въ своихъ видахъ на Россію онъ заходилъ такъ далеко, что принималъ мѣры посадить на московскій престолъ своего брата Карла - Филиппа. Избраніе Михаила Теодоровича положило предѣлъ вождедѣніямъ Польши и Швеціи. Россіею началъ править не полякъ и не шведъ, а русскій царь, облеченный довѣріемъ выбравшаго его народа, поддержанный духовенствомъ, сильный вѣрою въ Промыслъ Божій и въ будущую мощь Россіи. Какъ ни слаба была Россія, медленно оправлявшаяся отъ ужасовъ смутнаго времени, но и шведамъ, несмотря на стоявшаго во главѣ ихъ великаго полководца, пришлось сократить свои планы относительно Россіи. Тѣмъ не менѣе, даже и въ сокращенномъ видѣ, эти планы были тяжки для Россіи. Густавъ-Адольфъ рѣшилъ добиваться присоединенія къ Швеціи всей Новгородской области подъ предлогомъ вознагражденія за военные убытки въ смутное время. Планъ этотъ не могъ представляться невыполнимымъ, ибо при вступленіи Михаила Теодоровича на царство *Новгородъ находился въ шведскихъ рукахъ.*

Военныя дѣйствія открыли шведы въ 1613 году, осадивъ Тихвинъ и разбивъ высланныя на помощь осажденнымъ войска. Но гарнизонъ Тихвина оборонялся упорно и успѣшно. Осенью того же года въ Москвѣ рѣшили дѣйствовать противъ Новгорода наступательно. Высланныя войска остановились, не дойдя всего одного перехода до Новгорода, но, атакованныя шведами, благодаря искуснымъ дѣйствіямъ начальствовавшаго надъ шведами Делагарди, вынуждены были отступить къ Торжку, понеся большія потери въ людяхъ и лошадяхъ.

Густавъ-Адольфъ начинаеть лично командовать войсками, дѣйствовавшими въ Россіи, съ 1614 года. Въ этомъ году онъ беретъ Гдовъ. Въ слѣдующемъ году онъ появляется въ нашихъ предѣлахъ съ 16,000 войска. Есть упоминаніе, что въ числѣ ихъ находились и малороссійскіе казаки.

15 августа шведы подступили къ Пскову и, выбивъ ворота

взрывомъ петарды, штурмовали городъ. Штурмъ не удался. Тогда Густавъ-Адольфъ приступилъ къ осаднымъ работамъ. Для прикрытія ихъ было сооружено до 10 сильныхъ фортовъ. Черезъ рѣку Великую наведено было два моста. 17 августа началось обстрѣливаніе крѣпостной ограды и города изъ большихъ и малыхъ орудій. Въ городъ было брошено для производства пожара много каленыхъ ядеръ. Одна изъ угольныхъ башенъ была разрушена до половины, а часть стѣны до основанія. Осажденные защищались съ обычнымъ для псковичей упорствомъ, обстрѣливая шведовъ изъ орудій и ружей, производя частыя вылазки, задѣлывая разрушенія въ стѣнѣ и прекращая пожары. Осада тянулась около семи недѣль безъ успѣха для шведовъ. Между тѣмъ въ шведскихъ войскахъ сталъ ощущаться большой недостатокъ въ продовольствіи. Въ Псковѣ стали являться голодные перебѣжчики. 9 октября Густавъ-Адольфъ произвелъ общій штурмъ. Войска двинулись на штурмъ съ обоихъ береговъ р. Великой. Съ лѣваго берега штурмующія войска перевозились на лодкахъ и судахъ. Бой шелъ упорный. Кромѣ артиллерійскаго и ружейнаго огня бросали со стѣнъ камни и бревна.

У кн. Голицына относительно этого славнаго для русскаго оружія штурма имѣются слѣдующія строки: „Во 2-мъ часу пополудни шведы успѣли однако взобраться на городскую стѣну и на угольную башню и начали трубить въ трубы, въ знакъ взятія города. Но осажденные подложили подъ башню порохъ и взорвали ее вмѣстѣ съ находившимися на ней шведами, которые были сброшены въ рѣку; другіе изъ нихъ на плоткахъ были потоплены въ ней, а остальные на сухомъ пути отступили внизъ по правому берегу рѣки. Осажденные преслѣдовали ихъ и хотѣли завладѣть ихъ пушками, но не могли, потому что они были слишкомъ сильно укрѣплены, и воротились въ Псковъ“.

На другой день послѣ неудачнаго штурма шведы отступили. И на этотъ разъ псковичи покрыли себя славою, отбивъ одного изъ великихъ полководцевъ.

У кн. Голицына есть указаніе, что въ теченіе 700 лѣтъ своей исторіи Псковъ выдержалъ 26 осадъ и ни разу не сдался и только одинъ разъ, въ 1240 году, путемъ измѣны и предательства былъ взятъ лшвонцами.

Повидимому, затрудненія, встрѣченныя Густавомъ-Адольфомъ при веденіи военныхъ дѣйствій въ Россіи, и мужественное поведеніе гарнизона Пскова произвели на шведскаго короля глубокое впечатлѣніе. Онъ пересталъ помышлять о присоединеніи къ Швеціи русскихъ областей и рѣшаетъ ограничиться овладѣніемъ только пунктами на побережьи и мѣстностями лишь съ финскимъ населеніемъ. Но, вѣроятно, Густавъ-Адольфъ былъ бы уступчивъ и въ этихъ сокращенныхъ требованіяхъ, ибо спѣшилъ перенести войну въ Германію. На бѣду нашу, при Московскомъ дворѣ не оцѣнили

обстановки и при начавшихся мирныхъ переговорахъ проявили ничѣмъ не оправдываемую уступчивость.

Объясненіемъ такой уступчивости могутъ служить только наши отношенія къ Польшѣ, гдѣ правилъ непримиримый врагъ Россіи Сигизмундъ III. Уже съ 1616 года въ Польшѣ шли приготовленія къ войнѣ съ Москвою. Надлежало и намъ приготовиться къ отпору. Дѣйствительно, въ концѣ февраля 1617 года былъ заключенъ въ Столбовѣ вѣчный миръ со Швеціею, а черезъ два мѣсяца уже началась война съ Польшею.

Условія мира въ Столбовѣ были тягостны для Россіи. Работа сѣверо-западной Руси съ самаго начала русской исторіи пошла на смарку: Иванъ-Городъ, Ямбургъ, Копорье, Орѣшекъ, Кегсгольмъ съ Ижорскою землею (Ингерманландіею) были уступлены Россіею Швеціи. Кромѣ того было уплачено 240,000 рублей (по нынѣшнему курсу). Шведы съ своей стороны возвратили города, занятые ими: Новгородъ, Старую Руссу, Ладогу, Порховъ, Гдовъ.

Большою насмѣшкою надъ московскими дипломатами звучитъ еще одинъ параграфъ мирнаго договора: братъ Густава - Адольфа Карлъ-Филиппъ отказался отъ притязаній на московскій престолъ.

Въ дѣйствіяхъ противъ шведскихъ войскъ съ полною рельефностью выказалась слабость Руси той эпохи въ военномъ отношеніи. Положеніе Густава-Адольфа съ небольшимъ корпусомъ войскъ, сильно пострадавшимъ отъ неудачныхъ штурмовъ Пскова, легко могло стать критическимъ при сколько-нибудь рѣшительномъ движеніи на помощь къ Пскову превосходныхъ въ численности русскихъ войскъ. Очевидно, что для той эпохи выставленіе даже тройныхъ силъ, т. е. всего около 50,000 человекъ, было вполне возможно. Густавъ-Адольфъ спѣшилъ уйти изъ русскихъ предѣловъ. Ему пришлось бы и безъ боя отозвать слабые гарнизоны изъ Новгорода и другихъ пунктовъ. Такимъ образомъ, послѣ неудачи подъ Псковомъ освобожденіе русскихъ городовъ являлось бы естественнымъ результатомъ этой неудачи, и совсѣмъ не требовалось отдавать дорого доставшіяся намъ пріобрѣтенія на Финскомъ побережьи за города, которые и безъ заключенія мирнаго договора были бы очищены съ перенесеніемъ Густавомъ-Адольфомъ своей дѣятельности въ Германію.

Такимъ образомъ, при Михаилѣ Феодоровичѣ мы не только не подвинулись впередъ въ выполненіи задачи по выходу къ Балтійскому морю, но отодвинулись назадъ. Эта задача послѣ смутнаго времени, сильно отозвавшаяся на ухудшеніи состава русскихъ войскъ, оказалась не по силамъ русскому воинству.

ВОЙНА СО ШВЕЦІЕЮ ПРИ ЦАРЬ АЛЕКСЬЪ МИХАЙЛОВИЧЬ (1656—1658).

Послѣ Столбовскаго мира Россія не воевала со Швеціею 40 лѣтъ. Въ это время шведы послѣ побѣды Густава-Адольфа надъ нѣмцами настолько успились, что заняли выдающееся положеніе на Европейскомъ материкѣ. Шведскія войска во время продолжительной войны въ Германіи приобрѣли репутацію лучшихъ войскъ той эпохи. Но вмѣстѣ съ побѣдами росли и претензіи шведовъ. Въ первой половинѣ XVII столѣтія они не только стояли твердо на всемъ Балтійскомъ побережьи (Рига и Ревель были въ ихъ рукахъ), но овладѣли большею частью Польши и шведскій король Карль-Густавъ сталъ и польскимъ королемъ, вмѣсто побѣжденнаго имъ Яна-Казимира. Война шведовъ съ Польшею дѣлала ихъ нашими союзниками въ войнѣ съ Литвою и Польшею. Положеніе Польши, раздираемой къ тому же внутренними неурядицами (самовольствомъ шляхты), одно время было таково, что, казалось, уже насталъ конецъ ея политическому существованію.

Но мы не воспользовались ослабленіемъ Польши и, поддавшись вліянію австрійской политики, заключили, примирившись съ Польшею, союзъ съ нею и Даніею для войны противъ шведовъ ¹⁾.

Начатые со шведами переговоры о подтвержденіи Столбовскаго договора были прерваны.

Планъ военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, принятый царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, отличался широтою и опредѣленностью: русскія войска съ цѣлью овладѣнія выходами къ Балтійскому морю должны были дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ,—сѣверномъ къ Финскому заливу и берегамъ р. Невы и южномъ—къ устью Западной Двины и г. Ригѣ. Начало дѣйствій нашихъ войскъ было успѣшно: русскія войска лѣтомъ 1656 года овладѣли Орѣшкомъ (нынѣ Шлиссельбургъ) и Неншанцемъ близъ устья р. Невы. Такимъ образомъ, все теченіе р. Невы и выходъ въ Финскій заливъ перешли въ наши руки. Но достигнутые нами успѣхи не были прочны. Уже въ 1657 году шведскій фельдмаршалъ Крюсъ, сосредоточившись въ Выборгѣ, двинулся въ Карелію и опустошилъ ее. Русскіе отряды, дѣйствовавшіе въ сѣверномъ направленіи, не могли воспрепятствовать Крюсу проникнуть въ Ливонію на помощь шведскимъ войскамъ противъ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ царя Алексѣя Михайловича въ южномъ направленіи.

Въ 1658 году русскій отрядъ, силою въ 5,000 человекъ, овладѣлъ Ямбургомъ, но не могъ взять Нарвы и, расположившись близъ нея въ лагерь, укрѣпился. Шведы въ свою очередь перешли въ наступленіе, взяли обратно Ямбургъ и, что еще важнѣе, овладѣли

¹⁾ Царю Алексѣю Михайловичу былъ обѣщанъ при этомъ по смерти Яна-Казимира польскій престолъ.

у устья р. Невы Нienшанцемъ (Канцы). Повидимому, и Орѣшекъ (Шлиссельбургъ) былъ очищенъ нами. Мы снова такимъ образомъ были оттѣснены отъ моря.

Еще хуже шли дѣла на южномъ направленіи (къ Ригѣ).

15 іюля царь Алексѣй Михайловичъ, сосредоточивъ войска въ Полоцкѣ, торжественно выступилъ внизъ по Двинѣ. 31 іюля былъ взятъ штурмомъ шведскій городъ Динабургъ и защитники его истреблены. 14 августа русскіе овладѣли укрѣпленнымъ г. Кокенгузеномъ ¹⁾. При взятіи этого пункта русскія войска потеряли 67 чел. убитыми и 430 ранеными ²⁾. Затѣмъ главныя силы, подъ начальствомъ царя Алексѣя Михайловича, двинулись къ Ригѣ, а остальной отрядъ, подъ начальствомъ кн. Долгорукаго, былъ направленъ къ Дерпту.

За главными силами по р. Двинѣ двигалось 1,400 судовъ съ боевыми запасами и продовольствіемъ.

Шведскій гарнизонъ въ Ригѣ былъ небольшою и состоялъ изъ вновь сформированныхъ войскъ. Всѣ старые шведскіе полки находились въ Германіи. Комендантъ города, онъ же и губернаторъ, Магнусъ Делагарди, несмотря на то, что городъ не былъ готовъ къ оборонѣ, защищался упорно. Жители Риги усилили шведовъ. Русскія войска быстро обложили городъ и осадили его. Гарнизонъ и жители успѣли сжечь предмѣстье, но въ садахъ, окружавшихъ городъ, русскіе нашли хорошія закрытія. Вылазки гарнизона по малочисленности его не имѣли успѣха. 1 сентября русскія батареи открыли огонь, который причинялъ городу большой вредъ. Запасовъ продовольствія въ Ригѣ заготовлено не было и скоро жители и гарнизонъ начали терпѣть нужду. Между тѣмъ русскія войска продолжали усиливаться. Къ нимъ присоединилось семь полковъ иноземнаго строя и стрѣльцы.

По показаніямъ нашихъ историковъ, въ русскомъ войскѣ обнаружались измѣнники иностранцы, перешедшіе на сторону шведовъ. Глухо указывается также, что большая часть русскихъ судовъ съ запасами, вслѣдствіе измѣны, тоже попала въ руки шведовъ. Въ то же время Делагарди получилъ значительное подкрѣпленіе и произвелъ нѣсколько рѣшительныхъ нападеній на русскіе окопы. Наши войска были потѣснены съ потерей 17 знаменъ. Царь, несмотря на сравнительную многочисленность русскихъ войскъ, снялъ осаду Риги и отступилъ. Шведы энергично преслѣдовали. Къ Динабургу русское войско пришло сильно разстроеннымъ. Эти неудачныя дѣйствія стоили намъ до 8,000 чел. убитыми, а съ плѣнными и безъ вѣсти пропавшими до 14,000 ч., 56 знаменъ, большого числа орудій и до 800 судовъ съ запасами.

Начались мирныя переговоры, которые тянулись очень медленно

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 618. Это старинный русскій городъ Кукенойс.

²⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 618.

и, наконецъ, въ декабрѣ 1658 года заключено было перемиріе на три года, по которому Россія удержала за собою Дерптъ, Кокенгузенъ и о. Вашнарву близъ Нарвы. Всѣ пункты на побережьи Балтійскаго моря и Финскаго залива остались за шведами.

Такимъ образомъ, война, преслѣдовавшая важныя для Россіи цѣли, война, для веденія которой были собраны превосходныя противъ противника силы, окончилась полною неудачею. Цѣли были поставлены правильно, средства для достиженія этихъ цѣлей были собраны достаточныя, но распоряженіе этими средствами оказалось неумѣлое, да и самыя средства (войско) во многомъ оставляли желать лучшаго.

Въ „Обзорѣ войнъ, ч. VI“ сдѣлана слѣдующая оцѣнка причинъ, по которымъ война велась не достаточно упорно. „Война ведется вяло и нерѣшительно и мелкими отрядами. Причину этого слѣдуетъ искать съ одной стороны въ послѣдствіяхъ неудачи подъ Ригой, а съ другой—въ общей совокупности политической обстановки. Неудача подъ Ригой, бывшая слѣдствіемъ неполной блокады Риги, несомнѣнно указала царю, что имѣвшихся у него средствъ для побѣдоносной войны со шведами, по отсутствію флота, недостаточно, а съ другой стороны, враждебное къ намъ отношеніе части поляковъ, несомнѣнно, приводило къ заключенію о неизбѣжности новой борьбы съ Польшей, вести которую одновременно со шведской войной было не по силамъ Россіи. Въ этихъ обстоятельствахъ царь, уже въ 1657 году, вступилъ съ Швеціей въ переговоры, почему и война должна была потерять свою напряженность“.

Какія же главныя причины привели къ полной неудачѣ усилія въ теченіе свыше 200 лѣтъ Московскихъ великихъ князей и царей утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря?

Выше было изложено, что весьма часто въ войнахъ съ Литвою, Польшею, Ливоніею и Швеціею политическая обстановка складывалась благоприятно для Россіи. Нѣсколько разъ Польша, Литва и Ливонія были на краю гибели, и все же дѣйствія нашихъ войскъ не достигали поставленныхъ имъ цѣлей. А между тѣмъ налицо были одни изъ главныхъ условій для достиженія успѣха на войнѣ: единство власти и опредѣленность задачъ, преемственно, за исключеніемъ періода смутнаго времени, передававшихся отъ одного правителя Россіи къ другому безъ измѣненій.—Всѣ они, отъ Ивана III до Алексѣя Михайловича, ставили русской вооруженной силѣ опредѣленныя задачи: присоединеніе къ Россіи бывшихъ русскихъ удѣловъ, отошедшихъ къ Литвѣ, Ливоніи и Швеціи, и выходъ къ Балтійскому морю отъ Финскаго залива до устья Западной Двины включительно. Всѣ великіе князья и цари могли властно распоряжаться всѣми силами и средствами Россіи, въ то время, какъ противники Россіи въ Литвѣ, Польшѣ, Ливоніи и даже Швеціи такой свободы дѣйствій не имѣли. Задачи, поставленныя русскому войску, какъ выше было

указано, были понятны населенію, поддерживались духовенствомъ, близко затрагивали религіозные и экономическіе интересы русскаго населенія; значительная часть населенія Литвы (православные) почувствовала присоединенію къ Москвѣ и все же удачи не было.

Въ числѣ главныхъ причинъ такого явленія надо отмѣтить слѣдующее:

До второй половины XVI столѣтія великіе князья Иванъ III Василій III и Иванъ IV не могли выставять для борьбы на западѣ достаточныхъ силъ, ибо главною задачею, требовавшею большого напряженія всѣхъ силъ и средствъ государства, являлся выходъ къ Каспійскому морю.

Затѣмъ наступило смутное время, сопровождавшееся ослабленіемъ Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ военномъ. Хотя съ воцареніемъ дома Романовыхъ Русь начала оправляться, но устройство или вѣрнѣе переустройство военныхъ силъ шло медленно. Мало того,—ислѣдователи эпохи XVII столѣтія отмѣчаютъ именно въ этомъ столѣтіи паденіе русскаго военнаго искусства. Дѣйствительно, хотя во многихъ случаяхъ, особенно при оборонѣ (Псковъ, Смоленскъ, цитадель въ Вильнѣ), русскія войска дѣйствовали съ обычнымъ для нихъ мужествомъ, но при дѣйствіяхъ въ открытомъ полѣ даже менѣе многочисленныя войска противниковъ часто разбивали ихъ. Наши историки—кн. Голицынъ, Пузыревскій, Бобровскій свидѣтельствуютъ, что вмѣстѣ съ упадкомъ военнаго искусства въ русскомъ войскѣ въ XVII столѣтіи *пришла въ разстройство и дисциплина*. Относительно этой эпохи П. Бобровскій пишетъ: „Деморализація въ русскихъ войскахъ между тѣмъ развивалась съ особенною силою; она выражалась побѣгами, отказами отъ службы, подъ неблагоприятными предлогами, преимущественно у стрѣльцовъ и въ дворянской конницѣ, неповиновеніемъ солдатъ своимъ полковникамъ и воеводамъ, мятежами, наконецъ, измѣною“

Правда, и въ войскахъ нашихъ противниковъ, особенно въ польскихъ, дисциплина тоже была очень слабая, но все же эти войска, особенно шведскія и нѣмецкія (ливонскія), по своему обученію, вооруженію, организаціи и техническимъ средствамъ стояли выше русскихъ войскъ той эпохи. Къ тому же и командованіе ими находилось иногда въ рукахъ такихъ выдающихся полководцевъ, какими были Стефанъ-Баторій и Густавъ-Адольфъ. Наши противники уже восприняли съ запада всѣ знанія и опытъ, накопленный тамъ вѣками, *были въ культурномъ отношеніи выше русскихъ той эпохи*, и потому и войска ихъ соотвѣтствовали болѣе высокой, чѣмъ наша, культурѣ. Такимъ, образомъ главною причиною трудностей, встрѣченныхъ Россіею на пути къ Балтійскому морю, надо считать высшую культуру нашихъ противниковъ: литовцевъ, поляковъ, ливонцевъ и шведовъ. Для того, чтобы побѣдить ихъ, потребовалось ранѣе, чѣмъ мы стали при Петрѣ прорубать окно въ Европу, заимствовать

многое, особенно по военной части, изъ Европы черезъ иностранцевъ, потребовалось *положить основы постоянной арміи*.

Будучи сформирована по образцу европейскихъ, но сохранивъ чудныя, приращенныя русскому челоуьку, важныя въ военномъ отношеніи качества, русская армія, но уже въ XVIII столѣтіи, побѣдоносно закончила какъ задачу по выходу къ Балтійскому морю, такъ и задачу по выходу къ Черному морю.

Но для того, чтобы содержать постояннаго типа армію, требовались большія денежныя средства. Между тѣмъ Московская Русь вынесла на своихъ плечахъ монгольское иго, борьбу съ татарами за выходъ къ Каспійскому морю, вынесла разореніе московскихъ предѣловъ отъ набѣговъ татаръ, литовцевъ, ливонцевъ, шведовъ, поляковъ, вынесла смутное время, вынесла войны съ Литвою, Польшею, Ливоніею и Швеціею и ослабѣла въ своихъ платежныхъ силахъ и средствахъ. Поэтому въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій потребовались исключительно энергичныя усилія, чтобы найти необходимыя средства на заведеніе войскъ постояннаго типа, ихъ содержаніе и на продолженіе войнъ съ сосѣдями за выходъ къ морямъ Балтійскому и Черному.

ГЛАВА VII.

Задача русской армии по выходу къ Черному морю и объединенію русскаго племени.

Попытка выйти къ Черному морю при Царѣ Иванѣ IV.—Войны съ Польшею изъ за Малороссіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.—Побѣда подъ Кіевомъ.—Дѣйствія войскъ подъ начальствомъ князя Трубецкаго.—Осада Конотопа.—Пораженіе русской конницы.—Отступленіе отъ Конотопа.—Война съ Польшею при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ.—Три похода подъ Чигиринъ.—Дѣйствія противъ турокъ и крымцевъ.—Первая побѣда русскихъ надъ турками подъ Чигриномъ.—Отступленіе отъ Чигиринна.—Пораженіе русскихъ войскъ у Кодня.—Бахчисарайскій договоръ съ Турціей въ 1681 году.—Два похода русскихъ войскъ въ Крымъ подъ начальствомъ князя Голицына въ правленіе царицы Софьи.—Неудача этихъ походовъ.—(Схема № 7).

Въ главѣ третьей настоящаго труда изложены соображенія, по которымъ выходъ къ Черному морю былъ необходимъ для Россіи.

Дѣятельность русскаго племени по достиженію этой исторической задачи можетъ быть раздѣлена на четыре періода.

Первый періодъ, Кіевскій, начинается вмѣстѣ съ образованіемъ Кіевской Руси и оканчивается присоединеніемъ Кіевскаго княжества къ Литвѣ. Уже въ X столѣтіи русскіе проникаютъ къ Черному морю и основываютъ на немъ свои колоніи. Первые кіевскіе князья придаютъ большое значеніе торговлѣ съ Византіею черезъ Черноѣ море, заботятся о заморскихъ рынкахъ и торговыхъ путяхъ.

Въ этотъ періодъ русскіе утверждаютъ на Азовскомъ морѣ и основываютъ тамъ Тмутараканское княжество. Первые кіевскіе князья стремились проникнуть не только до Чернаго моря, но ими произведено и противъ Византіи 6 походовъ. Оживленная торговля съ Византіею и принятіе оттуда греческой вѣры создавали и поддерживали связь Кіевской Руси, экономическую и духовную, съ Византіею. Относительно цвѣтущее время для Кіевской Руси въ періодъ первыхъ кіевскихъ князей смѣняется тяжелыми временами: кочевыя орды, первоначально печенѣги, а потомъ половцы, все усиливаясь, почти отрѣзываютъ Кіевскую Русь отъ Чернаго моря и тѣснятъ населеніе на столько, что Кіевская Русь пустѣетъ, бѣднѣетъ и слабѣетъ. Когда являются татары, они легко овладѣваютъ

Кіевской землей. Уже ставшая для южной Руси довольно прочною связь съ Чернымъ моремъ временно почти совершенно прекращается.

Второй періодъ, Литовскій, начинается съ присоединенія къ Литвѣ въ XIV столѣтіи южныхъ удѣловъ Россіи и оканчивается во второй половинѣ XVII столѣтія съ присоединеніемъ Кіева и Малороссіи къ Московскому государству. Литва пользуется ослабленіемъ южныхъ и западныхъ удѣловъ и овладѣваетъ имп. Южная Русь, подъ владычествомъ Литвы, снова населяется, но уже не сохраняетъ прежней однородности населенія. Вмѣстѣ съ возвратомъ русскаго населенія на югъ Россіи проникаютъ поляки и евреи. Начинается борьба между православными и католиками. Быстро развившееся казачество ведетъ одновременно борьбу съ крымскими татарами, турками и поляками. Съ XV столѣтія Московскую Русь отдѣляютъ отъ Чернаго моря не только Литва, Польша и Крымское ханство, но и Турція, распространившая свою власть и на Крымъ. Выходцы изъ Московской Руси, пополняя казачіе кадры, поддерживаютъ связь великой Россіи съ малою—южною.

Уже съ первыхъ годовъ XVI столѣтія великій князь Иванъ III признаетъ, что бывшіе русскіе удѣлы, попавшіе подъ власть Литвы, составляютъ его, Ивана III, „*отчину*“, и въ числѣ другихъ задачъ русскому воинству ставитъ и задачу по отторженію южно-русскихъ областей отъ Литвы. Но средства Московской Руси были еще слишкомъ слабы, чтобы выполнение этой задачи могло быть поставлено на первый планъ. Главною очередною задачею, какъ изложено выше, была поставлена борьба съ татарами, второю—борьба за западные удѣлы и уже третьею—борьба за югъ Россіи. Сознаніе нашей неготовности пробиваться къ Черному морю существовало даже въ царствованіе Михаила Феодоровича, когда на земскомъ соборѣ 1642 года выборные чины русскаго народа высказались противъ принятія Азова, завоеваннаго казаками, въ подданство Россіи.

Третій періодъ, Московскій, начинается съ середины XVII столѣтія, съ принятія въ 1654 году Малороссіи въ подданство Россіи, и оканчивается присоединеніемъ Крыма при Екатеринѣ Великой. Огромныя трудности представлялись, чтобы удержать это добровольное подданство. Предстояло побѣдить Литву съ Польшею и побѣдить казачье населеніе, противное Россіи. Такъ какъ въ это время крымцы и турки уже захватили часть южно-русскихъ владѣній, то для утвержденія въ нихъ приходилось выдержать борьбу съ Крымомъ и Турціею. Только побѣдивъ всѣхъ этихъ противниковъ, Россія могла твердо стать на берегахъ Чернаго моря; это оказалось по силамъ только въ XVIII столѣтіи и не ополченіемъ, а постояннаго типа арміи.

Но уже ранѣе наступленія третьяго изъ указанныхъ выше періодовъ Московская Русь начинала вооруженную борьбу изъ-за выхода къ Черному морю. Такъ, въ царствованіе Ивана IV была сдѣ-

лава попытка побѣдить крымцевъ и выйти къ морю въ обходъ владѣній Литвы.

Крымское ханство съ XVI столѣтія находилось подъ покровительствомъ Турціи. Поэтому война съ крымскимъ ханомъ съ цѣлью присоединенія его владѣній къ Россіи приводила къ войнѣ съ Турціей. Такая задача была еще не по силамъ Московскому государству. Тѣмъ не менѣе, уже въ то время смѣлые люди, именно Адашевъ, совѣтывали Ивану IV задаться цѣлью обратить Черное море въ русское. Первоначально и Иванъ поддался этой заманчивой идеѣ. Въ видахъ противодѣйствія набѣгамъ крымскаго хана, онъ рѣшился перейти въ наступленіе долиною р. Дона къ Перекопу. Но двинутый отрядъ Шереметева въ 13,000 чел. былъ разбитъ крымскимъ ханомъ. Тогда Иванъ IV, признавъ трудность дѣйствій противъ Крыма, рѣшилъ ограничить борьбу съ нимъ лишь предѣлами, доступными его силамъ. На набѣги крымскихъ татаръ русскіе начали отвѣчать тоже лишь набѣгами. Для набѣга требовалась небольшая рать, а для завоеванія, какъ показалъ опытъ Казани, потребовалось бы полное напряженіе всѣхъ силъ Московской Руси. Набѣги предпринимались водными путями: Сеймомъ, Десной, Днѣпромъ, Дономъ и Волгою. Наши набѣги доходили до Чернаго моря. Такъ, Ржевскій взялъ острогъ у Очакова и разбилъ здѣсь турокъ и крымцевъ ¹⁾.

Походъ Ржевскаго былъ важенъ потому, что онъ успѣлъ войти въ сношенія съ малороссійскими казаками, часть которыхъ съ княземъ Вышневецкимъ перешла на службу къ Ивану IV.

Въ то же время донскіе казаки съ атаманомъ Рыжевымъ, въ союзѣ съ черкасскими князьями, разбили татаръ близъ Азова и взяли Темрюкъ и Тамань.

Ханъ Девлетъ-Гирей на эти походы отвѣтилъ вторженіемъ въ русскія земли съ 100,000 войскомъ, но, узнавъ, что противъ него выставлена сильная рать, отступилъ въ Крымъ. Позже Вышневецкій разбилъ крымцевъ подъ Азовомъ, а Адашевъ, спустившись по Днѣпру, взялъ два турецкихъ корабля, высадился на западномъ берегу Крыма, сжегъ нѣсколько улусовъ, захватилъ большую добычу и безпрепятственно уплылъ вверхъ по Днѣпру.

Усилившееся казачество энергично помогало Россіи въ борьбѣ съ Крымомъ. Оно жило войною и непрерывно производило набѣги на коняхъ и на лодкахъ на крымскія кочевья. Этими набѣгами казаки начали охранять русскія поселенія отъ крымцевъ и дали возможность подъ ихъ защитою продвигать русскія поселенія къ югу.

Въ концѣ царствованія Михаила Феодоровича мы едва не начали войну съ Турціей. Послѣ ряда смѣлыхъ набѣговъ на Крымъ казаки овладѣли турецкою крѣпостью Азовомъ, отразили войска,

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 157; Н. Сухотинъ, „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 42.

пришедшія на выручку крѣпости, и просили, особымъ посольствомъ, Московскаго царя принять Азовъ подъ его высокую руку. Предложеніе было соблазнительное; тѣмъ не менѣе государь не взялъ на себя рѣшеніе этого вопроса и созвалъ въ 1642 году великую земскую думу.

Отвѣты выборныхъ, въ числѣ 192 чел., были уклончивы. Они не отказывались помочь государю сборомъ на военныя издержки денегъ, но жаловались на разореніе и притѣсненія отъ разныхъ правителей и явно не сочувствовали новому предпріятію, считая его не по силамъ Россіи. Царь приказалъ казакамъ оставить Азовъ, что и было ими выполнено. Отступая, казаки совершенно разорили городъ.

Несмотря на неудачныя войны на западѣ, предѣлы Россіи въ первые годы царствованія сына Михаила Феодоровича, Алексѣя Михайловича, неожиданно увеличились присоединеніемъ къ Россіи Малороссіи. Мы видѣли выше, что сильная Польша не допускала поставить въ числѣ первыхъ задачъ для русской военной силы въ XVII столѣтіи задачу по присоединенію къ Россіи древнихъ южно-русскихъ областей съ Кіевомъ. Малороссія послѣ Литвы находилась въ крѣпкихъ рукахъ поляковъ, вѣрнѣе польской аристократіи.

Присоединеніе Малороссіи къ Польшѣ никогда не было прочно. Возстанія, болѣе или менѣе значительныя, слѣдовали одно за другимъ, увеличивая взаимное озлобленіе между казаками и поляками. Простой казакъ Богданъ Хмѣльницкій, рано выдвигнувшійся впередъ своими выдающимся дарованіями и занявшій должность войскового писаря, уйдя въ Запорожье и получивъ помощь отъ крымскаго хана, поднялъ возстаніе противъ поляковъ.

Первыя битвы съ поляками окончились въ пользу казаковъ. Этотъ успѣхъ поднялъ всю Украину. Началось избіеніе пановъ и формированіе гайдамацкихъ отрядовъ. Смерть Владислава способствовала возстанію. Избранный на престолъ Янъ - Казиміръ лично принялъ начальство надъ польскими войсками, но подъ Зборовымъ потерпѣлъ неудачу и заключилъ съ казаками миръ, возвративъ имъ старыя права. Но это было только перемиріе. Обѣ стороны не выполняли условій мира, и война вновь возобновилась, но на этотъ разъ Янъ - Казиміръ собралъ „посполитное рушеніе“ (поголовное шляхетское ополченіе) и разбилъ казаковъ, покинутыхъ ханомъ. Казаки снова попали въ польскую неволю. При этихъ условіяхъ Хмѣльницкій просилъ русскаго царя принять Малороссію подъ свое покровительство. Алексѣй Михайловичъ собралъ въ 1653 году для обсужденія этого предложенія земскую думу, которая и высказалась за *присоединеніе Малороссіи и объявленіе войны Польшѣ*.

На слѣдующій годъ въ Переяславлѣ собралась общая казацкая рада и по предложенію гетмана присягнула на подданство Московскому царю.

Заслуживаетъ глубокаго вниманія отношеніе въ XVII столѣтіи народныхъ представителей къ важнѣйшимъ очереднымъ задачамъ Россіи.

Въ 1642 году великая земская дума не даетъ поддержки царю на принятіе Азова, завоеваннаго казаками, въ подданство Россіи, что вызывало бы войну съ Турціей. Наше движеніе къ Азову не могло опираться на Малороссію, находившуюся тогда въ подданствѣ Польшѣ. Лучшее по направленію къ Черному морю операціонное направленіе по Днѣпру было не въ нашихъ рукахъ. При этихъ условіяхъ предложенный на обсужденіе думы шагъ не былъ ею признанъ своевременнымъ. Въ общемъ высказывались мнѣнія, по которымъ можно было заключить, что ранѣе похода на Азовъ надо было заняться устройствомъ внутреннихъ дѣлъ на Руси, успокоить страну, искоренить лихоимство, неправосудіе и пр. ¹⁾

Черезъ 11 лѣтъ вновь собранная земская дума по вопросу, который надлежало въ то время считать очереднымъ для Руси, о присоединеніи къ Россіи Малороссіи, высказалась вполне определенно и утвердительно. Думѣ было объявлено, что Богданъ Хмѣльницкій и войско запорожское, жалуясь на гоненія за вѣру, просили Царское Величество принять ихъ подъ свою высокую руку; если же не приметъ, то чтобы вступился за нихъ, помирилъ ихъ съ поляками, и спрошено мнѣніе: что дѣлать?

Выслушавъ это объявленіе, бояре приговорили: „За честь царей Михаила и Алексѣя стоять и противъ польскаго короля войну вести, а терпѣть того болѣе нельзя. Гетмана Богдана Хмѣльницкаго и все войско запорожское, съ городами ихъ и землями, чтобы государь изволилъ принять подъ свою высокую руку, для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей“ ²⁾.

Такое мнѣніе, одобренное царемъ, привело къ вооруженному столкновенію съ Польшею.

Первая война съ Польшею изъ-за Малороссіи происходила въ 1654—1655 годахъ. Наши войска должны были одновременно дѣйствовать въ Литвѣ и въ Малороссіи. Главныя силы, какъ изложено въ V главѣ, дѣйствовали подъ личнымъ начальствомъ царя Алексѣя Михайловича въ Литвѣ. Дѣйствія въ Малороссіи носили второстепенный характеръ. Главное направленіе дѣйствій московскихъ войскъ, общаю силою до 200,000 чел., шло на Смоленскъ и далѣе на Вильну. На правомъ флангѣ войска двигались на Витебскъ и Полоцкъ. На лѣвомъ флангѣ для дѣйствій противъ Малороссіи войска собиравшсь въ Брянскѣ и направлены были на Мстиславъ-Могилевъ. На этомъ направленіи должны были дѣйствовать кн. Трубецкой и Бутурлинъ. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ, по направленію на Львовъ

¹⁾ Соловьевъ, т. IX, гл. 4.

²⁾ Соловьевъ, т. X, стр. 1631—1632.

и Люблинъ, долженъ былъ наступать Богданъ Хмѣльницкій. Наконецъ, для охраны со стороны Крыма, по направленію отъ Путивля къ Бѣлгороду (къ югу отъ Курека), назначенъ былъ дѣйствовать воевода Шереметевъ.

Силы поляковъ, которыя они могли собрать ко времени наступленія русскихъ, были весьма незначительны. Такъ, линія Днѣпра отъ Смоленска до Орши защищалась всего 12,000 чел. подъ начальствомъ гетмана Радзивилла. Въ Украинѣ противъ Хмѣльницкаго дѣйствовалъ Потоцкій, имѣя 10—15,000 человекъ. Союзникомъ поляковъ былъ крымскій ханъ.

Дѣйствія обоихъ противниковъ въ 1654 году были незначительны. Хмѣльницкій, собравъ до 100,000 казачьяго войска ¹⁾, бездѣйствовалъ и занимался политикою, стараясь перетянуть крымскаго хана на свою сторону. Потоцкій тоже бездѣйствовалъ, выжидая при соединенія къ себѣ союзныхъ татаръ. Дойдя до Бердичева, Хмѣльницкій остановился и, несмотря на уговоры Бутурлина, не пошелъ далѣе. У Бутурлина не хватало продовольствія, и драгуны его разбѣгались. Трубецкой дошелъ до Луцка и тоже остановился, выжидая движенія Хмѣльницкаго. Между тѣмъ, этотъ послѣдній неожиданно, вмѣсто движенія впередъ, пошелъ обратно къ Чигирину. Трубецкой съ слабыми силами оказался выдвинутымъ впередъ безъ поддержки.

Между тѣмъ поляки умѣло воспользовались бездѣйствіемъ казачьихъ и нашихъ войскъ. Осенью 1654 года у Потоцкаго уже собралось въ Подоліи свыше 30,000 войскъ ²⁾, съ которыми и перешелъ въ наступленіе. Не ища встрѣчи съ войсками противника, польскій вождь, носившій одно изъ славныхъ польскихъ именъ, опозорилъ себя звѣрскимъ обращеніемъ съ возставшимъ русскимъ населеніемъ. Съ своими сподвижниками-извергами—Чарнецкимъ и Вышневецкимъ Потоцкій бралъ одно за другимъ беззащитныя мѣстечки—Красное, Мурафу, Черневцы, Кальникъ—разорялъ ихъ до основанія. Въ мѣстечкѣ Буши Чарнецкій вырѣзалъ 16,000 жителей. Въ мѣстечкѣ Дембовкѣ владѣлецъ его Вышневецкій вырѣзалъ до 14,000 человекъ, а мѣстечко сжегъ. Шла рѣзня беззащитныхъ православныхъ, безъ разбора возраста и пола, и въ другихъ мѣстахъ. Оправдывая себя и своихъ палачей-сотрудниковъ, Потоцкій писалъ королю, что „другими средствами нельзя усмирить неукротимую хлопскую злобу“.

Въ декабрѣ къ Потоцкому прибыло отъ 30 до 40,000 татаръ.

Можно такимъ образомъ признать, что походъ въ Украину въ

¹⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 600.

²⁾ Въ томъ числѣ 20,000 конницы, 8,000 пѣхоты, 1,200 наемныхъ бренденбургскихъ драгунъ и дружины мѣстныхъ пановъ.

1654 году кончился для Алексѣя Михайловича не только безъ видимыхъ результатовъ, но неудачно.

Въ январѣ 1655 года Потоцкій съ поляками и татарами двинулся къ Умани, обложилъ укрывшагося въ ней съ 6,000 казаковъ полковника Богуня; въ двухъ переходахъ отъ Умани онъ встрѣтился съ передовыми войсками Хмѣльницкаго и принудилъ ихъ къ отступленію. Хмѣльницкій разбросалъ свои силы и имѣлъ противъ Потоцкаго только 20,000 казаковъ и 5,000 русскихъ войскъ подъ начальствомъ Шереметева. Въ урочищѣ Сухой Балкѣ произошелъ очень горячій бой, длившійся съ перерывами около трехъ дней ¹⁾. Казаки Хмѣльницкаго были окружены и сильно тѣснимы. Ихъ положеніе улучшилъ Богунъ, явившійся изъ-подъ Умани. Ударивъ въ тылъ полякамъ, онъ пробился черезъ нихъ на соединеніе съ Хмѣльницкимъ. Хмѣльницкій и Шереметевъ отбились и отступили къ Бѣлой Церкви, но потеряли 21 орудіе. Сильный морозъ мѣшалъ движенію и потери замерзшими были болѣе значительны, чѣмъ убитыми. Татары, увлекшись грабежомъ, въ этомъ бою не участвовали. Преслѣдуя казаковъ, Потоцкій „разорилъ до тла множество селъ и деревень“ и съ остатками своихъ войскъ отступилъ къ Днѣстру.

Татары тоже отступили въ Крымъ, но на пути были настигнуты все тѣмъ же молодцомъ Богуномъ, который, напавъ внезапно, разбилъ ихъ, отобралъ всю добычу и захватилъ до 2,500 чел. въ плѣнъ.

Но и на Днѣстрѣ Потоцкій не почивалъ на лаврахъ: „Польскіе жолнеры, не получая жалованья, стали расходиться“. Польское войско растаяло. Затѣмъ противники еще болѣе разошлись: Потоцкій отступилъ за Львовъ къ Гродеку, а Хмѣльницкій и Бутурлинъ—къ Бѣлой Церкви. Только по настоянію царя казаки и русскія войска съ воеводами Бутурлинымъ и Ромодановскимъ перешли въ наступленіе, обложили Львовъ и 18 сентября атаковали Потоцкаго у Гродека. Потоцкій первоначально имѣлъ успѣхъ, но около полудня войска, принявъ за непріятеля шедшее къ нимъ подкрѣпленіе, „обратились въ бѣгство, бросивъ свои пушки, лагерь, запасы и много плѣнныхъ“ ²⁾. Разбѣжавшіеся жолнеры начали затѣмъ грабить жителей.

Казалось, дальнѣйшій успѣхъ былъ обезпеченъ для Россіи, но неожиданно Хмѣльницкій снимаетъ осаду Львова, удовольствовавшись выкупомъ въ 60,000 золотыхъ, и отступаетъ въ Украину. Въ своихъ объясненіяхъ царю Алексѣю Михайловичу онъ ссылаясь на слухъ о приближеніи крымскаго хана съ многочисленнымъ войскомъ. Второе за нимъ лицо въ войскѣ—Выговскій уже велъ переговоры съ поляками, чтобы передаться имъ. Люблинъ сдался нашимъ войскамъ, но воевода Потемкинъ, съ уходомъ Хмѣльницкаго, тоже отступилъ.

¹⁾ Потери казаковъ и русскихъ войскъ исчислялись въ 9,000 чел., а польскихъ—въ 6,000 (кн. Голицынъ, ч. II, стр. 609).

²⁾ Кн. Голицынъ, ч. II, стр. 611.

Такимъ образомъ и второй годъ войны прошелъ тоже безъ результатовъ.

Войны царя Алексѣя Михайловича съ Литвою и Польшею и со Швеціею, какъ изложено въ главахъ V-й и VI-й, окончились невыгодно для Россіи. Были заключены лишь перемирія, и въ Москвѣ ясно сознавали необходимость новой вооруженной борьбы.

Относительно ближайшихъ задачъ Россіи во второй половинѣ XVII столѣтія въ Москвѣ было два теченія. Ординъ Нащокинъ настаивалъ на продолженіи войны со Швеціею, даже если бы для сего пришлось пожертвовать Малороссіею. Онъ указывалъ при этомъ на экономическое значеніе для Россіи выхода къ Балтійскому морю. Представителемъ другого теченія былъ бояринъ Матвѣевъ. Онъ стоялъ за укрѣпленіе за нами Малороссіи, пожертвовавъ для сего Балтійскимъ побережьемъ ¹⁾. Противниками нашими въ борьбѣ за Малороссію были Польша, казаки и позже турки. Царь Алексѣй Михайловичъ, принявъ второе мнѣніе, заключилъ со шведами *невыгодное* для насъ перемиріе и началъ съ Польшею вторую войну.

Вторая война съ Польшею за обладаніе Малороссіею тянулась 8½ лѣтъ.

Богданъ Хмѣльницкій умеръ. Послѣ сильной борьбы въ гетманы былъ выбранъ Выговскій, открыто измѣнившій Россіи и заключившій договоръ съ Польшею. Его поддерживала многочисленная партія. Остались вѣрными подданству Россіи нѣсколько небольшихъ казачьихъ отрядовъ, расположенныхъ по обѣ стороны Днѣпра. Добровольно принявшую подданство Россіи Малороссію приходилось такимъ образомъ завоевывать. Польскій король Янъ-Казиміръ, находившійся ранѣе на краю гибели, заключилъ миръ съ шведскимъ королемъ и усилилъ свое положеніе союзомъ съ крымскимъ ханомъ. Такимъ образомъ, вторую польскую войну царю Алексѣю Михайловичу приходилось вести при несравненно болѣе трудной обстановкѣ, чѣмъ первую. Предстояло бороться не только противъ польско-литовскихъ войскъ, но и противъ крымскихъ татаръ и казаковъ Выговскаго.

Наши войска, оставленныя въ Малороссіи, были незначительны. Главныя силы ихъ занимали подъ начальствомъ Шереметева г. Кіевъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ главною цѣлью войны поставилъ закрѣпленіе за Россіею Украины. Дѣйствія въ Литвѣ должны были носить на этотъ разъ второстепенный характеръ. Для похода въ Малороссію собиралась въ Москвѣ рать въ 150,000 чел. подъ начальствомъ князя Трубецкого.

Въ 1658 году военныя дѣйствія въ Малороссіи оказались

¹⁾ Н. В. Чарыковъ „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія“. (1637—1674).

успѣшными для нашего оружія, несмотря на незначительность силъ, коими мы тамъ располагали.

Выговскій съ 40,000 казаковъ и 60,000 татаръ подступилъ къ Кіеву, надѣясь овладѣть имъ ранѣе прибытія на помощь медленно собиравшейся рати Трубецкого. Произведенный поляками и татарами штурмъ, послѣ боя въ теченіе цѣлаго дня, кончился полною побѣдою русскаго оружія: татары бѣжали, а казаки были разбиты Шереметевымъ съ потерей 20 орудій и 48 знаменъ ¹⁾.

Собравши свои силы, Выговскій сдѣлалъ попытку разбить передовой отрядъ московской арміи въ 20,000 чел. подъ начальствомъ Ромодановскаго. Подкрѣпленный казаками Безпалаго, Ромодановскій разбилъ Выговскаго и, преслѣдуя его, взялъ Пирятинъ, Лубны и другіе города, въ окрестностяхъ которыхъ и расположился на зиму, въ ожиданіи соединенія съ кн. Трубецкимъ.

Казалось бы, при такихъ условіяхъ вступленіе въ дѣйствія въ 1659 году сильной арміи Трубецкого должно было привести къ быстрому развитію уже достигнутыхъ дѣйствіями передовыхъ русскихъ войскъ успѣшныхъ результатовъ. Но въ дѣйствительности получился иной результатъ: со вступленіемъ 150,000 русской арміи въ Украину наши войска начинаютъ терпѣть неудачи. Причину такого неожиданнаго результата надо искать не только въ неумѣломъ распоряженіи русскими войсками, но и въ самой постановкѣ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ задачи Трубецкому.

„Назначеніе Трубецкого заключалось не столько въ дѣйствіи силою оружія, сколько въ томъ, чтобы во что бы ни стало отвлечь Выговскаго отъ Польши къ Россіи и этимъ достигнуть счастливаго окончанія дѣлъ послѣдней съ первою. Трубецкому было поручено предложить Выговскому развести войска съ обѣихъ сторонъ безъ кровопролитія, удалить татаръ, принять гетманство, кіевское воеводство и иное, чего онъ потребуетъ, полковникамъ же и начальнымъ людямъ обѣщать льготы и преимущества“ ²⁾.

Такимъ порученіемъ объясняется крайняя нерѣшительность дѣйствій Трубецкого. Тѣмъ не менѣе, для него скоро стало несомнѣннымъ, что Выговскій ранѣе вступленія въ переговоры намѣренъ выполнить обязательства, взятыя имъ на себя по отношенію къ Польшѣ, и попытаться разбить русскихъ. Движеніе арміи кн. Трубецкого изъ Москвы совершалось медленно. Три мѣсяца времени потребовалось на движеніе изъ Москвы до Копотопа. Тамъ было встрѣчено первое сопротивленіе. Небольшой казачій гарнизонъ заперся въ этомъ городѣ и оказалъ сильное сопротивленіе многочисленной московской рати, осадившей этотъ пунктъ. Два мѣсяца длилась безуспѣшно осада, задержавшая безъ нужды всю армію.

¹⁾ Кн. Голыцынъ, ч. II, стр. 626.

²⁾ Кн. Голыцынъ, ч. II, стр. 626—627.

Этимъ временемъ воспользовался Выговскій, явившійся 27 іюня на выручку Конотопа съ казачьими, польскими и татарскими войсками. Оставивъ половину казаковъ и всѣхъ татаръ въ засадѣ, онъ ночью сдѣлалъ нападеніе на осаждавшихъ, перебилъ много народа, отогналъ табуны лошадей и началъ отступленіе.

Русскіе воеводы отрядили для преслѣдованія его всю московскую конницу, составлявшую отборную часть войска, подъ начальствомъ князей Пожарскаго и Львова. Послѣ перехода вслѣдъ за Выговскимъ болотистой рѣчки Сосновки конница была атакована въ тылъ засадными казаками и татарами, частью перебита въ бою, частью, въ числѣ 5,000 чел., взята въ плѣнъ и умервщлена. Оба князя тоже погибли.

Эта частная неудача произвела глубокое впечатлѣніе на царя, войско и населеніе Москвы и имѣла весьма вредныя послѣдствія. Трубецкой, присоединившій къ себѣ и войско Ромодановскаго и имѣвшій еще свыше 100,000 чел., снялъ осаду Конотопа и отступилъ. Москва пришла въ смятеніе: въ августѣ се начали укрѣплять земляными окопами.

Но обстоятельства, какъ и въ прежнія времена, снова начали складываться для насъ благопріятно. Одинъ изъ соперниковъ Выговскаго, сынъ Богдана—Юрій Хмѣльницкій, пользуясь отсутствіемъ крымцевъ, напалъ съ запорожцами на ихъ улусы и взялъ большую добычу. Крымцы покинули Выговскаго и вернулись въ Крымъ.

Казакѣ Выговскаго тоже держались его не крѣпко и частью готовы были стать за Москву. Польскихъ же войскъ у Выговскаго осталось не болѣе 1,500 человекъ.

Между тѣмъ Трубецкой, дойдя до Путивля, остановился въ немъ и бездѣйствовалъ. Онъ пробовалъ вступить въ переговоры съ Выговскимъ и крымскимъ ханомъ, но ихъ требованія были чрезмѣрны.

Но уже время Выговскаго прошло. Казакѣ восточной Малороссіи, расположенной къ Москвѣ, успѣли взять верхъ. Полковники Переяславскій, Нѣжинскій, Черниговскій, Кіевскій и Лубенскій присягнули царю. Казакѣ западной Малороссіи, группировавшіеся вокругъ Выговскаго, стали оставлять его и, по совѣту начальника войскъ въ Кіевѣ—Шереметева, собиравшагося вокругъ Юрія Хмѣльницкаго. Выговскій, оставшійся безъ войскъ, возвратилъ казакамъ гетманскіе бунчукъ и булаву. Новымъ гетманомъ правой стороны Днѣпра былъ выбранъ Юрій Хмѣльницкій.

Относительно внутренняго положенія въ то время мирнаго населенія Малороссіи историкъ кн. Голицынъ пишетъ: „Междоусобіе въ Малороссіи, съ участіемъ въ немъ и Россіи, и Польши, страшно раздирало и разоряло эту несчастную страну, и жители ея желали, чтобы или царь, или король взялъ ее, наконецъ, въ крѣпкія руки, лишь бы только спасти ее отъ своеволія и разоренія“.

Наконецъ, снова двинулся впередъ и кн. Трубецкой. Его встрѣчали, какъ избавителя. Въ Переяславѣ кн. Трубецкой вступилъ въ соглашеніе съ Юріемъ Хмѣльницкимъ, по которому послѣдній былъ признанъ гетманомъ Малороссіи на обоихъ берегахъ Днѣпра, а казаки правой стороны тоже присягнули на вѣрность царю.

Въ 1660 году война съ Польшею продолжалась неблагопріятно для русскаго оружія. На верхнемъ Днѣпрѣ наши войска, подъ начальствомъ Хованскаго, были разбиты Чарнецкимъ на р. Полонкѣ. Въ Украинѣ успѣхъ перешелъ рѣшительно на сторону поляковъ. Этому успѣху болѣе всего способствовала новая измѣна казаковъ съ Юріемъ Хмѣльницкимъ во главѣ.

Въ 1660 году для борьбы за Украину, въ надеждѣ на казаковъ Хмѣльницкаго, подъ начальство Шереметева назначены были недостаточныя силы: 19,000 русскихъ и 20,000 казаковъ. Выступивъ изъ Кіева 8 августа, они должны были присоединить къ себѣ до 35,000 казаковъ Хмѣльницкаго.

Гетманъ Потоцкій съ 30,000 чел. соединился съ 40,000 крымскихъ татаръ и такимъ образомъ противъ нашихъ двухъ раздѣленныхныхъ массъ имѣлъ въ сборѣ до 70,000 чел.

Войска Шереметева сошлись съ войсками Потоцкаго въ районѣ между Кіевомъ и Старо-Константиновымъ. Послѣ довольно сложныхъ передвиженій, не дождавшись присоединенія Юрія Хмѣльницкаго, измѣнившаго Россіи, Шереметевъ былъ поставленъ въ тяжелое положеніе.

Укрѣпившись въ лагерѣ у Любара, онъ отбилъ нѣсколько атакъ, но все же положеніе было таково, что надо было рѣшиться на отступление. Съ цѣлью дать лучшей отпоръ насѣдавшимъ со всѣхъ сторонъ полякамъ и татарамъ, Шереметевъ построилъ для отступления обозъ въ нѣсколько рядовъ связанныхъ между собою повозокъ, спѣшилъ часть конницы и, образовавъ большое каре, двинулся къ Чуднову. По пути, въ горячемъ бою, — татары и поляки врывались въ каре и взяли часть обоза и 17 орудій, мы потеряли до 3,000 человекъ. У Кюдя Шереметевъ остановился, окопался и вступилъ съ Потоцкимъ въ переговоры, окончившіеся сдачею нашего отряда, обоза и орудій. Но этотъ малодушный актъ не принесъ отряду спасенія: ночью на сдавшихся и обезоруженныхъ русскихъ воиновъ напали татары и истребили ихъ.

Затѣмъ, до 1667 года дѣйствія съ двухъ сторонъ ведутся съ переменнымъ успѣхомъ. Разнъ между нашими начальниками не позволяетъ воспользоваться благопріятною обстановкою, чтобы нанести полякамъ пораженія въ сѣверномъ районѣ Украины.

Для характеристики этихъ годовъ приведемъ слѣдующій отзывъ кн. Голицына про дѣйствія 1664 года: „Въ военномъ отношеніи, въ частности, любопытно слѣдить по числамъ и картѣ одновременныя передвиженія и расположенія войскъ съ обѣихъ сторонъ. Ока-

жется, что сначала поляки могли разбить по частямъ, отрѣзать, окружить, уничтожить русскія войска, а эти, послѣ бѣгства поляковъ отъ Глухова къ Новгороду-Сѣверскому и позже, въ свою очередь могли сдѣлать то же самое. Но ни тѣ, ни другіе ничего такого не сдѣлали, а бродили, какъ слѣпые, изъ стороны въ сторону и ничего путнаго не сдѣлали, что для заносчивыхъ поляковъ, имѣвшихъ большія силы и хорошихъ военачальниковъ, было сугубо постыднѣе.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, Россія и Польша продолжали желать необходимаго имъ мира и прекращенія разорительной для нихъ войны“.

Наши военныя силы были подорваны этою продолжительною войною, денежныя средства совершенно истощились. При этихъ условіяхъ заключенное съ Польшею въ Андрусовѣ 30 января 1667 года на 13 лѣтъ перемиріе не можетъ признаваться тягостнымъ для Россіи. По этому договору мы получили обратно часть Малороссіи, Смоленскъ и Сѣверскія земли. Кіевъ съ окрестностями былъ оставленъ во временномъ владѣніи Россіи; надъ запорожцами установлено было совмѣстное покровительство Россіи и Польши. Литва и Бѣлоруссія остались большею частью за Польшею.

Несмотря на эту побѣду надъ ослабленною Россіею, Польша уже не является въ дальнѣйшей исторіи Россіи сколько нибудь грознымъ врагомъ.

Андрусовское перемиріе не рѣшило вопроса о Малороссіи. Часть казаковъ, попытавъ подданства Польши и Россіи, приняла, во главѣ съ атаманомъ Дорошенко, подданство Турціи и этимъ дала ей право вмѣшательства въ дѣла Малороссіи и ввода туда турецкихъ войскъ. Дорошенко хотя и признавалъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, но большинство казаковъ съ гетманомъ Самойловичемъ держались Москвы. Дорошенко съ своими приверженцами укрѣпился въ Чигиринѣ. Турецкій султанъ Магометъ IV, по мирному договору съ Польшею въ 1672 году въ Буджановѣ, получилъ западную Украину. Принявъ въ подданство Дорошенко, онъ получилъ право и на восточную часть Малороссіи. Въ то же время польскій король Янъ-Собѣскій, согласно съ Андрусовскимъ договоромъ, требовалъ возвращенія ему Кіева.

Въ весьма интересномъ трудѣ Н. В. Чарыкова „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Менезія (1637—1674)“ развивается мысль, что въ теченіе двухъ столѣтій, до второй половины XVII столѣтія, правители Московскаго государства держались вполнѣ опредѣленной политики къ грознымъ тогда туркамъ. Они признавали, что съ паденіемъ Византійской имперіи на Московское государство переходило покровительство христіанскимъ народностямъ, подчиненнымъ Турціи, но твердо уклонялись отъ участія въ борьбѣ съ Турціею, несмотря на приглашенія правителей европейскихъ государствъ

того же времени считать бывшую Византію наслѣдіемъ Россіи. Такое положеніе измѣнили сами турки.

Султанъ Магометъ IV, не довольствуясь утверженіемъ въ Молдавіи, Валахіи и части Венгріи, задумалъ присоединить къ своимъ владѣніямъ Подолію, Галицію и Малороссію.

Въ 1672 году Магометъ IV вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ вторгнулся въ Подолію и Малороссію. Россіи и Польшѣ приходилось бороться не между собою, а съ новымъ еще и грознымъ врагомъ. При заключеніи Андрусовскаго перемирія въ 1667 году уже предвидѣлась возможность совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ и, кромѣ того, было рѣшено обратиться въ случаѣ нападенія турокъ къ другимъ христіанскимъ державамъ за помощью. Какъ только обозначилось вторженіе турокъ, царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ нѣсколько посольствъ къ европейскимъ государямъ и къ папѣ, прося помощи противъ турокъ. Хотя помощи оказано и не было, но добрыхъ совѣтовъ было дано немало.

Приходилось разсчитывать, какъ и въ позднѣйшія войны съ турками, только на свои силы.

Преемнику Алексѣя Михайловича, Феодору Алексѣевичу, предстояла поэтому весьма трудная задача удержать въ своихъ рукахъ приднѣпровскія земли, населеніе которыхъ приняло подданство Россіи, но на которыя предъявляли претензіи и поляки, и турки.

Опираясь на вѣрныхъ присягѣ казаковъ Самойловича, первую задачею было поставлено сломить упорство Дорошенко, овладѣвъ Чигириномъ. Но вслѣдствіе вмѣшательства Турціи задача эта оказалась не изъ легкихъ: потребовалось произвести три похода подъ Чигиринъ, и въ результатѣ этихъ походовъ, хотя Дорошенко и былъ побѣжденъ, но цвѣтушій Чигиринъ обратился въ развалины.

Въ первый походъ подъ Чигиринъ въ 1676 году русскія войска и казаки, всего до 20,000 чел., съ Ромодановскимъ и Самойловичемъ во главѣ, послѣ небольшого боя подъ Чигириномъ вынудили Дорошенко сложить съ 2,000 казаковъ оружіе.

Турецкій султанъ вмѣсто Дорошенко назначилъ гетманомъ плѣнника своего Юрія Хмѣльницкаго и выслалъ его съ турецкими войсками въ Малороссію.

Хмѣльницкій вступилъ въ переговоры съ запорожцами, которые тоже готовы были примкнуть къ нему. Крымцы выслали помощь Хмѣльницкому. Чигиринъ, занятый небольшимъ русскимъ гарнизономъ, былъ осажденъ. Но на этотъ разъ Самойловичъ и Ромодановскій дѣйствовали успѣшно. Имъ удалось усилить гарнизонъ Чигирина и въ бою съ турками и татарами 23 августа на р. Тясьмѣ вынудить ихъ къ отступленію. Въ наши руки достались запасы и нѣсколько орудій. 4,000 янычарскихъ труповъ остались подъ стѣнами

Чигирина ¹⁾. *Это была первая победа русских войск над турецкими.*

Въ этомъ бою въ первый разъ отличились выборные солдатскіе полки: Московскій и Бутырскій. Гордонъ, участвовавшій въ формированіи этихъ первыхъ солдатскихъ полковъ, въ своихъ запискахъ считаетъ, что эти два полка были непосредственными виновниками победы ²⁾.

Въ слѣдующемъ году турки выслали подъ Чигиринъ болѣе значительныя силы съ пятью пашами. Крымскій ханъ лично повелъ своихъ крымцевъ. Русскіе съ своей стороны усилили укрѣпленія Чигирина, снабдили его запасами и назначили комендантомъ энергичнаго и опытнаго воеводу Ржевскаго.

Турецкія и русскія войска почти одновременно подступили къ Чигирину. Турки осадили его, но русскія войска черезъ р. Тясьму, на которой стоитъ Чигиринъ, вошли въ связь съ осажденными. Турки и татары, ведя осадныя работы, въ то же время нападали на стаи русскихъ войскъ, но были отбиваемы. Между тѣмъ осадныя работы успѣшно подвигались впередъ. Минными подкопами была взорвана часть стѣны. Турки ворвались внутрь города, сожгли мостъ, но встрѣтили упорное сопротивленіе въ самомъ городѣ: русскіе два раза выбивали турокъ изъ города. Ржевскій былъ убитъ ранѣе штурма и въ командованіе гарнизономъ вступилъ иноземецъ Гордонъ. Въмѣсто помощи осажденнымъ Ромодановскій прислалъ имъ приказъ отступить и, по соединеніи съ гарнизономъ, отступилъ съ своимъ войскомъ къ Днѣпру и далѣе. Отступление прикрывали два выборныхъ солдатскихъ полка—Московскій и Бутырскій (Шевелева и Кравкова), мужественно отбивая нападенія турокъ ³⁾.

Отъ разрушеннаго и опустѣвшаго Чигирича отступили и турки, оставивъ Юрія Хмѣльницкаго хозяйничать на правой сторонѣ Днѣпра.

Такимъ образомъ, третій чигиринскій походъ окончился для русскихъ войскъ неудачно.

По объясненію участника чигиринскихъ походовъ Ивана Мазепы, причины неудачи заключались въ слѣдующемъ ⁴⁾: „Въ прошлую войну съ княземъ Ромодановскимъ ратныхъ людей было много, а какъ они шли къ Чигирину и отъ него, то въ бояхъ было ихъ очень мало, только *солдатскіе и стрѣлецкіе полки*, да и въ стрѣлецкихъ мало, человекъ по 300, а все оставлены были въ обозѣ; а отъ рейтаръ и городовыхъ дворянъ только крикъ былъ“.

Несмотря на неудачныя дѣйствія нашихъ войскъ подъ Чигириномъ въ третьемъ походѣ, турки были склонны къ миру съ Россією,

¹⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 836.

²⁾ Бобровскій, стр. 37.

³⁾ П. Бобровскій, стр. 37.

⁴⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 841.

ибо султанъ Магометъ IV готовился въ то время къ войнѣ съ Австрією.

По мирному договору, заключенному въ 1681 году въ Бахчисарай, западная Украина и Запорожье были признаны за Россією. Кромѣ того, въ договорѣ значилось: „*Ханову величеству будетъ дана казна за прошлые три года и потомъ будетъ присылаться по старымъ росписямъ*“. Другими словами, мы покупали спокойствіе на югѣ стариннымъ способомъ—уплатою дани.

Такимъ образомъ, послѣ 17-ти лѣтней войны съ Польшею и войны съ Турцією, Россія хотя и несла частныя неудачи, но въ результатѣ упорнаго преслѣдованія поставленной цѣли—вся Малороссія и Запорожье вошли въ составъ Русской земли. Отъ Чернаго моря Русь въ восьмидесятихъ годахъ XVII столѣтія отдѣляла только узкая полоса земли, подчиненная Крыму.

Дальнѣйшіе шаги Россіи по выходу къ Черному морю были сдѣланы уже въ правленіе царицы Софьи, и цѣлью нашихъ дѣйствій были поставлены не только побѣда надъ крымцами, но и *завоеваніе Крыма и выходъ Россіи къ Черному морю*.

Обидный для самолюбія Россіи Бахчисарайскій договоръ не могъ быть долговѣчнымъ. Это было дѣйствительно только перемиріе и притомъ не на 20 лѣтъ, а всего на семь лѣтъ.

Со смертью Θεодора Алексѣевича вступившая, за малолѣтствомъ Петра Алексѣевича, въ управленіе государствомъ царица Софья замыслила покорить Крымъ.

Готовясь къ войнѣ съ турками, она обезпечила себѣ свободу дѣйствій и пособничество союзами съ Польшею, Австрією и Венеціей. Сборъ арміи былъ назначенъ въ Полтавѣ. Пришлось принимать принудительныя мѣры, но все-таки многіе ратные люди въ походѣ не явились.

Въ совѣтѣ въ Москвѣ было рѣшено начать военныя дѣйствія противъ турокъ въ согласіи съ своими новыми союзниками. Русскому войску надлежало вторгнуться въ Крымъ, когда поляки вступятъ въ Подолію и Молдавію, австрійцы возобновятъ военныя дѣйствія въ Венгріи и Трансильваніи и венеціанцы нападутъ на Морею.

Въ половинѣ мая 1687 года, подъ начальствомъ любимца царицы Софьи кн. Голицына, армія въ 150,000 чел. двинулась въ Крымъ. Въ составѣ ея имѣлось: 40 т. пѣхоты, 50 т. казаковъ. Конница составляла $\frac{3}{4}$ всѣхъ силъ.

Казаки съ гетманомъ Самойловичемъ присоединились къ кн. Голицыну на р. Самарѣ. Слѣдуя далѣе, войска достигли ур. Большой Лугъ. Но тутъ появился неожиданный врагъ—степной пожаръ. Пробовали пробиваться, но прошли въ двое сутокъ не болѣе 12 верстъ. Лошади не двигались отъ усталости и безкормицы, нигдѣ не было ни травы, ни воды; люди ослабѣли отъ зноя и копоти. Проливной дождь спасъ армію. Былъ собранъ совѣтъ. Рѣшили отсту-

пить, отправивъ въ набѣгъ къ низовьямъ Днѣпра 30.000 чел. Существовало довольно достовѣрное подозрѣніе, что степь зажгли сами казаки ¹⁾).

Отступившая армія остановилась станомъ въ окрестностяхъ Полтавы. Неудовольствіе на гетмана Самойловича, все увеличиваясь, грозило перейти въ бунтъ. Съ разрѣшенія царя назначили новые выборы. Кн. Голицынъ указалъ на Мазепу, который и былъ выбранъ. Для характеристики нравовъ того времени надо прибавить, что за такое содѣйствіе Мазепа далъ кн. Голицыну взятку въ 10.000 рублей. ²⁾

Въ сентябрѣ 1688 года въ Москвѣ было объявлено ратнымъ людямъ о новомъ походѣ на Крымъ. Армія, собранная въ Украинѣ въ февралѣ, выступила въ степь. Въ четырехъ отрядахъ, подъ общимъ начальствомъ кн. Голицына (получившаго титулъ Оберегателя), выступило въ походъ 112,000 чел. при 70 орудіяхъ.

Переправясь черезъ р. Самару, кн. Голицынъ шель лѣвымъ берегомъ Днѣпра по тому же пути, что и въ первый походъ. 16 мая въ 25 верстахъ къ югу отъ г. Борисполя на Днѣпрѣ авангардъ, а затѣмъ и главныя силы Голицына были атакованы татарами. Наша конница и пѣхота не устояли и отступили въ каре изъ повозокъ обоза, защищаемые орудіями. Турки были отбиты. Но въ этомъ дѣлѣ обнаружилось безсиліе нашей конницы передъ татарскою и при послѣдующемъ движеніи впередъ вся армія передвигалась съ огромными предосторожностями, заключенная какъ бы въ подвижную крѣпость изъ повозокъ обоза (каре). Внутри этого каре помѣщалась и наша конница ³⁾.

Передъ Перекопомъ татары вновь нападали на наши войска и были отбиты, но успѣли похозяйничать въ нашемъ обозѣ. Подойдя къ Перекопу, сильно укрѣпленному, Голицынъ пришелъ къ заключенію, что городъ можно было взять только осадю, для чего надо было время. Между тѣмъ войска тяжело терпѣли отъ недостатка воды и лошади падали въ большомъ числѣ. Армія отступила въ Малороссію, гдѣ была распушена по домамъ.

Итакъ, мы видимъ, что, собираясь съ большою арміею въ Крымъ, мы не знали мѣстныхъ условій, не знали, куда надо направить ударъ.

Историкъ пишетъ: „Спѣшили къ Перекопу, думая, что тутъ-то будетъ конецъ лишеніямъ, и что же увидѣли?—съ одной стороны Черное море, съ другой Гнилое; *вездѣ вода соленая*; колодцевъ нѣтъ; лошади падаютъ; еще нѣсколько дней—и какъ будемъ отступать, на чемъ везти парядъ?“..

Этими двумя неудачными походами русская военная сила на-

¹⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 1006.

²⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 1015.

³⁾ Н. Сухотинъ, „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 85.

чала рѣшеніе важной исторической для Россіи задачи по выходу къ Черному морю. Продолжалъ эту задачу Петръ Великій, но рѣшила окончательно только Екатерина Великая: по мирному договору въ Яссахъ 1791 года, заключенному послѣ славныхъ побѣдъ Суворова, Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи. Для достиженія этого результата послѣ первыхъ русскихъ походовъ въ Крымъ съ цѣлью завоеванія его потребовалось еще сто лѣтъ борьбы съ Турціею.

Относительно участія Россіи въ войнѣ съ Турціею, выразившагося въ двухъ походахъ при Голицынѣ, авторъ русской военной исторіи кн. Голицынъ пишетъ: „Такимъ образомъ, въ то время, когда союзники Россіи—Австрія и Венеція—въ 1687—89 г.г. одержали блистательные успѣхи надъ турками, участіе Россіи въ священномъ союзѣ противъ Турціи было самое ничтожное и жалкое, въ сравненіи съ употребленными на то силами, средствами и пожертвованіями. Единственною пользою этихъ двухъ крымскихъ походовъ было только то, что они отвлекли крымскаго хана отъ поданія помощи турецкому султану на Днѣстрѣ, Прутѣ и Дунаѣ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что этими двумя неискусными и потому неудачными походами великой Россіи противъ ничтожной, въ сравненіи съ нею, крымской дикой, разбойничьей и хищной татарской орды жалко заканчивается военная исторія древней Россіи,—жалко потому, что въ послѣдній разъ свидѣтельствуетъ о военномъ безсиліи Россіи, вслѣдствіе несостоятельности ея военной системы, бывшей уже анахронизмомъ въ Европѣ въ концѣ XVII вѣка.

Три мѣсяца спустя послѣдовали конецъ стараго порядка и начало новаго и съ нимъ—новой русской военной исторіи, существенно отличной отъ древней“.

Другой историкъ, П. Бобровскій, по поводу крымскихъ походовъ высказываетъ такое заключеніе:

„Для борьбы съ турками, далеко опередившими русскихъ въ военномъ устройствѣ, нужно было совершить коренныя реформы къ нимъ приступилъ Феодоръ Алексѣевичъ въ концѣ 1681 г. Очевидно стало общее колебаніе всего древняго военнаго устройства и необходимость рѣшиться на поворотъ къ чужому западному круто, немедленно. Но тогда вся реформа въ войскѣ ограничилась только уничтоженіемъ мѣстничества. Впрочемъ были кое-какія несущественныя нововведенія; въ сущности же, какъ показали событія 1682 года и крымскіе походы, все оставалось по старому. Крымскіе походы князя Василія Васильевича Голицына въ 1687 и 1689 годахъ съ арміею въ 1000,00 солдатъ, стрѣльцовъ, рейтаръ и драгунъ, которая совершила свое движеніе — *четвероугольникомъ подѣлѣнныи* 20,000 телѣгъ, еще разъ показали и безсиліе русской конницы противъ татаръ (отъ ихъ нападенія она укрывалась *въ серединѣ обоза*) и не соответственный съ обстоятельствами образъ дѣйствія, и пе-

желаніе бояръ прикоснуться къ наболѣвшимъ язвамъ военнаго организма.

Общее разстройство въ войскахъ, вслѣдствіе недостатковъ администраціи и крайняго упадка дисциплины, особенно въ стрѣлечкихъ полкахъ, отъ которыхъ легко могли заразиться и единственно надежные въ боевомъ отношеніи выборные солдатскіе и нѣкоторые рейтарскіе полки, сознавалось всѣми, стоявшимъ во главѣ войскъ того времени“.

Такимъ образомъ, къ концу XVII столѣтія задачи, поставленныя русской арміи какъ по выходу къ Балтійскому, такъ и по выходу къ Черному морю, оказались ей еще не по силамъ.

Въ предыдущихъ главахъ изложенъ былъ постепенный ходъ движенія Кіевской и Московской Руси къ Черному морю. Ходъ этотъ былъ весьма медленъ, прерывался въ зависимости отъ внутренней слабости Руси на продолжительное время, но при первыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ возобновлялся вновь. Въ этомъ движеніи принимало участіе и само населеніе не только безъ содѣйствія правительства, но даже иногда вопреки его требованій (казачество).

Наиболѣе крупными этапами на этомъ пути въ Кіевской Руси были: основаніе колоній на черноморскомъ побережьи, основаніе Тмутараканскаго княжества на берегахъ Азовскаго моря и походы къ Царьграду кіевскихъ князей. Въ X вѣкѣ Черное море называлось русскимъ, на немъ жила Русь и одна по немъ плавала ¹⁾.

Борьба за удѣлы ослабляла русское племя и вмѣстѣ съ ордами печенѣговъ и половцевъ отвлекала его силы и вниманіе отъ Чернаго моря. Это былъ періодъ съ X по XIII столѣтіе.

Во время татарскаго ига и борьбы по собиранію Руси, съ XIII по XVI столѣтіе, борьба за выходъ русскаго племени къ Черному морю прерывается и возобновляется лишь съ основаніемъ на югѣ Руси казачества. Московская Русь, занятая внутренними дѣлами и борьбою съ татарами, принимала участіе въ движеніи русскаго племени къ югу только черезъ вольныхъ людей, пополнявшихъ казачество.

Но уже съ половины XV столѣтія окрѣпшая Русь снова обращаетъ вниманіе на югъ. Выразителемъ желаній лучшихъ людей той эпохи является великій князь Иванъ III, который твердо ставитъ вопросъ о принадлежности Кіева и иныхъ южныхъ городовъ къ составу Московской Руси, на основаніи единства исторіи, и только тяжкая борьба съ татарами и Литвою не дозволяетъ ему и его ближайшимъ преемникамъ возобновить наступательное движеніе Руси къ югу.

Въ XVI столѣтіи сподвижникъ Ивана IV Грознаго, выдающійся

¹⁾ Ключевскій, ч. I, стр. 39—40.

русскій человекъ Адашевъ, ставить очередною задачею для Московской Руси: „сдѣлать Черное море русскимъ“. Иванъ IV и дѣлаетъ попытку продвинуться къ Черному морю въ обходъ литовскихъ владѣній (въ обходъ долины Днѣпра). Эта попытка, предпринятая недостаточными силами, оканчивается неудачею.

Въ 1-ой половинѣ XVII столѣтія казаки, безъ помощи правительственныхъ войскъ, бьютъ татаръ и турокъ и овладѣваютъ сильною крѣпостію Азовомъ. Они предлагаютъ царю Михаилу Феодоровичу принять Азовъ въ подданство Россіи. Но великая земская дума, собранная для обсужденія этого вопроса, высказывается, что государство находится въ слишкомъ разстроеномъ состояніи, чтобы выдержать борьбу съ Турціею. Поэтому предложеніе казаковъ было отклонено.

Со второй половины XVII столѣтія начинается продолжительная борьба Россіи за выходъ къ Черному морю. Въ этой борьбѣ надо различать два періода: первый—за присоединеніе Малороссіи и второй—за присоединеніе Крыма и подчиненныхъ ему мѣстностей юга Россіи.

Россія, начиная съ царствованія Алексѣя Михайловича, ведетъ нѣсколько войнъ съ Польшею, поддержанною Крымомъ и турками, и по Бахчисарайскому договору 1681 года Украина и Запорожье признаются подчиненными Россіи.

Въ 1676 году русскія войска подъ Чигириномъ впервые ¹⁾ въ своей исторіи вступаютъ въ бой съ турецкими и одерживаютъ надъ ними успѣхъ.

Съ 1687 года начинаются военныя дѣйствія Россіи, имѣющія цѣлью овладѣніе выходомъ къ Черному морю. Два похода многочисленнаго русскаго войска подъ начальствомъ Голицына кончаются полною неудачею. Цѣли ставились важныя; средства въ матеріальномъ отношеніи для достиженія этихъ цѣлей давались большія, но въ духовномъ отношеніи эти средства оказались недостаточными. Такой же результатъ и отъ тѣхъ же причинъ получился и относительно выхода Россіи къ Балтійскому морю.

Потребовалось переустройство военныхъ силъ Россіи, переходъ къ постоянной арміи, чтобы столь важныя цѣли, какъ выходы Россіи къ морямъ Балтійскому и Черному, оказались посильными для нея.

Войска Московской Руси при помѣстной системѣ (служилое сословіе) съ прибавкою стрѣлцакаго войска и первыхъ солдатскихъ полковъ, составлявшихъ переходъ отъ помѣстныхъ войскъ къ постоянной арміи, оказались достаточными только для побѣды надъ татарами и выхода Россіи къ Каспійскому морю.

Борьба со шведами, поляками, турками за выходъ къ морямъ

¹⁾ Если не считать подвига Адашева, взяшаго при Иванѣ IV Грозномъ два турецкихъ корабля, и военныхъ дѣйствій съ турками казаковъ.

Балтійскому и Черному уже стала не посильною для ополченныхъ войскъ Московской Руси, даже усиливаемыхъ наемными иноземцами и первыми робкими еще (формированіями постояннаго типа полковъ.

Великій Петръ первый воспользовался въ широкихъ размѣрахъ высокими прирожденными военными качествами русскаго племени, и сформированная имъ армія, крѣпшая въ неудачахъ, побѣдою надъ шведами дала Россіи прочный выходъ къ Балтійскому морю.

Великая Сѣверная война тянулась 21 годъ, съ 1700 по 1721 годъ, и окончилась Ништадтскимъ миромъ, по которому къ Россіи были присоединены: Ингерманландія, Эстляндія, Лифляндія и небольшая часть Финляндіи. Курляндія была присоединена только въ 1794 году, послѣ войны съ Польшею. Такимъ образомъ, Россія вышла на берегъ Балтійскаго моря въ нынѣшнихъ границахъ уже свыше ста лѣтъ тому назадъ.

Выходъ къ Черному морю въ XVIII столѣтіи потребовалъ нѣсколькихъ войнъ съ Турціею. При Великой Екатеринѣ, послѣ войны съ Турціею въ 1787—91 годахъ, ознаменовавшейся побѣдами русскихъ войскъ, Турція по Ясскому договору признала присоединеніе Крыма къ Россіи. Однако и при постоянномъ составѣ арміи задачи по выходу Россіи къ морямъ Черному и Балтійскому требовали для осуществленія ихъ почти полностью все XVIII столѣтіе.

Г Л А В А VIII.

Положеніе Россіи въ концѣ XVII столѣтія.—Состояніе вооруженныхъ силъ Россіи въ XVII столѣтіи; ихъ отсталость и неготовность; мѣры къ улучшенію: стрѣльцы, иноземные отряды, полки иноземнаго строя.—Иноземное вліяніе въ Московскои Русь въ XVII столѣтіи. Мнѣнія серба Крижанича о значеніи этого вліянія.
Задачи русскаго воинства, перешедшія на XVIII столѣтіе.

Положеніе Россіи въ концѣ XVII столѣтія.

Тяжелая борьба Россіи съ татарами, окончившаяся освобожденіемъ Руси отъ татарскаго ига, завоеваніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ, борьба съ Литвою, Ливонією, Польшею и Швецією,—все это не могло не повліять на внутреннее состояніе государства и на ослабленіе платежныхъ силъ и средствъ его. Пережитое смутное время, разореніе русскихъ земель отрядами поляковъ, татаръ, казаковъ и разныхъ вольныхъ людей еще увеличивало внутреннее разстройство Россіи.

Въ числѣ расходовъ, особенно тяжело ложившихся на населеніе, на первомъ планѣ стали являться расходы по содержанію все увеличивавшихся вооруженныхъ силъ Россіи во время почти непрерывно вѣденныхъ ею войнъ, иногда одновременно съ нѣсколькими противниками. Въ XVII столѣтіи, въ періоды наибольшаго военнаго напряженія, вооруженныя силы, выставлявшіяся нами для дѣйствій въ полѣ и охраны внутри страны порядка и спокойствія, превышали 300,000 человекъ.

Между тѣмъ сравнительно съ прежнимъ временемъ расходы на содержаніе войскъ увеличились: холодное оружіе замѣнилось огнестрѣльнымъ. Кромѣ ружей приходилось имѣть еще и большое число пушекъ.

Съ заведеніемъ войскъ иноземнаго строя, приближавшихся къ типу постоянныхъ войскъ, увеличились и расходы по ихъ содержанію; наемъ иноземцевъ тоже значительно увеличивалъ расходы. Наконецъ, самое веденіе войнъ потребовало большихъ расходовъ, чѣмъ то было ранѣе, ибо при значительности арміи требовалось пригото-

влять различнаго вида запасы, содержать огромные обозы, въ томъ числѣ и съ осадными средствами.

Со временъ Ивана III великокняжескiй укладъ жизни далеко уже отошелъ отъ прежней простоты. Особенно увеличилась пышность великокняжескаго двора при Василии III.

Великимъ князьямъ подражали бояре. Началась постройка дорогихъ палатъ, заведенiе дорогой утвари, дорогихъ одеждъ. Содержанiе боярскихъ дворовъ тяжело ложилось на низшiе классы населенiя.

Внѣшняя пышность и роскошь уживались въ то же время съ огромнымъ невѣжествомъ высшаго класса Россiи.

Богатѣли города, монастыри, отдѣльные боярскiе роды, но земледѣльческая Русь была бѣдна, а въ ней то, какъ и нынѣ, заключался главный источникъ силы государства.

Масса населенiя проживала, вѣрнѣе прозябала, въ бѣдности, невѣжествѣ, суевѣрiи, а радости черпала въ винѣ и грубыхъ проявленiяхъ разгула: сквернословiи, ссорахъ, дракахъ, грубыхъ пѣсняхъ. Забавы бояръ, дворянъ, боярскихъ дѣтей состояли въ пирахъ, охотахъ; потребности въ книгѣ, за малыми исключенiями, еще не было. Не было развитiя и вкуса къ музыкѣ, живописи и др. искусствамъ. Положенiе женщины въ высшихъ классахъ ухудшилось: ее запирали въ теремъ по восточному обычаю.

На покрытiе все возрастающихъ расходовъ, получившихъ характеръ обывоченныхъ, требовалось обезпечить и постоянный источникъ доходовъ. Бѣднѣйшая часть населенiя (тягловое или податное) и должна была дать это обезпеченiе.

Историкъ Соловьевъ пишетъ: „Служилый человекъ долженъ былъ служить, посадскiй тяглый платить за содержанiе, на жалованье ратнымъ людямъ; такое первоначальное отношенiе между двумя частями населенiя длилось вѣка“ ¹⁾.

Прикрѣпленiе крестьянъ къ землѣ и посадскихъ людей къ посадамъ и городамъ имѣло цѣлью увеличить и сдѣлать болѣе опредѣленными силы государства, какъ для уплаты разныхъ податей, такъ и для несенiя военной повинности.

По мнѣнiю Соловьева, въ прикрѣпленiи крестьянъ самымъ страшнымъ образомъ высказалось банкротство бѣдной страны, не могшей своими средствами удовлетворять потребностямъ своего государственнаго положенiя ²⁾.

Трудность жизни вызывала среди низшихъ классовъ побѣги;

¹⁾ Соловьевъ, т. XIII стр. 706.

²⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 727.

а бѣгло платилъ міръ. При Михаилѣ Феодоровичѣ особенно было много хлопотъ, чтобы возвратить разбѣжавшихся въ смутное время тяглыхъ людей, ибо опустѣвшія мѣстности ничего не могли платить, а въ казнѣ не было денегъ. Для характеристики нравовъ XVII столѣтія можно указать, что въ 1658 году была объявлена смертная казнь за переходы изъ посада въ посадъ, а также за женитьбу и выдачу замужъ за свой посадъ безъ отпускнуой ¹⁾.

Торговое сословіе тоже было стѣснено въ своей дѣятельности. Конкурентомъ его являлась льготная торговля въ пользу государя и иностранная торговля.

Въ XVII столѣтіи для поддержки нашего торговаго сословія въ новомъ уставѣ, по просьбѣ русскихъ торговыхъ людей, *проживаніе иностранцевъ во внутреннихъ городахъ было запрещено* ²⁾.

Вообще послѣ разгрома смутнаго времени наступили застой въ промышленности и торговлѣ и бѣдность.

Условія для промышленности складывались еще болѣе неблагоприятно. Изъ городовъ и самыхъ богатыхъ приходили вѣсти, что денежныхъ доходовъ недостаетъ на покрытіе издержекъ, на жалованье служащимъ людямъ—военнымъ и подъячимъ.

Изъ Москвы даже шли требованія объ уменьшеніи жалованья: не давать денежнаго жалованья, уменьшить его, вмѣсто денегъ предлагалось раздавать земли: „земли много, землю раздавать“ ³⁾.

Духо_венство уже составляло многочисленный и вліятельный классъ, но тоже было мало образовано, суевѣрно, а иногда и фанатично. Развивавшійся быстро расколъ ослаблялъ дѣятельность духовенства. Въ особенности невѣжественно было сельское духовенство. Оно больше заботилось о добываніи себѣ пропитанія, чѣмъ занималось наставленіемъ и поученіемъ своихъ прихожанъ.

Тѣмъ не менѣе, духовенство являлось хранителемъ православной вѣры, а въ трудныя минуты, напр. въ смутное время, поддерживало и благословляло населеніе на борьбу за вѣру и царя. Прибавимъ, что въ то время, при отсутствіи сельскихъ школъ, монахи и священники были почти единственными учителями грамотности.

Въ трудѣ серба Крижанича „Политическія думы“ въ яркихъ чертахъ изображена печальная картина состоянія Россіи въ XVII столѣтіи. Краски значительно сгущены, многіе отзывы не справедливы, но общая картина, нарисованная Крижаничемъ, сходна съ показаніями и другихъ современниковъ.

Вотъ какъ Крижаничъ характеризуетъ Россію и русскихъ той эпохи ⁴⁾:

¹⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 703.

²⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 723.

³⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 726.

⁴⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 780—781.

„При всей своей неизмѣримой широтѣ и длинѣ, Россія со всѣхъ сторонъ заперта для торговли; мало въ ней торговыхъ городовъ, нѣтъ дорогихъ произведеній; умы народа тупы и косны, нѣтъ никакого умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ; русскіе, поляки и славяне не умѣютъ вести дальнюю торговлю ни сухимъ путемъ, ни по морю; купцы русскіе не учатся даже ариѳметикѣ: оттого иностраннымъ купцамъ ничего не стоитъ ихъ обмануть. Русскій человѣкъ самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ; книгъ у него никакихъ нѣтъ ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ; онъ лѣнивъ, не промышленъ, самъ себя не хочетъ добра сдѣлать, если силою не будетъ принужденъ; языкъ его бѣденъ, бѣднѣе всѣхъ главныхъ европейскихъ языковъ; потому неудивительно, что и разумы наши тупы и косны: чего не можемъ словомъ сказать, того не можемъ и душою замыслить; исторіи русскій человѣкъ не знаетъ, никакихъ политическихъ разговоровъ вести не можетъ, и потому иностранцы его презираютъ... Ъдимъ мы не чисто, деньги прячемъ въ ротъ: мужикъ держитъ полную братицу и пальцы въ ней окунуты, такъ и гостю подаетъ; квась продается поганю, посуда не моется. Датскій король сказалъ о нашихъ послахъ: „Если эти люди еще ко мнѣ придутъ, то долженъ буду построить имъ свиной хлѣвъ, потому что, гдѣ они постоятъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ смрада.

Неумѣнье изъясняться, лѣнь, пьянство и расточительность—главныя наши природныя свойства; отъ расточительности происходитъ жестокость относительно подчиненныхъ.

У насъ нѣтъ природной бодрости, благородной гордости, одушевленія; не умѣемъ держать себя съ достоинствомъ.

Турки и татары, хотя и побѣгутъ, не дадутъ себя даромъ убить, но обороняются до послѣдняго издыханія. А наши ратные люди, когда побѣгутъ, то уже не оборотятся, но даютъ себя съѣчь, какъ мертвые.

Великое наше народное несчастье—это неумѣренность во власти, не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать, не могутъ среднимъ путемъ ходить, но всѣ по окраинамъ и пропастямъ блуждаютъ.

То у насъ правительство въ конецъ распущено, господствуетъ своеволие, безнарядье; то уже черезчуръ твердо, строго и свирѣпо. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого безнаряднаго и распутнаго государства, какъ Польское, и нѣтъ такого крутого правительства, какъ въ Россіи.

Расплодились въ русскомъ народѣ премерзкіе нравы, такъ что передъ другими народами русскіе являются обманчивыми, невѣрными, склонными къ воровству, убійству, неучтивыми въ бесѣдѣ, нечистоплотными

А отчего все это происходитъ?—Оттого, что всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выем-

щиками, тайными доносчиками; люди отовсюду и вездѣ связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, трудомъ рукъ своихъ не могутъ свободно пользоваться.

Все должны дѣлать и торговать тайкомъ, въ молчанку, со страхомъ и трепетомъ, укрываться отъ такой огромной толпы правителей и палачей. А сами эти цѣловальники и притѣснители народа, не получая достаточнаго жалованья, не могутъ, какъ должно, исполнять своихъ обязанностей, нужда заставляетъ ихъ искать корысти и брать подарки отъ воровъ.

Такимъ образомъ, люди, привыкши все дѣлать тайкомъ, какъ воры, со страхомъ, съ обманомъ, забываютъ всякую честь, становятся трусливы на войнѣ, дѣлаются склонны ко всякой нелюдскости, нескромности и нечистотѣ; не умѣютъ они цѣнить чести, не умѣютъ дѣлать различія между людьми. Первый вопросъ, съ которымъ обращаются къ незнакомому человѣку: есть ли у тебя жена? второй: сколько получаешь царскаго жалованья? сколько у тебя имѣнія? Не стыдятся купаться передъ всѣмъ народомъ.

Если они въ комъ-нибудь нуждаются, то не знаютъ мѣры униженію.

Итальянцы, испанцы, турки бережливы и трезвы; нѣмцы бережливы, но большіе пьяницы; всѣ славяне расточительны и любятъ попить; однако ни у нѣмцевъ, ни у остальныхъ славянъ нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ одной Русской державы, не видно такого гнуснаго пьянства: по улицамъ въ грязи валяются мужчины и женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умираютъ.

У турокъ намъ должно учиться трезвости, стыдливости и правосудію...

Необходимо въ этомъ государствѣ употребить какія-нибудь средства, чтобы поднять стыдливость противъ содоміи, общественную трезвость противъ гнуснаго пьянства, правосудіе противъ чиновниковъ, о которыхъ говоритъ Исаія: „Начальники твои сообщники воровъ“.

Нужды населенія вполне опредѣленно высказаны были и на земскомъ соборѣ 1642 года, собранномъ Михаиломъ Феодоровичемъ для рѣшенія вопроса, принимать ли Азовъ въ подданство Россіи.

Заслуживаетъ прежде всего вниманія высказанное мнѣніе, чтобы при сборѣ денегъ на военныя нужды, въ случаѣ принятія Азова и войны съ Турціею, государь *съ богатыхъ взыскивалъ бы больше, чѣмъ съ бѣдныхъ*, и приказалъ бы *„брать съ большихъ мѣсть, съ монастырей и съ пожалованныхъ людей*, за которыми помѣстій и вотчинъ много, а у нихъ за окладами много лишней земли“.

Дворяне 16 городовъ, въ томъ числѣ Новгородъ, Смоленскъ, Кострома, Торопца, просили брать въ войско даточныхъ людей со всѣхъ обогатѣвшихъ и отяжелѣвшихъ, а съ имуществъ брать деньги, не дѣлая исключенія для монастырей. Особенно рѣзко эти дворяне

возставали противъ дьяковъ и подъячихъ. Получая казенное жалованье, эти дьяки, кромѣ того, награждались помѣстьями и вотчинами. Находясь же непрерывно у дѣль, они обогащались взятками и построили такихъ каменныхъ домовъ, какихъ при прежнихъ государяхъ не было и у великородныхъ людей. При этомъ дворяне жаловались, что они разорены, безпомощны, безпомѣстны, пустопомѣстны и малопомѣстны, и вмѣсто готовности идти подъ Азовъ просили государя „взыскать своею милостью, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, чтобы было чѣмъ государеву службу служить“.

Для увеличенія же царской казны представители дворянъ указывали между прочимъ слѣдующія средства:

1) Сдѣлать строгую, подъ присягою и съ цѣлованіемъ креста, роспись всей своей государевой земли, за кѣмъ сколько вотчины, помѣстій и крестьянъ. Если кто крестьянъ утаитъ, то отбирать ихъ безповоротно.

2) Составить уложеніе, со сколькихъ крестьянъ служить государеву службу безъ денежнаго жалованья, а съ тѣхъ, у кого противъ уложенія будутъ лишніе крестьяне, то брать за этихъ лишнихъ крестьянъ деньги въ казну, сколько будетъ назначено ратнымъ людямъ на жалованье.

3) Если не хватитъ царской казны, то взять „патріархову казну, у митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, въ монастыряхъ лежащую домовую казну“.

4) Брать затѣмъ въ казну съ государевыхъ гостей, съ торговли, промысловъ и прожитковъ.

5) Чтобы не было утайки отъ обложенія, предлагалось по Москвѣ и другимъ городамъ счесть по приходнымъ книгамъ приказныхъ, дьяковъ, подъячихъ и таможенныхъ головъ.

6) Далѣе предлагалось государю обратить вниманіе, чтобы служащіе по городамъ и воеводствамъ и по приказамъ служили съ большимъ рвеніемъ противъ нечестивыхъ басурманъ, тогда и Русская земля лучше будетъ отъ этихъ басурманъ охранена.

Представители южныхъ городовъ, ближе соприкасавшіеся съ крымскими татарами, высказывали мнѣніе о необходимости взять Азовъ и крѣпко стоять за него.

При этомъ они предложили брать деньги и запасы ратнымъ людямъ не по писцовымъ книгамъ, а по дѣйствительному числу крестьянскихъ дворовъ.

Въ заключеніе дворяне южныхъ городовъ не отказывались идти на государеву службу, куда укажутъ, но прибавляли о своемъ бѣдственномъ положеніи: „а разорены мы пуще турецкихъ и крымскихъ басурмановъ *московскою волокитою, отъ неправды и неправедныхъ судовъ*“.

Гости и торговые люди въ общемъ высказали слѣдующее: питаются они отъ торговли и промысловъ; помѣстій и вотчинъ нѣтъ

за ними никакихъ, а между тѣмъ они несутъ непрерывно въ Москвѣ и другихъ городахъ разныя службы. Отъ этихъ службъ и пятинныхъ денегъ, что были собраны въ Смоленскій походъ, оскудѣли, обнищали до конца. Жаловались и на увеличеніе сборовъ: гдѣ при прежнихъ государяхъ и въ первые годы царствованія Михаила Теодоровича собиралось по пяти и по шести сотъ, теперь собираются по пяти и шести тысячъ и болѣе, а между тѣмъ торговля дѣла стала хуже, потому что „всякіе наши *торжешки на Москвѣ и другихъ городахъ отняли многіе иноземцы, нѣмцы и кизилбашы (персіяне)*“

Въ городахъ же всякіе люди обнищали, „*оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ*“. Отъ воеводскаго-же задержанія и насильства многіе торговые люди прекратили свои дѣла.

Торговые люди заканчивали свои жалобы напоминаніемъ, что въ прежнее время управление мѣстными дѣлами было ввѣрено *выборнымъ чинамъ*: „А при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами между собою; воеводъ не было; воеводы были посылаемы съ ратными людьми только въ украинскіе города для береженія отъ турскихъ, крымскихъ и погайскихъ татаръ“.

Черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишки и всѣ тяглые людишки тоже пожаловались на свое разоренье отъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, которыя съ нихъ брали для Смоленскаго похода, отъ поворотныхъ денегъ, отъ городского земляного дѣла, отъ великихъ податей и отъ цѣловальническихъ службъ. „И отъ такой великой бѣдности, говорили они, многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись разпо и дворишки свои мечуть“.

Насколько были тяжелы сборы на военныя надобности, видно изъ того, что, кромѣ усиленнаго сбора денегъ, съ 60 дворовъ брали по одной лошади съ проводникомъ, телѣгою, со всею упряжью и со всѣми путевыми припасами ¹⁾.

Таково было тяжелое внутреннее состояніе Россіи во второй половинѣ XVII столѣтія. Общее недовольство положеніемъ дѣлъ сознавалось и правительственной властью. Принимались и мѣры къ улучшенію положенія, но онѣ оказывались недостаточными или неумѣлыми. Относительно этихъ мѣръ историкъ Ключевскій дѣлаетъ такой выводъ:

„Всѣ эти попытки были мелки и робки, не вытекали изъ какого либо общаго, широко задуманнаго и хорошо обдуманнаго плана, впускались потребностью текущей минуты; всѣ онѣ вытекали прямо или косвенно изъ одного источника, изъ финансовыхъ нуждъ правительства, и всѣ имѣли одинаковый печальный исходъ—всѣ были неудачны.“

¹⁾ Соловьевъ т. IX, стр. 1254—1258.

Туго стянутая, строго централизованная администрація не лучше прежняго обезпечивала казенные интересы. Точнѣе разверстанныя между сословіями государственныя повинности увеличивали общую тягость положенія, не дѣлая отбыванія всѣхъ этихъ повинностей болѣе исправнымъ и доходнымъ для казны. Увеличеніе налоговъ лишь умножило недоимки, не увеличивъ значительно государственныхъ доходовъ.

Общей причиной этихъ неудачъ былъ коренной недостатокъ, которымъ страдала финансовая политика правительства: политика эта была основана на простой эксплуатаціи народнаго труда въ пользу казны. Увеличивая налоги, правительство не принимало мѣръ къ развитію промышленныхъ средствъ страны; требуя съ народнаго труда больше, оно не старалось сдѣлать его болѣе доходнымъ, вооружить его лучшими приемами техническими и направить его на новыя, болѣе доходныя производства.

Этотъ недостатокъ финансовой политики выразился въ XVII вѣкѣ во всеобщемъ недовольствѣ положеніемъ дѣлъ. Недовольство это постепенно охватило все общество сверху до низу; только оно различно выразилось въ разныхъ слояхъ общества. Внизу оно сопровождалось длиннымъ рядомъ мятежей народныхъ, которымъ ознаменовано царствованіе Алексѣя Михайловича. Наверху оно сказалось усиленной критикой существующаго порядка¹⁾.

Состояніе вооруженныхъ силъ Россіи въ XVII столѣтіи.

Объединеніе государства отражалось и на отсталости и неготовности вооруженной силы. Хотя наши войска со времени удѣльнаго періода и возросли числительностью, но въ качественномъ отношеніи не улучшились, даже ухудшились. Прежде дружины составлялись изъ военныхъ людей по призванію. Война составляла для дружины обычное и желанное явленіе; она была главнымъ занятіемъ и давала и средства къ существованію; несвязанные собственностью, чины дружинъ были легки на подъемъ, а боевая обстановка пріучала ихъ къ суровому образу жизни, къ выносливости.

По этому важному вопросу у историка Соловьева находимъ слѣдующія свѣдѣнія:

Превращеніе дружинниковъ въ помѣщиковъ необходимо должно было имѣть сильное вліяніе на перемену въ характеръ военнаго русскаго сословія. Въ дружинѣ, постоянно готовой къ войнѣ, необходимо сохранялась отвага, храбрость. Это были люди, не покидавшіе оружія въ

¹⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 89—90.

постоянной борьбѣ съ варварами и въ постоянныхъ усобицахъ княжескихъ.

Когда военному человѣку дано было помѣстье, куда онъ уѣзжалъ на все мирное время, онъ становился землевладѣльцемъ, хозяиномъ, терялъ военное значеніе, входилъ въ міръ иныхъ отношеній и интересовъ и привыкалъ къ своему мирному положенію, которое для него становилось естественнымъ, а военное время—случайнымъ, нарушающимъ обычное теченіе жизни; это нарушеніе не могло нравиться.

Если бы еще можно было быстро встрѣтить врага, побиться и вернуться домой, то это было бы легче. А то требовалось собираться въ долгій путь на неопредѣленное время, покидать семью, хозяйство

Раздача помѣстій служилымъ людямъ создала вмѣсто боевой дружины классъ мирныхъ гражданъ, которые только случайно во время войны несли службу и признавали ее для себя тяжелою.

Войны XVII вѣка на западѣ, гдѣ отъ дурного устройства вооруженной силы мы терпѣли пораженія, не способствовали возвышенію нравственнаго духа, сообщенію увѣренности въ побѣдѣ.

Оружіе было плохо и владѣть имъ не учились.

Современникъ Посошковъ такъ описываетъ полкъ служилыхъ людей ¹⁾:

„У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову.

На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ... Нѣтъ попеченія о томъ, чтобы непріятеля убить, одна забота—какъ бы домой поскорѣй. Молятся: дай, Боже, рану нажить легкую, чтобы немного отъ нея поболѣть и отъ великаго государя получить за нее пожалованіе. Во время боя того и смотрятъ, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долину. Многие говорили: „дай Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать“.

Вообще у служилыхъ людей XVII вѣка было большое стремленіе уклоняться отъ отбыванія службы, отговариваться болѣзною, приписываться къ гражданскимъ дѣламъ, откупаться взятками. Убѣгали до набора; убѣгали и изъ войска.

Уложеніе о наказаніяхъ безъ разбора сословіи устанавливало за первый побѣгъ кнутъ и убавку помѣстнаго и денежнаго окладовъ; за третій—кнутъ и отнятіе помѣстья. За побѣгъ домой изъ боя полагалась не смертная казнь, какъ нынѣ, а битые кнутомъ не-

¹⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 668.

щаднымъ и отнятіе половины помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ. Угрозы не помогли: донесенія воеводъ наполнены жалобами на побѣги служилыхъ людей.

Дисциплина въ войскахъ была очень слабая. Случаи послушанія встрѣчались не рѣдко. Командованіе при системѣ мѣстничества находилось въ рукахъ не болѣе способныхъ и энергичныхъ начальниковъ, а болѣе родовитыхъ. Недостатки нашихъ войскъ съ особою рельефностью обозначились въ войнахъ съ турками и татарами за Малороссію ¹⁾.

Неудовлетворительный составъ войскъ, собираемыхъ въ видѣ ополченія въ минуту опасности, давно уже обратилъ на себя вниманіе нашихъ государей. Выше мы видѣли, что уже при Иванѣ IV главную роль при осадѣ Казани играли стрѣльцы, полки которыхъ удивляли современниковъ тѣмъ, что слушались приказаній: кому указывалось идти впередъ—шли впередъ, кому приказывалось стоять на мѣстѣ—стояли.

Но все же въ XVI и XVII столѣтіяхъ главную основу московскаго войска еще составлялъ многочисленный классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Это были помѣщики и вотчинники, обязанные службою. Они отправляли конную службу и, въ зависимости отъ отведенной имъ земли, выводили съ собою болѣе или менѣе значительное число вооруженныхъ слугъ. Кто побогаче—являлись въ богатомъ вооруженіи, въ панцыряхъ, шлемахъ, на отличныхъ коняхъ. Но большая часть имѣла неисправное и неполное вооруженіе.

Пѣхота состояла главнымъ образомъ изъ даточныхъ людей, которые выставлялись по человѣку съ опредѣляемаго каждый разъ числа тягловыхъ дворовъ. Сюда же входили „охочіе люди“ и городовые казаки. Эти даточные люди, конные и пѣшіе, набираемые во время войны изъ тяглыхъ, не получали обученія, не имѣли организаціи и опытныхъ начальниковъ. Эта чрезвычайно многочисленная вооруженная сила представляла собою лишь несмѣтную, неорганизованную толпу, лишенную сколько-нибудь серьезныхъ военныхъ достоинствъ ²⁾. Ополченія, собираемыя изъ служилаго сословія и изъ даточныхъ, составляли помѣстный войска.

Стрѣльцы представляли первоначально единственную часть пѣхоты, имѣвшую казенное и исправное вооруженіе изъ тяжелаго ружья, бердыша, сабли и даже копья. Стрѣльцы въ Москвѣ служили для царской охраны и для занятія карауловъ. Понемногу стрѣльцовъ завели и въ другихъ городахъ.

Стрѣльцы дѣлились на роты и полки и получали жалованье;

¹⁾ П. Бобровскій. „Къ характеристикѣ военнаго искусства и дисциплины въ войскахъ XVII столѣтія“, стр. 36.

²⁾ Г. М. Пузыревскій. „Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій“ (изд. 1889 г.) стр. 14.

кромѣ того, они пользовались извѣстными привилегіями: имѣли право свободно заниматься торговлею и промыслами.

Военнымъ обученіемъ стрѣлецкія части занимались недостаточно. Дисциплина между ними была слабая. Дѣйствительную службу несла только часть стрѣльцовъ, остальные до призыва занимались своими дѣлами.

Московская артиллерія (нарядъ) состояла изъ довольно значительнаго числа пушекъ разнаго калибра.

Въ сраженіяхъ съ татарами примѣнялись особыя построения въ каре, защищенныя повозками, построенными въ нѣсколько рядовъ. Примѣнялась тоже подвижная крѣпостца изъ досчатыхъ щитовъ— „Гуляй-городъ“; щиты эти доставляли достаточное закрытіе, ибо татары не имѣли артиллеріи.

Оружіе, даже холодное, приходилось частью покупать за границую. Огнестрѣльное оружіе и порохъ тоже получались частью изъ за границы; часть дворянъ даже въ XVII столѣтіи выѣзжала безъ огнестрѣльнаго оружія, съ лучнымъ боемъ ¹⁾.

Кромѣ собственно русской рати, въ военныхъ походахъ участвуютъ въ большемъ или меньшемъ числѣ: малороссійскіе и другіе казаки и татарская конница, а также отряды изъ черемисовъ, мордвы, калмыковъ и другихъ инородцевъ, вооруженныхъ по преимуществу лукомъ. Эти дополнительные отряды хотя и усиливали русскую рать численно, но во многихъ случаяхъ составляли и ея слабость, вслѣдствіе полной ненадежности въ нравственномъ отношеніи. Не только татарскіе отряды, но даже казаки, составлявшіе, особенно въ дѣйствіяхъ противъ татаръ, весьма цѣнную военную силу, часто измѣняли намъ, передавались врагамъ и ставили русскія войска не разъ въ критическое положеніе.

Неудовлетворительность и невѣжество начальственнаго персонала въ русскихъ войскахъ вызвали съ начала XVI столѣтія приглашеніе иноземцевъ, преимущественно техниковъ. Они помогали намъ уже при осадѣ Казани. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были приглашены изъ за границы вмѣстѣ съ разными мастерами два генерала, около сотни полковниковъ и много офицеровъ ²⁾.

При царѣ Θεодорѣ Ивановичѣ правительство начало нанимать на службу цѣлыя отряды иноземцевъ. Этотъ опытъ былъ неудаченъ. Выше было изложено, что наемный отрядъ шведовъ подъ начальствомъ Делгарди въ смутное время измѣнилъ намъ. Измѣнили и иноземныя войска въ первую польскую войну въ арміи Шеина, двинутой на освобожденіе Смоленска.

При царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ изъ иноземцевъ, ранѣе по-

¹⁾ Князь Голицынъ, ч. II, стр. 450.

²⁾ Ключевскій, ч. III, стр. 161.

селившихся въ Россіи, такъ называемыхъ иноземцевъ „старого выѣзда“, заграничными инструкторами были образованы полки: копейные, рейтарскіе, драгунскіе и солдатскіе ¹⁾. Эти полки состояли въ вѣдѣніи иноземнаго приказа и имѣли отдѣльное отъ русскихъ силъ устройство. За недостаткомъ иноземцевъ, въ полки эти стали набирать мелкопомѣстныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, новокрещенныхъ татаръ, дѣтей стрѣльцовъ, казаковъ, вольныхъ людей и, наконецъ, крестьянъ.

Солдатскіе полки первоначально дѣлились на иноземные и русскіе и были поселены большею частью на шведской границѣ. По устройству солдатскіе полки походили на стрѣлецкія части, но пользовались меньшими льготами. Солдаты жили въ Москвѣ и въ другихъ городахъ въ особыхъ слободахъ. Рейтары жили въ помѣстьяхъ и на своихъ земляхъ. Драгуны несли конную и пѣшую службу преимущественно на украинской границѣ. Кромѣ жалованья драгуны получали небольшіе земельные участки ²⁾.

Въ общемъ стрѣльцы, рейтары, драгуны и солдаты составляли мѣстныя поселенныя войска.

Эти войска тоже не носили характера постоянныхъ или регулярныхъ войскъ. Въ мирное время они собирались ежегодно въ учебные сборы лишь на одинъ мѣсяцъ, послѣ чего распускались по домамъ.

Отъ казны войска иноземнаго строя получали жалованье, казенное оружіе, единовременныя пособія, лошадей и небольшіе земельные участки; офицерскій составъ пользовался помѣстными правами.

Вслѣдствіе дурнаго состава инструкторовъ и краткости учебныхъ сборовъ, обученіе иноземныхъ полковъ было плохое. Есть, наконецъ, свидѣтельство, что въ отношеніи дисциплины и нравственныхъ достоинствъ въ бою полки иноземнаго строя стояли не только не выше, но даже ниже войскъ стараго строя, т. е. ополченій. Въ 1632 году полковъ иноземнаго строя въ Россіи было всего 5.

Въ послѣдній годъ царствованія Θεодора Алексѣевича, въ 1682 году, вооруженныя силы Россіи состояли:

Изъ 38 солдатскихъ полковъ, поселенныхъ преимущественно на шведской границѣ, численностью въ 61.000 человекъ,

21-го стрѣлецкихъ полковъ	20,000 чел.
рейтаръ и копейщиковъ	29,000 „
дворянъ и дѣтей боярскихъ	31,000 „
итого 81,000 пѣхоты и 60,000 конницы ³⁾ .	

¹⁾ Солдатами первоначально назывались пѣшіе наемные иноземцы, а затѣмъ это названіе перешло и къ русскимъ пѣшимъ ратникамъ (Голлицинъ, ч. II, стр. 442).

²⁾ Съ кормовымъ жалованье драгуновъ составляло на наши деньги 27 рублей въ годъ.

³⁾ Г. М. Пузыревскій, „Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій“, стр. 20.

Ополченія изъ даточныхъ людей и многочисленныя отряды казачковъ—донскихъ, малороссійскихъ и другихъ составляли также свыше 150,000 чел. Всего Россія къ концу XVII вѣка могла выставить до 300,000 войскъ.

Въ главѣ VII приведено указаніе, что въ бою въ 1676 году подъ Чигиринномъ солдатскіе полки Бутырскій и Московскій оказали выдающіяся заслуги въ боевомъ отношеніи: они главнымъ образомъ способствовали одержанію побѣды надъ турками, и на нихъ же выпала главная тяжесть боя при отступленіи.

Но есть свидѣтельства и другого рода, указывающія на распатанность въ высокой мѣрѣ или отсутствіе дисциплины въ солдатскихъ полкахъ.

Такъ, въ войну съ Польшею въ 1667 году, при дѣйствіяхъ нашихъ войскъ подъ Копысомъ, солдаты полковъ Брюса и Залена не только не исполнили приказанія воеводы Толочанова, удерживавшаго войско отъ приступа, но перебили своихъ офицеровъ и ранили Брюса и Толочанова ¹⁾.

При царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ былъ составленъ уставъ для обученія войска иноземному строю.

Въ запискахъ одного изъ самыхъ выдающихся иностранныхъ инструкторовъ, Гордона, есть любопытное указаніе, какъ относились воеводы XVII столѣтія къ знаніямъ, которыя должны были привезти съ собою иноземцы. Воевода, провѣрившій военныя познанія полковника Гордона, потребовалъ, чтобы онъ продѣлывалъ лично ружейныя приемы. Гордонъ ему отвѣтилъ, что если бы зналъ, что это съ него потребуется, то привезъ бы съ собою деньщика, который ружейныя дѣлаетъ лучше его ²⁾.

Приступъ къ созданію постоянной арміи вызвалъ потребность лучше обезпечить снабженіе арміи боевыми запасами. Выписка изъ за границы была дорога и не надежна. Рѣшили сдѣлать попытку устроить свои заводы. Въ 1630 году обратились за иностранными капиталами и иностранными техниками. Одинъ голландскій капитанъ получилъ привилегію на устройство въ Тулѣ желѣзнаго завода съ обязательствомъ ставить въ казну извѣстное количество пушекъ, ядеръ и пр. ³⁾.

Въ 1670 году иностранная компанія получила привилегію на устройство желѣзныхъ заводовъ по р.р. Шекснѣ, Костромѣ и Вагѣ. Затѣмъ начинаютъ возникать заводы кожевенныя, стеклянныя и др.; приглашаются въ большомъ числѣ иноземные „рудознатцы“, мастера пушечнаго, колокольнаго, поташнаго и другихъ дѣлъ.

„Заботы о развитіи военныхъ силъ и объ устройствѣ ихъ снаб-

¹⁾ П. Бобровскій, стр. 36.

²⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 799.

³⁾ Ключевскій, ч. II, стр. 98.

женія вызвали мысль о развитіи народнаго хозяйства, какъ источника средствъ на покрытіе новыхъ военныхъ расходовъ. Этой мысли, однако, долго не могло усвоить себѣ московское правительство XVII вѣка; долго оно не могло понять, что возвышенію налоговъ, вызванному повыши государственными потребностями, должно предшествовать поднятіе уровня народнаго благосостоянія посредствомъ усиленія производительности народнаго труда¹⁾.

Съ половины XVII вѣка, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, вполне сознавалась необходимость развитія морской торговли. Гавани на Бѣломъ морѣ были слишкомъ удалены отъ Москвы, а отъ гаваней на Балтійскомъ морѣ мы были отрѣзаны шведами. При оказавшемся безсиліи добиться выхода къ Балтійскому морю путемъ войны обратились къ другому средству. Въ 1662 году нашъ посолъ велъ переговоры съ курляндскимъ канцлеромъ *объ арендованіи Курляндскихъ гаваней* для московскихъ кораблей. Получили рѣзкій отвѣтъ, что „Великому государю пристойнѣе заводить корабли у своего города Архангельска“.

Но кромѣ Бѣлаго моря Россія уже владѣла частью Каспійскаго. Первые попытки къ созданію военнаго флота и были направлены въ эту сторону. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ голландскій мастеръ выстроилъ за 9,000 руб. (на наши деньги около 90,000 руб.) для Каспійскаго моря корабль „*Орелъ*“, который и былъ спущенъ въ Астрахани²⁾.

Выше было изложено, что въ войнахъ съ поляками, шведами, ливонцами наши войска, несмотря на ихъ многочисленность, въ открытомъ полѣ терпѣли неудачи; но оборонительно, особенно въ укрѣпленіяхъ, русскіе, какъ и всегда, защищались съ большимъ упорствомъ.

Съ 1682 года при царевнѣ Софьѣ въ войскѣ и государствѣ главную силу приобрѣли буйные своевольные стрѣльцы.

Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ неудовлетворительныхъ качествахъ нашихъ войскъ XVI и XVII столѣтій, ихъ маломъ обученіи, плохой дисциплинѣ, неудовлетворительномъ вооруженіи и снабженіи,—наши войска, даже по отзывамъ иностранцевъ, обладали *природнымъ мужествомъ и огромною выносливостью*.

Съ этими достоинствами, неизмѣнно присущими русской вооруженной силѣ во все время, она въ рукахъ Петра Великаго и его преемниковъ, съ созданіемъ постоянной арміи,—обратилась въ грозную сосѣдямъ армію, окончившую въ теченіе XVIII столѣтія съ полнымъ успѣхомъ важныя для Россіи задачи, возложенныя на нее еще въ XVI столѣтіи, по выходу Россіи къ морямъ Балтійскому и Черному.

¹⁾ Ключевскій, ч. II, стр. 99.

²⁾ Корабль этотъ былъ сожженъ въ 1670 году Стенькою Разиннымъ (Ключевскій, ч. II, стр. 99).

Изъ краткаго очерка событій въ Россіи съ начала собранія ея къ Москвѣ видно, какую важную, благодѣтельную для Россіи роль играло постепенно все утверждавшееся на Руси *единство власти*. Несомнѣнно, что, безъ уничтоженія удѣльнаго порядка управленія Руси, борьба ея не только съ западными, но даже съ восточными, сосѣдями не могла бы окончиться для насъ успѣшно.

Когда задачи молодого русскаго государства усложнились какъ расширеніемъ предѣловъ государства, такъ и увеличеніемъ числа враговъ его, власть великокняжеская была своевременно замѣнена на Руси властью царскою.

Уже царь Алексѣй Михайловичъ писался: „Царемъ и самодержцемъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси“.

По мнѣнію историка Россіи Соловьева, московское самодержавіе имѣетъ великое историческое значеніе: „Оно сообщило политическое единство раздробленнымъ дотолѣ русскимъ областямъ и связало въ одну плотную массу племена, разсѣяныя на равнинахъ Восточной Европы; оно дало русскому народу государственное устройство, которое помогло ему выйти побѣдителемъ изъ долгой борьбы съ восточными и западными сосѣдями, поработившими удѣльно-княжескую Русь“.

На основаніи показаній современниковъ, Московская Русь въ XVII столѣтіи *оскудѣла, обтѣнѣла, и въ то же время ея военная сила пришла въ разстройство*.

Предлагавшіяся современниками средства для выхода изъ этого положенія были разнообразны. Такъ, представители населенія на земскомъ соборѣ 1642 года въ общемъ, для улучшенія экономическаго положенія Россіи и улучшенія самаго порядка управленія, признавали необходимымъ:

1) Подати и повинности раскладывать по достатку плательщиковъ, не дѣлая никакихъ изъятій; въ сущности это было требованіе подоходнаго налога.

2) Представители податныхъ сословіи дружно указывали на возрастаніе податей и повинностей, главнымъ образомъ, на содержаніе войскъ во время почти непрерывныхъ войнъ.

3) Представители торговаго сословія просили оградить ихъ отъ разорявшей ихъ канцелярской волокиты, отъ задержанія и отъ насильства иноземцевъ, захватившихъ въ свои руки торговлю.

4) Представители служилаго сословія, жалуясь на свое обѣднѣніе, просили положить имъ жалованье, чтобы было чѣмъ службу служить.

5) Представители горожанъ поднимали голоса о расширеніи правъ населенія по самоуправленію (вспоминали губныхъ старостъ Ивана IV).

6) Наконецъ, представители разныхъ группъ населенія указывали на необходимость улучшить управленіе государствомъ. Для

всего населенія „московская волокита, неправды и неправедные суды“ отягчали и безъ того тяжелыя условія жизни.

Рядъ приведенныхъ выше фактовъ подтверждаетъ, что оскудѣніе и обѣднѣніе государства сопровождалось и пониженіемъ боевого достоинства русскихъ ратей.

Для Россіи, не закончившей еще жизненныхъ задачъ по объединенію русскихъ племенъ и по выходу къ естественнымъ рубежамъ, требовалось принятіе такихъ мѣръ, которыя увеличили бы ея внутреннюю крѣпость и достатокъ и этимъ дали бы средства и возможность, подобно другимъ европейскимъ державамъ той эпохи, отъ *арміи ополченной перейти къ арміи постоянного типа.*

Съ конца XVII столѣтія Великій Петръ круто берется за выполнение этихъ двухъ задачъ. Онъ ставитъ на первомъ планѣ созданіе сильной постоянной арміи европейскаго типа. Для выполнения этой цѣли онъ стремится широко открыть двери въ Европу, чтобы возможно успѣшно использовать знанія, опытъ, техническія средства европейцевъ. Вводившіяся имъ внутреннія реформы имѣли цѣлью увеличить платежныя силы населенія, дабы можно было главнымъ образомъ содержать многочисленную армію постоянного типа.

Ранѣе, чѣмъ излагать дѣятельность Петра Великаго по насажденію на Руси иноземныхъ порядковъ разнаго вида и по сформированію постоянной арміи, необходимо прослѣдить: какое ему было оставлено наслѣдіе по этимъ двумъ главнымъ отдѣламъ его дѣятельности.

Иноземныя вліянія въ Московской Руси въ XVII столѣтіи.

Въ трудѣ П. Милюкова „Очерки по исторіи русской культуры“, ч. III, гл. V, очень образно изложенъ процессъ вторженія въ XVII столѣтіи въ русскую жизнь иноземнаго вліянія. Ниже приводимыя свѣдѣнія по этому вопросу и заимствованы изъ этого труда.

Европезація Россіи, составившая одну изъ главныхъ задачъ Петровской реформы, началась въ XVII столѣтіи. Уже Ивана IV упрекали въ западничествѣ.

Ранѣе воспріятія западныхъ идей въ высшее русское общество проникло вліяніе западнаго быта и вліяніе прикладныхъ техническихъ знаній. Эти вліянія проникали въ русскую жизнь незаметно, постепенно и возбуждали противъ себя лишь слабый и безсильный протестъ. Составился скоро большой итогъ чуждыхъ привычекъ; идти назадъ было поздно.

Въ училищахъ явилась болѣе удобная обстановка. Избы обратились въ палаты. Въ особенности на измѣненіи русской одежды рано отразились вліянія польское и пѣмецкое. Въ Псковѣ еще въ

XV вѣкѣ духовенство увѣщавало паству не носить нѣмецкаго платья. Въ XVII столѣтїи было издано много распоряженій съ цѣлью ограниченія распространенія иноземныхъ обычаевъ, костюма, прически. И въ то же время дѣти царя Михаила Феодоровича, подъ вліяніемъ Морозова, уже носили нѣмецкое платье.

Вслѣдъ за платьемъ, устройствомъ обстановки начали прививаться и нѣмецкія забавы: спектакли, музыка. При управленіи посольскимъ приказомъ Ордына-Нащокина появились первыя рукописныя газеты (куранты). Матвѣевъ положилъ начало при московскомъ дворѣ театру. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москву была вызвана первая труппа нѣмецкихъ музыкантовъ и танцовщиковъ.

Мы видѣли выше, что уже при Иванѣ IV иностранцы, въ качествѣ инструкторовъ и техниковъ, помогли нашей арміи овладѣть Казанью. Постепенно число ихъ въ Москвѣ увеличивалось. Въстѣ съ воинами являлись мастеровые, артисты.

„Уже въ XVII столѣтїи иностранцы, цѣпляясь одинъ за другого, составили въ Москвѣ маленькій оазисъ Европы среди культурной пустыни“.

Нѣмецкая слобода на берегахъ Яузы въ Москвѣ возникла еще въ первой половинѣ XVI столѣтія при царѣ Василии. Годуновъ былъ сторонникомъ иноземцевъ, но въ смутное время слобода была сожжена, а населеніе ея разбѣжалось по городамъ и уѣздамъ. Лишеніе иноземцевъ обособленнаго поселенія пришло пользу имъ, и намъ. Малочисленные еще и лишенные осѣдлости, они стали подчиняться условіямъ русской жизни: заговорили русскимъ языкомъ, вели русскія знакомства, начали носить русское платье. Путемъ браковъ такіе иноземцы уже во второмъ поколѣніи могли совершенно слиться съ русскими. Но, подъ давленіемъ торговаго класса, ихъ опять обособили и создали Ново-Нѣмецкую слободку.

Преобладающее населеніе этой слободки составляли военные. Затѣмъ шли торговцы, ремесленники, артисты и пр. Много было среди иноземцевъ и подозрительнаго въ нравственномъ отношеніи элемента. Между иноземными солдатами и стрѣльцами нелады доходили иногда до значительныхъ столкновеній. Послѣ одной изъ дракъ, въ которой съ двухъ сторонъ участвовало свыше 1,500 человекъ, 22 человекъ были биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь ¹⁾.

Иноземная литература тоже оказывала вліяніе на развитіе представителей русской интеллигенціи. За 50 лѣтъ, съ 1650 до 1700 года, переведено было 94 иностранныхъ сочиненія, въ томъ числѣ религіозно-нравственнаго содержанія 28, литературнаго—12, историческаго—14, военнаго содержанія—2. Ранѣе, за сто предшествовав-

¹⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 801.

нихъ лѣтъ, съ 1550 до 1650 года, было переведено всего 40 иностранныхъ сочиненій ¹⁾).

Относительно религіозной терпимости существовало различіе между различными христіанскими исповѣданіями. Такъ, лютеране и реформаты имѣли свою церковь, но католики въ теченіе всего XVII столѣтія не получили на то разрѣшенія. Когда среди наемныхъ солдатъ оказывались католики, ихъ высылали обратно на казенный счетъ. Принятіе православія открывало свободный путь къ принятію въ русскую среду, особенно если оно сопровождалось жестибюю на русской.

Вмѣстѣ съ потребностью въ большихъ жизненныхъ удобствахъ, заимствованныхъ съ запада, передовые русскіе люди почувствовали интересъ къ духовнымъ сокровищамъ, накопленнымъ на западѣ. Являются любители не только западныхъ военныхъ хитростей, западныхъ обычаевъ, музыки, театра, но и западной науки и литературы. Въ литературѣ и народной поэзіи въ XVII вѣкѣ главное мѣсто занимали книги религіознаго содержанія. Легкая литература состояла изъ большого количества сказокъ, повѣстей и пѣсень. Особую роль занимали „былины“, гдѣ героями являлись богатыри. Эти былины имѣли воспитательное значеніе для лицъ, посвятившихъ себя военному дѣлу, поощряя въ нихъ стремленіе къ подвигу.

Изъ пришлецовъ въ Москву грекъ Папсій и бѣлорусецъ Спелеонъ Полоцкій много потрудились, чтобы доказать московскимъ людямъ необходимость увеличенія ихъ знаній.

Къ ихъ же числу надлежитъ причислить и просвѣщеннаго серба Юрія Крижанича, горячаго славянскаго патріота, видѣвшаго и въ то время въ русскомъ царѣ славянскаго государя, могущаго подать помощь всеѣмъ остальнымъ славянамъ, не входившимъ въ составъ Россіи.

Въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ поклонниковъ запада стояли бояринъ Никита Романовъ, бояринъ Морозовъ и Ордынь-Нащокинъ. Западно-русское духовенство стояло въ культурномъ отношеніи выше московскаго, и отсюда и пришла первая помощь. Изъ Кіева, Могилянскои академіи ученые Славинецкій, Сатановскій издають въ Москвѣ географіи, космографіи, лексиконы латинскіе, греческіе, польскіе. Книги эти расходились бойко. При монастыряхъ начинаютъ обучать латинскому и греческому языкамъ. Частныя лица открываютъ школы. Жаркимъ ревнителемъ просвѣщенія является близкій къ царю Алексѣю Михайловичу человекъ — Феодоръ Ртищевъ. Онъ выписалъ изъ Кіева 30 ученыхъ монаховъ для перевода иностранныхъ книгъ и обученія желающихъ разнымъ словеснымъ наукамъ.

Въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія въ приходѣ московской церкви

¹⁾ П. Милоковъ, ч. II, стр. 111.

Іоанна Богослова патріархъ Іосафать благословилъ устройство „гимна Сіона“, гдѣ бы студенты изучали грамматическія хитрости и пр.

Старшіе сыновья царя Алексѣя Михайловича знали языки польскій и латинскій. Царевна Софья тоже обучалась польскому языку. Сынъ Ордына-Нащокина такъ увлекся западомъ, что бѣжалъ за границу.

Интересную главу своего труда объ иноземномъ вліяніи въ XVII столѣтія В. Ключевскій заканчиваетъ такъ:

„Иноземное вліяніе, вызванное насущными нуждами государства, вмѣстѣ съ необходимымъ заставило заимствовать и то, чего не требовали ближайшія нужды государства“¹⁾.

Въ то время, какъ одна часть московскаго общества, преимущественно изъ верхнихъ слоевъ, все болѣе и болѣе поддавалась иноземному вліянію, другая часть, руководимая духовенствомъ, боролась противъ этого вліянія. Послѣ смутнаго времени, вмѣстѣ съ подъемомъ патріотическихъ чувствъ, явились и борцы за охраненіе націоналистическихъ идеаловъ.

Ненависть противъ поляковъ, полонившихъ въ смутное время Москву, распространилась и на иноземцевъ вообще. Все иноземное и польское получило наименованіе „поганства“.

Наші царі по отношенію къ иноземцамъ вели себя не ровно. Такъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, покровительствовавшій иноземцамъ въ началѣ своего царствованія, подъ вліяніемъ старо-русской партіи и въ особенности духовенства, сталъ ихъ преслѣдовать. Послѣдовали распоряженія объ изгнаніи иностранцевъ изъ всѣхъ городовъ, кромѣ Москвы и Архангельска. Въ Москвѣ были снесены двѣ лютеранскія церкви. Съ цѣлью уменьшить вліяніе иноземцевъ, имъ снова отвели особую слободу, запретили носить русское платье, имѣть русскую прислугу. Изъ опасенія вліянія иноземцевъ на православную вѣру за богохульство была назначена смертная казнь.

Однако, вновь отстроенная въ Москвѣ слободка быстро заселялась. Въ серединѣ XVII столѣтія въ ней проживало свыше одной тысячи только протестантскихъ семей. Эта иноземная или вѣрнѣе нѣмецкая слободка и стала проводникомъ западно-европейской культуры въ Московскомъ государствѣ²⁾.

По мнѣнію историка Соловьева, нѣмецкая слобода являлась ступенью къ Петербургу, какъ Владиміръ былъ ступенью къ Москвѣ³⁾.

Въ числѣ противниковъ собственно нѣмецкаго вліянія особенно выдѣляется сербъ Крижаничъ.

¹⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 108.

²⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 100.

³⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 793.

Его идеи настолько интересны и имѣютъ значеніе даже въ настоящее время, что на нихъ надлежитъ остановиться съ нѣкоторою подробностью.

Ниже приводимыя свѣдѣнія объ этихъ идеяхъ взяты мѣстами буквально изъ труда П. Милюкова ¹⁾.

Въ 1646—50 годахъ Крижаничъ жилъ въ Россіи съ цѣлью соединенія церквей. Въ 1660 году онъ снова пріѣхалъ въ Москву, а въ слѣдующемъ году былъ сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ и оставался до 1676 года; тамъ онъ и написалъ свой трудъ „Политика“, о которомъ будетъ говорить ниже.

Крижаничъ былъ хорошо подготовленъ, даровитъ и сознательно судилъ о политическихъ и социальныхъ вопросахъ. Онъ и явился первымъ теоретикомъ русскаго, вѣрнѣе славянскаго, націонализма. Сочиненіе Крижанича находилось у царя, въ посольскомъ приказѣ и въ частной библіотекѣ Голицына.

Россія представлялась Крижаничу въ 60 годахъ XVII столѣтія стоящею на распутьи двухъ культурныхъ дорогъ: одна вела впередъ въ опасную даль,—другая водила народъ въ густыя потемки. Онъ указывалъ средній путь между крайностями радикализма и реакціи. Два народа влекутъ и разрываютъ Россію въ двѣ противоположныя стороны: это нѣмцы и греки.

И тѣ, и другіе сходятся въ цѣляхъ...

1) Нѣмцы рекомендуютъ намъ всякія нововведенія; греки безусловно осуждаютъ всякую новизну.

2) Греки научили насъ православной вѣрѣ; нѣмцы рекомендуютъ ереси. Надо избѣгать нѣмцевъ, какъ дьяволовъ и драконовъ.

3) Нѣмцы стараются завербовать насъ въ свою школу. Подъ видомъ наукъ они намъ подсовываютъ дьявольскія кудесничества: астрологию, алхимию, магію. Они совѣтуютъ философскія знанія сдѣлать доступными каждому мужику. Греки осуждаютъ всякую науку и рекомендуютъ невѣжество. Разумъ говоритъ: избѣгай кудесниковъ, но вѣрь, что и невѣжество не приводитъ къ добру.

6) Въ политическихъ дѣлахъ греки совѣтуютъ во всемъ поступать по образцу турецкаго двора. Нѣмцы порицаютъ всѣ турецкіе нравы, законы и учрежденія. Разумъ говоритъ, что и у турокъ есть хорошія учрежденія.

7) Греки намъ льстятъ и подслуживаются баснями. Они называли Москву третьимъ Римомъ и сочинили смѣшную сказку, будто Русское царство есть римское и ему приличествуютъ знаки достоинства римской имперіи. Нѣмцы стараются доказать, что Русское государство есть простое княжество и государи—великіе князья. Разумъ говоритъ, что Русское царство такъ же велико и славно, какъ римское.

¹⁾ П. Милюковъ, „Очерки по исторіи русской культуры“, ч. III, стр. 115—131.

Въ результатѣ Крижаничъ все же считалъ нѣмцевъ болѣе опасными для русскихъ, чѣмъ грековъ, и всея усилія направилъ для борьбы съ главнымъ врагомъ славянства—съ нѣмцами. Но это не мѣшало ему крѣпко уважать европейскую культуру.

„Народы даровитые и мудрые обыкновенно эксплуатируютъ другіе, менѣе культурные народы“,—это была исходная точка зрѣнія Крижанича.

Характеристика имъ русскихъ не изъ лестныхъ: мы медленны умомъ и просты сердцемъ, гуляки и расточители, приходу и расходу счета не держимъ (иностранцы скупы, жадны, корыстны), мы лѣнивы въ работѣ и къ наукамъ, плохо одѣты, живемъ въ убогой землѣ.—Очаровавъ насъ своей красотой и обманувъ своимъ умомъ и хитростью, иностранцы берутъ съ насъ дань, обдираютъ и доводятъ до нищеты своею алчностью, срамятъ, осмѣиваютъ насъ.

Крижаничъ считалъ, что мы чуть ли не всегда останемся несовершеннѣйшими въ семьѣ цивилизованныхъ народовъ.

„Неразговорчивость, лѣность пированіе и расточительность—суть наши урожденныя примѣты или четыре первозданныя свойства, съ которыми мы, кажется, родились“.

Крижаничъ отмѣчаетъ впрочемъ и наши природныя достоинства, которыя не должны измѣниться: „мы не честолюбивы и довольствуемся простымъ образомъ жизни“.

Въ общемъ коренными славянскими особенностями Крижаничъ считаетъ слабое развитіе индивидуальности (недостатокъ личной энергіи и предусмотрительности) и демократизмъ.

Не всея славяне, по мнѣнію Крижанича, находились въ достаточно благопріятныхъ условіяхъ для самобытнаго развитія. „Напрасно было бы думать о возрожденіи славянъ въ Помераніи, Силезіи, Чехіи, Моравіи, какъ странахъ, вполне уже онѣмеченныхъ. Задунайскіе славяне (болгары, сербы и хорваты) тоже давно уже потеряли не только свои государства, но и всю свою силу, языкъ и разумъ“.

Отсюда видно, какъ судилъ Крижаничъ 250 лѣтъ тому назадъ: Чехія казалась ему совершенно онѣмеченною.

Всего легче представлялось Крижаничу возбудить народное самосознаніе у поляковъ, но и для этого нужна посторонняя помощь. Такую помощь всея славянамъ можетъ подать только московскій государь; на него обращены всея взоры славянства, онъ одинъ можетъ собрать разсѣянное стадо и вернуть человѣческой видъ народамъ, превращеннымъ въ скотское состояніе вліяніемъ иноземцевъ.

Первымъ средствомъ для сего Крижаничъ считаетъ науки, которыми и совѣтовалъ заняться русскимъ; но въ то же время, противорѣча себѣ, совѣтовалъ изгнать всея нѣмцевъ. Онъ считалъ, что двѣ главныя основы государственнаго могущества—*богатство*

и *военная сила* тоже въ опасности отъ иноземцевъ. Они умѣютъ за безцѣнокъ купить русскіе товары и по огромнымъ цѣнамъ навязать свои; привозятъ товары, которые служатъ для дальнѣйшаго нашего возвращенія, а вывозятъ такіе предметы, которые необходимы самой Россіи для дальнѣйшаго роста ея населенія, напр. зерновой хлѣбъ. Военная сила Россіи, по мнѣнію Крижанича, тоже не столько увеличивалась, сколько *умалялась наймомъ иностранцевъ на военную службу, уже не говоря о наймѣ цѣлыхъ корпусовъ*. Купцовъ и полковниковъ, по мнѣнію энергичнаго серба, надо было выгнать изъ Русской земли.

Русскій національный костюмъ, составляющій предметъ восхищенія руссофиловъ, Крижаничъ критикуетъ жестокимъ образомъ: костюмъ этотъ не удовлетворяетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ,—неудобенъ, непроченъ, дорогъ, тяжелъ, покрой безобразитъ народъ, и безъ того некрасивый; при принятомъ фасонѣ платья платокъ приходится прятать въ шапку, деньги въ ротъ, а очки, бумаги и всякія нужныя вещи за голенища, что вызываетъ смѣхъ и отвращеніе иностранцевъ. Русскимъ слѣдуетъ, по мнѣнію Крижанича, создать покрой средній между восточнымъ и западнымъ, нужно, чтобы онъ былъ дешевъ, удобенъ для движенія, проченъ и легокъ.

Русскій образъ жизни Крижаничъ ставитъ выше европейскаго. Тамъ высшій классъ, сарданапалы, утопаетъ въ роскоши, а безземельные рабочіе погружены въ нищету,—только чистая вода и недостаточна хлѣба. „А на Руси, по Божьей милости, все люди, какъ самые богатые, такъ и самые бѣдные, ѣдятъ ряпаной хлѣбъ, рыбу, мясо и пьютъ, если у кого нѣтъ пива, квасъ“. Они живутъ въ топленныхъ избахъ, а на западѣ бѣдняки терпятъ зимою стужу, ибо дрова продаются на вѣсъ. „*Такимъ образомъ, крестьянское и батрацкое житье,—по мнѣнію Крижанича,—все же лучше на Руси, чѣмъ во многихъ странахъ*“.

Крижаничъ относится съ большою похвалою къ простотѣ жизни русскихъ. Иностранецъ нѣжится на пуховикахъ и, вставъ, садится за вкусный завтракъ, а русскій человекъ, кое какъ выспавшись на лавкѣ или на печи, подъ собственной свитой—вмѣсто одѣяла и на соломенной подстилкѣ—вмѣсто тюфяка, спѣшитъ спозаранку на работу или на царскую службу. Такое усердіе противорѣчитъ мнѣнію того же Крижанича о лѣни русскихъ.

Въ высшей степени важное преимущество русскаго соціального строя Крижаничъ видѣлъ въ томъ, что все общественныя группы *несутъ общественную службу* и никому не позволено оставаться празднымъ. „Крестьяне пахутъ землю и готовятъ хлѣбъ; ратные люди терпятъ голодъ и холодъ, проливаютъ кровь и полагаютъ головы; дворяне воюютъ, судятъ, думы думаютъ, совѣтами и трудами своимъ королю и народу служатъ; церковники и иноки Бога за людскіе грѣхи молятъ“.

Крижаничъ умышленно не упоминаетъ ни о торговцахъ, ни о тѣхъ, кого бы мы назвали интеллигенціею. Торговцы, по его мнѣнію, какъ и праздные дворяне,—бездѣльники. Замѣчательно мнѣніе его объ интеллигенціи: сверхъ извѣстнаго минимума, интеллигенція тоже представляется ему дармоѣдами, приносящими больше вреда, чѣмъ пользы.

„Разводить ихъ слишкомъ широкимъ преподаваніемъ либеральныхъ наукъ нѣтъ никакой надобности“.

Послѣднее замѣчаніе въ извѣстной мѣрѣ вѣрно и теперь.

Политическіе взгляды Крижанича очень опредѣленны. Онъ настойчиво повторяетъ, что неограниченная монархія есть одна изъ важнѣйшихъ основъ національнаго благополучія. Онъ крѣпко держится аргумента, что самодержавіе лучше обезпечиваетъ свободу каждаго отъ посягательства вліятельныхъ лицъ и классовъ,—защищаетъ слабого отъ сильнаго.

То, что ему особо не нравилось на Руси, это „худое законодательство“, что и составляло коренной источникъ всѣхъ золъ. Радикальная законодательная реформа—коренное лекарство. Неограниченность власти государя нужна ему, какъ необходимое условіе такого радикальнаго законодательства.

Крижаничъ считалъ, что мы, русскіе, не умѣемъ ни въ чемъ мѣры держать и среднимъ путемъ ходить, а всегда увлекаемся въ крайности. Въ иномъ мѣстѣ государственное устройство въ конецъ распущено, своевольно, въ другомъ—въ конецъ твердо, строго, жестоко. Виновны и тутъ иностранцы: „нѣмцы заразили свѣтъ распутой и ограниченіемъ самовласти“. Отъ нихъ заимствовали и ляхи свою анархію. Первымъ тираномъ на русской землѣ („людодеромъ“) былъ Иванъ Грозный. Но онъ же вѣдь и хотѣлъ сдѣлать изъ себя варяга, нѣмца, римлянина, кого угодно, но не русскаго и не славянина. Захотѣлъ онъ и суетной славы: „бахари“ (въ ихъ числѣ были и славяне) придумали ему вздорныя и вредныя сказки о томъ, что Москва—третій Римъ и что ея государь—потомокъ Августа; эту суетность Крижаничъ считалъ не послѣдней и не маловажной причиною и московскаго разоренія, и иныхъ народныхъ бѣдствій, которыя претерпѣлъ нашъ народъ со времени царя Ивана.

Крутость русской власти, по мнѣнію Крижанича, отталкиваетъ сосѣдей. Малороссія, испробовавъ московскаго владычества, поспѣшила вернуться подъ власть ляховъ.

Короли хотя и не подчинены никакой человѣческой власти, но подчинены заповѣди Божіей и общественному мнѣнію („общему гласу“); эти двѣ цѣпи напоминаютъ королю о его долгѣ.

„Забота и обязанность и главное дѣло короля есть „людство учинить блаженнымъ“. Къ этому онъ долженъ направлять всѣ свои помыслы (глубоко вѣрныя слова).

Король долженъ помнить, что послѣ него можетъ явиться на-

слѣдникъ другого рода. Лучшимъ средствомъ закрѣпить надолго свои улучшения являются добрые уставы. Центральною мыслью въ предложенныхъ Крижанничемъ реформахъ являлась *необходимость развитія производительныхъ силъ Россіи.*

Для достиженія этой цѣли Крижанничъ считаетъ необходимымъ полное изгнаніе иностранцевъ; враждебно относился онъ и къ классу посредниковъ-торговцевъ. Казна должна взять въ свои руки всю оптовую торговлю съ иностранцами. Онъ предлагаетъ всѣ поборы замѣнить однимъ налогомъ, взиманіе котораго должно быть поручено мѣстному самоуправленію; поѣздки за-границу, кромѣ какъ по дѣламъ, запретить.

По мнѣнію Крижаннича, русское государство сильно своимъ племеннымъ единствомъ. Переселеніе, приписка и перекрещиваніе иностранцевъ вредны. Римская имперія потому и распалась, что по мѣрѣ завоеванія становилась все болѣе смѣшанной изъ разныхъ народностей. Въ итогѣ всѣ предложенія Крижаннича вели къ одной опредѣленной цѣли: Россія должна быть богата, устроена, должна твердо хранить свою національную особенность, и все это *для освобожденія славянства и соединенія церквей.*

Задачи русскаго воинства, перешедшія на XVIII столѣтіе.

Изъ всего изложеннаго выше видно, что въ Россіи къ концу XVII вѣка назрѣвала потребность въ обширныхъ реформахъ для успокоенія страны, увеличенія благосостоянія жителей, устройства близкаго населенію управленія и суда и устройства постоянной арміи.

Государство, потрясенное смутю и продолжительными войнами, нуждалось въ реформахъ для поднятія народнаго благосостоянія, увеличенія культурныхъ силъ и средствъ, что дало бы необходимые ресурсы и для сформированія и содержанія постоянной арміи.

Требовалось, такимъ образомъ, въ наступавшемъ XVIII столѣтіи удѣлить значительное число лѣтъ для мирной работы, чтобы, насколько возможно, догнать въ культурности нашихъ западныхъ сосѣдей. Но историческія событія съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія сложились такимъ образомъ, что вмѣсто спокойнаго, мирнаго развитія внутреннихъ силъ Россіи ей пришлось судорожно продолжать выполненіе неоконченныхъ рѣшеніемъ, завѣщанныхъ съ XVI и XVII столѣтій, задачъ по объединенію русскаго племени и выходу къ морямъ Балтійскому и Черному.

Задачи, поставленныя русскому воинству на XVIII столѣтіе, остались тѣ же, что ставились и на XVII столѣтіе. Онѣ состояли:

1) въ завершеніи политическаго объединенія русскаго народа—задача національная;

2) въ исправленіи открытыхъ западныхъ и южныхъ границъ достиженіемъ естественныхъ рубежей—морей Балтійскаго и Чернаго;—это была задача „территоріальная“, но огромнаго экономическаго и политическаго значенія.

Для достиженія этихъ задачъ снова на истощенный въ XVII столѣтіи русскій народъ выпали тяжелыя обязанности выставлять и содержать многочисленныя войска, которыя, съ переходомъ къ постоянному типу, стали требовать много больше прежняго расходовъ.

Нашимъ государямъ, начиная съ Петра Великаго, главное вниманіе пришлось удѣлять не устройству государства, не старанію „любоство учинить блаженнымъ“, а вооруженной борьбѣ съ сильными врагами и лихорадочному изыскванію средствъ на покрытіе все возрастающихъ, особенно военныхъ, расходовъ. При этомъ измышляемые новые источники доходовъ часто вовсе не сообразовались съ существовавшею платежною способностью населенія.

Всего въ XVIII столѣтіи Россія вела 19 войнъ, потребовавшихъ 61 годъ времени. Мирно проведено было только 39 лѣтъ.

Огромною работою русской военной силы къ концу XVIII столѣтія русское населеніе было объединено, и задачи по выходу къ морямъ Балтійскому и Черному были закончены.

Болѣе всѣхъ государей Россіи на этомъ тяжеломъ пути потрудились великіе Петръ и Екатерина II.

При Петрѣ мы вышли къ Балтійскому морю, при Екатеринѣ II—къ Черному. Въ слѣдующей главѣ мы и приступимъ къ изложенію дѣятельности великаго Петра по борьбѣ его съ турками и шведами за выходы къ морямъ Черному и Балтійскому.

ГЛАВА IX.

Внутреннее состояніе Россіи въ царствованіе Петра Великаго.—Перечень главнѣйшихъ изъ его реформъ и отношеніе къ нимъ населенія.—Оппозиція реформамъ Петра Великаго.—Причины недовольства реформами различныхъ сословій.—Бунты. (Картогр. прил. № 8).

Въ предыдущихъ главахъ изложено состояніе Московскаго государства въ концѣ XVII столѣтія. Задачи, поставленныя московскими великими князьями и царями въ этомъ столѣтіи русскому народу и войску, настолько тяжело отозвались на населеніи, что требовалось продолжительное время, чтобы населеніе могло оправиться экономически и двинуться впередъ въ духовномъ отношеніи. Между тѣмъ изъ задачъ, поставленныхъ русскому населенію и войску въ XVI и XVII столѣтіяхъ, только задача по выходу къ Каспійскому морю оказалась законченною. Задачи же по объединенію русскаго племени и выходамъ къ морямъ Балтійскому и Черному ¹⁾, не смотря на рядъ войнъ и огромныя жертвы, принесенныя населеніемъ, не были закончены и перешли на XVIII столѣтіе.

Петръ I хотя и сознавалъ тяжелое внутреннее положеніе государства, но въ своей дѣятельности призналъ необходимымъ заботы объ улучшеніи быта массъ населенія, а также заботы о водвореніи на Руси порядка и правосудія, поставить на второй планъ.

Задачу по объединенію русскаго племени Петръ поставилъ ниже задачи по обезпеченію вышней безопасности Россіи. Этой безопасности болѣе всего угрожали шведы и турки. Безопасность пріобрѣталась побѣдою надъ ними и вытѣсненіемъ ихъ изъ тѣхъ мѣстностей, которыя, какъ изложено было въ III главѣ, составляли наследіе древней Руси, составляли ея удѣлы. Выходъ къ морю Балтійскому могъ быть пріобрѣтенъ побѣдою надъ шведами,—къ Черному—надъ турками. Первоначально Петръ направилъ свои успія на южное направленіе, но послѣ двухъ Азовскихъ походовъ, передавшихъ

¹⁾ В. Ключевскій задачи по выходу къ морямъ опредѣляетъ терминомъ: направление южныхъ и западныхъ границъ государства (Лекціи по Русской исторіи, ч. II, стр. 181).

въ руки Россіи только выходъ въ Азовское море, обратилъ всё усилія Россіи, въ теченіе 21 года времени, на борьбу со Швеціею. Только кратковременный Прутскій походъ въ 1711 году отвлекъ Петра отъ его главной цѣли—борьбы со Швеціею.

Такая напряженная въ одномъ направленіи дѣятельность царя дала огромные видимые результаты: Швеція была побѣждена, Россія заняла ея мѣсто въ ряду первостепенныхъ державъ. Западная граница по Балтійскому морю и Финскому заливу оказалась на столько естественною и прочною, что въ теченіе 200 лѣтъ на завоеванную Петромъ морскую границу, несмотря на рядъ веденныхъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ войнъ, не было нападений, если не считать незначительныхъ дѣйствій шведовъ въ началѣ XIX столѣтія и демонстративныхъ дѣйствій англо-французскаго флота въ восточную войну 1853—55 годовъ.

Но такой результатъ былъ купленъ цѣною огромныхъ усилій и жертвъ. Потребовалось прежде всего создать постояннаго типа армію и затѣмъ главною заботою по внутреннему управленію Россіи поставить заботу по пріисканію денежныхъ средствъ на созданіе и содержаніе этой арміи, на созданіе и содержаніе флота и на военные расходы по войнамъ; сюда же надо прибавить напряженный расходъ силъ и средствъ на созданіе Петербурга.

При такой односторонней дѣятельности въ теченіе почти 30 лѣтъ Петръ I только между заботами объ арміи и о ходѣ военныхъ дѣйствій занимался переустройствомъ государства почти по всѣмъ отдѣламъ управленія и жизни населенія на новыхъ началахъ. Не удивительно поэтому, что внутреннія реформы Петра носили часто спѣшный характеръ и касались лишь внѣшней стороны. Тѣмъ не менѣе, благодаря колоссальной работоспособности и желѣзной настойчивости, Петръ, кромѣ созданія постоянной арміи, успѣлъ, часто путемъ насильственнаго пробужденія силъ и средствъ русскаго народа и путемъ постановки надъ нимъ учителей изъ иноземцевъ, значительно увеличить платежныя силы и средства населенія.

Но, ставя на первый планъ вопросы военные и вопросы о пріисканіи денежныхъ средствъ, Петръ въ то же время рѣзко ломалъ многие, вѣками установившіеся, обычаи и вѣрованія русскаго народа.

Тяжела была народу непрерывная военная дѣятельность Петра и связанная съ нею дѣятельность устроительная: росли налоги и разнаго вида повинности, часто безъ соображенія съ ростомъ платежныхъ силъ и средствъ населенія. Но еще тяжелѣе казалось населенію отступничество Петра отъ русскихъ обычаевъ и вѣрованій, пристрастіе его къ иноземному и иноземцамъ.

Недовольство реформами Петра I выразилось въ наиболѣе рѣзкой формѣ бунтами стрѣльцовъ и населенія южной и юго-восточной Россіи. Эти бунты были особенно тяжелы потому, что главнѣйшіе изъ нихъ совпали съ періодомъ наиболѣе напряженной борьбы со

шведами. Чтобы яснѣе оцѣнить причины недовольства населенія, выразившагося и въ этихъ бунтахъ, усложнившихъ задачу русской арміи по борьбѣ со шведами и турками, ниже будетъ сдѣланъ возможно краткій перечень мѣропріятій Петра I по внутреннему устройству Россіи, изъ котораго будетъ видно, какія изъ мѣропріятій послужили къ наибольшему возбужденію противъ Петра I различныхъ слоевъ общества.

Общая характеристика хода и характера реформъ Петра I у В. Ключевскаго изложена въ слѣдующихъ, въ высокой степени талантливо изложенныхъ, страницахъ ¹⁾:

„При первомъ взглядѣ на преобразовательную дѣятельность Петра, она представляется лишею всякаго плана, всякой послѣдовательности и программы.

„Постепенно расширяясь, она захватила всѣ части государственнаго строя, коснулась самыхъ различныхъ сторонъ народной жизни. Но ни одна часть не перестраивалась заразъ, въ одно время и во всемъ своемъ составѣ; къ каждой реформѣ подступали по нѣскольку разъ, въ разное время, касаясь ея по частямъ. Война сообщила этимъ реформамъ чрезвычайно ускоренный ходъ. Преобразовательная дѣятельность Петра стала похожей на продолжительный вихрь, который крутитъ все, что захватить на пути. Это затрудняетъ изученіе реформъ Петра; трудно уловить порядокъ, въ какомъ онѣ развивались. Этого порядка не было и на дѣлѣ. Припомнимъ двѣ основныхъ задачи, къ которымъ сводятся всѣ преобразовательные планы, выработанные предшественниками Петра. Этими задачами были: во 1-хъ, созданіе, т. е. довершеніе созданія регулярной арміи; во 2-хъ, изысканіе финансовыхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія арміи. Можно думать, что при нормальномъ ходѣ дѣлъ Московское государство начало бы съ разрѣшенія второй изъ указанныхъ задачъ. Прежде, чѣмъ создать новыя, болѣе дорогія, военныя силы, необходимо было изыскать нужныя для нихъ финансовыя средства. Но война, которая была предпринята въ 1700 г. поневолѣ, по настоянію союзниковъ, выдвинула впередъ первую изъ этихъ задачъ, когда ея разработка не была достаточно подготовлена. Эта война заставила Петра привести въ движеніе весь государственный механизмъ, наперечъ всѣ народныя силы. По мѣрѣ того, какъ государственный механизмъ приходилъ въ непривычное ему ускоренное движеніе, его отдѣльныя колеса все болѣе оказывались негодными. Петръ и долженъ былъ одновременно чинить всѣ ихъ, затронуть самыя разнообразныя сферы государственной и народной жизни. Такимъ образомъ, если въ ходѣ реформъ нельзя уловить внутренней послѣдовательности, постепеннаго осуществленія напередъ обдуманной программы, то можно замѣтить, по крайней мѣрѣ, внѣшнюю

¹⁾ В. Ключевскій. „Лекціи по Русской исторіи“, ч. II, стр. 187—189.

историческую связь между отдѣльными реформами. Эти реформы развивались въ томъ порядкѣ, въ какомъ вызывали ихъ потребности, навязанныя войной. Чѣмъ извѣстная область государственной и народной жизни ближе стояла къ военнымъ нуждамъ, тѣмъ раньше и сильнѣе она затрогивалась преобразованиемъ. Вотъ почему прежде и усиленнѣе всего Петръ работалъ надъ преобразованиемъ арміи. Военная реформа повлекла за собою два ряда мѣръ, изъ коихъ однѣ направлены были къ поддержанію регулярнаго строя преобразованной арміи и новосозданнаго флота, другія—къ обезпеченію ихъ содержанія. Чтобы добыть новыя финансовыя средства, Петръ долженъ былъ предпринять мѣры къ развитію народной промышленности, къ техническому усовершенствованію производительности народнаго труда, какъ источника государственнаго дохода. Это первый рядъ мѣръ, вызванныхъ новымъ устройствомъ военныхъ силъ. Далѣе, новое устройство военныхъ силъ измѣнило положеніе и взаимное отношеніе различныхъ классовъ общества; отсюда вышелъ второй рядъ преобразовательныхъ мѣръ, направленныхъ къ переустройству сословій. Нововведенія военныя, социальныя и экономическія требовали отъ управленія такой усиленной и ускоренной работы, ставили ему такія сложныя и непривычныя задачи, какія были ему не подъ силу при его прежнемъ строѣ и составѣ. Потому объ руку съ этими нововведеніями и частью даже впереди ихъ шла постепенная перестройка управленія, всей правительственной машины, какъ необходимое общее условіе успѣшнаго проведенія другихъ реформъ. Другимъ такимъ общимъ условіемъ была подготовка дѣльцовъ и умовъ къ реформѣ. Для успѣшнаго дѣйствія новаго управленія, какъ и другихъ нововведеній, необходимы были исполнители, достаточно подготовленные къ дѣлу, обладающіе нужными для того знаніями, и общество, готовое поддерживать дѣло преобразования, понимающее его сущность и цѣли. Отсюда усиленныя заботы Петра о распространеніи научнаго знанія, о заведеніи общеобразовательныхъ и профессиональныхъ техническихъ школъ“.

Военныя реформы Петра I изложены въ главѣ X-й. Благодаря этимъ реформамъ Россія могла выйти побѣдительницею изъ войны со Швеціею. Но и эти реформы, создавая Петру въ полкахъ постоянной арміи твердый оплотъ, какъ для вышней дѣятельности, такъ и для поддержанія внутренняго спокойствія, въ то же время создавали недовольныхъ въ упраздняемыхъ стрѣльцахъ, лишившихся различныхъ привилегій.

Мѣры для развитія промышленности въ общемъ заключались въ слѣдующемъ ¹⁾: въ вывозѣ иностранныхъ мастеровъ и фабрикантовъ изъ за границы; въ посылкѣ русскихъ людей за границу для обученія мастерствамъ; въ промышленныхъ льготахъ и казенныхъ

¹⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 203.

субсидіяхъ; въ заботахъ объ усиленіи внутренней и внѣшней торговли; въ поощреніи всѣми мѣрами русско-подданныхъ, начиная съ титулованныхъ, къ занятію промышленною дѣятельностью.

Петръ I зналъ, что въ особенности призывъ въ Россію иностранцевъ вызывалъ раздраженіе противъ него, но и близко видѣлъ неумѣлость русскихъ людей во всѣхъ дѣлахъ, требовавшихъ техническихъ знаній. Первая осада Азова рѣзко доказала слабость арміи въ техническомъ отношеніи (артиллерійское и инженерное дѣло). Поэтому Петръ, не останавливаясь, выписывалъ изъ за границы иностранныхъ мастеровъ различныхъ дѣлъ.

Въ одномъ изъ манифестовъ Петра объ иностранцахъ значилось, что они призываются: „чтобы русскіе люди могли научиться имъ неизвѣстнымъ познаніямъ, а познанія должны были сдѣлать ихъ искуснѣе во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ“¹⁾. Но, призывая отовсюду искусныхъ иностранцевъ, заботясь о развитіи торговли и промышленности, Петръ только для одного народа—евреевъ неуклонно дѣлалъ исключеніе: „Я хочу,—говорилъ Петръ,—видѣть у себя лучше народовъ магометанской и языческой вѣры, нежели жидовъ. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложая; не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о томъ ни стараются и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ“²⁾.

Этотъ завѣтъ Петра былъ, забыть, и въ 200 послѣдующихъ за Петровскимъ царствованіемъ лѣтъ евреи, не смотря на фиктивную въ сущности „черту еврейской осѣдлости“, крѣпко забираютъ на всей Руси въ свои руки не только торговлю, но землю и ея нѣдра. Масса городовъ, въ томъ числѣ Одесса, получаютъ еврейскій характеръ. Нефть на Кавказѣ и великая рѣка Волга попадаютъ въ еврейскія руки. На нашей торговлѣ, внѣшней и внутренней, уже лежитъ тяжелая еврейская рука. Нижегородская ярмарка скоро окажется въ еврейскихъ рукахъ. На сахарное производство евреи наложили свою руку. Хлѣбное дѣло въ Петербургѣ тоже переходитъ къ евреямъ. Хлопководство въ Туркестанѣ частью уже въ еврейскихъ рукахъ. Наплывъ евреевъ въ Сибирь отдастъ въ ихъ руки и сибирскія богатства. Въ университетахъ, гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ евреи втискиваются превыше всякихъ нормъ. Огромныя земельныя имущества, лѣса и промышленныя предпріятія даже внутри Россіи уже въ еврейскихъ рукахъ.

Усиленнымъ мѣрами Петръ I повернулъ внѣшнюю торговлю Россіи съ Бѣлаго моря въ Балтійское на Петербургъ. Въ 1724 году число пришедшихъ въ Петербургъ иностранныхъ кораблей дошло до 240. Кромѣ Петербурга Петръ открылъ еще 6 другихъ балтійскихъ портовъ: Кронштадтъ, Выборгъ, Нарву, Ревель, Перновъ и

¹⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 1345.

²⁾ Тамъ же.

Ригу. Всего во всѣ эти шесть портовъ, вмѣстѣ съ Петербургомъ, въ 1824 году прибыло 1,700 иностранныхъ кораблей ¹⁾).

Принимались также мѣры и по устройству сухопутныхъ и водныхъ сообщений.

При Петрѣ I шла усиленная борьба,—куда направлять торговлю: по прежнему на Архангельскъ, о чемъ хлопотали голландскіе купцы, прочно тамъ устроившіеся, или на Петербургъ. Петръ сталъ за Петербургъ и принялъ мѣры къ тому, чтобы создать непрерывный водный путь отъ Астрахани до „парадиза“—Петербурга.

Петръ принималъ мѣры къ ограниченію вывоза за границу сырья, усиленно заботясь о развитіи мѣстной выдѣлки этого сырья кустарно и на заводахъ.

При Петрѣ началось разведеніе табаку.

Въ 1712 году данъ указъ завести конскіе заводы въ Казанской, Азовской и Кіевской губерніяхъ. Жеребцовъ приказано было купить „въ Шлезіи и Пруссахъ“.

Для выдѣлки солдатскаго сукна развито суконное дѣло. При Петрѣ на казенныхъ овчарныхъ заводахъ Азовской губерніи считалось свыше 10,000 овецъ и при нихъ три овчара изъ Силезіи. Суконныя фабрики были открыты въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ Москвѣ. Въ указѣ Сенату 1712 года было приказано принять мѣры, чтобы черезъ 5 лѣтъ не покупать ни одного солдатскаго мундира за границую ²⁾).

Купцы и вельможи приглашались строить заводы; если охотниковъ будетъ мало, то „строить силою, собравъ компанію“; при этомъ прибавлялось: „потомъ будутъ благодарить“.

Для флота заводились парусныя фабрики. Было приказано развивать хорошіе сорта полотень.

Кожевенное производство было развито и до Петра. Въ 1716 году къ Архангельску было привезено юфти 135,000 пудовъ.

Вся бумага до Петра I привозилась изъ за границы. При немъ были заведены фабрики писчей бумаги.

Были впрочемъ издаваемы и невыполнимые указы: такъ, въ 1721 году Петръ I приказалъ снимать хлѣбъ *косами*, вмѣсто серповъ. Нынѣ въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи, гдѣ я проживаю, приказъ этотъ выполняется пришлымъ въ уѣздѣ элементомъ—латышами, русское же населеніе по прежнему предоставляетъ важную заботу по жатвѣ хлѣба женщинамъ съ серпами.

Важно распоряженіе Петра по увеличенію льняного и пеньковаго производства. Въ 1715 году приказано во всѣхъ губерніяхъ „размножить льняные и пеньковые промыслы“, а гдѣ не привычны—

¹⁾ В. Ключевскій ч. II, стр. 208.

²⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 167.

обучали бы крестьянъ, объявляя, что это дѣлается для всенародной пользы и для прибыли крестьянамъ. Для приученія къ обработкѣ сырыхъ матеріаловъ Петръ I запретилъ вывозъ за границу льняного и коноплянаго сѣмянъ и приказалъ вывозить масло.

Приняты были тоже мѣры къ охраненію существовавшихъ лѣсовъ и разведенію новыхъ. Приказано было искать въ Россіи и каменный уголь ¹⁾).

Въ числѣ сословныхъ реформъ особо важное значеніе имѣли слѣдующія:

Весь классъ землевладѣльцевъ, и ранѣе обязанный военною службою, названъ *шляхетскимъ*. Дворянство по прежнему несло поголовно вѣчно-обязательную, т. е. наслѣдственную службу.

Петръ строго слѣдилъ, чтобы никто не уклонялся отъ этой службы. Такъ, въ 1704 году царь лично въ Москвѣ дѣлалъ смотръ 8,000 созваннымъ туда дворянскимъ недорослямъ. Но уже въ концѣ своего царствованія, а именно въ 1722 году, Петръ I *отдѣлилъ службу дворянъ военную отъ гражданской*. Къ службѣ военной дворяне подготовлялись въ гвардейскихъ полкахъ, начиная съ рядового званія. Для подготовки къ службѣ гражданской въ 1714 году при „столичныхъ канцеляріяхъ“ заводились элементарныя школы, подготовлявшія спеціально къ занятію гражданскихъ должностей ²⁾).

Указомъ 20 января 1714 года Петръ I предписалъ: „Послать во всѣ губерніи по нѣскольку человекъ изъ школъ математическихъ, чтобъ учить дворянскихъ дѣтей цыфирн и геометріи, и положить штрафъ такой, что не вольно будетъ жениться, пока сему не выучится“ ³⁾).

Но черезъ 7 лѣтъ, повидимому, все возраставшая нужда въ офицерахъ заставила Петра принять для дворянъ весьма тяжелую мѣру. Указомъ 1723 года дворянамъ было запрещено учиться далѣе 15-ти лѣтняго возраста, хотя бы они того и желали. Съ 15 лѣтъ начиналась подготовка въ гвардейскихъ полкахъ. Надо полагать, что 200 лѣтъ тому назадъ дворянскія дѣти 15-лѣтняго возраста были гораздо болѣе развиты физически, чѣмъ нынѣ; иначе имъ была бы совершенно непосильна суровая военная служба того времени.

Относительно замѣщенія различныхъ должностей въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ Петръ руководствовался болѣе всего заслугою передъ отечествомъ, а не происхожденіемъ ⁴⁾).

По смерти Петра I на верху общества, близко къ престолу, уцѣлѣло немного людей старинной знати, московскаго боярства. Въ составъ прави-

¹⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 166.

²⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 211—215.

³⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 152.

⁴⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 217.

тельственного класса, кромѣ представителей средняго дворянства, вошло много иноземцевъ ¹⁾). Высшіе представители дворянства были устранены Петромъ I отъ дѣлъ, подобно тому, какъ то было и при Иванѣ IV.

Доступъ въ дворянское сословіе открытъ былъ широкій: каждый военный человѣкъ, дослужившійся до оберъ-офицерскаго чина, становился дворяниномъ.

Относительно преимуществъ заслугъ передъ происхожденіемъ необходимо прибавить, что еще Земская Дума 1682 года постановила назначать служилыхъ людей на военныя мѣста „безъ мѣстъ и безъ подбора“, т. е. не обращая вниманія на родовитость. Въ 1700 году по книгамъ значилось 3,000 служилыхъ дворянскихъ фамилій, а въ концѣ царствованія Петра дворянскихъ семей оказалось около ста тысячъ ²⁾).

При Петрѣ I крѣпостное право было расширено: многія группы населенія, считавшіяся свободными, были зачислены въ крѣпостные. Прежде земледѣльцы или иные свободные люди закрѣплялись за тѣмъ или другимъ помѣщикомъ по договору, добровольно, за тѣ или другія выгоды отказываясь отъ своей свободы.

Указомъ 1718 года была произведена первая ревизія, которая и повела къ важнымъ юридическимъ и экономическимъ переменамъ въ положеніи сельскихъ классовъ. По этой ревизіи у всѣхъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ и церковныхъ, по ихъ записямъ оказалось 5½ мил. душъ мужскаго пола, которыя и были названы „ревизскими душами“.

Ревизія была вызвана необходимостью изыскать средства на содержаніе арміи. Послѣ окончанія военныхъ дѣйствій со шведами регулярные полки арміи были отведены изъ пограничныхъ мѣстностей и поставлены на постоянныя штабъ-квартиры по внутреннимъ областямъ. Опредѣливъ, во что обходится содержаніе каждаго солдата (въ ротѣ и полку), опредѣлили и общую сумму, потребную на содержаніе всей арміи. Раздѣливъ эту сумму на общее число ревизскихъ душъ, получили 74 копейки ³⁾). Въ этомъ размѣрѣ и была опредѣлена первая подушная подать. Стремленіе увеличить общій размѣръ собираемой подушной подати повело къ тому, что стали, кого только представлялось возможнымъ, переводить въ крѣпостное состояніе.

Въ XVII столѣтіи въ составѣ сельскаго населенія различались четыре класса: 1) холопы, 2) крестьяне владѣльческіе, 3) крестьяне дворцовые и казенные, 4) люди вольные или гулящіе.

Только крестьяне владѣльческіе, казенные и дворцовые несли государственныя повинности. Холопы, находясь въ полной зависи-

¹⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 293.

²⁾ Тамъ же, стр. 219.

³⁾ 74 коп. по нынѣшнему курсу составляютъ около 3 р. 50 коп.

мости отъ своихъ господъ, не несли государственныхъ повинностей. Люди вольные или гулящіе ни отъ кого лично не зависѣли и „не подлежали тяглу“¹⁾.

Крѣпостная зависимость холоповъ и владѣльческихъ крестьянъ носила нѣсколько формъ. Такъ, холопы подраздѣлялись на полныхъ наследственныхъ съ потомствомъ и кабальныхъ²⁾, при чемъ кабала ихъ или холопство продолжалось до смерти господина. Крестьяне владѣльческіе, работавшіе на землѣ помѣщиковъ, какъ было указано въ предыдущихъ главахъ, первоначально были свободными и могли оставить владѣльцевъ обрабатываемой ими земли въ любое время, но постепенно, путемъ задолженности, они попали въ кабалу и сдѣлались крѣпостными. Первоначально въ договорахъ при полученіи ссуды значилось обязательство „работать на землевладѣльца безусловно, вѣчно“, но эта кабала не распространялась на потомство, но затѣмъ, со второй половины XVII столѣтія, дѣти крестьянъ, родившіяся, когда отцы ихъ были крѣпостными, стали тоже считаться крѣпостными у владѣльцевъ своихъ отцовъ. Тогда же въ новыхъ договорахъ стали включать обязательство „работать, жить за землевладѣльцемъ съ женой и дѣтьми вѣчно“³⁾.

Съ теченіемъ времени положеніе холоповъ въ земельномъ отношеніи стало не различаться отъ положенія владѣльческихъ крестьянъ, потому что землевладѣльцы избытокъ холоповъ, необходимыхъ имъ для службы въ усадьбѣ (дворовыхъ), стали тоже сажать на землю. Часть холоповъ была обращена на обработку земли помѣщика, которую онъ не отдавалъ въ аренду крестьянамъ, а пахалъ самъ. Такіе холопы получили названіе *дѣловыхъ* людей, составившихъ сельскихъ крѣпостныхъ рабочихъ. Другіе холопы надѣлялись землею, обзаводились хозяйствомъ, а за землю платили оброкъ или обязывались работать на помѣщика *барищиной*. Такіе холопы получили названіе *задворныхъ*. Наконецъ, часть холоповъ оставалась прислугою при владѣльцѣ въ домѣ, конюшнѣ, скотномъ дворѣ, мастерскихъ, для охоты и пр. Эти холопы и составили такъ называемыхъ *дворовыхъ*. Имъ отводили огороды, давали коровъ, свиней, кормили отъ помѣщика, но землю не надѣляли.

Дѣловые и задворные холопы привлекались правительствомъ къ отбыванію государственныхъ повинностей, дворовые же по первой ревизіи 1718 г. не были включены „въ ревизскую сказку“ и потому не были обложены и податью въ 74 коп. съ души. Тогда помѣщики, чтобы уменьшить число лицъ, за которыхъ имъ надлежало уплачивать подать, стали задворныхъ и дѣловыхъ людей переводить

¹⁾ Т. е. не несли государственныхъ повинностей.

²⁾ Взавъ деньги въ займы, свободный крестьянинъ обязывался, вмѣсто роста процентовъ, работать на помѣщика. Холопство полное возникло отъ продажи лицъ въ рабство.

³⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 228.

во дворъ. Правительство тогда включило въ ревизскую сказку и всѣхъ бывшихъ холоповъ: задворныхъ, дѣловыхъ и дворовыхъ. Постепенно, въ цѣляхъ увеличенія доходовъ казны, въ ревизскія сказки стали записывать дѣтей дьячковъ и пономарей и наконецъ наложили руку и на вольныхъ, гулящихъ людей. Этимъ многочисленнымъ вольнымъ людямъ указомъ 1722 года предложено было идти въ солдаты или найти помѣщиковъ, которые согласились бы взять ихъ въ крѣпостное состояніе.

Первою ревизіею крѣпостное право было расширено въ такой степени, что достаточно было любому владѣльцу записать въ ревизскую сказку то или другое *свободное* лицо, работавшее на его землѣ, и оно за нимъ укрѣплялось. Жалобы такихъ лицъ на неправильное укрѣпленіе были запрещены. Все сельское населеніе, жившее на владѣльческихъ земляхъ, стало одинаково крѣпостнымъ на вѣки.

По изслѣдованію В. Ключевского, экономическія послѣдствія первой переписи были весьма важны. Прежде, когда подать платилась съ земли (съ сохи или размѣра пашни), крестьяне стали уменьшать пашню, чтобы платить меньше. Поэтому въ XVII столѣтіи подать перенесли съ пашни на дворъ. Но крестьяне стали расширять дворы, увеличивая въ нихъ число работниковъ, тоже въ цѣляхъ уменьшенія числа дворовъ, а значитъ и размѣра платимой подати.

„Петръ, чтобы устранить происшедшую отсюда неудачу, перенесъ подать съ двора на душу. Такъ какъ отъ увеличенія пашни подать теперь не увеличивалась, то крестьяне начали пахать возможно больше. Такъ, подушная подать въ продолженіе XVIII ст. содѣйствовала расширенію земледѣльческаго хозяйства. Въ этомъ была громадная экономическая польза, ею принесенная“ ¹⁾.

Въ годы производства первой ревизіи обыкновенный крестьянскій дворъ ежегодно пахалъ не много болѣе одной десятины. Въ концѣ XVIII столѣтія такой же крестьянскій дворъ пахивалъ ежегодно десять десятинъ и болѣе.

„Такимъ образомъ, прямой поземельный налогъ древней Руси падалъ на землю, отрывая крестьянскій трудъ отъ земли; со времени Петра прямой налогъ, оторванный отъ земли (подушная подать), началъ привязывать крестьянскій трудъ къ землѣ“ ²⁾.

Старая московская администрація была сословно-бюрократическая.—Петръ I придалъ центральнымъ управленіямъ характеръ чисто бюрократическій. Но при немъ же областная администрація получила, усиленіемъ участія въ ней двухъ сословій—дворянства и купечества, *сословный характеръ*.

До 1711 года руководство всѣмъ управленіемъ въ московскомъ государствѣ сосредоточивалось въ боярской Думѣ, учрежденіи съ сословно-аристократическимъ характеромъ и состоявшемъ изъ лицъ

¹⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 236.

²⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 237.

знатнаго происхожденія, занимавшихъ въ то же время высшія правительственныя должности. Но уже въ XVII столѣтіи боярство ослабѣло и въ боярскую Думу проникло много разночинцевъ. Эта новая Дума, дѣйствуя главнымъ образомъ подъ личнымъ руководствомъ государей, не была отвѣтственна за свои дѣйствія даже и тогда, когда дѣйствовала въ отсутствіе государя. Но Петръ I проводилъ большую часть времени внѣ столицы. Поэтому онъ и создалъ въ 1711 году, передъ Прутскимъ походомъ, вмѣсто боярской Думы— Сенатъ.

Въ указѣ 22 февраля 1711 года значилось: „Опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія“. Сенатъ получилъ обширныя полномочія и въ отсутствіе государя замѣнялъ его.

Всѣ учрежденія и лица обязаны были повиноваться указамъ Сената, какъ указамъ самого государя, подъ страхомъ смертной казни за ослушаніе. Сенатъ сталъ высшимъ руководителемъ и контролеромъ суда и управленія, вѣдалъ государственные доходы и расходы, наблюдалъ за исправностью отбыванія воинской повинности и имѣлъ надзоръ за ходомъ народнаго хозяйства, промышленности и торговли. Эти занятія требовали знаній, опыта. Въ первое время Сенатъ состоялъ изъ 9 человекъ, безъ различія происхожденія, которые частью занимали должности и внѣ Сената.

Дѣлами разныхъ вѣдомствъ съ 1718 года вѣдали 9 коллегій, однообразнаго устройства, замѣнившія приказы. Приказы были болѣе единоличнымъ учрежденіемъ, поэтому имѣли болѣе сходства съ современными министерствами. Въ коллегіяхъ дѣла рѣшались присутствіемъ по большинству голосовъ. На эти присутствія была возложена и отвѣтственность за правильный ходъ дѣлъ.

Московское государство во второй половинѣ XVII столѣтія дѣлилось на уѣзды, числомъ около 150. Во главѣ уѣздовъ стояли воеводы. Во многихъ уѣздахъ должность воеводъ была предоставлена *зубнымъ старостамъ*, выбираемымъ самими дворянами уѣзда изъ ихъ среды. Губные старосты управляли уѣздами вмѣстѣ съ совѣтомъ изъ мѣстныхъ служилыхъ людей.

Въ 1708 году Петръ I, въ виду неудобства такого большого числа административныхъ единицъ, непосредственно спосившихся съ центральными управленіями, соединилъ всѣ уѣзды въ 8 губерній. Съ 1711 года губерніи дѣлились на провинціи, а провинціи на уѣзды. Въ 1719 году, съ введеніемъ въ составъ Россіи вновь завоеванныхъ у Швеціи мѣстностей, число губерній было доведено до 11.

Всѣ губерніи получили однообразное административное устройство. Во главѣ каждой стоялъ генераль-губернаторъ въ пограничныхъ и губернаторъ во внутреннихъ губерніяхъ. Губернаторъ раздѣлялъ власть съ совѣтомъ, состоявшимъ только изъ представителей дворянства. Для этого каждая провинція выбирала 8—11—12

депутатовъ; всѣ депутаты губерніи, получившіе названіе *ландратовъ*, составляли совѣтъ при губернаторѣ, который былъ только председателемъ этого совѣта. Съ 1713 года ландраты получили уѣзды въ личное завѣдываніе по податной части.

Въ 1719 году введено было новое губернское дѣленіе и ландраты были уничтожены, Ихъ замѣнили *земскіе комиссары*, ежегодно выбираемые въ каждомъ уѣздѣ дворянами.

„Земскій комиссаръ имѣлъ своей главной обязанностью сборъ подушной подати и передачу ея въ полки, на содержаніе которыхъ она была назначена. Но кромѣ этой главной обязанности, на земскаго комиссара возложено было много полицейскихъ функцій. Онъ долженъ былъ переписывать дворы и земли, смотрѣть за откупщиками казенныхъ доходовъ, за постоянными дворами, за *устройствомъ и безопасностью путей сообщенія*, за *исправностью отбыванія рекрутской повинности*, за *нравственностью обывателей уѣзда*, *долженъ былъ наблюдать, чтобы „всѣ подданные страху Божію и добродѣтели научены были“*, и, *наконцѣ, помогать правосудію*: давать справки о крестьянахъ, ловить ихъ и ставить на судъ, исполнять судебные приговоры. Земскій комиссаръ отвѣтственъ былъ передъ своими избирателями; дворянское уѣздное собраніе, по истеченіи года, учитывало прежняго комиссара, прежде чѣмъ избрать новаго, могло судить и наказывать его. Только въ случаѣ преступленія, подвергавшаго преступника смертной казни, собраніе препровождало виновнаго комиссара въ губернской надворный судъ“¹⁾.

Несомнѣнно, что и нынѣ необходимо, послѣ 200 лѣтнихъ опытовъ съ различными системами управленія, вернуться къ Петровскому *начальнику уѣзда*, каковымъ былъ въ сущности земскій комиссаръ, и въ лицѣ его объединить многочисленныхъ чиновъ, вѣдающихъ нынѣ по различнымъ министерствамъ, вмѣстѣ съ земствомъ, дѣло управленія уѣздами. Реформа эта необходима, ибо нынѣ при многоначаліи уѣзды остаются въ то же время безъ твердой и опредѣленной власти. Я пришелъ къ этому заключенію наблюденіемъ за жизнью одного изъ уѣздовъ, въ которомъ проживаю ббльшую часть года уже въ теченіе почти четырехъ лѣтъ.

Губернское управленіе не касалось городского населенія, для котораго были созданы особыя городскія учрежденія, изъ выбранныхъ городскимъ купеческимъ населеніемъ лицъ, съ большими правами по веденію городского хозяйства.

Въ 1710 году всѣ государственные сборы составляли 3.051,000 рублей, а на армію и флотъ расходовалось 3.010,000 рублей и на покрытіе другихъ расходовъ требовалось 823,000 рублей. Дефицитъ составлялъ 782,000 руб. Въ то время стоимость одного рубля равнялась нашимъ девяти рублямъ.

¹⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 258—259.

Въ 1725 году государство получило дохода 9 мил. рублей; изъ нихъ установленная первая ревизіею подушная подать дала 4.650,000 руб. Вся эта сумма и шла на содержаніе сухопутной арміи. Флотъ содержался на таможенные и питейные сборы.

По описанію современниковъ, страна наша при Петрѣ была малолюдная, безъ развитія промысловъ. Тяглые люди бѣгали и употребляли всѣ усилія не платить подати. Собираемая же деньги частью клалась въ карманы сборщиковъ и до казны не доходили. Историкъ Соловьевъ пишетъ: „Лѣнь, стремленіе отбывать отъ дѣятельности, слѣдствіе многолѣтняго застоя въ народной жизни, замѣчались повсюду, во всѣхъ сословіяхъ и вызывали насильственные мѣры преобразователя, безцеремонно будившаго русскаго человѣка, безцеремонно гнавшаго его на работу“. Посошковъ, самъ изъ крестьянъ, писалъ: „Иные и посадскіе люди такіе есть лежебоки, что живутъ своими домами, но, не хотя ни торговать, ни работать, ходя по міру, милостыню собираютъ; а иные, сковавшись, ходятъ будто тюремные сидѣльцы, и, набравъ милостыню, дома лежа ѣдятъ. А иные сами промышляютъ, а дѣтей своихъ посылаютъ милостыню просить. Нынѣ истинно стыдное дѣло, что въ нищихъ да въ колодникахъ проити невозможно“ ¹⁾.

Хорошо зная крестьянскій бытъ, Посошковъ находилъ, что „крестьянское житіе скудно не отъ иного чего, какъ отъ собственной ихъ лѣни, и потомъ отъ неразмотрѣнія правителей и отъ помѣщичьяго насилія и небреженія. Больше всего крестьяне терпятъ отъ пожаровъ и отъ разбойниковъ“ ²⁾.

Кромѣ расходовъ на сформированіе и содержаніе постоянной арміи, на русскій народъ особенно тяжело легли расходы по созданію флота и города Петербурга. — Кромѣ огромныхъ денежныхъ затратъ на эти два предпріятія, потребовались усилія собранныхъ со всей Руси десятковъ тысячъ людей въ теченіе многихъ лѣтъ. Эта натуральная повинность усиливалась еще сборомъ рабочихъ на устройство каналовъ, дорогъ и другихъ предпріятій, часто не доведенныхъ до конца. Созданіе флота было одною изъ главныхъ и любимыхъ заботъ Петра. Трудности при этомъ пришлось преодолѣвать огромныя, въ особенности вслѣдствіе недостаточности, какъ и теперь, русскаго приморскаго населенія, которое могло бы дать хорошіе кадры для матросовъ. Датскій посланникъ, воинъ и морякъ Юль, современникъ Петра, лично видѣвшій нашъ флотъ въ 1710 году, свидѣтельствовалъ о многихъ въ немъ неурядкахъ. Такъ, когда въ маѣ 1710 года Петръ со всею эскадрою отправился къ Выборгу, во всемъ флотѣ не было человѣка, знакомаго съ фарватеромъ; суда, построенныя изъ ели, были большею частью не пригодны для мор-

¹⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 230.

²⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 230.—231.

ского плаванія. Управление карбасами было поручено крестьянамъ и солдатамъ, едва умѣвшимъ грести однимъ весломъ ¹⁾).

Мы видѣли, что и черезъ 200 лѣтъ тотъ же фарватеръ все же не былъ изученъ, и русскій царь потерпѣлъ на „Штандартъ“ крушеніе, потому что, за отсутствіемъ вполнѣ исправленныхъ картъ и знающихъ фарватеръ русскихъ моряковъ, довѣрились мѣстному лопману.

П. Милюковъ въ своемъ трудѣ „Очерки по исторіи русской культуры“ хотя и сгущаетъ краски, но въ общемъ даетъ вѣрную оцѣнку дѣятельности Петра по морской части, указывая, что въ созданіи флота ярче всего выразился характеръ Петровскихъ реформъ:

„Ради флота Петръ велъ всѣ свои войны; но и эта задача до самой смерти осталась не вполнѣ осуществленной... Уже не говоримъ объ игрушечной флотилии, парадировавшей при взятіи Азова. Но тотчасъ за этимъ неудачнымъ вступленіемъ Петръ спѣшитъ однимъ почеркомъ пера создать настоящій большой торговый флотъ: землевладѣльцы построятъ ему 98 кораблей, и самъ онъ построитъ 90. Вернувшись изъ Голландіи, онъ забраковываетъ всю работу и начинаетъ все съ начала... Для завоеванія Финляндіи въ 1713 году у Петра оказывается всего четыре линейныхъ корабля и пара фрегатовъ...

„Каждый годъ онъ ѣздитъ на свою Воронежскую верфь; кромѣ личныхъ усилій и заботъ, онъ положилъ туда огромныя суммы денегъ; сотни тысячъ людей умерли отъ болѣзней и голода у „гаваннаго строенія“ (т. е. у постройки Троицкой гавани возлѣ Таганрога).

„Прутскій походъ сразу прикрываетъ все многолѣтнее дѣло: гавань скрыта; суда отданы туркамъ или гниютъ на мѣстѣ. Такимъ образомъ, ничего почти не приходится утилизировать для сѣвернаго судостроенія, куда Петръ переноситъ теперь всѣ свои заботы... Въ 1719 году у него уже 28 линейныхъ кораблей... Олонецкая верфь удовлетворяетъ только нѣсколько лѣтъ, на первые годы послѣ закладки Петербурга; перенести ее въ Петербургъ тоже оказывается недостаточнымъ: по Невѣ нельзя выводить оснащенные корабли въ море безъ углубленія фарватера. Петербургскую верфь приходится дополнить Кронштадтскою гаванью. Но послѣ ряда новыхъ усилій, послѣ новыхъ огромныхъ жертвъ людьми и деньгами, и Кронштадтъ перестаетъ удовлетворять... За нѣсколько лѣтъ до смерти Петръ находитъ новое мѣсто—Рорервикъ, недалеко отъ Ревеля. Снова люди десятками тысячъ идутъ на новую работу... А неумолимая буря изъ года въ годъ разноситъ всю людскую работу, такъ что, наконецъ, и этотъ проектъ, стоившій невѣроятныхъ суммъ, приходится

¹⁾ Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“, ч. III, стр. 156.

бросать. Въ результатъ русскій флотъ *демонстрируетъ* въ Балтійскомъ морѣ, какъ онъ демонстрировалъ передъ Константинополемъ и передъ Азовомъ, но дѣйствительно важную услугу въ войнѣ оказываютъ только маленькія галеры, свободно пробирающіяся между шхеръ, въ виду шведскаго флота и арміи: онѣ высаживаютъ то тамъ, то сямъ небольшіе десанты, которые разоряютъ берега, пока, наконецъ, Швеція не рѣшается вернуть себѣ безопасность въ собственной странѣ путемъ отказа отъ завоеванныхъ Петромъ заморскихъ провинцій“ ¹⁾.

А черезъ 9 лѣтъ послѣ смерти Петра, въ 1734 году, петербургское адмиралтейство могло снарядить самое большее—15 кораблей для того, чтобы запереть Данцигъ съ моря, но и для нихъ не хватало экипажа и офицеровъ ²⁾.

Относительно постройки Петербурга П. Милюковъ пишетъ: „Петербургъ — „это воплощеніе всѣхъ пристрастій и антипатій Петра, его любви къ морю и флоту, его потребности въ полномъ просторѣ, его привычки къ внѣшней обстановкѣ культуры, его ненависти къ старинѣ и его страха передъ глухой враждой старой столицы...“

„Петербургъ тоже отразилъ на себѣ не только все содержаніе реформы въ миниатюрѣ, но также и всѣ ея приемы. На этихъ маленькихъ клочкахъ земли, раздѣленныхъ невскими устьями, Петръ мечется десять лѣтъ безъ устали, и въ результатъ опять — масса непронзводительно затраченнаго труда, масса началъ безъ концовъ, великолѣпныхъ и дорогихъ проектовъ, оставшихся безъ исполненія, и ничего цѣльнаго.“

„То Петербургъ будетъ на теперешней Петербургской сторонѣ— и тамъ строятся церкви, биржа, лавки, зданія для коллегій; частные дома обязуется завести себѣ каждый служащій дворянинъ, смотря по имуществу. То лучше оказывается перенести торговлю и главное поселеніе въ Кронштадтъ; и тамъ, опять по наряду, каждая губернія воздвигаетъ огромный каменный корпусъ; но въ этихъ корпусахъ никто никогда не будетъ жить, и они постепенно развалятся отъ времени.“

„Между тѣмъ, городъ возникаетъ на новомъ мѣстѣ, между адмиралтействомъ и лѣтнимъ садомъ... И опять Петръ не доволенъ: на досугѣ послѣднихъ лѣтъ ему приходитъ въ голову новая затѣя: Петербургъ обратить въ Амстердамъ, улицы замѣнить каналами и для этого перенести весь городъ на самое низменное мѣсто, на Васильевскій островъ, раньше цѣликомъ подаренный Меншикову; отъ наводненій и непріятельскихъ нападеній предполагается постройка плотины. И опять все дворянство, уже обзаведшееся домами въ дру-

¹⁾ П. Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“, ч. III, стр. 164—165.

²⁾ Тамъ же, стр. 165.

гихъ мѣстахъ Петербурга, приглашается обязательно строить дома на Васильевскомъ островѣ. Умираетъ Петръ—и начатыя постройки забрасываются“¹⁾).

Иными словами, Петербургъ создавался безъ плана.

Характеръ реформъ Петра I очерченъ въ общемъ одинаково у нашихъ выдающихся современныхъ историковъ В. Ключевского и П. Милюкова. У послѣдняго этотъ характеръ реформы въ общемъ изложенъ такъ:

Съ началомъ самостоятельной дѣятельности Петра вопросъ о необходимости реформы уже вполне опредѣлился. Реформа и была произведена, но не умѣренная, а крайняя, стихійная, не реформа, основанная на народномъ сознаниіи, а реформа, идущая на переکورъ этому сознанию, сверху, реформа насильственная, которую ждалъ отъ царской власти еще Крижаничъ.

Сопротивленіе реформъ было въ это время ослаблено. Духовенство не сумѣло приобрести у народа любовь и уваженіе. Тѣ, въ которыхъ было живо нравственное и религіозное самосознаніе, еще въ національно-религіозномъ движеніи XVI—XVII вѣковъ были отброшены въ оппозицію. Въ правящемъ духовенствѣ этотъ уходъ въ оппозицію оставилъ моральную пустоту. Высшее духовенство, подъ вліяніемъ греческаго и кievскаго духовенствъ, объявило русское національное религіозное движеніе расколомъ и прокляло его; само же стало угодливо служить интересамъ свѣтской власти. Явилась официальная и народная вѣра. Совѣсть была сломлена или усыплена этимъ раздвоеніемъ. Никакія надругательства Петра надъ тѣмъ, что считалось святымъ и неприкосновеннымъ, не вызвали сильнаго сопротивленія въ окружавшей его средѣ. Онъ умышленно, систематически насилывалъ всѣ вкусы, всѣ убѣжденія, и все молчало. Принятый имъ европейскій мундиръ только развязывалъ его, ни къ чему не обязывая. При московскомъ чинѣ жизни были вещи, которыя было дѣлать обязательно, и были другія, которыхъ дѣлать было нельзя. Такихъ вещей теперь не осталось. Всѣ ждали очереднаго приказанія Петра и повиновались²⁾).

Гигантская работа Петра I затруднялась пассивнымъ сопротивленіемъ массы населенія и равнодушіемъ къ производимымъ имъ реформамъ даже среди ближайшихъ его сотрудниковъ.

Въ концѣ концовъ противъ царя составилъ молчаливый—пассивный заговоръ. Въ 1719 году, отправляясь въ одну поѣздку, Петръ сказалъ, что умри онъ,—и его совѣтники и сподвижники, даже Меншиковъ и Апраксинъ, будутъ не прочь бросить завоеванныя провинціи и Петербургъ и оставить на произволъ судьбы флотъ, который стоилъ ему столько труда, крови и денегъ.

¹⁾ П. Милюковъ, „Очерки по исторіи русской культуры“, ч. III, стр. 166—167.

²⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 144—145.

Реформа вышла индивидуальнойю. Довѣрія между царемъ и его сотрудниками не создалося. Онъ могъ полагаться только на свои силы,—вѣрить только себѣ ¹⁾.

Въ первыя 20 лѣтъ своего царствованія Петръ поглощенъ былъ усиленною дѣятельностью по формированію арміи, флота, веденію почти непрерывной войны. Главною его заботою было добываніе денегъ для арміи, флота, добываніе рекрутовъ, провіанта, обмундированія, вооруженія, снаряженія, лѣса для кораблей. Война и иностранныя дѣла поглощали все его вниманіе. Улучшенію внутренняго строя государства и увеличенію благосостоянія массъ можно было удѣлять лишь весьма мало вниманія.

Царь большую часть времени проводилъ въ отлучкѣ, и въ его отсутствіе, какъ указано было выше, управляли боярская Дума, а затѣмъ Сенатъ. Петру было извѣстно тяжелое положеніе массъ, но онъ ставилъ на первый планъ своей дѣятельности обезпеченіе внѣшней безопасности государства и уже на второй—водвореніе на Руси внутренняго порядка и правосудія. Онъ искренно хотѣлъ прекратить угнетеніе народа продажными судьями и чиновниками... „дабы съ нами не сталося,—писалъ Петръ I,—такъ, какъ съ монархіей греческой, надлежитъ трудиться также о пользѣ и прибыткѣ общемъ... отчего облегченъ будетъ народъ“ ²⁾.

Петра тревожило въ особенности тяжелое положеніе крестьянъ и быстрое развитіе обычая продавать ихъ безъ земли въ розницу, но объ освобожденіи крѣпостныхъ онъ не думалъ. Въ указѣ 1721 года Петръ I возставалъ лишь противъ обычая продавать людей въ рабство, какъ скотовъ. Онъ требовалъ прекращенія этой продажи, но, сознавая невозможность добиться такой мѣры однимъ указомъ, соглашался: „ежели не возможно будетъ вовсе пресѣчь, то хотя бы по нуждѣ продавали цѣлыми семьями, а не порознь“ ³⁾.

Петръ принималъ также мѣры противъ насильственныхъ браковъ у крѣпостныхъ и заставлялъ помѣщиковъ присягать, что они не будутъ принуждать крестьянъ къ невольному браку ⁴⁾.

Старался Петръ искоренить и воспитанное вѣками въ правящемъ классѣ понятіе, что занятіе той или другой должности связано съ „кормленіемъ“ лица, занявшаго эту должность. Это кормленіе должностныхъ выражалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, но все онъ тяжко ложилось въ особенности на крестьянское и купеческое сословія.

Для борьбы съ казнокрадствомъ Петръ I учредилъ должности фискаловъ и во главѣ ихъ поставилъ государственнаго фискала.

¹⁾ П. Мплюковъ, ч. III, стр. 150—151.

²⁾ П. Мплюковъ, ч. III, стр. 161.

³⁾ Ключевскій, ч. III, стр. 161.

⁴⁾ С. Соловьевъ, т. XVIII, стр. 855.

Особенно потрудился при Петрѣ по этой части Нестеровъ. Среди многихъ открытыхъ имъ злоупотребленій самое главное обвиненіе пало на Сибирскаго губернатора князя Гагарина. Повинившись въ своихъ преступленіяхъ, Гагаринъ просилъ ссылки въ монастырь, но Петръ I приказалъ его повѣсить ¹⁾.

Для увеличенія доходовъ казны и наблюденія за правильнымъ ихъ поступленіемъ были учреждены также должности „прибыльщико^{въ}“. Особенную славу приобрѣлъ прибыльщикъ Курбатовъ; съ 1705 г. онъ началъ доносить о кражахъ. Особенно сильно крали въ городскихъ управленіяхъ (ратушахъ). Между прочимъ, Курбатовъ доносилъ, что „подъячіе ратушскіе превеликіе воры и всѣми способами помогаютъ вора^{мъ}“. Донося, что городскіе бургомистры воры, Курбатовъ доказывалъ, что въ Ярославлѣ украдено казенныхъ денегъ 40 т. руб., въ Псковѣ пошлннъ и питейной прибыли украдено 10 т. рублей и больше. Онъ же просилъ Петра I удалить отъ казеннаго сундука властнаго Кирилла Нарышкина, „который во многихъ взяткахъ съ нихъ (бургомистровъ) самъ приличенъ и во всемъ имъ (вора^{мъ}) дружитъ“ ²⁾.

Эти прибыльщики измышляли разные сборы, чтобы только найти средства для войны. Въ 1707 году увеличили цѣну на соль вдвое. За дубовые гробы приказано брать цѣну въ четыре раза дороже. Пошлина за право ношенія бороды назначена съ разныхъ лицъ въ 30, 50 и до 100 рублей въ годъ съ одного лица. Насколько эта пошлина была тяжела, видно изъ того, что, напр., ямщики, извозчики и причетники платили по 30 руб. въ годъ. Съ крестьянъ по всѣмъ городскимъ воротамъ брали по двѣ деньги съ бороды за каждый проходъ воротъ.

Тотъ же Курбатовъ доносилъ о притѣсненіяхъ воеводами жителей и о томъ, что жители озлоблялись, убѣгали.

Оппозиція реформамъ Петра Великаго.

Быстро слѣдовавшія одна за другою реформы Петра I; жестокая ломка при этомъ всего русскаго, всего, къ чему вѣками привыкъ русскій человѣкъ; выдающееся положеніе, занятое во всѣхъ дѣлахъ иноземцами; насильственныя мѣры по отношенію къ дворянамъ; приниженіе значенія духовенства; тяжкія подати и сборы на содержаніе войскъ, флота; непрерывное веденіе войнъ; огромныя общественныя работы по устройству Петербурга и другихъ городовъ; проведеніе каналовъ; поставка все большаго и большаго числа рекрутъ,—все это, вмѣстѣ взятое, вызывало глухое недоволь-

¹⁾ С. Соловьевъ, т. XVI, стр. 18.

²⁾ С. Соловьевъ, т. XVI, стр. 7.

ство во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ лицъ, близко стоявшихъ къ государю.

По мнѣнію В. Ключевскаго, Петръ встрѣтилъ мало сочувствія своимъ реформамъ въ народной массѣ благодаря торопливости, принудительности и неясности своей преобразовательной дѣятельности: „Реформы пронеслись надъ народомъ, какъ тяжелый миражъ, всѣхъ перепугавшій, никому непонятный“¹⁾.

Реакція стала неизбежною и она наступила. П. Милюковъ въ слѣдующихъ примѣрно словахъ группируетъ причины недовольства массъ:

Дѣятельность Петра вызывала неудовольствіе въ массахъ. Реформа бросала вызовъ всѣмъ старымъ привычкамъ и оскорбляла всѣ чувства. Реформа была извѣстна послѣдному крестьянину: къ нему приходили, нѣсколько разъ переписывали, безчисленное количество разъ облагали новыми, неслыханными податями и повинностями, отрывали отъ семьи и сохи и выволакивали на всевозможныя службы во всѣ концы государства. Въ платежныхъ квитанціяхъ онъ могъ читать, что вноситъ деньги на „дѣло кирпича“, на „известное жженіе“ для петербургскихъ построекъ. Людей посылали къ „гаванному строенію“, въ Азовъ или на Котлинъ. То онъ уплачивалъ дополнительный сборъ на драгунскія сѣдла. Ежегодно и самъ Петръ носился по Россіи. „Россія была полна Петромъ:—никуда отъ него не уйдешь, только на плаху“²⁾.

Въ періодъ царствованія Петра возникаютъ и складываются въ сознаніи народныхъ массъ двѣ легенды про Петра. Одна легенда гласитъ, что онъ самозванецъ; другая—что онъ антихристъ. Оппозиція реформамъ Петра и пользуется этими легендами.

Къ оппозиціи сверху примыкаютъ остатки титулованной аристократіи съ Голицынымъ и Куракинымъ во главѣ.

„Царевичъ Алексѣй сталъ идейнымъ центромъ, въ которомъ соединилась народная оппозиція съ аристократической“³⁾.

Причины недовольства реформами Петра различныхъ сословій.

Высшее дворянство, какъ изложено выше, систематически устранялось Петромъ I, подобно Ивану IV, отъ управленія дѣлами государства. Заслуга передъ родиною была поставлена выше происхождения. Но въ то же время насильственными мѣрами вся дворянская молодежь, послѣ небольшой научной подготовки до 15 лѣтъ, зачислялась на службу въ гвардейскіе полки и, для многихъ отцовъ, навсегда разставалась съ ними и отрывалась отъ занятій

¹⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 284.

²⁾ П. Милюковъ, ч. III, стр. 171—72.

³⁾ Тамъ же, стр. 182—186.

земледѣліемъ. Дворянскія дѣти были стѣснены въ обученіи, въ выборѣ рода занятій, въ выборѣ даже времени для женитьбы. Преслѣдованіе русской старинны во всемъ укладѣ жизни было тяжело и для дворянъ.

Эти насильственные по отношенію къ дворянству мѣры, въ связи съ ломкой всѣхъ устоевъ старо-дворянской и вообще старорусской жизни, ставили массу дворянъ въ оппозицію Петру и его реформамъ. Кромѣ того, въ дворянской средѣ, примкнувшей къ оппозиціи, было, какъ и въ другихъ сословіяхъ, недовольство усиленными налогами, поставками рекрутъ, введеніемъ постоянной арміи, непрерывными войнами и иностранною политикою.

П. Миллюковъ въ слѣдующихъ, примѣрно, словахъ очерчиваетъ причины недовольства дворянъ:

Прежніе государи тоже дѣлали завоеванія,--высказывали недовольные дворяне,--но присоединяли лишь только земли, которыя были нужны государству или откуда насъ беспокоили разбойничьи набѣги. Присоединенія Петра ничего не прибавляютъ къ нашей безопасности, а могутъ только вовлечь насъ, безъ всякой пользы для Россіи, въ чуждые намъ взаимные счеты и споры иностранныхъ державъ. Прежнія завоеванія были намъ выгодны, а Петровскія требуютъ только заботъ и расходовъ. Не только дворянство не получило отъ нихъ никакихъ выгодъ и имѣній, а напротивъ: „лифляндцы у насъ чуть не на головахъ нашихъ пляшутъ, имѣютъ больше привилегій, чѣмъ мы сами: намъ остается только честь—защищать своею кровью и охранять на свой счетъ чужую націю.

Никакой даже самый жестокой непріятель, хотя бы онъ опустошилъ все государство, не могъ бы причинить намъ и *половины вреда, какой приноситъ постоянная армія*. Настоящая національная политика должна состоять въ томъ, чтобы сидѣть смирно, въ чужія дѣла не мѣшаться и ни на кого не нападать. Для обороны же достаточно и старой организаціи, а милліоны людей, которыхъ стоила шведская война и построеніе Петербурга, умнѣе было бы оставить дома за сохою, гдѣ недостатокъ ихъ тяжело чувствуется.

Еще нелѣпѣе въ такой странѣ, какъ Россія, стремиться играть роль морской державы. Для обороны страны флотъ не нуженъ. Не нуженъ флотъ и для торговыхъ цѣлей, ибо вся русская торговля совершается на чужихъ корабляхъ. Потраченныя на флотъ невѣроятныя суммы денегъ лучше было бы оставить въ карманѣ поданныхъ.

Перенесеніе резиденціи въ сѣверную столицу болѣе вредно, чѣмъ полезно. Судь, финансы, внутреннее управленіе, переполненные ворами и взяточниками, легче было бы контролировать изъ такого центрального пункта, какъ Москва. А для внѣшней политики выигрывается мало. Швеція стала черезчуръ близка къ Петербургу. При малѣйшей оплошности новая столица рискуетъ стать жертвой шведскаго

нападенія. Польша и Турція, за которыми важнѣе наблюдать, чѣмъ за Швеціею, ближе къ Москвѣ, чѣмъ къ Петербургу. Москва и Петербургъ одинаково удалены отъ Риги, составляющей дверь, черезъ которую проходитъ все, что идетъ изъ Европы. Торговля не можетъ извлечь выгоды изъ перенесенія столицы въ Петербургъ. Главный оборотъ торговли: громоздкое вывозное сырье. Въ Петербургѣ цѣны отъ пребыванія двора возвысились и ложатся накладными расходами и на это сырье.

Оппозиція требовала: „разоруженія и мирной политики“.

Когда русской знати указывали примѣры другихъ державъ, гдѣ военныя заслуги считаются величайшею честью, русская знать отвѣчала: это только доказываетъ, что на свѣтѣ больше дураковъ, чѣмъ умныхъ людей. Умный человекъ не станетъ подвергать опасности здоровье и жизнь—развѣ только изъ нужды, за жалованье. Даже такому дворянину, что самъ ходитъ за сохой,—все-таки лучше, чѣмъ солдату. Стоитъ ли бросать покой и удобства, чтобы добиваться какого-то чина. Еще служить, пока длится война, понимали, но служить все время, влѣзать въ долги, жить вдалекѣ отъ дома и отъ семьи, сдавать имѣніе арендатору—все это не выгодно и тяжело.

Отсюда создавались націоналистическія мечты о возвращеніи къ старому порядку. Тѣ же чувства лежали въ основѣ ненависти къ Петербургу. Въ Москвѣ все можно было имѣть даромъ или дешево: сѣно, овецъ, провизію. Въ Петербургѣ все надо было покупать или везти издалека, что было дорого. Итакъ, въ реформѣ Петра для русской знати было непріятно: разореніе хозяйства, подрывъ экономическаго благосостоянія.

Послѣ Петра дворяне очень скоро почувствовали свою корпоративную силу и поспѣшили воспользоваться ею, чтобы какъ можно скорѣе развязаться съ почетною повинностью военной службы и вернуться назадъ домой, къ себѣ въ деревню, и этотъ возвратъ былъ осуществленъ благодаря сословности, вопреки волѣ правительства ¹⁾

Въ этой характеристикѣ пропущено важное указаніе, что лучшіе изъ дворянъ, любившіе свою родину и гордившіеся своимъ русскимъ происхожденіемъ, признавали дѣятельность Петра I, гдѣ она была направлена къ приниженію всего русскаго, вредною для нашей родины и въ этомъ, конечно, были правы.

Причины недовольства реформами Петра со стороны духовенства сложны и серьезны.

Русское духовенство, какъ то было изложено въ предыдущихъ главахъ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ было твердо національнымъ и энергично помогало русскимъ великимъ князьямъ и царямъ въ исполненіи поставленныхъ ими русскому народу и воинству задачъ. Съ своей стороны верховная власть, дорожа тѣснымъ союзомъ съ цер-

¹⁾ П. Милоковъ, ч. III, стр. 182—186.

ковью, покровительствовала ей и помогала въ концѣ XVII столѣтія освободиться отъ зависимости Константинопольскому патріарху. Русская церковь, въ свою очередь, ставила царскую власть подъ охрану національной святыни.

Съ учрежденіемъ самостоятельнаго сана русскаго патріарха церковь получила главу, къ голосу котораго прислушивалось правительство.

Націонализация русской церкви, при существовавшемъ формализмѣ стариннаго русскаго благочестія, послужила поводомъ къ появленію раскола. Сторонники національной точки зрѣнія стали утверждать, что греки отступили отъ чистаго православія, а русскіе сохранили его нерушимо.

Исправленіе въ началѣ XVI столѣтія ученымъ Максимомъ Грекомъ церковныхъ книгъ послужило поводомъ къ сильной борьбѣ. Максимъ Грекъ былъ заключенъ представителями національнаго благочестія въ монастырь. Но со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона совершился переворотъ въ мнѣніяхъ. Никонъ круто вновь повернулъ къ греческимъ формамъ благочестія и рѣшилъ русскіе церковные обряды и чины привести въ полное соотвѣтствіе съ современными греческими. Никонъ переноситъ къ намъ много греческихъ новшествъ и даетъ всему греческому преимущество передъ вѣковою русскою стариною. На соборѣ 1656 года Никонъ заявляетъ: „Я хоть и русскій и сынъ русскаго, но вѣра моя и убѣжденія—греческія“¹⁾.

Съ 1645 года, съ согласія царя Алексѣя Михайловича, началось исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ. При исправленіи текста старыхъ церковныхъ книгъ Никонъ предпринялъ новый переводъ ихъ и сначала привелъ этимъ въ смущеніе ревнителей старины, а затѣмъ поставилъ ихъ въ ряды враговъ официальной церкви, представляемой Никономъ и поддерживаемой царемъ.

Противники никоновскихъ исправленій добились разсмотрѣнія ихъ сомнѣній на соборѣ 1656 года, но соборъ осудилъ противниковъ Никона, а на слѣдующій годъ эти противники были прокляты восточными патріархами. Русская церковь *раскололась*. Раскольники заявили, что Никонъ „истребилъ древнее отеческое благочестіе и утвердилъ инославное римское нечестіе“. Царь вмѣстѣ съ патріархомъ, по мнѣнію раскольниковъ, отступили отъ святой православной вѣры.

Особую страстность начавшейся борьбѣ придалъ Юрьевскій протопопъ Аввакумъ. Онъ пробовалъ обратить вновь въ старую вѣру и царя Алексѣя Михайловича; онъ предлагалъ ему „плюнуть на еллинновъ“. „Ты, вѣдь, Михайловичъ,—говорилъ Аввакумъ,—русакъ, а не

¹⁾ П. Милуковъ, ч. II, стр. 43.

грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ; не унижай его ни въ церкви, ни въ дому, ни въ простой рѣчи“ ¹⁾.

„Такъ, положе руку на сердце, готовое громко исповѣдывать свою вѣру среди Москвы, отдѣлялось русское народное благочестіе отъ благочестія господствующей церкви. Болѣзненный и обильный послѣдствіями разрывъ между интеллигенціей и народомъ, за который славянофилы упрекали Петра, совершился полвѣка раньше и совершился въ сферѣ гораздо болѣе деликатной, нежели та, которую непосредственно задѣвала Петровская реформа“ ²⁾.

Пристрастное отношеніе нашего официальнаго духовенства къ расколу находитъ подтвержденіе у нѣкоторыхъ нашихъ авторитетныхъ историковъ. При несомнѣнно многихъ темныхъ сторонахъ раскола представители его въ своей личной жизни были чище, трезвѣе, работоспособнѣе окружавшей ихъ массы русскаго населенія.

П. Милюковъ, подробно изслѣдуя постепенное развитіе раскола, приводитъ мнѣніе Костомарова, что какіе бы признаки заблужденія ни представлялись въ расколѣ, онъ все-таки соединялся съ побужденіями вырваться изъ мрака умственной неподвижности, съ стремленіемъ русскаго народа къ самообразованію. „Сравнительно съ небольшою группою просвѣщенныхъ представителей русской церкви,— пишетъ Милюковъ,—расколъ могъ быть явленіемъ отсталымъ; но онъ былъ большимъ шагомъ впередъ для религіознаго самосознанія совершенно индифферентной народной массы. Расколъ отстаивалъ только внѣшній обрядъ, но этотъ обрядъ онъ научилъ соблюдать, чего масса не дѣлала прежде. Мало того, обрядъ соблюдался во имя живого религіознаго чувства, къ которому масса тоже не была приучена прежде и которое выводило ее изъ вѣковаго религіознаго безразличія. Такимъ образомъ, при всей ограниченности кругозора своихъ вождей, расколъ *впервые будилъ* чувство и мысль еще болѣе ограниченной массы; и самая эта ограниченность дѣлала его наиболѣе доступной, на первыхъ порахъ, формой народной вѣры. Эта форма была очень примитивна; но еще примитивнѣе было то, что не попало въ районъ ея вліянія“ ³⁾.

Съ теченіемъ времени отпавшіе въ расколъ явились какъ бы охранителями русской старины и не только въ церковномъ, но и въ бытовомъ отношеніи. Поэтому реформы Петра для представителей раскола были продолженіемъ губительной для православной вѣры работы Никона и, какъ имъ казалось, направлялись къ совершенному поруганію всего русскаго и древне-православнаго. Для массы раскольниковъ Петръ и явился антихристомъ.

Въ началѣ XVII столѣтія церковь, при патріархѣ Филаретѣ, по-

¹⁾ П. Милюковъ, ч. II, стр. 44.

²⁾ Тамъ же, стр. 46.

³⁾ Тамъ же, стр. 149.

лучила главенствующее значеніе, даже во многихъ государственныхъ дѣлахъ. Многіе акты подписывались не только царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, но и его отцомъ-патріархомъ Филаретомъ.

Это увеличеніе власти церкви совпало съ пониженіемъ значенія царской власти. Не довольствуясь огромною духовною властью, церковь во время Филарета имѣла самостоятельныя имущественныя права надъ землями, крѣпостными и особыя права въ области суда, даже по уголовнымъ преступленіямъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ началъ борьбу съ духовенствомъ съ цѣлью ограниченія привилегій церкви въ области суда и хозяйства. Дальнѣйшій переходъ земель въ собственность духовенства былъ прекращенъ, а тяглыя земли, перешедшія къ духовнымъ лицамъ, были возвращены въ тягло. Судъ надъ духовенствомъ по гражданскимъ дѣламъ переданъ былъ въ руки правительственнаго учрежденія, вновь созданнаго монастырскаго приказа.

Благодаря настояніямъ Никона, при содѣйствіи вселенскихъ патріарховъ, государство сдѣлало, однако, въ 1667 году еще разъ уступку, передавъ снова въ руки духовенства судъ надъ духовными лицами. Но со вступленіемъ на престолъ Петра I борьба съ духовенствомъ была быстро приведена къ развязкѣ.

„Можно было ожидать, какъ отнесется къ старому устройству церкви государь, для котораго въ духовномъ чинѣ воплотилось все, что было въ Россіи враждебнаго его реформѣ. Вся политика Петра относительно церковнаго устройства сводится къ послѣдовательному проведенію этихъ идей: къ устраненію русскаго папы, „второго государя, самодержцу равносильнаго или и большаго“, какимъ легко могъ оказаться и дѣйствительно оказывался *патріархъ*, и къ подчиненію церкви „подъ державнаго монарха“¹⁾.

В. Ключевскій такъ опредѣляетъ реформу Петра I по отношенію къ духовенству: „Духовенство оставалось въ сторонѣ отъ государственнаго общества. Оно до Петра многообразными понятіями было связано съ гражданскимъ обществомъ. Духовенство судило мірянъ по многимъ и не церковнымъ дѣламъ; на службѣ у церковныхъ учрежденій состояло множество мірянъ: дворянъ, дѣтей боярскихъ, епископскихъ и монастырскихъ слугъ; наконецъ, въ рукахъ духовныхъ собственниковъ, церковныхъ учрежденій, сосредоточивалось огромное количество населенной крестьянской земли, которою церковь владѣла на вотчинныхъ правахъ. Въ концѣ царствованія Петра на церковныхъ земляхъ числилось до 150 тысячъ крестьянскихъ дворовъ, что, по счету Святѣйшаго Синода, въ 1722 году составляло пятую часть всего крестьянскаго населенія государства.

Петръ постепенно разорвалъ всѣ эти многообразныя нити, связывавшія духовенство съ мірскимъ обществомъ. Во 1-хъ, онъ огра-

¹⁾ Н. Милуковъ, ч. II, стр. 157.

ничилъ юрисдикцію духовенства чисто духовными дѣлами; во 2-хъ, всѣхъ мірянъ, служившихъ церкви—дворянъ, дѣтей боярскихъ, слугъ, онъ забралъ на государственную службу; наконецъ, въ 3-хъ, для управленія церковными землями и земельными доходами церкви онъ въ 1701 г. возстановилъ учрежденный его отцомъ и потомъ закрытый въ 1667 г. его старшимъ братомъ, царемъ Теодоромъ, монастырскій приказъ. Этотъ приказъ входилъ въ систему государственныхъ приказовъ, имѣя во главѣ своей назначеннаго царемъ боярина, и слѣдствіемъ передачи церковныхъ земель въ вѣдѣніе этого приказа была замаскированная секуляризація церковныхъ имуществъ. Послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ духовенство осталось при одной своей спеціальности и сословной задачѣ—руководить церковно-нравственною жизнью русскаго общества“¹⁾.

Вмѣсто всесильной власти патріарха Петръ учредилъ Святѣйшій Синодъ. Патріаршій престолъ былъ упраздненъ. Съ учрежденіемъ должности оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода явилось лицо, которое въ вопросѣ о церковныхъ имуществѣхъ отстаивало и интересы правительства. Гражданское лицо—Мусинъ-Пушкинъ былъ назначенъ управлять церковными имѣніями и онъ энергично принялся обрѣзывать доходы духовенства въ пользу казны. Тому же Мусину-Пушкину было приказано царемъ помогать Стефану Яворскому—„первому архіерею въ Россіи, блюстителю патріаршаго престола“ въ выборѣ архіереевъ. Царица тоже вмѣшивалась въ церковныя дѣла.

Въ результатъ положеніе духовенства при Петрѣ I стало приниженымъ и лучшая часть его перешла въ оппозицію. Высшее же духовенство стало угодливо служить интересамъ свѣтской власти²⁾.

Русское, въ особенности московское, купечество, служившее, вмѣстѣ съ духовенствомъ, долгое время хранителями русской старины, было потрясено ломкою этой старины. Никакія мѣры Петра по развитію торговли и промышленности не могли окупить у многихъ купцовъ потерю бороды, стараго русскаго кафтана и пр. Но и независимо приверженности купечества къ старинѣ, изъ новшествъ Петра особенно тяжелымъ для купечества явился быстрый наплывъ иноземцевъ, которые, даже еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, уже прочно осѣли въ Москвѣ и захватили въ свои руки часть московской торговли. Поэтому и значительная часть купечества тоже была недовольна.

Податныя сословія не получили облегченія отъ реформъ Петра. Постоянная нужда въ деньгахъ заставляла правительство Петра непрерывно изыскивать все новые налоги и поборы, не соображаясь

¹⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 239—240.

²⁾ П. Милюковъ, ч. III, стр. 144. Къ этому выводу П. Милюковъ прибавляетъ, что Петръ I изъ угодливости и готовности духовенства служить интересамъ свѣтской власти слѣзая широкое утробленіе.

съ платежными силами и средствами населенія. Крѣпостное право было расширено ¹⁾. Многія группы населенія, считавшіяся свободными, попали въ крѣпостные.

Усиленная дѣятельность Петра по оживленію береговъ Ингрін, постройка Петербурга, усилія создать изъ него не только военно-административный, но и торговый центръ, повели, по мнѣнію В. Ключевского, къ слѣдующему результату: „Народное хозяйство получило одностороннее, искусственное направленіе. Вслѣдъ за арміею, народный трудъ, если можно такъ выразиться, повернуть былъ фронтомъ къ сѣверо-западу. Вся экономическая работа страны направила къ новой столицѣ, здѣсь возникшей“ ²⁾.

Этотъ насильственный поворотъ народнаго труда, вмѣстѣ съ ломкою существовавшихъ понятій и вѣрованій и обремененіемъ тяжкими новыми налогами и нарядами на работы, особенно закрѣпощеніемъ свободныхъ до того группъ населенія, не могъ не вызвать недовольства въ массахъ реформами Петра. Благодѣтельныя для Россіи стороны дѣятельности Петра, вызвавшія ростъ Россіи и занятіе ею высокаго положенія среди другихъ державъ Европы, ускользали отъ пониманія этой темной массы населенія. Для нея оставались понятными лишь непрерывно все возраставшія требованія труда для оплаты этой дѣятельности.

Насколько тяжело ложились на населеніе новые, введенные Петромъ I, налоги, достаточно указать, что, напр., введенная послѣ первой ревизіи подушная подать, по 74 коп. съ ревизской души въ годъ, при существовавшей въ ту эпоху цѣнности денегъ, составляла на душу свыше 3 р. 50 коп., а на дворъ отъ 7 руб. до 10 руб. 50 копѣекъ. Чтобы добыть такую сумму денегъ, надо было приложить огромный трудъ, и такой трудъ очевидно и былъ приложенъ, ибо, по изслѣдованію В. Ключевского, при Петрѣ размѣръ запасекъ населенія значительно расширился и дошелъ до 10 десятинъ на дворъ. Сопоставляя эту данную съ свидѣтельствомъ современника Посошкова о лѣнн населенія, можно придти къ заключенію, что наблюденія Посошкова были односторонни и пристрастны.

Ягужинскій, настанывая, послѣ смерти Петра, передъ Екатериною I на необходимости облегчить податное бремя населенія, указывалъ, что это бремя въ особенности тяжело отъ слѣдующихъ причинъ: 1) бѣглые, умершіе и взятые въ солдаты въ 1719 году не выключены изъ списковъ; 2) престарѣлые, увѣчные и младенцы числятся въ спискахъ и за нихъ платятъ здоровые работники. Въ особенности тяжело было платить за бѣглыхъ ³⁾.

Независимо тяжелыхъ сборовъ въ казну, населеніе и при

¹⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 234.

²⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 286.

³⁾ Соловьевъ, т. XVIII, стр. 877.

Петръ I не получило должной охраны ни отъ своихъ помѣщиковъ ни отъ правителей и судей. Выше было указано, что правящія лица въ разныхъ званіяхъ и должностяхъ, кромѣ все возрастающихъ податей, облагали населеніе различными поборами въ свою пользу и притѣсняли его также несправедливымъ судомъ. Населеніе на реформы Петра отвѣчало ропотомъ, побѣгами, а потомъ и бунтами. Видимыми поводами къ бунтамъ служили для массъ—брадобритіе, табакъ, новое платье, новыя духовныя книги.

Служилое военное сословіе прежняго типа, особенно стрѣльцовъ, возстановляли противъ Петра не только вводимыя имъ новшества, но и потеря разныхъ матеріальныхъ привилегій. Особенно тяжело было стрѣльцамъ съ сформированіемъ новаго войска отказаться отъ того вліятельнаго положенія, которое они заняли въ Москвѣ въ дѣтскіе годы Петра.

Такимъ образомъ, Петръ I не находилъ опоры въ своей дѣятельности ни въ дворянствѣ, призывавшемся крутыми мѣрами къ поголовной службѣ, ни въ купечествѣ, отстаивавшемъ старину и тѣснимомъ иноземцами, ни въ духовенствѣ, многіе члены котораго, вмѣстѣ съ темнымъ народомъ, начали видѣть въ преобразованіяхъ Петра I гибель Россіи, а въ немъ самомъ антихриста.

Недовольство реформами Петра вызывало глухое броженіе даже въ ближайшихъ къ государю кругахъ во всѣхъ сословіяхъ. Это броженіе на южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ разразилось рядомъ кровавыхъ бунтовъ, грозившихъ при успѣхѣ отложеніемъ отъ Петровской Руси обширныхъ областей. Уже послѣ второго Азовскаго похода, оставленный въ Азовѣ и Таганрогѣ гарнизонъ изъ стрѣльцовъ, во главѣ съ Цыклеромъ, бунтуетъ и задается цѣлью, соединившись съ казаками, идти къ Москвѣ, чтобы „нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло, бояръ побить, государя въ Москву не пустить и убить за то, что началъ вѣровать въ нѣмцевъ“.

Въ періодъ напряженной борьбы Петра I съ Карломъ XII, съ 1705 по 1709 годъ, Петру пришлось усмирить три бунта.

Въ 1705 году, когда царь былъ съ войскомъ на западѣ, вспыхнуло возстаніе за старину въ Астрахани. Въ разсылавшихся приглашеніяхъ къ бунту указывалось, что надо постоять за Христову вѣру и бороться противъ брадобритія, табака, нѣмецкаго платья. Астраханскій воевода Некрасовъ былъ убитъ, и Астрахань перешла въ руки бунтовщиковъ. Характеренъ и слѣдующій эпизодъ, рисующій нерасположеніе *народа* къ нѣмцамъ. Въ Астрахань пришелъ слухъ, что изъ Казани пришлютъ въ Астрахань нѣмцевъ и будутъ выдавать за нихъ русскихъ дѣвушекъ. Чтобы избѣжать этого, въ слѣдующее за появленіемъ этого слуха воскресенье въ Астрахани сыграно было до ста свадебъ.

Петръ двинулъ на Астрахань Шереметева „съ царскимъ вой-

скомъ и судами изъ Казани". Бунтари оказали сопротивленіе, и Астрахань пришлось брать силою. Шереметевъ потерялъ при этомъ 20 человекъ убитыми и 53 ранеными ¹⁾.

Въ томъ же 1705 году возникли волненія между башкирами, перешедшія въ 1707 году въ открытый мятежъ. Раньше другихъ по религіознымъ побужденіямъ возстала часть мусульманскаго населенія сѣвернаго Кавказа. Терскій воевода, послѣ сопротивленія, былъ осажденъ въ Терской крѣпости. Апраксинъ разбилъ бунтовщиковъ и выручилъ гарнизонъ. Въ башкирскихъ земляхъ у возставшихъ появился глава, назвавшійся ханомъ. Посланный въ ноябрѣ 1707 года изъ Уфы Хорловъ съ отрядомъ въ 900 чел. потерпѣлъ неудачу и едва отступилъ съ 500 солдатами. Русскія деревни и села запылали. Часть казанскихъ татаръ примкнула къ возставшимъ. О размѣрѣ возстанія можно судить по тому, что только въ Уфимскомъ и Казанскомъ уѣздахъ было сожжено и разорено 303 русскихъ села и деревни, при чемъ погибло и уведено въ плѣнъ 12,000 человекъ ²⁾.

Петръ I, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ Карломъ, поручилъ Хованскому пытаться усмирить башкиръ и татаръ мирными средствами, обѣщая прощеніе раскаявшимся. Все же Хованскому пришлось двинуть для поддержанія его требованій нѣсколько солдатскихъ полковъ. Помогли усмирению калмыки, которые остались вѣрны и, съ Бахметевымъ во главѣ, разгромили во многихъ мѣстахъ бунтовщиковъ. Главные главари были казнены и бунтъ затихъ.

Но какъ только былъ усмиренъ башкирскій бунтъ, вспыхнулъ еще болѣе опасный мятежъ на Дону. Булавинъ явился вторымъ Разинымъ и сталъ во главѣ возставшихъ.

Причинъ недовольства у казаковъ было много. Петръ началъ принимать мѣры, чтобы ограничить ихъ вольности. Безъ ихъ согласія часть казаковъ погнали заселять окрестности Азова. Нѣкоторые изъ казачьихъ поселеній требовали снести, какъ построенныя на казенныхъ земляхъ. Но главною причиною недовольства было нарушеніе кореннаго права казаковъ—давать убѣжище каждому бѣглецу изъ русскихъ мѣстностей, безъ отдачи его русскимъ властямъ. Каждый бѣжавшій становился свободнымъ казакомъ.

Вслѣдствіе причинъ, изложенныхъ выше, положеніе сельскаго населенія на Руси на столько сдѣлалось тягостнымъ, что число бѣглецовъ въ степь на Донъ стало увеличиваться въ тревожной степени. Помѣщики, отвѣчавшіе за бѣглецовъ, ибо бѣглецы не освобождались отъ обложенія податью и зачитывались наличными при опредѣленіи числа подлежащихъ рекрутской повинности,—жаловались Петру и указывали, что если противъ бѣжавшихъ не будутъ

¹⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 1390.

²⁾ Тамъ же, стр. 1449.

приняты мѣры, они, помѣщики, окажутся не въ силахъ уплачивать слѣдующія съ нихъ подати и повинности. Тогда Петръ рядомъ указовъ сталъ требовать у казаковъ выдачи бѣглецовъ. Требованіе это выполнялось неохотно, медленно. Въ особенности Петру надо было заставить вернуть многихъ солдатъ и драгунъ изъ арміи кн. Шереметева.

Для поддержанія своихъ требованій Петръ въ 1707 году отправилъ на Донъ съ отрядомъ войскъ полковника кн. Долгорукова для отысканія всѣхъ бѣглецовъ и возвращенія ихъ въ мѣста жительства. Бахмутскій атаманъ Булавинъ, рѣшившись сопротивляться приказу государя, собралъ шайку, тайно напалъ на отрядъ Долгорукова и весь его уничтожилъ, вмѣстѣ съ самимъ Долгоруковымъ. Хотя Булавинъ и былъ позже разбитъ вѣрными казаками, но успѣлъ укрыться въ Запорожскую Сѣчь, а оттуда снова пробрался на Донъ, гдѣ и поднялъ въ 1708 году большое возстаніе.

Въ грамотахъ, рассылавшихся имъ, предлагалось стоять за истинную вѣру христіанскую и благочестиваго царя, „а которымъ худымъ людемъ, и княземъ, и бояромъ, и прибыльщикомъ, и пѣмцомъ, за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не спущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвортили своими знаменьями и чудеса прелестными“¹⁾.

Въ апрѣлѣ 1708 года Булавинъ снова разбиваетъ царское войско и отбираетъ 8,000 руб. денегъ, присланныхъ войску въ жалованье. Волненіе все разросталось. Даже въ Тамбовѣ стали ожидать Булавина, у котораго считалось 17,000 войска.

Тогда Петръ назначаетъ для усмиренія отрядъ войскъ въ 7,000 чел. и ввѣряетъ его маіору Долгорукову, брату убитаго ранѣе. Всего болѣе Петръ опасался, что Азовъ и Черкасскъ попадутъ въ руки бунтовщиковъ. Ранѣе, чѣмъ проявилась дѣятельность Долгорукова, Булавинъ одержалъ еще большой успѣхъ: 28 апр. онъ съ 15,000 войска осадилъ Черкасскъ, послѣ двухъ дней сопротивленія казаки сдали городъ и выдали атамана Максимова, ранѣе разбившаго Булавина.

Но это былъ послѣдній успѣхъ Булавина. Онъ раздѣлилъ свои силы, послалъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ, а самъ остался въ Черкасскѣ. Наступавшіе русскіе отряды начали всюду разбивать шайки возставшихъ. Бригадиръ Шидловскій разбилъ 6,500 казаковъ послѣ пяти-часоваго боя. Попытка 5,000 казаковъ взять Азовъ тоже не удалась. Съ большими потерями бунтовщики отступили въ Черкасскъ, гдѣ съ оружіемъ въ рукахъ потребовали Булавина къ отвѣту за посылку ихъ къ Азову. Увидѣвъ нѣсколько человекъ изъ нападавшихъ на него, Булавинъ застрѣлился.

26 іюля Черкасскъ сдался безъ боя Долгорукову. Всѣ виновные

¹⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 1454.

просили пощады. Но на этотъ разъ пощады дано не было. Петръ I самъ опредѣлилъ, по какимъ рѣкамъ и рѣчкамъ слѣдовало разорить „городки“, а виновныхъ вѣшать. Въ общемъ Петръ приказалъ щадить городки по р. Дону и уничтожать верховые городки по донскимъ притокамъ, ибо именно въ нихъ и ютилась пришлая голытьба, наиболѣе причастная къ бунту.

Въ Черкасскѣ со смертью Булавина мятежъ затихъ, но казаки съ верховыхъ городковъ перекинулись на Волгу; съ ними соединились бѣглые стрѣльцы и солдаты. Шайки выростали до 3,000 чело-вѣкъ. Овладевъ съ боя городомъ Дмитріевскимъ, бунтовщики подступили къ Царицыну и осадили его. Нѣсколько штурмовъ было отбито. Посланный въ подкрѣпленіе гарнизону полкъ изъ Астрахани былъ вынужденъ къ отступленію. Послѣ этого успѣха Царицынъ былъ взятъ штурмомъ. Тогда Апраксинъ выслалъ изъ Астрахани сильный отрядъ, взялъ обратно Царицынъ и сурово расправился съ виновными.

Съ другой стороны, Хованскій отъ Казани шелъ по Волгѣ къ Камышину и затѣмъ свернулъ къ притокамъ Дона, отыскивая мятежниковъ въ ихъ жилищахъ. Перекопскій городокъ былъ взятъ, возставшіе казаки всѣ побиты. На Дону скопище въ 4,000 чел. оказало сильное сопротивленіе и было почти все истреблено.

Долгоруковъ въ то же время истреблялъ воровъ, двигаясь изъ Черкаска вверхъ по Дону. Приступъ на Есауловъ городокъ, гдѣ заперлось 3,000 казаковъ, не удался, но затѣмъ бунтовщики сами сдались.

Значительный успѣхъ также имѣлъ бунтовщикъ атаманъ Голый. Ниже Донецкой станицы онъ внезапно напалъ на солдатскій полкъ, прикрывавшій провіантъ, сплавлявшійся къ Азову. Безъ сопротивленія всѣ чины полка достались въ руки разбойниковъ. Всѣ офицеры были утоплены, а нижніе чины насильственно зачислены въ шайку. Долгоруковъ достигъ скопище Голаго въ 7,500 чело-вѣкъ близъ Дона у Рѣшетовой станицы. Послѣ упорнаго боя на мѣстѣ было положено до 3,000 труповъ. Бѣжавшіе значительною частью потонули или были пристрѣлены въ камышахъ ¹⁾.

Въ періодъ усмиренія бунта по Дону долгое время плыли безмолвные плоты съ многочисленными висѣлицами и съ качающимися на нихъ трупами.

Петра I настолько безпокоили дѣла на Дону, что онъ самъ собирался туда ѣхать. Благодаря участію регулярныхъ войскъ, бунтъ былъ усмиренъ быстро, ибо малочисленныя регулярныя войска разбивали во много разъ превосходныя силы возставшихъ. Это былъ второй бунтъ казачества. Первый—Стеньки Разина—принялъ гораздо

¹⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 1472.

болѣ значительные размѣры и потребовалъ направленія для подавленія его весьма значительныхъ силъ войскъ московскаго строя.

Сформированная Петромъ I армія дала ему возможность выйти побѣдителемъ изъ борьбы внѣшней. Та же армія помогла ему выйти побѣдителемъ и изъ борьбы внутренней.

Усмиреніе бунта Булавинскаго совпало съ годомъ, предшествовавшимъ побѣдѣ подъ Полтавою. Отсюда видно, какія тяжкія минуты долженъ былъ переживать Петръ I, готовившійся къ рѣшительной борьбѣ съ Карломъ и обязанный расходовать съ такимъ трудомъ сформированныя войска для усмиренія возставшаго русскаго же населенія. Можно также утверждать, что, затынись Булавинскій бунтъ, онъ перекинулся бы не только на Волгу, но и на Днѣпръ, и даль бы опору возставшимъ съ Мазепою казакамъ.

Въ 1724 году, спасая утопавшихъ близъ Лахты солдатъ, Петръ I сильно простудился, что, въ связи съ другими разстройствами организма, быстро повело къ роковой развязкѣ: 28 января 1725 года великій государь и человекъ Петръ умеръ, достигнувъ всего 53 лѣтняго возраста. Долгое время послѣ его смерти въ Россіи, въ правящихъ сферахъ, относились къ дѣятельности преобразователя „благоговѣнно и религіозно“ ¹⁾. Со второй половины XVIII столѣтія, въ вѣкъ Екатерины, уже начали укорять Петра, что онъ „и для своего времени дѣйствовалъ неправильно, незаконно, измѣнялъ старое лучшее на новое худшее“. Тогда же говорили, что „Петръ Великій сотворилъ тѣло, Екатерина II влагаетъ въ него душу“ ²⁾. Въ XIX вѣкѣ явилось еще болѣе порицателей дѣятельности Петра I. Даже Карамзинъ въ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ даетъ дѣятельности на пользу Россіи Ивана III предпочтеніе передъ дѣятельностью Петра Великаго.

Послѣ побѣды надъ полчищами Наполеона, въ народахъ Европы въ томъ числѣ и въ Россіи, пробудилось съ особою силою національное чувство. Получилъ при этомъ сильное развитіе и протестъ противъ дѣятельности Петра I.

У историка Соловьева значитса, что, по мнѣнію славянофиловъ, „Петръ явился страшнымъ деспотомъ, который, руководясь своимъ произволомъ, своимъ личнымъ взглядомъ, заставилъ насильно часть своего народа, высшіе слои общества, перемѣнить древніе прадѣдовскіе нравы и обычаи на новые, чуждые, тогда какъ низшіе слои народонаселенія сослужили передъ отечествомъ великую, святую службу, оставшись вѣрны старинѣ: такимъ образомъ, произошло раздвоеніе между высшими и низшими слоями народонаселенія, что и составляетъ главное зло Русской земли, начиная съ царствованія Петра ³⁾.

¹⁾ Соловьевъ, т. XVIII, стр. 849

²⁾ Тамъ же, стр. 849.

³⁾ Тамъ же, стр. 850.

Борясь противъ увлеченій критики, нашъ авторитетный историкъ С. Соловьевъ очерчиваетъ въ слѣдующихъ словахъ заслуги Петра передъ нашею родиною:

„Русскіе люди воспитывались въ суровой школѣ преобразованія. Страшные труды и лишенія не пропали даромъ. Начертана была обширная программа на много и много лѣтъ впередъ, начертана была не на бумагѣ: она начертана была на землѣ, которая должна была открыть свои богатства предъ русскимъ человѣкомъ, получившимъ, посредствомъ науки, полное право владѣть ею; на морѣ, гдѣ явился русскій флотъ, на рѣкахъ, соединенныхъ каналами; начертана была въ государствѣ новыми учрежденіями и постановленіями; начертана была въ народѣ посредствомъ образованія, расширенія его умственной сферы, богатыхъ запасовъ умственной пищи, которую доставилъ ему открытый Западъ и новый міръ, созданный внутри самой Россіи. Большая часть сдѣланнаго была только въ началѣ, иное—въ грубыхъ очеркахъ, для многого приготовлены были только матеріалы, сдѣланы были только указанія; поэтому мы и называли дѣятельность преобразовательной эпохи программю, которую Россія выполняетъ до сихъ поръ и будетъ выполнять, уклоненіе отъ которой сопровождалось всегда печальными послѣдствіями“—и далѣе: „Историкъ не позволитъ себѣ утверждать, что не было никакого вреда въ этой всесторонности преобразованія: вредъ былъ необходимъ, вслѣдствіе неприготовленности средствъ къ всестороннему преобразованію, неприготовленности какъ въ руководимыхъ, такъ и въ руководителяхъ, начиная съ главнаго руководителя, самого Петра, въ которомъ, при всемъ уваженіи къ его генію, мы должны видѣть человѣка, существо, ограниченное въ своихъ средствахъ. Но мы должны признать, что Россіи въ описываемое время посланъ былъ человѣкъ, способный изъ двухъ золъ выбрать гораздо меньшее именно преобразование всестороннее и дѣятельное, которое не поставило русскаго человѣка только въ положеніе ученика относительно западной Европы, но въ то же время поставило его и въ положеніе взрослого, сильнаго дѣятеля въ общей политической жизни, и этимъ обезпечило ему самостоятельное внутреннее развитіе, ибо внѣшняя безопасность, важное политическое значеніе, широкая историческая сцена дѣйствія составляютъ для народа необходимыя условія его внутренняго развитія“...

„Никогда ни одинъ народъ не совершилъ такого подвига, какой былъ совершенъ русскимъ народомъ въ первую четверть XVIII вѣка. На исторической сценѣ явился народъ малозвѣстный, бѣдный, слабый, не принимавшій участія въ общей европейской жизни, немощными усиліями, страшными жертвованіями опъ далъ законность своимъ требованіямъ, явился народомъ могущественнымъ, но безъ завоевательныхъ стремленій, успокоившійся, какъ только приобрѣтено было необходимое для его внутренней жизни. Человѣка,

руководившаго народомъ въ этомъ подвигѣ, мы имѣемъ полное право назвать величайшимъ историческимъ дѣятелемъ, ибо никто не можетъ имѣть большаго значенія въ исторіи цивилизаціи. Петръ не былъ вовсе славолубцемъ-завоевателемъ, и въ этомъ явился полнымъ представителемъ своего народа, не завоевательнаго по природѣ племени и по условіямъ своей исторической жизни. Геній Петра высказывался въ ясномъ уразумѣннн положенія своего народа и своего собственнаго, какъ вождя этого народа: онъ созналъ, что его обязанность вывести слабый, бѣдный, почти неизвѣстный народъ изъ этого печальнаго положенія посредствомъ цивилизаціи. Трудность дѣла представилась ему во всей полнотѣ по возвращеніи изъ-за границы, когда онъ могъ сравнить видѣнное на Западѣ съ тѣмъ, что онъ нашелъ въ Россіи, которая встрѣтила его стрѣлецкимъ бунтомъ. Онъ испыталъ страшное искушеніе, сомнѣнія, но вышелъ изъ него, вполне увѣровавши въ нравственныя силы своего народа, и не замедлилъ призвать его къ великому подвигу, къ пожертвованіямъ и лишениямъ всякаго рода, показывая самъ примѣръ во всемъ этомъ. Ясно сознавши, что русскій народъ долженъ пройти трудную школу, Петръ не усумнился подвергнуть его страдательному, унижительному положенію ученика, но, въ то же время, онъ успѣлъ уравновѣсить невыгоды этого положенія славою и величіемъ, ... успѣлъ создать политическое значеніе Россіи и средства для его поддержанія“¹⁾.

Наконецъ, С. Соловьевъ отмѣчаетъ, что Петръ I стремился, какъ только представлялась возможность, замѣнять иностранцевъ русскими и особенно заботился о томъ, чтобы двигать впередъ способныхъ людей. Онъ далъ своимъ приближеннымъ почувствовать, „что ничѣмъ нельзя угодить ему такъ, какъ присканіемъ способныхъ людей.— и началась дѣйствительная гонѣба за способностями“²⁾.

Наконецъ, въ заключеніе исторіи царствованія Петра I нашъ историкъ въ слѣдующихъ высоко поучительныхъ строкахъ очерчиваетъ личность Петра Великаго: „Необыкновенное величіе, соединенное съ сознаніемъ ничтожества всѣхъ умовъ человѣческихъ, строгое требованіе исполненія обязанностей, строгое требованіе правды, умѣнье выслушивать возраженія самая рѣзкія; чрезвычайная простота, общительность, благодущіе: все это сильно привязывало къ Петру лучшихъ людей, имѣвшихъ случай сблизаться съ нимъ“³⁾.

Выше было приведено заключеніе о дѣятельности Петра I В. Ключевского, признавашаго, что ему не извѣстенъ другой государь, который былъ бы въ такой степени руководителемъ своего народа.

¹⁾ С. Соловьевъ, т. XVIII, стр. 855—857.

²⁾ Тамъ же, стр. 858.

³⁾ Тамъ же, стр. 860.

такъ хорошо чувствовалъ и понималъ его насущныя потребности и такъ много сдѣлалъ для ихъ удовлетворенія.

Нѣкоторые изъ критиковъ дѣятельности Петра I смѣшиваютъ дѣянія его по сближенію Россіи съ Западомъ съ нѣкоторыми дѣйствительно печальными послѣдствіями для Руси начинаній Петра въ настоящее время. При этомъ упускается изъ виду, что мы, русскіе, имѣли около двухъ столѣтій послѣ Петра, чтобы постепенно замѣнять во всѣхъ видахъ дѣятельности иностранныхъ и иноземныхъ мастеровъ русскими. Не вина Петра въ томъ, что иностранные и иноземные мастера разныхъ дѣлъ, въ томъ числѣ и „иностранныхъ дѣлъ“, получили до царствованія Александра III преобладающее на Руси значеніе сравнительно съ русскими. Эти мастера въ разныхъ сферахъ дѣятельности и добились, казалось бы, невѣроятнаго результата: признанія многихъ близкихъ русскому сердцу начинаній негодными для Россіи только потому, что они русскія, и пригодными для Россіи другихъ, чуждыхъ и вредныхъ, начинаній только потому, что они иностранныя.

Но если существуютъ сомнѣнія относительно полезности многихъ начинаній Петра I по сближенію Россіи съ Западомъ и увеличенію для сего ея роста въ научномъ и промышленномъ отношеніяхъ, то относительно роли Петра, какъ преобразователя русской арміи и вождя ея на войнѣ, сомнѣній нѣтъ. Для русской арміи Петръ I былъ и есть великій устроитель арміи и великій полководецъ ея.

Петръ I многіе вопросы организаціи арміи, обученія и дѣйствій ея рѣшалъ вполнѣ самостоятельно, безъ заимствованія изъ иноземныхъ образцовъ.

Поставя цѣлью своихъ дѣйствій побѣду надъ шведами и выходъ къ Балтійскому морю, онъ съ желѣзною настойчивостью, въ теченіе 21 года, добивался достиженія поставленной цѣли, постепенно усиливая и закаляя армію. Между пораженіемъ подъ Нарвою и побѣдою подъ Полтавою потребовалось 9 лѣтъ тяжелыхъ усилій и борьбы. Въ битвѣ подъ Полтавою Петръ I явился во всемъ величїи своего военнаго таланта, энергїи и самоотверженности и, поставивъ эту побѣдою Россію въ число первостепенныхъ державъ Европы, выполнивъ одну изъ великихъ задачъ Россіи—задачу по выходу къ Балтійскому морю,—онъ въ то же время поставилъ и себя въ число русскихъ великихъ полководцевъ.

ГЛАВА X.

Задача русской арміи по выходу къ Балтійскому морю (продолженіе).

Петръ Великій.—Сформированіе постоянной арміи.—*Война со Швеціею съ 1700 по 1721 годъ.*—Состояніе шведской арміи.—Общее политическое положеніе въ Европѣ.—Военныя дѣйствія въ 1700 году: пораженіе подъ Нарвою.—Военныя дѣйствія въ 1701—1703 годахъ: первый побѣды русскихъ войскъ у Эрестфера и Гуммельсгофа; завоеваніе Ингерманландіи; взятіе штурмомъ Шлиссельбурга; выходъ къ морю у устья Невы; заложеніе Петербурга.—Военныя дѣйствія въ 1704 году: овладѣніе Дерптомъ и Нарвою.—Военныя дѣйствія въ 1705—1707 годахъ: блокада русской арміи въ Гроднѣ; отступленіе ея на Волынь.—Военныя дѣйствія въ 1708 году: пораженіе русскихъ войскъ у с. Головчино; побѣда при д. Лѣной.—Военныя дѣйствія въ 1709 году: Полтавское сраженіе и уничтоженіе шведской арміи.—Военныя дѣйствія съ 1710 по 1721 годъ: а) въ Лифляндіи—осада и взятіе Риги, взятіе Динамюнде и Ревеля; б) въ Финляндіи—осада и взятіе Выборга, взятіе Кекегольма, занятіе столицы Або, побѣда при Тамерсфорсѣ, разбитіе шведскаго флота у м. Гангута.—Мирныя переговоры и заключеніе Ништадтскаго мира 1721 года.—Значеніе Сѣверной войны. (*Картогр. прил. № 9 и № 10.*)

Петръ Великій родился въ 1672 году. Онъ былъ четырнадцатое дитя царя Алексѣя Михайловича и первый ребенокъ отъ второй жены его—Наталіи Нарышкиной.

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей жизни, еще въ дѣтской, онъ былъ окруженъ иноземными предметами. Любимыми его игрушками было оружіе: модели московской артиллеріи, деревянные пищали и пр. На четвертомъ году жизни Петръ лишился отца. Первый наставникъ Петра—Соковнинъ, человекъ старо-русскихъ понятій; первый учитель—подъячій Зотовъ, человекъ мало образованный.

Уже въ десять лѣтъ первоначальное образованіе Петра закончилось.

Въ 1682 году умеръ царь Θεодоръ. Патріархъ и бояре провозгласили царемъ 10-лѣтняго Петра, помимо старшаго его брата—Ивана. Честолюбивая царевна Софья, опираясь на мятежныхъ стрѣльцовъ, добилась установленія двоевластія и назначенія себя правительницею государства.

Петръ, стоя на Красномъ крыльцѣ подлѣ своей матери, ви-

дѣлъ, какъ стрѣльцы убивали его приверженцевъ. Историки указываютъ, что въ эти минуты Петръ вызвалъ удивленіе твердостью, какую сохранилъ при этихъ сценахъ; но онѣ запечатлѣлись у него въ памяти на всю жизнь ¹⁾. Партія Софьи взяла верхъ, и Петръ съ своею матерью были вытѣснены въ с. Преображенское, гдѣ Петръ, пользуясь большою свободою и первое время никѣмъ не руководимый, самостоятельно развивалъ свои природныя склонности.

Имѣя всего 14 лѣтъ, Петръ уже былъ окруженъ толпою вооруженныхъ слугъ, преимущественно придворныхъ лакеевъ и конюховъ. Они и послужили для сформированія *потѣшныхъ*. Съ 1688 года кромѣ конюховъ и лакеевъ въ потѣшныя начала поступать и именитая молодежь. Такъ, въ барабанную науку за малолѣтствомъ поступили и Бутурлинъ, и князь И. Голицынъ, будущій фельдмаршалъ; былъ среди нихъ и сынъ конюха Меньшиковъ.

Въ томъ же году въ потѣшныя начинаютъ поступать солдаты Бутырскаго полка Гордона, опытные въ боевомъ отношеніи. Наконецъ, въ этомъ же году Петръ посѣтилъ въ нѣмецкой слободкѣ генерала Гордона, наиболѣе опытнаго и надежнаго изъ иностранныхъ инструкторовъ, доблестно командовавшаго солдатскимъ Бутырскимъ полкомъ въ Чигиринѣ во время осады этого пункта турками ²⁾.

Очень рано посѣщеніе нѣмецкой слободы стало потребностью для Петра. Уже 12 лѣтъ, въ 1684 году, иноземный мастеръ Зоммеръ показывалъ ему „гранатную стрѣльбу“.

До 16 лѣтъ, окруженный конюхами и придворными лакеями, Петръ создавалъ себѣ обстановку занятій безъ плана и руководства. Съ 16 лѣтъ онъ принялся учиться вторично арифметикѣ, геометріи, артиллеріи и фортификаціи, подъ руководствомъ голландца изъ нѣмецкой слободы Тиммермана. Писалъ по русски Петръ до конца жизни съ массою ошибокъ.

Обученіе Петра мастерами изъ слободки шло болѣе показомъ, чѣмъ рассказомъ. Историкъ Ключевскій пишетъ: „Прежде, при Зотовѣ, была занята преимущественно память; теперь, при Тиммерманѣ, заняты были еще глаза, сноровка, сообразительность. Чувство, сердце оставались праздными по-прежнему...“

Военныя игры и беспорядочное изученіе математическихъ и военныхъ наукъ продолжались до 24 года жизни Петра, сопровождаемая частыми попойками и постоянной бѣготней по подмосковнымъ дворцовымъ селамъ, поѣздками въ Переяславль и въ Архангельскъ. Игры постепенно, вмѣстѣ съ лѣтами Петра, теряли характеръ дѣтскихъ забавъ и становились серьезными дѣлами; это потому, что и въ дѣтствѣ онѣ были похожи на серьезные дѣла, о которыхъ

¹⁾ Ключевскій, „Лекціи по русской исторіи“, ч. II, стр. 159.

²⁾ Ген.-лейт. Бобровскій, „Царь Петръ Алексѣевичъ. Военная школа четырехъ первыхъ регулярныхъ полковъ въ Россіи [1690—1699 г.]“, изд. 1892 г., стр. 5.

думали старшіе современники Петра. Азовскіе походы 1695—1696 гг. впервые сообщили этимъ играмъ серьезный характеръ; они же оправдали ихъ, показавъ практическую пользу, какая изъ нихъ можетъ выйти. Азовъ былъ взятъ устроенною въ Преображенскомъ артиллеріею и построенными въ Воронежѣ судами.

Въ 1697 году, имѣя 25 лѣтъ отъ роду, Петръ, наконецъ, увидалъ западную Европу, о которой такъ много толковали ему его друзья и товарищи изъ нѣмецкой слободы. Онъ ѣхалъ на Западъ, чтобы самому увидѣть чудеса той военной и промышленной техники, съ которою онъ знакомъ былъ по ея плохимъ представителямъ, мастерамъ изъ нѣмецкой слободы. Ему хотѣлось за-границею довершить пріобрѣтенныя дома познанія. Вотъ почему, какъ только онъ попалъ за-границу, онъ принялся доучиваться военному искусству и другимъ ремесламъ¹⁾.

Тотъ же историкъ далѣе пишетъ, что за-границею „у Петра не было ни охоты, ни досуга всматриваться въ политическій и общественный порядокъ западной Европы, въ отношенія и понятія людей западнаго міра. Попавъ въ западную Европу, онъ прежде всего забѣжалъ въ мастерскую ея цивилизаціи и не хотѣлъ идти никуда далѣе“.

Какъ указано выше, Москва съ ея стрѣлецкими бунтами произвела на Петра, еще 10-лѣтняго ребенка, глубокое впечатлѣніе. Вернувшись изъ за-границы 26-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, онъ снова столкнулся съ кознями сестры своей Софьи и съ бунтомъ стрѣльцовъ. Съ страшною жестокостію бунтъ былъ подавленъ. Во время стрѣлецкаго „розыска“ Петръ лично рубилъ головы стрѣльцамъ²⁾.

Черезъ два года по возвращеніи изъ за-границы возникла Сѣверная война. У Петра I началась торопливая, лихорадочная дѣятельность, не прерывавшаяся почти до его смерти.

„Сѣверная война, съ пораженіями въ первое время и съ побѣдами потомъ, окончательно опредѣлила образъ жизни Петра, сообщила направленіе его преобразовательной дѣятельности. Онъ долженъ былъ жить изо-дня въ день, поспѣвать за быстро несшимися событіями, спѣшить на встрѣчу возникавшимъ каждый день новымъ государственнымъ нуждамъ и опасностямъ, не имѣя досуга перевести духъ, одуматься, обсудить напередъ планъ дѣйствій“³⁾.

Относительно роли Петра Великаго, какъ вождя русскихъ войскъ, побѣдившихъ лучшія войска той эпохи—шведовъ съ ихъ героемъ Карломъ XII, историкъ Ключевскій высказываетъ слѣдующее заключеніе:

„Петръ рѣдко становился во главѣ своихъ полковъ, чтобы во-

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1192.

²⁾ Ключевскій, ч. II, стр. 168.

дить ихъ въ огонь, подобно тому, какъ это дѣлалъ его противникъ, Карлъ XII. Предоставляя дѣйствовать во фронтѣ своимъ генераламъ и адмираламъ, Петръ взялъ на себя менѣе видную, техническую часть войны: онъ оставался позади, устраивалъ тылъ арміи, набиралъ рекрутовъ, готовилъ запасы, составлялъ планы военныхъ движеній, строилъ корабли, фабрики и военные заводы, заготовлялъ амуницію, провіантъ, военные снаряды, все запасалъ, всѣхъ ободрялъ, бранился, дрался, вѣшалъ, скакалъ изъ одного конца государства въ другой, былъ чѣмъ то въ родѣ генералъ-фельдцейхмейстера, генералъ-провіантмейстера и корабельнаго оберъ-мастера“.

Ниже, даже при краткомъ изложеніи военныхъ дѣйствій во время Сѣверной войны, будутъ изложены факты, доказывающіе, что сдѣланная выше оцѣнка Петра односторонняя: Петръ несомнѣнно обладалъ полководческими дарованіями. Во всей русской военной исторіи только Суворовъ можетъ быть поставленъ выше его въ этомъ отношеніи.

Жизнь велъ Петръ Великій простую. Расходы по двору были имъ сокращены во много разъ и составили не свыше 60,000 рублей въ годъ ¹⁾. Но въ послѣдніе годы его царствованія у второй царицы расходы на дворъ стали очень велики.

По мнѣнію В. Ключевского „во всемъ Петра больше занимали подробности процесса, чѣмъ общій планъ или цѣли; онъ былъ больше дѣлецъ, мастеръ, чѣмъ мыслитель“.

Предшественники Петра были домохозяевами—хозяевами государства; изъ Петра вышелъ хозяинъ—чернорабочій, царь—мастеровой.

Не смотря на то, что выше приведенные отзывы умаляютъ гигантскую фигуру Петра, нарисованную намъ его поклонниками, историкъ В. Ключевскій въ своемъ заключеніи не расходится въ общемъ съ установившимися на личность Петра воззрѣніями. Онъ признаетъ, что не знаетъ другого государя, который бы въ такой же степени былъ руководителемъ своего народа, такъ хорошо чувствовалъ и понималъ его насущныя потребности и такъ много сдѣлалъ для ихъ удовлетворенія ²⁾.

Въ правленіе царевны Софьи изъ задачъ, перешедшихъ на XVIII столѣтіе, задача по объединенію русскаго племени была временно поставлена на второй планъ. Съ Польшею былъ заключенъ въ 1686 году вѣчный миръ, съ цѣлью болѣе успѣшной борьбы съ Турціею. Въ этихъ же видахъ, какъ мы видѣли выше, наше правительство вступило въ священный союзъ съ Польшею, Австріею и Венеціею.

Петръ первоначально слѣдовалъ политикѣ сестры своей. Под-

¹⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 174.

²⁾ Тамъ же, стр. 180.

держивая во все свое царствованіе дружескія отношенія съ Австріею и Польшею, онъ дѣятельно готовился къ войнѣ со Швеціею, создалъ флотъ, велъ войны съ Турціею и даже овладѣлъ Азовомъ. Казалось, что задача по выходу Россіи къ Черному морю близилась къ успѣшному разрѣшенію. Но появленіе опаснаго противника—Карла XII заставило Петра перенести свою дѣятельность съ Чернаго моря на западный фронтъ и начать тяжелую 21-лѣтнюю борьбу со Швеціею, которая, хотя и окончилась успѣшно утвержденіемъ Россіи на Балтійскомъ морѣ, но почти на столѣтіе отодвинула Россію отъ овладѣнія берегами Чернаго моря. вмѣсто плодороднаго юга, всѣ силы государства были направлены долгое время на упроченіе нашего положенія въ бѣдной, болотистой Ингерманландіи и на созданіе на этомъ болотѣ столицы Петербурга.

Историкъ Ключевскій по этому вопросу даетъ такое заключеніе: „Завладѣвши Азовомъ, устроивши флотъ и гавань на Азовскомъ морѣ, приготовившись къ борьбѣ съ Крымомъ и съ самой Турціею, Петръ долженъ былъ покинуть всѣ эти начинанія и перенести свою дѣятельность съ юго-востока на противоположную сторону, на сѣверо-западъ, чтобы пріобрѣсти восточный берегъ Балтійскаго моря, исправить западную границу государства. Вотъ почему не Азовъ или Таганрогъ, а Петербургъ сталъ новой столицей Россіи.

Такимъ образомъ, Петръ во внѣшней политикѣ руководился указаніями предшественниковъ, но онъ еще болѣе сѣзнулъ ихъ программу: изъ двухъ задачъ внѣшней политики онъ усвоилъ себѣ и преслѣдовалъ почти до конца царствованія лишь половину одной изъ нихъ—исправленіе западной границы государства, совсѣмъ отказавшись отъ мысли о довершеніи политическаго объединенія русскаго народа“.

Сформированіе постоянной арміи.

Въ концѣ XVII столѣтія русскія вооруженныя силы, какъ изложено выше, имѣли сложный составъ, были многочисленны, но не удовлетворяли требованіямъ, къ нимъ предъявляемымъ, ибо не были въ силахъ выполнить тѣ задачи, которыя на нихъ возлагались. Въ общемъ наши войска, ко времени приступа Петра къ формированію постоянной арміи, состояли изъ слѣдующихъ частей:

1) *Помѣстныхъ войска*, выставляемая служилымъ сословіемъ за помѣстья и вотчины, имъ пожалованныя. Важнѣйшій изъ этихъ разрядовъ были *бояре*, слѣдующій за ними—дѣти боярскіе. Эти два разряда выходили на службу конными.

Ко времени Петра I формировавшіеся изъ помѣстныхъ войскъ полки носили наименованіе полковъ „*строя русскаго*“. Къ концу царствованія Θεодора Алексѣевича помѣстныхъ войскъ было до 60,000 человекъ.

2) *Ополченія* изъ даточныхъ людей, пѣшихъ и конныхъ, выставляемыхъ на время походовъ въ различномъ числѣ.

Помѣстныя войска тоже надлежитъ признавать ополченіями.

3) *Постоянныя поселенныя войска*. Главную часть ихъ составляли стрѣльцы. Къ концу царствованія Θεодора Алексѣевича ихъ было до 20,000 человекъ. Наибольшая часть ихъ была собрана въ Москвѣ. Стрѣльцы до сформированія полковъ иноземнаго строя составляли наиболѣе надежную часть нашей пѣхоты. Они особенно отличились при штурмѣ Казани.

4) *Войска иноземнаго строя*. Наибольшее значеніе изъ нихъ имѣли солдатскіе полки, но, какъ мы видѣли выше, и эти войска не могли быть отнесены къ регулярнымъ войскамъ (мало обучались—около мѣсяца въ годъ). Ко времени вступленія въ управленіе государствомъ Петра I наиболѣе надежнымъ изъ солдатскихъ полковъ былъ Бутырскій, сформированный иноземцемъ генераломъ Гордопомъ и имъ же командуемый. Неся службу въ Москвѣ, чины этого полка, повидимому, значительную часть года находились подъ ружьемъ, и потому полкъ этотъ можетъ признаваться первымъ регулярнымъ полкомъ русской арміи. Слабѣе его, но надежнѣе другихъ, былъ первый „выборный солдатскій полкъ“, тоже несшій службу въ Москвѣ; при Петрѣ I полкъ этотъ отданъ былъ подъ начальство Лефортова и получилъ наименованіе Лефортовскаго.

Выборные московскіе солдатскіе полки, составившіе первые регулярные полки русской арміи, были сформированы въ 1642 году и обучались по нѣмецкому уставу. Бутырскій полкъ получилъ наименованіе отъ села Бутырки, составлявшаго вотчинное имѣніе бояръ Романовыхъ. Лефортовскій солдатскій полкъ позже былъ переименованъ въ I-й Московскій, а въ 1792 году прекратилъ свое существованіе ¹⁾.

По опыту послѣднихъ войнъ, веденныхъ Россіею въ концѣ XVII столѣтія, въ томъ числѣ и двухъ походовъ кн. Голицына въ Крымъ, ниже приводится слѣдующая оцѣнка нашихъ войскъ и способовъ ихъ дѣйствій ко времени приступа къ сформированію регулярной арміи.

„Походныя движенія вблизи непріятеля производились крайне медленно и съ излишнею осторожностью, что происходило отъ громадности обозовъ, сопровождавшихъ армію, и отъ того, что наши войска, для отраженія нападенія на нихъ, окружали себя со всѣхъ сторонъ повозками, а поэтому они должны были идти большими массами, въ боевомъ порядкѣ. Наблюденіе за противникомъ лежало на конницѣ, которая со всѣхъ сторонъ окружала пѣхоту. При встрѣчѣ съ непріятелемъ пѣхота спѣшила укрыться въ гуляй-городъ, а конница бросалась на противника „казацкимъ обычаемъ“, т. е. беспоря-

¹⁾ Г. Л. Бобровскій. „Царь Петръ Алексѣевичъ“, стр. 7.

дочною густою толпою, стараясь опрокинуть его не столько оружіемъ, сколько крикомъ. При неудачѣ она укрывалась за гуляй-городъ, а пѣхота старалась отбиться отъ непріятеля, стрѣляя изъ-за повозокъ и встрѣчая атаки пиками. Въ случаѣ общаго успѣха, все бросалось грабить непріятельскій лагерь, при неудачѣ же артиллерія и обозы становились обыкновенно добычею непріятеля, а войска оказывались въ критическомъ положеніи и, чаще всего, разбѣгались. Вообще наши войска удачнѣе выдерживали осады, чѣмъ полевые сраженія; за окопами они выказывали стойкость, въ полѣ же порыва не было. Сторожевая служба не отличалась бдительностью; напротивъ того, оплошность въ ней вела часто къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Петру Великому, для исполненія его исторической задачи, предстояло: создать регулярную армію, организовать ее и обучить современному военному искусству“¹⁾.

Петръ I приступилъ къ формированію регулярной арміи съ 1688 года, когда обстоятельства заставили его преждевременно взять власть въ свои руки.

Произошло это событіе при слѣдующей обстановкѣ. Крѣпшіи тѣломъ и разумомъ не по годамъ, а по днямъ, Петръ I рано началъ внушать опасенія честолюбивой сестрѣ своей Софьѣ. Потѣшныя въ рукахъ Петра съ основаніемъ представлялись ей опаснымъ оружіемъ. Составился заговоръ, руководимый Софьей, противъ Петра и его потѣшныхъ. Многіе изъ стрѣльцовъ были замѣшаны въ этомъ заговорѣ, съ начальникомъ стрѣлецкаго приказа и любимцемъ Софьи Шакловитымъ во главѣ. Узнавъ своевременно о заговорѣ, Петръ удалился съ потѣшными и Сухаревымъ стрѣлецкимъ полкомъ въ Троице-Сергіевскій монастырь. На призывъ царя стрѣльцамъ явиться къ монастырю отозвалась только часть стрѣльцовъ. Цѣлые полки стрѣльцовъ, преданные Софьѣ, остались въ Москвѣ.

Тогда Петръ I отдалъ приказъ, чтобы всѣмъ иноземцамъ явиться въ монастырь въ полномъ вооруженіи и снаряженіи. Гордонъ принялъ инициативу въ этомъ дѣлѣ, донесъ о полученномъ царскомъ приказаніи своему непосредственному начальнику кн. Голицыну и, не получая его категорическаго приказанія о томъ, какъ ему надлежитъ поступать, въ ночь на 5 сентября выступилъ съ Бутырскимъ полкомъ изъ Бутырокъ къ Троице-Сергіевскому монастырю, присоединивъ къ себѣ и часть 1-го выборнаго солдатскаго полка въ составѣ около 300 человекъ.

Вѣрность Петру иноземныхъ частей произвела на Софью и ея приверженцевъ полезное для Петра I дѣйствіе. Софья не отважилась противопоставить силѣ силу, ибо и стрѣльцы, ранѣе преданные ей, тоже заколебались; чтобы умилостивить Петра, они схватили Шакловитаго и выдали его царю.

¹⁾ „Обзоръ войны“, ч. I, стр. 8.

12 сентября Петръ I уже вступаетъ въ управление военными дѣлами; замѣняетъ князя Голицына княземъ Урусовымъ; стрѣлецкій приказъ ввѣряетъ Троекурову; Гордону, кромѣ Бутырскаго полка, отдается подѣ команду и первый выборный солдатскій полкъ. Наконецъ, начальникомъ посольскаго приказа, въ роли какъ бы перваго министра, назначается дядя Петра I Нарышкинъ.

Царевна Софья удаляется въ монастырь.

6 октября царь возвратился въ Москву.

Предоставивъ управление государственными дѣлами нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ (въ числѣ ихъ были: Нарышкинъ, Урусовъ, Стрѣшневъ, Троекуровъ, Б. Голицынъ, Репнинъ, Прозоровскій, Лопухинъ, Головинъ, Львовъ, Шереметевъ, Долгорукій, Лыковъ),— Петръ I весь отдался изученію военнаго дѣла и формированію новыхъ полковъ регулярной арміи.

Въ пять лѣтъ работы были улучшены старыя Бутырскій и Лефортовскій (первый выборный) полки и сформированы два новыхъ— Преображенскій и Семеновскій.

Кромѣ обычныхъ занятій по строю и стрѣльбѣ, Гордонъ производилъ общія ученія четыремъ полкамъ—двумъ выборнымъ Бутырскому и Лефортову и двумъ вновь сформированнымъ. Новые полки, подобно старымъ, пріучались къ дѣйствию съ артиллеріею.

Съ 1691 года начались двухъ-сторонніе маневры съ примѣненіемъ полевой фортификаціи. Въ особенности извѣстенъ такъ называемый Кожуховскій походъ въ 1694 году, длившійся около мѣсяца времени. Войска дѣйствовали на двѣ стороны; задачею была поставлена атака и оборона особо устроеннаго обширнаго укрѣпленія у с. Кожухова. Устроенный валъ имѣлъ 5 аршинъ высоты и ровъ до четырехъ аршинъ глубины.

Обороняющеюся стороною командовалъ Бутурлинъ, наименованный польскимъ королемъ. Подѣ его начальствомъ находились войска стараго строя: „шесть полковъ стрѣлецкихъ, въ числѣ 4,300 чел., двѣ конныя роты дьяковъ и 11 ротъ подъячихъ всѣхъ московскихъ приказовъ, числомъ 920“.

Наступающими войсками командовалъ князь Ромодановскій. Въ составъ ихъ входили оба солдатскіе полка—Бутырскій и Лефортовъ, Преображенскій и Семеновскій полки, восемь ротъ рейтарскихъ, двѣ роты боярскихъ даточныхъ людей и 20 ротъ „стольниковъ изъ царедворцевъ, стольниковъ стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, находившихся по деревнямъ въ ближайшихъ къ Москвѣ уѣздахъ“¹⁾. Артиллерію составляли 6 пушекъ и 6 мортиръ. Въ составѣ наступающихъ находилась также рота конныхъ гренадеръ (гранатчиковъ), саперы и минеры. Двѣ роты пѣхоты были вооружены ружьями со штыками. Въ составѣ конницы были три роты

¹⁾ Г. Л. Бобровскій. „Царь Петръ Алексѣевичъ“, стр. 21.

гусарь въ шишакахъ и латахъ, рота палашниковъ и рота конныхъ гренадеръ. Несмотря на пестроту состава, часть войскъ уже носила характеръ регулярныхъ. Войска двухъ сторонъ, двигаясь на маневры, торжественно прошли черезъ Москву.

Наступающіе, приступивъ къ осадѣ Кожуховскаго укрѣпленія, работали днемъ и ночью. Атакующій и осажденный ограждали свои работы рогатками. Велись подкопы, а по взрывѣ ихъ войска пошли на штурмъ. Дрались настолько серьезно, что были убитые и раненые. Осажденные встрѣтили атакующихъ „гранатами и горшками, начиненными горючими веществами, обливали водою изъ мѣдныхъ трубъ, выставляли впередъ палки съ зажженными на концахъ ихъ пучками смоленой пеньки, много было раненыхъ и обожженных“.

Положивъ такое начало устройству войскъ, Петръ I уже спѣшитъ использовать созданную имъ силу. На другой годъ послѣ Кожуховскаго похода онъ двигаетъ армію въ 31,000 чел. къ Азову. Походъ оканчивается неудачею. Во второй походъ къ Азову было собрано 75,000 чел., и Азовъ былъ взятъ. Въ двухъ походахъ главные силы состояли изъ войскъ прежняго типа, но во время военныхъ дѣйствій Преображенскій, Семеновскій и Бутырскій полки рѣзко отличались отъ остальныхъ войскъ своею выучкою, дисциплиною и стойкостью.

По возвращеніи въ 1697 году изъ-за границы, Петръ I рѣшилъ образовать въ Россіи пѣхоту на тѣхъ же основаніяхъ, какія уже были приняты въ германской имперіи. Посланный для изученія устройства имперскихъ войскъ майоръ Вейде представилъ свой проектъ устава, который и былъ принятъ для нашей арміи.

Рѣшено было измѣнить всю систему устройства сухопутныхъ войскъ и перейти къ комплектованію ихъ рекрутами изъ низшихъ сословіи.

Но временно Петръ I, въ концѣ 1698 года, подготовилъ свои четыре регулярныхъ полка къ развертыванію въ случаѣ надобности въ четыре дивизіи. Это достигалось присоединеніемъ къ каждому изъ регулярныхъ полковъ по семи солдатскихъ полковъ тысячнаго состава. Всего въ каждой дивизіи было по 8 полковъ: одинъ регулярный и семь солдатскихъ. Каждая дивизія имѣла свой районъ, въ которомъ въ случаѣ войны и набирались солдаты. Послѣ войны солдатскіе полки распускались.

Послѣ усмиренія второго бунта стрѣльцовъ, которые, надѣясь на отсутствіе Петра I за границей, замыслили разрушить всѣ его повѣшества, Петръ I, потерявъ надежду искоренить мятежный духъ и своеволие стрѣлецкаго войска, рѣшилъ ихъ уничтожить. Въ 1699 году состоялось его повелѣніе распустить всѣ 16 московскихъ стрѣлецкихъ полковъ. Всѣхъ московскихъ стрѣльцовъ удалили съ ихъ семьями изъ Москвы. Дворы ихъ въ Москвѣ, лавки и земли отдали стороннимъ лицамъ съ торговъ. Въ солдатскую службу рѣ-

шено было принимать только стрѣлецкихъ дѣтей, никогда не бывшихъ стрѣльцами.

Первоначально предполагалось имѣть армію въ 60,000 чел. пѣхоты съ полнымъ содержаніемъ отъ казны. Сроки службы назначались продолжительные. По финансовымъ и другимъ затрудненіямъ пришлось первоначально ограничиться лишь 40,000 человекъ и съ этою цѣлью, кромѣ четырехъ существовавшихъ регулярныхъ полковъ, сформировать еще 30 полковъ.

Для исполненія сего былъ назначенъ *первый наборъ рекрутовъ*. Наборъ производился изъ *даточныхъ* людей всего государства, изъ *охочихъ* и *праздныхъ* людей и *боярскихъ слугъ* города Москвы ¹⁾. Указомъ въ ноябрѣ 1699 года ставилось 30,000 рекрутовъ для сформированія 29 пѣхотныхъ и двухъ драгунскихъ полковъ. Всѣ полки сводились въ три дивизіи.

Относительно укомплектованія арміи офицерами заслуживаетъ полнаго вниманія и въ настоящее время слѣдующая мѣра Петра Великаго. Нижніе чины—дворяне, подготовлявшіеся къ офицерскому чину въ гвардейскихъ полкахъ, производились въ оберъ-офицерскій чинъ по удостоенію штабъ и оберъ-офицеровъ полка; въ штабъ-офицерскій чинъ производились по удостоенію штабъ-офицеровъ и генераловъ всей дивизіи ²⁾.

Важны также заботы Петра I о больныхъ и отставныхъ офицерахъ, которые, за ранами или старостью, были отставлены отъ службы. Такихъ повелѣно было назначать въ гарнизоны и къ гражданскимъ и полицейскимъ дѣламъ, „а особливо бѣдныхъ, ибо не безъ грѣха есть въ томъ, что такіе, которые много служили, забыты и скитаются, а которые нигдѣ не служили тунеядцы многіе по прихотямъ губернаторскимъ въ губерніяхъ взысканы чинами и получаютъ жалованіе довольно“ ³⁾.

Въ виду ожидавшагося разрыва со Швеціею формированіе арміи происходило очень спѣшно.

Наскоро собранныя и не обученныя войска были двинуты въ походъ противъ шведовъ. Временно въ составѣ русской арміи было сохранено нѣсколько прежнихъ солдатскихъ полковъ, преимущественно тамбовскихъ, и также нѣсколько стрѣлецкихъ, находившихся въ пограничныхъ городахъ.

Ген.-лейт. Бобровскій пишетъ, что сотрудникамъ Петра I—Головину, Вейде и Репнину „пришлось разрѣшать въ короткое время весьма серьезную задачу: составить изъ рекрутовъ полки и обучить ихъ строю такъ, чтобы они были способны состязаться съ лучшими

¹⁾ В. Ключевскій указываетъ, что Петромъ I былъ установленъ регулярный наборъ со *всѣхъ* сословій, не исключая безмѣстныхъ дѣтей духовенства (ч. II, стр. 198).

²⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 153.

³⁾ Тамъ же, стр. 153.

боевыми войсками Европы. Нарвское поражение 19-го ноября при столкновении 40,000-ной русской армии с незначительным корпусом испытанных, обученных и опытных войск, под предводительством Карла XII, доказало Петру, что многого еще недостает русской пехоты, чтобы можно было назвать ее регулярной, за исключением только двух *старых* полков—Лефортовскаго и Бутырскаго и двух полков гвардии—Преображенскаго и Семеновскаго.

Вотъ, что писалъ Петръ спустя много лѣтъ, когда составлялся Журналъ или Поденная Записка о Сѣверной войнѣ:

„Итакъ, шведы надъ нашимъ войскомъ (подъ Нарвою) викторію получили, что есть безспорно; но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную учинили? ибо только одинъ старый полкъ Лефортовскій былъ (который передъ тѣмъ назывался Шепелева); два полка гвардіи только были на двухъ атакахъ у Азова, полевыхъ боевъ, а наипаче съ регулярными войсками, никогда не видали. Прочіе-жь полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, самые были рекруты.. Но когда сіе нещастіе (или, сказать, великое щастіе) получили, тогда неволя лѣность отогнала, и къ трудолюбію и искусству день и ночь принудила, съ которымъ опасеніемъ и искусствомъ какъ часъ отъ часа сія война ведена, то явно изъ слѣдующей при семъ исторіи“.

Неуспѣхъ подъ Нарвою только увеличилъ энергію Петра: наборы съ 1705 по 1709 годъ дали правительству до 175,000 чел. Съ 1710 года наборы производились ежегодно и были очень тяжелы для населенія: брали по 10 человекъ съ тысячи. Для пополненія армии лошадьми была установлена конская повинность ¹⁾. Въ зиму 1705—1706 г.г. было произведено три общихъ рекрутскихъ набора.

Созданная Петромъ I вторая регулярная армія составила до 90,000 чел. ²⁾.

Постепенно совершенствуя войска, приучая ихъ первоначально къ частнымъ успѣхамъ, Петръ побѣждаетъ шведовъ подъ Полтавою.

При всесословной арміи дворянство, кромѣ поступавшихъ въ гражданскую службу, поступало тоже нижними чинами, особенно въ гвардейскіе полки, при чемъ достигало легко офицерскаго званія. Всѣ чины, съ введеніемъ полковыхъ штатовъ въ 1711 году, стали получать денежное жалованье. Землями же съ крестьянами стали жаловать лишь за особыя заслуги.

Въ пѣхотѣ, сформированной Петромъ, первоначально каждый полкъ состоялъ изъ 10 ротъ. Съ 1708 года полки дѣлились каждый на два четырехъ-ротныхъ батальона. Одна рота изъ восьми считалась гренадерскою, а остальныя—фузилерными.

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 32.

²⁾ В. Ключевскій, т. II, стр. 199.

Численность роты, по уставу 1716 года, составляла 4 офицера, 2 сержанта, 1 каптенармусъ, 1 подпрапорщикъ, 6 капраловъ, 2 барабанщика и 144 рядовыхъ; нестроевыхъ 1 писарь и 1 фельдшеръ. Строй — четырехъ—шереножный. Въ каждой ротѣ имѣлось знамя.

Вооруженіе пѣхоты состояло изъ ружья со штыкомъ, вѣсомъ 14 фунтовъ, калибромъ 0,78 дюйма. Курокъ—кремневый. Вслѣдствіе затрудненій въ снабженіи арміи ружьями, Петръ вынужденъ былъ временно вооружить $\frac{1}{8}$ часть пѣхоты пиками ¹⁾.

При полкахъ пѣхоты возилось значительное количество шанцевого инструмента: на каждый полкъ 200 топоровъ, 288 лопатъ и 288 кирокъ и мотыгъ. Такимъ образомъ, свыше $\frac{3}{4}$ людей имѣли шанцевый инструментъ.

Полковой обозъ состоялъ изъ 65 телѣгъ. При каждомъ полку имѣлось по три 3-фунт. орудія.

Всего въ царствованіе Петра Великаго числилось 40 полковъ пѣхоты, въ томъ числѣ 2 гвардейскихъ, 5 гренадерскихъ и 33 фузилерныхъ ²⁾.

Конница въ началѣ царствованія Петра I была, какъ изложено выше, очень многочисленна, но имѣла миллионный характеръ. Однихъ рейтарскихъ полковъ считалось 27, численностью до 40,000 человекъ, въ томъ числѣ 4,000 копейщиковъ ³⁾. Петръ Великій, одновременно съ формированіемъ регулярныхъ пѣхотныхъ полковъ, создалъ два драгунскихъ полка, каждый въ 12 ротъ, численностью 1,239 нижнихъ чиновъ. Въ 1705 году къ этимъ 12 ротамъ прибавлена еще одна гренадерская. Драгуны были устроены по шведскому образцу. Постепенно увеличивая драгунъ, Петръ I имѣлъ въ 1711 году 30 драгунскихъ фузилерныхъ полковъ и 3 драгунскихъ гренадерскихъ. Эти послѣдніе имѣли двойное боевое назначеніе; поэтому и вооруженіе ихъ состояло изъ ружья, палаша и пистолета.

Артиллерія во второй половинѣ XVII столѣтія была многочисленна и разнообразна. Она раздѣлялась, какъ и нынѣ, на крѣпостную, осадную и полевую.

Материальная часть артиллеріи отличалась сложностью и не удовлетворяла предъявляемымъ ей требованіямъ. Въ полевой артиллеріи существовали 12-ти, 8-ми, 6-ти и 3-хъ фунтовые орудія, гаубицы 1 пуд. и $\frac{1}{2}$ пудовыя и мортиры 2 пуд., 1 пуд. и 6-фунтовые. 12-фунтовая пушка съ лафетомъ и передкомъ вѣсила 149 пудовъ и перевозилась 15 лошадьми. Горизонтальный выстрѣлъ изъ полевыхъ пушекъ достигалъ только до 180 сажень, а изъ мортиръ до 840 сажень ⁴⁾.

Соотношеніе между различными родами оружія было въ

¹⁾ Д. Масловскій, „Сѣверная война“, вып. I, стр. X.

²⁾ А. Пузыревскій, „Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій“, изд. 1889 г., стр. 76—79.

³⁾ Тамъ же, стр. 84.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 102.

пользу конницы. По штатамъ Петра I, въ 1720 году числилось: 57,956 чел. пѣхоты и 36,333 драгунъ, что даетъ отношеніе 1,6 : 1 ¹⁾.

Относительно результатовъ организаціонной дѣятельности Петра I по созданію арміи и флота у В. Ключевскаго имѣются слѣдующія строки: „Къ концу царствованія Петра въ регулярной арміи считалось всего до 212 тысячъ человѣкъ, не считая ста слишкомъ тысячъ нерегулярной конницы казаковъ. Кромѣ того, была создана новая вооруженная сила, какой не знало Московское государство,—*флотъ*. Къ концу царствованія во флотѣ считалось 48 большихъ линейныхъ кораблей и до 800 мелкихъ судовъ, галеръ, съ 28-ю тысячами человѣкъ морского экипажа. Содержаніе всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ стоило 6½ милл. руб. (около 58 милл. на наши деньги), что составляло болѣе $\frac{2}{3}$ всего государственнаго дохода и почти впятеро превосходило сумму, какая шла на войско по бюджету 1680 г (700 тыс. р.—около 12 милл. на наши деньги)“ ²⁾.

Создавая регулярную армію, Петръ I постепенно вырабатывалъ и систему довольствія ея всѣмъ необходимымъ. Первоначально сохранился прежній способъ довольствія отъ жителей натурою, при чемъ собранный у нихъ провіантъ доставлялся въ войска. Для областей отдаленныхъ натуральная повинность замѣнялась денежными сборами.

Для всѣхъ нижнихъ чиновъ былъ опредѣленъ одинъ и тотъ же паекъ. Были и подрядчики на такіе продукты, которые не входили въ составъ пайка, но могли служить къ улучшенію довольствія войскъ. Такъ, при походѣ къ Азову было запряжено 45,000 ведеръ уксуса и вина, 20,000 соленыхъ осетровъ, 10,000 щукъ и судаковъ, 10,000 пуд. ветчины, 2,000 пуд. соли, 2,500 пуд. масла. Подрядчикамъ выдавались впередъ авансы ³⁾.

При походѣ къ Азову (второмъ) провіантъ спустили по рѣкѣ на построенныхъ въ Воронежѣ судахъ, — 30 галерахъ и 1,300 стругахъ; каждый стругъ поднималъ до 200 четв. хлѣба.

Въ Сѣверную войну припасы доставлялись преимущественно по наряду съ губерній и областей, не смотря на разстояніе и состояніе дорогъ.

Съ 1707 года армія начала получать довольствіе по окладу порціоновъ и раціоновъ, примѣнительно къ системѣ, принятой въ германской арміи. Затѣмъ учредили должность комиссаровъ и было сформировано „военное комиссарство“ въ арміи. Главный надзоръ за исправнымъ продовольствіемъ и обмундированіемъ войскъ возложенъ былъ на губернскихъ комиссаровъ.

¹⁾ А. Пузыревскій, „Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій“, изд. 1889 г., стр. 86.

²⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 199.

³⁾ А. Пузыревскій, „Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій“, стр. 39.

Деньги на жалованье пѣхотѣ и конницѣ собирали со всего населенія по особой раскладкѣ.

Въ 1716 году изданъ былъ „Уставъ воинскій“. Затѣмъ учреждены коллегіи. Въ военной коллегіи сосредоточивалось высшее управленіе военными силами имперіи и ихъ хозяйствомъ.

Относительно результатовъ мѣръ, принятыхъ Петромъ I по иностранному образцу для нашей арміи, А. Пузыревскій, въ своемъ трудѣ „Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій“, даетъ слѣдующее заключеніе: „Реформы по устройству военнаго хозяйства, заимствованныя изъ иностранныхъ образцовъ, хотя были вполне необходимы для удовлетворенія потребностей новой арміи, тѣмъ не менѣе далеко не дали тѣхъ результатовъ, какъ повидимому ожидалъ Петръ Великій, и въ этомъ отношеніи онѣ привели къ тѣмъ результатамъ, какъ и на западѣ. При значительномъ обремененіи народа новыми податями и тягостями, солдатъ не всегда былъ обезпеченъ въ его насущныхъ потребностяхъ; многое до него не доходило или доходило не въ положенномъ размѣрѣ. Новые командиры полковъ такъ же мало стѣснялись злоупотребленіями, какъ и прежніе стрѣлцкіе головы, рейтарскіе и солдатскіе полковники. При взаимныхъ столкновеніяхъ контролирующей и распорядительной властей, права комиссаровъ были ограничены, и полковники, подъ вліяніемъ прусскихъ порядковъ, получили неограниченную власть не только въ распоряженіяхъ по хозяйственной части, но и въ военно-судномъ отношеніи. Вслѣдствіе такого порядка населеніе страдало и отъ безнаказанныхъ насилій начальствующихъ лицъ, и отъ грабительствъ голодныхъ солдатъ. Артикулы и царскіе указы далеко не исполнялись, не смотря на тяжесть грозившаго за то наказанія“.

Положеніе солдатъ было тяжелое. Положенное имъ довольствіе доходило до нихъ неисправно и въ уменьшенномъ количествѣ. Обращеніе начальствующихъ лицъ отличалось часто жестокостью. Солдаты дезертировали въ большомъ числѣ и не рѣдко занимались разбоемъ, даже на ближайшихъ къ Москвѣ путяхъ.

Одновременно съ заботами по сформированію сухопутной арміи Петръ I созидалъ и военный флотъ. Къ концу его царствованія во флотѣ считалось 48 большихъ линейныхъ кораблей и до 800 мелкихъ судовъ—галеръ, съ 28,000 чел. морского экипажа ¹⁾.

Участвуя лично въ обученіи войскъ, подавая примѣръ въ несеніи службы, переноса въ походахъ труды вмѣстѣ съ войсками, Петръ I въ то же время требовалъ неуклоннаго исполненія своихъ приказаній, добивался, хотя и не всегда успѣшно, такого же повиновенія отъ войскъ и непосредственнымъ ихъ начальникамъ, имъ назначаемымъ. Суровыя наказанія карали виновныхъ безъ различія

¹⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 199.

званія и происхожденія. Щедрыя награды давались побѣдителямъ. Послѣ успѣшнаго штурма Нотебурга, названнаго Шлиссельбургомъ, всѣ начальники получили слѣдующіе чины и прибавки къ окладамъ жалованья. Рядовые „племянники“ перечислены въ старшій окладъ, рядовые „старые“ перечислены въ капралы; „бѣжавшіе съ приступа прогнаны сквозь строй и съ заплеванными лицами казнены смертью: повѣшено въ Преображенскомъ полку 8 человекъ, въ Семеновскомъ—4“¹⁾.

Къ концу царствованія Петра I, въ 1725 году, на довольствіи числилось 319,525 чел., въ томъ числѣ 210,500 чел. регулярной арміи и 21,939 чел. во флотъ²⁾.

Содержаніе такой арміи ложилось огромною тяжестью на мало зажиточное русское населеніе.

Какъ уже было отмѣчено выше, расходы на армію за 45 лѣтъ (1680—1725 г.г.) увеличились почти въ пять разъ, достигнувъ внушительной цифры—58 мил. руб. на наши деньги. Такимъ образомъ, на первый взглядъ, переходъ къ регулярной арміи обошелся для платежныхъ силъ государства очень тяжело; но въ дѣйствительности этотъ выводъ нельзя признать правильнымъ. Войска до-петровскаго періода дѣйствительно требовали меньше денежныхъ отпусковъ, но воинская повинность и поставка продуктовъ, лошадей, повозокъ, при прежнемъ беспорядочномъ хозяйствѣ, ложились на населеніе тяжелѣе, чѣмъ при Петрѣ. Въ особенности тяжелыя послѣдствія вызывалъ призывъ служилаго земледѣльческаго населенія подъ знамена, часто на довольно продолжительное время: многія хозяйства совершенно разстраивались.

Съ другой стороны, независимо количества матеріальныхъ жертвъ, для Россіи требовалось имѣть армію, которая соотвѣтствовала бы историческимъ задачамъ, выпадавшимъ на ея долю. Задачи эти оказались не по силамъ Московской Руси при встрѣчѣ съ западными противниками. Послѣ Петровской реформы эти задачи были выполнены, и наша армія въ теченіе XVIII столѣтія стала на высоту всѣхъ современныхъ армій нашихъ противниковъ. Это—главное.

Безъ Петровской реформы самому существованію Руси грозила опасность. Послѣ этой реформы, хотя и съ огромными жертвами для населенія, Россія вдвинулась въ рядъ первоклассныхъ державъ всего міра и уже въ концѣ XVIII столѣтія достигла своихъ естественныхъ границъ—береговъ Каспійскаго, Балтійскаго и Чернаго морей и объединила всѣ русскія народности подъ державною рукою Русскаго Царя.

Такимъ образомъ, уже въ концѣ XVIII вѣка правительство Россіи могло прекратить завоевательную дѣятельность, поставивъ зада-

1) Г. Л. Бобровскій, „Завоеваніе Ингрии Петромъ Великимъ“, стр. 20.

2) А. Пузыревскій, „Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій“, стр. 41.

чею для русской арміи охрану положенія, завоеваннаго тяжкими жертвами ряда поколѣній, и направивъ въ то же время все усплія къ внутреннему развитію страны, съ цѣлью догнать своихъ западныхъ сосѣдей не только въ военномъ, но и въ культурномъ отношеніи.

Нѣмецкій мыслитель Максъ Іенсъ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Военное дѣло и народная жизнь“—пишетъ: „Военное устройство менѣе, чѣмъ какое-либо другое изъ разнообразныхъ проявленій данной народности, переноситъ такую форму, которая не является соответствующею современному общему состоянію націи. Развитие военныхъ учреждений идетъ всегда параллельно съ развитіемъ націи вообще, и ихъ фазисы ясно обозначаютъ великія эпохи народной жизни и часто служатъ для нихъ вступленіемъ. Каждый народъ въ своемъ военномъ дѣлѣ выступаетъ какъ нѣчто *цѣлос*; войско является величественнѣйшимъ народнымъ представителемъ; нѣтъ болѣе вѣрнаго зеркала соціальной жизни, какъ жизнь войска“¹⁾.

По отношенію къ Петровской Руси это заключеніе не совсемъ правильно: вѣрнѣе, что при Петрѣ I и его преемникахъ военное развитіе на Руси не шло соответственнo съ развитіемъ націи, а опережало значительно это развитіе, особенно въ экономическомъ отношеніи. Поэтому вплоть до настоящаго времени мы содержали армію, соответствующую силамъ нашихъ вѣроятныхъ противниковъ, но не соответствующую платежнымъ силамъ и средствамъ государства. Съ этой точки зрѣнія при арміи Петра I, поглощавшей ²/₃ государственныхъ доходовъ, мы жили выше своихъ средствъ.

Тотъ же авторъ высказываетъ и слѣдующую мысль: „Націи могутъ долгое время существовать съ негодными обще-государственными и юридическими установленіями, такъ какъ законы и права постоянно унаслѣдываются, подобно вѣчной болѣзни; благоразуміе становится безуміемъ, благодѣяніе—мученіемъ, но *военныя учрежденія*, которыя точно такъ же гнилы, тянутъ неумолимо весь народъ въ пропасть, такъ какъ ихъ пригодность или негодность рѣшаетъ вопросъ: „быть или не быть“²⁾.

Можно смѣло признать, что военная система до Петра или, вѣрнѣе, отсутствіе этой системы, съ „служилымъ“ сословіемъ, не хотѣвшимъ служить, съ ополченіями изъ тяглыхъ людей, не обученныхъ и почти не вооруженныхъ, съ мятежными стрѣльцами,—составляло именно, „гнилыя учрежденія“.

Въ вопросѣ „быть или не быть“ Петръ не колебался и, рѣшивъ „*быть*“, не останавливался передъ крайнимъ напряженіемъ всехъ силъ и средствъ страны, передъ крайними мѣрами строгости.

¹⁾ Максъ Іенсъ. „Военное дѣло и народная жизнь“, пер. Шульмана, изд. 1898 г., стр. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 3.

ВОЙНА СО ШВЕЦІЕЮ СЪ 1700 ПО 1721 ГОДЪ.

Состояніе шведской арміи. Съ конца XVII столѣтія Швеція раздѣлялась на земскіе округа, выставявшіе и содержавшіе каждый одинъ пѣхотный полкъ, силою до 1,200 человекъ. Округа раздѣлялись на роты, состоявшія изъ нѣсколькихъ дворовъ, выставявшихъ одного пѣхотинца. Шведская конница выставялась не отъ земства, а отъ имѣній короны. Эти имѣнія раздавались разнымъ лицамъ съ обязательствомъ выставять извѣстное число всадниковъ. Всего Швеція съ Финляндією выставяли 25 пѣхотныхъ и 9 кавалерійскихъ полковъ. Пѣхотные полки дѣлились на два батальона по 4 роты въ каждомъ. Одинъ гвардейскій полкъ дѣлился на три батальона. Въ каждой ротѣ числилось 125 человекъ, но изъ нихъ только 78 человекъ (мушкетеры) имѣли ружья, остальные были вооружены пиками (пикинеры). Патроновъ у каждого мушкетера было всего 24. Нормальнымъ построеніемъ былъ строй въ 6 шеренгъ.

Кавалерійскіе полки, силою около 1,000 человекъ, дѣлились на 6—8 эскадроновъ каждый. Вооруженіе кавалеристовъ состояло изъ прямыхъ сабель и пары пистолетовъ. Атаковали только холоднымъ оружіемъ. Строились въ три шеренги.

Шведская артиллерія была незначительна. Вся полевая артиллерія была сведена въ одинъ полкъ силою 1,800 человекъ. Полевая орудія состояли изъ 3-хъ фунтовыхъ орудій, 8 и 16 фунтовыхъ гаубицъ.

Не смотря на принятія мѣры, Карлу XII удалось увеличить свою армію первоначально всего лишь на 3 пѣхотныхъ и 5 кавалерійскихъ полковъ. Вся численность арміи достигла 45,000 человекъ.

Но затѣмъ, въ продолженіе Сѣверной войны, шло непрерывное усиленіе шведской арміи, и сила ея постепенно доведена была до 100,000 человекъ ¹⁾.

Послѣ побѣдъ Густава-Адольфа шведская армія заняла почетное мѣсто среди другихъ армій. Дисциплина въ ней была очень строгая; выучка, упорство въ бою и способность переносить трудности похода выработались долгою боевою практикою при врожденной способности шведовъ къ военному дѣлу. Горячая привязанность послѣ первыхъ побѣдъ къ своему герою-королю и полное къ нему довѣріе способствовали развитію въ шведскихъ войскахъ высокаго нравственнаго духа, дававшего имъ увѣренность въ побѣдѣ даже противъ сильнѣйшаго численно противника.

Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало шведскую армію, не смотря на ея относительную малочисленность, грознымъ противникомъ для русскихъ войскъ, находившихся еще въ періодѣ реформъ.

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 10—11.

Общее политическое положеніе въ Европѣ въ началѣ XVIII столѣтія.

Главнѣйшія государства Европы къ началу Сѣверной войны находились въ слѣдующемъ положеніи:

Послѣ войнъ первой половины XVII столѣтія (въ томъ числѣ главнымъ образомъ тридцатилѣтней), носившихъ въ значительной степени религіозный характеръ, — ослабилась Испанія и усилилась Франція. По Вестфальскому миру 1648 года Франція присоединила къ себѣ нѣкоторыя нѣмецкія земли, въ томъ числѣ Эльзасъ. Швеція получила западную Померанію. Германія была ослаблена не только потерей нѣмецкихъ земель, но предоставленіемъ самостоятельности большому числу мелкихъ владѣній, число коихъ простиралось свыше двухсотъ.

Тридцатилѣтняя война нанесла тяжкій ударъ благосостоянію Германіи. Предполагаютъ, что за время этой войны населеніе уменьшилось на половину. Австрія, принимавшая въ первую половину XVII столѣтія дѣятельное участіе въ тридцатилѣтней войнѣ, во вторую половину этого столѣтія вела тяжелую борьбу съ мятежными венграми, которые наконецъ отдались подъ покровительство турокъ. Людовикъ XIV тайно поддерживалъ возстаніе противъ Габсбурговъ. Султанъ выставилъ армію въ 250,000 чел. и двинулъ ее въ австрійскіе предѣлы. Императоръ Леопольдъ I бѣжалъ изъ Вѣны. Турки окружили столицу Австріи, и паденіе ея было уже близко. Но во имя религіозной идеи—борьбы противъ невѣрныхъ на помощь храброму гарнизону Вѣны прибыли нѣкоторые нѣмецкіе князья, а главное, польскій король Янъ-Собѣскій. Объединивъ подъ своимъ начальствомъ всѣ силы христіанъ, Собѣскій съ 70,000 чел. 1 октября 1683 года разбилъ турокъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Съ этой битвы начинается непрерывное ослабленіе турецкаго могущества. Но война съ турками продолжалась послѣ 1683 года еще 16 лѣтъ.

Какъ изложено было выше, въ этой войнѣ приняла участіе, кромѣ Австріи, Венеціанская республика и Россія. Со стороны Россіи за этотъ періодъ было совершено два неудачныхъ похода въ Крымъ подъ начальствомъ кн. Голицына и два похода къ Азову подъ начальствомъ Петра I.

Война Австріи съ Турціею окончилась въ 1699 году Карловицкимъ миромъ.

Эта война такъ ослабила Турцію, что она не искала предлога вмѣшаться въ начатую съ 1700 года Сѣверную войну.

Вниманіе Австріи, хотя и вышедшей побѣдительницею изъ этой войны, тоже было отвлечено на западъ—къ Франціи и Испаніи. Императоръ австрійскій Леопольдъ добивался испанской короны для своего сына—Карла. Противникомъ австрійскихъ плановъ былъ въ то время Людовикъ XIV, намѣревавшійся еще болѣе усилить Францію

возведеніемъ на испанскій тронъ своего внука Филиппа Анжуйскаго Завѣщаніе Карла II было въ пользу этого принца. Отправляя его въ Испанію, Людовикъ и сказалъ знаменитую фразу: „Нѣтъ болѣе Пиринеевъ“.

Такое усиленіе Франціи грозило нарушить политическое равновѣсіе Европы, котораго тщетно добивались и въ то время.

Австрія, вмѣстѣ съ Англією, стали во главѣ коалиціи державъ противъ Франціи. Къ этой коалиціи примкнули: Пруссія, Ганноверъ, Португалія, савойскій герцогъ и многіе германскіе князья.

Это была уже третья и самая сильная коалиція противъ Людовика XIV. Во главѣ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Франціи, стояли знаменитые вожди Евгеній Савойскій и Мальборо.

Война за испанское наслѣдство тянулась 13 лѣтъ, съ 1701 по 1714 годъ, т. е. именно въ самое трудное время для Россіи, поглощенной борьбою со шведами, и окончилась полнымъ ослабленіемъ Франціи и усиленіемъ Австріи и Англіи ¹⁾.

Причины Сѣверной войны со шведами изложены были выше: онѣ заключались въ необходимости для Россіи возвратиться на берега Финскаго залива и выйти на берегъ Балтійскаго моря. Ближайшими поводами къ началу войны послужили слѣдующія событія.

Воинственные короли Швеціи Густавъ-Адольфъ и Карлъ X побѣдили Россію, Данію, Польшу, но, захвативъ владѣнія этихъ государствъ, создали изъ правителей и населенія этихъ странъ естественныхъ враговъ Швеціи. Приобрѣтая главенствующее положеніе на сѣверо-востокѣ Европы, Швеція, побѣдами Густава-Адольфа, явилась покровительницею сѣверной протестантской Германіи.

Еще во время пребыванія Петра I въ Пруссіи курфюрстъ приглашалъ его къ союзу противъ Швеціи. Тогда же, встрѣтившись въ Галлиціи съ королемъ саксонскимъ и польскимъ Августомъ II, Петръ и отъ него получилъ такое же приглашеніе. Занятый въ это время борьбою съ турками, Петръ I не могъ согласиться навязать себѣ новаго противника. Но когда союзники Петра I по войнѣ съ Турцією заключили съ нею перемиріе, Петръ I тоже вступилъ съ турками въ переговоры, которые затянулись, и одновременно началъ вести и переговоры о союзѣ противъ Швеціи.

Образованію союза противъ шведовъ много помогъ лифляндскій дворянинъ Паткуль.

Шведскій король Карлъ XI, слѣдуя политикѣ своихъ предшественниковъ, боролся противъ аристократіи и ослаблялъ ее имущественно не только въ Швеціи, но и въ областяхъ присоединенныхъ къ Швеціи силою оружія.

¹⁾ По Утрехтскому и Раштатскому договорамъ Испанія была почти раздроблена. Англія получила Гибралтаръ и часть французскихъ владѣній въ Америкѣ; Австрія приобрѣла Бельгію, Неаполь и Ломбардію.

Такъ и въ Лифляндіи, у мѣстнаго рыцарства были отобраны изъ 5,000 принадлежащихъ ему земельныхъ участковъ 4,000. Паткуль, тоже при этомъ пострадавшій, выступилъ на защиту лифляндской аристократіи. Съ большою энергіею онъ искалъ защиты первоначально въ самой Швеціи, но, обвиненный тамъ въ государственной измѣнѣ, спасся въ Польшу и въ 1698—1699 годахъ подалъ Августу II нѣсколько проектовъ о томъ, какъ успѣшнѣе напасть на шведовъ. Интересно мнѣніе нѣмецкаго патріота изъ Лифляндіи о роли, которую должна была въ этомъ нападеніи сыграть Россія. Указывая на необходимость и возможность заключенія противъ шведовъ союза съ Даніею, Россіею и Бранденбургомъ, Паткуль при раздѣлѣ предполагаемой добычи болѣе всего боялся Россіи: „Надобно опасаться,—писалъ Паткуль,—чтобы этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ-подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно ему доказать *исторією и географіею*, что онъ долженъ ограничиться одною *Ингерманландіею и Кареліею*. Надобно договориться съ царемъ, чтобъ онъ не шелъ дальше *Наровы и Пейнуса*; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть *Эстляндіею и Лифляндіею*. Надобно также договориться съ царемъ, чтобы, при завоеваніи Ингерманландіи и Кареліи, москвитяне не предавались своей обычной жестокости, не били, не жгли и не грабили. Надобно выговорить у царя деньги и войско, особенно пѣхоту, которая *очень способна* работать на траншеяхъ подъ непріятельскими выстрѣлами“ 1).

По договору, заключенному между Августомъ II и Паткулемъ, Лифляндія присоединялась на вѣки къ Польшѣ.

Король датскій примкнулъ къ союзу. Съ цѣлью привлеченія къ этому союзу и Петра I, въ Москву отправились въ сентябрѣ 1699 года Паткуль и генералъ Карловичъ. Нѣсколько ранѣ ихъ прибыло въ Москву и шведское посольство съ предложеніемъ вступившаго на шведскій престолъ 16-лѣтняго Карла XII подтвердить Кардисскій договоръ, отрѣзавшій Россію отъ моря.

Въ отвѣтъ Петръ I отправилъ въ Стокгольмъ свое посольство съ требованіемъ удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное въ Ригѣ великому русскому посольству, при которомъ находился самъ царь.

Карловичъ и Паткуль, напоминая о переговорахъ Петра I и Августа въ Галиціи, высказывали:

„Теперь время благопріятное для царя утвердиться на Балтійскомъ морѣ, завести торговлю со всѣми странами міра и получить такія выгоды, какихъ не получалъ никогда ни одинъ potentatъ; захватить монополію торговли между востокомъ и западомъ, не говоря уже о томъ, что пріобрѣтется средство войти въ бльжайшія сношенія съ важнѣйшими государствами христіанскаго міра; *при-*

1) Соловьевъ, т. XIV, стр. 1237.

обрѣсти вліяніе на европейскія дѣла, завести на Балтійскомъ морѣ страшный флотъ, образовать здѣсь третье могущество, выбить у Франціи мысль о всемірной монархіи и пріобрѣсть чрезъ это большую славу, чѣмъ отъ покоренія турокъ и татаръ. Царское величество пріобрѣтетъ возможность сдѣлаться еще болѣе необходимымъ для Англіи и Голландіи, когда, въ случаѣ войны ихъ съ Франціею за Испанію или за что-нибудь другое, пошлетъ имъ на помощь войско и флотъ; чрезъ это московская нація на чужой счетъ выучится военному искусству и съ успѣхомъ будетъ вести войну съ турками и татарами, не нуждаясь въ помощи иностранныхъ офицеровъ¹⁾.

Сомнительно, чтобы перспективы, нарисованныя воображеніемъ Паткуля, о вмѣшательствѣ Россіи въ дѣла Франціи, Англіи и Голландіи, могли показаться соблазнительными мощному уму Петра I, какъ не показались соблазнительными схожія предложенія, сдѣланныя великой Екатериной; но для болѣе слабыхъ правителей Россіи уже съ XVII вѣка программа Паткуля о пріобрѣтеніи вліянія на европейскія дѣла (въ ущербъ ходу русскихъ дѣлъ) получила неотразимую прелесть; для пріобрѣтенія этого вліянія, а потомъ для поддержанія его, въ особенности въ XIX столѣтіи, были пролиты потоки русской крови и израсходованы огромныя суммы за счетъ, главнымъ образомъ, сердца Россіи—ея центральныхъ мѣстностей, не могущихъ и понынѣ оправиться отъ результатовъ „европейской“ политики Россіи въ XIX столѣтіи.

Петру I нужно было не вліяніе на европейскія дѣла, а укрѣпленіе русскихъ дѣлъ занятіемъ не только Финскаго, но и Балтійскаго побережья. Поэтому, еще ранѣе заключенія мира съ Турціею, Петръ I заключилъ въ ноябрѣ 1699 года тайный договоръ съ Августомъ II о наступательномъ союзѣ противъ Швеціи. Царь обязывался, тотчасъ по заключеніи мира съ Турціею, двинуть свои войска въ Ингрію и Карелію и, если понадобится, то прислать Августу вспомогательное войско.

Хотя Августъ и былъ выбранъ въ польскіе короли, но безъ согласія сейма не могъ располагать польскими войсками, а этого согласія сеймъ не давалъ. Не помогъ и подкупъ кардинала примуса Радзеевскаго.

18 августа 1700 года былъ заключенъ миръ съ Турціею, а 19 августа была объявлена война Швеціи „за многія неправды шведскаго короля и особенно за то, что во время государева шествія черезъ Ригу отъ рижскихъ жителей чинились ему многія противности и непріятства“²⁾.

Намѣченный Петромъ I планъ дѣйствій былъ простъ. Дѣйствія должны были вестись въ двухъ направленіяхъ: 1) на Орѣшекъ (Но-

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1238.

²⁾ Тамъ же, стр. 1243.

тебургъ —нынѣ Шлиссельбургъ), чтобы утвердиться на р. Невѣ и приготовить выходъ къ Финскому заливу, и 2) противъ Нарвы, чтобы пріобрѣсти опорный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій къ Балтійскому побережью. Относительно значенія Орѣшка Петръ I писалъ изъ Воронежа 2 марта Головину: „а мѣсто тутъ зѣло нужно; протокъ изъ Ладожескаго озера въ море (посмотри въ картахъ), и зѣло нужно ради задержанія выручки“¹⁾.

Военныя дѣйствія начали саксонскія войска вторженіемъ въ Ливонію. Они овладѣли Динамунде, но Рига сопротивлялась упорно.

Въ начатой войнѣ каждый изъ союзниковъ преслѣдовалъ свои цѣли: Петру надо было захватить наши старыя владѣнія въ Ингерманландіи и открыть доступъ къ Балтійскому морю; король Августъ рассчитывалъ овладѣть Лифляндією и Эстляндією, а король датскій—Голштинією.

Шведскій король былъ моложе Петра I на 10 лѣтъ. Современникъ его, французскій посланникъ въ Стокгольмѣ, наканунѣ войны писалъ: „Король мечтаетъ только объ одной войнѣ; ему слышкомъ много насказали о подвигахъ и походахъ его предковъ. Сердце и голова наполнены этимъ, и онъ считаетъ себя непобѣдимымъ въ челѣ своихъ шведовъ“²⁾.

Военныя дѣйствія въ 1700 году. Пораженіе подъ Нарвою.

Получивъ извѣстіе о томъ, что противъ него составилъ союзъ изъ Даніи, Саксоніи, Польши и Россіи, Карлъ XII рѣшилъ обрушиться первоначально на одного изъ противниковъ.

Совершенно неожиданно 15,000 шведскаго войска, подъ начальствомъ самого короля, при содѣйствіи флотовъ англійскаго и голландскаго, переплыли Зундъ и явились подъ неукрѣпленнымъ Копенгагеномъ. Датскій король Фридрихъ IV, находившійся въ это время съ своими войсками въ Голштиніи, вынужденъ былъ просить мира, по которому онъ призналъ самостоятельность Голштиніи, уплатилъ военныя издержки въ 260,000 талеровъ и отказался отъ союза съ Петромъ I и Августомъ.

Дѣйствія Августа противъ Риги тоже были неудачны. Гарнизонъ въ 2,000 шведовъ получилъ подкрѣпленіе и стойко оборонялся. Не успѣвъ овладѣть крѣпостью, саксонцы въ октябрѣ расположились на зимнихъ квартирахъ.

Карлъ XII, покончивъ съ Данією, рѣшился направить ударъ на саксонцевъ, съ цѣлью освобожденія отъ осады Риги. Подъ личнымъ начальствомъ короля 6,000 шведовъ высадились въ Перновскомъ заливѣ, но саксонцы въ это время уже отступили отъ Риги.

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1242.

²⁾ Тамъ же, стр. 1241.

Пришла очередь Петра I. Русскія войска въ это время уже приступили къ осадѣ Нарвы. Съ цѣлью разбитія русскихъ войскъ и освобожденія Нарвы, Карлъ XII двинулся къ этому городу.

Русскія войска собирались первоначально въ Новгородѣ, а затѣмъ, въ сентябрѣ, двинулись къ Нарвѣ. Общее число русскихъ войскъ составляло до 40,000 человекъ, въ томъ числѣ около 14,000 коннаго ополченія и стрѣльцовъ. Петръ I находился лично при войскахъ. Русскія войска раздѣлялись на нѣсколько частей и общаго начальствованія надъ войсками Петръ I не принималъ. Онъ, въ званіи „бомбардирскаго капитана“, стоялъ лагеремъ вмѣстѣ съ бомбардирскою ротою.

Старшимъ въ войскѣ былъ адмиралъ Головинъ, котораго Петръ I называлъ фельдмаршаломъ. Кромѣ того, передъ походомъ подъ Нарву пріѣхалъ нѣмецкій генералъ герцогъ фонъ-Крун, отлично рекомендованный Августомъ ¹⁾. Различными частями арміи командовали: Бутурлинъ—отрядомъ изъ 2 гвардейскихъ и 4 пѣхотныхъ солдатскихъ полковъ, силою до 8,000 чел.: кн. Трубецкой—отрядомъ изъ 2 пѣхотныхъ солдатскихъ, 4 полковъ новгородскихъ и псковскихъ стрѣльцовъ и коннаго ополченія новгородскихъ дворянъ, силою до 6,000 чел., и, кромѣ того, дивизіи Вейде и Головина по 8,000 чел. каждая.

Приблизившись къ Нарвѣ, русскіе заняли растянутую позицію въ 7 верстъ и возвели непрерывную контрвалаціонную, а затѣмъ и циркувалаціонную линіи. Разстояніе между этими линіями было незначительное, не свыше 50 сажень. На правомъ флангѣ обѣ линіи раздѣлялись болотами. Путь отступленія проходилъ по единственному плавучему мосту черезъ р. Нарову у оконечности праваго фланга.

Центръ позиціи и лѣвый флангъ проходили по небольшой грядѣ высотъ; правый флангъ—по болотистой мѣстности.

Сосредоточеніе войскъ подъ Нарву происходило медленно и по частямъ, вслѣдствіе дурнаго состоянія дорогъ и недостатка подводы.

Петръ I прибылъ подъ Нарву 23 сентября, а огонь по городу и укрѣпленіямъ былъ открытъ только 20 октября. Осадными работами руководилъ саксонскій инженерный генералъ Галлартъ, присланный Августомъ. Военныхъ запасовъ было заготовлено менѣе, чѣмъ разсчиталъ Галлартъ. Бомбардировка крѣпости продолжалась двѣ недѣли, но съ ничтожными результатами. Батареи были заложены на значительномъ разстояніи, а матеріальная часть артиллеріи „была въ жалкомъ положеніи: послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ ломались у орудій лафеты, колеса и оси; порохъ былъ негодный

¹⁾ Н. Костомаровъ „Русская исторія“, изд. 1874 г., стр. 571.

изъ мортиръ можно было стрѣлять только камнями, такъ какъ привезенныя бомбы не соотвѣтствовали калибру“¹⁾.

6 ноября возвели брешь—батарею, но, за недостаткомъ снарядовъ и пороха, прекратили огонь²⁾. Приходилось дожидаться подвоза.

Нашлись въ нашемъ войскѣ измѣнники. Одинъ изъ иноземцевъ, Гуммертъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ царя, передался шведамъ въ Нарву.

Войска были изнурены тяжелымъ походомъ и осадными работами. Въ продовольствіи и одеждѣ былъ большой недостатокъ. Изъ войскъ только три полка могли называться регулярными; остальные были сформированы годъ тому назадъ и менѣе. Начальниками войскъ были иноземцы, которымъ войска не довѣряли.

При такой обстановкѣ въ концѣ октября въ лагерь пришло извѣстіе, что Карлъ XII, съ арміею около 30,000 чел., высадился у Ревеля и двигается на помощь къ Нарвѣ.

Для развѣдки и задержанія шведовъ былъ посланъ съ 6,000 конницы съ орудіями Шереметевъ. Онъ занялъ очень сильную позицію въ 40 верстахъ отъ Нарвы, въ тѣснинѣ у д. Пигасыги. Позиція прикрывала единственный путь къ Нарвѣ, проходившій по топкому болоту. Черезъ ручей, защищавшій фронтъ позиціи, было выстроено два деревянныхъ моста. Дѣйствія нашихъ войскъ въ этомъ первомъ столкновеніи со шведами необъяснимы. Шереметевъ отправилъ за дефиломъ 800 человекъ конницы, которые легко были отброшены шведами къ мостамъ и за нихъ. Къ вечеру авангардъ шведовъ уже стоялъ передъ мостами, готовый къ штурму ихъ. Но Шереметевъ безъ всякаго сопротивленія покинулъ эту сильную позицію, не разрушивъ даже мостовъ. Карлъ по слѣдамъ его шелъ безпрепятственно къ Нарвѣ.

Войска наши, находившіяся подъ Нарвою, *неожиданно* узнали, что шведы находятся отъ нихъ всего въ 5 верстахъ. Началась суматоха, смятеніе и безпорядокъ, увеличившійся еще отъ того, что Петръ I, узнавъ наканунѣ о движеніи шведовъ, уѣхалъ въ Новгородъ, захвативъ съ собою и Головина. По отданному имъ приказанію, въ командованіе войсками долженъ былъ вступить фонъ-Круи, котораго войска совершенно не знали.

Между тѣмъ Карлъ XII привелъ съ собою относительно небольшой отрядъ, всего около 8,000 человекъ. Въ составъ его входили 21 бат. пѣхоты (5,000 чел.), 46 эскадроновъ конницы (3,000 ч.) и 37 орудій³⁾.

При сколько нибудь умѣломъ руководствѣ русская армія

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 14.

²⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1245.

³⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 15. У Костомарова („Исторія Россіи“, стр. 571) силы шведовъ показаны въ 8,500 человекъ.

въ 40,000 человекъ, т. е. въ пять разъ болѣе многочисленная, очевидно, могла съ успѣхомъ не только отразить шведовъ, но и разбить ихъ. Но зародыши пораженія уже находились въ нашей арміи до боя. Къ нимъ надо отнести недоувѣріе къ своимъ начальникамъ, отсутствіе сильной объединяющей власти (отѣздъ Петра), ослабленіе физическихъ и моральныхъ силъ лишеніями—недостаткомъ продовольствія и одежды, неудачное расположеніе въ одну линію на 7 верстъ, неопытность войскъ.

Въ войскахъ Карла XII, напротивъ того, настроеніе было приподнятое. Гордые успѣхами надъ лучшими войсками въ эпоху Густава-Адольфа, они имѣли во главѣ отважнаго вождя Карла XII, который вѣрилъ и въ свои войска, и въ побѣду надъ многочисленными, но не устроенными еще и неопытными русскими войсками; онъ рѣшилъ атаковать укрѣпленную русскую позицію.

Наблюденіе за шведскими войсками было такъ дурно организовано, что шведы 19 ноября съ разсвѣтомъ скрытно подошли на пушечный (той эпохи) выстрѣлъ къ нашимъ укрѣпленіямъ.

Послѣ канонады съ двухъ сторонъ до 2-хъ часовъ пополудни шведы тремя колоннами двинулись въ атаку, подошли ко рвамъ укрѣпленій, забросали ихъ фашинами и штурмовали валъ. Снѣжная мятель въ сторону русскихъ скрывала движенія шведовъ. „Русская конница Шереметева въ паническомъ страхѣ, не будучи вовсе атакована, бросилась бѣжать съ поля сраженія; около 1000 человекъ конницы потонуло въ р. Наровѣ“¹⁾.

Атака шведами нашихъ войскъ имѣла полный успѣхъ. На лѣвомъ флангѣ наши войска дивизіи Вейде еще оказали довольно упорное сопротивленіе и въ бѣгство не обратились, но въ центрѣ позиціи, которую занимали войска кн. Трубецкого и дивизіи Головина, колонна Рейншильда изъ 10 батальоновъ съ перваго же натиска овладѣла укрѣпленіями. Первыми дрогнули войска Трубецкого и побѣжали. Войска Головина послѣдовали ихъ примѣру. Съ началомъ бѣгства стали раздаваться крики: „гѣмцы намъ измѣнили“, и солдаты стали убивать своихъ офицеровъ-иноземцевъ. Мостъ не выдержалъ массы бѣглецовъ и прорвался. На крайнемъ правомъ флангѣ, откуда отходить путь отступленія черезъ рѣку, два гвардейскихъ полка—Преображенскій и Семеновскій устроили вагенбургъ изъ рогатокъ и повозокъ и оказали упорное сопротивленіе. Несмотря на прибытіе съ своимъ войскомъ лѣваго фланга Карла XII и личный примѣръ его, шведы до наступленія ночи не могли одолѣть нашихъ гвардейцевъ.

Ночь прекратила сраженіе. Наступившее утро застало нашу армію въ такомъ положеніи: съ прорывомъ центра войска лѣваго

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1246.

фланга—дивизія Вейде и войска праваго фланга—гвардія были разобщены и не имѣли между собою связи. Войска Вейде отступили къ о. Юала, имѣя съ фронта и праваго фланга шведовъ, съ тылу въ двухъ верстахъ верки кр. Нарвы и съ лѣваго фланга р. Нарову безъ моста. Въ центрѣ хозяйничали шведы; на правомъ флангѣ гвардейскіе полки твердо держались, укрывшись рогатками и повозками въ вагенбургѣ. Сообщение съ правымъ берегомъ Наровы было прекращено: плавучій мостъ былъ, какъ указано выше, разорванъ.

Какъ ни тяжело было положеніе русскихъ войскъ, но по численности они еще значительно превосходили шведовъ и, кромѣ того, у шведовъ послѣ боя не все обстояло благополучно. Шведскія войска были крайне утомлены и изнурены недостаткомъ продовольствія. Ворвавшіеся въ укрѣпленія разбрелись по русскому лагерю, нашли водку и такъ напировались, что стали не способны къ бою. Два шведскихъ отряда ночью вступили въ бой, принимая каждый своего противника за русскихъ ¹⁾. Но положеніе противника не было извѣстно, и каждая изъ двухъ группъ русскихъ войскъ вступила въ переговоры. Гвардейскіе полки выговорили себѣ право отступить по исправленному мосту съ оружіемъ и знаменами, сдавъ, однако, шведамъ артиллерию; дивизія же Вейде вся была взята въ плѣнъ.

Потери русскихъ войскъ подъ Нарвою исчисляются въ 6,000 чел. и 145 орудій. Шведы потеряли 2,000 человекъ. Отступление разбитой арміи къ Новгороду шло безпорядочно. Войска терпѣли во всемъ нужду. Было много погибшихъ отъ голода и стужи ²⁾.

Главныя причины пораженія русскихъ войскъ подъ Нарвою заключались въ слѣдующемъ:

1) Силы противника не были извѣстны; ихъ считали 30,000, а оказалось всего 8,000 чел. Между тѣмъ, знай Петръ I, что противъ него идетъ только 8,000, вѣроятно, онъ не оставилъ бы войска и при личномъ командованіи могъ дать совершенно другой оборотъ бою.

2) Вслѣдствіе неудачныхъ и малодушныхъ дѣйствій коннаго отряда Шереметева, нападеніе шведовъ явилось неожиданнымъ. Передовой отрядъ, не оказавъ сопротивленія на очень сильной позиціи, не раскрылъ также и силъ противника. О приближеніи шведовъ узнали, когда они находились всего въ 5 верстахъ отъ русскихъ войскъ.

3) Чрезвычайно растянутое расположеніе русскихъ войскъ (26,000 чел. пѣхоты тонкою линіею на 7 верстъ) облегчало прорывъ русской линіи.

4) Путь отступления, отходившій отъ праваго фланга; и шведская крѣпость въ тылу стѣсняли дѣйствія войскъ.

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1247.

²⁾ Костомаровъ считаетъ число погибшихъ при отступленіи къ Новгороду тоже въ 6,000 чел. (стр. 572).

5) Бѣгство конницы безъ боя, гибель на глазахъ войскъ части ея въ рѣкѣ Наровѣ не могли не повліять на войска наши невыгоднымъ образомъ.

6) Большое число начальниковъ изъ иноземцевъ лишало войска одного изъ главныхъ условій для успѣха боя—вѣры въ своихъ начальниковъ.

7) Но главною причиною неуспѣха надо считать отсутствіе сильной объединяющей усилія всѣхъ войскъ воли, отсутствіе вожда войскъ. Наскоро назначенный иноземець фонъ-Круи, конечно, не могъ имѣть достаточнаго авторитета. Только присутствіе среди войскъ самого Петра I могло дать усиліямъ всѣхъ войскъ должное единство, упорство и побѣду. Поэтому отъѣздъ передъ боемъ изъ арміи Петра I, необходимый для царя Русской земли, былъ гибеленъ для созданной имъ арміи, потерявшей съ его отъѣздомъ голову.

Нарвское пораженіе глубоко потрясло Петра I, но не сломило, а только усилило его энергію. Въ нѣсколько лѣтъ, не прекращая малой войны со шведами, Петръ создаетъ новую, еще болѣе сильную, армію и съ нею въ концѣ-концовъ побѣждаетъ шведовъ. Нарва—это былъ тяжелый урокъ, но онъ безусловно послужилъ намъ на пользу, заставивъ подъ желѣзнымъ давленіемъ Петра работать, учиться и, совершенствуясь, возстановливать утраченное въ этомъ бою довѣріе къ своимъ силамъ.

Легкость одержанной 18-ти-лѣтнимъ королемъ побѣды, напротивъ того, пошла шведамъ во вредъ: они получили слишкомъ низкое понятіе о русскихъ войскахъ и слишкомъ преувеличенное о своихъ достоинствахъ, начали относиться къ борьбѣ съ Россією менѣе серьезно, чѣмъ бы то слѣдовало, и тяжело за это поплатились.

Историкъ Соловьевъ пишетъ: „Люди, близкіе къ Карлу, сейчасъ же могли замѣтить вредное вліяніе, произведенное на него необыкновеннымъ успѣхомъ. Съ этихъ поръ страсть къ войнѣ разгорѣлась въ немъ во всей силѣ. Война для войны стала цѣлью его жизни; сюда присоединилось мнѣніе о своей непобѣдимости и непогрѣшительности, о своемъ посланничествѣ свыше. Вѣра въ собственную непобѣдимость соединилась естественно съ презрѣніемъ къ разъ побѣжденному непріятелю: „нѣтъ никакого удовольствія“,—говорилъ онъ,—„биться съ русскими, потому что они не сопротивляются, какъ другіе, а бѣгутъ; если бы Нарова была покрыта льдомъ, то намъ едва ли бы удалось убить хотя одного человѣка“¹⁾.

Ближайшіе приближенные къ королю писали, что онъ такъ крѣпко надѣется на помощь Божью, что не побойтся съ 4,000 человекъ броситься на 60,000 чел. Другой, полковникъ королевской гвардіи, писалъ, что Карлъ, не смотря на холодъ и голодъ, не хотѣлъ

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1249.

распускать войска на зимнія квартиры, и что онъ вторгнется въ Россію, даже если у него останется всего 800 человекъ.

Карль XII не использовалъ достигнутаго имъ успѣха, не развилъ побѣды преслѣдованіемъ, а сохранившіяся русскія войска, численностью до 20,000 человекъ, послужили кадромъ для сформированія новой арміи.

Репнинъ получилъ приказаніе привести въ порядокъ полки, шедшіе отъ Нарвы „въ конфузиі“. Новгородъ и Псковъ начали энергично укрѣпляться.

Вотъ какъ лѣтописецъ описываетъ направленіе работъ: „Рвы копали и церкви ломали, палисады ставили съ бойницами, а около палисадъ окладывали съ обѣихъ сторонъ дерномъ; также и раскаты дѣлали, а кругомъ окладывали дерномъ; а на работѣ были драгуны и солдаты, и всякихъ чиновъ люди, и священники, и всякаго церковнаго чина, мужескаго и женскаго пола; а башни насыпали землю, а сверху дернъ клали, работа была насыпная; а верхи съ башенъ деревянные и съ города кровлю деревянную всю сломали, и въ то же время у приходскихъ церквей, кромѣ соборной церкви, служебъ не было“ ¹⁾.

Работало такимъ образомъ и духовенство.

Строгое наказаніе ожидало виновнаго въ небрежности, лѣности или за взятки. Назначенный Петромъ лично „полуполковникъ дворянинъ Шеншинъ“ не былъ имъ найденъ на работахъ; его приказано было на самомъ мѣстѣ работъ „бить нещадно плетью“ и сослать потомъ въ Смоленскъ въ солдаты. Нѣсколько лицъ, взявшихъ взятки при поставкѣ подводъ, были повѣшены.

Твердо рѣшивъ продолжать борьбу съ Карломъ XII до побѣды, Петръ I принялъ, въ общемъ, слѣдующій планъ дѣйствій: не теряя ни минуты, формировать новую армію; не останавливаться для сего ни передъ какими средствами; избѣгать рѣшительнаго боя съ шведскими войсками; утомлять и ослабить ихъ малою войною; пользуясь превосходствомъ въ силахъ, нападать на ихъ небольшіе отряды и приучать войска къ побѣдамъ надъ шведами; принимать всѣ мѣры къ затрудненію довольствія шведскихъ войскъ; при отступленіи уничтожать всѣ запасы.

Приводя въ порядокъ уцѣлѣвшія послѣ Нарвы войска, Петръ формировалъ новыя. Наборъ рекрутъ слѣдовалъ за наборомъ. Усиливая пѣхоту, Петръ усилилъ и конницу быстрымъ сформированіемъ 10 новыхъ драгунскихъ полковъ.

Особенныя заботы выпали на долю Петра по созданію полевой артиллеріи, погибшей въ числѣ 145 орудій подъ Нарвою. Со всего государства, съ городскихъ и монастырскихъ церквей, были собраны колокола. Иноземецъ Виніусъ, „надзиратель артиллеріи“, былъ вы-

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1250.

бранъ удачно: въ годъ времени имъ было отлито 268 орудій, при чемъ они оказались много лучше потерянныхъ подъ Нарвою.

Для скрѣпленія союза съ Августомъ Петръ I въ 1701 году пмѣлъ съ нимъ свиданіе около Динабурга. Снова возникъ вопросъ объ участіи Польши въ войнѣ со шведами. Но польскіе представители попросили у царя за это содѣйствіе только уступки Кіева съ округомъ.

По новому договору съ Августомъ союзники обязались продолжать войну всѣми силами и не оканчивать безъ взаимнаго согласія.

Русскіе обязывались прислать Августу вспомогательный корпусъ войскъ въ 15—20,000 человекъ и выплачивать 100,000 руб. ежегодно въ теченіе трехъ лѣтъ. Король Августъ, для отвлеченія силъ шведовъ отъ Россіи, обязывался дѣйствовать въ Лифляндіи и Эстляндіи, *которыя и уступались затѣмъ Королю и Ръчи Господиной*. Петръ рассчитывалъ ограничить первоначально свои дѣйствія Ижорскою и Карельскою землями.

Впечатлѣніе Нарвской неудачи было такъ велико и опасеніе шведовъ такъ серьезно, что даже Петръ I понизилъ свои требованія и ограничилъ свои планы, временно, утвержденіемъ лишь на берегахъ Финскаго залива.

Между тѣмъ Карлъ XII снова нарушилъ планъ союзниковъ.

На основаніи плана, выработаннаго въ с. Биржахъ близъ Динабурга, Августъ долженъ былъ двинуть саксонскія войска къ Ригѣ и, подкрѣпленный корпусомъ русскихъ войскъ, овладѣть этимъ пунктомъ. Русскія войска должны были дѣйствовать къ сторонѣ Нарвы, но безъ попытокъ овладѣть этимъ пунктомъ или дать большое сраженіе. Только послѣ взятія Риги предполагалось открыть рѣшительныя дѣйствія противъ Нарвы соединенными русско-саксонскими войсками. Въ Финляндію предполагалось послать калмыковъ.

Саксонскія войска, подъ начальствомъ фельдмаршала Штейнау, къ іюню 1701 года сосредоточились подъ Ригю. Къ нимъ на подкрѣпленіе прибылъ русскій корпусъ Репнина въ 20,000 человекъ.

Интересно мнѣніе объ этихъ войскахъ Штейнау: „Люди вообще хороши,—писалъ фельдмаршалъ,—не больше 50 человекъ придется забраковать; у нихъ хорошія маастрихтскія и люттихскія ружья; у нѣкоторыхъ полковъ шпаги вмѣсто штыковъ. Они идутъ такъ хорошо, что нѣтъ на нихъ ни одной жалобы; работаютъ прилежно и скоро, безпрекословно исполняютъ всѣ приказанія. Особенно похвально то, что при цѣломъ войскѣ нѣтъ ни одной женщины и ни одной собаки; въ военномъ совѣтѣ московскій генераль сильно жаловался и просилъ, чтобы женамъ саксонскихъ мушкетеровъ запрещено было утромъ и вечеромъ ходить въ русскій лагерь и продавать водку, потому что чрезъ это его люди пріучаются къ пьянству и разнаго рода дебоширству. Генераль Репнинъ человекъ лѣтъ сорока; въ

войнѣ онъ немного смыслить, но онъ очень любитъ учиться и очень почитателенъ; полковники всѣ нѣмцы; старые—неспособные люди, а остальные офицеры люди малоопытные“¹⁾.

Этотъ отзывъ и черезъ 200 лѣтъ по нѣкоторымъ пунктамъ можно прочесть съ внутреннимъ удовлетвореніемъ: войска безпрекословно исполняютъ всѣ приказанія; работаютъ прилежно и скоро, ведутъ себя по отношенію къ жителямъ такъ, что на нихъ нѣтъ ни одной жалобы. По одному этому отзыву можно признать, что войска русскія стали при Петрѣ I регулярными. Замѣтно вліяніе Петра въ томъ, что начальникъ войскъ „очень любилъ учиться“. Къ сожалѣнію, это вліяніе въ такой длинный періодъ, какъ 200 лѣтъ, сильно ослабѣло, и въ XIX столѣтіи мы уже имѣли много начальниковъ, которые хотѣли только командовать, но не учиться.

Характеренъ и попутный отзывъ Штейнау о саксонскихъ войскахъ. Оказывается, что изъ Саксоніи часть ихъ пришла въ Ригу съ своими женами, которыя занимались между прочимъ и продажею водки. Повидимому, это были „маркитантки“, сопровождавшія всѣ арміи той эпохи.

Обрадовавшись послушанію русскихъ войскъ и ихъ усердію въ работѣ, Штейнау заставилъ ихъ производить фортификаціонныя работы на Двинѣ, вдали отъ Риги, а къ своимъ войскамъ присоединилъ только четырехъ-тысячный русскій отрядъ.

Русскія войска въ 1701 году тоже были разбросаны: 30,000 чел., подъ начальствомъ Шереметева, стояли въ Псковѣ. Апраксинъ съ 10,000 чел.—въ Новгородѣ и Ладогѣ.

Принимая численность войскъ Штейнау въ 20,000 чел., союзники уже въ 1701 году могли сосредоточить противъ шведовъ около 80,000 человекъ. Карлъ XII противъ этихъ силъ могъ выставить лишь двадцать съ небольшимъ тысячъ. Тѣмъ не менѣе, пользуясь разброскою и бездѣйствіемъ силъ союзниковъ, Карлъ быстро перекинулъ часть своихъ войскъ къ Ригѣ, переправился 9 іюля, въ виду непріятели, черезъ Двину, атаковалъ саксонскія войска и разбилъ ихъ на голову. Вся артиллерія и лагерь достались побѣдителямъ. Потери саксонцевъ составили 2,000 чел., шведовъ—500 чел. Объ участіи въ этомъ бою русскихъ указаній не имѣется.

Такимъ образомъ, Карлъ XII одержалъ двѣ рѣшительныя побѣды: одну надъ войсками Петра подъ Нарвою, другую надъ войсками Августа близъ Риги. Ему предстояло опредѣлить дальнѣйшій планъ дѣйствій.

Въ виду разгрома саксонскихъ войскъ и неучастія въ борьбѣ польскихъ войскъ, Карлъ XII могъ поставить цѣлью докончить пораженіе Августа II, добиться смѣщенія его съ польскаго престола и искать въ новомъ королѣ польскомъ, выбранномъ при участіи

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1254.

шведскаго короля, союзника противъ Россіи. Другой планъ заключался въ томъ, чтобы оставить короля Августа въ покоѣ, даже заключить съ нимъ лично новое соглашеніе и обрушиться на русскія войска, чтобы не дать имъ возможности вполне оправиться послѣ Нарвской катастрофы. Петръ I, по его характеру, былъ болѣе опасный противникъ, чѣмъ Августъ, и, казалось бы, борьба противъ него и должна была составить главную цѣль дѣйствій шведовъ въ 1701—1702 годахъ.

Историкъ Масловскій пишетъ: „Съ конца 1706 г. и до вторичнаго возвращенія къ арміи (до Головчина), самъ Петръ I ясно сознавалъ, что самая выгодная цѣль дѣйствій для Карла XII есть вторженіе въ Лифляндію, откуда шведы, по соединеніи съ Левенгауптомъ, возстановивъ сообщеніе съ Швеціею,—съ полнымъ удобствомъ могли, съ двухъ сторонъ (съ запада и съвера), направить всѣ свои силы въ слабо укрѣпленную Ингрію и такимъ образомъ достигнуть первой, важнѣйшей стратегической цѣли“.

Такъ первоначально предполагалъ поступить и Карлъ XII ¹⁾. Онъ отдалъ приказаніе Шлиппенбаху двинуться отъ Дерпта къ Пскову и ждать его пріѣзда ²⁾, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе и рѣшилъ направить свои усилія первоначально противъ Августа. При этомъ рѣшеніи видную роль играло личное нерасположеніе Карла XII къ Августу II. Отличаясь самъ рыцарскимъ характеромъ, онъ презиралъ въ Августѣ двуличность и способность легко измѣнять своему слову, если только это представлялось ему выгоднымъ. Поэтому ни о какомъ новомъ соглашеніи съ Августомъ II не могло быть и рѣчи. Карлъ XII задался цѣлью свергнуть Августа II съ польскаго престола и страстно, даже въ ущербъ своимъ интересамъ, преслѣдовалъ эту цѣль.

Въ письмѣ къ французскому королю Карлъ XII даетъ такой отзывъ объ Августѣ: „Поведеніе его такъ позорно и гнусно, что заслуживаетъ мщенія отъ Бога и презрѣнія всѣхъ благомыслящихъ людей“ ³⁾.

Для русскихъ войскъ такое отвлеченіе Карла XII на западъ имѣло благодѣтельныя послѣдствія: Петръ I выигралъ время для формированія новой арміи и, пользуясь отсутствіемъ короля-полководца, одержалъ нѣсколько частныхъ успѣховъ надъ шведскими войсками. Русскіе воочію убѣдились, что шведы побѣдимы.

Поэтому, какъ только Карлъ удалился съ русскаго театра войны, Петръ приказалъ нашимъ войскамъ начать наступательныя дѣйствія въ направленіи къ Финскому заливу.

¹⁾ Д. Масловскій, „Съверная война“, вып. I, стр. 12.

²⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1236.

³⁾ Тамъ же, стр. 1257.

Дѣйствія русскихъ войскъ противъ шведовъ въ 1701—1703 годахъ.

а) *Первыя побѣды русскихъ войскъ у Эрестфера и Гуммельсгофа.*

Общій планъ дѣйствій Карла XII въ 1701—1703 годахъ заключался въ наступленіи противъ короля Августа и оборонѣ противъ Россіи.

Силы, оставленныя Карломъ XII для оборонительныхъ противъ Россіи дѣйствій, были весьма незначительны количествомъ, но Карлъ XII съ основаніемъ надѣялся на ихъ достоинства въ качественномъ отношеніи. Для обороны Эстляндіи Карлъ оставилъ въ окрестностяхъ Дерпта 8,000 чел. подъ начальствомъ Шлиппенбаха, а для обороны Ингерманландіи—6,000 чел. подъ начальствомъ Крангіорта.

Одержавъ съ 8,000 чел. побѣду подъ Нарвою надъ сорокатысячною русскою арміею, Карлъ въ правѣ былъ разсчитывать, что оставленныхъ имъ 14,000 отличнаго войска достаточно, чтобы сдержать русскихъ, если они перейдутъ въ наступленіе. При этомъ расчетѣ Карлъ XII руководился вынесеннымъ имъ послѣ боя подъ Нарвою весьма нелестнымъ мнѣніемъ о боевыхъ качествахъ русскихъ войскъ (вспомнимъ его мнѣніе, что если бы на Нарвѣ былъ ледъ, то русская армія убѣжала бы и не удалось бы убить ни одного русскаго).—Но онъ не принялъ въ расчетъ основного качества русскаго человѣка вообще и русскаго воина въ особенности—способность *чрезвычайно быстро оправляться послѣ самыхъ жестокихъ поражений*. Отдыхъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, достаточное питаніе, заботливое отношеніе начальника, возстановленіе обычнаго внутренняго порядка и въ особенности бодрость, проявленная начальникомъ, замѣчательно быстро возвращаютъ нашему солдату и офицеру способность къ новому упорному бою послѣ огромныхъ потерь и полной неудачи. Послѣ Нарвскаго же пораженія прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ усиленной военной подготовкѣ. Артиллерія улучшилась. Наконецъ, въ составѣ арміи находились части войскъ, для которыхъ сраженіе подъ Нарвою напоминало о подвигѣ, а не о позорѣ: это были Преображенскій и Семеновскій полки. Главное же, что быстро оправило русскихъ,—это желѣзная воля Петра, который, вѣря самъ въ успѣхъ, успѣвалъ эту вѣру внушать и своимъ подчиненнымъ. Противъ 14,000 шведовъ Петръ I располагалъ 30,000 чел. подъ начальствомъ Шереметева у Пскова и 10,000 чел. Апраксина въ Новгородѣ. Весь 1701 годъ прошелъ въ мелкихъ набѣгахъ на неприятельскую страну, на которые шведы отвѣчали набѣгами же.

Не вѣря въ готовность русскихъ къ наступленію, шведы расположились довольно безопасно на зимнихъ квартирахъ у Эрестфера между Дерптомъ и Псковомъ.

Въ концѣ года Шереметевъ рѣшилъ быстро двинуться противъ Шлиппенбаха и атаковать его, пока шведы не успѣютъ сосредоточиться съ зимнихъ квартиръ. У Шереметева было 8,000 пѣхоты и драгунъ и 15 орудій, кромѣ отрядовъ казаковъ, калмыковъ и татаръ. Для шведовъ движеніе русскихъ было неожиданно.

29 декабря русскій авангардъ напалъ на передовой шведскій отрядъ въ 300 человекъ и истребилъ его. Шлиппенбахъ съ частью своихъ войскъ, наскоро собранныхъ, бросился на встрѣчу русскимъ и оттѣснилъ нашъ авангардъ къ главнымъ силамъ; но, узнавъ, что имѣетъ дѣло только съ авангардомъ, самъ отступилъ къ мызѣ Эре-стферъ, куда назначилъ сборъ и остальныхъ войскъ съ зимнихъ квартиръ.

Ранѣе, чѣмъ шведскія войска собрались, они уже были атакованы русскими. Завязался упорный бой. Шведы нѣсколько разъ тѣснили русскихъ, но были останавливаемы дѣйствіями нашей артиллеріи. Первою дрогнула у шведовъ ихъ конница, которая бѣжала, подобно русской конницѣ въ битвѣ подъ Нарвою, и разстроила свою пѣхоту. Шведская пѣхота была окружена; до 3,000 шведовъ легло на полѣ сраженія, 350 человекъ и 6 орудій попали въ плѣнъ. Шлиппенбахъ съ остатками конницы отступилъ къ Сагницю.

Побѣда была полная и принесла великую радость Петру и всей Россіи: это была первая побѣда надъ войсками Карла XII, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ Нарвы. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ, Петръ сказалъ: „Слава Богу: мы можемъ, наконецъ, бить шведовъ“.

Нравственное значеніе этой побѣды было огромное. Первый шагъ къ Полтавѣ былъ сдѣланъ. Въ Москвѣ по случаю побѣды было празднованіе и ликованіе. Побѣдителей щедро наградили. „Меньшиковъ поскакалъ къ побѣдителю (Шереметеву) съ ордемомъ Андрея Первозваннаго, съ царскимъ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами, съ указомъ о возведеніи въ генераль-фельдмаршалы“¹⁾. Офицерамъ были пожалованы золотыя медали, а солдатамъ—по серебряному рублю.

Въ 1702 году Шереметевъ одержалъ вновь побѣду надъ шведами Шлиппенбаха у Гуммельсгофа.

Съ 30,000 чел. онъ атаковалъ 6,000 шведовъ. Первоначально шведы имѣли успѣхъ противъ нашихъ передовыхъ отрядовъ и овладѣли даже 5 орудіями, но, увлекшись преслѣдованіемъ, были атакованы съ фронта и съ фланга главными русскими силами и почти уничтожены. 5,500 труповъ остались на полѣ сраженія. Всѣ знамена и артиллерія достались въ руки побѣдителей. Русскіе потеряли около 800 человекъ.

Одновременно Апраксинъ перешелъ въ наступленіе противъ Крангюрта и нанесъ ему пораженіе на р. Ижорѣ.

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1257.

Послѣ этихъ побѣдъ русскіе отряды, посланные во всѣ стороны, разоряли Лифляндію, по приказу Петра Шереметеву: „чтобъ непріятелю пристанища найти и сикурсу своимъ городамъ подать было невозможно“¹⁾).

Шереметевъ исполнилъ этотъ приказъ съ особымъ рвеніемъ и допустилъ много вредныхъ для русскаго дѣла жестокостей²⁾).

б) Завоеваніе Ингерманландіи (1702—1703 гг.). Взятіе штурмомъ кр. Шлиссельбургъ, выходъ къ морю у устья Невы, заложение г. Петербурга.

Притянувъ силы Шереметева изъ Пскова и Репнина изъ Новгорода, Петръ I собралъ большую часть своей арміи и рѣшилъ предпринять съ нею завоеваніе Ингерманландіи. Первымъ предметомъ дѣйствій былъ избранъ старый русскій Орѣшекъ (Нотебургъ, нынѣ Шлиссельбургъ). Эта крѣпость, какъ извѣстно, была построена на островѣ, при истокѣ р. Невы изъ Ладожскаго озера, имѣла высокія каменные стѣны, сильную артиллерию въ 142 орудія и незначительный гарнизонъ силою 450 человекъ.

Многочисленныя русскія войска осадили ее съ обоихъ береговъ р. Невы. Бомбардированіе длилось 11 дней, но особаго вреда крѣпости не принесло. Между тѣмъ усиленная стрѣльба привела въ негодность большую часть русскихъ орудій. Тогда Петръ рѣшился взять Орѣшекъ открытою силою.

Несмотря на слабый гарнизонъ, шведы защищались отчаянно. Первый приступъ былъ отбитъ. Командиръ Семеновскаго полка кн. Голицынъ, замѣтивъ, что нѣкоторые солдаты, уже перевезенные подъ стѣны крѣпости, готовятся бѣжать, приказалъ оттолкнуть отъ острова лодки. Съ прибытіемъ подкрѣпленій штурмъ возобновился. Послѣ потери большей части гарнизона комендантъ сдалъ 14 октября крѣпость, выговоривъ возможно почетныя условія: остатки гарнизона (83 здоровыхъ и 160 раненыхъ) съ оружіемъ, съ 4 пушками и съ распущенными знаменами выступили съ почестью изъ Орѣшка.

Наши войска потеряли 500 чел. убитыми и 1,000 чел. ранеными³⁾. Штурмъ продолжался 13 часовъ.

Только на слѣдующій 1703 годъ русская армія, въ составѣ 20,000 человекъ, двинулась отъ Орѣшка (переименованнаго въ Шлиссельбургъ) къ устью Невы для овладѣнія выходомъ къ морю. Почему было потеряно полъ-года времени,—не выяснено.

У устья Невы, при впаденіи въ нее р. Охты, было возведено шведами небольшое земляное укрѣпленіе Канцы или Ніеншанцъ,

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1266.

²⁾ Костомаровъ, стр. 580—581.

³⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 20.

прикрывавшее посадъ изъ 400 деревянныхъ домиковъ.—Послѣ 12 часового бомбардированія Канцы сдались и переименованы въ Шлотбургъ. На другой день „бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ“ и Меньшиковъ съ 30 лодками съ десантомъ отъ гвардейскихъ полковъ напали неожиданно на два шведскихъ судна, вошедшихъ въ Неву съ цѣлью оказать помощь Ніеншанцу. Суда были взяты на abordажъ и изъ экипажа ихъ въ 80 человѣкъ уцѣлѣло только 13 человѣкъ.

За эту викторію „бомбардирскаго капитана Петра Михайлова“ и поручика Меньшикова пожаловали Андреевскими кавалерами.

Вмѣсто срытаго Ніеншанца была заложена существующая и понынѣ Петропавловская крѣпость, положившая начало основанію Петербурга.

Петръ ликовалъ „пріобрѣтенію желаемой морской пристани“. Выходъ къ Финскому заливу снова перешелъ и уже на всегда въ русскія руки. Виниусъ, поздравляя Петра Великаго со взятіемъ Ніеншанца, писалъ, что съ этою побѣдою „отверзошася пространная порта (ворота) безчисленныхъ вамъ прибытковъ“¹⁾.

16 мая 1703 года заложено основаніе г. Петербурга.

Для обезпеченія со стороны Лифляндіи лѣтомъ того же года были покорены крѣпости Ямъ и Копорье. Ямъ, переименованный въ Ямбургъ, усиленъ.

Для прикрытія со стороны моря, послѣ рекогносцировки и промѣровъ, произведенныхъ лично Петромъ I, былъ выбранъ островъ Котлинъ, гдѣ и приступлено къ возведенію крѣпости Кронштадтъ.

Для созданія флота при Лодейномъ полѣ, недалеко отъ истоковъ Невы, была заложена верфь.

Шведскія войска Крангюрта были оттѣснены къ Выборгу. Россія стала прочно въ Ингерманландіи.

Задача русской арміи по выходу къ Финскому заливу въ 1703 году была, подъ личнымъ руководствомъ и при личномъ участіи въ бояхъ Петра Великаго, закончена съ полнымъ успѣхомъ.

Предстояло выполнить вторую половину задачи: выйти къ Балтійскому морю. Къ выполненію этой части задачи и было приступлено въ 1704 году.

По поводу выхода Россіи въ 1703 году къ Финскому заливу нашъ историкъ Соловьевъ пишетъ:

„Въ IX-мъ вѣкѣ по Р. Х. устьемъ Невы начинался великій путь изъ Варягъ въ Греки; этимъ путемъ въ половинѣ вѣка началась Россія. Въ продолженіе восьми съ половиною вѣковъ шла она все на востокъ; дошла вплоть до Восточнаго океана, но сильно наконецъ вѣстосковалась по Западномъ морѣ, у котораго родилась, и снова пришла къ нему за средствами къ возрожденію.

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1270.

16 мая 1703 года на одномъ изъ островковъ Невскаго устья стучалъ топоръ; рубили деревянный городокъ. Этотъ городокъ былъ *Петербургъ*, столица Россійской Имперіи“ 1).

Военныя дѣйствія въ 1704 году. Овладѣніе Дерптомъ и Нарвою.

Въ 1704 году Петръ I предпринимаетъ одновременно дѣйствія противъ Дерпта и Нарвы.

Дерптъ представлялъ изъ себя сильную крѣпость съ гарнизономъ въ 5,000 чел. при 133 орудіяхъ.

Армія Шереметева, силою въ 23,000 чел. при 46 орудіяхъ, выступила въ концѣ мая изъ Пскова къ Дерпту, обложила эту крѣпость, и 10 іюня приступила къ осаднымъ работамъ. Эти работы подвигались медленно. Прибытіе къ арміи царя прибавило энергіи осаждавшимъ. 12 іюня подступы уже были доведены до гласиса. 13 іюня случайный бой обратился въ общій штурмъ, нѣсколько подготовленный бывшимъ наканунѣ бомбардированіемъ. Заслуживаетъ вниманія порывъ войскъ впередъ. Частные начальники умѣло и энергично развили частный успѣхъ въ общій. Первоначально охотники удержались у гласиса. Присланныя къ нимъ подкрѣпленія, не довольствуясь удержаніемъ позиціи у гласиса, послѣ ночного боя берутъ одинъ изъ рavelиновъ, затѣмъ выбиваютъ крѣпостныя ворота и стремительно врываются черезъ нихъ внутрь крѣпости. Комендантъ сдается.

Послѣ паденія Дерпта, Петръ сосредоточиваетъ подъ Нарвою 30 пѣх. полковъ и 16 конныхъ при 150 орудіяхъ, всего 45,000 чел.

Нарва была укрѣплена сильнѣе Дерпта. Укрѣпленія Иванъ-города 2), лежавшія противъ Нарвы на правомъ берегу рѣки, дополняли оборону Нарвы. Гарнизонъ Нарвы состоялъ изъ 3,500 чел. пѣхоты, 1,000 чел. конницы и 570 орудій.

Обложеніе было произведено 30 мая, а бомбардированіе началось только 30 іюля. Почти два мѣсяца были потеряны за неприбытіемъ осадной артиллеріи. Въ началѣ августа въ двухъ бастіонахъ были сдѣланы бреши. На сдѣланное предложеніе сдаться комендантъ Горнъ отвѣтилъ отказомъ.

9 августа, послѣ очень упорнаго боя, когда двѣ трети гарнизона погибли, крѣпость Нарва была взята.

Наши историки относительно дѣйствій Петра I въ 1700—1704 годахъ дѣлаютъ такое заключеніе:

„Такимъ образомъ, въ четыре года Петръ Великій не только

1) Соловьевъ, т. XIV, стр. 1270.

2) Основаннаго Иваномъ IV Грознымъ.

создалъ армію, разсѣянную подъ Нарвою въ 1700 году, но, посредствомъ малой войны, далъ ей прекрасную боевую школу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣлъ овладѣть Ингерманландіею. Кроншлотъ, вмѣстѣ съ вновь созданнымъ флотомъ, прикрывали доступы въ Неву съ моря; Петербургъ и Шлиссельбургъ обезпечивали завоеванную область со стороны Финляндіи, а Нарва, Дерптъ и Ямбургъ—со стороны Эстляндіи¹⁾.

Военныя дѣйствія въ 1705—1707 годахъ. Блокада русской арміи въ Гроднѣ, отступление ея на Волынь.

Послѣ ряда поражений, нанесенныхъ Августу II, Карлъ XII въ 1704 году достигъ того, что варшавскій сеймъ призналъ Августа лишеннымъ польской короны; на его мѣсто былъ избранъ Станиславъ Лещинскій. На съѣздѣ въ Сандомирѣ это избраніе было признано незаконнымъ, и въ Польшѣ, какъ и въ XVII столѣтіи при Янѣ-Казиміръ, снова явилось два короля. Началась междоусобная война, разорявшая Польшу.

Карлъ XII продолжалъ борьбу съ Августомъ и отгѣснилъ его къ Кракову.

Вспомогательный русскій отрядъ въ 17,000 человекъ тоже подвергся поражению и былъ отгѣсненъ за р. Одеръ.

Желая оказать содѣйствіе своему союзнику, Петръ I, ранѣе утвержденія въ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, двинулъ войска въ Литву. Весною 1705 года у Полоцка собралось до 40,000 русской пѣхоты и 20,000 русской конницы. Въ это же время получилось извѣстіе о появленіи у Митавы шведовъ подъ начальствомъ Левенгаупта. На этотъ разъ русскіе отступили отъ обычной по отношенію къ шведамъ осторожности въ дѣйствіяхъ.

На военномъ совѣтѣ было рѣшено продолжать движеніе въ Литву черезъ Вильну въ Гродну, а противъ Левенгаупта выслать, подъ начальствомъ Шереметева, отрядъ изъ 8 драгунскихъ и 3 пѣхотныхъ полковъ. Отрядъ этотъ былъ разбитъ шведами на голову. Виновицею пораженія, какъ и подъ Нарвою, была конница. Конница зарвалась, имѣла небольшой частный успѣхъ, но, занявшись грабежомъ обоза, упустила слѣдить за наступленіемъ шведскихъ войскъ. Обрушившись на конницу, а затѣмъ и на нашу относительно малочисленную пѣхоту, шведы нанесли имъ тяжкое пораженіе. Большая часть пѣхоты погибла. Вся артиллерія и много знаменъ досталась въ руки шведовъ. Узнавъ о приближеніи русскихъ подкрѣпленій, Левенгауптъ отступилъ къ Ригѣ.

Наша армія продолжала движеніе къ Гроднѣ и заняла этотъ

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 23.

пунктъ въ началѣ зимы 1705 года. Приближеніе русскихъ къ польскому театру войны заставило Карла XII обратиться противъ нихъ.

Оставивъ на границахъ Силезіи 12,000 шведовъ, Карлъ XII двинулся на встрѣчу русскимъ съ 40,000 арміею, въ томъ числѣ 20 т. шведовъ и столько же поляковъ.

Съ полученіемъ извѣстій о приближеніи Карла XII русская армія собралась въ трехъ группахъ: въ Гроднѣ 45 бат. пѣхоты и 6 драгунскихъ полковъ, около Минска союзная саксонская конница и часть нашей конницы и на Воляни—казаки Мазепы. Кромѣ того, въ Курляндіи противъ Левенгаупта было оставлено 10 драгунскихъ полковъ.

Царь Петръ I, сдавъ общее начальствованіе своему союзнику Августу, уѣхалъ въ Москву. Въ Гроднѣ русскими войсками командовалъ Огильви. Городъ Гродна былъ обнесенъ укрѣпленіями.

Карлъ XII въ началѣ января, неожиданно для противниковъ, уже приблизился къ Гроднѣ и, не рѣшаясь на атаку открытою силою рѣшился обложить русскую армію и стать на ея сообщенія съ Минскомъ. Скоро однако, вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи, обложеніе было значительно ослаблено. Августъ, вмѣсто содѣйствія русскимъ войскамъ, запертымъ въ Гроднѣ, отправился съ своею конницею въ Варшаву и увелъ съ собою 4 русскихъ драгунскихъ полка.

Русская армія вторично очутилась въ положеніи, сходномъ съ тѣмъ, въ которомъ она находилась передъ пораженіемъ подъ Нарвою. Опять Петра при арміи не было, и опять во главѣ арміи былъ поставленъ иноземецъ, къ которому войска довѣрія не имѣли.

Къ счастью Петръ уже былъ на пути къ арміи, когда получилъ извѣстіе о блокадѣ ея шведами. Въ тяжелыя минуты мощный умъ его работалъ съ удвоенною энергіею. Главное, надо было скорѣе обезпечить продовольствіе войскъ. Несмотря на всѣ трудности, благодаря неполной блокадѣ, удалось подвезти въ Гродну значительный запасъ муки, но въ фуражѣ остался полный недостатокъ. Въ Минскѣ были быстро сосредоточены подкрѣпленія—около 12,000 войскъ. Укрѣпленія Смоленска и Пскова спѣшно усиливались. Тѣмъ не менѣе положеніе арміи въ Гроднѣ съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе. Войска Августа уже въ февралѣ были разбиты. Помощи отъ него уже нельзя было ожидать, а между тѣмъ Карлъ XII, притянувъ къ себѣ Левенгаупта и Рейншильда, могъ сосредоточить для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Гродны до 40,000 только шведскихъ войскъ. Шведскій король тоже не терялъ времени и за 5 лѣтъ успѣлъ, какъ и Петръ I, значительно увеличить свою армію. Подъ Гродной уже не былъ 8,000 отрядъ, съ которымъ Карлъ XII атаковалъ русскую армію подъ Нарвою, а могла собраться армія, численностью, вмѣстѣ съ польскими войсками, до 60,000 человекъ.

Но если за 5 лѣтъ произошли измѣненія въ численности войскъ воюющихъ сторонъ, неблагопріятныя для русскихъ, то за тотъ же періодъ русскіе выиграли въ иномъ, болѣе важномъ, чѣмъ матеріальная сторона, отношеніи: въ 1700 году Карлъ XII отваживается съ 8,000 чел. атаковать за сильными укрѣпленіями 45,000 русскихъ, а черезъ 5 лѣтъ, располагая 20,000 шведовъ и 20,000 поляковъ, не отваживается атаковать открытою силою 30,000 русскую армію, запертую въ Гроднѣ. Очевидно, побѣды надъ Шлиппенбахомъ, побѣды въ Ингерманландіи и штурмы Дерпта и Нарвы съ основаніемъ очень возвысили въ глазахъ Карла достоинства русской арміи.

Оставаться въ Гроднѣ русской арміи нельзя было: къ марту мѣсяцу половина лошадей въ конницѣ и въ артиллеріи уже пала отъ безкормицы. Надо было отступать, что не представлялось возможнымъ безъ принятія боя съ превосходными силами Карла XII и при томъ въ невыгодныхъ условіяхъ. Великій Петръ выручилъ армію, пославъ приказаніе отступить *немедленно, какъ только вскрыется Нѣманъ, по заранье подготовленному мосту*, въ направленіи на Брестъ—Ковель—Кіевъ, въ обходъ Полѣсья, прикрываясь имъ отъ шведовъ. Историкъ Д. Масловскій свидѣтельствуетъ, что идея отступления, на основаніи документовъ, дѣйствительно принадлежала Петру.

22 марта 1706 г. Нѣманъ вскрылся, а 23-го русская армія уже перешла на правый берегъ Нѣмана и двинулась къ Бресту, не тревожимая шведами, куда и прибыла 4 апрѣля и затѣмъ продолжала движеніе черезъ Ковель къ Кіеву. Это отступление не обошлось безъ большой жертвы: вся тяжелая артиллерія была брошена въ рѣчку.

Карлъ XII потерялъ нѣсколько дней. Устроенный имъ мостъ въ м. Орля, выше Гродны, разорвало льдомъ. Надѣясь настичь русскую армію, Карлъ XII двинулся ей на перерѣзъ къ Минску. Огромныя трудности были встрѣчены шведами на этомъ пути отъ болотистой мѣстности и недостатка продовольствія. По достиженіи Минска, шведской арміи пришлось пробыть въ этомъ пунктѣ мѣсяць времени, ранѣе чѣмъ явилась возможность продолжать движеніе къ Луцку и Дубно, куда шведы и сосредоточились въ началѣ іюня.

Въ январѣ 1707 года шведская армія уже вновь находилась въ окрестностяхъ Гродны. На походѣ съ Волыни къ Гроднѣ небольшіе русскіе отряды отступали передъ шведами, опустошая всю мѣстность. Главныя русскія силы съ Волыни тоже передвинулись къ Полоцку и далѣе къ м. Чашники, куда и собрались къ срединѣ февраля.

Карлъ сдѣлалъ еще одну попытку настичь русскую армію. Двинувши въ концѣ января по направленію къ Минску свою армію, онъ опять вынужденъ былъ слѣдовать по вполнѣ опустошенной мѣстности. Сдѣлавъ 10 переходовъ, шведы остановились между Сморгонью и Вильной и затѣмъ передвинулись въ окрестности

Минска. Походъ 1707 года окончился неудачно — русская армія не была достигнута и разбита.

Военныя дѣйствія въ 1708 году: поражение при д. Головчино; побѣда при д. Лѣсной.

Весною 1708 года шведскія и русскія войска въ общемъ были расположены слѣдующимъ образомъ:

Главныя силы шведовъ, подъ личнымъ начальствомъ Карла XII, состояли, кромѣ польскихъ войскъ и ополченій, изъ 30—35,000 чел. въ составѣ 12 пѣхотныхъ и 16 конныхъ полковъ ¹⁾.

Въ половинѣ февраля войска эти подходили, послѣ труднаго марша отъ р. Вислы, къ Сморгони и Слуцку, а передовыя части къ Минску и Долгинуву.

Войска двигались по опустошенной странѣ, терпѣли во всемъ недостатокъ и вынуждены были, для отдыха и организаціи довольствія, стать на широкія квартиры вокругъ Сморгони.

Въ Курляндіи Карлъ XII располагалъ корпусомъ Левенгаупта въ составѣ 12 бат. и 7 конныхъ полковъ, силою не свыше 16,000 чел.; главная квартира въ Ригѣ.

Въ Финляндіи на фронтѣ Выборгъ-Кексгольмъ, съ главною квартирою въ Выборгѣ, дѣйствовалъ корпусъ Либекера въ составѣ 17 бат. и 5 кон. полковъ.

Русскія войска были расположены также въ трехъ группахъ:

Главныя силы, численностью до 57,000 чел., были расположены къ юго-западу отъ Витебска съ главною квартирою въ Чашникахъ, а въ мартѣ въ Бѣшенковичи.

Корпусъ Баура, около 16,000 чел., въ томъ числѣ до 6,000 конницы, былъ расположенъ противъ шведскихъ войскъ Левенгаупта между Дерптомъ и Псковомъ съ конными отрядами, выдвинутыми къ Ригѣ и Ревелю.

Ингерманландскій корпусъ, подъ начальствомъ Апраксина, состоялъ изъ 24,000 чел., въ томъ числѣ конницы 4,500 чел. Войска эти занимали вновь завоеванныя крѣпости, съ главными силами на линіи Петербургъ—Нарва.

Главныя силы были раздѣлены на три дивизіи:

1-ю Шереметева	20 бат.
2-ю Алларта	17 „
3-ю Репнина	17 „

Всего въ пѣхотѣ состояло 25 полковъ или 54 баталіона, въ которыхъ числилось по спискамъ 32,446 чел., а боевая сила состояла изъ 24,850 строевыхъ чиновъ ²⁾.

¹⁾ А. Мышлаевскій, „Сѣверная война 1708 г.“, стр. 1.

²⁾ Тамъ же, стр. 6.

Кромѣ этихъ частей, полки Преображенскій и Семеновскій были посажены на лошадей. Сила этого отряда состояла изъ 4,500 человекъ.

Конницу арміи составили 25 драгунскихъ полковъ подъ начальствомъ Меньшикова. Каждый полкъ былъ силою около 1,100 чел. и дѣлился на 11 ротъ.

Пререгулярныхъ войскъ изъ черкесовъ, калмыковъ, слободскихъ казаковъ, донскихъ, яцкихъ и терскихъ казаковъ и пр. было до 5—6,000 человекъ.

Число орудій при арміи точно не выяснено. Изъ наличной артиллеріи въ каждый пѣхотный полкъ было придано по два, а въ драгунскій по одному орудію.

По опредѣленію А. Мышлаевскаго, боевая сила арміи состояла:	
Пѣхоты—6 грен. и 48 пѣх. бат. около . . .	24,500 чел.
Конной пѣхоты 7 бат.	4,500 „
Конницы 22½ др. полка 111 эск.	21,000 „
Не регулярной конницы	5,500 „
Полевой артиллеріи.	2,000 „
Всего около.	57,500 „

Войска имѣли 50 выстрѣловъ на полковое орудіе и 120 на полевое и по 50 патроновъ на ружье.

Ружья и конскій составъ были плохи и уступали шведскимъ ¹⁾.

Конница была слишкомъ многочисленна сравнительно съ пѣхотою.

Съ отъѣздомъ Петра изъ арміи въ ней явилось двоевластіе. Пѣхота съ небольшою частью конницы была подчинена Шереметеву (26,000), а конница и конная пѣхота—Меньшикову.

Планъ дѣйствій противъ шведовъ заключался въ избѣганіи съ ними рѣшительнаго боя, въ истощеніи шведской арміи нападеніями и лишеніемъ ея продовольственныхъ средствъ. По мнѣнію Петра Великаго, „исканіе боя генеральнаго суть опасно,—въ единый часъ все испровержено,—того для лучше здоровое отступленіе, нежели безмѣрный газартъ“ ²⁾.

Это изреченіе было принято въ основу дѣйствій какъ въ 1812 году, такъ и въ русско-японскую войну. Но въ отечественную войну мы дождались полезныхъ результатовъ этого способа дѣйствій: истощенія противника и собственнаго усиленія въ матеріальномъ и духовномъ отношеніяхъ; въ русско-японскую войну тѣ же результаты уже стали вполне ясно обозначаться, но, по зависящимъ отъ арміи причинамъ (броженіе внутри страны), война была прекращена.

По расчету Д. Масловскаго, къ концу 1708 года вооруженныя

¹⁾ А. Мышлаевскій, стр. 14.

²⁾ Тамъ же, стр. 16.

силы, образованныя Петромъ, уже простирались до 150,000 чел., не считая гарнизоновъ нѣкоторыхъ второстепеннаго значенія пунктовъ ¹⁾. Изъ этой массы 66,000 человекъ уже составляли *регулярное* войско.

Несмотря на значительность собранной арміи, Петръ I все еще не надѣялся побѣдить Карла XII и, при посредствѣ иностранныхъ державъ, пытался заключить миръ со Швеціею, даже цѣною уступки завоеванной имъ Ингерманландіи, прося оставить одинъ портъ ²⁾.

Къ миру побуждали Петра и внутреннія дѣла. Ломка, производимая Петромъ во всемъ государственномъ организмѣ, вызвала отпоръ, между прочимъ, въ сильныхъ бунтахъ, особенно на низовьяхъ Волги и на Дону. Но Карлъ XII рѣшился продолжать войну до полной побѣды.

Карлу XII, казалось бы, всего выгоднѣе было дѣйствовать по сѣверному направленію, поставивъ цѣлью дѣйствій отобраніе у Россіи Ингерманландіи и оттѣсненіе ея вновь отъ моря. При этомъ Карлъ XII могъ усилиться войсками Левенгаупта и Либекера и довести свою армію до 60,000 чел. Кромѣ того, дѣйствуя въ этомъ направленіи, онъ все время могъ поддерживать связь съ источниками укомплектованія своей арміи—Швеціею.

Дѣйствуя въ направленіи на Москву, кромѣ разбитія русскихъ войскъ, онъ могъ достигнуть важной цѣли—овладѣнія Москвою. Но ему пришлось бы очень удлиннить свою операціонную линію и при способѣ дѣйствій русскихъ—опустошеніи мѣстностей, по которымъ должны были двигаться шведскія войска—они могли бы встрѣтить большія затрудненія въ продовольственномъ отношеніи.

Но Карлъ XII задался обширнымъ планомъ: *разрушить Московское государство и низвести его на степень второстепенной державы*. Бывшіе въ то время на Руси бунты, особенно Булавинскій, дали Карлу XII поводъ думать, что власть Петра I пошатнулась.

Союзникомъ Карла XII былъ польскій король Станиславъ. Не довольствуясь этимъ, Карлъ XII завелъ переговоры съ Крымомъ и съ Мазепою. Разсчитывая на помощь всѣхъ этихъ союзниковъ, Карлъ XII принялъ слѣдующій планъ:

Оттѣснивъ русскія войска, передвинуться въ Украину, гдѣ и зимовать. Затѣмъ, усилившись казаками и крымцами, въ 1709 году наступать къ Москвѣ. Одновременно Либекеръ долженъ былъ вторгнуться въ Ингерманландію, вытѣснить оттуда русскихъ и далѣе дѣйствовать въ направленіи къ Новгороду и Пскову.

Наконецъ, король Станиславъ долженъ былъ вторгнуться въ предѣлы Россіи двумя арміями: одною на Смоленскъ, другою на Кіевъ.

¹⁾ Д. Масловскій, „Сѣверная война“, вып. I, стр. XXVI.

²⁾ Ордянъ, „Покореніе Финляндіи“, стр. 62.

Надежды Карла XII на казаковъ имѣли свои основанія: подготовка Мазепы къ отложенію съ казаками отъ Москвы подготовлялась давно. При Петровскихъ порядкахъ казакамъ, находившимся въ составѣ нашихъ отрядовъ, стало труднѣе своевольничать: не только войсковые начальники, но и жители стали давать отпоръ, если казаки по-прежнему забывали различіе между врагомъ и своимъ. Такъ, въ 1700 году, еще до Нарвскаго похода, Мазепа уже писалъ государю, что казаки, вернувшіеся съ границъ ливонскихъ (Псковскаго района), жаловались, что походъ ихъ разорилъ, что въ русской землѣ имъ нанесено много обидъ, отбирали оружіе, коней, самихъ ихъ грабили и убивали. Въ Псковѣ при отпускѣ ихъ домой отобрали у нихъ пушки. Возвратившіеся бунтуютъ другихъ и ропщутъ на него, Мазепу, что онъ не даетъ имъ защиты.

Но затѣмъ самъ Мазепа донесъ государю: „что въ январѣ онъ отпустилъ на службу во Псковъ низовое войско запорожское, и что запорожцы, не имѣя въ очахъ своихъ ни страха, ни стыда, такъ буйно и лѣнливо шли, что едва на масляницѣ вышли на Смоленскій рубежъ, и сколько на походѣ своемъ причинили неправдъ, и рабежей и обидъ людямъ малороссійскимъ и великороссійскимъ, того и пересказать нельзя, едва и непріятель можетъ хуже поступить; за это, прибавлялъ Мазепа, надобно ихъ поставить на такомъ мѣстѣ, гдѣ бы лучше отслужили“¹⁾).

Царь приказалъ разобрать дѣло. Шереметевъ отвѣтилъ, что полковныя орудія сами казаки не взяли съ собою, не имѣя упряжныхъ лошадей, и что во Псковѣ и многихъ городахъ въ походѣ русскія села и деревни они разоряли, людей побивали, топили и грабили.

Мазепѣ дано было знать, чтобы онъ крѣпко наказалъ казакамъ, чтобы вмѣсто непріятеля надъ своими разоренія не чинили.

Но въ жалобахъ казаковъ были и основанія. Когда въ Псковскомъ районѣ казаки стали отбирать у жителей фуражъ, то на казаковъ напали, коней и оружіе отбирали и ихъ самихъ убивали, въ томъ числѣ до 40 человекъ было утоплено.

Въ слѣдующемъ году въ походѣ съ Шереметевымъ противъ Шлиппенбаха казаки опять остались не довольны; на этотъ разъ жаловались, что войска отнимали у нихъ добычу, а сами, начиная съ Шереметева, пользовались ею.

Въ дѣйствительности, послѣ побѣды надъ шведами Шереметевъ разорилъ весь Дерптскій уѣздъ. Казаки захватили до 4,000 чухонъ, которыхъ и увели съ собою въ Малороссію въ рабство.

Кромѣ того ихъ наказной гетманъ, миргородскій полковникъ Даниилъ Апостолъ, вывезъ изъ этого похода въ Малороссію 4 знамени, 5 пушекъ и большую добычу. Знамена и пушки были отобраны.

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр 1259.

Недовольные русскимъ начальствомъ, казаки стали сноситься съ крымцами.

Такъ, въ апрѣль 1701 года, Мазепа доносилъ, что запорожское войско, въ числѣ 3,000 чел. съ 4 орудіями, приготовилось идти не на помощь московскимъ войскамъ, а противъ ногайцевъ, въ помощь крымскому хану. Въ іюль 1701 года крымскій ханъ самъ вступаетъ въ сношеніе съ Мазепою. Онъ стращаетъ, что можетъ выставить 200,000 воиновъ противъ московскаго царя, говоритъ, что знаетъ, что казаки обнищали и что если опять будутъ съ татарами въ братствѣ, то въ нѣсколько лѣтъ стануть такъ же богаты, какъ при Хмѣльницкомъ. Уговоры окончивались словами: „Жаль намъ васъ, какъ людей воинскихъ; скоро пропадете, держась того народа московскаго“.

Между тѣмъ запорожцы опять попались. Они разграбили въ октябрѣ 1701 года селитряные зоводы по обоимъ берегамъ р. Самары, не дали размежевывать земель и ограбили греческихъ купцовъ. Султанъ потребовалъ, чтобы его подданнымъ было возвращено все награбленное.

Въ Москвѣ арестовали запорожскихъ посланцевъ и потребовали возврата награбленнаго.

Запорожцы попросили помощи крымцевъ противъ русскихъ, но, получивъ отказъ, смирились. Въ челобитной государю они излагали, что дешевыхъ товаровъ и кумачей красныхъ они грекамъ вернуть не могутъ, такъ какъ эти товары уже подѣлены, а дорогіе товары, жемчугъ и прочее, уже возвратили грекамъ.

Въ іюнь 1708 года шведская армія собралась у Минска и двинулась къ р. Березинѣ. Ближайшій путь къ переправѣ преграждался русскимъ передовымъ отрядомъ у Борисова. Карлъ XII, чтобы избѣжать форсированія переправы при невыгодныхъ условіяхъ, сдѣлалъ обходъ и переправился близъ м. Березино ¹⁾. Русскія войска, расположенныя у селеній Чашники и Лукомля, воспользовались потерей времени на обходное движеніе шведскихъ войскъ и, совершивъ форсированный маршъ, заняли расположеніе между Днѣпромъ и р. Березиною на сильной позиціи у м. Головчино.

Русскихъ войскъ подъ начальствомъ Шереметева собралось до 40,000 человекъ.

4 іюля Карлъ XII атаковалъ русскихъ. Наши войска оказали слабое сопротивленіе. Атакованный центръ нашихъ войскъ, подъ начальствомъ Репнина, изъ 9 пѣх. полковъ и 3-хъ драгунскихъ, не выдержалъ атаки, бросилъ часть орудій и въ безпорядкѣ началъ отступать къ Шклову.

Еще хуже дѣйствовала наша конница. Лѣвый флангъ русскаго расположенія составляли, подъ начальствомъ Гольца, 10 драгунскихъ

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 34

полковъ и 4,000 казаковъ и калмыковъ. Расположеніе конницы прикрывалось болотистымъ ручьемъ и, кажется, даже укрѣпленіями. Относительно малочисленная шведская конница, подъ начальствомъ Рейншильда, преодолевъ на глазахъ нашей конницы болотистый ручей, стремительно атаковала нашу конницу и опрокинула ее по направленію къ Могилеву.

Войска праваго фланга, находившіяся подъ начальствомъ Шереметева и Меньшикова, изъ 13 пѣхотныхъ и 11 драгунскихъ полковъ, въ дѣлѣ участія не приняли и отступили послѣ того, какъ центръ и лѣвый флангъ нашего расположенія потерпѣли неудачу.

Наши потери убитыми, ранеными и плѣнными составили всего 1,700 чел., что при 40,000 арміи указываетъ на отсутствіе упорства въ бою.

Въ капитальномъ трудѣ А. Мышлаевскаго „Сѣверная война 1708 года“ бой при с. Головчино изложенъ весьма подробно, со ссылками на архивные документы. Но и изъ данныхъ, приводимыхъ въ этомъ трудѣ, нельзя придти къ иному заключенію, какъ къ приведенному выше, а именно, что въ этомъ бою наши войска не дрались сколько нибудь упорно.

Въ особенности это справедливо для дивизіи Репнина. Въ этой дивизіи, численностью 5,000 чел., потери въ 8 пѣхотныхъ полкахъ составили 113 убитыхъ и 272 раненыхъ, всего 385 человекъ ¹⁾. И послѣ такой потери, составлявшей всего 8% сражавшихся, 8 полковъ были сбиты съ позиціи и безпорядочно отступили, потерявъ 10 орудій изъ 16, состоявшихъ при дивизіи. При дальнѣйшемъ отступленіи не явилось въ строй еще 409 чел.

Отдѣльно разыгрался кавалерійскій бой, не облегчившій положенія пѣхоты. Шесть драгунскихъ кавалерійскихъ полковъ были поставлены своими начальниками въ тяжелое положеніе. Бой велся безпорядочно. „Отступая, драгуны неоднократно останавливались, „палили“ на шведовъ, „паки мѣшались“ и отступали, вновь останавливались, но... „въ непріятеля вѣхать“ болѣе не хотѣли“ ²⁾.

Потеря въ 6 драгунскихъ полкахъ на 4,000 человекъ, по кавалерійскому масштабу, была значительная: 34 офицера и 817 нижнихъ чиновъ убитыхъ, раненыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти.

Два полка утратили знамена, одинъ литавры и два полковыхъ орудія.

Войска Шереметева и Меньшикова помощи Репнину и Гольцу не подали и о потеряхъ въ этихъ войскахъ въ трудѣ А. Мышлаевскаго вовсе не упоминается.

¹⁾ А. Мышлаевскій, стр. 153.

²⁾ Тамъ же, стр. 165.

Петръ Великій, узнавъ объ этой неудачѣ, приказалъ произвести строгое разслѣдованіе о поведеніи войскъ. Репнинъ, по приговору военнаго суда, былъ разжалованъ въ рядовые.

Профессоръ Мышлаевскій относительно достоинствъ команднаго состава арміи Петра I высказываетъ слѣдующее, глубоко вѣрное и нынѣ, мнѣніе: „Возможно утверждать, что каждый народъ располагаетъ тѣмъ высшимъ команднымъ элементомъ въ своей арміи, котораго заслуживаетъ. Чѣмъ выше культура даннаго народа, чѣмъ значительнѣе подъемъ мысли образованнаго его класса, чѣмъ самостоятельнѣе развивается общественная мысль, чѣмъ болѣе чутка интеллигенція къ запросамъ духа, тѣмъ совершеннѣе тѣ сливки, которыя составляютъ высшій слой арміи. Ибо слой этотъ—эссенція народа, прилагающая свою волю, умъ и талантъ въ спеціальной сферѣ человѣческой дѣятельности.

Поэтому-то конецъ XVIII вѣка не только выдвинулъ во Франціи Наполеона, но далъ полководцу и надежную опору въ Ланнахъ, Массенахъ, Неяхъ, Мюратахъ и другихъ представителяхъ блестящей плеяды наполеоновскаго времени. По той же причинѣ время Бироновщины могло поставить на сцену исторіи только Миниховъ, Бироновъ, Ферморовъ, пр. Гессенъ-Гомбургскихъ, а сѣренькое время, предшествовавшее севастопольскому испытанію, могло создать только сѣренькихъ же людей, приведшихъ къ Альмѣ, Черной рѣчкѣ, Инкерману и тяжелымъ боямъ, въ которыхъ проявлено было много стойкости, солдатской доблести и воли, но мало таланта, не прикрѣпленнаго къ окопу, траншеѣ и батарее.

По той же причинѣ и въ изучаемыхъ дѣйствіяхъ читатель встрѣчается съ неудовлетворяющими его особенностями распоряженій Б. П. Шереметева, кн. Меншикова, кн. Репнина, фельдм.-лейт. Гольца, ген. Чамберса и другихъ“.

Дальнѣйшія дѣйствія Карла XII начинаютъ носить нерѣшительный характеръ. Передвиженія, вслѣдствіе испорченныхъ дорогъ и болотистой мѣстности, совершаются весьма медленно. Русскіе уничтожаютъ передъ шведами продовольственные запасы. Карль XII борется между двумя рѣшеніями: задержаться наступленіемъ съ цѣлью дожидаться присоединенія Левенгаупта съ запасами и другимъ—двигаться быстрѣе въ Украину, куда его усиленно призывалъ окончательно рѣшившійся на измѣну Мазепа.

Первоначально Карль XII остановился на рѣшеніи идти на Украину и въ началѣ августа двинулся черезъ Могилевъ къ Черикову, но, достигнувъ этого пункта, онъ неожиданно повернулъ на сѣверъ по направленію на Мстиславль-Смоленскъ, надѣясь на бой съ русскою арміею..

Русскіе, не принявъ генеральнаго боя, тѣмъ не менѣе весьма удачно воспользовались значительнымъ отдаленіемъ отъ арміи ко-

лонны Роса изъ 4 пѣхотныхъ и 1 кав. полковъ и при с. Добрѣ 28 августа разбили ее. По шведскимъ источникамъ, шведы потеряли до 1,000 человекъ убитыми и ранеными и 6 знаменъ. Русскіе потеряли около 1,600 человекъ. Несмотря на этотъ частный успѣхъ, русскіе продолжали отступать къ Мстиславлю и далѣе, уничтожая всѣ запасы на своемъ пути.

Преслѣдованіе русскихъ войскъ шло весьма медленно. Только 10 сентября Карлъ XII достигъ д. Отариши, на границѣ между русскими и литовскими владѣніями. Далѣе къ Смоленску Карлъ XII не пошелъ и, вопреки совѣтамъ своихъ генераловъ—дождаться Левенгаупта, 14 сентября, черезъ Кричевъ и Сѣверскіе лѣса, двинулся на Украину черезъ Новгородъ-Сѣверскъ ¹⁾.

Шведской арміи пришлось преодолѣть огромныя трудности въ борьбѣ съ природою и недостаткомъ продовольствія. Слѣдуя по болотистымъ лѣсамъ, солдаты постоянно были мокры, зябли (походъ былъ осенью) и голодали. Хлѣбъ и соль вышли. Приходилось довольствоваться малыми мясными порціями изъ исхудалаго порціоннаго скота, который гнали за арміею. Историкъ пишетъ, что слѣдуетъ отдать справедливость шведскимъ войскамъ: „всѣ труды и лишенія они перенесли съ полнымъ самоотверженіемъ: ни ропота, ни унынія въ рядахъ ихъ не было“ ²⁾.

Но несомнѣнно, что беспорядочныя передвиженія войскъ, бросаніе ихъ изъ стороны въ сторону, лишенія въ продовольствіи, отсутствіе громкихъ побѣдъ и въ то же время нѣсколько поражений отъ русскихъ войскъ,—все это понемногу отнимало у шведскихъ войскъ вѣру въ себя и, что еще важнѣе, умаляло вѣру въ своего вождя; этимъ подготавливалось и полтавское пораженіе.

Два тяжелыхъ удара ожидали Карла XII по прибытіи въ Украину. Первымъ ударомъ было пораженіе шведовъ у д. Лѣсной, что лишило шведовъ ожидаемыхъ ими боевыхъ запасовъ, а вмѣсто 15,000 подкрѣпленія къ нимъ прибыли разстроенныя и деморализованныя неудачею остатки отряда Левенгаупта.

Другимъ ударомъ была неудача Мазепы поднять Украину противъ русскаго царя. Большая часть населенія осталась враждебна шведамъ. Новгородъ-Сѣверскъ оказался занятымъ русскимъ гарнизономъ, и Мазепа прибылъ къ шведской арміи въ окрестности этого пункта только съ 2,000 казаковъ.

Планы похода на Москву пришлось отложить. Первоначально надо было дать отдыхъ арміи и обезпечить ее довольствіемъ.

Овладевъ съ боя переправою черезъ Десну, Карлъ передвинулся въ долину р. Сулы, гдѣ въ ноябрѣ сталъ на зимнія квартиры

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. 1, ст р. 35—41

²⁾ Тамъ-же, стр. 42.

въ окрестностяхъ Ромны, Прилукъ, Гадяча. Въ этихъ пунктахъ Мазепою были приготовлены большіе запасы.

Расположеніе арміи прикрывалось отрядомъ въ Батуринѣ. Петръ I искусно и энергично воспользовался невыгодною для шведовъ обстановкою, созданною самимъ Карломъ XII. Первымъ рѣшеніемъ Петра, подготовлявшимъ окончательную надъ шведами побѣду, было—не допустить отрядъ Левенгаупта соединиться съ главными силами шведовъ.

Между тѣмъ Левенгауптъ успѣлъ уже достигнуть Шклова, гдѣ и приступилъ къ устройству моста на судахъ черезъ Днѣпръ. Несмотря на многочисленность русской конницы и бѣлорусское населеніе края, относившееся недоброжелательно къ шведамъ, наблюденія за движеніями шведовъ были производимы конницею такъ не удовлетворительно, что Петръ I только случайно, отъ одного проѣзжаго шляхтича, узналъ о начавшейся переправѣ шведскихъ войскъ въ Шкловъ. Форсированными маршами русскій отрядъ, силою въ 13,000 чел., двинулся вслѣдъ за шведами. У Левенгаупта было 15,000 войска при 17 орудіяхъ. Но движеніе его затруднялось огромнымъ транспортомъ съ боевыми и другими запасами. Наши войска настигли шведовъ на пути между Шкловомъ и Пропойскомъ.

Отправивъ впередъ транспортъ, Левенгауптъ принялъ бой при д. Лѣсной. Несмотря на то, что русскіе были малочисленнѣе шведовъ, Петръ приказалъ 28 сентября атаковать ихъ. Послѣ очень упорнаго боя шведы подались назадъ, потеряли свой лагерь, укрылись въ вагенбургъ, а ночью отступили на соединеніе съ своимъ транспортомъ. Но русская конница уже успѣла опередить шведовъ и, разрушивъ мостъ на р. Сожѣ, преградила транспорту дальнѣйшій путь. Не видя возможности спасти транспортъ, Левенгауптъ приказалъ снаряды и порохъ бросить въ воду, а повозки сжечь. Посадивъ затѣмъ пѣхоту на лошадей изъ подъ транспорта, онъ двинулся правымъ берегомъ Сожа, переправился вплавь черезъ рѣку у сел. Глинки и привелъ къ Карлу 5—6,000 человекъ.

Левенгауптъ потерялъ около 10,000 человекъ, всю артиллерію— 17 орудій и, что, быть можетъ, было еще тяжелѣе для Карла XII,—транспортъ съ боевыми запасами, въ которыхъ шведы очень нуждались.

Русскимъ войскамъ эта побѣда стоила тоже дорого: выбыло изъ строя 4,000 чел., что составило около 30% состава войскъ, участвовавшихъ въ бою.

Но для Петра I потерю эту было не особенно трудно пополнить; для шведовъ же, забравшихся на Украину, всякая связь съ родиною была прочно разрушена, и потеря 10,000 чел. и транспорта составляла тяжкую, невознаградимую потерю.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, послѣ боя на р. Деснѣ у д. Мезино, окоп-

чившагося въ пользу шведовъ, русская армія расположилась до середины ноября въ Глуховѣ. Русскими гарнизонами были заняты Нѣжинъ, Ромны, Веприкъ, Полтава; у Миргорода стоялъ конный отрядъ. Такимъ образомъ, районъ зимнихъ квартиръ шведовъ охватывался русскими войсками, за исключеніемъ линіи Днѣпра. Цѣлью дѣйствій нашихъ войскъ ставилось непрерывно тревожить шведовъ и лишать ихъ продовольственныхъ и иныхъ средствъ. При появленіи сильныхъ шведскихъ отрядовъ русскимъ войскамъ указывалось отходить назадъ.

Въ первыхъ числахъ ноября Меньшиковъ овладѣлъ открытою силою Батуринымъ, резиденціею Мазепы, и захватилъ тамъ запасы хлѣба, вина и большіе артиллерійскіе запасы, въ томъ числѣ до 40 орудій. Потеря этихъ запасовъ, послѣ погрома у д. Лѣсной, была очень тяжела для Карла XII. Съ другой стороны, овладѣніе Батуринымъ было полезно русскому царю: преданные Россіи казаки подняли голову, а колеблющіеся примкнули къ нимъ. Послѣ манифеста Петра I, въ которомъ Мазепа признанъ измѣнникомъ, гетманомъ былъ избранъ Скоропадскій.

Зима 1708—09 годовъ была очень суровая, что тоже увеличивало трудности для шведской арміи.

„Бѣдственная стужа, погубившая французскую армію въ 1812 году, помогла русскимъ и за сто лѣтъ передъ тѣмъ противъ шведовъ“¹⁾.

Военныя дѣйствія въ 1709 году. Полтавское сраженіе.

Въ началѣ января 1709 года Карлъ XII, чтобы избавиться отъ тревогъ, причиняемыхъ русскими войсками, произвелъ наступательное противъ русскихъ движеніе.

Русскіе, не принявъ боя, отступили къ Гѣлгороду; городъ Веприкъ былъ атакованъ шведами и, хотя штурмъ былъ отбитъ, по гарнизонъ этого пункта, съ истощеніемъ боевыхъ запасовъ, сдался шведамъ.

Къ веснѣ 1709 года Карлъ XII расположилъ свою армію на квартирахъ между рѣками Ворсклою и Пселомъ. Русскія войска въ двухъ группахъ расположились въ окрестностяхъ Миргорода и на правомъ берегу Ворсклы.

Весною 1709 года шведская армія представляла силу только въ 30,000 человекъ. У Мазепы считалось 2,000 казаковъ и, кромѣ того, Мазепѣ удалось уговорить примкнуть къ шведамъ еще 8,000 запорожцевъ; но послѣдніе представляли ненадежную и буйную силу.

Силы русскихъ, считая и гарнизонъ Полтавы, составляли, кромѣ казаковъ, около 50,000 человекъ.

¹⁾ К. Ординъ. „Покореніе Фляндіи“, стр. 62.

Оцѣнка сравнительнаго положенія двухъ сторонъ изложена историкомъ Сѣверной войны такъ:

„Русскому царю было выгодно затягивать войну, такъ какъ каждый проведенный день ослаблялъ ряды шведовъ. Войска ихъ были сильно утомлены и пали духомъ; дисциплина ослабѣла; солдаты начали оказывать явное непослушаніе офицерамъ, когда тѣ требовали отъ нихъ новыхъ трудовъ, перенесенія новыхъ опасностей. Короче, жажда мира и скорѣйшаго возвращенія на родину усиливалась со дня на день. Далеко не въ такомъ положеніи былъ противникъ: русскія войска уже вдвое превосходили шведовъ численностью, а по отношенію къ артиллеріи не можетъ быть проведено никакого сравненія; но не однимъ числомъ была сильна созданная великимъ царемъ армія: она имѣла искусныхъ генераловъ, опытныхъ офицеровъ и считала въ своихъ рядахъ солдатъ, по большей части прошедшихъ продолжительную боевую школу; дисциплина въ арміи крѣпла, можно сказать, съ каждымъ днемъ, довѣріе къ своимъ силамъ также“.

Если приобрѣтенное русскими численное превосходство и составляло важную данную, но все же главнымъ залогомъ успѣха въ предстоявшемъ рѣшительномъ боевомъ столкновеніи надлежитъ признать упадокъ шведской арміи въ духовномъ отношеніи. Ранѣе, сильныя дисциплиною, довѣріемъ къ королю и вѣрою въ успѣхъ,—шведы разбивали войска, превосходившія ихъ численно въ нѣсколько разъ. Но эта нравственная сила была потрясена, и шведамъ приходилось считаться съ русскою арміею, испытанною въ бояхъ, уже одержавшею нѣсколько серьезныхъ успѣховъ надъ шведами, съ арміею, которую шведы выучили воевать, и, что еще важнѣе, съ арміею, дисциплинированою и сильною своимъ довѣріемъ къ царю-полководцу.

Въ матеріальномъ отношеніи шведы, въ особенности въ артиллеріи, были въ тяжеломъ положеніи. Были орудія, но, съ уничтоженіемъ транспорта Левенгаупта, нечѣмъ было изъ нихъ стрѣлять.

Въ общемъ, кромѣ численнаго превосходства, за 9 лѣтъ войны, подъ руководствомъ Петра I, къ русской арміи перешло и превосходство моральное. За шведами остались выучка и храбрость отчаянія.

При такихъ условіяхъ Карлу XII, по совѣту его генераловъ, надлежало бы отступить, не смотря на всѣ трудности, къ Польшѣ, войти въ связь съ своею родиною—базою, пополнить армію и запасы, подкрѣпить себя шведскими войсками, оставленными въ Польшѣ, и войсками Станислава Польскаго и уже тогда продолжать войну. Но Карлъ XII, все еще надѣясь нанести рѣшительное пораженіе русскимъ и рассчитывая на объявленіе Турціею войны Россіи, остался въ Малороссіи и открылъ военныя дѣйствія, двинувшись противъ Полтавы и приступивъ къ осадѣ ея.

Укрѣпленія Полтавы были незначительны, но они защищались храбрымъ гарнизономъ въ 4,000 русскаго войска и 2,500 вооруженныхъ жителей, съ полковникомъ Келлинымъ во главѣ.

Осадныя работы были открыты въ концѣ апрѣля. Попытки русскихъ войскъ войти въ связь съ осажденными имѣли нѣкоторый успѣхъ: гарнизонъ былъ подкрѣпленъ двумя батальонами. Не смотря на очень бережливое расходованіе снарядовъ, шведы, хотя и медленно, подвигались впередъ. Около середины мая осадныя работы уже дошли до городского рва. 1 іюня былъ произведенъ первый штурмъ; часть атакующихъ уже была на валахъ крѣпости, но въ результатъ боя шведы были опрокинуты. Требованіе сдачи было отклонено. Мало того, Келлинъ произвелъ энергичную вылазку и успѣлъ отбить у шведовъ нѣсколько орудій.

Но все же положеніе Полтавы съ каждымъ днемъ становилось труднѣе: началъ ощущаться недостатокъ въ порохѣ; новыя попытки войти въ связь съ гарнизономъ Полтавы, вслѣдствіе болотистой долины р. Ворсклы, не имѣли успѣха.

Тогда Петръ I рѣшается перевести русскую армію на правый берегъ рѣки Ворсклы и дать рѣшительное сраженіе шведской арміи. Выше изложенныя данныя относительно взаимнаго положенія двухъ сторонъ лѣтомъ 1709 года вполне оправдывали такое рѣшеніе.

Двинувшись 19 іюня вверхъ по лѣвому берегу р. Ворсклы, русская армія противъ с. Черняхова ¹⁾ переправилась на правый берегъ и расположилась противъ д. Семеновки въ 8 верстахъ отъ Полтавы.

Такая сложная операція, какъ переходъ арміи по одной дорогѣ черезъ болотистую долину Ворсклы всего въ 12 верстахъ отъ шведской арміи, произведена была безъ какой-либо попытки шведовъ помѣшать переправѣ. Удивительно также, что шведы дали русскимъ 4 дня спокойно укрѣплять свой лагерь.

25 іюня русская армія продвигается впередъ на три версты и снова укрѣпляетъ какъ занятый ею лагерь, такъ и выбранную на случай атаки шведовъ позицію. Главную часть позиціи между двумя рощами составили 6 редутовъ, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла одинъ отъ другого. Всего эти редуты, построенные по указанію Петра I, занимали одну версту протяженія. Эта позиція усиливается, тоже по указанію царя, еще 4 редутами, построенными перпендикулярно къ линіи изъ 6 редутовъ. Ружейный огонь былъ въ то время силенъ на столь короткое разстояніе, что, дабы защищать ружейнымъ огнемъ 1,500 шаговъ, понадобилось построить шесть редутовъ въ разстояніи менѣе 300 шаговъ одинъ отъ другого. Последніе четыре редута не были окончены ко дню сраженія и мало принесли пользы.

¹⁾ Смори планъ сраженія подъ Полтавою (картогр. прил. № 10).

Карль XII, узнавъ о переправѣ на правый берегъ русской арміи, сдѣлалъ еще одну попытку овладѣть, до рѣшительнаго боя съ русскими, Полтавою. Цѣлый день длился штурмъ; нѣсколько разъ шведскія войска врывались въ крѣпость, но отчаянными успіями гарнизона, которому помогали даже женщины, были къ ночи окончательно отбиты, съ потерей 1,500 человекъ.

Тогда шведскій король рѣшился атаковать русскихъ и назначилъ 27 іюня днемъ атаки. Перебѣжчикъ далъ знать Петру о готовящемся нападеніи, и русскія войска приготовились къ бою.

Въ день сраженія подъ Полтавою русская армія состояла изъ 58 баталіоновъ, 17 полковъ конницы, 72 орудій, всего 42,000 чел. Скоропадскій съ казаками, присоединенія котораго ожидалъ царь, чтобы самому перейти въ наступленіе, еще не прибылъ. Въ шведской арміи подъ Полтавою числилось 26 бат. пѣхоты и 22 полка конницы, общемою силою свыше 27,000 чел. Изъ нихъ приняло участіе въ бою противъ войскъ Петра I лишь 23,000 человекъ. Изъ артиллеріи въ бою могли принять участіе *только четыре орудія*; остальные оставлены были по неимѣнію пороха (утопленного Левенгауптомъ) въ обозѣ. Карль XII за нѣсколько дней до боя былъ раненъ; хотя начальникомъ шведскихъ войскъ и былъ назначенъ Рейншильдъ, но Карль XII находился при войскахъ.

Каждый изъ полководцевъ принялъ всѣ мѣры, чтобы воодушевить войска.

Карла везли въ качалкѣ. Онъ былъ веселъ и спокоенъ, выражалъ увѣренность въ побѣдѣ и приглашалъ шведовъ къ обѣду въ московскомъ лагерѣ. Петръ I не былъ въ шутовомъ настроеніи. Съ вѣрою въ Промыслъ Божій, онъ надѣялся, что девятилѣтніе труды его по созданію русской регулярной силы увѣнчаются, наконецъ, побѣдою надъ шведами. Начальникамъ онъ напоминалъ, что войска непріятельскія изнурены и потеряли въ себя вѣру и что надо надъ ними *довершить* побѣду. Въ день сраженія во всѣхъ войскахъ былъ прочтенъ безсмертный приказъ Петра: „Воины, пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ смущать слава непобѣдимости непріятели, которой ложь вы доказали не разъ своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея“.

Въ самыхъ общихъ чертахъ ходъ сраженія подъ Полтавою былъ таковъ.

Для встрѣчи шведовъ Петръ I расположилъ свои войска слѣдующимъ образомъ: передовые редуты были заняты всего двумя ба-

талъонами пѣхоты; за редутами стояли 17 кавал. полковъ; 56 бат. пѣхоты стояли въ укрѣпленномъ лагерѣ; тамъ же стояла и вся артиллерія. Лѣвый флангъ обезпечивался р. Ворсклою. Для обезпеченія праваго фланга и для связи съ ожидавшимися казаками Скоропадскаго поставлено было уступомъ за правымъ флангомъ 6 полковъ конницы. Путь отступленія шелъ берегомъ рѣки мимо перваго укрѣпленнаго лагеря на сел. Петровку и далѣе черезъ р. Ворсклу къ сел. Черняхово. У сел. Петровки были устроены предмостныя укрѣпленія.

Карлъ XII распорядился своими силами слѣдующимъ образомъ: въ траншеяхъ подъ Полтавою оставлено было 1,000 чел.; 1,500 чел. оставлены для охраны обозовъ тоже подъ Полтавою; 1,500 чел. конницы обезпечивали путь отступленія по р. Ворсклѣ. 23,000 пѣхоты и конницы были двинуты для атаки русскихъ. Пѣхота шла въ четырехъ колоннахъ; конница за нею въ шести колоннахъ.

Бой начался со штурма четырехъ редутовъ, выдвинутыхъ перпендикулярно къ фронту позиціи. Два передовыхъ изъ нихъ, не оконченные и слабо занятые, были взяты первымъ ударомъ. Два остальныхъ, поддержанные огнемъ съ редутовъ главной позиціи, оказали большое сопротивленіе.

Атака шведами редутовъ главной линіи обороны тоже не имѣла успѣха. Тогда Рейншильдъ, командовавшій шведами за раною Карла XII, приказалъ своей пѣхотѣ пройти между редутами и атаковать главныя силы русскихъ. Казалось бы, при близости не взятыхъ редутовъ одинъ отъ другаго, предпріятіе это не могло удасться, но гарнизоны редутовъ были такъ слабы, а огонь того времени медленъ, что шведамъ удалось пройти между редутами и внѣ сферы ружейнаго съ нихъ огня начать выстраиваться для атаки русской арміи. Еще ранѣе, чѣмъ прорвалась черезъ редуты пѣхота, прорвалась на лѣвомъ флангѣ конница, которая первоначально ипотѣснила русскую конницу, но затѣмъ была оттѣснена ею; преслѣдуя шведовъ за линію редутовъ, наша конница была остановлена огнемъ шведской пѣхоты.

Нигдѣ не упоминается, что сдѣлала наша конница, расположенная за редутами, противъ шведской пѣхоты, прорывавшейся между редутами. Казалось бы, выходъ изъ-за редутовъ неизбежно нѣсколько разстроенной пѣхоты давалъ отличный случай нашей конницѣ атаковать шведскую пѣхоту, но, повидимому, до атаки не дошло, и наша конница безъ боя отступила.

Шведы, выйдя на открытое плато, образуемое лагеремъ, линією редутовъ и лѣсомъ, подставили свой лѣвый флангъ близкому артиллерійскому и ружейному огню. Послѣ прохожденія черезъ линію непріятельскихъ редутовъ, шведамъ предстояло продѣлать новый маневръ въ виду всей арміи подъ огнемъ ея: переменить фронтъ съ сѣверо-востока на востокъ съ цѣлью стать противъ фронта рус-

скихъ войскъ, расположенныхъ въ укрѣпленномъ лагерѣ. Это имъ удалось сдѣлать дорогою цѣною: имъ пришлось отступить къ лѣсу. Редуты, еще не взятые шведами, остались на прямомъ пути сообщенія шведовъ съ ихъ лагеремъ и путемъ отступления.

Положеніе шведовъ еще ухудшилось слѣдующимъ эпизодомъ. Одна изъ четырехъ колоннъ шведской пѣхоты, подъ начальствомъ Рооса, отстала отъ другихъ и атаковала русскіе редуты въ то время, когда шведская армія уже прошла линію редутовъ и устранилась у лѣсной опушки. Петръ I приказалъ Меншикову съ 5 драгунскими и 5 пѣхотными полками атаковать эту отдѣльную отъ арміи колонну. Послѣ горячаго боя, понесъ большія потери, шведы укрылись въ лѣсу, лежащемъ южнѣе укрѣпленнаго лагеря. Меншиковъ атаковалъ разстроенныхъ боемъ шведовъ въ лѣсу драгунами, нанесъ имъ пораженіе, обратилъ въ безпорядочное бѣгство и вернулся на поле сраженія ранѣе начала рѣшительнаго боя. Преслѣдовать шведовъ былъ посланъ съ 5 батальонами Ренцель, выполнившій возложенную на него задачу очень энергично. Остатки колонны Рооса укрылись въ лагерѣ и, подкрѣпленные шведами, оставленными подъ Полтавою, пытались оказать сопротивленіе, но, благодаря вылазкѣ гарнизона Полтавы, не могли устоять противъ русскихъ колоннъ Ренцеля и Келлина и положили оружіе. Весь лагерь попалъ въ руки русскихъ ранѣе, чѣмъ была рѣшена участь сраженія подъ Полтавою.

Этотъ успѣхъ не могъ не повліять благотворно на русскія войска и угнетающимъ образомъ на шведскія. Въ ожиданіи атаки шведовъ Петръ вывелъ свою армію изъ укрѣпленнаго лагеря, оставивъ въ немъ 9 батальоновъ.

42 батальона выстроились въ двѣ линіи, имѣя артиллерію распределенною по всему фронту. Правый флангъ прикрывали 11 драгунскихъ полковъ Баура, лѣвый флангъ—6 полковъ Меншикова.

Шведы тоже построили свою пѣхоту въ двѣ линіи съ небольшими резервами позади. По флангамъ стала конница въ двѣ линіи. Въ такомъ порядкѣ шведы тронулись противъ русскихъ.

Карла XII несли въ качалкѣ передъ батальонами праваго фланга. Наступленіе шведовъ было встрѣчено сильнымъ и дѣйствительнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Преодолѣвъ его, шведы сблизились на ружейный выстрѣлъ и остановились. Обѣ арміи открыли ружейный огонь, который при колонномъ построеніи войскъ долженъ былъ наносить большія потери. Но преимущество было на сторонѣ русскихъ, какъ по числу стрѣлявшихъ ружей, такъ, главное, потому, что на огонь многочисленной русской артиллеріи шведы могли отвѣчать только огнемъ изъ четырехъ орудій.

Карлъ XII двинулъ ближайшія къ себѣ войска въ атаку. Это послужило сигналомъ къ общему рукопашному бою. Первоначально правый флангъ шведовъ потѣснилъ наши войска. Петръ лично повелъ на подкрѣпленіе ихъ батальонъ второй линіи. Наша линія

была длиннѣе шведской, поэтому оба фланга шведовъ были охвачены русскою пѣхотою. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было большое, но русскіе уже не походили на тѣхъ, которые такъ легко были побѣждены подъ Нарвою. Не были и шведы тѣми же: они ухудшились въ то время, какъ русскіе улучшились. При такихъ условіяхъ и при превосходствѣ русскихъ въ силахъ исходъ боя опредѣлился скоро: уже въ 11 часовъ утра вся шведская армія обратилась въ беспорядочное бѣгство. Драгуны и казаки преслѣдовали бѣгущихъ.

Шведы потеряли въ этомъ бою 9,000 чел. убитыми и около 2,700 чел. плѣнными. Самъ Карлъ XII едва спасся отъ плѣна. 4 орудія, много знаменъ, королевская канцелярія, казна, артил. паркъ и весь обозъ достались въ руки русскимъ. Потеря нашихъ войскъ была сравнительно незначительна: 1,345 убитыхъ и 3,270 раненыхъ. По отношенію къ числу бойцовъ мы потеряли отъ 12 до 14⁰/₀ всѣхъ сражавшихся; шведы потеряли 50⁰/₀.

Первоначально преслѣдовали бѣгущаго непріятеля на короткое разстояніе только казаки, но вечеромъ въ день боя уже выступили для довершенія побѣды два гвардейскихъ полка, посаженные на лошадей, и 10 драгунскихъ полковъ, подъ общимъ начальствомъ Меншикова.

29 іюня шведскія войска, не преслѣдуемые нашими войсками, достигли с. Переволочна, при впаденіи р. Ворсклы въ Днѣпръ.

Въ этомъ пунктѣ собралось до 15,000 шведовъ. Королю совѣтовали слѣдовать лѣвымъ берегомъ Днѣпра къ Кіеву, гдѣ и переправиться на правый берегъ. Карлъ настаивалъ на движеніи къ югу, надѣясь на содѣйствіе турецкихъ войскъ. Средства для переправы были такъ незначительны, что къ 30 іюня успѣли переправиться съ королемъ 1,000 шведовъ и Мазепа съ своими казаками. Съ этими силами Карлъ XII двинулся степью къ р. Бугу въ предѣлы Турціи.

30 іюня Меншиковъ съ своими войсками, силою въ 9,000 человекъ, настигъ 14,000 шведовъ, но это уже было не войско, а деморализованная толпа.

Левенгаупта, принявшаго надъ ними начальство, не слушали; часть шведовъ передавалась русскимъ, часть пыталась переправиться вслѣдъ за королемъ на правый берегъ Днѣпра. Начатые при этихъ условіяхъ Меншиковымъ переговоры привели къ тому, что 5,000 шведской пѣхоты и 9,000 конницы, 28 орудій и 127 знаменъ и штандартовъ были сданы русскимъ.

Побѣдою подъ Полтавою успѣхъ задачи русской арміи по выходу къ Балтійскому морю былъ вполне обезпеченъ.

Вечеромъ въ день Полтавскаго боя Петръ I писалъ Апраксину: „Нынѣ уже совершенно камень во основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощью Божіею“ ¹⁾.

¹⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 1553.

Главный врагъ Россіи былъ побѣжденъ. Россія заняла видное мѣсто среди европейскихъ государствъ. Эта побѣда примирила съ реформами Петра многихъ его противниковъ, доказавъ необходимость этихъ реформъ.

Военныя дѣйствія съ 1710 по 1721-й годъ.

Отшатнувшіеся отъ Россіи союзники—курфюрстъ саксонскій и король датскій вступаютъ въ союзъ съ Россіею. Къ этому союзу присоединяется вскорѣ и Пруссія.

Несмотря на эти благопріятныя условія, несмотря на то, что Карль XII остался въ Турціи, ожидая ея разрыва съ Россіею, война со шведами продолжалась, хотя и съ большими перерывами, еще 11 лѣтъ.

Послѣ побѣды подъ Полтавою Петръ I принимаетъ энергичныя мѣры, чтобы утвердиться въ Финляндіи и на побережьи Балтійскаго моря.

а) въ Лифляндіи—осада и взятіе Риги, взятіе Дерпта и Нарвы.

Въ Лифляндію направлено было 40,000 чел. подъ начальствомъ Шереметева; Меншиковъ съ конницею двинулся въ Польшу; Апраксинъ съ флотомъ и пѣхотою, прибывшею изъ - подъ Полтавы, направленъ изъ Петербурга въ Финляндію. Петръ I лично прибылъ къ арміи Шереметева и осенью 1709 года лично выпустилъ первыя три бомбы противъ осажденной Риги.

Осада, однако, тянулась медленно, стоила русской арміи большихъ потерь, и Рига сдалась только въ іюль 1710 года, послѣ 8 мѣсяцевъ осады ¹⁾.

Свирѣпствовавшая въ прибалтійскомъ краѣ „заразная болѣзнь“ помогла овладѣнію Ригею и другими пунктами. Послѣ Риги Шереметевъ овладѣлъ Динамюнде. 14 августа Бауръ взялъ Перновъ; 29 сентября сдался Меншикову на капитуляцію Ревель, за котрымъ подчинилась Россіи вся Эстонія.

Нельзя не признать огромною ошибкою опустошеніе и разореніе прибалтійскаго края при его завоеваніи русскими. Это, конечно, не было средствомъ привязать мѣстное населеніе къ Россіи. Но не менѣе ошибочны были и тѣ исключительныя льготы, которыя были даны населенію завоеваннаго прибалтійскаго края, въ ущербъ правъ на главное мѣсто въ этомъ краѣ побѣдителей—русскаго племени.

Историкъ Костомаровъ пишетъ ²⁾: „Не только далъ онъ этой

¹⁾ Потери русскихъ войскъ при осадѣ Риги въ 1709—10 годахъ показываютъ въ 10,000 человекъ. „Русская военная сила“—Пирогова, стр. 38.

²⁾ Костомаровъ, „Русская исторія“, стр. 616.

странѣ временныя льготы, въ которыхъ она нуждалась, но и утвердилъ на всегда старыя права дворянства и гражданства прибалтійскаго края, обѣщалъ неприкосновенность лютеранскаго исповѣданія, судовъ и нѣмецкаго языка. Одни туземцы могли быть выбираемы въ должности и владѣть въ краѣ имѣніями, которыя не могли облагаться личными налогами, кромѣ поставленныхъ мѣстными земскими сеймами. Университету въ Перновѣ царь обѣщалъ свое покровительство и объявилъ, что будетъ посылать туда русскихъ для обученія. Петръ уничтожилъ всѣ редукиціи, выдуманныя шведскимъ правительствомъ, и утвердилъ за дворянами тѣ земли, какими они въ данное время владѣли, что сильно успокоило дворянство“.

При заключеніи Ништадтскаго мира было выражено со стороны Петра I обѣщаніе, что всѣ жители Эстляндіи, Лифляндіи и острова Эзеля „непоколебимо содержаны и защищены будутъ въ ихъ привилегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ“ ¹⁾.

Этими распоряженіями былъ заложенъ прочный фундаментъ отчужденности прибалтійскихъ мѣстностей отъ Россіи, существующей и понынѣ.

б) въ Финляндіи—осада и взятіе Выборга, взятіе Кексгольма; занятіе столицы Або; побѣда при Тамерсфорсѣ; разбитіе шведскаго флота у м. Гангутъ.

Въ Финляндіи наши дѣйствія также шли успѣшно. Въ іюль 1710 года, послѣ трехмѣсячной осады, сдалась крѣпость Выборгъ, а вслѣдъ затѣмъ и Кексгольмъ. Выборгская губернія была такимъ образомъ завоевана двѣсти лѣтъ тому назадъ силою русскаго оружія. Война съ Турціею въ 1711 году отвлекла вниманіе Петра отъ побережья, но, какъ только былъ заключенъ не почетный для насъ Прутскій договоръ, Петръ въ 1713 году возобновилъ военныя дѣйствія противъ шведовъ въ Финляндіи и Помераніи; дѣйствія эти велись нами успѣшно.

Для походовъ въ Финляндію въ 1713 году Петръ I снарядилъ флотъ изъ 95 галеръ, 60 карбузовъ и 50 большихъ лодокъ, съ десантомъ въ 16,000 чел., и отплылъ съ ними изъ Петербурга въ Финляндію 26 апрѣля ²⁾.

Въ первыхъ числахъ мая русскіе безъ боя высадились у Гельсенгфорса. Начальникъ шведскихъ войскъ ген. Армфельдъ зажегъ Гельсенгфорсъ и поспѣшно отступилъ. Русскіе, продвигаясь впередъ, заняли Борго, а затѣмъ и столицу Финляндіи—Або. Только въ октябрѣ 1713 года произошло серьезное боевое столкновеніе съ шведскими войсками у Тамерсфорса, гдѣ Апраксинъ и Голицынъ разбили Армфельда.

¹⁾ К. Ординъ, ч. I, стр. 104.

²⁾ Соловьевъ, т. XVІІ, стр. 311.

Въ 1715 году былъ взятъ Нейшлотъ и разбитъ при Гангутѣ шведскій флотъ; русскою эскадрою командовалъ лично Петръ I.

Къ 1716 году вся Финляндія до Вазы, въ томъ числѣ и Аландскіе острова, уже находилась во власти Россіи.

в) въ Помераніи—осада и взятіе Штеттина.

Съ 1713 года шли военныя дѣйствія противъ шведовъ и въ Помераніи. Русскими войсками командовалъ кн. Меньшиковъ. Шведы были разсѣяны небольшими гарнизонами и, какъ и въ Финляндіи, дѣйствовали не успѣшно. Очевидно, отсутствіе короля Карла XII, все еще находившагося въ турецкихъ владѣніяхъ, отнимало энергію у шведовъ и придавало ихъ дѣйствіямъ случайный характеръ.

Кромѣ русскихъ, въ Помераніи противъ шведовъ дѣйствовали датчане и саксонцы. Датскій король обязался снабжать наши войска продовольствіемъ, но не исполнялъ этого обѣщанія.

Главная квартира русскихъ войскъ была въ Данцигѣ. Наши войска наступали къ Гамбургу и Любеку и взяли съ этихъ городовъ значительный денежный выкупъ.

Прусскій король Фридрихъ - Вильгельмъ велъ двойную игру. Лично не желая расходовать тщательно собираемыя имъ силы и средства на борьбу со шведами и въ то же время желая ослабленія Швеціи, онъ умѣло пользовался плодами успѣй русскихъ и ихъ союзниковъ въ борьбѣ со шведами.

Овладевъ 18 августа 1713 года, послѣ осады, Штеттномъ, Меньшиковъ, руководствуясь указаніями Петра, передалъ этотъ пунктъ не датчанамъ, которые ожидали этого подарка, а прусскому королю. Кромѣ того, тѣмъ же договоромъ прусскому королю переданы были: Рюгенъ, Штральзундъ и Висмаръ.

„Донесите царскому величеству,—говорилъ Головинну прусскій король,—что я за такую услугу не только всѣмъ своимъ имѣніемъ, но и кровью своею его царскому величеству и всѣмъ его наслѣдникамъ служить буду; и хотя бы мнѣ теперь отъ шведской стороны не только всю Померанію, но корону шведскую обѣщали, чтобъ я пошелъ противъ интересовъ царскаго величества, то никогда и не подумаю такъ сдѣлать за такую царскаго величества къ себѣ склонность“.

„Сколько радовались въ Берлинѣ, столько же печалылись въ Копенгагенѣ“¹⁾.

Въ ноябрѣ 1714 года Карлъ XII неожиданно явился въ Штральзундъ и пытался поправить дѣла, но силы у него были для этого недостаточныя.

¹⁾ Соловьевъ, т. XVII, стр. 494.

Тѣмъ не менѣе онъ пытался перейти въ наступленіе въ Помераніи, что повело къ присоединенію къ союзу противъ него и Пруссіи.

Видя невозможность борьбы съ Россіею, шведы въ 1717 году предложили Россіи заключить миръ.

Переговоры о мирѣ на Аландскихъ островахъ.

Переговоры о мирѣ первоначально начались въ маѣ 1718 года на Аландскихъ островахъ. Въ числѣ предложенныхъ Россіею шведамъ условій находился и пунктъ 6-й, по которому шведы обязывались уступить прусскому королю „городъ Штеттинъ съ дистриктомъ“¹⁾.

Неожиданная смерть Карла XII, убитаго при осадѣ шведской крѣпости Фридрихстенъ, временно прервала переговоры.

Остерманъ предложилъ Петру I перенести войну въ Швецію: онъ писалъ, что Швеція пришла въ совершенную нищету: нѣтъ ни денегъ, ни людей и, если ударить на шведовъ весною, то легко съ выгодною можно окончить войну.

Лѣтомъ 1719 года военныя дѣйствія возобновились. Русскій флотъ изъ 30 военныхъ кораблей, 130 галеръ и 100 малыхъ судовъ присталъ къ шведскимъ берегамъ у м. Грина и Ваксхельма и высадилъ два десантныхъ отряда, подъ начальствомъ г.-м. Ласси и Апраксина. Русскія войска двинулись по направленію къ Стокгольму, разоряя проходимую страну: 2 города, 135 селеній, 40 мельницъ, 9 заводовъ были сожжены. Казаки подходили къ Стокгольму на 1½ мили. Добыча русскихъ превышала 1½ милл. талеровъ, а убытки были причинены свыше 12 милл. талеровъ. Но наши десантныя силы были слишкомъ незначительны, чтобы овладѣть столицею и предписать въ ней миръ Швеціи, а съ возвращеніемъ войскъ на суда шведы оправились послѣ перваго впечатлѣнія и соглашались на миръ на условіяхъ оставленія за Россіею Нарвы, Ревеля и всей Эстляндіи, но требовали возврата Финляндіи и Лифляндіи.

Въ то время, когда мирные переговоры Россіи со Швеціею затягивались, Швеція, при посредничествѣ Англіи и Франціи, успѣла заключить отдѣльный миръ съ Даніею. Датскій король, за денежное вознагражденіе, возвратилъ Швеціи всѣ свои завоеванія въ Помераніи и Норвегіи. Англія и Франція гарантировали Даніи обладаніе Шлезвигомъ; однако эта гарантія не помѣшала Пруссіи въ 1864 году отобрать у Даніи и Шлезвигъ, и Гольштинію.

Пруссія, добываясь получить отъ шведовъ Штеттинъ и не довольствуясь настояніями въ этомъ смыслѣ Россіи, вошла въ соглаше-

¹⁾ Соловьевъ, т. XVII, стр. 318.

ніе съ Англією и въ 1720 году заключила со Швецією отдѣльный отъ Россіи мирный договоръ, по которому за денежное вознагражденіе получила Штеттинъ.

Въ Англіи въ побѣдахъ Россіи надъ Швецією усмотрѣли возвышеніе Россіи и занятіе ею господствующаго положенія среди сѣверо-восточныхъ европейскихъ государствъ. Такое возвышеніе представилось Англіи опаснымъ и, преслѣдуя только свои интересы, англичане, боровшіеся ранѣе противъ сильной Испаніи, потомъ противъ сильной Франціи, добившись уменьшенія могущества этихъ государствъ, задались тою же задачею и противъ выдвигавшейся впередъ Россіи.

Поэтому Англія прилагала всѣ старанія, чтобы Россія получила отъ Швеціи возможно менѣе. Въ этихъ видахъ Англія заключила союзъ со Швецією и помогала заключенію отдѣльнаго договора между Пруссією и Швецією. Не довольствуясь и этими мѣрами, Англія произвела военно-морскую демонстрацію въ водахъ Балтійскаго моря, не испугавшую, впрочемъ, Петра. Тѣмъ не менѣе враждебная по отношенію къ Россіи дѣятельность Англіи не осталась безъ результатовъ, ибо шведы повысили тонъ и отказались вести мирные переговоры на условіяхъ, предложенныхъ Россією во время переговоровъ на Аландскихъ островахъ.

Новымъ мѣстомъ для переговоровъ былъ избранъ городъ Ништадтъ. Шведскіе уполномоченные, отклоняя русскія предложенія, служившія основаніемъ для переговоровъ на Аландскихъ островахъ, указывали, что обстановка перемѣнилась, что Англія стала союзницею Швеціи, а съ Пруссією и Данією заключены отдѣльные договоры и въ скорости таковой же будетъ заключенъ и съ Польшею. Такимъ образомъ, изъ четырехъ противниковъ у Швеціи остался только одинъ—Россія.

Чтобы сдѣлать шведовъ сговорчивѣе, Петръ вновь двинулъ русскій флотъ къ шведскимъ берегамъ. Снова ген. Ласси съ десантомъ въ 5,000 человекъ принялся опустошать мѣстность по направленію къ Стокгольму. Опять неповинные ни въ чемъ мирные жители начали расплачиваться за ложныя надежды, внушенныя англичанами: сожжено 3 города, 19 приходовъ, 79 мызь, 506 деревень.

Послѣ такой мѣры шведскіе уполномоченные стали сговорчивѣе. Ранѣе они не хотѣли уступать ни Лифляндіи, ни Выборга. Теперь пошли на уступку Лифляндіи, прося оставить за ними только гор. Перновъ и островъ Эзель, но по прежнему упорно сопротивлялись уступкѣ Выборга. Они говорили: „Этотъ городъ—ключъ Финляндіи. Если онъ останется за Россією, то вся Финляндія всегда будетъ въ волѣ царскаго величества“.

Но русскіе держались твердо заявленныхъ ими требованій, и шведы уступили.

30 августа 1721 года въ Ништадтѣ былъ подписанъ мирный договоръ, положившій конецъ Сѣверной войнѣ.

Въ этомъ договорѣ „король шведскій уступалъ за себя, наслѣдниковъ и за шведское королевство его царскому величеству и его потомкамъ и наслѣдникамъ россійскаго государства „въ совершенное, непрекословное, вѣчное владѣніе и собственность въ сей войнѣ чрезъ его царскаго величества оружіе отъ короны свейской завоеванныя провинціи“—Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и часть Кареліи и Выборгской губерніи“¹⁾.

За Россією остались крѣпости Рига, Динамюнде, Перновъ, Ревель, Дерптъ, Нарва, а въ Финляндіи Выборгъ и Кексгольмъ.

Разсматривая установленную этимъ миромъ пограничную черту, К. Ординъ приходитъ къ важному заключенію, что Петръ I *не возвратилъ Россіи сполна всего древняго Новгородскаго владѣнія* и не воспользовался всею завоеванною у шведовъ территорією²⁾.

Такую мягкость требованій Петра К. Ординъ объясняетъ какъ утомленіемъ войною, тянувшеюся съ перерывами 21 годъ, такъ и возрастомъ Петра: ему наступилъ 50-й годъ и, послѣ чрезмѣрно напряженной и бурной жизни, онъ могъ желать нѣкотораго успокоенія. Вѣрнѣе, что не успокоенія желалъ Петръ, а его занимали уже другіе планы. Вскорѣ послѣ заключенія мира со шведами онъ отправился по Волгѣ къ Астрахани для подготовки войны съ Персією, имѣвшею цѣлью пріобрѣтеніе побережья Каспійскаго моря, что и было достигнуто. По заключеніи Ништадтскаго мира Петербургскій сенатъ поднесъ Петру императорскій титулъ и назвалъ отцомъ отечества.

„Въ послѣдній годъ своей жизни, 16 августа 1724 г., составляя программу для торжества Ништадтскаго мира, Петръ писалъ: „Надлежитъ въ первомъ стихѣ помянуть о побѣдахъ, а потомъ силу писать во всемъ праздникѣ слѣдующую: 1) Неискусство наше во всѣхъ дѣлахъ. 2) А наипаче въ началіи войны, которую, не вѣдая противныхъ силы и своего состоянія, начали какъ слѣпые. 3) Бывшіе непріятели всегда не только въ словахъ, но и въ исторіяхъ писали, дабы никогда не протягать войны, дабы не научить тѣмъ насъ. 4) Какія имѣли внутреннія замѣшанія, также и дѣла сына моего, таковыя и турковъ подвигли на насъ. 5) Всѣ прочіе народы политику имѣютъ, дабы балансъ въ силахъ держать межъ сосѣдовъ, а особливо, чтобы насъ не допускать до свѣта разума, во всѣхъ дѣлахъ, а наипаче въ воинскихъ“³⁾.

Оцѣнивая значеніе дѣятельности Петра по борьбѣ со Швецією, К. Ординъ пишетъ: „Опаснѣйшій изъ сосѣдей былъ приведенъ въ ни-

¹⁾ К. Ординъ, стр. 66.

²⁾ Тамъ же, стр. 66.

³⁾ Соловьевъ, т. XVIII, стр. 860.

чтожество, и русское могущество, при условіяхъ времени, сразу явилось преобладающимъ на тѣхъ самыхъ берегахъ Балтики, къ которымъ цѣлыми столѣтіями упорно, но тщетно стремились великіе князья и московскіе цари“¹⁾).

Всего за 21 годъ войны Россіею для борьбы со Швеціею разновременно было выставлено 1.700,000 бойцовъ и выходъ къ Балтійскому морю стоилъ русскому племени 120,000 убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ и до 500,000 выбывшихъ изъ строя большими.

Въ распоряженіяхъ Петра I, послѣдовавшихъ послѣ присоединенія къ Россіи Ингерманландіи и части Финляндіи (Выборгской губерніи), проявилась двойственность: Ингерманландію сразу поставили подъ общую для всей Россіи мѣрку и примѣнили къ ней русскіе порядки управленія, русскій языкъ и русскіе законы. Въ результатъ нынѣ Ингерманландія (Петербургская губ.) стала вполне русскою мѣстностью.

Иначе распорядился Петръ I съ Выборгскою губерніею. Не смотря на то, что завоеваніе этой губерніи и Выборга Петру I необходимо было въ особенности для прикрытія основаннаго имъ Петербурга съ сѣвера, Петръ не заботился о томъ, чтобы это прикрытіе сдѣлать скорѣе русскимъ. Въ своемъ пристрастіи къ западному Петръ и по отношенію къ устройству завоеванной Финляндіи взялъ за образецъ не русскіе, а шведскіе порядки и шведскіе законы.

Карелія, входившая въ составъ Выборгской губерніи, сохраняла и подъ шведскимъ владычествомъ старинное русское устройство и мѣстное управленіе: обоброченіе было, какъ и на Руси, на сохи; въ Карелии не было примѣнено и шведское военное устройство,—вмѣсто воинской повинности на населеніи Карелии лежала почтовая гоньба и барщина на крѣпостныхъ работахъ.

Петромъ I съ 1718 года были даны инструкціи всѣмъ коллегіямъ составить для Выборгской губерніи, не исключая и Карелии, правила *на основаніи шведскаго уложенія, слово въ слово*. Судебное и финансовое устройство тоже введены „по шведскому манеру“²⁾).

Тѣмъ не менѣе въ Ништадтскомъ трактатѣ по отношенію къ Финляндіи и Ингерманландіи не было дано какихъ-либо обѣщаній, подобно тому, какъ таковыя были даны по отношенію къ Лифляндіи и Эстляндіи, и какъ Финляндія, такъ и Ингерманландія были поставлены подъ безусловное дѣйствіе русскихъ законовъ. Въ Лифляндіи и Эстляндіи мы заботливо охраняли права мѣстнаго дворянства на земли, въ Финляндіи Петръ широко раздавалъ земли въ награду за службу многимъ русскимъ³⁾).

¹⁾ К. Ординъ, стр. 71.

²⁾ Тамъ же, стр. 102.

³⁾ Тамъ же, стр. 105.

Только при воцареніи императрицы Екатерины II начался рядъ мѣръ по объединенію Финляндіи и прибалтійскихъ губерній съ Россією.

Значеніе Сѣверной войны.

Относительно значенія Сѣверной войны историкъ Соловьевъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе:

Для русскихъ Сѣверная война была первою военною школою; Петръ не смущался пораженіями, потому что не хорошо, если постоянный успѣхъ избалуесть ученика, и терпѣливо рассчитывалъ на постепенность, медленность обученія: „Сперва русскіе выучатся побѣждать непріятеля малочисленнаго, имѣя на своей сторонѣ превосходство числа,—потомъ выучатся побѣждать съ равными, а наконецъ съ меньшими силами“¹⁾.

Такая скромность взгляда, соединенная съ неутомимою дѣятельностью для увеличенія своихъ силъ, съ желѣзною волею, непоколебимымъ рѣшеніемъ не оканчивать войны ранѣе достиженія побѣды, должны были дать и дали побѣду.

Въ борьбѣ Петра со шведами за присоединеніе къ Россіи части Финляндіи, Эстляндіи и Лифляндіи въ первый разъ въ русской исторіи славянская раса побѣждаетъ шведовъ, представителей германской расы, и овладѣваетъ Лифляндією, гдѣ германская раса, въ лицѣ ливонскихъ рыцарей господствовала въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Гениемъ Петра и его желѣзною энергією русское племя, борясь за возвращеніе къ Россіи ея древнихъ удѣловъ, приходитъ въ столкновеніе съ болѣе себя культурными народностями—нѣмцами, шведами и силою оружія побѣждаетъ ихъ.

Требовалось затѣмъ приобщить населеніе завоеванныхъ мѣстностей къ русской гражданственности. Въ главѣ XI-й мы увидимъ, что эта задача оказалась и донинѣ еще не по силамъ Россіи. Тяжко занятое въ XIX столѣтіи расходованіемъ силъ и средствъ для преслѣдованія многихъ цѣлей, не имѣвшихъ жизненнаго значенія для Россіи, русское племя, на которое пали всѣ тяжести борьбы Россіи на пользу разныхъ европейскихъ государствъ, истощилось и потому не могло дѣлать большихъ успѣховъ въ культурномъ отношеніи. Между тѣмъ завоеванныя Петромъ I окранны, особо охраняемая и заботливо поддерживаемая въ привилегированномъ положеніи нашимъ правительствомъ, развивались, богатѣли и успѣвали въ культурномъ отношеніи.

По заключеніи Ништадтскаго мира Петру I былъ поднесенъ титулъ императора. По этому поводу историкъ Соловьевъ пишетъ, что „не разъ предшественникамъ Петра и ему самому указывали на

¹⁾ Соловьевъ, т. XVІІ, стр. *619.

титуль „императора восточнаго“. Съ принятіемъ титула императора всероссійскаго родная страна не была отлучена отъ славы царя своего, *впервые оказано было уваженіе къ народности*“¹⁾.

Побѣда русскаго племени при Петрѣ Великомъ надъ представителями германской расы тѣмъ болѣе была знаменательна, что одновременно другія славянскія племена, подъ напоромъ нѣмецкаго племени съ запада, уступали ему и частью сливались съ нимъ.

Такія славянскія мѣстности, какъ Силезія и Померанія, онѣмечивались. Въ особенности трудная борьба выпала на долю польскаго племени. За счетъ польскихъ земель усилились и стали нѣмецкими королями два курфюрста: саксонскій и бранденбургскій. Послѣдній изъ нихъ, по герцогству прусскому, былъ одно время вассаломъ Польши. Владѣя пруссами, поляки тоже не могли справиться съ ними и призвали на помощь нѣмцевъ; тѣ справились, онѣмечили ихъ и слились съ ними.

На два главнѣйшихъ славянскихъ племени—русское и польское—легли двѣ тяжелыя историческія задачи: на польское—сдерживать натискъ съ запада германскаго племени, на русское—сдерживать съ востока натискъ монголо-татарскихъ племенъ. Русское племя, твердо направляемое сильною великокняжескою или царскою властью, вполне успѣшно справилось съ выпавшею на его долю великою историческою задачею. Польское племя, даровитое и храброе, но лишенное сильной власти, ослабленное главенствомъ во всѣхъ дѣлахъ бурной шляхты, не справилось съ выпавшею на него задачею и послужило, по выраженію Данилевскаго²⁾, лишь „*этнографическимъ матеріаломъ*“ для усиленія другихъ государствъ—прусскаго, австрійскаго и русскаго.

Часть Балтійскаго побережья—Курляндія еще долго и послѣ Петра оставалась въ рукахъ Польши, пока по 3-му раздѣлу Польши не перешла въ державное обладаніе Россійской имперіи. Не оказались достаточными для Россіи и завоеванія Петра въ Финляндіи. Потребовалось нѣсколько войнъ со шведами, чтобы въ началѣ XIX столѣтія войти на Финскомъ побережьи въ тѣ границы, которыя и нынѣ отдѣляютъ Россію отъ Швеціи и Норвегіи.

Очеркъ этихъ войнъ и составитъ содержаніе слѣдующей XI-й главы настоящаго труда.

¹⁾ Соловьевъ, т. XVII, стр. 626.

²⁾ Данилевскій, „Европа и Россія“.

ГЛАВА XI.

Задача русской армии по выходу къ Балтійскому морю при преемникахъ Петра Великаго.

Война со Швеціею въ 1741—1743 годахъ. Миръ въ Або.—Война со Швеціею въ 1788—1790 годахъ. Морская побѣда въ Выборгскомъ заливѣ. Пораженіе нашего флота въ Роченсальмскомъ заливѣ. Верельскій миръ.—Война со Швеціею въ 1808—1809 годахъ. Дѣйствія въ 1808 году: быстрое занятіе русскими войсками Финляндіи; переходъ шведовъ въ наступленіе; народная война; отступленіе передовыхъ русскихъ войскъ; сдача русскимъ войскамъ Свеаборга. Дѣйствія въ 1809 году: рѣшительный переходъ русскихъ войскъ въ наступленіе; занятіе всей Финляндіи; походъ въ Швецію по льду и въ обходъ Ботническаго залива; занятіе Аландскихъ острововъ; бой на шведской территоріи; Фридрихсгамскій договоръ и четвертый пунктъ его.—Справка о присоединеніи къ Россіи Курляндіи. Заключеніе объ использованіи русскимъ племенемъ достигнутаго имъ выхода къ Балтійскому морю. (Схема № 11).

Война со Швеціею въ 1741—1743 годахъ.

Еще при Петрѣ I, въ 1724 году, со Швеціею былъ заключенъ особый союзный трактатъ на 12 лѣтъ. За нѣсколько лѣтъ до истеченія этого срока русскіе посланники возбуждали вопросъ о возобновленіи этого договора, но встрѣчали препятствія въ шведскомъ сеймѣ, который при королѣ Фридрихѣ забралъ всю власть въ свои руки.

Въ этомъ сеймѣ, при продажности партій, французское золото подвинуло шведовъ на союзъ съ Франціею и Турціею противъ Россіи. На сеймѣ въ 1738 году ландмаршалъ открыто высказывалъ, что „государственные чины Швеціи всегда готовы предпочесть постыдному Ннштадтскому миру войну, хотя бы и жестокою“.

Въ связи съ такимъ настроеніемъ въ Финляндіи начали усиливаться шведскія войска.

Послѣ смерти австрійскаго императора Карла VI наше правительство уже было озабочено „поддержаніемъ вольности и равновѣсія Европы“ ¹⁾ и обратилось ко всѣмъ державамъ съ увѣщаніемъ

¹⁾ Соловьевъ, т. XXI, стр. 61.

принять мѣры для поддержанія „прагматической санкціи“. Въ этихъ видахъ мы поддерживали Австрію и становились въ ряды противниковъ Франціи. Эта послѣдняя отвѣтила тѣмъ, что подтолкнула Швецію и Турцію на войну съ Россіею. Защищая австріійскіе интересы, мы такою политикою затрудняли выполнение жизненныхъ для Россіи задачъ по выходу къ морямъ Балтійскому и Черному.

28 іюля 1741 года въ Стокгольмѣ была объявлена война Россіи. Но силы, собранныя шведами для войны, были крайне ограничены. Подъ общимъ начальствомъ Левенгаупта было собрано два отряда: одинъ въ 5,000 чел. близъ Фридрихсгама, другой въ 3,000 чел. къ сѣверу отъ Вильманстранда; оба отряда были раздѣлены разстояніемъ въ 40 верстъ.

Начальникомъ русскихъ войскъ былъ назначенъ Ласси, располагавшій 9,000 человекъ. Онъ быстро двинулся впередъ, сдѣлалъ форсированный переходъ въ 80 верстъ и атаковалъ шведовъ, занявшихъ позицію южнѣе Вильманстранда. По русскимъ источникамъ, шведы располагали 5,256 чел., по шведскимъ 3,500 чел.¹⁾ Шведы были разбиты и бѣжали въ Вильманстрандъ.

Преслѣдуя шведовъ, русскіе достигли укрѣпленій Вильманстранда. Комендантъ, желая сдаться, выставилъ бѣлое знамя. Но русскіе парламентары были убиты. Ожесточенныя этимъ случаемъ, русскія войска ворвались въ городъ, разграбили его и затѣмъ сожгли.

Въ составъ непріятельскаго отряда были и финскія части, которыя первыя дрогнули и побѣжали²⁾.

Въ теченіе 1741 года русскій флотъ и не показывался въ морѣ „по неудовлетворительности своей“³⁾.

Военныя дѣйствія возобновились только въ 1742 году.

Войска Ласси предположено было довести до 70,000 человекъ, но въ дѣйствительности онъ открылъ дѣйствія, имѣя около 35,000 чел.⁴⁾

Въ Кронштадтѣ снаряжался корабельный флотъ, на который предполагалось посадить десантъ до 5,000 пѣхоты, и гребной флотъ, до 70 галеръ, для десанта въ 15,000 чел. Ждали для начала кампаніи, чтобы тронулся ледъ. Однако и въ 1742 году флотъ не заявилъ себя никакими подвигами. Составъ экипажей состоялъ большею частью изъ молодыхъ матросовъ, и начальство боялось предпринять на морѣ что нибудь рѣшительное⁵⁾.

Цѣлью дѣйствій русскихъ войскъ Ласси поставилъ овладѣніе Фридрихсгамомъ. Но Левенгауптъ, располагая свыше чѣмъ 20,000

¹⁾ Соловьевъ, т. XXI, стр. 74.

²⁾ Орднцъ „Покореніе Финляндіи“, т. I, стр. 79.

³⁾ Тамъ же, стр. 85.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 81.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 85.

войска, не принимая боя съ русскими войсками, беспорядочно и спѣшно отступилъ къ р. Кюмени. Фридрихсгамъ былъ очищенъ имъ и зажженъ.

Въ шведской арміи началось разложеніе. „Въ ней стали усиливаться ропотъ, особенно въ финскихъ полкахъ, которые съ потерю Фридрихсгама увидѣли, что надежды ихъ на перенесеніе войны за границу исчезли и что родинѣ ихъ предстоятъ всѣ ужасы, столь памятные отъ недавней еще великой Сѣверной войны. Солдаты дезертировали среди бѣла дня, на глазахъ всѣхъ, находя, что если армія бѣжить, то и они бѣжать могутъ. Положеніе шведской арміи ухудшилось еще тѣмъ, что съ потерю Фридрихсгама она лишилась главнаго магазина, при арміи же провіанта было всего на десять дней“ ¹⁾. Начальники шведскихъ войскъ не оказывали должнаго уваженія и повиновенія своему главнокомандующему и самовольно уѣзжали въ Стокгольмъ ²⁾.

Шведскій флотъ, несмотря на бездѣйствіе русскаго флота, помощи своей арміи не оказывалъ. Дисциплина отсутствовала и въ шведскомъ флотѣ.

7 августа сдалась русскимъ на капитуляцію крѣпость Нейшлотъ, а 21 августа „по предложенію гарнизона Тавастгусской крѣпости, пожелавшаго вступить въ подданство императрицы Елисаветы, занять безъ боя и Тавастгусъ“ ³⁾.

Къ серединѣ августа шведская армія была заперта въ Гельсингфорсъ.

Русскій флотъ, наконецъ, появился и блокировалъ доступы къ Гельсингфорсу съ моря. Шведскій флотъ не принялъ боя. Ласси вступилъ въ переговоры и 24 августа подписалъ капитуляцію, по которой всѣмъ шведскимъ и финскимъ войскамъ разрѣшалось отправиться: пѣхотѣ на шведскихъ судахъ, а конницѣ сухимъ путемъ подъ прикрытіемъ русскихъ войскъ. Всего сдалось на капитуляцію 17,000 чел. Финнамъ было предоставлено или слѣдовать съ оружіемъ со шведскими войсками, или сдать оружіе и разойтись по домамъ. Въ составѣ шведскаго войска было 3,300 финновъ, которые, за небольшими изъятіями среди офицеровъ, *присягнули на вѣрность* русской императрицѣ, сложили оружіе и разошлись по домамъ.

Русскихъ, передъ которыми капитулировало 17,000 шведскихъ войскъ, было около 18,000 чел. ⁴⁾.

Затѣмъ русскими войсками была занята и столица Финляндіи—Або. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, въ 1743 году былъ заключенъ въ Або миръ, которымъ подтверждалась всѣ статьи Ни-

¹⁾ Орднъ, т. I, стр. 86—87.

²⁾ Тамъ же, стр. 87.

³⁾ Тамъ же, стр. 89.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 92.

штадтскаго мира и сдѣлана прибавка территоріи къ русской имперіи въ 226 кв. миль. Граница отодвинулась на берега Сайминскаго озера и рѣку Кюмень.

Война со Швеціею въ 1788—90 г.г.

Мирныя отношенія между Швеціею и Россіею не прерывались послѣ Абоскаго мира 45 лѣтъ.

За этотъ періодъ значеніе Швеціи все падало. Такъ называемый „образъ правленія“, установленный въ Швеціи въ 1720 году, низвелъ власть короля до ничтожныхъ размѣровъ. Вся власть перешла къ сейму, въ которомъ главенствующую роль играло дворянство. Король, безъ участія сеймоваго комитета изъ дворянъ, не имѣлъ права по своему усмотрѣнію нанимать даже нѣкоторыхъ изъ своихъ ближнихъ слугителей.

Въ 1771 году на шведскій престолъ вступилъ Густавъ III, зававшияся цѣлью снова возвысить королевскую власть. При помощи войскъ, присягнувшихъ ему на вѣрность, Густавъ объявилъ собранному имъ сейму о возстановленіи порядка управленія, бывшаго при Густавѣ-Адольфѣ, при чемъ сеймъ' долженъ былъ заниматься преимущественно лишь финансовыми дѣлами, но за нимъ было оставлено однако и право объявленія наступательной войны ¹⁾.

Посѣтивъ лично Финляндію, Густавъ пріобрѣлъ симпатіи финновъ и принялъ различныя мѣры по усиленію военнаго положенія этой провинціи. Онъ укрѣплялъ Свеаборгъ, увеличивалъ флотъ и, для возвращенія прежняго положенія Швеціи, замыслилъ уничтожить унижительныя для шведовъ условія Ништадтскаго и Абоскаго договоровъ.

Съ 1787 года приготовленія къ войнѣ съ Россіею велись открыто. Ожидали только предлога, чтобы начать военныя дѣйствія. Начальствовавшему въ Карелии Гастферу предписано было при первомъ случаѣ занять русскую крѣпость Нейшлотъ.

Положеніе русскихъ въ Финляндіи въ военномъ отношеніи не было прочнымъ: мы имѣли тамъ только до 13,000 войскъ.

Предлогъ къ войнѣ шведы получили путемъ подлога: они переодѣли лѣтомъ 1788 года нѣсколькихъ финскихъ солдатъ въ русское платье, заставили ихъ перейти границу, пострѣлять, разорить одну-двѣ избы и уйти назадъ ²⁾.

Россія, отвлеченная военными дѣйствіями на другихъ театрахъ,

¹⁾ По объясненію К. Ордина, эта уступка была сдѣлана въ виду договора, заключеннаго въ 1769 году между Даніей, Пруссіей и Швеціею, по которому въ случаѣ существенныхъ перемѣнъ въ образѣ правленія, установленномъ въ 1720 году, Данія и Пруссія могли пристушить къ раздѣлу Швеціи. (К. Ординъ, стр. 120).

²⁾ Ординъ, т. I, стр. 131.

не была готова къ борбѣ со шведами. Тѣмъ не менѣе, къ концу іюля 1788 года подъ начальствомъ Мусина-Пушкина уже собралось 19,000 чел.

Ранѣе начала военныхъ дѣйствій Густавъ прислалъ русскому правительству въ концѣ іюля ультиматумъ, требуя отъ Россіи отказаться отъ всѣхъ пріобрѣтеній по договорамъ Ништадтскому и Абоскому, отказаться въ пользу Турціи отъ Крыма и обезоружить свой флотъ. Эти условія, по справедливому мнѣнію К. Ордина, могъ бы предложить „торжествующій побѣдитель послѣ ряда выигранныхъ генеральныхъ сраженій“¹⁾. Русское правительство назвало этотъ документъ „сумасшедшимъ“, предложило представителю Швеціи въ Петербургѣ оставить предѣлы имперіи и отдало приказъ объ открытіи военныхъ дѣйствій.

Шведы первые начали наступательныя дѣйствія, обложивъ Нейшлотъ и овладѣвъ его предмѣстьями.

Наша неготовность къ войнѣ казалась на столько велика, что опасались нападенія на Кронштадтъ. Императрица „для ободренія жителей“ переѣхала изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Въ эти дни она высказала знаменательное мнѣніе: „Правду сказать, *Петръ I* близко сдѣлалъ столицу“²⁾. Императрица даже предполагала сама съ гвардіею выступить къ сторонѣ Финляндіи, къ Осиновой рощѣ, гдѣ теперь станція Левашево, въ 18 верстахъ отъ Петербурга.

Производился усиленный наборъ въ солдаты, который встрѣчалъ затрудненія. Новобранцевъ, наскоро обучивъ, отправляли на границу въ войска.

1 іюля шведы въ значительныхъ силахъ перешли границу у р. Кюмень и направились къ Фридрихсгаму. Русскіе отступали. Но въ дѣйствіяхъ шведскихъ отрядовъ не было ни энергіи, ни системы.

На морѣ дѣйствія носили болѣе рѣшительный характеръ. 5 іюля у острова Готландъ между русскимъ и шведскимъ флотами произошло сраженіе. Русскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Грейга, состоялъ изъ 17 лин. кораблей, 8 фрегатовъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ, съ 1,400 орудіями. Шведскій флотъ состоялъ изъ 15 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ и 8 другихъ судовъ съ 1,200 орудіями. Сраженіе было жаркое. Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, но отступили шведы. Мы потеряли взятый шведами въ плѣнъ корабль „Владиславъ“ и, кромѣ его экипажа, свыше 1,000 человекъ убитыми и ранеными. Во всякомъ случаѣ этотъ бой разрушилъ планъ Густава идти къ Кронштадту и сдѣлать высадку у Ораніенбаума.

¹⁾ Ординъ, т. I, стр. 137.

²⁾ Тамъ же, стр. 140.

На сухомъ пути войска двухъ сторонъ занимались лишь незначительными передвиженіями.

Въ шведскомъ войскѣ отъ недостатковъ разнаго рода сильно развилась болѣзненность и началось нескрываемое недовольство. К. Ординъ такъ характеризуетъ состояніе шведской арміи: „Политическая распущенность явно выражалась при всякомъ случаѣ. Въ офицерскомъ корпусѣ утратились самыя элементарныя понятія о воинской дисциплинѣ и о сознаніи долга передъ королемъ и отечествомъ. Многіе офицеры вышли въ отставку при самомъ началѣ войны, ссылаясь на то, что она начата не въ законномъ порядкѣ, т. е. безъ согласія государственныхъ чиновъ. Старались поколебать вѣрность и въ солдатахъ, выставляя на видъ недостатокъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, а также страшая преувеличенными размѣрами русскихъ силъ. Въ войскахъ распространяли революціонныя памфлеты, въ которыхъ развивались соображенія о томъ, что государство основано на договорѣ между народомъ и королемъ, и объ обязанностяхъ послѣдняго, истекающихъ изъ такого договора“¹⁾.

Такой отзывъ находитъ подтвержденіе въ слѣдующихъ фактахъ: Финскіе офицеры шведской арміи предъявили своему начальству требованіе о прекращеніи войны и не останавливались передъ оказаніемъ явнаго неповиновенія своему королю. 23 іюля командиры двухъ полковъ донесли королю, что нижніе чины Абоскаго и Бьернеборгскаго полковъ самовольно разобрали палатки и требуютъ обратнаго перехода въ шведскую Финляндію. Командовавшій шведскими войсками генераль Армфельдъ самовольно началъ отступленіе отъ Фридрихсгама. 100 офицеровъ подали въ отставку и готовились отправиться въ Швецію, называя войну незаконною. Разныя шведскіе отряды, ссылаясь на неповиновеніе финскихъ войскъ, поспѣшно отступили къ своимъ границамъ. Начальникъ флота также заявилъ о необходимости заключить миръ.

Въ такихъ условіяхъ король Густавъ упалъ духомъ и также отвелъ назадъ къ Кюменегорду, подъ прикрытіе галернаго флота, отрядъ въ 6,000 чел., при которомъ самъ находился. 8 августа отступилъ и шведскій отрядъ отъ Нейшлота послѣ ничтожныхъ дѣйствій по овладѣнію этимъ пунктомъ. Наши потери за все время „осады“ Нейшлота состояли изъ двухъ нижнихъ чиновъ.

Къ русскимъ начальникамъ стали поступать отъ шведскихъ командировъ разныя мирныя предложенія²⁾.

2,000 чел. финскихъ войскъ, собравшись въ м. Ликкала, составили заговоръ объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи и черезъ своихъ офицеровъ вступили въ переговоры съ русскимъ правитель-

¹⁾ Ординъ, т. I, стр. 150—151.

²⁾ Тамъ же, стр. 154—155.

ствомъ. Они хлопотали о независимости Финляндіи подъ покровительствомъ Россіи и просили уступить имъ все, что было Россіею покорено. Императрица мудро отвѣтила имъ, что „надѣяться могутъ вспоможенія, во всемъ согласно съ пользою нашей Имперіи“¹⁾.

Въ веденіи мирныхъ переговоровъ другъ короля Густава Армфельдъ сталъ играть двухсмысленную роль, за которую былъ щедро награжденъ русскимъ правительствомъ. Но до мира дѣло еще не дошло.

Лѣтомъ 1789 г. военныя дѣйствія возобновились. Русскія войска, подъ начальствомъ Михельсона, заняли С. Михель, но въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ потерпѣли двѣ серьезныя неудачи—у селеній Парасальми и Паркумяки. Въ послѣднемъ бою русскіе потеряли до 600 человекъ. Впечатлѣніе этихъ неудачъ нѣсколько ослабилось пораженіемъ шведскихъ войскъ, наступавшихъ подъ начальствомъ шведскаго генерала Каульбарса.

Дѣйствія шведовъ на морѣ тоже были довольно энергичны; они заняли въ шхерахъ выгодное и сильное положеніе. 12 августа при Роченсальмѣ, въ 25 верстахъ отъ Фридрихсгама, произошло значительное морское сраженіе. Послѣ упорнаго семичасового боя нашему флоту, подъ начальствомъ принца Нассау, удалось заставить шведскій флотъ отступить. Потери съ обѣихъ сторонъ были значительны. Эта побѣда заставила шведскія войска и на сухомъ пути отступить изъ нашихъ предѣловъ, несмотря на бездѣятельность нашихъ войскъ.

Государыня, недовольная медленнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій, настаивала на быстрѣйшемъ наступленіи къ Гельсингфорсу. Начальнику нашихъ войскъ Мусину-Пушкину она 26 августа писала: „Объявляя вамъ въ *третій разъ*—рѣшительную волю нашу на распространеніе дѣйствій противу непріятеля, не входимъ мы въ подробныя наставленія“²⁾.

„И тѣмъ не менѣе,—пишетъ К. Ординъ,—ничего не было сдѣлано. Всѣ эти „рѣшительныя“ повелѣнія самодержавной императрицы оказывались безсильны, разбиваясь о совершенную апатію исполнителей этихъ велѣній. 9-го сентября принцъ Нассау былъ уже въ Петербургѣ; въ началѣ октября Мусинъ-Пушкинъ также покинулъ шведскую Финляндію. Чичаговъ ушелъ охранять берега Эстляндіи и Лифляндіи, которымъ не угрожала впрочемъ никакая видимая опасность. Не удивительно, что подобное равнодушіе къ высокимъ государственнымъ задачамъ вызывало слезы на глазахъ дѣятельной императрицы; не удивительно, что въ минуту такого огорченія она находила, что всѣ точно въ разговорѣ съ Густавомъ. Но то удивительно, что воля Екатерины, какъ въ минувшемъ, такъ

¹⁾ Ординъ, т. I, стр. 168.

²⁾ Тамъ же, стр. 257.

и въ этомъ году, обращалась въ ничто передъ упорной апатіей Мусина-Пушкина,—и однако же цѣлые два года императрица выносила бездѣйствіе этого малоспособнаго и нерѣшительнаго генерала, погубившаго, можно сказать, обѣ кампаніи и подготовившаго Верельскій, далеко не выгодный для Россіи, миръ.

„Кампанія 1789 года кончилась тѣмъ же, чѣмъ кончилась предъидущая: русскіе остались въ своихъ, шведы въ своихъ границахъ. На слѣдующій годъ приходилось начинать все снова“¹⁾.

Въ кампанію 1790 года русскими войсками командовалъ Салтыковъ, смѣнившій неспособнаго Мусина-Пушкина. Его помощниками въ генеральскихъ чинахъ были: Игельстремъ, баронъ Фрезенъ, Гантвихъ, принцъ Ангальтъ, Нумсенъ, баронъ Ферзенъ, Бауверъ, баронъ фонъ-деръ Паленъ, Бергманъ, Корфъ, Рекъ, Буксгевденъ; изъ русскихъ у историка значатся лишь: Хрущовъ, Неклюдовъ, Толстой, Ржевскій, Денисовъ. Флотомъ командовалъ тоже иноземецъ Нассау-Зигенъ. Силы русской арміи въ началѣ іюня 1790 года состояли всего изъ 23,000 чел.

Густавъ провелъ зиму въ лихорадочныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ. При легкости сооруженія небольшихъ деревянныхъ судовъ, шхерный флотъ шведовъ, по показанію финскихъ историковъ, уже обладалъ, къ веснѣ 1790 года, силою въ 3,000 орудій. Патріотическое настроеніе захватило и часть населенія Финляндіи. Такъ, одну изъ канонерскихъ лодокъ соорудили и вооружили финскія дамы.

Кампанія началась успѣшно для шведовъ на морѣ и на сушѣ. Неожиданно атакованный Балтійскій портъ былъ сданъ комендантомъ его Роберти. Русскіе были отбѣснены съ р. Кюмени. Шведы заняли важную позицію у Кернакоски. Попытка русскихъ занять 19 апрѣля се обратно окончилась неудачно, съ потерей свыше 500 человекъ. Но черезъ два дня русскіе, получивъ подкрѣпленія, разбили шведовъ и отбросили ихъ за р. Кюмень. Густавъ, лично командовавшій сухопутными войсками, оставилъ ихъ и перенесъ свою главную квартиру на галерный флотъ.

24 мая Хрущовъ, имѣя всего 1,500 чел., разбилъ на голову друга короля—Армфельда. На полѣ сраженія было оставлено до 400 убитыхъ шведовъ.

На морѣ, послѣ легкаго успѣха у Балтійскаго порта, шведскій флотъ задался цѣлью разбить эскадру Чичагова, стоящую въ Ревелѣ и разъединенную льдомъ съ нашими морскими силами, расположенными въ Кронштадтѣ. У шведовъ было 22 лип. корабля, 4 фрегата и 2 бригадера; у русскихъ 10 кораблей и 1 фрегатъ. Въ морскомъ сраженіи въ виду Ревеля шведскій флотъ, съ потерей нѣсколькихъ судовъ, вынужденъ былъ къ отступленію. Мы потеряли

¹⁾ Ординъ, т. I, стр. 257—258.

всего 8 чел. убитыми и 26 чел. ранеными. Трофеемъ боя былъ шведскій 64 пушечный корабль съ 500 чел. экипажа.

Итакъ, попытка отдѣльно разбить нашу Кронштадтскую эскадру не удалась. Обѣ эскадры соединились и вынудили шведскій флотъ отступитъ въ Выборгскій заливъ. Двухъ - дневная канонада была слышна въ Петербургъ и производила тамъ большую тревогу. Ожидалась высадка шведовъ и, дѣйствительно, большой десантъ уже былъ приготовленъ на галерномъ флотѣ. Основаніе столицы на границѣ имперіи приносило свои горькіе плоды.

Противъ сильнаго шведскаго галернаго флота у насъ зимовало близъ кр. Фридрихсгамъ, до 60 мелкихъ судовъ. „Но по раннему времени суда эти вовсе еще не были готовы къ плаванію и бою; многія не имѣли ни зарядовъ, ни даже пушекъ“ ¹⁾. Шведы 4 мая неожиданно напали на эту флотилію и вынудили ее укрыться въ крѣпости, съ потерей почти половины судовъ и до 140 плѣнныхъ, но попытка взять Фридрихсгамъ не удалась.

Неудачны были десантныя дѣйствія шведовъ и подъ Выборгомъ, а также въ Транзундѣ, гдѣ они были отбиты и потеряли 4 знамени. Но что оказалось гибельнымъ для части шведскихъ морскихъ силъ,—это укрывательство ихъ въ Выборгскомъ заливѣ. Блокированная русскими эскадрами, шведская эскадра, предводимая королею, 20—21 мая была атакована русскимъ флотомъ и вынуждена прорываться при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ—узкими фарватерами. Нѣсколько судовъ было взорвано на воздухъ или потоплено. Всего шведы потеряли 7 линейныхъ кораблей и много мелкихъ судовъ. У нихъ было убито и ранено до 3,000 чел. и взято въ плѣнъ до 5,000 чел. Густавъ самъ едва спасся.

Такъ какъ Швеція, даже послѣ этого пораженія, все еще располагала значительнымъ флотомъ, то, чтобы вынудить ее къ миру, рѣшено было двинуть все наши морскія силы, подъ начальствомъ принца Нассау, съ цѣлью найти и разбить шведскія морскія силы.

Русскія морскія силы, собранныя подъ командою принца Нассау, состояли изъ 50 судовъ и 105 канонерокъ. Шведскій флотъ состоялъ изъ 28 большихъ судовъ и 155 канонерокъ. Флотъ этотъ укрылся въ Роченсальмскомъ проливѣ и между островами ²⁾.

28 іюня, въ день восшествія на престолъ Екатерины Великой, принцъ Нассау, желая порадовать государыню побѣдою, рѣшилъ атаковать шведовъ, не дождавшись флотиліи канонерокъ съ десантомъ. Постепенно усиливавшійся вѣтеръ обратился въ день боя въ штормъ. Канонерки, двигавшіяся на веслахъ, оказались не въ силахъ выгребать, сбились въ кучу, выбрасывались на берегъ, разстрѣливались и гибли. Вводъ все новыхъ русскихъ судовъ въ про-

¹⁾ Ординъ, т. 1, стр. 272.

²⁾ Роченсальмскій проливъ и острова того же имени лежатъ на высотѣ г. Кюменегорда, по срединѣ пути между Выборгомъ и Гельсингфорсомъ.

ливъ только увеличивалъ безпорядокъ. Послѣ полудня многія русскія суда были повреждены, разбились, взяты въ плѣнъ. Шведы искуснымъ маневромъ все болѣе и болѣе обходили наши суда и били ихъ. Приказаніе отступать не могло быть выполнено за противнымъ вѣтромъ, почти штормомъ.

„Нѣкоторыя фрегаты и шебеки снесены подъ вѣтеръ къ тому же острову Лехме, при которомъ еще прежде снесенныя и уцѣлѣвшія галеры едва удерживались якорями противъ бурнаго прибоа. Навалившіяся большія суда посорвали галеры съ якорей и довершили свое и ихъ бѣдствіе. Наступившій вечеръ былъ по истинѣ ужасенъ. Фрегаты, шкуны, шебеки, галеры, изуродованныя непріятельскими ядрами, безъ мачтъ, съ поломаннымъ рангоутомъ и изорваннымъ такелажемъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, окончательно гибли на камняхъ и меляхъ. Адмиральскій фрегатъ „Св. Екатерина“ взятъ шведами со всею канцеляріею принца Нассау и казенными деньгами. Оставшіяся еще суда боролись съ врагомъ и страшною бурею. Люди съ погибшихъ судовъ большею частью спасались на островахъ, гдѣ и забраны въ плѣнъ“ ¹⁾.

Къ 10 часамъ утра 29 іюня окончился этотъ несчастный бой. Уронъ русскихъ былъ громадный. Однихъ судовъ потеряно 54, въ томъ числѣ 5 фрегатовъ; общая потеря людьми превысила 12,000 чел.; орудій потеряно 1,412.

Такимъ образомъ, и въ борьбѣ за выходъ къ Балтійскому морю нашъ флотъ имѣлъ, къ сожалѣнію, свою Цусиму, но это не помѣшало нашимъ доблестнымъ морякамъ быстро оправиться.

Относительно причинъ пораженія историкъ пишетъ: „Одержавъ здѣсь побѣду въ минувшемъ году, весь подъ впечатлѣніемъ легко доставшагося ему успѣха недѣлю назадъ, принцъ Нассау не позаботился ознакомиться съ новымъ положеніемъ шведовъ и пошелъ прямо на нихъ послѣ продолжительнаго ночного перехода на веслахъ. Люди проработали 20 часовъ и были крайне утомлены. Команды на канонеркахъ состояли изъ только что набранныхъ людей, не только непривычныхъ, но и вовсе съ моремъ незнакомыхъ. Принцъ такъ мало приложилъ вниманія къ предстоявшему бою, что, по собственному сознанію, не зналъ, какія у него команды. Мало того: начальство надъ канонерками принадлежало генералу Буксгевдену. Нассау не выждалъ его прихода и повелъ лодки въ дѣло, тутъ же поручивъ начальство надъ ними постороннему генералу Палену, не знавшему никого изъ начальниковъ, ему теперь подчиненныхъ. Нѣкоторыя лодки не имѣли вовсе командующихъ офицеровъ. При всѣхъ этихъ условіяхъ непривычные люди должны были держаться на веслахъ противъ сильнѣйшаго вѣтра и въ то же время

¹⁾ Ордигъ, т. I, стр. 281.

отстрѣливаться отъ непріятеля, дѣйствовавшаго при самыхъ благопріятныхъ для него обстоятельствахъ“¹⁾).

Хотя мы и продолжали приготовленія для новаго нападенія на шведовъ съ моря и на сушѣ, но впечатлѣніе погрома флота у Роченсальма было такъ велико, что въ тайнѣ, при пособіи нѣсколькихъ вліятельныхъ шведовъ, главнымъ образомъ Армфельда, велись уже переговоры о мирѣ. 13 августа 1790 года было объявлено о заключеніи Верельскаго мира.

Мирный договоръ былъ очень коротокъ и заключалъ въ себѣ восемь пунктовъ; главнѣйшій изъ нихъ заключался въ оставленіи границъ, бывшихъ до войны.

Главные участники въ заключеніи мирнаго договора были щедро награждены: Армфельдъ, представитель Швеціи, получилъ гласно табакерку съ портретомъ государыни и 3,000 червонцевъ, ему же негласно выдано 10,000 червонцевъ; адъютантъ шведскаго короля, подполковникъ Розенштейнъ, тоже получилъ „секретно“ одну тысячу червонцевъ.

Миръ этотъ не былъ почетнымъ и выгоднымъ для Россіи. Имъ даже ослаблялось значеніе Ништадтскаго договора, ибо объ обязательности постановленій этого послѣдняго договора, выгодныхъ для Россіи, но не вошедшихъ въ Верельскій договоръ, упомянуто не было.

По мнѣнію К. Ордина, великая Екатерина поступила такъ невыгодно для Россіи потому, что поддалась внушеніямъ подозрительной личности Спренгтпортена—шведскаго выходца, приговореннаго на родинѣ къ висѣлицѣ, и допустила интриги и заигрыванія съ финляндцами²⁾.

Оберъ-прокуроръ Неклюдовъ въ торжественномъ собраніи Сената восхвалялъ Екатерину за заключенный ею Верельскій договоръ и противопоставлялъ этотъ договоръ Прутскому, заключенному Петромъ. Отвѣчалъ на эту рѣчь князь Щербатовъ. Ниже изъ книги Ордина приводится окончаніе этого отвѣта:

„Но какъ вы любите сравненія, должны бы вы взглянуть на послѣдне заключенный миръ съ шведскимъ королемъ; нашли бы его и при умноженіи силы Россіи, и при одержанныхъ побѣдахъ едва ли не меньше ли выгоднымъ, нежели Прутскій. Мы не уступили ничего, но и явили, что не могли укротить беззаконно начавшаго войну. Мы не уступили ничего своихъ земель, но лишились права, означеннаго въ Нейштадтскомъ трактатѣ, защищать права и вольности Швеціи. Заключили мы миръ съ королемъ шведскимъ, не упоминая ни о какихъ прежде бывшихъ трактатахъ; убо оста-

¹⁾ Ординъ, т. I, стр. 283--284.

²⁾ Тамъ же, стр. 335 и 336. Позже, при Александрѣ I, Спренгтпортенъ былъ первымъ финляндскимъ генераль-губернаторомъ.

вли въ неподлинности всѣ другія обязательства, связующія насъ со Швеціею. Мы тщетно по старобытности границы утвердили; изодравъ крѣпости, оставили ему пространное поле ко всѣмъ требованіямъ, какія захватцовый и вѣроломный человекъ имѣть можетъ. Мы признали его самодержавнымъ или, лучше сказать, деспотомъ, а самымъ тѣмъ навели на себя опасность новой войны, которой при установленіи шведской вольности, при сенатѣ и народныхъ собраніяхъ, мы не страшилсь. Мы заключили миръ, не принудя его разоружить свой флотъ, ни отозвать своихъ офицеровъ, служащихъ у турокъ; убо мы не приобрѣли надлежащаго друга; побудили слабого и предприимчиваго врага какой новый вредный нечаянный ударъ произвести. Оставили его во всѣхъ его силахъ и союзникомъ враговъ нашихъ, а наложили на себя единственно тягость и убытокъ всегда вооруженнымъ быть противу друга, яко противу непріятеля“ 1).

Соображенія кн. Щербатова оправдались, и миръ Верельскій оказался мпромъ очень непрочнымъ.

Екатерина II въ большей мѣрѣ, чѣмъ Петръ I, сознавала необходимость завоеванныя силою оружія Эстляндію, Лифляндію и Финляндію прочно прикрѣпить къ прочимъ мѣстностямъ великой Россіи, постепеннымъ распространеніемъ на нихъ русскихъ законовъ, русскаго языка, русскаго порядка управленія. Въ этихъ цѣляхъ, по мнѣнію Екатерины, надлежало не расширять временно предоставленныхъ этимъ мѣстностямъ въ періодъ завоеванія привилегій, а постепенно уничтожать ихъ. Ниже приводимые взгляды Екатерины сохранили жизненность и до сихъ поръ: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія,—писала Екатерина,—суть провинціи, которыя правятся подтвержденными имъ привилегіями, и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было; однакожь и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупость. Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ *легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ перестали глядѣть какъ волки къ лъсу*“ 2).

Въ связи съ такой программой, по утвержденному 2 октября 1763 г. докладу Правительствующаго Сената, повелѣно уголовныя дѣла въ Финляндіи рѣшать на общемъ основаніи, потому что финляндскіе обитатели мѣстъ, приобретенныхъ Россіею въ 1721 и 1743 годахъ, „яко живущіе въ одной странѣ, одного закона и одного языка люди, а равно и подданные Императорскаго Величества,

1) Ординъ, т. I, стр. 334—335.

2) Тамъ же, стр. 109.

должны быть вообще на равныхъ правахъ безъ всякаго однихъ передъ другими преимуществва“¹⁾.

Съ 1784 года были упразднены коронные фохты, лагманскій и герадскіе суды. Въ городахъ введено общее положеніе. Дворянство получило своихъ предводителей. Всюду, гдѣ требовалось, шведскіе законы и постановленія были отмѣнены.

По поводу этихъ преобразованій К. Ординъ пишетъ: „Въ ту пору это преобразование имѣло большое значеніе вообще, для Выборгской же губерніи оно было неопѣненно, такъ какъ въ корни подкашивало ея неумѣстную обособленность. И дѣйствительно, не смотря на послѣдовавшія при императорѣ Павлѣ новыя перемѣны, русское управленіе стало твердой ногой, а русскій языкъ, хотя и параллельно съ нѣмецкимъ, получилъ настолько права гражданства, что архивныя дѣла сохранили обстоятельные рапорты нѣкоторыхъ финляндскихъ бургомистровъ, писанные ими собственноручно по-русски. Даже въ позднѣйшее время съ русскимъ языкомъ можно было свободно пускаться въ путь до самаго пограничнаго Абборфорса на р. Кюмени“²⁾.

При Павлѣ I Выборгская губернія была привлечена къ рекрутскимъ наборамъ на общемъ основаніи. Въ 11 наборовъ было взято 5,733 человекъ.

Въ царствованіе Александра I важныя мѣры, принятія Екатериною II и Павломъ, къ слиянію Финляндскихъ мѣстностей съ Россіею, были отмѣнены, и даже Выборгская губернія включена въ составъ мѣстностей, получившихъ обособленное отъ прочихъ русскіихъ мѣстностей положеніе.

Война со Швеціею въ 1808—1809 годахъ.

Въ 1792 году шведскій король Густавъ III былъ убитъ. Въ 1796 году скончалась и Екатерина Великая. Новые правители Швеціи и Россіи, Густавъ - Адольфъ IV и Павелъ I, поддерживали дружественныя отношенія. Густавъ въ 1800 году посѣтилъ Петербургъ, и ему была обѣщана военная поддержка для усмиренія внутренней смуты въ Швеціи и Финляндіи. Но со вступленіемъ на престолъ Александра I отношенія эти измѣнились и скоро стали враждебными, а въ 1808 году перешли по маловажнымъ поводамъ, въ открытый разрывъ.

Уже съ 1802 года Густавъ-Адольфъ началъ усиливаться военное положеніе Финляндіи. Въ ней введено было „ландверное“ ополченіе, которое могло дать до 30,000 человекъ.

¹⁾ Ординъ, т. I, стр. 109.

²⁾ Тамъ же, стр. 110

Въ 1808 году наша колебавшаяся все время, въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, политика повернулась въ сторону Франціи и противъ Англіи. На основаніи прежнихъ трактатовъ Александръ I требовалъ, чтобы Густавъ-Адольфъ, вступился за Данію, на которую напала Англія, но Густавъ-Адольфъ изъ личной ненависти къ Наполеону, не только не давалъ помощи своему союзнику, но велъ переговоры о заключеніи союза съ Англіею. Александръ I приказалъ двинуть войска въ Финляндію. Рѣшеніе это объяснялось необходимостью „сохраненія безопасности имперіи“.

Цѣлью войны было поставлено покореніе всего Финляндскаго полуострова. Но, какъ изложено будетъ ниже, средства для достиженія этой важной цѣли были назначены недостаточныя.

Всего для дѣйствій въ Финляндіи, занятія опорныхъ пунктовъ, осады крѣпостей, обезпеченія тыла, противъ ненадежнаго населенія, назначено было 24,000 чел., подѣ начальствомъ Буксгевдена. Шведы выставили 20,000 чел. шведскихъ и финскихъ войскъ, подѣ начальствомъ Клингспорра ¹⁾.

Буксгевденъ признавалъ находившіяся въ его распоряженіи 24,000 недостаточными и просилъ 50,000 чел. Но, довѣряя шведу Спренгтпортену, надѣялись на „любовь финляндцевъ и ихъ преданность императору. Буксгевдену приказано было наступать“ ²⁾.

Три колонны русскихъ войскъ должны были перейти границу и вторгнуться въ шведскую Финляндію: центральная, подѣ начальствомъ кн. Багратіона, силою около 6,000 чел., должна была наступать на Тавастгусъ, лѣвая—кн. Горчакова—на Свеаборгъ, правая—Тучкова—изъ Нейшлота должна была обезпечивать съ лѣваго фланга дѣйствія центральной колонны.

9 февраля наши войска перешли границу. Гельсингфорсъ былъ занятъ безъ боя. Шведскія войска всюду отступали передъ русскими. Авангардъ нашихъ войскъ, подѣ начальствомъ Кульнева, сдѣлалъ 600 верстъ въ 22 дня. Крѣп. Свартгольмъ сдалась русскимъ: 20 офицеровъ, 750 нижнихъ чиновъ, 2 знамени и 200 орудій были первыми русскими трофеями.

Гельсингфорсъ и Або были заняты, Свеаборгъ обложенъ, Тавастгусъ, Бьернеборгъ и Ваза тоже перешли въ руки русскихъ. На востокъ, послѣ упорнаго боя, Тучковъ овладѣлъ Куопіо; Аландскіе острова и островъ Готландъ тоже были заняты, послѣдній особымъ отрядомъ въ 1,600 чел. изъ Ливавы. Въ Або шведы сожгли (ледъ мѣшалъ уйти) свои 64 военныхъ судна. Все это наступленіе

¹⁾ Проговъ, „Русская военная сила“ стр. 239.

²⁾ Ординъ, т. I, стр. 403. Спренгтпортеи убѣдилъ Александра, что силы оружія не нужно для покоренія Финляндіи, что все сдѣлается преданностью финляндцевъ къ Россіи и ея императору и что военныя дѣйствія должны вестись только pro forma.

окончилось перѣшителънымъ боемъ у Сиккаюки ¹⁾, гдѣ обѣ стороны потеряли до 1,000 человекъ.

Въ апрѣлѣ „русскіе заняли мѣста на самой сѣверной оконечности Ботническаго залива, которыя болѣе 300 лѣтъ назадъ занимали ихъ предки съ воеводами Ивана III. Этимъ закончился первый періодъ войны и быстрого наступленія“ ²⁾.

По мѣрѣ движенія впередъ силы русскихъ все уменьшались, какъ отъ трудностей похода, такъ и отъ необходимости обезпеченія путей сообщенія. А между тѣмъ силы командовавшаго шведами Клингспорра, притягивавшаго къ себѣ при отступленіи мелкіе отряды, все увеличивались.

Населеніе было настроено враждебно и ждало только сигнала, чтобы начать партизанскую войну.

Собравъ въ сѣверной части Финляндіи 13,000 чел. противъ 6,000 русскихъ ³⁾, разбросанныхъ нѣсколькими отрядами на большомъ протяженіи, шведы въ апрѣлѣ перешли въ рѣшительное наступленіе.

15 апрѣля они напали на стоявшій у Револакса, въ 18 вер. отъ главныхъ силъ колонны Раевского, отрядъ Булатова въ 1,500 человекъ. Русскіе дрались храбро, но были отброшены назадъ съ потерей половины состава. Раненый Булатовъ взятъ въ плѣнъ. Раевскій, угрожаемый обходомъ, отступилъ. Начали отступать и другіе отряды, преувеличившіе значеніе неудачи при Револаксѣ. Роли перемѣнились.

Съ переходомъ шведовъ въ наступленіе населеніе Финляндіи поднялось противъ русскихъ, началась партизанская война. Сообщенія сдѣлались необезпеченными. Нападали на транспорты, небольшія команды; курьеры перехватывались. Вооруженные крестьяне при преслѣдованіи находили пріютъ въ каждой деревнѣ, прятали оружіе и представлялись мирными жителями. Связь между нашими отрядами была прервана. Народнымъ движеніемъ руководили пасторы, офицеры и солдаты сдавшихся и отпущенныхъ на честное слово гарнизоновъ ⁴⁾.

Велѣдъ за отрядомъ Булатова былъ разбитъ небольшой отрядъ Обухова, который изъ Куопіо шелъ на соединеніе съ войсками Раевского и Тучкова. Опять мы потеряли половину состава, а раненый Обуховъ былъ взятъ въ плѣнъ. Знамена были содраны съ деревьевъ и скрыты. Изъ трехъ орудій, состоявшихъ при отрядѣ, два спасено и одно утоплено.

Но всѣ эти частныя неудачи окупились сдачею нашимъ войскамъ 22 апрѣля Свеаборга. Наши трофеи были весьма значительны.

¹⁾ На берегу моря въ окрестностяхъ Улеаборга.

²⁾ Ординъ, т. I, стр. 380.

³⁾ По Михайловскому-Данилевскому, противъ 2,500 чел.

⁴⁾ Ординъ, т. I, стр. 382.

Сдилось въ плѣнь 200 офицеровъ и 7,300 нижнихъ чиновъ. Взято болѣе 2,000 орудій, много запасовъ, 15 большихъ и 100 мелкихъ судовъ ¹⁾. Недостаточно упорную оборону Свеаборга комендантомъ Кронштедтомъ объяснили, между прочимъ, излишнею заботою о сохраненіи семейства, бывшаго вмѣстѣ съ нимъ въ крѣпости ²⁾.

Но и за этою побѣдою послѣдовали новыя неудачи. Наши малочисленныя войска, занимавшія Аландскіе острова и Готландъ, были атакованы значительными десантными силами шведовъ, и при помощи возставшаго населенія, послѣ недостаточно упорнаго сопротивленія, были взяты въ плѣнь.

Причины этихъ неудачъ объясняются К. Ординымъ слѣдующимъ образомъ:

„Главнѣйшая причина всѣхъ неудачъ лежала въ томъ довѣрїи, съ которымъ правительство, начиная съ государя, принимало внушенія знатоковъ финляндскихъ дѣлъ, въ родѣ Спренгтпортепа, о полной готовности финляндцевъ подчиниться Россіи, даже безъ выстрѣла. На быстрое отступленіе и даже на сдачу Свеаборга эти совѣтники указывали, какъ на непреложные факты, подтверждающіе ихъ заявленія. Имъ вѣрили и думали совершить занятіе Финляндіи ничтожными силами, посылаемыми какъ бы только *pro forma*. Александръ Павловичъ такъ вѣрилъ обезпеченію тыла со стороны Финляндіи, что требовалъ перехода въ Швецію. Заявленія графа Буксгевдена о необходимости усиленія отрядовъ принимались крайне неблагосклонно“ ³⁾.

Однако, самое трудное время къ маю мѣсяцу было пережито. Въ Петербургѣ сознали ложность надеждъ на покорность финскаго населенія и приняли мѣры къ подкрѣпленію войскъ. Посланная на подкрѣпленіе дивизія Барклая-де-Толли сосредоточилась у Нейшлота и получила приказаніе наступать на Куопіо.

Побережье Финскаго залива занималось тремя отрядами: Раевскій отступилъ до Нью-Карлебу и ему разрѣшено было отойти, заманивая шведовъ, даже до Таммерфорса; главныя силы Багратіона находились въ Тавастгусъ, занимая приморскую полосу отъ Або до Бьернеборга; наконецъ, еще южнѣе графъ Каменскій охранялъ Финское побережье отъ Гангута до Ловизы.

Во время дѣйствій на побережьи въ г. Ваза жители стрѣляли изъ домовъ по русскимъ войскамъ. Приходилось брать улицы и отдѣльные дома. Войска наши сурово расправлялись съ возставшими, возмущенныя жестокостями, проявляемыми финскимъ населеніемъ къ поповшимся въ ихъ руки нашимъ воинскимъ чинамъ. Въ одномъ

¹⁾ Ординъ, т. I, стр. 382. У Пирогова—„Русская военная слава“—трофей при взятіи Свеаборга показаны въ 6,000 чел. плѣнныхъ и 2,000 орудій.

²⁾ То же обвиненіе падало и на ген. Стесселя.

³⁾ Ординъ, т. I, стр. 385.

мѣсть, напр., найдено было 11 труповъ русскихъ солдатъ, закопанныхъ по поясъ въ землю, съ отрубленными головами“¹⁾).

Клингспорръ послѣ удачнаго наступленія остановился, потерялъ 5 недѣль и далъ намъ время усилиться. Назначенный вмѣсто Тучкова начальникомъ передовыхъ войскъ гр. Каменскій успѣлъ сосредоточить на пути изъ Таммерфорса къ Вазѣ корпусъ войскъ, силою до 10,000 чел. при 38 орудіяхъ. Клингспорръ располагалъ примѣрно такими же силами, расположенными у Сальми, на пути изъ Вазы въ Куопіо.

Послѣ столкновеній передовыхъ частей, не во всѣхъ случаяхъ для насъ успѣшныхъ, Каменскій атаковалъ шведовъ на сильно укрѣпленной позиціи у Куортане. Послѣ трехъ-дневнаго упорнаго боя шведы 21 августа вынуждены были къ отступленію къ Сальми, гдѣ у нихъ была подготовлена новая позиція. Но и съ этой позиціи шведы были выбиты штыками и отступили къ Вазѣ.

Отступленіе главныхъ силъ шведовъ послужило сигналомъ и къ отступленію ихъ второстепенныхъ отрядовъ. Въ населеніи снова явилось уныніе, и народное возстаніе, съ уходомъ шведскихъ войскъ, стало само собою затихать.

Каменскій, продолжая энергично наступать, 2 сентября атаковалъ шведовъ нѣсколько сѣвернѣе Вазы при Оравайсѣ. Бой былъ упорный, нѣсколько разъ успѣхъ клонился на сторону шведовъ. Прибывшіе 4 баталіона свѣжихъ русскихъ войскъ рѣшили бой въ нашу пользу. Шведы отступили, а атакованные еще разъ ночью — бѣжали. Мы потеряли убитыми и ранеными 1,100 человекъ.

2-го же сентября летучій отрядъ Властова занялъ Нью-Карлебу въ тылу шведскихъ войскъ.

Густавъ-Адольфъ пробовалъ произвести нѣсколько десантовъ въ окрестностяхъ Або. Въ особенности значительныя силы были имъ высажены близъ Гельзинга, сѣвернѣе Або. Въ высадкѣ принимала участіе и гвардія. Войска наши, подъ начальствомъ Багратіона, нанесли имъ рѣшительное пораженіе и вынудили въ разстройствѣ отплыть на Аландскіе острова. Съ ними отплылъ и король. Гнѣвъ короля обрушился прежде всего на гвардію: она была лишена знаменъ и разныхъ преимуществъ. Пострадало много офицеровъ изъ лучшихъ шведскихъ фамлій, что усилило неудовольствіе противъ короля и помогло готовившейся въ Стокгольмѣ революціи²⁾.

На правомъ флангѣ, въ Куопіоскомъ районѣ, дѣйствія нашихъ малочисленныхъ войскъ долгое время носили оборонительный характеръ. Силы наши едва доходили до 5,000 чел. По болѣзни Барклая-де-Толли въ командованіе Куопіоскимъ отрядомъ вступилъ Туч-

¹⁾ Ордигъ, т. I, стр. 386.

²⁾ Тамъ же, стр. 394.

ковъ. Противъ него дѣйствовалъ энергичный шведскій генераль Сандельсъ. Онъ всѣми мѣрами затруднялъ положеніе Тучкова, портилъ дороги, нападалъ на транспорты и въ то же время подготавливалъ сильныя позиціи ¹⁾ на случай перехода русскихъ въ наступленіе. Поощряемое имъ народное возстаніе распространилось и на Карелію. Особо дѣятельно и успѣшно дѣйствовали партизаны Мальмъ и Тіянентъ.

Въ виду трудности фронтальной атаки позиціи Сандельса при Тайволѣ, Тучковъ приказалъ отряду Алексѣева, сосредоточенному у Сердоболя, двинуться черезъ Карелію въ обходъ войскъ Сандельса съ тыла. Задача эта не была исполнена: послѣ нѣсколькихъ переходовъ, тревожимый нападеніями возставшихъ, Алексѣевъ возвратился обратно. Назначенный вмѣсто него кн. Долгоруковъ употребилъ 6 недѣль времени, чтобы продвинуться на 260 верстъ и сблизиться съ войсками Тучкова.

Сандельсъ, опасаясь быть атакованнымъ съ двухъ сторонъ, отступилъ на позицію къ Иденсальми. Попытка Тучкова взять эту позицію не имѣла успѣха и стоила намъ большихъ потерь, но и Сандольсъ не могъ использовать достигнутаго имъ успѣха: наступленіе Каменскаго береговою дорогою угрожало пути отступленія войскъ Сандельса. Въ конечномъ результатѣ русскія войска, тѣсня передъ собою шведовъ, 18 ноября заняли Улеаборгъ, а 2 декабря вышли на р. Кемь. Вмѣстѣ съ шведскими войсками, отступившими за Кемь, перешло и до 3,000 чел. финскихъ войскъ.

Не смотря на достигнутые съ недостаточными силами успѣхи, Буксгевденъ, интригами Спренгтпортена и отчасти Аракчеева, былъ оклеветанъ и смѣненъ. Вмѣсто него былъ назначенъ слабый и неспособный Кноррингъ.

Успѣшному веденію войны со Швеціею препятствовало существовавшее тогда въ Россіи, вѣрнѣе въ Петербургѣ, общественное мнѣніе: къ союзу съ Наполеономъ это мнѣніе относилось враждебно и войну со шведами признавало результатомъ давленія со стороны Наполеона.

„Наступательная война противъ шведовъ, этихъ старинныхъ враговъ имперіи, была громко осуждаема всѣми русскими, и успѣхи нашихъ войскъ почитались безславіемъ Въ новомъ приобрѣтеніи усматривали одно только незаконное насиліе“ ²⁾.

Для продолженія войны въ 1809 году силы наши были удвоены и доведены до 48,000 чел. при 127 орудіяхъ. Войска эти подраздѣлялись на четыре корпуса.

Въ планъ войны входилъ походъ на Аландскіе острова и даже походъ по льду въ предѣлы Швеціи. Для движенія на Аландскіе острова предполагалось назначить 20,000 чел. Однако, три наиболѣе

¹⁾ Особенно у Иденсальми на пути изъ Куопіо къ Улеаборгу.

²⁾ Н. Шпильдеръ. „Императоръ Александръ I“, т. II, стр. 227.

удобныхъ мѣсяца для похода по льду—декабрь, январь и февраль прошли лишь въ перепискѣ и подготовкѣ къ походу.

Недовольный медленностью сборовъ, императоръ Александръ 12 февраля послалъ Кноррингу слѣдующій рескриптъ: „Съ удивленіемъ увидѣлъ я, что только нынѣ вознамѣрились вы приступить къ сбору войскъ для приготовленія ихъ къ дѣйствіямъ, и теперь только собираете пужныя для сего свѣдѣнія, тогда какъ съ самаго отъѣзда вашего къ ввѣренному вамъ начальству извѣстны уже были вамъ рѣшительныя предположенія мои касательно зимнихъ операцій. Не менѣе того удивляетъ меня, что приведеніе въ дѣйствіе Аландской экспедиціи производится столь медленно, что и понынѣ, къ сожалѣнію моему, не вижу я даже и начала онаго, когда подлежало бы уже въ сіе время послѣдовать окончательное сей экспедиціи исполненіе. Я привыкъ требовать точности въ исполненіи моихъ повелѣній и не люблю ихъ повторять. Надѣюсь, что въ послѣдній разъ вы къ оному меня принуждаете“ 1).

Прибывшій въ Финляндію Аракчеевъ очень подвинулъ всѣ сборы къ дѣйствіямъ. Аракчееву была особымъ указомъ предоставлена въ Финляндіи неограниченная власть 2).

Первымъ двинулся изъ Або отрядъ Багратіона. 1 марта онъ занялъ островъ Кумлингъ, а 3 марта выступилъ далѣе къ Аландскимъ островамъ. Свѣдѣній о томъ, сколько у противника силъ, не имѣлось. По слухамъ, тамъ было до 6,000 регулярнаго войска и до 4,000 вооруженныхъ крестьянъ. Сила русскаго отряда составляла 17,000 чел. Войска были снабжены полушубками, теплою обувью, теплыми фуражками. На саняхъ за войсками везли не только продовольственные запасы, но и дрова.

4 марта изъ Вазы двинулся и предназначенный для вторженія въ Швецію отрядъ Барклай-де-Толли, силою въ 3,500 чел. при 6 орудіяхъ. Ширина залива въ избранномъ направленіи составляла около 100 верстъ.

Колонна Багратіона дѣйствовала съ полнымъ успѣхомъ. Послѣ небольшого сопротивленія противникъ обратился въ бѣгство, оставивъ 3,000 плѣнныхъ, 30 пушекъ, 5 военныхъ судовъ и большіе запасы довольствія. 7 марта Кульневъ, командуя небольшимъ передовымъ отрядомъ, уже достигъ шведскаго берега и овладѣлъ гаванью Гриссельгамнъ, въ 100 верстахъ отъ Стокгольма. Но подкрѣплений Кульневу не послали. Аракчеевъ задержалъ отрядъ Багратіона на Аландскихъ островахъ до полученія новаго приказа изъ Петербурга.

Барклай-де-Толли, преодолевъ немовѣрныя трудности при переходѣ по льду, 9 марта тоже успѣшно вышелъ на шведскій берегъ противъ р. Умео.

1) Ординъ, т. I, стр. 417.

2) Н. Шильдеръ, „Александръ I“, т. II, стр. 238.

„Чтобы вообразить мѣру трудности перехода, слѣдуетъ припомнить, что взломанный бурями и потомъ опять замерзшій ледъ представлялъ изъ себя громадныя гряды, которыя надо было или перелезть карабкаясь, или обходить въ сторону, выбиваясь изъ обмерзшаго снѣга. Въ воздухѣ было до 15° мороза, и солдаты для отдыха должны были закапываться въ снѣгъ, тѣмъ болѣе, что дровъ было очень мало и войска почти не разводили огней. Только придя къ берегу, отрядъ Барклая нашелъ два купеческихъ судна, которыя и разломалъ на дрова“ ¹⁾).

12 марта шведскія войска, защищавшія г. Умео, были атакованы и отступили къ г. Гернозанду, а русскіе торжественно вступили въ городъ.

Третій русскій отрядъ, Шувалова, долженъ былъ двигаться сухимъ путемъ, огибая Ботнической заливъ съ сѣвера. Передъ нашими войсками отступали шведы подъ начальствомъ Гриппенберга. Торнео былъ занятъ нами. Морозъ достигалъ 27°. Когда получилось извѣстіе, что Барклая уже достигъ Умео, Шуваловъ вступилъ въ переговоры съ Гриппенбергомъ и предложилъ ему сдаться. Гриппенбергъ, имѣя 7,000 войскъ, малодушно согласился и положилъ оружіе.

Во время этихъ рѣшительныхъ дѣйствій нашихъ войскъ, въ Швеціи происходила революція при участіи старшихъ военныхъ чиновъ. 1 марта Густавъ IV былъ арестованъ и въ управленіе страной вступилъ престарѣлый дядя Густава, герцогъ Карлъ. Въ маѣ мѣсяцѣ собранный сеймъ объявилъ Густава низложеннымъ. Королемъ объявленъ регентъ принцъ Карлъ подъ именемъ Карла XIII.

Когда посланецъ отъ новаго правительства прибылъ на Аландскіе острова, Кноррингъ съ Аракчеевымъ поддались на заключеніе перемирія. Кульневу и Барклаю было послано приказаніе возвратиться: первому на Аландъ, второму въ г. Вазу.

Императоръ Александръ не одобрилъ этого перемирія и, прибывъ лично въ Або, предписалъ продолжать энергичныя дѣйствія въ самой Швеціи. Кноррингъ былъ замѣненъ Барклаемъ-де-Толли. Такимъ образомъ, въ теченіе 1½ лѣтъ смѣнялся четвертый главнокомандующій.

Оберегая завоеванную страну, Барклая долженъ былъ энергично наступать къ Умео и далѣе. Гр. Шуваловъ съ корпусомъ въ 15,000 чел. двинулся изъ Торнео къ Умео. У Шелефте, послѣ незначительнаго боя, русскимъ сдались 700 шведовъ съ 22 орудіями, 4 знаменами и большими запасами.—Затѣмъ 20 мая было занято вновь Умео. 22 іюня Алексѣевъ, принявшій за болѣзнь Шувалова начальство надъ войсками въ Умео, узнавъ о готовящемся нападеніи шведовъ, самъ атаковалъ ихъ ночью и оттѣснилъ противника на 20 верстъ.

Вступившій въ командованіе „заботническими“ войсками Камен-

¹⁾ Орданъ, т. I, стр. 421.

скій, стѣсненный недостаткомъ въ продовольствіи, рѣшилъ продвигнуться къ югу, въ болѣе богатая запасами мѣстности. Но едва войска отошли отъ Умео на одинъ переходъ, какъ въ тылу у нихъ—у Ратана появился значительный непріятельскій флотъ съ десантомъ. Очувившись между двухъ огней, Каменскій быстро вернулся назадъ и 7 августа атаковалъ десантный отрядъ Вахтмейстера. Послѣ горячаго боя при Севарѣ и Ратанѣ остатки десанта сѣли на суда и отплыли къ югу на соединеніе съ главными силами шведовъ. Мы потеряли 39 офицеровъ и до 1,500 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Потери шведовъ, считая и плѣнныхъ, достигли 2,000 чел.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на достигнутые успѣхи, положеніе войскъ Каменскаго было весьма тяжелое: не было ни продовольствія, ни зарядовъ. Ему пришлось для сблженія съ запасами отступить въ Питео, откуда, получивъ запасы, онъ снова повернулъ войска въ Умео. Но уже переговоры о мирѣ на столько подвинулись впередъ, что между начальниками передовыхъ войскъ—Сандельсомъ и Каменскимъ—было заключено перемиріе, а 5 сентября въ Фридрихсгамѣ былъ подписанъ мирный договоръ, закончившій нашу послѣднюю войну со Швеціею. Ратификація Фридрихсгамскаго договора послѣдовала 1 октября.

Въ окончившуюся войну 1808—1809 годовъ общее число бойцовъ, выставленныхъ Россіею, достигало 65,000, но одновременно дѣйствовало лишь нѣсколько больше 40,000 чел. Мы потеряли убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими около 7,000 чел. и больными около 9,000 чел. Въ теченіе войны мы имѣли 43 боевыхъ столкновенія, изъ нихъ 29 окончилась побѣдою и 14 неудачею.

Россія пріобрѣла границу со Швеціею и Норвегіею, существующую и по нынѣ, т. е. 100 лѣтъ, безъ измѣненій.

Наиболѣе важнымъ пунктомъ договора былъ 4-й, въ которомъ значилось, что король шведскій за себя и за преемниковъ неотмѣняемо и навсегда отказывается въ пользу Императора Всероссійскаго, преемниковъ его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ на „губерніи“, составляющія Финляндію, завоеванныя въ эту войну оружіемъ Его Импер. Вел-ва. „Губерніи сіи,—говорилось далѣе,—со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преемущества, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются“ ¹⁾.

Одновременно съ ратификаціею договора изданъ былъ 1 октября манифестъ. Въ немъ между прочимъ значилось: „При таковыхъ существенныхъ выгодахъ сего мира не можетъ быть для сердца Нашего равнодушно присоединеніе къ числу вѣрныхъ нашихъ подданныхъ народа финскаго. Бѣдствіями войны доселѣ почти непрерывно обуреваемый, отнынѣ станетъ онъ на чредѣ народовъ, подъ сѣнью

¹⁾ Орднъ, т. II, стр. 482.

престола Нашего покоящихся въ тишинѣ и безопасности. Шестъ губерній со всѣми принадлежащими къ нимъ городами и селеніями пріобрѣтають симъ новое бытіе и благословляютъ уже Промыслъ Вышняго, судьбу ихъ тако устроящій.

„Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самаго Торнео, въ странѣ плодоносной, избылующей лѣсами и разными произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле пріобыкшимъ, торговля Паша восприметъ новое расширение, купеческое мореплаваніе получить новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское Наше ополченіе пріобрѣщаетъ новыя силы“ ¹⁾.

Исторія Финляндіи въ послѣднее столѣтіе послѣ войны пошла не тѣмъ путемъ, которымъ могли быть осуществлены изложенныя въ манифестѣ пожеланія и надежды. Не только населеніе Финляндіи не благословляло присоединенія ихъ къ Россіи, но въ верхахъ населенія не разъ давало поводъ сомнѣваться въ ихъ вѣрности престолу и Россіи. Русская торговля тоже мало выиграла отъ присоединенія Финляндіи, ибо населенію этой „губерніи Россіи“ удалось получить исключительныя торговыя права, стѣснявшія русскую торговлю въ Финляндіи, но не стѣснявшія ихъ права на веденіе торговли въ прочихъ мѣстностяхъ Россіи. Равно наше морское ополченіе никакого усиленія отъ пріобрѣтенія нами Финляндіи нынѣ не имѣетъ, за освобожденіемъ населенія Финляндіи вообще отъ воинской повинности.

Пріобрѣтя, послѣ борьбы въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, силою оружія мѣстности Финляндіи въ настоящихъ ея предѣлахъ, получивъ послѣ побѣды надъ шведами эти мѣстности въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской, русское населеніе явною и подпольною работою финляндскихъ патріотовъ оказалось за сто лѣтъ, истекшихъ послѣ войны, *отрѣзаннымъ отъ Финляндіи въ большей степени, чѣмъ это было во времена Новгородской Руси*. Финляндцы неожиданно пріобрѣли по отношенію къ русскимъ такія права, какія приличествуютъ лишь побѣдителямъ, а не побѣжденнымъ. Дѣятельность русскихъ въ Финляндіи крайне стѣснена. Дѣятельность финляндцевъ въ Россіи не имѣетъ особыхъ ограниченій. Уже въ XX столѣтіи одинъ изъ финляндцевъ командовалъ русскою арміею въ Маньчжуріи, а другой занималъ постъ военнаго министра. Но въ Финляндіи русскій не можетъ получить даже самой низшей должности. Дошло дѣло до того, что даже въ судебномъ отношеніи финляндцы добились трудно объяснимыхъ преимуществъ. Надо сюда еще прибавить освобожденіе отъ воинской повинности и исключительно широкія права по внутреннему управленію и распоряженію.

Наши государи Петръ I и Александръ I сами дали поводъ фин-

¹⁾ Ординъ, т. II, стр. 485.

ляндцамъ мечтать объ обособленномъ отъ Россіи положеніи. Въ особености въ этомъ отношеніи много сдѣлалъ Александръ I еще въ разгаръ послѣдней войны со Швеціею въ 1809 году.

13 марта 1809 г. императоръ Александръ I, прибывъ въ Борго, открылъ засѣданіе собраннаго имъ сейма изъ представителей населенія въ Финляндіи. Эти представители собрались не дружно и въ ограниченномъ числѣ: изъ 27 бароновъ—8, изъ 202 дворянъ—48.

15 марта государемъ была издана, подъ вліяніемъ Сперанскаго, слѣдующая грамота:

„Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, конми каждое состояніе сего княжества въ особености и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствиіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, марта 15-го дня 1809“. Подписано собственноручно: „Александръ“¹⁾.

Въ переводахъ на шведскій языкъ эта грамота подверглась серьезнымъ искаженіямъ, которыя дали поддержку развившимся въ Финляндіи сепаратнымъ стремленіямъ, продолжающимся и понынѣ.

Эти искаженія, по труду К. Ордина, заключались въ слѣдующемъ:

1) Слово „вновь“ вовсе опущено, и грамота представлена черезъ это упущеніе какъ бы самостоятельнымъ, впервые совершеннымъ на сеймѣ, актомъ.

2) Въ русскомъ текстѣ говорилось о религіи всѣхъ подданныхъ вообще, а шведы вставили слово „страны“, соотвѣтственно чему православная церковь исключалась изъ утвержденія правъ.

3) Слово „подданные“ замѣнено словомъ „жители“.

4) Слово „по конституціямъ“, каковое во французскомъ языкѣ употреблялось вмѣсто словъ—устройство, установленіе, учрежденіе, въ шведскомъ переводѣ поставили въ единственномъ числѣ „по конституціи“.

5) Слово грамота перевели: „удостовѣрительный актъ“.

По поводу этого перевода К. Ординъ говоритъ:

„Этотъ переводъ, который прямо можно назвать подложнымъ, былъ объявленъ во всеобщее свѣдѣніе и руководство и далъ достаточный поводъ для дальнѣйшихъ уклоненій отъ исторической истины въ дѣлѣ отношеній Финляндіи къ Россіи. На почвѣ этого перевода воспитывались дѣти и внуки, и не должно удивляться, что есть между достойными уваженія финляндцами люди, которые, считая подобный искаженный переводъ за точный документъ, твердо вѣрують

¹⁾ Ординъ, т. II, стр. 335.

въ основательность притязаній многихъ финскихъ дѣятелей на государственную обособленность ихъ края“¹⁾. Однако, въ рѣчи 16-го марта въ Борго, обращенной къ представителямъ Финляндіи и произнесенной на французскомъ языкѣ, императоръ Александръ I сказалъ: „Я обѣщаль сохранить вашу конституцію, ваши основные законы; собраніе ваше здѣсь служитъ ручательствомъ моего обѣщанія“²⁾.

Манифестомъ 1 января 1812 года Выборгская губернія была присоединена къ „Новой Финляндіи“. Русскіе законы отмѣнены, и на Выборгскую губернію распространены законы финскіе. Между тѣмъ, Выборгъ былъ завоеванъ Петромъ Великимъ еще въ 1710 году и по Ништадтскому миру Выборгская губернія досталась въ „совершенное, неприкосновенное, вѣчное владѣніе Россійской Имперіи“.

„Большинство земель губерніи было роздано, въ качествѣ пожалованныхъ имѣній, русскимъ государственнымъ дѣятелямъ (кн. Трубецкимъ, Воронцовымъ, Чернышевымъ, гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, Нарышкинымъ, кн. Барятинскимъ, Арсеньевымъ, Апраксинымъ, кн. Долгорукимъ, Репнинымъ, Шуваловымъ, Салтыковымъ и др.), которые частью населили ихъ людьми, переселенными изъ коренной Россіи. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Выборгская губ. значительно обрусѣла. Къ 1809 г. въ ней имѣлось 12 учебныхъ заведеній, кои состояли въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. На Выборгъ стали смотрѣть, какъ на Петербургское „помѣстье“; въ городѣ Выборгѣ на улицахъ встрѣчали русскій народъ и слышалась русская рѣчь. Въ Нейшлотѣ и другихъ малыхъ городахъ Старой Финляндіи и Карелии „все главные лица отъ купеческихъ и мѣщанскихъ выборовъ были изъ русскихъ“.

„Когда Карелія и Выборгская губ. сдѣлались достояніемъ Финляндіи, то тамъ водворены были финляндскіе порядки и законы, и въ настоящее время русскіе люди уцѣлѣли въ ней лишь въ небольшомъ числѣ въ селѣ Красномъ (Кюреле), въ селѣ Райволо и другихъ.“

„Въ виду того, что Карелія была русской провинціей, что среди ея населенія больше понимался русскій языкъ, чѣмъ шведскій, что земли ея принадлежали русскимъ людямъ, что край примыкаетъ къ Ладожскому озеру и имѣетъ естественный выходъ въ Россію,—статсъ-секретарь Финляндіи Ребиндеръ въ 1826 г. самъ сталъ хлопотать о возвращеніи части Выборгской губ. Россіи. Сенатъ не раздѣлилъ подобныхъ взглядовъ, и вопросъ былъ оставленъ безъ послѣдствій, почему теперь въ 30-ти верстахъ отъ столицы имперіи проведена особая граница, устроена таможня и начинается страна, имѣющая свою особую монету, свои законы; страна, гдѣ все права русскаго подданнаго ограничены, гдѣ стѣснена русская торговля. Чтобы избавиться отъ русскаго элемента въ Выборгской губ., финляндцы задумали произвести скупку такъ называемыхъ „донаціонныхъ“ земель и для этого, съ разрѣшенія русскаго правительства, произвели

¹⁾ Ординъ, т. II, стр. 340—341,

²⁾ Н. Шпльдеръ, „Александръ I“, т. II, стр. 239.

виѣшній заемъ въ 17 мил. руб., и такимъ образомъ правительство само способствовало вытѣсненію русскихъ изъ края.

„Финляндія все болѣе и болѣе завоевываетъ это свое, разь потерянное, сильное виѣшнее укрѣпленіе. Выборгъ же по-немногу возвратилъ себѣ прежнее, почетное мѣсто передовой стѣны своего края, и сильнѣе, чѣмъ валы, обратившіеся въ мусоръ, поднимаетъ теперь отечественная культура свой невидимый брустверъ противъ постороннихъ (т. е. русскихъ) вторженій“.—Такъ писалъ Топеліусъ въ 1875 году“.

Относительно присоединенія Выборгской губерніи къ Финляндіи Н. Шильдеръ пишетъ:

„Присоединеніе Выборгской губерніи къ Финляндіи, придвинувшее границы покореннаго княжества къ самой столицѣ имперіи, не произвело въ Россіи особаго впечатлѣнія; оно показалось большинству современниковъ простою правительственною мѣрою, а не фактомъ политической важности. Поэтому распоряженіе, которое въ другомъ государствѣ взволновало бы общественное самосознаніе, осталось незамѣченнымъ въ имперіи, еще страдавшей полнымъ отсутствіемъ всякой политической жизни и сопряженнаго съ нею движенія общественной мысли. „При неизмѣримомъ пространствѣ земель, коимъ владѣетъ Россія,—пишетъ современникъ,—нѣкоторые только посмотрѣли на то, какъ на уступку немногихъ десятинъ богатою вотчиною другой небольшой сосѣдней деревнѣ, одному же съ нею помѣщику принадлежащей. Всѣ взоры устремлены были на западъ и на югъ, а до сѣвера никому дѣла не было. Лучше сказать, никто почти не узналъ о томъ; въ этомъ случаѣ Россія была, какъ огромная хоромина, для изображенія величины которой есть поговорка, что въ одномъ углу обѣдаютъ, а въ другомъ не вѣдаютъ.“¹⁾

Въ вопросѣ о присоединеніи Выборгской губерніи къ Финляндіи вмѣстѣ со Сперанскимъ особо выдающуюся роль игралъ шведскій авантюристъ Армфельдъ, вкравшійся въ довѣріе государя, достигшій огромнаго вліянія и въ то же время ненавидѣвшій Россію²⁾.

По этому поводу М. Бородкинъ пишетъ:

„Съ именемъ Армфельда въ русской исторіи связано событіе, которому едва ли возможно подыскать что-либо похожее въ лѣтописяхъ другихъ народовъ: мы говоримъ о воссоединеніи Выборгской губерніи съ остальной Финляндіей. Это „воссоединеніе“ Армфельдъ ставилъ себѣ въ величайшую заслугу. Въ письмѣ къ Фридриху Шернвалю онъ сообщалъ: „Послѣ труднѣйшей борьбы я одержалъ славную и для человечества, и для Финляндіи крайне полезную побѣду“... Армфельдъ и финны ликовали; мы же, взглянувъ на это

¹⁾ Н. Шильдеръ, „Александръ I“, т. III, стр. 8.

²⁾ Армфельдъ писалъ: „у меня къ Россіи и къ ея образу правленія непреодолимое отвращеніе“. Подталкивая Александра I на либеральныя реформы, Армфельдъ писалъ, что либеральныя реформы, предпринимаемыя Александромъ въ Россіи, предвѣстники гибели колосса. М. Бородкинъ, „Армфельдъ“, стр. 7—8.

дѣло съ русской государственной точки зрѣнія, должны признать его однимъ изъ самыхъ грустныхъ фактовъ нашей исторіи, такъ какъ имъ оскорблено русское національное чувство и унижено наше государственное достоинство; это мирное отторженіе отъ Россіи завоеванія Петра Великаго свидѣтельствуеетъ о нашемъ неуваженіи къ самимъ себѣ и къ тѣмъ дѣятелямъ, которые составляютъ гордость и славу русскаго народа. Петръ I, пріобрѣтая Выборгскую губернію, заплатилъ за нее русскою кровью. Завоевывая эту землю, онъ желалъ усилить и укрѣпить государственное дѣло Россіи, имѣлъ въ виду спокойствіе столицы, а также добивался внутренней и внешней безопасности; а императоръ Александръ I, „безъ насилія извигъ, одною каплею чернилъ“ отдалъ это русское пріобрѣтеніе „горсти иноземныхъ враговъ—шведамъ, ненавидящимъ Россію“, забывъ, что завоеванія суть достояніе цѣлаго народа, пожертвовавшего для него лучшими своими силами и зредствами. Возможно ли „безъ бою, безъ всякой видимой причины, безъ многократныхъ пораженій и слѣдствія ихъ (высужденнаго примиренія), не для спасенія цѣлаго государства, но по одному произволу, отрывать отъ Россіи области“, пріобрѣтенныя предками? ¹⁾

Въ послѣдующіе за присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи почти 50 лѣтъ, до войны 1855 года, Финляндія, подѣ покровительствомъ Россіи и въ значительной степени за ея средства, быстро оправилась отъ войны и, не смотря на бѣдность природы, достигла замѣтнаго благосостоянія.

Порядки внутренняго управленія, строгіе и сообразные съ характеромъ населенія, твердо охраняли безопасность, имущество и нравственность населенія. Даже и 50 лѣтъ тому назадъ эти порядки могли служить примѣромъ для сосѣднихъ русскихъ мѣстностей.

Масса населенія въ 50-хъ годахъ относилась къ подданству Россіи не только спокойно, но доброжелательно. Съ началомъ войны 1855 года англичане своими дѣйствіями противъ финскаго побережья, при которыхъ въ городахъ Улеаборгъ и Брагестагтъ пострадали имущественно мирные жители, вооружили противъ себя населеніе. Финскія войска ко времени этой войны составляли 11,000 чел. и нигдѣ не дали повода сомнѣваться въ ихъ вѣрности. При посѣщеніи Государемъ Николаемъ I въ 1854 году Финляндіи онъ былъ встрѣченъ населеніемъ съ энтузіазмомъ и преданностью. „Встрѣча, оказанная финнами, глубоко тронула государя; благосостояніе края его порадовало“ ²⁾. Населеніе просило защиты государя отъ англо-французовъ въ предстоящую войну и само шло на жертвы. Кромѣ поступившихъ отъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ небольшихъ пожертвованій на нужды войны, финляндскій сенатъ выразилъ готовность на средства края построить 35 канонерскихъ лодокъ и при-

¹⁾ М. Бородкинъ, „Армфельдъ“, стр. 9—10.

²⁾ М. Бородкинъ, „Война на финскомъ побережьѣ 1854—1855 г.г.“, стр. 166.

пять на себя расходы по временнымъ госпиталямъ. Было сформировано нѣсколько дружинъ государственнаго ополченія.

„По поводу преданности финновъ своему монарху нѣмецкая газета „Neue Preussische Zeitung“ тогда же, во время войны, справедливо указала, что у финновъ „нѣтъ рѣшительно никакихъ достаточныхъ причинъ къ оправданію какой либо вражды противъ Россіи“, что не только подати финновъ употребляются на пользу ихъ области,—тогда какъ раньше онѣ отправлялись въ Стокгольмъ,—но, кромѣ того, русское правительство отпускало значительныя суммы на разныя мѣстныя нужды, что „Россія никогда не нарушала, ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ выгодъ Финляндіи“, что „образованныя сословія пользуются при нынѣшнемъ правительствѣ слишкомъ большими выгодами, чтобы не желать ихъ сохраненія; короче, невозможно, чтобы финляндцы не чувствовали живѣйшей благодарности къ своему императору и не были ему вѣрно преданы“. Итакъ, долгъ народной признательности, вліяніе духовенства, защита собственной родины, пользовавшейся подъ покровительствомъ Россіи большими привилегіями и существенными матеріальными выгодами, благоразуміе и расчетъ,—все побуждало финна быть вѣрнымъ русскому монарху. Участіе въ коалиціи Швеціи ничего хорошаго финляндцамъ не сулило.

Но, помимо этого, была одна причина, побуждавшая финновъ крѣпко стоять за Россію. Финны были раздражены дѣйствіями англичанъ¹⁾.

Но уже и въ то время въ Финляндіи находилась партія, поддерживаемая шведскими газетами, стремившаяся къ независимости Финляндіи. Авторы, въ родѣ Квантена, выпускали брошюры, въ которыхъ проводилась мысль, что Швеція должна вмѣшаться въ войну, но что Финляндію на прежнихъ основаніяхъ ей не получить „вслѣдствіе проснушагося у финновъ національнаго самосознанія“ и что поэтому надо, чтобы Финляндія вошла въ союзъ сѣверныхъ странъ Швеціи, Норвегіи и Даніи, какъ самостоятельное государство²⁾. Брошюра эта получила широкое распространеніе, но производила впечатлѣніе только на молодежь.

Когда въ Швецію отправился Канроберъ склонять ее къ союзу съ Франціею и Англіею противъ Россіи, генераль-губернаторъ Финляндіи гр. Бергъ доносилъ:

„Миссія генерала Канробера сильно волнуешь молодую университетскую Финляндію и еще нѣкоторыхъ въ краѣ. Если миссія этого генерала не будетъ имѣть благопріятныхъ результатовъ въ интересахъ враговъ, то все стихнетъ здѣсь на нѣкоторое время“³⁾.

Никакихъ подвиговъ финскимъ войскамъ въ войну 1854—1855 го-

¹⁾ Бородинъ, „Война на финскомъ побережьѣ“, стр. 183—184.

²⁾ Тамъ же, стр. 178.

³⁾ Тамъ же, стр. 180.

довъ оказать не удалось. Послѣ этой войны численность финскаго войска была сокращена до 3,620 чел.

Затѣмъ, послѣ русско-турецкой войны, по недостаточно извѣстнымъ и понятнымъ соображеніямъ, финскія войска были вновь сформированы, въ числѣ 8 финскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ и одного драгунскаго полка. Кромѣ того, существовалъ еще финскій гвардейскій батальонъ. При помощи многочисленныхъ кадровыхъ командъ, существовавшихъ для обученія запасныхъ и ратниковъ ополченія, Финляндія къ 1900 году могла выставить, въ случаѣ народной войны, силу около 80,000 человекъ, въ головѣ которой стояли бы 9 отличныхъ финскихъ батальоновъ. Враждебное Россіи направленіе, которое приняло настроеніе въ Финляндіи мѣстной интеллигенціи, указало опасность имѣть вблизи столицы такую силу, которая могла обратиться и противъ насъ. Поэтому финскія войска были уничтожены.

Управленіе Финляндіею было ввѣрено генералу Н. П. Бобрикову, русскому человѣку съ твердою волею и горячею любовью къ родинѣ. Въ прекрасныхъ строкахъ статьи М. Бородкина „Тѣнь убитаго“, помѣщенной въ газетѣ „Новое Время“, въ краткихъ чертахъ возстановляется въ памяти русскихъ людей, какія цѣли преслѣдовалъ генералъ Бобриковъ въ Финляндіи:

„Тѣни убитыхъ вѣрныхъ слугъ Россіи и русскаго царя не молчатъ. Не молчитъ и тѣнь Н. И. Бобрикова. Въ своей дѣятельности генераль-губернатора онъ исходилъ изъ того положенія, что наша родина только тогда расцвѣтетъ и окрѣпнетъ, когда будетъ строго держаться національной политики, когда подъ свое государственное зданіе подведетъ единственно прочный національный фундаментъ. У Россіи не только свои историческія начала, но имѣются и свои права по укрѣпленію и устройству своего общаго дома. Такъ размышлялъ онъ, составляя программу своего управленія.

„Онъ желалъ водворить русскій государственный языкъ въ высшихъ учрежденіяхъ и нѣкоторыхъ школахъ края. Русскіе люди приглашались имъ на гражданскую службу Финляндіи. Въ Гельсингфорсѣ учреждена была первая русская газета. Въ мѣстномъ университетѣ имѣлось въ виду открыть кафедру русской исторіи и русскаго права. „На меня,—писалъ Н. И. Бобриковъ,—возложена задача скрѣпленія окраины съ центромъ. Лучшимъ средствомъ къ тому считаю пиколу, развитіе которой дастъ мнѣ возможность исполнить настоящую волю Государя путемъ культурнымъ и гуманнымъ“. Н. И. Бобриковъ желалъ возвращенія русской Карелии (Выборгской губерніи) въ лоно нашего государства. Поддерживая православіе, онъ усердно строилъ церкви. Онъ проектировалъ желѣзнодорожное соединеніе Финляндіи съ Россіей. Ему хотѣлось подчиненія лопманскаго вѣдомства морскому министерству. При немъ упразднены финскія войска и, наконецъ, установленъ былъ порядокъ изданія общегосударственныхъ законовъ.

„Все эти положенія являются прямыми и справедливыми выводами изъ національной политики, которую обязана вести Россія, являются естественнымъ практическимъ осуществленіемъ началъ русской государственности на финляндской окраинѣ“¹⁾.

Русскому человѣку нельзя не сочувствовать этой программѣ. Но способъ приведенія ея въ исполненіе былъ принятъ Н. И. Бобрниковымъ слишкомъ форсированный. Не слѣдовало задаваться цѣлью воссоединить Финляндію съ Россією уже въ нѣсколько лѣтъ, когда работа отторженія Финляндіи отъ Россіи, тайная и явная, продолжалась цѣлое столѣтіе. Только при проведеніи твердой и определенной программы въ теченіе многихъ лѣтъ можно рассчитывать на благопріятный результатъ. При несоблюденіи этого условія самоотверженная дѣятельность Н. И. Бобрникова въ Финляндіи не приблизила къ намъ сердца финляндцевъ, а его преемники въ управленіи дѣлами Финляндіи стали избирать другіе способы дѣйствій, не всегда даже и понятные для русскаго человѣка.

Въ трудѣ моемъ „Итоги войны“, составившемъ IV-й томъ отчета по русско-японской войнѣ, напечатанномъ нынѣ за границею на нѣсколькихъ языкахъ, не исключая и русскаго, по вопросу объ отношеніяхъ Россіи къ Финляндіи значится:

„Какъ ни справедливы, однако, права Россіи на державное обладаніе Финляндією, надлежитъ признать, что ошибочная политика по отношенію къ этой провинціи въ теченіе 80 лѣтъ не можетъ быть исправлена въ короткое время. Крутыя и спѣшныя мѣры, въ особенности касающіяся внутренней жизни населенія, только озлобятъ его и затруднятъ задачи Россіи. Требуется спокойная, неуклонная, но въ то же время весьма осторожная работа, быть можетъ, даже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, дабы Россія вновь могла занять на берегахъ Финскаго и Ботническаго заливовъ подобающее ей мѣсто.

„ Въ особенности съ величайшею осторожностью надо относиться къ измѣненіямъ въ мѣстномъ укладѣ жизни населенія. Безъ ложнаго стыда мы должны признать, что Финляндія въ теченіе XIX столѣтія, хотя въ значительной степени и за счетъ платежныхъ силъ и средствъ русскаго населенія, стала культурнѣе многихъ русскихъ губерній. Эту культуру мы должны уважать, уповая, что, при правильной постановкѣ въ Финляндіи русской государственности, такая культура не только не послужитъ намъ во вредъ, но можетъ даже послужить въ пользу всей Россіи“.

Все пріобрѣтаемая, шагъ за шагомъ, въ теченіе ста лѣтъ, льготы финляндцы, не стѣсняясь историческою неточностью, основываютъ на особыхъ пріобрѣтенныхъ ими правахъ при самомъ присоединеніи Финляндіи. Относительно этихъ правъ К. Ординъ заканчиваетъ свой замѣчательный трудъ „Покореніе Финляндіи“ слѣдующими строками:

¹⁾ „Новое Время“ № 11934, отъ 4 іюня 1909 г.

„Приведенными выдержками заключается настоящее описание. Онъ резюмируетъ всю истинную сущность отношеній Россіи и Финляндіи, какъ создала ихъ исторія. Подвиги русскихъ войскъ въ послѣдній разъ покорили эту область; манифестъ 20-го марта 1808 г. всенародно впервые объявилъ о томъ, а фридрихсгамскій трактатъ 5-го сентября 1809 г., какъ послѣдній торжественный международный актъ, завершилъ и узаконилъ это покореніе и безусловное присоединеніе Финляндіи къ Россіи, въ формахъ незыблемыхъ. Все прочее, что совершилось въ Финляндіи между этими двумя актами, также какъ и послѣ нихъ, было русскимъ, внутреннимъ, домашнимъ дѣломъ. Все оно было и осталось, въ цѣлости и въ подробностяхъ, дѣломъ свободнаго произволенія самодержавныхъ русскихъ государей“ ¹⁾.

Справка о присоединеніи къ Россіи Курляндіи.

Къ приведенному выше очерку присоединенія къ Россіи Балтійскаго побережья остается сказать нѣсколько словъ относительно присоединенія Курляндіи.

Какъ изложено было въ главѣ VI-й, въ результатъ войны 1558 года съ Ливонією Ивана IV Грознаго Ливонія распалась и была подѣлена между Швецією, Польшою, Россією и Данією. Курляндія была присоединена въ 1561 году къ Польшѣ въ видѣ автономнаго герцогства съ признаніемъ наслѣдственныхъ правъ на это герцогство за послѣднимъ магистромъ ливонскаго ордена Кетлеромъ.

Съ завоеваніемъ Петромъ I Лифляндіи Россія приобрѣла рѣшительное вліяніе и на курляндскія дѣла. Вліяніе особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ племянница Петра Великаго—великая княжна Анна Іоанновна вступила въ бракъ съ герцогомъ курляндскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Въ 1730 году, подъ вліяніемъ Анны Іоанновны, вступившей на всероссійскій престолъ, герцогомъ былъ избранъ фаворитъ государыни—Эрнстъ Биронъ. Послѣ низложенія Бирона Курляндія 18 лѣтъ управлялась безъ герцога. При Екатеринѣ Великой Биронъ снова вернулся изъ ссылки и сталъ управлять Курляндією.

Съ третьимъ раздѣломъ Польши, окончившимъ самостоятельное ея существованіе, въ 1795 году Курляндія была присоединена къ Россіи и окончательно и навсегда вошла въ составъ Россіи. Послѣдній герцогъ Курляндіи Петръ Биронъ, сынъ Эрнста Бирона, за уступку своихъ правъ Россіи получилъ въ вознагражденіе два милліона рублей.

¹⁾ Ординъ, т. II, стр. 486.

Заключеніе объ использованіи русскимъ племенемъ достигнутаго имъ выхода къ Балтійскому морю.

Въ главѣ IV-й мы видѣли, что выходъ Россіи къ Каспійскому морю въ началѣ XVII столѣтія сопровождался быстрымъ заселеніемъ русскимъ племенемъ всей юго-восточной части европ. Россіи до Каспійскаго моря включительно. Даже въ Казанской губерніи, хотя и сохранился перевѣсъ въ населеніи татарскаго и монгольскаго происхожденія передъ славянскимъ, но по вѣроисповѣданію въ Казанской губерніи на 1½ мил. православныхъ числится всего 650,000 нехристіанъ (магометанъ). Въ четырехъ губерніяхъ, составляющихъ по Менделѣеву Пермскую землю (Вятской, Пермской, Уфимской и Оренбургской), русское племя достигло численности семи миллионъ и составляетъ свыше двухъ третей всего населенія, а по вѣроисповѣданію православныхъ три четверти всего населенія. Въ пшяпеволяжскихъ губерніяхъ (Астраханской, Саратовской, Самарской и Симбирской) на 5½ мил. русскаго населенія приходится лишь 1.800.000 финскихъ и татарскихъ племенъ, составляющихъ только четвертую часть всего населенія этого края.

Такимъ образомъ, русскіе широко воспользовались побѣдою надъ татарами и стали хозяевами всей мѣстности по Волгѣ къ Уральскому хребту и къ востоку отъ него не только въ политическомъ и экономическомъ, но и въ этнографическомъ отношеніяхъ.

Еще успѣшнѣе русское племя воспользовалось выходомъ своимъ къ Бѣлому морю и Ледовитому океану. Нынѣ въ сѣверо-русскомъ краѣ (губерніяхъ Архангельской, Вологодской и Олонецкой) русское населеніе составляетъ 1.800,000 душъ на 240,000 финскихъ племенъ, но и эти остатки финскихъ племенъ уже православные ¹⁾.

Иные результаты получились по отношенію къ Балтійскому морю и Финскому заливу. Мы здѣсь окончательно завоевали мѣстности, уже съ начала Руси находившіяся въ подчиненіи русскому населенію — новгородскому и полоцкому. Русское племя политически дошло до береговъ Балтійскаго моря и Финскаго залива, но этнографически оно дошло до моря только въ бывшей Ингерманландіи. Что касается Финляндіи, Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, то русское населеніе этихъ мѣстностей остается весьма незначительнымъ.

Въ Петербургской губерніи, бывшей Ингерманландіи, уже осѣло 1.700,000 русскихъ людей на 210,000 аборигеновъ страны, представителей финскаго племени.

Но во всемъ ливонскомъ краѣ изъ губерній Эстляндской, Лифляндской и Курляндской русское племя представляется только

¹⁾ Представителей нехристіанскихъ религій въ трехъ губерніяхъ осталось всего 2,000 чел.

130,000 душъ на 173,000 нѣмцевъ и 1.200,000 литовцевъ, латышей и жмудиновъ. Все русское племя выдѣлило въ ливонскій край только 0,15% своего состава. Еврейское племя, сообразно своей числительности, выдѣлило въ пять разъ большее число. Русское племя составляетъ только 8% всего населенія ливонскихъ губерній. Въ отношеніи религіозномъ успѣхъ достигнуть нѣсколько большій: сверхъ 130,000 русскихъ, православіе исповѣдуютъ около 150,000 жмудиновъ и латышей.

Но наименьшаго успѣха въ смыслѣ этнографическомъ мы достигли въ Финляндіи. По таблицамъ Менделѣева, на 2.250,000 финновъ и 340,000 шведовъ въ Финляндіи имѣется только 6,000 русскихъ. Повидимому, русское населеніе въ Финляндіи не только не увеличивается, но даже уменьшается. Такъ, по „Обозрѣнію Финляндскаго военнаго округа 1865 года“ прочихъ, кромѣ финновъ и шведовъ, жителей показано 2%, что давало на 2 мил. общаго числа жителей до 40,000 чел. Въ военно-статистическомъ же очеркѣ А. Золотарева, по свѣдѣніямъ 1880 года, число прочихъ жителей въ Финляндіи, кромѣ финновъ и шведовъ, показано лишь въ 0,5%, т. е. около 10,000 чел. ¹⁾, а по свѣдѣніямъ Менделѣева ко времени всеобщей переписи, т. е. къ 1897 году, въ Финляндіи было только 6,000 русскихъ.

Если прибавить, что не только экономически, но даже политически, населеніе въ Финляндіи пользуется исключительно широкими привилегіями и въ то же время враждебно настроено къ русской государственности, то придется сдѣлать выводъ, что тяжелая борьба по выводу къ Финскому заливу еще не закончилась и въ настоящее время.

Въ прошломъ уже имѣются примѣры тому, что при борьбѣ Швеціи съ Россіею изъ-за Финляндіи финскія войска, въ надеждѣ на независимость, измѣняли шведамъ. Въ будущемъ, *при настоящемъ настроеніи правящихъ классовъ въ Финляндіи*, возможенъ случай, что въ надеждѣ добиться этой независимости большая или меньшая часть финскаго населенія измѣнитъ Россіи и соединится съ нашими врагами.

Авторъ труда „Военно-статистическій очеркъ Финляндіи“ А. Золотаревъ относительно опасности отъ обособленнаго положенія Финляндіи высказываетъ такое мнѣніе ²⁾:

„Исключительное отношеніе Россіи къ Финляндіи и финнамъ, дарованіе ей правъ и преимуществъ противъ всѣхъ остальныхъ частей и народностей Россіи, не исключая и самихъ русскихъ, исключительныя заботы о ея благосостояніи въ ущербъ даже интересовъ всего остальнаго государства,—должно, по мнѣнію нѣкоторыхъ, самымъ прочнымъ образомъ содѣйствовать связи ея съ Рос-

¹⁾ А. Золотаревъ, „Военно-статист. очеркъ Финляндіи“, стр. 140.

²⁾ Тамъ же, стр. 18.

сией, а потому о желаніи Финляндіи порвать эту связь не можетъ быть и рѣчи. Едва ли, дѣйствительно, Финляндія когда-либо пожелаетъ промѣнять русское подданство на чье-либо другое; ужь слишкомъ хорошо живетъ ей за счетъ силы и средствъ великой Россіи. Но нельзя поручиться, что рожденное на свѣтъ Россіей „новое государство“ не пожелаетъ утвердить свое существованіе въ союзѣ съ другимъ въ видѣ равноправнаго ея члена (въ свойствахъ чело-вѣческой натуры не довольствоваться малымъ, а искать все большаго и большаго); едва ли также и Россія и впредь будетъ также няичиться съ Финляндіей и позволить продолжаться столь ненормальному порядку вещей. И вотъ, обѣщаніе, хотя бы только съ цѣлью заручиться сочувствіемъ края, полной политической равноправности его въ составѣ шведско-норвежскаго королевства, или же стремленіе Россіи установить должный порядокъ вещей, могутъ вызвать неудовольствія въ странѣ. И тогда не только шведское—господствующее населеніе Финляндіи, всегда сочувствовавшее своей прежней метрополіи, но, быть можетъ, и вся масса финновъ, руководимая интеллигенціей, станетъ враждебною Россіи, и вѣрноподанными намъ можетъ оказаться лишь ничтожная горсть русскихъ“.

Изъ всего изложеннаго въ предыдущихъ главахъ видно, что задача, поставленная русской вооруженной силѣ по выходу къ Финскому побережью и Балтійскому морю, послѣ борьбы, длившейся нѣсколько вѣковъ, была выполнена ею вполне успѣшно.

Всего въ борьбѣ со Швеціей за выходъ къ Балтійскому морю мы выставили въ разное время 1.800,000 бойцовъ и потеряли убитыми, ранеными, безъ вѣсти пропавшими около 130,000 чел. и заболѣвшими свыше 500,000 чел.

Но этимъ приобрѣтеніемъ, доставшимся Россіи цѣною такихъ огромныхъ усилій и жертвою сотенъ тысячъ русскихъ людей, Россія воспользовалась уже только по отношенію къ бывшей Ингерманландіи. Что же касается Финляндіи и прибалтійскихъ губерній, то русскому племени еще предстонтъ огромная мирная задача по приобщенію этихъ мѣстностей къ русской гражданственности, увеличенію въ нихъ жителей русскаго племени и предоставленію имъ большихъ правъ сравнительно съ другими, побѣжденными русскимъ оружіемъ, народностями.

ГЛАВА XII.

Задача русской армии по выходу къ Черному морю (продолженіе).

Первый Азовскій походъ 1695 года. Два неудачныхъ штурма Азова.—Второй Азовскій походъ 1696 года. Взятіе кр. Азова. Основаніе Таганрога. Заключеніе мира съ турками.—Прутскій походъ 1711 года. Сосредоточеніе арміи на Днѣстрѣ и движеніе на Яссы. Неоправдавшіяся надежды на возстаніе христіанскихъ народностей Турціи. Движеніе арміи внизъ по р. Прутъ. Бой авангарда 7. іюля и отступленіе арміи Петра I къ урочищу Станелище. Атака турками русскихъ войскъ 9 іюля. Взятіе отрядомъ Ренне Браилова. Открытіе переговоровъ. Мирный договоръ 12 іюля. Отходъ нашей арміи въ русскіе предѣлы. Причины неудачи Прутскаго похода. (Картогр. прил. № 4).

Въ VII-ой главѣ настоящаго труда изложено, что попытка выйти къ Черному морю, сдѣланная въ концѣ XVII столѣтія, не удалась русской военной силѣ: два похода въ Крымъ, произведенные русскими войсками въ правленіе царевны Софьи, окончились полною неудачею.

Между тѣмъ, начиная войну съ Турціею и Крымомъ, Россія дѣйствовала въ союзѣ съ Польшею и Австріею. Ея союзники настаивали на болѣе энергичныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ.

Крымцы, ободренные нашею неудачею, стали сильно тревожить русское пограничное населеніе. Казаки, которые должны были выносить на себѣ первые удары крымцевъ, волновались, роптали, просили поддержать ихъ, а часть казаковъ готова была, по прежнимъ примѣрамъ, соединиться съ татарами для совмѣстныхъ нападеній на русскую землю съ цѣлью грабежа.

Наиболѣе вліятельный изъ иноземцевъ—Лефорть, сознавая все увеличивавшееся въ Москвѣ недовольство дружбою молодого царя съ нѣмцами, совѣтовалъ Петру I повторить походъ на Азовъ, надѣясь военными успѣхами оправдать дѣятельность иноземныхъ военныхъ инструкторовъ.

Въ сентябрѣ 1691 года въ Москвѣ получена была грамота изъ Іерусалима отъ патріарха Іосифа. Онъ извѣщалъ, что французы, пу-

темъ значительныхъ взятокъ, добились получения въ свое вѣдѣніе святыхъ мѣстъ въ Іерусалимѣ, и просилъ помощи у русскихъ ¹⁾.

Въ письмѣ того же патріарха, прибывшемъ нѣсколько позже,— Іосифъ совѣтовалъ русскимъ *не добиваться получения самими святыми мѣстами*, а лишь добиться возвращенія ихъ грекамъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ повторялась одна и та же исторія: желаніе загребать жаръ чужими, на этотъ разъ русскими, руками.

Послѣ неудачи походовъ въ Крымъ русское правительство пробовало въ 1692 году возобновить сношенія съ крымцами. Они отвѣтили согласіемъ заключить миръ *на прежнихъ условіяхъ*... Эти прежнія условія состояли въ обязательствѣ для Россіи уплачивать дань. Русскій уполномоченный для веденія переговоровъ Айтемировъ не только настаивалъ на уничтоженіи условія объ уплатѣ дани, но прибавилъ и новое: о возвращеніи святыхъ мѣстъ грекамъ. Татары съ основаніемъ отвѣчали: *„Прежде никогда съ Московской стороны въ договорѣ о гробѣ Господнѣ не бывало, а теперь начато объ этомъ вновь, невѣдомо для чего“* ²⁾.

Татары и турки вопросъ о святыхъ мѣстахъ считали своимъ внутреннимъ дѣломъ и, передавая права на святые мѣста христіанской же державѣ, не могли конечно понять разницы между католическимъ и православнымъ вѣроисповѣданіями.

Но начатая тогда рознь между христіанами въ вопросѣ о томъ, кому править святыми мѣстами, еще и черезъ 160 лѣтъ послѣ переговоровъ 1692 года послужила однимъ изъ главныхъ поводовъ къ восточной войнѣ 1853—56 годовъ.

Въ сущности ни турки, ни католики не мѣшали православнымъ паломникамъ поклоняться святынямъ въ Іерусалимѣ, и весь вопросъ главнымъ образомъ заключался въ томъ: въ чью пользу будутъ поступать оставляемые паломниками къ святымъ мѣстамъ деньги,— греческаго или католическаго духовенства. Патріархъ Іосифъ просилъ помощи у русскихъ, но вовсе, какъ то видно изъ его письма (полученнаго въ Москвѣ въ 1693 году), не желалъ, чтобы эти доходы стали поступать русскому духовенству. Турки и татары лучше насъ понимали практическую сторону вопроса о святыхъ мѣстахъ и въ требованіи русскихъ не о передачѣ святыхъ мѣстъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства, а о возвращеніи правъ на доходы съ святыхъ мѣстъ грекамъ, усматривали непонятное для нихъ вмѣшательство Россіи въ чужія дѣла. Такое требованіе, сдѣланное по ихъ мнѣнію „невѣдомо для чего“, помѣшало уснѣху нашихъ другихъ требованій, и переговоры были прерваны.

Крымцы не оказывали особаго вниманія требованіямъ Россіи и

¹⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 1142—1143.—Французы получили Св. Гробъ Господень, половину Голгофы, всю Вифлеемскую церковь.

²⁾ Тамъ же, стр. 1112.

потому еще, что волненія среди казаковъ, предлагавшихъ имъ напасть на Москву, вмѣстѣ съ неудачами многочисленныхъ ратей кн. Голлицына, указывали на слабость Россіи.

Уже съ 1691 года получились первыя тревожныя извѣстія о сношеніяхъ гетмана Мазепы съ крымцами и о готовящемся отложе- ній казаковъ. Но первыя извѣстія о томъ были еще преждевремен- ны: въ 1691 году готовилась отложиться лишь часть казаковъ Запо- рожской Сѣчи съ атаманомъ Петрикомъ во главѣ. Напротивъ того, Мазепа, зная о сношеніяхъ запорожцевъ съ крымцами, просилъ о высылкѣ ему въ помощь изъ Москвы царскихъ войскъ. Скоро обо- значилось, что Петрикъ ошибся въ своихъ расчетахъ: большинство казаковъ не одобрило совмѣстныхъ дѣйствій съ татарами и стало за Москву.

Первый Азовскій походъ 1695 года.

Въ виду неудачи переговоровъ съ крымцами, Петръ рѣшилъ силою оружія добиться побѣды надъ ними. Первоначально цѣлью дѣй- ствій русскихъ войскъ былъ поставленъ выходъ къ Азовскому морю и закрѣпленіе этого выхода овладѣніемъ кр. Азовомъ. Для отвлече- нія главныхъ силъ крымцевъ собиралась большая армія въ 120,000 чел. въ Бѣлгородѣ. Въ составъ этой арміи, большею частью, опол- ченнаго характера входила старая дворянская конница и малорос- сійскіе казаки ¹⁾. Армія эта, подъ начальствомъ Шереметева, должна была весною 1695 года двинуться къ низовьямъ Днѣпра съ цѣлью привлечь на себя главныя силы крымцевъ и овладѣть нѣсколькими турецкими крѣпостями въ низовьяхъ Днѣпра.

Въ то же время четыре полка новаго строя, стрѣльцы и горо- довые казаки, силою въ 31,000 чел., подъ начальствомъ трехъ генера- ловъ—Лефорта, Гордона и Головина, должны были, скрытно собрав- шись въ Москвѣ и Тамбовѣ, двинуться частью на судахъ, частью пѣшимъ порядкомъ, къ Азову и овладѣть имъ. Ближайшимъ къ Азову нашимъ населеннымъ пунктомъ былъ Черкасскъ (нынѣ Ново- черкасская станица, лежащая на р. Дону, на 25 верстѣ выше Ро- стова).

Приготовленія къ походу заключались, между прочимъ, въ по- стройкѣ судовъ на воронежской верфи.

Формированіе регулярной арміи еще далеко не было закончено и въ походъ къ Азову могли выступить только четыре полка нова- го формированія: Преображенскій, Семеновскій, Бутырскій и Ле- фортовъ.

Вопросъ о командованіи былъ рѣшенъ въ первый походъ не- удовлетворительно. Во главѣ войскъ, двигавшихся къ Азову, стояли

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1142—1145.

три независимыхъ одинъ отъ другого генерала. 23-лѣтній Петръ пожелалъ участвовать въ походѣ въ качествѣ командира бомбардирской роты, причисленной къ Преображенскому полку. Три начальника войскъ—Лефортъ, Гордонъ и Головинъ въ случаяхъ важныхъ собиравлись на военный совѣтъ. Рѣшенія совѣта приводились въ исполненіе лишь при согласіи на нихъ бомбардира Петра Михайлова ¹⁾.

Гордонъ, съ колонною силою въ 9,400 солдатъ и стрѣльцовъ, съ 53 орудіями и 4,000 повозокъ, долженъ былъ спуститься на судахъ изъ Воронежа. По его просьбѣ ему предоставлено было отъ Тамбова двигаться сухимъ путемъ.

Два мѣсяца длился походъ Гордона отъ Тамбова до Черкаска. Наибольшія затрудненія онъ встрѣтилъ при переправѣ на лѣвый берегъ р. Дона и особенно при переправѣ черезъ р. Манычъ. Въ Черкасскъ свозились запасы и тамъ же къ Гордону присоединились казаки.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ плѣнныхъ, узнали, что турки дѣятельно готовились къ оборонѣ Азова. Сила турецкаго гарнизона была увеличена съ 3,000 до 6,000 чел., кромѣ многочисленной татарской конницы. Артиллерія усилена, рвы вычищены.

Крѣпость Азовъ, по понятіямъ той эпохи, представляла сильную крѣпость. Расположенная при устьяхъ р. Дона на лѣвомъ берегу главнаго русла, верстахъ въ десяти отъ берега Азовскаго моря, крѣпость Азовъ прикрывалась съ сѣвера, востока и запада рукавами Дона и болотистою мѣстностью. Но съ юга къ Азову подходили высоты, удобныя для осадныхъ работъ. Турки владѣли моремъ и имѣли возможность подавать къ Азову подкрѣпленія и запасы. Особое значеніе имѣли песчаныя высоты подъ названіемъ „пять бугровъ“, лежавшія на пути сообщенія Азова съ Крымомъ, и въ особенности укрѣпленія, расположенныя верстахъ въ двухъ выше Азова на обоихъ берегахъ р. Дона, извѣстныя подъ названіемъ „двѣ каланчи“.

Отрядъ Гордона, выступивъ изъ Черкаска, подошелъ къ Азову, занялъ позиціи на буграхъ и въ ожиданіи главныхъ силъ окопался валомъ.

Главныя силы, въ составѣ 20,000 чел., выступили на судахъ изъ г. Москвы. 16 мая караванъ судовъ вошелъ въ Волгу, а 7 іюня достигъ Царицына. Отъ Царицына до с. Попшино на р. Дону войска тащили на себѣ въ теченіе семи дней тяжести, ибо коннаго обоза при нихъ не было. Къ 18 іюня окончили погрузку 1,000 струговъ, прибывшихъ ранѣе изъ Воронежа. На седьмой день плаванія главныя силы собрались въ Черкасскъ.

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 96.

29 іюня войска, продолжая движеніе по р. Дону, стали лагеремъ при впаденіи р. Кайсуги въ р. Донъ, въ 15 верстахъ отъ Азова.

1 іюля войска авангарда овладѣли съ боя высотой къ югу отъ крѣпости и въ ту же ночь окружили себя валомъ. Эта позиція находилась всего въ 150 саженьяхъ отъ верховъ крѣпости.

Главныя силы, по мѣрѣ подхода ихъ, расположились: войска Лефорта лѣвѣе, войска Головина правѣе авангарда.

3 іюля начались осадныя работы. Благодаря присутствію царя, работы подвигались быстро. Одною изъ батарей на 8 мортиръ распоряжался лично бомбардиръ Петръ Михайловъ. Отъ первыхъ же выстрѣловъ въ крѣпости начались пожары. Турки тушили ихъ и производили вылазки.

6 іюля гарнизонъ получалъ подкрѣпленіе съ моря, прибывшее на 20 галерахъ.

Татарская конница, дѣйствовавшая внѣ крѣпости, затрудняла подвозъ продовольствія. Чтобы получить возможность подвозить запасы водою, рѣшено было овладѣть двумя каланчами.

14 іюля казаки, въ числѣ 200 человекъ, ворвались ночью въ башню черезъ амбразуру и захватили 16 орудій и нѣсколько человекъ плѣнныхъ. Черезъ нѣсколько дней овладѣли и другою башнею, покинутою турками, гдѣ было захвачено 21 орудіе.

Но вслѣдъ за этимъ успѣхомъ наши войска ожидала неудача. Передавшійся туркамъ, служившій въ нашихъ войскахъ, голландскій матросъ Янсень указалъ туркамъ слабое мѣсто въ нашихъ траншеяхъ между лагерями Гордона и Лефорта.

Турки въ полдень 15 іюля, прикрываясь садами и коноплянниками, незамѣтно подкрались къ нашимъ окопамъ. Стрѣльцы, защищавшіе ихъ, не смотря на близость противника, пообѣдавъ, спали. Спали не только рабочіе и траншейный караулъ, но и сторожевые стрѣльцы; ихъ и перебили сонными. Только огнемъ 16 оруд. батареи удалось остановить первый натискъ турокъ на батарею.

Не смотря на прибытіе Гордона съ солдатскимъ полкомъ, имѣвшимъ первоначально успѣхъ, турки, получивъ подкрѣпленіе, не только смяли полкъ, приведенный Гордономъ, но овладѣли и батареею.

Наши войска побѣжали.

Только прибытіе государя съ Преображенскимъ и Семеновскимъ полками возстановило бой. Послѣ трехъ-часового боя Гордонъ взялъ обратно батарею и вогналъ турокъ въ крѣпость. Отступая, турки заклепали всѣ осадныя орудія, изрубили лафеты и увезли съ собою 7 полковыхъ пушекъ. Наши потери составили свыше 1,000 человекъ. Турки потеряли до 600 чел.¹⁾

¹⁾ „Обзоръ войны“, ч. IV, стр. 95—107.

Продолжая осадныя работы, наши войска овладѣли правымъ берегомъ р. Дона, построили тамъ укрѣпленіе и, для связи его съ лагеремъ главныхъ силъ, построили плавучій мостъ ниже крѣпости черезъ р. Донъ.

Къ концу іюля осадныя работы дошли на 20—30 сажень до крѣпостного вала. Гарнизонъ, обстрѣливаемый съ двухъ сторонъ, несъ большія потери. Силы его уменьшились на одну треть, но тѣмъ не менѣе турки оборонялись весьма упорно. Обозначился и недостатокъ у турокъ снарядовъ. Полагая силы гарнизона достаточно потрясенными, Петръ I, вопреки мнѣнію Гордона, рѣшилсѣ произвести штурмъ ранѣе доведенія окоповъ до рва непріятеля и пробитія брешей.

Штурмъ былъ произведенъ 5 августа. Въ штурмъ приняли участіе 2,500 казаковъ-охотниковъ и 4,500 солдатъ, раздѣленныхъ на три колонны. Штурмъ окончился полною неудачею: подошли ко рву, но далѣе не пошли; потерявъ до 500 чел., войска наши отступили. Потери турокъ не превышали 200 человекъ.

Тогда рѣшено было усилить производство осадныхъ работъ, заложить мины и повторить штурмъ. Но и на этотъ разъ удачи не было. Назначенныя для штурма 25 сентября нѣсколько колоннъ не были объединены общимъ командованіемъ. Лучшія войска—Преображенскій и Семеновскій полки, назначенные дѣйствовать со стороны моря, были въ разстояніи часа отъ крѣпости, когда три другія колонны находились всего въ 20—30 саженьяхъ.

Минныя работы были начаты отъ каждаго изъ трехъ лагерей, но велись неумѣло. Такъ, мина со стороны лагеря Головина при взрывѣ не принесла никакого вреда непріятелю, тогда какъ въ нашихъ траншеяхъ было до 30 чел. убитыхъ и до 100 чел. раненыхъ. Минныя работы со стороны лагеря Лефорта привели къ засыпкѣ нашихъ работъ. Болѣе успѣшно шли минныя работы отъ лагеря Гордона. Но и тутъ при взрывѣ не былъ разрушенъ палисадъ и у насъ выведено изъ строя до 100 чел. Тѣмъ не менѣе взрывомъ этихъ минъ образовался обвалъ въ 60 шаговъ ширины, по которому и былъ произведенъ штурмъ.

Первою начала бой колонна Гордона; она перешла ровъ и по минному обвалу пыталась проникнуть въ крѣпость, но, встрѣтивъ неповрежденный минами высокій прочный палисадъ, внутрь крѣпости не проникла. Тѣмъ не менѣе, распространяясь въ обѣ стороны по валу, войска Гордона овладѣли фасадами двухъ бастіоновъ и куртною.

Колонна Лефорта вышла къ неповрежденнымъ минами веркамъ, штурма ихъ не произвела, а подкрѣпила колонну Гордона. Что же касается колонны Головина, то она осталась въ траншеяхъ, ожидая результатовъ дѣйствія двухъ первыхъ колоннъ.

Турки, оправившись, перешли въ наступленіе и сбросили войска

Гордона въ ровъ, откуда они отошли въ ближайшія траншеи. Послѣ неудачи Гордона пошли штурмовать неповрежденные верки полки Преображенскій и Семеновскій. Они овладѣли прирѣчною стѣнкою, ворвались въ городъ и завязали бой на улицахъ. Казаки къ штурму были привлечены, но лишь въ числѣ 1,000 человекъ.

Гордонъ два раза пытался поддержать Преображенцевъ и Семеновцевъ, но безъ успѣха.

Государь, опасаясь потерять своихъ лучшихъ солдатъ, послалъ имъ приказаніе отступить. Потери наши были значительныя.

Послѣ неудачи второго штурма Петръ I приказалъ готовиться къ отступленію. Постепенно разоружали батареи и отправляли ихъ въ Черкасскъ. 2 октября отступили послѣднія части. Гордонъ съ трудомъ сдерживалъ натискъ татаръ на нашъ аррьергардъ. Одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ, оставшійся нѣсколько позади, былъ окруженъ и весь уничтоженъ. При отступленіи особенно доблестно дѣйствовалъ шедшій въ аррьергардъ Бутырскій полкъ. Двѣ каланчи были разбиты въ укрѣпленіе и тамъ оставленъ русскій гарнизонъ въ 3,000 человекъ.

5 октября вся армія собралась въ Черкасскъ.

Дѣла на Днѣпрѣ у Шереметева шли успѣшнѣе. Онъ взялъ приступомъ двѣ крѣпости—Казы-Кермень и Таганъ, запиравшія движеніе по Днѣпру, и разорилъ двѣ другія крѣпости, брошенныя турками.

Отдохнувъ недѣлю въ Черкасскѣ, азовская армія двинулась степью на Валуйки и далѣе на Москву. Затрудненія въ продовольствіи, по немѣнью при войскахъ обоза, были большія. Государь шель три недѣли съ войсками, раздѣлая съ ними всѣ трудности и лишения. Изъ Валуекъ онъ отправился въ Москву. 22 ноября армія вступила въ Москву. Не смотря на торжественную встрѣчу и празднества, всѣ сознавали серьезность постигшей молодого царя и создаваемое имъ молодое войско неудачи.

Относительно этой неудачи П. Бобровскій пишетъ:

„Неудача дальняго похода съ самимъ царемъ, большія потери и жертвы, которыя не окупались взятіемъ двухъ каланчей, не могли быть скрыты. Начинаніе молодого царя въ военномъ дѣлѣ не было благословлено успѣхомъ. Люди, враждебные Петру, поднимали свою голову: это вѣдь не то, что кораблики строить, подъ Кожуховымъ потѣшаться, съ пѣмцами пировать! Но эта самая неудача и обнаружила въ юномъ царѣ великаго человека. „Петръ, — пишетъ Соловьевъ, — не упалъ духомъ, но вдругъ выросъ отъ бѣды и обнаружилъ изумительную дѣятельность, чтобы загладить неудачу, упрочить успѣхъ второго похода. Съ неудачи Азовской начинается царствованіе Петра Великаго“¹⁾.

¹⁾ П. Бобровскій, „Царь Петръ Алексѣевичъ“, 1892 г., стр. 28 и Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. XIV, стр. 1148.

Значеніе перваго Азовскаго похода въ военномъ отношеніи въ „Обзоръ войнъ“ опредѣлено въ слѣдующихъ строкахъ:

„Походъ былъ неудаченъ; въ результатъ мы овладѣли двумя незначительными башнями, что, конечно, не соответствовало затраченнымъ средствамъ и усиліямъ; но зато этотъ походъ, какъ боевой опытъ, обнаружилъ на дѣлѣ тѣ существенныя поправки, которыя слѣдовало сдѣлать какъ въ организаціи арміи (единоначаліе), такъ и въ планѣ похода (отсутствіе флота). Въ то же время опытъ указалъ на полное незнакомство русскихъ и наличныхъ иностранцевъ съ инженернымъ искусствомъ (мины), на недостаточную тактическую подготовку войскъ (сторожевая служба, штурмы) и, наконецъ, на полное превосходство въ бою вновь обученныхъ полковъ надъ прежними (Преображенскій, Семеновскій—на второмъ штурмѣ и Бутырскій—въ аррьергардѣ)“¹⁾.

Второй Азовскій походъ 1696 года.

Неудача перваго Азовскаго похода показала слабыя стороны русской вооруженной силы. Хотя войскъ было и достаточно по числу, но только полки новаго строя выказали хорошія боевыя качества. Войска же ополченнаго типа, увеличивая затрудненія по продовольствію ихъ, въ боевомъ отношеніи, въ дѣйствіяхъ противъ турокъ, принесли не пользу, а вредъ (проспали вылазку, обращались въ бѣгство). Огромная масса войскъ стараго строя, дѣйствовавшихъ къ сторонѣ Днѣпра, хотя и достигла результатовъ совершенно не соответствовавшихъ численности своей.

Техническія силы и средства были слабы. Опытныхъ людей въ артиллеріи и особенно въ инженерномъ дѣлѣ не было. Отсутствіе флота облегчало туркамъ поддержаніе связи съ Азовомъ.

Уже на обратномъ пути отъ Азова Петръ I принимаетъ мѣры для подготовки новаго похода на Азовъ.

27 ноября 1695 года въ Москвѣ объявленъ былъ указъ, которымъ призывались охотники записываться въ солдаты и стрѣльцы и не только вольные люди, но и крѣпостные, съ освобожденіемъ при этомъ какъ ихъ, такъ и ихъ семей, отъ крѣпостной зависимости.

Для новыхъ формированій не было времени, но полки, уже сформированные, укомплектовывались и сводились въ дивизіи. Всего въ походъ было назначено²⁾:

Пяхоты: 38 солдатскихъ полковъ силою 38,000 чел.; изъ нихъ было сформировано три дивизіи — Гордона, Головина и Регемана и отрядъ Лефорта:

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 107 .

²⁾ Тамъ же, стр. 109.

13 стрѣлецкихъ полковъ	9,600 чел.
<i>Конницы:</i>	
37 конныхъ ротъ ратныхъ людей московскаго чина	3,800 „
Малорос. казаковъ	15,000 „
Донскихъ казаковъ	5,000 „
Калмыковъ	3,000 „
Яицкихъ казаковъ	500 „
всего 75,000 чел., въ томъ числѣ пѣхоты 47,600 чел.	

Особо энергичныя мѣры приняты были Петромъ по постройкѣ флота. Въ Воронежѣ приказано было приготовить къ веснѣ 1696 года 2 корабля, 23 галеры, 4 брандера. Въ другихъ пунктахъ Воронежской губерніи строились 1,300 струговъ, 300 лодокъ и 100 плотовъ. На эти работы было выгнано 26,000 рабочихъ. Части судовъ заготовлялись и въ с. Преображенскомъ подъ Москвою ¹⁾.

Препятствій къ успѣшному сбору въ походъ было много. Рабочіе убѣгали съ работъ, лѣса горѣли, солдаты безчинствовали, погода не благоприятствовала работамъ. И тѣмъ не менѣе, воля царя была выполнена, и въ апрѣлѣ уже начали спускать суда въ воду. Спѣшность работы, конечно, повліяла на солидность ея. Созданіе въ 6 мѣсяцевъ времени даже судовъ существовавшихъ въ началѣ XVIII столѣтія типовъ было не по силамъ даже Петру Великому ²⁾.

Для флота былъ сформированъ экипажъ въ 4,000 человекъ. Кадрами послужили нѣсколько ротъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Очевидно, что новые матросы были очень мало подготовлены къ своимъ обязанностямъ.

Союзниками Петра въ дѣйствіяхъ противъ турокъ по прежнему считались австрійскій императоръ и король польскій. Для облегченія успѣха дѣйствій въ выбранномъ имъ направленіи Петръ проситъ своихъ союзниковъ начать въ 1696 году рѣшительныя дѣйствія противъ турокъ къ сторонѣ Дуная.

Неудачу перваго похода противники петровскихъ реформъ отнесли къ винѣ иноземцевъ, окружавшихъ Петра. Въ Москвѣ вспоминали слова покойнаго патріарха Іоакима, что въ ратныхъ дѣлахъ Петра I не можетъ быть успѣха и Божьяго благословенія, пока русскими войсками будутъ предводительствовать иностранцы—еретики ³⁾.

Петръ зналъ про эти рѣчи и все же, ясно понимая, что знаніямъ техническимъ выгодно учиться даже у „еретиковъ“, усиленно просилъ своихъ союзниковъ выслать ему опытныхъ учителей въ ратномъ дѣлѣ.

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1149.

²⁾ П. Миллюковъ, въ своемъ трудѣ „Очерки по исторіи русской культуры“ (ч. III, стр. 164), называетъ флотъ Петра, построенный для Азовскаго похода, „игрушечнымъ“.

³⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 1148—1149.

Общее начальствованіе надъ армію ввѣрено было боярину Шеину.

Планъ дѣйствій былъ принятъ слѣдующій: флоту выйти въ Азовское море и препятствовать туркамъ оказывать помощь осажденнымъ; армію двинуть къ Азову: пѣхоту и конницу сухимъ путемъ, артиллерію и обозы водою; войскамъ Шереметева и Мазепы произвести демонстрацію къ низовьямъ Днѣпра.

23 апрѣля войска начали выступать изъ Воронежа въ походъ къ Азову.

18 и 19 мая наши суда сдѣлали попытку выйти въ море и овладѣть двумя турецкими кораблями, но, вслѣдствіе обмелѣнія русла сѣвернаго протока Дона—Кутерма, суда пройти черезъ баръ не могли. Да и на рейдѣ оказалось уже не 2, а 13 большихъ кораблей. Поэтому нашъ флотъ возвратился обратно къ Новогеоргиевску (созданному на мѣстѣ захваченныхъ въ 1-й походъ „двухъ-каланчей“ выше Азова), оставивъ въ устьѣ протока Дона, носившаго названіе Каланчи, казачью флотилію.

31 мая утромъ турки высадили на берегъ 500 янычаръ, которые и прошли въ крѣпость. Вечеромъ двинулось къ Азову 13 большихъ транспортныхъ судовъ (тунбасовъ) съ разнымъ грузомъ, подъ прикрытіемъ янычаръ въ 11 лодкахъ. Казаки напали неожиданно на эти суда, перебили команду, овладѣли 10 тунбасами. Конвой бѣжалъ въ паникѣ. Казаки преслѣдовали на своихъ легкихъ лодкахъ. Турецкій флотъ снялся съ якоря и отплылъ, бросивъ два корабля. Одинъ изъ нихъ затопили сами турки, другой сожгли казаки.

Это былъ въ царствованіе Петра первый нашъ успѣхъ на морѣ.

27 мая русскій флотъ вышелъ въ море. Для подкрѣпленія флота въ устьѣ Дона было возведено два укрѣпленія.

14 іюня попытка турокъ высадить десантъ въ 4,000 чел. не удалась.

Турки не приготовились въ Азовѣ ко вторичной осадѣ. Гарнизонъ не былъ своевременно увеличенъ, верки не усилены. Наши старыя траншеи не засыпаны. Но конная татарская сила была многочисленнѣе прошлагодной.

28 мая наши войска подошли къ Азову, но только 16 іюня начали бомбардированіе. Турки защищались храбро и производили энергичныя вылазки. За неприбытіемъ еще опытныхъ инструкторовъ, тринадцатидневное бомбардированіе не давало никакихъ результатовъ. На предложеніе сдаться турки отвѣтили отказомъ.

Тогда „по совѣту солдатъ и казаковъ приступили къ странной мѣрѣ“: насыпкъ огромнаго вала, который долженъ былъ превышать крѣпостной. Этотъ валъ предполагалось постепенно пере-

валивать впередъ къ крѣпостному рву и, наконецъ, засыпать ровъ. Для этой работы ежедневно назначалось 15,000 человекъ.

Когда выписанные австрійскіе инженеры, минеры и артиллеристы прибыли, — валъ этотъ уже былъ придвинутъ къ самому рву. Подъ ихъ руководствомъ стрѣльба пошла успѣшно и въ одномъ изъ бастионовъ былъ сбитъ палисадъ.

Какъ то было и на морѣ, на помощь „цесарскимъ инженерамъ“ и пѣхотнымъ войскамъ опять явились казаки и быстро привели всю осаду Азова къ развязкѣ.

Соскучившись долгою осадой, запорожцы, помимо старшаго начальства, уговорились съ донцами произвести на свой страхъ неожиданное нападеніе на Азовъ. И вотъ 17 іюля 2,000 головорѣзовъ, съ своими атаманами Лизогубомъ и Миняевымъ, овладѣваютъ валомъ, спускаются съ него, но остановлены каменною оградой. Турки перешли въ наступленіе, но казаки, подкрѣпленные Головинымъ, удержались на крѣпостномъ валу. Солдаты Головина успѣли занять при этомъ сосѣдній бастионъ.

Тогда турки неожиданно сами начали переговоры о сдачѣ. Они требовали свободнаго пропуска гарнизона съ оружіемъ, женами и имуществомъ. Всѣ орудія и боевые припасы должны были остаться въ крѣпости. Условія эти были приняты, и 19 іюля наши войска вступили въ крѣпость, гдѣ нашли 96 орудій разныхъ калибровъ, но мало снарядовъ.

Отпраздновавъ побѣду, Петръ немедленно приступилъ къ усиленію старыхъ и возведенію новыхъ укрѣпленій, а для стоянки флота выбралъ мысъ Таганрогъ.

Въ гарнизонъ Азова были назначены 6 солдатскихъ и 4 стрѣлечкихъ полка, силою 8,300 человекъ.

Силу будущаго флота опредѣляли въ 40 судовъ, для чего съ каждыхъ 10,000 крестьянскихъ дворовъ потребована была постройка одного судна ¹⁾.

Наши войска, двинутыя къ Днѣпру, на этотъ разъ бездѣйствовали.

Для заселенія Азовскаго округа Петръ приказалъ перевести 3,000 семей изъ низовыхъ городовъ.

Послѣ торжественныхъ празднествъ въ Москвѣ по случаю одержанной побѣды Петръ уѣхалъ за границу.

Военныя дѣйствія въ отсутствіе Петра продолжались вяло. Не найдя въ союзникахъ рѣшимости вести войну съ турками энергично, Петръ въ 1699 году заключилъ миръ съ Турціею на 30 лѣтъ. Азовъ оставленъ за Россіею и отмѣнена дань Крыму. Но свободы плаванія по Черному морю мы не получили и даже вынуждены были ос-

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 107—116; С. Соловьевъ, т. XIV, стр. 1150—1158.

тавить укрѣпленія, возведенныя нами на нижнемъ теченіи Днѣпра въ послѣдніе походы.

Очевидно, что такіе результаты были совершенно не достаточны и могли составить только первые шаги къ овладѣнію Россіею Чернымъ моремъ; но событія складывались такъ, что Петру I приходилось отложить задачу по выходу къ Черному морю и сосредоточить всѣ силы и средства для борьбы со Швеціею.

Дѣйствительно, уже черезъ годъ послѣ заключенія мира съ турками армія Петра дралась подъ Нарвою. Миръ съ турками становился особенно полезенъ, когда Петру пришлось перенести дѣйствія въ Малороссію.

Во второмъ Азовскомъ походѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе важная роль въ достигнутыхъ успѣхахъ, выпавшая на долю казаковъ. Они одерживаютъ побѣду на морѣ, они же являются инициаторами штурма, хотя и преждевременнаго и не подготовленнаго, но все же, при слабомъ командованіи турками, приведшаго къ сдачѣ Азова.

Прутскій походъ 1711 года.

Побѣда Петра I надъ шведами подъ Полтавою заставила въ числѣ другихъ державъ и Турцію опасаться создавшагося этою побѣдою могущества Россіи. Первою исполошилась вѣрная своимъ традиціямъ Англія, которая, вмѣстѣ съ Голландіею, начала побуждать союзницу Россіи — Данію къ отдѣльному миру со Швеціею.

Дѣятельность Петра по усиленію нашего положенія на югѣ: укрѣпленіе Азова, постройка Таганрога, устройство на нижнемъ Днѣпрѣ укрѣпленія подъ названіемъ „каменный затонъ“, принятые мѣры по созданію флота на сѣверѣ и на югѣ,—все это служило и для турокъ основаніемъ предполагать, что, побѣдивъ шведовъ, Петръ обратитъ создаваемыя имъ силы для дѣйствій въ направленіи къ Черному морю.

Карлъ XII, спасшійся послѣ Полтавскаго боя въ предѣлы Турціи, получилъ разрѣшеніе проживать въ Бендерахъ. Онъ усиленно приглашалъ турокъ къ союзу со Швеціею и къ новой войнѣ съ Россіею ¹⁾.

Петръ настаивалъ передъ Портою на исполненіи рагѣе заключеннаго договора и на высылкѣ Карла XII изъ предѣловъ Турціи. Турки, пропустившіе случай напасть на Россію одновременно съ Карломъ XII до Полтавы, колебались, и въ 1709 году нашему послу Толстому удалось получить обѣщаніе выслать Карла XII изъ предѣловъ Турціи.

¹⁾ Порта снабжала его деньгами и назначала ему конвой изъ 200 янычаръ. (Соловьевъ, т. XVI, стр. 42—43).

Но въ январѣ 1710 года настроеніе въ Стамбулѣ измѣнилось. Подъ вліяніемъ Понятовскаго и Карла XII, турки рѣшились на войну съ Россією и заключили Толстого въ семибашенный замокъ, а великому визирю приказано было весною выступить въ походъ въ Россію.

Крымскіе татары произвели опустошительный набѣгъ по лѣвому берегу Днѣпра до гор. Изюма.

Одною изъ причинъ, побудившихъ Порту къ войнѣ, были сношенія Петра съ христіанскимъ населеніемъ турецкихъ областей—Сербіи, Греціи, Молдавіи и Валахіи.

Петръ вовсе не находилъ время благоприятнымъ для развитія своихъ плановъ относительно движенія къ югу: ему представлялось болѣе важнымъ и неотложнымъ окончить борьбу со Швецією за выходъ къ Балтійскому морю.

Самая обстановка, при которой Петру приходилось вступить въ борьбу съ Турцією, не была благоприятна. Внутри государства было неспокойно: бунты — башкирскій, Булавинскій, Астраханскій, измѣна Мазепы—указывали на недовольство населенія южныхъ областей и малую ихъ прикрѣпленность къ Петровской Россіи; въ Запорожьѣ враждебная Россіи партія выбрала гетманомъ Орлика; заднѣпровская Украина тоже готовилась встать противъ Россіи. Борьба со шведами, потребовавшая огромнаго напряженія населенія по сформированію и содержанію арміи, разстроила силы и средства Россіи. Но эта борьба все же въ главномъ была закончена, оставалось воспользоваться побѣдою подъ Полтавою. При такихъ условіяхъ отвлеченіе нашихъ силъ въ сторону Турціи заставляло опасаться, что удобное время развитія достигнутой успѣхъ будетъ упущено, и Швеція не только оправится, но и получитъ для противодѣйствія возникшему могучеству Россіи надежныхъ союзниковъ.

Политическая обстановка также складывалась неблагоприятно для Петра: Данія отъ союза съ Россією отказалась, заключивъ отдѣльный миръ со шведами; Англія явно готовилась встать въ число враговъ Россіи; даже польскій король Августъ, сидѣвшій на тронѣ главнымъ образомъ благодаря усиліямъ русскихъ войскъ, и тотъ спѣшилъ воспользоваться затрудненіями Россіи и предъявлялъ къ Петру требованія объ уступкѣ ему нѣкоторыхъ областей и городовъ; Пруссія и Ганноверъ тоже отказались отъ союза съ Россією.

Несмотря на неудачу подъ Нарвою, Петръ I не переставалъ заботиться о выходѣ, въ видахъ не только военныхъ, но и экономическихъ, къ Черному морю. Онъ посылаетъ въ 1701 году кн. Голицына въ Стамбулъ и поручаетъ ему попытаться получить согласіе Порты на свободное плаваніе русскихъ кораблей по Черному морю. Визирь отвѣчалъ: „Пусть московскіе купцы ѣздятъ на турецкихъ корабляхъ, куда имъ угодно... Лучше султану отворить путь во внутренность своего дома, чѣмъ показывать дорогу московскимъ кораблямъ по Чер-

ному морю“; и далѣе: „Султанъ смотритъ на Черное море, какъ на домъ свой внутренній, куда нельзя пускать чужеземца; скорѣе султанъ начнетъ войну, чѣмъ допустить ходить кораблямъ по Черному морю“ ¹⁾.

Турки настолько опасались намѣреній Петра относительно развитія плаванія по Черному морю, что у нихъ возникалъ планъ засыпать проходъ изъ Азовскаго моря въ Черное и построить тамъ крѣпость. Эти опасенія имѣли основаніе въ виду извѣстныхъ туркамъ сношеній нашихъ съ христіанскими подданными турокъ.

Патріархъ іерусалимскій поощрялъ Петра I къ усиленію имъ флота и подбивалъ къ войнѣ съ турками. Онъ молился, чтобы Господь Богъ „вразумилъ и научилъ благочестивѣйшаго всѣхъ насъ православныхъ христіанъ государя, царя Петра Алексѣевича, тѣмъ флотомъ своимъ избавить насъ отъ плѣненія бусурманскаго“ ²⁾.

Назначенный въ ноябрѣ 1701 года постояннымъ посломъ нашимъ въ Портѣ Петръ Толстой доносилъ государю:

„Ничто такого страха имъ (туркамъ) не наноситъ, какъ морской твой флотъ; слухъ между ними пронесся, что у Архангельска сдѣлано 70 кораблей великихъ, и чаютъ, что, когда понадобится, корабли эти изъ океана войдутъ въ Средиземное море и могутъ подплыть подъ Константинополь“ ³⁾.

Толстой доносилъ также, что къ султану пріѣзжали изъ Крыма знатные мурзы за разрѣшеніемъ напасть на Россію. Они утверждали, что съ ними пойдутъ шведы, казаки и поляки.

Петръ передъ объявленіемъ войны Турціи былъ боленъ и угнетенъ духомъ ⁴⁾. Но неизбѣжное должно было свершиться.

25 февраля 1711 года въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя, было объявлено народу: „о войнѣ противъ враговъ имени Христова“. На знаменахъ гвардейскихъ полковъ появилась надпись: „Симъ знаменіемъ побѣдиши“.

Для дѣйствій противъ Россіи турки дѣятельно собирали значительныя силы. Весною 1711 года въ окрестностяхъ Константинополя уже было собрано до 250,000 человекъ. Армія эта въ маѣ должна была выступить къ Дунаю, гдѣ приготавлиались для нея склады продовольственныхъ запасовъ. Отъ Дуная турки должны были двинуться къ Бендерамъ, гдѣ ожидалось присоединеніе къ нимъ крымскихъ татаръ. Кромѣ того, собиралось еще 70,000 человекъ войска, которое предполагалось отправить для дѣйствій противъ Азова.

Объявленіе войны съ Турціею застало русскія войска разбросяными. Значительная часть конницы находилась у Кракова, главныя силы пѣхоты у Риги, гвардейскіе полки въ Петербургѣ.

¹⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 1328.

²⁾ Тамъ же, стр. 1328.

³⁾ Тамъ же, стр. 1330.

⁴⁾ Тамъ же, т. XVI, стр. 57.

Какія усилія потребовались Петру I для подготовки къ Прутскому походу въ смыслѣ формировація, сосредоточенія, обезпеченія всѣмъ необходимымъ войскъ, починки дорогъ и пр.,—видно изъ сборника матеріаловъ по Прутскому походу, изданнаго А. Мышлаевскимъ ¹⁾.

Въ числѣ этихъ матеріаловъ есть интересное донесеніе изъ Гусятина отъ 3 августа 1711 года полуполковника Долгорукаго, посланнаго въ августъ для найма иностранцевъ. Онъ доноситъ о возможности нанять нѣмецкій драгунскій полкъ съ лошадьми и всѣмъ снаряженіемъ изъ старослужащихъ по 1 рублю въ мѣсяцъ жалованья рядовымъ (по нынѣшнему курсу 9 рублей). Онъ прибавляетъ, что въ этомъ полку есть и французы и что изъ полка 500 человекъ уже наняты польскимъ полковникомъ Нермеромъ и расположены въ м. Санкъ (Санъ) между Ярославлемъ и Краковомъ, но и ихъ можно тоже нанять къ намъ. Долгорукій дѣлаетъ въ этомъ донесеніи оцѣнку боевой годности венгровъ сравнительно съ волохами и высказываетъ мнѣніе, что 1,000 венгровъ сдѣлаютъ на войнѣ болѣе, чѣмъ 3,000 волоховъ.

О планѣ Петра можно только догадываться по его дѣйствіямъ. Планъ этотъ носилъ характеръ наступательный. Предполагалось занять войсками Молдавію, обратить ее въ базу для дѣйствій и двинуться къ Дунаю, чтобы предупредить переходъ черезъ Дунай турокъ.

Освобожденіе христіанъ изъ подъ власти турокъ въ этой войнѣ впервые заявляется христіанскимъ народностямъ Турціи, какъ цѣль войны.

Расчетъ потребныхъ для выполненія этого плана силъ былъ сдѣланъ въ предположеніи, что христіанское населеніе, подвластное туркамъ, *возстанетъ и отвлечетъ на себя значительныя турецкія силы*. Въ этомъ предположеніи признавалось достаточнымъ назначить для дѣйствій противъ турокъ 50,000 чел. лучшихъ войскъ, которыя и должны были возможно быстро сосредоточиться къ границамъ Молдавіи.

Противъ шведовъ въ прибалтійскихъ мѣстностяхъ рѣшено дѣйствовать оборонительно. Крымскихъ татаръ предположено было удерживать отъ соединенія съ турецкими силами наступленіемъ къ Крыму отъ Дона и Кубани.

Сосредоточеніе даже такой незначительной силы, какъ 50,000 чел., къ молдавской границѣ потребовало много времени и большихъ усилій.

Въ авангардъ сосредоточивавшихся силъ было назначено 10 драгунскихъ полковъ, которые, подъ начальствомъ кн. Голицына,

¹⁾ А. Мышлаевскій, „Война съ Турціею 1711 года (Прутская операція)“. Матеріалы. Изд. 1898 года.

должны были слѣдовать отъ Кракова на Днѣстръ къ границамъ Молдавіи, прикрывая Подолію отъ набѣговъ татаръ и казаковъ, враждебныхъ Россіи, а также для обезпеченія сосредоточенія главныхъ силъ. Эти главные силы составляли 22 полка пѣхоты, выступившіе изъ окрестностей Риги черезъ Польшу къ Днѣстру подъ начальствомъ Шереметева. Подъ его же начальство поступали два гвардейскихъ полка, двинутые на соединеніе съ главными силами изъ Петербурга, а также полки, двинутые изъ Москвы. Артиллерія (97 орудій, 11 мортиръ и 2 гаубицы) двигалась изъ Риги отдѣльно отъ пѣхоты.

Для сосредоточенія къ Азову и дѣйствій противъ крымцевъ назначался гр. Апраксинъ со сборною ратью, преимущественно, войскъ стараго строя, казаковъ, калмыковъ, силою свыше 25,000 человекъ.

Кіевскій губернаторъ кн. Д. Голицынъ и кн. Ромодановскій съ конными полками стараго строя и вѣрными казаками Скоропадскаго назначались для охраны южной границы и линіи Днѣпра противъ отложившихся казаковъ. Голицынъ долженъ былъ сосредоточить свои силы къ Каменному затону.

Военныя дѣйствія были открыты татарами и казаками Орлика. Скопница татаръ и казаковъ, а также поляковъ партіи Станислава Лещинскаго, силою до 30,000 чел., проникли весной 1711 года правымъ берегомъ Днѣпра до крѣпости Бѣлая Церковь, пытались овладѣть ею, но вынуждены были къ отступленію, съ потерей 2,000 чел. Кн. Голицынъ, шедшій къ Каменному затону, настигъ и разсѣялъ до 7,000 татаръ, поляковъ и казаковъ и вынудилъ ихъ къ отступленію къ Очакову.

Главные силы Шереметева въ первыхъ числахъ мая достигли р. Буга и 22 мая заняли с. Тротяницу.

Петръ I, отправивъ войска изъ Петербурга, выѣхалъ по пути къ арміи на свиданіе съ королемъ Августомъ въ Галицію для закрѣпленія союза съ нимъ. Августъ обязывался выставить въ Помераніи противъ шведовъ 10,000 коннаго войска и вспомогательный отрядъ для союзныхъ дѣйствій съ русскими противъ турокъ ¹⁾.

Въ начинающейся борьбѣ съ турками Петръ, какъ указано выше, сильно надѣялся на содѣйствіе подвластныхъ туркамъ христіанъ. Даже у нашего историка Соловьева есть указаніе, что „христіанское народонаселеніе съ затаеннымъ восторгомъ ждало полтавскаго побѣдителя“ ²⁾.

Такъ доносили и Петру, но въ дѣйствительности никакого восторга, конечно, не было, а если населеніе, особенно правящіе классы, и надѣялось на помощь Россіи, то только въ эгоистическихъ, вопліяхъ естественныхъ, видахъ улучшить свое положеніе, получить

¹⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 59.

²⁾ Тамъ же, стр. 60.

самостоятельность, но отнюдь не съ цѣлью войти въ составъ русской имперіи. Подобныя же росказы о „затаенныхъ восторгахъ“ христіанъ Балканскаго полуострова легкомысленно доносились русскимъ государямъ и послѣ Прутскаго похода, въ теченіе 150 лѣтъ, передъ каждою войною Россіи съ Турціею.

Господарь молдавскій Кантемиръ вошелъ въ тайныя сношенія съ царемъ; но молдавскіе бояре на собранномъ Кантемиромъ совѣтѣ не обнаружили, однако, желанія выступить съ оружіемъ въ рукахъ съ цѣлью рука объ руку съ русскими войсками завоевывать свою свободу. *Эти бояре дали совѣтъ своему господарю удалиться въ безопасное мѣсто, ждать исхода сраженія въ Молдавіи русскихъ войскъ съ турецкими и принять сторону побѣдителя* ¹⁾. Кантемиръ такъ и поступилъ, но въ тайнѣ, черезъ Стефана Луку, заключилъ съ Петромъ I договоръ, по которому признавалъ себя подданнымъ Петра I. По этому договору Молдавія должна была отторгнуться отъ Турціи и стать въ вассальное отношеніе къ Россіи.

Относительно Сербіи дѣло стояло проще. Только очень небольшое число сербовъ заявили желаніе служить православному царю.

Для поднятія къ возстанію сербскаго племени въ Черногоріи, Македоніи и сосѣднихъ съ ними земляхъ Петръ командировалъ сербскаго полковника Милорадовича.

Весною 1711 года Милорадовичъ писалъ Головкину, что, пріѣхавши въ Македонію, Діоклетію и прочія провинціи, онъ собралъ христіанъ, воеводъ, князей и подалъ царскія грамоты имъ и митрополиту Скендеринскому; послѣ чего христіане обрадовались и стали воевать, какъ при древнихъ сербскихъ короляхъ и царяхъ. При этомъ, однако, Милорадовичъ прибавлялъ: „Все это воины добрые, только убогіе; пушекъ и прочихъ военныхъ припасовъ не имѣютъ“ ²⁾.

Очевидно, что повстанческіе отряды, сформированные Милорадовичемъ, по отдаленности отъ молдавскаго театра военныхъ дѣйствій и незначительности турецкихъ силъ, которыя они отвлекали на себя, сколько нибудь замѣтнаго вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій имѣть не могли. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности Петръ I не могъ получить сколько нибудь существенной помощи противъ турокъ отъ христіанскаго населенія Турціи, при чемъ назначенныя имъ для дѣйствій на главномъ театрѣ войны силы въ 50,000 чел. оказывались недостаточными. А между тѣмъ господари Молдавіи и Валахіи продолжали держать Петра въ заблужденіи относительно размѣра помощи, которую они могли оказать русскимъ войскамъ.

Населеніе княжествъ, при готовившихся на ихъ территоріи военныхъ дѣйствіяхъ, попадало между двухъ огней. Въ особенности могло страшить молдаво-волохское населеніе появленіе въ княжествахъ

¹⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 60.

²⁾ Тамъ же, стр. 63.

огромныхъ, недисциплинированныхъ полчищъ турокъ. Поэтому совершенно естественно, что къ Петру поступали съ разныхъ сторонъ просьбы поспѣшить вводомъ войскъ въ княжества, чтобы предохранить ихъ отъ ожидавшихся насилій со стороны турокъ. Но уже обманомъ со стороны господарей, принявшихъ мнѣніе примкнуть только къ побѣдителю, являлось обѣщаніе съ ихъ стороны поднять, со вступленіемъ русскихъ войскъ въ княжества, весь народъ противъ турокъ, „на что глядя, сербы и болгары тоже возстанутъ“.

Довѣряя такимъ сообщеніямъ, Петръ надѣялся, что визирь „не посмѣетъ перейти за Дунай, большая часть войска его разбѣжится, а, можетъ быть, и бунтъ поднимутъ“ ¹⁾).

Какъ извѣстно, надежды эти не оправдались. Турки перешли Дунай ранѣе, чѣмъ мы были готовы ихъ встрѣтить, и никакого возстанія населенія противъ турокъ при вступленіи нашихъ войскъ въ княжества не было.

Между тѣмъ Петръ I, на основаніи ложныхъ свѣдѣній и не зная о силѣ турокъ и ихъ расположеніи, торопилъ Шереметева вступленіемъ нашихъ войскъ въ Молдавію.

Уже 16 мая государь приказываетъ Шереметеву съ легкимъ отрядомъ изъ 13 драгунскихъ и 2 пѣхотныхъ полковъ (посаженныхъ на лошадей) вступить въ Молдавію, чтобы своимъ присутствіемъ оказать нравственную поддержку христіанскому населенію. Торопя Шереметева, Петръ приказываетъ: „заказать подъ смертною казнью въ войскѣ, чтобъ никто ничего у христіанъ,—ни живности, ни хлѣба, — безъ указа и безъ денегъ не брали и жителей ничѣмъ не озлобляли, но поступали пріятельски“ ²⁾).

Первоначальный планъ дѣйствій нашихъ войскъ былъ указанъ Петромъ I Шереметеву слѣдующій: съ легкимъ коннымъ отрядомъ двигаться возможно быстрѣе къ Дунаю—къ Исакчѣ ³⁾), захватить строящійся тамъ турками мостъ или уничтожить его и оборонять переправу до прибытія главныхъ силъ, которыя должны были перейти Днѣстръ у м. Сороки.

24 мая часть передового отряда изъ двухъ конныхъ полковъ имѣла первое дѣло у Рашкова на р. Днѣстрѣ. Отрядъ этотъ пытался перейти на лѣвый берегъ рѣки, но, встрѣченный значительнымъ отрядомъ турокъ и татаръ, вынужденъ былъ къ отступленію.

27 мая къ Рашкову прибылъ весь передовой отрядъ съ Шереметевымъ. Изъ письма, полученнаго отъ кн. Кантемира, Шереметевъ узналъ, что турки въ серединѣ мая выступили изъ Адрианополя и двигаются тоже по направленію къ Исакчѣ.

Еще стоя на Днѣстрѣ, Шереметевъ началъ испытывать недо-

¹⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 64.

²⁾ Тамъ же, стр. 65.

³⁾ По р. Дунаю въ 50 верстахъ отъ устья.

статокъ продовольственныхъ средствъ. Надежды на заготовку запасовъ молдавскимъ господаремъ не оправдались. Отпущенныхъ Шереметеву 6,000 руб. на устройство магазина для арміи, конечно, было совершенно недостаточно; приходилось разсчитывать на сборъ мѣстныхъ средствъ реквизиціоннымъ способомъ, что для обезпеченія даже одного передового отряда, въ 20,000 людей и лошадей, представляло трудно-одолимыя препятствія.

Въ „Обзорѣ войнъ“ относительно пользованія въ 1711 году въ Молдавіи и Валахіи мѣстными средствами помѣщены слѣдующія указанія:

„Оба княжества, равно какъ и пограничныя съ ними области, имѣли малочисленное и бѣдное населеніе, сгруппировавшееся въ довольно крупныхъ, но рѣдкихъ населенныхъ пунктахъ. Почва вообще плодородная, такъ что хлѣбныхъ запасовъ, въ обыкновенное время, можно было всегда найти въ избыткѣ; но въ 1711 году саранча уничтожила всѣ посѣвы и травы въ Молдавіи и захватила также сѣв. часть Валахіи, вслѣдствіе чего въ этомъ году ни хлѣба, ни травъ почти не было, даже для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Въ южной части Валахіи можно было получить значительное количество хлѣба. Дорогъ въ странѣ мало и во время дождей онѣ становятся крайне трудными для движенія“¹⁾.

При такихъ условіяхъ надо было слѣдовать форсированнымъ маршемъ на разстояніи свыше 300 верстъ, чтобы предупредить турокъ у Исакчи. Быть можетъ, Зейдлицъ или Цитенъ, начальствуя 13 драгунскими и 2 пѣхотными полками (посаженными на лошадей), только что выдержавшими съ полнымъ успѣхомъ борьбу со шведами, гдѣ драгуны въ полтавскомъ бою играли выдающуюся роль, и нашли бы способъ выполнить волю Петра I. Если нельзя было надѣяться остановить съ 20,000 чел. конницы наступленіе и переправу двухсотъ-тысячной турецкой арміи, то при медленности движенія турокъ возможно было достигнуть Дуная ранѣе прибытія значительныхъ турецкихъ силъ, опрокинуть мелкіе отряды, выяснить обстановку, сдѣлать развѣдку силъ турокъ и, что было очень важно, уничтожить строившійся у Исакчи мостъ и собиравшіеся на Дунаѣ продовольственные запасы.

Но Шереметевъ распорядился иначе. Прежде всего, поддавшись просьбамъ Кантемира, онъ раздѣлилъ свои силы, направивъ въ Яссы, для защиты этого пункта отъ татарско-турецкихъ партій, три драгунскихъ полка. Такимъ образомъ, вмѣсто подкрѣпленія нашихъ силъ возставшимъ населеніемъ, приходилось расходовать силы для защиты этого населенія. Затѣмъ, сдѣлавъ три перехода въ направленіи къ Исакчѣ, указанномъ Петромъ, — Шереметевъ призналъ данную ему задачу невыполнимою. Турки, по его расчету,

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 123.

находились отъ Дуная ближе, чѣмъ онъ, на 100 верстъ, и нашъ отрядъ силою въ 14,000 чел. ¹⁾, даже достигнувъ, не смотря на всѣ продовольственныя затрудненія, Исакчи, могъ быть окруженъ во много разъ превосходнымъ въ силахъ противникомъ и, отдѣленный отъ главныхъ силъ арміи на 300 верстъ, погибнуть. Такая неудача отразилась бы самымъ невыгоднымъ для насъ образомъ на дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, ибо армія оказалась бы лишевною самой надежной конной силы—всѣхъ драгунскихъ полковъ. И вотъ, вмѣсто смѣлаго движенія къ Дунаю, Шереметевъ, сдѣлавъ въ три дня около 60 верстъ отъ переправы черезъ Днѣстръ у Рашкова, повернулъ на западъ къ Яссамъ.

4 іюня Петръ писалъ Шереметеву: „Поздравляю васъ съ счастливымъ переходомъ и начатиемъ соединенія съ христіанами утѣсненными, которыхъ вскорѣ желаю видѣть“ ²⁾.

Узнавъ же о медленности движенія Шереметева, Петръ сдѣлалъ выговоръ ему, упрекалъ въ потерѣ 10—13 дней и высказывалъ мнѣніе, что если бы Шереметевъ дѣйствовалъ по указу, то упредилъ бы турокъ на Дунаѣ.

Иностранцы офицеры отсовѣтовали Петру посылку коннаго отряда такъ далеко впередъ и совѣтовали остановиться съ пѣхотою на р. Днѣстръ. Но Петръ признавалъ движеніе впередъ необходимымъ, все надѣясь подвинуть христіанское населеніе къ возстанію. Относительно Валахіи имъ тоже принимались мѣры. Послѣ полученія заявленія Кантемира о признаніи имъ подданства Петру I, былъ посланъ отрядъ въ 3,000 чел. въ Валахію, съ цѣлью понудить и валаховъ къ присоединенію къ Россіи. Въ случаѣ отказа съ ихъ стороны, Петръ I приказалъ забирать у валаховъ даромъ хлѣбъ и скотъ, но и на этотъ разъ предупреждая войска, чтобы не грабили.

Главные силы арміи, по сосредоточеніи 18 іюня на Днѣстръ у м. Сороки, двинулись на Яссы и 25 іюня главными частями достигли р. Прутъ. Переходъ былъ тяжелый отъ жары и безводія. Въ Яссахъ армія не нашла обѣщанныхъ къ заготовкѣ запасовъ. Въ особенности чувствовался недостатокъ фуража; конницу пришлось въ продовольственныхъ видахъ отдѣлнить отъ пѣхоты и направить на западъ въ долину р. Сереть.

Тѣмъ временемъ пришло извѣстіе, что Валахія отказалась присоединиться къ движенію противъ турокъ. На собранномъ въ Яссахъ военномъ совѣтѣ нѣкоторые изъ начальствовавшихъ лицъ, принимая также въ расчетъ необезпеченность продовольствія арміи, высказались за обратное движеніе къ Днѣстру. Но Петръ, прибывшій къ арміи въ Яссы 23 іюня, опасаясь, что съ оставленіемъ нашими войсками Молдавіи турки жестоко расплатятся съ населе-

¹⁾ За выдѣленіемъ войскъ къ Яссамъ.

²⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 65.

ніемъ за выказанное имъ сочувствіе русскимъ,—рѣшилъ остаться съ арміею въ Молдавіи.

Въ сборникъ матеріаловъ по Прутскому походу, изданномъ А. Мышлаевскимъ, находится весьма важное письмо отъ 30 іюня Шафирова къ адм. Апраксину. Изъ этого письма видно, что по отношенію молдавскаго населенія Петръ I былъ введенъ въ заблужденіе прибывшимъ въ Яссы Ѳомою Кантакузинымъ „со объявленіемъ всего мултянскаго народу къ Его Царскому Величеству вѣрности“; онъ же увѣрялъ, что съ приближеніемъ къ Молдавіи царскихъ войскъ все молдаване примкнутъ къ русскому войску ¹⁾.

¹⁾ А. Мышлаевскій. „Война съ Турціею 1711 года. Матеріалы“, стр. 140—141.

Въ виду особой важности письма Шафирова оно приводится ниже полностью:

„Государь мой Ѳеодоръ Матвѣевичъ. Вашего высокографскаго превосходительства почтенѣйшее писаніе съ Середы отъ 8-го іюня я исправно получилъ и о всемъ изъ онаго, по разобраніи цифръ, выразумѣлъ, за которое по премногу вашему превосходительству благодарствую. И симъ во извѣстіе доношу, что Его Царское Величество прибылъ съ арміею къ р. Пруту сего іюня 23 дня и на другой день изволилъ Его Величество идти въ Яссы (до котораго отъ Прута съ двѣ мили) и былъ тамо два дни, куда пріѣхалъ отъ войска и господарь волошскій г-нъ Кантемиръ, который человекъ зѣло разумный и въ совѣтахъ способной и тамо Его Величество оный съ своею женою и съ домою трактовалъ изрядно, и встрѣчала жена господарская Государыню Царицу со всеми дѣтьми за городомъ.

„Туда же въ Яссы пріѣхалъ и мултянской земли великій спатарій Ѳома Кантакузинъ и со объявленіемъ всего мултянскаго народу къ Его Царскому Величеству вѣрности, что, сколь скоро войска Царскаго Величества къ нимъ приблизятся, то они тотчасъ все ко опому пристануть. А о господарѣ мултянскомъ сказывается, что оный, паче чаянія, въ подданствѣ Его Царскаго Величества весьма медлитъ и нѣкоторыя отговорки оттого и несклонность являетъ, понеже зѣло богатъ и не хочетъ себя въ трудности и опасности вдавать, хотя и отъ него присланъ съ нѣкоторыми предложеніями прежде-бывшій на Москвѣ Георгій Кастріотъ. Чего ради помянутый Ѳома Кантакузинъ, съ согласія тамошняго народа, безъ вѣдома его господарскаго, оттуда тайно отлучась, сюда прибылъ. И того ради Его Царское Величество по совѣту господаря волошкаго и его Кантакузина, и по своему высокому разсужденію изволятъ къ мултянской землѣ партію въ нѣсколькихъ драгунскихъ полкахъ, подъ командою г-на ген. Рена и бриг. Луки Чирикова, дабы тѣмъ народъ мултянскій скорѣе къ сторонѣ нашей привлечь, а ежели господарь тамошній, какъ выше означено, противенъ тому явится, то вѣлно ему позволеніе дать народу обратъ вмѣсто него шого господаря. И та наша партія пойдетъ къ Брагиллову турецкому, гдѣ рѣка Сереть впадаетъ въ Дунай, и, какъ сказываютъ, и провіанту тамо гораздо довольно, ибо магазейнъ турки имѣютъ, и чтобъ того туда посылкою, какъ мултянъ привлечь, такъ и провіанту на армію получить возмощи.

„А Его Царское Величество съ главною арміею изволятъ переправиться рѣку Прутъ для прикрытія помянутой отправленной къ Брагиллову партіи и идти подлѣ Прута по той сторонѣ прямо къ городу турецкому Галаціи (когда провіанту довольно получать), такожъ, буде сверхъ того и мултяне къ Его Царскому Величеству пристануть и съ помянутою посланною партіею совоюются, то намѣренъ Его Царское Величество идти съ Галаты прямо къ турецкому подлѣ Облучицами на Дунайъ учиненному мосту. И получена нынѣ вѣдомость: възпръ сего мѣсяца 18 дня перешелъ чрезъ мостъ на сю сторону Дуная, а войска при немъ, какъ выходцы и шпегл

По полученіи извѣстія отъ Кантемира, что турки въ послѣднихъ числахъ іюня еще не переходили Дуная, Петръ рѣшилъ двинуть армію по правому берегу р. Прутъ къ Фальчи и далѣе къ Галацу. Полагалось, что этимъ движеніемъ мы будемъ угрожать сообщеніямъ визиря и лучше обезпечимъ довольствіе арміи.

Особый конный отрядъ въ 5,000 коней ¹⁾ былъ выдѣленъ, подъ начальствомъ Ренне, въ долину р. Сереть на Фокшаны и далѣе къ Браилову.

На отрядъ Ренне было возложено захватывать приготовляемые для турокъ запасы и направлять ихъ къ Галацу на встрѣчу арміи. Выдвиженіе этого отряда признавалось необходимымъ и для ободренія христіанскаго населенія ²⁾. Такимъ образомъ, вмѣсто вооруженнаго содѣйствія нашей арміи отъ населенія, потребовалось уже вторично расходование ея силъ къ охранѣ его.

Весь этотъ планъ, особенно въ той части, которая касалась захвата и высылки на встрѣчу арміи непріятельскихъ запасовъ, составлялся, повидимому, въ предположеніи, что турокъ на лѣвомъ берегу р. Дуная не болѣе 50,000 чел. и тѣ испуганы движеніемъ русскихъ.

Между тѣмъ, еще 18 іюня, т. е. когда наши главныя силы находились только на Днѣстрѣ въ Сорокахъ, визирь уже переправился черезъ Дунай съ арміею въ 120,000 регулярныхъ и 130,000 нерегулярныхъ войскъ. Послѣ переправы турецкая армія двинулась небольшими переходами по лѣвому берегу р. Прута къ м. Фальчи. На этомъ маршѣ, недалеко отъ Фальчи, къ визирю присоединилось 70,000 татаръ.

Слѣдовательно, наши свѣдѣнія о противникѣ, несмотря на принятые мѣры, были вполнѣ недостаточныя и невѣрныя. Изъ приведеннаго въ примѣчаніи письма Шафирова видно, что даже 30 іюня, когда наша армія находилась уже вблизи всѣхъ турецкихъ силъ, продолжали основываться на донесеніи, что 18 іюня, т. е. 12 дней тому назадъ, перешло черезъ Дунай 50,000 человекъ и „въ великомъ страхѣ оныя отъ нашихъ обрѣтаются“.

Интересно также донесеніе Головкина адм. Апраксину отъ 30 іюня изъ лагеря на р. Прутѣ: „А о туркахъ имѣемъ вѣдомость, что визирь съ войсками чрезъ Дунай на сю сторону перешли 18-го сего мѣсяца, которыхъ войскъ число 50,700, кромѣ татаръ“. Тутъ сосчитаны даже

заподлинно сказываютъ, всего пятьдесятъ тысячъ и въ великомъ страхѣ оныя отъ нашихъ обрѣтаются. При семъ пребываю вашего превосходительства покорнѣйшій рабъ“.

Б. П. Шафировъ.

„Изъ обозу отъ Прута, при переходѣ онаго въ двухъ мѣсяцъ отошедъ. Іюня 30 д. 1711 г.“

¹⁾ А. Мышлаевскій, стр. 147. Въ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, численность отряда Ренне показана въ 7,000 чел.

²⁾ „Дабы христіанъ, желающихъ помощи, въ отчаяніе не привесть“. — Соловьевъ, т. XVI, стр. 69.

700 человекъ, но пропущены 200,000 чел., которые стали фигурировать въ позднѣйшихъ донесеніяхъ.

Невольно является сомнѣніе: дѣйствительно ли у турокъ было 250,000 регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, или эта цифра явилась съ цѣлью смягчить нашу неудачу, и въ дѣйствительности турецкія силы немногимъ лишь превосходили 50,000 человекъ? Это предположеніе получаетъ особую вѣроятность въ виду опредѣленныхъ данныхъ о крайнемъ недостаткѣ фуража даже для относительно незначительнаго количества лошадей въ русской арміи. Какимъ образомъ при отсутствіи фуража для нашихъ лошадей турки могли находить фуражъ для 200,000 татарско-турецкой конницы?

Въ первыхъ числахъ іюля наша армія двинулась правымъ берегомъ р. Прутъ, не имѣя свѣдѣній о томъ, что въ разстояніи нѣсколькихъ переходовъ отъ нея движется непріятель силою чуть не до 300,000 человекъ.

7 іюля русскія войска заняли м. Станелище, а турки въ тотъ же день заняли Фальчи и стали переправлять янычаръ на правый берегъ. Двѣ арміи раздѣляло пространство только въ 35 верстъ.

Петръ I, повидимому, еще не признавалъ грозившей нашей арміи опасности, ибо не зналъ, что 70,000 татаръ, продвигнувшись лѣвымъ берегомъ Прута и затѣмъ переправившись на правый берегъ, вышли въ тылъ нашей арміи.

Впереди арміи въ разстояніи одного перехода шель авангардъ изъ семи драгунскихъ полковъ съ конною артиллеріею.

8 іюля авангардъ этотъ уже былъ атакованъ огромною турецкою конницею. Окруженные со всѣхъ сторонъ, драгунскіе полки отходили медленно и въ порядкѣ, отбивая пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ многочисленныя атаки турокъ. Петръ I лично повелъ на выручку авангарда четыре полка пѣхоты съ артиллеріею, къ вечеру 8 іюля соединился съ драгунскими полками, отбилъ атаку турокъ и къ ночи присоединился къ главнымъ силамъ. Петръ собралъ военный совѣтъ и принялъ его рѣшеніе—отходить назадъ съ цѣлью отыскать выгодную позицію для боя. „Чтобы облегчить маршъ, большая часть повозокъ была уничтожена, палатки сожжены, а бомбы зарыты въ землю“¹⁾.

9 іюля на разсвѣтъ началось отступление. Обозъ выступилъ ночью. Преображенскій полкъ шель въ аррьергардъ. Съ началомъ движенія уже начались атаки турецкой конницы. Жара стояла невыносимая. Движеніе происходило настолько медленно, что въ часъ дѣлали около версты. Утомленная армія около полудня была остановлена на ночлегъ около урочища Нов. Станелище²⁾. Но отдыха

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 131.

²⁾ Схема № 12.

люди не получили, ибо немедленно приступили къ укрѣпленію своего бивачнаго расположенія.

„Полки расположились въ одну линію развернутыхъ баталіоновъ, образовавъ фронтъ въ видѣ исходящаго угла, основаніемъ которому служила рѣка. Во второй линіи, у вершины угла, было только 4 баталіона. Южный фасъ лагеря тотчасъ же по приходѣ на мѣсто прикрыли сплошнымъ окопомъ около 750 саж. длиною, а сѣверный— длиною въ 700 саж., отчасти прикрытый болотомъ, заставили рогатками. Вагенбургъ расположился у рѣки и внутри его помѣстилась главная квартира; тутъ же, въ качествѣ прикрытія, стали драгунскій полкъ, сводный пѣхотный полкъ, лейбъ-эскадронъ (конвой государя), молдаване и малороссійскіе казаки; 6 драгунскихъ полковъ и артиллерійскій паркъ находились внѣ вагенбурга. Большая часть полковой артиллеріи была расположена въ исходящемъ углу и вдоль южнаго фаса. Всего было: пѣхоты—31,554 чел., конницы—6,692 чел., при 122 орудіяхъ, преимущественно 3-хъ фунт. калибра“¹⁾.

Въ то время, какъ русскія войска такъ медленно отходили назадъ, огромныя турецкія силы сдѣлали усиленный переходъ, догнали русскую армію и того же 9 іюля атаковали ее.

По исчисленію нашихъ историковъ, турки имѣли 100,000 пѣхоты, около 120,000 конницы, 50,000 татаръ, 444 ор. и 25 мортиръ.

Атака была направлена на южный фасъ нашего расположенія. Трудно себѣ представить что либо несообразнѣе принятаго турками боевого порядка. Историкъ пишетъ: „противъ середины южнаго фаса нашего лагеря построилась вся пѣхота въ видѣ клина, въ головѣ 3 чел. и до 400 шеренгъ въ глубину; по сторонамъ этой массы стала артиллерія, а еще далѣе огромныя массы конницы охватили весь лагерь на правомъ берегу“.

„Окончивъ построеніе, янычары за 3 часа до захода солнца двинулись противъ дивизіи Алларта. Бросивъ лопаты, русскіе взялись за оружіе. Сильный пушечный и ружейный огонь въ густую толпу удержалъ первый натискъ: въ 30 шаг. отъ нашихъ окоповъ клинъ остановился, янычары смутились и, вмѣсто быстрого движенія впередъ, открыли беспорядочный огонь. Началось обоюдное разстрѣливаніе. Государь, увидя, что турки направили всю массу пѣхоты только на одинъ пунктъ, что ихъ конница, продвинувшись нѣсколько впередъ и остановившись въ почтительномъ отдаленіи отъ окоповъ и рогатокъ, ограничивается лишь однимъ крикомъ „алла“, рѣшился подкрѣпить Алларта полками съ другого фаса и приказалъ подвезти восемь 8-ми фунт. и нѣсколько полковыхъ орудій.

„Непрерывный огонь нашей пѣхоты, огонь орудій, заряжаемыхъ двойными зарядами—ядромъ и картечью, поражали въ упоръ густую массу столпившихся янычаръ, и ни одинъ зарядъ не пропадалъ да-

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 132.

ромъ; передніе янычары стрѣляли, падали, задніе смѣняли ихъ и подвергались той же участи. Такъ бой продолжался около 3 часовъ; наконецъ, янычары не выдержали и въ страшномъ безпорядкѣ, давя другъ друга, бросились назадъ. Наступила удобная минута для преслѣдованія, которое легко могло бы доставить побѣду; но нашей конницы было слишкомъ мало сравнительно съ непріятельской, а двинуть пѣхоту изъ лагеря государь не рѣшался, опасаясь, что турецкая конница этимъ воспользуется, ворвется черезъ неоконченные окопы въ лагерь и уничтожитъ послѣдніе остатки нашихъ запасовъ.

„Турки, видя, что ихъ не преслѣдуютъ, остановились въ верстѣ отъ нашего лагеря. Потери ихъ простирались свыше 7,000 чел. убитыми; съ нашей стороны убито: 1 генераль, 44 офиц. и 1,439 нижн. чин.; ранено: 2 генерала, 93 офиц. и 1,293 ниж. чиновъ.

Въ ночь на 10-е іюля, подъ прикрытіемъ огня своей пѣхоты, турки приступили къ возведенію окоповъ: вывели нѣсколько подступовъ, двѣ длинныя траншеи, оставили батареи и утромъ открыли по лагерю огонь изъ 300 орудій. Въ то же время визирь приказалъ татарамъ занять лѣвый берегъ и пушечнымъ огнемъ не позволять русскимъ брать воду. Наши, съ своей стороны, на берегу рѣки насыпали редюптъ въ видѣ сомкнутаго укрѣпленія“¹⁾.

Несомнѣнно, что бѣгство янычаръ представляло очень выгодный моментъ для перехода въ наступленіе. Большая часть нашихъ войскъ еще въ сраженіи не участвовала. Конечно, отсутствіе конницы Ренне имѣло значеніе, но требовалось не преслѣдованіе конницею, а переходъ въ наступленіе пѣхотою и конницею.

Въ войну 1769 года Румянцевъ съ 17,000 чел. разбилъ 150,000 турокъ подъ Кагуломъ съ потерей всего 900 чел. убитыми и ранеными. Уже тотъ фактъ, что стотысячная конница турокъ не могла за цѣлый день боя уничтожить семь русскихъ драгунскихъ полковъ, указываетъ какъ на доблесть нашихъ драгунскихъ полковъ, такъ и на слабость турецкой конницы. Несуразный строй, принятый янычарами для атаки, ихъ малая стойкость и безпорядочное отступление также давали основаніе надѣяться на полный разгромъ ихъ при переходѣ въ наступленіе. На сколько вообще армія турокъ была не дисциплинирована, видно изъ слѣдующихъ строкъ историка: на слѣдующій день (10 іюля) визирь снова приказалъ атаковать; но янычары, встрѣтивъ наканунѣ сильный отпоръ, бесполезно потерявъ 7,000 чел. и узнавъ, что Ренне у нихъ въ тылу, отказались повиноваться и *требовали* мира. Такимъ образомъ, атака не состоялась, и все дѣло ограничилось обстрѣливаніемъ русскаго лагеря сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ“²⁾.

1) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 133—134.

2) Тамъ же, стр. 134.

Армія до 300,000 чел., потерявъ всего 7,000 чел., уже требуетъ мира. Послѣдующія дѣйствія нашихъ войскъ противъ турокъ, когда малочисленныя русскія войска разбивали во много разъ превосходнаго въ силахъ непріятели съ ничтожными потерями, даютъ основанія предположить, что если бы Петръ I рѣшился ударить на турокъ, онъ одержалъ бы побѣду.

Къ какимъ подвигамъ была способна русская армія Петра I на Прутѣ,—видно изъ дѣйствій 7 драгунскихъ полковъ подъ начальствомъ Ренне, посланныхъ къ Браилову.

Получивъ свѣдѣніе, что Браиловскій гарнизонъ, занимавшій Браиловскій замокъ, возводитъ земляныя укрѣпленія, Ренне рѣшается немедленно атаковать турокъ. Днемъ 12 іюля производится тщательная рекогносцировка. Въ 10 часовъ вечера пять спѣшенныхъ драгунскихъ полковъ штурмуютъ турецкія укрѣпленія. Въ то же время два полка занимаютъ пространство между замкомъ и р. Дунаемъ, чтобы отрѣзать путь отступленія. Послѣ горячаго боя турки выбиты изъ окоповъ и вынуждены укрыться въ цитадели-замкѣ. 14 іюля гарнизонъ сдался на условіи выхода съ оружіемъ и имуществомъ. Драгуны потеряли до 100 чел. убитыми и до 300 чел. ранеными.

Несомнѣнно, что и пѣхота Петра I, еще подъ свѣжимъ воспоминаніемъ побѣды подъ Полтавою, особенно на глазахъ царя, могла свершить великіе подвиги. Петръ I—главнокомандующій вѣроятно и сдѣлалъ бы попытку разбить турокъ или непосредственнымъ наступленіемъ на нихъ, подобно Румянцеву при Кагулѣ, или переходомъ въ наступленіе послѣ отбитой атаки на лагерь. Но Петръ—императоръ не рѣшился на это. Можно думать, что присутствіе при арміи императрицы Екатерины I не способствовало принятію энергичныхъ рѣшеній.

Положеніе 10 іюля нашей арміи и принятое рѣшеніе вступить въ переговоры съ турками изложены у историка въ слѣдующихъ строкахъ:

„Если положеніе визиря съ его недисциплинированными толпами было незавидно, то не въ лучшемъ положеніи была и наша армія: войска уже терпѣли недостатокъ въ продовольствіи, а ожидать подвоза было не откуда; драгунскія лошади, большею частью, пали отъ голода, такъ какъ пасты ихъ было негдѣ, а зерновой фуражъ уже весь вышелъ; изнуренные солдаты едва могли владѣть оружіемъ.

„10 іюля государь собралъ военный совѣтъ, который, основываясь на показаніяхъ взятыхъ утромъ плѣнныхъ, что визирь, въ виду неповиновенія янычаръ, самъ подумываетъ о мирѣ, рѣшилъ вступить въ переговоры, но только на условіи не сдавать оружія; если же турки будутъ настаивать, то пробиваться силою. Шереметевъ немедленно отправилъ отъ себя письмо визирю, а между тѣмъ, въ ожиданіи отвѣта, приказано было, на случай новой атаки, возвести внутри

лагеря ретраншаментъ. Визирь не отвѣчалъ. Шереметевъ послалъ второе письмо, въ которомъ уже указывалъ, что нуженъ скорый отвѣтъ, въ противномъ случаѣ русскіе сами начнутъ бой. Визирь все еще медлилъ. Тогда армія стала въ ружье, отданы были всѣ приказанія для наступленія съ цѣлью пробиться, и нѣкоторыя полки уже двинулись, когда, наконецъ, получился отвѣтъ о согласіи на переговоры¹⁾.

Для веденія переговоровъ былъ назначенъ Шафировъ съ широкими полномочіями. Онъ имѣлъ право отдать туркамъ всѣ завоеванные у нихъ города и вновь построенные на ихъ земляхъ разорить и тоже отдать обратно; къ послѣднимъ относились Азовъ, Таганрогъ и Каменный затонъ.

Если турки будутъ отстаивать интересы своихъ союзниковъ шведовъ, то Петръ разрѣшалъ согласиться на возвращеніе шведамъ Лифляндіи. Петръ I соглашался на уступки и другихъ мѣстностей, кромѣ Ингрій (Ингерманландіи съ Петербургомъ). Онъ шелъ такъ далеко въ уступкахъ и при этомъ такое придавалъ значеніе сохраненію за Россією Ингрій, что соглашался, если турки будутъ настаивать на уступкѣ Ингрій, предложить имъ въ замѣнъ „*Псковъ и другія провинціи, но не Ингрію*“²⁾.

Шафировъ имѣлъ также разрѣшеніе выразить согласіе Петра I на замѣну короля польскаго Станиславомъ Лещинскимъ.

Для ускоренія мирныхъ переговоровъ Шафирову поручалось раздать туркамъ взятокъ на 200,000 рублей и въ томъ числѣ визирю 150,000 рублей.

12 іюля мирный договоръ былъ подписанъ на тяжелыхъ для Россіи условіяхъ. Петръ I обязывался:

1) Возвратить туркамъ Азовъ, вновь устроенныя крѣпости Таганрогъ, Самару и Каменный затонъ срыть, а орудія изъ Каменнаго затона отдать туркамъ.

2) Въ польскія дѣла не мѣшаться; казаковъ не обезпокоивать и за нихъ не вступаться.

3) Допустить свободный проѣздъ Карла XII въ Швецію.

Послѣ подписанія 12 іюля Шафировымъ мирнаго договора армія наша того же числа двинулась вверхъ по р. Пруту и далѣе къ Днѣстру, гдѣ у Могилева, переправившись на лѣвый берегъ р. Днѣстра, вышла изъ предѣловъ Молдавіи.

Дальнѣйшее движеніе арміи шло черезъ Польшу, противно договору съ турками. Петръ I не спѣшилъ также передачею туркамъ Азова.

Несоблюденіе нами заключеннаго договора повело къ тому, что въ послѣднихъ числахъ декабря 1711 года турки снова объявили войну Россіи.

1) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 134—135.

2) Соловьевъ, т. XVI, стр. 71.

1 января 1712 года Шафировъ писалъ Петру I, что объявленіе со стороны турокъ войны послѣдовало потому, что „прежній миръ нарушенъ съ русской стороны неотдачею Азова, вступленіемъ въ Польшу и неуступкою Турціи всѣхъ малороссійскихъ казаковъ, по договору обѣщанныхъ“ ¹⁾.

При содѣйствіи пословъ англійскаго и голландскаго, послѣ передачи нами Азова и приступа къ срытію Таганрога, миръ былъ снова заключенъ. По новому договору мы обязывались: 1) вывести войска изъ Польши; 2) „на западной сторонѣ Днѣпра за Россією остается только Кіевъ съ принадлежащими къ нему землями и мѣстами; отъ казаковъ же, живущихъ на западной сторонѣ, царское величество отнимаетъ свою руку и отъ полуострова Сѣчи“; 3) между Азовомъ и Черкасскомъ новыхъ крѣпостей не строить.

Миръ былъ заключенъ на 25 лѣтъ. Взятки, выданныя турецкимъ начальствовавшимъ лицамъ, составили на этотъ разъ 84,900 червонцевъ и 22,000 рублей ²⁾.

Неудача Прутскаго похода имѣла тяжелыя для Россіи послѣдствія: *мы снова были отодвинуты отъ Чернаго моря.*

Совершенные въ относительно короткое время четыре похода по направленію къ Черному морю—два крымскихъ кн. Голицына и два азовскихъ Петра I—въ которыхъ участвовало въ общемъ свыше полумилліона войскъ, оказались безрезультатными и только ослабили Россію.

Эти неудачи отразились вредно и на задачѣ русской арміи по собиранію русскаго племени: украинскіе казаки лѣваго берега Днѣпра и запорожцы, отложившіеся отъ Россіи, попали подъ покровительство Турціи.

Главною причиною неудачи собственно Прутскаго похода слѣдуетъ признать недостаточность силъ, назначенныхъ для борьбы съ Турцією (50,000 чел.), незначеніе силъ и расположенія противника и мало энергичныя противъ него дѣйствія. Основная ошибка Петра заключалась въ излишнемъ довѣрїи къ готовности христіанъ Балканскаго полуострова возстать противъ турокъ. Какъ указано выше, Петръ надѣялся, что визирь настолько будетъ обезпкоенъ этимъ возстаніемъ, что не осмѣлится перейти Дунай и большая часть его войска разбѣжится. Въ дѣйствительности Петръ I не только не получилъ вооруженной помощи отъ христіанскаго населенія, но даже собранныя, по уговору съ господаремъ, мѣстныя средства оказались недостаточными для обезпеченія продовольствія русской арміи. Армія наша терпѣла во всемъ недостатокъ. Историки ссылаются на саранчу, уничтожившую въ Молдавіи жатву и фуражъ. Но представляется непонятнымъ: какимъ образомъ саранча помѣшала довольствію нашей

¹⁾ Сольсвельвъ, т. XVI, стр. 82.

²⁾ Тамъ же, стр. 85—86

арміи въ 50,000 человекъ и въ то же время турецкая армія въ 300,000 человекъ находила для себя продовольственныя средства въ томъ же районѣ, гдѣ дѣйствовала и наша.

Петръ I, начиная войну съ турками, первый сдѣлалъ попытку провозгласить облегченіе участи христіанскаго населенія Турціи главною цѣлью этой войны. Попытка эта не имѣла успѣха. Христіанское населеніе Турціи не прельстилось предлагаемою ему помощію и, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, осталось въ выжидательномъ по отношенію къ русскимъ положеніи. Молдавскіе бояре яенѣ другихъ выразили свое отношеніе къ предложенной имъ помощи царя: станемъ въ сторонку, посмотримъ, кто побѣдитъ, и присоединимся къ побѣдителю.

Попытка ообщить войнѣ религіозный характеръ уже и потому не могла имѣть успѣха, что на сторонѣ турокъ дрались противъ Петра христіане—шведы, поляки и даже православные казаки.

Дѣятельность Петра по возбужденію къ возстанію христіанскаго населенія Балканскаго полуострова имѣла и въ политическомъ отношеніи весьма невыгодные для Россіи результаты. Возбужденіе къ возстанію, черезъ серба Милорадовича, сербскаго, подвластнаго туркамъ, населенія затрагивало интересы Австріи и Венеціи. Милорадовичъ доносилъ, что успѣху его миссии препятствуютъ венеціанцы и особенно австрійцы. Важно слѣдующее выраженіе его донесенія: „латины гораздо враждебнѣе дѣлу (его), чѣмъ турки, ибо латины надѣялись, что земля будетъ вся ихъ“ ¹⁾. Дѣло шло о земляхъ, нынѣ именуемыхъ Босніею, Герцеговиною, Македоніею. Отсюда видно, что и 200 лѣтъ тому назадъ Австрія глядѣла на эти земли, какъ на свое будущее наслѣдіе, подобно тому, какъ, не смотря на неудачи, мы считали необходимымъ земли, прилегающія къ Черному морю, присоединить къ Россіи. Мы и добились этого присоединенія побѣдами надъ турками въ концѣ XVIII столѣтія.

Заручившись нашимъ согласіемъ 30 лѣтъ тому назадъ, австрійцы нынѣ тоже добились присоединенія къ австрійской имперіи Боснии и Герцеговины.

¹⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 63.

ГЛАВА XIII.

Задача русской армии по выходу къ Черному морю (продолженіе).

I. Характеристика общаго состоянія Россіи и русской арміи въ царствованія Екатерины I, Петра II и Анны Іоанновны. — II. Война съ турками и татарами въ 1735—39 годахъ. 1) Кампанія 1735—36 г.г. Взятіе Азова. Неудачный походъ въ Крымъ. 2) Кампанія 1737 года. Взятіе Очакова. Неудачный походъ въ Крымъ. 3) Походъ въ Крымъ въ 1738 г. 4) Кампанія 1739 г. Побѣда при Ставучанахъ. 5) Заключеніе Бѣлградскаго мира.—Общее заключеніе.

I. Характеристика общаго состоянія Россіи и русской арміи въ царствованія Екатерины I, Петра II и Анны Іоанновны.

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины I продолжалось во всемъ выполненіе программы Петра I, но желѣзная рука Петра отсутствовала; сборъ средствъ на содержаніе арміи былъ недостаточенъ, и многія нужды арміи остались неудовлетворенными.

Изъ внѣшнихъ событій въ двухлѣтнее царствованіе Екатерины I заслуживаютъ вниманія одновременныя дѣйствія Россіи и Турціи противъ Персіи. Турки выставили до 150,000 чел. и овладѣли Тавризомъ и Ардебилемъ, но съ 1726 года дѣла турокъ пошли плохо: персидскій военачальникъ Эшрефъ разбилъ турецкія войска. Возставшіе армяне тоже нанесли туркамъ нѣсколько пораженій.

Турки упрекали насъ за медленность движеній и дѣйствій нашихъ войскъ и, въ числѣ другихъ предложеній, дѣлали предложеніе раздѣлить Персію между Россіею и Турціею.

Когда въ Россіи возникли неудовольствія на Данію и стали дѣлаться приготовленія на случай разрыва съ нею, англійская эскадра демонстративно появилась противъ Ревеля.

Такія дѣйствія Англій, объединившей въ то же время силы Швеціи, Даніи и Франціи противъ Австріи, повели къ тому, что Россія вошла въ союзное соглашеніе съ Австріею и обязалась, въ случаѣ нападенія на послѣднюю Франціи, прислать вспомогательный корпусъ войскъ. Союзъ съ Австріею былъ необходимъ для насъ и

въ виду сознававшейся въ Россіи неизбежности, послѣ прутской неудачи, новой войны съ Турціею.

Со вступленіемъ въ 1729 году на Россійскій престолъ малолѣтняго Петра II Россіею сталъ править Верховный тайный совѣтъ. Этотъ совѣтъ, болѣе всего озабоченный тяжелымъ экономическимъ положеніемъ Россіи, не проявлялъ заботливости о сформированной Петромъ арміи, и армія эта быстро пришла въ упадокъ. Отпуски денегъ производились неисправно и въ количествѣ недостаточномъ. Значительное число офицеровъ, въ видахъ экономіи, было распушено по домамъ. Строеніе кораблей прекратилось; строили только галеры ¹⁾.

Въ самой арміи наблюдалась распушенность какъ младшихъ, такъ и старшихъ чиновъ. Часть арміи, расположенная въ Малороссіи, вызывала жалобы на поборы со стороны войскъ. Особенно эти жалобы были сильны на начальниковъ войскъ нѣмецкаго происхожденія, начиная со старшаго изъ нихъ ген. Вейсбаха; жаловались также на Роппа, Виттина, Дукласа и др. ²⁾.

Неутѣшительныя вѣсти шли и изъ западныхъ русскихъ мѣстностей. Потемкинъ доносилъ изъ Смоленска, что между мѣстными православными дворянами распространяется католическая вѣра.

Полезнымъ для Россіи событіемъ въ царствованія Екатерины I и Петра II былъ переѣздъ двора въ Москву. Въ 1730 году Петръ II скончался отъ оспы, имѣя всего 14 лѣтъ.

Мужская линія Петра Великаго прекратилась. Члены тайнаго совѣта взяли въ свои руки выборъ преемника Петру II и, послѣ незначительныхъ преній, остановили выборъ на второй дочери Іоанна Аннѣ, герцогинѣ курляндской. Желая не только удержать, но въ возможной степени расширить свои права, члены тайнаго совѣта, по предложенію кн. Голицына, выработали такъ называемые „пункты“, которые надлежало представить Аннѣ, какъ обязательные, въ случаѣ возведенія ея на всероссійскій престолъ. Голицынъ не скрывалъ, что цѣль этихъ пунктовъ состояла въ томъ, „чтобъ не быть самодержавствію“.

Требуемая подписка отъ герцогини Анны заключала въ себѣ слѣдующія ограниченія императорской власти: „Черезъ сіе наискрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и крайнемъ и всевозможномъ распространеніи Православныя нашей вѣры греческаго исповѣданія; также по принятіи короны Россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ ввосми perso-

¹⁾ Соловьевъ, т. XIX, стр. 1095.

²⁾ Тамъ же, стр. 1106—1107.

нахъ всегда содержать и безъ онаго согласія 1) ни съ кѣмъ войны не вчинать, 2) миру не заключать, 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податями не отягощать, 4) въ знатные чины, какъ въ статскіе, такъ и въ военные сухопутные и морскіе выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатымъ дѣламъ никого не опредѣлять, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подѣвѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, 5) у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать, 6) вотчины и деревни не жаловать, 7) въ придворные чины какъ русскихъ, такъ иноземцевъ не производить, 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать; а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны Россійской“. Подѣ письмомъ подписались: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Михайла Голицынъ, князь В. Долгорукій, князь Димитрій Голицынъ, князь Алексѣй Долгорукій, Андрей Остерманъ“¹⁾.

Анна приняла эти условія, подписавъ на нихъ 28 января 1730 года: „По сему обѣщаю вся безъ всякаго изъятія содержать“, и была объявлена императрицею. Но представители русскаго высшаго общества и военные чины не одобрили дѣйствию Верховнаго Совѣта и въ предположенной имъ формѣ правленія увидѣли опасность для Россіи: „вмѣсто одного государя Россіею будутъ управлять восемь“.

При содѣйствіи гвардейскихъ офицеровъ, вскорѣ послѣ прибытія императрицы въ столицу, Анна отказалась отъ исполненія „пунктовъ“ и стала управлять государствомъ самодержавно. Къ несчастію для Россіи, на этотъ разъ самодержавіе прежде всего выразилось передачею управленія Россіею иноземцамъ: Бирону, Левенгальту, Остерману и Миниху. Каждый изъ нихъ тащилъ къ власти своихъ клеветовъ, и бѣдная Россія десять лѣтъ переживала грубое насиліе надъ всѣмъ русскимъ кучки авантюристовъ съ временщикомъ Бирономъ во главѣ.

Передача главнѣйшихъ дѣлъ въ руки иноземцевъ глубоко оскорбляла національное чувство русскаго общества и вызывала недовольство. Но эти недовольства еще увеличались, когда роскошь при дворѣ стала обязательной.

Императрица сама дала примѣръ роскоши, прежде не бывалой, и болѣе занималась непрерывною смѣною своихъ костюмовъ, чѣмъ государственными дѣлами. Знать подражала государынѣ въ костюмахъ и роскоши пріемовъ и выѣздовъ, а чтобы пайти деньги на эти расходы—продавались деревни съ людьми.

С. Соловьевъ въ слѣдующихъ строкахъ ярко очерчиваетъ внутреннюю жизнь русскаго высшаго общества при императрицѣ Аннѣ и выясняетъ причины недовольства²⁾: „Одинъ за другимъ слѣдовав-

¹⁾ Соловьевъ, т. XIX, стр. 1150.

²⁾ Тамъ-же, стр. 1214—1215.

шіе „великолѣпные праздники“, „при чемъ машкарадное платье всегда перемѣнялось“, происходили въ государствѣ чрезвычайно бѣдномъ. Знатъ была очень небогата; обязанная службою, она, если-бъ даже хотѣла и умѣла, не могла успѣшно заниматься хозяйственною дѣятельностью, откуда и неодолимое у многихъ стремленіе увеличивать свои скудные доходы служебными же средствами, насчетъ казны, насчетъ управляемыхъ и подсудимыхъ. При Петрѣ Великомъ было тяжело, принуждены были для нуждъ военныхъ и преобразовательныхъ платить много; разорилъ Петербургъ, гдѣ нужно было строить дома, гдѣ жизнь была дорога вдали отъ деревень, доставлявшихъ продовольствіе; но за то не было никакой роскоши: самъ царь подавалъ примѣръ сокращенія расходовъ вслѣдствіе умѣренности и простоты жизни. При Екатеринѣ I-й и Петрѣ II-мъ отдохнули отъ войны и сильнаго преобразовательнаго движенія, успѣли перебраться и въ Москву; удобства жизни увеличивались, но роскоши замѣтно не было. Теперь, со вступленіемъ на престолъ Анны, начинается сильная роскошь: къ каждому празднику новое платье! До сихъ поръ богатый человѣкъ, т. е. имѣвшій много деревень, доставлявшихъ ему много съѣстныхъ припасовъ, показывалъ свою роскошь тѣмъ, что давалъ сытные пиры, кормилъ много приживальцевъ и приживалокъ, содержалъ большую дворню, множество лошадей; но денегъ было мало, и потому не щеголяли перемѣннымъ платьемъ, не стыдились по старинѣ носить платье отцовское и материнское; а теперь требуется къ каждому празднику новое платье; гдѣ же взять денегъ на покупку дорогихъ заморскихъ матерій? Приходится продавать деревни! Ропотъ страшный; вздыхаютъ о временахъ Петра Великаго, о знаменитыхъ, теперь уже, не смотря на близость, баснословныхъ временахъ простоты и умѣренности, временахъ гоненія на роскошь. Неудовольствіе не могло ограничиться знатью, людьми, имѣющими пріѣздъ ко двору. Въ мирныя царствованія Екатерины I-й и Петра II-го, при убѣжденіи, что надобно льготить крестьянина, отъ благосостоянія котораго зависитъ благосостояніе другихъ частей народонаселенія, смотрѣли сквозь пальцы на доимки; но зачѣмъ теперь вдругъ приводятся въ исполненіе строгіе указы противъ доимокъ? Развѣ нужно заводить снова войско и флотъ; развѣ снова шведъ вступилъ въ русскіе предѣлы? Въ три мѣсяца помѣщики, архіереи и монастырскія власти должны заплатить доимки; на помѣщикахъ или ихъ приказчикахъ офицеры правятъ доимки. Войны нѣтъ: куда же пойдутъ деньги? — на фаворитовъ-нѣмцевъ, на балы и маскарады!“

При Аннѣ Іоанновнѣ дворъ опять переѣхалъ въ Петербургъ. Чтобы успокоить тревогу въ обществѣ, утверждали, что переѣздъ совершается на время, и для доказательства намѣренія возвратиться въ Москву оставили въ ней часть сенаторовъ. Но скоро ихъ вытребовали въ Петербургъ, и толки о возвращеніи въ Москву замолкли.

Населеніе при Аннѣ Іоанновнѣ, по генеральной переписи 1738 г. въ великорусскихъ губерніяхъ, составило: мужского пола 5.565,000 чел. женскаго—5.327,000 чел. ¹⁾ Площадь, занятая въ это время великорусскими губерніями, простиралась отъ Смоленска на западѣ до Иркутска на востокѣ и отъ Архангельска и Печоры на сѣверѣ до Курска, Брянска, Путивля и Астрахани на югѣ.

Въ царствованіе Анны Іоанновны въ русской арміи, попавшей въ руки иноземцевъ, съ особою силою проявилось стремленіе уклоняться отъ военной службы. Въ 1732 году считалось въ бѣгахъ 20,000 солдатъ ²⁾. Дворяне тоже „продолжали всѣми средствами отбывать отъ военной службы“. Были случаи, что недоросли изъ дворянъ, чтобы избѣжать службы, записывались въ купечество.

Поголовное отбываніе службы дворянами дѣйствительно тяжело отзвывалось на положеніи оставляемыхъ безъ призора помѣщичьихъ имѣній. Манифестомъ 1736 года русскому дворянству было значительно облегчено отбываніе военной службы: при нѣсколькихъ сыновьяхъ одинъ могъ оставаться дома для занятій хозяйствомъ; продолжительность обязательной службы была ограничена для дворянъ 25 годами.

Изъ военныхъ начинаній въ царствованіе Анны Іоанновны надлежитъ также отмѣтить учрежденіе шляхетскаго кадетскаго корпуса (нынѣ 1-го кадетскаго корпуса). Но этому учебному заведенію, которое должно было служить разсадникомъ въ арміи образованныхъ офицеровъ, первоначально придали странный характеръ. Прежде всего это было не русское, а русско-нѣмецкое учебное заведеніе. Дѣйствительно, штатъ шляхетскаго корпуса былъ опредѣленъ въ 200 человѣкъ, въ томъ числѣ 150 русскихъ и 50 *остзейцевъ*. Но еще страннѣе представляется способъ подготовки въ этомъ шляхетскомъ корпусѣ будущихъ офицеровъ русской арміи. Обязательныхъ для изученія всѣми воспитанниками предметовъ было установлено только три: законъ Божій, „военныя экзерциціи“ и арифметика. Остальнымъ предметамъ обучались только желающіе. Русская исторія вовсе не преподавалась; взамѣнъ ея преподавалась исторія нѣмецкаго народа. Оказалось, что изъ 245 русскихъ кадетъ *обучались русскому языку только 18 человѣкъ*; за то нѣмецкому обучались 237 чел., французскому—51, латинскому—15 чел.; верховой ѣздѣ обучалось 20 чел., фехтованію всего 47 чел. Въ 1737 году „военной экзерциціи“ приказано было обучать только одинъ разъ въ недѣлю ³⁾. Такимъ образомъ, будущіе офицеры очень мало обучались: русскому языку, военнымъ упражненіямъ, верховой ѣздѣ и фехтованію.

Но за что потомство должно отнестись съ благодарностью къ па-

¹⁾ Соловьевъ, т. XX, стр. 1445.

²⁾ Тамъ-же, стр. 1414.

³⁾ Тамъ-же, стр. 1456.

мати Анны Иоанновны, — это за важный шагъ по укрѣпленію связи между великороссійскими и малороссійскими гбѣтностями. Гетманство въ Малороссіи было уничтожено, и на Малороссію начали смотрѣть, какъ на нераздѣльную часть Россіи 1).

Въ дѣль устройствъ арміи въ это время особо тяжелаго заслѣя Россіи иноземцами первенствующую роль получили Минихъ, который безъ стѣсненія началъ ломать многое петровское, замѣняя своимъ—миниховскимъ, заимствованнымъ большею частью съ нѣмецкаго. Для такой организаторской дѣятельности Миниху, по мнѣнію нашихъ историковъ, не хватало ни способностей, ни знаній, ни пониманія духа русскаго народа, государства, духа арміи.

„Особенно же погрѣшили Минихъ введеніемъ строевыхъ уставовъ—„прусскихъ экзерцицій“, которые замѣнили собою геніально продуманный и разработанный уставъ воинскій Петра Великаго. Затѣмъ, Миниху же принадлежитъ мысль (отчасти имъ осуществленная) коренной ломки петровскихъ началъ устройства нашей драгунской конницы, обращеніемъ ея въ кирасирскую по типу иноземныхъ конницъ. Съ Миниха начинается, по словамъ нашего военнаго историка Д. Ѳ. Масловскаго, „утрировка подражанія иностранцамъ до мелочей (между прочимъ, вводятся *у солдатъ парики, косы*), вводятся сложная отчетность въ хозяйственную часть и канцеляризмъ въ дѣловыя отношенія. Наконецъ, съ водвореніемъ господства иноземцевъ, виднымъ представителемъ которыхъ былъ Минихъ, въ исторіи нашей связывается расцвѣтъ *системы тѣлесныхъ наказаній и системы обученія, вѣрнѣе, мунштрованія при помощи палки*. Какъ Минихъ предводилъ нашими арміями,—будетъ видно изъ нижеслѣдующаго“ 2).

II) Война съ турками и татарами въ 1735—1739 годахъ.

1) Кампанія 1735—1736 г.г. Взятіе Азова. Неудачный походъ въ Крымъ.

Въ 1735 году создалась благоприятная обстановка для войны Россіи съ Турціею съ цѣлью загладить неудачу Прутскаго похода и продолжить задачу Петра Великаго по выходу къ Черному морю.

По союзному договору съ Австріею, она обязывалась объявить войну Турціи одновременно съ нами за помощь, которая ей была доставлена противъ Франціи посылкою корпуса русскихъ войскъ подъ начальствомъ Лассен на Рейнъ. Цѣною уступки Персіи завоеванной, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ, съ цѣлью обращенія Каспійскаго моря во внутреннее русское, Персія согласилась продолжать войну съ Турціею.

1) Соловьевъ, т. XX, стр. 1524.

2) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 139—140.

Если еще уступка провинцій Гилына, Мазандерана и Астрабада могла быть оправдываема слабостью нашихъ силъ и нездоровымъ климатомъ этихъ мѣстностей, то уступка Дербента и Баку являлась шагомъ назадъ и ограничивала вліяніе Россіи на берегахъ Каспійскаго моря снова лишь сѣвѣрною частью этихъ береговъ.

Казалось бы, при такой политической подготовкѣ, стоившей большихъ для Россіи жертвъ, готовившаяся война съ Турціею могла имѣть рѣшительные результаты, но въ дѣйствительности эти результаты, какъ будетъ изложено ниже, не соответствовали ожиданіямъ и жертвамъ.

По составленному въ Петербургѣ плану дѣйствій наши войска должны были имѣть цѣлью своихъ дѣйствій овладѣніе Азовомъ, а затѣмъ и покореніе крымскаго ханства.

Къ началу войны югъ Россіи прикрывался устроенною, по проекту Минниха, оборонительною линіею отъ Днѣпра до Донца на 268 верстѣ. Линія эта на всемъ протяженіи состояла изъ непрерывнаго вала со рвомъ и прикрытымъ путемъ, усиленнаго крѣпостцами и редутами. На линіи, къ сооруженію которой было приступлено въ 1730 году, было на скоро поселено 9 полковъ „ландмилиціи“.

Но линія эта, вслѣдствіе большого ея протяженія и незначительности оборонявшихъ ее войскъ, пользы не приносила: татары нѣсколько разъ прорывались черезъ нее и опустошали Украйну.

Неудачи походовъ въ Крымъ кн. Голицына выяснили, что наиболѣе выгоднымъ временемъ года для прохода степныхъ пространствъ была весна (подножный кормъ и сохранные еще запасы зимней воды).

23 июля 1735 г. былъ данъ указъ Минниху овладѣть съ 44,000 войскъ осенью Азовомъ; 10,000 войскъ изъ Воыни, подъ начальствомъ Леоптьева, должны были двигаться на Крымъ. Минниху предоставлено было право отложить военныя дѣйствія до весны 1736 года, если бы приготовленія къ наступленію запоздали. Миннихъ рѣшился начать дѣйствія осенью, но за неприбытіемъ осадныхъ средствъ отъ похода къ Азову пришлось отказаться.

Тогда Миннихъ сталъ готовиться къ движенію въ Крымъ. Только въ началѣ октября на р. Кельчекъ впадающей въ Днѣпръ, собралась армія въ 40,000 чел. при 46 ор. и 45,000 лошадей. Армія эта двинулась впередъ по р. Днѣпру 4 октября. Отъ р. Волнянки шли съ соблюденіемъ военныхъ предосторожностей. У р. Конскія воды авангардъ напалъ на татарскія селенія и разорилъ ихъ. Но начавшіеся рано морозы и отсутствіе фуража (трава примерзла) повели къ рѣшенію на военномъ совѣтѣ, собранномъ 16 октября, отступить. Отступленіе было тяжелое. Обезсиленныхъ лошадей вели въ поводу, а повозки и орудія люди тащили на себѣ. Въ этомъ неудачномъ походѣ погибло до 2,000 людей и 10,000 лошадей.

Рѣшено было повторить походъ весною 1736 года. Въ мартѣ этого года отрядъ нашихъ войскъ, сосредоточенный въ низовьяхъ Дона въ кр. Св. Анны, двинулся къ Азову и обложилъ его. Скоро „Каланчи“ и укрѣпленіе „Лютикъ“ были взяты. Но только въ концѣ мая, по прибытіи всей осадной артиллеріи и подкрѣпленій, командовавшій войсками Ласси перешелъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Осадныя работы начали быстро подвигаться впередъ. 17 мая подступы подошли ко рву, и ночью полковникъ Ломанъ съ отрядомъ въ 1,000 человекъ пѣхоты и 600 казаковъ, поддержанный огнемъ со всѣхъ батарей и флотилии, взялъ штурмомъ палисадъ и предмѣстье. Послѣ этого успѣха Азовъ капитулировалъ съ правомъ выхода гарнизона.

Для похода въ Крымъ въ первыхъ числахъ мая на р. Бѣлозеркѣ собралась армія въ 80,000 человекъ, подъ начальствомъ Миниха. 20 мая армія, послѣ труднаго похода, отбивая нападенія татаръ, подошла къ сильно укрѣпленной Перекопской линіи. Но турки оказали ничтожное сопротивленіе: съ потерей всего 6 убитыхъ и 17 раненыхъ войска наши овладѣли Перекопскою линіею, а 22 мая сдалась и кр. Перекопъ. Гарнизонъ, силою въ 2,500 чел., получилъ свободу ¹⁾.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ штабѣ Миниха, непріятельскія силы состояли изъ 8,000 турокъ и 140,000 татаръ.

Отдѣливъ 12,000 чел. съ Леонтьевымъ для овладѣнія Кинбурномъ, Минихъ съ главными силами вторгнулся въ Крымъ, и въ теченіе мѣсяца наши войска прошли, почти безъ серьезнаго боя, по всему Крымскому полуострову, подходили къ Бахчисараю, взяли г. Козловъ близъ моря, были на р. Салгирѣ, но, вслѣдствіе жары, недостатка воды и подножнаго корма и необезпеченности людского довольствія, армія отступила, почти не преслѣдуемая противникомъ. 6 іюля армія вернулась къ Перекопу, гдѣ и остановилась.

Въ наиболѣе серьезномъ бою подѣ Бахчисараемъ, при отраженіи ночного нападенія, наша армія потеряла 284 человека.

Леонтьевъ, дѣйствовалъ противъ Кинбурна успѣшно. Крѣпость, съ началомъ бомбардировки сдалась, съ правомъ выхода гарнизона. Въ наши руки досталось 49 орудій, но въ Кинбурнѣ мы не остались: разоривъ укрѣпленія, войска наши отступили.

Простоявъ около трехъ мѣсяцевъ въ бездѣйствіи подѣ Перекопомъ, армія наша, ослабленная жарою, водою дурнаго качества и плохимъ питаніемъ, въ концѣ августа отступила въ наши предѣлы и разошлась на зимнія квартиры.

Въ томъ же году дѣйствія нашихъ войскъ, подѣ начальствомъ Краснощекова, изъ 4,000 казаковъ, 1,500 кабардинцевъ и 20,000 кал-

¹⁾ Соловьевъ, т. XX, стр. 1343.

мыковъ, противъ кубанскихъ татаръ увѣнчались успѣхомъ. По донесеніямъ, за двѣ недѣли похода было убито до 15,000 татаръ и взято въ плѣнъ до 30,000 чел. ¹⁾ Мы вышли къ устью Кубани.

За походъ въ Крымъ армія потеряла свыше 30,000 человекъ убитыми и умершими, но убитыхъ было только до 2,500 человекъ, остальные погибли отъ трудностей похода и дурного довольствія.

Результаты похода были совершенно отрицательны: татары стали еще смѣлѣе нападать на наши предѣлы.

Очевидно, приходилось готовиться къ новому походу.

2) Кампанія 1737 г. Взятіе Очакова. Неудачный походъ въ Крымъ.

Приготовленія къ кампаніи начались уже зимою 1736—37 годовъ. Со взятіемъ Азова линія Дона перешла въ наши руки. Рѣшено было дѣйствовать двумя арміями: одною, главною, противъ турокъ, собиравшихся у Бендеръ, и другою—противъ Крыма. Для укомплектованія войскъ собрано было до 40,000 рекрутовъ.

Главная армія, силою до 70,000 чел. съ 62 орудіями, только къ концу мая собралась на р. Днѣпрѣ у устья р. Омельникъ ²⁾. Этой арміи предстояло овладѣть Очаковомъ и затѣмъ дѣйствовать противъ турокъ на р. Днѣстрѣ.

Армія Ласси, силою въ 40,000 чел., собиралась у Азова, откуда берегомъ моря, поддерживаемая нашею небольшою флотиліею, должна была вторгнуться въ Крымъ.

30 іюня Минихъ уже стоялъ противъ Очакова, но безъ осадныхъ средствъ. Въ гарнизонѣ Очакова считалось до 15,000 турецкой пѣхоты и 5,000 конницы. Предмѣстья и степь на 20 верстъ вокругъ Очакова были выжжены. Ожиданіе осадныхъ средствъ поставило бы армію въ тяжелое положеніе въ продовольственномъ отношеніи. Поэтому на военномъ совѣтѣ было рѣшено начать атаку крѣпости немедленно.

Приступили къ ускореннымъ осаднымъ работамъ, безъ предварительной рекогносцировки. 1 іюля войска, въ трехъ колоннахъ, были двинуты на штурмъ. Дойдя до рва, штурмующіе остановились, ибо, за отсутствіемъ фашинъ, нельзя было устроить переходъ черезъ ровъ. Простоявъ около двухъ часовъ подъ близкимъ огнемъ изъ за палисады, войска наши въ безпорядкѣ отступили, съ потерей убитыми 1,055 чел. и ранеными 2,840 чел. ³⁾

Турки преслѣдовали слабо. Но счастье покровительствовало

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 153.

²⁾ Недалеко отъ Перевозочны, гдѣ переправлялись шведскія войска постъ пораженія ихъ подъ Полтавою.

³⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 155.

нашимъ войскамъ: въ 10 часовъ утра того же дня въ городѣ былъ взорванъ огромный пороховой погребъ, при чемъ погибло до 6,000 турокъ.

Пользуясь паникою послѣ взрыва, казаки и драгуны ворвались въ крѣпость съ морской стороны. Турки сдались, передавъ въ наши руки 4,650 плѣнныхъ и 86 орудій ¹⁾).

Оставивъ 8,000 чел. гарнизономъ въ Очаковѣ, Минихъ послѣ нѣсколькихъ передвиженій къ сторонѣ Днѣстра отступилъ въ Украйну.

Потери нашей арміи, главнымъ образомъ отъ болѣзней, составили до 20,000 чел. умершими и убитыми и 14,000 лошадей. Армія уменьшилась до 40,000 человекъ.

Походъ Ласси въ Крымъ, начатый въ лѣтнее время, окончился неудачею. Войска наши, переправившись на плоткахъ изъ бочекъ противъ устья р. Салгиръ черезъ Сивашъ, вторгнулись внутрь Крыма. Атаки татаръ и крымцевъ наши войска отбивали успѣшно и наносили противнику значительныя потери; подходили опять къ Бахчисараю, разорили Карасу-Базаръ, но затѣмъ повторилось то же самое, что и въ предыдущіе походы: жара, недостатокъ воды и корма тяжело отразились на состояніи здоровья арміи, и потому 24 іюля на военномъ совѣтѣ рѣшено было отступить.

Такимъ образомъ, и кампанія 1737 года не дала ожидаемыхъ результатовъ, но все же съ занятіемъ Очакова мы вышли на берегъ Чернаго моря. Однако, положеніе этого пункта, вполне отрѣзаннаго отъ подкрѣпленій, было весьма тревожнымъ. Дѣйствительно, въ половинѣ октября 40,000 турокъ осадили Очаковъ. Гарнизонъ, уменьшившійся отъ болѣзней съ 8,000 до 5,000 чел., мужественно отбился отъ всѣхъ нападеній. Наша флотилія помогла гарнизону.

3) Походъ въ Крымъ въ 1738 году.

Кампанія слѣдующаго 1738 года окончилась неудачно. Опять собрались поздно и, вмѣсто ранней весны, начали дѣйствія лѣтомъ. Армія Миниха, уменьшившаяся отъ болѣзней до 50,000 человекъ, продвинулась къ Днѣстру, но на другой берегъ, гдѣ было расположено до 60,000 турокъ съ 75 орудіями, не переправилась для боя, а отступила. Во время отступленія турки съ успѣхомъ нападали на нашихъ фуражировъ. Съ большими потерями умершими отъ болѣзней армія отошла къ Днѣпру.

Ласси съ арміею въ 35,000 чел., перейдя Сивашъ въ бродѣ, вышелъ въ тылъ крымцамъ. Они покинули Перекопскую линію и кр. Перекопъ, и наши войска вторгнулись въ Крымъ. Бури помѣшали нашему флоту подвезти запасы изъ Азова. Лишенія отъ недо-

¹⁾ Соловьевъ, т. XX, стр. 1360.

статковъ продовольственной части, жары, недостатокъ воды, развитіе болѣзней,—все это, вмѣстѣ взятое, вынудило наши войска къ отступленію безъ всякаго результата.

4) Кампанія 1739 года. Побѣда при Ставучангахъ.

Планъ кампаніи на 1739 годъ былъ разработанъ въ Петербургѣ. Противно мнѣнію Миниха, рѣшено было главными силами дѣйствовать противъ турокъ въ направленіи къ Хотину, послѣ чего соединиться съ австрійцами для совмѣстныхъ съ ними дѣйствій. Арміи назначено было сосредоточиться у Бѣлой Церкви и Василькова.

Общая сила арміи опредѣлилась въ 60,000 чел. Въ составъ ея, кромѣ казаковъ, вошли: гвардіи—3,000 чел., 20 пѣхотныхъ и 17 драгунскихъ полковъ, 150 ор. полевой артиллеріи 24 осадныхъ орудій. Обозъ арміи былъ сокращенъ почти вдвое. Запасъ провіанта рассчитанъ по 1 октября на четыре мѣсяца; этотъ запасъ армія должна была имѣть при себѣ.

Сосредоточеніе войскъ опять окончилось только въ концѣ мая. До западнаго Буга армія шла частью по польскимъ владѣніямъ. Разстояніе до Буга въ 329 верстѣ пройдено въ 42 дня.

При дальнѣйшемъ движеніи къ Хотину и въ обходъ его, по трудно доступной мѣстности, турки оказывали весьма мало сопротивленія.

16 августа русская армія, силою въ 60,000 чел., подошла къ с. Ставучаны на р. Шуланецъ, впадающей въ р. Прутъ.

Позиція турецко-татарскихъ войскъ у Ставучанъ находилась въ 13 верстахъ къ юго-западу отъ г. Хотина. Командующія высоты, составлявшія позицію, круто спускались къ болотистой рѣчкѣ Шуланецъ, которая своимъ изгибомъ прикрывала и правый флангъ позиціи. Протяженіе позиціи по фронту было 5 верстѣ. Позиція была сильна съ фронта, обходъ же ея былъ возможенъ только съ ея лѣваго фланга, но требовалъ *недѣлю времени*.

Къ 17 августа Вели-паша сосредоточилъ на позиціи у Ставучанъ 15,000 — 20,000 янычаръ, 8,000 — 20,000 спаговъ, 7,000 липкановъ и 40,000—50,000 татаръ, всего отъ 70,000 до 90,000 чел., при 70 орудіяхъ.

Съ приближеніемъ русскихъ войскъ все татары были направлены въ тылъ русской арміи, а конница на фланги; для обороны позиціи осталось не болѣе 20,000 чел.

Позиція была укрѣплена тройною линіею окоповъ и 11 батареями съ 60 орудіями. Лѣвый участокъ позиціи, протяженіемъ въ 2 версты, вовсе не былъ занятъ турками.

Общая сила русской арміи состояла изъ 61,000 чел., въ томъ числѣ 8,000 чел. нерегулярныхъ, и свыше 250 орудій; но, отдѣляя нестроевой элементъ, больныхъ и раненыхъ, для боя оставалось лишь около 48,000 чел., въ томъ числѣ около 8,000 чел. нерегулярныхъ.

Минихъ, по позднѣйшимъ реляціямъ, доносилъ, что онъ рѣшилъ 17 августа напасть на непріятельскій лагерь, но не сохранилось документовъ, какъ онъ хотѣлъ это выполнить. Въ „Обзорѣ войнъ“ полковникъ Дессино, при описаніи войны 1735—39 г.г., высказываетъ упрекъ Миниху, что, не смотря на выгодное положеніе арміи, онъ ставитъ цѣлью не разбить турокъ, а только отвлечь силы Вели-паши къ его правому флангу, чтобы пройти въ Хотинъ. Полковникъ Баіовъ, на основаніи авторитетныхъ источниковъ, доказываетъ, что у Миниха было намѣреніе атаковать турокъ, и притомъ атаковать ихъ лѣвый флангъ. Для отвлеченія же ихъ вниманія особый отрядъ долженъ былъ демонстрировать противъ праваго фланга.

Демонстративный отрядъ Густава Бирона, силою въ 9,000 чел. при 34 орудіяхъ, быстро переправился черезъ р. Шуланецъ, продвинулся впередъ на разстояніе 2-хъ верстъ отъ непріятельской позиціи и остановился, выстроивъ каре. Началась бомбардировка съ двухъ сторонъ. На сколько она была дѣйствительна, видно изъ того, что всѣ потери русскаго отряда заключались въ одной убитой лошади. Это движеніе достигло цѣли. Вели-паша началъ стягивать войска къ своему правому флангу.

Приказавъ Густаву Бирону отступить, Минихъ двинулся въ трехъ каре вдоль р. Шуланецъ къ выбранному для переправы пункту; хотя и съ большими усиліями, но передовое каре Карла Бирона переправилось и заняло высоты противъ лѣваго фланга непріятельской позиціи. Къ 4 часамъ пополудни вся русская армія переправилась и, построивъ общее каре, въ которомъ помѣщались и всѣ обозы, двинулась впередъ.

Турки и татары оказывали слабое сопротивленіе. Только на высотѣ д. Ставучаны наша армія была атакowana конницею съ праваго фланга и янычарами, въ числѣ 12,000—13,000 чел., съ фронта. Армія остановилась, закинула рогатки и открыла огонь „столь частый, что задрожала земля, и онъ продолжался, какъ раскатъ непрерывнаго грома“. Противникъ отхлынулъ. Только до 3,000 янычаръ дошли до рогатокъ, но, потерявъ до 1,000 человекъ, обратились въ бѣгство.

Минихъ не преслѣдовалъ, опасаясь нападенія турецкой конницы. Этимъ эпизодомъ совершенно неожиданно и закончилось Ставучанское сраженіе.

Непріятельскія войска, занимавшія позицію, зажгли лагерь и быстро отступили къ Хотину. Только въ 7 ч. вечера наша армія, все еще окруженная конными партіями противника, достигла турецкой позиціи и заняла лагерь.

Трофеями этого боя были 23 орудія, нѣсколько знаменъ, 1,000 палатокъ и обозъ ¹⁾.

¹⁾ Сраженіе при Ставучанахъ описано главнымъ образомъ на основаніи труда А. Баіова „Война Россіи съ Турціей въ 1736—39 г. г. Кампанія 1739 г.“, изд. 1906 г., стр. 225—240.

Турки не задержались и въ Хотинѣ и, вмѣстѣ съ гарнизономъ этой крѣпости, бѣжали къ Дунаю и за Дунай, а татары отступили за Днѣстръ и „въ паникѣ“ бѣжали къ Бендерамъ. Какъ ничтожно было боевое сопротивление 80,000 татарско-турецкаго войска, видно изъ того, что наша 60,000-ная армія въ такъ называемомъ сраженіи при Ставучанахъ потеряла всего 13 чел. убитыми и 53 ранеными (въ томъ числѣ 6 офицеровъ) ¹⁾.

Минихъ, поставивъ гарнизонъ въ Хотинѣ, продвинулся къ Яссамъ, которые и занялъ безъ сопротивления.

5) *Заключеніе Бѣлградскаго мира.*

Въ то время, когда турки бѣжали передъ нашими войсками почти безъ сопротивления, тѣ же турецкія войска оказывали упорное сопротивление австрійскимъ войскамъ, заставили ихъ перейти отъ наступленія къ оборонѣ, оттѣснили за Дунай, обложили Бѣлградъ и большими массами вторгнулись въ предѣлы Австріи. Въ бою при Гродскѣ австрійскія войска были разбиты и потеряли убитыми и ранеными 6,000 человекъ ²⁾.

Австрійцы требовали присылки нашего войска на подкрѣпленіе, но по разнымъ причинамъ помощи имъ оказано не было.

Устрашенное австрійское правительство растерялось и заключило миръ съ Турціею, разорвавъ этимъ союзныя съ нами дѣйствія и дозволивъ туркамъ стать требовательными и по отношенію къ намъ. Но заключенный Австріею спѣшный миръ былъ купленъ ею дорогою цѣною: уступкою Сербіи съ Бѣлградомъ, Орсовы и Валахія ³⁾.

Вслѣдъ за австрійцами и мы заключили съ турками Бѣлградскій миръ и тоже на условіяхъ невыгодныхъ для Россіи. Выходъ къ Черному морю не былъ достигнутъ. Азовъ оставленъ за Россіею, но съ обязательствомъ срыть его укрѣпленія и оставить азовскій округъ пустыннымъ ⁴⁾. На Черномъ морѣ, по настоянію Франціи, мы по прежнему не могли имѣть флота ⁵⁾.

Южная граница государства нѣсколько продвинулась на югъ и р. Самара, впадающая въ Днѣпръ ⁶⁾, стала нашею граничною чертою.

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 163.

²⁾ Соловьевъ, т. XX, стр. 1396.

³⁾ Баювъ, стр. 255. Н. Стрѣльбицкій, стр. 4.

⁴⁾ Соловьевъ, т. XX, стр. 1399.

⁵⁾ Бѣлградскимъ договоромъ постановлено было, „что російская держава ни на Азовскомъ, ни на Черномъ морѣ никакой корабельный флотъ, ниже иныхъ кораблей имѣть и построить не можетъ и что російская коммерція по Черному морю отправлена быть имѣетъ на судахъ турецкимъ „подданнымъ надлежащихъ“ (С. Горяиновъ, „Босфоръ и Дардавеллы“, стр. 2).

⁶⁾ Недалеко отъ г. Екатеринослава.

б) *Общее заключеніе.*

Главная причина неудачи нашихъ дѣйствій при походахъ въ Крымъ заключалась въ полномъ несоотвѣтствіи времени похода мѣстнымъ условіямъ. Каждый разъ мы дѣйствовали лѣтомъ, вмѣсто весны, и этимъ ставили войска въ крайне тяжелыя условія (отсутствіе фуража, жара, безводіе, болѣзненность). Побѣждая тактически, мы были вынуждаемы каждый разъ отступать вслѣдствіе изнуренія войскъ и большой убыли отъ болѣзней и недостатка продовольствія.

По мнѣнію историка, Ставучанская побѣда „досталась Миниху благодаря чистой случайности—паникѣ турокъ, вопреки всѣмъ его ожиданіямъ, и вовсе не вслѣдствіе его расчетовъ и мѣропріятій“¹⁾.

По свидѣтельству современниковъ, Минихъ въ четыре года войны потерялъ половину арміи отъ болѣзней. Его упрекали въ томъ, что онъ мучалъ войска, начиная движенія не до разсвѣта, а поздно, когда жара уже наступала. Много было случаевъ, что люди умирали на походѣ отъ жажды и утомленія. Между старшими начальниками въ арміи происходили ссоры²⁾.

Тяжелыя неудачи походовъ Голицына не научили еще наши войска преодолевать препятствія, поставленныя природою: степи, безводіе, жару. Минихъ повторилъ тѣ же ошибки, которыя были сдѣланы и Голицынымъ: многочисленная армія, дурное обезпеченіе ея довольствіемъ, трудное для похода время года.

Спротивленіе же непріятеля, не смотря на его многочисленность, въ общемъ было ничтожное.

Такимъ образомъ, не смотря на весьма благопріятно сложившуюся для насъ обстановку, въ видѣ союза съ Австріею и Персіею, раздѣленіе поэтому силъ турокъ, ничтожное сопротивленіе турецко-татарскихъ войскъ, выставленіе намъ арміи свыше 100,000 человекъ,—мы все же въ первую половину XVIII столѣтія не достигли поставленной цѣли—выхода къ Черному морю.

Эта важная для Россіи задача была выполнена лишь въ вѣкъ Екатерины ея полководцами, главнымъ образомъ Румянцовымъ и Суворовымъ.

Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны настало благопріятное время для войны съ Турціею съ цѣлью добиться выхода къ Черному морю. Турціи съ востока угрожалъ опасный врагъ. Надиръ-шахъ, выдающійся государь и полководецъ, во главѣ многочисленной персидской арміи, вторгнулся въ предѣлы Турціи и дви-

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 164.

²⁾ Соловьевъ, т. XX, стр. 1347.

нулся по направленію къ Бассаръ и Багдаду. Багдадскій губернаторъ измѣнилъ султану и присоединился къ Надиръ-шаху.

Въ то же время волненія въ Турціи европейской принимали большіе размѣры. Христіане Балканскаго полуострова, ожидая пораженія турокъ персами, начали мечтать о независимости. Россія для нихъ являлась средствомъ, чтобы силою понудить турокъ улучшить ихъ положеніе. Нашъ посланникъ въ Константинополь Вешняковъ былъ обойденъ нѣкоторыми изъ турецкихъ христіанъ, внушившими ему мнѣніе, что стоитъ показаться русскимъ войскамъ, какъ всѣ христіане Балканскаго полуострова дружно возстанутъ и *удесятерятъ силы русскихъ*.

Вешняковъ, уговаривая русское правительство начать войну, доносилъ государынѣ: „Отъ Вашего Императорскаго Величества зависитъ безъ крайнихъ усилій сіе злоехидное сонмище (Турцію) разорить и крестъ возстановить; кажется, все къ тому промыслъ Божій предустроилъ и пріуготовилъ. Всѣ бѣдные православные христіане ждуть избавленія отъ Вашего Императорскаго Величества; стоитъ только нынѣшнею осенью явиться врасплохъ Россійской арміи къ Дунаю съ запаснымъ оружіемъ, то она въ короткое время удесятерится: Молдавія, Валахія, Болгарія, Сербія, Славонія, Далмація, Черногорія, Албанія, вся Греція, острова и самъ Константинополь въ одно время возьмутъ крестъ и побѣгутъ на помощь Вашему Императорскому Величеству; провіанта, фуража и денегъ нашлось бы чрезмѣрное количество. Европейскія державы, будучи въ распряхъ и всѣ истощены, помѣшать Россіи не въ состояніи. Теперь для этого такое удобное время, какого не бывало и впредь не будетъ. Я пишу это не отъ себя, но по представленію начальниковъ всѣхъ сихъ бѣдныхъ христіанъ: со слезами просятъ, что если бы хотя малый лучъ надежды просіялъ, они бы уже все устроили, и къ нимъ бы пристала и большая часть лучшихъ турокъ, потому что множество между ними христіанъ, называющихся тришитаріями, т. е. неповѣдниками Св. Троицы, таковъ Кизляръ-ага и муфтіи Ксадъ-ефенди, и множество другихъ; всѣ они только по наружности магометане и скучаютъ такую смутною бездною сего правленія; чернь была бы изгублена или покрестилась, ибо ея во всей Румелии и пятой доли противъ христіанъ не будетъ“¹⁾.

Не смотря на явное преувеличеніе надеждъ Вешнякова, несомнѣнно, что Порта находилась въ очень затруднительномъ положеніи, что ея внутреннія дѣла были въ разстройствѣ и опасность отъ Надиръ-шаха была большая. Но мы не воспользовались благопріятною для войны съ турками обстановкою, потому что были втянуты въ такъ называемую общеевропейскую политику и въ декабрѣ 1744 года

¹⁾ Соловьевъ, т. XXII, стр. 380.

Елисавета обязалась двинуть въ Саксонію 100,000 войска противъ прусскаго короля.

Въ 1754 году возникли затрудненія съ Турціею изъ за вопроса о постройкѣ при верховьяхъ р. Ингуль крѣпости Св. Елисаветы. Тревожило также турокъ переселеніе въ наши предѣлы сербовъ, начатое съ согласія русскаго правительства Хорватомъ. Имѣя въ сущности ничтожное военное и экономическое значеніе, это сербское поселеніе, получившее крикливое наименованіе „Новой Сербіи“, доставило Россіи много непріятностей въ политическомъ отношеніи, вселяя недовѣріе къ намъ, какъ въ Турціи, такъ и въ Австріи.

Турки считали постройку крѣпости Св. Елисаветы нарушеніемъ заключеннаго договора. Нашъ посолъ при Портѣ Обрѣзковъ писалъ, что изъ за этой крѣпости можетъ произойти разрывъ съ Турціею. Мы уступили и въ 1755 году обѣщали пріостановить крѣпостныя работы ¹⁾.

Своею уступчивостью мы устранили опасность новой войны. Но относительное положеніе Россіи и Турціи было таково, что черезъ 14 лѣтъ, при Екатеринѣ II, сама Турція вызвала войну съ Россіею 1769—1774 гг., окончившуюся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. Эта война хотя и не дала Россіи выхода къ Черному морю, но объявленіе независимости Крыма повело къ присоединенію его къ Россіи уже въ 1783 году. Затѣмъ, послѣ передышки въ теченіе 13 лѣтъ, въ 1787 году возникла новая война съ Турціею, окончившаяся въ 1791 г. миромъ въ Яссахъ, по которому Россія получила все сѣверное побережье Чернаго моря отъ Буга до Днѣстра. Этою войною и была закончена задача Россіи по выходу къ Черному морю.

¹⁾ Соловьевъ, т. XXIII, стр. 842

Г Л А В А XIV.

Задача русской армии по выходу къ Черному морю (окончаніе).

Войны съ Турціею при Екатеринѣ II Великой.

Русско-турецкая война 1769—1774 годовъ.—Численность русской и турецкой армій.—Планъ дѣйствій.—Побѣды Румянцова при Ларгѣ и Кагуль.—Дѣйствія флота.—Завоеваніе Крыма.—Побѣды Суворова.—Побѣды Вейсмана при с. Кучукъ-Кайнарджіи.—Планъ Павина относительно Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи.—Побѣда Суворова при с. Козлуджѣ.—Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.—Присоединеніе къ Россіи Крыма.—Русско-турецкая война 1787—91 годовъ.—Дѣятельность нашихъ дипломатическихъ представителей въ княжествахъ; вмѣшательство ихъ во внутреннія дѣла княжествъ.—Неудачное движеніе нашего флота къ Варшѣ.—Побѣда Суворова подъ Кишбурномъ.—Взятіе Потемкинымъ Очакова.—Кампанія 1789 года.—Побѣды русско-австрійскихъ войскъ подъ Фокшанами и на р. Рымникъ.—Штурмъ Суворовымъ Измаила.—Ясскій миръ.—Выводы изъ войнъ съ Турціею въ вѣкъ Екатерины II.—Оцѣнка русской арміи историками и современниками.—Недочеты нашей арміи.—Причины побѣдъ.—Самостоятельность и инициатива частныхъ начальниковъ.—Общее заключеніе объ истолзованіи Россіею достигнутаго ею въ концѣ XVIII столѣтія выхода къ Черному морю.—(Схема № 13).

Русско-турецкая война 1769—1774 годовъ ¹⁾.

Турція, освободившись отъ угрожавшей ей со стороны Персіи опасности, сама стала готовиться къ войнѣ съ Россіею и, когда приготовленія эти показались Портѣ достаточными, она, подъ незначительнымъ предлогомъ, объявила Россіи войну. Ближайшимъ поводомъ къ войнѣ былъ набѣгъ гайдамаковъ на турецкое селеніе Галта, лежавшее противъ города Балта, и сожженіе его ²⁾. Хотя виновники набѣга были пойманы и наказаны, Порты увеличила свои притязанія и предъявила требованіе о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши. Когда же ей въ томъ было отказано, нашъ посолъ въ Константинополѣ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ, и война началась.

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 79—95.

²⁾ А. Петровъ, „Вліяніе турецкихъ войнъ на развитіе русскаго военнаго искусства“, т. I, стр. 8 (изд. 1893 г.).

Приготовленія къ войнѣ въ Турціи были очень серьезны. По составленному плану, главныя силы турокъ, до 300,000 чел., должны были съ началомъ весны наступать къ Днѣстру, соединиться тамъ съ 80,000 польскихъ конфедератовъ и начать наступленіе въ трехъ направленіяхъ: къ Варшавѣ, Кіеву и Смоленску. Войска крымскаго хана должны были одновременно вторгнуться въ предѣлы Россіи. Кромѣ того, значительныя десантныя силы турокъ, высадившись въ Азовѣ и соединившись съ кавказскими горцами, должны были наступать къ нижней Волгѣ.

Относительно нашего плана дѣйствій въ „Обзорѣ войнъ“ помѣщены слѣдующія свѣдѣнія:

Планъ войны обсуждался на совѣтѣ, собранномъ Екатериною II подъ ея предсѣдательствомъ. Главную армію, подъ начальствомъ кн. Голицына, по сборѣ ея весною 1769 года около Кіева, рѣшено было двинуть къ Днѣстру, съ цѣлью овладѣть Хотиномъ и Каменецъ-Подольскомъ. Въ составъ этой арміи входили 47,000 пѣхоты, 14,000 конницы и 10,000 казаковъ, всего 71,000 чел.¹⁾, но въ поле могло быть двинуто только до 30,000 пѣхоты и 18,000 конницы, считая и казаковъ.

Вторая армія собиралась подъ начальствомъ гр. Румянцова у Бахмута и устья р. Самары близъ Екатеринослава и назначалась для прикрытія южныхъ границъ государства. Силы этой арміи заключались въ 22,000 пѣхоты, 13,000 конницы и 9,000 казаковъ, всего 44,000 чел. Орудій въ обѣихъ арміяхъ было 100 пушекъ и 10 еднороговъ.

Незначительныя отряды, кромѣ того, были направлены къ Крыму и на Кавказъ.

Двѣ эскадры должны были двинуться въ Средиземное море, подъ начальствомъ гр. Орлова, и дѣйствовать тоже противъ турокъ.

Въ планъ дѣйствій входило также возбужденіе возстанія среди христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова—грековъ, черногорцевъ, молдаванъ, валаховъ и другихъ, а также поднятіе противъ турокъ христіанскаго населенія Кавказа.

Ко времени начала войны 1769 года, признаваемой нашими историками безъ особаго основанія *первою* турецкою войною, наши вооруженныя силы составляли по штатамъ 400,000 чел., но въ дѣйствительности можно было выставить въ поле только до 200,000 чел. Масса людей уходило на прикрытіе многочисленныхъ обозовъ. Армія въ 50—60,000 чел. могла выводить для боя всего 25—30,000 чел. Походныя движенія совершались съ крайнею медленностью. Маневрированіе было слабое. Въ пѣхотѣ, при каждомъ 3-хъ или 4-хъ батальонномъ полку, состояла полковая артиллерія изъ четырехъ пушекъ. Для боя пѣхота строилась въ четыре шеренги. „Обмундиро-

¹⁾ А. Петровъ, стр. 40.

ваніе и снаряженіе нашей пѣхоты было крайне непрактично и стѣсняло людей: по образцу прусской арміи, солдатъ былъ одѣтъ въ узкій мундиръ, штаны со штиблетами, чулки съ повязками, башмаки и треугольныя шляпы“¹⁾).

„Полевая кавалерія раздѣлялась на тяжелую и среднюю, подобно большей части кавалеріи западной Европы, отличалась малою подвижностью, неповоротливостью и неумѣньемъ маневрировать. Для боя строилась она въ три шеренги и атаку встрѣчала сперва пальбою, а потомъ уже холоднымъ оружіемъ, при чемъ атака производилась рысью и самый строй превращался въ беспорядочную толпу. Легкая кавалерія (гусары) была лучшею конницею, но она была не многочисленна. Что же касается до иррегулярной конницы, то, не имѣя понятія о военной дисциплинѣ, она болѣе занималась грабежомъ страны и приносила единственную пользу въ сторожевой и развѣдывательной службѣ“²⁾).

Наша артиллерія заключала въ себѣ большое число калибровъ, отличалась малою подвижностью и способностью къ маневрированію, но стрѣляла довольно мѣтко и во многихъ бояхъ играла рѣшающую роль. Дѣйствіе картечи по густымъ массамъ и на близкихъ дистанціяхъ было очень дѣйствительно.

Турецкія вооруженныя силы той эпохи имѣли миллионный характеръ. Нѣкоторое подобіе регулярнаго войска составлялъ корпусъ янычаръ.

Пока турки были одушевлены религіознымъ фанатизмомъ, они были страшны Европѣ своею храбростью, вытекавшею изъ презрѣнія къ смерти. Ихъ нестройныя полчища одерживали многочисленныя побѣды надъ лучшими войсками XV, XVI и XVII столѣтій, но уже въ XVIII столѣтій фанатизмъ ослабѣлъ и остались легко поддававшіяся паникѣ нестройныя массы, стремившіяся только къ добычѣ. Даже корпусъ янычаръ, сохранившій прежній беспорядочный характеръ атаки сомкнутою массою, при усовершенствованномъ огнестрѣльномъ оружіи пересталъ быть грознымъ. Сильною стороною турецкой пѣхоты, какъ и ранѣе, сохранилась способность къ упорной оборонѣ укрѣпленныхъ пунктовъ и умѣнье быстро возводить укрѣпленія.

Турецкіе всадники были очень искусны въ одиночномъ бою и сидѣли на хорошихъ лошадяхъ, но при дѣйствіяхъ массою, если первый ударъ не имѣлъ успѣха, легко разстраивались и давали тылъ. Окруженіе противника составляло обычный способъ дѣйствій турецкой конницы.

Европейскія арміи, потерпѣвъ рядъ поражений отъ турецкихъ войскъ, приняли очень нерѣшительный и невыгодный для успѣха

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 81.

²⁾ Тамъ же, стр. 81—82.

способъ дѣйствій. Въ опасеніи быть окруженными и атакованными съ фланговъ и съ тыла, арміи строились въ одно огромное, мало подвижное, каре, внутрь котораго помѣщали не только обозъ, но и конницу. Передвиженія производились крайне медленно, и весь способъ дѣйствій пріобрѣталъ оборонительный характеръ.

Въ нашей арміи, какъ мы видѣли изъ походовъ въ Крымъ кн. Голицына, соблюдались всѣ эти пріемы. Мы ихъ даже развили, введя въ армію рогатки, за которыми укрывались наши войска при нападеніи на нихъ турокъ. Но уже побѣда Миниха подъ Ставучанами, доставшаяся русской арміи почти безъ боя, указала, что время страха передъ турецкими войсками прошло. Надо было лишь найти вождей, которые поняли бы это и, соотвѣтственно новому положенію, измѣнили бы способъ дѣйствій своихъ войскъ. Такими вождями оказались Румянцовъ и Суворовъ. Румянцовъ первый созналъ слабость турокъ, бросилъ рогатки, бросилъ построенія общаго каре, бросилъ медленный, приспособленный лишь къ оборонѣ, способъ дѣйствій, ввелъ построеніе войскъ въ малыя каре и примѣнялъ противъ турокъ рѣшительное наступленіе нѣсколькими линиями каре, не считая числа турокъ.

Читая въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія описанія подвиговъ русскихъ войскъ въ средней Азій, гдѣ малочисленныя русскія войска, подъ начальствомъ Черняева, Кауфмана, Скобелева, разбивали съ ничтожными потерями огромныя скопища бухарцевъ, кокандцевъ и хивинцевъ, невольно являлось сомнѣніе: не преувеличивали ли наши побѣдители силы враговъ въ своихъ реляціяхъ. Но въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія турецкія войска напоминали по слабости сопротивленія тѣхъ же бухарцевъ, и русскому войску побѣды давались такъ же легко надъ турками, какъ спустя 100 лѣтъ надъ бухарцами.

Дѣйствительно, одержать полную побѣду при Ставучанахъ надъ 80,000-ною арміею, съ потерею 13 чел. убитыми и 53 ранеными можно было только при условіи, что турки при Ставучанахъ не были выше въ военномъ отношеніи, чѣмъ бухарцы подъ Ирджаромъ, въ 1866 году, при Зерабулакѣ въ 1868 году и подъ Мохрамомъ въ 1875 году. Но подъ защитою укрѣпленій турки и въ XVIII столѣтіи могли защищаться отчаянно. Примѣрами тому служатъ обороны Очакова, Измаила и другихъ пунктовъ.

Побѣды Румянцова и Суворова въ полѣ тоже достигались относительно весьма легко. Подъ Ларгою Румянцовъ съ 14,000 человекъ разбиваетъ 80,000-ную турецкую армію, съ потерею всего 29 человекъ убитыми и 61 ранеными. Подъ Кагуломъ армія турокъ свыше 200,000 чел. совершенно разбита 17,000 чел. русскихъ; при этомъ взято 140 орудій и 60 знаменъ, съ потерею всего 364 чел. убитыхъ и 550 чел. раненыхъ. Въ русско-японскую войну такія потери выпадали на долю многихъ пѣхотныхъ полковъ, а были и полки, которые теряли до 1,200 человекъ въ одномъ бою. Знаменитая побѣда подъ Рымникомъ

куплена нашими войсками, предводимыми Суворовымъ, цѣною всего 45 чел. убитыми и 133 чел. ранеными.

Съ введеніемъ у турокъ регулярной арміи, боевая ея способность въ XIX столѣтіи начала опять возрастать. Мы начинаемъ терпѣть неудачи въ войны 1828 и 1853—54 годовъ при отношеніи въ силахъ, несравненно болѣе благопріятномъ, чѣмъ то было въ первыя войны съ турками. Наконецъ, въ войну 1877—78 г.г., когда турки заручились даже болѣе совершеннымъ, чѣмъ мы, оружіемъ, побѣды надъ ними на европейскомъ театрѣ при наступленіи стали намъ даваться только при значительно превосходныхъ противъ турокъ силахъ.

Для меня несомнѣнно, что нынѣ турки, организованные талантливыми нѣмецкими инструкторами, въ родѣ Гольца-паши, представляютъ сопротивленіе еще большее, чѣмъ въ 1877—78 годахъ. Но когда къ организаціи и вооруженію турецкой арміи присоединится еще религіозный или національный фанатизмъ, она вновь, какъ и въ XV—XVII столѣтіяхъ, можетъ стать страшна своимъ сосѣдямъ, ибо турецкій селянинъ, особенно малоазійскій, обладаетъ рѣдкими качествами для образованія выдающагося воина: онъ религіозенъ, воинственъ, храбръ, силенъ, выносливъ и послушенъ.

Въ XVIII столѣтіи турки не сумѣли воспользоваться этими прекрасными качествами своего населенія и были побиты малочисленными русскими войсками, твердыми дисциплиною, сплоченностью (каре), стойкостью, храбростью и довѣріемъ къ своимъ выдающимся по талантамъ начальникамъ—Румянцову, Суворову, Вейсману, Панину, Репнину и другимъ.

Кампанія 1769 года.

Въ 1769 году первоначально во главѣ главныхъ русскихъ силъ въ 30,000 пѣхоты, 12,000 конницы, 6,000 донскихъ казаковъ и 80 полевыхъ орудій былъ поставленъ князь Голицынъ. Дѣйствія этой арміи, продвинувшейся до Днѣстра, отличались большою нерѣшительностью. Не смотря на то, что турки оказывали слабое сопротивление и даже оставили Хотинъ, Голицынъ, для сближенія съ своими магазинами, въ сентябрѣ мѣсяцѣ отступилъ.

Турки, за недостаткомъ продовольствія, частью разбѣжались, а остатки ихъ, въ количествѣ 30,000 человекъ, тоже отступили черезъ Яссы къ Дунаю. Это отступление турокъ было бѣдственное. Только по дорогѣ отъ Хотина до Яссъ лежало до 20,000 павшихъ турецкихъ лошадей.

2-я наша армія подходила своими передовыми отрядами къ Бендерамъ, но послѣ отступленія 1-й арміи тоже отошла къ Днѣпру.

Между Голицынымъ и Румянцовымъ возникли несогласія. Въ Петербургъ поступали отъ нихъ жалобы другъ на друга. Голицынъ былъ смѣненъ Румянцовымъ, а во главѣ 2-й арміи поставленъ Панинъ.

Выславъ отрядъ для очищенія Молдавіи и Валахін отъ мелкихъ турецкихъ отрядовъ, Румянцовъ расположился съ арміею въ Подолін и сталъ дѣятельно готовиться къ борьбѣ съ турками, обучая войска новому противъ нихъ способу дѣйствій.

26 сентября генералъ Эльмитъ вступилъ въ Яссы и „*привелъ жителей къ присягѣ императрицѣ всероссійской*“¹⁾.

Вслѣдъ за Яссами былъ занятъ и Бухарестъ. Оба господаря оказались въ плѣну у русскихъ. Введенныя въ княжества русскія войска были малочисленны и расположены разбросанно. Между тѣмъ турки занимали сильными гарнизонами Журжу и Браиловъ. Крѣпость Бендеры также находилась въ ихъ рукахъ.

Начальствовавшій войсками въ Молдавіи генералъ Штофельнъ предпринялъ наступленіе къ Браиллову. Одновременно турки вторгнулись въ княжества изъ Рущука, съ цѣлью разрѣзать силы русскихъ, занимавшихъ княжества, и разбить ихъ.

Относительно дѣйствій нашихъ войскъ въ этотъ періодъ у С. Соловьева имѣются слѣдующія строки:

„Нападеніе непріятели на Бухарестъ было отбито; но Штофельнъ, послѣ удачной битвы съ турками, принужденъ былъ отступить отъ Браилова, найдя укрѣпленія его слишкомъ сильными; при отступленіи онъ выжегъ 260 селеній, съ цѣлью отнять у непріятели возможность опять напасть на Фокшаны. По извѣстію, что снова опасность грозитъ Бухаресту отъ Журжи, Штофельнъ перешелъ сюда, поразилъ турокъ подъ Журжею, сжегъ этотъ городъ и 143 селенія; пространство по Дунаю на 250 верстъ, отъ Прута до Ольты, было совершенно опустошено, опять съ цѣлью предохранить Бухарестъ отъ новаго нападенія“²⁾.

Къ довершенію бѣдствій несчастной страны въ ней появилась чума.

При такихъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ румыны, вмѣсто помощи намъ, могли встрѣчать турокъ, какъ освободителей.

Дѣйствія Штофельна возмутили Екатерину. Она писала Румянцову:— „Мнѣ кажется, что безъ крайности на такое варварство поступать не должно; когда же безъ нужды то дѣлается, то становится подобно тѣмъ дѣламъ, кои у насъ изстари бывали на Волгѣ и на Сурѣ“ (въ борьбѣ съ татарами)³⁾. Румянцовъ, хотя и защищалъ Штофельна, но тоже донесъ, что „не находитъ удовольствія въ подобныхъ происшествіяхъ“.

1) Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 570.

2) Тамъ же, стр. 639.

3) Тамъ-же, стр. 640.

Новая „молдавская княгиня“ жаждала скорѣйшаго наступательнаго движенія. Чтобы ободрить Румянцова, располагавшаго для дѣйствій лишь незначительными силами, императрица писала ему, что, по донесенію командовавшаго флотомъ Орлова, въ Черногоріи великія дѣлаются приготовленія для нападенія на Турцію. Собирають для сего 40,000 чел. На Кавказѣ грузинцы тоже обѣщали выставить: Гераклій 30,000 и Соломонъ 20,000 воиновъ ¹⁾.

Кампанія 1770 года.

1770-й годъ начался занятіемъ нами безъ боя Азова и Таганрога. На Кавказѣ еще осенью графъ Тотлебенъ съ небольшимъ русскимъ отрядомъ перевалилъ кавказскія горы и явился въ Грузію.

Но великую Екатерину ждали разочарованія. Прежде всего, флотъ, на который она возлагала столько надеждъ, оказался въ плачевномъ состояніи. Чернышевъ, посланный осмотрѣть флотъ, находившійся въ то время въ водахъ Англій, доносилъ: „Съ 1700 года флотъ стоилъ Россіи болѣе 100.000,000 рублей и что за то имѣетъ?—буде не ничего, то очень мало“ ²⁾. Спиридовъ, начальствовавшій флотомъ, медлил движеніемъ эскадры въ турецкія воды.

Надежды на Черногорію не оправдались. Пучковъ въ 1760 году доносилъ иностранной коллегіи, что черногорцы „находятся въ крайнемъ безпорядкѣ; не имѣютъ у себя никакихъ добрыхъ учрежденій, законовъ и обычаевъ; живутъ въ междоусобіи и враждѣ, начальству не послушны и начальство печется не объ ихъ пользѣ, а только о собственной корысти“. Онъ прибавлялъ: „Начальники черногорскіе мало или почти ничего не толковали о Россіи, а русскія деньги расходились по немногимъ рукамъ между начальническими родственниками“ ³⁾.

Интересны и поучительны попытки разныхъ славянскихъ представителей уже въ ту эпоху смотрѣть на Россію, какъ на дойную корову, отъ которой тотчасъ же отвертываться, какъ только она переставала давать молоко.

Въ 1762 году въ Петербургъ пріѣзжали черногорскіе представители просить объ освобожденіи Черной горы отъ турецкаго ига. Но совершенно неожиданно главными своими врагами они выставляли не турокъ, а славянъ же, жителей Рагузы. Иностранная коллегія, съ разрѣшенія императрицы, совершенно правильно рѣшила не вмѣшиваться въ это дѣло. Черногорскимъ архіереямъ данъ совѣтъ, чтобы Черногорія пребывала въ тишинѣ и покоѣ. Черезъ три года снова явился въ Петербургъ черногорецъ Петрованъ выпрашивать денегъ. Денегъ дали, но мало, и это послужило поводомъ

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 570.

²⁾ Тамъ же, стр. 581.

³⁾ Тамъ же, стр. 586.

къ охлажденію къ намъ черногорцевъ. Въ 1768 году явилась и особая причина къ охлажденію: въ Черногоріи появился претендентъ на русскій престолъ, нѣкто Степанъ Малый, родомъ боснякъ, назвавшій себя Петромъ III.

Въ это время и другіе „авантюрьеры“—сербины и прочіе единовѣрцы предлагали разные проекты, но всѣ имѣли одну цѣль: пожнвиться русскими деньгами и, кромѣ вреда Россіи, ничего не приносили.

Во внѣшнихъ нашихъ дѣлахъ тоже возникли перемѣны и затрудненія. Панинъ, сидѣвшій особо полномочнымъ лицомъ въ Варшавѣ и въ сущности управлявшій, при поддержкѣ находившагося въ его распоряженіи русскаго войска, Польшею, — запуталъ наши отношенія съ Австріею. По словамъ историка С. Соловьева, онъ раздражилъ поляковъ, австрійцевъ и французовъ: „перемѣнилъ старую мудрую систему, по которой Россія была въ постоянномъ союзѣ съ Австріею, союзъ самою естественномъ, доставлявшемъ постоянное обезпеченіе отъ турокъ, придумалъ какую то сѣверную систему, которая никакъ не ладилась, заключилъ тѣсный союзъ съ Пруссіею“¹⁾.

Польскіе конфедераты заключили договоръ съ Турціею, по которому обязались выставить 100,000 войска и обѣщались уступить туркамъ кievскую область. Въ то же время Польша, при помощи турокъ, должна была получить отъ Россіи Смоленскъ, Стародубъ, Черниговъ и Ливонію²⁾. Екатерина писала, что поляки вызываютъ противъ Россіи крестовый походъ и одною рукою взяли крестъ, а другою подписали союзъ съ турками.

Не было у насъ согласія и съ Австріею. Занявъ Молдавію и Валахію и приведя молдаванъ къ присягѣ императрицѣ Екатеринѣ, мы не могли не вызвать недовѣрія и недовольства въ Австріи.

Мы пытались заключить союзный договоръ и съ Англіею, но безъ успѣха.

Необходимо также упомянуть, что въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія существовалъ при Екатеринѣ II проектъ: образовать изъ Крыма, Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи независимое государство, въ цѣляхъ огражденія Россіи отъ Турціи, а изъ Финляндіи образовать великое герцогство, въ цѣляхъ огражденія Россіи отъ Швеціи. Кандидатомъ на первый тронъ предполагался Потемкинъ. Запрошенная по этому проекту Чернышевымъ Англія не прельстилась этимъ проектомъ, отвѣтивъ вполне опредѣленно, что эти „независимыя государства“ будутъ въ сущности въ полной зависимости отъ Россіи.

Въ конечномъ результатѣ наша политика и отсутствіе соглашенія съ Австріею повели къ тому, что главныя силы русской арміи были

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 599.

²⁾ Тамъ же, стр. 597. Для командованія конфедератами прибылъ французскій генералъ Дюмурье.

отвлечены на западную границу, и Румянцову приходилось бороться съ огромною турецко-татарскою арміею лишь съ небольшимъ по числительности корпусомъ войскъ, получившимъ лишь громкое наименованіе арміи.

Въ началѣ мая 1770 года численность турецкой арміи на нижнемъ Дунаѣ достигала 200,000 чел. Первою цѣлью дѣйствій этой арміи было поставлено очищеніе Молдавіи и Валахіи отъ русскихъ войскъ. Въ то же время крымскій ханъ, собравъ свои силы у Кишинева, долженъ былъ, перейдя Прутъ, отрѣзать русскія войска, расположенныя въ Молдавіи, отъ главныхъ силъ Румянцова. Румянцовъ во время оттянулъ русскія войска изъ княжествъ къ Пруту и самъ съ главными силами, обезпечивъ Хотинъ гарнизономъ, двинулся внизъ по Пруту съ цѣлью не допустить соединенія крымцевъ съ турками.

Въ первыхъ числахъ іюля крымскій ханъ, при приближеніи русскихъ войскъ, сосредоточилъ на р. Ларгѣ, при впаденіи ея въ р. Прутъ до 80,000 чел. Румянцовъ, имѣя всего 14,000 чел.¹⁾, 7 іюля смѣло атаковалъ, въ новомъ введенномъ имъ строѣ, татаръ и легко нанесъ имъ полное пораженіе. Татары отступили за р. Ялпухъ. На мѣстѣ боя осталось 1,000 тѣлъ. Наши потери заключались всего въ 29 убитыхъ и 61 раненыхъ.

Но главныя трудности для войскъ Румянцова предстояли еще впереди. 16 іюля на р. Кагулѣ, впадающей въ р. Прутъ, собралась армія верховнаго визиря, силою около 50,000 пѣхоты и 100,000 конницы. 80,000 татаръ собирались у оз. Ялпухъ и своими передовыми частями уже вошли въ связь съ турками. Румянцовъ, за отдѣленіемъ отрядовъ вспомогательнаго назначенія, располагалъ лишь 17,000 пѣхоты и нѣсколькими тысячами регулярной конницы.

20 іюля турки двинулись впередъ и остановились лишь въ 6 верстахъ отъ русскаго лагеря, расположеннаго у Троянова вала, близъ д. Фальконешти. Планъ турокъ заключался въ томъ, чтобы атаковать наши войска съ фронта турками, съ тыла — крымцами. Румянцовъ рѣшилъ, не дожидаясь атаки, перейти въ наступленіе противъ турокъ ранѣе, чѣмъ они соединятся съ татарами.

Ночью на 21 іюля войска наши выступили изъ лагеря и въ трехъ группахъ, соотвѣтствовавшихъ числу дивизій, двинулись впередъ. Каждая изъ дивизій должна была образовать особое каре. Первая дивизія Олица должна была наступать на центръ непріятельскаго лагеря, 2-я дивизія Племянникова на лѣвый флангъ непріятеля и 3-я дивизія Брюса на правый флангъ, охватывая его. Особые пѣхотные отряды Репнина и Баура назначались для обхода позиціи турокъ и даже удара въ тылъ. Конница была распредѣлена равномерно между всѣми каре. Всѣ обозы были оставлены въ общемъ ва-

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 646.

генбургъ въ тылу. Такимъ образомъ, боевой порядокъ русскихъ состоялъ изъ пяти каре, изъ которыхъ малыя каре Репнина и Баура должны были находиться впереди другихъ.

На разсвѣтѣ наши войска, въ полной тишинѣ, уже перешли черезъ Трояновъ валъ и были выстроены въ указанномъ имъ порядкѣ.

Въ 4 часа утра начались атаки турокъ. Наши каре приостанавливались, отражали атаки огнемъ орудій и ружей и затѣмъ продолжали движеніе впередъ. Только къ 8 часамъ утра наши войска, непрерывно отражая атаки конныхъ массъ турокъ, приблизились къ окопамъ, занятымъ турецкою пѣхотою. Первымъ ворвался въ окопы отрядъ Баура и овладѣлъ 25 орудіями. Но въ центрѣ турецкіе янычары сами перешли въ наступленіе и стремительно обрушились на каре Племянникова. Они ворвались внутрь каре, совершенно разстроили его, овладѣли двумя знаменами и обратили часть нашей пѣхоты въ бѣгство по направленію къ каре Олица. Въ эту критическую минуту Румянцову личнымъ примѣромъ удалось остановить часть отступавшихъ. Наша конница, вмѣстѣ съ 1 гренадерскимъ полкомъ изъ каре Олица, бросилась на янычаръ и обратила ихъ въ бѣгство. Тогда всѣ наши войска дружно бросились на турецкіе окопы, но они уже были оставлены турками. Замѣтивъ, что отрядъ Репнина обходитъ ихъ съ тыла, турки обратились въ бѣгство, оставивъ нашими трофеями 140 орудій, 60 знаменъ, обозъ и лагерь.

Наши потери, главнымъ образомъ въ колоннѣ Племянникова, составили 364 чел. убитыхъ и 550 чел. раненыхъ. При преслѣдованіи у Дуная въ наши руки достались еще 139 орудій. Потери турокъ у С. Соловьева показаны въ 20,000 чел.

Паника арміи турокъ, пораженной подъ Кагуломъ, распространилась и на гарнизоны турецкихъ крѣпостей по Дунаю: Измаилъ, Килія, Браиловъ, а также Аккерманъ, сдались безъ боя.

Вторая армія Панина, послѣ упорнаго боя, овладѣла 16 октября Бендерами. Высоко цѣня свой подвигъ, командовавшій 2-ю арміею Панинъ ¹⁾ остался недоволенъ данною ему наградою, подалъ рапортъ о болѣзни, а затѣмъ и прошеніе объ отставкѣ для леченія заграницею.

Одновременно съ дѣйствіями Румянцова на сухомъ пути долженъ былъ дѣйствовать и нашъ флотъ, подъ начальствомъ Спиридова, въ греческихъ водахъ. Орловъ, находившійся при флотѣ съ особыми полномочіями, по прибытіи флота къ греческимъ берегамъ, рассчитывалъ поднять противъ турокъ греческое населеніе и выставить до 40,000 бойцовъ. Но этимъ надеждамъ не суждено было оправдаться: высадившійся небольшой русской десантъ, подъ начальствомъ Баркова, могъ присоединить къ себѣ только около 1,000

¹⁾ Братъ всецѣльнаго тогда Панина.

грековъ-майнотовъ. Первое столкновение съ турками было успѣшно. У Спарты Барковъ разбилъ турецкій отрядъ въ 3,000 чел., а затѣмъ въ Мизитрѣ ему сдался значительный турецкій гарнизонъ съ правомъ свободнаго выхода; но, когда турки сдали оружіе, майноты измѣнически напали на нихъ и перерѣзали болѣе 1,000 человекъ. Послѣ перваго успѣха отрядъ Баркова увеличился до 8,000 чел. Съ этими силами онъ двинулся къ Триполицѣ. Но въ предмѣстьяхъ города турки напали на отрядъ со всѣхъ сторонъ, греки бросили русскихъ и обратились въ безпорядочное бѣгство. Поведеніе грековъ вызывало въ Орловѣ и вообще у русскихъ большое раздраженіе. Орловъ доносилъ, что „робость грековъ и майнотовъ лишаетъ его совсѣмъ надежды“; мѣстное населеніе Орловъ аттестовалъ такъ: „здѣшніе народы лѣстивы и обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы, лакомы къ деньгамъ и добычѣ... Законъ исповѣдуютъ едиными только устами, не имѣя ни слабаго начертанія въ сердцахъ добродѣтели христіанскія“¹⁾. Другой походъ, для овладѣнія Модономъ, тоже окончился полною неудачею. Князь Юрій Долгорукій не только потерпѣлъ поражение, но потерялъ артиллерію.

Не радовалъ Орлова и флотъ. Собирался онъ очень медленно и не въ порядкѣ. Въ іюль 1769 года изъ Кронштадта была отправлена эскадра изъ 7 кораблей и 7 другихъ судовъ. Въ концѣ декабря того же года у острова Минорки собралось только 4 корабля и 4 мелкихъ судна. Въ началѣ февраля 1770 г. явились въ Ливорно, послѣ выдержанной бури, только одинъ корабль, одинъ фрегатъ и одинъ пакетботъ. Пакетботъ „Почтальонъ“ сѣлъ на мель. По этому поводу графъ Орловъ доносилъ императрицѣ: „Почтальонъ сѣлъ на мель и потому уже недѣли двѣ и по сековое время стащить не можемъ, употребляя всевозможныя средства. Признаюсь чистосердечно, увидя столь много дурныхъ обстоятельствъ въ оной службѣ, такъ великое упущеніе, незнаніе и нерадѣніе офицерское и лѣнь, неопрятность всѣхъ людей морскихъ,—волосы дыбомъ поднялись, а сердце кровью облилось. Командиры не устыдились укрывать недостатки и замазывать гнилое красками. Дошли до того, что ни провіанту, ни денегъ у себя ничего не имѣютъ. Признаться должно, что если бы всѣ службы были въ такомъ порядкѣ и незнаніи, какъ и эта—морская, то бѣднѣйшее было бы наше отечество; но скажу и то, надѣмся теперь уже крѣпко, что дурноты всѣ уже миновались, и все теперь пойдетъ. Таковы то наши суда: если бы мы не съ турками имѣли дѣло, всѣхъ бы легко передавили, не нужно-бъ было много съ ними драться, а только за ними гнаться, они бы изъ гавани не выходили по незнанію офицеровъ“²⁾.

Орловъ, кромѣ того, доносилъ, что „командиры (во флотѣ)

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 656—658.

²⁾ Тамъ же, стр. 655.

между собою въ великой ссорѣ, а подкомандные въ уныніи и неудовольствіи“. Эльфинсонъ не хотѣлъ подчиниться Спиридову; Орловъ, не будучи морякомъ, принялъ надъ флотомъ начальство, чтобы помирить командировъ эскадръ.

Тѣмъ радостнѣе было государынѣ, послѣ донесеній о неудачѣ морейскаго похода и дурномъ состояніи флота, получить извѣстіе о неожиданной и блестящей побѣдѣ нашего флота надъ турецкимъ.

24 іюня, при входѣ въ Хиосскій проливъ, близъ небольшой крѣпости Чесмы, русскій флотъ встрѣтилъ шедшую изъ Константинополя турецкую эскадру изъ 16 линейныхъ караблей, отъ 60 до 90 орудій каждый, 6 фрегатовъ и многихъ мелкихъ судовъ. Русскій флотъ атаковалъ и послѣ упорнаго боя заставилъ турецкій флотъ укрыться въ бухтѣ. Во время этого боя адмиральскій корабль „Евстафій“ сцѣпился на абордажъ съ турецкимъ адмиральскимъ судномъ. Послѣ рукопашнаго боя оба корабля взлетѣли на воздухъ: 30 офицеровъ и свыше 600 матросовъ погибли.

25 іюня приготовили брандеры. Лейтенантъ Ильинъ явилъ истинное геройство, соединенное съ искусствомъ. Ему удалось такъ ловко направить на турецкую эскадру горящіе брандеры, что весь турецкій флотъ былъ уничтоженъ. Сгорѣло 15 кораблей, 6 фрегатовъ и до 50 мелкихъ судовъ ¹⁾. Такимъ образомъ, дурное матеріальное состояніе флота не помѣшало героическому дѣйствию его противъ турокъ.

Послѣ одержанныхъ побѣдъ на сушѣ, весь берегъ Дуная, отъ Виддина до Килии, кромѣ Журжи и Турно, былъ въ нашихъ рукахъ. Бухарестъ и Яссы были заняты русскими войсками. Но силы Румянцова были слишкомъ незначительны, не свыше 50,000 чел., чтобы движеніемъ вглубь Балканскаго полуострова—къ Стамбулу вынудить турокъ къ выгодному для Россіи миру. Къ тому же наши войска были ослаблены большою болѣзненностью, нуждались въ одеждѣ и продовольствіи.

Кампанія 1771 года.

На 1771 годъ Румянцовъ получилъ лишь оборонительную задачу, пока не соберетъ достаточно силъ и средствъ для рѣшительныхъ дѣйствій.

По мнѣнію историка Милюкова, мы были совершенно неготовы къ войнѣ. Одержанныя Румянцовымъ съ горстью войскъ побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ были „эффекты минуты“, а въ сущности, не смотря на блестящее начало, мы не могли двигаться вглубь страны ²⁾.

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 662—663.

²⁾ П. Милюковъ „Очерки по исторіи русской культуры“, ч. III, выпускъ 2, стр. 272.

Въ 1771 году малочисленная русская армія была расположена въ трехъ группахъ: правымъ крыломъ командовалъ генераль Олицъ, обязанный защищать участокъ между рѣками Серетомъ и Ольтою. Лѣвымъ крыломъ командовалъ Вейсманъ, охранявшій теченіе Дуная отъ Прута до Чернаго моря. Въ центрѣ, на р. Серетѣ, стоялъ съ резервомъ арміи самъ Румянцовъ, готовый подать помощь какъ правому, такъ и лѣвому флангамъ нашего расположенія въ княжествахъ.

Прочному утвержденію на Дунаѣ намъ препятствовало занятіе турками Журжи и Турно. Въ февралѣ 1771 года Журжа была взята, но затѣмъ турки снова овладѣли ею и, перейдя въ наступленіе, двинулись къ Бухаресту. Наши войска, подъ начальствомъ Репнина, разбили турокъ, но не преслѣдовали ихъ. Это дало поводъ Румянцову, поздравляя Репнина съ побѣдою, упрекнуть его въ томъ, что онъ не воспользовался пораженіемъ турокъ и не преслѣдовалъ ихъ; тогда бы и Журжа снова перешла въ наши руки. Слѣдуя примѣру Панина, обидѣлся и Репнинъ: онъ увѣдомилъ Румянцова о своей болѣзни и тоже просилъ объ увольненіи его для пользованія заграничными водами.

Занявшій мѣсто Репнина Эссенъ въ августѣ попытался взять Журжу безъ должной подготовки и потерпѣлъ серьезную неудачу, при чемъ почти всѣ офицеры были убиты или ранены, а нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя до 2,000 чел. Но, не смотря на эту неудачу, дѣйствія нашихъ войскъ, повидимому, потрясли и турокъ. Вторая попытка Эссена взять Журжу увѣнчалась успѣхомъ.

На лѣвомъ флангѣ наши дѣла (въ сущности мелкія дѣйствія) шли также успѣшно.

Наши частные начальники войскъ, — Озеровъ, Милорадовичъ, Якубовичъ и въ особенности Вейсманъ, съ незначительными силами дѣлали рядъ успѣшныхъ набѣговъ на пункты, занятые турками; захватывали запасы, суда; у Тульчи Вейсманъ взялъ и заклепалъ 23 орудія, а къ осени 1771 года Вейсманъ овладѣлъ Исакчею, Милорадовичъ — Мачинномъ, Якубовичъ — Гирсовомъ.

Къ ноябрю 1-я армія расположилась на зимнихъ квартирахъ, а главная квартира была перенесена въ Яссы.

На совѣтѣ, собранномъ въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ государыни, одновременно съ возложеніемъ на 1-ю армію только оборонительной задачи, рѣшено было 2-ю армію направить для завоеванія Крыма.

Россія предыдущею войною добилась признанія Крыма независимымъ отъ Турціи. Но крымцы, по религіознымъ побужденіямъ, продолжали тяготѣть къ Турціи и признавать султана своимъ главою. Независимость отнимала у нихъ защиту Турціи и ставила въ опасное положеніе передъ сильною Россією. Поэтому естественно, что населеніе крымскаго полуострова относилось по прежнему враж-

дебно къ русскимъ, вполнѣ сознавая опасность быть поглощеннымъ Россією. Возбужденіе противъ Россіи дошло до того, что крымскіе старшины рѣшили прекратить сношенія съ Россією, а если бы русскіе посланцы прибыли, то ихъ вѣшать на позоръ Россіи ¹⁾. Во главѣ недовольныхъ сталъ братъ Селимъ-Гирея.

Муллы и мурзы, основываясь на коранѣ, признавали, что даже присяга, принесенная мусульманами на вѣрность Россіи, не можетъ считаться дѣйствительною. Они опирались при этомъ на статью алкорана, которая гласитъ: „если мусульманскій народъ, не видя никакой опасности отъ меча и огня, осмѣлится нарушить свою присягу отступленіемъ отъ единовѣрнаго государя и передаться иновѣрной державѣ, то навѣки долженъ быть проклятъ; если же предвидится неминуемая гибель, то нужда законъ перемѣняетъ и нарушить присягу позволяется“. Поэтому между татарами и было постановлено: „до тѣхъ поръ не отступать отъ Порты, пока не увидятъ крайней опасности отъ русскаго войска“ ²⁾.

Итакъ, заставить крымцевъ отдѣлиться отъ Турціи можно было только силою.

2-я армія, подъ начальствомъ князя Долгорукаго, 22 мая собралась на р. Маячкѣ, а 14 іюня 1771 года подошла къ Перекопской линіи, защищавшейся Селимъ-Гиреемъ съ 50,000 татаръ и 7,000 турокъ.

Послѣ ничтожнаго боя татары и турки отступили. Перекопъ сдался. Крѣпость Арбатъ была взята приступомъ. Узнавъ, что къ татарамъ къ г. Кафѣ (Феодосіи) прибываютъ турецкія подкрѣпленія, Долгорукій напалъ на турецкій лагерь и овладѣлъ имъ. Турки потеряли болѣе 3,000 человекъ. Городъ Кафа сдался. Узнавъ о пораженіи турецкихъ войскъ, турецкіе гарнизоны Керчи и Еникале бросили эти пункты и вышли къ берегамъ Чернаго моря.

При дальнѣйшемъ движеніи русскихъ войскъ къ Бахчисараю, при чемъ рѣшено было занять Ялту и Балаклаву, ханъ Селимъ сѣлъ на суда и отправился въ Турцію.

Тогда крымцы рѣшились подчиниться требованіямъ Россіи. Въ то время эти требованія заключались, прежде всего, въ отторженіи Крыма отъ Турціи и образованіи изъ него независимаго государства, подъ покровительствомъ Россіи. Собраніе крымскихъ старшинъ составило присяжный листъ за 110 подписями—объ утвержденіи вѣчной дружбы и неразрывнаго союза съ Россією. Въ ханы былъ избранъ Сагибъ-Гирей.

Долгорукій, послѣ заявленія посланныхъ къ нему представителей крымскаго народа о томъ, что избранный ханъ не имѣетъ никакой привязанности къ Портѣ и вовсе отъ нея отторгнулся, что и

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 736.

²⁾ Тамъ, же стр. 736—737.

подтвердилъ клятвою передъ всѣмъ обществомъ, согласился утвердить это избраніе.

До 9,000 русскихъ рабовъ были освобождены. Командующій русскими войсками, по соглашенію съ ханомъ, приказалъ поднять кресты на 12 греческихъ церквахъ въ Кафѣ и снабдить ихъ колоколами. По всѣмъ городамъ и селамъ начали поправлять греческія церкви.

Однако и съ новымъ ханомъ немедленно начались столкновенія. Указывая, что мы добиваемся независимости Крыма, мы въ то же время заявляли хану, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ оставимъ свои гарнизоны для защиты крымцевъ отъ турокъ, и требовали, чтобы крымцы доставляли этимъ гарнизонамъ топливо. Мало того, нашъ повѣренный въ дѣлахъ при ханѣ—Веселицкій долженъ былъ настаивать, чтобы ханъ, вступая въ вѣчную дружбу и союзъ съ Россією, въ то же время отправилъ къ императрицѣ „просительное письмо“, чтобы приняла подъ свою власть города Керчь, Еникале и Кафу. Крымцы противились. Шагъ за шагомъ создалось такое положеніе, которое черезъ нѣсколько лѣтъ привело Крымъ къ присоединенію къ Россіи на всегда ¹⁾.

Кампанія 1772—73 годовъ.

Въ 1772 году тянулись безъ успѣха переговоры съ турками о мирѣ. Пришлось снова прибѣгнуть къ силѣ оружія.

Въ дѣйствіяхъ 1773 года на правомъ берегу Дуная главную роль играютъ Суворовъ и Вейсманъ.

Всѣ силы Румянцова состояли изъ 35,000 человекъ. Самъ фельдмаршалъ Румянцовъ съ главными силами, всего около 15,000 чел., стоялъ у Галаца и Браилова. Отдѣльные отряды были расположены: противъ Журжи 12,000 чел. подъ начальствомъ Салтыкова, противъ Гуробаль—4,000 чел. подъ начальствомъ Потемкина; Вейсманъ съ 4,000 чел. занималъ Измаиль. Суворовъ находился подъ командою Салтыкова и съ небольшимъ отрядомъ стоялъ у Негаешти, противъ Туртукая ²⁾.

Турки оправившись отъ нанесенныхъ имъ поражений и сосредоточились у Шумлы, занявъ сильными гарнизонами прибрежныя крѣпости. Въ особенности сильно была занята Силистрія. Гарнизонъ этой крѣпости состоялъ изъ 30,000 человекъ.

Не рѣшаясь, въ виду незначительности силъ, перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, Румянцовъ искусно пользуется выдающимися боевыми качествами подчиненныхъ ему начальниковъ и воз-

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVІІІ, стр. 741.

²⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 91.

лагаеть на нихъ веденіе военныхъ дѣйствій на турецкой сторонѣ Дуная.

Потемкинъ, Вейсманъ и въ особенности Суворовъ, дѣйствуя съ незначительными силами, успѣваютъ одержать серьезные успѣхи, безъ участія Румянцова и главныхъ силъ арміи. Потемкину удается овладѣть Гирсовомъ. Суворовъ два раза беретъ Туртукаю и затѣмъ разбиваетъ турокъ у Козлуджи. Вейсманъ одерживаетъ побѣду у д. Кучукъ-Кайнарджи. Самъ же Румянцовъ бездѣйствуетъ.

Въ первый поискъ къ Туртукаю Суворовъ, съ отрядомъ около 1,000 человекъ, ночью на 10 мая переправился черезъ Дунай и напалъ на турокъ силою до 4,000 человекъ, занимавшихъ укрѣпленный лагерь близъ Туртукаю и самый городъ. Въ ночномъ бою лагерь и городъ были взяты. Около 1,000 турокъ выбыло изъ строя. У насъ выбыло около 200 человекъ. Нашими трофеями были 6 знаменъ, 16 орудій, 30 судовъ и 21 лодка ¹⁾).

Въ ночь на 17 іюня Суворовъ произвелъ второй поискъ къ Туртукаю съ болѣе значительнымъ отрядомъ, въ 1,700 чел. пѣхоты, 850 чел. конницы, 680 казаковъ и 100 арнаутовъ, всего до 3,300 чел. Турокъ было свыше 4,000 чел. въ двухъ лагеряхъ, усиленныхъ укрѣпленіями и батареями. Главныя трудности выпали на долю войскъ, переправлявшихся черезъ Дунай въ первомъ эшелонѣ. Особое отличіе оказалъ майоръ Ребокъ, командовавшій одною изъ колоннъ: онъ выбилъ турокъ изъ перваго лагеря и послѣ рукопашнаго боя овладѣлъ укрѣпленіемъ... „Два русскія каре, стоявшія на горѣ, подъ начальствомъ полковника Батурина, не поддержали Ребока, какъ слѣдовало по диспозиціи, и тѣмъ едва не испортили все дѣло “ ²⁾). Суворовъ, переправившись съ частями войскъ во второмъ эшелонѣ, помогъ овладѣть вторымъ лагеремъ и выбилъ турокъ изъ Туртукаю. Казаки довершили побѣду; турки, преслѣдуемые верстъ пять, побѣжали къ Руцукъ. Русскимъ достались 14 орудій и 35 разныхъ судовъ. Турокъ легло 600—800 человекъ. Наши потеряли отъ 150 до 200 человекъ.

Дабы понудить турокъ къ заключенію выгоднаго для насъ мира ³⁾), Румянцовъ, въ концѣ мая 1773 года рѣшилъ переправить часть войскъ на правый берегъ Дуная и приступаетъ къ осадѣ Силистріи, занятой гарнизономъ въ 30,000 чел. На Вейсмана было возложено очистить отъ турецкихъ войскъ Бабадагскую область до Силистріи, что онъ и исполнилъ съ успѣхомъ; при Карасу онъ напалъ на турокъ силою въ 12,000 чел. и разбилъ ихъ, взявъ 16 орудій и лагерь ⁴⁾).

¹⁾ А. Петрушевскій „Генерал-испмусъ князь Суворовъ“, т. I, стр. 153.

²⁾ Тамъ же, стр. 160.

³⁾ Условія для заключенія мира служили съ 1772 года предметомъ дипломатическихъ сношеній между Россією, Австрією и Пруссією.

⁴⁾ Соловьевъ, т. XXIX, стр. 911.

7 іюня почалась переправа главныхъ силъ. Черезъ нѣсколько дней собралось до 14,000 чел. Передовыя турецкія укрѣпленія уже были взяты, когда получилось извѣстіе о движеніи изъ Шумлы на помощь гарнизону Силистріи 20,000 турокъ. Румянцовъ снялъ осаду, а для прикрытія отступленія выслалъ отрядъ Вейсмана, силою въ 5,000 человекъ, на встрѣчу турокъ. Не смотря на неравенство силъ, Вейсманъ у с. Кучукъ-Кайнарджи атаковалъ турокъ, разбилъ ихъ, овладѣлъ 25 орудіями и всѣмъ лагеремъ. Но побѣда досталась намъ дорого: Вейсманъ былъ убитъ.

Остальную часть года армія наша бездѣйствовала, ограничиваясь поисками на правый берегъ Дуная. Одинъ изъ отрядовъ, посланный въ такой поискъ, подъ начальствомъ Унгерна, дошелъ до Варны, штурмовалъ ее, но былъ отбитъ съ большимъ урономъ.

Побуждаемый изъ Петербурга къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, Румянцовъ отвѣчалъ, что отъ такихъ дѣйствій онъ долженъ отказаться, „имѣя подъ именемъ арміи небольшой корпусъ пѣхоты въ 13,000 чел.“, и просилъ замѣнить его другимъ лицомъ.

Рѣшено было подкрѣпить нашу 1-ю армію на столько, чтобы въ 1774 году имѣть для активныхъ дѣйствій 116,000 чел. Въ то же время Орловъ брался съ десантомъ въ 20,000 чел. идти съ флотомъ къ Константинополю.

Въ виду однако недостатка въ войскахъ, въ совѣтъ, собранномъ императрицею, Панинъ предложилъ „превратить войну изъ наступательной въ оборонительную; но прежде всѣ занятія турецкія крѣпости разорить до основанія, города и селенія опустошить въ конецъ, а жителей всѣхъ съ имуществомъ ихъ отвести въ Россію, гдѣ еще много пустыхъ и къ жизни удобныхъ мѣстъ; такое переселеніе жителей Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи будетъ для Россіи достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ понесенные убытки, а для Порты — самымъ чувствительнымъ ударомъ, отъ котораго она не оправится“¹⁾.

Даже Фридрихъ Великій, не стѣснявшійся въ средствахъ для достиженія поставленныхъ имъ цѣлей, по поводу предложеннаго Панинымъ способа облагодѣтельствованія единовѣрныхъ намъ христіанъ Балканскаго полуострова, высказалъ, что „этотъ проектъ совершенно противенъ челоуколюбію, слишкомъ отвратителенъ и въ то же время можетъ сдѣлаться опаснымъ“²⁾. Одновременно Фридрихъ II совѣтовалъ намъ взять „хотя Очаковъ“.

Кампанія 1774 года.

Не смотря на незначительность присланныхъ подкрѣплений, Румянцовъ въ 1774 году рѣшился проникнуть внутрь страны до

¹⁾ Соловьевъ, т. XXIX, стр. 979.

²⁾ Тамъ же, стр. 953.

Балканскихъ горъ. Два авангарда, подъ начальствомъ Каменскаго и Суворова, должны были наступать черезъ Базарджикъ къ Шумлѣ. За ними предполагалось переправить черезъ Дунай главную армію, обложить Силистрію и Русчукъ, а остальные войска расположить такъ, чтобы они могли подкрѣплять ту или другую изъ дѣйствующихъ группъ войскъ. Трудно понять, какимъ образомъ армія не свыше 50,000 чел., ослабленная болѣзненностью ¹⁾, могла дѣйствовать съ успѣхомъ одновременно противъ трехъ главныхъ турецкихъ крѣпостей и въ то же время дойти до Балканъ.

Суворовъ и превосходство во всѣхъ отношеніяхъ русскихъ войскъ надъ турецкими помогли выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое была поставлена наша армія распоряженіями Румянцова.

Повидимому, не желая подчиниться Каменскому, Суворовъ, съ своимъ отрядомъ въ 8,000 чел., медлитъ движеніемъ на соединеніе съ отрядомъ Каменскаго. Соединившись 9 іюня, Суворовъ двигается впереди отряда Каменскаго. Но вотъ онъ узнаетъ, что 40,000 турокъ направляются изъ Шумлы на встрѣчу нашимъ войскамъ. Не дожидаясь прибытія войскъ Каменскаго, Суворовъ рѣшается только своими силами атаковать турокъ у с. Козлуджи. Послѣ упорнаго боя за выходъ изъ лѣса онъ строитъ свои войска въ двѣ линіи одно-батальонныхъ каре, кавалерію располагаетъ на флангахъ и смѣло двигается на турокъ. Всѣ встрѣчныя ихъ атаки отбиты, хотя нѣкоторыя каре были прорваны.

Рѣшительный періодъ боя у А. Петрушевскаго описанъ такъ:

„Передъ фронтомъ турецкаго лагеря тянулась лощина. Подойдя къ этой лощинѣ, Суворовъ выставилъ подоспѣвшія къ тому времени 10 полевыхъ орудій, въ продолженіе нѣкотораго времени обстрѣливалъ лагерь и затѣмъ повелъ атаку, съ кавалеріею впереди.

„Въ турецкомъ лагерѣ господствовалъ совершенный хаосъ, результатъ быстрого перехода отъ напряженнаго одушевленія къ отчаянію. Рейсъ-эфенди старался привести свои разстроенныя войска въ порядокъ, но никто и не думалъ слушаться. Одни обрубали построики у артиллерійскихъ лошадей, чтобы добыть себѣ коней для бѣгства; другіе съ этою же цѣлью стрѣляли во всадниковъ, одинъ выстрѣлилъ даже въ самого Рейсъ-эфенди. Въ разгарѣ этой суматохи раздались выстрѣлы русской артиллеріи и ядра стали ложиться въ лагерь. Тогда смятеніе мусульманъ дошло до послѣдняго предѣла: брошены палатки, орудія, обозъ, и все устремилось въ бѣгство въ разныя стороны.

„При закатѣ солнца Суворовъ безпрепятственно занялъ турецкій лагерь. Добыча досталась войскамъ очень большая, вмѣстѣ съ трофеями, состоявшими изъ 29 орудій и 107 знаменъ. Потеря ту-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ полкахъ оставалось 200 человекъ.

рокъ людьми исчисляется различно; самый умѣренный счетъ показываетъ 500 чел. убитыхъ и 100 чел. плѣнныхъ, но, судя по упорству и продолжительности боя, истинная цифра должна быть выше. Уронъ русскихъ опредѣляется слишкомъ въ 200 человекъ убитыхъ и раненыхъ, но это исчисленіе слѣдуетъ признать также ниже дѣйствительности.

„Не смотря на крайнее утомленіе войскъ, Суворовъ съ кавалеріею и частью пѣхоты преслѣдовалъ турокъ, пока пала ночь. Въ этотъ трудный день онъ былъ все время на конѣ, часто въ огнѣ и даже въ ручномъ бою“ ¹⁾.

Войска Каменскаго начали прибывать уже по окончаніи боя.

Правдивый историкъ великаго Суворова строго осуждаетъ проявленное Суворовымъ нежеланіе подчиниться Каменскому и его стремленіе вырвать побѣду у турокъ безъ содѣйствія войскъ Каменскаго ²⁾.

Эта побѣда, въ связи съ начатыми дѣйствіями противъ Силистріи, вынудила турокъ просить мира.

10 іюля 1774 года при д. Кучукъ-Кайнарджи (близъ Силистріи) былъ заключенъ мирный договоръ, извѣстный подъ именемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго.

По этому договору Турція, между прочимъ, обязалась ³⁾:

„Признать независимость татаръ: крымскихъ, буджакскихъ, кубанскихъ, едиганскихъ, жамбулуйскихъ и едичкульскихъ, владѣнія коихъ обнимали 1579₉₉ кв. м., и уступить въ вѣчное владѣніе Россіи:

- а) крѣпость Кинбурнъ съ округомъ, въ 333₄₃ кв. м.,
- б) крѣпости Еншкале и Керчь съ ихъ уѣздами, въ 2₉₇ кв. м.,
- в) городъ Азовъ съ уѣздомъ его въ предѣлахъ, обозначенныхъ въ трактатѣ 1700 года, въ 138₄₇ кв. м.“

Такимъ образомъ, по Кучукъ-Кайнарджійскому договору Россіи пріобрѣла 474₈₇ кв. м., а Турція, съ признаніемъ независимости татаръ крымскихъ и другихъ и съ уступкой земель Россіи, утратила навсегда 2054₈₆ кв. м.

Въ этомъ трактатѣ Порту особенно смущало выговоренное Россіею право вступаться официально за христіанскихъ подданныхъ султана ⁴⁾.

Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ Россія прочно вышла на берегъ Чернаго моря. Турція потеряла все Азовское море и берегъ Чернаго моря отъ Керчи до р. Буга. Важность этого мира заключалась и въ томъ, что признаніе Крыма независимымъ отдавало его,

¹⁾ А. Петрушевскій, т. I, стр. 176.

²⁾ Тамъ же, стр. 177.

³⁾ Н. Стрѣльбицкій, „Владѣнія турокъ на материкѣ Европы“, изд. 1879 г., стр. 5—9.

⁴⁾ А. Гирсъ, „Россія и ближій востокъ“.

при первомъ же удобномъ случаѣ, въ руки Россіи. Дѣйствительно, уже черезъ 9 лѣтъ послѣ мира, Крымъ былъ навсегда присоединенъ къ Россіи.

А. Петрушевскій, въ своемъ трудѣ „Генералиссимусъ князь Суворовъ“, дѣлаетъ слѣдующее заключеніе о войнѣ 1769 — 74 г.г. и роли въ ней Суворова ¹⁾: Вслѣдствіе отвлеченія военныхъ силъ Россіи на западную границу, наши силы въ эту войну были недостаточны для тѣхъ задачъ, которыя ставились нашей арміи. Укомплектованіе войскъ было совершенно не обеспечено. Необходимые запасы снаряженія постоянно запаздывали. Многочисленные обозы затрудняли передвиженія войскъ. Рогатки и построенія огромныхъ каре дѣлали движенія арміи затруднительными. Румянцовъ сдѣлалъ важный шагъ, отмѣнивъ рогатки и уменьшивъ размѣры каре. Суворовъ пошелъ еще далѣе и, принявъ каре, какъ лучшей видъ строя противъ турокъ, уменьшилъ Румянцовскія каре (изъ дивизіи), строя каре изъ двухъ батальоновъ, одного батальона и даже изъ ротъ.

Разсмотрѣнною войною Россіи еще не было суждено покончить борьбу съ Турціею за выходъ къ Черному морю. Черезъ 13 лѣтъ Россіи пришлось вести новую войну съ Турціею, которою, послѣ побѣды Суворова подъ Рымникомъ и Измаиломъ, и закончились войны съ Турціею, необходимыя для Россіи въ цѣляхъ утвержденія ея на берегахъ Чернаго моря.

Присоединеніе къ Россіи Крыма.

Выше было изложено, что завоеваніе Крыма было исполнено Россіею уже въ 1771 году. Но, по политическимъ соображеніямъ, въ то время не признавалось еще возможнымъ полностью воспользоваться этимъ завоеваніемъ, присоединивъ Крымъ къ русскимъ владѣніямъ.

Не смотря на данныя обѣщанія, татары продолжали сношенія съ турками и, по прежнему, своимъ главою считали султана. Татары желали раболѣпствовать по прежнему передъ Портою и не хотѣли принять данной имъ вольности ²⁾. Въ Крыму образовалась сильная партія, стремившаяся поставить ханомъ Селимъ-гирея, бывшаго уже ханомъ Крыма и бѣжавшаго въ Турцію, при завоеваніи его въ 1771 году русскою арміею. Турція тоже поддерживала Селимъ-гирея.

Въ декабрѣ 1777 года противная Россіи партія въ Турціи рѣшила подать помощь татарамъ въ Крыму, начавшимъ открытую борьбу противъ хана Шагинъ-гирея ³⁾. Когда Селимъ-гирей съ ту-

¹⁾ А. Петрушевскій, т. I, стр. 183—184.

²⁾ Соловьевъ, т. XXIX, стр. 984.

³⁾ Ставшаго, съ утвержденія Россіею, ханомъ послѣ брата его Сагибъ-гирея.

рецкими войсками высадили въ Крыму, возстаніе охватило значительную часть Крыма и было направлено уже не только противъ хана Шагинъ-гирей, но и противъ Россіи.

Румянцовъ предписалъ Прозоровскому, чтобы онъ „употребилъ все свои старанія къ приведенію всеѣхъ неблагоугодныхъ и зломыслящихъ татаръ, особенно жителей горъ, въ нищету и такое состояніе, которсе не позволяло бы имъ думать болѣе о враждѣ съ нами, а турки потеряли бы охоту и удобство на общее съ ними противъ насъ дѣйствіе“¹⁾.

Прозоровскій естественно для выполненія этой задачи просилъ разрѣшенія вторгнуться въ Крымъ съ войсками и доказывалъ, что Шагинъ-гирей безъ постояннаго пребыванія нашихъ войскъ въ Крыму обойтись не можетъ. Между тѣмъ, постоянное пребываніе нашихъ войскъ въ Крыму было противно заключенному трактату. Румянцовъ запросилъ Петербургъ, что дѣлать?

Пока рѣшали вопросъ о будущемъ, Прозоровскій началъ борьбу съ мятежниками-татарами и, повидимому, не церемонился съ ними. Имѣются указанія, что въ разныхъ стычкахъ съ русскими войсками погибло до 12,000 татаръ.

Голодъ, морозы и междоусобная борьба еще ухудшили положеніе населенія. Убивали другъ друга изъ-за куска хлѣба. Прозоровскій доносилъ: „Время помогло мнѣ привести ихъ (возставшихъ) въ совершенное изнуреніе и полунубытіе, безъ потери людей и довольнаго отягощенія войскъ“.

Въ дѣйствительности дѣло обстоило не такъ благополучно. Русскія войска имѣли кровопролитное столкновеніе съ возставшими татарами, въ которомъ татары потеряли убитыми и ранеными 2,000 чел., а русскіе 450 человекъ²⁾.

Въ апрѣлѣ 1778 года Порта рѣшила двинуть къ крымскимъ берегамъ весь свой флотъ и десантъ, но, прикрывая враждебныя Россіи цѣли, указывала, что эта мѣра принимается въ цѣляхъ возстановить, совмѣстно съ Россією, порядокъ въ Крыму и управленіе согласно съ договорами. Турки обѣщали вернуть свои войска, когда будутъ выведены и русскія войска.

Въ Петербургѣ не могли согласиться на такое вмѣшательство Турціи въ дѣла Крыма. Нашъ посолъ въ Цортѣ Стахіевъ грозилъ отъѣздомъ со всею миссією. Въ Крымъ былъ посланъ Суворовъ. Приказано было противиться высадкѣ турокъ силою.

Принята была и еще одна мѣра: противно желанію хана Шагинъ-гирей, въ сентябрѣ 1778 года были выведены, частью насильственно, 31,000 христіанъ. Ихъ переселили въ Азовскій край, но такъ какъ большинство составляли греки и армяне, то очевидно эта мѣра была

1) Соловьевъ, т. XXIX, стр. 1132.

2) А. Петрушевскій, т. I, стр. 199.

противна русскимъ интересамъ. Азовскій край, потребовавшій такихъ большихъ жертвъ отъ русскаго народа и стоившій такъ много русской крови, попалъ въ нерусскія руки, которыя цѣлко держатъ его и по нынѣ, въ ущербъ русскому населенію.

Между тѣмъ, многочисленный турецкій флотъ подплылъ къ крымскимъ берегамъ. Суворовъ не пускалъ турокъ на берегъ, ссылаясь на карантинныя правила, принятыя противъ свирѣпствовавшей въ Крыму чумы. Турецкій флотъ отплылъ обратно.

Временно разрывъ съ Турціею изъ за Крыма былъ устраненъ 10 марта 1779 года Порта признала Шагинъ-гирея крымскимъ ханомъ.

Суворовъ получилъ приказаніе оставить въ Крыму 6.000 русскихъ войскъ подъ видомъ гарнизоновъ въ Еникале и Керчи, а остальные вывести, что и исполнилъ. Но внутреннее положеніе Крыма было таково, что выводъ русскихъ войскъ признавался невозможнымъ, а постоянное занятіе нашими войсками Крыма должно было привести къ присоединенію Крыма къ Россіи.

Броженіе въ Крыму и послѣ признанія турками Шагинъ-гирея ханомъ поддерживалось по прежнему изъ Турціи. Нашъ историкъ А. Петрушевскій пишетъ:

„Въ Крыму броженіе не прекращалось, поддерживаемое почти всеобщимъ неудовольствіемъ, которое Порта въ тайнѣ продолжала распалать черезъ своихъ эмиссаровъ, въ надеждѣ довести татаръ до открытаго возстанія. Турки играли въ руку Россіи, ни мало того не подозрѣвая. Методъ приведенія Крыма въ необходимость отдаться Россіи, проводимый передъ тѣмъ Румянцовымъ по указаніямъ свыше, продолжалъ дѣйствовать и теперь подъ непосредственнымъ руководствомъ Потемкина. Чѣмъ крупнѣе возникали беспорядки, тѣмъ быстрѣе приближалась конечная цѣль. Подъ вліяніемъ турецкихъ пронсковъ, многіе изъ татарскихъ старшинъ отказали хану Шагинъ-гирею въ повиновеніи и избрали ханомъ старшаго его брата—Батыръ-гирея. Другой его братъ, Арсланъ-гирей, прибылъ съ Кубани и присталъ къ новому хану; Шагинъ бѣжалъ изъ Крыма подъ покровительство русскихъ. Порта стала вооружаться и принимать угрожающее положеніе; но это не отдалило развязки. Русскія войска вступили въ Крымъ, въ Тамань и въ прикубанскій край. *Смута въ Крыму была подавлена скоро*, и Шагинъ-гирей снова водворился въ Бахчисараѣ. Русскія войска остались въ Крыму, подъ предлогомъ отраженія турецкихъ посягательствъ, и уже его не покидали“ ¹⁾.

Но Шагинъ-гирей чувствовалъ непрочность своего положенія и, послѣ переговоровъ съ приближенными, съ мурзами и съ духовенствомъ, этотъ ханъ *отрекся отъ своихъ владѣтельныхъ правъ въ пользу Россіи*. Ему предоставлено было жить, гдѣ онъ пожелаетъ, и назначено содержаніе.

¹⁾ А. Петрушевскій, т. I, стр. 224.

Въ апрѣлѣ 1783 года Екатерина II издала манифестъ о принятіи подъ свою державу Крымскаго полуострова, Тамани и всей кубанской стороны. Населеніе прикубанской мѣстности—нагайцы первоначально присягнули на вѣрность Россіи, но затѣмъ возстали и Суворову пришлось принять крутыя мѣры, чтобы ихъ образумить. Послѣ долгихъ переговоровъ Порты въ февралѣ 1784 г. тоже признала подданство Крыма и кубанскаго края Россіи.

Русско-турецкая война 1787—1791 годовъ.

На основаніи 2-го параграфа Кучукъ-Кайнарджійскаго договора Россія получила право всюду, гдѣ она пожелаетъ, имѣть консульства и вице-консульства. Не смотря на опредѣленность этого параграфа, Порты долго не соглашалась на назначеніе русскаго консула въ Бухарестъ, предвидя тѣ затрудненія, которыя должны были возникнуть отъ вмѣшательства нашего консула во внутреннія турецкія дѣла (напр. въ вопросѣ о защитѣ интересовъ христіанскаго населенія). Турки пробовали назначить нашему консулу мѣстопробываніе въ Силистріи, но Россія, при содѣйствіи французскаго посла, добилась удовлетворенія своего требованія, и въ 1780 году въ Бухарестъ былъ назначенъ консуломъ Лашкаревъ.

Особою инструкціею на него возлагалось развѣдывать о движеніяхъ турецкихъ войскъ и по всеѣмъ военнымъ дѣламъ, а также „стараться примѣчать и за поведеніемъ обоихъ государей“—волошскаго и молдавскаго. Лашкареву при этомъ рекомендовалось снискивать ихъ довѣріе и обращать оное на пользу Россіи ¹⁾.

Этотъ пунктъ вызвалъ много затрудненій, ибо предоставлялъ нашему консулу право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи, вліяя на выборъ государей, представлявшихся преданными Россіи, и борясь противъ выбора въ господари такихъ лицъ, нерасположеніе которыхъ къ Россіи было извѣстно.

Положеніе государей, съ вмѣшательствомъ Россіи въ ихъ выборъ, затруднилось. Ранѣе они назначались турками по уплатѣ первоначально большихъ суммъ на взятки. Вступивъ во власть, эти господари прежде всего старались скорѣе возвратить затраченныя суммы. Встрѣчались такіе случаи, что кандидатъ въ господари дастъ взятку и будетъ обнадеженъ полученіемъ господарства, но Россія черезъ своего консула выразитъ протестъ. А. Гирсъ пишетъ, что господари въ это время не знали—кому служить, кого бояться.

Желая назначить господаремъ фапаріота Николая Мавроени, Порты рѣшила смѣнить для сего волошскаго государя Суцу, расположеннаго къ Россіи. Нашъ посолъ Булгаковъ протестовалъ, и султанъ готовъ былъ уступить; ему напомнили, что онъ обязался не

¹⁾ А. Гирсъ, „Россія и ближній востокъ“, изд. 1906 г., стр. 2—4.

мѣнять часто господарей, ибо „если нынѣшнихъ князей оставятъ на нѣскольکو лѣтъ, то они уплатятъ громадныя долги, которые они сдѣлали, чтобы получить господарство, и не окажутся вынужденными разорять жителей“ ¹⁾...

Турки нашли однако средство обойти протестъ Булгакова: они надавили на Суцу и страхомъ заставили его написать просьбу о своемъ увольненіи по болѣзни отъ господарства. Увольненіе послѣдовало, и на мѣсто Суцы былъ назначенъ Мавроени. Самъ Суца передъ отъѣздомъ, при свиданіи съ нашимъ консуломъ въ Бухарестѣ Северинымъ, просилъ: „ежели еще есть время, не столь сильно сопротивляться его смѣнѣ“ ²⁾.

Такой оборотъ дѣла нанесъ чувствительный ударъ нашему вліянію въ княжествахъ. 20 апр. 1786 года Северинъ писалъ Булгакову, что всѣ въ Бухарестѣ удивлены, какимъ образомъ Порта смѣла поступить противъ трактатовъ, и приступали къ Северину съ вопросами, *„примѣчая, что съ тѣхъ поръ, какъ дворъ нашъ сталъ стараться о блаженствѣ ихъ земли, оная хуже стала“* ³⁾.

Это заключеніе опекаемыхъ нами народовъ было очень важно и на него надлежало уже въ то время обратить самое серьезное вниманіе, чтобы не тратить ко вреду этихъ опекаемыхъ народовъ русскую кровь и деньги. Но урокъ этотъ, какъ и многіе другіе, пропалъ даромъ. То, что мы дѣлали въ Румыніи, заботясь „о блаженствѣ“ этой страны, мы повторили въ Греціи, Сербіи, Болгаріи. Пока мы тратили деньги, проливали русскую кровь одерживали побѣды,—все было хорошо; но какъ только мы начинали благодѣтельствовать христіанскія народности Турціи своими порядками и заботиться „о блаженствѣ“ той или другой изъ турецкихъ провинцій, получался неожиданный результатъ: населеніе становилось во враждебное къ своимъ освободителямъ отношеніе.

Какія же средства изобрѣтаетъ нашъ посланникъ въ Константинополь Булгаковъ, чтобы добиться смѣны неугоднаго ему господаря Мавроени? Наружно онъ примиряется съ этимъ назначеніемъ, но черезъ Северина дѣйствуетъ, чтобы добиться смѣны Мавроени, поручая Северину побуждать бояръ, при соблюденіи величайшей осторожности, подавать жалобы на Мавроени въ Порту и русскому двору. Эта дѣятельность, конечно, становится извѣстною Мавроени, который совершенно справедливо жалуется Портѣ на вмѣшательство Северина во внутреннія дѣла княжества ⁴⁾.

Турки, съ своей стороны, имѣли полное право быть недовольными русскими представителями. Въ особенности много хлопотъ и

¹⁾ А. Гирсъ, стр. 25.

²⁾ Тамъ же, стр. 35.

³⁾ Тамъ же, стр. 35.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 36—37.

намъ, и туркамъ причинялъ вице-консулъ въ Яссахъ Селунскій. Турки требовали его смѣны. Мы отстаивали. Борьба изъ за Селунскаго приблизила разрывъ съ Турціею. Между тѣмъ, обвиненія на Селунскаго, частью подтвердившіяся, были очень серьезны. Селунскій обвинялся въ томъ: 1) что подговариваетъ и отправляетъ молдавскихъ подданныхъ въ Россію подъ видомъ русскихъ бѣглыхъ; 2) что эти бродяги крадутъ, рѣжутъ людей, награбленное прячуть въ домъ консула; 3) что онъ завелъ загородный домъ, сдѣлавшійся притономъ разбойниковъ; 4) что онъ самъ занимается контрабандою; 5) мѣшается въ разборъ судебныхъ дѣлъ, защищая каждаго бродягу; 6) что онъ ранѣе былъ турецкимъ подданнымъ.

Дознаніемъ было выяснено, что Селунскій приобрѣлъ себѣ небольшой хуторъ въ окрестностяхъ Яссы (что было не дозволено для дипломатическихъ представителей) и держалъ при себѣ кавасомъ армянина Якуба, принявшаго мусульманство, который мѣшался въ дѣла городской полиціи, осматривалъ, полномъ-ли продаваемый населенію хлѣбъ на рынкѣ, не обманываютъ ли въ мясѣ, билъ торговцевъ и бралъ съ нихъ взятки ¹⁾. 13 августа Порты рѣшилась объявить войну Россіи.

А. Гирсъ въ своемъ трудѣ „Россія и ближній востокъ“, на основаніи изученныхъ имъ архивныхъ матеріаловъ, приходитъ къ выводу, что Турція, рѣшившись на войну, едва ли питала твердую надежду вернуть Крымъ или укрѣпить свою власть въ Тифлисѣ, „но она, повидимому, рассчитывала, въ случаѣ благопріятныхъ обстоятельствъ, освободиться отъ присутствія въ придунайскихъ княжествахъ русскаго консула, „развратителя ея подданныхъ“ ²⁾.

Въ манифестѣ объ объявленіи войны Россіи, между прочимъ, значились слѣдующія обвиненія противъ русскаго правительства: „Русскій дворъ, произвольнымъ толкованіемъ многихъ другихъ подобныхъ статей, обнаружилъ ясно свои дурныя намѣренія: *уцрѣжденіемъ консульствъ въ Валахіи и Молдавіи, въ Архипелагъ и другихъ ненужныхъ мѣстахъ, въ ущербъ мусульманамъ, развратилъ подданныхъ Блистательной Порты, отправляя ихъ въ Россію или употребляя ихъ въ качествѣ матросовъ и на другія службы; вмѣшивался въ управленіе государствомъ, а именно—настаивая на смѣщеніи и наказаніи правителей, военачальниковъ, судей и управляющихъ, которыхъ находилъ неподходящими, а въ особенности наши Чесидирскаго и князей Валахскаго и Молдавскаго“ ³⁾.*

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, а затѣмъ и присоединеніе Крыма, наносили сильный ударъ турецкому могуществу. Турки помирились съ условіями этого мира только въ силу необходимости, но въ тайнѣ

¹⁾ А. Гирсъ, стр. 39—41.

²⁾ Тамъ же, стр. 16—17.

³⁾ Тамъ же, стр. 45.

все время готовились къ новой войнѣ съ Россією. Недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ возникали все время. Когда же Крымъ былъ присоединенъ къ русскимъ владѣніямъ, въ Турціи явилось озлобленіе противъ Россіи. Кромѣ того, въ Турціи сталъ извѣстенъ такъ называемый „греческій проектъ“ князя Потемкина, объ изгнаніи турокъ изъ Европы и возстановленіи греческой имперіи. Овладѣніе Крымомъ представлялось первымъ шагомъ къ выполненію этого проекта. Въ населеніи Турціи началось національное и религіозное возбужденіе.

Иностранныя державы, своимъ давленіемъ на Турцію противъ Россіи, дали ей послѣдній толчекъ. Энергичнѣе другихъ наталкивала турокъ на войну съ Россією Англія, пострадавшая отъ объявленнаго Екатериною вооруженнаго нейтралитета. Пруссія была недовольна Россією за сближеніе ея съ Австрією и тоже интриговала въ Стамбулѣ. Турціи внушалось о неготовности къ войнѣ Россіи. Что же касается опасенія Турціи относительно союза Россіи съ Австрією, то ей указывалось, что чѣмъ скорѣе она начнетъ войну съ Россією, тѣмъ менѣе будетъ вѣроятенъ этотъ союзъ.

Неожиданно нашему послу Булгакову было предъявлено нѣсколько невыполнимыхъ требованій, а именно: Россіи предлагалось возвратить Крымъ и признать Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ не дѣйствительнымъ. 13 августа 1787 года Турція объявила войну Россіи. Но на этотъ разъ расчетъ разстроить соглашеніе Россіи съ Австрією не удался. Союзъ былъ заключенъ, и австрійскія войска стали стягиваться къ турецкой границѣ.

Для Турціи цѣли войны были ясны: возвратить Крымъ и уничтожить условія Кучукъ-Кайнарджійскаго договора. Для достиженія этихъ цѣлей, главная армія турокъ, сосредоточившись у Адрианополя, должна была наступать между Дунаемъ и Днѣстромъ; другая армія, посаженная на суда, назначалась для высадки въ Крыму.

Съ нашей стороны было приступлено къ формированію двухъ армій: екатеринославской, подъ начальствомъ Потемкина, силою въ 70,000 чел., и украинской, подъ начальствомъ гр. Румянцова, силою въ 30,000 человекъ,

Первая изъ этихъ армій должна была охранять Крымъ, овладѣть Очаковомъ и наступать западнымъ берегомъ Чернаго моря въ предѣлы Турціи. Къ составу этой арміи причислялись и корпуса, расположенные въ Крыму и на Кубани.

Вторая армія—Румянцова получила второстепенное назначеніе: она должна была прикрывать предѣлы Россіи отъ Хотина до Кіева, прикрывать тылъ екатеринославской арміи со стороны Польши и поддерживать связь съ австрійскими войсками.

Нашъ черноморскій флотъ былъ расположенъ въ Севастополѣ и въ Херсонѣ.

Въ районѣ Кинбурнь—Херсонъ, прикрывавшемъ Крымъ, началь-

ствоваля Суворовъ, съ отрядомъ войскъ, выдѣленнымъ изъ 1-й арміи, въ 20 бат. 38 эск. ¹⁾). На него же было возложено и поддерживаніе связи съ войсками, расположенными въ Крыму...

Мы не были готовы къ войнѣ. Войска не были укомплектованы, запасовъ не было, парки и обозы не сформированы. Особенно трудно было одолѣть препятствія по продовольствію войскъ. Съ цѣлью достать запасы, въ южной полосѣ Россіи былъ назначенъ подушный сборъ хлѣба и мѣстами запрещено винокурение.

Потемкинъ нервничалъ, растерялся и впадалъ въ уныніе отъ медленности всѣхъ приготовленій. Не довѣрялъ онъ и успѣху порученнаго ему дѣла. Въ особенности онъ впалъ въ мрачное состояніе вслѣдствіе неудачи дѣйствій нашего флота.

Русскій флотъ, вообще, былъ слабѣе турецкаго числомъ и составомъ. Большинство судовъ были мелкія и гребныя. И при такихъ условіяхъ нашъ флотъ былъ двинуть къ Варнѣ. Встрѣтивъ 5 дневный штормъ, флотъ былъ разметанъ бурей, и всѣ суда потерпѣли аваріи: одинъ корабль утонулъ со всѣмъ экипажемъ, другой былъ занесенъ въ Босфорскій проливъ и взятъ турками. Уцѣлѣвшія суда, отбивая нападенія турокъ, собрались въ Севастополь.

На Потемкина эта частная неудача подѣйствовала угнетающимъ образомъ. Утративъ вѣру въ возможность удержать Крымъ, онъ, въ письмѣ къ Екатеринѣ, предложилъ очистить Крымъ отъ нашихъ войскъ, мотивируя такое невыгодное для Россіи рѣшеніе необходимостью сосредоточить войска. Екатерина успокаивала Потемкина, не соглашаясь на оставленіе Крыма, пріобрѣтеннаго нами цѣною такихъ большихъ жертвъ. „Что же будетъ и куда дѣвать флотъ севастопольскій? Я надѣюсь, что сіе отъ тебя писано было при первомъ движеніи... Ты нетерпѣливъ, какъ 5-лѣтнее дитя, тогда какъ *дѣла, тебѣ порученныя, требуютъ непоколебимаго терпѣнія*“, — писала Потемкину великая государыня ²⁾).

Побѣда Суворова на Кинбурнской косѣ подбодрила Потемкина, и онъ сталъ бодрѣе взирать на будущее.

Кампанія 1787—1788 г.г.

Военныя дѣйствія въ войну 1787 года открылись наступленіемъ турокъ съ цѣлью овладѣть Кинбурномъ. Положеніе нашего гарнизона въ Кинбурнѣ было нелегкое. Напротивъ—черезъ днѣпровскій лиманъ лежала сильная крѣпость Очаковъ съ гарнизономъ въ 12,000 чел. Подступы къ Кинбурну съ моря находились въ рукахъ турокъ. Двѣ попытки турокъ высадиться на Кинбурнской косѣ не удались. Тогда турки взяли изъ Очаковскаго гарнизона 5,300 чел.

¹⁾ А. Петрушевскій, т. I, стр. 300.

²⁾ Тамъ же, стр. 306.

отборныхъ войскъ, посадили ихъ на суда и, подъ руководствомъ французскихъ офицеровъ, произвели высадку, поддержанную огнемъ 600 орудій съ судовъ. Продвигаясь медленно впередъ, турки перегораживали косу линіями траншей: такихъ линій было устроено 14. Высадка началась въ 9 часовъ утра.

У Суворова, къ концу боя, собралось пѣхоты и конницы до 3.000 человекъ. Для первой же встрѣчи онъ располагалъ 6 батальонами слабаго состава, 2 казачьими полками и 2 эскадронами конницы. Войска были выстроены въ двѣ линіи; каждая въ развернутомъ строѣ. Наши орудія, по приказанію Суворова, открыли огонь только въ 3 ч. пополудни, когда турки подошли на 200 шаговъ. Ударъ первой линіи нашихъ батальоновъ былъ такъ стремителенъ, что они быстро взяли 10 линій траншей. Но дальше наши войска продвинуться не могли. Начальствовавшій ими генералъ Рекъ былъ раненъ.

Тогда Суворовъ лично повелъ вторую линію батальоновъ и приказалъ двумъ эскадронамъ атаковать. Но турки выдержали ударъ, опрокинули русскихъ и погнали ихъ къ крѣпости. Самъ Суворовъ, тяжело раненый, едва не попался въ плѣнъ. Нѣсколько повторенныхъ атакъ тоже не имѣли успѣха; огонь турокъ съ фронта и огонь флота съ двухъ сторонъ останавливали натскъ русскихъ и заставляли ихъ поспѣшно отступать.

По приказу Суворова, наблюдавшаго разстроенное отступление, почти бѣгство русскихъ войскъ, изъ Кинбурна и вагенбурга прибыло три роты и, кромѣ того, поспѣлъ къ бою слабаго состава батальонъ, стоявшій въ 14 верстахъ.

Ободряемая Суворовымъ свѣжія войска, увлекая отступавшихъ, повели атаку „съ бурнымъ порывомъ“. Казаки поддержали атаку. Русскія пушки отважно слѣдовали за передовыми наступавшими войсками. Снова ложементы одинъ за другимъ стали переходить въ русскія руки.

Положеніе отступавшихъ турокъ ухудшилось распоряженіемъ визиря, приказавшаго десантнымъ судамъ и флоту отплыть отъ косы, чтобы, отнявъ у турокъ надежду на отступление, вѣрнѣе обезпечить побѣду. Получился обратный результатъ. Лишенные поддержки нѣсколькихъ сотъ орудій съ судовъ и въ то же время разстрѣливаемые съ близкихъ дистанцій картечью, турки, все болѣе и болѣе скучиваемые ¹⁾, несли тяжкія потери и, наконецъ, были сброшены въ море. Изъ всего десанта въ 6.000 человекъ уцѣлѣло всего до 700 чел. Побѣда была полная ²⁾.

Въ 1788 году армія Потемкина, силою въ 50.000 чел., въ половинѣ іюня перешла р. Бугъ и двинулась къ Очакову. Уже въ первыхъ

¹⁾ Коса, на которой шелъ бой, по мѣрѣ выдвигенія въ море становилась все уже.

²⁾ А. Петрушевскій, т. I, стр. 307—310; „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 96—97.

числахъ іюля крѣпость была обложена. Осада тянулась вяло и медленно. За три мѣсяца осадныхъ работъ не успѣли подойти къ контръ-эскарпу. Турки, получавшіе съ моря подкрѣпленія и запасы, упорно оборонялись и тревожили русскихъ частыми вылазками. Вслѣдствіе недостатка продовольствія и холодовъ, въ арміи открылась большая болѣзненность и смертность. Суворовъ и другіе начальники уговаривали Потемкина штурмовать крѣпость, но онъ все медлилъ и, только по истощеніи всѣхъ продовольственныхъ запасовъ, рѣшился 6 декабря штурмовать крѣпость. Послѣ кровопролитнаго штурма Очаковъ былъ взятъ. По современнымъ этому бою реляціямъ, турки потеряли убитыми до 10,000 чел. и плѣнными до 4,000 чел., но и потери русскихъ показаны въ 2,800 чел. убитыми и ранеными. Этою побѣдою и закончились въ 1788 году дѣйствія арміи Потемкина.

Въ томъ же году слабая по численности армія Румянцева перешла въ концѣ іюня Днѣстръ, расположилась между этой рѣкою и Прутомъ и бездѣйствовала.

Наши союзники—австрійцы выставили 120,000 войскъ, но, разбивъ ихъ на 6 отдѣльныхъ корпусовъ, разбросались отъ Хотина до Адриатическаго моря. Они предполагали одновременно наступать въ Кроаціи, Сербіи, Валахіи и Молдавіи. Но турки помѣшали этому плану. Ихъ главныя силы двинулись въ Банатъ и Трансильванію и нанесли нѣсколько тяжелыхъ пораженій австрійскимъ войскамъ. Наши союзники вынуждены были просить перемирія на зиму.

Кампанія 1789 года.

Въ этомъ году цѣлью дѣйствій русскихъ войскъ, объединенныхъ подъ начальствомъ Потемкина, было поставлено овладѣніе турецкими крѣпостями по Днѣстру—Бендерами и Аккерманомъ.

Репнинъ, вступившій въ командованіе бывшею арміею Румянцева, получилъ назначеніе прикрывать осадныя работы. Выдвинутый изъ этой арміи на правый берегъ р. Прута къ Бырладу отрядъ въ 10,000 чел., подъ начальствомъ Суворова, долженъ былъ дѣйствовать въ связи съ австрійскимъ корпусомъ принца Кобургскаго, расположеннымъ у Аджуда.

Въ іюль 30,000 турокъ, переправившись у Браилова на лѣвый берегъ Дуная, направились къ Фокшанамъ. Суворовъ, съ отрядомъ въ 7,000 чел., двинулся на соединеніе съ австрійцами и вмѣстѣ съ ними атаковалъ турокъ. Послѣ довольно горячаго боя турки были разбиты и побѣжали, потерявъ 1,500 чел. убитыми и ранеными и 10 орудій. Союзники въ этомъ бою имѣли до 25,000 войскъ, т. е. силы, почти равныя турецкимъ. Поэтому успѣхъ боя былъ обезпеченъ, и всѣ потери австрійцевъ и русскихъ составляли всего до

350 человекъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ русскіе потеряли лишь 84 человекъ ¹⁾.

Другая побѣда Суворова и принца Кобургскаго подъ Рымникомъ составляетъ одну изъ славныхъ страницъ въ исторіи русско-австрійскихъ отношеній.

Медленность дѣйствій арміи Потемкина повела къ тому, что турки сами перешли въ наступленіе. До 120,000 турецкихъ войскъ сосредоточилось къ Дунаю между Гирсовомъ и Исакчею и переправилось на лѣвый берегъ, съ цѣлью отдѣльнаго разбитія австрійскихъ войскъ. Суворовъ 8 сентября быстро двинулся на помощь австрійцамъ съ отрядомъ въ 11 бат. 12 эск. 2 каз. полка, всего до 7,000 чел. 10 сентября снова образовался корпусъ въ 25,000 русско-австрійскихъ войскъ.

Послѣ долгаго сопротивленія принцъ Кобургскій согласился на предложенный Суворовымъ наступательный образъ дѣйствій. Уже 11 сентября Суворовъ и Кобургскій атаковали авангардъ турецкихъ силъ въ 12,000 чел. на р. Рымна у д. Тыргокукули.

Главная позиція турокъ лежала на три версты восточнѣе, у лѣса близъ р. Рымникъ ²⁾.

Русскія войска были построены въ двѣ линіи, по три одно-батальонныхъ каре въ каждой. Въ третьей линіи стала регулярная конница; въ четвертой казаки. Австрійскія войска, прибывшія нѣсколько позже, построились подъ прямымъ угломъ къ русскимъ, тоже въ 9 каре, расположенныхъ въ двѣ линіи.

Турецкій авангардъ, не смотря на помощь 5,000 спаговъ, былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Къ часу пополудни союзники двинулись противъ главной позиціи. Къ этому времени визирь прибылъ на помощь туркамъ съ 40,000 конницы.

Австрійская пѣхота съ огромнымъ мужествомъ отбила всѣ атаки турокъ. Во время этого боя противъ конницы русскія войска успѣли овладѣть батареями у д. Бокса, вышли во флангъ туркамъ и начали ихъ обстрѣливать орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ. Конныя массы, поражаемая съ двухъ сторонъ, отхлынули.

Тогда союзники двинулись противъ главной позиціи турокъ, слабо укрѣпленной еще неоконченными окопами. Суворовъ рѣшилъ въ первую линію атакующихъ поставить всю конницу, и союзная конница была такъ хороша, что оправдала оказанное ей довѣріе: ворвавшись въ окопы, конница обратила передовыхъ турокъ въ бѣгство и овладѣла 4 орудіями. Вслѣдъ за конницею ударила и пѣхота. Турки не выдержали и обратились въ безпорядочное бѣгство къ Рымнику. Поднявшаяся въ рѣкѣ вода была причиною, что многіе турки, спасаясь вплавь, утонули.

¹⁾ А. Петрушевскій, т. I, стр. 345.

²⁾ Притокъ р. Серетъ, впадающей въ Дунай между Брапловымъ и Галацомъ.

Общія силы турокъ въ этомъ бою показываются историками отъ 90 до 115,000 человекъ. Слѣдуетъ признать, что для такой силы оказанное турками сопротивленіе было очень незначительно. Вся потеря 25,000 союзныхъ войскъ составляла около 600 человекъ, т. е. лишь 2,5% сражавшихся. Собственно русское войско потеряло всего 45 чел. убитыми и 133 чел. ранеными на 7,000 сражавшихся. Въ русско-японскую войну подобная потеря даже для одного батальона составляла, благодаря упорству японцевъ и усовершенствованному оружію, обычное явленіе; но были въ эту войну батальоны, которые продолжали бой съ потерей и свыше 500 человекъ своего состава.

Потери турокъ составили до 7,000 чел. убитыхъ и утонувшихъ. Побѣдителямъ досталось до 100 знаменъ, 80 орудій, обозъ, запасы, стада скота, нѣсколько лагерей ¹⁾.

Эта блестящая побѣда не оказала, по мнѣнію историковъ, замѣтнаго вліянія на ходъ войны, вслѣдствіе малочисленности силъ, которыми располагали Суворовъ и Кобургскій. Армія же Потемкина, медленно развивая свои дѣйствія по овладѣнію Бендерами и Аккерманомъ, къ концу года овладѣла этими крѣпостями и стала на зимнія квартиры въ окрестностяхъ Яссы.

Австрійскія войска, подъ начальствомъ Лаудона, тоже имѣли успѣхъ, вытѣснили турокъ изъ Баната и штурмомъ овладѣли Българдомъ.

Кампанія 1790—1791 г.г. ²⁾.

Медленность дѣйствій русскихъ войскъ противъ турокъ въ теченіе предыдущихъ годовъ имѣла въ 1790 году вредныя послѣдствія. Политическая обстановка измѣнилась къ нашей невыгодѣ. Одновременно съ войною съ Турціею, Россіи приходилось вести уже два года войну со Швеціею. Но и Пруссія, обезпеченная австро-русскими успѣхами, вмѣстѣ съ Польшею, обратилась противъ союзниковъ и выставила двѣ значительныя арміи,—одну для вторженія въ Лифляндію, другую—въ Галицію. Потемкину пришлось выдѣлить значительныя силы для направленія въ Польшу. Къ счастью, въ августъ 1790 г., какъ изложено было выше, удалось заключить миръ со Швеціею.

Дѣйствія арміи Потемкина въ 1790 году сосредоточились на овладѣніи крѣпостями Киліею, Тульчею, Исакчею и Измаиломъ.

¹⁾ А. Петрушевскій, т. I, стр. 362. Въ „Обзорѣ войнъ“ (ч. I, стр. 107) есть указаніе, что 80 орудій были брошены туркамъ въ главномъ лагерѣ визиря и взяты безъ боя на другой день.

²⁾ „Обзорѣ войнъ“, ч. I, стр. 109—114; А. Петрушевскій, т. I, стр. 368—404.

Только овладѣніе Измаиломъ составило трудную задачу, оказавшуюся однако по силамъ славному Суворову и предводимымъ имъ молодецкимъ войскамъ.

Надъ укрѣпленіемъ кр. Измаила потрудились иностранные инженеры, а гарнизонъ ея доходилъ до 35,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 8,000 конницы.

Первоначально начальники войскъ, обложившихъ Измаилъ, на военномъ совѣтѣ, въ виду поздняго времени, признали невозможнымъ овладѣть крѣпостью и рѣшились отступить и расположиться на зимнихъ квартирахъ. Потемкинъ отмѣнилъ рѣшеніе совѣта и прислалъ Суворова. Къ началу декабря подъ Очаковомъ собралось до 31,000 русскихъ войскъ и легкая флотилія Рибаса; въ указанномъ числѣ войскъ было 13,000 казаковъ, вооруженныхъ частью только пиками. Осадной артиллеріи не было, полевая же имѣла недостаточно боевыхъ запасовъ. Въ продовольствіи тоже ощущался сильный недостатокъ.

2 декабря Суворовъ прибылъ къ Измаилу, и тотчасъ дѣятельность закипѣла. Уже начавшія отступление части войскъ были возвращены обратно. Всѣ старшіе начальники посылались на рекогносцировки; были насыпаны валы со рвами, и войска по ночамъ обучались переходу черезъ рвы и взлѣзанію на бруствера. Духъ начальствовавшихъ лицъ приподнимался, и на совѣтѣ 9 декабря начальники высказались за штурмъ. Въ письмѣ турецкому коменданту Суворовъ писалъ знаменитыя лаконизмомъ слова:

„Я съ войсками сюда прибылъ. 24 часа на размышленіе—воля. Первый мой выстрѣлъ—уже неволя; штурмъ—смерть. Что оставляю вамъ на разсмотрѣніе“.

10 декабря началось бомбардированіе, а 11-го произведено было штурмъ.

Войска были распредѣлены на 9 штурмовыхъ колоннъ. Три изъ нихъ должны были высадить десантъ. Каждая колонна была силою отъ 3-хъ до 5 батальоновъ. Двѣ изъ колоннъ были составлены изъ спѣшенныхъ казаковъ, вооруженныхъ только укороченными пиками. 6,000 казаковъ составили резервъ. Всего въ штурмѣ участвовало 29 бат. и 13,000 казаковъ.

Въ 5¹/₂ часовъ утра въ густомъ туманѣ войска двинулись на штурмъ.

Дѣйствія большинства колоннъ были успѣшны. Не смотря на сильный пушечный и ружейный огонь, войска спустились въ ровъ и по штурмовымъ лѣстницамъ овладѣли валомъ и нѣсколькими бастионами. Только третью колонну, которой пришлось атаковать сильнѣйшую часть крѣпости, постигла временно неудача. Спустившись въ ровъ, колоннѣ пришлось долго задержаться, ибо штурмовыя лѣстницы въ 5¹/₂ сажень оказались коротки и ихъ пришлось связы-

вать по двѣ. Не смотря на такую задержку, передовыя войска третьей колонны овладѣли частью вала, но быстрымъ переходомъ турокъ въ наступленіе были сбиты въ ровъ. Турки, ободренные успѣхомъ, сдѣлали вылазку и взяли во флангъ атаковавшихъ. Особенно пострадали при этомъ дурно вооруженные казаки. Суворовъ подкрѣпилъ войска третьей колонны и остановилъ успѣхъ турокъ.

Взятіе вала и береговыхъ батарей еще не рѣшило участи боя. Турки оказали отчаянное сопротивленіе внутри крѣпости. Только послѣ упорнаго рукопашнаго боя, въ теченіе пяти часовъ, русскія войска овладѣли Измаиломъ. 26,000 турецкихъ труповъ (по донесенію Суворова) покрыли и залили кровью все внутреннее пространство крѣпости. 9,000 человекъ были взяты въ плѣнъ. Наши войска потеряли 1,880 чел. убитыми и 2,648 чел. ранеными. Трофеями побѣды Суворова подъ Измаиломъ были: 265 орудій, 364 знамени, 42 судна и до 10,000 лошадей.

А. Петрушевскій даетъ такую характеристику штурма Измаила:

„Измаилскій штурмъ отличался нечеловѣческимъ упорствомъ и яростью турокъ, и не мудрено: они знали, что имъ пощады не будетъ послѣ предшествовавшихъ штурму переговоровъ. Но это упорство безнадежнаго отчаянія, въ которомъ принимали участіе даже вооруженныя женщины, могло быть сломлено только крайнимъ напряженіемъ энергіи атаковавшихъ, высшею степенью возбужденія ихъ духа. Все это и было произведено Суворовымъ. Храбрость русскихъ войскъ подъ Измаиломъ дошла какъ бы до совершеннаго отрицанія чувства самосохраненія. Офицеры, главные начальники были впереди, бились какъ рядовые, переранены и перебиты въ огромномъ числѣ, а убитые до того изувѣчены страшными ранами, что многихъ нельзя было распознать. Солдаты рвались за офицерами, какъ на какомъ то состязаніи; десять часовъ непрерывавшейся опасности, нравственнаго возбужденія и физическихъ напряженій не умалили ихъ энергіи, не уменьшили силъ. Многие изъ участниковъ штурма потомъ говорили, что, глядя при дневномъ свѣтѣ и въ спокойномъ состояніи духа на тѣ мѣста, по которымъ они взбирались и спускались въ ночную темноту, они содрогались, не хотѣли вѣрять своимъ глазамъ и едва-ли рискнули бы на повтореніе того же самаго днемъ.

„Кромѣ этой внутренней стороны дѣла, содѣйствовала успѣху штурма и внѣшняя. Въ диспозиціи указано было все существенное, начиная отъ состава колоннъ и кончая числомъ фантинъ и длиною лѣстницъ; опредѣлено число стрѣлковъ при колоннѣ, ихъ мѣсто и назначеніе, также какъ и рабочихъ; назначены частные и общіе резервы, ихъ мѣста и условія употребленія; преподаны правила осторожности внутри крѣпости; съ точностью указаны направленія колоннъ, предѣлы ихъ распространенія по крѣпостной оградѣ и проч.

Эти наставленія были хорошо поняты, внимательно и толково исполнены. Нельзя, напримѣръ, не подивиться, что, въ полномъ разгарѣ боя и грабежа въ городѣ, не произошло ни одного пожара. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ употребленіе резервовъ; они не разъ выводили штурмовыя колонны изъ весьма затруднительныхъ обстоятельствъ; благодаря именно резервамъ первая, ночная часть дѣйствій была окончена скоро и съ полнымъ успѣхомъ¹⁾.

Наиболѣе видную роль въ штурмѣ игралъ Кутузовъ, въ послѣдствіи командовавшій русскими войсками во многихъ войнахъ.

Въ 1791 году война съ турками закончилась въ общемъ нерѣшительными дѣйствіями съ обѣихъ сторонъ и побѣдою Репнина подъ Мачиномъ.

Истощенная войною Турція просила мира, который и былъ заключенъ 29 декабря 1791 г. въ Яссахъ.

По договору въ Яссахъ Турція: 1) обязалась исполнить въ точности всѣ постановленія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата;

2) признала господство Россіи надъ Крымомъ;

3) уступила Россіи всѣ земли между Бугомъ и Днѣстромъ, пространствомъ въ 420 кв. миль.

На Кавказѣ границею стала рѣка Кубань.

Выводы изъ войнъ съ Турціею въ вѣкъ Екатерины II.

Всего въ царствованіе Екатерины II къ владѣніямъ Россіи было присоединено отъ Турціи около 2,500 кв. миль, въ томъ числѣ непосредственно отъ Турціи 895 кв. миль и отъ присоединенія Крыма со всѣми татарскими землями 1,579 кв. миль²⁾. Все побережье Чернаго моря, отъ устья Днѣстра до устья Кубани, навсегда вошло въ составъ великой Россіи.

Войны съ Турціею, веденныя въ царствованіе Екатерины II, высокопоучительныя въ политическомъ отношеніи, заслуживаютъ всесторонняго изученія и въ военномъ отношеніи.

Численность русской арміи при Екатеринѣ II возрасла съ 330,000 до 500,000 чел.

Выше было указано, что ко времени первой турецкой войны по штатамъ числилось до 400,000 человекъ, но изъ нихъ дѣйствующихъ войскъ было лишь около половины. Но и дѣйствующія войска, вслѣдствіе большого некомплекта и разныхъ хозяйственныхъ нарядовъ, могли иногда выводить въ поле лишь только половину войскъ противъ штатнаго состава. Этими организаціонными недочетами объяс-

¹⁾ А. Петрушевскій, т. I, стр. 397—398.

²⁾ Н. Стрѣльбицкій, „Владѣнія турокъ на материкѣ Европы съ 1770 по 1879 годъ“, стр. 6—7.

няется, почему наши арміи во время турецкихъ войнъ были такъ малочисленны.

Кромѣ того, вслѣдствіе политической обстановки, ведя войну съ турками, надлежало оставлять для охраны границъ со Швеціею, въ Польшѣ противъ Пруссіи, а также на югѣ и на Кавказѣ, значительныя группы войскъ. Въ результатѣ въ дѣйствіяхъ противъ турокъ наши вожди располагали скорѣе корпусами войскъ, нежели арміями, и участь всей кампаніи, напр. въ 1739 году, рѣшалась отрядами силою въ 7,000—15,000 человекъ, при общей штатной силѣ всей русской арміи въ 500,000 человекъ.

Такимъ образомъ, на главномъ театрѣ дѣйствій противъ турокъ мы имѣли чуть не одну десятую часть своихъ силъ. Это несоотвѣтствіе выставленныхъ силъ съ числомъ войскъ, находившихся на довольствіи, составляетъ самую слабую сторону военной дѣятельности при Екатеринѣ II. Въ результатѣ даже побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ, а также и другія, не могли быть использованы съ пользою, и войны съ турками тянулись по нѣсколько лѣтъ, а послѣ побѣды подъ Кагуломъ состояли изъ дѣйствій отдѣльныхъ отрядовъ, а не изъ дѣйствій арміею.

Комплектованіе и снабженіе арміи всѣмъ необходимымъ было обезпечено недостаточно. Армія была разбросана по мелкимъ отрядамъ и, не смотря на ея слабость, внутреннія дѣла Россіи вызывали командированіе войскъ отъ дѣйствующей арміи; напр., для усмиренія Пугачевского бунта изъ арміи выдѣлено было 15,000 чел.—Требовали отъ Румянцева присылки войскъ и на подкрѣпленіе корпуса войскъ собиравшагося на случай войны со Швеціею.

Нашъ извѣстный военный писатель генералъ Д. Масловскій, на основаніи долгаго изученія архивнаго матерьяла, относительно русскаго военнаго искусства въ царствованіе Екатерины II пишетъ ¹⁾:

„Боевые подвиги русскаго войска въ польскія и турецкія Екатерининскія войны имѣли огромное вліяніе на развитіе русскаго военнаго искусства. Русское военное дѣло, во всѣхъ отдѣлахъ, къ концу царствованія Екатерины II достигаетъ небывалой высоты, всецѣло сохраняя самостоятельныя черты своего развитія,—идя дорогою, указанною геніемъ Петра I-го. За время Екатерининскихъ войнъ установленъ самый прочный фундаментъ нравственныхъ традицій русскаго войска и современнаго намъ состоянія русскаго военнаго искусства.

„Неимовѣрно быстрое развитіе русскаго военнаго искусства во второй половинѣ XVIII вѣка, прежде всего, обязано генію Екатерины, обладавшей даромъ выбирать и понимать людей; умѣвшей съ замѣ-

¹⁾ Д. Масловскій „Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи“, выпускъ II, изд. 1894 г., стр. 34—36.

чательнымъ искусствомъ, — мягкой, но твердою рукою, — поддерживать, объединять и направлять полезную дѣятельность лицъ разныхъ между собой взглядовъ къ одной общей цѣли, на благо общаго дѣла; и самое главное, благодаря тому, что Екатерина II искренно вѣрила въ силу русскаго гения, въ силу русскаго народа, хорошо познала наши національныя особенности, вѣрно оцѣнила государственныя средства, отлично знала и понимала исторію своей великой націи.

„Отношеніе Екатерины II къ военнымъ реформамъ и къ выбору дѣятелей, — представителей арміи, — между прочимъ, видно изъ слѣдующихъ замѣчательныхъ мыслей, высказанныхъ государыней: „крупные и рѣшительные успѣхи достаются только дружными усиліями всѣхъ“... „а кто умнѣе, тому и книги въ руки“... Эти начала выдвинули впередъ въ это великое царствованіе лучшія умственные военныя силы Россіи.

„Крупные и рѣшительные результаты, конечно, не могутъ быть достигнуты только однимъ лицомъ. Нѣтъ никакихъ основаній и права думать, напримѣръ, что Румянцовъ, Потемкинъ и Суворовъ въ отдѣльности (или даже совокупность этихъ трехъ огромныхъ талантовъ) выдвинули русское военное искусство на помянутую высоту конца XVIII столѣтія. Это достигнуто, какъ знаменательно указывало одно изъ основныхъ Екатерининскихъ положеній, — „дружнымъ усиліемъ всѣхъ“... Однако, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что путеводными звѣздами первой величины въ этомъ отношеніи являются три помянутыхъ выше знаменитыхъ фельдмаршала. Вся масса прочихъ талантливыхъ военныхъ людей этого вѣка (графъ Захаръ Чернышевъ, Петръ Панинъ, кн. Н. Репнинъ, Н. Салтыковъ, Вейсманъ, Прозоровскій, Кречетниковъ, Коховскій, Каменскій, С. Воронцовъ, Завадовскій, Голенищевъ-Кутузовъ и проч.), получивши право на самое широкое примѣненіе частной инициативы, всецѣло воспособили общему движенію впередъ русскаго военнаго дѣла. Передовые дѣятели этой эпохи — Румянцовъ, Потемкинъ, Суворовъ, каждый въ отдѣльности, оставилъ свою историческую борозду“.

Послѣдній изъ изслѣдователей состоянія русской арміи при Екатеринѣ II — М. Бородинъ, на основаніи изученія отзывовъ современниковъ, служившихъ въ арміи и близко изучившихъ дѣло, считаетъ, что русскіе историки вѣка Екатерины II, восхищенные результатами веденныхъ въ ея царствованіе войнъ, мало обращали вниманія на тѣневыя стороны, скрытыя въ бытовой жизни войскъ. По его отзыву, „несомнѣнно, что въ казармахъ работали вредные для арміи элементы и происходили очень большія злоупотребленія, которыя не могли не отозваться на боевой готовности войска и на духовномъ его закалѣ“¹⁾.

¹⁾ М. Бородинъ „Военно-историческія замѣтки. Русская армія при Екатеринѣ II“. (Военный Сборникъ 1909 г. № 8).

Въ числѣ выдержекъ изъ отзывовъ современниковъ, приводимыхъ М. Бородинымъ, заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующія:

„Императрица Екатерина, какъ женщина, — пишетъ Тучковъ, — не могла заниматься устройствомъ войска, но въ то же время она крайне ревниво относилась къ военной славѣ и не выносила дурныхъ отзывовъ о дѣйствующей арміи, хотя хорошо знала, что не все идетъ въ ней гладко. Назначеніемъ Алексѣя Орлова адмираломъ флота, а Потемкина главнокомандующимъ трудно было поддерживать на должной высотѣ воинскій духъ и дисциплину—главный жизненный нервъ арміи.

„Всѣ военные люди, видѣвшіе тогда русскую армію, соглашались,—пишетъ С. А. Тучковъ,—что пѣхота была въ лучшемъ видѣ, нежели конница. Она одѣта была по французски, а обучалась на образецъ прусскій, съ нѣкоторыми переменами въ тактикѣ, достигнутыми путемъ опыта въ войнахъ противъ разныхъ народовъ. Но излишнее щегольство, выправка и стягиваніе солдатъ доведены были до крайности. Сумы, перевязи и портупей были подѣ лакомъ, безрукавные плащи скатывались весьма фигурно въ тонкія трубки и носились на спицѣ сверхъ сумы. Весь мѣдный приборъ былъ какъ можно яснѣе вычищенъ, а гербы на шапкахъ вызолочены. Я засталъ еще, что голова солдата причесана была въ нѣсколько буколей. Красивая гренадерская шапка и мушкетерская шляпа были только для виду, а не для пользы. Огѣ были высоки, но такъ узки, что едва держались на головѣ, и потому ихъ прикалывали проволоочной шпилькой къ волосамъ, завитымъ въ косу. Ружья, для того, чтобы они прямо стояли, когда солдаты держатъ ихъ на плечѣ, имѣли ложка, что было совсѣмъ неудобно для стрѣльбы. Приклады были выдолблены и положено было въ оныя нѣсколько стеколъ и звучащихъ черепковъ; а сіе для того, что при исполненіи разныхъ ружейныхъ пріемовъ, чѣмъ больше всего тогда занимались, каждый ударъ производилъ звукъ“.

„Люди отменно хороши,—пишетъ генераль-поручикъ Ржевскій,—но солдаты слабы; чисто и прекрасно одѣты, но вездѣ стянуты и задавлены, такъ что естественныхъ нуждъ отправлять солдатъ не можетъ: ни стоять, ни ходить, ни сидѣть покойно ему нельзя. Тесакъ, какъ огонь, горитъ; но полоса заряжавѣла, вмѣстѣ съ ножнами. Ружье, какъ зеркало, чисто, но не можетъ дѣлко выстрѣлить отъ уродливой ложки“.

„Въ запискѣ кн. А. И. Вяземскаго, относящейся къ 1774 году, также изложена жалоба на мундиры. По его мнѣнію, солдатъ весь почти открытъ, стѣсненъ и холоденъ, волосы завиты, коса на проволокъ; на ногахъ четыре повязки, мѣшающія кровообращенію; шляпа головы не грѣетъ и пр.“¹⁾

1) Военный Сборникъ 1909 г. № 8, стр. 5—6.

Графъ Воронцовъ опасался, что учрежденный при Екатеринѣ II генеральный штабъ существовалъ только по имени. Генераль-квартирмейстеръ Бауръ наполнилъ его иностранцами.

Управление госпиталями гр. Воронцовъ находилъ возмутительнымъ. Полковые командиры грабили вѣренныя имъ полки и, по отзыву графа Ланжерона, являлись „величайшими вельможами въ Европѣ“, стараясь подражать Потемкину. По словамъ Ржевскаго, контролирующая власть генераловъ была принижена. Они не отмѣняли даже такихъ распоряженій, которыя были противны „штатамъ и службѣ“. Полковые командиры „нагло расхищали казенныя деньги, поддѣлывали росписки, переманивали людей изъ другихъ полковъ, разрушали чиновначаліе“.

Графъ Ланжеронъ строго судилъ и офицеровъ за малое развитіе и малыя военныя познанія. Особенно рѣзко онъ отзывался объ офицерахъ гвардіи.

Выправку солдатъ Тучковъ называлъ безчеловѣчною.

Конница плохо ѣздила верхомъ, потому что въ мирное время упражнялась не иначе, какъ пѣшкомъ; лошади были плохи, ибо командиры полковъ не кормили ихъ; манежей не существовало. Среди начальства верховая ѣзда не была въ авантажѣ. Когда пришлось выставить армію для войны со Швеціею, оказалось, что всѣ выдающіеся генералы уже были въ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ. Отзывы о командномъ составѣ войскъ, направленныхъ противъ шведовъ, очень неблагопріятны для нихъ.

Во флотъ среди не только начальствовавшихъ лицъ, но и матросовъ, было много иностранцевъ и иноземцевъ, на что Орловъ обращалъ вниманіе Екатерины II, прося присылки ему кораблей съ русскими матросами, офицерами и командирами ¹⁾.

Для правильнаго сужденія объ успѣхѣхъ воннаго дѣла въ вѣкъ Екатерины II необходимо принимать въ расчетъ то состояніе арміи, въ которомъ она находилась при вступленіи на престолъ великой государыни.

По этому вопросу значительный интересъ представляетъ слѣдующій отзывъ о состояніи Россійской имперіи въ первые годы царствованія Екатерины II шведскаго посланника при нашемъ дворѣ—Поссе, перехваченный Остерманомъ въ Швеціи ²⁾.

Регулярныхъ войскъ было 304,000 чел., нерегулярныхъ 32,000 чел. Но въ поле могло быть выведено не болѣе 100.000 чел. Полки никогда не находились въ комплектѣ. По штату въ пѣхотномъ полку числилось 2,137 чел., но всегда недоставало 600—700 чел. въ каждомъ, ибо военная коллегія старалась имѣть сколько возможно свободныхъ мѣстъ, чтобы остающимся жалованьемъ обо-

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 749. Первоначально нашимъ флотомъ въ Архипелагѣ начальствовалъ Эльфинстонъ, потомъ датчанинъ Арфа.

²⁾ Соловьевъ, т. XXV, стр. 1411.

гащать свою казну. Много нижних чиновъ въ бѣгахъ. У русскихъ природная ненависть къ военной службѣ. Въ частяхъ войскъ слишкомъ много нестроевыхъ. Полковныя работы тяжелы. Пища плохая. Четвертая часть лежитъ больными. За командировками, недочетами по штатамъ и больными въ полку оставалось на лицо 900 человекъ. Искусныхъ генераловъ, кромѣ нѣкоторыхъ иноземцевъ, по мнѣнію Поссе, не было.

Состояніе флота, по отзыву того же Поссе, было не утѣшительнѣе: флотъ состоялъ изъ 31 линейнаго корабля, а съ другими судами всего 42. Старшіе по срокамъ корабли были въ плохомъ состояніи и такъ гнили, что не могли быть починены. 99 пушечный корабль „Елисавета“, построенный въ 1745 году, не могъ быть выведенъ въ море, ибо валился на бокъ. Искусныхъ матросовъ не доставало, что будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не разовьется коммерческій флотъ (замѣчаніе это справедливо и по нынѣ).

Екатерина II знала о плохомъ состояніи арміи и флота и принимала энергичныя мѣры къ улучшенію ихъ состоянія, но во многихъ случаяхъ ея старанія разбивались общею отсталостью и вкоренившимися въ обычай вредными понятіями.

Разслѣдованіе внутренняго состоянія Россіи, произведенное, по порученію императрицы, Панинымъ въ 1763 году, т. е. на другой годъ по вступленіи на престолъ государыни, указало на существованіе многихъ внутреннихъ язвъ, отзывавшихся и на состояніи арміи. Такъ, Панинъ выяснилъ, что крестьяне относятся къ отбыванію воинской повинности, какъ къ самому тяжелому горю, ибо признавали отдачу сына въ рекруты равносильною убійству его или вѣчной разлукѣ съ нимъ. Помѣщики за деньги ставили лишнихъ рекрутъ за чужія деревни, безъ вниманія къ разоренію семей, выставившихъ лишняго рекрута.

До отправленія въ полки рекрутъ содержали очень дурно и дѣлали къ нимъ „тяжкія и корыстныя придирки“. Назначали на частныя работы. Въ столицѣ рекрутъ собирали ранѣе отвода имъ помѣщеній, при чемъ днемъ они находились на открытомъ воздухѣ на морозѣ, а на ночь ихъ помѣщали въ торговыхъ баняхъ, въ жару ¹⁾

Послѣ смотра флоту въ 1765 году государыня писала Панину: „у насъ въ излишество и кораблей, и людей, но у насъ нѣтъ ни флота, ни моряковъ“ ²⁾.

Послѣ восьмилѣтняго царствованія Екатерины II другой иностранецъ, англійскій посолъ Каткартъ, такъ характеризуетъ въ 1770 году положеніе двухъ армій, выставленныхъ Россіею для войны съ Турціею. „Обѣ арміи раздражены; офицеры всѣхъ чиновъ

¹⁾ Соловьевъ, т. XXV, стр. 1475—1476.

²⁾ Соловьевъ, т. XXVI, стр. 101.

выходятъ въ отставку: люди измучены болѣзнями, усталостью и дурнымъ управленіемъ, болѣе разрушительнымъ, чѣмъ непріятельское оружіе; рекрутскіе наборы пагубны для огромной, но мало заселенной, страны. Флотъ въ Архипелагѣ дурно построенъ, дурно управляется и дурно оплачивается. Между офицерами раздоры, а между матросами—болѣзни.... Безконечные расходы, наслія въ Польшѣ; ни одного вѣрнаго шага къ умиротворенію.... Никакихъ средствъ занять денегъ въ чужихъ странахъ, никакихъ средствъ собрать ихъ внутри государства новыми налогами.—Казна еще не истощена, но очень оскудѣла.... Между русскими нѣтъ согласія, любви, довѣрія; между ними господствуетъ недостатокъ дѣятельности и одушевленія“¹⁾.

Румянцовъ какъ бы подтверждаетъ отзывъ о начальствовавшихъ лицахъ англичанина Каткарта. Такъ, вскорѣ послѣ Кагула, Румянцовъ доносилъ:

„Всѣ почти генералы по болѣзнямъ своимъ отъѣхали изъ арміи. И Храповицкаго и Хераскова только уговорить могъ остаться, а и они подали просьбы объ увольненіи“²⁾.

Старшіе начальники подавали дурной примѣръ младшимъ, проявляя недостаточныя дисциплину и чувство долга. Какъ уже было отмѣчено, командовавшій 2-ю арміею Панинъ, недовольный полученною имъ наградой за взятіе Бендеръ, уѣзжаетъ изъ арміи, сославшись на болѣзнь. Репинъ, получившій заслуженное замѣчаніе отъ Румянцова, оставляетъ ввѣренный его командованію отрядъ и, тоже сославшись на болѣзнь, уѣзжаетъ изъ арміи.

М. Бородинъ, не смотря на недочеты въ арміи Екатерины II, объясняетъ побѣды этой арміи слѣдующимъ образомъ: „Картина общаго состоянія военной силы имперіи Екатерины II, нарисованная современниками, покрыта густымъ слоемъ мрачныхъ красокъ, но въ ней есть просвѣты, которые искупаютъ многое. Свидѣтели видѣли большія неустройства, иногда почти хаотическое состояніе; они наблюдали безчисленныя злоупотребленія, и тѣмъ не менѣе царствованіе Екатерины прославлено побѣдами, государственная территорія увеличена болѣе чѣмъ на 11,000 квадратныхъ миль, границы имперіи значительно обезпечены. Какъ все согласовать и объяснить? Секретъ въ томъ, что русскій солдатъ оказался неподобнымъ по своимъ качествамъ, и, кромѣ того, нашлись такіе разумные организаторы военного дѣла, какъ Румянцовъ, Суворовъ и Потемкинъ, которые многое исправили и многое уравнили своимъ вліяніемъ. Они,—названныя лица,—своимъ гениемъ, а нижніе чины своими рѣдкими боевыми качествами спасли положеніе дѣла; ими жило государство въ своей боевой дѣятельности“³⁾.

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 723.

²⁾ Тамъ же, стр. 648.

³⁾ Военный Сборникъ 1909 г., № 8, стр. 3.

Такимъ образомъ, по мнѣнію М. Бородинна, въ нашей арміи въ вѣкъ Екатерины были хороши только самыя низы арміи и самыя верхи ея. Нельзя не признать такое мнѣніе несправедливымъ и одностороннимъ. Прежде всего, во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Россіею, нашъ корпусъ офицеровъ обладалъ тѣми же высокими боевыми качествами, что и нижніе чины. Наши офицеры, особенно въ старшихъ чинахъ, по разнымъ причинамъ могли имѣть недостаточныя знанія, недостаточную опытность, недостаточную самостоятельность, но, за неизбѣжными въ такомъ большомъ дѣлѣ исключеніями, они всегда были первыми въ опасности и всегда, во всѣхъ трудныхъ испытаніяхъ, поддерживали нижнихъ чиновъ, подавали имъ примѣръ.

Значительно большій процентъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ, сравнительно съ нижними чинами, доказываетъ такое мое мнѣніе. Такъ и въ войскахъ Екатерининской арміи,—безъ храбрости офицеровъ, безъ ихъ вліянія на нижнихъ чиновъ и безъ довѣрія къ нимъ этихъ нижнихъ чиновъ даже такіе полководцы, какъ Суворовъ, не могли бы одерживать побѣдъ, ибо ихъ личное участіе въ бою, ихъ воля могли двигать нашего чуднаго солдата на геройскія дѣла *только при посредствѣ офицеровъ всѣхъ степеней*. Съ легкой руки одного изъ выдающихся нашихъ военныхъ мыслителей, выпустившаго послѣ русско-турецкой войны крылатое слово о „святой сѣрой скотинѣ“, явилось много подражателей, склонныхъ курить финіамъ кетати и некстати солдату и относиться съ пренебреженіемъ къ офицеру. Мнѣ указывали, что и нынѣ еще существуютъ среди наиболѣе крупныхъ представителей нашей арміи такіе генералы, которые, найдя войсковую часть въ отличномъ порядкѣ, считаютъ своимъ долгомъ громогласно и многократно хвалить солдатъ и въ то же время не находятъ ни одного ласковаго слова для офицеровъ, конечно, главныхъ виновниковъ того, что та или другая часть войскъ представилась отлично.

Но, конечно, и въ Екатерининской арміи корпусъ офицеровъ могъ быть храбръ, однороденъ, и въ то же время указанные выше организаціонные и хозяйственные безпорядки въ арміи могли существовать и затруднять достиженіе поставленныхъ войскамъ боевыхъ цѣлей.

Свидѣтельства современниковъ и даже вождей русской арміи дѣйствительно и указываютъ, что этимъ вождямъ приходилось вести тяжкую борьбу не только съ непріателемъ, но и съ порядками, въ арміи укоренившимися.

Если всѣ трудности были преодолены и Россія въ войнахъ съ турками одержала рядъ побѣдъ, то тому способствовали слѣдующія обстоятельства:

Состояніе армій и другихъ державъ въ ту эпоху тоже отличалось многими недостатками. Даже армія Фридриха Великаго тер-

пѣла поражение отъ русской арміи, предводимой совсѣмъ не выдающимся Салтыковымъ. Между тѣмъ, въ царствованіе Елисаветы Петровны существовали въ арміи всѣ тѣ отрицательныя стороны нашей арміи, которыя указаны выше.

Послѣ побѣды надъ прусскими войсками такіе выдающіеся военные таланты, какъ Румянцовъ, Суворовъ, получившіе въ семилѣтней войнѣ отличный боевой опытъ, нашли въ туркахъ весьма слабыхъ противниковъ.

Какъ указано выше, уже въ войну съ турками 1736—1739 годовъ сказалось сильное паденіе турецкой арміи. Ставучанская побѣда была одержана нами почти безъ боя.

Огромная заслуга Румянцова и заключалась въ томъ, что онъ вѣрно оцѣнилъ измѣнившуюся обстановку—ослабленіе турецкой арміи, особенно въ дѣйствіяхъ въ полѣ и, какъ указано выше, примѣнилъ новый противъ нея способъ дѣйствій, перейдя отъ общаго для всей арміи каре къ нѣсколькимъ каре. Суворовъ идетъ еще дальше и строитъ боевой порядокъ изъ двухъ линій малыхъ каре, силою каждое въ батальонъ и даже въ двѣ роты. Оба эти полководца, какъ основное правило для боя противъ турокъ, принимаютъ наступленіе и атаку въ штыки. Придавъ удару въ штыки рѣшающую роль, возвысивъ значеніе артиллеріи для подготовки атаки и не останавливаясь передъ посылкою конницы даже на непріятельскіе окопы, русскіе генералы начали въ концѣ XVIII столѣтія разбивать во много разъ превосходившія ихъ числомъ турецкія войска.

Н. Михневичъ, изслѣдуя развитіе военнаго искусства русской арміи, послѣ разсмотрѣнія нѣсколькихъ сраженій во второй половинѣ XVIII столѣтія русскихъ войскъ съ прусскими и турецкими, дѣлаетъ такой выводъ¹⁾: „Тактическое искусство русскихъ превосходило западно-европейское употребленіемъ стрѣлковаго огня егерей, облиемъ формъ строя (развернутый, каре и колонны), употребленіемъ резерва, а также искуснымъ веденіемъ боя, какъ при Рымникѣ.

„Наконецъ, побѣды Румянцова и Суворова указали ключъ къ борьбѣ съ турками: никогда не обороняться, но атаковать ихъ, не обращая вниманія даже на численное превосходство на ихъ сторонѣ“.

А. Петровъ, рассматривая вліяніе турецкихъ войнъ на развитіе русскаго военнаго искусства, приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ²⁾: „Изъ сдѣланнаго краткаго обзора дѣйствій русскихъ войскъ въ войну съ 1764 по 74 годъ, опредѣляется тактическое значеніе каждаго изъ трехъ родовъ оружія, въ зависимости отъ тактическаго состоянія турецкихъ войскъ. Послѣднія имѣютъ преимущество въ числѣ и, отчасти, въ качествѣ своей конницы, сравнительно съ на-

¹⁾ Н. Михневичъ „Основы русскаго военнаго искусства“, изд. 1898 г., стр. 85.

²⁾ А. Петровъ „Вліяніе турецкихъ войнъ на развитіе русскаго военнаго искусства“, т. I, изд. 1893 г., стр. 379—380.

шею кавалерією (легкость движеній, выносливость), и уступаютъ намъ въ качествѣ своей пѣхоты, въ особенности же артиллеріи, не принимающей почти никакого участія въ полевыхъ бояхъ, въ смыслѣ маневрированія. Это даетъ особенное значеніе нашей пѣхотѣ, какъ относительно дѣйствительности ея огня, такъ и дѣйствія холоднымъ оружіемъ, вызывая въ ней натискъ и ударъ въ штыки. Отсюда измѣненіе боевого порядка пѣхоты, въ смыслѣ большей подвижности, а расположеніе ея, вмѣсто одного общаго каре для всей арміи, въ каре по дивизіямъ, полкамъ и баталіонамъ, смотря по силѣ дѣйствующаго отряда.

„Особенно важную роль получаетъ полевая артиллерія, которая почти безнаказанно открываетъ огонь съ разстояній, превышающихъ дѣйствительность ружейнаго выстрѣла, мало подвергаясь дѣйствію пушечнаго огня противника, которому наноситъ сильный вредъ. Эта относительная безнаказанность и увѣренность въ губительномъ дѣйствіи ея выстрѣловъ укореняетъ въ артиллеріи способность отважно выдвигаться впередъ, маневрировать на полѣ сраженія и не бояться атаки противника. Эти качества пѣхоты и артиллеріи, выработавшіяся подъ вліяніемъ и въ зависимости отъ боевыхъ качествъ турецкихъ войскъ, привились у насъ прочно, вполне соотвѣтствуя характеру націи, и развились еще больше въ послѣдующія войны съ Турцією, сохраняясь и въ наше время.

„Тѣ-же причины вліяли и на характеръ дѣйствій нашей кавалеріи въ бою, предоставляя ей, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, значеніе вспомогательнаго войска для двухъ остальныхъ родовъ оружія, безъ которыхъ она, весьма лишь рѣдко, дѣйствуетъ самостоятельно, а употребляется преимущественно: до боя—для сторожевой службы и развѣдокъ о непріятелѣ, а послѣ боя—для энергическаго преслѣдованія разбитаго противника, съ цѣлью приведенія его въ окончательное разстройство.

„Но образъ дѣйствій нашихъ войскъ установился на извѣстныхъ началахъ не сразу, не вдругъ, а путемъ ряда послѣдовательныхъ опытовъ и приспособленій къ условіямъ обстановки. Являясь сперва какъ отдѣльный, частный фактъ, давшій хорошіе результаты, фактъ этотъ служитъ основаніемъ для его повторенія въ другихъ случаяхъ и, наконецъ, изъ частнаго становится общимъ, какъ, напр., дробленіе одного каре на нѣсколько меньшихъ.

„Выработанное, такимъ образомъ, путемъ опыта и вліянія извѣстныхъ обстоятельствъ, русское военное искусство отличается самобытностью и характеромъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ духу націи“.

Достигнувъ дѣйствительно выдающагося успѣха въ тактическомъ отношеніи, наши вожди во второй половинѣ XVIII столѣтія обращали особое вниманіе не только на обученіе, но и на воспита-

ніе войскъ. Въ арміи Румянцова боролись противъ побоевъ солдатъ. Суворовъ, добываясь послушанія, храбрости и выносливости солдата, внушая войскамъ чувство превосходства надъ противникомъ, сообщая имъ въру въ побѣду, проводя твердо принципъ взаимной выручки и въру въ силу натиска, въ то же время внушаетъ войскамъ необходимость хорошо обращаться съ побѣжденными и обывателями. Потемкинъ тоже старался поднять нравственное достоинство солдатъ.

Въ царствованія императриць въ нашей арміи отмѣчается другое въ арміи явленіе: *развитіе большой самостоятельности частныхъ начальниковъ*. Ихъ инициативою одерживаются многія побѣды. вмѣстѣ съ отличными, исключительными боевыми качествами нашего солдата, вмѣстѣ съ храбростью офицеровъ, эта самостоятельность частныхъ начальниковъ даетъ намъ побѣды надъ турками въ войны Елисаветы Петровны и Екатерины II даже при такихъ въ сущности слабыхъ командующихъ арміями, какъ Потемкинъ и Салтыковъ. Такой высокій примѣръ значенія инициативы частныхъ начальниковъ уже не встрѣчается въ послѣдующихъ войнахъ, веденныхъ въ царствованія Николая I и Александра II.

Только въ прусской арміи въ 1870--71 годахъ побѣды германцевъ тоже главнымъ образомъ обязаны инициативѣ частныхъ начальниковъ, начиная съ бригадныхъ командировъ.

Извѣстный нѣмецкій стратегъ Блуме считаетъ, что „даже величайшій геній полководца не замѣнитъ ему самостоятельнаго содѣйствія частныхъ начальниковъ“.

Русская армія, разбившая лучшія въ Европѣ войска Фридриха II подъ Кунерсдорфомъ, взявшая у пруссаковъ 28 знаменъ и 172 орудія, русская армія, разбившая турокъ, превосходившихъ во много разъ наши войска численностью, армія, побѣдоносно вынесшая штурмъ Измаила, при всѣхъ ея слабыхъ сторонахъ, безъ сомнѣнія въ эпоху Екатерины II заняла первое мѣсто среди европейскихъ армій.

Несомнѣнно также, что если бы, съ окончаніемъ важныхъ для Россіи задачъ по объединенію русскаго племени и выходамъ къ морямъ Балтійскому и Черному, Россія приступила наконецъ къ устройству своихъ внутреннихъ дѣлъ, наша армія могла дать Россіи вполне достаточное время, чтобы и въ культурномъ отношеніи сдѣлать успѣхи, подобно успѣхамъ въ военномъ дѣлѣ. Эта задача въ особенности оказалась бы выполнимою, если бы наши задачи въ XIX столѣтіи на ближнемъ востокѣ были ясно опредѣлены и, съ признаніемъ за Австрію ея интересовъ, мы съ этою державою, родственною намъ по племенному составу, шли бы рука въ руку.

Общее заключеніе объ использованіи Россіею достигнутаго ею въ концѣ XVIII столѣтія выхода къ Черному морю.

Задача русской арміи по выходу къ Черному морю потребовала огромныхъ усилій и жертвъ отъ русскаго племени въ теченіе ста лѣтъ времени.

Посмотримъ, какъ воспользовалось русское племя работою русской доблестной арміи и прочно ли осѣло въ пустынныхъ еще въ XVIII столѣтіи мѣстностяхъ, отдѣлявшихъ въ ту эпоху южныя русскія поселенія отъ черноморскаго побережья на югъ и молдавскаго княжества на западъ.

Въ результатъ дѣятельности русской вооруженной силы въ XVIII столѣтіи по выходу Россіи къ Черному морю на югъ и на линію р. Днѣстра на западъ, къ Россіи были присоединены мѣстности, составляющія нынѣ губерніи: Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую и Бессарабскую.

По послѣдней переписи населеніе этихъ четырехъ губерній по племешному составу, за округленіемъ, распредѣлялось такъ ¹⁾:

Великороссовъ.	1.500,000	чел.
Малороссовъ.	3.900,000	„
Бѣлороссовъ.	50,000	„
Поляковъ и другихъ западныхъ и южныхъ славянъ	240,000	„
Молдаванъ и другихъ романскихъ народностей	1.090,000	„
Татарь.	290,000	„
Нѣмцевъ	350,000	„
Евреевъ	700,000	„
Армянъ, грековъ и цыганъ.	100,000	„
Всего.	8.220,000	„

По отношенію ко всему населенію русское племя составляетъ двѣ трети (66⁰/₁₀₀), что соотвѣтствуетъ отношенію русскаго племени къ общему числу населенія во всей Россійской имперіи ²⁾.

Русское населеніе наиболѣе распространилось въ Екатеринославской губерніи, составивъ 89⁰/₁₀₀ всего населенія, затѣмъ въ губерніяхъ Таврической и Херсонской, гдѣ русскіе составляютъ 85 и 84⁰/₁₀₀ всего населенія, и наименѣе всего въ Бессарабской губерніи, гдѣ оно достигаетъ лишь 25⁰/₁₀₀ всего населенія.

По преобладанію русскаго племени Екатеринославская губернія

¹⁾ Д. Менделѣевъ „Къ познанію Россіи“, стр. 36—40.

²⁾ „Общій сводъ по имперіи данныхъ первой всеобщей переписи“, т. II, стр. VI.

приравнивается къ Пензенской, Саратовской, Петербургской, Минской, Могилевской, Кіевской, Подольской и Архангельской.

Татарское и романскія племена, находившіяся на югѣ и юго-западѣ Россіи при завоеваніи рассматриваемыхъ мѣстностей, составляютъ нынѣ, вмѣстѣ взятыя, менѣе четвертой части всего населенія.

Изъ пришлаго населенія въ рассматриваемыхъ четырехъ губерніяхъ главное мѣсто занимаютъ евреи (700,000) и нѣмцы (350,000).

Въ губерніяхъ Таврической, Екатеринославской и Херсонской русское племя заняло, какъ и во всей европейской Россіи (за исключеніемъ польскихъ губерній), господствующее мѣсто. Нельзя однако не пожалѣть, что еврейскій и нѣмецкій элементы составляютъ въ этихъ губерніяхъ обособленныя группы, не поддающіяся русской гражданственности, при чемъ еврейское населеніе, какъ и всюду, живеть преимущественно за счетъ труда прочаго населенія, а нѣмецкія колоніи, даже основанныя еще при Екатеринѣ II, остаются все еще *нѣмецкими* колоніями, а не становятся русскими деревнями.

Въ означенныхъ четырехъ губерніяхъ евреи, кромѣ занятіи торговлею и промысломъ, являются землевладѣльцами и арендаторами имѣній. Всего въ четырехъ рассматриваемыхъ губерніяхъ свыше 250,000 десятинъ земли уже составляютъ собственность евреевъ. Наибольшее количество земель (108,000 десятинъ) принадлежитъ евреямъ въ Херсонской губерніи. Евреи владѣютъ виноградниками въ Таврической и Бессарабской губерніяхъ ¹⁾.

Но гдѣ русскому племени не удалось занять по количеству населенія главнаго мѣста,—это въ Бессарабской губерніи.

Завоеваніе этой губерніи совершилось усиліями и жертвами, главнымъ образомъ, великорусскаго племени; между тѣмъ и спустя 150 лѣтъ послѣ завоеванія великорусское племя представляютъ въ Бессарабской губерніи всего 15,600 человекъ, на 228,000 *евреевъ*, 60,000 нѣмцевъ, 115,000 поляковъ и другихъ южныхъ и западныхъ славянъ и 920,000 народовъ романскаго племени.

Нельзя тѣмъ не менѣе въ общемъ не признать, что русское племя, заселивъ свыше чѣмъ пятью милліонами душъ завоеванныя въ XVIII столѣтіи южныя губерніи, прочно осѣло въ нихъ, что и доказываетъ жизненную необходимость для Россіи этого завоеванія.

Слабѣ всего русское племя воспользовалось непосредственнымъ выходомъ къ берегамъ Чернаго моря. По разнымъ сложнымъ причинамъ на этихъ, орошенныхъ русскою кровью, берегахъ не создано и по нынѣ многочисленнаго русскаго *приморскаго* населенія, а торговля по Черному морю тоже до сихъ поръ не въ русскихъ рукахъ.

Въ военномъ отношеніи завоеванная нами въ концѣ XVIII сто-

¹⁾ „Еврейское землевладѣніе въ 1900 году“. Временникъ центральнаго статистическаго комитета 1901 года № 49. Стр. XXIX, 68, 74 и 78.

лѣтія окраина имѣла большое значеніе, прикрывая югъ Россіи и въ то же время составляя базу для дѣйствій противъ Турціи. Всѣ послѣдующія войны съ Турціею мы вели, сосредоточиваясь въ Бессарабіи. На сухомя пути турки, кромѣ высадки 1855 года, уже не появлялись на нашей территоріи.

Въ морскомъ отношеніи нашъ успѣхъ былъ менѣе значителенъ. Мы создали доки, приморскія крѣпости, въ срединѣ XIX столѣтія имѣли корабли, офицеровъ и матросовъ, про которыхъ великая государыня Екатерина II не могла бы сказать, что у насъ въ излишкѣ корабли, но у насъ нѣтъ ни флота, ни моряковъ. Къ войнѣ 1853—56 годовъ мы имѣли сильный парусный флотъ, воспитанный такими моряками, какъ Лазаревъ, и предводимый такими героями, какъ Нахимовъ, Корниловъ, Истоминонъ.

Но, озабоченные устройствомъ европейскихъ дѣлъ, мы такъ много израсходовали русскихъ денегъ на эти дѣла, что у насъ не хватило средствъ своевременно перейти къ паровому флоту, и нашъ чудный парусный черноморскій флотъ, хотя и успѣлъ уничтожить въ Крымскую войну 1853—56 годовъ турецкій флотъ, но передъ союзными эскадрами съ паровыми судами оказался безсиленъ, заперся въ Севастополѣ и былъ утопленъ нами самими.

Получивъ вновь въ 1870 году право имѣть на Черномъ морѣ боевой флотъ, мы начали съ Турціею войну въ 1877—78 г.г. ранѣе, чѣмъ воспользовались этимъ правомъ; поэтому, хотя благодаря славнымъ подвигамъ нашихъ моряковъ (Дубасовъ, Шестаковъ, Скрыдловъ, Ниловъ, Рождественскій, Макаровъ, Барановъ и др.), дѣйствія сухопутной арміи были облегчены, особенно при переходѣ черезъ Дунай, но наши морскія силы оказались совершенно недостаточными, чтобы грозные успѣхи сухопутной арміи были закрѣплены навсегда уже въ 1878 году прочнымъ занятіемъ нами Босфора.

ГЛАВА XV.

Внѣшняя политика Екатерины II.

«Отношенія различныхъ европейскихъ державъ къ Россіи и Турціи во второй половинѣ XVIII столѣтія. — Посредничество въ 1772 году Пруссіи при заключеніи мира между Россіею и Турціею. — Связь перваго раздѣла Польши съ условіями Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. — Роль Австріи и ея интересы на Балканскомъ полуостровѣ. — Выводы.

Задача русской арміи по выходу къ Черному морю была, послѣ тяжкихъ усилій и огромныхъ жертвъ людскими и деньгами, побѣдною окончена въ концѣ XVIII столѣтія.

Казалось бы, послѣ достигнутыхъ результатовъ, со стороны Россіи уже не требовалось нести новыя жертвы по борьбѣ съ Турціею. Между тѣмъ, въ теченіе XIX столѣтія Россія ведетъ съ Турціею четыре кровопролитныя войны, одерживаетъ каждый разъ по нѣсколько побѣдъ, дважды занимаетъ Адрианополь, разъ стоитъ подъ стѣнами Константинополя и за всѣ эти колоссальныя жертвы и успѣхи получаетъ полоску земли между Днѣстромъ и Прутомъ (Бессарабію) и увеличиваетъ за счетъ Турціи свои владѣнія на Кавказѣ. Босфоръ и устье Дуная остаются въ чужихъ для Россіи рукахъ.

Причины ничтожнаго для непосредственной пользы Россіи результата, сравнительно съ принесенными жертвами, будутъ разсмотрѣны болѣе подробно въ послѣдующихъ главахъ. Здѣсь же мы лишь упомянемъ главную изъ нихъ—это вмѣшательство Россіи въ дѣла христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, подвластнаго Турціи. Это вмѣшательство хотя имѣло цѣлью облегченіе, а затѣмъ и освобожденіе христіанъ изъ подъ власти турокъ, но достиженіе этой цѣли не разъ давало европейскимъ державамъ, въ особенности Австріи, основаніе заподозрѣвать безкорыстіе Россіи.

Опасаясь, что, помимо освобожденія христіанъ, Россія стремится и овладѣть частью турецкихъ владѣній, въ особенности Молдавіею и Валахіею, а также получить преобладающее значеніе въ Сербіи,—Австрія недоброжелательно, а иногда и явно враждебно, относилась

и относится до сихъ поръ къ освободительной миссиі Россіи на ближнемъ востокѣ. Война 1787—1791 годовъ въ этомъ отношеніи тоже не составила исключенія. Не смотря на то, что въ этой войнѣ, благодаря великому Суворову, русскія войска побратались съ австрійскими на побѣдныхъ поляхъ—Фокшанскомъ и Рымпикскомъ,—наши отношенія къ Австріи не стали дружественнѣе и опредѣленнѣе.

Подтвержденіе Турціею Кучукъ-Кайнарджійскаго договора ставило Россію въ положеніе покровительницы всѣхъ христіанскихъ народностей, населяющихъ Турцію. Кромѣ того, по § 11 договора, Россія получила право имѣть консуловъ всюду, гдѣ она пожелаетъ. Эти права давали Россіи возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи, а право покровительства балканскимъ христіанамъ, причинившее въ XIX столѣтіи столько горя Россіи, превращало Австрію изъ нашей союзницы въ соперницу и даже врага, ибо вмѣшательство Россіи въ дѣла Молдавіи, Валахіи и Сербіи самымъ жизненнымъ образомъ затрагивало интересы Австріи.

Съ возвышеніемъ Россіи подозрѣніе къ ея дѣятельности на такъ называемомъ ближнемъ востокѣ начинаетъ охватывать, кромѣ Австріи, и всѣ европейскія державы, имѣвшія свои интересы въ Турціи.

Въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, когда могущественная Турція, угрожала спокойствію и даже цѣлости европейскихъ государствъ Россія призывалась къ борьбѣ съ турками, но наши государи благоразумно занимались преслѣдованіемъ ближайшихъ и важныхъ для Россіи задачъ, уклоняясь „за дальностью разстоянія“ отъ борьбы съ Турціею. Очевидно, когда Россія вступила въ борьбу съ ослабѣвшею отъ причинъ внутреннихъ Турціею, изъ за объединенія русскихъ мѣстностей, попавшихъ ранѣе въ руки турокъ, и изъ за выхода къ Черному морю, и начала наносить Турціи ударъ за ударомъ, европейскія державы стали ревниво слѣдить за успѣхами Россіи, принимать мѣры къ ограниченію пріобрѣтаемыхъ ею побѣдами надъ турками выгодъ и, наконецъ, въ видахъ такъ называемаго европейскаго равновѣсія, стали заботливо охранять существованіе той самой Турціи, противъ которой ранѣе ходили крестовыми походами.

На сколько вмѣшательство другихъ державъ препятствовало Россіи воспользоваться полностью своими побѣдами надъ турками въ войны второй половины XVIII столѣтія, видно будетъ ниже.

Въ XV, XVI и XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, какъ изложено было въ предыдущихъ главахъ, наши государи твердо ставили русскому народу опредѣленныя задачи по объединенію русскаго племени и выходу къ морямъ Каспійскому, Балтійскому и Черному. Въ зависимости отъ этихъ задачъ опредѣлялись и наши отношенія къ другимъ державамъ. Политика русскихъ государей преслѣдовала прежде всего интересы Россіи и избѣгала вмѣшательства въ чужія

дѣла, если эти дѣла не касались жизненнымъ образомъ нашей родины.

Послѣ Петра I, подѣ влияніемъ иноземцевъ, дурно понятое уваженіе Петра къ западу и подражаніе многому западному создало въ интеллигентныхъ слояхъ русскаго общества такъ называемое „западничество“, имѣвшее огромное влияніе на всю исторію Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Въ своихъ проявленіяхъ западничество захватывало и измѣняло какъ національный русскій укладъ жизни и понятій, такъ и отношенія внѣшнія—къ сосѣдямъ, ихъ дѣламъ и интересамъ. Эти дѣла и интересы нашихъ сосѣдей начали такъ поглощать вниманіе русскихъ государей и ихъ совѣтниковъ, что на заботы объ улучшеніи положенія русскаго племени не хватало времени и средствъ. Наши государи, особенно Александръ I, настолько занялись устройствомъ европейскихъ дѣлъ, что привели въ упадокъ дѣла русскія.

Вліяніе западныхъ идей сильно отразилось и на внѣшней политикѣ Екатерины II ¹⁾.

Относительно ея внѣшней политики у историка В. Ключевского въ его трудѣ „Лекціи по русской исторіи“ ²⁾ помѣщены слѣдующія данныя:

Вмѣстѣ съ Россіею „всѣхъ ближе къ Турціи стояла географически и политически Австрія. У нея также были непримиримые, запутанные счета съ Турціею; естественно, поэтому, было сближеніе Австріи съ Россіею для общей дѣятельности въ этомъ направленіи. Уже при Петрѣ Великомъ русская дипломатія хлопотала о тѣсномъ наступательномъ союзѣ съ Австріею. Вскорѣ по смерти Петра, въ 1726 году, въ царствованіе Екатерины I, этотъ союзъ былъ, наконецъ, заключенъ. Съ тѣхъ поръ политика австрійскаго союза стала руководящимъ принципомъ русскаго кабинета. Эта политика на тогдешнемъ дипломатическомъ языкѣ извѣстна была подѣ именемъ „системы Петра Великаго“. Русское правительство послѣдовательно и съ энергіею дѣйствовало въ этомъ направленіи“ ³⁾.

Всѣ государи Россіи до Екатерины II и держались этой политики.

При вступленіи на престолъ Екатерины II на очереди стояли два важныхъ вопроса:

Первый вопросъ заключался въ томъ, чтобы довести южно-русскую границу до ея естественныхъ предѣловъ, т.-е. до береговой линіи Чернаго моря; вопросъ этотъ необходимо было разрѣшить для успѣха русскаго народнаго хозяйства: „Масса русскаго населенія, нѣкогда скученная на неплодородномъ верхне-волжскомъ суглинкѣ,

¹⁾ Особенно вліялъ на Екатерину II Вольтеръ. Идея греческаго проекта тоже принадлежитъ частью ему.

²⁾ Ключевскій „Лекціи по русской исторіи“, т. III, стр. 49—77.

³⁾ Тамъ же, стр. 51.

должна была перенести свой трудъ на южный плодородный черноземъ, обработка котораго была невозможна при господствѣ татаръ на югѣ Россіи“¹⁾.

Второй вопросъ—польскій состоялъ въ томъ, чтобы воссоединить западную Русь съ коренною Россією; его необходимо было разрѣшить для обезпеченія національной безопасности и для удовлетворенія религіознаго чувства.

Итакъ, первый вопросъ былъ въ сущности экономической, второй—національно-религіозный. Наша исторія чрезвычайно ясно и прямо поставила оба эти вопроса.

По мнѣнію В. Ключевскаго, „чтобы успѣшно разрѣшить ихъ, надобно было строго выдерживать два условія: во первыхъ, разрѣшить тотъ и другой вопросъ безъ вмѣшательства со стороны, не допуская этимъ вопросамъ мѣстнымъ (русско-турецкому и русско-польскому) превратиться въ вопросы общеевропейскіе; во вторыхъ, надобно было разрѣшить каждый изъ этихъ вопросовъ порознь, а не вмѣстѣ“²⁾.

„Екатеринѣ не удалось выполнить ни одного изъ условій успѣшнаго разрѣшенія предстоявшихъ ей задачъ. Ей не удалось ни избѣгнуть сторонняго участія, ни разрѣшить каждый изъ вопросовъ порознь. Причиною этого были двѣ коренныя ошибки, ею сдѣланныя. Первая изъ этихъ ошибокъ заключалась въ перемѣнѣ основанія, на которомъ стояла внѣшняя политика. До сихъ поръ во внѣшнихъ отношеніяхъ русской кабинетъ руководствовался системою Петра Великаго, т.-е. системою русско-австрійскаго союза. Екатерина приняла съ начала царствованія другую систему“³⁾.

Подъ влияніемъ Панина, Екатерина увлеклась идеею „сѣверной системы“. По мнѣнію Панина, европейскому равновѣсію грозилъ австро-французскій союзъ; для противодѣйствія ему необходимо было составить новый союзъ изъ Россіи и сѣверныхъ протестантскихъ государствъ.

„Посредствомъ этого союза великія державы должны были защищать мелкія отъ австро-французскаго захвата. Это и называлось сѣверной системой. Такимъ образомъ, сѣверная система была построена на евангельской заповѣди о любви къ ближнему и на обязанности сильнаго защищать слабаго. Съ евангельской ли точки зрѣнія, или съ точки зрѣнія средневѣковыхъ рыцарей, сѣверная система была идилліею: встрѣтившіяся въ союзѣ государства были слишкомъ различно устроены, чтобы дѣйствовать дружно. Товарницами явились и абсолютно-монархическая Россія, и довольно абсолютная Пруссія, и очень конституціонныя Англія и Швеція, и совѣтъ анархическая Польша. Притомъ у союзниковъ не было достаточно общихъ инте-

¹⁾ Ключевскій, т. III, стр. 53.

²⁾ Тамъ же, стр. 55.

³⁾ Тамъ же, стр. 63.

ресовъ. Россія должна была дѣйствовать объ руку съ Польшею, у которой она хотѣла отнять западную Русь; Пруссія должна была дѣйствовать объ руку съ Саксоніею, которую она должна была завоевать; Англія должна была дѣйствовать съ Россіею, которую хотѣла обмануть въ торговлѣ; а Швеція должна была дѣйствовать объ руку съ Россіею, у которой хотѣла воротить отнятыя провинціи. Однимъ словомъ, сѣверная система была смѣлою попыткою запречь въ одну телѣгу лебедя, щуку и рака. Но она имѣла еще то неудобство, что *совершенно поссорила насъ съ Австріею и Франціею*, а эти государства были намъ очень нужны по нашимъ отношеніямъ съ Турціею. Итакъ, изъ-за цѣли провести въ политикѣ евангельское и рыцарское начало, мы должны были рисковать успѣхомъ въ достиженіи ближайшей цѣли, т.-е. доведенія нашей южной границы до Чернаго моря. Второю ошибкою былъ особый союзъ, заключенный съ Пруссіею¹⁾.

По мнѣнію В. Ключевского, послѣдствія обѣихъ указанныхъ ошибокъ испортили разрѣшеніе обѣихъ вопросовъ русской политики, стоявшихъ на очереди.

Но Екатерина II усложняла и независимо сѣвернаго союза выполненіе нашей задачи по отношенію къ Турціи. „Ближайшая цѣль съ этой стороны состояла въ доведеніи южной русской границы до Чернаго моря. Начавъ первую турецкую войну, Екатерина поставила цѣлью *освобожденіе балканскихъ христіанъ*. Она сама писала съ чувствомъ самодовольства: „я подпалила Турцію съ четырехъ сторонъ: съ Дуная, Крыма, Морен и даже съ Грузин“²⁾.

Цѣлью второй войны съ Турціею было „отстоять присоединенный къ Россіи Крымъ и овладѣть сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря. Екатерина поставила цѣлью, начиная эту войну, знаменитый „греческій проектъ“, т. е. *возстановленіе византійской имперіи* на развалинахъ турецкой. Зачѣмъ понадобилась эта имперія, давно отошедшая въ область исторической археологій, рѣшить трудно“³⁾.

Екатерину II можно упрекать за недостаточное вниманіе къ основной задачѣ прежнихъ русскихъ государей—объединенію русскаго племени, но въ вопросѣ о выходѣ къ Черному морю ею были проявлены огромная энергія и настойчивость, доставившія ей побѣду.

Великая Екатерина оставила также крупный слѣдъ въ исторіи своими разрозненными попытками улучшить положеніе русскаго племени, но она, какъ изложено выше, увлекалась охватившею русскихъ государей маніею заниматься чужими дѣлами.

Одинъ изъ наиболѣе выдающихся государственныхъ людей XVIII столѣтія—австрійскій министръ Кауницъ сдѣлалъ въ половинѣ XVIII столѣтія слѣдующую характеристику общаго положенія дѣлъ

¹⁾ Ключевскій, т. III, стр. 64—65.

²⁾ Тамъ же, стр. 68.

³⁾ Тамъ же, стр. 70.

въ Европѣ: въ числѣ естественныхъ друзей Австріи онъ считалъ *Россію*, Англію, Голландію и Саксонію, въ числѣ естественныхъ враговъ—Турцію, Францію и Пруссію. Но, ставя Россію въ числѣ естественныхъ союзниковъ Австріи, Кауницъ боялся полагаться на Россію: „такъ какъ политика этого государства истекаетъ не изъ дѣйствительныхъ его интересовъ, но зависитъ отъ индивидуальнаго расположенія отдѣльныхъ лицъ, то невозможно строитъ на ней продолжительную систему“ ¹⁾.

Къ несчастію для Россіи, эта бессистемность въ русской политикѣ продолжалась, послѣ этой замѣчательно вѣрной характеристики, еще 130 лѣтъ и окончилась лишь со вступленіемъ на престолъ императора Александра III. Съ принятымъ имъ девизомъ для своей дѣятельности „*Россія для русскихъ*“ и политика внѣшняя начала сообразоваться съ дѣйствительными интересами Россіи, а не зависѣла отъ индивидуальнаго расположенія отдѣльныхъ лицъ.

Для оцѣнки результатовъ, достигнутыхъ войнами Екатерины II съ турками, необходимо очертить хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, какія заботы волновали государство Европы во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Въ Австріи. Семилѣтняя война нанесла тяжелый ударъ Австріи. Отъ нея была отторгнута одна изъ богатѣйшихъ провинцій—Силезія. Потеря Силезіи была такъ чувствительна, что Австрія готова была на всѣ жертвы, только бы возвратить эту провинцію. Послѣ возвращенія Силезіи слѣдующею по важности задачею признавалось возвращеніе Бѣлграда, а затѣмъ уже овладѣніе княжествами Молдавіею и Валахіею съ участками земли по Днѣстръ до Чернаго моря. Такимъ образомъ, Австрія мечтала о границѣ на югѣ отъ Адриатическаго моря до Чернаго. Уже на третьемъ планѣ стояло измѣненіе границы на востокѣ за счетъ земель польскаго королевства. Присоединеніе Галиціи не представлялось Австріи въ серединѣ XVIII столѣтія настоятельно необходимымъ. Въ то время, при раздѣлахъ Польши, мы легко могли получить Галицію или часть ея, если бы считали, по прежнему, особенно важною для Россіи задачею объединеніе русскаго племени.

Выше было изложено, что австрійцы дѣйствовали вмѣстѣ съ нами противъ турокъ въ войну 1735—39 годовъ. Но въ то время, какъ наши войска одерживали побѣды, австрійскія войска были разбиты турками въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и заключили, покинувъ насъ въ періодъ начавшихся уже переговоровъ о мирѣ, отдѣльный съ турками миръ. Всѣ завоеванія, сдѣланныя австрійцами въ 1718 г. въ Сербіи и Молдавіи, были возвращены туркамъ, въ томъ числѣ

¹⁾ Соловьевъ, т. XXIV, стр. 887.

Бѣлградъ и крѣпость Орсова. Кромѣ того, туркамъ была уступлена Трансильванія и Темешварь ¹⁾.

Побѣды Румянцова надъ турками вызвали тревогу въ европейскихъ государствахъ, особенно въ Австріи, и не безъ серьезныхъ къ тому основаній.

Въ Россіи измѣнили мудрой политикѣ соглашенія съ Австріею по турецкимъ дѣламъ и, вмѣсто союза съ Австріею, занялись созданіемъ сѣверной системы, которая вызывала союзъ Россіи не съ Австріею, а съ Пруссіею. Но этого мало. Дѣйствія наши въ княжествахъ, начиная съ Прутскаго похода, указывали австрійцамъ на намѣреніе присоединить къ владѣніямъ Россіи Молдавію и Валахію или одну Молдавію. Принятіе населеніемъ княжествъ присяги на вѣрность Екатеринѣ II ясно указывало на намѣренія императрицы. Планы Екатерины то возстановить греческую имперію, то создать независимое государство изъ Молдавіи, Валахіи и Крыма, тоже не могли не тревожить Австрію. Для нея было жизненно необходимо прежде всего обезпечить себя съ юга занятіемъ линіи Дуная и прикрытыя этою мощною оборонительною линіею отъ турокъ. Особенную важность на этой линіи имѣлъ и имѣетъ Бѣлградъ, не только въ видахъ военныхъ, но и этнографическихъ, ибо Бѣлградъ составляетъ какъ бы центръ сербскаго населенія, осѣвшаго по обоимъ берегамъ р. Дуная. Пока владѣнія по Дунаю находились въ рукахъ ослабѣвавшей Турціи, Австрія могла рассчитывать, рано или поздно, овладѣть ими. Переходъ этихъ владѣній или части ихъ въ руки все усиливавшейся Россіи былъ опасенъ для Австріи. Поэтому уже въ 1771 году Австрія заключаетъ съ Турціею секретный договоръ, которымъ обязывается содѣйствовать возврату Турціи завоеванныхъ отъ нея Россіею провинцій. Въ вознагражденіе за это содѣйствіе Турція должна была выплатить австрійцамъ денежное вознагражденіе и уступить часть Валахіи и Трансильваніи.

Такимъ образомъ, къ концу первой турецкой войны, веденной при Екатеринѣ II, Австрія стояла въ числѣ нашихъ враговъ и принимала мѣры къ тому, чтобы побѣды Россіи надъ турками принесли возможно менѣе выгодъ русскимъ.

Пруссія, не смотря на наше участіе въ семилѣтней войнѣ, не принесшее Россіи никакихъ выгодъ, кромѣ боевого опыта для нашихъ войскъ, добивалась союза съ Россіею въ цѣляхъ исполнѣть опредѣленныхъ: послѣ Силезіи Фридрихъ II твердо намѣтилъ овладѣть, для дальнѣйшаго усиленія Пруссіи, западною частью Польши (Познанскою провинціею). Въ то время Пруссіи до турецкихъ дѣлъ еще было мало дѣла, и Фридрихъ охотно соглашался на ослабленіе Турціи и особенно Австріи, чтобы усилиться самому за счетъ Польши. Поль-

¹⁾ Отдѣльный миръ съ Турціею былъ заключенъ Австріею въ Бѣлградѣ 18 сент. 1739 года (Д. Бухаровъ „Россія и Турція“, стр. 12).

зуюсь озабоченностью Россіи и Австріи турецкими дѣлами, Фридрихъ, безъ соглашенія съ ними, лишь по праву сильнаго, продвинулся съ р. Нетце къ р. Вартѣ.

Франція, послѣ блестящаго періода начала XVIII столѣтія, при дѣятельномъ участіи Англіи, потеряла первенствующее въ Европѣ мѣсто, потеряла часть своихъ колоній и путалась въ своихъ планахъ, воюя то противъ Англіи, то противъ Пруссіи, то противъ Австріи. На Турцію Франція смотрѣла, какъ на своего естественнаго союзника, и ослабленіе Турціи ей было невыгодно, ибо сильная Турція отвлекала силы Австріи, традиціоннаго въ ту эпоху противника Франціи. Вмѣшательство Россіи въ борьбу между Франціею и Австріею и присылка русскихъ корпусовъ войскъ на Рейнъ въ 1735 и 1748 г.г. поставили и Россію въ число враговъ Франціи.

Историкъ Соловьевъ по этому вопросу высказываетъ мнѣніе, что движеніе русскаго корпуса на Рейнъ окончилось „страшнымъ раздраженіемъ между Россіею и Франціею, заставившимъ ихъ прекратить дипломатическія сношенія“ ¹⁾.

Мы движеніемъ русскихъ войскъ къ Рейну помогли устройству дѣлъ австрійскихъ и саксонскихъ, но испортили этимъ вмѣшательствомъ свои отношенія къ Франціи и Пруссіи.

Швеція, послѣ нанесенныхъ ей Россіею ударовъ, была настолько ослаблена, что ея вмѣшательства въ русско-турецкія дѣла не опасались. Тѣмъ не менѣе, чтобы купить ея молчаніе, потребовалось израсходовать черезъ Остермана до 300,000 рублей русскихъ денегъ на взятки шведскимъ дѣтелямъ.

Польша настолько ослабѣла, что ея голосъ въ расчетъ не принимался. Напротивъ того, за счетъ польскихъ земель предполагалось установить вознагражденіе Россіи и Австріи, если бы не удалось получить это вознагражденіе отъ Турціи.

Англія, какъ и Пруссія, преслѣдовала вполне опредѣленную политику. Ея необычайно постоянная, въ теченіе свыше нѣсколькихъ столѣтій, старанія, независимо приобрѣтенія господства на моряхъ, направлялись къ тому, чтобы на европейскомъ материкѣ не создавалось преобладающаго могущества какой либо державы. Поэтому каждая изъ европейскихъ державъ, получавшая преобладаніе надъ другими, независимо ранѣе существовавшихъ къ ней отношеній, рассматривалась какъ врагъ Англіи и, въ зависимости отъ положенія другихъ державъ, старанія Англіи направлялись къ ослабленію этой державы, по возможности, чужими руками. Такъ, получившая въ XVII столѣтіи главенство въ Европѣ Испанія усиленіями Англіи была низведена на второстепенное мѣсто. Послѣ Испаніи Франція заняла главенствующее въ Европѣ положеніе, и Англія съ начала XVIII столѣтія вступила въ борьбу съ нею и, при

¹⁾ Соловьевъ, т. XXII, стр. 520.

помощи Австрiи и отчасти Россiи, Францiя была разбита и лишилась части своихъ колонiй. Возвышенiе Россiи уже съ Петра Великаго обращало на себя вниманiе Англiи, а побѣды Екатерины II поставили Россiю очередною послѣ Испанiи и Францiи державою, противъ которой надлежало бороться. Начавшаяся революцiя во Францiи и быстрое возвышенiе Францiи при Наполеонѣ I вернули Англiю къ борьбѣ съ Францiею, благодаря чему протководѣйствiе возвышенiю Россiи было временно отложено.

Въ борьбѣ съ наполеоновскою Францiею Россiя, преслѣдуя не русскiе, а обще-европейскiе интересы, помогла Англiи свалить Наполеона. Но изъ этой борьбы Россiя вышла съ такимъ побѣднымъ ореоломъ, что заняла въ Европѣ первенствующее мѣсто. И вотъ, Англiя, въ теченiе безъ малаго цѣлаго столѣтiя, всюду становится на пути Россiи, принимая всѣ мѣры для ослабленiя ея. Ей особенно удается это въ Крымскую войну 1854—56 годовъ и въ войну съ турками въ 1877—78 годахъ. Неудача Россiи въ русско-японскую войну передаетъ главенство въ Европѣ въ руки Германiи. Она поэтому и стала теперь очередною послѣ Испанiи, Францiи и Россiи державою, противъ которой направляются усилiя Англiи къ ослабленiю ея. Необычайно искусными дѣйствiями Англiя добилась въ послѣднiе годы соглашенiя съ Россiею, не разрывая, повидному, и соглашенiя съ Японiею.

По бывшимъ примѣрамъ можно думать, что нынѣ завѣтною мечтою англичанъ было бы вызвать войну между Германiею и Россiею въ цѣляхъ ослабленiя ихъ обѣихъ.

Къ выгодѣ Россiи, Англiя въ XVIII столѣтiи была тяжело занята борьбою съ Францiею, колониальною борьбою съ Испанiею и Францiею и во 2-й половинѣ XVIII столѣтiя войною въ сѣверной Америкѣ. Поэтому по отношенiю къ Турцiи и Россiи ей не представлялось еще возможнымъ выступить дѣятельною защитницею турецкихъ интересовъ при заключенiи мирныхъ договоровъ послѣ побѣдъ Россiи при Екатеринѣ II-й.

Наконецъ, *Турцiя* подъ ударами Россiи начала настолько ослабѣвать, что на турецкiя владѣнiя не только враги Турцiи, но и ея мнимые друзья, стали смотрѣть какъ на добычу.

При такой общей политической обстановкѣ для Россiи представлялось возможнымъ въ своихъ расчетахъ съ Турцiею не встрѣтить упорнаго сопротивленiя со стороны другихъ державъ, лишь бы удалось придти къ соглашенiю съ Австрiею. Но, измѣнивъ „Петровской системѣ“, основанiе которой заключалось въ союзѣ съ Австрiею, и задавшись въ войнѣ съ Турцiею цѣлями, Россiи не полезными, а Австрiи вредными, мы поставили Австрiю въ войну съ Турцiею 1769—74 г.г. въ число нашихъ противниковъ.

Заключенiю въ 1774 году Кучукъ-Кайнарджийскаго мира предшествовали обширныя, весьма интересныя дипломатическiя сношенiя,

въ которыхъ наиболѣе важную роль играли Австрія и Пруссія. Эти сношенія особенно интересны и важны потому, что въ общемъ вполнѣ выяснили, уже 130 лѣтъ тому назадъ, взгляды Австріи на значеніе для нея дунайскихъ княжествъ и особенно Бѣлграда.

Ниже приводимыя свѣдѣнія почерпнуты главнымъ образомъ изъ исторіи Соловьева ¹⁾.

Побѣды Румянцова настолько тревожили Австрію, что императоръ Іосифъ подговаривалъ Фридриха для совмѣстныхъ дѣйствій, съ цѣлью препятствовать усилению Россіи. Въ Австріи обсуждался вопросъ о необходимости, въ случаѣ дальнѣйшихъ успѣховъ русскихъ войскъ, перейти къ активнымъ противъ Россіи дѣйствіямъ.

Мы видѣли выше, что между Австріею и Турціею было заключено соглашеніе, по которому Австрія обязалась добиваться, чтобы побѣды Россіи не принесли ей выгодъ.

Переходъ къ активнымъ дѣйствіямъ предположенъ былъ въ слѣдующихъ случаяхъ: „1) если русскіе прорвутся черезъ Дунай и пойдутъ къ Адрианополю, то для насъ (австрійцевъ) наступитъ время двинуть войска на Дунай для отрѣзанія имъ обратнаго перехода, что принудитъ ихъ къ поспѣшному отступленію, во время котораго армія ихъ можетъ быть уничтожена, и турки, спасенные отъ погибели, легче согласятся на вознагражденіе нашихъ издержекъ, т. е. на уступку части Валахіи, отданной по Бѣлградскому миру и лежащей между Банатомъ, Трансильваніею, Дунаемъ и рѣкою Алтою. 2) Если русскіе будутъ угрожать Константинополю и всей имперіи нападеніемъ со стороны моря, прорвавшись чрезъ Дарданеллы, тогда намъ необходимо будетъ занять ближайшія къ намъ провинціи прежде, чѣмъ займутъ ихъ русскіе. Для этихъ двухъ случаевъ императрица рѣшилась приготовить 50,000 чел. войска и велѣла сдѣлать заемъ въ четыре милліона“ ²⁾.

Представляется несомнѣннымъ, что подъ ближайшими къ австрійскимъ владѣніямъ провинціями разумѣлась и Сербія.

Изложенный выше планъ дѣйствій, съ цѣлью остановить успѣхъ русскихъ, въ общихъ чертахъ примѣнялся австрійцами въ 1853—55 годахъ и готовился быть примѣненнымъ въ 1877—78 годахъ. Несомнѣнно, что и нынѣ, въ случаѣ новыхъ съ нашей стороны попытокъ вліять на судьбы Румыніи и особенно Сербіи, Австрія будетъ противиться Россіи, но уже не съ 50,000 корпусомъ войскъ, а съ милліонною арміею, за спиною которой будетъ стоять тоже милліонная германская армія.

Австрія и Пруссія въ 1772 году предложили Россіи свое посредничество при заключеніи мира съ Турціею.

¹⁾ Томъ XXIV.

²⁾ Соловьевъ, т. XXVІІІ, стр. 684—685; эти свѣдѣнія заимствованы Соловьевымъ изъ австрійскихъ источниковъ: „Arnoeth Maria-Theresia und Joseph II“, I, 310.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что, не смотря на одержанныя побѣды, положеніе русской арміи не было таково, чтобы мы могли считать Турцію побѣжденною.

Дѣйствія нашихъ войскъ ограничивались главнымъ образомъ придунайскими мѣстностями, а для наступленія вглубь Балканскаго полуострова наши силы были недостаточны. Но на лѣвомъ берегу Дуная русскими войсками уже были заняты значительныя территоріи между Днѣпромъ и Прутомъ, заняты княжества Молдавія и Валахія и взяты нѣсколько крѣпостей по Дунаю. Затѣмъ нашими войсками былъ силою оружія занятъ Крымскій полуостровъ. Изъ всѣхъ этихъ завоеваній наибольшую цѣну имѣлъ Крымъ, обезпечивающій Россіи выходъ къ Черному морю.

Условія для заключенія мира между Россіею и Турціею обсуждались въ совѣтѣхъ подъ предсѣдательствомъ государыни въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ въ мартѣ 1771 года. Послѣ долгихъ преній остановились на слѣдующихъ условіяхъ: 1) независимость крымскихъ татаръ, 2) независимость Молдавіи и Валахіи, или, въ случаѣ возвращенія ихъ Портѣ, послѣдняя должна вознаграждать Россію суммою въ 25 милліоновъ руб. за военныя издержки, 3) свободное плаваніе по Черному морю, 4) Кабарда по прежнему остается независимою отъ обѣихъ имперій.

Въ этихъ совѣщаніяхъ Екатерина II предлагала требовать отъ Турціи уступки Россіи одного изъ острововъ въ Архипелагѣ, и адмиралъ Спиридовъ поддерживалъ это требованіе, но Орловъ энергично доказывалъ, что такое пріобрѣтеніе принесетъ вредъ Россіи, ибо „изъ за него продолжится война съ турками и Россія вовлечется въ распри съ христіанскими государствами“.

Онъ доказывалъ при этомъ, что пріобрѣтеніе гавани потребуетъ сильнаго укрѣпленія ея и большихъ средствъ для ея удержанія, которыя, при состояніи торговаго развитія Россіи, не вознаграждаются торговлею ¹⁾. Эти золотыя слова справедливы и нынѣ, черезъ 140 лѣтъ. Екатерина II уступила.

Относительно выработанныхъ условій для мира, Екатерина II писала Фридриху II, прося его содѣйствія къ заключенію мира и обѣщая за это содѣйствіе вознагражденіе; въ письмѣ указывалось и о передачѣ Россіи острова въ Архипелагѣ.

Въ то же время Екатерина противилась полученію Австріею Бѣлграда, предлагая взамѣнъ объявить Молдавію и Валахію независимыми.

Однако, не всѣ русскіе государственные люди такъ смотрѣли на это дѣло. Панинъ, напр., былъ защитникомъ соглашенія съ Австріею и необходимости вознагражденія ея за счетъ турецкихъ земель. Такое рѣшеніе представлялось Фридриху II невыгоднымъ для

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 748.

Пруссіи, и онъ, не стѣсняясь вымысломъ, запугивалъ наше правительство, доказывая невозможность сближенія Россіи съ Австріею.

„Смѣю васъ увѣрить,—писалъ Фридрихъ Екатеринѣ,—что рѣшительно невозможно осуществить идеи графа Панина относительно Австріи; тайная ненависть, которую питаютъ въ этой странѣ противъ русскихъ, превосходитъ всякое вѣроятіе, и, смѣю сказать, что только я стараюсь препятствовать взрыву этой ненависти“¹⁾.

Вмѣсто вознагражденія Австріи изъ турецкихъ земель Фридрихъ II предложилъ вознаградить ее изъ польскихъ земель, имѣя въ виду воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы присоединить часть польскихъ земель и къ Пруссіи.

Что касается вознагражденія Россіи за счетъ Турціи, то и тутъ Фридрихъ, соглашаясь на независимость Крыма, боролся противъ объявленія независимости Молдавіи и Валахіи. Онъ признавалъ, что, ставши независимыми, княжества эти увеличатъ силу Россіи.

Фридрихъ II по этому поводу писалъ брату своему Генриху, находившемуся въ Петербургѣ: „Я бы сдѣлалъ непростительную въ политикѣ ошибку, если-бы сталъ стараться объ увеличеніи государства, которое можетъ сдѣлаться опаснымъ сосѣдомъ для Пруссіи и страшнымъ для цѣлой Европы“²⁾.

Въ Россіи, какъ извѣстно, не держались подобныхъ же взглядовъ по отношенію къ Пруссіи и въ XIX столѣтіи усиленно заботились о томъ, чтобы Пруссія стала опасною для Россіи и страшною для Европы, чего и достигли.

Но и великій Фридрихъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Отставая цѣлостъ турецкихъ владѣній отъ покушеній Россіи и Австріи, онъ самъ наталкиваетъ Екатерину на *присоединеніе къ Россіи отъ Польши бѣлорусскаго племени*, чѣмъ, конечно, несравненно болѣе усилилъ Россію, чѣмъ если бы къ ней были присоединены Молдавія и Валахія.

При обсужденіи въ совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ государыни, предложенія Фридриха о вознагражденіи Австріи взамѣнъ турецкихъ земель польскими,—Панинъ высказалъ мнѣніе, что за счетъ Польши слѣдовало бы вознаградить Россію и Пруссію, а Польшу, взамѣнъ отбираемыхъ у нея земель, вознаградить присоединеніемъ княжествъ молдавекаго и валахскаго.

Австрія, какъ изложено выше, противясь усиленію Россіи и возставая въ особенности противъ независимости Молдавіи и Валахіи, заключила съ турками отдѣльное соглашеніе, по которому, за вознагражденіе въ 34 мил. гульденовъ и уступку земли между Дунаемъ и р. Алтою, обязалась противиться заключенію Россіею выгоднаго для нея мира.

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 752.

²⁾ Тамъ же, стр. 754.

Для поддержанія своихъ намѣреній Австрія начала сосредоточивать въ Венгріи отъ 50,000 до 60,000 войска. И въ этомъ вопросѣ прусскій король явился судьей. Онъ призналъ притязанія Австріи, чтобы Россія заключила миръ съ турками безъ всякой для себя выгоды, „безсмысленными“ и придумалъ новую комбинацію: предложилъ Австріи получить, съ согласія Россіи, Молдавію и Валахію и обмѣнять ее у турокъ на Бѣлградъ.

2 августа въ совѣтѣ обсуждался вопросъ о первомъ раздѣлѣ Польши въ связи съ заключеніемъ мира съ Турціею. Пруссскій король желалъ пріобрѣсти всю польскую Пруссію кромѣ Данцига и часть Великой Польши до р. Нетце. Въ совѣтѣ признали необходимымъ, удовлетворивъ это желаніе Фридриха II, потребовать отъ Польши для Россіи остатокъ польской Лифляндіи, части полоцкаго, мстиславскаго и минскаго воеводствъ и все витебское. Но вѣнскій дворъ продолжалъ противиться объявленію независимости княжествъ, заявляя, что Австрія „изъ признательности своей къ Портѣ никогда не согласится на ея разрушеніе, — напротивъ, сколько достанетъ силы, будетъ сохранять ее и равновѣсіе на востокъ“ ¹⁾.

Чтобы понудить Австрію къ уступчивости, согласно съ желаніемъ Фридриха II, рѣшено было двинуть въ Польшу русскій корпусъ войскъ, силою въ 50,000 человекъ.

Фридрихъ II относительно условій мира между Россіею и Турціею составилъ вполне опредѣленное мнѣніе. Онъ отвергнулъ съ самаго начала вопросъ объ островѣ на Архипелагѣ, соглашался на независимость крымскихъ татаръ и отвергалъ вопросъ о независимости Молдавіи и Валахіи.

„Кромѣ нежеланія усилить Россію, Фридрихъ имѣлъ и другую причину настаивать, чтобы Россія отказалась отъ Молдавіи и Валахіи, ибо этотъ отказъ прямо велъ къ участию ея въ раздѣлѣ Польши, къ пріобрѣтенію вознагражденія здѣсь“ ²⁾.

Чтобы не было криковъ противъ прусскаго хищничества, Фридриху надо было привлечь къ участию въ раздѣлѣ Польши Россію и Австрію, и это дѣло, находившееся въ прямой связи съ русско-турецкимъ соглашеніемъ, надо было покончить ранѣе турецкаго. Поэтому Фридрихъ оказывалъ давленіе и на Австрію, усиленно навязывая ей кусокъ Польши. Австрія сдалась и сама заговорила съ Россіею объ условіяхъ мира ея съ Турціею. Но условія эти были неприемлемы, ибо о независимости Крыма въ нихъ не упоминалось. Россія должна была, по мнѣнію Австріи, удовольствоваться уступкою ей Азова съ округомъ, Кабарды на Кавказѣ, свободою торговли и мореплаванія на Черномъ морѣ и денежнымъ отъ Турціи вознагра-

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 773.

²⁾ Тамъ же, стр. 777.

граждениемъ. Россія настаивала на независимости Крыма и дунайскихъ княжествъ.

„Но прусскій король требовалъ настойчиво, чтобы Россія отказалась отъ дунайскихъ княжествъ и въ вознагражденіе взяла себѣ часть польскихъ владѣній. Такая связь между турецкимъ и польскимъ дѣломъ не нравилась въ Петербургѣ: отдать назадъ въ турецкія руки двѣ христіанскія области, жители которыхъ были увѣрены, что такого возвращенія не будетъ, проиграть такимъ образомъ во мнѣніи христіанскаго населенія турецкихъ областей— было очень тяжело. На это можно было рѣшиться только въ крайности, и осенью 1771 года эта крайность, по мнѣнію многихъ, настала“ ¹⁾.

Положеніе внутри Россіи было тяжелое. Чума изъ турецкихъ областей перешла въ Россію и разразилась съ особою силою въ Москвѣ. Бунтъ въ Москвѣ; уменьшеніе поступавшихъ податей; необходимость освободить пострадавшія отъ чумы мѣстности отъ рекрутскаго набора; возникшія затрудненія со Швеціею, — все это, вмѣстѣ взятое, вызывало необходимость не затягивать войну.

„При такихъ обстоятельствахъ трудно было возражать людямъ, которые говорили: благоразумно ли отказываться отъ непосредственнаго приобрѣтенія ближайшихъ къ Россіи областей, населенныхъ русскимъ народомъ, изъ-за независимости далекой Молдавіи и Валахіи, продолжать изъ-за этой независимости тяжкую войну, которая можетъ еще усложниться, стать еще труднѣе“ ²⁾.

Подъ давленіемъ Фридриха II, поддержаннаго и Австріею, Екатерина II уступила, отказалась отъ замысловъ относительно Молдавіи и Валахіи и согласилась на первый раздѣлъ Польши, по которому въ составъ Россіи возвратились древніе удѣлы: мстиславскій, могилевскій, часть полоцкаго съ Инфляндіею и часть мнискаго.

Трактаты о первомъ раздѣлѣ Польши заключены между Россіею, Австріею и Пруссіею въ Петербургѣ 25 іюля 1772 года. Въ силу особой статьи этихъ трактатовъ Россія отказалась оказывать влияние на будущія судьбы Молдавіи и Валахіи, въ замѣнъ чего Пруссія и Австрія обязывались содѣйствовать прекращенію русско-турецкой войны ³⁾.

Населеніе возвращенныхъ Россіи по первоначальному раздѣлу Польши областей, за весьма малымъ исключеніемъ, было русское и составляло въ то время 1.360,000 чел. ⁴⁾.

Такимъ образомъ, Россія обязана объединеніемъ русскаго пле-

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 783.

²⁾ Тамъ же, стр. 783.

³⁾ Д. Бухаровъ „Россія и Турція“, изд. 1878 г., стр. 17.

⁴⁾ А. Випоградовъ „Императрица Екатерина II и западный край“, 1904 г., стр. 52.

мени въ 1772 году болѣе всего Фридриху II. Почти ровно черезъ 100 лѣтъ, въ 1870 году, Россія отплатила Пруссіи своимъ содѣйствіемъ объединенію германскаго племени.

Отказавшись отъ самостоятельной Молдавіи и Валахіи, Россія не хотѣла согласиться, чтобы эти провинціи достались Австріи въ вознагражденіе за ея помощь Турціи при заключеніи союза съ Россіею. Тогда то и возникли приведенные выше планы разорить Молдавію и Валахію, обратить ихъ въ пустыню, чтобы препятствовать движенію австрійскихъ войскъ, а жителей всѣхъ переселить на свободныя земли юга Россіи.

Такимъ образомъ, хотя соглашеніе съ Пруссіею относительно условій мира съ Турціею было достигнуто, но требовалось достигнуть соглашенія и съ Австріею, что представляло большія трудности, вслѣдствіе неумѣренныхъ требованій этой сосѣдки.

Австрія прежде всего, какъ указано выше, пыталась получить обратно Силезію, соглашаясь взамѣнъ ея отдать Пруссіи все, что она пожелаетъ изъ Польши. Въ этомъ смыслѣ австрійскій посоль фонъ Свитенъ дѣлалъ предложеніе Фридриху, но получилъ въ отвѣтъ: „У меня падагра только въ ногахъ, а не въ головѣ; дѣло идетъ о Польшѣ, а не о моихъ владѣніяхъ“.

Фонъ Свитенъ указывалъ, что всѣ пріобрѣтенія, которыя Австрія сдѣлаетъ за Карпатскими горами, *ей не выгодны* и что вмѣсто Галиціи и другихъ мѣстностей Польши Австріи было бы гораздо выгоднѣе пріобрѣсти отъ турокъ Бѣлградъ съ частью Сербіи и Босніи до Дринскаго залива. Если бы не удалось получить сербскія земли, то австрійцы просили отдать имъ часть Валахіи и приморскую часть Бессарабіи. Наконецъ, если бы и это было невозможно, то они рѣшались уступить и удовольствоваться частью Польши, а именно Галиціею съ Львовомъ и Краковомъ. Фридрихъ II согласился на часть Валахіи и часть Польши.

Изъ изложеннаго видно, что при желаніи Екатерины II поставить на очередь прежде всего вопросъ объ объединеніи русскаго племени, вмѣсто требованія независимости Молдавіи и Валахіи и острова въ Архипелагѣ, мы могли бы получить въ результатъ нашихъ побѣдъ въ Турціи Крымъ, границу по Днѣстръ, а отъ Польши мѣстности, занятія бѣлорусскимъ и малороссійскимъ племенами, т. е. Бѣлоруссію, восточную (часть) Галицію и часть Малороссіи по р. зап. Бугъ. Взамѣнъ за объединеніе русскаго племени, мы могли помочь объединить подъ властью Австріи мѣстности Турціи, населенныя сербскимъ племенемъ, съ Бѣлградомъ. Пруссія и Австрія помогли бы объединенію въ русскихъ рукахъ русскаго племени; Пруссія и Россія помогли бы объединенію въ австрійскихъ рукахъ сербскаго племени. Последнее было выгодно для Россіи, ибо уже 140 лѣтъ тому назадъ славянскіе элементы въ Австріи усилились бы.

Въ результатъ переговоровъ Австріи съ Пруссіею, согласно съ мнѣніемъ Кауница и императора Іосифа, Австрія согласилась вознаграждать себя прирѣзкою земель, какъ отъ Польши, такъ и отъ своей союзницы—Турціи.

Интересно, что когда результаты переговоровъ стали извѣстны императрицѣ Маріи-Терезіи, она осталась недовольна предстоящимъ дѣлежомъ и писала между прочимъ сыну—императору Іосифу II относительно веденныхъ имъ и Кауницемъ переговоровъ, что они: „хотѣли дѣйствовать по прусски и въ то же время удерживать видъ честности“¹⁾.

Въ томъ же письмѣ она указывала, что если бы Австро-Венгріи достались Валахія и даже самый Бѣлградъ, то и эти пріобрѣтенія были бы куплены дорогою цѣною—на счетъ чести, славы монархін, доброй вѣры и религіи.

Фридрихъ II, видя затруднительность соглашенія Россіи съ Австріею, и тутъ снова является посредникомъ, умѣряетъ требованія каждой изъ сторонъ, но за эту услугу увеличиваетъ и свою долю въ добычѣ за счетъ Польши—Данцигомъ и Торномъ.

Въ Франціи въ 1770 году высоко даровитый Шуазель, завѣдывавшій французскими дѣлами, былъ сосланъ, по интригамъ одного изъ фаворитовъ короля Людовика XV, и замѣненъ герцогомъ Эгильономъ, занимавшимся болѣе придворными интригами, чѣмъ внѣшними дѣлами. Удаленіе Шуазеля уменьшило значеніе Франціи въ дѣлахъ Европы²⁾. Тѣмъ не менѣе, французскій посолъ въ Стамбулѣ препятствовалъ всѣми мѣрами заключенію выгоднаго для насъ мира, обѣщалъ помощь Франціи и совѣтывалъ Турціи не торопиться прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ скоро должна была вновь начаться русско-шведская война.

Въ 1772 году Эгильонъ указывалъ нашему повѣренному въ дѣлахъ при французскомъ правительствѣ—Хотинскому, что: „равновѣсіе въ Европѣ нарушится, если Россіи удастся предписать миръ на трехъ условіяхъ: свободное плаваніе по Черному морю, гавань на немъ и независимость татаръ“. Такія выгоды, по мнѣнію Эгильона, должны были привести Россію въ скоромъ времени въ Константинополь. Хотинскій отвѣчалъ, что выгоды, которыя мы себѣ выговаривали, болѣе славны, чѣмъ полезны, ибо „что касается мореплаванія, то представляю вамъ въ примѣръ, какой успѣхъ имѣемъ мы на Балтійскомъ морѣ, которое намъ открыто. Вы знаете, что *нашу торговлю производятъ чужіе народы, и, не смотря на всѣ старанія поощрять нашъ народъ къ морской торговлѣ, онъ на это не поддается, изъ чего ясно видно, что нѣтъ въ немъ къ этому промыслу склонности*“³⁾.

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 829.

²⁾ Тамъ же, стр. 870.

³⁾ Тамъ же, стр. 872.

Слова эти оказались пророческими, ибо свободою производить на Черномъ морѣ торговлю русское племя не воспользовалось и въ настоящее время, черезъ 140 лѣтъ послѣ этого разговора, ибо до сихъ поръ правительство наше не было озабочено мыслью развить въ русскомъ племени склонность къ этому промыслу (торговлѣ моремъ).

У насъ ко всѣмъ морямъ, завоеваннымъ усиліями русскаго племени, крѣпко присосались инородцы, а частью и иностранцы, и отбиваютъ у русскихъ рыбныя промыслы и каботажд. Даже Каспійское море въ большей мѣрѣ въ еврейскихъ (Ротшильдъ) ¹⁾, шведскихъ (Нобель) и армянскихъ рукахъ (Ліанозовъ и другіе), чѣмъ въ русскихъ.

Какъ уже было отмѣчено, въ періодъ переговоровъ о мирѣ съ Турціею и раздѣлѣ Польши Англія была занята войною въ Америкѣ со своими же подданными. Екатерина, чтобы расположить ее не мѣшаться въ русско-турецкія дѣла, обнаджила короля Георга обѣщаніемъ послать вспомогательный корпусъ русскихъ войскъ въ 20,000 чел. въ Америку. Кромѣ того, Англіи предлагалось тоже поживиться за счетъ Турціи, занявъ любой изъ ея острововъ. Но какъ только миръ былъ заключенъ, обѣщаніе о посылкѣ корпуса войскъ было взято обратно, подъ предлогомъ, что опасность для Англіи со стороны Испаніи исчезла.

Согласно съ договоромъ 25 іюля 1772 года о раздѣлѣ Польши, Австрія предложила Турціи заключить миръ, обманувъ надежды Порты, которой и пришлось уступить. Нашъ посланникъ Обрѣзковъ былъ освобожденъ изъ семибашеннаго замка, между воюющими сторонами было заключено перемиріе, и переговоры о мирѣ начались въ Фокшанахъ въ 1772 году. Но главная изъ заинтересованныхъ сторонъ—Турція все затягивала эти переговоры, споря между прочимъ изъ-за городовъ Керчи и Еникале. Пришлось, какъ изложено было выше, снова взяться за оружіе, и только послѣ новыхъ побѣдъ русскихъ войскъ миръ былъ заключенъ въ 1774 году.

Важнѣйшія постановленія Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго трактата заключались: 1) въ признаніи всѣхъ южныхъ татаръ (Крыма, Кубани, Буджака и др.) вполне независимыми отъ Турціи; 2) въ утвержденіи за Россіею права: а) *покровительствовать православноій вѣрѣ на всемъ пространствѣ оттоманской Порты* и б) ходатайствовать передъ нею за Молдавію и Валахію; 3) въ свободѣ русской торговли не только сухимъ путемъ, но и посредствомъ коммерческаго судоходства изъ Чернаго моря въ Средиземное, а также и по Дунаю, съ предоставленіемъ русскимъ купцамъ всѣхъ льготъ и преимуществъ.

¹⁾ Часть рыбныхъ промысловъ Астраханской губерніи тоже въ еврейскихъ рукахъ. „Еврейское землевладѣніе и землепользованіе въ Россійской имперіи“, 1901 г., стр. XXIX.

ществъ, какими пользовались на востокъ французы и англичане; 4) въ предоставленіи Россіи права имѣть, на одинаковыхъ условіяхъ съ прочими державами, консуловъ и вице-консуловъ во всѣхъ мѣстахъ турецкой имперіи, въ обезпеченіе своихъ торговыхъ интересовъ на востокъ, и 5) въ уступкѣ Россіи въ вѣчное владѣніе части береговъ Азовскаго и Чернаго морей, а равно большой и малой Кабарды ¹⁾).

Изъ условій этого мира наиболѣе важными были выходъ къ Черному морю и признаніе независимости Крыма. Свободою русской торговли по морямъ Черному, Средиземному и по Дунаю мы не воспользовались и до сихъ поръ. Наконецъ, полученное Россіею право покровительства православной вѣрѣ въ Турціи, какъ вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи, повело къ тяжелымъ для Россіи послѣдствіямъ. Принявъ къ сердцу дѣла христіанъ Балканскаго полуострова, Россія пролила для ихъ устройства потоки русской крови, истратила миллиарды русскихъ денегъ, вооружила своимъ заступничествомъ противъ себя всю Европу и, что всего важнѣе, за заботами о христіанахъ Балканскаго полуострова остались неудовлетворенными самыя неотложныя нужды христіанъ Россійской имперіи.

Миръ съ Турціею былъ нуженъ Россіи и по внутреннимъ дѣламъ. Пугачевскій бунтъ принялъ такіе размѣры, что изъ слабой арміи Румянцева потребовалось взять до 15,000 войскъ, которыя и были направлены на усмиреніе бунта.

Фридрихъ не преминулъ воспользоваться этимъ внутреннимъ затрудненіемъ Россіи и передвинулъ границу пріобрѣтенныхъ имъ отъ Польши земель съ р. Нетце на р. Варту. Австрійцы протестовали безъ успѣха, а затѣмъ передвинули и свою границу на р. Збручъ.

Приведенныя выше данныя указываютъ, что уже въ 1774 году, не смотря на одержанныя нами побѣды, Россія не могла самостоятельно заключить миръ съ турками, а вынуждена была вести продолжительные переговоры съ Австріею и Пруссіею.

Тѣмъ не менѣе, не разбивъ еще всѣхъ силъ турокъ, не перейдя Балканъ, мы въ то время могли получить весьма выгодный миръ. Черезъ 100 лѣтъ съ небольшимъ, совершенно разбивъ всѣ силы турокъ на европейскомъ и азіатскомъ материкахъ и подступя къ столицѣ Турціи, Россія окончила войну Берлинскимъ договоромъ, на которомъ ей была продиктована воля другихъ европейскихъ державъ. Въ дѣлахъ турецкихъ къ этому времени оказались заинтересованными самымъ существеннымъ образомъ, кромѣ австрійцевъ, еще и англичане. Но если бы намъ пришлось вести новую войну съ турками въ началѣ XX столѣтія, то на этотъ разъ по своимъ интере-

¹⁾ Н. Креницынъ „Восточный вопросъ на почвѣ его исторіи и политики“, стр. 20—21.

самъ въ Турціи намъ заградили бы дорогу не только австрійцы и англичане, но и германцы.

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, давъ Россіи выходъ къ Черному морю, принесъ выгоду и Австріи за ея посредничество. Не смотря на союзный договоръ съ Турціею, Австрія, кромъ Галиціи, полученной отъ Польши, получила еще Буковину отъ Турціи ¹⁾.

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, давшій большія выгоды Россіи, вызвалъ въ то же время опасенія другихъ европейскихъ державъ за дальнѣйшую судьбу Турціи. Выходъ Россіи къ Черному морю признавался опаснымъ, ибо ожидалось быстрое развитіе русскаго военнаго флота и значительныхъ десантныхъ средствъ.

Австрійскій посолъ въ Константинополь, вслѣдъ за заключеніемъ мира, писалъ въ Вѣну, что Россія будетъ постоянно имѣть въ своихъ владѣніяхъ отъ 30,000 до 40,000 войскъ и значительный флотъ. При попутномъ вѣтрѣ эскадра съ десантомъ въ 20,000 чел. по выходѣ изъ Керчи черезъ двое сутокъ можетъ безпрепятственно явиться передъ стѣнами Константинополя.

Письмо это оканчивалось слѣдующими строками: „Въ особенности же заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что поддержаніе оттоманской имперіи уже не будетъ зависѣть отъ европейскихъ державъ, а единственно отъ доброй воли Россіи. И дѣйствительно, по окончаніи работъ, производимыхъ русскими въ сооружаемыхъ ими верфяхъ и докахъ,—что конечно не задолжится,—можно съ часу на часъ ожидать взятія ими Константинополя; притомъ паденіе этой столицы послѣдуетъ такъ внезапно, что совершится ранѣе, чѣмъ вѣсть о движеніи русскихъ войскъ донесется до предѣловъ ближайшихъ къ границамъ Россіи христіанскихъ державъ“ ²⁾.

Предсказаніе это не сбылось. Увлечшись другими, не имѣвшими жизненнаго для Россіи значенія, задачами, мы не оцѣнили важности для Россіи обезопасить входъ въ Черное море изъ Босфора. Много случаевъ твердо стать на Босфорѣ, не касаясь Дарданеллъ и Константинополя, были нами упущены. Мы легко могли занять Босфоръ по соглашенію съ Наполеономъ, могли занять послѣ побѣдоносныхъ войнъ начала XIX столѣтія.

Наши войска въ 1830 году высаживались на Босфорѣ, но лишь въ цѣляхъ охраны султана противъ возставшаго противъ него египетскаго хедива.

Не заняли мы Босфора и въ 1878 году, находясь отъ него всего

¹⁾ Въ войну 1735—39 годовъ съ Турціею австрійскія войска были нѣсколько разъ разбиты турками, и по Бѣлградскому миру, по которому мы приобрѣли отъ Порты 1,657 кв. миль, наша союзница Австрія потеряла завоеванія, сдѣланныя 26 лѣтъ тому назадъ Евгеніемъ Савойскимъ: возвратила туркамъ часть Сербіи и Валахіи съ городомъ Бѣлградомъ и кр. Орсову. Укрѣпленія Бѣлграда были срыты австрійскими войсками. Всего Австрія потеряла 1,123 кв. мили. (Стрѣльбицкій, стр. 4).

²⁾ Д. Бухаровъ „Россія и Турція“, изд. 1878 г., стр. 24.

въ одномъ переходѣ, въ немѣвшемъ для насъ значенія Санъ-Стефано.

Вмѣсто преслѣдованія вполнѣ опредѣленной и важной для Россіи цѣли—сдѣлать Черное море внутреннимъ русскимъ моремъ ¹⁾, для чего требовалось только занятіе Босфора, въ головѣ императрицы возникъ совершенно невыгодный для русскаго племени „греческій проектъ“.

Въ трудѣ Н. Креницына „Восточный вопросъ на почвѣ его исторіи и политики“ относительно этого проекта помѣщены слѣдующія строки: „Творцомъ этого плана былъ Потемкинъ, представившій его Екатеринѣ еще во время первой русско-турецкой войны. Государыня сочувствовала Потемкинскому плану и всесторонне обсуждала его съ самимъ Потемкинымъ и Безбородко. На основаніи записки послѣдняго, 13 октября 1782 года изъ Петербурга отправлено было въ Вѣну предложеніе относительно совмѣстнаго осуществленія задуманнаго предпріятія. Сущность плана заключалась: 1) въ изгнаніи турокъ изъ Европы; 2) въ созданіи на развалинахъ имперіи османовъ древней греческой монархіи и 3) въ образованіи изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи особаго независимаго Дакійскаго королевства. На тронъ византійскихъ императоровъ предполагалось посадить второго внука Екатерины Великой, Константина Павловича, котораго съ тѣхъ поръ начали окружать греками и обучать греческому языку, а властителемъ Дакіи предназначался свѣтлѣйшій князь Потемкинъ.“

Начатыя съ вѣнскимъ дворомъ переговоры, благодаря тѣсной дружбѣ, связывавшей въ то время вѣнценосцевъ обѣихъ имперій, велись настолько успѣшно, что австрійскій императоръ Іосифъ II, послѣ нѣкотораго колебанія, уступилъ въ концѣ концовъ желаніямъ своей союзницы и выразилъ полное согласіе содѣйствовать Екатеринѣ въ исполненіи ея грандіознаго плана“ ²⁾.

Преемникъ Іосифа II — Леопольдъ отнесся къ этому проекту несочувственно. Н. Креницынъ съ основаніемъ указываетъ, что такъ называемая „великая греческая идея была химерой, противорѣчившей исторіи и географіи. Греки были разбросаны по разнымъ частямъ Европы, Азіи и Африки, отъ Сициліи до устья Дона, въ количествѣ 4 милліоновъ, и собрать ихъ воедино не представлялось никакой возможности“. Греческая имперія была бы греческой только по имени, а положеніе славянъ Балканскаго полуострова врядъ ли улучшилось бы.

По свидѣтельству Н. Креницына, „мысль объ освобожденіи грековъ изъ подъ турецкаго ига была внушена Екатеринѣ Вольтеромъ.“

¹⁾ Въ древности это море и называлось „Русскимъ“.

²⁾ Н. Креницынъ, „Восточный вопросъ на почвѣ его исторіи и политики“, стр. 23.

который прельщалъ императрицу не величіемъ роли освободительницы христіанъ, а славою освободительницы народа, прославившагося въ языческой древности“¹⁾.

Какъ ни фантастиченъ былъ греческій проектъ, но европейскія державы должны были серьезно тревожиться этимъ планомъ, ибо для поддержанія своей фантазіи Екатерина II располагала побѣдоносною арміею съ такими вождями, какъ Румянцовъ и Суворовъ.

Но и кромѣ греческаго проекта, присоединеніе къ Россіи Крыма, постройка крѣпости Севастополь, демонстративная поѣздка Екатерины II въ Крымъ, начертаніе по ея приказу на воротахъ новой крѣпости „дорога въ Константинополь“,—все это не могло не волновать государственныхъ людей Европы и объединять ихъ въ намѣреніи преградить Россіи эту дорогу.

Выше мы видѣли, что вслѣдъ за войною 1771—74 годовъ намъ пришлось вести войну съ Турціею въ 1787 году.

На этотъ разъ союзницею Россіи была Австрія. Но въ то же время Англія и Пруссія вошли въ соглашеніе и заранѣе готовились опаривать у Россіи плоды ея будущихъ побѣдъ.

Въ началѣ 1788 года императоръ австрійскій писалъ Екатеринѣ II: „Узнавъ, что одинъ изъ подданныхъ вашего величества заключенъ Портою въ семибашенный замокъ, и желая доказать вамъ мое негодованіе по случаю такого несправедливаго поступка, я повелѣлъ моимъ войскамъ начать военныя дѣйствія противъ мусульманъ, чтобы наказать ихъ“²⁾.

Въ февралѣ мѣсяцѣ австрійскія войска начали военныя дѣйствія, но терпѣли неудачи, пока не явился Суворовъ, доказавшій, что при хорошемъ руководствѣ австрійскія войска могли и въ то время одерживать побѣды надъ противникомъ, превосходившимъ ихъ численно въ нѣсколько разъ.

Но уже послѣ первыхъ побѣдъ Россіи,—взятія штурмомъ Очакова (1788 г.), Бендеръ и Аккермана (1789 г.),—Пруссія и Англія начали дѣйствовать, чтобы вынудить Россію къ миру, по которому границы Турціи остались бы неприкосновенными.

Чтобы болѣе связать руки Россіи, вызывались смуты въ Польшѣ и подталкивалась на войну съ Россіею Швеція. Съ Турціею прусскій король заключилъ секретный договоръ, по которому обязывался весною 1790 года объявить Россіи и Австріи войну и не прекращать ея до тѣхъ поръ, пока Порта не заключитъ выгоднаго для себя мира³⁾. Польшѣ обѣщано было возвращеніе Галиціи.

Побѣды Суворова и принца Кобургскаго у Фокшанъ и у Рымпика должны были умѣрить надежды Турціи. Но, вмѣсто рѣшитель-

¹⁾ Н. Крепичинъ, стр. 23.

²⁾ Д. Бухаровъ, „Россія и Турція“, стр. 37.

³⁾ Тамъ же, стр. 38.

наго наступленія русско-австрійскъ войскъ, австрійцы неожиданно прекратили военныя дѣйствія и заключили съ Портою перемиріе. Причиною тому была смерть императора Іосифа II и вступленіе на престоль Леопольда, который немедленно отозвалъ свои войска изъ предѣловъ Турціи.

Для рѣшенія вопросовъ о мирѣ Австріи и Россіи съ Турціею въ г. Рейхенбахъ въ 1790 году собрался конгрессъ изъ представителей Англій, Пруссіи, Австріи, Голландіи и Турціи.

Предварительныя условія мира Австріи съ Турціею были на этомъ конгрессѣ выработаны и приняты какъ Австріею, такъ и Турціею. Побѣдное участіе австрійскихъ войскъ подъ Фокшапами и Рымникомъ ничего имъ не принесло. Миръ былъ заключенъ на основаніи „status quo“.

Императрица Екатерина II твердо отклонила предложеніе Пруссіи и Англій передать конгрессу рѣшеніе вопроса объ условіяхъ мира съ Турціею и не послала своихъ представителей.

Когда на конгрессѣ отсылали Австрію домой съ пустыми руками, Суворовъ взялъ штурмомъ Измаилъ; палъ и Браиловъ. Тогда англійское правительство сдѣлало заявленіе русскому, что оно не допуститъ измѣненія границъ Турціи и воспротивится всякимъ новымъ територіальнымъ пріобрѣтеніямъ Россіи.

Положеніе Пруссіи, сосредоточившей 80,000-ную армию въ Силезіи, тоже имѣло угрожающій по отношенію къ Россіи характеръ. Голландія, Испанія и королевство обѣихъ Сицилій изъявили согласіе на союзъ съ Англіею и Пруссіею.

Но государыня была непоколебимо тверда и на угрозы Англій отвѣчала усиленными вооруженіями. Готовилась даже экспедиція въ Индію. Представителю Англій, лорду Витефорду, государыня сказала: „Знаю, что ваше правительство порѣшило выжить меня изъ Европы; надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что оно не воспрепятствуетъ мнѣ пріютиться въ Константинополѣ“. Это упоминаніе о Константинополѣ, совершенно Россіи не нужномъ, могло безъ всякой надобности лишь подлить масла въ огонь. Англія начала снаряжать грозную эскадру.

Общій пожаръ готовъ былъ вспыхнуть, и причиною его въ значительной мѣрѣ была бы неопредѣленность плановъ Россіи въ 1790 году, подобно тому, какъ неопредѣленность нашихъ плановъ по отношенію къ Турціи въ 1853 году привела къ Восточной войнѣ съ Англіею и Франціею.

Несомнѣнно, что силы Россіи въ то время были совершенно недостаточны, чтобы бороться противъ коалиціи: Англій, Пруссіи, Австріи, Турціи и другихъ. Но Екатерина II располагала нѣсколькими выдающимися полководцами и, какъ и въ 1812 году, Россія, хотя и обезземленная, конечно могла выйти побѣдительною изъ борьбы съ

коалиціею. Но, въ случаѣ неудачи, Россія могла бытъ снова отодвинута не только отъ Чернаго, но и отъ Балтійскаго морей къ границамъ царя Алексѣя Михайловича. Столѣтняя работа русскаго воинства по сбору русскаго племени и выходамъ къ морямъ Балтійскому и Черному была бы разрушена, и Россіи пришлось бы вновь начинать ту же работу, но уже при болѣе затруднительной обстановкѣ.

На этотъ разъ помощь Россіи пришла со стороны Франціи. Начавшееся тамъ революціонное движеніе сильно и съ основаніемъ напугало представителей враждебныхъ Россіи державъ. Тонъ по отношенію къ Россіи быстро перемѣнился. вмѣсто сбора войскъ заскрипѣли перья дипломатовъ въ примирительномъ духѣ. А тѣмъ временемъ наши войска, какъ изложено выше, продолжали дѣйствія, и турки потерпѣли пораженіе подъ Мачиномъ. Разувѣрившись въ своихъ союзникахъ, Турція 11 августа 1791 года подписала въ Галацѣ предварительныя условія мира, а 29 декабря въ Яссахъ былъ подписанъ и мирный договоръ.

Приведенный выше очеркъ дипломатическихъ сношеній, предшествовавшихъ заключенію Россіею Кучукъ-Кайнарджійскаго и Яскаго мирныхъ договоровъ, а также очеркъ войнъ съ Турціею съ начала XVIII столѣтія, даютъ основаніе для слѣдующихъ выводовъ:

1) Уже во второй половинѣ XVIII столѣтія борьба Россіи съ Турціею затрагивала интересы многихъ европейскихъ державъ, и даже побѣдоносная Россія должна была считаться съ этими интересами.

2) Эти интересы другихъ державъ развивались въ двухъ направленіяхъ: а) не давать усиливаться Россіи за счетъ турецкихъ областей и б) получать безъ драки тотъ или другой кусокъ отъ Турціи или отъ Польши.

3) Полная безцеремонность державъ Европы, не исключая и Россіи, по отношенію не только къ Турціи, но и къ христіанскимъ ея провинціямъ. Эта безцеремонность, вѣрнѣе жестокость, въ особенности рельефно выразилась по отношенію къ княжествамъ Молдавіи и Валахіи. Начиная съ раззоренія значительной территоріи этихъ княжествъ русскими войсками, подъ начальствомъ Штофельна, съ этими княжествами производится и предполагается производить рядъ опытовъ. То населеніе приводится къ присягѣ на вѣрность русскимъ государямъ Петру и Екатеринѣ; то предполагается дать имъ независимое устройство; то княжества, вмѣстѣ съ Бессарабіею и Крымомъ, должны образовать независимое государство; то княжества предположено отдать Австріи, а она будетъ ихъ обмѣпывать у Турціи на Бѣлградъ и часть Сербіи; то, наконецъ, княжества предположено передать Польшѣ въ вознагражденіе за отбираемыя у нея по первому раздѣлу земли. Но изъ всѣхъ плановъ наибольшую

жестокостью и оригинальностью отличался планъ Панина, серьезно обсуждавшійся въ совѣтѣ государыни: раззорить всю территорію княжествъ и Бессарабін, а населеніе ихъ перевести насильственно въ Россію на пустующія еще мѣстности.

4) Особеннаго вниманія во второй половинѣ XVIII столѣтія изъ дѣлъ нашихъ и австрійскихъ на ближнемъ востокѣ заслуживаетъ отношеніе Австріи къ различнымъ мѣстностямъ Турціи, граничащимъ съ нею.

Прежде всего та или другая участь княжествъ самымъ серьезнымъ образомъ задѣвала австрійскіе интересы. Въ особенности для нея было невыгодно присоединеніе этихъ княжествъ къ русской территоріи. Но и образованіе изъ нихъ независимой области, подъ протекторатомъ Россіи, не отвѣчало интересамъ Австріи.

Однако въ XVIII столѣтіи еще больше значенія, чѣмъ княжествамъ, Австрія придавала сербскимъ владѣніямъ Турціи съ Бѣлградомъ, уже находившимся ранѣе въ подчиненіи Австріи. Только возвратъ Силезіи казался австрійскимъ государственнымъ людямъ болѣе важнымъ для Австріи дѣломъ, чѣмъ возвратъ части Сербіи съ Бѣлградомъ. Придавая большое значеніе княжествамъ, особенно въ виду опасности присоединенія ихъ къ Россіи, въ Австріи все же считали, что если бы княжества отошли къ Австріи отъ Турціи, ихъ было бы выгодно промѣнять на часть Сербіи съ Бѣлградомъ.

5) Такое преобладающее значеніе для Австріи части Сербіи съ Бѣлградомъ имѣло полное основаніе. Дѣйствительно, южная граница Австріи въ средней ея части, по рельефу мѣстности, является наиболѣе открытою и доступною вторженію долинами Тиссы и Дуная. Бѣлградъ, обращенный въ сильную крѣпость, надежно прикрывалъ бы эту часть границы, обезпечивалъ бы прочное владѣніе долинами Дуная и Тиссы до Бѣлграда.

Во время могущества турокъ въ окрестностяхъ Бѣлграда шли бои за цѣлость австрійскаго государства. Съ началомъ ослабленія Турціи, вожди австрійскихъ войскъ, при наступательныхъ противъ Турціи дѣйствіяхъ, начпнали съ Бѣлграда.

Независимо такой важности Бѣлграда въ военномъ отношеніи, этотъ пунктъ важенъ и въ этнографическомъ отношеніи, составляя естественный центръ сербской народности, осѣвшеі по обоимъ берегамъ Дуная.

Каждое государство имѣетъ свои историческія задачи. Для установленія добрососѣдскихъ отношеній съ Австріею необходимо было для Россіи уважать тѣ изъ задачъ Австріи, которыя не идутъ въ разрѣзъ съ задачами, преслѣдуемыми Россіею. Къ числу такихъ историческихъ задачъ Австріи, судя по ходу всей исторіи Балканскаго полуострова, принадлежать: а) задача по объединенію подѣ

ся главенствомъ, въ формѣ завоеванія или федеративнаго устройства, всего сербскаго племени и б) выходъ къ морямъ черезъ Балканскій полуостровъ.

Если для Россіи въ ея объединительныхъ задачахъ и борьбѣ за выходы къ морямъ Балтійскому и Черному требовалось для владѣнія среднею и нижнею Волгою овладѣть Казанью и Астраханью, съ мѣстностями, населенными чуждымъ Россіи племенемъ, то и для Австріи овладѣніе Бѣлградомъ или включеніе его союзными договорами въ австрійскую имперію составляетъ такую же потребность для владѣнія среднимъ Дунаемъ, какою въ XVI столѣтіи представляла Казань для владѣнія среднею Волгою. Разница будетъ лишь въ томъ, что въ бѣлградскомъ районѣ живетъ сербское племя, родственное австрійскимъ сербамъ, а въ казанскомъ районѣ жили татары.

Точно такъ же, какъ Россія добивалась выхода къ морямъ Балтійскому и Черному и вела многія войны, пока не овладѣла выходами къ этимъ морямъ, въ будущемъ для австрійской имперіи предстоить еще продолженіе борьбы за выходъ къ Архипелагу. Ни объединеніе подъ главенствомъ Австріи сербскаго племени, ни выходъ Австріи къ Салоникамъ или другому пункту не составляютъ такого ущерба положенію Россіи, чтобы, изъ-за этихъ плановъ Австріи, Россіи стоило бы воевать съ нею. Интересы Россіи дѣйствительно нарушились бы, если бы Австрія, кромѣ средняго Дуная, рѣшилась овладѣть всѣмъ теченіемъ Дуная и потребовала равнаго съ Россіею вліянія на Черномъ морѣ, или, наконецъ, ставъ во главѣ всѣхъ балканскихъ государствъ, заняла бы Босфоръ. Поэтому и желательно уже нынѣ установить на Балканскомъ полуостровѣ ту демаркаціонную линію, переходъ за которую Австріи составилъ бы нарушеніе интересовъ Россіи.

Проливъ рѣки крови и создавъ дружественную намъ Болгарію съ мужественнымъ населеніемъ, Россія и создала эту демаркаціонную линію.

Съ этой точки зрѣнія передача Добруджи въ руки Румыніи можетъ оказаться ошибочною.

б) Такимъ образомъ, исторически необходимымъ представлялось, при дѣйствіяхъ Россіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ въ теченіе XVIII и XIX столѣтій, ограничивать сферу дѣйствій и вліянія Россіи восточною частью Балканскаго полуострова, признавъ открыто, что западная часть полуострова съ мѣстностями, населенными сербскимъ племенемъ, входитъ въ сферу вліянія Австріи.

Между тѣмъ мы нѣсколько разъ существеннымъ образомъ нарушали такое естественное разграниченіе сферъ вліянія и стремились пріобрѣтать преобладающее значеніе и въ Бѣлградѣ. Такое

нарушеніе интересовъ Австріи имѣло мѣсто и въ послѣднюю русско-турецкую войну ¹⁾.

На Берлинскомъ конгрессѣ, съ согласія Россіи, Боснія и Герцеговина были въ сущности присоединены къ Австріи. Поэтому закрѣпленіе этого присоединенія не должно бы, казалось, такъ взволновать общественное мнѣніе Россіи, какъ взволновало въ дѣйствительности, вслѣдствіе незнакомства общества съ исторіею этого вопроса и хроническаго нежеланія уважать интересы сосѣда.

Мы могли быть огорчены формою присоединенія, но не сущностью, ибо участь Босніи и Герцеговины была рѣшена уже 30 лѣтъ тому назадъ и даже до Берлинскаго конгресса. Но изъ за формы, изъ за ошибки нашей дипломатіи, Европа раздѣлилась на два лагеря, и 7.000.000 ружей были близки къ тому, чтобы начать стрѣлять. Могло получиться совершенно невѣроятное, казалось бы, событіе: для отстаиванія поправленныхъ правъ босняковъ и герцеговинцевъ, изъ за вопроса въ частности о томъ, гдѣ будетъ утверждаться смѣта по Босніи и Герцеговинѣ—въ Сераевѣ или въ Вѣнѣ, Европа готовилась уложить убитыми и ранеными больше, чѣмъ обѣ провинціи имѣютъ населенія.

7) Уже въ войны съ Турціею при Екатеринѣ II исполнѣ опредѣлилось отношеніе къ результатамъ этихъ войнъ различныхъ государствъ Европы, въ особенности Англій и Австріи. Это отношеніе сохранялось въ теченіе всего XIX столѣтія и перешло на XX-е. Такое упорное постоянство должно было бы указать Россіи на жизненность и важность интересовъ европейскихъ державъ въ Турціи вообще и на Балканскомъ полуостровѣ въ частности. Задаваясь только задачами важными для нашей родины, Россія могла бы избѣгать всѣхъ войнъ съ Турціею въ XIX столѣтіи.

Почетную роль освободительницы христіанскихъ народностей отъ турецкаго ига съ успѣхомъ, при нравственной поддержкѣ со стороны Россіи, могла взять на себя и Австрія. Побѣды ея не могли тревожить Россію, ибо каждое приращеніе Австріи за счетъ славянскихъ народностей Турціи приближало бы ее къ Россіи, способствуя превращенію ея въ державу съ преобладающимъ славянскимъ населеніемъ.

Мы готовы были поддерживать Австрію въ борьбѣ ея съ Пруссіею и съ Франціею; мы путались даже въ вопросѣ о баварскомъ наслѣдствѣ; но въ дѣйствіяхъ Австріи въ Турціи постоянно усматривали опасность для себя, принимая мѣры, чтобы главенствовать даже въ сербскихъ дѣлахъ, и взаимно вызывали къ своимъ дѣйствіямъ въ Турціи полное недовѣріе и противодѣйствіе Австріи.

Наша сентиментальная и расплывчатая политика по отношенію

¹⁾ По С. Стефанскому договору, противно соглашенію съ Австріею, создавалась обширная Болгарія, съ присоединеніемъ къ ней части земель съ сербскимъ населеніемъ.

къ балканскимъ народностямъ никому не представлялась искреннею, начиная съ освобождаемыхъ нами народностей. Интересно, что каждый разъ послѣ принесенныхъ Россіею жертвъ освобожденныхъ ею народности, ставъ на свои ноги, отворачивались отъ Россіи. Не избѣжала этого и Болгарія, лишь нынѣ сознательно считающая Россію своею спасительницею въ прошломъ и опорой въ будущемъ.

8) Уясни мы себѣ вполнѣ,—какія послѣдствія будетъ вызывать каждая изъ войнъ, веденныхъ нами съ Турціею въ XIX столѣтіи,—вѣроятно, возможно было и избѣжать этихъ войнъ. Наученные опытомъ Пруссіи и Англій, мы могли бы оставаться только зрителями или борьбы Турціи съ Австріею и лишь предъявлять и свои требованія къ побѣжденной Турціи, на манеръ Англій и Австріи, получившихъ, за счетъ русскихъ побѣдъ, на Берлинскомъ конгрессѣ хорошіе куски отъ турецкаго пирога.

9) Мирные договоры Кучукъ-Кайнарджійскій и Яскій дали Россіи выходъ къ Черному морю и линію Днѣстра на западѣ. Никакихъ земельныхъ пріобрѣтеній въ европейской Турціи болѣе не требовалось.

10) Окончаніе черноморской задачи должно было состоять въ занятіи сѣверной части Босфора въ цѣляхъ чисто оборонительныхъ: дѣло шло не о томъ, чтобы владѣть *проливами* и конкурировать съ другими державами въ Архипелагѣ и въ Средиземномъ морѣ, а о томъ лишь, чтобы имѣть ключъ отъ Чернаго моря у себя въ карманѣ. Овладѣніе Россіею Дарданеллами и въ особенности Константинополемъ, ненужное Россіи, вызвало бы противъ Россіи, вѣроятно даже 150 лѣтъ тому назадъ, не только нынѣ, союзъ европейскихъ государствъ. Утвержденіе въ сѣверной части Босфора, произведенное въ благопріятную минуту, при наличіи сильнаго черноморскаго флота и подготовленнаго десанта, могло быть совершено безъ вмѣшательства другихъ державъ, а въ 1830 году даже безъ войны съ Турціею.

11) Даже и Австрія, держась твердо Россіи, могла бы уже прочно стоять на Балканскомъ полуостровѣ. Уже въ войну 1787—1791 года, послѣ побѣдоносныхъ совмѣстныхъ дѣйствій съ русскими войсками, при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій Австрія при заключеніи мира могла рассчитывать получить желанный для нея Бѣлградъ. Смерть Юсифа II помѣшала болѣе прочному военному братству Австріи съ Россіею къ обоюдной выгодѣ русской и австрійской армій. Недальновидный Леопольдъ далъ себя обойти Пруссіи и Англій. Отозвавъ свои войска и согласившись перенести рѣшеніе вопроса объ условіяхъ мира на конгрессъ въ Рейхенбахѣ изъ представителей другихъ державъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы Австрія не усиливалась, онъ лишилъ Австрію плодовъ ея побѣдъ. Еще удивительно, какъ могло случиться, что на этомъ конгрессѣ Англія ничего для себя не выторговала изъ владѣній Турціи, а Пруссія—изъ владѣній Польши.

12) Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII столѣтія Россія не только могла закончить войны съ Турціею въ цѣляхъ расширенія своихъ предѣловъ и выхода къ Черному морю, но и вполне опредѣленно установить свои отношенія къ Австріи на случай дальнѣйшихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ.

13) Преслѣдованіе русскимъ правительствомъ въ теченіе XIX столѣтія, до вступленія на престолъ Александра III, во внѣшнихъ дѣлахъ общеевропейскихъ интересовъ, даже въ ущербъ русскимъ, и принятіе Россіею на себя освободительной миссіи на Балканскомъ полуостровѣ повели къ тому, что и нынѣ на Балканскомъ полуостровѣ сложены костры горячаго матерьяла, готоваго вспыхнуть, а начавшійся на Балканскомъ полуостровѣ пожаръ можетъ разлиться по всей Европѣ, при чемъ Россія и Австрія, не смотря и на племенное родство большей части населенія Австріи съ русскимъ племенемъ, все еще могутъ оказаться въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ.

ГЛАВА XVI.

Окончательное объединение русскаго племени.

I. Краткій очеркъ выполнения задачи объединения русскаго племени въ XV—XVII столѣтійхъ. — Раздѣленіе въ XIV и XV столѣтійхъ русскаго племени между московскимъ и польско-литовскимъ государствами. — Задачи московскихъ великихъ князей и первыхъ царей по объединенію русскаго племени. — Достигнутые въ XVI и XVII столѣтійхъ результаты. — Новые противники московской Руси—шведы и турки.—II. Приостановка задачи по объединенію русскаго племени въ XVIII столѣтіи. — Новые противники московской Руси—шведы и турки. — Внутреннее состояніе Россіи къ началу царствованія Екатерины II; недостаточность мѣръ къ его улучшенію. III. Завершеніе задачи по объединенію русскаго племени въ царствованіе Екатерины II. — Состояніе Польши въ первой половинѣ XVIII столѣтія. — Тяжелое положеніе въ Польшѣ православнаго населенія и вступленіе Россіи на защиту его. — Избраніе въ польскіе короли Станислава Понятовскаго. — Борьба за возвращеніе правъ православнымъ (диссидентамъ) въ Польшѣ. — Барская конфедерація. — Гайдамацкій бунтъ. — Дѣйствія нашихъ войскъ противъ конфедератовъ въ 1771—72 г.г. Побѣды Суворова. — Первый раздѣлъ Польши. — Мѣры Екатерины II по устройству мѣстностей, перешедшихъ къ Россіи по первому раздѣлу Польши. — Волненія въ Польшѣ. — Дѣйствія русскихъ войскъ въ 1792 г. — Второй раздѣлъ Польши. — Возстаніе въ Польшѣ и Литвѣ. — Дѣйствія нашихъ войскъ въ 1794 году. — Побѣды Суворова и Ферзена. — Штурмъ Праги. — Третій раздѣлъ Польши. IV. Современный составъ населенія въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Россіи по тремъ раздѣламъ Польши.—(Картограф. прилож. № 14 и № 15).

I. Краткій очеркъ выполнения задачи объединения русскаго племени въ XV—XVII столѣтійхъ.

Въ предыдущихъ главахъ настоящаго труда сдѣланъ былъ очеркъ событій, послужившихъ препятствіемъ къ окончательному объединенію русскаго племени ранѣе XVIII вѣка.

Напомнимъ ниже въ самыхъ краткихъ чертахъ главныя событія въ борьбѣ великорусскаго племени за воссоединеніе съ нимъ бѣлорусскаго и малорусскаго племенъ.

Монголы, покоривъ московскую Русь, сдѣлали попытку подчинить себѣ сѣверо-западную Русь и Литву.

Объединитель Литвы, въ составъ которой вошло и много русскихъ земель, Мендовгъ разбилъ въ 1242 году полчища монголовъ у Лиды, черезъ 8 лѣтъ разбилъ ихъ вторично и отстоялъ этими побѣдами Литву съ присоединенными къ ней русскими мѣстностями отъ монгольскаго ига. Побѣда Литвы послужила къ тому, что различныя русскія мѣстности, съ цѣлью избѣжать подчиненія монголамъ, добровольно присоединялись къ Литвѣ. Принятіе въ 1246 году Мендовгомъ христіанской *православной* вѣры особенно помогало этому воссоединенію.

Явился новый центръ для сбора русскаго племени, и литовское государство обратилось въ *руско-литовское*, съ преобладаніемъ въ немъ русскаго племени.

При Гедиминѣ, въ началѣ XIV столѣтія, въ составъ Литвы входилъ весь сѣверо-западный край, и населеніе ея состояло на $\frac{2}{3}$ изъ русскихъ славянскихъ племенъ; государственнымъ языкомъ признавался русскій ¹⁾. Гедиминъ самъ именовался княземъ литовско-русскимъ.

Одновременно съ Гедиминомъ на московской Руси правилъ Иванъ Калита, первый собиратель русской земли.

Такимъ образомъ, въ XIII—XIV столѣтіяхъ русскія мѣстности (удѣлы) собирались на востокъ къ московскому княжеству, на западѣ—къ Литвѣ.

При Ольгердѣ ²⁾ Литва продолжала развиваться.

Въ 1355 году къ ней присоединяется княжество смоленское и Подляшье съ Брестомъ. Затѣмъ въ составъ Литвы входятъ: Подолія, часть Волыни и кievскій удѣлъ.

Однородность задачъ, преслѣдуемыхъ московскою Русью и Литвою,—сборъ русскихъ удѣловъ,—повела къ соперничеству и борьбѣ между ними.

Первоначально сила была на сторонѣ Литвы, но съ XV столѣтія положеніе перемѣнилось. Московское государство, съ освобожденіемъ отъ татарскаго ига и присоединеніемъ многихъ удѣловъ, стало усиливаться, а литовское государство, тѣснимое съ трехъ сторонъ — Польшею, Тевтонскимъ орденомъ и московскою Русью,—слабѣть.

Нѣмецкіе рыцарскіе ордена, занявъ значительныя пространства по балтійскому побережью, принадлежавшія литовскимъ племенамъ, заставили ихъ отодвигаться внутрь Россіи и въ свою очередь отнимать у ослабленнаго монгольскимъ игомъ русскаго племени издревле принадлежавшія ему земли.

При преемникѣ Ольгерда, его сынѣ Ягайло, совершилось со-

¹⁾ А. Виноградовъ „Императрица Екатерина II и западный край“, изд. 1904 г., стр. 13.

²⁾ Тоже православномъ князѣ.

единение Литвы съ Польшею. Ища союзниковъ противъ своихъ старшихъ братьевъ, добивавшихся литовскаго трона, Ягайло женился въ 1386 году на Ядвигъ, королевнѣ польской, и согласился за польскую корону принудить подчиненный ему литовскій народъ, въ томъ числѣ и всѣхъ православныхъ, принять католическую вѣру, которую принялъ и самъ ¹⁾.

Это событіе имѣло весьма большія и тяжелыя для западной Руси и Литвы послѣдствія, которыя оказываютъ свое вредное вліяніе и до сихъ поръ.

Въ литовскомъ государствѣ усиленною работою, въ особенности польскаго духовенства, получаютъ преобладаніе польское вліяніе, польская культура и польская вѣра. Литовское духовенство состояло изъ поляковъ. Литовское дворянство, первое принявшее католичество, получило многія привилегіи. Напротивъ того, православные угнетались разными способами. Въ особенности стало тяжело положеніе бѣлорусскаго населенія. Обращеніе массы населенія въ католичество встрѣтило въ немъ отпоръ. Начались смуты и междоусобицы, получившія религіозный характеръ.

Наиболѣе энергичные люди пошли искать свободы вѣры и жизни и создали, вмѣстѣ съ такими же удалъцами изъ московской Руси, казачество. Но обозначилось и другое явленіе: православные Литвы начали видѣть въ московской Руси защитницу вѣры и стали стремиться къ соединенію съ нею. Это движеніе охватило не только нѣкоторыхъ князей, но и темныхъ людей. Князья черниговскіе изъ первыхъ отдались подъ покровительство Москвы съ принадлежащими имъ землями и населеніемъ:

Со стороны польско-литовскихъ правителей начались требованія о возвратѣ отпавшихъ, но правители московской Руси уже чувствовали себя настолько сильными, что не только не исполняли этихъ требованій, но стали открыто заявлять свои права на различные бывшіе русскіе удѣлы, какъ на свою вотчину, постепенно включая въ свои требованія все новыя земли.

Насколько эти притязанія были основательны, видно изъ перечня русскихъ земель, входившихъ въ XIV столѣтіи въ составъ Литвы.

Въ 1395 году литовскій князь Витовтъ и зять его—великій князь московскій сѣхались въ Смоленскъ и утвердили границы владѣній восточной и западной Руси. По этому утвержденію въ составѣ Литвы находились нынѣшнія губерніи: смоленская, виленская, ковенская, гродненская, часть сувальской, мниская, могилевская.

¹⁾ Окончательное соединеніе Литвы съ Польшею и прекращеніе самостоятельнаго существованія Литвы послѣдовало только въ 1569 году.

витебская, кievская, черниговская, подольская, волынская и части губерній орловской, тульской и псковской ¹⁾).

Одинъ этотъ переченьъ указываетъ, что Русь дѣйствительно въ то время раздѣлялась на двѣ части, и воссоединеніе всѣхъ русскихъ земель могло послѣдовать только въ двухъ направленіяхъ: или побѣдила бы московская Русь и тогда отъ Литвы и Польши были бы отторгнуты русскія области; или побѣдила бы Польша и тогда самому существованію московскаго государства грозила бы опасность. Дѣйствительно, въ смутное время поляки уже были въ Москвѣ и ихъ королевичъ Владиславъ былъ избранъ русскими боярами на московскій престолъ.

По историческимъ судьбамъ московской Руси суждено было выйти побѣдительницей изъ тяжелой борьбы. Великорусское племя вынесло, для достиженія объединенія съ племенами бѣлорусскимъ и малорусскимъ, не только борьбу съ литовцами и поляками, но съ ливонцами, шведами, крымцами и турками.

Одною изъ главныхъ причинъ успѣха московской Руси въ этой борьбѣ, какъ указано выше, слѣдуетъ признать твердую, національную, вполне опредѣленную политику нашихъ великихъ князей и царей XV, XVI и XVII столѣтій.

Послѣ освобожденія отъ татарскаго ига московскіе великіе князья ставятъ своею основною задачею борьбу за присоединеніе къ Москвѣ старыхъ русскихъ удѣловъ. У великихъ князей понятіе *наша вотчина*, по мѣрѣ усиленія ихъ власти, все растетъ и, наконецъ, захватываетъ всѣ бывшіе русскіе удѣлы.

Земли, отторгнутыя ливонцами и шведами у Новгорода и полоцкаго княжества, попадаютъ подъ это понятіе; русскія земли, захваченныя Литвою и Польшею,—все это *вотчина* нашихъ великихъ князей.

Вопросъ объ объединеніи русской земли уже ставится съ начала XVI вѣка. Иванъ III призналъ своею *вотчиною*: Смоленскъ, Кіевъ и другіе города. Въ первую очередь этотъ великій князь и великій русскій человекъ ставитъ присоединеніе къ московскому государству удѣловъ смоленскаго и полоцкаго.

Наиболѣе серьезнымъ противникомъ Россіи въ ту эпоху была Литва. Захвативъ на западѣ и югѣ русскія области, Литва не только разъединяла русское племя, но и загораживала московской Руси доступы къ морямъ Балтійскому и Черному.

Война съ Литвою при Иванѣ III тянулась три года и окончилась въ 1503 году перемиріемъ. 19 старо-русскихъ городовъ и 70 волостей отошло отъ Литвы къ Москвѣ, въ томъ числѣ Черниговъ,

¹⁾ Въ трудѣ А. Виноградова указывается, что въ составъ Литвы входила часть нынѣшней Калужской губерніи и, кромѣ того, губерніи Херсонская и Екатеринославская.

Путивль, Новгородъ-Сѣверскъ, Гомель, Мценскъ, Дорогобужъ, Торопецъ.

Василій III, продолжая задачу отца своего, велъ съ Литвою нѣсколько войнъ. Въ 1514 году русскими войсками былъ взятъ Смоленскъ, послѣ пребыванія въ чужихъ рукахъ 110 лѣтъ, и по миру въ 1522 году онъ остался за Москвою.

Овладевъ Смоленскомъ, Василій III измѣняетъ формулу отца своего Ивана III о вотчинѣ. Въ 1517 году Василій III подъ понятие *о вотчинѣ* подводитъ города: Кіевъ, *Полоцкъ*, *Витебскъ* и другіе города.

Иванъ IV продолжаетъ войну съ Литвою и беретъ Полоцкъ. Понятіе о *вотчинѣ* при немъ еще расширяется. Въ 1578 году Иванъ IV требовалъ, чтобы Стефанъ-Баторій не распоряжался и не воевалъ въ вотчинѣ Ивана—*Ливоніи* и *Курляндіи*. Но военное счастье не покровительствуетъ на западъ побѣдителю Казани. Стефанъ-Баторій беретъ Полоцкъ и по миру 1582 года Россія временно отказывается отъ Полоцка, Велижа и Ливоніи.

Въ смутное время въ 1610 году поляки берутъ обратно Смоленскъ и при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ штурмуютъ Москву.

По Деулинскому миру въ 1618 году Михаилъ Теодоровичъ отказывается отъ званія царя — ливонскаго, черниговскаго, смоленскаго. Пришлось снова уступить польско-литовскому государству области смоленскую, черниговскую и сѣверскую.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Малороссія, тѣснимая за вѣру, просила принять ее въ подданство Россіи. Земская дума, собранная царемъ, высказывается за присоединеніе и проситъ царя принять Малороссію „подъ высокую руку для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей“.

Это присоединеніе повело за собою войны съ Польшею въ теченіе почти 10 лѣтъ.

Главныя усилія царя Алексѣя Михайловича, по примѣру его предшественниковъ, направлены были на сѣверо-западъ. Война первоначально ведется успѣшно. Войска наши берутъ снова Смоленскъ, овладѣваютъ Вильной, Ковной, Гродной. Весь сѣверо-западный край по Нѣманъ и Полѣсье оказывается, впервые послѣ удѣльнаго періода, въ русскихъ рукахъ. Но съ переходомъ польско-литовскихъ войскъ въ наступленіе, мы теряемъ большую часть сдѣланныхъ завоеваній.

Одновременно наши войска борются съ польскими въ Малороссіи. По Андрусовскому миру 1667 года за Россією остаются Смоленскъ, сѣверскія земли и часть Малороссіи съ Кіевомъ (на два года).

При царѣ Теодорѣ Алексѣевичѣ борьба съ поляками изъ-за Малороссіи продолжается. Наши войска дѣлаютъ три похода подъ Чигиринъ.

Успѣшному выполненію московскими великими князьями и первыми царями задачи по объединенію русскаго племени препятствовала необходимость, одновременно съ борьбою съ польско-литовскимъ государствомъ, вести борьбу съ Ливонією и Швецією, какъ за присоединеніе къ московской Руси древнихъ русскихъ удѣловъ, такъ и въ цѣляхъ выхода къ Балтійскому морю.

Противъ Ливоніи ведутъ войны царь Иванъ III и царь Иванъ IV. Ливонія распадается и переходитъ частями во владѣніе Даніи, Польши, Швеціи; за Россією все же остается восточная часть Ливоніи.

Вмѣсто слабой Ливоніи противникомъ Россіи выступаетъ сильная въ то время Швеція.

Начиная съ Ивана IV, наши цари ведутъ со Швецією рядъ войнъ, которыя, не смотря на нѣсколько частныхъ успѣховъ, оканчиваются для Россіи неудачно. По миру, заключенному въ 1658 году царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, московская Русь была отодвинута отъ Финскаго залива и Балтійскаго моря.

Почти одновременно съ нашею неудачею въ борьбѣ съ Швецією и Польшею, на югѣ во второй половинѣ XVII столѣтія появился новый врагъ Россіи—турки. Въ 1672 году султанъ Магометъ IV съ турецкими войсками и крымскими татарами вторгнулся въ Малороссію и Подолію. Польшѣ и Россіи пришлось бороться не между собою, а съ новымъ и грознымъ въ то время противникомъ.

Часть казаковъ съ атаманомъ Дорошенко приняли подданство Турціи и этимъ дали Магомету IV право на вмѣшательство во внутреннія дѣла русскаго племени.

Воинственный султанъ, не довольствуясь утверженіемъ въ Молдавіи, Валахіи и части Венгріи, задумалъ присоединить къ своимъ владѣніямъ Галицію, Подолію и Малороссію.

Въ результатъ 17 лѣтней войны съ Польшею и Турцією изъ за Малороссіи, въ 1681 году былъ заключенъ съ Турцією въ Бахчисарай миръ, по которому западная Украина и Запорожье были признаны за Россією. Вмѣстѣ съ завоеваніями, признанными за Россією по Андрусовскому договору, вся Малороссія поступила навсегда въ составъ Россіи.

Но миръ съ Турцією былъ купленъ дорогою цѣною: мы обязались уплачивать султану „казну по старымъ росписямъ“.

II. Приостановка задачи по объединенію русскаго племени въ XVIII столѣтіи.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія обстановка сложилась для Россіи такимъ образомъ, что ей приходилось бороться на три фронта: противъ Швеціи, Польши и Турціи. Продолженіе задачи по объединенію русскаго племени затруднилось.

Съ Андрусовскаго мира, по заключенію историка В. Ключевскаго, „*Даже совсѣмъ была оставлена мысль о политическомъ объединеніи русскаго народа*“¹⁾, для чего надлежало продолжать борьбу съ Польшею. Напротивъ того, русское правительство начинаетъ дружить съ Польшею, чтобы легче бороться противъ Швеціи и Турціи.

Въ правленіе царевны Софіи съ Польшею заключается вѣчный миръ. Наконецъ, тоже въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ Турціею, московское государство впервые начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ европейской политикѣ. Россія вступаетъ въ „*священный союзъ*“ съ Австріею, Венгріею и Польшею для борьбы съ Турціею.

Съ Андрусовскаго мира до перваго раздѣла Польши проходитъ нѣсколько болѣе ста лѣтъ. Въ теченіе этого промежутка времени государи Россіи перестаютъ преслѣдовать задачу устроителей русской земли, поставившихъ съ XVI столѣтія на первомъ планѣ своей дѣятельности *объединеніе русскаго племени*.

Тяжко угрожаемые со стороны Швеціи, Крыма и Турціи, наши государи, начиная съ царевны Софіи и до Екатерины Великой, борются съ этими державами, стремятся выйти къ берегамъ Балтійскаго и Чернаго морей, страстно отдаются задачамъ европейской политики, ведутъ войны въ Европѣ (съ Пруссіею), заставляютъ русскіе корпуса войскъ прогуливать на Рейнъ, составляютъ химерическіе планы объ устройствѣ Балканскаго полуострова (греческій проектъ), благодѣтельствуютъ покоренныя нерусскія народности въ Финляндіи и балтійскихъ провинціяхъ, давая побѣжденнымъ большія права, чѣмъ тѣ, которыми пользуются побѣдители; вся эта судорожная работа, требовавшая почти непрерывныхъ войнъ, ведется за счетъ силъ и средствъ преимущественно великорусскаго племени и ослабляетъ его.

Относительно Польши, которая продолжаетъ владѣть многочисленнымъ бѣлорусскимъ и малорусскимъ населеніемъ, Россія изъ врага обратилась въ союзника и охранителя. Въ сущности, хозяйничая, начиная съ Петра, въ Польшѣ, какъ въ своей вассальной провинціи, мы пользуемся средствами страны, но получаемъ лишь ничтожную поддержку отъ польской вооруженной силы. Жалкое положеніе польскихъ королей этой эпохи требуетъ непрерывной вооруженной помощи отъ Россіи, и въ то же время эти короли не разъ дружатъ съ врагами нашими.

Имѣя огромное вліяніе въ Польшѣ, мы заботъ о тяжеломъ положеніи тамъ родственнаго намъ — русскимъ племени энергично не проявляемъ до Екатерины Великой, когда былъ опредѣленно поднятъ вопросъ о диссидентахъ.

¹⁾ Ключевскій „Лекціи по русской исторіи“, ч. II, стр. 182.

Поляки пользуются такою обстановкою и за столѣтній періодъ съ Андрусовскаго мира, не смотря на политическую и военную свою слабость, ополячиваютъ часть русскаго и православнаго населенія. Въ особенности ополячиваются верхи русскаго населенія, подчиненнаго Польшѣ: они принимаютъ католическую вѣру, польскую внѣшность, языкъ, культуру.

Когда, послѣ столѣтняго перерыва въ работѣ русскихъ государей по объединенію русскаго племени, работа эта, въ значительной мѣрѣ по инициативѣ Фридриха Великаго, возобновляется,—къ Россіи переходитъ русское населеніе, часть котораго и до сихъ поръ носить на себѣ печать польскаго вліянія и враждебно относится къ Россіи и всему русскому.

Петръ I, изъ двухъ наслѣдованныхъ отъ предковъ задачъ—по объединенію русскаго племени и исправленію границъ на западѣ и югѣ, — почти все свое царствованіе ведетъ борьбу со Швеціею за исправленіе западной границы, съ цѣлью выхода къ Балтійскому морю. *Онъ совершенно отказывается отъ мысли о довершеніи политическаго объединенія русскаго народа* ¹⁾.

Достигнутые имъ результаты по выходу къ Финскому заливу и заложенію Петербурга представляются ему столь важными, что въ несчастномъ Прутскомъ походѣ, посылая Шафирова вести переговоры о пропускѣ окруженной турками русской арміи на свободу и заключеніи Прутскаго договора, Петръ разрѣшаетъ Шафирову въ крайности уступить туркамъ (для передачи шведамъ) *Псковъ и другія русскія мѣстности*, только бы отстоять за Россіею часть завоеванной имъ Ингерманландіи. Къ счастью, алчность визиря и его подкупность помогли Шафирову заключить миръ и безъ этой жертвы. Иначе Псковъ, много вѣковъ служившій оплотомъ русскаго племени въ борьбѣ со шведами, поляками и ливонцами, Псковъ, отразившій Стефана Баторія со стотысячною арміею, достался бы въ распоряженіе турокъ.

О томъ, какъ русское дѣло и русскіе люди были прииженены при Аннѣ Иоанновнѣ, во времена засилья иноземцевъ съ Бирономъ во главѣ, было изложено выше. Очевидно, не въ царствованіе Анны Иоанновны можно было надѣяться на заботы о русскомъ населеніи, оставшемся еще подъ властью Польши и подъ вліяніемъ польскихъ ксендзовъ.

Насколько все русское признавалось ненужнымъ, достаточно повторить слѣдующій фактъ. Для обезпеченія русской арміи въ Петербургѣ основывается русскій кадетскій корпусъ, безъ смысла названный шляхетскимъ. Въ этомъ корпусѣ, наполненномъ частью дѣтми балтійскихъ дворянъ, усиленно преподаютъ нѣмецкій языкъ, исторію универсальную и исторію нѣмецкаго народа, *но русскій*

¹⁾ В. Ключевскій, ч. II, стр. 183.

языкъ признается въ числѣ необязательныхъ предметовъ, и ему обучается ничтожное число кадетъ; русская же исторія вовсе не проходитъ. В. Ключевскій по этому поводу справедливо замѣчаетъ, что исторія русскаго народа уже и тогда была въ немилости. (Въ немилости она осталась въ нашей школѣ и до сихъ поръ).

Послѣ Петра и до Екатерины II, въ теченіе 38 лѣтъ, на русскомъ престолѣ смѣнилось три государыни и два государя, и всѣ они находились въ рукахъ партій, доставившихъ имъ власть ¹⁾.

Непрерывныя интриги, самоволіе фаворитовъ, политика внѣшняя „не изъ дѣйствительныхъ интересовъ нашего государства, а изъ индивидуальнаго расположенія отдѣльныхъ лицъ“ и въ то же время тяжелая борьба съ сосѣдями—Швецією, Пруссією (семилѣтняя война), съ Крымомъ и Турцією,—все это, вмѣстѣ взятое, отвлекаетъ вниманіе русскаго правительства не только отъ положенія русскаго племени, находившагося въ рукахъ Польши, но даже и отъ положенія русскаго племени внутри имперіи. А между тѣмъ это положеніе было весьма тяжелое.

Непрерывныя войны, тяжелые, все возрастающіе налоги, усиленные сборы рекрутъ, разнаго вида натуральныя повинности разоряли населеніе, вызывали среди него недовольства и бунты, принимавшіе обширные размѣры.

При вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II внутреннее положеніе Россіи, по заявленію всѣхъ современниковъ, было весьма тяжелое. Въ явномъ возмущеніи находилось 49,000 заводскихъ и 150,000 монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ ²⁾.

Назначенный Екатериною II для разслѣдованія положенія крестьянъ Панинъ нашелъ, что русскимъ крестьянамъ такъ плохо жилось, что *многіе уходили за польскій рубежъ*. Новгородскіе помѣщики жаловались, что, по договору одного бѣглаго рекрута, ушло въ Польшу только въ 1763 году 500 душъ.

Такимъ образомъ, въ эту эпоху не только мы не собирали въ Россіи русскихъ людей, но и эти люди бѣжали изъ внутренней Россіи въ Польшу, бѣжали въ южныя степи, только бы избавиться отъ утѣсеній всякаго рода на родинѣ.

Въ числѣ причинъ недовольства крестьянъ Панинъ указывалъ:

1) Строптивость духовенства и разныя притѣсенія отъ него и свѣтскаго начальства, съ корыстною цѣлью, къ раскольникамъ.

2) Тягость рекрутской повинности.

3) Ничѣмъ не ограниченную власть помѣщиковъ. Ихъ неумѣренная роскошь вызывала неразборчивость въ средствахъ, только

¹⁾ В. Ключевскій пишетъ: „Почти всѣ правительства, смѣнявшіяся со смертью Петра I въ продолженіе 38 лѣтъ, были дѣломъ гвардіи (ч. II, стр. 307).“

²⁾ Соловьевъ, т. XXV, стр. 1384.

бы добыть деньги. Подати съ крестьянъ собирались непосильныя. Работы назначались превосходящія силы человѣка.

4) Возвышеніе цѣнъ на соль и вино.

5) Лихоимство и неправосудіе начальствующихъ лицъ, особенно въ отдаленныхъ мѣстностяхъ.

6) Взятки въ судахъ.

7) Выборъ начальниковъ въ города не для пользы населенія, а для пользы посылаемыхъ туда лицъ.

Мѣры, принятія для исправленія этихъ золъ, были маловажны или трудно примѣнимы. Такъ, для облегченія рекрутской повинности требовалось „приласканіе рекрутъ и утѣшеніе разлучающемуся съ нимъ семейству“.

Предполагалось установить наблюденіе за неумѣренными помѣщиками. Признавалось, что помѣщики не должны были требовать отъ крестьянъ больше 4-хъ рабочихъ дней въ недѣлю. Въ сутки одинъ рабочій долженъ былъ вспахать доброй земли десятину, или накосить сѣна 3 копны, или нарубить однополѣнныхъ дровъ 1½ сажени; оброкъ не долженъ былъ превышать 2 рублей въ годъ ¹⁾.

Не найдя серьезныхъ средствъ улучшить положеніе русскихъ крестьянъ, Екатерина II принимаетъ рядъ мѣръ, чтобы въ Россіи явились иностранные земледѣльцы, разсчитывая, что своимъ примѣромъ они благотворно повліяютъ на окрестныхъ крестьянъ. Этимъ иностраннымъ переселенцамъ, по преимуществу нѣмцамъ, отвели обширныя пространства отличной земли, въ томъ числѣ и по Волгѣ, и дали чрезвычайныя льготы. Имъ даже разрѣшили *обращать мусульманъ въ христіанство и дѣлать ихъ себѣ крѣпостными* ²⁾. Земледѣльцы освобождались на 30 лѣтъ отъ всѣхъ податей, службъ и налоговъ. Имъ давались ссуды безъ процентовъ съ уплатою въ разсрочку по прошествіи 10 лѣтъ.

Переселившихся селили особыми колоніями и мѣстечками, при чемъ „оставлялась внутренняя юрисдикція въ ихъ благоучрежденіе“. Русскіе начальники во внутреннихъ распоряженіяхъ колонистовъ никакого участія не имѣли.

Русское населеніе, безъ соображенія разстоянія и времени спѣшныхъ работъ, было обложено повинностью заготовлять бесплатно для этихъ переселенцевъ строительный матеріалъ и строить помѣщенія. Губернаторы доносили, что эта мѣра разоряетъ населеніе, вызываетъ ропотъ, и просили отмѣнить ее.

Итакъ, благоденствіе новыхъ колонистовъ принятыми мѣрами было обезпечено, за счетъ средствъ русскаго населенія. Дѣйствительно, новыя колоніи процвѣтали и порядкомъ въ нихъ произво-

¹⁾ Соловьевъ, т. XXV, стр. 1475--1477.

²⁾ Тамъ же, стр. 1486.

дили и производятъ еще теперь очень выгодное впечатлѣніе, сравнительно съ окрестными русскими деревнями. Но пользы окрестному населенію эти колоніи не принесли, ничему русскаго крестьянина не научили и остались, и черезъ 150 лѣтъ, чуждыми Россіи и всему русскому иностранными гнѣздами.

Можно вѣрить, что если бы русскихъ людей поставить въ такія же исключительно благопріятныя условія, въ какія были поставлены иностранные колонисты, то и они не уступили бы этимъ колонистамъ ни въ достаткѣ, ни въ благоустройствѣ своихъ селеній.

Дѣлала Екатерина II и опытъ основанія въ Россіи „Новой Сербіи“. Славянскій авантюристъ, по имени Хорватъ, съ большими расходами изъ русской казны переманилъ на переселеніе въ Россію нѣсколько тысячъ сербовъ, подданныхъ турокъ и австрійцевъ, и на отведенныхъ ему обширныхъ и плодородныхъ земляхъ близъ Днѣпра основалъ нѣсколько сербскихъ селеній. Эта затѣя вызвала большую тревогу въ Турціи и въ Австріи, ухудшила наши отношенія съ этими державами, не принеся Россіи пользы. Дѣятельность Хорвата окончилась растратою имъ 65,000 рублей русскихъ казенныхъ денегъ.

При завоеваніи Крыма оттуда вывели 30,000 христіанъ, по преимуществу грековъ и армянъ, и отвели имъ весьма цѣнныя земли на бѣрегу моря, вмѣсто того, чтобы на этихъ приморскихъ земляхъ, стоявшихъ русскому народу столькихъ денегъ и крови, образовать прочныя русскія селенія, которыя со временемъ могли бы давать для русскаго флота привыкшихъ къ морю русскихъ матросовъ.

Населеніе прибалтійскаго края при Екатеринѣ II осталось въ привилегированномъ положеніи и не привлекалось къ отбыванію воинской повинности; въ военное время, вмѣсто поставки рекрутъ, оно платило особый налогъ ¹⁾. Но въ Финляндіи многія мѣры клонились къ сліянію этой окраины съ остальною Россіею и имѣли большой успѣхъ, но Александръ I вернулъ Финляндію къ обособленности.

На сколько Екатерина II была расположена помогать и покровительствовать не только иностранцамъ, но и инородцамъ, въ ущербъ русскому населенію,—видно изъ слѣдующихъ строкъ капитальнаго труда Н. Ядринцева „Сибирь какъ колонія“ ²⁾.

„Екатерина видѣла въ Сибири обширную инородческую колонію и рѣшилась дать ей права подчиненнаго царства. Она принимаетъ мѣры къ улучшенію быта инородцевъ, водворяетъ покровительство торговлѣ бухарцевъ, обѣщаетъ изъ нихъ *создать особую торговую думу для цѣлой Сибири, съ дипломпроизводствомъ на бухарскомъ языкѣ, уничтожаетъ казенныя монополіи, наконецъ, наименовывасть Сибирь*

¹⁾ Д. Масловскій „Записки по военному искусству въ Россіи“, вып. II, стр. 49, изд. 1894 г.

²⁾ Н. Ядринцевъ „Сибирь какъ колонія“, изд. 1882 г., стр. 338—359.

„царствомъ“, даетъ ему особый гербъ съ двумя собаками и чеканить особую сибирскую монету. Въ Tobольскѣ символомъ царской власти, подъ покровительствомъ которой считается это инородческое царство, *поставленъ былъ тронъ*, на которомъ сибирскій намѣстникъ принималъ свидѣтельство вѣрноподданства отъ хана средней киргизской орды и остяцкихъ князей. Конечно, было странно видѣть, что край, все болѣе и болѣе заселяемый русскими, вдругъ какъ бы обратно названъ былъ инородческимъ царствомъ, съ предоставленіемъ особаго покровительства и даже автономіи инородцамъ“.

Великую услугу Россіи оказала Екатерина присоединеніемъ Новороссіи, Крыма, присоединеніемъ бѣлорусскихъ мѣстностей и остальныхъ малорусскихъ. Велико и славно ея имя въ нашей исторіи побѣдами на сушѣ и на морѣ надъ турками, много ею сдѣлано къ пробужденію духовной жизни въ высшихъ слояхъ русскаго общества, но по отношенію къ русскому крестьянину результаты царствованія незамѣтны. Этотъ кормилецъ земли русской остался кормильцемъ, но не сталъ богаче, развитѣе и свободнѣе.

Общая характеристика царствованія, въ этомъ отношеніи, историкомъ Ключевскимъ изложена такъ:

„Екатерина проводила въ литературныхъ своихъ произведеніяхъ освободительныя идеи французскихъ литераторовъ и въ *продолженіе всего царствованія затягивала узы крѣпостного права* ¹⁾.

III. Завершеніе задачи по объединенію русскаго племени въ царствованіе Екатерины II.

Состояніе Польши въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Петръ I, для обезпеченія успѣха въ борьбѣ со шведами, заключилъ съ польскимъ королемъ Августомъ II договоръ, по которому Польша должна была дѣйствовать совмѣстно съ Россіею противъ Швеціи и взаимно этого содѣйствія получала вспомогательное войско въ 15,000—20,000 чел., денежную помощь и, кромѣ того, Ливонія и Эстонія должны были присоединиться къ ея владѣніямъ. Но дѣйствія польскихъ войскъ были неудачны, и Августъ II покинулъ своего союзника и заключилъ со шведами въ 1706 году отдѣльный миръ.

Послѣ побѣды Петра I подъ Полтавою союзъ съ Польшею былъ возобновленъ (9 октября 1709 года). Но это былъ плохой союзникъ; на этотъ разъ не врагъ внѣшній, а враги внутренніе дѣлали его ненадежнымъ. Шляхта и польскіе магнаты вели между собою распри, составляли вооруженные союзы, производили безпорядки, утѣсняли населеніе и не признавали королевской власти. Августъ II просилъ

¹⁾ В. Ключевскій, ч. III, стр. 49.

Петра I оказать ему содѣйствіе къ водворенію въ польской странѣ порядка.

Петръ отправилъ въ Польшу русскія войска и особыхъ уполномоченныхъ для обсуждения мѣръ къ прекращенію внутреннихъ безпорядковъ.

Сеймъ, собранный по приказу короля, постановилъ: „а) благодарить русскаго царя за присылку войска и просить его дозволить войску пробить два года въ Польшѣ, б) удалить саксонскія войска въ ихъ собственныя владѣнія и в) облечь русскаго царя правомъ быть посредникомъ и миротворцемъ между польскимъ королемъ съ одной стороны и его подданными съ другой, когда возникнутъ у нихъ обоюдныя несогласія“¹⁾.

Русское правительство, получивъ по этому постановленію сейма право широкаго вмѣшательства въ дѣла Польши, воспользовалось при преемникахъ Петра I этимъ правомъ лишь къ охранѣ цѣлости Польши.

Дѣйствительно, послѣ смерти въ 1733 году Августа II, въ течение 50 лѣтъ Польша ни съ кѣмъ не вела войны. Но эти годы продолжительнаго мира не укрѣпили государства польскаго: безграничное господство шляхты и внутренніе раздоры дѣлали Польшу слабою и вызывали въ сосѣдяхъ, особенно въ Пруссіи, желаніе усилиться на ея счетъ. Намѣреніе Пруссіи простиралось въ особенности на захватъ у Польши польской „Пруссіи“, познанской Польши, а также Курляндіи и Лифляндіи.

Россія, защищая цѣлость Польши, препятствовала этому захвату.

А. Виноградовъ пишетъ: „Безсильная, бездѣятельная, буруеваемая внутренними смутами, несчастная Польша въ это время дѣйствительно представляла собою соблазнительную добычу. Полная анархія во всѣхъ дѣлахъ была отличительнымъ признакомъ внутренней жизни распадавшагося польскаго королевства. Августъ III, видя полное разстройство своего королевства, все свое царствованіе жилъ въ Дрезденѣ и только временно бывалъ въ Варшавѣ. При немъ Польша уже не играла активной роли въ международной политикѣ и во всемъ слѣдовала Россіи.

„Бѣлоруссія и Литва въ это время находились подъ давленіемъ тяжелыхъ религіозныхъ смуть и борьбы за право свободнаго исповѣданія вѣры. Онѣ уже давно дѣлали попытки къ возсоединенію съ русскимъ государствомъ. Но этому время еще не настало.

„Вотъ въ какомъ положеніи была „Рѣчь Посполитая“ къ концу 1762 года, когда на русскій престолъ взошла императрица Екатерина II“²⁾.

¹⁾ А. Виноградовъ „Екатерина II и западный край“, стр. 28.

²⁾ Тамъ же, стр. 29—30.

Первыя затрудненія съ Польшею, по вступленіи на престолъ Екатерины II, возникли въ послѣдніе годы царствованія въ Польшѣ Августа III изъ за русскихъ бѣглыхъ, укрывавшихся въ польскихъ предѣлахъ. Пограничныя польскія власти не исполняли требованій русскихъ властей о выдачѣ бѣглыхъ. Въ указѣ Сенату по этому дѣлу значилось, что въ Польшѣ многіе русскіе укрываются и производятъ разбой. Польскія власти на жалобы нашихъ пограничныхъ начальниковъ не обращаютъ вниманія, сами подговариваютъ къ побѣгу, насильно удерживаютъ бѣглыхъ и не выдаютъ разбойниковъ. Сенатъ подалъ мнѣніе, чтобы посылали *скрытно* въ Польшу и Литву воинскія команды для забранія бѣглыхъ и разбойниковъ. Согласно этому совѣту русскіе, отряды начали ходить за польскія границы. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, подъ начальствомъ г.-м. Маслова, привелъ съ собою 2,027 бѣглыхъ.

Положеніе въ Польшѣ православнаго населенія и выступленіе Россіи на защиту его.

Еще Петръ I признавалъ положеніе православнаго населенія въ Польшѣ тяжелымъ и, не смотря на протестъ поляковъ, отправилъ въ Польшу своего комиссара для защиты православныхъ отъ утѣсненій со стороны католическаго духовенства.

Послѣ Петра эту мѣру отмѣнили. Между тѣмъ поляки поняли, что населеніе западной Руси, пока оно остается православнымъ, не будетъ прочно привязано къ Польшѣ. Поэтому поляки стали настойчиво работать, чтобы лишить населеніе основы его народности— православной вѣры. Они не безъ основанія рассчитывали обратить русское православное населеніе въ *польское католическое*. Планъ ихъ дѣйствій, приведенный настойчиво въ исполненіе, былъ простъ: угнетать при каждомъ случаѣ православныхъ, не поддающихся уговорамъ перейти въ католичество, и давать разныя льготы, включительно до уравниванія въ правахъ съ поляками, тѣмъ, которые примутъ католичество. Основною мѣрою для созданія существенной разницы между положеніемъ православныхъ и католиковъ было *отнятіе политическихъ правъ* у православнаго населенія. Наибольше существенны въ то время были права шляхты, управлявшей (хотя и безпутно) государствомъ. Поэтому для русскихъ дворянъ не католиковъ, польскихъ подданныхъ, отнятіе политическихъ правъ было тяжелымъ ограниченіемъ. Поляки рассчитали вѣрно. Преданность вѣрѣ уступила желанію сохранить власть. Православные дворяне первые пошатнулись и стали переходить въ католичество. Простой народъ оказался и въ этомъ случаѣ тверже въ вѣрѣ, чѣмъ верхи его. Историкъ Соловьевъ пишетъ: „Отнятіе политическихъ правъ

у некаатолической шляхты всего болѣе содѣйствовало переходу ея въ католицизмъ“ 1).

Отказываясь временно отъ задачи объединенія русскаго племени и ставя русскому племени къ исполненію другія историческія задачи, наше правительство не сознавало, очевидно, въ должной мѣрѣ ту опасность, которой подвергалось русское населеніе, оставшееся лишнія сто лѣтъ подѣ властью Польши.

Историкъ С. Соловьевъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: „Въ Пруссіи, какъ и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, выработалась вѣрность системѣ, основанной на самосохраненіи и приобрѣтеніи извѣстныхъ выгодъ,—расширенія государственной области и т. п. Эта національная система проводится настойчиво, никакія другія соображенія въ расчетъ не принимаются, все должно быть принесено въ жертву системѣ; политика черезъ это является узкою, своекорыстною, но легкою по своей простотѣ. Россія, введенная Петромъ Великимъ въ общую жизнь европейскихъ народовъ, представляла въ этомъ отношеніи замѣтное различіе. *Россію можно было упрекать въ немилый ясно сознанный національной политики, но крайней мѣрѣ, въ отсутствіи настойчивости въ достиженіи цѣлей этой политики;* можно было упрекать относительно медленности въ возстановленіи полного господства русской народности въ западномъ краѣ и т. п.

„Причины этого явленія можно было искать въ племенномъ и народномъ характерѣ, въ юности русскаго народа, его неразвитости, новости въ общенародной жизни, недостаткѣ просвѣщеннаго взгляда на свои внутреннія и внѣшнія отношенія, въ привычкѣ, сдѣлавши какое-нибудь дѣло, складывать руки, не пользоваться побѣдою. Всѣ эти объясненія въ извѣстной степени могутъ быть приняты; но не должно забывать и того обстоятельства, что Россія, войдя въ XVIII вѣкѣ въ общую жизнь европейскихъ народовъ, принесла такую обширную государственную область, которая не давала развиться въ русскомъ народѣ хищности, желанію чужого, наступательному движенію, а могла развить качества противоположныя и въ своихъ крайностяхъ вредныя: такъ, нежеланіе чужого могло перейти въ невниманіе къ своему и т. д. Русскіе государственные дѣятели, ра-

1) Соловьевъ, т. XXVІ, стр. 129.

Подобные случаи измѣны вѣрѣ отцовъ, чтобы не утратить политическихъ или имущественныхъ правъ, пмѣлись ранѣе и въ другихъ славянскихъ племенахъ. Особенно боснійское дворянство, въ защиту котораго недавно еще часть Европы собиралась воевать съ другою частью и всегда уже слышалось бряцаніе оружія, наиболѣе чувствительно было къ сохраненію своего господствующаго положенія. Поэтому, при завоеваніи Босніи турками, часть боснійскихъ православныхъ дворянъ перешли въ мусульманство, и турки этимъ отступникамъ не только сохранили, но еще расширили права по управленію остальнымъ населеніемъ и сохранили ихъ имущественныя права. Но когда Боснія перешла въ руки Австріи, то по тѣмъ же причинамъ боснійское дворянство стало переходить въ католичество.

зумѣется, не были чужды честолюбія, желанія усилить значеніе Россіи, но для этого они придумывали особыя средства, идиллическія въ глазахъ западныхъ полцитковъ; чуждые стремленія пріобрѣтать что нибудь для себя, расширять свою государственную область, они придумывали союзы съ чисто охранительнымъ значеніемъ, въ которыхъ сильныя государства были вмѣстѣ съ слабыми, и первыя, разумѣется, принимали на себя обязанность блюсти выгоды послѣднихъ, какъ свои собственныя. Таковъ былъ знаменитый *сѣверный аккордъ*, который такъ старался осуществить Панинъ. Въ этотъ сѣверный союзъ должны были войти Россія, Пруссія, Швеція, Англія, Данія, Саксонія; Польша, и если Польша входила въ союзъ, разумѣется, вѣчный и непоколебимый, то почему же не дать ей возможность выйти изъ анархіи и усилиться: этимъ усиленіемъ она будетъ только полезна союзу,—идиллія, приводившая въ бѣшенство Фридриха II-го, который ждалъ перваго удобнаго случая, чтобы попользоваться насчетъ Польши, Саксоніи, Швеціи, Даніи, а тутъ заставляютъ его блюсти ихъ интересы! Такъ же наивно было предполагать, что Англія станетъ любить своихъ союзниковъ, какъ сама себя¹⁾.

Избраніе въ польскіе короли Станислава Понятовскаго.

Толчкомъ къ выходу изъ создавшагося въ Польшѣ положенія послужила смерть въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1763 года польскаго короля Августа III-го. У насъ началась дѣятельность по пріисканію ему преемника, который, обязанный содѣйствию Россіи, обѣщался бы провести въ сеймѣ русскія требованія. Для поддержанія русскаго кандидата, на польской границѣ подготовили къ вступленію въ Польшу войска. Противниками Россіи по польскимъ дѣламъ были сосѣди Польши—Австрія и Пруссія. Екатерина II отступила отъ признававшагося со временъ Петра I наиболѣе выгоднымъ для русскихъ дѣлъ союза съ Австріею и для рѣшенія, сообразно видамъ Россіи, польскихъ дѣлъ начала переговоры о союзѣ съ Фридрихомъ II. Императрицѣ казалось выполнимымъ по турецкимъ дѣламъ дружить съ Австріею, а по польскимъ—съ Пруссіею. Трудность такой политики, при враждѣ между Австріею и Пруссіею и близкомъ участіи Турціи въ польскихъ дѣлахъ, не смущала наше правительство въ виду начавшагося преслѣдованія имъ не русскихъ цѣлей, а общеевропейскихъ въ родѣ „сѣвернаго аккорда“, въ которомъ Пруссія была бы съ Россіею противъ Австріи и Франціи. Плоды такой невыгодной для Россіи политики обозначились позже.

Фридрихъ II, стремившійся послѣ присоединенія къ Пруссіи Силезіи усилить ее польскими землями, особенно Познанью, самъ

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVI, стр 130--131.

пошелъ на встрѣчу предложенію союза. Онъ сообщилъ Екатеринѣ II свое мнѣніе, что она можетъ посадить на польскій престолъ безъ войны кого захочетъ, но лучше взять кандидата изъ рода Пяста. При этомъ онъ высказалъ мнѣніе, что на крики поляковъ обращать вниманія не слѣдуетъ: польскій король можетъ содержать только 7,000 войска.

Одинъ изъ кандидатовъ князь Чарторыйскій просилъ содѣйствія Екатерины присылкою отъ 800 до 1,000 человекъ русскаго войска.

Кромѣ союза съ Пруссіею, велись переговоры по избранію польскаго короля съ Швеціею, Турціею и Австріею, съ которыми и было достигнуто соглашеніе. Англія отвѣтила, что интересы ея въ Польшѣ не затрагиваются, но тѣмъ не менѣе ея резидентъ въ Варшавѣ получилъ приказаніе, чтобы при избраніи новаго короля были соблюдены два условія: свобода подачи голосовъ при избраніи и сохраненіе за Польшею ея областей ¹⁾.

Кандидатомъ на польскій престолъ Екатерина II избрала Понятовскаго. Его поддерживалъ въ Варшавѣ всесплыный еще канцлеръ Репнинъ.

Имѣя право вводить въ Польшу и Литву русскія войска, Репнинъ передъ выборами воспользовался этимъ правомъ.

Екатерина II надѣялась, что Понятовскій согласится рѣшить въ русскіихъ интересахъ два вопроса: диссидентскій и о границахъ ²⁾.

Собранный сеймъ безпрекословно избралъ Понятовскаго. Новый король, получившій имя Станислава-Августа, получилъ въ подарокъ отъ Екатерины 100,000 червошцевъ. Съ своей стороны Понятовскій просилъ поддержки для предположенной имъ борьбы со шляхтою, съ цѣлью усиленія королевской власти и постановки ея внѣ зависимости отъ произвола шляхты. Нѣкоторые изъ польскихъ вельможъ согласились поддержать въ этомъ вопросѣ короля.

Фридрихъ, наоборотъ, писалъ Екатеринѣ II, что надо противиться измѣненію конституціи въ Польшѣ, что если *liberum veto* ³⁾ будетъ замѣнено большинствомъ голосовъ, то Польша станетъ *государствомъ опаснымъ*. Онъ же совѣтовалъ держать войска въ Польшѣ.

Борьба за возвращеніе правъ православнымъ диссидентамъ въ Польшѣ.

Поднятый новымъ польскимъ королемъ по условію съ Екатериной вопросъ о дарованіи правъ диссидентамъ встрѣтилъ на сеймикахъ горячій отпоръ: „поднимался фанатическій крикъ“.

¹⁾ Соловьевъ, т. XXV, стр. 1536.

²⁾ По плану округленія границъ, предложенному Чернышовымъ, къ Россіи отходили полоцкое и витебское воеводства и польская Лифляндія. Граница шла отъ Полоцка на Оршу.

³⁾ Право cadaго шляхтича срывать сеймъ.

Главными противниками облегченія православныхъ были шляхта и католическое духовенство. Епископъ Красинскій, въ одеждѣ странника, ходилъ по Польшѣ, возбуждая ненависть противъ диссидентовъ. Папскій нунцій въ воззваніяхъ къ католическому духовенству раздувалъ пламя ненависти къ православнымъ. Ксендзы эту ненависть передавали массамъ. Королевская власть оказывалась безсильною.

20 апрѣля 1765 года Станиславъ-Августъ писалъ Екатеринѣ II: „Вопреки мнѣнію всѣхъ моихъ совѣтниковъ я поднялъ вопросъ о диссидентахъ, потому что вы этого желали. За это чуть не умертвили примаса въ моемъ присутствіи“¹⁾.

Въ виду безсилія королевской власти въ Польшѣ, между Россіею и Пруссіею былъ подписанъ союзный договоръ, по которому союзники обязывались поддерживать польскихъ диссидентовъ съ цѣлью возстановленія ихъ прежнихъ правъ. Союзники обязывались выставить для поддержки своихъ требованій каждый 10,000 пѣхоты и 2,000 конницы для совмѣстныхъ противъ Польши дѣйствій. Но союзъ этотъ не распространялся на дѣла съ другими державами.

Такъ, въ случаѣ войны Россіи съ Турціею или Крымомъ или войны между Пруссіею и Франціею союзники не помогали другъ другу—своими войсками, но оказывали денежную помощь сторонѣ, начавшей войну, вносямъ 400,000 рублей. Союзъ былъ заключенъ на 8 лѣтъ.

Какъ малы кажутся эти цифры—10,000 войска, 400,000 рублей по современному масштабу, по которому союзники, напр., по вопросу о Босніи и Герцеговинѣ, обязывались бы выставить миллионныя арміи и приготовиться вынести расходы въ нѣсколько миллиардовъ рублей.

Вводъ русскихъ войскъ въ Польшу давалъ право Австріи и Пруссіи тоже ввести свои войска, но Марія-Терезія по этому поводу высказала: „О посылкѣ войскъ въ Польшу я не смѣю и думать, потому что это можетъ вовлечь меня въ новую войну, тогда какъ я еще страдаю отъ ранъ, нанесенныхъ послѣднею войною“²⁾.

Наши требованія относительно диссидентовъ заключались въ томъ, чтобы православные польско-подданные получили не только „полную свободу и безопасность относительно отправленія своей религіи, но получили бы назадъ равныя права съ католиками“³⁾; по словамъ С. Соловьева, „это былъ окончательный расчетъ по сдѣлкѣ Ягайло и послѣдняго изъ его потомковъ“.

Екатерина II въ вопросѣ защиты русскихъ людей въ Польшѣ рѣшила не успокаиваться до тѣхъ поръ, пока русскіе люди не придутъ въ законное положеніе по правамъ и справедливости.

1) А. Виноградовъ „Императрица Екатерина II и западный край“, стр. 38—39.

2) Соловьевъ, т. XXVI, стр. 66.

3) Тамъ же, стр. 131.

Для поддержанія нашихъ требованій Репнинъ пугаль короля арміею въ 40,000 человекъ, собранною на границѣ. Положеніе Станислава, надававшего обѣщаній, чтобы только попасть въ королн, было тяжелое. Поляки, особенно шляхта и духовенство, дружно противились дарованію какихъ бы то ни было правъ православнымъ, и возбужденіе католиковъ было такъ велико, что король опасался повторенія варфоломеевской ночи. Главному противнику Россіи—епископу Солтыку грозили Сибирью и секвестромъ его имѣній.

Составленный и одобренный королемъ проектъ закона о диссидентахъ для внесенія въ сеймъ совершенно не удовлетворилъ Репнина. Въ этомъ проектѣ, напримѣръ, значилось, чтобы диссиденты никогда не были допускаемы къ правительственнымъ должностямъ и гражданскимъ чинамъ. Король и Чарторыйскій, не смотря на данный имъ отпоръ, противились расширенію этихъ правъ. Тогда Репнинъ ввелъ русское войско въ Польшу, но не подѣйствовала и эта мѣра. Сеймъ, собранный на 19 сентября, окончился безъ удовлетворенія требованія державъ о диссидентахъ.

Тогда Панинъ принялъ крутыя мѣры. Главный противникъ русскихъ—епископъ Солтыкъ былъ арестованъ. Другимъ грозили тою же участью. Было образовано особое совѣщаніе по диссидентскимъ дѣламъ, и Панинъ добился согласія членовъ совѣщанія на уступки.

Въ 1767 году въ Слуцкѣ возникъ „союзъ не католиковъ“, который обратился за помощію не только къ Россіи, но и къ протестантскимъ государствамъ, въ томъ числѣ и къ Пруссіи. Екатерина приняла этотъ союзъ подъ свое покровительство ¹⁾.

Наконецъ и король Польши согласился подчиниться требованіямъ Екатерины II, но для проведенія новаго закона требовалось согласіе не только короля, но сеймовъ и сеймиковъ. Тутъ опять возникли серьезныя распри. На сеймикѣ въ Познани чуть не изрубили сторонниковъ русскаго предложенія. Только окруженіе сборища русскими войсками и угроза употребить оружіе спасли этихъ смѣлыхъ сторонниковъ справедливости.

Вводъ въ Варшаву войскъ и объявленіе Репнина, что съ каждымъ противящимся принятію выработаннаго комиссіею закона о диссидентахъ будетъ поступлено, какъ съ врагомъ императрицы, повело къ тому, что сеймъ въ 1768 году уступилъ и постановилъ: а) все законы, изданные съ 1717 года противъ диссидентовъ, отмѣнить, послѣдователямъ греко-россійскаго и евангелическаго вѣроисповѣданій предоставить право свободно отправлять свои богослуженія, строить церкви, заводить училища, присутствовать въ сенатѣ и участвовать въ совѣщаніяхъ сейма, и б) съ россійскимъ дворомъ заключить вѣчный миръ и дружбу, императрицѣ предоста-

¹⁾ А. Виноградовъ „Императрица Екатерина II и западный край“, стр. 39.

вить право оберегать какъ преимущества диссидентовъ, такъ и неприкосновенность основныхъ законовъ „Рѣчи Посполитой“.

Россія, такимъ образомъ, получила полное господство въ дѣлахъ польскаго королевства ¹⁾.

Послѣ этого успѣха русскимъ войскамъ приказано было отходить къ своимъ границамъ.

Барская конфедерація.

Полнаго согласія шляхты въ вопросѣ о правахъ диссидентовъ достигнуто все же не было. Недовольные собрались на конфедерацію въ Барѣ, отказались повиниться своему королю и быстро сформировали отряды, названные конфедератскими. Краковъ явился однимъ изъ центровъ возставшихъ. Ополченіе польской шляхты, кромѣ Галиціи, начало собираться и въ Познани.

Волненіе польской шляхты охватило значительную часть Польши и перешло въ Литву. По просьбѣ польскаго короля, русскимъ войскамъ было приказано усмирить конфедератовъ. Кречетниковъ взялъ Бердичевъ; Апраксинъ овладѣлъ послѣ штурма Баромъ; Прозоровскій разбилъ конфедератовъ у Бродъ; Краковъ былъ взятъ штурмомъ Апраксинымъ и Прозоровскимъ въ іюль 1768 года. Барскіе конфедераты были разсѣяны.

Шли усиленныя дѣйствія и въ Литвѣ, но волненіе все еще не утихало; вмѣсто одной разбитой шайки появлялась другая и положеніе въ странѣ было тяжелое.

Относительно дѣйствій противъ конфедератовъ въ 1768 — 69 годахъ въ „Обзорѣ войнъ“ (часть IV-я) помѣщены слѣдующія строки:

„Неорганизованныя и необученныя шайки конфедератовъ, предводимыя начальниками, вѣчно ссорившимся другъ съ другомъ, невѣжественными въ военномъ дѣлѣ, быстро сдали и разсѣялись, какъ только обратились противъ нихъ русскіе отряды. Но, бѣжавъ изъ однихъ пунктовъ, шайки собирались въ другихъ, вынуждая русскихъ гоняться за ними. Такъ опредѣлилась на польско-литовскомъ театрѣ партизанская война, въ коей конфедераты могли успѣшно утомлять своего непріятеля, не ввязываясь въ рѣшительныя столкновенія. Этому способствовали благопріятныя условія самого театра, а именно: закрытый, пересѣченный, бѣдный путями, бѣдно населенный, съ частью населенія, преданнаго дѣлу конфедераціи.

„Такъ затягивалась борьба, тогда какъ на юго-западной границѣ Россіи подготовлялась борьба съ Турціею. Весною 1769 г., въ отвѣтъ на повелительныя требованія Порты объ удаленіи русскихъ войскъ изъ Польши, русская армія князя Голицына выступила изъ Подолія къ Хотину“.

¹⁾ А. Виноградовъ, стр. 40.

Гайдамацкій бунтъ.

Ревностными пособниками конфедератамъ явились украинскіе уніаты, притѣснявшіе православныхъ на Украинѣ.

„Въ началѣ 1768 года, когда въ Варшавѣ провозглашалось равенство грековъ неуніатовъ съ католиками, Гервасій писалъ Конисскому, что на Украинѣ уніаты продолжаютъ свои мучительства, бьютъ и мучаютъ православный народъ и священство, потому что ни откуда не видятъ страха; насчитывали за послѣднее время 86 насильственныхъ случаевъ. Извѣстія изъ Варшавы о возстановленіи диссидентскихъ правъ поднимали страшную злобу въ уніатахъ, которымъ представлялось, что скоро имъ будетъ месть отъ православныхъ; ругаясь надъ православнымъ священникомъ, обрѣзывая ему волосы и бороду,—одинъ чиновникъ говорилъ:—„Я теперь тебя стригу, а ты, можетъ быть, шкуру будешь съ меня лупить“. Уніаты пророчили себѣ месть—и месть пришла“¹⁾.

Православное населеніе Украины и запорожцы въ свою очередь поднялись за вѣру, и начался такъ называемый гайдамацкій бунтъ. Появился поддѣльный указъ императрицы Екатерины II—подниматься противъ поляковъ за вѣру. Атаманы Желѣзнякъ и Гонта стали во главѣ возставшихъ. Первый изъ нихъ, собравъ партію казаковъ, вторгнулся въ польскія земли за Днѣпръ, поднимая крестьянъ и казаковъ, истребляя поляковъ и евреевъ. На деревьяхъ висѣли вмѣстѣ полякъ, еврей и собака съ надписью: „ляхъ, жидъ, собака—вѣра одинака“.

Гонта соединился съ Желѣзнякомъ и вмѣстѣ осадили Умань. Нѣсколько малодушныхъ польскихъ пановъ, помимо комендата, подписали условія о сдачѣ Умани. Въ нихъ значилось: 1) казаки не будутъ рѣзать католиковъ, шляхту и поляковъ вообще; имѣнія ихъ не тронуть; 2) въ жидяхъ и ихъ имѣніи казаки вольны. Перебивъ всѣхъ евреевъ, возставшіе принялись за поляковъ и перебили и ихъ. Послѣ этого успѣха мелкіе отряды разошлись въ разныя стороны рѣзать шляхту и евреевъ. Начальникъ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ барскихъ конфедератовъ, прекратилъ подвиги Желѣзняка и Гонты, поймавъ ихъ.

Но одинъ изъ гайдамацкихъ отрядовъ, какъ изложено было въ XIV главѣ, въ окрестностяхъ Балты столкнулся съ подчиненнымъ Турціи татарскимъ населеніемъ пограничнаго мѣстечка Галты и разграбилъ его. Этотъ инцидентъ и послужилъ поводомъ къ объявленію Турціею войны Россіи.

Въ исторіи С. Соловьева относительно гайдамацкаго бунта изло-

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVII, стр. 530.

жено мнѣніе польскаго короля Станислава-Августа: „Но удивительно безпристрастно и правдиво отнесся къ явленію король Станиславъ-Августъ въ письмѣ къ Жоффриандъ: „Нѣсколько фанатиковъ стали грозить крестьянамъ нашей Украйны всевозможными бѣдствіями, если они не перестанутъ быть греками неуніатами и не обратятся въ грековъ—уніатовъ, т. е. не перестанутъ объяснять Троицу, какъ объясняютъ ее въ Петербургѣ, и не начнутъ объяснять ее по римскому способу. Судите, могутъ ли несчастные крестьяне тутъ понимать что нибудь? Но этого было достаточно, чтобы возмутить ихъ, а возстаніе этихъ людей не шутка! Ихъ много, они вооружены и свирѣпы, когда возмутятся. Они теперь побиваютъ своихъ господъ съ женами и дѣтьми, католическихъ священниковъ и жидовъ. Уже тысячи человѣкъ побито. Бунтъ распространяется быстро, потому что фанатизмъ религіозный соединяется у нихъ съ жаждою воли. Фанатизмъ греческій и рабскій борется огнемъ и мечомъ противъ фанатизма католическаго и шляхетскаго. Вѣрно одно, что безъ барской конфедераціи этого новаго несчастья не было бы“¹⁾.

*Дѣйствія нашихъ войскъ противъ конфедератовъ въ
1771—72 годахъ. Побѣды Суворова.*

Внутреннее состояніе Польши было настолько тревожно, что сосѣднія государства не могли остаться безучастными къ внутреннему распаду этого нѣкогда славнаго государства и къ дальнѣйшему хозяйничанью въ странѣ шляхты.

Въ концѣ октября 1768 года Репнинъ описываетъ внутреннее состояніе Польши въ слѣдующихъ краскахъ: „Дерзость и наглость возмутителей во всѣхъ частяхъ умножается, а въ великой Польшѣ ежедневные грабежи дѣлаются, и часъ-отъ-часу разныя вновь партіи сихъ грабителей показываются. Доходовъ государственныхъ ни одного золотого, почитай, сюда не допускаютъ, почты перехватываютъ, всѣхъ спокойно живущихъ въ землѣ грабятъ; наши-жь войска сколько за симъ вѣтромъ ни гоняются, но догнать не могутъ и только понапрасну мучатся. Сейма никакой возможности не было держать, имѣя только человѣкъ 30 земскихъ пословъ, которые сюда пріѣхали. Духи не только уныли, но, можно сказать, умерли. И по законамъ невозможно сейма держать, понеже изъ Литвы ни одинъ земскій посолъ не пріѣхалъ. Королю мѣсяца черезъ два опять вѣсть нечего будетъ, ибо доходы всездѣ разграблены и къ нему не доходятъ“. Слово „опять“ означаетъ то, что Репнинъ уже выдалъ Понятовскому значительную сумму денегъ на прокормленіе“²⁾.

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVII, стр. 533.

²⁾ Тамъ же, стр. 524—525.

Власть польскаго короля была совершенно безсильна.

Съ началомъ войны съ Турціею, союзницею польскихъ конфедератовъ, ихъ отряды соединились съ татарами и нападали на нашъ тылъ.

Французское правительство, союзное съ Турціею, тоже вмѣшательство въ польскія дѣла. Къ возставшимъ прибылъ въ 1770 году даровитый полковникъ французскихъ войскъ Дюмурье, съ небольшимъ кадромъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и сталъ во главѣ конфедератовъ. По составленному имъ плану, армія въ 60,000 человекъ должна была начать въ 1771 году рѣшительныя дѣйствія противъ русскихъ. Три большихъ отряда должны были начать одновременно дѣйствія: одинъ изъ восточной Галиціи на сообщенія нашей арміи, дѣйствующей противъ турокъ, другой изъ западной Галиціи противъ Варшавы, третій, подъ начальствомъ Огинскаго, изъ Литвы долженъ былъ наступать къ Смоленску.

Наши отряды на польско-литовскомъ театрѣ, за посылкою войскъ въ армію, дѣйствующую противъ турокъ, составляли такъ называемый польско-литовскій корпусъ, силою въ 12,000—15,000 человекъ.

Первоначально Дюмурье дѣйствовалъ успѣшно. Сформировавъ нѣсколько отрядовъ въ Венгріи, онъ въ началѣ 1771 года появился въ Галиціи, гдѣ и занялъ нѣсколько пунктовъ.

Суворовъ, пытавшійся взять штурмомъ Ландскрону, занятую поляками, былъ отбитъ. Подъ Краковомъ Дюмурье съ 2,000 пѣхоты и 7,000 конницы неожиданно атаковалъ наши войска, овладѣлъ этимъ пунктомъ (кромѣ цитадели), овладѣлъ еще нѣсколькими городами и приступилъ еще къ ихъ укрѣпленію, чтобы образовать базу для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Суворовъ съ отрядомъ въ 3,600 человекъ быстро двигается противъ войскъ Дюмурье.

Нѣсколько штурмовъ русскихъ войскъ на Тынецъ отбиты, но подъ Ландскроною польскія войска, атакованныя на занятой ими укрѣпленной позиціи, были 10 мая разбиты Суворовымъ на голову.

Весь бой окончился въ $\frac{1}{2}$ часа времени. Поляки потеряли 500 человекъ убитыми и два орудія. Дюмурье уѣхалъ во Францію.

Покончивъ съ Дюмурье, Суворовъ, послѣ форсированныхъ маршей, наноситъ въ окрестностяхъ Замостья рядъ ударовъ другому польскому отряду—Пулавскаго. Самъ Пулавскій спасается въ Галицію. Въ 17 дней Суворовъ дѣлаетъ 700 верстъ.

Въ Литвѣ маршалъ литовскій Огинскій, собравъ до 4,000 человекъ, неожиданно нападаетъ, въ ночь на 7 сентября, на нашъ отрядъ силою 1,800 человекъ и разбиваетъ его. Суворовъ 1 сентября быстро двигается изъ Люблина черезъ Брестъ въ Литву съ отрядомъ всего въ 900 человекъ (6 ротъ, 3 эск., 100 казаковъ и 2 орудія) и въ ночь на 12 сентября въ Бѣловѣжской пущѣ, у с. Сталовичи, нападаетъ на отрядъ Огинскаго и разбиваетъ его на голову.

Бой у Сталовичи положилъ начало славы Суворова.

Франція вмѣсто Дюмурье прислала въ Польшу генерала Виомешля.

Воспользовавшись непринятіемъ должныхъ мѣръ предосторожности, поляки атаковали цитадель Кракова, защищавшуюся русскимъ гарнизономъ въ 120 человекъ, и овладѣли ею. Суворовъ съ отрядомъ въ 3,000—4,000 чел. прибылъ къ Кракову и обложилъ его. Осадной артиллеріи у него не было, а дѣйствіе полевой было слабо. Произведенный Суворовымъ штурмъ былъ отбитъ съ большими для насъ потерями. Только въ апрѣлѣ прибыла осадная артиллерія, и гарнизонъ, послѣ бомбардированія, сдался.

Въ августѣ 1772 г. конфедераты сдали послѣдніе укрѣпленные пункты—Ченстоховъ и монастырь Тынецъ. Борьба съ конфедератами была окончена, но она потребовала, вслѣдствіе незначительности нашихъ силъ, четыре года времени ¹⁾.

Первый раздѣлъ Польши.

Въ XV-й главѣ изложена была связь переговоровъ по заключенію мира съ Турціею съ переговорами о первомъ раздѣлѣ Польши. Не довольствуясь защитою въ Польшѣ правъ православнаго населенія, Екатерина II, по настоянію Фридриха II, отказалась отъ своихъ требованій независимости Молдавіи и Валахіи и согласилась на раздѣлъ Польши.

Историкъ Соловьевъ пишетъ:

„Польскія событія и тѣсно связанная съ ними турецкая война привели къ послѣдствіямъ неожиданнымъ—присоединенію Бѣлоруссіи къ великой и малой Россіи“ ²⁾.

Оправдывая неизбежность и законность пріобрѣтенія Россіею Бѣлоруссіи, нашъ маститый историкъ скорбитъ, что одновременно съ нами Пруссія и Австрія безъ пролитія крови, только по праву сильнаго, захватили себѣ тоже куски изъ польскаго наслѣдія.

Авторъ труда „Императрица Екатерина II и западный край“ А. Виноградовъ такъ описываетъ событія, послужившія окончательнымъ поводомъ къ первому раздѣлу Польши ³⁾:

Послѣ побѣдъ Суворова, „воспользовавшись благоприятнымъ случаемъ, Екатерина II возобновила свое требованіе—уравнять права православныхъ съ католиками. Исполненіе такой справедливости къ своимъ же собственнымъ подданнымъ, вѣкъ сомнѣнія, влило бы въ большую Польшу новыя, здоровыя силы, и двѣ славянскія сестры—

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 220—226.

²⁾ Соловьевъ, т. XXVШ, стр. 898.

³⁾ А. Виноградовъ, стр. 48—50.

Россія и Польша постепенно сплотились бы крѣпкими узами дружбы и родства.

„Но близорукіе польскіе политики, возбужденные латинскимъ духовенствомъ, не хотѣли и не смогли понять этого, и еще разъ отклонили требованія русской императрицы.

„Отказъ этотъ глубоко обидѣлъ Екатерину II, подтвердивъ упорство поляковъ и полное безсиліе въ ихъ странѣ королевской власти.

„Римское духовенство, преслѣдовавшее собственныя цѣли, возбуждало во всѣхъ классахъ польскаго населенія ложный патріотизмъ и ложныя религіозныя понятія. Многіе лучшіе польскіе люди видѣли и сознавали пропасть, въ которую безвозвратно толкали міровые политики Рима несчастную Польшу. Но имъ оставалось только сознать; дѣйствовать — своими слабыми, разрозненными силами они не могли, потому что напрасно рисковали бы собою, своими семействами, своимъ имуществомъ. И бѣдная Польша, раздираемая смутами, продаваемая тѣми, кто обязанъ былъ стоять на стражѣ ея интересовъ, уже съ кружительной быстротой летѣла въ пропасть.

„Пользуясь столь благопріятнымъ случаемъ, Фридрихъ II опять возобновилъ вопросъ о раздѣлѣ Польши. На этотъ разъ онъ дѣйствовалъ уже смѣлѣе и энергичнѣе.

„Ультиматумъ иностранныхъ державъ, во главѣ съ Пруссіею, былъ предъявленъ императрицѣ Екатеринѣ II. До ея свѣдѣнія было доведено окончательное рѣшеніе державъ покончить съ этимъ вопросомъ даже и самостоятельно, если Россія откажется отъ участія.

„Екатеринѣ II оставалось только согласиться, и въ 1772 году послѣдовалъ первый раздѣлъ Польши между Россіею, Австріею и Пруссіею“.

Какъ указано было въ XV главѣ, въ трактатѣ о первомъ раздѣлѣ Польши, заключенномъ 25 іюля 1772 года, въ силу особой статьи, Россія отказалась оказывать вліяніе на будущія судьбы Молдавіи и Валахіи, взаменъ чего Пруссія и Австрія обязывались содѣйствовать прекращенію русско-турецкой войны.

По первому раздѣлу Польши Россія приобрѣла древнія русскія воеводства: мстиславское, могилевское, часть полоцкаго и часть минскаго, съ 1.360,000 чел. жителей, въ большинствѣ бѣлоруссовъ.

Въ первыхъ числахъ сентября Чернышовъ, по приказанію Екатерины, принялъ во *владѣніе* Россіи присоединенныя отъ Польши области. Онъ и былъ назначенъ первымъ генераль-губернаторомъ Бѣлоруссіи. Въ составъ генераль-губернаторства вошли двѣ вновь образованныя губерніи псковская и могилевская ¹⁾.

¹⁾ Псковская губернія состояла изъ пяти провинцій: двухъ великорусскихъ — псковской и великолудской и трехъ присоединенныхъ — дьянкой, полоцкой и витебской. Губернія могилевская заключала въ себѣ четыре провинціи: могилевскую, оршанскую, мстиславскую и рогачевскую. (А. Виноградовъ, стр. 51—52).

Мѣры Екатерины II по устройству мѣстностей, перешедшихъ къ Россіи по первому раздѣлу Польши.

Первою мѣрою Екатерины II во вновь присоединенныхъ мѣстностяхъ была раздача земель своимъ вельможамъ: Чернышову, Потемкину, Румянцову, Зоричу и другимъ.

Въ наказѣ, данномъ императрицею новымъ губернаторамъ, было высказано много добрыхъ и либеральныхъ пожеланій, къ сожалѣнію трудно или вовсе невыполнимыхъ, даже и въ настоящее время.

Такъ, губернаторы должны были стараться, чтобы во вновь приобрѣтенныхъ мѣстностяхъ пресѣклись *угнетенія, притѣсненія, несправедливости, разбои, смертоубійства.*

Выше мы видѣли, что и по отношенію къ кореннымъ своимъ подданнымъ ни Екатерина II, ни ея преемники такого порядка не достигли.

Было обнародовано также, что всѣхъ новыхъ подданныхъ „всемилюбивѣйшая государыня изволитъ подтвердить при совершенной и ничѣмъ неограниченной свободѣ въ публичномъ управленіи ихъ вѣры, также и при законномъ каждаго владѣніи имуществомъ“¹⁾.

Въ то же время императрица награждаетъ своихъ новыхъ подданныхъ въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія тѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе ея подданные пользуются.

Получивъ, такимъ образомъ, всѣ права русско-подданныхъ, жители присоединенныхъ мѣстностей,—подобно тому, какъ то было сдѣлано по отношенію къ ранѣе присоединеннымъ мѣстностямъ Финляндіи и балтійскаго края, *сохранили еще и свои особыя привилегіи и льготы;* въ результатѣ и въ этомъ случаѣ вновь присоединенные жители, частью поляки, литовцы, евреи, получили большія въ общемъ права, чѣмъ коренные жители Россіи.

Такъ, указомъ 16 августа 1772 года жителямъ уступленныхъ отъ Польши провинцій было разрѣшено продолжать производить судъ и расправу „по тамошнимъ правамъ и обычаямъ“. Въ городахъ также были сохранены ихъ права и привилегіи.

Въ 1774 году послѣдовало распоряженіе о невзиманіи съ крестьянъ присоединенныхъ мѣстностей подушной подати (которая шла на содержаніе арміи) и винныхъ денегъ.

Въ 1780 году послѣдовало распоряженіе, по которому католикъ, женившійся на православной, воспитывалъ сыновей въ католической, а дочерей въ православной вѣрѣ, а православный, женившійся на католичкѣ, долженъ былъ дочерей воспитывать въ католической вѣрѣ.

¹⁾ А. Виноградовъ, стр. 56.

Проводя принципъ свободы вѣроисповѣданія, императрица Екатерина II первое время упорно добивалась освободить латинское духовенство отъ власти пановъ. Паны протестовали и жаловались Маріи-Терезіи, но Екатерина II не уступила. Въ стремленіи къ независимости ксендзовъ отъ пановъ Екатерина перешла даже границы полезнаго. Такъ, когда послѣдовало распоряженіе папы объ уничтоженіи іезуитскаго ордена, Екатерина не только не разрѣшила обнародовать, это распоряженіе, но, указомъ 6 февраля 1774 года, объявила, что „всякаго ордена духовные, католицкіе и іезуиты въ русскомъ подданствѣ находящіеся, пребываютъ неприкосновенно во всей цѣлости ихъ духовныхъ владѣній и имуществъ“. Хотя при этомъ и внушалось іезуитамъ сохранять вѣроподданный свой долгъ и присягу непорочно, но событія показали, какъ ошибочно и невыгодно было для русскаго племени и православной вѣры это неожиданное покровительство злѣйшимъ врагамъ православной вѣры и русской государственности. Не довольствуясь разрѣшеніемъ іезуитамъ проживать въ Россіи, Екатерина, особымъ приказомъ 16 февраля 1777 года, учредила іезуитскій орденъ „Новиціата“. Хотя православное духовенство въ бѣлорусскихъ мѣстностяхъ на словахъ и приравнивалось къ католическому, но заботы и вниманіе Екатерины были часто на сторонѣ католиковъ, а не православныхъ.

Такъ, въ 1773 году была учреждена особая бѣлорусская католическая епархія, съ назначеніемъ епископу, вмѣстѣ съ консисторіею, по 10,000 рублей ежегодно (по курсу того времени это была очень значительная сумма). Уніатскій епископъ получалъ такую же сумму. Когда же назначили православнаго епископа въ Польшу для защиты православныхъ отъ преслѣдованія латинянь, ему было назначено, вмѣстѣ съ консисторіею и служителями, всего 5,900 рублей.

Историкъ и панегиристъ Екатерины II, А. Виноградовъ, по этому поводу дѣлаетъ такое заключеніе: православному епископу было отпущено вдвое меньше, чѣмъ римско-католическому и уніатскому епископамъ, „что еще разъ подтверждаетъ особую снисходительность императрицы къ инославному духовенству“¹⁾.

Въ 1784 г. Екатерина разрѣшила опредѣлять къ костеламъ иностранцевъ, если они примутъ русское подданство. Екатерина пошла назадъ и въ своей борьбѣ за независимость русской католической церкви отъ папы: въ 1789 г. особымъ указомъ было разрѣшено католическому духовенству принимать и обнародовывать указанія и распоряженія папы.

Въ 1788 г. римско-католическому духовенству разрѣшено было пріобрѣтать недвижимыя имущества. Всѣ эти мѣры помогли поднять католическое духовенство на высоту, до которой православное духовенство въ Бѣлоруссіи и Литвѣ не доходило, оставаясь бѣднымъ и невліятельнымъ.

¹⁾ А. Виноградовъ, стр. 66.

Волненія въ Польшѣ. Дѣйствія русскихъ войскъ въ 1792 году ¹⁾.

Поляки послѣ тяжелаго урока, даннаго имъ первымъ раздѣломъ Польши, не образумились. Религіозное возбужденіе противъ православныхъ продолжалось. Оно особенно усилилось съ прїѣздомъ въ Польшу православнаго епископа, назначеннаго Екатериною.

Напрасно Екатерина II шла на уступки, разрѣшивъ православному епископу Виктору и всему православному духовенству въ Польшѣ принять польское подданство; преслѣдованіе православныхъ все усиливалось.

Уніатскій митрополитъ Смогоржевскій, въ своихъ посланіяхъ къ духовнымъ и гражданскимъ лицамъ, рекомендовалъ для обращенія православныхъ въ унію употреблять силу, въ видѣ экзекуцій, тюремнаго заключенія, лишенія мѣсть.

Епископъ Викторъ былъ арестованъ и просидѣлъ въ заключеніи четыре года.

Въ Бѣлоруссіи, большею частью еще оставшейся за Польшею, православное духовенство и народъ приводились къ присягѣ не только королю, но и мѣстному пану и его преемникамъ.

Одновременно съ преслѣдованіемъ православныхъ, въ Польшѣ уживалось прогрессивное движеніе нѣкоторыхъ передовыхъ людей изъ аристократіи (Игнатія Потоцкаго, Колонтая и другихъ). Сознывая, что при существовавшемъ режимѣ Польша шла къ быстрому паденію, эти патріоты, не смотря на противодѣйствіе консерваторовъ, успѣли на сеймѣ 1791 года провести важныя реформы въ государственномъ устройствѣ. У шляхты было отнято право *liberum veto*; король получилъ исполнительную власть и королевская власть, вмѣсто избирательной становилась наследственной.

9 мая была провозглашена новая конституція. Между тѣмъ по первому раздѣлу Польши неизмѣнность образа правленія въ Польшѣ была гарантирована Россіею. Ожидая разрыва съ нею, поляки стали усиленно готовиться къ войнѣ и вошли въ соглашеніе съ Турціею. Поводомъ къ разрыву могло послужить и требованіе польскаго правительства очистить польскія земли отъ магазиновъ, устроенныхъ для украинской арміи.

Но уже въ слѣдующемъ году приверженцы прежняго устройства, имѣя во главѣ Феликса Потоцкаго и коронныхъ гетмановъ Браницкаго и Ржевускаго, составили конфедерацію въ Тарговицахъ и обратились за помощію къ Екатеринѣ II и къ иностраннымъ державамъ, прося о возстановленіи стараго порядка.

Екатерина II, пока шла война съ Турціею и Швеціею, не трогала поляковъ, но, какъ только былъ заключенъ съ этими державами миръ, отдала приказъ нашимъ войскамъ вступить въ Польшу.

¹⁾ Схема № 14.

Пруссія не противилась этому, потому что была недовольна отказомъ Польши уступить ей Торнъ и Данцигъ въ видѣ вознагражденія при заключеніи съ нею торговаго договора. Австрія, пытавшаяся гарантировать вмѣстѣ съ Пруссіею цѣлость польскихъ земель, было отвѣчено, что, напротивъ, въ интересахъ Пруссіи былъ бы новый раздѣлъ земель Польши.

Въ предъявленной 7 мая 1792 г. сейму деклараціи подробно перечислялись всѣ враждебныя дѣйствія противъ Россіи польскаго правительства и указывалось, что русскія войска вступятъ въ Польшу для возстановленія гарантированныхъ Россіею старинныхъ правъ и вольностей. Другими словами, наши войска шли возстановлять своеволие шляхты, дѣлавшей Польшу слабою!

Очевидно, мнѣніе Фридриха—о томъ, что необходимо поддерживать существовавшій въ Польшѣ образъ правленія, иначе, измѣнивъ его, она можетъ стать опасною,—было усвоено и русскимъ правительствомъ.

Для приведенія Польши къ покорности было назначено 100,000 русскихъ войскъ, которыя должны были одновременно вторгнуться: Коховскій съ 65,000 чел. черезъ Подолію и Кречетниковъ съ 32,000 чел. со стороны Литвы ¹⁾. Поляки могли выставить противъ этихъ силъ 45,000 чел. дурно предводимаго и дурно обезпеченнаго ополченія.

Польскія войска сосредоточились: 20,000 чел. въ Подоліи, 10,000 чел. въ Дубно и 15,000 чел. въ Литвѣ.

Въ мартъ 1792 года Коховскій началъ движеніе войскъ, расположенныхъ большею частью между Днѣстромъ и Бугомъ и частью у Кіева. Съ приближеніемъ нашихъ войскъ, поляки отступали. Только въ окрестностяхъ Заслава произошло нѣсколько болѣе серьезныхъ столкновеній, съ потерями въ каждой изъ сторонъ до 800 человекъ. Въ іюль мѣсяцъ Люблинъ и Брестъ были заняты, поляки отброшены за Вислу, и войска Коховскаго вступили въ связь съ войсками Кречетникова. Эти войска, собравшись у Двинска, Полоцка и Рогачева, тѣснили безъ боя находившіяся противъ нихъ польскія войска и отбросили ихъ за р. Бугъ и далѣе къ Варшавѣ.

Видя невозможность сопротивляться, король 13 іюля вмѣстѣ съ арміею присоединился къ рѣшенію Тарговицкой конфедераціи. Конституція 3 мая была отмѣнена.

Второй раздѣлъ Польши.

Послѣ долгихъ переговоровъ съ державами, 9 апрѣля 1793 года состоялся второй раздѣлъ Польши, по которому къ Россіи отошли часть сѣверо-западнаго края, составляющая нынѣ минскую губер-

¹⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 231--235.

лію и восточную часть виленской губерніи, Волинь и Понолія. Это были старинныя земли, принадлежавшія нѣкогда Россіи, „единоплеменниками ея населенныя и созданныя и единую вѣру съ ними исповѣдующія“.

Польское правительство обязалось не заключать безъ вѣдома Россіи съ кѣмъ либо союзовъ и мѣнять что либо во внутреннемъ устройствѣ. Число войскъ въ Польшѣ не должно было превосходить 15,000 человекъ.

Къ Пруссіи по второму раздѣлу отошли воеводства Познань, Калишъ, Гнезенъ, Торнъ и Данцигъ.

Благодаря принятымъ на этотъ разъ мѣрамъ, православное населеніе во вновь присоединенныхъ мѣстностяхъ вздохнуло свободнѣе. Насильственно обращенные въ унию и католичество стали возвращаться въ православіе. Въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ второго раздѣла въ православіе перешло около 600,000 человекъ.

Возстаніе въ Польшу и Литву.

Въ 1793 году былъ собранъ чрезвычайный сеймъ въ Гроднѣ, который долженъ былъ признать уступку указанныхъ выше земель Россіи. Сеймъ уступилъ этому требованію, и договоръ съ Россіею былъ заключенъ; но сеймъ рѣшительно отказался заключить такой же договоръ съ Пруссіею, къ которой отходили коренныя польскія земли, не смотря на угрозу прусскаго посла открыть военныя дѣйствія. Русскій уполномоченный Сиверсъ оказывалъ прусскому послу дѣятельное содѣйствіе и даже приказалъ арестовать четырехъ наиболѣе упорныхъ депутатовъ.

Не желая уступать явному надъ ними насилію, депутаты сейма рѣшились не отвѣчать вовсе на запросы о договорѣ съ Пруссіею. Произошло „нѣмое“ засѣданіе. Такъ депутаты молчали день и всю ночь. Имъ было объявлено, что они не выйдутъ изъ зала, пока не дадутъ прямого отвѣта. Въ три часа утра сеймъ уступилъ, но заявилъ протестъ противъ сдѣланнаго надъ нимъ насилія.

Очевидно, уступки, сдѣланныя при такихъ условіяхъ, не могли считаться польскими патріотами обязательными для нихъ. Дѣйствительно, Польша быстро стала покрываться тайными обществами, имѣвшими цѣлью освобожденіе отъ русскаго и прусскаго давленія и созданіе сильной, независимой Польши. Сторонники конституціи 3 мая 1791 года, укрывшіеся за границую, поддерживали возбужденіе умовъ. Толчкомъ для взрыва послужило приведеніе въ исполненіе условія договора о роспускѣ польскихъ войскъ, за исключеніемъ лишь 15,000 чел. Въ польскихъ войскахъ, предназначенныхъ къ расформированію, обнаружилось открытое неповиновеніе. Конная бригада Мадалинскаго въ полномъ составѣ выступила съ своихъ

квартиръ между Бугомъ и Наревомъ къ Кракову, который былъ намѣченъ центромъ для сбора польскихъ силъ при возстаніи. Тамъ уже находилась другая польская бригада Маугета. Русскій гарнизонъ (2 бат., 3 эск. и сотня) очистилъ Краковъ. Когда въ Краковъ прибылъ Костюшко, 13 марта 1794 года было объявлено общее возстаніе, и Костюшко провозглашенъ командующимъ всѣми польскими силами.

Русскій отрядъ Денисова, гнавшійся за бригадою Мадалинскаго, не принялъ мѣръ предосторожности. Авангардъ Тормасова, 2½ бат., 6 эск. и казачій полкъ, былъ атакованъ и разбитъ поляками у д. Рацлавницы. Нѣсколько знаменъ и орудій достались въ руки поляковъ ¹⁾. Эта побѣда, сильно преувеличенная, передавалась по всей Польшѣ, возбуждала надежды и толкала къ возстанію нерѣшительныхъ. Въ Краковъ стали быстро собираться отряды повстанцевъ и цѣлыя польскія части.

Въ Варшавѣ, гдѣ находился русскій гарнизонъ въ составѣ 5,000 человекъ, разбросанныхъ по квартирамъ, мѣръ предосторожности не принималось, не смотря на приходившія къ начальнику гарнизона Игельстрому со всѣхъ сторонъ извѣстія о возстаніи. 20,000 вооруженныхъ жителей и войскъ 6 апрѣля, ранѣе разсвѣта, напали врасплохъ на русскія войска. Съ большими потерями часть гарнизона успѣла пробиться и зъ города и отошла къ Закрочиму. Звѣрство поляковъ было такъ велико, что 500 безоружныхъ солдатъ, находившихся въ церкви и говѣвшихъ въ этотъ день, были перерѣзаны въ церкви. Всего русскія войска потеряли до 3,000 чел. и 40 орудій ²⁾.

Въ Вильнѣ, въ страстную субботу, по сигналу пушечнымъ выстрѣломъ тоже произошла рѣзня русскихъ войскъ. Часть взята въ плѣнъ сонными. Командовавшій войсками Арсеньевъ былъ арестованъ; однако полковникъ Тучковъ собралъ нѣкоторыя части и пытался бомбардировать Вильну, но, въ виду превосходства польско-литовскихъ силъ, долженъ былъ отступить въ Гродну.

Дѣйствія нашихъ войскъ въ 1794 году. Побѣды Суворова и Ферзена. Штурмъ Праги (схема № 15).

Возстаніе становилось серьезнымъ. Русскіе потеряли въ первые дни общей растерянности, какъ указано выше, до 5,000 чел., знамени и свыше 40 орудій.

Охвативъ Литву, возстаніе проникало и въ мѣстности, доставшіяся, по первому раздѣлу Польши, Австріи и Пруссіи. Возстанов-

¹⁾ А. Петрушевскій „Генералиссимусъ князь Суворовъ“, т. II, стр. 46.

²⁾ Тамъ же, стр. 46.

леніе Польши въ прежнихъ предѣлахъ, отъ моря до моря, одинаково угрожало какъ Россіи, такъ Австріи и Пруссіи. Поэтому между правительствами этихъ государствъ состоялось соглашеніе о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ для подавленія возстанія.

Съ русской стороны для дѣйствій противъ поляковъ было назначено около 55,000 войскъ, раздѣленныхъ на три группы: въ краковскомъ и сандомирскомъ воеводствахъ находилось около 13,000 чел. подъ начальствомъ Ферзена, смѣнившаго Игельстрома. Въ Литвѣ мы имѣли отъ 23,000 до 25,000 чел. и изъ южной арміи направлено было черезъ Владиміръ-Волинскъ 19,000 чел. подъ начальствомъ Дерфельдена. Общее начальство надъ русскими войсками поручено было князю Репнину.

Пруссаки, въ числѣ до 35,000 чел., подъ личнымъ начальствомъ прусскаго короля, появились въ краковскомъ воеводствѣ и соединились съ отрядомъ Денисова.

Польскія войска были расположены: Костюшко съ 20,000—25,000 чел. въ Краковѣ, Заіончекъ съ 20,000 чел. въ модлинскомъ воеводствѣ Грибовскій съ 12,000 чел. близъ Вильны.

26 мая русско-прусскія войска атакуютъ на укрѣпленной позиціи у с. Шекоцинъ войска Костюшко, берутъ позицію, но Костюшко не разстроивъ своихъ войскъ, отводитъ ихъ въ Варшаву, гдѣ энергично приступаетъ къ организаціи обороны ея.

Дерфельденъ разбиваетъ у Холма Заіончека, который тоже отходитъ къ Варшавѣ. Краковъ сдается. Русско-прусскія войска (35,000 пруссаковъ и 12,000 чел. Ферзена), подъ начальствомъ короля, медленно подступаютъ къ Варшавѣ и приступаютъ къ блокадѣ ея.

Уже послѣ того, какъ краковское воеводство было очищено отъ польскихъ войскъ, а Холмъ и Люблинъ заняты нашими войсками, появились въ іюлѣ австрійскія войска, которыя безъ боя и заняли воеводства краковское, холмское, люблинское и сандомирское. Дерфельденъ получилъ приказаніе очистить Холмъ и Люблинъ и отойти къ Бресту.

Намѣчая Варшаву, какъ свою долю въ новомъ и окончательномъ дѣленіи Польши, прусскій король скорѣе демонстрировалъ подъ Варшавою, чѣмъ серьезно дѣйствовалъ. Въ прусскихъ войскахъ развились болѣзненность и дезертирство. Въ запасахъ былъ большой недостатокъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что польскіе партизаны появились на сообщеніяхъ прусскихъ войскъ съ Торномъ, войска эти были отведены въ прусскіе предѣлы. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, повидимому, предпочиталъ получить Варшаву послѣ взятія ея русскими.

Въ Литвѣ дѣйствія также велись вяло. 11 августа была взята Вильна, но возстаніе было еще далеко не погашено. Явилось пред-

положеніе отложить усмиреніе возстанія до будущаго года. „Войска и отряды помышляли о зимнихъ квартирахъ. Но прибытіе на театрѣ дѣйствій Суворова круто и быстро измѣняетъ положеніе дѣлъ“ ¹⁾.

Отпросившись изъ арміи Румянцова, Суворовъ, послѣ ряда форсированныхъ маршей съ отрядомъ изъ 11 бат., 43 эск., 16 ор., 5-ти казачьихъ полковъ, сосредоточивается въ Ковелѣ и, давъ два дня отдыха для исправленія обоза и сбора продовольствія, 31 августа продолжаетъ движеніе къ Бресту. По слухамъ, польскія войска, сосредоточивъ до 20,000 чел. подъ Брестомъ, готовились перейти въ наступленіе.

Начальствовали польскими войсками Сѣраковскій. У Кобрина былъ разбитъ и почти уничтоженъ авангардъ Сѣраковского, а 6 сентября войска Суворова наносятъ рѣшительное пораженіе у дер. Крупчицы и главнымъ его силамъ. Поляки потеряли до 3,000 чел., русскіе 325 чел. ²⁾; 8 сентября 6,000 регулярныхъ войскъ и 10,000 косиньеровъ, защищавшихъ подступы къ Бресту, разбиты вновь и почти уничтожены. Сѣраковскій спасается въ Варшаву съ остатками своего отряда въ 1,000 человекъ.

Овладевъ Брестомъ, Суворовъ получилъ приказаніе остановиться тамъ. Эта остановка длится около мѣсяца и проходитъ въ заботахъ объ устройствѣ магазиновъ, обезпеченіи сообщенія съ австрійскими войсками и въ обученіи войскъ.

Послѣ успѣховъ Суворова въ Петербургѣ явилась надежда на болѣе быстрый ходъ военныхъ дѣйствій. Репнинъ получилъ подкрѣпленіе. Войскамъ приказано было скорѣе очистить Литву и стягиваться къ Вислѣ для обезпеченія края и *занятія зимнихъ квартиръ*. Высочайшее повелѣніе дополнялось выраженіемъ желанія, чтобы *„при въроятности успѣха было произведено внезапное нападеніе на Варшаву“*.

Костюшко, рѣшивъ воспользоваться остановкою въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, сталъ готовиться къ рѣшительному наступленію къ Бресту съ цѣлью разбить Суворова. Но еще ранѣе движенія противъ Суворова ему пришлось выступить противъ Ферзена, прибывшаго со своимъ отрядомъ къ Вислѣ (у Козеницъ).

29 сентября у с. Маціовицы корпусъ Костюшко въ 10,000 чел. былъ атакованъ Ферзеномъ съ 12,000 чел. Послѣ упорнаго боя, очень искусно веденнаго Ферзеномъ, окруженные русскими поляки были разбиты. Тяжело раненый Костюшко и 3,000 поляковъ взяты въ плѣнъ. Русскіе потеряли 1,300 человекъ.

Не смотря на отсутствіе прямыхъ указаній Репнина и изъ Петербурга, Суворовъ по своей инициативѣ рѣшается, пользуясь побѣ-

¹⁾ „Обзоръ войнъ“ ч. IV, стр. 238—239.

²⁾ А. Петрушевскій „Генералиссимусъ кн. Суворовъ“, т. II, стр. 59.

дою Ферзена, двинуться къ Варшавѣ и нанести рѣшительный ударъ возстанію, овладѣвъ этимъ пунктомъ.

Ферзенъ и Дерфельденъ получаютъ приказаніе двигаться къ Прагѣ. При этомъ Дерфельденъ былъ подчиненъ не Суворову, а непосредственно Репнину. Что касается Ферзена, то распоряженіемъ Репнина онъ находился подъ командою Суворова. Передъ полученіемъ донесенія Суворова о предположенномъ имъ движеніи на Прагу, Репнинъ уже собирался кончать кампанію и въ этомъ смыслѣ отдалъ приказаніе Дерфельдену. Поэтому Дерфельденъ былъ въ недоумѣніи, кого слушать, но, какъ храбрый хорошій солдатъ, рѣшилъ слушаться Суворова, о чемъ и донесъ Репнину. Репнинъ самъ былъ въ недоумѣніи относительно правъ Суворова по распоряженію подчиненными ему—Репнину войсками и писалъ въ Петербургъ военному министру, что „не знаетъ, самъ ли командуетъ или отданъ подъ команду“ и просилъ: „ради Бога, разведите насъ, раздѣлите между нами войска“¹⁾.

Но авторитетъ Суворова уже былъ такъ высокъ, а школа, пройденная нашими войсками, такъ хороша, что распоряженія Суворова по движенію впередъ въ бой, въ отмѣну распоряженій стать на зимнія квартиры, были выполнены начальниками безъ возможнаго, при неясности командныхъ правъ Суворова, тренія.

14 октября Суворовъ соединился съ Ферзеномъ, а 15 октября атаковываетъ польскій авангардъ въ 4,000 чел., занявшій сильную позицію у Кобылки. Первоначально атака производится 1,500 чел. спѣшенной конницы, но не успѣшно. Къ мѣсту боя прибываетъ самъ Суворовъ. Пѣхота, слѣдуя по дурнымъ дорогамъ, очень растянулась. Дождавшись сбора всей конницы, онъ спѣшиваетъ ее и посылаетъ въ атаку. „Спѣшенные эскадроны, сотни и полки съ палашами и саблями на голо бросаются на поляковъ, гонятъ ихъ и разбиваютъ на голову“²⁾.

По описанію А. Петрушевскаго, конница въ первомъ періодѣ боя дѣйствовала преимущественно въ конномъ строю и только окончательныя атаки въ двухъ случаяхъ были произведены спѣшенными драгунами. Два егерскихъ баталіона приняли также участіе въ бою. Въ рукахъ русскихъ осталось 9 орудій и одно знамя. Плѣнныхъ взято свыше 1,000 человекъ. Мы потеряли 153 человекъ убитыми и ранеными³⁾.

¹⁾ А. Петрушевскій, т. II, стр. 84.

²⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 242.

³⁾ Употребленіе Суворовымъ конницы въ спѣшенномъ строю противъ пѣхоты, расположенной на сильной позиціи, вызвало крѣпкую нѣкоторыхъ военныхъ писателей. Одинъ изъ нихъ писалъ: „Суворовъ слѣзая самое жалкое употребленіе изъ своей конницы, вваливъ одну часть ея въ болото, а другую—заставивъ спѣшиться и атаковать съ одними саблями пѣхоту, находившуюся въ лѣсной засадѣ“ (А. Петрушевскій, ч. II, стр. 97).

Суворовъ спѣшилъ окончить дѣло подъ Кобылкою, ибо непріятель могъ легко получить подкрѣпленіе. А. Петрушевскій даетъ слѣдующее объясненіе рѣшимости Суворова атаковать поляковъ одною конницею: „Что другое могъ сдѣлать Суворовъ, не рискуя упустить противника? Артиллерія его уступала польской или числомъ, или калибромъ, или тѣмъ и другимъ; пѣхота не могла поспѣть; оставалось атаковать конницею. Въ Турціи онъ поступалъ иначе. Не особенно опасаясь ни пѣхоты, ни артиллеріи, онъ долженъ былъ беречься только лихой турецкой кавалеріи и потому атаковалъ обыкновенно пѣхотой, въ колоннахъ или каре, со стрѣлками впереди или по флангамъ. Въ Польшѣ ему болѣе всего былъ опасенъ огонь артиллеріи; кавалерія же, а тѣмъ паче пѣхота, опасеній не внушали, такъ какъ его собственная конница была не ниже, а пѣхота несомнѣнно выше польской. Кавалерійская атака оказывалась такимъ образомъ наиболѣе соотвѣтственной и по быстротѣ, и по своему почти разсыпному строю, особенно у конницы Суворова“¹⁾.

Прибавимъ, что и противъ турокъ въ бою подъ Рымникомъ Суворовъ послалъ конницу *въ конномъ строю на окопы турокъ*. и конница взяла ихъ. Это уже послѣ Суворова командиры нашей конницы стали настолько бояться потерь отъ ружейнаго и артиллерійскаго огня, что предпочитали бездѣйствовать во время сраженій, все ожидая случая ударить на *разстроенаго противника*. Случаевъ такихъ часто не было, и въ то время, когда пѣхота теряла почти половину своего состава, кавалерійскіе и казачьи полки или вовсе не имѣли потерь, или имѣли ихъ по нѣсколько человекъ на полкъ. (Дѣйствія конницы въ Крыму въ 1855 году, въ Турціи подъ Плевною въ 1877 году и подъ Мукденомъ въ 1905 году).

19 октября въ лагерь у Кобылки прибылъ корпусъ Дерфельдена. Всего подъ начальствомъ Суворова собралось 30,000 чел., въ рудій. томъ числѣ 18,000 пѣхоты, 7,000 конницы, 5,000 казаковъ и 86

22 октября войска тремя колоннами „съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкой подошли къ Прагѣ и, отбросивъ передовые посты, стали лагерями“²⁾.

Укрѣпленія поляковъ у Праги еще не были готовы. Вавржецкій, замѣнившій Костюшко, былъ противъ обороны Праги. Населеніе Варшавы уже пало духомъ и, вмѣсто 20,000 вооруженныхъ жителей, прислало на помощь войскамъ 2,000 человекъ. Большинство жителей не хотѣли продолжать войны и только не рѣшались, кому сдать городъ: русскимъ или пруссакамъ? Но лица, ставшія во главѣ польскаго правительства, настояли на оборонѣ Праги, рассчитывая, что Суворовъ не отважится на штурмъ и приступитъ къ осадѣ, которая за позднимъ временемъ затянется.

¹⁾ А. Петрушевскій, ч. II, стр. 96.

²⁾ Схема № 15.

Всего для защиты пражскихъ укрѣпленій поляки выставили до 30,000 чел. и до 100 орудій.

Суворовъ произвелъ съ начальниками частей нѣсколько рекогносцировокъ, зналъ настроеніе жителей, вѣрилъ въ полное превосходство своихъ войскъ и, не имѣя осадной артиллеріи для осады и достаточно войскъ для блокады, рѣшился овладѣть Прагою штурмомъ.

Для отвлеченія вниманія противника отъ готовящагося штурма во всѣхъ колоннахъ было приступлено къ устройству батарей и къ 23 октября всѣ 86 орудій уже были расположены на этихъ батареяхъ.

Распоряженія по войскамъ относительно производства штурма изложены у А. Петрушевскаго такъ ¹⁾: „Всѣ приготовленія къ штурму въ русской арміи были уже окончены; выбраны въ полкахъ стрѣлки, назначены рабочіе, розданъ шанцевый инструментъ, объявленъ по войскамъ приказъ. Приказъ этотъ прочитанъ въ полкахъ вечеромъ 23 числа, до трехъ разъ, чтобы каждый солдатъ подтверже его запомнилъ. Въ приказѣ сказано, чтобы полки строились въ колонны по ротн, стрѣлки впереди, съ ними рабочіе; людямъ съ шанцевымъ инструментомъ, подъ начальствомъ особаго офицера, быть на правомъ флангѣ колоннъ. У рабочихъ ружья черезъ плечо на погонномъ ремнѣ. Идти въ тишинѣ, ни слова не говорить; подойдя же къ укрѣпленію, быстро кидаться впередъ, бросать въ ровъ фашишки, спускаться, приставлять къ валу лѣстницы, а стрѣлкамъ бить непріятели по головамъ. Лѣзть шибко, пара за парой, товарищу оборонять товарища; коли коротка лѣстница,—штыкъ въ валъ, и лѣзъ по немъ другой, третій. Безъ нужды не стрѣлять, а бить и гнать штыкомъ; работать быстро, храбро, по-русски, Держаться своихъ въ середину, отъ начальниковъ не отставать, фронтъ вездѣ. Въ дома не забѣгать, просящихъ пощады—щадить, безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать, малолѣтковъ не трогать. Кого убьютъ—царство небесное; живымъ—слава, слава, слава“.

Самый штурмъ Праги въ сжатомъ видѣ изложенъ въ „Обзорѣ войнъ“ такъ ²⁾: „Къ 4½ часамъ утра (24 октября) войска въ 7 колоннахъ должны были собраться въ указанныхъ мѣстахъ, а затѣмъ, по сигналу изъ трехъ ракетъ, двинуться на штурмъ ³⁾“.

„Четыре колонны направились (I, II Дерфельдена, III, IV Потемкина) на сѣв. фронтъ, при чемъ I (Ласси) должна была идти бере-

¹⁾ А. Петрушевскій „Генералиспмусъ кн. Суворовъ“, ч. II, стр. 109.

²⁾ „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 245—246.

³⁾ „Каждая колонна состояла изъ 5—6 бат. пѣхоты, 3—5 эск. спѣшенной конницы, а нѣкоторыя. имѣли еще кошныя эскадроны. Порядкомъ движенія колонны: впереди 128 стрѣлковъ, затѣмъ 272 рабочихъ съ штурмовыми принадлежностями, 30 чел. съ шанцевымъ инструментомъ, главные силы пѣхоты—баталіоны въ дивизионныхъ колоннахъ, а нѣсколько позади резервъ изъ 2 бат. пѣх., спѣшенныхъ эскадроновъ и эскадроновъ въ конномъ строю“.

гомъ въ обхватъ непріятеля отъ моста, IV (Буксгевдена) атаковать Песочную гору и звѣринець; конница Поливанова на обоихъ флангахъ наступленія и II и III колонны поддерживаютъ сосѣдей; двѣ колонны (V и VI Ферзена), двинувшись получасомъ позже ракетнаго сигнала, штурмуютъ восточный фронтъ по кратчайшему направленію къ мосту; VII колонна Денисова направлена южнѣ по берегу Вислы въ направленіи къ мосту, на соединеніе съ колонною I. Занявъ ретраншанментъ, пѣхота должна разработать проходы для конницы и артиллеріи. Казаки распределены частью по фронту для развлеченія вниманія обороняющагося (они должны были подѣзжать къ валамъ близъ звѣринеца и кричать ура), частью наблюдали фланги и тылъ.

„Почью на 24 октября колонны тихо подошли къ назначеннымъ исходнымъ пунктамъ для штурма, а въ 5 час. утра, еще до разсвѣта, по сигнальнымъ ракетамъ, двинулись на приступъ, все также въ полной тишинѣ, но прибавивъ шагу. Поляки оказались совсѣмъ неготовыми къ встрѣчѣ, и штурмующіе, почти съ налета, сразу овладѣли укрѣпленными участками. Черезъ 1½ часа по началѣ штурма валъ былъ въ рукахъ русскихъ, встрѣтившихъ нѣсколько болѣе упорное сопротивленіе на Песочной горѣ и у звѣринеца. Но далѣе, когда вступили въ пражское предмѣстье, то на улицахъ разгорѣлся ожесточенный бой, въ коемъ приняло участіе населеніе, не исключая женщинъ. Въ 9 часовъ утра занята Прага; мостъ былъ разломанъ съ обоихъ концовъ, у праваго берега русскими. На этомъ берегу Вислы были выставлены батареи, которыя начали обстрѣливать Варшаву. Наконецъ, около полудня къ Суворову явилась депутація и Варшава сдалась, а послѣ того, черезъ мѣсяць, положили оружіе польскія войска“ ¹⁾.

Со стороны польскихъ войскъ сопротивленіе было только въ отдѣльныхъ случаяхъ упорное. Всѣ семь штурмовыхъ колоннъ преодолѣли искусственныя препятствія и овладѣли валомъ, не бывъ нигдѣ остановлены огнемъ или контръ-атакою. Но уже въ улицахъ Праги со стороны поляковъ было проявлено много геройства. Такъ, генераль Ясинскій, горячій патріотъ и сторонникъ упорнаго боя за Прагу, заявлялъ передъ боемъ, что не вернется въ Варшаву вовсе или вернется побѣдителемъ, и сдержалъ слово: онъ былъ убитъ въ рукопашномъ бою, отражая съ саблею въ рукѣ натискъ русскихъ. Отлично сражался 5-й польскій полкъ и нѣкоторые другіе. Но многіе полки, послѣ потери вала, отступили въ полномъ безпорядкѣ. Есть указанія, что полкъ, составленный изъ евреевъ, тоже сражался весьма храбро и въ составѣ 500 человекъ почти весь погибъ ²⁾.

¹⁾ „Потери поляковъ при штурмѣ опредѣляютъ 9,000--10,000 чел. убитыми и утонувшими, 11,000--13,000 чел. ранеными. Русскія войска потеряли около 3,000 чел., въ томъ числѣ 300--450 чел. убитыми. Такое кровопролитіе не входило въ расчеты Суворова и было послѣдствіемъ случайности—уличнаго боя.

²⁾ А. Петрушевскій, т. II, стр. 116.

Послѣ овладѣнія первымъ и вторымъ ретраншаментами войска овладѣли валомъ, окружавшимъ Прагу со стороны р. Вислы, и отрѣзали польскія войска и населеніе отъ Варшавы.

Такъ какъ жители Праги тоже оказывали сопротивленіе, стрѣляя изъ оконъ, бросая камни, то во время ожесточеннаго боя на улицахъ погибло много и жителей.

Суворовъ, опасаясь, что ожесточенныя боемъ войска ворвутся въ Варшаву и произведутъ тамъ рѣзню, самъ приказалъ зажечь мостъ, соединявшій Прагу съ Варшавою.

Въ реляціи Суворова потери поляковъ опредѣлены въ 13,340 чел. убитыхъ, 12,860 чел. плѣнныхъ и болѣе 3,000 чел. потонувшихъ; взято 104 орудія; потерю русскихъ Суворовъ опредѣляетъ въ 1,500 человекъ убитыми и ранеными

Потерю русскихъ А. Петрушевскій считаетъ до 2,000 чел. Число убитыхъ поляковъ онъ считаетъ вмѣстѣ съ утонувшими до 11000—13,000 чел.

Описаніе штурма Праги А. Петрушевскій заканчиваетъ слѣдующими строками: „Прагскій штурмъ имѣетъ историческое значеніе несравненно выше измаильскаго. Революція была вырвана, война была подсѣчена въ самомъ корнѣ. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, полученнымъ Суворовымъ нѣсколько времени спустя, восводства публинское и сандомпрское и вся Галиція готовились къ возстанію, для чего назначенъ былъ день въ первыхъ числахъ ноября, но взятіе Праги съ его послѣдствіями разрушило инсуреціонный планъ. Этотъ кровавый штурмъ, происходившій на глазахъ варшавянъ, навелъ ужасъ на польскую столицу, вселилъ въ нее трепетъ, по свидѣтельству самихъ поляковъ. Населеніе Варшавы ждало той же участи отъ безжалостнаго побѣдителя. Нравственныя и матеріальныя силы инсуреціонной Польши были сломлены. Суворовъ достигъ своей цѣли, пролилась рѣка крови, но устранялось хроническое кровопролитіе затягивающейся войны. Не прошло сутокъ послѣ прагскаго побоища, и въ русскомъ лагерѣ явилось посольство отъ капитулирующей Варшавы“¹⁾.

Третій раздѣлъ Польши.

Послѣдствіемъ побѣды Суворова было прекращеніе возстанія, а затѣмъ прекращеніе существованія независимой Польши. Король Станиславъ-Августъ отказался отъ престола, главные руководители возстанія укрылись за границею.

Послѣ переговоровъ Россіи, Пруссіи и Австріи, 13 октября 1795 года послѣдовалъ третій раздѣлъ Польши. Къ Россіи отошли западная часть Бѣлоруссіи и восточная часть Литвы до р. Нѣмана, за исключеніемъ бѣлостокской области. Нынѣ эти мѣстности составляютъ

¹⁾ А. Петрушевскій, т. II, стр. 125.

губерніи виленскую, гродненскую и ковенскую. По этому же раздѣлу къ Россіи была присоединена часть Малороссіи до западнаго Буга ¹⁾).

Австрія по третьему раздѣлу получила краковское и сандомирское воеводства, а Пруссія—остальную часть Польши съ Варшавою.

Изъ присоединенныхъ въ сѣверо-западномъ краѣ по третьему раздѣлу областей Екатерина II образовала литовское генералъ-губернаторство подъ управленіемъ князя Репнина. Поляки, входившіе въ составъ населенія этого новаго владѣнія Россіи, обратились къ Екатеринѣ II, прося ее принять титулъ польской королевы.

Великая государыня такъ объясняла свой отказъ (въ письмѣ къ барону Гримму въ сентябрѣ 1795 года): „При раздѣлѣ я не получила ни одной пяди польской земли, а Червоная Русь, кievское воеводство, Подолия, Волынь съ главнымъ городомъ Владиміромъ и у поляковъ носили тѣ-же названія. Владиміръ былъ основанъ княземъ Владиміромъ въ 992 г., а Литва и Самогитія никогда не составляли частей Польши. Если же мнѣ не принадлежитъ ни одной пяди польской земли, то я не могу принять и титула польской королевы. Сверхъ того, коль скоро у націй отнято и самое имя, то, по моему мнѣнію, она это заслужила, потому что сама нарушила договоры, упрочивавшіе ея государственное существованіе, не принимала ничьихъ совѣтовъ и, наконецъ, дошла до такого разъединенія, что нельзя было найти двухъ человекъ, которые въ чемъ бы то ни было согласились между собою, и т. д. Вотъ вамъ поляки! Они даже не знаютъ, что я не владѣю ни единой пядью польской земли, а сами предлагаютъ мнѣ быть ихъ королевой. Передъ тѣмъ они просили у меня внука, у прусскаго короля сына, у вѣнскаго двора эрцгерцога, а у себя ставили законъ, чтобы королю быть только изъ рода Пястовъ. Вѣдь это бессмыслица, хотя все это у нихъ какъ то легко укладывается“ ²⁾.

Но и въ этихъ мѣстностяхъ Екатерина II особо заботливо отнеслась къ католическому духовенству, наиболѣе, въ сущности, виновному въ бывшемъ возстаніи.

Были основаны двѣ римско-католическія епархіи, повелѣно было *привести въ благоустройство костелы великаго княжества литовскаго*, а затѣмъ приказано производить изъ доходовъ края пенсіи лицамъ, церквамъ и монастырямъ, которые ранѣе получали таковыя изъ королевскихъ въ Литвѣ доходовъ. Этою милостію воспользовались многіе враги Россіи.

На сколько дѣйствія католическаго духовенства были враждебны православію,—видно изъ того факта, что изъ населенія, присоединеннаго по тремъ раздѣламъ къ Россіи, 3.000,000 человекъ,

¹⁾ А. Виноградовъ, стр. 80.

²⁾ Тамъ же, стр. 81—82.

наслѣственно обращенные въ католичество и въ унию, снова возвратились въ православіе ¹⁾).

Изъ мѣстностей, населенныхъ частью русскимъ племенемъ, бѣлостокская область была присоединена въ Россіи по Тильзитскому миру 1807 г., а малороссійское населеніе холмской Руси въ 1815 году, вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ Россіи бывшаго царства польскаго.

Мы не упоминаемъ тутъ о восточной Галиціи, тоже населенной русскимъ племенемъ. Эта территорія жила много столѣтій совершенно обособленно отъ прочаго русскаго племени жизнью, и наши великіе князья и цари, добываясь объединенія русскаго племени, не подводили никогда Галицію подъ понятіе „*наша вотчина*“.

Такимъ образомъ, можно признать, что въ концѣ XVIII столѣтія (въ 1795 году) задача русской арміи по объединенію русскаго племени кровавымъ штурмомъ Праги была закончена.

Составъ и численность населенія въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Россіи по тремъ раздѣламъ Польши.

По тремъ раздѣламъ Польши при Екатеринѣ II Великой къ Россіи были присоединены земли, населенныя преимущественно русскимъ племенемъ, составлявшія съ древнихъ временъ русскіе удѣлы.

Въ настоящее время это присоединеніе составляетъ шесть губерній сѣверо-западнаго края, ковенскую, виленскую, витебскую, могилевскую, минскую и гродненскую, и двѣ губерніи юго-западнаго края—волынскую и подольскую.

Общее пространство этихъ земель составляетъ 377,000 квадратныхъ верстѣ, а населеніе, по послѣдней переписи, достигло 16.000,000 душъ ²⁾.

По различнымъ національностямъ это населеніе распределяется такъ:

Въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ:

Великороссовъ.	566,000 чел.
Малороссовъ	379,000 „
Бѣлороссовъ	5.446,000 „
Поляковъ	565,000 „
Литовцевъ и латышей	1.618,000 „
Нѣмцевъ, англичанъ	49,000 „
Евреевъ	1.414,000 „
Итого.	10.037,000 чел.

¹⁾ А. Виноградовъ, стр. 83—84.

²⁾ Приводимыя ниже цифровыя данныя взяты изъ 1) Общаго свода по имперіи результатовъ переписи, т. II, изд. 1905 г., 2) труда Д. Менделѣева „Къ познанію Россіи“, стр. 16—42 (изд. 1907 г.) и 3) изъ очерка „Еврейское землевладѣніе въ 1900 г“, изд. Мпн. Внутр. Дѣлъ 1901 г., стр. XVI—XXIII.

Въ двухъ юго-западныхъ губерніяхъ:

Великороссовъ	204,000 чел.
Малороссовъ.	4.538,000 „
Поляковъ	282,000 „
Нѣмцевъ	175,000 „
Евреевъ	795,000 „
Итого.	5.994,000 чел.

Отношеніе жителей разныхъ національностей къ общему числу ихъ будетъ:

	всего:	въ % ко всему населенію 8 губерній:
Русскихъ (великороссовъ, малороссовъ и бѣлороссовъ).	11.133,000 чел.	69,4
Поляковъ	847,000 „	5,3
Литовцевъ и латышей	1.618,000 „	10,1
Нѣмцевъ.	224,000 „	1,4
Евреевъ	2.209,000 „	13,8

Такимъ образомъ, русское племя въ присоединенной при Екатеринѣ II къ Россіи территоріи, составлявшее во второй половинѣ XVIII столѣтія главную часть населенія, сохранило и нынѣ, черезъ сто слишкомъ лѣтъ, свое господствующее по численности положеніе.

Во всей Россійской Имперіи, по послѣдней переписи, русское племя простиралось до 84.000,000 душъ, что составляетъ *два трети* всего населенія имперіи.

Изъ 8 разсматриваемыхъ губерній русское племя составляетъ: свыше 80% въ губерніяхъ моголевской, подольской и минской, свыше 70% въ губерніяхъ волынской и гродненской, свыше 60% въ губерніяхъ витебской и виленской.

Польское населеніе въ этихъ 8 губерніяхъ составляетъ нынѣ только 5,3% и лишь въ бѣлостокскомъ уѣздѣ гродненской губерніи поляки численно господствуютъ надъ другими народами; но во всей гродненской губерніи ихъ лишь 10,1%, въ ковенской 9,1%, въ виленской—8,2%, въ волынской—6,9%; въ витебской же, минской и подольской губерніяхъ поляковъ всего отъ 2 до 3,4%.

Литовцы и латыши, составляя 10,1% на все населеніе въ 8 губерніяхъ, даютъ въ ковенской губерніи двѣ трети всего населенія. Ихъ также довольно значительное число въ губерніяхъ виленской и витебской, но въ остальныхъ губерніяхъ число ихъ очень незначительно.

Нѣмцы, составляя въ 8 губерніяхъ всего 1,4%, наиболѣе сосредоточились въ волынской губерніи, гдѣ ихъ 5,7% всего населенія и они заняли почти сплошными селеніями нѣкоторыя мѣстности въ этой губерніи, важныя въ военномъ отношеніи,

Евреи въ европейской Россіи всего проживаетъ 3.714,000 чел., что даетъ до 4% на все населеніе. Поэтому въ 8 разсматриваемыхъ губерніяхъ число проживающихъ евреевъ выше средней нормы болѣе чѣмъ въ три раза. Въ особенности великъ процентъ евреевъ въ гродненской губерніи—17,4% (въ городахъ этой губерніи 57%), въ минской—16% (въ городахъ 58%) и въ ковенской—13,7% (въ городахъ 43%).

Въ религіозномъ отношеніи заслуживаетъ вниманія, что изъ 6,391,000 бѣлоруссовъ, малоруссовъ и великоруссовъ шести сѣверо-западныхъ губерній только 5.348,000 чел. исповѣдуютъ православную вѣру (со старообрядцами). Польское владычество надъ бѣлорусскимъ населеніемъ очевидно и понынѣ оставило глубокой слѣдъ: среди православныхъ русскихъ сѣверо-западнаго края не досчитывается одинъ миллионъ душъ потомковъ принявшихъ и обращенныхъ насильно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ въ католичество. Въ двухъ губерніяхъ юго-западнаго края до 200,000 русскихъ тоже не исповѣдуютъ православной вѣры.

Въ отношеніи числа обучавшихся грамотѣ въ низшихъ школахъ населеніе 6 сѣверо-западныхъ губерній находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ населеніе коренныхъ русскихъ губерній.

Во всей европейской Россіи на 128.000,000 населенія число обучавшихся грамотѣ составляетъ 25.000,000 душъ, что даетъ въ среднемъ 20%. Между тѣмъ, въ 6 сѣверо-западныхъ губерніяхъ на 10.063,000 душъ обучалось грамотѣ 2.536,000 чел., что даетъ 25%. Но въ волынской и подольской губерніяхъ процентъ обучавшихся грамотѣ ниже средняго.

Относительно имущественнаго обезпеченія населенія въ трудѣ Менделѣева „Къ познанію Россіи“ приведены слѣдующія данныя:

Въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ изъ всей земли приходится на одну душу 2,8 десятины.

Въ подольской губерніи 1,3 десятины.

Въ волынской „ 2,2 „

Обезпеченіе землею въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ выше чѣмъ въ подмосковскихъ губерніяхъ, гдѣ на душу приходится всего 2,5 десятины и ниже губерній верхне-вожскихъ, гдѣ приходится на душу 3,4 десятины.

Относительно распредѣленія земельныхъ угодій между различными національностями у меня не имѣется свѣдѣній, за исключеніемъ еврейскаго землепользованія. Извѣстно лишь, что польское населеніе въ разсматриваемомъ районѣ хотя и незначительно по численности, но по владѣнію земельными участками занимаетъ первое мѣсто.

Что касается еврейскаго землевладѣнія, то оно особенно велико

въ волынской губерніи, гдѣ евреи владѣютъ, на правѣ собственности, 42,000 десятинъ и арендуютъ 68,000 десятинъ, и въ губерніи минской, гдѣ они владѣютъ на правѣ собственности 37,000 десятинъ и арендуютъ 455,000 десятинъ.

Всѣ восемь разсматриваемыхъ губерній числятся въ чертѣ еврейской осѣдлости. Во всѣхъ 15 губерніяхъ въ чертѣ еврейской осѣдлости находится въ рукахъ евреевъ:

Лавокъ	25,6 ⁰ / ₀
Мельницъ	30,7 ⁰ / ₀
Фабрикъ и заводовъ	9,7 ⁰ / ₀
Кузницъ	3,2 ⁰ / ₀
Молочныхъ фермъ	5 ⁰ / ₀
Огородовъ и садовъ	23 ⁰ / ₀

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что великорусское племя, усиліями котораго присоединены къ Россіи восемь разсматриваемыхъ губерній, очень мало воспользовалось этими мѣстностями для улучшенія своего положенія. Великороссовъ всего 770,000 чел. въ восьми губерніяхъ, что даетъ 4,8⁰/₀ всего населенія. Но все же нынѣ въ этихъ губерніяхъ даже великороссовъ болѣе, чѣмъ поляковъ.

Хотя бѣлорусское и малороссійское племена, вмѣстѣ съ великорусскимъ, и составляютъ до 70% всего населенія, но и нынѣ еще требуется усиленная охрана этого населенія отъ эксплуатаціи его польскимъ, нѣмецкимъ и еврейскимъ племенами. Не смотря на малочисленность, въ этихъ 8 губерніяхъ экономически господствуютъ поляки и евреи. Требуется также особо внимательное наблюденіе и за нѣмецкими колоніями волынской губерніи, имѣющими несомнѣнно политическое и военное значеніе. Дарованное этимъ колонистамъ германскимъ правительствомъ право, принимая русское подданство, оставаться въ то же время и германскими подданными, лучше всего указываетъ, чего мы можемъ ожидать отъ этого населенія, если бы, вопреки разуму, возникла война между Германіею и Россіею.

Не смотря на незначительность польскаго населенія, оно своимъ отношеніемъ ко всему русскому и православному не заслужило къ себѣ довѣрія и расположенія въ русскомъ населеніи и у правительственной власти.

Правительство съ опасеніемъ относилось къ польскому вліянію какъ въ сѣверо-западныхъ, такъ и въ юго-западныхъ губерніяхъ. Недовѣріе къ польскому элементу, составляющему 5,3⁰/₀ всего населенія, и неумѣнье обезвредить польское населеніе, сливъ его во едино съ русскимъ, повели къ тому, что 94,7⁰/₀ всего остального населенія въ 8 разсматриваемыхъ губерніяхъ были лишены даже слабой хозяйственной самостоятельности, предоставленной земскими учрежденіями губерніямъ внутренней Россіи.

Составленный 10 лѣтъ тому назадъ проектъ земскаго устройства въ нѣкоторыхъ изъ этихъ 8 губерній сохранилъ характеръ недовѣрія. Въмѣсто предоставленія веденія мѣстнаго хозяйства лицамъ, выбраннымъ самимъ населеніемъ, министры Сипягинъ и Плеве стремились посадить своихъ чиновниковъ. Они опасались, что при выборномъ началѣ земская власть попадетъ въ польскія руки, что послужитъ не къ улучшенію, а къ ухудшенію положенія въ этихъ губерніяхъ русскаго населенія.

Мѣстное, особенно бѣлорусское, население въ еще большей мѣрѣ нуждалось въ охранѣ правительственной власти отъ еврейской кабалы. Но до послѣдняго времени евреи въ политическомъ отношеніи признавались болѣе благонадежными, чѣмъ поляки. Поэтому, при умѣнши евреямъ обходить законы и находить защиту не только среди чиновъ низшей администраціи, но и на верхнихъ ступеняхъ власти,—еврей во многихъ русскихъ мѣстностяхъ разсматриваемаго района стали всесильны. Еще недавно въ волынской губерніи даже войсковыя части попадали въ кабалу къ евреямъ, не допускавшимъ во многихъ городахъ къ поставкѣ въ войска мяса, къ открытію пекарень, мелочныхъ лавокъ и пр. лицъ русскаго происхожденія.

Если, при поддержкѣ военнаго начальства, тотъ или другой русскій предприниматель начиналъ, напр., ставить въ войска мясо, евреи дружно добивались, чтобы начатое имъ дѣло оказывалось для него невыгоднымъ. Не останавливались при этомъ передъ угрозами или уплатою отступного.

Вышеприведенныя цифровыя данныя въ особенности ясно доказываютъ, что восемь губерній, территоріи которыхъ были присоединены къ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія, стали *русскими губерніями*, нераздѣльно связанными съ единою Россіею. Уже одно незначительное число поляковъ (5,3%), проживающихъ нынѣ въ этихъ губерніяхъ, указываетъ, на сколько неосновательны и несбыточны мечты нѣкоторыхъ польскихъ патріотовъ вновь создать польское государство „отъ моря и до моря“, со включеніемъ и этихъ 8 губерній въ составъ его.

Но чтобы помочь русскому племени въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Россіи въ XVIII столѣтіи, необходимо это племя поставить главенствующимъ въ этихъ мѣстностяхъ не только по числу, но и по правамъ. Нынѣ права побѣжденныхъ—поляковъ, евреевъ, нѣмцевъ, финновъ и другихъ не только равны правамъ представителей русскаго племени, но въ отдѣльныхъ случаяхъ даже превосходятъ таковыя.

К о н е ц ъ I - й ч а с т и .

СХЕМА № 6.

Наступленіе царя Алексѣя Михайловича въ Польскую войну въ 1642г.

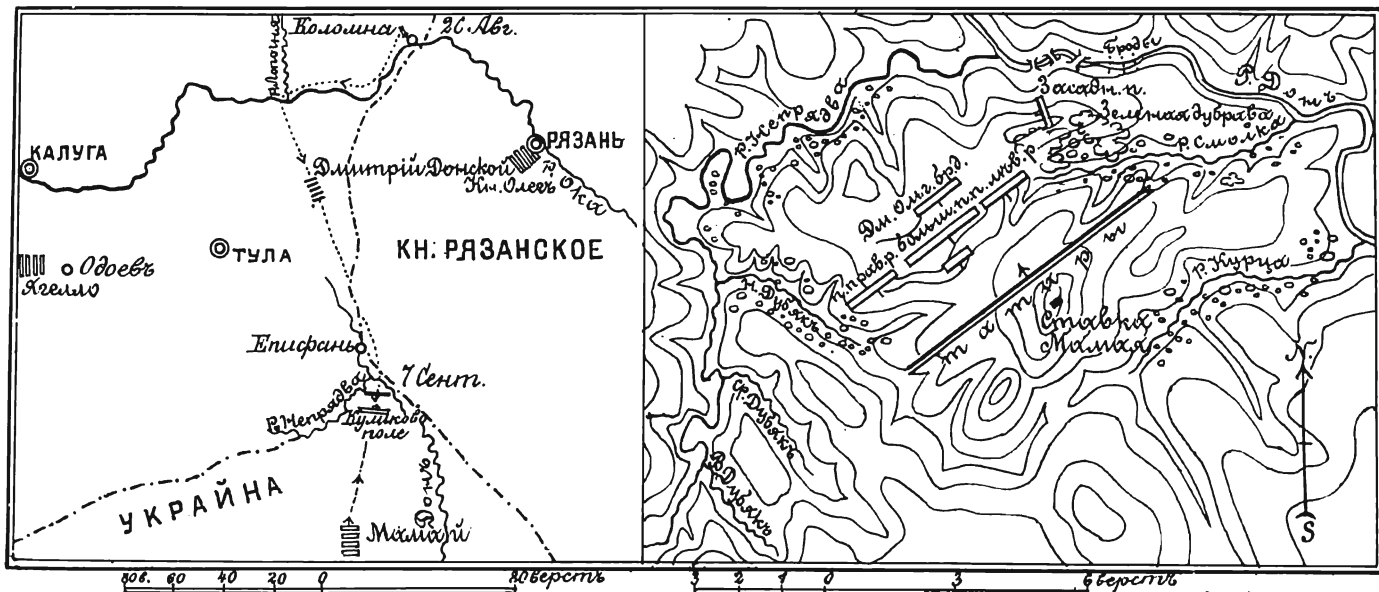
Изъ Озвора войны, М. 4-

СХЕМА №2.

НАСТУПЛЕНИЯ ДИМИТРИЯ ДОНСКОГО ВЪ 1380Г.

СХЕМА №3

къ Куликовской битвѣ 8 сентября 1380г.

Изъ Обзоръ войны, М. 4.

СХЕМА № 5.

НАСТУПЛЕНІЕ ІОАННА ІV КЪ КАЗАНИ ВЪ 1552 ГОДУ

Царь Обзоръ войнъ, М. Ч.

СХЕМА № 7.

Походъ къ Голыцѣ въ 1687 и 1689 г.г.

100 50 0 100 верстъ

Изъ Озвора войны, т. 4.

СХЕМА №1.

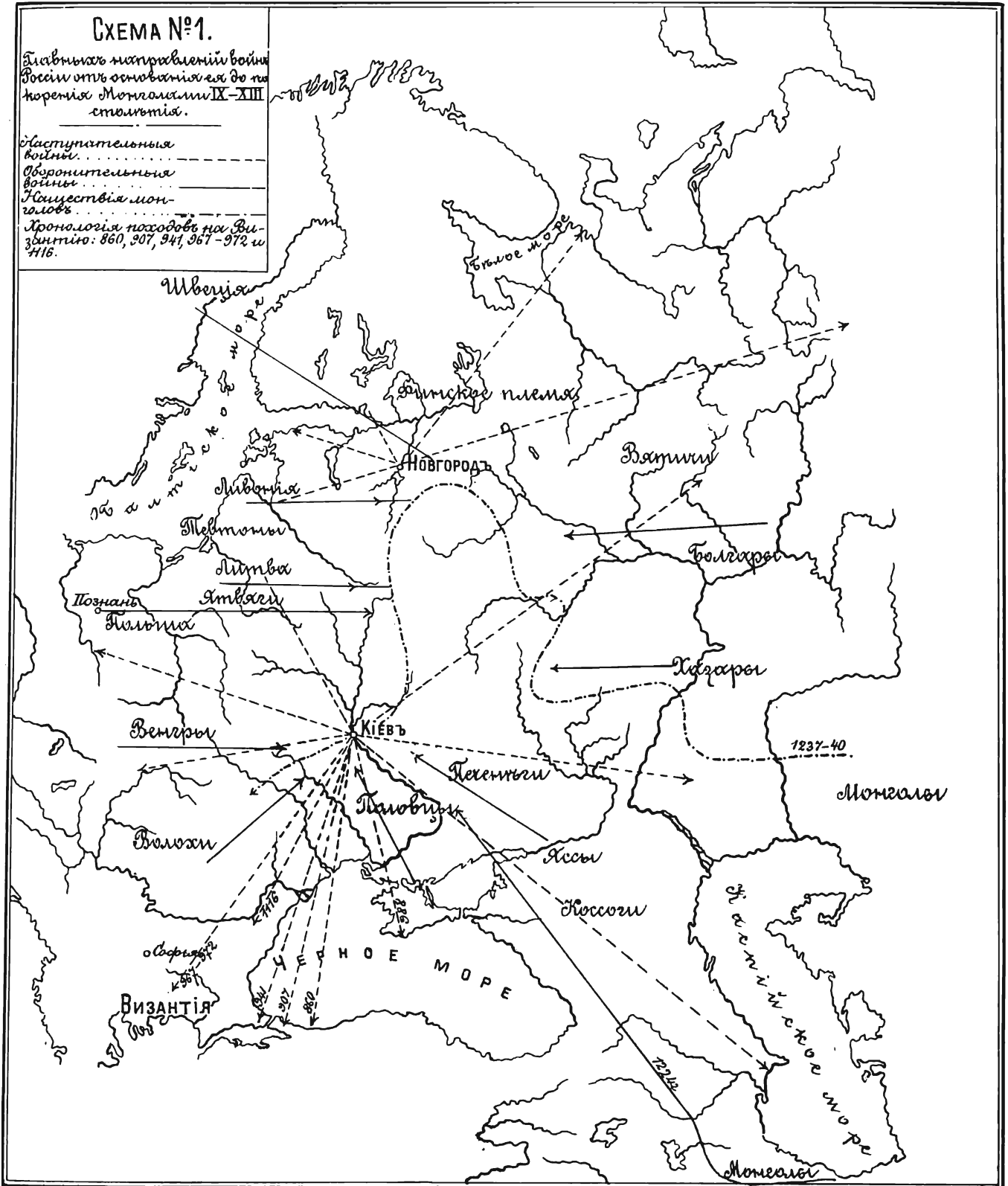
Главные направления войны
России отъ основания ея до по-
корения Монголами IX-XIII
столетія.

Наступательныя
войны.

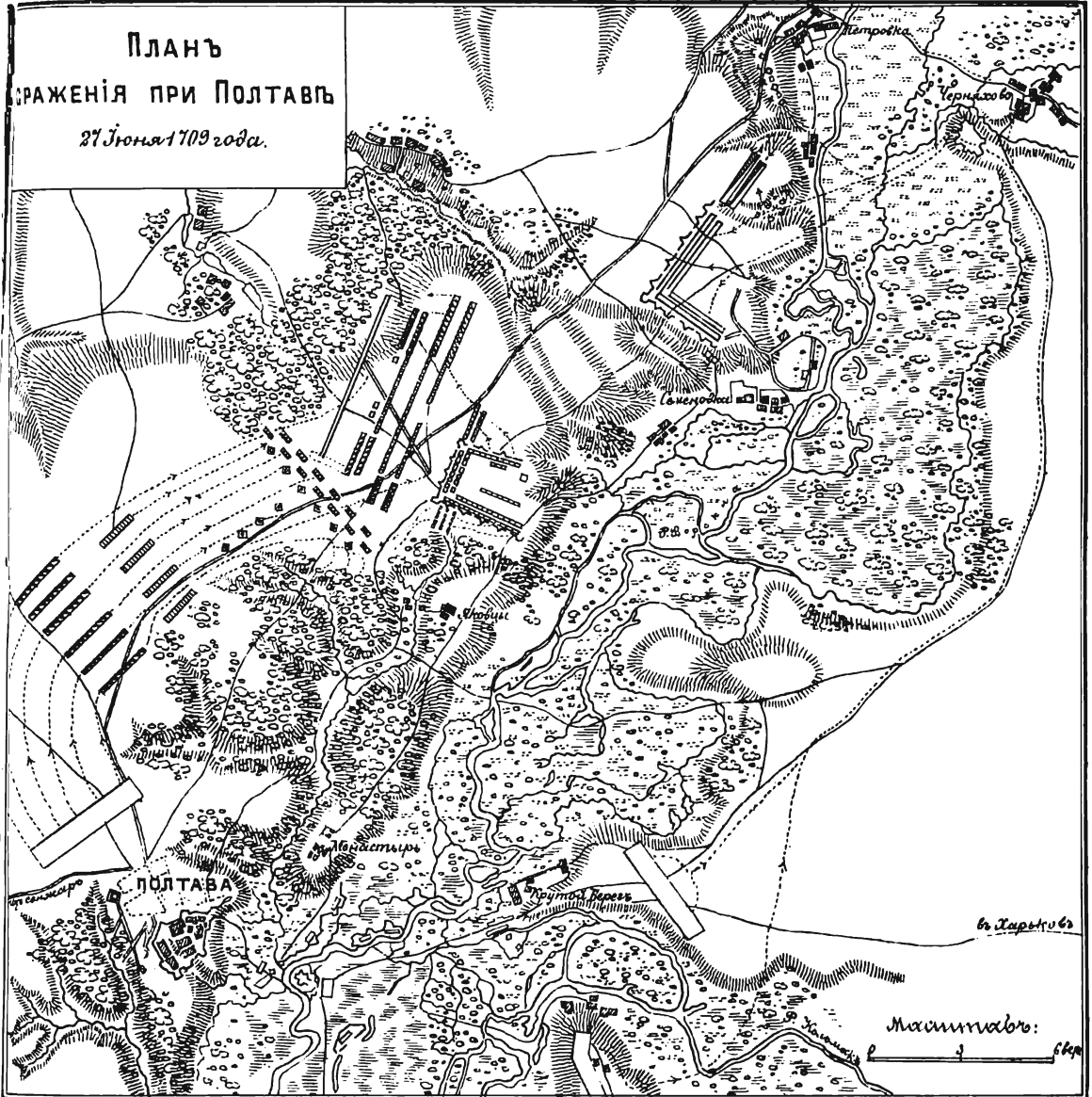
Оборонительныя
войны.

Насущества мон-
головъ

Хронологія походовъ на Ви-
зантию: 860, 907, 941, 967-972 и
1116.

Изъ Обзора войнъ, т. 4.

Изъ Обзора войны, М. 1.

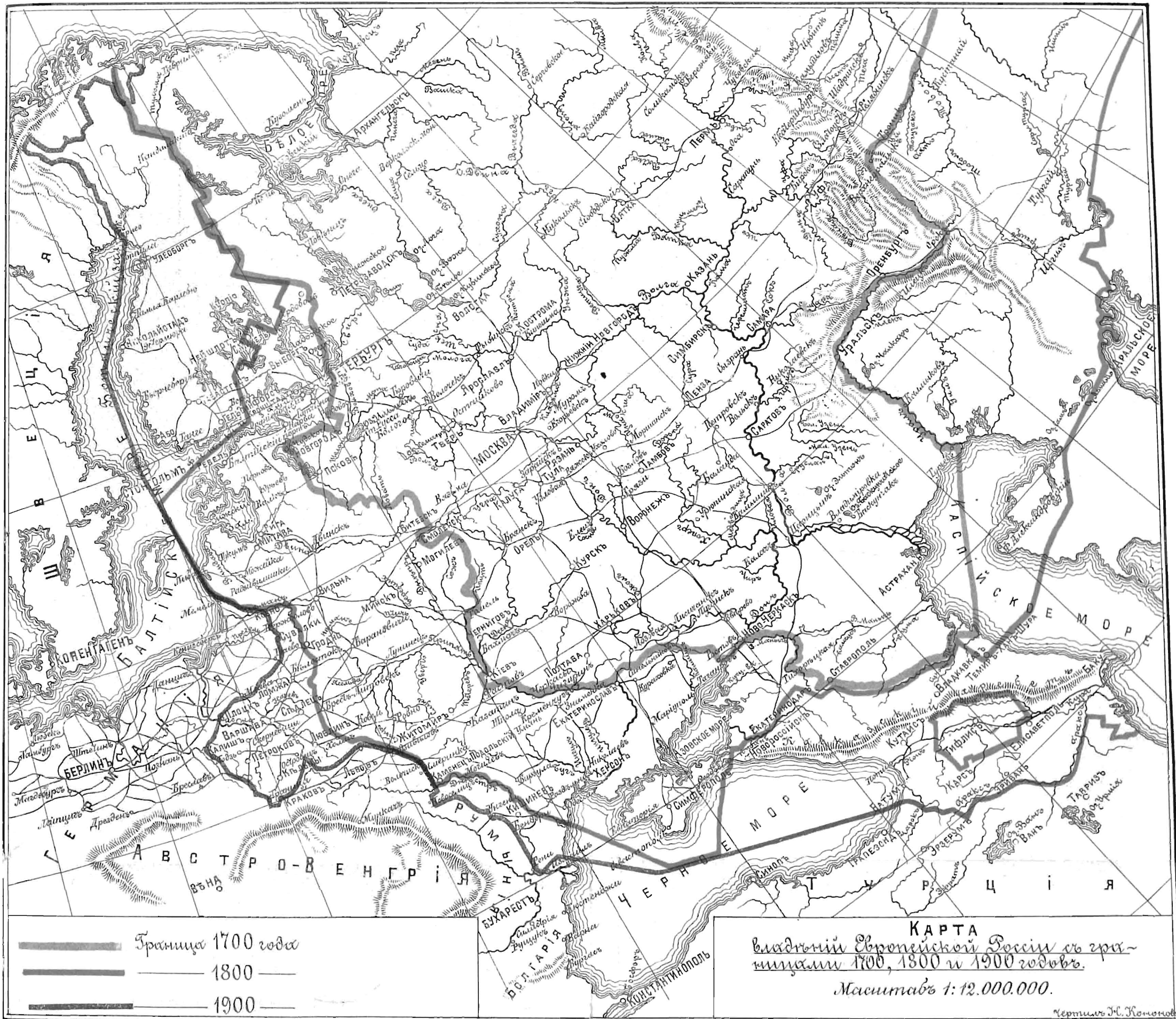
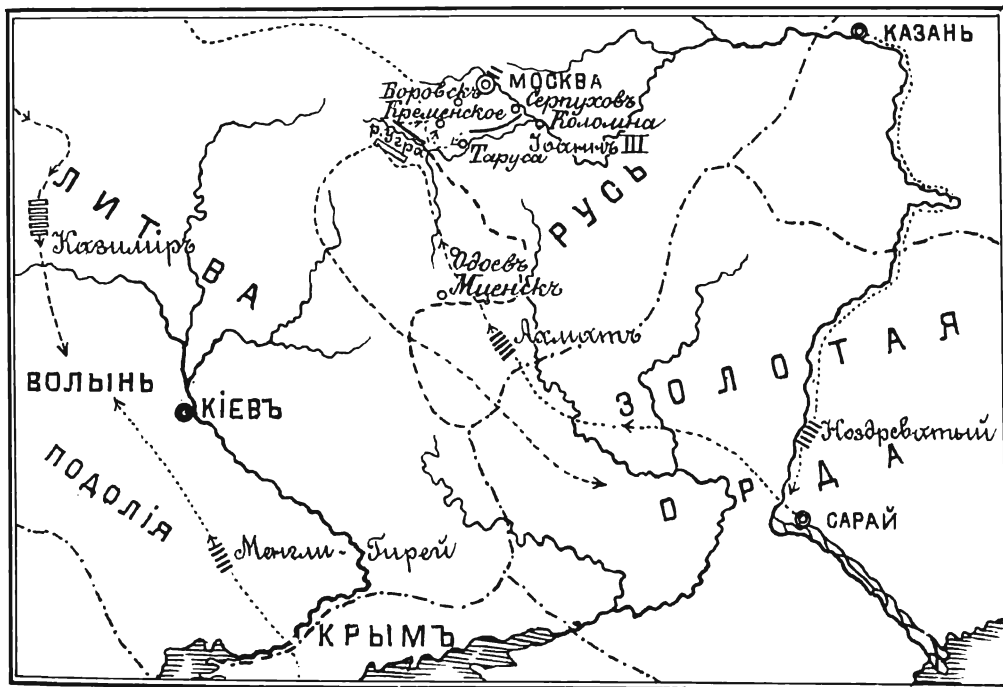
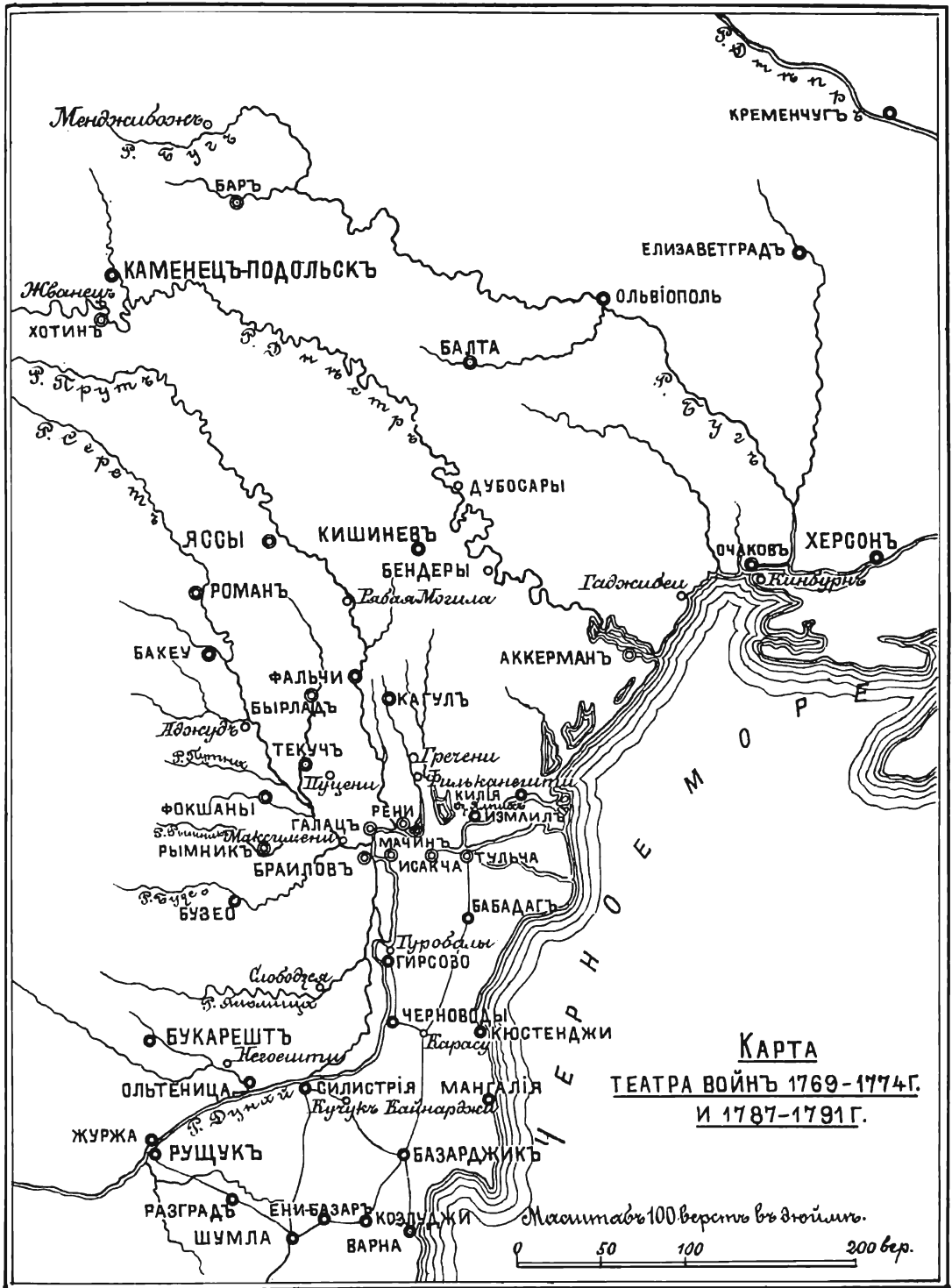

СХЕМА №4.
Дѣйствій Іоанна III въ 1480 году.

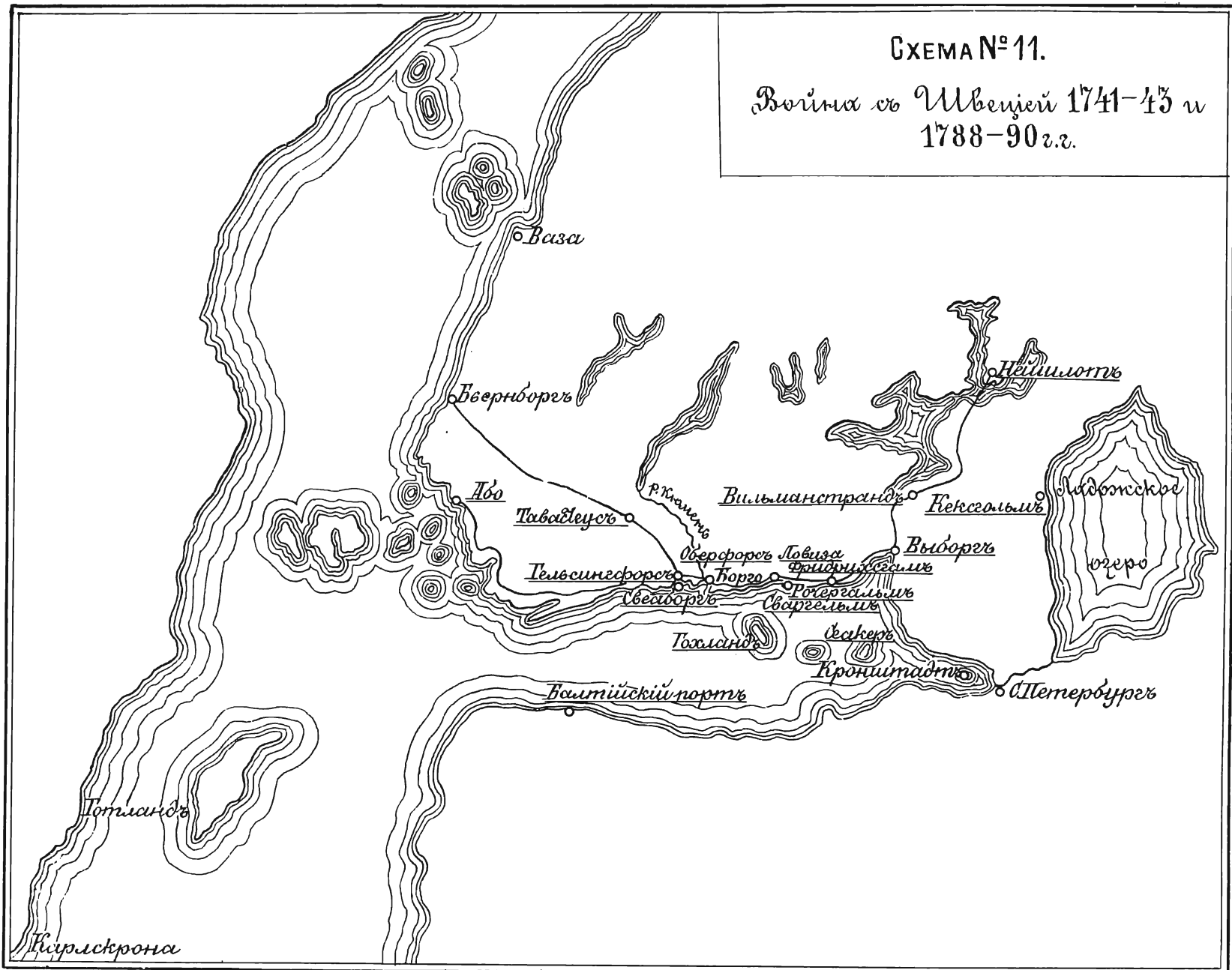
Масштабъ 1/15.000.000 Изъ Озвора войнъ, т. 4.

Изъ Обзора войнъ, т. 4.

СХЕМА № 11.

Война с Швецией 1741-43 и
1788-90 г.г.

Изъ Обзора войны, т. 4.

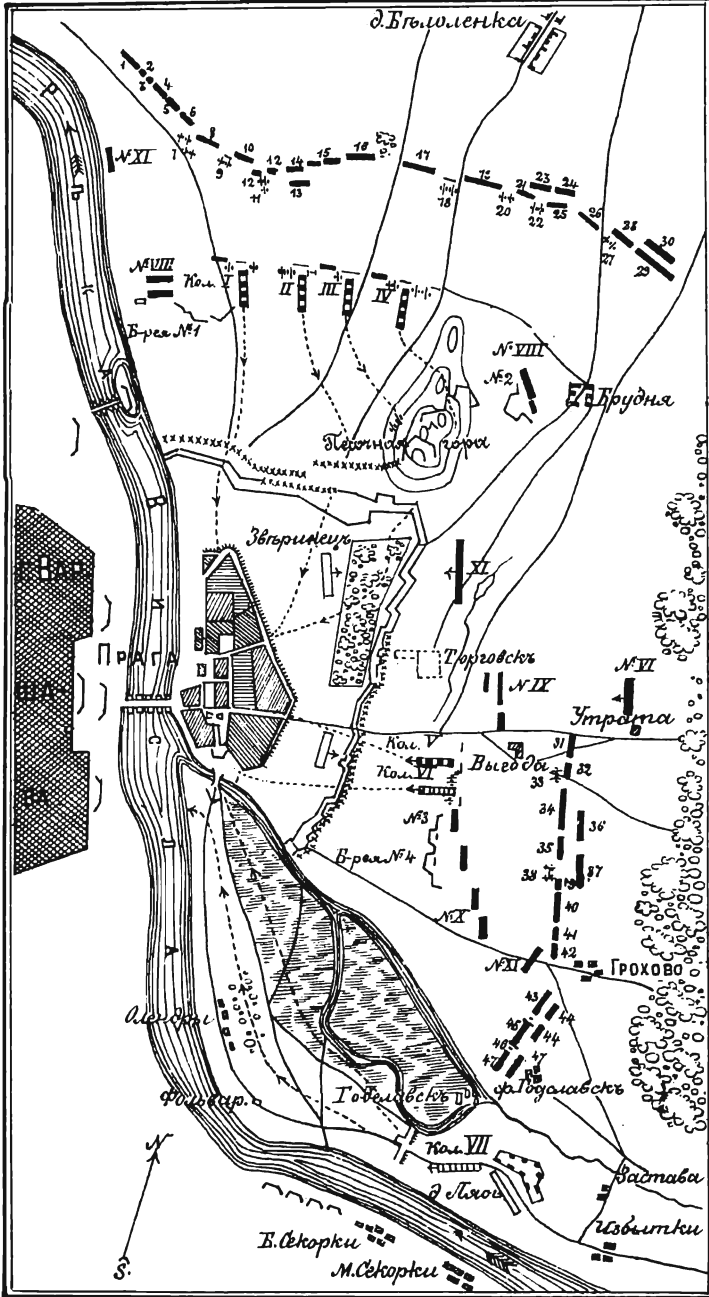

Изъ Обзора войны, М. К.

Къ штурму ПРАГИ.

24 ОКТЯБРЯ 1794г.

Карта опер. прил. №15.

Объясненіе къ

- № 1-й Русская батарея 22 оруд.
- № 2-й " " " 18 "
- № 3-й " " " 18 "
- № 4-й " " " 20 "
- № 1—VII Русскія войска во время штурма.
- № I Колонна Ласси. } Г. П. Дер-
- № II " Кн. Лобанова . } фельдент.
- № III " Ислепевъ. } Г. П. П.
- № IV " Бузгеводовъ. } Потемкина.
- № V " Тормасовъ } Г. Пр. Фер-
- № VI " Рахмановъ } зовъ.
- № VII " Денисова.
- № VIII Конница Пол. Подьянова } Г. П. Ше-
- № IX " Бриг. Боровскаго } анчъ.
- № X " Пол. Собурова
- № XI Казаки.

1-я дивизія ген.-пор. Дерфельдена.

1. Княбурскій драг.
 2. Сѣверскій вараб.
 3. Софійскій.
 4. Кіевскій кон. егер.
 5. Тульскій мушкат.
 6. Пинзскій.
 7. Батарея полевой артм. (6 орудій).
 8. Фавагорійскій грена.
 9. Батарея полевой артм. (10 орудій).
 10. Апшеронскій мушкат.
 11. Батарея полевой артм. (6 орудій).
 12. Баталіонъ Ляфлиндскихъ егерей.
 13. Черноморскіе казаки.
 14. Баталіонъ Бѣлорусскихъ егерей.
 15. " Ляфлиндскихъ
 16. Мариупольскій легко-конный.
- Название полковъ корпуса подъ начальствомъ гр. А. В. Суворова-Рымнинскаго.

2-я дивизія ген.-пор. Павла Потемкина.

17. Смоленскій драгун.
18. Батарея полевой артм. (4 орудія).
19. Херсонскій гренад. полкъ.
20. Батарея полевой артм. (4 орудія).
21. Смоленскій мушкат.
22. Батарея полевой артм. (4 орудія).
23. Черниговскій кабар.
24. Глуховской.
25. Азовскій мушкат.
26. Рязскій мушкат.
27. Батарея полевой артм. (4 орудія).
28. Александрійскій легко-конный.
29. Переяславскій козако-егорскій.
30. Ольвипольскій гусар.

3-я дивизія ген.-пор. Ферзена.

31. Воронежскій гусар.
32. Баталіонъ Екатеринославскихъ егерей ■ баталіонъ сформированъ изъ грена. ротъ.
33. Батарея полевой артм. (20 орудій).
34. Дѣпровскій мушкат.
35. Курскій мушкат.
36. Новгородскій мушкат.
37. Сибирскій грена.
38. Батарея полевой артм. (18 орудій).
39. Баталіонъ сформированъ изъ грена. ротъ.
40. Ахтырскій легко-конный.
41. Баталіонъ Екатеринославскихъ егерей.
42. Воронежскіе гусары.
43. Колодецскій мушкат.
44. Баталіонъ Екатеринославскихъ егерей.
45. Батарея полевой артм.
46. Углицкій мушкат.
47. Елисаветградскій козако-егорскій.

Изъ Обзора войны, № 4.

ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Завоеваніе Туркменіи (походъ въ Ахаль-Теке въ 1880—1881 гг.). Съ очеркомъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азійи съ 1839 по 1876 г. Съ картами, планами и рисунками. Спб., 1896 г. 2 р.

Алжирія. Военно-статистическій очеркъ страны. Письма изъ Алжиріи. Пища войскъ въ Алжиріи. Постоянный верблюжій обозъ. Спб., 1877 г. . 2 р.

Кашгарія. Историческо-географическій очеркъ страны; ея военныя силы, промышленность и торговля. Съ картою сѣверной части Восточнаго Туркестана. Спб., 1879 г. *Распродано.*

Дѣйствія отрядовъ генер. Скобелева въ Русско-Турецкую войну 1877—1878 гг. Ловча и Плевна. Съ картою и планами. Части I и II. Спб., 1885 г. *Распродано.*

Туркменія и туркмены. Съ картою. Спб., 1879 г. *Распродано.*

Очерки Кашгаріи. Спб., 1878 г. *Распродано.*

Очеркъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азійи съ 1839 по 1876 г. и походъ въ Ахаль-Теке въ 1881—1882 гг. Книга вторая части третьей „Обзора войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней“. Изд. 1889 г. *Распродано.*

